IZVESTIJA OTDELENIJA RUSSKAGO JAZYKA I SLOVESNOSTI IMPERATORSKOJ AKADEMII NAUK

XIV/1909
3/4

1965



AKADEMISCHE DRUCK- u. VERLAGSANSTALT

GRAZ - AUSTRIA

Photomechanischer Nachdruck der
Akademischen Druck- u. Verlagsanstalt
Graz / Austria

Printed in Austria
74.65

„Кіевская“ лѣтопись Супрасльскаго сборника.

(Къ вопросу о смоленскомъ лѣтописаніи).

Подъ неправильнымъ названіемъ «Кіевской» извѣстна въ ученой литературѣ лѣтопись, составляющая вторую часть Супрасльскаго сборника, изданнаго въ Москвѣ въ 1836 г. кн. М. А. Оболенскимъ подъ заглавіемъ: «Супрасльская лѣтопись, содержащая Новгородскую и Кіевскую сокращенныя лѣтописи». Рукопись эта хранится въ библіотекѣ Московскаго главн. архива М. Ин. Д. подъ № 21/26.

Изданіе кн. Оболенскаго, отличаясь большой точностью въ воспроизведеніи текста рукописи, могло бы замѣнить самую рукопись, если бы было снабжено *точнымъ же* ея описаніемъ. Къ сожалѣнію, описаніе, напечатанное издателемъ, страдаетъ существенными пробѣлами, благодаря чему выводы относительно рукописи безъ личнаго съ ней знакомства становятся едва ли возможными. Наше знакомство съ рукописью показало намъ слѣдующее.

Рукопись библіотеки Моск. гл. архива М. Ин. Д. № 21/26 заключена въ бумажный переплетъ и содержитъ 75 бумажныхъ листовъ въ большую четверку, исписанныхъ разными почерками, изъ которыхъ древнѣйшій и основной—полууставъ начала XVI в. Впереди текста рукописи вклеены два письма, подписанныхъ митрополитомъ Евгеніемъ и обращенныхъ къ А. Ѳ. Малиновскому, одно съ просьбой прислать (въ Кіевъ) Кіевскую лѣтопись, «на которую ссылались Татищевъ и Карамзинъ», а другое—препроводительное при возвращеніи рукописи, съ краткой оцѣнкой ея содержанія. Послѣднее письмо помѣчено 13 іюля 1829 г. Затѣмъ

на листѣ между переплетомъ и текстомъ рукописи почеркомъ конца XVIII или начала XIX в. написано: «Кіевская лѣтопись отъ пришествія Славянъ по 7025 (отъ Р. Х. 1517) годъ непрерывно продолжающаяся, старинного письма на 75 листахъ. Внесена въ библіотеку Государственной Колльегіи иностранныхъ дѣлъ Моск. архива Колльлежскимъ ассесоромъ Алексѣемъ Малиновскимъ». На оборотѣ этого листа тѣмъ же почеркомъ: «Лѣтописецъ Кіевскій». Далѣе слѣдуютъ нумерованные арабскими цифрами 75 листовъ рукописи, за которыми, тѣмъ же порядкомъ, что и письма митрополита Евгенія, вклеено письмо Калайдовича къ Малиновскому, содержащее описаніе рукописи и характеристику ея содержанія и помѣченное 12 ноября 1824 г. Это письмо Калайдовича, почти безъ всякихъ измѣненій, напечатано кн. Оболенскимъ въ «Описаніи рукописей», позади текста изданнаго имъ Супр. сборника; почему-то однако имя Калайдовича даже не упомянуто.

Содержаніе рукописи слѣдующее.

Лл. 1—59 об. содержатъ лѣтопись, озаглавленную: «Початокъ рꙋскои земли како придоша словане плѣмани аѳетова. и сѣли на роускои земли по рѣкамъ. то ес лѣтописец киевскіи. и всее роуское земли, и полское, и литвани». Она обрывается на полуфразѣ сказанія 1382 г. о разореніи Москвы Тохтамышемъ: «храмины их наполнены всакого добра» (л. 59 об.) и ведетъ свое происхожденіе, вмѣстѣ со списками: Толст. № 189, Синод. № 154 и Виленскимъ (т. XVI П. С. Р. Л.) отъ лѣтописи Авраамки (Шахматовъ).

Лл. 59 об.—71 об. заполнены весьма краткой лѣтописью, доведенной до 1515 г. Она озаглавлена: «Начало роускых кнзеи роускаго княженьа» (л. 59 об.). Послѣднее ея извѣстіе — о взятіи Смоленска Василіемъ III, отнесенное къ 1515 г. (л. 71 об.). Лѣтопись эта неправильно называется Карамзинымъ, Калайдовичемъ (въ упомянутомъ выше письмѣ къ Малиновскому), а за ними и кн. Оболенскимъ, Кіевской. Одинъ только митрополитъ Евгеній, во второмъ изъ упомянутыхъ выше писемъ, характеризуя всю рукопись, отмѣчаетъ, что «кіевскихъ произшествій» въ ней очень мало. «Я думаю», продолжаетъ онъ, «что она Кіевскою названа можетъ быть потому, что въ Кіевѣ найдена». — На л. 71 об. написаны всего $4\frac{1}{2}$ строки. Остальная часть страницы оста-

лена была бѣлой, но впослѣдствіи (въ XVIII в.) приписано внизу страницы: «О тебе радуется, благодатная, всякая тварь» и проч.

Лл. 72—74 об. Вверху листа 72 читается приписка крупнымъ полууставомъ, зачеркнутая крестообразными чертами: «к тым тетратем четырем царством. мает приложити шесть тетратеи как боудеть вязатѣ. порожних неписаных скараксаных про запас. на лѣтописець. ѿ доски. заднее». Непосредственно за этимъ читаемъ описаніе Оршинскаго боя и похвалу гетману Константину Острожскому, принадлежащія перу неизвѣстнаго сторонника Острожскаго. На томъ же об. л. 74, гдѣ кончается похвала, есть приписка 1543 г. о посѣщеніи королемъ Сигизмундомъ Августомъ Супрасльской обители.

Окончаніе л. 74 об. и л. 75 заполнены позднѣйшей припиской бѣлорусскимъ почеркомъ, не имѣющей значенія.

О почеркахъ рукописи № 21/26 можно сказать слѣдующее: л. 1—71 об. (обѣ лѣтописи) писаны одной рукой, полууставомъ XVI в.[1]); лл. 72—74 об. (описаніе битвы подъ Оршой и похвала Острожскому)—особымъ, болѣе мелкимъ, чѣмъ первый, полууставомъ; приписка о посѣщеніи королемъ Сигизмундомъ-Августомъ Супрасльской обители—третьимъ почеркомъ, тоже полууставомъ.

Врядъ ли можно сомнѣваться въ оригинальности послѣдней приписки[2]). Основываясь на ней, Калайдовичъ пишетъ[3]): «Можно догады-

1) С. А. Бѣлокуровъ, въ письмѣ къ проф. И. А. Линниченкѣ по поводу интересующей насъ рукописи, отмѣчаетъ «иное письмо», начиная съ об. 59 л. (съ того мѣста, гдѣ начинается «Кіевская» лѣтопись), но самъ же признаетъ, что отличіе новаго почерка отъ предыдущаго весьма незначительно: «Быть можетъ, то же лицо писало, но новымъ орудіемъ».

2) Приводимъ ее цѣликомъ: «В лѣто ѿ начала мирꙋ 7052-е, индиктиѡна 2, сентемврия мсца 16, в недѣлю на памят великомчиц Евѳимии всехвалное, Жакгимоунтъ Авгꙋстъ, корол Полскыи, великии князь Литовскыи и иных панствъ гсдрь и дѣдич, короля Жикгимꙋнтов снъ и Казимира Ѡкгаиловича внꙋк, бысть в домꙋ Бци ѡбители Сꙋпрасльское съ многыми велможами своими, церковнаго ради и мѣстная видения и молебнаго пѣния, въ стои пресвѣтлои црквѝ Бци ѿ начала даже и до конца слꙋшавъ и внꙋтрь свтилища, сиреч ѡлтаря был, и на свтои трапезе свтых евангелия и чстных крстовъ и всех сосꙋдов сщенных ѡгладев, и по монастырю походив и в трапезницы был и мастинꙋ вбогым дав, и абие паки во свои со вмиленіемъ и кротостию, Бцꙋ благодарьствꙋя, со всеми иже ѡ нем возвратися».

3) Цитирую упомянутое выше письмо Малиновскому.

ваться: не въ семъ ли монастырѣ[1]) (пропущенномъ въ Іерархіи и, кажется, находившемся близъ Чернигова) *сочинена и написана* (курсивъ нашъ В. А.) Кіевская лѣтопись». Кн. Оболенскій, въ остальномъ копирующій письмо Калайдовича, въ этомъ мѣстѣ измѣняетъ своему оригиналу и пишетъ: «Можно догадываться, что напечатанная здѣсь рукопись *находилась* (курсивъ нашъ В. А.) нѣкогда въ Супрасльскомъ Грекоуніатскомъ монастырѣ (въ 2-хъ миляхъ отъ Бѣлостока[2])». Что рукопись *находилась* въ Супрасльскомъ монастырѣ, въ этомъ врядъ ли можно сомнѣваться. Вопросъ же о времени и мѣстѣ ея написанія, конечно, особый. Онъ рѣшается лишь анализомъ содержанія «Кіевской» лѣтописи описанной выше рукописи. Обращаясь къ нему, мы имѣемъ также въ виду опредѣлить источники «Кіевской» лѣтописи.

Занимая всего только лл. 59 об. — 71 об. всей рукописи, «Кіевская» лѣтопись представляется намъ сложнымъ по составу своему литературнымъ памятникомъ. Въ немъ соединено, какъ намъ кажется, не менѣе двухъ литературныхъ элементовъ: съ одной стороны, весьма краткая выборка лѣтописныхъ извѣстій изъ какого-то списка, повидимому, Новгр. 4-ой лѣтописи, съ другой, — интересныя по подробностямъ и живости изложенія волынскія записи, переплетенныя съ выборкой (гг. 1491 — 1498). Оканчивается «Кіевская» лѣтопись записью 1515 года о взятіи Смоленска Василіемъ Московскимъ. Между 1500 годомъ и этой записью 1515 г. читаются три записи: 1449 (царь Турецкій Магметъ взялъ Царьградъ), 1482 (взятіе Кіева царемъ Перекопскимъ Минъ-Кгиреемъ) и 1491 (преставленіе короля Казимира Якгейловича). Вся «Кіевская» лѣтопись отъ начала (862 г.) и до 1515 г. включительно писана однимъ почеркомъ, тѣмъ самымъ, которымъ писана и первая часть Супрасльскаго сборника (Сокращенная Новг. лѣтопись). Это обстоятельство нѣсколько затрудняетъ задачу выдѣленія составныхъ частей интересующей насъ лѣтописи и указанія отдѣльныхъ фазъ жизни всей рукописи. Тѣмъ не менѣе въ «Кіевской» лѣтописи сохранились довольно ясные слѣды ея сложнаго содержанія. Посмотримъ сначала, что представляетъ собой лѣтописная выборка «Кіев.» лѣтописи.

1) Т. е. Супрасльскомъ.

2) Изд. Оболонскаго, стр. 158.

Внимательное сопоставленіе ея съ извѣстными въ печати списками Новг. 4-ой лѣтописи, а также со спискомъ этой же лѣтописи, хранящимся въ библіотекѣ Новороссійскаго университета подъ № 81 [1]), показываетъ, что какой-то списокъ Новг. 4-ой былъ главнымъ, если не единственнымъ, ея источникомъ. Списокъ этотъ въ значительной мѣрѣ опредѣлилъ ея содержаніе. Тѣмъ не менѣе нельзя не замѣтить, что содержаніе лѣтописной выборки «Кіевск.» лѣтописи вертится вокругъ Смоленска и его отношеній къ Литвѣ и Москвѣ. Въ виду этого мы рѣшаемся признать выборку «Кіевской» лѣтописи *Смоленской*. Для убѣдительности считаемъ необходимымъ привести краткій обзоръ содержанія ея.

Выборка извѣстій изъ Пов. вр. л. какъ бы связываетъ исторію Смоленска съ общерусской и лишь въ этой мѣрѣ интересуетъ составителя. Поэтому онъ опускаетъ этнографическое введеніе въ Пов. вр. л. и начинаетъ свою лѣтопись прямо съ призванія варяговъ, да и объ этомъ событіи даетъ краткую, даже схематичную, выписку: «В лѣто 6370 избраша от нѣмець 3 брата с роды своими: Рюрикъ сѣде в Новѣгородѣ, а Синеусъ братъ его на Бѣлѣозерѣ, а Труворь въ Изборьскѣ. И от тых Варягъ прозвашас Русь, по томужь зовется Русская земля». Упомянувъ затѣмъ подъ 866 г. о нападеніи Аскольда и Дира, «Рюриковых боярь», на Царьградъ, составитель выборки продолжаетъ: «Въ Рюрика же быс снъ Игорь, воевода же у Игоря Олегъ, снъ же быс у Игоря Стславъ легъкый, быс же въ Стслава два сна: Владимеръ, Ярополкъ». Ясно, что составитель нуждается, въ родословной схемѣ для связи главнаго содержанія своей выборки съ общерусской исторіей.

И дѣйствительно, за приведенными словами слѣдуетъ упоминаніе о началѣ княженія Владимира (980 г.), при чемъ перечисляются 12 сыновей его. За этимъ читается краткое упоминаніе о крещеніи Владимиромъ Русской земли, послѣ чего составитель, сообщая подъ 1015 г. о смерти Владимира, приводитъ подъ тѣмъ же годомъ родословную таблицу русскихъ князей послѣ Владимира, согласную съ той, которая читается,

---

1) Часть, обнимающая Повѣсть врем. лѣтъ, при печатаніи Новг. 4-ой лѣтописи, какъ извѣстно, опущена издателями. Поэтому выписки изъ Пов. вр. лѣтъ въ «Кіевской» лѣтописи мы сравнивали съ Новорос. № 81 спискомъ.

въ спискахъ Новг. 4-ой. Въ спискѣ Новороссійскаго университета № 81 родословная эта доведена до Ивана II Ивановича. Въ выборкѣ она продолжена до Дмитрія-внука. Выписавъ далѣе изъ своего источника нѣсколько весьма краткихъ замѣтокъ [1]), составитель выборки записываетъ подъ 1055 г.: «Нача княжити въ Киевѣ Изяславъ Ярославич и *Вячеславъ в Смоленьску*. При сих быс Феодосiй Печерьскыи». Уже въ этой записи мы замѣчаемъ тяготѣніе составителя выборки къ Смоленской исторіи. Списки Новгород. 4-ой упоминаютъ подъ этимъ годомъ всѣхъ сыновей Ярослава, а не одного только Изяслава съ Вячеславомъ (Ср. Новорос. № 81, стр. 194). Затѣмъ слѣдуетъ рядъ выписокъ, въ которыхъ нельзя замѣтить никакой тенденціи. Онѣ обнимаютъ съ перерывами годы 1061—1095 [2]). Далѣе, подъ 1100 г., упоминается *о заложеніи Владимиромъ Мономахомъ церкви Св. Богородицы въ Смоленскѣ* и о знаменіи на небеси. Затѣмъ опять слѣдуетъ нѣсколько замѣтокъ безразличнаго содержанія (1104—1125 гг.) [3]).

Послѣ 1125 г. читаемъ выписку *о заложеніи церкви каменной «Бориса и Глѣба въ Смоленьсиѣ на Смядыни»* (подъ 1145 г.). За этимъ составитель выборки выписываетъ подъ рядъ три извѣстія *о Ростиславѣ Мстиславичѣ Смоленскомъ:* подъ 1154 о сѣденіи его на княженіи великомъ; подъ 1155—объ отправленіи Ростислава въ Смоленскъ и посаженіи сыновей, Святослава и Давида, въ Новгородѣ и

---

1) 1028 г. — о знаменіи зміевомъ; 1045—о заложеніи Владимиромъ Ярославичемъ Св. Софіи въ Новгородѣ; 1052 — о преставленіи Владимира Яросл. и о началѣ Печер. монастыря отъ Антонія; 1054—о преставленіи Ярослава.

2) 1061—первое нахожденіе половцевъ; 1065 — знаменіе небесное, чудо въ Сѣтомлѣ и вообще о знаменіяхъ; 1074 — преставленіе Антонія и Феодосія Печерскихъ; 1088—о знаменіи въ солнцѣ и о паденіи змія за Вышгородомъ; 1089—о перенесеніи мощей Св. Николы изъ Мура въ Барьградъ; 1090—объ освященіи церкви Печерской; 1091 — о перенесеніи мощей Феодосія изъ пещеры въ церковь; 1092—о чудѣ въ Полоцкѣ; 1094—о саранчѣ; 1095—еще о саранчѣ.

3) 1104—о знаменіи въ солнцѣ; 1108—о знаменіи въ Печерскомъ монастырѣ; 1114 — начало вел. княженія Владимира Мономаха; 1124 — о пожарѣ въ Кіевѣ; 1125—о преставленіи Мономаха и вокняженіи Мстислава. Можетъ быть не безъ намѣренія выборка не проходитъ мимо Владимира Мономаха и сына его Мстислава, имѣя въ виду упоминаемаго ниже нѣсколько разъ Ростислава Мстиславича Смоленскаго.

Торжкѣ[1]); подъ 1165 (Новг. 4-ая и др.—подъ 1168)—о преставленіи Ростислава. Упомянувъ затѣмъ о взятіи Кіева подъ 1166 г., составитель вслѣдъ за этимъ выписываетъ извѣстіе 1177 г. о плѣненіи, ослѣпленіи и исцѣленіи князей Ярополка и Мстислава *въ церкви Смоленской св. Бориса и Глѣба* (на Смядыни). Далѣе слѣдуютъ годы: 1192 (знаменіе веліе на небеси), 1204 (взяша Латыня Црьград) и 1224 (бой на Калкѣ). За этимъ выписано извѣстіе 1230 г. *о преставленіи кн. Смоленскаго Мстислава Давидовича,* о землетрясеніи и затменіи солнца и *о построеніи 4 скудельницъ въ Смоленскѣ* (по случаю голода). Слѣдующія 4 замѣтки очень кратки и безразличнаго содержанія: 1237 г. (нахожденіе Батыя), 1240 (взятіе Кіева и Ледовое побоище), 1268 (Раковьское побоище, вм. Раковорское), 1327 (Щельковыщина, вм. Щелкановщина). Подъ 1341 годомъ, слѣдующимъ въ выборкѣ за 1327, составитель выписываетъ опять два извѣстія, касающіяся Смоленска: одно—о пожарѣ Смоленска, другое—объ осадѣ его Товлубіемъ. Подъ слѣдующимъ 1346 г. выписано впервые извѣстіе, касающееся Литвы: «приходил кнзь Литовьскыи к Новугороду». Дальше извѣстія западнорусскія и смоленскія рѣшительно преобладаютъ надъ общерусскими, хотя и послѣднія продолжаютъ выписываться въ очень краткой формѣ. Такъ подъ 1348 г. одно заглавіе: «Орѣховыщина». Подъ 1371 г.—о рожденіи у Димитрія Ивановича сына Василія. Подъ 1372 болѣе обстоятельная выписка о войнѣ тверского князя въ союзѣ съ Кейстутомъ противъ Москвы («кнзь Михаило Тферьскыи подвелъ рать Литовьскую втаи» и пр.). Подъ 1377 г. довольно полно читается о смерти Ольгерда, его братьяхъ и сыновьяхъ. Бою на Піанѣ рѣкѣ и Донскому побоищу посвящены очень краткія замѣтки подъ 1378 и 1380 гг. Болѣе обстоятельно говорится въ выборкѣ о мятежѣ въ Литвѣ и убіеніи Кейстута. Подъ 1382 г. данъ экстрактъ сказанія о разореніи Москвы Тохтамышемъ. Дальше на промежуткѣ 1386—1405 гг. составитель выборки довольно внимательно слѣдитъ за борьбой Смоленска съ Литвой: подъ 1386 г. говоритъ о боѣ Литвы съ смольнянами подъ Мстиславлемъ; подъ 1395—

---

[1] Подъ этимъ же годомъ кратко—о заложеніи кн. Андреемъ Богол. церкви Св. Богородицы во Владимирѣ.

о взятіи Витовтомъ Смоленска; подъ 1401—о принятіи смольнянами своего князя Юрія и объ осадѣ города Витовтомъ; подъ 1403—о взятіи Семеномъ Ольгердовичемъ Смоленскаго города Вязьмы; подъ 1404 и 1405 г. о двукратной осадѣ Смоленска Витовтомъ и о концѣ его независимости. Среди этихъ извѣстій есть нѣсколько краткихъ выписокъ, не связанныхъ прямо съ именемъ г. Смоленска, но имѣющихъ иногда отношеніе къ смоленской исторіи. Напр., вступленіе Витовта на великое княженіе (1393 г.) и бой его съ Темиръ-Котлуемъ (1399 г.)[1]. Послѣ 1405 г. и до конца «Кіевской» лѣтописи, хотя и имѣются нѣкоторыя замѣтки о Смоленскѣ или о событіяхъ такъ или иначе связанныхъ съ его исторіей, но обнаружить по нимъ спеціальную тенденцію въ составителѣ выборки, пожалуй, невозможно. Краткія выписки общерусскаго содержанія постепенно замѣняются волынскими записями, весьма подробными и совершенно оригинальными (лл. 66—70 об.).

Приведенный обзоръ самъ по себѣ можетъ показаться мало убѣдительнымъ при рѣшеніи вопроса о происхожденіи лѣтописной выборки «Кіев.» лѣтописи. Дѣйствительно, не-смоленскихъ выписокъ въ ней гораздо больше смоленскихъ. Но нужно имѣть въ виду 1°, что источникомъ выборки была не смоленская лѣтопись, а списокъ Новг. 4-ой лѣтописи, какъ извѣстно, общерусскаго содержанія. 2°, что составителю выборки необходимо было связать исторію Смоленска съ общерусской. 3°. Нельзя также не обратить вниманія, что выписки общерусскаго характера, и вообще не-смоленскаго содержанія, отличаются, — если не считать извѣстій о знаменіяхъ, къ которымъ составитель питаетъ особую склонность,— совершенной краткостью, такъ что отъ многихъ статей источника (списка Новг. 4-ой) остаются *одни заглавія*[2]. Если бы составитель имѣлъ въ виду выписать, напр., важнѣйшія событія общерусской исторіи, то, разумѣется, не ограничился бы одними заглавіями относительно такихъ со-

1) Кромѣ того, кратко упоминается о походѣ Дмитрія Ивановича на Новгородъ (1386), о началѣ княженія Василія Дмитріевича (1390) и о морѣ въ Новгородѣ (1390).

2) Укажемъ на годы: 1237 (нахожденіе Батыя), 1240 (взятіе Кіева и Ледовое побоище), 1268 (Раковьское побоище, вм. Раковорское), 1327 (Щельковщина), 1348 (Орѣховьщина), 1378 (бой за Піаной), 1380 (побоище на Дону) и др.

бытій, о которыхъ въ его источникѣ читались пространныя сказанія (см. выноску). 4°. Съ другой стороны, въ умѣ составителя исторія Смоленска, безъ сомнѣнія, связывались съ лицами, географическими пунктами и событіями сосѣднихъ съ Смоленскомъ политическихъ организацій.

Но кромѣ косвенныхъ, есть и прямыя соображенія, заставляющія насъ признать разсматриваемую лѣтописную выборку смоленской. Внимательное изученіе выписокъ, связанныхъ съ именемъ Смоленска, сравнительно съ Новг. 4-ой, показываетъ, что составитель выборки позволялъ себѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ поправки, дополненія и сокращенія текста своего источника съ цѣлью удобнѣйшаго выдѣленія изъ него именно извѣстій о Смоленскѣ.

Такъ, мы имѣли уже случай указать, что подъ 1055 г. составитель выборки отмѣтилъ начало княженія Изяслава въ Кіевѣ и *Вячеслава въ Смоленскѣ*, хотя въ его источникѣ названы всѣ сыновья Ярослава. Конечно не случайно выдѣлены имъ изъ сложнаго лѣтописнаго разсказа извѣстія о Ростиславѣ Мстиславичѣ подъ 1154, 1155 и 1165 гг. Послѣднее извѣстіе (1165 г.) читается въ спискахъ Новг. 4-ой такъ: «Преставися Ростиславъ Мьстиславичь, марта 21, княживъ въ Кыевѣ 9 лѣтъ». Въ выборкѣ эта замѣтка расчленена вставкой послѣ имени князя слѣдующихъ словъ: «Сіи Ростиславь Мстиславьлич нарчень въ стомь крещеніи Михаилъ, внукь Владимера Мономаха, стую Бцю строилъ въ Смоленьсцѣ». Намъ не удалось найти источника этой вставки ни въ одномъ изъ извѣстныхъ лѣтописныхъ сводовъ. Только въ Ипат. есть имя Михаила (т. II, 95, П. С. Р. Л.). Но о построеніи Ростиславомъ церкви въ Смоленскѣ мы не нашли нигдѣ даже намека. Повидимому, разсматриваемая вставка не читалась въ источникѣ выборки, спискѣ Новг. 4-ой лѣтописи. Въ такомъ случаѣ мы должны приписать ее дополнительному, спеціальному источнику составителя выборки. Выписка 1177 г. объ исцѣленіи въ Смоленскѣ ослѣпленныхъ князей, Мстислава и Ярополка, есть часть (конецъ) разсказа о борьбѣ Мстислава Ростиславича и др. князей съ Всеволодомъ Суздальскимъ, какъ объ этомъ читается въ спискахъ Новг. 4-ой. Повидимому, составитель нашей выборки взялъ изъ своего источника лишь то, что было связано съ именемъ Смоленска. По-

добное же отношеніе къ своему источнику мы замѣчаемъ у него и въ выпискѣ 1230 г. о сотвореніи въ Смоленскѣ 4 скудельницъ по случаю голода: въ спискахъ Новг. 4-ой подъ этимъ же годомъ говорится и о голодѣ въ Новгородѣ, при чемъ переходъ къ разсказу о смоленскомъ голодѣ («а въ Смоленьску сътворища 4 скуделници») показываетъ, что въ Новг. 4-ой мы имѣемъ дѣло съ цѣльнымъ разсказомъ, а не двумя независимыми замѣтками. Такимъ образомъ мы и на этомъ примѣрѣ наблюдаемъ, какъ составитель выборки старался брать изъ своего источника лишь то, что имѣло отношеніе къ Смоленску. Отмѣтимъ тутъ же, что выборка расходится съ Новг. 4-ой въ опредѣленіи количества мертвыхъ въ 4-ой скудельницѣ: по Новг. 4-ой — 9000, согласно выборкѣ — «9 сотъ». Повидимому, разногласіе это не случайно и не можетъ объясняться опиской, но врядъ ли восходитъ и къ списку Новг. 4-ой, служившему источникомъ выборки. Правда, ту же цифру (9 сотъ) мы находимъ и въ лѣтописи, занимающей первую половину Супрасльскаго сборника (сходн. съ Синод. № 154 спискомъ); но въ этомъ случаѣ мы склонны скорѣе предположить поправку руки, переписавшей послѣ 1515 г. весь Супр. сборникъ, чѣмъ допустить, что цифра «9 сотъ» читалась въ общемъ источникѣ обѣихъ частей сборника, спискѣ Новг. 4-ой лѣтописи. Ибо Синод. № 154 списокъ, *очень близкій* къ экземпляру, съ котораго списана Сокращ. Новгор. лѣтопись Супр. сборника, даетъ цифру 9.000, согласно съ Виленскимъ спискомъ (лѣтоп. Авр.) и извѣстными намъ списками Новг. 4-ой (печатная ред. и Новорос. № 81). — Извѣстіе 1341 г. объ осадѣ Смоленска Товлубіемъ въ выборкѣ читается въ значительно сокращенномъ, сравнительно съ Новг. 4-ой, видѣ. Но характернѣе всего, что сокращеніе повело къ замѣтному и едва ли случайному измѣненію смысла извѣстія. А именно, въ спискахъ Новг. 4-ой лѣтописи мы читаемъ, какъ Товлубій, отпущенный изъ орды царемъ къ Смоленску, соединившись съ вспомогательной ратью московскаго князя, осадилъ Смоленскъ: «и стоявше рать у Смоленска *немного* дній, отступи вся прочь, а города не взяша, *милостію Божіею и святыя Богородицы съблюдеся вся рать Русская, ничимъ же невережена бысть*». Въ выборкѣ же послѣ сокращенія получилось вотъ что: «и стоя (Товлубій подъ Смоленскомъ) *много* дній, *а града не възя, молитвами стыя*

Бил»[1]). Выборка отступаетъ отъ Новгор. 4-ой также и въ перечнѣ сыновей Ольгерда (подъ 1377 г.): она упоминаетъ кн. Семена и кн. Кербута «другого», которыхъ нѣтъ въ спискахъ Новг. 4-ой лѣтописи. Вмѣсто нихъ тамъ читается имя Коригайла, такъ что въ общемъ въ Новг. 4-ой упомянуто 11 именъ, а въ выборкѣ—12. Замѣчательно, что и въ этомъ случаѣ (какъ и въ цифрѣ мертвыхъ въ 4-ой скудельницѣ подъ 1230 г.) «Кіевская» лѣтопись сходится съ Сокращенной новгородской лѣтописью, занимающей первую половину Супрасльскаго сборника и сходной съ Синод. № 154 спискомъ. Въ ней также названо 12 именъ, изъ нихъ 2 Кербута и Семенъ. По тѣмъ же соображеніямъ, какія высказаны выше по поводу выписки 1230 г., мы относимъ поправку выборки, сравнительно со списками Новг. 4-ой, на счетъ составителя выборки, а поправку въ первой части Супр. сборника—на счетъ лица, переписавшаго весь сборникъ. Можетъ быть, составителю выборки принадлежитъ и поправка къ извѣстію Новг. 4-ой о боѣ Витовта съ Темиръ-Котлуемъ (1399 г.): давая экстрактъ сказанія Новг. 4-ой, составитель въ то же время сообщаетъ намъ обстоятельство, котораго нѣтъ ни въ Новг. 4-ой лѣтописи, ни въ другихъ лѣтописныхъ сводахъ, будто «Витовтъ бѣгуся ятъ». Затѣмъ, въ выпискѣ 1401 г. читаемъ, что смольняне «намѣстника Витовтова кнзя Романа убиша Брянског, *кишку бо с хлѣбомъ елъ»*. Подчеркнутыхъ словъ мы не нашли ни въ одномъ изъ извѣстныхъ лѣтописныхъ сводовъ. Повидимому, надо отнести ихъ на счетъ составителя выборки. Отмѣтимъ также, что въ извѣстіи 1434 г. о поставленіи въ Смоленскѣ новгородскаго архіепископа Евѳимія составитель выборки, для опредѣленія времени, прибавилъ: «при великом князи Литовском Швитригайлѣ». Этой приписки нѣтъ ни въ Новг. 4-ой, ни въ другихъ лѣтописныхъ сводахъ.

Изъ приведеннаго перечня внесенныхъ составителемъ выборки поправокъ къ тексту основного своего источника, списка Новг. 4-ой лѣтописи, мы видимъ, что всѣ онѣ сосредоточиваются вокругъ г. Смоленска.

---

1) М. б. въ первоначальномъ видѣ извѣстіе о Товлубіи имѣло именно этотъ смыслъ; но источникомъ выборки была не первоначальная запись, а текстъ Новг. 4-ой лѣтописи.

Выписка 1377 г. съ перечнемъ сыновей Ольгерда, сохранившимъ, повидимому, слѣдъ руки составителя выборки, хотя и не связана съ именемъ Смоленска, но несомнѣнно могла вызывать къ себѣ интересъ смольнянина по той роли, которую играли сыновья Ольгерда въ послѣдніе дни смоленской независимости. Именно этимъ можно объяснить вставку въ перечень сыновей Ольгерда имени Семена, который участвовалъ въ двухъ послѣднихъ осадахъ Смоленска литовскими войсками, какъ о томъ сообщаетъ и выборка. Составитель послѣдней не догадался однако, что Семенъ и Лугвень одно и то же лицо, и на основаніи собственнаго же источника, списка Новг. 4-ой, въ которомъ этотъ сынъ Ольгерда фигурируетъ то подъ однимъ, то подъ другимъ своимъ именемъ, внесъ поправку въ перечень.

Въ виду всего вышеизложеннаго врядъ ли мы можемъ сомнѣваться въ томъ, что разсматриваемая лѣтописная выборка является *смоленской* и принадлежитъ *смольнянину*. Однако для характеристики источниковъ Смоленской выборки мы считаемъ необходимымъ отмѣтить еще нѣкоторые случаи, когда выборка расходится съ извѣстными намъ списками Новг. 4-ой лѣтописи. Случаи эти, не обнаруживая умышленныхъ поправокъ къ тексту основного источника выборки (Новг. 4-ой), могутъ однако служить для его характеристики или вызывать предположеніе о дополнительномъ къ нему источникѣ.

Подъ 980 г. въ Смоленской выборкѣ, въ числѣ сыновей Владиміра, упомянуты Позвиздъ и Судиславъ, которыхъ мы не нашли въ Новорос. № 81 спискѣ. Врядъ ли однако возможно сомнѣніе, что оба имени читались въ Новг. 4-ой [1]). Начало Печерскому монастырю отъ Антонія въ выборкѣ помѣщено подъ 1052 г., а въ Новор. № 81—подъ 1051 [2]).

---

1) Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ подъ руками другихъ списковъ Новг. 4-ой лѣтописи (печатный текстъ начинается съ 1113 г.). Оба имени однако читаются въ Уваров. спискѣ западно-русской лѣтописи (т. XVII П. С. Р. Л.), отразившемъ Новг. 4-ую. Есть эти имена и въ родословныхъ таблицахъ сборника Авраамки (т. XVI П. С. Р. Л.).

2) Но въ Соф. 1-ой (т. V, стр. 138) подъ 1052. По соображеніямъ А. А. Шахматова, Соф. 1-ая и Новг. 4-ая восходятъ къ общему протографу; весьма поэтому возможно, что въ спискѣ Новг. 4-ой, служившемъ источникомъ выборки, стоялъ 1052 годъ.

Извѣстія о преставленіи Антонія, о перенесеніи мощей Св. Николы въ Баръ, объ освященіи церкви Печерской отнесены въ выборкѣ соотвѣтственно къ 1074, 1089 и 1090, а въ Новор. № 81 спискѣ—къ 1073, 1088 и 1089. Отправленіе Ростислава Мстиславича въ Смоленскъ отнесено въ выборкѣ къ 1155, а въ Новг. 4-ой—къ 1158 (въ Соф. 1-ой къ 1157). Пожаръ Смоленска и осада его Товлубіемъ помѣчены: въ выборкѣ 1341, а въ Новг. 4-ой—1340[1]). Есть, наконецъ, въ выборкѣ нѣсколько выписокъ, текстъ которыхъ не можетъ быть возведенъ къ извѣстнымъ намъ спискамъ Новг. 4-ой. Это, во-первыхъ, извѣстіе 1415 г. о знаменіи, во-вторыхъ извѣстіе 1429 г. о нареченіи на владычество священноинока Евѳимія, въ-третьихъ запись 1461 года о преставленіи этого же Евѳимія и нѣкоторыя записи послѣ 1461 г. Часть этихъ послѣднихъ записей, какъ мы говорили, волынскаго происхожденія, но нѣкоторыя изъ нихъ могли быть заимствованы изъ списка Новг. 4-ой лѣтописи, служившаго источникомъ Смоленской выборки. Намъ однако не удалось найти ихъ *въ сходномъ съ выборкой изложеніи* ни въ Новг. 4-ой, ни въ другихъ лѣтописныхъ сводахъ[2]). Возможно, что онѣ составляли оригинальную часть списка-источника выборки. Во всякомъ случаѣ въ выборкѣ есть двѣ записи (1415 и 1429 гг.) *до 1441 г.*, которыя изложены несходно съ Новг. 4-ой.

Замѣтка о знаменіи 1415 года въ выборкѣ читается такъ: «мсца іюня 7 тма быс въ 3 час дне и пріидоша до получаса и пакы млсрдый Гь свѣт намъ дарова». Въ Новг. 4-ой, согласно указанію ред. IV т. П. С. Р. Л., читается текстъ Коммиссіоннаго списка и сход. Новг. 1-ой. «Иде вода возводъ; и повоеваша татарове Елетьскую землю; и Москва выгорѣ и Смолненскъ; *и бысть знаменіе въ солнци мѣсяца іюня въ 7*». Невозможно сомнѣваться, что текстъ Ком. и сходн. спи-

---

1) Вѣроятно, всѣ эти хронологич. разнорѣчія примирялись въ томъ спискѣ Новг. 4-ой лѣтописи, который послужилъ источникомъ выборки.

2) Приводимъ тѣ изъ записей выборки послѣ 1441 г., которыя, по нашему предположенію, могли читаться въ спискѣ Новг. 4-ой, служившемъ источникомъ выборки: кромѣ записи 1461 о преставленіи Евѳимія (см. въ текстѣ), запись 1453 о взятіи Царяграда царемъ Турскимъ, 1483—о взятіи Кіева перекопскими татарами, 1485—о взятіи Твери московскимъ княземъ, 1489—о преставленіи Іоанна Молодого.

сковъ представляетъ въ этой части сокращеніе какого-то болѣе пространнаго текста. Однако, предшествовала ли краткой замѣткѣ о знаменіи въ Новг. 1-ой именно та распространенная редакція, которая читается въ выборкѣ, рѣшительно утверждать мы не беремся, тѣмъ болѣе, что и порядокъ извѣстій 1415 г. въ выборкѣ не тожественъ съ Новг. 4-ой: пожаръ Москвы и Смоленска въ выборкѣ *слѣдуетъ за* замѣткой о знаменіи, а въ Новг. 4-ой, какъ мы видѣли, порядокъ обратный [1]).

Также не можетъ быть возведено къ Новг. 4-ой и извѣстіе выборки подъ 1429 г. о нареченіи на владычество священноинока Евѳимія.

Мы исчерпали всѣ достойныя вниманія разночтенія Смоленской выборки съ Новгород. 4-ой. Позволительно спросить теперь, даютъ ли эти разночтенія право предполагать подъ руками составителя Смол. выборки другой письменный источникъ, кромѣ списка Новг. 4-ой? Раньше чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, напомнимъ вкратцѣ важнѣйшіе случаи, гдѣ сказалась рука составителя Смоленской выборки: 1) подробность о построеніи Ростиславомъ Мстиславичемъ церкви Св. Богородицы въ Смоленскѣ, 2) имена Кербута и Семена въ перечнѣ сыновей Ольгерда подъ 1377 г., 3) поправка о мнимомъ плѣненіи Витовта въ бою на Ворсклѣ, 4) подробность о причинѣ убіенія Витовтова намѣстника кн. Романа Брянскаго (кишку бо с хлѣбом елъ), 5) цифра «9 сотъ» вм. 9000 въ извѣстіи 1230 г. и 6) записи 1415 и 1429 гг., о которыхъ мы выше говорили (о знаменіи и о нареченіи на владычество Евѳимія). Въ общемъ, надо сознаться, поправки составителя Смол. выборки не могутъ быть названы значительными, но обойти ихъ молчаніемъ невозможно. Замѣ-

1) Въ лѣтописи Авраамки (т. XVI П. С. Р. Л.), въ которой отразился, по мнѣнію А. А. Шахматова, Хроногр. списокъ Новг. 4-ой (Новг. 5-ая), извѣстіе о знаменіи читается въ изложеніи, несходномъ ни съ выборкой, ни со списками Новг. 4-ой, въ томъ числѣ и Хронографическимъ (если вѣрить печатному изданію), а именно: къ замѣткѣ Новг. 4-ой прибавлены слова: «мракъ акы зеленъ, и друга возлѣ одва видѣти, начася, како обѣдню пѣли». Вообще въ лѣтописныхъ сводахъ наблюдается большое разнообразіе въ изложеніи этого извѣстія. Въ Соѳ. 1-ой (V, 259) особая ред.; въ Соѳ. 2-ой (VI, 140) особая; въ Супр. и Никиѳ. спискахъ зап.-рус. л—си (XVII, 56)—особая; въ Воскр. (VIII, 87—88) тоже не похожая на др. своды; въ Никон. сходно съ лѣт. Авр.

тимъ, что записи 1415 и 1429 гг. не касаются Смоленска, при чемъ вторая (о нареченіи на владычество Евѳимія), несомнѣнно, новгородская. Правдоподобно, что первая (1415 г.), читающаяся въ Новг. 1-ой, того же происхожденія. Было бы маловѣроятно предположеніе, что онѣ взяты изъ того же источника, откуда заимствованы смоленскія поправки. Вѣрнѣе всего, что онѣ заимствованы изъ Новгородскаго источника, и мы, въ концѣ концовъ, думаемъ, что онѣ читались въ томъ же спискѣ Новг. 4-ой, изъ котораго заимствованы и остальныя выписки Смол. выборки. Въ противномъ случаѣ будетъ непонятно, что заставило составителя выборки отложить свой основной источникъ, въ которомъ читались записи и о знаменіи и о поставленіи Евѳимія, и обратиться къ другому источнику ради тѣхъ же событій. Разночтеніе въ именахъ сыновей Ольгерда мы пытались объяснить отчасти выше. Думаемъ, что поправки выборки правильнѣе всего объясняются домысломъ составителя, домысломъ, на который наталкивалъ самъ источникъ. Въ самомъ дѣлѣ, во всѣхъ извѣстныхъ намъ спискахъ Новг. 4-ой говорится, что у Ольгерда было 12 сыновей, и во всѣхъ же спискахъ названо всего 11 именъ. То же въ лѣтописи Авраамки, въ которой отразилась Новг. 4-ая. Естественно, что составитель Смол. выборки, проявляющій значительный интересъ къ литовскимъ записямъ, долженъ былъ обратить вниманіе на эту несообразность въ своемъ источникѣ и попытаться ее исправить. Онъ это и сдѣлалъ, хотя тоже неудачно. Для объясненія другихъ поправокъ необходимо предположить еще одинъ источникъ выборки, кромѣ списка Новг. 4-ой. Такимъ источникомъ, судя по содержанію поправокъ, могъ быть смоленскій лѣтописецъ. Но если мы допустимъ, что онъ былъ подъ руками составителя выборки, то какой же смыслъ имѣла и какую цѣль могла преслѣдовать выборка смоленскихъ записей изъ источника общерусскаго содержанія, списка Новг. 4-ой? Наконецъ, почему же эта смоленская лѣтопись такъ слабо использована? Эти соображенія заставляютъ насъ отказаться отъ мысли, что однимъ изъ источниковъ выборки была смоленская лѣтопись. Болѣе близкимъ къ дѣйствительности кажется намъ предположеніе, что составитель выборки использовалъ лишь одинъ письменный источникъ — списокъ Новг. 4-ой, а поправки къ нему внесъ на основаніи устнаго преданія, вещественныхъ памятниковъ старины или слу-

чайныхъ смоленскихъ записей. Такъ думаемъ мы, книжный смольнянинъ не могъ не знать, что церковь Богородицы въ Смоленскѣ построена Ростиславомъ Мстиславичемъ; о плѣненіи Витовта могли говорить смоленскія народныя пѣсни; о причинѣ убіенія Романа, Витовтова намѣстника (1401 г.), могло сохраняться въ концѣ XV в. въ народѣ смутное воспоминаніе или тоже пѣсня; цифра «9 сотъ» (вм. 9000) могла быть заимствована изъ сохранившейся случайно спеціальной записи о смоленскомъ голодѣ 1230 года.

Такимъ образомъ остается едва ли не одинъ письменный источникъ Смоленской выборки—списокъ Новг. 4-ой лѣтописи. Что же это былъ за списокъ? Точный отвѣтъ на этотъ вопросъ, по краткости выборки, едва ли возможенъ, но нѣкоторыя его особенности выборка намъ сохранила. Подъ 980 г. въ немъ, какъ мы видѣли, названы имена двухъ сыновей Владимира, Позвизда и Судислава, отсутствующія въ Новороссійскомъ № 81 спискѣ. Подъ 1015 г. въ немъ читалась, какъ и въ другихъ спискахъ Новг. 4-ой, родословная русскихъ князей, но до какихъ поръ она была доведена, мы затрудняемся сказать. Въ выборкѣ она оканчивается именемъ Дмитрія-внука, но конецъ родословной въ выборкѣ несомнѣнно подвергся дополненіямъ или поправкамъ, которыя мы относимъ ко времени соединенія Смоленской выборки съ волынскими записями около 1500 г.[1]) (см. ниже). Затѣмъ для характеристики списка Новг. 4-ой, служившаго источникомъ выборки, отмѣтимъ нѣкоторыя чтенія, сближающія его, съ одной стороны, съ Хроногр. спискомъ Новг. 4-ой, съ другой—съ лѣтописью Авраамки. Подъ 1386 г. Смоленская выборка говоритъ о битвѣ Литвы съ смольнянами («а бїшас Литва съ Смолняны» и проч.) и о томъ, что кн. Дмитрій Ивановичъ приходилъ ратью къ Новгороду. Въ этомъ же порядкѣ, рядомъ, читаются оба извѣстія въ Хроногр.

---

1) Не оканчивалась ли эта родословная въ спискѣ Новг. 4-ой именемъ Ивана Молодого? Въ выборкѣ читаемъ: «Иванов снъ Иванъ», послѣ чего вставка: «за тым Волоскаго дочька Стеѳанова», а за этимъ непосредственно: «Василей, Юрьи, Дмитреи, Семеонъ, Андреи. Ивановъ снъ Дмитрій» (конецъ родословной). Если бы въ спискѣ Новгор. 4-ой были названы всѣ сыновья Ивана III, то, можетъ быть, вм. «Иванов снъ Иванъ» мы читали бы: «снве Ивановы: Иванъ, за тым Волоскаго дочька Стеѳанова, Василей, Юрьи» и пр.

спискѣ (а также въ лѣтописи Авраамки и Синод. № 154 спискѣ), въ то время какъ въ другихъ спискахъ Новг. 4-ой они раздѣлены вставочными. Выписка Смол. выборки о боѣ Витовта съ Темиръ-Котлуемъ, не смотря на свою краткость, носитъ явные признаки той редакціи этого извѣстія, которая читается только въ Хроногр. спискѣ Новг. 4-ой: павшихъ князей 74, Витовтъ «ять» мѣсяца августа 5 за 500 в. за Кіевомъ. Всѣ эти цифры характеризуютъ Хроногр. списокъ, хотя въ немъ дата: 5 августа и цифра: «за 500 верстъ» не связываются съ плѣненіемъ Витовта, а относятся къ обстоятельствамъ боя. Въ другихъ спискахъ цифра 74 отсутствуетъ, какъ и 500, а дата боя не 5 августа, а 12-го. Въ лѣтописи Авраамки и Синод. № 154 буквально то же, что и въ Хр. спискѣ. Отмѣтимъ еще одно чтеніе выборки, сближающее ее съ Хр. спискомъ. Это выписка 1401 г., говорящая о принятіи смольнянами князя своего Юрія, объ убіеніи Романа Брянскаго, осадѣ Смоленска Витовтомъ и избіеніи кн. Юріемъ бояръ смоленскихъ, «которыи превѣтъ дръжали къ Витовьту». Взятыя въ кавычки слова характеризуютъ только Хр., Вилен. (лѣтопись Авр.) и Синод. № 154 списки. Подъ 1433 г. въ выборку попало извѣстіе о пріѣздѣ кн. Юрія Семеновича изъ Литовской земли въ Новгородъ. Это извѣстіе читается лишь въ Хроногр. спискѣ, Авр. и Синод. № 154; въ томъ же видѣ находимъ его и въ Новорос. № 81 спискѣ (стр. 670—671), но въ печатной ред. Новг. 4-ой оно отсутствуетъ. Отмѣтимъ еще, что извѣстіе выборки подъ 1381 г. объ убіеніи Кейстута и женитьбѣ Ягайла ближе къ тексту Авр., чѣмъ Новг. 4-ой (Хр. въ этомъ случаѣ совпадаетъ съ др. списками) [1]).

Таковы чтенія, сближающія источникъ Смоленской выборки съ Хроногр. спискомъ Новг. 4-ой (а также списками, въ которыхъ онъ отразился). Тѣмъ не менѣе мы не рѣшаемся утверждать, что источникомъ интересующей насъ первой части «Кіевской» лѣтописи былъ именно Хронограф. списокъ. Есть данныя, мѣшающія высказаться въ этомъ смыслѣ рѣшительно. Данныя эти сводятся къ слѣдующему. Извѣстный

---

1) Выборка сближается съ Авр. еще заглавіемъ 1348 г.: «Орѣховьщина». Очевидно, это заглавіе читалось въ источникѣ выборки, хотя оно отсутствуетъ въ извѣстныхъ намъ спискахъ Новг. 4-ой (печатн. и Новорос. № 81).

намъ Хронографическій списокъ между прочимъ сближается съ Виленскимъ спискомъ (лѣтописью Авраамки) и Синод. № 154 въ изложеніи послѣднихъ дней независимости Смоленска. Въ названныхъ спискахъ объ этомъ говорится одинаково, почти дословно, подъ 6911 (1403) и 6913 (1405), при чемъ 6912 (1404) годъ совсѣмъ опущенъ. Въ другихъ спискахъ годъ этотъ есть, и подъ нимъ говорится: 1) о безуспѣшной осадѣ Смоленска Витовтомъ, Семеномъ и Свидригайломъ Ольгердовичами, которые стояли подъ городомъ 3 мѣсяца и отошли, не взявши его; 2) о концѣ Смоленска. Такъ какъ первое изъ этихъ извѣстій въ совершенно тѣхъ же выраженіяхъ и подъ тѣмъ же 6912 г. читается и въ Смолен. выборкѣ, то послѣдняя въ этомъ случаѣ, отступая отъ Хр., Вилен. и Синод. № 154 списковъ, сближается съ печатной ред. Новгор. 4-ой лѣтописи. Съ другой стороны, та же выборка, помѣщая извѣстіе о концѣ Смоленска подъ 6913 (1405) г., тѣмъ самымъ вновь сближается съ Хрон. и сходными списками, такъ какъ въ печатной ред. Новг. 4-ой объ этомъ говорится подъ 6912 г. Представимъ отношеніе списковъ въ наглядной таблицѣ.

Печ. ред. Новг. 4-ой.	*Смол. выборка.*	*Хрон. и сходн.*
6911. Взятіе Семеномъ Ольгердовичемъ Вязьмы.	6911. Тоже.	6911. Тоже + особая ред. извѣстія о концѣ Смоленска.
6912. Безуспѣшная осада Смоленска Витовтомъ, Семеномъ и Свидригайломъ + разсказъ о «послѣднемъ плѣненіи» Смоленска Витовтомъ.	6912. Безуспѣшная осада Смоленска Семеномъ и Свидригайломъ (имя Витовта опущено).	Нѣтъ ни года, ни извѣстія.
	6913. Разсказъ о «послѣднемъ плѣненіи» Смоленска Витовтомъ.	6913. Разсказъ о «послѣднемъ плѣненіи» Смоленска Витовтомъ.

Изъ этой таблицы видно, что Смол. выборка отличается отъ печатной редакціи Новг. 4-ой лѣтописи лишь тѣмъ, что выдѣлила разсказъ о «послѣднемъ плѣненіи» Смоленска подъ особый 6913 годъ. Но именно этимъ она въ то же время сближается съ Хроногр. и сходн. списками, въ которыхъ разсказъ о концѣ Смоленска помѣщенъ ошибочно подъ 6913 г. вм. 6912[1]).

Итакъ, предполагаемый источникъ выборки, списокъ Новг. 4-ой лѣтописи, соединялъ, повидимому, особенности Хрон. списка съ нѣкоторыми признаками печатной редакціи. Надо однако замѣтить, что въ *изложеніи* «послѣдняго плѣненія» Смоленска выборка явственно отступаетъ, какъ отъ печатной ред. Новг. 4-ой, такъ и отъ Хроногр. И тамъ и тамъ о концѣ Смоленска мы читаемъ слѣдующее: кн. смоленскій Юрій, послѣ неудачной осады Смоленска Витовтомъ, «сослався» съ Василіемъ Московскимъ, выѣхалъ изъ Смоленска съ небольшой дружиной, оставивъ въ городѣ княгиню и бояръ и приказавъ ждать себя на три срока; «а самъ поѣха на Москву и билъ челомъ князю великому Василію Дмитріевичю, дающися ему самъ и съ всѣмъ своимъ княженіемъ. Князь же великій Василій не пріа его, ни всего его княженья Смоленьскаго, не хотя измѣнити къ Витовту. Егда же бысть князь Юрьи на Москвѣ, а въ то время Витовтъ собра силу многу и ста у Смоленьска; граждани же, не могуще трьпѣти в градѣ глада и изнеможенья и всякіа истомы, градъ Смоленскъ предаша Витовту» (См. Новг. 4-ую, т. IV П. С. Р. Л., подъ 6912 г.).

Въ выборкѣ цитированное мѣсто читается съ нѣкоторыми измѣненіями, изъ которыхъ обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія: 1° вм. «дающися ему самъ и съ всѣмъ своимъ княженіемъ» въ выборкѣ читаемъ: «*прося в него помощи*»; 2° вм. «Князь же великій Василій не

---

1) П. В. Голубовскій думаетъ, что составитель Кіев. лѣтописи отнесъ паденіе Смоленска къ 6913 вм. 6912 г. потому, что имѣлъ подъ руками «двѣ лѣтописи, изъ которыхъ одна точно датировала свое сообщеніе, другая приводила его безъ даты» («Исторія Смол. земли до нач. XV в.», стр. 334, въ выноскѣ). Мы видѣли изъ предыдущаго, что о двухъ источникахъ врядъ ли можно говорить. Уже составитель протографа Смол. выборки, найдя въ своемъ источникѣ *накопленіе событій подъ 6912 г.* (2 осады Смоленска и конецъ его), выдѣлилъ разсказъ о паденіи Смоленска подъ особый годъ.

прія его, ни всего его княженья Смоленьского, не хотя измѣнити къ Витовту», въ выборкѣ стоитъ: «кнзь же Василій *обѣща ему дати силу свою и удръжа его на тыя сроки, а норовя тьстю своему Витовту;* 3° вм. «граждани же, не могуще трьпѣти... глада... градъ Смоленескъ предаша Витовту» въ выборкѣ читается: «граждане же *не дождаша на срокъ кнзя Юрья,* и не могуще терпети...... градъ Смолнескъ предаша Витовту».

Такимъ образомъ все изложеніе послѣднихъ дней независимости Смоленска въ выборкѣ пріобрѣтаетъ особый отпечатокъ, значительно отличающій его отъ изложенія Новг. 4-ой. Мы бы приписали подчеркнутыя выше поправки самому составителю Смоленской выборки, если бы онѣ не читались въ западно-русской лѣтописи списковъ гр. Рачинскаго и Евреинова: въ первомъ подъ 6912 (1404), а во второмъ — подъ 6913 г. Въ обоихъ спискахъ извѣстію о концѣ Смоленской независимости предшествуетъ замѣтка о трехмѣсячной безуспѣшной осадѣ Смоленска Витовтомъ вмѣстѣ съ Семеномъ и Сидригайломъ Ольгердовичами, отнесенная подъ 6912 г. (такимъ образомъ этотъ годъ въ спискѣ Рачинскаго подъ рядъ повторенъ); въ обоихъ же спискахъ послѣ разсказа о паденіи Смоленска (Рач. 6912, а въ Евр. подъ 6913) читается замѣтка 6936 г. о походѣ Витовта на Новгородъ. Представимъ отношеніе Смол. выборки къ Рач. и Евр. въ таблицѣ:

Смол. выборка.	*Рач.*	*Евр.*
6912. Осада Смоленска Семеномъ и Свидригайломъ.	6912. То же.	6912. То же.
6913. Осада и конецъ Смоленска.	6912. То же.	6913. То же.
6923. Затменіе и пожаръ Москвы и Смоленска.	—	—
6925. Моръ въ Новгородѣ.	—	—
6936. Походъ Витовта на Новгородъ.	6936. Походъ Витовта на Новгородъ.	6936. То же.

Замѣтимъ во-первыхъ, что отмѣченныя въ таблицѣ три записи списковъ гр. Рач. и Евр. составляютъ ихъ особенность, отличающую ихъ отъ другихъ списковъ Западно-русской лѣтописи, напр. Румянцевскаго. Съ другой стороны, выдѣленіе въ этихъ спискахъ извѣстія объ осадѣ Смоленска Витовтомъ, Семеномъ и Свидригайломъ подъ *особый* годъ сближаетъ ихъ съ Смол. выборкой въ такой же мѣрѣ, какъ и редакція извѣстія о концѣ Смоленска. Естественно возникаетъ вопросъ: въ какомъ отношеніи находятся списки Рач. и Евр. или, вѣрнѣе, ихъ протографъ [1]), къ Смоленской выборкѣ? Гдѣ раньше появилась интересующая насъ редакція записи о концѣ Смоленска: въ протографѣ Рач.-Евр. или въ Смол. выборкѣ? При рѣшеніи этихъ вопросовъ необходимо имѣть въ виду, что текстъ Смол. выборки подъ 6912 г. (о концѣ Смоленска) полнѣе протографа Рач.-Евр. Такъ, въ Смол. выборкѣ читаемъ согласно съ печатной ред. Новг. 4-ой: «Витовтъ же весну всю стоялъ, *колко ся бил и пушками бивъ, не може его* (Смоленскъ) *выбити* и отиде прочь». Подчеркнутыя слова опущены въ спискахъ Рач. и Евр. То же и ниже: «и приказа ждати себе на срок *на пръвыи и на другыи и на третіи,* а самъ приеха на Москву и *билъ чолом* князю великому Василию прося в него помощи». Вмѣсто подчеркнутыхъ словъ въ спискѣ гр. Рач. читаемъ: «и приказалъ имъ себе ждати *на тры роки*», а выраженіе: «билъ чоломъ» выпущено. (То же въ Евр. спискѣ, который даетъ въ общемъ въ этомъ извѣстіи чтенія менѣе исправныя, чѣмъ списокъ Рач.). Съ другой стороны, въ Рач. и Евр. спискахъ есть чтенія, которыхъ нельзя вывести изъ Смол. выборки. Такъ, въ извѣстіи о первой осадѣ Смоленска литовскими войсками (въ Евр. подъ 6912, въ Рач. подъ первымъ 6912 г., см. выше таблицу) въ спискахъ Рач. и Евр. упомянуто имя Витовта, которое опущено въ Смол. выборкѣ. Въ послѣд-

1) Сопоставленіе списковъ Рач. и Евр. не даетъ возможности вывести ихъ одинъ изъ другого. Въ виду этого необходимо возвести ихъ къ общему протографу. Оба списка оканчиваются 1548 г. и значительно отличаются другъ отъ друга на промежуткѣ 1454—1548 (см. предисл. къ XVII т. П. С. Р. Л.). Тѣмъ не менѣе, сходныя извѣстія попадаются въ нихъ до 1545 г.: послѣднее такое извѣстіе—о смерти королевы Елизаветы и дарованіи староства Жемоицкаго Іерониму Хоткевичу (1545 г.). Поэтому мы думаемъ, что протографъ обоихъ списковъ, вѣроятно, оканчивался около этого времени.

ней читаемъ, что кн. Василій обѣщалъ дать *силу свою* Юрію, а въ Рач. (и Евр.): «обецался ему на помоч *людеи своих послати*». Такимъ образомъ, хотя Смол. выборка гораздо точнѣе передаетъ текстъ Новг. 4-ой, но въ спискахъ Рач. и Евр. можно замѣтить пользованіе не Смол. выборкой, а спискомъ ея источника.

Итакъ, къ характеристикѣ того списка Новг. 4-ой, который, по нашему предположенію, использованъ составителемъ Смол. выборки, прибавляется новая черта: въ немъ извѣстіе объ осадѣ Смоленска Витовтомъ, Семеномъ и Свидригайломъ выдѣлено было подъ особый годъ, а запись о концѣ смоленской независимости была редактирована съ нѣкоторыми особенностями, отмѣченными нами выше. Въ частности, одна изъ этихъ особенностей («князь же Василіи обѣща ему дати силу свою и удръжа его на тыя срокы, а норовя тьстю своему Витовту») налагаетъ, какъ мы говорили выше, на разсказъ о паденіи Смоленска особый отпечатокъ. Не можетъ быть сомнѣнія, что лицо, внесшее поправку въ *обычный* текстъ Новг. 4-ой, руководилось *сознательной* цѣлью: показать *вѣроломство Московскаго князя*. Съ другой стороны нѣтъ данныхъ для того, чтобы приписать автору поправки тяготѣніе къ Литвѣ, въ частности, къ Витовту. Кому, кромѣ смольнянина, можно было бы съ вѣроятіемъ приписать поправку къ тексту Новг. 4-ой?

Напомнимъ, что поправка старше Смол. выборки, и читалась уже въ ея источникѣ, о чемъ свидѣтельствуютъ независимые отъ Смол. выборки списки Рач. и Евр. Источникомъ Смол. выборки мы до сихъ поръ называли списокъ Новг. 4-ой лѣтописи. Выходитъ, что этотъ списокъ редактированъ смольняниномъ. Хотя выводъ этотъ не можетъ считаться совершенно неправдоподобнымъ, однако возбудилъ въ насъ нѣкоторыя сомнѣнія. Имѣлъ ли составитель Смол. выборки подъ руками полный списокъ Новг. 4-ой или извлеченіе изъ него, сдѣланное и исправленное смольняниномъ? Мы склоняемся къ мысли, что составитель Смол. выборки воспользовался *смоленскимъ же извлеченіемъ* изъ списка Новг. 4-ой. Правда, вѣскихъ данныхъ въ пользу этой мысли нѣтъ, но кое-какіе намеки имѣются въ тѣхъ же спискахъ Рач. и Евр. Мы отмѣтили выше, что въ этихъ спискахъ, вслѣдъ за извѣстіемъ о концѣ Смоленска, читается замѣтка 6936 г. о походѣ Витовта на Новгородъ. Эта замѣтка

составляетъ такую же особенность Рач. и Евр. списковъ, какъ и двѣ предшествующія ей записи. Естественно предположить, что она восходитъ къ тому же источнику, къ которому возводятся нами записи объ осадѣ и концѣ Смоленска. Если этимъ источникомъ былъ редактированный смольняниномъ полный списокъ Новг. 4-ой лѣтописи, то непонятно, почему составитель протографа Рач.-Евр. послѣ 6912 года перешелъ прямо къ извѣстію 6936 г. о походѣ Витовта на Новгородъ. Развѣ между 6912 и 6936 гг. мало было въ спискѣ Новг. 4-ой извѣстій литовскихъ и, въ частности, связанныхъ съ именемъ Витовта? Конечно, такихъ извѣстій не мало. Чѣмъ же объяснить пропускъ 6913—6835 гг.? Думаемъ, что на этотъ вопросъ можно было бы удовлетворительно отвѣтить, если предположить, что составитель протографа Рач.-Евр. располагалъ не спискомъ Новг. 4-ой, а извлеченіемъ изъ него на подобіе Смоленской выборки, сохраненной намъ Супр. сборникомъ, только, можетъ быть, болѣе полной. Дѣйствительно предположимъ, что передъ составителемъ протографа Рач. - Евр. было извлеченіе изъ Новг. 4-ой, сходное съ Смол. выборкой. Тогда въ этомъ извлеченіи составитель протографа нашелъ послѣ 6912 г.: извѣстіе 6923 г. о затменіи и пожарѣ Москвы и Смоленска и извѣстіе 6925 г. о морѣ въ Новгородѣ, послѣ чего слѣдовала запись 6936 г. о походѣ Витовта на Новгородъ. Составитель протографа Рач.-Евр. долженъ былъ пропустить и запись 6923 и запись 6925 г., ибо въ основномъ его источникѣ, спискѣ, сходномъ съ Румянцевскимъ, оба эти извѣстія уже читались и притомъ подробнѣе (подъ 6909 г.). Оставалось, слѣдовательно, использовать запись 6936 г., которая отсутствовала въ спискѣ, сходн. съ Рум. Онъ это и сдѣлалъ. Послѣ 6936 г. онъ не заимствовалъ изъ извлеченія, сходнаго съ Смол. выборкой, ни одного извѣстія, ибо дальше слѣдовали записи, либо его не интересовавшія (новгородскія), либо читавшіяся въ его источникѣ болѣе подробно (смерть Витовта 6938 г. и убіеніе Сигизмунда 6948 г.). Если вѣрно, что въ протографѣ Рач.-Евр. использованъ не списокъ Новг. 4-ой, а извлеченіе изъ него, то сдѣлаемъ и дальнѣйшіе выводы: во-первыхъ, что извлеченіе это сдѣлано было смольняниномъ (вспомнимъ, какъ редактирована запись о концѣ Смоленска!), во-вторыхъ,—что это извлеченіе послужило источникомъ Смоленской выборки «Кіев.» лѣто-

писи. Послѣдній выводъ мы основываемъ на независимости протографа Рач.-Евр. отъ Смол. выборки «Кіев.» лѣтописи. Трудно судить положительно о томъ, что представляло изъ себя смоленское извлеченіе, предшествовавшее выборкѣ «Кіев.» лѣтописи. Можно однако предполагать, что оно было исправнѣе Смол. выборки. Это предположеніе мы основываемъ на двухъ фактахъ: 1) на упоминаніи въ протографѣ Рач.-Евр. въ извѣстіи 6912 г. имени Витовта, пропущенномъ въ Смол. выборкѣ, и 2) на томъ, что извѣстіе 6936 г. въ спискахъ Рач. и Евр. читается значительно полнѣе, чѣмъ въ Смоленской выборкѣ. Приведемъ для сравненія обѣ записи.

Въ спискѣ Рачин.	*Въ Смолен. выборкѣ.*
Въ лѣто 6936 ходилъ кнзь великии Витовт къ Новугороду Великому со всимъ войском и много зла вчынил, а города не взавшы и опять пошолъ до Литвы.	В лѣт 6936 приходилъ Витовтъ к Новугороду ратю.

Итакъ, мы должны внести въ предыдущія свои соображенія ту поправку, что Смоленская выборка использовала списокъ Новг. 4-ой лѣтописи не непосредственно, а при посредствѣ смоленскаго же изъ него извлеченія. Если бы это предположеніе оказалось правильнымъ, мы могли бы объяснить себѣ тотъ фактъ, что смоленскія выписки «Кіевской» лѣтописи не отличаются той обстоятельностью, какой мы въ правѣ были бы ожидать отъ спеціальной выборки.

Обращаясь къ вопросу о времени составленія извлеченія, мы должны сказать, что обладаемъ весьма незначительнымъ числомъ данныхъ для его рѣшенія. Если признать послѣдними выписками изъ списка Новг. 4-ой извѣстія о концѣ Твери (1485) и преставленіи Ивана Молодого (1489), то можетъ быть правдоподобно было бы относить составленіе его къ концу XV в.

На это же время указываютъ и нѣкоторыя косвенныя соображенія, которыя мы выскажемъ ниже. Теперь же подведемъ итоги анализу лѣтописной выборки «Кіевской» лѣтописи. Заключенія, къ которымъ мы пришли, сводятся къ слѣдующему.

1°. Лѣтописную выборку, сохраненную намъ «Кіевской» лѣтописью Супрасльскаго сборника, мы признали смоленской;

2°. списки западно-русской лѣтописи гр. Рачинскаго и Евреиновскій сохранили намъ нѣкоторыя данныя для предположенія, что Смоленской выборкѣ предшествовало смоленское извлеченіе изъ Новг. 4-ой лѣтописи;

3°. это смоленское «извлеченіе» служило однимъ изъ источниковъ протографа Рач.-Евр.;

4°. оно же послужило источникомъ и лѣтописной выборки «Кіев.» лѣтопи Супр. сборника, хотя отношеніе между ними не можетъ быть опредѣлено точнѣе;

5°. основнымъ, если не единственнымъ, источникомъ «извлеченія» или Смоленской выборки былъ списокъ Новг. 4-ой, близкій къ Хронографическому (Синод. № 280);

6°. прибавки и поправки къ тексту этого источника, принадлежащія перу составителя «извлеченія» или Смоленской выборки и касающіяся исторіи Смоленска, не даютъ намъ права предполагать смоленскую лѣтопись въ числѣ источниковъ «извлеченія» или выборки.

Чѣмъ оканчивалась, до какого года была доведена Смолен. выборка «Кіев.» лѣтописи, судить трудно по тѣмъ даннымъ, какія сохранились въ «Кіевской» лѣтописи. Можно однако думать, что конецъ выборки отчасти уступилъ мѣсто, отчасти переплелся съ посторонними записями, находившимися въ распоряженіи составителя «Кіевской» лѣтописи. Такъ, за извѣстіемъ 1483 г. о взятіи Кіева перекопскими татарами, которое могло быть заимствовано изъ Новг. 4-ой лѣтописи, (точнѣе, изъ «извлеченія», см. выше п. 2°) слѣдуетъ извѣстіе 1481 о казни Михаила Олельковича и Ивана Юрьевича, которое несомнѣнно изобличаетъ западно-русскую руку. За нимъ слѣдуетъ запись 1485 г. о взятіи Твери, которая можетъ восходить къ списку общерусскаго свода; но слѣдующее за ней извѣстіе о поставленіи Васіана епископомъ «Владимирю и Берестью» (1487) опять, повидимому, западно-русскаго происхожденія. Того же происхожденія и краткая замѣтка 1488: «преставис митрополить Семеонъ». Запись 1489 г. о преставленіи Ивана Молодого, можетъ быть, читалась въ спискѣ Новг. 4-ой, но слѣдующія

за ней записи 1491—1497 гг. уже несомнѣнно западнорусскаго происхожденія, и въ спискѣ общерусскаго свода читаться не могли, какъ и дальнѣйшія извѣстія: 1498 (о дарованіи митрополіи смоленскому еп. Іосифу), 1500 (о поставленіи Іосифа соборомъ епископовъ и завоеваніи московскимъ княземъ литовскихъ городовъ), 1449 (о взятіи Царьграда), 1482 (о взятіи Кіева перекопскими татарами), 1492 (о преставленіи короля Казимира) и 1515 (о взятіи Смоленска Василіемъ III). Если оставимъ въ сторонѣ послѣднюю запись (1515 г.) и записи 1491—1497 (м. б. 1491—1498), наконецъ, записи 1500 г., происхожденіе которыхъ поддается правдоподобному объясненію, то мы останемся все же передъ нѣсколькими замѣтками западно-русскаго происхожденія, предшествующими 1491 г.[1]) и тремя замѣтками, слѣдующими за 1500 годомъ[2]), которыхъ исторія не совсѣмъ ясна. Мы высказываемъ предположеніе, что онѣ такъ или иначе сопровождали волынскія записи 1491—1498 гг. и находились вмѣстѣ съ послѣдними въ распоряженіи составителя «Кіевской» лѣтописи, работавшаго, какъ увидимъ ниже, около 1500 г. Этимъ быть можетъ объясняется тотъ фактъ, что записи: 1449 (о взятіи Царьграда), 1482 (о взятіи Кіева) и 1492 (о преставленіи Казимира) вынесены за 1500 г., ибо онѣ повторяли, хотя въ другихъ выраженіяхъ, извѣстія помѣщенныя раньше 1500 г. Въ общемъ конецъ «Кіевской» лѣтописи представляется сильно запутаннымъ. Внѣ сомнѣнія стоятъ лишь записи 1491—1498, которыя своимъ содержаніемъ и изложеніемъ указываютъ на Волынь, какъ на мѣсто своего возникновенія. Нѣкоторыя записи можно даже съ значительнымъ вѣроятіемъ пріурочить болѣе опредѣленно къ Владимиру Волынскому. Такъ въ записи 1491 г. авторъ, послѣ общаго указанія, что заволжскіе татары «много зла сътворниша у Волыньскои земли и в Лядскои», прибавляетъ: «Володимери црквп Бжіи пожгли и великую црковь Прчстое мурованую и мѣсто». На тотъ же Владимиръ указываетъ и запись 1492 г. о преставленіи Казимира: «преставис Казимерь корол Полскыи Якгойловичь... справедливои, добрыи, при митрополитѣ Киевьском Іоне Глезне, при

---

1) 1481 г.—казнь Михаила Олельковича, 1487—поставленіе Васіана, 1488—преставленіе митроп. Симеона.

2) 1449, 1482 и 1492 гг. (см. выше въ текстѣ).

епспѣ Владимерьском и Берестенском Васьяне. *Съ бо епспь Васиань обнови цркв Прчстое у Володимери великую мурованую,* муром, иконами и ризами и съсуды, пачеж книгамы и сти ю, в лѣт 7002 индик 13, на Введеніе Прчстое днь, съ епспом Луцким Ионою и съ еп. Холмским Семеоном». Правдоподобно, что извѣстія 1491 и 1492 гг. писаны однимъ лицомъ. Въ записи 1495 г. есть такое мѣсто: «преставис епспъ Луцкіи Іона, бѣ бо тогда мор у Литовскои земли и в Лядскои и *Волынскои* и по иным странамъ, *нас же Гь Бъ избавил,* ради млтвъ прчстое его Мтре». Думаемъ, что подчеркнутыя слова не будутъ противорѣчить нашему предположенію о Владимирѣ Волынскомъ, если мы истолкуемъ ихъ въ узкомъ географическомъ смыслѣ: моръ свирѣпствовалъ въ Волынской землѣ и по инымъ странамъ, но Владимира или, положимъ, владимирскаго монастыря, въ которомъ жилъ авторъ, не коснулся. Другія записи отрывка 1491—1498 гг. не противорѣчатъ предположенію о Владимирѣ и въ то же время по стилю весьма сходны съ тѣми, которыя мы цитировали[1]). Авторъ этихъ записей, судя по интересу къ церковнымъ дѣламъ и нѣкоторымъ выраженіямъ, лицо духовное. Ср. записи 1495 г. о поставленіи соборомъ епископовъ Макарія митрополитомъ Кіеву и всея Руси, о смерти Луцкаго епископа Іоны и поставленіи на его мѣсто Кирилла; подъ 1496 г. о прибытіи изъ Царяграда патріаршаго посла съ благословеніемъ и наставленіемъ. См. также благочестивыя размышленія автора по поводу нашествія на Вол. землю Епончака солтана (1496) и по поводу убіенія татарами митрополита Макарія (1497). Въ послѣднемъ случаѣ изъ-подъ пера лѣтописца выходитъ фраза, какъ будто изобличающая лицо, привыкшее говорить съ амвона: «Сего ради (убійства Макарія) ужаснемся, *братіе:* аще стому архиерею Бію тако случися, Бгу попустившю, а мы како избежим праведнаго гнѣва его по дѣлом нашим». Не указываетъ ли даже на монашескій санъ автора слѣдующее мѣсто изъ его благочестивыхъ размышленій по поводу нашествія Епончака на Волын. землю (1496 г.): «Ино аще съгрѣшихом, Ги, и уклонихомся до конца на злаа, но тебе единаг Ба нашег не от-

1) Сомнѣніе возбуждаютъ лишь записи: 1493 (о взятіи москвичами г. Вязьмы) и 1494 (о сватовствѣ Александра Литовскаго у Ивана III). Возможно, что эти записи имѣютъ отличное отъ волынскихъ происхожденіе.

ступихом, ни воздѣхомъ рукъ нашихъ къ Бгу туждему. Ты бо съвѣси тайная срдць нашихъ, *яко твоего ради имени умерьщляеми есмы»..?* Если авторъ монахъ или вообще лицо духовное, то во всякомъ случаѣ не низшаго ранга. На это указываетъ одна фраза подъ 1496 г.: сказавъ о сеймѣ въ Парчевѣ князя Александра и короля Альбрехта, авторъ записи продолжаетъ: «никтоже невѣсть, чего ради снимашас, *слышахом бо сами нѣ от которых вельмож их*, яко и панове их рада о сем невѣдали».

Вотъ нѣкоторыя данныя о происхожденіи волынскихъ записей 1491—1498 гг., извлекаемыя изъ нихъ самихъ. Ясно, что волынскія записи имѣютъ самостоятельное отъ Смоленской выборки происхожденіе. Соединеніе ихъ въ одно цѣлое, т. е. образованіе «Кіевской» лѣтописи, имѣло мѣсто около 1500 г. На это указываетъ конецъ родословной русскихъ князей подъ 1015 г. Онъ читается такъ: «Васильевъ снъ Иванъ Великыи, *самодръжецъ всея земли Руское, тесть кнзя великаго Александра Литовьскаго*. Иванов снъ Иванъ, *за тым Волоскаго дочька Стефанова*. Василеи, Юрьи, Дмитреи, Семеон, Андреи. Ивановъ снъ Дмитріи». Подчеркнутыя слова, несомнѣнно, не могли читаться въ спискѣ Новгор. 4-ой лѣтописи, служившемъ источникомъ выборки. Слѣдовательно, мы въ правѣ приписать ихъ либо составителю Смол. выборки, либо лицу, соединившему ее съ волынскими записями (если для этого соединенія нужно предполагать особое лицо). Такъ или иначе, но исправленіе или, вѣрнѣе, дополненіе родословной подчеркнутыми выше словами указываетъ на руку, работавшую при жизни Ивана III, т. е. до 1505 г., раньше, чѣмъ Александръ Литовскій сталъ польскимъ королемъ, т. е. до 1501 г. Съ другой стороны имя Дмитрія-внука въ концѣ родословной какъ будто указываетъ, что родословная закончена послѣ 1497 г. (вѣнчанія Дмитрія). Эти соображенія наталкиваютъ насъ на 1500 г., какъ годъ составленія «Кіевской» лѣтописи. Такъ какъ волынскія записи закончены въ 1498 г. или, во всякомъ случаѣ, не ранѣе 1497 г.[1]), то передъ нами небольшое техническое затрудненіе: моментъ

1) Запись 1498 г. о дарованіи Александромъ Литовскимъ митрополіи Кіевской Іосифу Смоленскому, можетъ быть, имѣетъ отличное отъ волынскихъ записей происхожденіе вмѣстѣ съ 1500 г. (1499 г. въ «Кіев.» опущенъ).

возникновенія волынскихъ записей (Владиміръ Вол.) отдѣленъ 1—2 годами отъ времени соединенія ихъ со Смол. выборкой въ «Кіевской» лѣтописи. Соединеніе это произошло, повидимому, въ Смоленскѣ. На это указываетъ отчасти запись 1500 г. о поставленіи Іосифа Смоленскаго въ митрополиты соборомъ епископовъ и извѣстіе того же года о взятіи московскимъ княземъ литовскихъ городовъ: Мценска, Любутска, Брянска, Трубчевска и др. Всѣ эти имена говорятъ больше за Смоленскъ, чѣмъ за Владиміръ Волынскій. Послѣдняя запись того же 1500 г. говоритъ объ измѣнѣ князя Семена Ивановича, при чемъ этотъ Семенъ Ивановичъ (повидимому, Бѣльскій) предполагается извѣстнымъ всѣмъ. Это обстоятельство тоже говоритъ въ пользу Смоленска, какъ мѣста составленія «Кіевской» лѣтописи. Наконецъ, за это же говоритъ и запись 1515 г. о взятіи Смоленска Василіемъ III. Хотя она приписана по завершеніи «Кіев.» лѣтописи, но свидѣтельствуетъ какъ будто о томъ, что рукопись около 1515 г. находилась еще въ предѣлахъ смоленскаго горизонта. Такимъ образомъ, если бы мы предположили, что соединеніе Смоленской выборки съ волынскими записями дѣло рукъ автора послѣднихъ и имѣло мѣсто во Владимірѣ, то пришлось бы допустить, что рукопись со Смол. выборкой совершила довольно сложное путешествіе: изъ Смоленска (мѣста возникн. Смол. выборки) во Владиміръ (вол. записи), гдѣ вошла въ соединеніе съ мѣстнымъ элементомъ, и оттуда вновь вернулась въ Смоленскъ, гдѣ вошла въ Супрасльскій сборникъ и завершена записью 1515 г.

Проще, а потому и правдоподобнѣе, думать, что волынскія записи за время 1497—1500 гг. успѣли передвинуться въ Смоленскъ и тамъ образовали вмѣстѣ со Смол. выборкой «Кіев.» лѣтопись (въ 1500 г.)[1]. На Смоленскъ, можетъ быть, указываетъ еще одно наше наблюденіе. Въ запись 1494 г. о сватовствѣ Александра Литовскаго у Ивана III и объ обмѣнѣ посольствами по этому поводу вплелась фраза, какъ будто не имѣющая отношенія къ главному содержанію записи: «Тогдыж и Смо-

1) Митроп. Макарій въ своей Ист. Рус. Ц., т. IX, стр. 137, говоритъ, что «Кіев.» лѣтопись «за послѣдніе годы XV в., именно съ 1491 г., несомнѣнно велена была современникомъ, жившимъ въ западно-русскомъ краѣ».

ленськых князей и боярь выпусти з нятства, и пріидоша до Смоленска Авгус 15». Каково бы ни было происхожденіе записи о сватовствѣ (см. выше въ выноскѣ), приведенную фразу все же правильнѣе всего считать вставкой и притомъ принадлежащей смольнянину. Естественно приписать ее лицу, работавшему въ Смоленскѣ въ 1500 г. надъ соединеніемъ волынскихъ записей со Смол. выборкой.

Итакъ, мы склоняемся къ мысли, что «Кіевская» лѣтопись составлена въ Смоленскѣ около 1500 г. Кто былъ ея составителемъ, трудно сказать. Возможно, что то же лицо, которое составило Смолен. выборку. Но какъ къ нему въ Смоленскъ могли попасть волынскія записи, законченныя всего за два года до того? Можетъ быть случайно, но возможно, что и по особому требованію лица, которому онѣ были извѣстны и которое обладало правомъ ихъ вытребовать въ Смоленскъ. Такъ какъ наши предположенія въ этомъ направленіи связаны съ вопросомъ о смоленскомъ лѣтописаніи вообще, какъ онъ освѣщается «Кіевской» лѣтописью, то мы считаемъ умѣстнымъ сдѣлать здѣсь небольшое отступленіе и обратиться къ нѣкоторымъ выводамъ, связаннымъ съ анализомъ «Смол.» выборки. Напомнимъ п. 6° нашихъ заключеній: прибавки и поправки къ тексту списка Новг. 4-ой лѣтописи, принадлежащія перу составителя «извлеченія» или Смоленской выборки и касающіяся исторіи Смоленска, не даютъ намъ права предполагать Смоленскую лѣтопись въ числѣ источниковъ «извлеченія» или выборки. Выводъ этотъ бросаетъ, какъ намъ кажется, нѣкоторый свѣтъ на вопросъ о смоленскомъ лѣтописаніи вообще. Въ самомъ дѣлѣ, передъ нами, быть можетъ, двѣ послѣдовательныхъ выборки смоленскихъ извѣстій, въ связи съ общерусскими, изъ Новг. 4-ой лѣтописи, но нѣтъ ясныхъ признаковъ собственно смоленской лѣтописи, которая несомнѣнно существовала. Не свидѣтельствуетъ ли этотъ фактъ самъ по себѣ о томъ, что смоленская лѣтопись уже къ концу XV в. въ самомъ Смоленскѣ была безслѣдно утрачена? Выводъ этотъ согласенъ съ тѣмъ общепризнаннымъ положеніемъ, что областное лѣтописаніе прекращалось вмѣстѣ съ потерей областью своей политической самостоятельности. Смоленскъ палъ окончательно въ началѣ XV в. (1404 г.). Списки смоленской лѣтописи могли послѣ этого перейти частью въ литовскія, частью въ московскія руки. Въ обоихъ случаяхъ

они должны были раствориться въ чужихъ лѣтописныхъ сводахъ: въ Москвѣ, при митрополичьемъ дворѣ, — въ общерусскомъ сводѣ, въ Литвѣ — въ такъ называемыхъ западно-русскихъ лѣтописяхъ, сохранившихъ вообще довольно много смоленскаго элемента, вошедшаго въ ихъ составъ, можетъ быть, не только черезъ общерусскіе своды. Съ теченіемъ времени однако въ Смоленскѣ могла зародиться мысль о возстановленіи угаснувшей лѣтописной традиціи. Во всякомъ случаѣ къ концу XV в. въ Смоленскѣ можно констатировать существованіе интереса къ лѣтописанію. Вспомнимъ послѣсловіе къ лѣтописи Авраамки: «В лѣ:о 7003 написана бысть сіа книга, глаголемыи лѣтописецъ, во граде Смоленсцѣ, при дръжавѣ великого кн. Александра, изволеніемъ Божіимъ и *повелѣніемъ господина и владыки Смоленьского Іосифа*, рукою многогрѣшнаго раба Божіа Авраамки» (т. XVI, П. С. Р. Л., стр. 320). Такимъ образомъ лѣтопись Авраамки возникла въ 1495 г. по иниціативѣ смоленскаго епископа Іосифа, того самаго Іосифа, о поставленіи котораго на митрополію Кіевскую читается въ концѣ «Кіев.» лѣтописи, подъ 1498 и 1500 гг.[1]). Нельзя ли поставить возникновеніе «Кіевской» лѣтописи въ связь съ лѣтописной дѣятельностью при дворѣ смоленскаго епископа Іосифа Болгариновича? И не объясняется ли появленіе волынскихъ записей въ Смоленскѣ требованіемъ съ его стороны, уже въ то время, когда онъ былъ кіевскимъ митрополитомъ (1498—1501)? Чтобы не возвращаться болѣе къ этому вопросу, мы здѣсь же приведемъ еще одно соображеніе, говорящее, по нашему мнѣнію, въ пользу какой-то связи «Кіевской» лѣтописи и всего вообще Супр. сборника съ дворомъ епископа смоленскаго. Если мы допустимъ, что эта связь существовала, то мы можемъ правдоподобно объяснить себѣ тотъ фактъ, что интересующій насъ сборникъ въ 1543 г.[2]) оказывается далеко отъ Смоленска, въ Супрасльскомъ монастырѣ. Мы думаемъ, что рукопись попала туда че-

1) О смѣшеніи этого Іосифа (Болгариновича) (1498—1501) съ митрополитомъ Іосифомъ Солтаномъ (1507—1521) см. въ Ист. Р. Ц. митроп. Макарія, т. IX, 89—90. Также у Е. Голубинскаго, т. II (перв. полов.), стр. 903. Ср. въ то же время продолжающуюся путаницу въ статьѣ Ник. Василенки въ Энц. словарѣ Брокгауза, т. 37, 468.

2) См. описаніе рукописи.

резъ смоленскаго епископа Іосифа, но не Болгариновича, а Солтана, съ 1507 г. митрополита Кіевскаго. Супр. обитель, основанная въ 1498—1500 гг. при Іосифѣ Болгариновичѣ А. И. Ходкевичемъ, пользовалась, повидимому, особымъ благоволеніемъ Іосифа Солтана, считавшагося, вмѣстѣ съ Ходкевичемъ, ея ктиторомъ. Указанія на этотъ счетъ мы находимъ въ IX т. Вилен. Археогр. сборника[1]). Уставъ монастырскаго общежитія данъ Супр. обители Іосифомъ Солтаномъ совмѣстно съ Ходкевичемъ (см. стр. 16—19 Сборника). На стр. 35—36 того же Сборника читаемъ письмо митрополита Іосифа, въ которомъ онъ проситъ Ходкевича защищать монастырскихъ людей отъ обидъ, такъ какъ самъ онъ, живя вдалекѣ, не всегда можетъ помочь монастырю.

Заботы Іосифа Солтана выражались и въ матеріальномъ обезпеченіи Супр. обители изъ личныхъ средствъ. Такъ, въ томъ же IX т. Вил. Арх. сборн. (стр. 8) напечатанъ «Листъ записный епископа Смоленскаго Іосифа», которымъ онъ отдаетъ Супр. монастырю на вѣчныя времена имѣніе свое Владычичи, пожалованное ему королемъ Александромъ. «Листъ» писанъ въ Вильнѣ въ 7014 (1506) г. Наконецъ, изъ «Описи вещамъ Супр. монастыря», составленной въ 1557 г. архимандритомъ Сергіемъ Кимбаремъ, видно, что въ монастырѣ хранились «ктитора митрополита Солтана наданья светой церкви у сребрѣ» (стр. 52)[2]). Не было ли среди этихъ «наданій» и интересующаго насъ Супр. сборника? Въ монастырскихъ описяхъ нѣсколько разъ упоминается какая-то Хроника и «Книга царственникъ зъ лѣтописц», но безъ связи съ именемъ Іосифа Солтана (см. IX т. Сборн., стр. 54, 204, 215—216, 242). Какъ бы то ни было, но фактъ нахожденія сборника съ «Кіев.» лѣтописью въ Супр. монастырѣ не подлежитъ сомнѣнію[3]). А это обстоятель-

1) Тамъ напечатана лѣтопись Супр. монастыря, составленная въ половинѣ XVIII в. Н. Радкевичемъ, вицевикаріемъ монастыря (см. предисл. къ IX т.). Лѣтопись мѣстами смѣшиваетъ двухъ Іосифовъ-митрополитовъ: Болгариновича и Солтана, но въ то же время содержитъ рядъ документовъ, которыми мы ниже пользуемся.

2) Объ особыхъ заботахъ Іосифа Солтана о Супр. монастырѣ см. въ т. IX И. Рус. Церкви митроп. Макарія, стр. 183—189.

3) Мы имѣемъ въ виду приписку 1543 г. о посѣщеніи Супр. монастыря Сигизмундомъ Августомъ (см. опис. рукописи).

ство, въ связи съ заботами Іосифа о монастырѣ и фактомъ возникновенія Супр. сборника въ Смоленскѣ, резиденціи смоленскаго епископа, утверждаетъ насъ въ предположеніи, что нашъ сборникъ попалъ въ Супр. монастырь черезъ митрополита Іосифа Солтана (епископа Смоленскаго съ 1502—1509 г.[1]). А этотъ выводъ поддерживаетъ насъ въ мысли, что возникновеніе «Кіевской» лѣтописи какимъ-то образомъ связано съ лѣтописной дѣятельностью при дворѣ смоленскаго епископа.

Около 1515 г. «Кіевская» лѣтопись попала въ руки лица, задумавшаго соединить ее въ одинъ сборникъ съ Сокращенной новг. лѣтописью (сходной съ Синод. № 154 спискомъ). Въ началѣ сборника оно помѣстило эту сокращенную лѣтопись, обрывавшуюся на полуфразѣ сказанія 1382 г. о разореніи Москвы Тохтамышемъ, затѣмъ списало «Кіевскую» лѣтопись и завершило сборникъ своей припиской о взятіи Смоленска Василіемъ III (подъ 1515 г.). Повидимому, центромъ вниманія составителя сборника была первая часть его труда, куда онъ внесъ кое-какія поправки; слѣды его руки въ «Кіевской» лѣтописи незамѣтны. Изъ поправокъ въ первой части сборника отмѣтимъ слѣдующія. Къ словамъ заглавія сокращ. новг. лѣтописи: «Лѣтописец Киевскіи и всее Руское земли» составитель сборника прибавилъ: «и Полское и Литвани», имѣя, очевидно, въ виду охватить этой прибавкой вторую часть своего сборника («Кіев.» лѣтопись); на основаніи «Кіев.» лѣтописи онъ внесъ поправку въ извѣстіе 1230 г. о смоленскомъ голодѣ: вм. 9000—«9 сотъ»; перечень сыновей Ольгерда подъ 1377 г. тоже, вѣроятно, исправленъ имъ на основаніи Смол. выборки[2]) (см. выше).

Послѣ завершенія Супр. сборника, но еще до внесенія въ него описанія Оршинскаго боя и похвалы Конст. Острожскому, кто-то предпола-

1) Хотя въ митрополиты избранъ въ 1507 г., но удерживалъ за собой смоленскую епископію до утвержденія отъ патріарха.

2) Имъ же, повидимому, внесено дополненіе въ извѣстіе 1381 г. о женитьбѣ Ягайла: вм. словъ: «нѣкую королицю» онъ написалъ «нѣкую королівну Казимеруву дочку Едвигу», а немного ниже въ томъ же извѣстіи добавилъ: «и крестис в Римскую веру» (объ Ягайлѣ). Всѣхъ этихъ поправокъ, вмѣстѣ съ отмѣченными въ текстѣ, нѣтъ въ Синод. № 154 спискѣ, очень близкомъ къ экземпляру, съ котораго списана Супр. лѣтопись. Поэтому мы приписываемъ ихъ составителю Супрасльскаго сборника.

галъ прибавить при переплетѣ «шесть тетратеи» «порожнихъ неписаных» сохраненныхъ «про запас на лѣтописецъ» (приписка на л. 72, см. описаніе рукописи). Мысль эта однако не была приведена въ исполненіе. Вмѣсто «лѣтописца» мы читаемъ съ листа 72 описаніе Оршинскаго боя съ похвалой гетману Острожскому, принадлежащее перу неизвѣстнаго сторонника Острожскаго. Описаніе и похвала писаны подъ датой, заимствованной изъ извѣстія о взятіи Смоленска Василіемъ III, ибо сдѣлана та же ошибка: вм. 7022 (1514)—7023 (1515), при чемъ индиктъ 2-ой показываетъ, что въ извѣстіи о взятіи Смоленска мы имѣемъ дѣло съ опиской (2-й индиктъ соотвѣтствуетъ 7022 году). Похвала во всякомъ случаѣ писана при жизни К. Острожскаго: «а гетману его (короля) вдатному кнзю Константину Ивановичу Острозскому дай, Бже, *здоровье и щастье*»... Такъ какъ Острожскій умеръ въ 1530 г., то описаніе и похвалу надо относить ко времени до 1530 г. Если они писаны до передачи нашего сборника въ Супр. монастырь Іосифомъ Солтаномъ, то сочиненіе ихъ надо отнести ко времени не позже 1521 г., когда умеръ Солтанъ.

В. А. Арнаутовъ.

Одесса.

По поводу двухъ статей А. И. Томсона о род.-вин. падежѣ.

Въ XIII томѣ «Извѣстій Отдѣленія Русскаго языка и Словесности Императорской Академіи Наукъ, С.Петербургъ 1908 года» напечатаны двѣ статьи г. Томсона: въ книгѣ 2-й: «Родительный-винительный падежъ при названіяхъ живыхъ существъ въ славянскихъ языкахъ» (стран. 232 — 264); въ книгѣ 3-й: «Къ вопросу о возникновеніи род.-вин. п. въ славянскихъ языкахъ. Приглагольный род. п. въ праславянскомъ праязыкѣ» (стран. 231 — 302). Въ обѣихъ статьяхъ авторъ имѣетъ въ виду объяснить возникновеніе употребленія формы родительнаго падежа вмѣсто формы винительнаго въ славянскихъ языкахъ. Къ сожалѣнію, мы не находимъ въ его объясненіи полнаго логическаго согласія какъ между этими статьями, такъ и между нѣкоторыми въ нихъ положеніями. Такъ, напримѣръ, по смыслу первой статьи въ возникновеніи употребленія родительнаго-винительнаго падежа весьма важную, можно сказать, даже существенную роль играетъ *опредѣленность значенія слова;* а по смыслу второй статьи первоначально родительнымъ падежомъ въ качествѣ объекта выражалось *представленіе неопредѣленнаго, пространственно неограниченнаго, вещества*. Подробнѣе на это несогласіе будетъ указано ниже. Теперь обратимся къ другому. Въ началѣ первой статьи авторъ излагаетъ свой взглядъ на труды предшествовавшихъ ему изслѣдователей подобныхъ же вопросовъ (стран. 232—243). Къ числу этихъ трудовъ относится и моя статья подъ заглавіемъ: «О замѣнительныхъ падежахъ: родительномъ и винительномъ въ современномъ русскомъ языкѣ», напечатанная въ X томѣ, 2-й кн. Извѣстій Отд. Рус. Яз. и Слов.

Импер. Ак. Н. С.Петербургъ 1905 г. стран. 31 — 65. Г. Томсонъ сдѣлалъ на нее нѣсколько критическихъ замѣчаній, которыя представляются мнѣ неосновательными и потому вызвали меня на объясненія. На стран. 238 г. Томсонъ говоритъ: «онъ (т. е. пишущій эти строки) находитъ между прочимъ, что нѣкоторыя слова, какъ богъ, господь, отьць постоянно употребляются въ формѣ род.-вин. (45). Однако Мелье[1]) указываетъ на случаи употребленія стараго вин. въ этихъ словахъ въ старославянскомъ языкѣ (Recherches, 68, 45, 56) и между прочимъ на вин. богъ въ Остром. и господь въ Маріинскомъ ев.». Это не такъ. Въ моей статьѣ говорится, что слова: богъ, господь, отьць постоянно употребляются не въ старославянскомъ языкѣ вообще, а въ Остромировомъ, Зографскомъ и Маріинскомъ евангеліяхъ въ формѣ родительнаго пад. вмѣсто винительнаго и притомъ только на мѣстѣ прямого дополненія, а не вообще на мѣстѣ винительнаго падежа, напр. послѣ предлога въ. Въ моей статьѣ на той же 45 стран. приведенъ и примѣръ изъ Остром. ев. употребленія слова богъ въ формѣ стараго вин. п. послѣ предлога въ: Іоан. XIV, і вѣроуите въ богъ и къ мя вѣроуите. Слово господь ни въ одномъ изъ указанныхъ памятниковъ не употребляется на мѣстѣ прямого дополненія въ старой формѣ вин. падежа. Примѣръ, приведенный на 45 стран. у Мелье: Луки XX, 44: дв҃дъ і оубо г҃ь нарицаатъ Мар. (Зогр. дв҃дъ і оубо г҃ѣ нарицаетъ) не заключаетъ въ себѣ слова господь на мѣстѣ прямого дополненія. По поводу этого примѣра самъ Мелье замѣчаетъ: «г҃ь du Marianus tient peut être à l'accusatif ı dont il est le predicat.», въ чемъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Слѣд., то мѣсто моей статьи, противъ котораго г. Томсонъ направилъ свое замѣчаніе съ цѣлію, конечно, лишить его достовѣрности, содержитъ въ себѣ вполнѣ вѣрное положеніе.

На стран. 58 своей статьи я выражаю свое твердое мнѣніе, что собственныя имена на *ъ* (=основн. *о*) лицъ муж. пола служатъ исходнымъ пунктомъ въ исторіи русскаго языка для объясненія появленія родительнаго падежа вмѣсто древняго винительнаго въ существительныхъ

---

1) Bibliothèque de l'Ecole des Hautes Etudes et cet. CXV-me fascicule. Paris. 1897. Recherches sur l'emploi du génitif-accusatif en vieux-slave Par A. Meillet.

именахъ предметовъ одушевленныхъ. Въ этомъ смыслѣ я не признаю никакихъ другихъ словъ равными собственнымъ именамъ на *ъ* (=основ. *о*) лицъ муж. пола. А г. Томсонъ говоритъ: «И я думаю, что *собственныя имена были въ числѣ тѣхъ словъ,* въ которыхъ впервые для отличія отъ именительнаго стали употреблять род.-вин.» (239) (курсивъ нашъ). Какія это слова и имѣютъ ли они одинаковое значеніе для рѣшенія вопроса съ собственными именами, увидимъ впослѣдствіи.

Въ моей статьѣ, между прочимъ, сказано: «если бы вмѣсто выраженія: «Исаака родилъ Авраамъ» сказать: «Исаакъ родилъ Авраамъ»; то, очевидно, эта послѣдняя форма выраженія давала бы поводъ къ смѣшенію подлежащаго съ прямымъ дополненіемъ... Поэтому языку съ теченіемъ времени естественно было почувствовать необходимость въ болѣе ясномъ, чѣмъ порядокъ словъ, различеніи подлежащаго отъ прямого дополненія въ рѣчи, если они выражаются именами существительными муж. р. на *ъ*». (56). Г. Томсонъ говоритъ: «Авторъ ошибочно думаетъ, что «почувствовали необходимость въ болѣе ясномъ, чѣмъ порядокъ словъ, различіи подлежащаго отъ дополненія». Порядокъ словъ эпохи возникновенія род.-вин. въ славянскомъ языкѣ совсѣмъ не служилъ и не могъ служить для различенія подлежащаго отъ дополненія» (240). Смѣю увѣрить почтеннаго рецензета, что я вовсе не думалъ и нигдѣ въ своей статьѣ не говорилъ, что порядокъ словъ не только эпохи возникновенія род.-вин., но и какой бы то ни было, служилъ въ славянскомъ языкѣ для различенія подлежащаго отъ дополненія. Развѣ мой примѣръ «Исаака родилъ Авраамъ», гдѣ дополненіе поставлено на первомъ мѣстѣ, а подлежаеще—на послѣднемъ, говоритъ въ пользу словъ г. Томсона? Вставка выраженія «чѣмъ порядокъ словъ» при данномъ примѣрѣ въ вышеприведенныхъ словахъ моей статьи говоритъ только о томъ, что для славянскаго языка, при свободной постановкѣ словъ въ рѣчи, нужно болѣе ясное различеніе подлежащаго отъ дополненія, чѣмъ какое могъ бы представить порядокъ словъ, который едва ли удержался бы въ языкѣ даже и при исключительномъ его употребленіи въ именахъ на *ъ* муж. пола.

На стран. 241 г. Томсонъ говоритъ: «Нѣтъ основанія искать только въ собственныхъ именахъ начала возникновенія род.-вин. *Съ тѣмъ же правомъ* (курсивъ нашъ) мы могли бы приписывать это начало опредѣлен-

нымъ (сложнымъ) прилагательнымъ, которыя, употребляясь какъ существительныя, по изслѣдованіямъ Мелье, имѣютъ только род.-вин. въ качествѣ дополненія». Я, напротивъ, полагаю, что у меня есть твердое «основаніе искать только въ собственныхъ именахъ» (не вообще, а въ собственныхъ именахъ на -*ъ* (=основн. *о*) лицъ мужскаго пола) «начала возникновенія род.-вин.» (по моему, родительнаго замѣнительнаго). Оно состоитъ не изъ моихъ личныхъ болѣе или менѣе остроумныхъ лингвистическихъ измышленій, а изъ фактическихъ данныхъ, заключающихся въ памятникахъ старославянской и древнерусской письменности. Наблюденія надъ употребленіемъ въ нихъ прямыхъ дополненій отъ именъ существительныхъ муж. рода на-*ъ* показываютъ, что одни только собственныя имена на -*ъ* (=основн. *о*) на мѣстѣ прямого дополненія постоянно, можно сказать, замѣняютъ форму винительнаго падежа на-*ъ* формою родительнаго падежа на -*а*; нарицательныя же имена лицъ и предметовъ одушевленныхъ муж. р. на -*ъ* на мѣстѣ прямого дополненія нерѣдко сохраняютъ старую форму винительнаго падежа, сходную съ формою именительнаго.

Что же касается до опредѣленныхъ (сложныхъ) прилагательныхъ, то, по моему мнѣнію, никакъ нельзя сказать, что «мы могли бы *съ тѣмъ же правомъ* приписывать имъ начало возникновенія род.-вин.», съ какимъ и именамъ собственнымъ (на -*ъ* лицъ муж. пола), не смотря на то, что, «по изслѣдованіямъ Мелье, они имѣютъ только род.-вин. въ качествѣ дополненія». Они не самостоятельны; они могутъ измѣняться по родамъ согласно съ поломъ лица, обозначаемаго тѣмъ существительнымъ именемъ, которое замѣняется опредѣленнымъ прилагательнымъ: нельзя, напримѣръ, назвать лицо женскаго пола «нищимъ», «прохожимъ». Во всѣхъ случаяхъ употребленія опредѣленныхъ прилагательныхъ муж. р. въ качествѣ существительныхъ на мѣстѣ прямого дополненія въ формѣ родительнаго замѣнительнаго (род.-вин.) подъ этими прилагательными подразумѣваются имена существительныя лицъ муж. пола. Слѣдовательно, эти прилагательныя въ сущности не сами по себѣ, какъ прилагательныя, являются прямыми дополненіями, а благодаря лишь тѣмъ существительнымъ именамъ лицъ муж. пола, которыя подъ ними подразумѣваются. Только подъ этимъ условіемъ они и мыслимы въ формѣ родительнаго падежа вмѣсто винительнаго, какъ прямыя дополненія, будучи въ сущности лишь

опредѣлительными словами къ подразумѣваемымъ подъ ними существительнымъ именамъ лицъ муж. пола. Въ современномъ русскомъ языкѣ опредѣленныя прилагательныя: *прохожій*, *нищій*, *убогій*, *слѣпой*, *хромой* и др. употребляются въ качествѣ существительныхъ подъ тѣмъ лишь непремѣннымъ условіемъ, что подъ ними подразумѣвается существительное имя лица муж. пола, именно: *человѣкъ*. Подъ словомъ, напримѣръ, *прохожій* никто не подразумѣваетъ какого либо животнаго, напр. *барана, козла, волка* и т. п., а всякій разумѣетъ только *человѣка*. Ясно, что вся сила синтаксическаго значенія заключается не въ опредѣленномъ прилагательномъ употребляемомъ въ смыслѣ существительнаго, а въ томъ подразумѣваемомъ существительномъ имени лица муж. пола, которымъ обусловливается самый смыслъ прилагательнаго, какъ существительнаго. Поэтому нѣтъ рѣшительно никакого разумнаго основанія усматривать начало возникновенія род.-вин. въ томъ, что опредѣленныя прилагательныя въ смыслѣ существительныхъ употребляются на мѣстѣ прямого дополненія въ формѣ родительнаго замѣнительнаго (род.-вин.) падежа; потому что въ тѣхъ же случаяхъ въ той же формѣ употребляются и подразумѣваемыя подъ ними существительныя имена лицъ муж. пола. Такъ напримѣръ: Матѳ. V, 43: возлюбиши искрѣнѣго своего. Мар. — възлюбиши ближънааго своего. Остром. (подраз. *человѣка*). Въ Зогр. существ. подроуга: възлюбиши подроуга своего. — Марка VIII, 23: і емъ за ржкж слѣпааго ізведе н вънъ із веси. Мар. I имъ за ржкж слѣпаего і изведе и вънъ із веси Зогр. (подраз. *человѣка*).—Марка VIII, 22: і привѣсꙋ къ немоу слѣпа і молѣахꙋ и да и коснетъ. Мар.—Изъ послѣдняго видно, между прочимъ, что въ формѣ родительнаго замѣнительнаго (род.-вин.) могли употребляться и прилагательныя неопредѣленныя съ подразумѣваемымъ существительнымъ именемъ *человѣкъ*. Это имя чаще всѣхъ другихъ нарицательныхъ именъ лицъ муж. пола (если не исключительно) подразумѣвается подъ опредѣленными прилагательными въ формѣ родительнаго замѣнительнаго (род.-вин.) падежа, и само оно на мѣстѣ прямого дополненія почти постоянно употребляется въ этой послѣдней формѣ *человѣка* [1]). Случаи употре-

1) Вотъ всѣ тѣ мѣста въ евангеліяхъ: Остромировомъ, Зографскомъ и Маріинскомъ, въ которыхъ слово *человѣкъ* употребляется, какъ прямое дополненіе,

бленія слова *человѣкъ* въ евангеліяхъ: Остромировомъ, Зографскомъ и Маріинскомъ показываютъ, что оно употреблялось въ формѣ родительнаго замѣнительнаго (род.-вин.) чловѣка не только въ опредѣленномъ значеніи, обозначаемомъ въ греческомъ текстѣ членомъ τὸν, но и—въ значеніи неопредѣленномъ,—притомъ въ послѣднемъ значеніи чаще, чѣмъ въ первомъ; именно: изъ 16 случаевъ форма чловѣка въ опредѣленномъ значеніи встрѣчается 5 разъ. А г. Томсонъ подъ вліяніемъ теоріи Мелье объ именахъ существительныхъ съ опредѣленнымъ и неопредѣленнымъ значеніемъ говоритъ (255): «Преимущественное употребленіе род.-вин. при опредѣленномъ и стараго винительнаго при неопредѣленномъ значеніи сохранилось въ нѣкоторыхъ другихъ (т. е. кромѣ слова *рабъ*) нарицательныхъ напр. чловѣкъ» (!) Вышеуказанные случаи употребленія въ трехъ древнѣйшихъ памятникахъ старославянской письменности формы чловѣка убѣдительно свидѣтельствуютъ, что опредѣленное прилагательное съ подразумѣваемымъ подъ нимъ именемъ существительнымъ *человѣкъ*, т. е. опредѣленное прилагательное въ качествѣ существительнаго, могло употребляться на мѣстѣ прямого дополненія только въ формѣ родительнаго замѣнительнаго (род.-вин.).—Что касается формы стараго винительнаго падежа чловѣкъ, то она встрѣчается въ нашихъ памятникахъ на мѣстѣ прямого дополненія только одинъ разъ (Матѳ. IX, 32); есть также случай употребленія формы стараго винительнаго падежа и отъ неопредѣленныхъ прилагательныхъ съ подразумѣваемымъ именемъ чловѣкъ, но только въ одномъ Зографскомъ евангеліи; въ другихъ двухъ: Остромировомъ и Маріинскомъ употреблена форма родительнаго замѣнительнаго (род.-вин.) отъ прилагательныхъ неопредѣленныхъ (Марка VII, 32). Особенно замѣчательно здѣсь то, что форма стараго винительнаго падежа употребляется тогда, когда рѣчь идетъ о человѣкѣ, одержимомъ какимъ-либо недугомъ, который отожествлялся съ нечистымъ духомъ, или бѣсомъ; имена же существительныя доухъ (нечистый) и бѣсъ на мѣстѣ прямого дополненія въ нашихъ памятникахъ постоянно употребляются въ формѣ стараго винительнаго падежа. Вотъ 1) случаи употребленія формы

въ формѣ родительнаго замѣнительнаго (род.-вин.) чловѣка: Матѳ. IX, 9; X, 35; XI, 8; XV, 11; XXII, 11; XXVII, 32; Марка VII, 15; Луки V, 18; VII, 25; VIII, 35; XXIII, 14; Іоан. I, 9; IV, 29; VII, 22; VIII, 40; IX, 1.

стараго винительнаго падежа чловѣкъ на мѣстѣ прямого дополненія Матѳ. IX, 32: се приведоша къ немоу чкъ нѣмъ бѣсьнъ (греч. ἰδοὺ προσήνεγκαν αὐτῷ ἄνθρωπον κωφὸν δαιμονιζόμενον) Остром. се привѣсѧ чкъ къ немоу нѣмъ бѣсенъ. Зогр. се привѣсѧ члвкъ нѣмъ бѣсенъ. Мар.—2) случай употребленія неопредѣленныхъ прилагательныхъ въ формѣ стараго винительнаго падежа: Марка VII, 32: і приведоша къ немоу глоухъ гѫгънивъ і молѣахѫ і да възложитъ на нь рѫкѫ. Зогр.—Но въ Маріинскомъ и Остромировомъ евангеліяхъ употреблена форма родительнаго замѣнительнаго (род.-вин.): і привѣсѧ къ немоу глоуха гѫгъника і молѣахѫ и да възложитъ на нь рѫкѫ. Мар. — и приведоша къ немоу глоуха и нѣма и молѣахѫ его да възложить на нь рѫкѫ. Остр. (греч. καὶ φέρουσιν αὐτῷ κωφὸν καὶ μογιλάλον καὶ παρακαλοῦσιν αὐτὸν, ἵνα ἐπιθῇ αὐτῷ τὴν χεῖρα).—Это колебаніе въ употребленіи между старымъ винительнымъ и родительнымъ замѣнительнымъ падежами, безъ сомнѣнія, объясняется тѣмъ, что при употребленіи формы стараго винительнаго падежа глоухъ гѫгьнигъ подъ этими прилагательными подразумѣвается доухъ (нечистый), а при употребленіи формы родительнаго замѣнительнаго (род.-вин.) глоуха гѫгьника подъ этими прилагательными подразумѣвается чловѣка. Отожествленіе болѣзни, недуга съ нечистымъ духомъ видно изъ слѣдующихъ мѣстъ Евангелія: Марка IX, 17, 25; Луки XIII, 11.—Въ виду всего сказаннаго предположеніе, что опредѣленныя прилагательныя въ качествѣ существительныхъ въ формѣ родительнаго замѣнительнаго (род.-вин.) могли когда-нибудь вытѣснять изъ употребленія форму стараго винительнаго падежа въ именахъ самостоятельнаго значенія, падаетъ само собою.

Г. Томсонъ ставитъ мнѣ въ вину (238), что я не разсматривалъ мѣстоименій и прилагательныхъ и не считался съ опредѣленнымъ и неопредѣленнымъ значеніемъ существительныхъ. Эти требованія, думается мнѣ, подсказаны, такъ сказать, г. Томсону изслѣдованіями Мелье, которыхъ я не читалъ, приступая къ своей работѣ. Признаюсь, я не читалъ и другихъ своихъ предшественниковъ по рѣшенію занимающаго вопроса, на которыхъ указываетъ г. Томсонъ. Говорю это, конечно, не въ оправданіе себя, а въ осужденіе. Благодаря указаніямъ моего почтен-

наго рецензента, я познакомился съ ихъ изслѣдованіями и убѣдился, что мѣнять мнѣ свой взглядъ на происхожденіе родительнаго замѣнительнаго (род.-вин.) въ современномъ русскомъ языкѣ въ какомъ бы то ни было отношеніи пока нѣтъ никакого основанія. Изъ того, что уже выше было сказано мною объ опредѣленныхъ прилагательныхъ, ясно видно, что у меня не было никакой необходимости разсматривать прилагательныя. Точно тоже я долженъ сказать относительно мѣстоименій и существительныхъ съ опредѣленнымъ и неопредѣленнымъ значеніемъ. Для большей ясности считаю необходимымъ здѣсь вкратцѣ изложить сущность теоріи о род.-вин. падежѣ. Г. Мелье первый высказалъ мысль о личныхъ мѣстоименіяхъ, какъ объ исходномъ пунктѣ для род.-вин. (въ Recherches). Г. Вондракъ[1]) считаетъ ее хотя удачною, однако не настолько, чтобы можно было остановиться на ней, и замѣняетъ ее своею, которая едва ли можетъ считаться болѣе удачною. Онъ говоритъ: «es war *ein guter Einfall*[2]), beim Forschen nach dem Ursprung des Genitiv-Accusativ sich vor allem bei den Pronominalformen umzusehen. Auch ich bin der Ansicht, dass hier seine Heimath zu suchen ist. Aber ich gehe nicht von Pronomen personale aus, sondern vom Fragepronomen къто» (328). Эта мысль повела къ лингвистическимъ соображеніямъ, доказывающимъ, что старославянскія формы мѧ и мене обѣ суть формы винительнаго падежа. Г. Мюленбахъ[3]) на поставленный имъ самимъ вопросъ: «могутъ ли мене, тебе, себе по своей формѣ быть винительными?» даетъ утвердительный отвѣтъ (1203)... Далѣе. Изъ двухъ формъ вин. п. мѧ и мене послѣдняя употреблялась будто бы тогда, когда нужна была большая выразительность на мѣстѣ прямого дополненія. А такъ какъ то, на что въ рѣчи падаетъ удареніе, является выдающимся, болѣе опредѣленнымъ, чѣмъ все безударное, и такъ какъ типомъ этого болѣе опре-

---

1) W. Vondrák. Einige Bemerkungen anlässlich Meillet's «Recherches sur l'emploi du génitif-accusatif en vieux slave. Paris. 1897» (Archiv für slavische Philologie von Jagić. B. XX. 1898. S. 325—342).

2) Курсивъ нашъ.

3) К. Мюленбахъ. Объ употребленіи род. падежа вм. винительнаго въ славянскихъ языкахъ (Извѣстія Русск. яз. и слов. Императ. Ак. Н. Томъ IV. 1899, стран. 1192—1217).

дѣленнаго прямого дополненія является форма собственно родительнаго падежа мѣстоименія мене; то отсюда необходимо слѣдовало, что, такъ называемый лингвистами, съ легкой, какъ говорится, руки г. Мелье, родительный-винительный долженъ употребляться въ *опредѣленныхъ* прилагательныхъ въ смыслѣ существительныхъ, и въ именахъ существительныхъ съ *опредѣленнымъ* значеніемъ; а также слѣдовало, конечно, и то, что въ возникновеніи родительнаго-винительнаго особенно важную роль должна играть *опредѣленность* значенія. Вотъ откуда явились и требованія г. Томсона разсматривать мѣстоименія, прилагательныя и существительныя съ опредѣленнымъ и неопредѣленнымъ значеніемъ. Но обратимся къ мѣстоименіямъ. При чтеніи старославянскихъ памятниковъ и въ голову не можетъ прійти, что формы родительнаго падежа мѣстоименій: мене, тебе, себе, кого могли послужить началомъ для родительнаго замѣнительнаго (род.-вин.) единственнаго числа на *-а* существительныхъ именъ предметовъ одушевленныхъ муж. рода съ основами на *-ъ* (= основн. *о*) уже потому, что: во-первыхъ, формы род. п. личныхъ мѣстоименій мене, тебе, себе и вопросительнаго кого относятся одинаково къ именамъ лицъ какъ мужескаго, такъ и женскаго пола; слѣдовательно, если бы отъ нихъ велъ свое происхожденіе родительный замѣнительный; то онъ долженъ былъ бы распространиться не на одни только имена лицъ муж. пола на *-ъ*, но и на имена лицъ муж. пола и женскаго, напр., на *-а* въ старославянскомъ и русскомъ языкахъ: однако ни въ томъ, ни въ другомъ отъ этихъ именъ никогда не было и нѣтъ родительнаго замѣнительнаго (род.-вин.) (см. напр. Маріин. ев. Луки VI, 13—16). Во-вторыхъ, при формахъ род. п. личныхъ мѣстоименій мене, тебе, себе существовали въ старославянскомъ яз. формы винит. падежа: ма, та, са, которыя на мѣстѣ прямого дополненія употребляются чаще, чѣмъ первыя. И при томъ никакъ нельзя утверждать, что формы мене, тебе употребляются въ качествѣ прямого дополненія тогда, когда на нихъ падаетъ удареніе, сила рѣчи, или смысла (по Мелье: formes accentuées); а формы ма, та — тогда, когда прямыя дополненія, выражаемыя личными мѣстоименіями въ ед. ч., не имѣютъ на себѣ ударенія, силы рѣчи, или смысла (formes atones). Можно привести много примѣровъ, опровергающихъ это положеніе, въ родѣ слѣдую-

щихъ: Маріин. Матѳ. X, 40: **іже вы приемлеть мѧ. приемлеть і иже приемлеть мѧ приемлеть посълавъшааго мѧ** (см. также: Матѳ. X, 32; XIV, 30; XV, 32; XVI, 13; XXV, 35; Іоан. XII, 45 и мн. др.); или: Матѳ. V, 25: **да не прѣдасть тебе сѫдии і сѫдии тѧ прѣдасть слоуѕѣ і въ темьницѫ въвръжеть тѧ** Маріин. (см. также: Матѳ. IX, 22; XVIII, 33; XXV, 24, 37, 38, 39, 44; Марка I, 24; Луки VIII, 20; XIV, 18; XIX, 43, 44; Іоан. I, 49; XVII, 1 и др.).

По поводу ф. мѣстоименія **кого** на слова г. Вондрака: «Wenn **къто-кого** zu **того его, добра его** führte, dann zu **добра**, so musste der weitere Weg zu den substantivischen o-Stämmen führen. Diese sind Masculina oder Neutra. Da aber mit **къто-кого** vorwiegend nach Personen gefragt wird, die Neutra auf -o hingegen keine Personennamen sind, so konnten nur die Substantiva auf -o des männlichen Geschlechtes von diesem Processe weiter beeinflusst werden» (331)—можно сказать лишь: да! но мѣшаетъ «если» (wenn)!

На основаніи всего сказаннаго здѣсь о мѣстоименіяхъ я вполнѣ согласенъ съ слѣдующимъ положеніемъ г. Томсона: «нужно совершенно отрѣшиться отъ какой-либо особой роли мѣстоименій въ происхожденіи род.-вин.» (235). А если такъ, то, слѣдовательно, нѣтъ никакого ущерба для дѣла и никакой моей вины въ томъ, что я въ своемъ изслѣдованіи не разсматривалъ мѣстоименій.

Наконецъ, что касается опредѣленнаго и неопредѣленнаго значенія существительныхъ, которымъ будто бы обусловливается различіе въ употребленіи родительнаго замѣнительнаго (род.-вин.) и стараго винительнаго на мѣстѣ прямого дополненія; то это различіе не оправдывается данными старославянскихъ памятниковъ, положенныхъ въ основаніе моего изслѣдованія; такъ какъ не всегда на мѣстѣ прямого дополненія существительное опредѣленнаго значенія выражается въ формѣ родительнаго замѣнительнаго (род.-вин.), а существительное неопредѣленнаго значенія—въ формѣ стараго винительнаго падежа. Слово *сынъ*, напримѣръ, нерѣдко противорѣчитъ этому положенію. Приведу примѣра два-три. Матѳ. XVI, 28: **сѫть етери отъсѫде стоꙗштихъ іже не имѫть съмръти въкоусити доньде видѧть с҃нъ чл҃вчскъ** (τὸν υἱὸν

τοῦ ἀνθρώπου) граджштъ въ цр҃ствии своѥмь. Маріин. — XVII, 15: г҃и помилоуи с҃нъ мои (μοῦ τὸν υἱόν) (ibid.).—XXI, 37: послѣдь же посъла къ нимъ с҃нъ свои (τὸν υἱὸν αὐτοῦ) (см. также: Матѳ. I, 25; Марка IX, 17; Луки II, 7 и др.). Правило примѣняется не ко всѣмъ именамъ на -ъ лицъ муж. пола, но лишь къ нѣкоторымъ категоріямъ именъ. Г. Мелье говоритъ объ нихъ въ III главѣ своихъ изслѣдованій подъ заглавіемъ: Constance de l'emloi du génitif-accusatif. Особеннаго вниманія между именами лицъ муж. пола относительно употребленія ихъ въ формѣ стараго винительнаго и родит. замѣнительнаго (род.-вин.) заслуживаетъ у него слово рабъ. По поводу его г. Мелье говоритъ: «Dans l'Evangile l'emploi de l'accusatif propre *rabŭ* et du génitif-accusatif *raba* est fixé par une règle d'autant plus remarquable qu'elle est d'accord avec celle des mots en *-iku* qui vient d'être signalée: *rabŭ* est la forme *indéterminée* et signifie «*un* serviteur»; *raba* est la forme *déterminée* et signifie «*le* serviteur». Le slave a donc possedé pendant un temps dans quelques cas un moyen de traduine l'article grec devant un substantif non accompagné d'adjectif» (59). Между примѣрами, подтверждающими это правило, указывается одинъ, который противорѣчитъ ему, именно: Луки XIV, 17: посъла рабъ свои. Маріин. Г. Мелье замѣчаетъ: «mais ici Zogr. et Sav. ont рабы своꙗ et Assem. qui a le singulier emploie correctement раба своѥго» (60). Однако нужно было бы прибавить, что въ Остром. также какъ въ Маріин.: рабъ свои (τὸν δοῦλον αὐτοῦ). Г. Бернекеръ[1]) указалъ и еще примѣръ несогласный съ правиломъ (383): Луки VII, 3: молꙗ і да спасетъ рабъ его Зогр. Въ Остр. и Маріин.: раба его. Видно, что правило, о которомъ идетъ рѣчь, соблюдалось не особенно строго и относительно слова рабъ (припомнимъ слово *человѣкъ*). Впрочемъ самъ г. Мелье говоритъ: «cette règle relative à l'emloi de рабъ et раба ne se trouve du reste vérifiée que dans l'Evangile» (60). Слѣдовательно, другими памятниками старославянской письменности оно вовсе не соблюдается. Шаткость и частич-

1) Г. Бернекеръ въ своей статьѣ «Der genitif-accusatif bei belebten wesen im slavischen» (см. Kuhn's Zeitschrift vrgl. sprachforsch. XXXVII, s. 364—386) ищетъ род. замѣн. (род.-вин.) въ отрицательныхъ предложеніяхъ.

ная примѣнимость правила объ употребленіи родительнаго замѣнительнаго на мѣстѣ прямого дополненія въ существительныхъ опредѣленнаго значенія и стараго винительнаго въ существительныхъ неопредѣленнаго значенія служать достаточнымъ оправданіемъ для меня въ томъ, что я не считался съ опредѣленнымъ и неопредѣленнымъ значеніемъ существительныхъ, которое, правда, особенно важно для теоріи г. Томсона, какъ увидимъ ниже.

Появленіе впервые въ собственныхъ именахъ на -ъ лицъ муж. пола замѣны (на мѣстѣ прямого дополненія въ старославянскомъ и въ древнерусскомъ языкахъ) формы винительнаго пад. единств. числа (въ случаяхъ необходимости для отличія отъ именительнаго) формою родительнаго падежа на *-а* объясняется въ моей статьѣ (58—59), съ одной стороны, *соотвѣтствіемъ*, замѣчаемымъ между значеніемъ собственнаго имени, какъ признака, служащаго для опредѣленія лица, къ которому оно относится, и значеніемъ родительнаго падежа существительнаго имени, какъ признака, служащаго для опредѣленія предмета, къ которому оно относится; съ другой стороны, *аналогіею*, возможною между употребленіемъ на мѣстѣ прямого дополненія формы родит. п. собственнаго имени на -ъ лица муж. пола, напр. *я знаю Петра*, и употребленіемъ на мѣстѣ прямого дополненія формы родительнаго раздѣлительнаго падежа, напр. *я даю хлѣба, воды*. Подобно тому, какъ при выраженіи: *даю хлѣба, воды* подразумѣвается: *даю* (кусокъ, часть и т. п.) *хлѣба, воды*, я допускаю возможность и при выраженіи: *я знаю Петра* первоначально подразумѣвать *нѣчто* (въ родѣ представленій: личность, видъ, форма, образъ и т. п.) т. е. какъ бы: *я знаю* (личность) *Петра*. Съ теченіемъ времени, конечно, это *нѣчто*, или все то, что подразумѣвалось, или могло подразумѣваться, исчезло изъ народнаго сознанія и форма родительнаго падежа ед. ч. отъ собственныхъ именъ на -ъ лицъ муж. пола въ качествѣ прямого дополненія въ рѣчи сдѣлалась обыкновеннымъ явленіемъ въ языкѣ и необходимымъ для того, чтобы избѣжать во многихъ случаяхъ смѣшенія подлежащаго съ дополненіемъ.

Г. Томсонъ стремительно нападаетъ на это объясненіе. «Совершенно недопустимо», говоритъ онъ, «мнѣніе автора, будто при первоначальномъ появленіи, напр., «я знаю Петра» подразумѣвалось *нѣчто*

(личность) опредѣляемое своимъ собственнымъ именемъ въ родительномъ падежѣ». Вѣдь род. п. въ славянскихъ языкахъ употребляется не только при именахъ, но и при глаголахъ». Конечно! Кто же этого не знаетъ? Но вѣдь въ данномъ случаѣ разумѣются такіе глаголы, при которыхъ прямое дополненіе обыкновенно употребляется только въ винительномъ падежѣ, какъ напр. глаголъ «*знать*», и притомъ, когда прямымъ дополненіемъ бываетъ такое имя, которое нуждается въ замѣнѣ своей формы винительнаго падежа (для отличія отъ именительнаго) формою падежа родительнаго. «Какое же *нѣчто*», продолжаетъ г. Томсонъ, «подразумѣвается въ «я жду Петра», «онъ ищетъ квартиры»? — При выраженіи «я жду Петра» можно, пожалуй, подразумѣвать и *нѣчто* въ родѣ «личности», да нѣтъ въ этомъ надобности; выраженіе же «онъ ищетъ квартиры», хотя и допускаетъ выраженіе «онъ ищетъ квартиру своего брата», встрѣчающееся даже и во второй статьѣ г. Томсона; однако, какъ не имѣющее никакого отношенія къ собственнымъ именамъ на -ъ лицъ муж. пола, можетъ только служить примѣромъ положенія, что при глаголахъ, означающихъ *желаніе, исканіе, ожиданіе* дополненіе можетъ стоять въ родительномъ падежѣ. Г. Томсонъ говоритъ далѣе: «и въ «дай хлѣба, воды» представленіе о *части*, или *количествѣ* есть такой же посторонній признакъ, какъ въ «дай карандашъ» представленіе о красномъ цвѣтѣ или шестигранной формѣ его» (241). О, нѣтъ! Въ «дай хлѣба, воды» представленіе о *части* или *количествѣ*, или даже, какъ учитъ во второй своей статьѣ г. Томсонъ, представленіе о *пространственно неограниченномъ веществѣ* вовсе не такой же посторонній признакъ, какой въ «дай карандашъ» представленіе о красномъ цвѣтѣ, или о шестигранной формѣ его. Въ «дай хлѣба, воды» представленіе о части, или количествѣ, или даже о пространственно неограниченномъ веществѣ обусловливаетъ собою употребленіе формы родительнаго падежа (*хлѣба, воды*) и самый смыслъ выраженія; и, слѣдовательно, вовсе не есть посторонній признакъ, который можетъ быть и не быть для даннаго выраженія; потому что въ противномъ случаѣ можно было бы сказать: «дай хлѣбъ», «дай воду», а это далеко не одно и тоже, что «дай хлѣба», «дай воды». Между тѣмъ въ «дай карандашъ» представленіе о красномъ цвѣтѣ и шестиграньой формѣ его, какъ признакъ посторонній, а не существенный,

можетъ быть устранено и замѣнено какимъ-нибудь другимъ представленіемъ, напр., представленіемъ о величинѣ, о длинѣ, о толщинѣ, о твердости или мягкости и т. п. безъ всякаго ущерба для самаго смысла выраженія «дай карандашъ». Ясно, что въ «дай хлѣба, воды» представленіе о части, или количествѣ, или о пространственно неограниченномъ веществѣ—вовсе не такой же посторонній признакъ, какъ въ «дай карандашъ» представленіе о красномъ цвѣтѣ, или шестигранной формѣ его.

Г. Томсонъ говоритъ: «авторъ, чтобы показать какъ род.-вин. распространился отъ собственныхъ именъ на нарицательныя напрасно прибѣгаетъ къ слѣдующему искусственному объясненію (59)... *отецъ, мужъ, сынъ*... черезъ употребленіе ихъ при собственныхъ именахъ въ качествѣ приложенія... съ выпущеніемъ собственныхъ именъ, которыя могутъ легко подразумѣваться... обращаются въ прямыя дополненія: «обрѣтохомъ (іисуса) сына іосифова» (240). Въ чемъ же заключается искусственность этого объясненія? Вѣдь въ дѣйствительности между собственнымъ именемъ лица мужескаго пола и его нарицательнымъ именемъ существуетъ самая тѣсная, непосредственная связь, которою въ языкѣ обусловливается, съ одной стороны, ихъ взаимное между собою грамматическое отношеніе въ качествѣ приложеній; съ другой стороны, согласованіе въ окончаніяхъ общаго имъ родительнаго замѣнительнаго (род.-вин.) падежа на *-а*, если и собственное, и нарицательное имя одного и того же лица муж. пола имѣютъ одинаковую основу на *-ъ* (= основн. *-о*). Но такъ какъ родительный падежъ на мѣстѣ винительнаго прямого дополненія въ собственныхъ именахъ на *-ъ* лицъ муж. пола въ старославянскомъ и русскомъ языкахъ появился раньше, чѣмъ въ нарицательныхъ; то форма родительнаго замѣнительнаго (род.-вин.) падежа собственнаго имени можетъ стоять рядомъ съ формою стараго винит. падежа нарицательнаго имени того же лица муж. пола, какъ слова опредѣляемаго. Въ этомъ случаѣ согласованіе въ падежѣ между приложеніемъ и его опредѣляемымъ словомъ бываетъ не по формѣ, а по значенію. Припомнимъ лѣтописное выраженіе: «вдавъ (говорится о Рюрикѣ) ему (Олегу) *сынъ свой* на руцѣ *Игоря*» (т. е. поручивъ ему *сына своего Игоря*. См. Повѣсть врем. лѣтъ по Лаврент. списку. Изд. свѣтописи Археограф. Коммиссіи. Спб. 1872, 15, 6—7).

Здѣсь прямое дополненіе, нарицательное имя, *сынъ свой* въ формѣ стараго винит. падежа, а приложеніе, собственное имя, *Игоря* въ формѣ родит. замѣнительнаго (род.-вин.). Тѣмъ не менѣе объясненіе вліянія собственныхъ именъ на -ъ лицъ муж. пола на распространеніе родит. замѣн. (род.-вин.) падежа въ нарицательныхъ именахъ на -ъ тѣхъ же лицъ муж. пола чрезъ согласованіе—вполнѣ естественно и не заключаетъ въ себѣ ничего искусственнаго. Г. Томсонъ говоритъ: «Нужно еще имѣть въ виду, что ни одно изъ собственныхъ именъ, встрѣчающихся въ разсмотрѣнныхъ авторомъ старославянскихъ памятникахъ, не восходитъ къ эпохѣ первоначальнаго возникновенія род.-вин.» (даже имя Авраама?!.). «Вѣроятно, громадное большинство собственныхъ именъ того времени не отличалось отъ нарицательныхъ . . . Род.-вин. отъ тогдашнихъ собственныхъ именъ вродѣ «Волкъ», «Зубъ», «Владимиръ», «Завихвостъ» и пр. могъ прямо распространиться на нарицательныя «хвостъ», «волкъ» и т. п. Только бѣда въ томъ, что этимъ путемъ род.-вин. являлся бы рѣже всего при названіяхъ лицъ». Да, если мы покинемъ историческую почву и вознесемся мысленно къ тому времени, которое предшествуетъ даже времени Авраама, когда «громадное множество собственныхъ именъ не отличалось отъ нарицательныхъ», т. е. ко времени смѣшенія собственныхъ именъ съ нарицательными, или ко времени воображаемаго хаоса, которое, какъ кажется, особенно любезно моему почтенному рецензенту, объясняющему и возникновеніе родительнаго замѣнительнаго (род.-вин.) изъ праязычнаго смѣшенія винительнаго падежа съ родительнымъ; но если мы станемъ на историческую почву и обратимся къ историческому времени существованія старославянскаго и русскаго языковъ, когда собственныя имена не смѣшивались съ нарицательными; то увидимъ, что мысль г. Томсона о прямомъ распространеніи род.-вин. отъ собственныхъ именъ на нарицательныя въ примѣненіи къ фактамъ языка историческаго времени оказывается совершенно несостоятельною. Род.-вин. отъ собственнаго имени «Завихвостъ» и, пожалуй, отъ собственнаго имени Владимирова воеводы «Волчій Хвостъ», о которомъ упоминается въ лѣтописи подъ 984 годомъ, не можетъ никакимъ образомъ распространиться на нарицательное имя «хвостъ», или даже «волчій хвостъ»!—«Зубъ», «Хвостъ» въ значеніи собственныхъ именъ лицъ муж. пола могутъ имѣть роди-

тельный замѣнительный падежъ, т. е. форму родительнаго падежа «Зуба», «Хвоста» въ качествѣ винительнаго на мѣстѣ прямого дополненія; но, какъ нарицательныя имена, они не могутъ употребляться въ формѣ родительнаго падежа съ значеніемъ винительнаго; именно, потому что, будучи нарицательными именами неодушевленныхъ предметовъ, они не могутъ употребляться въ языкѣ *въ смыслѣ приложеній* къ собственнымъ именамъ лицъ мужескаго пола, подобно нарицательнымъ именамъ лицъ муж. пола: *отецъ, братъ, сынъ* и т. п. Слѣдовательно, о прямомъ распространеніи родительнаго замѣнительнаго (род.-вин.) отъ собственныхъ именъ на -*ъ* лицъ муж. пола, «тогдашнихъ» и «не тогдашнихъ», на какія бы то ни было нарицательныя имена на -*ъ* муж. рода вродѣ «хвостъ», «зубъ» и т. п. и рѣчи быть не можетъ.

«Въ статьѣ встрѣчаются еще другія мѣста», говоритъ г. Томсонъ (242), «которыя не встрѣтятъ сочувствія лингвистовъ, напр. (33): «разница между именительнымъ или родительнымъ и винительнымъ падежами, какъ грамматическими формами, могла быть въ сознаніи только отдѣльныхъ лицъ, филологовъ, но не въ народномъ вообще сознаніи: вѣдь есть же языки, неимѣющіе никакихъ падежей»!!. Въ дѣйствительности такихъ языковъ нѣтъ, и филологи различаютъ эти падежи только потому, что они различаются въ народномъ сознаніи. Вѣдь для народнаго сознанія не безразлично, сказать ли, «мать видитъ дочь», или «дочь видитъ мать»!!. Эти послѣдніе два восклицательныхъ знака, по всей вѣроятности, выражаютъ удивленіе г. Томсона передъ силою собственнаго своего возраженія, которое въ сущности заключаетъ въ себѣ лишь значительную путаницу понятій: въ немъ смыслъ выраженій «мать видитъ дочь» и «дочь видитъ мать» смѣшанъ съ падежами! Смыслъ выраженій «мать видитъ дочь» и «дочь видитъ мать», конечно, не безразличенъ для народнаго сознанія, незнакомаго съ грамматикою; но падежи въ этихъ выраженіяхъ: именительный и винительный, какъ формы съ извѣстнымъ грамматическимъ значеніемъ, для него совершенно безразличны. Въ выраженіи «мать видитъ дочь» народъ пойметъ, что «мать», а не «дочь», видитъ; въ выраженіи же «дочь видитъ мать» народъ пойметъ, что «дочь», а не «мать» видитъ—и только! Но что въ первомъ выраженіи слово «мать» съ грамматической точки зрѣнія есть подлежащее и именитель-

ный падежъ, а слово «дочь» есть прямое дополненіе и винительный падежъ; что, напротивъ, во второмъ выраженіи слово «дочь» есть подлежащее и именительный падежъ, а слово «мать» есть прямое дополненіе и винительный падежъ;—этого народъ не только не различаетъ, но и не сознаетъ, что нужно различать. Поэтому никакъ нельзя сказать, что, «*и филологи различаютъ эти падежи только потому, что они различаются въ народномъ сознаніи*». Лица, незнакомыя съ грамматикою, употребляютъ грамматическія формы въ устной и письменной рѣчи безсознательно, по преданію, по привычкѣ, пріобрѣтаемой практикою. Языку въ народѣ присущи законы, которыми народъ безсознательно руководствуется въ рѣчи, выражая ихъ болѣе или менѣе правильно. Вывести эти законы изъ ихъ скрытаго въ природѣ самого народа состоянія въ явное, изъ безсознательнаго ихъ употребленія въ сознательное, есть дѣло филологовъ, которые посредствомъ научнаго анализа явленій языка различаютъ, опредѣляютъ и называютъ ихъ, какъ грамматическія формы разнаго рода. Если бы падежи, какъ грамматическія формы словъ, отличающіяся однѣ отъ другихъ по звукамъ и по значенію, различались въ народномъ сознаніи; то смѣшеніе ихъ въ народномъ языкѣ было бы невозможно. Между тѣмъ примѣровъ смѣшенія падежей въ говорахъ русскаго народа сколько угодно. Академикъ А. И. Соболевскій въ «Лекціяхъ по исторіи русскаго языка»[2] 1891, стран. 173—195—представляетъ даже изъ письменныхъ памятниковъ не мало примѣровъ смѣшенія не только падежей, но и другихъ грамматическихъ формъ, какъ то: родовъ и чиселъ. Спрашивается: чѣмъ же инымъ объясняется смѣшеніе грамматическихъ формъ падежей, чиселъ и родовъ въ устной народной рѣчи и въ письменныхъ памятникахъ съ древнихъ временъ, какъ не безсознательностью ихъ употребленія?

Я говорю о падежахъ, какъ о такихъ грамматическихъ формахъ словъ, изъ которыхъ состоятъ склоненія именъ и мѣстоименій съ различными основами въ томъ, или другомъ языкѣ индоевропейской отрасли. Подъ падежомъ я разумѣю не одно его внутреннее грамматическое значеніе, но и ту внѣшнюю звуковую сторону слова, въ которой оно выражается и которая обусловливается измѣненіями въ окончаніяхъ именъ и мѣстоименій, обозначающими грамматическія отношенія склоняемыхъ

словъ къ другимъ словамъ въ рѣчи. Гдѣ нѣтъ этихъ измѣненій, тамъ, по моему мнѣнію, нѣтъ склоненій, нѣтъ и падежей. Поэтому я не признаю существованія склоненій и падежей, напр. во французскомъ языкѣ, и не допускаю тожества по значенію между русскими формами родительнаго падежа: *воды, масла* и французскими выраженіями: *de l'eau* и *du beurre*. Г. Томсонъ думаетъ, конечно, иначе (см. 2-ю его статью, стр. 238). Нѣтъ сомнѣнія, что тѣ грамматическія значенія и отношенія между словами въ рѣчи, которыя выражаются въ однихъ языкахъ падежами, какъ особыми грамматическими формами словъ, могутъ выражаться въ другихъ языкахъ иными средствами: помощію частицъ, предлоговъ и т. п. Но это не даетъ права отожествлять всѣ эти способы, или средства съ падежами, какъ особыми опредѣленными грамматическими формами словъ. Такъ какъ я не признаю грамматическаго тожества между падежами и всѣми тѣми средствами, которыми языки могутъ возмѣщать отсутствіе падежей, и такъ какъ въ существованіи языковъ послѣдней категоріи нѣтъ никакого сомнѣнія; то я и сказалъ въ своей статьѣ: «вѣдь есть же языки, неимѣющіе никакихъ падежей» и считаю это положеніе совершенно вѣрнымъ, хотя бы несочувствующіе ему лингвисты вмѣстѣ съ г. Томсономъ признавали научно вѣрнымъ не только то, что въ дѣйствительности во всѣхъ языкахъ есть падежи, какъ особыя грамматическія формы словъ, но и то, что въ дѣйствительности род.-вин. падежъ существуетъ не въ однихъ славянскихъ языкахъ, но во всѣхъ языкахъ на земномъ шарѣ!

Въ своемъ изслѣдованіи я высказалъ положеніе, что «всѣ имена существительныя муж. р. на *-ъ* (*-ь*,*-й*) въ современномъ русскомъ языкѣ представляютъ собою въ сущности формы падежа винительнаго, подобно именамъ существительнымъ средняго рода, неимѣвшимъ никогда для именительнаго падежа особой формы» (62). Г. Томсонъ выписалъ это положеніе, отбросивъ слова «подобно именамъ существительнымъ средняго рода и пр.» подтверждающія его аналогіею, и говоритъ: «это г. Некрасовъ доказываетъ тѣмъ, что, напр. въ «сшедшій съ небесъ сынъ человѣческій, сущій на небесахъ», *сшедшій* и *сущій* суть формы древняго вин. п. и указываютъ на свое опредѣляемое слово *сынъ*, какъ на форму винительнаго падежа, замѣнившую собою на мѣстѣ подлежащаго форму имени-

тельнаго» (242). Это мое объясненіе для г. Томсона неубѣдительно; а между тѣмъ онъ самъ прибѣгаетъ къ такому же объясненію на стран. 247 своей статьи, говоря, что, часто Pat. (Patiens) опредѣлялся безошибочно другими словами. Такъ въ «отьць посъла рабъ свои» слово свои указываетъ, что «рабъ» не подлежащее. Въ «оузьрите сынъ» форма глагола указываетъ на другой Ag. (Agens), чѣмъ «*сынъ*». Въ «видитъ влъкъ граджщь» форма причастія указываетъ на вин. п. влъкъ». Почему же въ послѣднемъ примѣрѣ форма причастія граджщь можетъ указывать на опредѣляемое ею слово влъкъ, какъ на винительный падежъ; а русскія формы причастій *сшедшій* и *сущій*, будучи древними формами винительнаго падежа, не могутъ указывать на опредѣляемое ими слово *сынъ*, какъ на винительный падежъ, замѣнившій собою вмѣстѣ съ ними на мѣстѣ подлежащаго въ современномъ русскомъ языкѣ падежъ именительный? Вѣдь нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что древнія формы винительнаго падежа могли получить въ современномъ русскомъ языкѣ на мѣстѣ подлежащаго значеніе именительнаго (*люди*, *волки*). Но г. Томсонъ продолжаетъ: «Слѣдовательно, старослав. им. п. *сынъ* есть старый им., потому что соединяется съ сънидъи, съи, а современные русскіе именительные *сынъ*, *рабъ*, *конь* и пр. суть старые винительные, замѣнившіе собою точно такіе же старые именительные»!! — Если бы г. Томсонъ не старался представить мою мысль въ искаженномъ видѣ; то долженъ былъ бы изложить ее такъ: «слѣдовательно, старослав. им. п. *сынъ* есть имен. п., если онъ соединяется съ *сшедый*, *сый* и винит., если соединяется съ *сшедъшь*, сжщь; а современные русскіе именительные *сынъ*, *рабъ*, *конь* и пр. суть старые винительные, потому что соединяются въ современномъ русскомъ языкѣ съ такими формами причастій, которыя въ древности были формами винительнаго падежа, напр. *любящій сынъ*, *бывшій рабъ* и пр.». Здѣсь причастія *любящій*, *бывшій* суть древнія формы винительнаго падежа, которыя съ теченіемъ времени въ русской рѣчи при формахъ: *любящая*, *бывшая*; *любящее*, *бывшее* получили, по аналогіи съ формою *нищій* при формахъ: *нищая*, *нищее*, значеніе формы именительнаго падежа муж. рода. Во всемъ этомъ, кажется, нѣтъ ничего удивительнаго. Г. Томсонъ далѣе поучаетъ: «Въ дѣйствительности русскіе именительные падежи *сынъ*, *конь*, *край*,

столъ и пр. безпрерывные потомки индоевропейскаго именительнаго, не только по значенію, но и по формѣ». На такомъ же основаніи можно сказать точно тоже и о русскихъ винительныхъ падежахъ отъ именъ на *-ъ*, т. е. что «въ дѣйствительности русскіе винительные падежи «сынъ», «конь», «край», «столъ» и пр. безпрерывные потомки индоевропейскаго винительнаго, не только по значенію, но и по формѣ»; потому что какъ винительные, такъ и именительные падежи именъ существительныхъ на *-ъ* (*-ь*, *-й*) въ исторіи русскаго языка не удержались на своей первоначальной степени формальнаго значенія: винительные падежи въ извѣстныхъ случаяхъ по своей звуковой формѣ были замѣнены формою родительнаго падежа на *-а*; именительныя падежи по своей звуковой формѣ стали соединяться съ формою винительнаго падежа опредѣленныхъ причастій на *-щій*, *-шій* и прилагательныхъ сравнительной степени на *-шій* (*старшій сынъ*, *лучшій конь*). И такъ, если *сынъ*, *конь*, *край*, *столъ* и прочія существительныя имена на *-ъ* (*-ь*, *-й*) — безпрерывныя потомки индоевропейскихъ именительнаго и винительнаго падежей; то позволительно спросить: къ которой же изъ двухъ грамматическихъ категорій, падежей именительнаго и винительнаго, отнесла ихъ наконецъ — (т. е. въ современномъ моментѣ употребленія) исторія языка съ ихъ формальной стороны? На этотъ вопросъ и дается объяснительный отвѣтъ въ моей статьѣ стран. 61 — 63.

Наконецъ г. Томсонъ возражаетъ противъ моей мысли о необходимости принять въ грамматику современнаго русскаго языка два замѣнительныхъ падежа: родительный и винительный такимъ образомъ: «Авторъ упустилъ два другихъ такихъ же замѣнительныхъ падежа. По мнѣнію большинства лингвистовъ род. п. напр. *раба* по формѣ старый отложительный п., замѣнившій род. п., а древняя форма звательнаго п. замѣняется именительнымъ. Если принять мысль автора, то въ русской грамматикѣ явятся вмѣсто «им. п.»—«замѣнительный вин. п.» *сынъ*, вмѣсто «вин. п.» — «замѣнительный род.», который въ свою очередь «замѣнительный отложительный п.» *сына*, вмѣсто «зват. п.» «замѣнительный им. п.», который въ свою очередь замѣнительный винительный падежъ» *сынъ!* а рядомъ съ нимъ: «им. п.» *жена*, «вин. п.» *жену*, «зват. п.» *о Боже!* Такая терминологія внесла бы въ грамматику безвыходный сум-

буръ. Вдобавокъ она совершенно не вѣрна. Падежъ заключается прежде всего въ падежномъ значеніи. Поэтому современное русское *сына*, напр. въ «приведи сына» есть настоящій вин. п., такой же, какъ вин. *жену, столъ*. А им. п. *сынъ, столъ* и пр. никогда не былъ даже по формѣ вин. п.» (242—243). Это возраженіе по своей принципіальности требуетъ подробнаго анализа. Необходимость принять въ грамматикѣ русскаго языка два замѣнительныхъ падежа: родительный и винительный обусловливается, по моему мнѣнію, настоятельною потребностью имѣть въ грамматикѣ основаніе для яснаго пониманія историческаго значенія падежныхъ формъ современной русской рѣчи. Никакого сумбура не могутъ внести въ грамматику ясно и точно изложенныя въ надлежащемъ мѣстѣ положенія о тѣхъ падежныхъ формахъ, которыя въ современномъ русскомъ языкѣ замѣнили собою прежнія формы съ ихъ значеніями. Вотъ, напр., относительно именительнаго падежа можно было бы внести въ грамматику слѣдующія положенія:

1) Въ современномъ русскомъ языкѣ отъ древнѣйшихъ временъ настоящая (истая) форма именительнаго падежа сохранилась только въ единственномъ числѣ отъ слѣдующихъ именъ существительныхъ: а) отъ именъ существительныхъ на *-а* и *-я*; напр. *Ѳома, слуга, жена, вода, земля, воля* и т. п.; б) отъ собственныхъ именъ существительныхъ на *-ъ, -ь, -й* лицъ муж. пола; напр. *Петръ, Игорь, Николай* и др. Впослѣдствіи къ этимъ послѣднимъ именамъ существительнымъ присоединились в) имена существительныя нарицательныя лицъ и существъ одушевленныхъ муж. пола на *-ъ, -ь, -й*; напр. *сынъ, гость, быкъ, конь, соловей* и др.; г) во всѣхъ другихъ именахъ существительныхъ муж. рода на *-ъ. -ь, -й* неодушевленныхъ и отвлеченныхъ предметовъ и средняго рода на *-о, -е, -мя* настоящая (истая) форма именительнаго падежа замѣняется исконною формою винительнаго падежа, которая по значенію въ отличіе отъ настоящей (истой) формы винительнаго п. называется формою *винительнаго замѣнительнаго падежа;* напр. въ выраженіи «строится домъ» русское совр. *домъ* есть форма *винительнаго замѣнительнаго* п., т. е. форма такого исконнаго винит. падежа, которая въ данномъ случаѣ имѣетъ значеніе именительнаго падежа; въ выраженіи же «строятъ *домъ*» слово «*домъ*» есть форма *настоящаго (истаго) винительнаго падежа.*

2) Во множественномъ числѣ настоящая (истая) форма именительнаго падежа въ современномъ русскомъ языкѣ собственно отъ всѣхъ именъ существительныхъ замѣняется формою древняго винительнаго падежа (см. мою статью «О замѣнительныхъ падежахъ», стран. 60; А. И. Соболевскаго «Лекціи[2]» 179), которая называется формою *винительнаго замѣнительнаго.* Но если форма замѣнительнаго винительнаго падежа не употребляется вовсе въ современномъ русскомъ языкѣ съ своимъ настоящимъ значеніемъ (истаго вин. падежа), то она перестаетъ быть замѣнительною и становится настоящею (истою) формою падежа именительнаго; (см. п. 1, в) такъ напр. совр. русское «*мой возлюбленный сынъ*» есть собственно форма замѣнительнаго винительнаго падежа (срав. Луки XII, 13: **посълѭ сн҃ъ мои вьзлюблены.** Зогр.); но такъ какъ это выраженіе не употребляется теперь съ настоящимъ значеніемъ винит. падежа (т. е. теперь нельзя сказать: пошлю *сынъ мой возлюбленный;* слѣдовательно, выраженіе *мой возлюбленный сынъ*, какъ форма истаго винительнаго падежа, исчезло изъ совр. языка); то оно въ современномъ русскомъ языкѣ получило значеніе формы настоящаго (истаго) именит. падежа. Поэтому и формы винительнаго замѣнительнаго множ. числа отъ именъ существительныхъ лицъ и существъ одушевленныхъ въ современномъ русскомъ языкѣ получили значеніе формъ настоящаго (истаго) именительнаго падежа, напр. *люди* (др. вин. п. при им. **людиѥ**); *рабы* (др. вин. п. при им. **раби**); *волки* (др. вин. п. при им. **влъци**); *жены, дѣвицы* (др. вин.); *ребята, телята* и т. п. суть формы именительнаго падежа мн. числа.

Относительно винительнаго падежа:

3) Въ современномъ русскомъ языкѣ отъ древнѣйшихъ временъ настоящая (истая) форма винительнаго падежа сохранилась въ единственномъ числѣ: а) отъ существительныхъ именъ на *-а, я* муж. и жен. рода: напр. *Ѳому, слугу, жену, воду, землю, волю* и т. п., б) отъ существительныхъ именъ муж. р. на *-ъ, -ь, -й* неодушевленныхъ и отвлеченныхъ предметовъ и отъ существительныхъ именъ средняго рода; напр. *домъ, столъ, гвоздь, иней; чадо, чудо, дѣло, горе, дитя, время* и др.

4) Во множественномъ числѣ отъ всѣхъ именъ существительныхъ предметовъ неодушевленныхъ и отвлеченныхъ; напр. *дома́* и *до́мы,*

столы, гвозди, инеи; вóды, волны, земли, страсти, церкви; дѣлá, моря́, поля́, имѣнія, чудеса, времена и др.

5) Вмѣсто настоящей (истой) формы винительнаго падежа въ современномъ русскомъ языкѣ употребляется форма родительнаго падежа, которая въ отличіе отъ настоящей (истой) формы родительнаго падежа называется формою родительнаго замѣнительнаго падежа: а) въ единственномъ числѣ отъ существительныхъ именъ на -*ъ*, -*ь*, -*й* лицъ и существъ одушевленныхъ муж. пола; напр. *сына, вождя, соловья* и др.; б) во множественномъ числѣ отъ всѣхъ существительныхъ именъ лицъ и одушевленныхъ существъ; напр. *сыновей, вождей, отцовъ, солдатъ* (древняя ф. родит. п. мн. ч.); *женъ, коровъ, овецъ, матерей, барынь; дѣтей, телятъ* и пр.

6) Что касается формы звательнаго п., то она за исключеніемъ древнихъ формъ: *Боже! Господи!* совершенно изчезла изъ соврем. русскаго языка и постоянно замѣняется формою именительнаго падежа: настоящаго; напр. «*Вы, отроки-други, возьмите коня!*» (п. 2), или винительнаго замѣнительнаго, напр. «*О поле, поле,* кто тебя усѣялъ мертвыми костями?» и не представляетъ никакихъ затрудненій.— Объ отложительномъ падежѣ, котораго никогда не знала русская грамматика, не было и нѣтъ никакой надобности говорить особо, если не предполагается дѣлать въ ней сравненіе русскихъ падежей съ санскритскими.

7) Между настоящими (истыми) и ихъ замѣнительными падежами нѣтъ и не можетъ быть полнаго тожества: замѣнительные падежи могутъ быть тожественны съ замѣняемыми ими настоящими (истыми) падежами: или только *по значенію* (синтаксическому), или только *по звуковой формѣ*.

Разумѣя подъ грамматическою формою падежа какъ внутреннюю, такъ и внѣшнюю ея сторону, т. е. не одно только ея падежное значеніе, но и ея звуковую сторону, я не понимаю, какой сумбуръ внесли бы въ грамматику современнаго русскаго языка только что изложенныя выше мною положенія о замѣнительныхъ падежахъ. Вся терминологія для нихъ состоитъ собственно изъ одного новаго термина «замѣнительный», который вполнѣ ясенъ и, такъ сказать, подсказанъ самою исторіею языка. Тѣмъ не менѣе г. Томсонъ признаетъ ее *совершенно невѣрною*. Почему же?

Потому что онъ цѣпко держится того ученія, по которому «*граммати-ческая форма* есть элементъ значенія слова и однородна съ его веще-ственнымъ значеніемъ», и по которому «гдѣ два значенія, тамъ два слова и двѣ формы [1])». (Хотѣлось бы знать опредѣленнѣе: чтó значитъ здѣсь это «гдѣ», если оно не значитъ: «въ *одномъ* словѣ» и «въ *одной* формѣ»?..). Вотъ это-то ученіе и должно внести сумбуръ въ русскую грамматику въ родѣ, напр., полнаго смѣшенія родительнаго падежа *(сына)* съ винитель-нымъ *(жену)*.

Родительному замѣнительному «по совершенно вѣрной терми-нологіи» соотвѣтствуетъ *родительный-винительный падежъ;* слѣдо-вательно *винительному замѣнительному* долженъ соотвѣтствовать *винительный-именительный* падежъ (!). Эти двойные падежи являются какими-то грамматическими уродами въ видѣ двухъ сросшихся близнецовъ различной породы. Меллье первый написалъ «Изслѣдованіе объ употре-бленіи *родительнаго-винительнаго падежа* въ древне-славянскомъ языкѣ». Что же это за падежъ? Какое его падежное значеніе?.. Если «па-дежъ заключается прежде всего въ падежномъ значеніи» и если «поэтому современное русское *сына*, напр.; въ «приведи сына» есть настоящій вин. п., такой же, какъ вин. *жену, столъ*»; то почему же современное рус-ское *сына* можетъ быть въ то же время и род.-вин. падежомъ, а совре-менныя русскія *жену*, *столъ* не могутъ быть въ тоже время род.-вин. падежомъ?.. Современное русское *сына*, подобно современнымъ рус-скимъ *жену*, *столъ*, можетъ быть винит. падежомъ, но вѣдь только подъ условіемъ, напр., выраженія «приведи сына». А современное рус-ское *сына*, напр., въ «не приведи сына» есть настоящій родительный падежъ. Слѣдовательно, современное русское *сына* можетъ быть и «на-стоящимъ» винительнымъ и настоящимъ родительнымъ падежомъ, чего нельзя сказать о современномъ русскомъ *жену*. Кромѣ того въ древнемъ русскомъ языкѣ было возможно выраженіе «приведи сынъ», гдѣ «сынъ» есть также настоящій вин. п. Исторія языка показываетъ, что слово *сынъ* имѣетъ двѣ формы «настоящаго» винительнаго падежа: древнѣйшую *сынъ* и позднѣйшую *сына;* слова же *жена*, *столъ* имѣютъ лишь одну только настоящую форму винительнаго падежа, какъ древнѣйшую, такъ

1) Потебня. Изъ записокъ [2], 29.

и позднѣйшую: *жену, столъ.* Очевидно, что современное русское *сына* *не* есть настоящій винительный падежъ, такой же, какъ винительный *жену, столъ.* Если бы современное русское *сына* было настоящимъ винительнымъ падежомъ, такимъ же, какъ винительный *жену;* то не было бы никакой надобности прибѣгать къ выраженію «приведи сына»: настоящій винительный падежъ *жену* не требуетъ этого.

Но допустимъ, что современное русское *сына* въ «приведи сына» есть настоящій винительный падежъ, такой же, какъ винительный *жену*, и посмотримъ, что изъ этого выходитъ.

Если современное русское *сына* въ «приведи сына» есть настоящій вин. п., такой же, какъ вин. *жену*, и въ тоже время есть настоящій род.-вин. падежъ, то спрашивается: существуетъ ли тожество между настоящимъ винительнымъ падежомъ и родительнымъ-винительнымъ по *ихъ падежному значенію*, такъ какъ, по мнѣнію г. Томсона, падежъ заключается прежде всего въ падежномъ значеніи? Если существуетъ между ними такое тожество, то для чего же кромѣ винительнаго падежа понадобился еще род.-вин. падежъ? И зачѣмъ эта приставка «родительный» къ термину «винительный»? Должно думать, что тожества между падежами: настоящимъ винительнымъ и родительнымъ-винительнымъ нѣтъ и нельзя допустить его; потому что соврем. русское *жену* не имѣетъ значенія родительнаго-винительнаго падежа, не смотря на то, что *жену* есть настоящій винительный падежъ, такой же, какъ вин. *сына* въ «приведи сына». И такъ, *падежи: настоящій винительный и родительный-винительный не тожественны по своему падежному значенію.* А между тѣмъ соврем. русское *сына* въ «приведи сына» есть и настоящій винит. падежъ, и настоящій род.-винит. падежъ, т. е. выходитъ, что соврем. русское *сына*, въ качествѣ грамматической формы падежа, заключаетъ въ себѣ два разныхъ падежныхъ значенія: значеніе настоящаго винит. падежа въ «приведи сына», и значеніе родит.-винит. падежа, что, очевидно, противорѣчитъ ученію: «гдѣ два значенія, тамъ два слова и двѣ формы». Что же это, какъ не безвыходный сумбуръ, къ которому необходимо приводитъ смѣшеніе, или даже отожествленіе формы *сына* (хотя бы и въ «приведи сына») съ формою *жену* по падежному значенію.

Если родительный-винительный падежъ не тожественъ по своему падежному значенію съ настоящимъ винительнымъ падежомъ; то спрашивается: какое же его собственное значеніе? Судя по термину и сообразуясь съ взглядомъ г. Томсона на падежъ, должно думать, что значеніе род.-вин. падежа отличается отъ значенія настоящаго винит. падежа *сложностью*, равною суммѣ значеній родит. и винит. падежей. Но такъ ли это?.. Впрочемъ ниже мы увидимъ, какую роль играетъ форма род.-вин. падежа въ теоріи г. Томсона. Очевидно однако, что для надлежащаго пониманія грамматической формы недостаточно видѣть въ ней только элементъ значенія слова и однородность ея съ его вещественнымъ значеніемъ: необходимо также всегда имѣть въ виду не менѣе важную ея внѣшнюю звуковую сторону.

Г. Томсонъ заключаетъ свои критическія замѣчанія на мою статью слѣдующимъ положеніемъ: «А именит. п. *сынъ, столъ* и пр. никогда не былъ даже по формѣ вин. п.». Но какъ же это такъ? То *столъ*, какъ и *жену*, есть настоящій винительный падежъ, то *столъ* никогда не былъ даже по формѣ винительнымъ падежомъ?.. Не *столъ*, воскликнетъ г. Томсонъ, а именительный падежъ *столъ* никогда не былъ даже по формѣ винительнымъ падежомъ!... Вполнѣ признавая справедливость той мысли, что именительный падежъ, понимаемый отвлеченно и конкретно въ словѣ, на мѣстѣ подлежащаго въ моментъ употребленія его въ рѣчи, есть всегда именительный падежъ и никогда не былъ винительнымъ *по значенію;* я тѣмъ не менѣе полагаю, вопреки мнѣнію г. Томсона, что въ соврем. русскомъ языкѣ есть множество именительныхъ падежей (отъ именъ существ.), которые были нѣкогда и остаются теперь винительными падежами *по формѣ*. (А. И. Соболевскій Лекціи[2] 177 и 179; Мелье Recherches, 42 — 43). Можно ли сказать, что, напр., современные русскіе именительные падежи: *камень, любовь; люди, рабы, столы, волки* и мн. др. не были никогда «даже *по формѣ*» винительными падежами?.. Если же г. Томсонъ, говоря «даже по формѣ» разумѣетъ: «по формѣ», «присутствіе и функція коей узнается не иначе, какъ по смыслу, т. е. по связи съ другими словами и формами въ рѣчи и языкѣ». (Потебня, Изъ записокъ[2], 36); то его выраженіе «даже по формѣ» равносильно выраженію «даже по значенію». Въ такомъ случаѣ положеніе:

«а им. п. *сынъ*, *столъ* и пр. никогда не былъ даже по формѣ (понимай: по значенію) вин. п.» — есть не болѣе, какъ топтаніе на одномъ и томъ же мѣстѣ: именительный падежъ всегда есть по значенію именительный; винительный падежъ всегда есть по значенію винительный и т. д.

Постараюсь теперь вкратцѣ изложить теорію г. Томсона, заключающую въ себѣ рѣшеніе вопроса о возникновеніи родительнаго-винительнаго падéжа, придерживаясь словъ самого автора. — Г. Томсонъ опредѣляетъ свою точку зрѣнія такъ: «Въ противоположность», говоритъ онъ, «Меллье и Мюленбаху, прибѣгающимъ къ механической морфологической аналогіи, Вондраку и Бернекеру, прибѣгающимъ къ посредничеству синтаксической аналогіи, я вижу исходную точку въ процессѣ возникновенія род.-вин. въ семасіологической сторонѣ языка» (245). Непонятно здѣсь, почему г. Томсонъ считаетъ г. Вондрака прибѣгающимъ къ посредничеству синтаксической аналогіи: въ первомъ отдѣлѣ своей статьи г. Томсонъ совершенно вѣрно изложилъ сущность теоріи Вондрака, сказавъ, что г. Вондракъ «исходной точкой возникновенія род.-вин. дѣлаетъ вопросительное мѣстоименіе *къто*, вин. п. котораго всегда *кого*» (234). Правда, у Вондрака есть замѣчаніе о томъ, что распространенію род.-вин. способствовалъ род. п. прямого дополненія въ отрицательныхъ предложеніяхъ; но сущность его теоріи заключается не въ этой мысли. Эту мысль сдѣлалъ исходною точкою своей теоріи только одинъ г. Бернекеръ. Поэтому вѣрнѣе было бы г. Вондрака причислить къ гг. Меллье и Мюленбаху. Но это между прочимъ.

Такъ какъ «различіе между формами именительнаго и винительнаго п. ед. ч. именъ съ основами на первоначальныя *-o*, *-ĭ*, *-u* исчезло фонетически въ праславянскомъ языкѣ»... то впослѣдствіи «создалось затрудненіе: въ звуковой сторонѣ не могли больше различать производителя дѣйствія (Agens) отъ объекта дѣйствія (Patiens) въ ед. ч. существительныхъ, прилагательныхъ и мѣстоименій, оканчивающихся въ именит. п. ед. ч. на *-ъ*, *-ь*» (243 — 244). Г. Томсонъ употребляетъ термины Agens и Patiens, потому что термины «агентъ» и «паціентъ» употребляются совершенно въ другомъ смыслѣ. «Термины эти необходимы», говоритъ онъ, «такъ какъ, напр., въ предложеніяхъ «рабочіе

строятъ домъ» и «домъ строится рабочими» только въ первомъ «домъ» объектъ, но въ обоихъ предложеніяхъ «домъ» Patiens, «рабочіе» Agens» (ibid.).

«Самая настоятельная необходимость въ указаніи на Pat., безъ чего слушатель понималъ бы его какъ Ag. возникала въ тѣхъ случаяхъ, когда Pat. былъ заранѣе такъ возбужденъ въ представленіяхъ слушателя, что онъ стремился занять мѣсто подлежащаго, стать именительнымъ пад.— обычной формой Ag. Въ предложеніи «Иванъ родился въ Москвѣ и его воспитывали сначала дома» чувствуется неудобство» (по моему мнѣнію, никакого неудобства не чувствуется: Agens и Patiens суть продукты мысли, а не дѣйствующія лица, для которыхъ мысль лица говорящаго служитъ сценою ихъ дѣйствія), «происходящее отъ перемѣны исходной точки подлежащаго. Невольно напрашивается «(Иванъ родился въ Москвѣ и) воспитывался сначала дома». Это естественное стремленіе возбужденнаго представленія, психологическаго подлежащаго, занять и сохранить свое положеніе и какъ грамматическое подлежащее, т. е. какъ именительный падежъ, на столько сильно, что вызывало въ разное время въ разныхъ языкахъ новое образованіе страдательнаго (пассивнаго) спряженія» (248). Ясно, что здѣсь Patiens'у, какъ психологическому подлежащему, приписывается значительная сила воли. А на слѣдующей страницѣ читаемъ: *стремленіе дѣлать подлежащимъ Patiens* (стремленіе приписывается уже не Patiens'у), «когда онъ былъ психологическій субъектъ... *было главной причиной возникновенія род.-винительнаго, какъ формы, оттѣсняющей психологическій субъектъ въ положеніи Patiens'а*» (249) (курсивъ нашъ). Не заставляютъ ли эти послѣднія слова почтеннаго автора невольно представлять дѣло такъ: Patiens, будучи психологическимъ подлежащимъ, стремится пробраться на мѣсто Agens'а, т. е. сдѣлаться грамматическимъ подлежащимъ; но тутъ является форма род.-вин. падежа и говоритъ Patiens'у: «куда лѣзешь?» «пошелъ на свое мѣсто!»?.. Непонятно, что же происходитъ съ формою род.-вин. падежа, послѣ того, какъ она оттѣснитъ психологическій субъектъ въ положеніе Patiens'а? Вѣроятно, должно думать, что психологическій субъектъ, оттѣсняемый въ положеніе Patiens'а, до такой степени подчиняется силѣ оттѣсняющей формы род.-вин. падежа,

что самъ какъ бы исчезаетъ подъ покровомъ этой формы. Какъ бы то ни было, род.-вин. падежъ, какъ грамматическая, въ нѣкоторомъ родѣ, полицейская форма, оттѣсняющая психологическій субъектъ въ положеніе Patiens'а, представляется неяснымъ по своему значенію.

Не смотря на то, что «въ славянскомъ языкѣ была полная возможность ставить Pat. въ им. п., когда онъ былъ психологическое подлежащее, и обозначать при этомъ Ag. творительнымъ падежомъ, что не допускало уже никакихъ недоразумѣній... не удовлетворялись страдательнымъ спряженіемъ, и при формальномъ совпаденіи им. съ вин. прибѣгали къ созданію новыхъ формальныхъ различій вин. отъ им., собственно Pat. отъ Ag.» (250). Это потому, что въ страдательномъ спряженіи «представленіе дѣйствія, какъ его производитъ Ag., отступаетъ на второй планъ, а все значеніе сосредоточивается на эффектѣ или результатѣ дѣйствія на Pat.» (250). «По этой причинѣ въ страдательномъ спряженіи настоящаго и будущаго времени глаголъ является обыкновенно въ формѣ причастія прошедшаго времени, такъ какъ обыкновенно только результатъ дѣйствія имѣетъ значеніе для Pat.: «Le livre est acheté», «Das Buch wird gekauft» значатъ: «книга покупается», «le livre sera acheté», «das Buch wird gekauft werden» означаютъ лишь будущее время, какъ и русское: «книга будетъ куплена» (251). Здѣсь особеннаго вниманія заслуживаетъ толкованіе ученаго лингвиста, что «le livre est acheté» значитъ: «книга покупается» (а не «куплена»). Поэтому выраженія: «cette maison est vendue» и «cette maison est à vendre» значатъ одно и тоже: «этотъ домъ продается»?.. И какой же результатъ дѣйствія выражаетъ форма «покупается»?..

«Въ тѣхъ случаяхъ, когда Pat. стремился стать подлежащимъ и такимъ образомъ сдѣлался бы Ag., и когда страдательное спряженіе не удовлетворяло говорящаго, оставалось только одно средство—*оттѣснить всплывающее психическое подлежащее въ положеніе дополненія, въ надлежащее мѣсто Pat.* (курсивъ нашъ), и для этого требовался особый знакъ вин. п. Вотъ почему при потерѣ звукового различія между им. и вин. падежами во всѣхъ индоевроп. языкахъ выработались новыя формальныя различія, и именно только для Pat., для вин. п., которыми пользуются хотя бы только въ случаѣ надобности» (252). Жаль, что

г. Томсонъ не объяснилъ всего этого примѣрами изъ всѣхъ языковъ индоевропейской отрасли и не показалъ, какія это новыя формальныя различія въ нихъ выработались, именно, только для Pat. Вотъ, напр., въ русскомъ языкѣ въ выраженіи «столъ стоитъ» слово «столъ» есть Agens, а въ «поставить столъ» слово «столъ» есть Patiens. Звукового различія между им. п. «столъ» и вин. «столъ» нѣтъ, а языкъ не выработалъ для Pat. никакого новаго формальнаго различія. Оно есть, но въ данномъ случаѣ языку нѣтъ надобности имъ пользоваться. Положимъ, что такъ нужно понимать относительно русскаго языка; но относительно другихъ языковъ дѣло остается неяснымъ.

«Но чѣмъ можно доказать», спрашиваетъ г. Томсонъ, «что именно въ тѣхъ случаяхъ, когда Pat. былъ психологическимъ субъектомъ и стремился сдѣлаться грамматическимъ субъектомъ, именительнымъ падеж., слѣдов., Agens'омъ, родительный п. сталъ впервые появляться въ славянскомъ языкѣ для опредѣленія Pat. и затѣмъ сталъ утверждаться здѣсь, какъ род.-вин.»? (252—253). Это доказывается слѣдующимъ образомъ: «*Психологическій субъектъ*», говоритъ г. Томсонъ, «*имѣетъ всегда опредѣленное значеніе* (курсивъ нашъ), такъ какъ только представленіе, знакомое слушателю и заранѣе возбужденное въ немъ, можетъ стремиться стать у него исходной точкой, къ которой говорящій пристегиваетъ(!) сказуемое, какъ новое въ данномъ случаѣ само по себѣ или по отношенію къ сочетанію съ даннымъ подлежащимъ» (Не ясно! Не мѣшало бы объяснить примѣромъ). «Слѣдовательно, если предложенное объясненіе возникновенія род.-винительнаго вѣрно, то род.-вин. появился впервые и могъ затѣмъ окончательно утвердиться *прежде всего съ существительныхъ съ опредѣленнымъ значеніемъ*» (253) (курсивъ нашъ). Какія же это существительныя съ опредѣленнымъ значеніемъ? Не собственныя ли это имена на *-ъ*, *-ь*, *й* лицъ муж. пола, на которыя именно и было указано мною?.. А что же опредѣленныя прилагательныя которымъ г. Томсонъ приписывалъ одинаковое съ собственными именами право быть началомъ возникновенія род.-вин. п. (241)? Куда они дѣвались?.. Это видно будетъ изъ слѣдующаго перечня тѣхъ категорій словъ, въ которыхъ появился впервые род.-вин. и которыя отличаются опредѣленностью значенія. Этихъ категорій всего четыре. Вотъ онѣ:

«*Всегда только опредѣленное значеніе имѣютъ собственныя имена* (курсивъ нашъ), и въ нихъ, какъ показываютъ памятники, въ старославянскомъ языкѣ употреблялся почти всегда род.-вин. и старый винительный успѣлъ почти исчезнуть». (Не точно: собственныя имена: Анна, Марія, Ѳома, Іуда и пр. сюда не подходятъ.).

«*Всегда опредѣленное*» (но не «только опредѣленное», какъ собственныя имена) «*значеніе имѣютъ указательныя мѣстоименія* (курсивъ нашъ), такъ какъ указываютъ на извѣстныя слушателю явленія» (253).

«*Всегда опредѣленное значеніе должны были имѣть(!) сложныя (опредѣленныя) прилагательныя* (курсивъ нашъ), когда они употреблялись какъ существительныя, такъ какъ входящее въ ихъ составъ указательное мѣстоименіе указывало на явленіе извѣстное» (254). Все это по теоріи г. Мелье.

«*Всегда опредѣленное значеніе имѣютъ личныя мѣстоименія* (курсивъ нашъ), но такъ какъ они имѣли особую форму вин., отличную отъ им., то въ нихъ не было никакой надобности въ род.-вин. Бернекеръ показалъ, что распространенное мнѣніе, будто старые вин. мѧ, тѧ, сѧ употреблялись только энклитически, едва ли вѣрно. Слѣдовательно, употреблявшіяся рѣдко род.-вин. мене, тебе, себе появлялись по аналогіи впослѣдствіи» (254).

Остановимся пока на этомъ перечнѣ и посмотримъ, какъ согласуется онъ съ тѣми положеніями, которыя встрѣчаются въ обѣихъ статьяхъ г. Томсона, относящихся къ вопросу о возникновеніи род.-винительнаго.

Разсматривая выше указанныя категоріи словъ, мы прежде всего замѣчаемъ, что слова, относящіяся къ каждой изъ нихъ, имѣютъ непремѣнно *опредѣленное* значеніе. Слѣдовательно, опредѣленность значенія есть существенное условіе для появленія формы род.-вин. въ словахъ указанныхъ категорій. Но такъ какъ слова одной категоріи (1-й) имѣютъ *только* опредѣленное значеніе, слова другихъ двухъ (2-й и 4-й) категорій имѣютъ просто опредѣленное значеніе, а слова третьей категоріи «*должны имѣть*» опредѣленное значеніе; то, очевидно, опредѣленность значенія въ словахъ указанныхъ категорій — неодинакова, имѣетъ разныя степени. Чѣмъ выше степень опредѣленности значенія словъ, тѣмъ

появленіе формы род.-вин. обязательнѣе. Самую высшую степень опредѣленности значенія г. Томсонъ приписываетъ, какъ показываетъ перечень, собственнымъ именамъ, а прилагательнымъ опредѣленнымъ отводитъ третье мѣсто, и объ нихъ то сказано, что они «*должны имѣть* опредѣленное значеніе». Но припомнимъ, что г. Томсонъ, критикуя мой взглядъ на значеніе собственныхъ именъ -*ъ*, -*ь*, -*й* лицъ муж. пола въ вопросѣ о возникновеніи родительнаго замѣнительнаго (род.-вин.) на стран. 241 сказалъ: «Нѣтъ основанія искать только въ собственныхъ именахъ начала возникновенія род.-вин. *Съ тѣмъ же правомъ* мы могли бы приписывать это начало опредѣленнымъ (сложнымъ) прилагательнымъ, которыя, употребляясь какъ существительныя, по изслѣдованіямъ Мелье имѣютъ только род.-вин. въ качествѣ дополненія». Эти слова, очевидно, находятся въ явномъ противорѣчіи съ перечнемъ и съ тѣми заключительными словами, которыми оканчивается вторая статья г. Томсона (къ вопросу о возникновеніи род.-вин. 302) и въ которыхъ говорится исключительно о «названіяхъ лицъ съ опредѣленнымъ значеніемъ» (т. е. о собственныхъ именахъ на -*ъ*, -*ь*, -*й* лицъ муж. пола), что въ нихъ «При присущихъ праславянскому языку условіяхъ родительный падежъ могъ и долженъ былъ по необходимости заступить мѣсто винительнаго» и притомъ «прежде всего», т. е. прежде, чѣмъ въ другихъ словахъ. Слѣдовательно, прежде, чѣмъ въ опредѣленныхъ (сложныхъ) прилагательныхъ!.. Но какъ бы то ни было, мы видимъ, что опредѣленность значенія словъ есть важнѣйшее условіе для появленія род.-вин. Интересно знать, откуда же взялась необходимость въ этомъ условіи для теоріи г. Томсона? Изъ статьи его видно, что она, такъ сказать, навѣяна изслѣдованіями г. Мелье; но сама-то опредѣленность значенія извлекается г. Томсономъ изъ другого источника: г. Мелье выводитъ ее изъ подударныхъ мѣстоименныхъ формъ мене, тебе и пр. (formes accentuées), которымъ противополагаются формы безударныя (formes atones); г. Томсонъ выводитъ опредѣленность значенія изъ Patiens'a въ качествѣ психологическаго подлежащаго, которое всегда имѣетъ опредѣленное значеніе. Кажется, нѣтъ словъ, значеніе которыхъ отличалось бы бо́льшею опредѣленностью, чѣмъ значеніе личныхъ мѣстоименій: *я*, *ты*... И что же? Г. Томсонъ, полагающій опредѣленность значенія словъ существеннымъ

условіемъ для появленія въ нихъ формы род.-вин. падежа, относитъ личныя мѣстоименія къ четвертой, послѣдней категоріи и говоритъ: «всегда опредѣленное значеніе имѣютъ личныя мѣстоименія, но такъ какъ они имѣли особую форму вин. п., отличную отъ им., то въ нихъ не было никакой надобности въ род.-вин.». И такъ, не смотря на то, что личныя мѣстоименія всегда имѣютъ опредѣленное значеніе, родит.-винительный въ нихъ, по мнѣнію г. Томсона, вопреки въ этомъ случаѣ мнѣнію г. Мелье, не появился; потому что при формахъ вин. п. мѧ, тѧ, сѧ въ немъ не было никакой надобности. Слѣдовательно, могутъ быть условія, при которыхъ опредѣленность значенія словъ для возникновенія въ нихъ род.-вин. равняется нулю. Какъ же согласить это съ тою важностью, которую г. Томсонъ приписываетъ опредѣленности значенія въ своей теоріи возникновенія род.-вин.?... Здѣсь кстати будетъ обратиться ко второй его статьѣ (Къ вопросу о возникновеніи род.-вин. п. и пр.), въ которой авторъ преимущественно вращается въ сферѣ праязыковъ: индоевропейскаго и праславянскаго, которые,—судя по тону его сужденій о томъ, что̀ въ нихъ есть и что̀ должно быть, нужно думать,— извѣстны ему какъ свои пять пальцевъ, и посмотрѣть, какую роль играетъ въ ней опредѣленность значенія для формы род.-вин. Въ ней г. Томсонъ говоритъ, что «употребленіе родительнаго, въ отличіе отъ винительнаго п., обусловливалось первоначально или значеніемъ глагола, или же значеніемъ объекта» (282). «Къ объектамъ, обусловливавшимъ употребленіе род. п., относятся прежде всего вещественныя имена, но только при такомъ оттѣнкѣ значенія, какъ въ «принеси воды», «выпилъ вина» (ibid.). По качеству представленія объекты раздѣляются на два разряда: одни возбуждаютъ представленіе *предметное;* другіе—представлёніе *вещественное*. «Собака», «столъ», «дорога» и пр. привлекаютъ вниманіе человѣка своей внѣшней формой и качествами и дѣйствіями, связанными съ нею. Поэтому мы ихъ представляемъ себѣ и понимаемъ какъ «предметы». «Масло», «вино» и пр. интересуютъ насъ своимъ содержаніемъ, качествомъ вещества. Поэтому выработались особенныя понятія «вещественныя», какъ значенія вещественныхъ имейъ, въ которыхъ существеннымъ является лишь вещество, содержаніе, а внѣшняя форма, главный предметный признакъ, остается въ сторонѣ, какъ несущественный при такомъ взглядѣ на вещи» (284).

«Такъ какъ вещество въ дѣйствительности является обыкновенно пространственно ограниченнымъ, то мы можемъ конечно вносить въ наши представленія о веществатъ признаки пространственнаго ограниченія, и въ такомъ случаѣ говоримъ: «достань сыръ, воду съ полки», «онъ скупилъ все вино», «выпилъ воду», «я вижу воду». Но это не есть настоящее чисто «вещественное» пониманіе вещей. Въ большинствѣ случаевъ *вещество* представляется какъ *неограниченная пространственно безпрерывная масса* (курсивъ нашъ), напр. когда мы говоримъ: «дай мнѣ хлѣба», «выпей воды», «привезли муки» (285).

Неужели, когда мы говоримъ «дай мнѣ хлѣба», «выпей воды», «привезли муки», мы представляемъ себѣ не «часть, или кусокъ хлѣба», не «стаканъ, или чашку, или ложку воды», не «куль, или какую нибудь мѣру или какой нибудь вѣсъ муки», а *неограниченную пространственно безпрерывную массу хлѣба, воды, муки* и пр.?

На слѣдующей 286 страницѣ читаемъ: «одно яблоко», «два арбуза», «три дыни», «три рыбы, индюка» и пр. обозначаютъ конечно предметы, представляемые какъ индивидуальныя единицы, имѣющія извѣстную форму, цвѣтъ и т. д. Поэтому: «купи арбузъ», «двѣ курицы» и пр. Но когда мы говоримъ: «дай мнѣ арбуза», «поѣлъ дыни», «дай мнѣ яблока, курицы», мы представляемъ уже вещество съ извѣстнымъ вкусомъ и т. д.». То есть, поэтому выходитъ, что если кто-нибудь за обѣдомъ скажетъ: «дай мнѣ курицы», то у лицъ, слышавшихъ эти слова, тотчасъ возникнетъ представленіе не о кускѣ; или какой нибудь части жареной или вареной курицы, а о *неограниченномъ пространственно безпрерывномъ куриномъ веществѣ съ извѣстнымъ вкусомъ!*

Вотъ на основаніи этого настоящаго, чисто «вещественнаго» пониманія вещей г. Томсонъ признаетъ общепринятое пониманіе такъ называемаго «родительнаго раздѣлительнаго» (genitivus partitivus) ложнымъ. Онъ говоритъ:

Названіе «Genitivus partitivus», переводимое черезъ «родительный раздѣлительный», возникло изъ ошибочнаго пониманія значенія вещественныхъ именъ учеными, не имѣвшими въ своемъ языкѣ подобнаго род. А общепринятыя объясненія значенія род. раздѣлительнаго, будто онъ обозначаетъ «часть предмета», или «цѣлое, изъ котораго берется часть»

и проч. представляютъ собственно перефразировку этого термина и еще менѣе умѣстны. Въ вещественныхъ понятіяхъ нѣтъ внѣшней формы, главнаго предметнаго признака. Этотъ признакъ вноситъ въ нихъ только понятіе о «количествѣ», которое конечно для понятія вещества не болѣе существенно, чѣмъ напр. признакъ «красный» для «столъ». (Слѣд. «часть вещества»—не мыслима?..). «Въ значеніяхъ вещественныхъ именъ, напр., въ «дай мнѣ воды», «купи сыру», нѣтъ поэтому ни представленія «цѣлаго», ни «части», а лишь *представленіе пространственно неограниченнаго вещества*» (286—287. Курсивъ нашъ). Далѣе г. Томсонъ, вознесшись съ своимъ новымъ ученіемъ о родительномъ раздѣлительномъ въ обычную для него сферу праязыковъ, говоритъ такъ: «Если мы отрѣшимся отъ общепринятаго ложнаго взгляда на Genitivus partitivus и зададимъ себѣ вопросъ: какой изъ двухъ падежей прямого дополненія, род. или вин., долженъ былъ употребляться въ праязыкѣ при словахъ, имѣющихъ «вещественное значеніе», то ясно, что такимъ падежомъ могъ быть только родительный п., такъ какъ, по выше приведенному опредѣленію, вин. п. употреблялся тогда, когда дѣйствіе переходило на «весь объемъ именного понятія»; но въ понятіи о веществѣ не было «объема», тѣмъ болѣе «всего» или «полнаго объема». Такими признаками обладаютъ только предметныя понятія. Поэтому въ праязыкѣ и позже» (а теперь?) «говорили: «выпей воды», «принеси воды» и, съ другой стороны: «принеси топоръ», «подыми ногу» (287). Оставляя въ сторонѣ нѣкоторую странность выраженія: «въ праязыкѣ говорили», желательно было бы знать: какъ бы иначе «въ праязыкѣ говорили», если мы не отрѣшимся отъ общепринятаго ложнаго взгляда на genitivus partitivus? Вѣдь вотъ теперь, при общепринятомъ ложномъ взглядѣ на gen. part., мы говоримъ также: «выпей воды», «принеси воды» и «принеси топоръ», «подыми ногу»... Изъ всего пока сказаннаго г. Томсономъ о род.-раздѣлительномъ слѣдуетъ, что формою род. п. не выражается опредѣленность значенія слова, или, другими словами, что появленіе род. раздѣлительнаго не обусловливается опредѣленностью значенія слова.

Послѣ этого отступленія, впрочемъ необходимаго, обратимся къ тому, что говорится собственно о родительномъ падежѣ и его употребленіи.

«Родительный п.», говоритъ г. Томсонъ, «не былъ первоначально и не могъ быть знáкомъ различія между вещественнымъ и предметнымъ пониманіемъ въ реальныхъ значеніяхъ объекта. Онъ обозначалъ первоначально лишь то различіе въ отношеніи дѣйствія къ объекту, которое само было лишь послѣдствіемъ означенныхъ различій въ самыхъ представленіяхъ объекта». (Не ясно!) «Только впослѣдствіи, по неизбѣжной психической ассоціаціи по смежности *род. п. объекта сталъ знáкомъ именно «вещественнаго» значенія вещественныхъ именъ*, вступивъ въ корреляцію *съ вин. п., который* такимъ образомъ въ свою очередь *сдѣлался признакомъ предметнаго значенія тѣхъ же словъ*. (Курсивъ нашъ). Напр. въ «принеси воду», «принеси сыръ изъ буфета» имѣются въ виду пространственно ограниченная вода (въ бутылкѣ и пр.) и т. д. (287 — 288).

Интересно и важно для насъ указаніе г. Томсона на слѣдующее «чередованіе между конкретнымъ представленіемъ множества отдѣльныхъ предметовъ (вин. п.) и конкретнымъ представленіемъ сплошной массы предметовъ въ совокупности (вещественнымъ представленіемъ съ род. п. объекта) у Л. Толстого: «Собирался сапожникъ купить овчинъ». «Куплю овчинъ» (*Неопредѣленное* конкретное значеніе). «Думалъ сапожникъ въ долгъ взять овчины,— въ долгъ не повѣрилъ овчинникъ». (Конкретное *опредѣленное* значеніе, такъ какъ имѣются въ виду тѣ извѣстныя овчины, которыя онъ хотѣлъ купить. Въ нѣмецкомъ переводѣ здѣсь стоялъ бы опредѣленный членъ: er wollte die Schaffelle auf Schuld nehmen, между тѣмъ какъ въ предыдущемъ примѣрѣ членъ не умѣстенъ: ich kaufe mir Schaffelle). «Денежки принеси» (конкретныя *опредѣленныя,* которыя слѣдуетъ уплатить за овчины). «Выпилъ водки» (конкретное *неопредѣленное*). (291 — 292 курсивъ нашъ).

На 293 страницѣ читаемъ, между прочимъ, еще слѣдующее: «только въ прямомъ дополненіи выработалось въ праязыкѣ особое формальное различіе для «вещественныхъ» и для «предметныхъ» понятій, а именно при первыхъ употреблялся *род. п., который* такимъ образомъ по неизбѣжной ассоціаціи (?) и *сдѣлался знáкомъ представленія неопредѣленнаго пространственно неограниченнаго вещества* (курсивъ нашъ) и сходнаго съ нимъ представленія множества предметовъ въ совокупности».

И такъ *род. п.* въ качествѣ прямого дополненія *первонально былъ знáкомъ представленія неопредѣленнаго пространственно неограниченнаго вещества.* Какъ же согласить эту неопредѣленность съ тою высшею опредѣленностью, которая выражается родительнымъ-винительнымъ въ собственныхъ именахъ?

Согласить это оказывается дѣломъ нетруднымъ: нужно признать только, что прямое дополненіе въ праязыкахъ могло выражаться и винительнымъ и родительнымъ падежами, т. е. сначала допустить смѣшеніе ихъ между собою, или хаосъ въ ихъ употребленіи, а потомъ—случайно наступившее различеніе ихъ въ употребленіи, которое наконецъ и стало устойчивымъ. Такъ г. Томсонъ и дѣлаетъ. Онъ говоритъ: «Предыдущія бѣглыя замѣтки достаточно ясно показываютъ, что въ индоевропейскомъ праязыкѣ, въ праславянскомъ и позже» (убѣдительнѣе, конечно, это «и позже») «прямое дополненіе при переходящихъ глаголахъ обозначалось родительнымъ и винительнымъ»... «При такихъ условіяхъ весьма понятно, что когда особыя условія заставляли избѣгать вин. п. то и род. п. могъ замѣнить вин. п., какъ это случилось съ вин. п. названій живыхъ существъ, особенно лицъ въ праславянскомъ языкѣ и въ отдѣльныхъ славянскихъ языкахъ» (301). И еще: «При присущихъ праславянскому языку условіяхъ род. п. могъ и долженъ былъ по необходимости заступить мѣсто винительнаго *прежде всего при названіяхъ лицъ съ опредѣленнымъ значеніемъ* (курсивъ нашъ). когда они были психическимъ подлежащимъ, а слушатель долженъ былъ понимать ихъ какъ Pat., въ винительномъ п., такъ какъ безъ такой отличительной формы винительнаго падежа слушатель понималъ бы ихъ какъ Ag., 1) потому что лица являются вообще преимущественно какъ Ag. и 2) потому что психическое подлежащее стремится сдѣлаться и грамматическимъ подлежащимъ, именительнымъ п., который вмѣстѣ съ тѣмъ есть падежъ Agens'а при дѣйствительномъ глаголѣ» (302).

Такъ заключаетъ свою вторую статью г. Томсонъ. Тѣмъ не менѣе я нахожу, что она по характеристикѣ родительнаго п. стоитъ въ значительномъ противорѣчіи съ первой: первоначальный родительный п., какъ знакъ представленія неопредѣленнаго пространственно неограниченнаго вещества, не ладитъ съ родительнымъ п., какъ знáкомъ опредѣленности значенія словъ, когда и тотъ и другой употребляются на мѣстѣ прямого

дополненія. Г. Томсонъ не выяснилъ, къ какому разряду представленій должно относить собственныя имена на *-з, -ь, -й* лицъ муж. пола: къ вещественному, или къ предметному. Но какъ бы то ни было, вторая статья ясно показываетъ, что опредѣленность значенія словъ не есть такое необходимое условіе, безъ котораго невозможно возникновеніе въ нихъ родительнаго замѣнительнаго (род.-вин.); — на что и указываютъ личныя мѣстоименія, отнесенныя за это г. Томсономъ къ послѣдней категоріи словъ, въ которыхъ род.-вин. появлялся впервые.

А какъ согласить то, что г. Томсонъ въ перечнѣ категорій словъ, послужившихъ началомъ возникновенія род.-вин., отводитъ указательнымъ мѣстоименіямъ второе мѣсто непосредственно за собственными именами, а личнымъ — четвертое, съ тѣмъ положеніемъ, которое онъ высказалъ на 235 страницѣ вслѣдъ за разборомъ теорій гг. Мелье, Мюленбаха и Вондрака, а именно: что «нужно совершенно отрѣшиться отъ какой либо особой роли мѣстоименій въ происхожденіи род.-вин.»?.. Если же выбросить изъ перечня эти двѣ мѣстоименныя категоріи, съ которыми необходимо падаетъ и третья категорія сложныхъ (опредѣленныхъ) прилагательныхъ, такъ какъ въ составъ ихъ входитъ указательное мѣстоимѣніе; то останется одна только первая категорія собственныхъ именъ на *-з, -ь, -й* лицъ муж. пола, т. е. та категорія словъ, которую я считаю исходнымъ пунктомъ, или началомъ для появленія формы родительнаго замѣнительнаго падежа, и о которой г. Томсонъ сказалъ: «Нѣтъ основанія искать только въ собственныхъ именахъ начала возникновенія род.-вин.»! (241).

Далѣе г. Томсонъ посредствомъ статистики старается объяснить, «почему род.-вин. развился въ старославянскомъ языкѣ только въ названіяхъ живыхъ существъ притомъ именно лицъ, такъ какъ въ названіяхъ животныхъ род.-вин. употреблялся рѣдко и сравнительно новаго происхожденія» (256). Какъ ни интересны выводы г. Томсона изъ его статистики въ родѣ, напр., того, что «почти всѣ глаголы употребляются съ Ag. человѣкомъ» (257), я прохожу ихъ мимо и обращаюсь къ послѣднему, но самому важному, заключительному объясненію возникновенія род.-вин. На стран. 261 г. Томсонъ говоритъ: «Остается еще выяснить, какимъ образомъ род. п. могъ сдѣлаться замѣнителемъ винительнаго, т. е. какой

психической ассоціаціей могло возбуждаться представленіе формы (формальной принадлежности) родительнаго падежа въ тѣ моменты рѣчи, когда привычное стремленіе говорящихъ выражаться такъ, чтобы быть вѣрно понятымъ слушателями, заставляло впервые прибѣгать къ непривычной дотолѣ формѣ обозначенія прямого дополненія. Въ постройкѣ, такъ сказать, моста отъ винительнаго къ родительному изслѣдователи видятъ главное затрудненіе, всю суть вопроса»... «Мнѣ кажется, что означенное затрудненіе въ значительной степени преувеличено»... Интересъ читателя все увеличивается. И вотъ на слѣдующій 262 страницѣ читаемъ слѣдующее рѣшеніе: «*Если* (курсивъ нашъ) мы отрѣшимся отъ разныхъ невѣрныхъ толкованій род. раздѣлительнаго, особенно при вещественныхъ именахъ и *признаемъ, что оба падежа обозначали прямое дополненіе*» (курсивъ нашъ. Но для чего же понадобились сразу два падежа для обозначенія одной и той же функціи?) но съ извѣстнымъ (съ какимъ же это?) различіемъ первоначально въ отношеніи дѣйствія къ объекту, то возникновеніе род.-вин. станетъ совершенно понятнымъ. Бдагодаря этому различію въ значеніяхъ эти падежи могли сохраняться въ раздѣльности. Рядомъ съ этимъ были случаи смѣшенія ихъ, такъ какъ въ иныхъ случаяхъ значенія ихъ были весьма сходны. При такихъ условіяхъ (т. е. фантастическихъ) «совершенно естественно, что род. могъ *случайно*» (понадобилась еще случайность!) «заступать мѣсто винительнаго, когда послѣдній по своей внѣшней формѣ» (т. е. звуковой?) «не удовлетворялъ говорящихъ. При этомъ особыхъ неудобствъ со стороны значенія не могло быть; такъ какъ оба падежа обозначали Pat., а отношеніе дѣйствій къ Pat. опредѣлялось реальнымъ значеніемъ глагола и объекта. «Сынъ видитъ отьца» (правописаніе автора), «сынъ узналъ отьца» и пр. должны были пониматься въ томъ смыслѣ, какъ они раньше понимались при старомъ винительномъ объекта, такъ какъ значеніе род. п. здѣсь не подходитъ». Стало быть, здѣсь значеніе винительнаго п. какъ бы навязывается родительному, потому что собственное значеніе родительнаго п. въ данномъ случаѣ не подходитъ его формѣ? И зачѣмъ здѣсь появился род. п если смыслъ фразъ былъ понятенъ и при старомъ винительномъ?... И такъ, предложенное г. Томсономъ рѣшеніе вопроса о возникновеніи род.-вин. съ семасіологической точки зрѣнія въ сущности состоитъ въ слѣ-

дующемъ: *нужно признать, что первоначально въ славянскомъ праязыкѣ при выраженіи прямого дополненія винительный и родительный падежи смѣшивались въ употребленіи; но потомъ, благодаря случайности, установилось на мѣстѣ прямого дополненія такое употребленіе родительнаго падежа вмѣсто винительнаго, которымъ въ извѣстныхъ случаяхъ устранялось смѣшеніе подлежащаго съ дополненіемъ;* такимъ образомъ и возникъ родительный-винительный... Насколько удовлетворительно это рѣшеніе, пусть судитъ самъ читатель.

Н. П. Некрасовъ.

Къ исторіи „Откровенія Меѳодія Патарскаго“ въ западнославянскихъ литературахъ.

Въ 1897 году русская научная литература обогатилась крупнымъ трудомъ В. М. Истрина «Откровеніе св. Меѳодія Патарскаго и апокрифическія видѣнія Даніила въ византійской и славянорусской литературахъ» (Москва). Здѣсь, кромѣ обслѣдованія различныхъ редакцій греческаго подлинника и латинскаго перевода «Откровенія», разсмотрѣна судьба этого апокрифа въ славянскихъ литературахъ, причемъ авторъ ограничился текстами православныхъ славянъ, относительно же польскаго и чешскаго переводовъ сообщаетъ только свои апріорныя соображенія (стр. 22); о чешскомъ г. Истринъ замѣчаетъ: «Извѣстны два изданія въ XVI вѣкѣ чешскаго текста «Откровенія» — 1571 г. и 1578 подъ заглавіемъ S. Methodii knižka o počatku i o sconani sweta. Несмотря на всѣ усилія, мнѣ не удалось найти ни одного экземпляра какого либо изданія». Къ сожалѣнію, г. Истринъ не указываетъ источника, изъ котораго почерпнуто имъ свѣдѣніе о существованіи *двухъ* изданій чешскаго перевода «Откровенія»; Юнгманнъ (Historie literatury české, Druhé wydání, w Praze 1849, отдѣлъ IV [1526—1620], группа «k) Swatí otcowé», № 1763) указываетъ только изданіе 1571 г., въ типографіи J. Melantricha. Въ біографіяхъ Мелантриха[1]) есть свѣдѣнія о работахъ его типографіи, но объ «Откровеніи» не упоминается.

---

1) A. Rybička, „Melantrichové z Aventinu a tiskárna jejich. Pomůcka k dějepisu literatury a typografie domácí“ (Časopis Musea Království Českého, 1865, стр. 123—142 и 209—221); J. Jireček, Rukověť k dějinám literatury české do konce XVIII věku, II, 20—21.

Въ бытность нашу въ Прагѣ въ 1899 году г. академикъ А. Патера, которому считаемъ долгомъ выразить глубокую признательность, обратилъ наше вниманіе на единственный сохранившійся экземпляръ чешскаго перевода «Откровенія» (изданіе 1571 г.), находящійся въ библіотекѣ Страговскаго монастыря, и доставилъ возможность изучить эту книгу. Тогда же нами была снята точная копія «Knížky», страница въ страницу и строка въ строку.

Чешскій переводъ «Откровенія» представляетъ собою книжку въ м. 8° (помѣта по листамъ черезъ 16 страницъ) изъ 32 листовъ или 63 ненумерованныхъ страницъ (въ дальнѣйшихъ нашихъ ссылкахъ пагинація принадлежитъ намъ; счетъ ведется съ заглавнаго листа).

Заглавный листъ гласитъ:

Knijžka Swaté=
ho Methudya / prawého
Mučedlnijka Božijho / kterýž byl
nayprwé w Olimpiadě / a potom w
Týru / w těch dwau Slawných Městech
Biskupem. Potom pak za času Dyoklecy=
ana Cýsaře Tyrrana / w Městě Calcidij / kteréž ginák
Nygroponth slowe / yakž S. Jeroným pijsse / Mu=
čedlnickau Korunau korunowán gt. Kterýžto gsa
welmi včený Muž / mhohá wydal wůbec nau=
čenij. A zwlásstě když byl w wězenij / pro
Wijru Křestianskau / mage sobě od
Swatých Angelůw zgeweno / se=
psal tuto Knijžku / o Počátku
y o skonáni Swěta / a kte=
ré se wěcy zgewiti ma
gij w poslednijch
časých.
(:)

A gest Wytisstěna w Sta=
rém Městě Pražském / v Gijřijka
Melantrycha z Awentýnu.
Létha / M. D. L xxj.

На оборотѣ заглавнаго листа читаемъ:

Dyoclecyanus Tyrran
Ržijmský Cýsař / w počtu XXXIII. kralo=
wal spolu s Maximianem Létha Bozij=
ho CC. LXXXVII. A od stwořenij Swě=
ta / Lěta IIII M. CC. L. Aneb podlé wět=
ssýho počijtánij / V M. CCCC. LXXXVI.
A XX Leth kralowal. Kteréhož času de=
sátě protiwenstwij proti Křestianům by=
lo / horssý a vkrutněgssý nežli wssechna gi=
ná předesslá. A tehdáž tento Swatý Me=
thudyus s nezčíslnými ginými Křestiany /
pro Wijru Mučedlnictwo snesl.

(:)

На стр. 3—6 находимъ посвященіе (см. ниже), на стр. 7—10 помѣщено предисловіе къ «Откровенію», а самая «Knížka» занимаетъ остальныя страницы, 11—63.

Экземпляръ Страговскаго монастыря можетъ быть названъ хорошо сохранившимся, хотя при переплетѣ онъ былъ сильно обрѣзанъ, отъ чего пострадали въ нѣкоторыхъ мѣстахъ маргиналіи. Часть заглавія одного изъ отдѣловъ «Knížky» густо замазана чернилами; уцѣлѣвшее начало гласитъ: «Kterak Křestiané zapřij Wijry» (стр. 48); въ подлинникѣ (см. ниже) читаемъ: «Quomodo Christiani abnegabunt fidem, et clerici et monachi res divinas profanabunt».

Изъ посвященія книги Мелантрихомъ «Slovútnému a Opatrnému Panu Jakubovi Sélovi, Měšteninu, a na ten čas Primatorovi Města Hradce nad Labem» (датировано 15 мая 1571 г.) мы между прочимъ узнаемъ, что Сель, будучи однажды въ Прагѣ по дѣламъ своей общины,

посѣтилъ Мелантриха. Разговоръ ихъ коснулся современныхъ тяжелыхъ обстоятельствъ, вслѣдствіе которыхъ многія, какъ духовныя, такъ и свѣтскія, лица «na stranu se uchyluji, a ve zlé věci proti Panu Bohu a Jeho Svatému Slovu se vydávaji», за что Богъ и караетъ ихъ моромъ, голодомъ, врагами, жестокими тиранами и безчисленнымъ множествомъ другихъ золъ. Между прочимъ Сель упомянулъ о книжкѣ св. Меѳодія, замѣтивъ, что она очень подходила бы къ современнымъ тяжелымъ обстоятельствамъ и принесла бы пользу, если бы была вновь напечатана [kdyby znovu imprimována a Lídem vůbec vydána byla]. Поэтому Мелантрихъ, ранѣе не читавшій и не видавшій «Откровенія», просилъ своего собесѣдника прислать ему эту книгу для прочтенія, что тотъ и исполнилъ, причемъ выразилъ желаніе, чтобы она была напечатана. Прочитавъ присланную книгу, Мелантрихъ призналъ ее заслуживающею печати и издалъ на свой счетъ съ посвященіемъ Селю, «jakožto Původovi».

Въ виду того, что въ посвященіи вовсе не упоминается о *переводѣ* книги, мы позволяемъ себѣ заключить, что Сель прислалъ Мелантриху «Откровеніе» уже въ чешскомъ переводѣ, выраженіе же «*znovu* imprimována a Lídem vůbec vydána byla» можетъ быть понято, какъ желаніе видѣть въ печати новое, т. е. чешское[1]) изданіе разбираемаго

1) На латинскомъ языкѣ «Откровеніе» существовало въ печати еще въ XV вѣкѣ; г. Истринъ (op. cit., pag. 109) замѣчаетъ: «Латинскій переводъ Откровенія Меѳодія Патарскаго сталъ извѣстенъ съ конца XV в., со времени напечатанія его въ Monumenta Patrum Orthodoxographa. Онъ неоднократно перепечатывался въ послѣдующихъ изданіяхъ «Monumenta»» etc. Изданій «Monumenta» послѣ 1569 или 1570 г. (см. ниже) мы не знаемъ; съ другой стороны, имѣются совершенно игнорированныя г. Истринымъ указанія на нѣсколько отдѣльныхъ изданій «Revelationum s. Methodii». Уже въ такомъ старинномъ трудѣ, какъ извѣстные «Annales typographici» Г. В. Панцера, есть свѣдѣнія объ аугсбургскомъ изданіи 1496 г. (I, 124, № 149), базельскомъ 1498 г. (I, 185, № 234, и IV, 239, № 234), парижскомъ того же года (II, 320, № 461), базельскомъ 1516 г. (VI, 196, № 158), кёльнскомъ безъ даты (I, 327, № 389—вмѣстѣ съ Regimen conscientiae, Бонавентуры; это изданіе «Откровенія» Панцеръ называетъ первымъ и рѣдчайшимъ) и одномъ безъ обозначенія мѣста и года печати (IV, 161, № 803). Еще болѣе данныхъ объ изданіяхъ «Revelationum» сообщаетъ J. G. Th. Graesse въ общеизвѣстномъ пособіи: «Trésor de livres rares et précieux ou nouveau dictionnaire bibliographique» (IV, 506—507). Едва ли надобно прибавлять, что и въ знаменитой книгѣ J.-Ch. Brunet, «Manuel du libraire et de l'amateur de liv-

памятника, который, при появленіи въ печати чешскаго перевода его, дѣлался доступнымъ «Lídem vůbec».

Латинскій переводъ «Откровенія» обычно цитируется по извѣстному изданію Гринея[1]), бывшему подъ руками и у насъ. Какъ извѣстно[2]), по-

res», можно найти свѣдѣнія объ изданіяхъ «Revelationum», см. напр. въ Cinquième édition этой библіографіи, III, col. 1678, и Supplément, I, col. 1020. Мы пользовались базельскими изданіями 1504 и 1515 (у Graesse не упомянуто) годовъ; за доставленіе намъ возможности имѣть подъ руками эти рѣдкія книги считаемъ долгомъ выразить благодарность администраціи Императорской С.-Петербургской Публичной Библіотеки. Заглавія этихъ изданій слѣдующія:

а) «Methodius primum olimpiade et postea Tyri ciuitatū epūs. sub diocleciano Imperatore In calcide ciuitate (q̄ nigropontū appellat̄ ūt diuus scribit hieronimus martyrio) coronatur: qui cū eruditissimus esset vir multa edidit documenta et presertim de mundi creatione eidem in carcere reuelatione. passus fuit quartadecima Kalendas octobris». Въ концѣ: «Finit basilee per Michaelem Furter opa ꝛ vigilantia Sebastiani Brant Anno. M. ccccc. iiij. die. xij. Martij». Пагинаціи нѣтъ; форматъ — 8⁰ (помѣта черезъ 8 листовъ). Всего въ книжкѣ 68 листовъ. Обозначаемъ это изданіе: 1504.

б) «Methodius olimpi lyci (такъ!) primū: et postea Tyri ciuitatū ep̄s: nitido cōpositoq; sermone multa egregia edidit documēta: ꝛ p̄sertim de mūdi creatiōe: q̄ in carcere ei existēti ab angelo fuerūt reuelata: in Calcide ciuitate que Nigropontū appelat̄. xiiij: Kaleñ. Octobris nouissime p̄secutiōis tp̄e: Siue vt alij affirmant Sub Decio et Valeriano tyrannis martyrio coronatur. Anno dñi.. cc. lv». Въ концѣ: «Finit Basilee per Michaelem Furter opera ꝛ vigilantia Sebastiani Brant. Anno. M. D. xv». Пагинаціи нѣтъ; форматъ и счетъ листовъ тѣ же, что въ предъидущемъ изданіи. Эту перепечатку мы обозначаемъ: 1515.

1) Monumenta S. Patrum Orthodoxographa hoc est, theologiae sacrosanctae ac syncerioris fidei Doctores, numero circiter LXXXV, ecclesiae columina luminaq; clarissima, Authores partim Graeci, partim Latini, ob uetustatem & eruditionem uenerandi, quorū quidam hactenus non aediti [такъ!] latuerunt: uerbis breues, diuini uerò Spiritus doctrina multorū scriptorum quantumuis prolixa uolumina superantes, ut uerè possint appellari Theologica Bibliotheca, abundè satis sufficiens Theologo in omnem usum futura, siue S. Biblia utriusque Instrumenti libros interpretari, siue haereses conuellere, discordiae religionis pesti mederi, concordiam in Domino, Ecclesiae salutem alere, & ueram religionem (cuius finis charitas est) docere uelit. Vtinam haec legant, cognoscant & sequantur, quicunq; in his periculosissimis temporibus Eccleciastico funguntur ministerio... Basileae. Предисловіе (подписано: Joh. Jacobus Grynaeus) датировано: Scripsi Calendis Martij Anno M. D. LXIX; далѣе между прочимъ стихотвореніе «Suo D. Doctori Jacobo Grynaeo. S. D.» подписано: «Leonhardus Engelhart. 5. Decemb. Anno 1569». На стр. 98—99 находится греческій текстъ «Τοῦ ἁγίου Μεϑοδίου Πατάρων ἐπισκόπου περὶ τῶν ἀπὸ συστάσεως Κόσμου συμβάντων, καὶ τῶν μελλόντων συμβαίνειν εἰς τὸ ἑξῆς». Далѣе слѣдуетъ (стр. 100—113): «Divi Methodii Patarensis Episcopi & martyris de rebus quae ab initio mundi contigerunt, quaeque deinceps contingere debent, Reuelationes, per paraphrasin translatae incerto authore». Затѣмъ находимъ статью подъ заглавіемъ: «Quae sequuntur, in veteri latino Methodij exemplari non fuerunt: ex Graeco autem conuersa per Joannem Thomam Freigium» — хронологическо-мистическія соображенія о Ветхомъ и Новомъ Завѣтѣ.

2) Истринъ, op. cit., pag. 109.

мѣщенные здѣсь греческій и латинскій тексты «Откровенія» другъ другу не соотвѣтствуютъ, такъ какъ принадлежатъ къ различнымъ редакціямъ разбираемаго памятника — греческій ко *второй*, а латинскій (черезъ посредство напечатаннаго г. Истринымъ греческаго оригинала) къ *первой*, по терминологіи того же изслѣдователя. При разборѣ чешскаго текста мы убѣдились, что онъ происходитъ изъ *первой* редакціи. Этого естественно было ожидать, такъ какъ до изданія «Monumenta», едва ли бывшихъ въ рукахъ у чешскаго переводчика, въ печати существовала только *первая* редакція «Откровенія» — въ латинскомъ переводѣ. Сличеніе «Knížky» съ латинскимъ текстомъ *первой* редакціи въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ отличается отъ греческаго (ср. Истринъ, op. cit., изслѣдованіе, стр. 111—114), окончательно устраняетъ мысль о томъ, что чешскій переводъ сдѣланъ съ греческаго языка; напр. во II главѣ чешскаго перевода находимъ такую фразу (стр. 13): Diabel / obrátil ge potom ke wsselikému čarodĕgnému Vmĕnij a k skladanij wsselikých zpĕwůw a hudeb; это почти буквально соотвѣтствуетъ латинскому: diabolus convertit eos postea in omnem Magicam artem et omnem speciem Musicam componendi («Monumenta», 101), тогда какъ въ греческой редакціи читаемъ (Истринъ, op. cit., тексты, 7; ср. также изслѣдованіе, 112): ὁ διάβολος ἐτροπώσατο αὐτούς, ἅπαν εἶδος μουσικὸν κατασκευάσας. Нѣсколько ниже въ той же главѣ читается (стр. 14): «. . .y smijssenij vkázali se Obrowé na Zemi z Séta / kteřijž w Yamu hřijchu padsse / přenesslechetnij včinĕni gsau»; въ латинскомъ текстѣ находимъ («Monumenta», 101): et perfusi apparuerunt Gygantes super terram de Seth, qui peccati in foveam lapsi, atrocissimi facti sunt, между тѣмъ какъ греческій гласитъ: (διάβολος....) ἐξωθήσας ἔρριψε τοὺς γίγαντας εἰς ὄλεθρον τῆς ἁμαρτίας (Истринъ, op. cit., тексты, 8; ср. изслѣдованіе, 112).

Четвертый сынъ Ноя въ чешскомъ переводѣ (гл. IV) носитъ имя Jonythus, соотвѣтственно латинскому Jonithus (ср. Истринъ, op. cit., изслѣдованіе, стр. 112), а не греческому Μονήτων (ibid., тексты, 9). Объ этомъ лицѣ греческій текстъ сообщаетъ (ibid.), что онъ ἔλαβε παρὰ τοῦ θεοῦ χάρισμα σοφίας, ὥστε πρῶτος ἀστρονομίας τέχνην ἐφεῦρε. Латинская редакція выражается (напр. «Monumenta», стр. 102; ср. Истринъ,

op. cit., изслѣдованіе, стр. 112) подробнѣе: accepit à Deo donum sapientiae ad omnes artes, qui non solum literarum et aliquarum artium, verumetiam omnis astronomiae primus fuit inventor; чешскій переводъ заключаетъ въ себѣ и соотвѣтствіе словамъ ad omnes artes, qui non solum literarum et aliquarum artium, verumetiam omnis, отсутствующимъ въ греческомъ текстѣ: wzal od Boha dar Maudrosti ke wssem vměnijm / kterýž ne toliko Liter / a některých Řzemesl / ale také wsseho Hwězdářstwj prwnij byl nalezytel (стр. 16).

Сверхъ того, предъ началомъ самой «Knížky» въ чешскомъ переводѣ находимъ (стр. 7—10) предисловіе къ ней, не существующее ни въ одной изъ греческихъ редакцій и представляющее собою дословный переводъ первыхъ двухъ отдѣловъ латинскаго текста (ср., напр., «Monumenta», стр. 100—101). Дальнѣйшее сличеніе убѣдило насъ въ справедливости (относительно *чешскаго* текста) апріорнаго предположенія г. Истрина (op. cit., изслѣдованіе, 22), что и чешскій, и польскій переводы «Откровенія» «исходятъ изъ латинской редакціи, и было бы только интересно прослѣдить, изъ полной или краткой» (послѣдняя издана впервые г. Истринымъ въ приложеніяхъ къ его изслѣдованію, стр. 75—83, по четыремъ рукописямъ; намъ извѣстенъ еще одинъ списокъ, хранящійся въ Люблянской Лицейской Библіотекѣ, въ рукописи на пергаментѣ, № 7, листы 152 об.—156). Произведенное нами сравненіе чешскаго перевода съ латинскимъ текстомъ показало, что оригиналомъ для «Knížky» служила *полная* латинская редакція «Откровенія», причемъ переводчикъ рабски держался подлинника, слѣдуя ему даже въ разстановкѣ словъ[1]). Образцомъ можетъ послужить слѣдующая фраза изъ предисловія къ «Knížce»: «Když zagisté Lucyffer mezy wssemi Angely byl powýssenégssý od Boha stwořen a kražssý»—Cum autem lucifer inter omnes angelos esset excelsior a Deo creatus ac speciosissimus. Отличія перевода отъ подлинника (латинскій текстъ *въ общемъ*

1) Это обстоятельство, наряду съ ошибкой при передачѣ слова Item (стр. 30 in margine; чешскій переводчикъ принялъ это слово за собственное имя и оставилъ въ той же формѣ, что въ подлинникѣ), исключаетъ мысль о переводѣ «Knížky» съ нѣмецкаго языка, на которомъ «Откровеніе» появилось (Graesse, op. cit., pag. 507) уже въ 1497 году.

одинаковъ и въ «Monumenta» и въ изданіяхъ 1504 и 1515 гг.) совершенно ничтожны; они показываютъ, что ни одно изъ бывшихъ у насъ подъ руками изданій не соотвѣтствуетъ во всѣхъ подробностяхъ (главнымъ образомъ въ опечаткахъ, которыя отразились бы въ переводѣ) «Knížce». Что касается «Monumenta», они уже по времени своего выхода въ свѣтъ едва ли могли служить оригиналомъ для чешскаго переводчика: они появились (см. выше) не ранѣе конца 1569 — начала 1570 года, а чешскій переводъ былъ сдѣланъ повидимому (см. выше) значительно ранѣе своего появленія въ печати — 1571 года. Сверхъ того, въ «Monumenta» нѣтъ маргиналій, имѣющихся въ «Knížce» и переведенныхъ съ латинскаго языка, какъ показываетъ сличеніе съ замѣтками на поляхъ въ изданіяхъ 1504 и 1515 г.. Вотъ образцы: Prwnij člowěk narozený / po Potopě byl Jonythus / čtwrtý Noelůw Syn / o němž Moyžijss w Genezys mlčij («Kapitola IIII») — Primus homo natus post diluvium fuit Jonithus quartus Noe filius de quo Moyses in Genesi tacet, или: Prwnj wýchoz Synůw Izmahelských na syny Izrahelské / w Figuře znamenal Druhý wýchoz w nowém Zákoně na lid Křestianský («Kapitola VI») — Primus exitus filiorum Ismahel super Israelem populum in figuris designabat secundum exitum in Novo Testamento super populum christianum. Самое заглавіе предисловія къ чешскому переводу (Předmlúwa na Knijžku Božských Zgewenij S° Methudya Mučedlnijka a Bískupa Partenského /Cýrkwé Wlasti Ržecké / kterážto zgewenj od Swatých Angelůw / když byl w wězenij pro Wijru Krystowu / přiyal / pijsse o počátku y o skonánij Swěta) не находитъ себѣ соотвѣтствія въ «Monumenta», тогда какъ въ изданіяхъ 1504 и 1515 гг. читаемъ: Incipit praefatio in opusculum divinarum revelationum sancti Methodii martyris et episcopi Partinensis ecclesiae provinciae Graecorum: quas a sanctis angelis cum erat carceri mancipatus propter fidem Christi recepisse fertur scribens de principio et consummatione seculi.

Такимъ образомъ можно сказать съ достовѣрностью, что оригиналомъ для чешскаго переводчика служилъ латинскій текстъ не въ изданіи Гринея, а въ одной изъ отдѣльныхъ перепечатокъ «Revelationum». Изъ имѣвшихся у насъ подъ руками изданій 1504 и 1515 гг. послѣднее

ближе къ чешскому переводу; вотъ примѣры: на полѣ у I главы читаемъ: Prworozený syn Adamůw Kayn — 1504: Primus genitus Adae fuit Cham (1515: Chain); въ текстѣ I главы: zhůru — 1504: seorsum, 1515 и Mon.: sursum; въ текстѣ II главы: Tholucel — 1504: Thonuel, 1515 и Mon.: Tholucel; на полѣ у VI главы: Pátey wěk — 1504 нѣтъ, 1515: Quinta aetas mundi; на полѣ у VII главы цитируется псаломъ 87, 1504: LXXXII, 1515: LXXXVII (справка съ Псалтырью показываетъ, что слѣдуетъ читать именно LXXXII, а не LXXXVII). Въ маргиналіи къ главѣ XIIII читаемъ: Armaelus / prworozený Romulůw druhý Král Řžijmský; 1504: Armaeleus primogenitus Romuli: secundus rex Romae. Psal. LVIII»; въ 1515 то же, кромѣ «Psal. LVIII», какъ и въ чешскомъ переводѣ, и т. д. Значительно рѣже встрѣчаются случаи, въ которыхъ чешскій переводъ слѣдуетъ изданію 1504 г., расходясь съ текстомъ 1515 г., напр. въ заглавіи VII главы находимъ Izmahelitských при Ismahelitarum въ 1504 и israhelitarum въ 1515, или въ главѣ XX: Matkami при matribus въ 1504 и maritibus въ 1515 (и въ Mon.). Заглавіе чешскаго перевода ближе къ титулу изданія 1504 г., чѣмъ 1515. Есть и такіе случаи, въ которыхъ чешскій переводъ не находитъ себѣ соотвѣтствія ни въ томъ, ни въ другомъ изъ отдѣльныхъ изданій, напр. замѣтка на полѣ у IIII главы: Jonytus Nemrotowi psal не имѣетъ прототипа ни въ 1504, ни въ 1515; подобнымъ образомъ выраженіе brany železné въ XI главѣ не соотвѣтствуетъ латинскому portas aereas (во всѣхъ трехъ текстахъ); очевидно, у чешскаго переводчика была подъ руками такая версія, въ которой вмѣсто aereas стояло ferreas. Обозначеніе въ чешскомъ переводѣ главъ «Kapitola Prwnij» (стр. 11), «Kapitola II» (стр. 13) и т. д. до XXX включительно, не находитъ себѣ соотвѣтствія въ изданіяхъ 1504 и 1515 гг., хотя чешскія заглавія отдѣловъ переведены съ латинскаго языка.

Такимъ образомъ непосредственный источникъ, бывшій подъ руками у чешскаго переводчика, пока не найденъ. Можно думать, что оригиналомъ служило одно изъ отдѣльныхъ латинскихъ изданій «Откровенія», не бывшихъ у насъ подъ руками.

Въ виду того обстоятельства, что разсмотрѣнный нами экземпляръ «Knížky sw. Methudya», сколько мы знаемъ, представляетъ собою unicum и не былъ въ рукахъ ни у одного изслѣдователя чешскаго языка, прилагаемъ нѣсколько бѣглыхъ замѣтокъ о лингвистической сторонѣ разбираемаго памятника, какъ новые примѣры, не имѣвшіеся въ виду покойнымъ Гебауэромъ при составленіи его монументальнаго труда «Historická mluvnice jazyka českého».

Графика «Knížky» представляетъ мало интереснаго; тѣмъ не менѣе, считаемъ нелишнимъ отмѣтить нѣсколько особенностей, представляющихъ собою отголоски болѣе стараго времени. Такъ, долгое *a* пишется обыкновенно *á*, но можно указать и написаніе *aa*: Nepřaatele (53 in margine). Cf. Gebauer, op. cit., I, 90, § 92.

Точно также для долгаго *e* при обычномъ обозначеніи чрезъ *é* нѣсколько разъ встрѣчается написаніе *ee*, напр. Gerusaleema (61), pomazaneeho (34 in margine). Cf. Gebauer, стр. 139, § 124.

Правописаніе краткаго и долгаго *i*, равно какъ и *j*, въ разбираемомъ памятникѣ крайне непослѣдовательно; всего чаще встрѣчается обозначеніе *ī* чрезъ *ij*; для краткаго *i* употребляется и *i*, и *y*, которое такимъ образомъ служитъ рефлексомъ и *ы, и *и, напр. w*y*ssel (24) и s*y*lnĕgssý. Cf. ibid., стр. 207, § 160.

Гласный *ů*, кромѣ этого написанія, встрѣчаемаго въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ, можетъ имѣть и другое — *uo*, напр. čas*uo*w (23, 42), čas*uo*m (5), sw*uo*g (13), *zuo*stal (19) и т. п.. У Гебауэра, op. cit., pag. 230—231, § 176, проведено нѣкоторое различіе между *uo* и *ů*.

Дифтонгъ *ou*, такъ же, какъ и *au*, пишется обычно черезъ *au* (Gebauer, op. cit., pag. 251, § 189), хотя встрѣчается и обозначеніе *ú*, напр. *budú* (62 in margine).

Рефлексы *ѣ обычно пишутся черезъ *ĕ*, хотя изрѣдка встрѣчается и начертаніе *ie*, напр. předpow*ĕ*d*ĕ*l (29 in marg.) и předpow*ie*d*ie*l (22 in marg.), n*ie*kolik (32), M*ĕ*sstĕninu (3), M*ĕ*st*ie* (58 in marg.) и M*ie*sto (ibid.). Ср. у Гебауэра, op. cit., pag. 187, § 149.

Краткое *u*, кромѣ своего обычнаго написанія, обозначается и черезъ *v*, особенно въ началѣ слова, напр. *v*krutnĕgssý (2), *v*chylugij (4) и

т. п. У Гебауэра, op. cit., pag. 251, § 189, сказано, что это бываетъ «v textech starších».

Что касается долгаго *y*, у наборщика «Knížky» изъ-подъ книжнаго правописанія иногда прорываются слѣды живого произношенія; такъ, при pýchy (8), pýchu (43), zpýchal (8), встрѣчаемъ начертаніе p*ay*chu (9); при t*ý*den—t*ay*den (24 in marg.), при sedm*ý* (60 in marg.)—sedm*ay* (ibid.), при včinien*ý* (25 in marg., ср. včiněný, 36 in marg.) — včinen*ay* (36 in marg.), при Ržijmský (2) — Ržijmsk*ay* (59), при kterýž — kter*ay*ž (оба 47 in marg.); дважды находимъ *ej* въ смыслѣ *ý*: Patey (20, 25 in marg.). Cf. Gebauer, op. cit., pag. 281—282, § 217.

Переходимъ къ согласнымъ.

Ř пишется обычнымъ способомъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда оно стоитъ въ началѣ слова — тогда находимъ *rž*, напр. *Rž*ijmu (21, 22), *Rž*ijmský (2), *Rž*ijsse (42), *Rž*ecké (7), *Rž*eku (19) и т. п.. Cf. Gebauer, op. cit., pag. 328, § 258. Въ нѣсколькихъ случаяхъ вмѣсто *ř* находимъ чистое *r*, напр. p*r*estupnijcy (50), t*r*i (18), zbo*r*il (22). Неожиданное удвоеніе *r* находимъ въ словѣ Ty*rr*an (2, 4, 5, 21, 26 и др.), которое всегда пишется этимъ способомъ вопреки латинскому ty*r*annus.

Мягкое *n* обозначается черезъ *ň*, за исключеніемъ vči*ni*ený (25 in marg.). Cf. Gebauer, op. cit., pag. 368—369, § 288.

Что касается твердаго t, Гебауэръ (op. cit., pag. 382—383, § 302) указываетъ, что оно нерѣдко писалось черезъ *th*, «nejčastěji v slově *léto*»; это замѣчаніе вполнѣ оправдывается на «Knížce», гдѣ находимъ: Lé*th*a (2, 11 дважды, 12 четырежды и др.) наряду съ Lé*t*a (2), Lé*t*a (12, 18), Lé*t*o (16), Lé*t*ě (11), но Le*th* (12); наоборотъ, *th* иногда передается черезъ *t*, напр. Jony*t*us (стр. 16, 17, 17 in marg.), при Jony*th*us (16), Jany*th*a (16), Jony*th*owi (17)—собственное имя, которое въ латинскомъ подлинникѣ пишется («Monumenta», стр. 102) Joni*th*us.

Мягкое *t* обозначается обычно черезъ *ť*; одинъ разъ имѣемъ *ti*: ss*ti*astnosti (9). Cf. Gebauer, op. et l. c.

Мягкое *d* обозначается черезъ *ď*, напр.: *ď*ablu (10, 50 in marg.), хотя встрѣчается и *di*: *Di*abla (10), *Di*abel (14); при *Di*abelské (29) имѣемъ *ď*ábelských (49). Cf. Gebauer, op. cit., pag. 399, § 315.

F, встрѣчаемое крайне рѣдко, обозначается и *ff* (tre*ff*owala 5, ru*ff*ianowé[1]) 50, Ka*ff*arnaum 58 трижды, *ff*alessnijcy 50, *ff*alessnijk 60, pře*ff*alessný 61), и *f*: *f*alessné 60.

V, обозначаемое черезъ *w*, приставляется въ словахъ съ начальнымъ *o*: *w*oraččw (43), Woslowé (46, но 45—46: *O*slem), *w*ožralcy (50), ne*w*oral (37) и даже въ иностранномъ словѣ: *W*ornatůw (47). Cf. Gebauer, op. cit., pag. 432—433, § 352, пунктъ 1 d). Нѣсколько ниже, стр. 434, пунктъ 4, Гебауэръ указываетъ, что *v* подъ вліяніемъ такихъ причастій, какъ děla*v*, prosi*v* и т. п. съ глагольной основой на гласный, стало приставляться и къ причастіямъ съ конечнымъ согласнымъ основы; примѣры тому имѣются и въ нашемъ текстѣ: nečet*w* (5), přečet*w* (5), přitáh*w* (27).

Š всегда обозначается черезъ ſſ; исключеніе представляютъ случаи š+š: kražſſý (7) и naywyšſſýmu (10) — cf. Gebauer, op. cit., pag. 511, § 435, пунктъ 1. По типографскимъ условіямъ это ſ передается въ нашихъ цитатахъ черезъ s, подобно тому, какъ вмѣсто ȝ вездѣ поставлено z.

Переходимъ къ формамъ склоненія существительныхъ. Здѣсь прежде всего слѣдуетъ отмѣтить остатки двойственнаго числа: loc. rukau (19), gen. rukau (21, 36, 42, 53, 54), duchownijmi očima (33), gen. kolenau swých (49 in marg.) при kolen swých (48). Конечно, это только случайно уцѣлѣвшіе (отчасти до нашихъ дней) архаизмы, такъ какъ въ XVI в. въ чешскомъ языкѣ dualis уже не существовалъ, и въ той же самой «Knížce» находимъ такія фразы: «w těch dwau Slawných Městech» (1), «Adam a Ewa...Panicowé byli» (11), «dwěma swědkům mým» (62 in marg.) и т. п..

Въ основахъ на согласную имѣется нѣсколько формъ, существующихъ и въ другихъ памятникахъ, но тѣмъ не менѣе заслуживающихъ быть —

---

1) Впрочемъ, объ этомъ словѣ ср. въ словарѣ Юнгманна s. v..

отмѣченными; таковы въ основахъ на *-n:* gen. semene (33, 38, 40, 59, 61) при nom. symě (32 bis, 38 bis) — cf. Gebauer, op. cit., томъ III, часть I, стр. 415—416, § 359. Въ основахъ на *-r*, при полномъ переходѣ слова *dcera* въ основы на *-a*, имѣемъ nom. Matě (30 bis), gen. Mateře (24, 32). Cf. ibid., pag. 429—430, § 374. Въ основахъ на *-s* имѣемъ: k Nebi (59, 60), но Nebesých (53). Отъ основы **tělеs-* образуется прилагательное tělestný (tělestných 41)— cf. Gebauer, ibid., pag. 419—420, § 364.

Въ склоненіи основъ на *-*anino, -*janino* имѣемъ почти рядомъ формы: Křestianůw (48) и křestianů (49 in margine bis) (ср. у Гебауэра, op. cit., pag. 76). Сюда же до извѣстной степени можно отнести gen. Pohanůw, встрѣчаемый дважды: w ruce Pohanůw и od hanebných Pohanůw (41) — примѣры, аналогичные по значенію съ нѣкоторыми изъ приводимыхъ Гебауэромъ (op. cit., pag. 54) для формы pohan: «při významu obecném i místnem».

Форма gen. přijzně (6) является въ «Knížce» второй до сихъ поръ зарегистрированной—первая отмѣчена въ памятникѣ 1564 г. (Gebauer, op. cit., pag. 369).

Встрѣчаемыя въ нашемъ памятникѣ собственныя имена склоняются иногда по особымъ правиламъ, напр., сохраняя въ номинативѣ латинскую форму подлинника (Daryus 25 bis, Tytus a Wespezyánus 37, Methúdyus 2, 22), образуютъ другіе падежи отъ славянской основы: Tyta a Wespezyána 42 in marg., Methudya 1, 4, 7, 11, 32 in marg. или Metudya 18, Metudyem 30, Daria 27 bis, Daryowi 27 in marg. (cf. Gebauer, op. cit., pag. 569); слово *Evangelium* не склоняется: «w Ewangelium» 57.

Въ виду интереса, представляемаго склоненіемъ слова *týden* (cf. Gebauer, op. cit., pag. 413—414), приводимъ всѣ встрѣчающіяся его формы:

acc. sing.: Týden a půl, to gt půl gedenácta Leta 58.
gen. sing.: po času Téhodne 58.
gen. plur.: až do počtu času osmi téhodnůw leth 23.
až do počtu osmi téhodnuow 23 in marg.
kteráž slowáu osm tehodnůw 23 in marg.
loc. plur.: po sedmi Téhodnech a po puol 21.

Имѣется и образованное отъ этого слова прилагательное: w sedmém Téhodnjm času 51 (въ подлинникѣ: in septimo hebdomatico [1515: abdomatico] tempore).

Въ склоненія мѣстоименій заслуживаютъ вниманія формы gen. fem. sing. wassý 3 (отмѣченная—vaší—у Гебауэра, op. cit., pag. 487, только какъ діалектическая, по книгѣ Бартоша «Dialektologie moravská»), wssý (38 — на twař wssý země и 49 — bezewssý mocy, cf. Gebauer, op. cit., pag. 516). Чудовищная форма ničeméмuž, на которую у Гебауэра (op. cit., pag. 467) приведено семь примѣровъ, имѣется и въ «Knížce»: k ničemémuž se ne hodj 51 in marg..

Въ склоненіи *obој* укажемъ не отмѣченную Гебауэромъ форму gen. *obého*: aby gestližeby ge chtěli otewřijti železem, nemohli, aneb rozpustiti ohněm: též obého aby nemohli 28 (въ подлинникѣ: ut si voluerint eas patefacere cum ferro, ut non possint, aut dissolvere per ignem, nec valeant utrumque).

Архаическій способъ образованія числительныхъ между 20 и 30 извѣстенъ и нашему памятнику: w pětmecýtmém Letě (19) — in vicesimo quinto anno. Слово tisýc (напр. 13) имѣетъ gen. plur. различно (cf. Gebauer, op. cit., pagg. 107 et 108): od třij Tisýc Leth (15), těch čtyř Tisýc Let (19)—u času Třij Tisýcůw Leth (17), tri sta a XX Tisýcuow (18). Для образца согласованія этого слова съ существительнымъ можно отмѣтить: Z ssestkrát Sto Tisýc Lidu (47), acc. tři Tisýce Leth и čtyři Tisýce Leth (37), třidceti Tisýc Mauřeninuow (31), kázati budú dnij Tisýc dwě Stě ssedesáte (62 in marg.), loc. po třech Tisýcých Letech (15). Для исторіи склоненія числительныхъ, сложенныхъ съ dwa, отмѣтимъ: gen. sedmdesáti dwau (16), acc. let ssedesáte a dwě (25), loc. w dwau Stech a Sedmdesati letech (20), dat. k dwanácti loktům (28).

Изъ глагольныхъ формъ заслуживаетъ быть отмѣченнымъ аористъ 3 pers. sing. račij (4), imperativus zwolay (38) и dayte (41 in marg.) и множество случаевъ, гдѣ въ третьемъ лицѣ, какъ единственнаго, такъ и множественнаго числа является окончаніе *t'*; таковы: а) въ единственномъ числѣ: budet' (23, 24 in marg., 38, 39, 41 in marg., 42, 43 bis, 45 bis), wygdet' (29), swedet' (61), nagdet' (52), vte-

čet' (45), posslet' (58), obdržijt' (36), zprotiwijt' se (37), přestanet' (51), sednet' (56), sstaupjt' (54), připadnet' (54), wztahnet' (59) и т. п.; б) во множественномъ числѣ: budaut' (41, 42 bis, 43 трижды, 45 и др.), půgdaut' (39), přijgdaut' (51), umlknaut' (44), zdělajit (56), padnaut' (45). О подобныхъ случаяхъ Гебауэръ (op. cit., díl III, č. 2, 1898, str. 14) замѣчаетъ, что въ нихъ мы имѣемъ дѣло съ энклитическимъ *t'*, а не съ личнымъ окончаніемъ. Это мнѣніе оправдывается и на нашемъ памятникѣ: если въ 3-мъ лицѣ, какъ единственнаго, такъ и множественнаго чиселъ, *-t'* можетъ быть личной флексіей, то какъ объяснить присутствіе его въ такихъ случаяхъ, какъ prosýmet' (35), zmenssent' bude (49), gegicht' bude (44), utjsstěnat' bude (51), hledatit' budau (45), zhřessylit' gsme (56 in marg.), sklamalit' (33) и т. п.. или тмезисъ nepřijdelit' (35)?

На part. perf. pass. odien, odín, Гебауэръ могъ привести всего одинъ примѣръ: odín byl (стр. 223) — въ «Knížce» встрѣчается форма odijnij (54). Отмѣтимъ еще инфинитивъ zemřijti (44 in marg.).

Что касается описательныхъ выраженій futuri и imperfecti (при помощи part. praes.), о которыхъ Гебауэръ говоритъ (op. cit., § 236, pag. 434): «doklady jim jsou některé ještě v stol. XVI», въ «Откровеніи» встрѣчаются слѣдующіе примѣры ихъ: budet' ....wzkladage (55), budaut' slaužijce (55; на слѣдующей строкѣ: slaužiti budau) и byli ....gedauce a pigijce etc. (57).

Наконецъ намъ предстоитъ отмѣтить нѣсколько словъ, употребленныхъ въ Knížce«, но отсутствующихъ въ монументальныхъ словаряхъ Юнгманна (Slownjk česko-německý. W Praze. Díl I—V. 1835—1839), съ дополненіемъ Челаковскаго (Dodavky ke Slowníku J. Jungmanna. V Praze. 1851) и Я. Гебауэра (Slovník staročeský. Намъ пока доступны только выпуски 1—14, т. е. первый томъ и томъ второй, стр. 1—400; послѣднее слово *mořský*, *morský*). Въ нашихъ цитатахъ J. обозначаетъ Юнгманна, Č — Челаковскаго.

*dělati sobě Králowstwij (17) — constituere sibi regnum.

imprimováti — excudere: (knijžka) . . . . . vžitečná . . . . . by byla, kdyby znowu ymprimowána a Lidem wůbec wydána byla (5).
aby ymprymowána byla ta Knijžka (5).
aby ymprimowána byla (sc. Knijžka) (6).

nalezitel — inventor — wsseho Hwězdářstwj prwnij byl nalezytel (16) — omnis astronomiae primus fuit inventor (у J. только nalezlitel съ однимъ примѣромъ).

ochotnost — alacritas(?) — s welikau y přijlissnau ochotnostij mysli (31) — cum multa nimiaque alacritate animi. (У J. есть сходное выраженіе — s ochotnau myslj — animo promto).

přefalešný — fallacissimus — we wssech swých znamenijch přeffalessný gsa (61) — in omnibus suis signis fallacissimus.

*prwotnost — primatus — nadewsseckna Králowstwij Národuow obdrželo Králowstwij Babilonské prwotnost (24) — super omnia regna gentium obtinuit regnum Babylonis primatum. У J. это слово есть только въ дополненіяхъ (V, 967) со значеніемъ «Ursprung» и цитатой «Zal. Str. 130», хотя слово «Prwotnjk» переводится фразой: «kdo prwotnost držj».

*poušť — Gedeon . . . . . wypudil ge [Измаильтянъ] z Země bytedlné na pausst', z něhož wyssli (22) — Gedeon . . . . . ejecit eos de terra habitabili in solitudinem et desertum ex quo prodierant. У J. paušť только женскаго рода (ср. Knížka, 19 in marg. и др.).

*rozběžení — dispersio — přičina rozběženij Lidu po wssý zemi (16 in marg.) — causa dispersionis hominum in omnem terram. У J. есть со ссылкой на rozběhnu se, но въ цитированномъ мѣстѣ нѣтъ объясненія этого слова. У Č. это слово переводится roztržitost, Zerstreuung, съ примѣромъ: Srdce swé ot zewnitřnijch rozběženj k samému sobě obrat'. *Hugo*.

swatowražce (? 50) plur. — sacrilegi. У I. только swatowrah.

vyjítí — exitus — Methudyus ....předpowiediel druhé wygitij Izmaheluow (22 in marg.) — Methodius ....praedixit secundum exitum filiorum Ismahel.

A nenijt' wgitij ani wygitij (28) — et non est introitus nec exitus.

*vysvobození komu — Wyswobozenij židům z Babilona (25 in marg.) — Liberatio [1515: Deliberatio] judaeorum de Babylonia.

«Откровеніе св. Меѳодія» было извѣстно и въ польской литературѣ; въ библіотекахъ гр. Чарнецкаго (Rusko въ герцогствѣ Познаньскомъ) и гр. Замойскаго (Kórnik въ той же области) хранятся экземпляры недатированнаго печатнаго изданія, относимаго къ XVI вѣку и слѣдующимъ образомъ описаннаго въ извѣстной библіографіи г. Вержбовскаго[1]) подъ № 3189:

Proroctwo Methodiuszá S. Biskupá miast Tyrskich y męczenniká chwálebnego, ktori gdi był trzyman pod Dioclecianem Cesarzem w więzyeniu dla słowá Bożego przez nie mały czás, thedy z obiáwienia Aniołá Pańskiego, wydał wiele pisma potrzebnego, á zwłaszczá o stworzeniu swiátá, począwszy od Adamá áż do dnia sądnego. 8°, 135 fol., dedic. Joanni Służewski, palatino Brestensi Cuiaviensi, a Michaele Hey Stawicki, et homini christiano ab eodem, sine data.

Намъ это изданіе недоступно. Кромѣ печатнаго текста, о которомъ г. Истринъ въ своемъ изслѣдованіи не упоминаетъ, существуетъ и рукописный польскій; о немъ въ книгѣ названнаго ученаго (стр. 22) читаемъ: «Въ библіотекѣ Оссолинскихъ во Львовѣ находится польскій текстъ Откровенія, опубликовать который обѣщается г. Франко ...Судя по объему, польскій текстъ сильно распространенъ и распространеніе, вѣроятно, сдѣлано на счетъ польской исторіи». Въ описаніи рукописей Оссолинеума[2])

---

1) Theodorus Wierzbowski. Bibliographia polonica XV ac XVI ss. Volumen III. Varsoviae. 1894, стр. 261.

2) Catalogus codicum manuscriptorum Bibliothecae Ossolinianae Leopoliensis. Tomus I. Katalog rękopisów Biblioteki Zakładu Nar. Im. Ossolińskich. Wydał Dr. Wojciech Kętrzyński, dyrektor tegoż Zakładu. Tom I. Lwów. 1881, стр. 5.

находимъ заглавіе этого текста, находящагося въ рукописи № 10 (бумажная XVII вѣка); на листахъ 56—71 помѣщено:

Proroctwo Meteodiusza ś. [sic], biskupa miast tyrskich y męczennika chwalebnego, który był trzyman pod Dioclecianem cezarzem w więzieniu dla słowa bożego przez niemały czas, tedy z obiawienia pisma potrzebnego a zwłaszcza o stworzeniu świata, począwszy od Adama aż do dnia sądnego.

На слѣдующихъ листахъ (71—111) находится «Wykład Metodiusza swiętego, który w sobie ma pięć rozdziałów przednieyszych».

Сходство заглавія рукописнаго «Proroctwa» съ печатнымъ [1]) заставляетъ предполагать, что первое является копіей второго [2]). Г. Франко съ рѣдкой обязательностью предоставилъ въ наше распоряженіе списокъ съ рукописнаго «Proroctwa», за что считаемъ пріятнымъ долгомъ выразить названному ученому глубокую благодарность. Тѣмъ не менѣе, мы не находимъ возможнымъ издавать эту копію [3]) впредь до ознакомленія съ печатнымъ изданіемъ этого памятника.

Разсмотрѣніе сообщеннаго намъ г. Франкомъ списка привело насъ къ выводу, что польскій текстъ интерполированъ, но сдѣланныя вставки не представляютъ интереса; нѣкоторыя изъ нихъ находятся въ зависимости отъ маргиналій латинскихъ изданій [4]), другія представляютъ собою душеспасительныя наставленія.

---

1) Г. Kętrzyński не обратилъ вниманія на безсмыслицу въ названіи рукописнаго текста; она можетъ быть объяснена пропускомъ четырехъ словъ (Anioła Pańskiego, wydał wiele), находящихся въ титулѣ печатнаго изданія.

2) Г. Франко (Памятки Українсько-руської мови і літератури, томъ IV, стр. XXXV) утверждаетъ это категорически, замѣчая, что въ библіографическихъ трудахъ Эстрейхера печатное изданіе не указано. О книгѣ г. Вержбовскаго г. Франко не упоминаетъ.

3) Нѣсколько главъ напечатано г. Франкомъ въ цитированномъ выше изданіи, стр. XXX—XXXIV. При воспроизведеніи печатнаго текста слѣдуетъ обратить вниманіе и на сохранившуюся въ рукописи XVII вѣка (cf. Kętrzyński, op. cit., pag. 440) прогностику 1578 г. «O zaginieniu sekty brzydkiey mahomeckiey tak z nauki apostolskiey jako y z proroctwa św. Metodyusza»; она, можетъ быть, поможетъ датировать печатное изданіе «Proroctwa».

4) Г. Франко предположилъ (op. cit., pag. XXX), что польскій текстъ можетъ оказаться передѣлкой чешскаго

Въ копіи г. Франка мы нашли только «Proroctwo»; слѣдующій за нимъ въ рукописи института Оссолиньскихъ «Wykład» намъ совершенно неизвѣстенъ, и мы только a priori можемъ предположить, что онъ является переводомъ обширнаго сочиненія В. Айтингера, которое прилагалось къ нѣкоторымъ изданіямъ «Revelationum S. Methodii»; такъ, оно было уже при первомъ отдѣльномъ изданіи, относимомъ приблизительно къ 1490 году[1]); въ изданіяхъ 1504 и 1515 гг. оно занимаетъ большую часть книги (лл. 29—68); въ началѣ его читается: «De civitate Hierosolyma et a gentibus occupatione. Incipit tractatus super Methodium qui in se continebit quinque capitula quorum primum est de possessione terrae sanctae», а въ концѣ находимъ слѣдующее заключеніе: «Tractatus continens in se quinque capitula de fine quinti flagelli ecclesiae super textum divinarum revelationum beati Methodii martyris cum praefatione ac concordantiis authenticis notabilibusque diversis textui conformiter applicatis. hic completur laboriosa cura et ingenio Wolffgangi Aytinger clerici ac incolae Augustinensis [1515: Augustensis] vindelicorum artium magistri: necnon Juris utriusque promoti: qui motu compassionis orthodoxae fidelium modo mancipatorum in altera secundaque Babylonia videlicet Turcia qui in sanguine agni nobiscum redempti sunt ac pro speciali consolamine deliberationis eorundem per magnum triumphum regis Romanorum et catholicos in proximo conflictu habendum cum Ismaeliticis: sicut libellus praesentis opusculi vere delucidat: pro quo feliciter orate».

На этотъ трактатъ г. Истринъ въ своемъ изслѣдованіи не обратилъ вниманія, хотя объясненія Айтингеромъ пророчествъ quasi-Меѳодія весьма интересны, какъ образецъ воззрѣній европейца конца XV вѣка[2]) на Тур-

---

1) Ср. у Грессе. op. et l. c.

2) Время написанія трактата опредѣляется находящейся на оборотѣ листа 37-го (по изданіямъ 1504 и 1515 годовъ) фразой: usque ad praesentem annum M. cccc. xcvj. Въ этомъ же 1496 г. трактатъ появился и въ печати, ср. Joh. Chr. Adelung, Fortsetzung und Ergänzungen zu Christian Gottlieb Jöchers allgemeinem Gelehrten-Lexicon, I, 1306—1307. О другомъ трудѣ Айтингера упоминаетъ Chr. Gottl. Jöcher, Allgemeines Gelehrten-Lexicon, I, 677.

цію. Замѣтимъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ трактата есть упоминанія о славянскихъ земляхъ; такъ, въ главѣ «De bestia exeunte a mari cum VII capitibus et X cornibus, quibus inscriptum est nomen blasphemiae», находимъ перечень семи царствъ, принявшихъ вѣру Магомета: Quorum primum est Ponticum seu Trapesontinum. Secundum Constantinopolitanum. Tertium Asiaticum. Quartum Albanum sive Macedonicum. Quintum Bosnense. Sextum Serviae. Septimum Atheniense maris Hellespontici; нѣсколько выше упомянуто, что «коварный [perfidus] турокъ» Quattuor regna post Trapesontinum suae potestati subjecit, scilicet Litiam, Armeniam, Bulgariam et Traciam, usque ad fines Italiae (л. 34 об.). Въ другомъ мѣстѣ (л. 63) упоминается сынъ Тамбурлана [Tamburlanus] «Мусмульмамъ» [Musmulmam], qui conatus fuit capere Serviam, причемъ сообщается, что онъ decollatus est a domino Serviae. Нѣсколько ниже находимъ имя Мурата [Moroth, Morath, Morat], который cepit oram Graeciae circa littora schitica [sic], et portionem quandam ex Peloponneso et Serviam et Macedoniam. Въ концѣ трактата находимъ и такое свѣдѣніе: «Item scribitur etiam de quodam rege Ungariae sic: Surget rex ex Almaniae rupibus, qui recuperabit Pragensem ecclesiam, denique templum sanctae Sophiae in Constantinopoli restaurabit, pius et misericors, scandetque ad ardua inter catholicos» (л. 67 об.).

Н. Петровскій.

Казань,
ноябрь 1908 года.

Городъ Мендовга или гдѣ искать Летовію XIII вѣка?

Въ 1907 году докторъ Войцѣхъ Кентржинскій въ «Kwartalnik Historyczny», въ статьѣ «Najdawniejsza stolica litewska (Отд. Отт. 8°, 10 стр.) обратилъ вниманіе спеціалистовъ на двѣ грамоты короля Мендовга отъ 1253 и 1260 гг. со слѣдующими формулами «Datum in *Lettowia* in curia nostra anno Domini 1253 mense Iulio» и «Datum *Lettowiae* in curia nostra anno Domini 1260 in medio mensis Junii». Отвергая объясненія, что Летовія есть «Tettowia» вмѣсто Цитовяны (Титовяны) на Жмуди или же, что городъ Летовія можетъ быть отмѣченъ вмѣсто Литва, на Литвѣ, онъ думаетъ, что если все это не мистификація, то слѣдовало бы читать: Лековія въ смыслѣ Локова, Łakow въ Россіенскомъ уѣздѣ; а Ворута, Вѣрута Ипатьевской лѣтописи есть «Uturу», вм. Вотуры. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ близь рѣки Лукны, впадающей въ Дубиссу, искалъ г. Кентржинскій древнія укрѣпленія. Въ «Przegląd'ѣ Historyczn'омъ, tom VIII, 1909 г., другой изслѣдователь-археологъ Людвикъ *Кржи-вицкій* въ статьѣ «W poszukiwaniu grodu Mendoga» (стр. 20—48), соглашаясь съ Кентржинскимъ о мѣстонахожденіи столицы Мендовга близь Бетиголы, отождествляетъ Ворута съ Вередовымъ и находитъ подходящее городище подъ Рачкишками. При этомъ допускается объясненіе слова «Ворута» какъ территоріумъ, земля Воровичей и предполагается, что Эйрагола изъ Орягола и Ворягола происходитъ отъ того же корня-темы Вор-. Подвергая историческія данныя относительно резиденціи (curia nostra) Мендовга новому разслѣдованію, я хотѣлъ бы обратить вниманіе мѣстныхъ изслѣдователей литовской археологіи на возможность отысканія града Мендовга на Литвѣ, а не на Жмуди.

Выше приведенныя выраженія «Леттовія»-городъ не были до появленія статьи Кентржинскаго достаточно объяснены. Изслѣдователи географической номенклатуры Латышскаго края и такъ называемой Селоніи совершенно игнорировали формулы, выше приведенныя, и оттого ни А. А. Куникъ въ соч. А. Биленштейна «Die Grenzen des lettischen Volksstammes», ни М. Скрузитъ въ брошюрѣ Sehři Kursemes augşchgala şentschi. M. Şkrusişcha. 1889. Митава. 8°. 24 стр., при объясненіи названій мѣстностей Селоніи «Летовъ» borchwal, т. е. городища *Летовъ* и рѣки *Летовія* ripa de Lettoviae, не обратили вниманія на существованіе куріи, града Мендовга *Летовіа*. Но если мы попытаемся при помощи существующихъ подробныхъ картъ Литвы и списковъ населенныхъ мѣстъ Ковенскаго статистическаго Комитета и списковъ мѣстъ населенныхъ и ненаселенныхъ *Вайшганта*, Sanraszas geografiszkuju Lietuvos vardu [Dirva-Žinynas № 11, May (Gegužis) 1904 m. Shenandoah-Pa. стр. 1—29] возстановить границы Селоніи по документамъ, то обнаружится слѣдующее. 7 августа 1259 года король Миндовгъ опредѣляетъ границы земли Селонія terra Zeloniae (dictam vulgariter Zelland, Zeln, Selen et Seloniam), подаренной имъ съ согласія сыновей своихъ, наслѣдниковъ престола Реплиса и Герстутиса (Replen, Gerstuten), нѣмецкому ордену въ Ливоніи, такими географическими пунктами. Онъ Навыгна-Двинска или Новенене (Nowenene) граница въ одну сторону идетъ вверхъ по Двинѣ до *Кековы*, до притока Доленъ, а въ другую сторону отъ Двинска до Копвегъ (Köpweck), рѣки Лоденъ «Лоденбеке» до рѣки Дусятъ (rivus Dussethe) въ Ново-Александровскомъ уѣздѣ. Въ Ново-Александров. у. есть озеро и рѣка Лодзи, по лит. Lů dis, Lůdýkštis.

Потомъ граница идетъ отъ Дусятъ (озера и рѣки) до озера Сарты (Sarthe), по берегу озера Сарты до рѣки, вытекающей изъ этого озера, которая vulgariter dicitur Swentoppe, то есть р. Свѣнты (Šventa, -ója). Praedictam ripam Swentoppe descendendo usque in unam ripam quae dicitur *de Lettawie*; ripam *Lettowie* ascendendo usque in ripam *Wasewoke*, ultra pervenitur in ripam *Wesinthe*, ultra procedendo in ripam *Levene* [*A. Bielenstein*, Die Grenzen der Letten, стр. 435] или въ другомъ текстѣ той же грамоты «*Swenteuppam* descendendo in ripam *Lettowiae*, praedictam ripam ascendendo et persequendo in ripam *Wassewoke*».

Вновь встрѣчается географическое названіе Летовія въ разграничительномъ актѣ той же земли Селоніи изъ 14 вѣка, у Биленштейна Grenzen стр. 451, № 102. Граница идетъ отъ Эглоны или Аглоны рѣки, впадающей въ Двину, до «*Waresen-Tracken*»; a Waresen-Tracken usque in originem *Sattaxen*, a Sattaxen seorsum usque in *Gerre;* ex tunc amnem Gerren descendendo usque in *Hilgebeke* (т. е. рѣка Свѣнта, Швента), a Hilgebeke seorsum usque *borchwal*, nomine *Lettow*, ab illo loco usque in stagnum *Vesytes;* a Vessytes amnem descendendo usque in flumen Lenene [то есть «Levene»], ab illo per directum usque in *Pywessen* и т. д.

Скрузитъ, усматривая въ этихъ выраженіяхъ неточное нѣмецкое перетолкованіе, переводитъ Borchwal—pilskalns, Lettow—Lietuva, то есть Литовское городище, а «ripa Letowie» Leișchu-upe Литовская рѣка. На картѣ генеральнаго штаба, трехверстнаго масштаба, рядъ XI, листъ 4 мы встрѣчаемъ между Швентою и Вешинтами слѣдующія подходящія названія мѣстъ и въ особенности рѣкъ: рѣка *Лотова;* фольваркъ, мельница, деревня и застѣнокъ *Лотовяны;* затѣмъ *Вошока* рѣка и Вошокяны дер. соотвѣтственно *Wasseweke* XIII вѣка. Въ спискахъ Вайшганта [l. c. стр. 22 сл.] Lãtava (upe) и Latavénai [насел. мѣсто], Vašuóka, Pavošokiai, Lévēnē, Levenis, alias Lévuo, Léva; Pyvasa или Pìvasa. Въ отличіе отъ рѣки Лотовы лит. Lâtava близь Трашкунъ, встрѣчается еще въ сосѣднемъ Оникштенскомъ приходѣ рѣчка «Lâtupis». Рѣка Свѣнта названа Швентоя Šventója, Švintâ'ja (въ Солок. вол.). Въ описи документовъ Виленскаго Центральнаго Архива древнихъ актовъ, въ выпускѣ VI, въ «актахъ Вилкомирскаго суда за 1596—1607 годы. Вильна 1908» встрѣчаются Лотовяны: между прочимъ на стр. 8, № 46 имѣніе Лотовяны, половина котораго Криштофъ Мих. *Товгинъ* уступаетъ женѣ Александрѣ Хотиловской; на стр. 24 упомянутъ арендный листъ, данный земяниномъ Григор. Матв. Миколаевичъ-*Войгвиловичемъ* брату Яну на имѣніе *Лотовяны;* стр. 83 продажный листъ на $^1/_4$ имѣнія *Лотовяны* и службу людей въ *Лотовянскомъ* полѣ и семь разъ Лотовяны надъ рѣкою *Пивесою*.

Такимъ образомъ обнаружилось, что литовское *Латава*, на русской картѣ *Лотова*, могло соотвѣтствовать латинско-нѣмецкой транскрипціи

Lettow, Lettowie и Lettowiae, Lettawie. Переводъ Скрузита въ виду наличности названія мѣстности Лотова, Лотовяны, какъ рѣка, городъ—городъ Литовскій или Литвы, основанъ, повидимому, на недоразумѣніи. Но если Мендовгъ въ актѣ 1259 года упоминаетъ берегъ рѣки *Лотова*, а въ 1253 и 1260 подписываетъ in curia nostra Лотова-*Lettovia*, то на возможность отождествленія написанія корня *Лет*—черезъ Лат, а не *Лiет*, Лит, указываютъ, еще въ актѣ 1259 года формы rex Litwinorum, Littowiae. Въ другихъ документахъ у Эдуарда Рачинскаго «Codex diplomaticus Lithuaniae. Vratislaviae 1845» встрѣчаются дѣйствительно rex Lettowie, Lettowinorum, terra, rex Lethovie, tocius Lettowie (стр. 3—13, 15, 17, 19). Исключеніе составляютъ актъ № 1 отъ 1257 года (стр. 13—14) и описаніе печати Мендовга: In transumpto hujus privilegii sigillum Mindovae sic describitur: In sigilli caractere erat sculpta ymago Regis sedentis cum sceptro in manu dextra et in manu sinistra cum pomo et una cruce super dicto pomo et in eius circumferenciis erat scripta verba que secuntur post quandam crucem, videlicet. *Myndowe dei gratia Rex Litowie.*

Но слѣдуетъ ли вообще искать столицу Миндовга на Жмуди, близь Россіенъ и Бетыголы? Повидимому, нѣтъ. *Тотарайтисъ* въ своей диссертаціи Die Litauer unter dem Könige Mindowe bis zum Jahre 1263 уже доказалъ, что крещеніе Миндовга совершено было по политическимъ причинамъ. Желая защищаться отъ кунигасовъ, ему не сочувствующихъ, какъ Виконта Жмудскаго и Товтивила, Ятвяговъ и южнорусскихъ князей, онъ своимъ офиціальнымъ крещеніемъ и дарственными актами устранялъ возможность вспомоществованія христіанскихъ государствъ его врагамъ. Товтивилъ, лишенный, послѣ принятія Мендовгомъ христіанства, союзничества съ ливонскимъ орденомъ, вмѣстѣ съ Жемойтью и Русью направился на Миндовга. «Тевтевилъ же прибѣже во Жемонть, ко уеви своему Выкынтови» сказано въ Ипатьевской лѣтописи. Главный градъ Викинтовъ былъ Твиреметь или Твери надъ рѣчкою Ойтрою въ Тельшевскомъ уѣздѣ.

«Понма Ятвезѣ и Жемонть и помощь Данилову, иже бѣ далъ ему Данилъ древле, иде на Миндовга. Миндовгъ же собрался бѣ и оумысливъ же собѣ не битися съ ними полкомъ, нъ вниде во градъ именемъ *Во-*

роута или *Въврута*». Гдѣ же этотъ былъ городъ Ворута, Върута?

Не на Жмуди, а на Литвѣ, въ родной области Миндовга, въ сосѣдствѣ съ княземъ Нальщанскимъ. Тевтивилъ, ничего не достигши, возвратился въ Жемонтъ. Ипатьевская лѣтопись описываетъ дальнѣйшія междуусобныя войны этихъ князей, то союзниковъ и родственниковъ, то заклятыхъ непріятелей.

Упоминается *Ревба* (Rauba), эмиссаръ Товтивила, а окрестность г. Новогрудка (не жел. дор. станція, перекрещенная недавно изъ Ново-Ельни въ Новогрудокъ, а уѣздный городъ, Новгородокъ, по лит. Naugardas) съ рѣкою Щарьею и взяста *Городенъ*, по литовски нынѣ *Gardinas*. Путь же Рижанъ и Божьихъ дворянъ Ливонскаго ордена въ Литву шелъ черезъ Nalsen—Нальщаны.

Андрѣй Стирпенскій, какъ сказано въ Римованной лѣтописи[1]), стихи 3319 и 3325, отправился на Миндовга Durch Nalsen kein Littowen.

der meister wolde schowen
wie kunic Myndowe mochte,
ob er zû strîte tochte
der kunic in siner *burge* lac.

За Нальщанами въ Литвѣ была область съ городомъ Мендовга, на границѣ Селоніи по линіи Двинскъ (Навыгинъ)—Лозди (Lũdis)—Дусяты (Dùsetas)—Швентоя—Вошоки (Vašûkà, Vašûkė́nai)—Вешинты (Vẽšintà). Кентржинскій предполагаетъ, что резиденція Мендовга должна была быть не малою объемомъ и во всякомъ случаѣ не простымъ укрѣпленнымъ пунктомъ удѣльнаго князя. Въ Утурахъ—Ворутахъ, по его мнѣнію, «była kurya królewska, t. j. dwór króla i jego rezydencya; w Uturach była katedra i siedziba biskupa oraz licznego kleru; gdzie zaś była rezydencya króla, tam musiało też byc miejsce dla licznego otoczenia królewskiego, dla liczniejszej naturalnie służby, dla załogi, dla gości i gońców, dla stajen i obór, dla magazynów żywności, dla ludzi i bydła, dla łąk i ogrodów itd. Zamknięte to miejsce stanowiło zatem razem z dworem królewskim stolicę litewską, obwarowaną wałami i palami, oraz niektórymi grodami».

1) Livländische Reimchronik. Paderborn 1876.

Рисуя намъ столицу тринадцатаго вѣка съ палатами княжескими и епископа, со службами и гостинными, съ магазиномъ провіантскимъ, изслѣдователь литовской старины оговаривается слѣдующими словами: «Stolicy tej nie możemy naturalnie sobie wyobrazić według pojęć dzisiejszych; nie było w niej ani ulic prostych ani gmachów murowanych, z wyjątkiem może katedry i siedziby królewskiej; były w niej *domy drewniane* i szałasy rozrzucone bezładnie po całem terytoryum».

Не исправляя текстовъ четырехъ грамотъ 13 и 14 вв., въ которыхъ упоминается Летовіч и Летовъ, мы допускаемъ только, что на самой Литвѣ могла находиться рѣка Лaтова, мѣстность и городище Латовяны подобно тому какъ вмѣсто Лѣтьгола и Лѣтовъ (народность) встрѣчаются русскія названія Латыгола и Лотова, въ связи съ названіями Латышей *La*tweeši и *La*twjų gałas вмѣсто *Le*tgaleeši.

Каз. Каз. *Буга,* разсматривая этотъ же вопросъ съ лингвистической стороны въ статьѣ «Kalbos dalykai. 29. Вороута. Ariógala. Veredava» въ литовскомъ журналѣ «Draugija» за 1909 годъ, tomas VIII, Nr. 30 разъясняетъ, что Вороута Ипатьевской лѣтописи по литовски произносилась Varutá, такъ какъ старорусское *о* въ литовскомъ отражается какъ *а*. Слово *Varutá* отъ *vará* vis, firmitas могло обозначать крѣпость, arx, castellum, twierdza. Изъ названій мѣстностей указывается на Варена-Ораны Виленской губерніи, на Varaikiai, Vareika, Varai и Warinu kapai (стр. 212). Если Вороута alias Върута обозначаетъ крѣпость или то же что литовское *пиле,* то въ Лотовянскомъ полѣ, на рѣкѣ Лотовѣ или въ другомъ мѣстѣ на Пивесѣ могла бы находиться крѣпость «Вороута».

Но есть еще и древне-прусское слово woras, uras alt, старый по Нессельману литовское wóras, obsol. alt т. е. устарѣвшее слово въ названіяхъ мѣстностей Worlauk Altfeld, workaim Altdorf, Woria—Worienen близъ Ландсберга въ Пруссіи и также Varkaim, Varlack вм. Vorkaim, Vorlauk.

У Спрогиса «Геогр. Словарь» [1]) встрѣчаются названія Варишки грунтъ «старые селищи», Варлавкисъ сѣножать урочищемъ и др. Если

1) Вильна 1888.

это такъ, то Вѣрута могла быть старый городокъ въ отличіе отъ Новаго Городка, Naujapile или Ново-Грудка, Новаго Городка. Въ этомъ «Новѣгородцѣ» нача княжити по смерти Миндовга сынъ его Воишелкъ или Волстинникъ, выбранный въ старшіе князья на собраніи удѣльныхъ князей въ Керновѣ. Въ этомъ городѣ, пишетъ Стрыйковскій (т. I Варш. изд. 1846 г., стр. 300), съ великимъ веселіемъ и радостью: wszyscy panowie, bojare i pospólstwo z wielkim weselim i radośnym «łado, łado» śpiewając z klesatanim ręku przyjęli, i na *stolicy* wielkiego xięstwa Litewskiego, Żmodżkiego, Nowogrodzkiego, Połockiego i Kurlandskiego, posadzili i zwyklimi ceremoniami z mieczem w czapce xiążęcej podnieśli.

Изъ изложеннаго видно, что Миндовгъ-кунигасъ, ставшій по крещеніи, принятомъ отъ папы и Рижанъ, королемъ, остался жить въ своемъ городкѣ на границѣ Нальщанской, которую бдительно защищалъ отъ махинацій Тевтивила, нападеній Жемойти и Рижскихъ Божьихъ дворянъ. По мнѣнію Лятковскаго (Mendog Król Litewski, Kraków 1892), коронація Миндовга не состоялась въ Новомъ Городкѣ, а скорѣе въ *Ворутѣ*, въ томъ городѣ, въ которомъ онъ такъ успѣшно защищался отъ нападенія Тевтивила и его союзниковъ. Новогрудокъ былъ слишкомъ близокъ къ владѣніямъ Даніила на Чорной Руси (стр. 54). Воруту, по литовской лѣтописи Боруту, Лятковскій отождествляетъ съ Ворнянами въ нынѣшнемъ Виленскомъ уѣздѣ.

Какъ мы выше пытались доказать, городъ Мендовга и «курія» его Лотова-Лэтовя или Лэтовія не можетъ быть отдѣленъ отъ Воруты — Вѣруты и долженъ быть разъясненъ и разысканъ въ связи съ современной географической номенклатурою. Не считая Letovia — Лэтовя — мистификаціею, а однимъ и тѣмъ же пунктомъ географическимъ какъ Borchwall городокъ въ землѣ или скорѣе на границахъ Селоніи, мы пришли къ заключенію, что «Вороута» могло быть названіемъ стараго селища Миндовгова, въ родовомъ гнѣздѣ-городкѣ на Литвѣ. Нехристы Литовцы въ своихъ междуусобицахъ пользовались протекціею сосѣднихъ католическихъ государственныхъ организацій въ *Ригѣ* и въ Пруссіи. Мендовгъ, стараясь на югѣ Литвы распространять свою власть въ ущербъ русскихъ областей и опираясь отчасти на православныя симпатіи сына Войшелга (вм. *Вой-*

шлеїз, и можетъ быть *Войжгелло, *Вайшгайло, Возгело срв. относительно языковой формы имени въ актѣ 1260 г. писаніе: Veseyele т. е. Вѣшегело) былъ на сѣверѣ въ старой Литвѣ въ сосѣдствѣ Жмуди, Нальшанъ, Селоніи и Рижскаго ордена королемъ-католикомъ. Не вдаваясь въ разъясненіе другихъ вопросовъ о дипломатаріи Мендовга, о подлинности нѣкоторыхъ документовъ (см. Wojciech Kętrzyński O dokumentach Mendoga Króla Litewskiego Kraków 1907. 8⁰. 43 и 3 снимка), мы хотѣли только доказать, что, не измѣняя названій мѣстъ, упомянутыхъ въ грамотахъ 13 и 14 вв., мы должны ихъ прежде всего отыскать въ языкѣ земли Литовской и оправдать ихъ соотвѣтствіями географическаго характера. Укрѣпленія и постройки старыхъ городовъ какъ русскихъ такъ литовскихъ были земляныя и деревянныя; подтвердятъ ли археологическія изслѣдованія и раскопки на мѣстахъ наше предположеніе Летовія—Латова дѣло будущаго, такъ какъ до сихъ поръ не было систематическаго разысканія всей сѣти литовскихъ городковъ и укрѣпленій. Во всякомъ случаѣ составители документовъ 13 и 14 вв. отличались большимъ знаніемъ мѣстностей, какъ намъ показываютъ изслѣдованія А. Биленштейна въ Латышскомъ краѣ. Вслѣдствіе всего этого Datum Lettoviae можетъ обозначать: дано въ Лотовѣ или Лотовянахъ, не на Жмуди, а на Литвѣ, въ нынѣшнемъ Вилкомирскомъ уѣздѣ.

Э. А. Вольтеръ.

Спб. 22 сент. 1909.

Къ исторіи апокрифовъ и легендъ въ южно-славянской письменности *).

(Продолженіе).

VI.

Сказанія объ Іоаннѣ Крестителѣ и апостолахъ.

«Слово блаженнаго Евсевія о сошествіи Іоанна Предтечи въ адъ и о преданіи Господни» по рукописи XVII вѣка.—«О началѣ мнихомъ, святаго Климента папы Римскаго» по рукописи XVI вѣка.—Составъ статьи и ея западное происхожденіе.—«Память Іоанна Богослова, на построеніе и собраніе манны» по сербскому Прологу константинопольской редакціи XV вѣка.—«Обрѣтеніе честныя главы пророка Предтечи и Крестителя Іоанна» по тырновской рукописи начала XV вѣка.

Очень распространенное въ русскихъ рукописяхъ, особенно въ позднихъ, примыкающее къ необыкновенно захватывающимъ по своему драматизму сказаніямъ о Спасителѣ въ аду, изъ которыхъ одно въ свое время остановило на себѣ вниманіе Н. С. Лѣскова («Сошествіе во адъ. Апокрифическое сказаніе», Сочиненія, изд. Маркса, т. XXI, 146—163),—«Слово Евсевія о сошествіи Іоанна Крестителя въ адъ и о преданіи Господни» печатаемъ по Сборнику XVII вѣка русскаго письма Дрезденской Королевской Библіотеки № 0. 90. Оно занимаетъ лл. 116—121 и, среди остальныхъ статей, находится въ рукописи на 16-мъ мѣстѣ. Передъ нимъ—краткая выписка «Слово о крестящихся», за нимъ—«Слово отъ Патерика, како не достоитъ итти отъ церкви, егда поютъ». Сравнительно съ текстомъ, изданнымъ И. Порфирьевымъ («Апокрифическія сказанія о новозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ», 204—214), дрезденскій текстъ представляетъ особую редакцію.

*) Извѣстія Отд. р. яз. и слов. Акад. Наукъ, 1909, кн. II, стр. 267—322.

слово блажнаго евсевия ѡ сшествии иоанна пртчи во адъ и о предании гдни.

Добро есть возлюбленнии рещи како блговести есть пртча сущи во аде и какъ вопросии и услышимъ болшая таины бѣ в рождство пректекль ко гду на иерданѣ тако и во адѣ хотяще ему пре течи и вѣдяше яко вопроси иже во аде праведнии глять иде ли гдь избавити насъ или ни. не вѣдыи что отвѣщати того ради к гвди посла се глия ты ли грядеши или иного чаемъ. рекши самъ ли идеши извѣсти умершая или укрѣпль аггла послеши. шедше учницы отвѣт принесоша. и тогда иродъ посла в темницу усѣкнути иоанна скончав̓ше течение пре течa гдньІ сниде во адъ и почаше дер жи мир во аде праведнии аврамъ исакъ иакавъ исаия и прочии стии вопрошаху ѡ гдѣ идет ли нас избавити и свободити из люты скорбѣи или не збудутца прречествия ѡ немъ. прроцы же крепляхуся глаголяще яко смрть ему приятн есть прораsумѣхомъ бо хотяще ему быти и прречествовахомъ бо в сему миру ѡ немъ. іоаннъ отвѣщавъ рече молю вы рцѣте ми что прречествовахомъ да слышавше не соблазнихомся. первыи ѿвещав великии пррокъ двдъ рече азъ прораsумѣхъ рекохъ яко дождь с нбсе сниде на руно. Исаия прроче разумѣхъ азъ яко от двы ему родитися и рекох се двая во чревѣ приметъ и родит сна. инъ рече азъ разумѣхъ яко в двоюна-десять мѣсту патриарху. вı. учника хотесте ему служите и рѣхъ во ѿцъ твоих мѣсто быша снове твои. други рече азъ разумѣхъ дѣла и чюдеса. яко ему творити. и рекох отверзутся ѡчи слепымъ и глусии услышат. другии рече азъ вѣдях яко учникъ его предастъ и рѣхъ ядыи хлѣбъ мои возвеличилъ есть на мя клевету. инъ рече азъ разумѣх на колице предастъ и рѣхъ поставиша. цѣну. л. сребреникъ исаия паки рече азъ вѣдях на судищи ему быти ведену и рѣхъ самъ бгъ на судъ придетъ с старцы людцкими. иеремия рече азъ разумѣх яко на кртѣ распятся хртос и рекох придите вложимъ древо в хлѣбъ его. другии рече азъ вѣдяхъ яко во гробѣ положат его и рѣхъ положиша мя в ровѣ преиспод немъ симъ же ми прркомъ глаголящимъ и веселящимся ѡ благовѣщении пртчевѣ радостнѣ

велми. а[х] слыша[в] диаволѹ рече ѡ комъ сии глаголять высокомысленіи кто же ли имъ есть радость творя ѡ ко[м] ли же благовѣствуе[т] не вѣде токмо вижу радо̑ть в ни[х] великѹ. диꙗволъ же о[т]вѣща[в] рече емѹ ничего же ся не ужасаіся брате и небреѕи глаголъ и[х] и не боіся нимало се бо п̑нѣ прише[л] радость имъ твори[т] иванъ есть кр̑тль великоглаго[л]'никъ есть. егда бо на зем'ли бѣ велиꙗ свидѣте[л]ства ѡ ч̑лвцѣ томъ и глаголаша всему мирѹ ꙗко то есть хри̑тосъ спа̑ и и[з]бавитс[я] всѣмъ. и внидо[х] а[з] во иродияну совѣтницѹ мою и любовницѹ мою тоꙗ прогнѣва[х] ц̑ря и сего на обѣде усѣкнѹ и главѹ да[х] отроковице ѡна же аки ꙗблокомъ поігра. и се егоже глаголаше вселеннѹю и[з]бави[т] а о[н] его не и[з]бавилъ а[д] ѿвѣща[в] рече диꙗволу ѡ брате блюдися испытно ходи да не ѡбол'щена бѹдете увѣждь ѿкѹдѹ есть и чиі есть с̑нъ. се бо в'си вел'ми ся радѹютца слышаще ѡ немъ блюдисꙗ вел'ми да не егда ѡного хотяща приѡбрѣсти и всего мира бѹдете лишена пже не токмо будеве лишена но и смѣхѹ порѹга(на) будеве. диꙗвол' же не поряди[в] и ше[л] ко июдеѿ воѡружи ꙗ на г̑да и пребываше же не о[т]ходя ѿ ни[х] да быша распяли г̑да поучая и[х] а не вѣдяше ѡкоянныи диꙗволъ ꙗко г̑дня смерть всемѹ воскресенпе буде[т]. и абие же наѡстри июдѹ сатана і нача любити сребро тѣм' же глаголаше июдеемъ что ми хощете дати и а[з] вамъ преда[м] его. кто вы не прослезитца возлюблениі о г̑лехъ си[х] трепещу[т] ми состави удо[м] и ужасаетца ср[д]це ѡ г̑лехъ си[х]. и паки что ми хощете дати и а[з] вамъ преда[м] его како не искрѣпѣ ꙗзыкъ его не довлꙗны быша устнѣ его како не связася ꙗзыкъ его како не ѹсхоша уста его како не увѣдеся со̑тавъ его тѣлесныи таковыи извѣщавшу глы. что ми хощете дати. ѡни же рекоша ты что хощеши взяти не домыслять бо что бы достойно і взя̑ти емѹ. но приди во̑прошу июдо что ли ради г̑да продаеши егда ли тꙗ ѿлѹчи о[т] уч̑никъ не тоя ли же благодати ѡбѣщникъ былъ еси егда лен'тиемъ г̑дь препоясався и нозѣ умывъ уч̑нкомъ тако и твоі умы нози а не лиши[л] тя ѡныя благодати на предание ты воѡрѹжися. тольма[ж] не восхотѣ ѿ уч̑никъ о[т]лѹчити тебꙗ а вѣды лесть твою. и вечеряти тя с собою сотвори[л] или мниши не вѣдалъ г̑дь лѹкавства твоего. а на тоі же трапезе рече со мною

ѡмочивыи в солило руку тои мя предасть а не рече^т ти встани ѿ трапеѕы предателю ꙗко нѣси со мною достоинъ вечеряти рукама бо хлѣба его причащеся и ядꙗше а дшею цѣн҇ѹ его свѣщеваеши. ѡ горѣ тебѣ июдо что се сотвори сребро приꙗть а гда преда на смрть тѣ^х ради сребреникъ много блага лиши а ѕла многа достоі҇ еси того ради тмы тмами аггль і тысяща тысꙗщами архаггль бысть врагъ а единомѹ бы҇ диꙗволѹ любъ и тѣ^х ради сребреникъ лика аплъска ѿлучися и бѣсомъ при҇теся и пртла цр҇ска и славы ѿступи уже удавления на ся наложи что ми дати хощете и а^з предамъ вамъ и поставиша емѹ. ꙇ҇. сребреникъ ѡ горе тебѣ июдо что сотворилъ на. ꙇ҇. сребреникъ предалъ а се сотворшаго хитростию всю тварь шѣтию дни на. ꙇ҇. сребреникъ продаеши. ѡкояннѣ июдо всю тва^р видиши юже тои есть нбо и землю сотворша. по о^тлѹчении же июдѣ лика аплъска нача і іс҇ъ тѹжити и ско^рбѣти и глаше прискорбна ми есть дша и до смрти. ѡ милосе^рдие вѣчнѣ ѡ предателѣ ско^рбяще смрти же не бояшеся бесмртныи слышав'ше диꙗволъ гда рекша прискорбна ми есть дша моя и смрти мня ꙗко смрти ся боитъ. и нача по^движнее быти и те҇ адове рече. гото^в буди мѣсто уготови твердо да заключиве рекомагѡ гда иса а старци жидо^в-стии чтѹще закона и прркы злодѣꙗ нарекоша и глꙗще аще не бы злодѣи былъ не быхомъ ти его предали. тогда пила^т бивъ і предасть на рапятие и распꙗша гда бга. ѡкаянныи диꙗволъ видя солнца меркнѹща и землю трясѹщися завесѹ цркви ра^здираему и камение распадающеся и само^{гѡ} порѹгана. и тече адови и глагола емѹ горѣ мнѣ ѡкоян'номѹ ꙗко прел'стихся и порѹга^н бысть помоѕи ми ѡкоян'ствѹ моемѹ затворивѣ врата да не вниде^т сѣмо утверди затворы желѣзными всею сі҇лою противисꙗ не прияти его тек же а^д и затвори врата. и заклепы утве^рди. І се гдь на ада приде гоня диꙗвола и сылы пре^дчечахѹ и возглашагѹ силы глаголяше. возмите врата кнѕи ваши да вниде^т црь слвы а^д же аки не вѣдыи во^зспрошаше изнѹтрь адѹ о^твещеваше глꙗ кто есть црь славы, силы^ж рѣша гдь крѣп҇о и силенъ гдь силенъ во бране^х, ѿвеща^в а^д рече то аще тако е҇ть то что ище^т зде почто нбса ѡставль и сѣмо сниде. силы^ж рѣша связати и предати тебѣ а де^ржимыꙗ иѕвести.

а^х^ же рече к диявол8 треглавниче вѣзауле и^з^верженьи ѿ аггль соблаз'ниче с҃тыимъ болѣзнемъ дателю не реко^х^ ли ти ѡстини (sic) его и се ѡкоѩн^н^е пре^д^стоятъ что уже сотвориши почто ѡсл8-шаешися мене изыди аще еси силенъ и устраши но азъ ти не могу помощи ѡкоѩн^н^ыи же дияволъ плакаше г҃ля помилу(и) мя брате поне вратъ не о^т^верзаи. даже о^т^иде^т^ ѿселе и потр8дивеся мене ради аще і бы^х^ пор8ганъ кто се бо не соблазнитца ѡ таце^х^ г҃ль ѡ воли ѩко с҃мрти бояси глаголе^т^ прискорбна ми д҃ша до с҃мрти ѿ҃ц8 м҃лтв8 во^з^дая глаголаше ѿче аще есть во^з^можно да преідетъ ѿ мене чаша сия си глаголи пре^д^стиша мя сице глаго-лющема силы вопиях8 во^з^мите врата к҃нзи в҃ши. а п҃рцы глаго-лах8 о^т^верзите врата твоя да в'ниде^т^ ц҃рь славы а а^х^ трепеташе люте дияволъ драше лице свое. и о^т^веща^в^ ц҃рь д҃вдъ п҃ркъ рече не о^т^ве^р^заите на ся п҃рчество мое збудетца. егда бо на земли б҃ѣ^х^ прораз8мѣхъ и реко^х^ врата мѣдная сокр8ши^т^. и вереи желѣз-ныя сломи^т^ и в томъ ч҃сѣ сотрошася врата и збыстъся писа-ние гдѣ ти с҃мрте жало гдѣ ти адѣ побѣда и сретоша и п҃рцы рад8ющесѩ и поюще благословенъ грядыи во имя г҃дне тогда г҃дь емъ диявола узами нерешимыми связа а п҃рки и^з^веде г҃ля идите в раі и тако изыдоша ѿ ада ѿ ни^х^ же пе^р^выи д҃вдъ аки в гусли бряцая пояше г҃ля, приидите возрад8ем'сѩ г҃дви в҃о-кликнемъ б҃гу с҃пcу н҃шем8 ѩко ц҃рь победися по нась и долѣ и вси ѿпевах8 а҃ллуия І паки тоі же ѩзыцы в҃оплещите р8-ками и в҃оклик не^м^ б҃г8 гласо^м^ радости а инии д҃щи сиѡня ра-д8нся зѣло иеросалиме облецыся в сил8 тако веселящеся в раі вси течах8 славяще избавителя г҃да б҃г8 н҃шем8 слава н҃нѣ и п҃рно и во вѣки вѣковъ, аминь.

Приписываемая папѣ римскому Клименту статья «о началѣ мнихомъ» читается въ южно-русскомъ Сборникѣ XVI вѣка Вѣнской Придворной Библіотеки № 9, лл. 371 об.—374 об., извѣстномъ подъ названіемъ Креховской Палеи и въ большинствѣ апокрифическихъ статей использованномъ И. Франкомъ. Можно думать, что разсказъ «о началѣ мнихомъ» представляетъ часть той самой статьи, которая въ индексахъ ложныхъ

книгъ называется «ученіе Климентово»; по всей вѣроятности, на нее ссылается Цамблакъ въ «Словѣ похвальномъ апп. Петру и Павлу» (см. выше, I глава),—и западная тенденція статьи несомнѣнна: начало монашества связано съ Римомъ, съ крещеніемъ римскаго населенія ап. Петромъ, и имя послѣдняго попало въ вѣнскомъ спискѣ почти въ самое заглавіе: оно написано киноварью на поляхъ противъ заглавія, почему въ дальнѣйшихъ копіяхъ могло бы быть перенесено съ полей въ текстъ. Для исторіи псевдоклиментинъ на славянской почвѣ вѣнскій текстъ представляетъ выдающійся интересъ. До сихъ поръ этотъ памятникъ встрѣчался не отдѣльно, а внесеннымъ въ полемическій трактатъ «Епистолія на римляны, въ нейже сказаніе о Іаковѣ братѣ Господни и о двоенадесяте апостолу, како первѣе поставленіе бысть въ священныи чинъ», между прочимъ, и въ спискахъ Кормчихъ, и напечатанъ А. Поповымъ въ «Историко-литературномъ обзорѣ древне-русскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ» (М. 1875, 206—211). Не говоря объ отличіяхъ текстуальныхъ, издаваемый нами текстъ сохраняетъ слѣды стараго перевода.

Статья начинается ссылкой на папу римскаго Климента, ведется отъ лица того же Климента и по содержанію раздѣляется на пять главныхъ отдѣловъ:

I. Послѣ извѣстнаго пренія съ Симономъ волхвомъ, ап. Петръ находился въ печали. Кесарь узнаетъ, что у апостола есть нѣсколько учениковъ, и посылаетъ къ Петру съ приказаніемъ прекратить проповѣдь о Христѣ. Но когда апостолъ исцѣлилъ Софію царскаго рода, то мужъ ея, дядя Климента, явился къ апостолу, принялъ оглашеніе, чтобы черезъ 40 дней креститься, и въ этотъ день крестилось 600 римлянъ.

II. Новыя козни Симона волхва уже не имѣли успѣха, и царь запретилъ ему проповѣдь, прогнавъ изъ дворца, а Петра похвалилъ и далъ ему грамоту на свободную проповѣдь во всей странѣ. Софія создаетъ церковь, первую въ Римѣ, передаетъ ее Петру, и онъ полагаетъ въ ней мощи Стефана первомученика.

III. Въ назначенный день Петръ приказываетъ народу и Софіи съ мужемъ явиться къ церкви, восходитъ на высокій камень и произноситъ проповѣдь на тему о спасительности крещенія и его необходимости. На-

родъ отвѣчаетъ согласіемъ. Тогда апостолъ повелѣваетъ народу одѣть чистыя одежды, бѣлый чепецъ и нагавицы, калиги и явиться съ семьями для крещенія.

IV. Крещеніе римлянъ около церкви, описанное подробно, съ словами апостола къ народу и текстомъ молитвы. Во время погруженія въ воду раздается страшный громъ, слышится голосъ съ неба. Затѣмъ Петръ помазуетъ новокрещенныхъ миромъ и велитъ въ особыхъ свѣтлыхъ одеждахъ явиться въ церковь.

V. Крещеніе Софіи и именитыхъ женщинъ въ самой церкви. Рѣчь апостола къ находящимся въ церкви о значеніи новопринятаго крещенія и объ аскетическихъ подвигахъ. Апостолъ постригаетъ въ «дѣвственное житіе» 160 мущинъ и женщинъ, одѣваетъ ихъ въ черныя одежды, опоясываетъ ремнями, произноситъ пространное поученіе о монашескихъ подвигахъ и затѣмъ отпускаетъ, благословивъ крестомъ.

Въ комментаріи къ тексту, напечатанному раньше 1902 года далеко не съ той тщательностью, которой послѣдній заслуживаетъ, И. Франко могъ привести только справку изъ румянцевскаго списка Кормчей 1608 года о запрещеніи крещать «въ три отцы, въ три сыны, въ три святыи духи» и отказывался назвать оригиналъ или какую-нибудь близкую версію («Апокріфи і леґенди», III, 17—18). Затѣмъ, во время изслѣдованія древне-христіанскихъ легендъ о св. Климентѣ въ Корсуни, И. Франко удачно связалъ текстъ Ковельской Палеи съ псевдоклиментинами и привелъ отрывокъ въ украинскомъ переводѣ («Сьвятий Климент у Корсуні». Львовъ, 1906, стр. 41—42), а немного раньше помѣстилъ замѣтку о томъ же памятникѣ, «Beiträge aus dem Kirchenslavischen zu den Apokryphen des Neuen Testament. I. Zu den Pseudoclementinen»,— въ «Zeitschrift für die neutestamentiliche Wissenschaft und die Kunde des Urchristenthums» (1902, II, 146—155).

ѿ начале мнїхоⷯ. стго климента папы римскаго. На поляхъ: апла петра (л. 371 об.).

Пишеⷮ стаа папа риⷨскїи климентъ. егдⷣа петръ крⷭташе граⷣ великїи риⷨ. и бяше в тѹзѣ велицеи, яко симонь кольхвъ многыⷯ прелщаше. и не вѣ петрѹ гдѣ ѿбитати. бяше бо наⷣ ѹчикь

мно́го с ни. а́зъ климе́нтъ въкѹ́пѣ и҆ два̀ бра́та съ мно́ю. и҆ли́нъ е҆ппъ. и҆ по́слѣ в тавромені́и е҆ппъ бы, и҆ съ дрѹго и҆́гнатїй ю҆ный. и҆ по́слѣ патрїа́рхъ бы въ а҆нтиѡ́хїи. и҆ слы́шавъ ѿ на кеса́ посла к петрови, пре́тѧ е҆мѹ сѹ́рово. не ѹ҆чи́тї е҆мѹ ѿ и҆ме́ни хвѣ. смѹ (л. 372) цѣши ре гра. ї а҆́ще и҆ма́ши кѹю си́лѹ ꙗ҆вї ю. е҆гда же съфїю въстави петръ. ѿ недѹга и҆сцили́въ ю. е҆ же бѣ црьскаго ро́да. и҆ прїи́де тѹ црь е҆ѧ ра. и҆ мѹ е҆ѧ синьклит сано. и при- па к ногама петрѹ. е҆мѹ рече петръ дръзай чадо гь ти по- мощникъ. не вѣдѧше бо а҆́ще мѹ е҆ е҆ѧ. к немѹ а҆зъ климентъ реко. ги се е҆ стрый мой ѿ не́же ти а гла. сего ѿбье петръ плакасѧ. глѧ и҆ молѧ прїѧтї е҆мѹ вѣрѹ хвѹ. сеи сътвори скоро. ѡ҆гласив же е҆го и҆ вложи въ по. до. м. днїи. и҆ вѣроваша то дни. ѕ. со, и҆ бы радо велика въ гра. симон же въл҆хвъ на- ва на нь црю. лестца и҆ чародѣѧ нарече петра. ї ꙗ҆ко ѿвегша при распѧтїи ха са же бѣ крщнъ ѿ филиппа в самарїи. и҆ пакы ѿвръгъсѧ ха. и҆ бѧше и҆доложре. и҆ многѹ спонѧ творѧше ѹ҆че- нїю. хвѫ. петрѹ же досаждаше много. црь же въспрети симонѹ. и҆зведе е҆го и҆с полаты. петра похвали. и҆ написа е҆пистолїю да никтоже ѡ҆бидѣть петра, и҆ хотѧщи ко крщенїю и҆ти не бранити, и҆ повелѣ ходити петрѹ ꙗ҆ко е҆мѹ ѹ҆годѣ. минѹвши же. м. дне. пришедшѹ годѹ крщнїю по бл҃говѣщенїю бжїю. въ самы днь въскр- нїѧ хва. преже бо. гі. днїи блаженьнаа съфѣѧ принесши. г. злата, и҆ созда великѹ полатѹ. е и҆ до нн҃ѣ е҆сть црквъ въ римѣ. зовома съфѣѧ. въ и҆мѧ престыѧ бца. и҆ да петрови црёвы повеленїе. и҆ годѣ бы всемѹ градѹ. петръ же прїе црквъ ра бы и҆ ѡ҆стї ю. се (л. 372 об.) бы перваѧ црквь въ римѣ. посщенїе сеѧ цркви сице бы. взе петръ мощи стго первомчнка стефана. и҆ затвори црквь. ре сїю мтвѹ. Блгвнъ бъ ѡ҆ць га нашего іс ха. и стою своїю бгоносною плотїю. е е҆сть писана въ мтвѣ словесе ї҆акова брата гнѧ, спсеномѹ дни пришедѹ. повелѣ всемѹ народѹ прїити къ црквь. и҆ софїи съ мѹже свои. и҆ сътвори мтвѹ на ними. и҆ повелѣ и҆ свѣти. са же възыиде на высокїи камень. и и҆ до нн҃ѣ в римѣ е҆. и҆ помаваше людеи мѹчатї. и҆ рече и҆ мѹжїе и бра- тїѧ. вѣсте ꙗ҆ко творе всеѧ твари. и е҆динородънаго сна свое по-

саа нах. погыбшиих заблжьхшнх ѿ пер'ваго поути. и пос'лѹживьших нечистых бѣсох. ннѣ же вах поз'навьших истен'наго свѣта. и в'сю тва премѹдростію просвѣтивь. свѣтох бгоразѹмїа. ннѣ же достоини бѫдите истин'наго свѣта пріати. да истенныи свѣт съ нбсе пород ва. ннѣ ѿрицаитеса всего з'лохитръст'ва дїавола. и всѣх проныр'ливых его ѹченїи. и злогнюных идол. ѹгодїа не т'воритї емѹ въ своих помышлехъ. ѣко сест'ра ваша е блга софѣа. се же ках рѣка течет ѿмываюци злыа н'равы пръвыа. нж съ вѣрою ннѣ пристѹпивше. ѿложѣте вехѹю лесть. и съвлецѣте себе вет'хаго чавка. и ѿблецѣтеса к новаго истен'наго по бгоу създавшаго на хта. да съкрѹшит ѿ нѣх дшегоубныа брани. да свобожьшеса ѿ лес'ти ветхыа. (л. 373) бѹдете достоини порожденїю стго дха. нже вса быша. вихмаю и невихмаа. ѿвѣщавше вси людїе рекоша. вѣрѹемь чтны апле петре ѣкож оучиши ны. рек же к них петръ. ннѣ чада хощете п'ристѹпити ко стмѹ кршнїю. да кождо вас има ризѹ чтоу. и чепець бѣл, нагавици бѣлы. калигы на ногах. то рекше разыидошес всѣ. и повелѣ на ѹтрїе съб'ратиса всѣх. и готовых быти въ водѹ. и п'ришеших их всѣмь въкоупѣ безчисмене съ женами и дѣтми. не имѹщих же ѿдежда нищих тѣх петръ даѣше. и рек их гдѹ порожденїа оуже сы б'ратїе. и стал на высоце мѣсте рек к людех. ѿвещаете ли са бгви ѣкож вчера рекосте. и ѿвещавше вси людїе. еи чтныи апле. апль же се слышавь. възрѣвь на нбо и рек велїих г'ласох: · Блгвенъ бъ просвещаа и стаа въ вѣкы амин. и повелѣ их съвлещи ѿ-тиса и в'нити въ водѹ потох же повелѣ их мазати стым мирох кртоѿбра'но на всѣх оудох. жен же не крти тѹ. но ѿсобъ съ софѣею. и крта народы веласше их погрѹжатиса въ вод. гж. въ има ѿца. таж въ има сна. и пакы въ има стго дха. семѹ же бывшѫ. въз'гримѣ грох съ нбсе страше, ѣко поколебатиса всемоу градоу. і ѣвиша лѹча ѿгнь'ныа ст'рашны. и пришествїе параклитово. ѿсенї их. гласиж съ нбсе слышахѹса. ѣко жедает елень на источникы в'дныа. и прсха. и пакы блжнї нже ѿпоущена сѹт безаконїа. петръж. сах сїа поѣше. и повелѣ их по единомоу прїити к себѣ. и мазаше их мирох. чело. очи. оус'та (л. 373 об.). ноздри.

оуши. и повелѣ ѡдѣвати и҃. линови҃ еппѕ и соущи҃ с ни҃ презвитеро҃ и дїаконо҃. вѣнца чер'леныи на главы и҃ ѡбѧзати. на нихъ҃ имїаше крть. и бѣлыи стихарѧ надѣвати. и повелѣ и҃ к роуци дати свѣща. и внити въ црквъ. и тоу мало препочити. са҃ же ше на ѡсобноє мѣсто гра. пое҃ съ собою єдинѣ҃ оученикь. и крти блажен'ноую съфѣю съ прочими женами граскими. и помаза и҃ сты҃ миро҃. и повелѣ и҃ ити въ црквъ. с'вѣща имоуща в роука҃ горѧща. са҃ же послѣ҃ иде въ црквъ. и воше и видѣ народы въ црквн с'тоѧща бѣлоѡбразоующа. и в'зыде на вы соко мѣсто. и повелѣ и҃ молчати. и рече ѡсклаблен'ны҃ лице҃. се изрлъ новыи. ѡзы стъ. ѡчищень вьдою и сты҃ дхо҃. се полкъ агглъ свѣтитсѧ. се напол'ненїе недостачес'твѹ. красѧисѧ и веселисѧ избран'ное с'тадо хко. сн҃ве цртвїѧ. блжнї єте дне порожені. истен'ны҃ свѣто҃ стыѧ трца. дне в'зѧсте нетлен'ноую ѡдежоу въскрнїѧ хва. єѧже ада҃ не с'нвдѣ погїбе. но вы чаца дер'жаще сїю нет'лен'ноую ѡдежѹ. молю вы имене҃ га ншго іс ха. моужаитесѧ и крѣпите въ вѣре ваше. да ни кацеми҃ скверʼнами ѡкалѧете чтоты вашеѧ свѣт'лыѧ. и да не боуде въ ва ветхаго члвка ничтоже. да сїю ѡдежоу нетлѣн'ноу и неск'верноу съвлюше. причатници бѫдете ѡноѧ радости. и свѣща свѣтлы въ роука҃ имоуще. чтоты цѣломрїѧ. съвлюше тѣло нескврно. (л. 374). да спо҃бит ны гь прѣстати пртлѹ с'лавы є. въ днь ст'рашнаго позора :· Нпь же ѡболк'ше к' сїе нетлѣнїе. ко҃до ѧко҃ изволить да прїиме҃ си житїе. аще кто хоще въ истин'ное чтоты житїе, и нетлен'ныѧ стости бе҃плотнаго въин'ства. да прїиме҃ двствен'ноую лѣпотоу. и оудаленїе мир'с'кы҃ вещей. и приступи к на҃. аще жена или моу҃. ѧко сес'тра ваша софѣѧ раздѣливши имѣнїе свое. и пристѹпиша ѿ нихъ. р. и. з. двствен'ное житїе п'рїѧша. апль же тѣ҃ пострищи повелѣ. и в сѹкнѧнь ризы чер'ны ѡ҃ѧтї и поѧсы ремены поѧсати. и рече имь. аще к'то хоще въздер'жати. и легокь быти и на высотоу из'мѣною. да иде на ѡсобныѧ мѣста тихаѧ. да тоу пра҃ноуе млтвою и посто҃. и почитанїи оума ѡчищенїе҃. п'рочїи҃ по своемоу хотенїю. ѧко҃ к'то ч'то изволи. токмо блю҃тесѧ проныр'ст'ва дїаволѧ. завитї.

ѿвидь. клеветъ роть. пїан'ст'ва. и всакїа нечтоты. и похоти мира сего. ратѣте же въ любовь г҃а н҃шго і҃с х҃а. и мѹжайтеса силою с҃тго д҃ха. н҃нѣ бо радѹеть ѿ ва ѿц҃ь и с҃нъ и с҃тъи д҃хь. и вса силь н҃бныа веселатса. анг҃лкыи ликь радѹеть. и нарⷪ҇ с҃тыⷯ иг'раю. н҃нѣ свитатса правѣныⷯ д҃си. н҃нѣ пр҃ркь двь възпїеть г҃ла. приведѹтса ц҃рю д҃вы. г҃и рⷱ҇ ц҃ркви б҃ви дѣт'веныⷯ д҃ша. н҃нѣ жениⷯ х҃с д'вери ц҃ртва н҃бнаго ѿверъзае. вашемѹ вхоⷤ҇денїю. н҃нѣ мы в'си снидохоⷤ҇са въкѹпѣ. видѣти кранѹю сїю нет'лѣн'ныⷯ вра к'расотѹ. и велегланыⷯ (л. 374 об.) д҃вдвыⷯ пѣнїи слышати г҃лщь. юноша и д҃вы и старци съ юнотами да х'валат и.ма г҃не. наⷤ же веселающиⷤса всѣⷤ. единь точїю плачеть дїавол, вида ва без'плотныⷯ анг҃лъ житїе прїемшиⷯ. е бо непос'тоань злот'ворити. и лѹкав'ствоⷤ ѿблоуковати. въск'ладае мысли на съв'ращенїе. како бы когожо исторгнѹти ѿ свое ѿбрѹченїа. не воитеже его прелести. не може бо пакоти сът'ворити нїкоеаже. точїю въ помылеⷯ ст'релаеть. наⷤ бо ст'ража и против'ленїе. ѿрѹжїе б҃жїа помощи дана соут. и се рекь възеⷤ ч҃т'ныи кр҃ть. егоⷤ ношаше съ собою, възвиг' рѹцї бл҃гвї а. и мл҃твѹ сът'вори рапѹтї иⷯ. аминъ: ⁓.

Наряду съ историческими свѣдѣніями, въ «Памяти св. апостола евангелиста Іоанна Богослова, иже есть на построеніе и собраніе манны», находимъ и апокрифическія черты, изъ которыхъ нѣкоторыя заимствованы, очевидно, изъ хорошо извѣстнаго апокрифическаго Житія Іоанна Богослова. Греческій текстъ послѣдняго напечатанъ въ «Acta apostolorum» Тишендорфа (стр. 266—276); славянскихъ текстовъ много, по русской рукописи XVII вѣка оно издано въ «Памятникахъ древней письменности» въ 1879 году. Въ началѣ издаваемой статьи сдѣлана ссылка на Похвалу Іоанну Богослову Софронія Іерусалимскаго. Послѣдняя также извѣстна въ значительномъ числѣ южно-славянскихъ и русскихъ списковъ и едва ли «неканонична». Но далѣе, говорится о томъ, что Христосъ крестилъ ап. Петра своими руками, что Петръ и Іоаннъ крестили Богоматерь[1]), при-

1) Ср. ниже, въ статьѣ «Сказаніе отъ невѣдомыихъ истинное книгы бытеискые», глава 10-я. Одинъ изъ этихъ источниковъ —извѣстное Слово Θеодорита Кирскаго: μόνον τὸν ἅγιον Πέτρον ὁ Κύριος οἰκείταις χερσὶ ἐβάπτισεν... τὴν Δέσποι.

водится сомнительная генеалогія Іоанна Богослова и т. д. Исправный сербскій текстъ этой Памяти читается въ Прологѣ Чешскаго Музея XV вѣка (IX, С. I), подъ 8 мая. Память состоитъ изъ двухъ отдѣловъ: 1) общія біографическія свѣдѣнія объ І. Богословѣ и описаніе мѣстности, гдѣ находится его церковь, и 2) о собираніи персти, исходящей изъ гроба апостола. Какъ во всѣхъ статьяхъ Пролога Стишного, между заглавіемъ и текстомъ статьи положены стихи. Южно-русскіе тексты того же Сказанія напечатаны И. Франкомъ по разнымъ рукописямъ и въ разныхъ мѣстахъ (III, 68, 302—303), съ небольшими справками, но безъ всякаго намека на то, что обѣ статьи такъ тѣсно связаны одна съ другой.

мца то҃. и҃. пам҃ ст҃го ап҃ла іеѵ҃лІста Іѡ҃а́нна бг҃осло́ва. иже е҃ на пастренІе и събра́нІе ма́н'не,

не пищ8 нъ ц҃ѣл'в8 чл҃ко^x 1) подаѐи гро́ба своѐго ман'н8 тайниче г҃нь,

в и҃. подаѐть ма́н'н8 цѣлаб'н8ю зе́мльнорѡ҃'ны^x:·~ (л. 136).

Ѡ похка́ль софро́нІа Іер҃ли́скаго ѡ҃ бг҃осло́ве. ꙗко ѿц҃ь іѡ҃а́нна бг҃озеб҃ѣи бѣше. мт҃ы же іго̀ са́ломы. дъщи іѡ҃сІфа ѡ҃броу́ч'ника. Іѡ҃си́ф' же, д҃. с҃нове и́мѣше, Іа҃ко́ва, су҃меѡ҃на, Іоу́д8, и Іѡ҃сІю. и дъщере, г҃. ѐс'дІрь, мар'д8, и са́ломІю. ꙗже бѣше же́на зеб҃ѣѡ҃ва. мт҃ы же Іѡ҃а́ннова. ибо̀ ѐди́ного̀ тъчІю ст҃го пе́тра г҃ь кр҃ти своима роу́кама пе́трь же а҃нрea. а҃нреи же Іа́кова и Іѡ҃а́н'на. Іа́ков' же прочеѐ ап҃лы. всѐм' же бѣжак'ши^x на прѣданІи. Іѡ҃а́н'нь ꙗко възлю́бленъ та́мо бѣше. и на пода́нІи бжтв'нІи^x та́йнь. и оу кр҃та прѣс҃тоа́ше. и къ гро́б8 прьвѣѐ пе́тра прІи́дѣ. и прѣс҃т8ю бц҃8 тьи бг҃осло́вь въ своа̀ прІе́ть. и тъ на зе́млй. г҃. мт҃ере и́мѣаше. прьво са́ломІю ѿ нѥ́же ро́дисе. в҃. с҃нь гро́мовь нар҃ень вы г҃мь. г҃. прѣс҃тоую бц҃8. по ре́чен'ном8 ѿ б҃а. сѐ мт҃ы твоа̀. занѥ́же и ст҃8ю бц҃8 пе́трь і ѡ҃а́н'нь кр҃тише. и да҃ и до оу҃спѣнІа ѐѐ съ нѥ́ю быти бг҃осло́в8. и по оу҃спѣнІи же прІи́дѣ въ ѐфе́сь. въ-

---

ναν ἡμῶν Θεοτοκόν Ἰωάννης σὺν τῷ Πέτρῳ ἐβάπτισεν. Ср. въ «Вопросахъ Іоанна Богослова Аврааму на горѣ Елеонской», И. Порфирьевъ «Апокр. сказанія о новозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ», стр. 321; ср. стр. 102.

1) Въ рукописи эти слова стиховъ не отдѣлены отъ заглавія.

нѣкга црковь артемиинѫ млтвою низложи. и м. тьмь моужей и жень слоужещиих артемии, и тѣх ѿ прѣлести изменни. и прѣведе ихь кь свѣтѫ бгоразѫмиа. и ꙗко ливать наричетсе гора идѣже стоить црковь стго иѡанна бгослова. кь задѫ же стіи димотеи. маріа же магдалины и семи отроци при оустію горѣ. стаа же ермиѡны дьщи филипова единна соущіи ѿ прорчиць лежить влизь горы. филип же е единь ѿ семыих діаконь. и адаекть мнкь. и егова дьщи каланистены. и иныи мныци прочіи. егкпы выеше. аристонь. дірань. и аристовѫль. нь и ктомѫ павль поустинніи гражданинь. тамо възлежеть. сьврьшает же се съборь его. въ чстнѣмь аплъствѣ его соущомѫ въ едомѣ :·~

въ тжe днь, събраніе стые прьсты, исходещіи ѿ гроба сиречь манна·:·~ (л. 137).

Въ‹въ›себлгыи чловколюбць бь нашь. не тчію иже ѿ нѣмь въжеланно побѣгшим се стыих его. оученикы и аплы и мникы. и вьсем оугодившимь емѫ. цртвію нбномѫ и вѣчнимь блгыих сподбиль е. нь и мѣста идѣже походише или погребены выше. испльненію блгтемь показавіи и просвѣти чюсы. иво и гробь идѣже великіи апль и благовѣстникь іѡаннь погребень бысть, прьсть стѫю подаеть. еюже тамо намѣстници маннѫ наричють. мановеніемь стго дха. въ н. дни маиа мца. еще тьмѣ соущіи вънезаапѫ истекаеть и въсходить. еюже приходещеи възимають кропещеніи себѣ. на измѣнѫ въсакои стрти кь врачевствѫ дшевномѫ. въ здравіе тѣлесное, славеще ба и егова оугодника іѡанна хвалеще :~

Послѣдняя статья, издаваемая въ настоящей главѣ и касающаяся Крестителя,—Обрѣтеніе главы Іоанна Крестителя,—представляетъ соединеніе двухъ очень нерѣдкихъ въ рукописяхъ Обрѣтеній [1]), что видно не

---

1) Напр. въ Панегирикѣ Владислава Граматика 1479 года: л. 19. вожксть како обрѣтена бы глава стго прка прдтчю и кртлю іѡанна (Нач. Инока два ѿ въстока...) и л. 20. обрѣтеніе чьстные главы стго и славнаго прка прдтче и кртлю хва іѡанна (Нач. Мансе трьбогатыи и въселенскыи апль...). Въ тырновскомъ Сборникѣ Народнаго Дома во Львовѣ XVI вѣка № 67 читается вторая статья (л. 135 об.) и—особаго

только изъ содержанія, но также изъ стиховъ, слѣдующихъ въ рукописи непосредственно за заглавіемъ. Издаваемый текстъ—тырновскій, по служебной Минеѣ на мѣсяцъ февраль начала XV вѣка Дрезденской Королевской Библіотеки № 0.89. Рукопись — молдавскаго происхожденія; другой текстъ изъ нея издается нами ниже, въ началѣ слѣдующей главы. Тотъ же разсказъ находимъ въ Менологіи Василія (II, 209 изданія 1727 года).

мца то҇, к҃д. ѡ҆брѣтенїе чтныѫ главы чьнаго прррка и҆ прт чѧ и҆ кръстителѣ ıѡ҆а́нна (стр. 316).

Ѿ землѧ ꙗ҆влѣеть пртча чьнѫѧ гла́вѫ, пло́ды повѣлѣваѫ до҆тоины тво́рити дре́вле.

дроуѕїи сти́хове на второ ѡ҆брѣтенїе.

Кртивыи дре́кле во҆ными и҆сто́чникы наро́ды, на земли ꙗ҆вль-сѧ крщаеть чюдесными и҆сто́чникы. Въ к҃д. пртечева глава̀ ꙗ҆висѧ̀ : ~

Сїа́ чтнаа и҆ агг҃лонаро́читаа глава чтнаго пртчѧ, пръвѣе оу҆бо ѡ҆брѣтесѧ по бл҃говоленїю е҆го̀ два̀ма нѣкоима мни́хома въ храминѣ и҆ро́довѣ, шешимь въ і҆ерлмь на покло́ненїе гро́бѹ х҃а б҃а на́шего. е҆ди́нь оу҆бо ѿ таковыхь мнихь земь ж҃ въ съсѫ скѫдѣ́льничь, въ месинскыи прѣне́се гра҆. мнѧ ꙗ҆ко ради нѣкое҆го бл҃годѣлїа различно почи́таѫ. хотѧщоу же емоу ѿ жи́тїа о҆тити. о҆ста́ви ѧ се́стрѣ своеѫ ниже ѿкрываги. и҆ѫ тъчїѫ почитати и҆ кади́ти. и҆ по съмръ (стр. 317) ти о҆нѫ женѫ, мно́ѕи сиѫ по прѣда́нїоу прѣимаа́хѫ. послѣди же къ е҆вста́дїю мни́хоу презвитероу доиде. сѫщомоу въ а҆рїа́ньстѣм злословїи. и҆же и҆ въ вртъто́пь оу҆далив сѧ

содержанія. Нач. **Быст въ дни ірωда црѧ. оусѣк'новенїе главѣ стго іωана...** («Описъ» I. Свенцицкаго, стр. 96). Другія статьи отмѣчены тамъ же, стр. 110, 121 (третье обрѣтеніе), 137 (всѣ три обрѣтенія). Въ извѣстномъ Зографскомъ Трефологіи — иная редакція. Нач. **Єгда оусѣчень бы ѿ ирода. стыи ιω. пр҃чa. положена бы глава его въ съсѫдѣ гнилѣ...** Близко къ издаваемому тексту «Слово (на) третье обрѣтение главы Іоанна Предтечи». Нач. Сице бысть обрѣтение третье предтечевы главы; первое бо взять ю жена Хоузаня отъ дворца Иродиина..., напр. въ Сборникѣ XVI в. Моск. Дух. Акад. № 28 (224), л. 125 об., *Архим. Леонидъ.* «Свѣдѣніе о слав. пергам. рукоп.» и т. д., I, стр. 133.

ѿ православныхъ, за иже продаати цѣлбы иже чтою главож бываемыж. и написовати сихъ, и обраціати къ своемоу злословію, по бжиемоу же смотренію. оно́моу оумершоу, изьоста въ връптѣ (sic) бжнаго пртча глав. и бѣше съкръвена даже до маркела архимадрита епкпа емескаго. тогда многымь ѿкрыса о неи. ѡбрѣте же са въ скждельнѣмь съсждѣ. и ѿ епкпа оуранїа вънесена бы въ црковь. многы цѣлбы и чюдеса съдѣловакши. съврѣшает же са таковое събранїе въ стѣмь его прчьствѣ същомоу въ форокіи:~

Изъ обширной святоотеческой литературы на тему обрѣтеній главы І. Предтечи укажемъ еще слово похвалное на обрѣтенїе сщенные главы чьстнаго прка пртче и кртла іωанна, Θеодора Студита, извѣстное намъ по сербскому Сборнику Нямецкаго монастыря начала второй половины XV вѣка № 87 (15), л. 285. Приводимъ изъ него начало: Третїе вьзвѣщенїе пртчевы памети настоещїи днь носещїи, сьзываеть на ω хлюбивыи. ибо скровищѹ нѣкако по сьлоучаю обрѣтенѹ, сьтекаютсе вси члци радостнѣ тьщешесе видѣти желаемое, колика не боудеть достоино веселїа трьжьство кртла чьстные главы, злата же вьсакого и каменїи чьстныи многочьстнѣишаа, ниа ѡвльшисе блговолєнїемь иже вьсакь спсенїю рωда нашего ѹстрашоуіщаго ба. вьзраѹимсе оубѡ и вьзвеселимсе ω нки. аще оубѡ радость к дховный дарωвь вьсприєтїе. вьспоимь сь веселїемь. поимь сь блгодаренїемь . . . Въ большинствѣ русскихъ рукописей встрѣчается это же Слово въ иномъ переводѣ[1]). Тому же Θеодору Студиту принадлежитъ краткое и сильное по настроенію «Слово похвальное на Рождество святаго Іоанна Предтечи», начало котораго приводимъ по упомянутому Сборнику Нямецкаго монастыря, л. 320. Славїю нѣкоемоу велегласноу подовесе наше слово блгогласно

1) Напр. «Въ тоиже день (24 февраля) отца нашего исповѣдника Феодора игумена Студійскаго Похвала на обрѣтеніе честные главы Іоанна Предтеча». Нач. Третіе явленіе предтечевы памяти нынѣшніи день принося съзываетъ ны... въ Минеѣ-Четьей XV в. на февраль Моск. Духовн. Акад. № 5, стр. 272. Леонидъ, Свѣдѣніе о нѣкот. перг. слав. рукоп. и т. д. Отд. историч., I, стр. 41.

поющомоу въ пролѣтныѥ часы, обрѣте оубω понѣ въ малѣ: великаадго въспѣти гласа днѐ раждаемаа. егда же мало глась ѥ кто испитѣвь (sic) ѕѣло, како въспѣти възможеть великоую пррқωмь славоу. како поҳвалить изредноую аплωмь почьсть. како прославить страннѫю мникωмь дверь. таже ми смотрисе. ꙗко прочїимь стмь, инь иномоу сътворише поҳвалы. вещьшїи, вещьшомѹ. и смѣренїи, смѣреномоу. семоу же нны ҳвалимомоу прьвѣе иныи, самь хс истина. рє бω, болїи ιωанна кртлꙗ въ рожденыи же нами не въста. ѥама оубω толика настоить поҳвала великомоу пртчи прѣизещна ѿ прѣреченнаго слова...
Въ той же нямецкой рукописи помѣщены Слова на тотъ же праздникъ Антипатра Вострoнскаго, Аэтія Константинопольскаго, Аѳанасія Александрійскаго и Іоанна Златоустаго. Служба на этотъ же праздникъ издана нами по служебной Минеѣ тырновскаго правописанія 1530 года собранія В. Ундольскаго № 79, въ книгѣ «Изъ исторіи слав. письменности въ Молдавіи и Валахіи» (Спб. 1906, стр. 35—36).

VII.

Сказанія о святыхъ женахъ.

Житіе Фотиніи Самаритянки по тырновской рукописи начала XV вѣка. — Память мученицъ Ины, Пины и Римы по сербскому Прологу XIV—XV вѣка. — Общій характеръ Сказаній о святыхъ женахъ, помѣщенныхъ въ Гентскомъ сборникѣ XIV вѣка.—«Слово блаженнаго Аврамія, како пріобрѣте дщере брата своего отъ пути лукаваго», по сербской рукописи XIV вѣка. — Мученія свв. Ѳеодоры, Ѳеклы, Варвары и Юліаніи, Петки; предсмертныя молитвы двухъ послѣднихъ мученицъ.—Мученіе Марины; разсказъ дьявола о происхожденіи бѣсовъ и власти ихъ надъ людьми; предсмертная молитва Марины — Заклинаніе-молитва противъ бѣсовъ въ обращеніи къ женамъ-мученицамъ, въ богослужебномъ сборникѣ XVI вѣка. — Описаніе кончины муч. Марины. — Исповѣдь бѣса Зереѳера въ Мученіи Юліаніи.

Необыкновенно захватывающая по содержанію, потрясающая по драматизму и обилію разнообразныхъ мученій Память Фотиніи Самарянки печатается по служебной Минеѣ на февраль XV вѣка, тырновскаго правописанія, Дрезденской Королевской Библіотеки № 0.89. Рукопись пе-

реписана, по всей вѣроятности, въ Молдавіи, и изъ той же рукописи выше напечатано Обрѣтеніе главы Іоанна Крестителя. Память Фотиніи положена подъ 26 февраля и занимаетъ въ рукописи страницы 321—333. Очень краткая редакція этого Житія, по Перемышльскому Прологу 1632 года, издана И. Франкомъ, съ оговоркой: «источникъ этого Житія, соединяющаго обычную мученическую исторію съ образомъ Самарянки, съ которой бесѣдовалъ Іисусъ при колодцѣ, я не могъ разыскать» (Апокріфи и леґенди, II, 367). При первомъ же знакомствѣ съ обоими текстами обнаруживается зависимость южно-русскаго проложнаго текста отъ тырновскаго, издаваемаго ниже. Позднѣе имъ же была издана болѣе пространная, также проложная редакція Памяти мученицы Фотиніи по тырновской рукописи молдавскаго происхожденія — Минеѣ служебной 1492 года собранія Оссолинскихъ во Львовѣ № 368 (тамъ же, III, 264—269), безъ всякой, впрочемъ, оговорки объ отдаленномъ отношеніи тырновскаго текста къ «Памятникамъ украинско-русскаго языка и литературы», куда входятъ—«Апокрифы и легенды». Источники этой редакціи издателемъ не указаны. Пространная редакція совершенно сходна съ издаваемымъ ниже текстомъ. По сербскому Прологу XVI вѣка Народной Библіотеки въ Бѣлградѣ № 576 (по описанію Стояновича № 393), съ варіантами изъ Пролога 1573 года той же библіотеки № 20 (Стоян.—№ 397), съ пересказомъ содержанія Житія и догадками о времени его написанія (не раньше VIII вѣка), та же редакція издана К. Радченкомъ въ «Извѣстіяхъ Отд. р. яз. и слов. Ак. Наукъ» 1906, кн. IV, стр. 91—108.

въ тъждє дн҃ь памѧ҇ ст҃ыѫ м҃нцѫ фо́тиниі сама́рѣнынѧ. и иже съ нєѫ мѫчившєисѧ (стр. 321).

Во́дѫ възѧти пріиде тлѣннѫѧ же́но, жи́вѫ пріємлєши єѫже скврънны д҃шєвныѧ ѡмываєшь.

Въ д҃ни нерона ц҃рѣ, ри́мское го́неніе веліе, подви́жесѧ на христіа́ны. по мѫчении же ст҃ыⷯ и връховныⷯ ап҃ла пе́тра и па́вла, прилежно ищахѫ сихъ оучєникы. тогда̀ ст҃аа фо̀ (стр. 322) тинии съ іѡси́ѡмь с҃номь своимь въ ка́ртеге́нѣхъ сѫщіа. пропокѣдааше єѵ҃гліє х҃во съ дрьзновеніемь. ви́ктор же с҃нь єѫ ста́рѣишіи ве́лми мѫжьствовавь въ ра́ти. а́варомь на ри́млѣны повоева́вшимь.

по сѐмь въ италіѫ посла́нь бы̑ ѿремь въсѧ̀ тамо христїа́ны мѫчити. севастїа́н же доу́хъ. слꙑшавь сїа ре̑. вѣмь а̂зь извѣстнѣ ѿ воево́до христїанина тебе бꙑти. и твоѫ мт҃рь съ иосифомь бра́тох твоих, пе́трꙋ бо̀ послѣ́доуѫщи. нѫ повелѣнное тебѣ ѿ царѣ твори, да не дш҃евно погꙋ́биеши. и ре̑ вікторь. а̂зь не́наго цр҃ѣ и бесъмр҃тнаго б҃а волѧ творити хо́щѫ. нерона же ца́рѣ сїе повелѣнїе еже христїа́ны мѫчити, не хо́щꙋ. доу́хъ же ѿвѣща̀. ꙗко искрънемоу дрꙋгоу своемоу съвѣтоваѫ ти. аще бо при пѫти наче́неши присѣдѣти, испꙑ́тоуемыѫ христїа́ны ѡ̀брѣтаѫщи мѫчиши, цр҃ю оу́годити имаши, и христїа́нскаа имѣнїа притѧжа́ти себѣ. нѫ и мт҃ри и братоу своемоу ѡ̀бьꙗви своимь писанїемь, да не дръзаѫть оу́чити еллины ѿчьскы̑х ѿмѣтатисѧ слоу́женїи. да не (л. 323) и ты̑ тѣхъ ра́ди постра́ждеши съ ни́ми ра́вно. нѫ о̂ тои имѣ́ите ва́шѧ вѣ́рѫ еже въ х҃а, ꙗкоже во́лите. и вікторь ре̑. не бѫди мнѣ сего сътво́рити. а̂зь да мѫчѫ христїа́нина, или да что ѿ него възмѫ; ни. или съвѣтовати матери или братоу еже не проповѣдовати ꙗко х҃с е̑ б҃ъ истинныи. нѫ и а̂зь па́че проповѣдникь х҃вь е̂смь, и е̂смь и бѫдѫ ꙗкожѐ ѡ̂ни. и въси̇ вѣдѧщеи его̀, не повинѫтсѧ тебѣ ѿ злыи съвѣтниче. доу́хъ же ре̑. а̂зь оу́бо полезнаа рѣх ти, ты̑ же оу́зриши что̂ имать бꙑ́ти. и се̏ рекь раждежесѧ лицемь и паде на землѧ ѿ злыѧ и лютѣишѫѧ болѣзни. е̂чїю своею̀. и прѣбꙑ̑ безьгла́сень. похва́тивше же его̀ прѣстоѫщеи и поло́жишѧ его на ѡ̂дрѣ. и прѣбы̑ г҃ дн҃и ве́сма непрогла́вь. по третїем же дн҃и, възьпи гласѡм велїемь гл҃ѧ, еди́нь б҃ъ христїа́нскыи. въше̑ же вікторь къ немоу ре̑. почто̂ тако напрасно прѣложи́лсѧ еси. ѡн же ре̑. призꙑва́ит мѧ х҃с сла́чаишїи вікторе. и а̂бїе поу́чень вікторомь, кр҃тисѧ. и възы́де ѿ во́ды, и вънезаа́пѫ прозрѣ (стр. 324) и просла́ви б҃а. ви́дѣвше же наро́ди прѣсла́вное си̏ чю́до, оу́боашѧсѧ. еда како и ты̑ таковаѫжде пострѣждать ради невѣрїа. и пришеше кр҃тишѧ̑. по се̏м же въни́де въ слоу́хь не́роноу. ꙗко вікторь воево́да италскыи, и севастїа́нь тогоже града доу́хъ, проповѣдоуа́ть пропо́вѣданїе пе́тра и па́вла и всѣхъ приво́дѧть къ х҃оу. нѫ и стратилатова мт҃и съ дроугыми с҃номь своимь їосїемь.

въ картагі́нь посла́ни такоѕдаже творѧ҃. сі́ѡ же слышавь црь,
ѡ҆ре́стіѫ распа́лисѧ, и песлѧ̀ вои́ны въ италі́ѫ е҆же привести тамо
сѫщѧѧ христіа́ны мѫжа же и҆ же́ны. ѥ҆ви же сѧ въса́мь хс
глѧ. пріте къ мнѣ̀ въси троуждаѫщеисѧ и҆ ѡ҆брѣменені́и. и҆ а҆зь
оупокоѫ ва҃. и҆ а҆зь съ ва́ми е҆смь и҆ побѣжденъ бѫдеть не́ронь
и҆ и҆же съ ні́мь. и҆ къ викторꙋ ре́че. ѿсели, фо́ті́нь бѫдеть и҆мѧ
твоѐ. мно́ѕи бо тобоѫ преспѣщьшесѧ, пріи҆дѫть къ мнѣ. се́ва-
стіа́на же е҆лико оу҆крѣпить сло́во на мѫченіе. и҆ бла́жень и҆же до
ко́нца̀ побигнетсѧ. Сїа ре́кшꙋ гоу, възшеде на нбса. ѡ҆бъѩ҆ки жѐ
и҆ стѣи фотині́и. ѡ҆ хо́тащихь и҆ съби́тисѧ. и҆ въз (стр. 325)
двигшисѧ ѿ ка́рдеге́на съ мно́гими христіа́ны, дои҆де въ вели-
кыи рі́мь. и҆ потрѧсесѧ ве́сь гра҃ гл҃ѫщи. кто̂ е҆ сїа̀. ѡ҆на же съ
дръзновеніе́мь проповѣдааше е҆ѵ҃лїе хко. приведе́н же бывь и҆
фо́ти снь е҆ѩ съ севастіа́номь, вои́ны. ста же фо́тині́и прѣ-
варши прѣста̀ не́ронꙋ съ і҆ѡ҆сі́емь и҆ и҆же съ неѫ. ре҃ же не́-
ронь къ неи. что пріи҆досте къ на҃. ста ре҃. за е҆же наоучити
тебе ха чьсти. въсѝ прѣстоѩщеи же рѣша црю. сева́стіа́нь
доу҆зь и҆ ві́кторь воево́да и҆же богомь не вѣроуѫть. пріи҆дошѧ
ѿ и҆талі́ѫ. и҆ ре҃ да приведени бѫдѫ. приведе́ном же и҆мь, ре҃
црь къ ни҃. что̂ е҆же ѡ҆ ва҃ слышахь, сті́и же рѣшѧ. е҆лика ѡ҆ на̀
слышаль е҆си ѿ црю, и҆сти́нна сѫть. и҆ възрѣгь на стыѧ же́ны
не́ронь, ре҃ къ ні́мь, ѿрі́чете ли сѧ вы ха, и҆лѝ глете злѣ оу҆м-
рѣти. что̂ ли, и҆ ка́ко нарічетесѧ. ста же ре҃. а҆зь оу҆бо ѿ ха ба
мое́го фо́тинѝ нарѣна бы҃. сестры же моѧ и҆же съ мно҃, пръва̀
нарі́четсѧ, а҆натолѝ. втора̀ фото̂. третіа̀ фотисъ. д҃ параскеві̀.
е҃ кирїакѝ. снове же мои. а҃ ві́кторь, и҆же хмь фо́тинь нарѣнь
бы҃. в҃. і҆ѡ҆сись. не́ронь ре҃. въси съ съвѣщастесѧ мѫчени (стр. 326)
бы́ти. и҆ ѡ҆ назоре́и хѣ оу҆мрѣти. ста ре҃. е҆го̀ ради оу҆мрѣти въси
раоуѫщеса и҆ велѧщесѧ оу҆бѣдихо́мсѧ. тогда̀ повелѣ црь ѡ҆мла-
ті̀ желѣзными съкроуши́ти пръсти стакомь и҃. принесенѣ же
бы́вши нако́валнѣ. и҆ положишѫ сті́и рѫцѣ свои и҆ начашѧ слоу́ты
бы́ти. и҆ ѿ г҃ го часа даже до̀ деватаго ѩ҆ и҆змѣнишѫсѧ биѫщеи.
стыи же ве́сма не въмѣнѣахѫ мѫкы. и҆ слышавь не́ронь слѫ-
тисѧ и повелѣ рѫцѣ и҃ ѿсѣщи. и҆ а҆бїе е҆мше ста и҆ рѫцѣ еи

свазавше. и̓ нако́валнѫ възло́ж'ше. и̓ сѣчива̀ поемше. и на рѫцѣ ст҃ѣи фотинїи се҃мицеѫ три̓ слоу́гы и̓змѣноуѫщеса оу́дарѣа́хѫ сѣкѫще. и̓ не оу́спѣшѫ ничьсо́же. ӥѫ и̓знемо́гше, па́доша ѩ̓ко мрътви. ст҃аа̀ же невре́днима съблю́дена бывши х҃вож бл҃гтїѫ. мл҃ѣшеса̀ гл҃аци. г҃ь мн҃ѣ помо́щникь и̓ не оу́божса что̑ сътво́ри҃ мнѣ чл҃кь. нача҃ жѐ ц҃рь ѿ недооу́мѣнїа тѫжити, коими къзными ст҃х҃ь оу́мѫчил би̓. и̓ си҃ въ глѫбо́кѫ темницѫ ѿве́сти повелѣ. ст҃ѫа же фотинї̀ съ патими сестра́ми е̑ѫ. ѿве́сти въ злато коувоу́клїе свое. и̓ поло́жити ѕ҃ ѡ̑дрокь златѣ҃. и̓ ѕ҃ свѣщни҃, и̓ тра́пезѫ. и̓ повелѣ дъщери своеи̓ до́мнинѣ (стр. 327) вънити. и̓ прѣбы́вати съ ними съ свои́ми рабынѣми. и̓ поло́жити богаство мно҃. и̓ знаменїа злата̀. и̓ ризы и̓ по́асы златы. ви̓дѣвши же ст҃аа фотинї ѻ̑тро́ковицѫ до́мниїѫ, ре҃. ра̑уи́са ре҃. х҃ва невѣсто. ѻ̑на же ра̑уи́са ре҃ и̓ ты г҃же моа̀ свѣще х҃ва. и̓ пооу́че́на бывши дъщи ц҃рева съ р҃ е̑ѫ рабынѣми и̓ кр҃тившиса. и̓ наре҃ до́мнинѫ, дъщере ц҃ревѫ, а̑ндоу́са. и̓ а̑бїе повелѣ ст҃аа а̑ндоу́са е̑же злато е̑ѫ, и̓ въсѣ ѩ̓же въ коувоу́клии е̑ѫ. разда́тиса ни́щи҃ рѫкоѫ стефани́ды старѣишиноѫ рабынѣмь. оу́вѣ-дѣв же сїа̀ ц҃рь. разьѩ̓ривса и̓ повелѣ пе́щь ра̑жещи за ѕ҃ д҃неи. и̓ въ неи въврѣщи ст҃ѫ фотинїи, и̓ въса и̓же съ неѫ мѫжа жѐ и̓ жены до́ г҃ тысаща. и̓ семоу бывшꙋ, съткориша посрѣ҃ пещи. г҃ д҃ни. по третїем же д҃немь, мнѣвь погыбши҃ быти ст҃ы҃ ѿ ѻ̑гнѣ. повелѣ ѿврѣсти пе́щь. и̓ ко́сти и҃ въ рѣкѫ ѿме́тнѫти. и̓ ѿвръз-ше, ѻ̑брѣтоша ст҃ыа сла́ваци҃, и̓ хва́лаци҃ б҃а, и̓ оу́жасоша҃. не ко́снѫ бо са и҃ ни ве́сма ѻ̑гнь. да ѩ̓кожѐ слы́шаша и̓ ви́дѣша въси̓ ри҃скаго гра́да лю́дїе прѣсла́вно чю́до, оу́дивиша҃ сла́ваще и̓ ты̓ б҃га. ц҃рь же тако́вомоу чю́деси самови́дець бывь, и̓ оу́бїи-(стр. 328) ствнаа̀ былїа дати тѣмь повелѣ. и призвано́у бывшоу ламба́дїю влъхвоу. и̓ налїа̀вшоу былїа и̓ да҃ прѣвѣе ст҃ѣи фо-тинїи. ѻ̑на́ же таковое прїемши ре҃. тебѣ же бы́лїю нечи́стомоу ѻ̑баа́нїю бывшоу. не прилѣжаше намь тебѣ ве́сма ко́снѫтиса̀. ӥѫ да позна́еть и̓ тъ̓ съли́выи та, си́лѫ х҃а б҃а моего̀. се̑ а̑зь прѣвѣе сѣ҃ пїѫ. въ има са́мого и̓стиннаго б҃а и̓ сп҃а на́шего і҃с х҃а. та̀же и̓ сѫщїи съ нимѫ въси̓. и̓ въсѣмь и̓спи́вши҃ и̓ невредимомь

съхра́нишимсѧ. ви́дѣ влъхо́вь, оу҆дивисѧ̀. и҆ възрѣвь на ст҃ѫѧ ре҃. и҆мамь є҆ще бы́лїє ѕѣло и҆скоу́сно. и ѿ то҃ а҆ще въкоу́сиши и҆ не оу҆мре́ши късꙗо́рѣ, вѣрꙋѫ и҆ а҆зь х҃оу б҃оу ва́шемоу. и҆ принесеноу бывшоу бы́лїю. и҆ въсѣмь ѿ него въкꙋсившиⷯ, и҆ не кое зла҃ пострада́вшиⷯ. и҆ събра́вь въсѧ своѧ кни́гы влъше́вныѫ влъхо́вь, ѻ҆гню прѣда҃. и҆ вѣрова въ х҃а. и҆ кр҃тисѧ наре́чень х҃тодꙋль. сиѥ̈ оувѣдѣвь ц҃рь, повелѣ въсхы́тити є҆го̀ ѿ срѣды (sic) и҆хъ. и҆ и҆звънь гра́да то҃ посѣщи. и҆ та́ко пръвѣє въсѣⷯ. съвръши мѫченїє х҃тодоу́ль. х҃а ради посѣчень и҆ кѣи́чань бы́вь, възы́де на н҃бса. ст҃ыѫ же въсѧ̀ съ велико́мⷱницеѫ фотинїѫ, повелѣ беззаконныи не́родь жи́лы иⷯ и҆зрѣзати. (стр. 329) и҆ семоу̀ бы́вшоу. и҆ ст҃ыⷯ рѫгаѫщимсѧ и҆ оу҆карѣѫщиⷯ ц҃рѣ и҆ бо́гы є҆го̀. ѻ҆лово врѣщеє съ сѣроѫ ст҃ѫѧ напои́ти повелѣ. и҆ныⷯ же ст҃ымь по плещима възлїа́ти. и҆ семоу бы́вшоу, ꙗ҆ко є҆ди́нѣми оу́сты ст҃ыи въсѝ. б҃лгода́рим тѧ г҃и б҃е нашь ре́кошѧ. ꙗ҆ко вращїи́мь ѻ҆ловоⷨ прос(т)иль є҆си ср҃ца наша. ꙗ҆ко варѡⷯ сл҃нчныиⷯ жѫждѫщаа̀ и҆ распалѣ́ємаа. тогда̀ не́ронь преоу҆дивльсѧ̀. повелѣ повѣсити ст҃ыⷯ и҆ стръгати иⷯ ве́лмѝ по въсемоу тѣлоу. и҆ свѣщїа́ми па́лащими по҃жа́гати. се҃моу же бы́вшоу и҆ ст҃ымь мола́щимсѧ. и҆ б҃ѫвноѫ б҃лгтїѫ възмагаѫщи. разъꙗ҆ри́всѧ ѻ҆каанныи не́ронь. жера́токь съ лю́тым' ѻ҆цтоⷨ смѣсити повелѣ, и҆ въ но́зр҃и ст҃ыⷯ вълїа́ти. та́ковомоу же дѣлоу ст҃ыⷯ събы́вшꙋсѧ, ме́дь и҆ сѫть на҃ ꙗ҆влѣти г҃лаа́хѫ. и҆бо҃ ра́зьꙗ҆ри́всѧ м҃тль, и҆ повелѣ ѻ҆чеса ст҃ыⷯ и҆за́ти. и҆ сиⷯ ѻ҆слѣпивь въвръже въ те́мницѫ мра́чнѫ и҆ с҃ра́днѫ. плъиѫ сѫщѫ зьмїѫ лю́тыѧ и҆ ско́рпїѫ. ст҃їи же поа́хѫ б҃а вели́кыⷨ гласоⷨ. и҆ оу҆бо̀ и҆же въ темници плѣжемаа ꙗ҆довитаа и҆змрѣшѧ. и҆ те́мница б҃лгоа҃хани҃и испл́ънисѧ неи҆зр҃енныⷯ, и҆ тьма҃ прѣложисѧ въ свѣ҃ прѣсвѣтель. и҆ ста̀ х҃с посрѣ҃ ст҃ыⷯ и҆ г҃ла иⷨ ми҃ (стр. 330) ваⷨ. и҆ є҆мь ст҃ѫѧ възве́дь ж ре́кь. радꙋи́тесѧ вы̏ ꙗ҆ко съ вами є҆смь. и҆ въсе́гда и҆ н҃нѣ раду́итесѧ. и҆ а҆бїє сло́вомь прозрѣшѧ ѻ҆чеса̀ иⷯ и҆ ви́дѣшѧ г҃а. и҆ знамена҃ иⷯ ре҃. мѫжаитесѧ и҆ крѣпитесѧ и҆ тако възы́де на н҃бо. ѿ тѣле́се ст҃ыⷯ па́дошѧ ꙗ҆кожє лоу́спы. и҆ бы́шѧ здрави ꙗ҆коже пръвѣє, стра́стныи же не́ронь и҆ б҃гомръскыи. ѻ҆ста́ви ст҃ыⷯ прѣбы́ти въ темници за́ г҃ лѣта. доне́лиже

злоѫ съмрти дша ѿложа. по г҃ ѐх же лѣтѣхъ раба имѣше црь ѿ своеѫ сѫще полаты въ темници затворена, повелѣ то испоустити. да ꙗко видѣша посланїи ѿ црѣ стыѧ здравы, повѣдаша ѥмоу. ꙗко ѿслѣпленїи галилеане, видѧть црю и здрависа тѫ. нъ и темница просвѣтившиса, и блгоѹханїа многа испоущаѥть. прѣложившиса въ славѫ бжїѫ. и въ до҃ сть. і богатьство срѣ темницѫ е кыпащее. идеже сътичатса людїе и крщаѫтса ѿ ни҃ вѣроуѫще въ га и҃ сиѧ слышавь царь оужасеса. посла и привєде и҃ прѣ собоѫ. и рє. не порѫчи҃ ли вамь царскы҃ повелѣнїе҃ не проповѣдовати ха въ градѣ рїмстѣмь. како въ темници сѫще таковое творите. сего ради многы и великы налоѫж (стр. 331) на вы мѫкы. стїи рѣша. еже хощеши твори. мы ха сѫща истиннаго ба и творца въсѣчьскы҃ проповѣдати не прѣстаємь. и ѡ семь ꙗростїѫ раждєгса, повелѣ распати и҃ стръмоглавь. и за г҃ дни разчесовати тѣлеса и҃, жилами дондеже ре ѿдѣлатса ставы и҃. томоу же бывшоу, стражиѫ постави҃ и҃. и блюсти за д҃ дни висащи҃, въ д҃ тыи же днь пришеше слоугы видѣти и҃ аще живи сѫ. да ꙗко видѣшѫ и҃ висащѫ. сами авїе ѿслъпошѫ. аггль же бї съниде съ нбсе и цѣловавь стыа, авїе здравы и҃ сътвори. ѿрѣшь ѿ дрѣвесь висащи҃. тогда стаа ѿ ѡслѣпленїе слоугь оумардившиса помолиса. и авїе прозрѣша. и вѣровавше крстиша въ имѧ хво, и послѣдьствоваша и҃. слышавше сїа скврънныи нерона, разгнѣваса ѡкааннын. повелѣ кожѫ стѣи фотинїи ѡдрати. и томоу бывшоу, поѫше стаа. ги искоусил ма еси и познал ма еси. ѡдравше же кожѫ еѫ, въврыгошѫ ѫ въ рѣкѫ. стѫѫ же въврыгошѫ въ стоуденець соу҃. севастїана же и фотина и іосїа ємше, и пѡколѣнныа и҃ жилы ѿрѣзаша. съ лист мии, (стр. 332) и ѱ-ємь пометнѫша. и ѡдравше кожїе главь и҃ съвръгоша въ вѣхѫа бана. е҃ же сестрѣ стѣи фотинии, прѣставльше, ѿрѣзаша съсца и҃. потом же и тѣ҃ ѡдраша кожїе. дошешим же и҃ и на стѫа фотидѫ, не въсхотѣ ѡна никыи҃ ѧта быти ꙗкоже прочаа. нѫ сама ставши доблест вно. ѿдра сама. своѫ кожѫ и метнѫ на лице нероново. ꙗко и црю оудивльшоуса мѫжьствоу еѫ и тръпѣнїю. дроугаа

лѫкѫ помысли навести на нѧ въселютѫ и пагоубнѫ. вънѧтрь своіего садовіа, двѣ дрѣвѣ нѫжеѫ наведь и повелѣ нозѣ стѣи привазати. и поустивше растръгоша стѫѧ. и бу предаⷭ стѫѧ и блаженнѫѧ своѧ дшѫ. Тогда злострастныи повелѣ мечемь въсѣхъ скончати. блаженнѫѧ же фотинии ѿ стоуденца извлѣкь, въ темницѫ въсади. и пребыⷭ днеи к. потомь прѣставлъ ѫ и въпросивь. еда раскаавшисѧ и покорисѧ еже пожрѣти богомь его. стаа же плюнѫ на лице ѥмоу посмѣавсѧ воуѥсти его, и безоумномоу разоумоу глщи. въсескврънавыи слѣпче, толико ли мѧ неразоумичнѫ твориши. лѣстче и безоумне еже ѿврещи ми сѧ своѥго блкѫ, (стр. 333) и пожрѣти подобныⷯ тебѣ слѣпиⷯ богѡⷯ. сиѥ же слышавь црь, повелѣ пакы въврѣщиї ѫ въ стоуденець. и семоу бывшоу, стаа остави дшѫ боу. вѣнець носѧщи и вѣчно ликоужщи.

Въ отдѣлѣ «Разсказы объ апостольскихъ ученикахъ», въ томъ же томѣ апокрифовъ и легендъ И. Франко издалъ по русскому Перемышльскому Прологу 1632 года Память св. мученицъ Ины, Пины и Римы, пострадавшихъ «въ Готѣхъ», подъ 28 іюня (стр. 234). Къ тексту прибавлена замѣтка, въ которой издатель отказывается указать источникъ Памяти, отношеніе текста, гдѣ ничего не говорится о земляхъ готовъ, къ заглавію и т. д. Болѣе краткій текстъ, притомъ иной редакціи, находится въ сербскомъ Прологѣ XIV—XV вѣка Берлинской Королевской Библіотеки № 28. Здѣсь нѣтъ прибавленія «въ Готѣхъ», а вмѣсто ѿ сѣверскіѧ страны варварскіѧ Перемышльскаго Пролога, въ берлинскомъ находимъ болѣе правильное упоминаніе о Скиѳіи.

въ тьже днь. стрть стыⷯ мк инныи. римы. и пинныи.

(л. 104 об.).

Сьи стыи выше ѿ скоуфиѩ. сѣверниѥ страни. оученици стго аплⷭа андрѣѥ. оучещѥ же вѣхоу ѡ имени хвѣ. и многыи ѿ поганыхъ ѡбращающе къ правей вѣрѣ и крымахоу. и того ради ѥты быше кнеземь. и ноужени быш ѿврѣщисе ха. и пожрети идоломь и рекамь вьсемь ѿ мраза помрьзьшимь. ѩкоже врьхоу

лѣда. дрѣвѣса велика и с корѣникемь. вьдроужише во вь ледь. и привѣзаше тоу стыє. и в҇ (стр. 105) дѣ вльнающисе. и лѣдовь прѣгыбающоусе по малоу. и доидѣ водa до выє имь. и ѿ многыє лютосты прѣдаше своє блжниє дше гвы .:.

Особенно много «легендарнаго» элемента—въ Житіяхъ нѣкоторыхъ св. женъ и сказаніяхъ о нихъ. Есть нѣчто общее въ характерѣ многихъ литературныхъ произведеніяхъ, гдѣ фигурируютъ св. жены, и соединеніе такихъ произведеній въ сборникахъ является не случайностью. Едва-ли въ такихъ случаяхъ главную роль играетъ то, что подобные сборники составлялись по заказу женщинъ, какъ, напримѣръ, извѣстный сербскій Бдинскій Сборникъ 1360 года, принадлежащій библіотекѣ Гентскаго университета № 171, описанный И. Мартыновымъ («Памятники древней письменности». XIV. Спб. 1882)—и въ двухъ работахъ привлеченный П. Сырку[1]). П. Сырку называетъ статьи сборника «или чисто апокрифическими или полуапокрифическими»[2]) и называетъ его «однимъ изъ самыхъ важныхъ памятниковъ для исторіи культуры въ Болгаріи въ XIV в.». Дѣйствительно, Житія и Похвалы Θеодоры, Θеклы, Петки, Варвары, Юліаніи, Марины, Таисіи, Θеофаны, Евфросины, Екатерины, Маріи Египетской, Евпраксіи — всѣ эти памятники необыкновенно характерны для представленія о вкусахъ стараго южно-славянскаго читателя, о любви его къ демонологіи, видѣніямъ, мученіямъ фантастическаго характера и т. д. Тѣ же приблизительно Житія находимъ еще въ нѣсколькихъ рукописяхъ: отмѣтимъ Мученія Марины, Екатерины, Петки и др. въ сербскомъ Сборникѣ конца XVII вѣка Музея при церкви свв. архангеловъ въ Сараевѣ № 19 (по нашему описанію). Не менѣе характерно и то, что въ Бдинскомъ Сборникѣ находятся Житія тѣхъ именно женъ, которыя упоминаются въ богослужебныхъ чинахъ вмѣстѣ, напр. на проскомидіи въ Служебникѣ XV—XVI вѣка Берлинской Королевской Би-

1) Время и жизнь патр. Евθимія, стр. 445—446—о Мученіи Петки; стр. 446—447—о Мученіи Екатерины; стр. 447—отрывокъ изъ Житія Юліаніи; а также въ предисловіи къ изданію Службы царицѣ Θеофанѣ, Спб, 1900, стр. 18—19.

2) О послѣднемъ терминѣ см. въ концѣ предисловія къ изданію нашей серіи текстовъ.

бліотеки № 19: стх҃ь и вьсехвалный жень. дѣклж. варварж. ѥкатерини. марінж. ѥуфимиж вьсехвалныж. мариа ѥгиптѣнинж. и иныа прп҃бныа и м҃ницѧ жень (л. 3 об.). Взаимная связь Житій нѣкоторыхъ изъ этихъ женъ видна будетъ изъ нижеслѣдующаго обзора. Кромѣ того, иногда въ Житіяхъ ихъ упоминаются другія святыя, напримѣръ, въ Мученіи Юліаніи: ѩкоже изваки даниила ѿ оусть львовь. и деклоу ѿ дамира (стр. 287). О Ѳеклѣ упоминается и въ Словѣ похвальномъ Михаилу Воину, Евѳимія Тырновскаго: извавлен даніила, своего пророка ѿ оусть львшвь и своѫ рабѫ, пръвомѫченицѫ деклѫ такожде ѿ шгнѣ и ѿ оусть львшвь, E. Kałužniacki, Werke, 177.

Первое мѣсто въ Бдинскомъ сборникѣ занимаетъ «Слово блаженнаго Авраамія, како пріобрѣте дщере брата своего отъ пути лукаваго» (стр. 1—34). Здѣсь интересно видѣніе змѣя, прекрасное описаніе горя дѣвицы-пустынницы, соблазненной сосѣдомъ-монахомъ, сознаніе своего паденія и другіе эпизоды. Недаромъ Слово привлекло вниманіе такого чуткаго къ красотамъ старыхъ легендъ писателя, какимъ былъ Н. С. Лѣсковъ, пересказавшій по Прологу (29 октября) это Слово («Сочиненія» изд. Маркса, XXXIII, стр. 128—129).

слово блаженаго аврамиа. како приѡбрѣте дьщере брата своего ѿ поути лоукаваго начинается словами: Хощю же любимици мои повѣдати дивноую вещь. еже сьтвори на старость свою аврамін. разоумнымь ибо и дх҃овнымь си дивна соуть. испл҃ьн же пол҃зе (стр. 2) и покаани҃а. Приводимъ слѣдующій эпизодъ изъ начала статьи, непосредственно слѣдующій за начальными словами.

Имѣше блаженыи сьврата по плъти. имоуща дьщере едино чедо. оумершѹ же ѡцю ѥѣ. прѣбы же юнотка сира. сию же вьзьмше знаеми ѥе. привѣдоше ю кь стрию ѥѥ. соущі же ѥи седмию лѣть. ѡн же повелѣ ѥи быти вь вьнѣшнѣи хизинѣ. самь бо бѣ затворень вь вноутрьнеи хизинѣ. бѣхоу же двѣрца мала посрѣдѣ ѥю. имиже оучаше ю ѱалтирю и прочимь книгамь. сь ним же бдѣше и поѧше. и ѩкоже самь вьзрьжашесе, (стр. 3) та-

коже и ѡца присно прѣдьспѣющи вь чрьноризьчьствѣмь ѡбразѣ. тьщашесе сьврьшити вьсе дѣтели. ибо множицею блажени сь сльзами молѣшесе бгоу ѡ нки. да би имѣла мысль свою кь нкмоу. и да не привежетсе никакои же земльнѣи вещи. понеже бо бѣ оць кк, имѣник доволно ѡставиль. нь томь часѣ повелѣ раздаяти ѥ. нищимь же и сиримь. и моляше стрца свокго глщи, ѡче да би и азь достойна была твоек стыне. и моли ба за ме. (стр. 4) да избавлюсе злаго помисла. и вьсѣхь сѣти многоразличнихь дияволь. прилежно же чрьноризьчьствоваше, по всемоу чрьньчьствоу кго. веселяше же се стрць кк. виде ю доброе прилежаные сльзи. и смѣренноую моудрость. безьмльвык и кротость. и любовь юже имѣше кь боу. к. лѣ, чрьноризьчьствова. сь нимь яко агница чтаа, и голоубица нескврьннаа. и кончавшоусе двадесетьноу лѣтоу врѣмени. и неистовьство сьтвори дияволь на ню и сѣть по (стр. 5) лече да оуловить ю. да понѣ тако вьзможеть блаженаго ѹловити. и оумь его ѡставити ѡ ба. бѣ же нѣкто име имѣкк чрьньчское. иже хождаше кь блаженомоу яко виною полезною сь тьщаникмь многымь. видоваше же и блаженоую сию дверцами. иже бывь неистовь хотѣше кн беседовати. якоже бо пламень раждежесе срце кго неистовные любве. желаа же кк доволно врѣме яко лѣто единю, дондеже раслабить свои помы (стр. 6) сль. и ѿврьзши дверце хызные и изиде к нкмѹ и ѡсквьрни ю скврьнним безакониемь. по сьтворени же грѣховнѣмь. ѹжасесе помысль кк. и растрьзавши ризи свок бияшесе по лицю и хотѣше се сама ѹдавити ѡ печали. ре же вь себѣ азь оуже оумрѣхь и погоубихь дьни свок. и троудь чрьноризьчьски. и вьздржаник мок и сльзи мок ни вь чтоже быше, ба прогнѣвахь и сама се погоубихь. прпобнаго стрца мокго вь горкоую печаль вьрьгохь. (стр. 7) поношеникмь дшю мою ѡблѣкохь. и вь пороуганик бых дїаволоу. тою же почто живоу азь ѡкаянна. ѡ лютѣ мнѣ что сьтворихь. ѡ лютѣ мнѣ вь что вьпадохь. како ѿмрачисе помысль мои. не разоумѣх. како ѡскрьнихсе (sic) не вѣдѣ. кок ѡмраченик тьмою покри срце мок. да не вѣмь что сьтворю гдѣ ськрїюсе. камо идоу. вь котори ровь

вьврьгоусе. гдѣ ѥсть оучениѥ прпо̄бнаго ми стрта. гдѣ наказа-
ниѥ дроугаго ефрема. ꙗкоже (стр. 8) г̄ласта ми вьнемлй себѣ и
спсеши д̄шю свою, бесмртномоу женихоу нескврьнноую. женихъ бо
твои с̄ть ѥсть. и ревнитель кьтѡмоу не дрьзноу вьзрѣти на
нбо. оумрьла бо ѥсмь боу и чл̄вкѡмъ. приближитисе кь двер-
цамь тѣмь не могоу. како бо азь грѣшница исплънь нечистоти
соущи, пакы начноу г̄лати сь с̄тымь тѣмь. аще же и дрьзноу
ѡгнь изьшедь изь дверць тѣх не сежежет ли мене. оунѥ ми ѥ
ити вь ино ѡ̄чьство. идеже не боу (стр. 9) деть никогоже знаю-
щаа мене. понеже бо единою оумрѣхь. ктомоу нѣсть ми на-
деже с̄пасениꙗ. вьставши же абиѥ ѡтиде вь инь граадь. и измѣ-
нивши и ѡбразь свои. бысть вь гостинници, прилоучившоу же се
семоу еи. видѣ видѣниѥ блажены, страшнаа змиꙗ велика зѣло.
мрьзька образѡмь. шоумеща крѣпостию, изьшедшаа ѡ мѣ-
ста своѥгѡ. и пришедша до келиѥ его. и ѡбрѣть голоубицю
погльти ю, и пакы вьзвратисе вь мѣсто своѥ. вьстреноувь же се
(стр. 10) ѡ сна блаженыи и ѡскрьбѣ зѣло. и плакасе горцѣ еда
оубо гонениѥ вьздвигнеть сотона на с̄тюю црьковь. и многыѥ
ѡставить ѡ вѣры. или разорениѥ боудеть цркы. помоливь же се
г̄оу ре. вьса вѣдыи члколюбче г̄и. ты единь свѣси видѣниѥ сиѥ.
и пакы по двою дьнию видѣ тогожде змиꙗ изьшедша ѡ мѣста
своѥго. и пришедша вь хизиноу кь нѥмоу. подложивша же
под нозѣ блаженаго главоу свою, и расѣдшасе. и ѡбрѣтени
быти голоубици (стр. 11) емоу. гдѣ ѥ и како живеть. и оумо-
ливь нѣкого оужикоу своѥго посла тамо. да извѣсто оувѣсть
ѡ нѥи. и знаменаѥть мѣсто гдѣ ходить. шедше тоу абиѥ по-
сланны. оувѣдѣ извѣсто ѡ нѥи. видѣвь же ю самоу. пришедь же
повѣда емоу сице. коегожде знамениꙗ начрьтаниѥ. ѡнь же разоу-
мѣвь ꙗко тоѥи есть быти. ре же прінести ѥмоу воиньскоую
подобоу. кои же и ѡроужиѥ. и ѡкрьзь дверце хизини, и излѣзе.
ѡбльксе вь воиньскіи ѡбразь. (стр. 12) и клобоукь великь зѣлѡ,
вьзложи на главоу свою. да би покриль лице своѥ. вьзеть же и
цетоу единоу сь собою. и вьсѣдь на конь идѣше. аще бо ктѡ
сьходныкь. егда вьсхощеть сьходити ѡчьство тоуже или град-

никоу ріла възети. да не познань боудеть. тако и блажены сѣ, въземь ѡбразѣ вражии, да и прѣлоукоукть и побѣдить. пріидѣте почюдилисе любилиціи семоу вторшм аврамоу.

Слѣдующая статья Бдинскаго Сборника—«Чтеніе святыя Өеодоры», 18-го сентября, отмѣченное по рукописямъ русскихъ библіотекъ въ «Отчетѣ» К. Радченка (стр. 33) и въ сербскомъ Сборникѣ митрополіи г. Скопья XV в. («Извѣстія Отд. р. яз. и слов. Акад. Наукъ», 1907, III, 149). Въ «Чтеніи» интересенъ одинъ эпизодъ: крокодилъ спасаетъ св. Өеодору и съѣдаетъ другихъ [1]),—начинающійся словами: «Бѣше же пристанище и езероу тоу. и никтѡже не смѣше ни можаше миноути тоудѣ. заиѥ звѣрь исхождаше ѿ езера коркодиль нарицаемыи...». Далѣе идетъ «Мученіе святыя Өеклы», 24-го сентября, той же редакціи, что и изданное по Замойской рукописи И. Франкомъ въ III выпускѣ «Апокрифовъ и легендъ» (стр. 33—41); краткая, проложная, редакція «Страсти святыя первомученицы Өеклы» издана имъ же по Перемышльскому Прологу XVII вѣка (тамъ же, стр. 262—263). «Мученіе святыя великославныя мученицы Петки», 14-го октября, занимающее стр. 115—143 рукописи, пересказано у П. Сырку. «Мученіе святыхъ Варвары и Юліаніи», 4-го декабря, интересно по описанію мученій и молитвѣ, которая произносится мученицей предъ кончиной. Молитва напоминаетъ такую же молитву Петки:

Молитва въ Мученіи Юліаніи: и ты хе мардн пріими сию мою послѣдню млтвѹ. и спсви въсакого хртиꙗнина. и въсакого вѣрна. иже имени. твоего ради. чьтеть днь мокго мчніа. и ѿдакть грѣхи повиннымь и всакоу ползоу оубогымь творещіе. и да не пріидеть въ дѡмь его. еза ѿсопнаа и ина ѥза и злова. ты бо кси мрдіи бь. и въ роуцѣ твои прѣдаю дхь мои. ꙗко да съхранкна боудеть, въ вѣкы вѣкѡмь амінь. (стр. 152).

Молитва въ Мученіи Петки: обрѣсти въ днь соудны. и да не боудеть въ дѡмоу и. ни слѣпь ни глоухь. ни прокаженоу быти. ни кзи ѿсовныие лежати. ни иною съмрьтною болѣзнию. и аще

1) Будетъ изданъ нами въ «Мелкихъ текстахъ и замѣткахъ».

кто̀ боле̂, и҆ призоветь и҆ме мое̂ и҆збави и г҃и. не хоте бо съмрти грѣшни҆кꙋ. нъ҃ на ѡ҆бращеніе̂ живото𝑣. и҆ а҆ще ктѡ҆ на соудищи҆ призоветь и҆ме твое̂, безъ бѣди и҆ безъ напасти, и҆ пагоуби съхрани. и҆ къ събранию приведи. и аще въ градѣ и҆ли въ веси боудет м҃лтвьни мой храмь̂ рабе твое. съхрани и҆мь скоты. и҆ и҆мѣнїа и҆ ѿ всакого зла̑ приходещи҆мь и҆мь. оуслыши г҃и рабю свою. ꙗ҆ко чюдно и҆ прѣсла̂внѡ и҆ме твое̂ въ вѣкъ҃ а҆ми҆нь. (стр. 140).

Предсмертная молитва Марины приводится ниже.

Пространное «Мученіе святыя Марины», 17-го іюля, начинающееся въ Бдинскомъ сборникѣ словами **Въскр҃сенню г҃ню бывшоу і҃с х҃а избавителꙗ нашего. и прѣславнѡмоу възнесенню...**, изслѣдовано сравнительно мало. Въ Панегирикъ Владислава Граматика 1479 года вошли двѣ статьи: **моучение с҃тые и славные великом҃нце и ст҃ротрьпице марины** (Нач. **Ничтоже сице оуслаж҃ае и оутишаеть д҃шоу б҃лгоу и вѣрнꙋ...**) и **слово ѡ с҃тѣи и славнѣи великом҃нници х҃вѣ маринѣ**, патріарха константинопольскаго Григорія Кипрія (Нач. **И ц҃ркѡвь оубо еиже х҃с глава, раи разоумѣвае҃ иже въ едемѣ...**). Въ русскихъ рукописяхъ встрѣчается еще иная статья: «мѣсяца того же въ 17 день Мученіе св. великомученицы Марины». Нач. Въскресенію Господню бывшю Іисусъ Христа избавителя Господа нашего, и преславному взятію бывшю на небо..., напр. въ Минеѣ Четьей на іюль Моск. Духовн. Акад. 1558 года № 9 (95), л. 252. (Архим. Леонидъ, Свѣдѣніе о нѣк. пергам. слав. рук. и т. д. Отд. историч., I, стр. 58). Та редакція, которая вошла въ Бдинскую рукопись, считается трудомъ Өеотима, принявшаго христіанство въ Антіохіи, гдѣ пострадала мученица Марина. Интересно здѣсь описаніе змія: **бы҃ на мѣстѣ тѡмь трꙋсь великь и҆ въстресе оузни҆цл. и҆ напрасно и҆зь оугла тьм҃ниц҃ искочи з҃ми велик҃. и҆ страшнь зьлѡ. и҆ кра̂снь възорѡмь. власи же̃ его и҆ оусь ꙗко златѡ бѣше̂. и зоуби его блискаахꙋсе̂. а҆ ѡчи его ꙗко бысрѣнѣ вѣста̑. и҆з ноз҃ри же его и҆схож҃дааше пламы и҆ дымь мнѡгь а кезикь вѣ е҆мꙋ а҆ки кривь. ѡкр҃ть же выѥ егѡ҆ бѣхоу з҃мие ѡбвилисе. и҆ вѣж҃и ѡ҆чима егѡ҆ вѣста а҆кы сребро** (стр. 172). Далѣе слѣдуеть разсказъ дьявола, «смѣшивающій лжу съ истиной», о томъ, что раньше онъ былъ святымъ и затѣмъ палъ, разсказъ о томъ, какъ про-

изошли бѣсы, какъ раждаются они изъ яйца, какую власть имѣютъ надъ людьми и т. д. (стр. 191—195).

ты ѹбо дїаволе исповѣждь ми скоро, дондеже не придеть смрть на тѐ. тогда бѣсїю віинь възе́мь и лъжѹ съ истиною съмѣсивь рѐ кꙇи. прѣжде сего и азъ с҃ть бѣхь. нн҃ѣ же не тако. нь злаго ради своего изволенїа єсмь бѣсь, свезань по̑ ногама твоими ню нн҃ѣ повѣдѣти. єгоже исповѣдати не можеть, ни (стр. 192) ктоже, вь наше родѣ. слышахѡмь ѿ кнезь свои. ꙗкоже сатана ѿ конїи, ѿ нб҃сь сь гори спаде. и тако сатанаиль възѐ женоу дїовꙋ дьщерь. и тако дїѡва дьщерь бы̏ бес конца. и тако смѣсисе сь нєю акы сь жєю (sic) моужь. и роди ѿ нєго ꙗица. и ѿ тѣ ꙗиць исходеть бѣси лоукавїи. ты поущены бывають, камо имь повелѣть ити. да идѣже оубо почнїемь или слышимь, дѣла праведны, ходимь воюще на нь. не бо бѣсь можеть вѣдѣти срдца чл҃вчкаа. нь имь слоугь ємѹ да аще би нн҃ѣ вѣдѣль, ꙗкоже ты с҃на ємоу ѹби. велбми (sic) би гнѣвалсе на тѐ. а прьви же бѣсѡ начелници нарицаютсе. вь єгиптѣ бо и вь єѳїѡпїи бых҇ѡ. ꙗкоже вь исходѣ моисїинѣ. єгда възвисисе на кртѣ бесмрьтныи. повелѣниємь єгѡ сьврьженїи бывше ѿ блаженнꙗ пище аггласкыꙗ. вь прѣисподнꙗа ѡсоужє (sic) быхомь. ꙗкоже и самь гь вь єѵлїи глєть. видихѡмь сотоноу ꙗко и мльнию спадша сь нбсь. да ѡбаче дроузи глєть ѡ нась. ꙗкоже ѿ лоукавїихь жень древнїи рожени быхомь. мь же не вѣмїи, ѿкоудоу имамїи рожєнїє, поуть нашь нѣ по земли. идѣже чл҃вци ходеть. нь по въздоухоу ходимь ноудими. нн҃ѣ же стою прѣ лице твоимь. ть же свежи ме с҃таа марина. заклинаю те крѣпькымь и прѣславнымь прѣстоломь. да ме не погоубиши, ноу да боудоу свезань до вѣка. до соломона бо бѣхѡ блюдомїи, вь делвахь мѣдны, затворени печатию сатанаилоу. да єгда придоше вавилоисти. мы сьтворихѡ плами. ѡни же видѣвше мнѣхоу кровь свьтещсе и пришьше ѿврьзоше мѣдныѥ двери. мнеще злато ѡбрѣсти. мы же поущени быхѡмь по дльгь нба. и по семь с҃таа ѡтроковица марина свеза и знамениємь хвели. и тако по градоу елиша и влѣче и до ѹгла тьмнице. и прѣкрти землю. землꙗ же ѿврьзесе, и

влѣкши вьврьже и тоу рекши ему. иди вь гльбиноу адоу. дондеже даси словѡ ѡ дшах еже еси погоубила, землꙗ же вь ней кь себѣ. и вьсь кмоу мьчьть невидимь бы. и ѡбраштьшисе стаа и прѣклоньши колѣ(на) и помолисе.

Изъ слѣдующаго отрывка — предсмертной молитвы Марины — видно, что все, совершаемое въ ея память, имѣло особую силу, въ томъ числѣ и описаніе ея мученія, и чтеніе его. Одно чтеніе Мученія святой отгоняетъ бѣсовъ, а если у кого-нибудь въ рукахъ будутъ «буквы» святой, онъ избавленъ будетъ отъ грѣха, и не приблизится къ нему «слѣдъ бѣсовскій» (стр. 204—208). Такимъ образомъ, литературный памятникъ пріобрѣтаетъ значеніе своего рода заклинанія [1]).

Дажь имь простиню грѣхѡвь, спсенника стрти моке. и знжоуштемоу или хотештомоу зати вь име ме, дшмь млтвьни, и написавьшаа вь кемь стрть мою ѡстави емоу грѣхи. и аще кто ѿ троуда своего свѣштоу. или (стр. 205) масло принесеть, вь име мое кь твокй славѣ. прости ѿ всакок скрьби. аще кто боудеть вь ча сьи ѿ врага искоушаемь и поменеть ме рабоу твою, прости ѿ зль. и паметоующаго вь млтвѣ своей полеща свои грѣхь ради прости. ты бо вѣси Ги, ꙗкоже еси мы пльть и крьвь есмы. аще кто вьпадеть вь напасть. или вь прю. или вь тершье. имени ради рабы твоее. и аще се помолить Ги, да ѿдолѣкть врагѡ своимь. и клеветникѡ своимь. ѿклеветающимь его безаконіа. или аще кто напишеть моученіе (стр. 206) моѥ ѿ всего троуда. да боудеть име его вь книга животни. на кем'же мѣстѣ почтѐтсе, да боудеть тоу знаменик на блгостиню. и бѣси и грѣси да боудоуть прогнани ѿ мѣста того. аще ли ѿтежчаль боудеть нѣктѡ ѿ грѣхь, и оуслышить мніе моѥ, прости и ѿ всего. и аще комоу вь роукоу боудеть боукви, моѥ, и прѣклонить колѣнѣ свой, прѣд ними и помолитсе, да прѣмѣнитсе ѿ грѣ, и тако прочтеть. идеже моꙗ

---

1) Въ рукописи недостаетъ, повидимому, одного листа въ этомъ именно мѣстѣ Мученія Марины: передъ усѣченіемъ она проситъ воина подождать немного, дондеже оуко вештаю народоу. И далѣе чтеніе рукописи прерывается на словахъ: и нач стаа штро(коница)...

паметь бѫдеть. бл҃годарьствꙍ въспѹстит ти. І ѥще молю те г҃и. да аще ктѡ напишеть ѥ. и аще послѹшаѥть чьтениꙗ, да прощени бѫдѹт ѿ того дх҃е вси ѿ грѣхъ своихъ. и да не приближитсе тоу слѣдь бѣсовный и жетва и҃, и имѣние да не врѣжено боудеть. и ѿ тебе исходещий свѣть слн҃чный, да не врѣдить ю топлотою своѥю. да аще І ѥще и прѣже сего. пострали бѹть. и да не бѹдеть тоу гладь хлѣбни. ни оубїиство, ни смрь волꙍмь. нь бес-прѣльганиꙗ вь срца і, подаж дѣла стго твоего дха амнь: ~

Что предсмертныя молитвы Юліаніи, Петки и Марины имѣли значеніе заклинаній, видно еще изъ слѣдующихъ двухъ отрывковъ въ Мученіи Петки:

1) Передъ смертью своей стаа же кь оусѣкателю ре (стр. 139): Даж ми два часа помолитисе. ꙗко да ѡставлю мтвѹ рѡдоу боудоущиѡмѹ. и ѡстави ю оусѣкатель. мало же ѡшьши ѿ ни. паде ницѣ на земли. молꙗшесе гоу бгоу... —

2) ...и даж мть своѥ всѣмь творещиимь паметь моѥ:—(стр. 140).

Еще болѣе характерно свидѣтельство одной молитвы всѣмъ святымъ, въ томъ числѣ нѣкоторымъ южно-славянскимъ и русскимъ, гдѣ святые разбиты на группы, и за перечнемъ ихъ именъ всякій разъ слѣдують просьбы общаго характера,—и только послѣ именъ женъ-мученицъ идутъ просьбы-заклинанія противъ духовъ нечистыхъ, противъ дьявола и козней его. Приводимъ текстъ этой молитвы по Сборнику XVI—XVII вѣка Моск. Духовн. Акад. № 77, со слѣдами южно-славянскаго оригинала во многихъ отдѣлахъ, очень неудовлетворительно описанному архим. Леонидомъ въ «Свѣдѣніи о нѣкот. пергам. слав. рукописяхъ» и т. д. (М. 1887, Выпускъ второй, стр. 323—333. Богослужебн. отд. № 10). Въ самой рукописи группы святыхъ не отдѣлены одна отъ другой.

мо всѣ стымъ: ~ (лл. 454 об.—455).

Влко многомлтиве, г҃и іс хе бже нашь. сне ѥдинорѡный. невидимаго ба ѡца сьиравенъ ѡцоу и дхоу стмоу, иже въ вышни живоущемоу. и въ трци славимомоу боу. пришешемоу на землю спсеніа ра чл҃ча. въплоще ѿ чтыа неискоусобрачныа

мтре стыа бца. прнодвы мріа. поживый в мирѣ се. вса твора на нашоу полꙁоу. мртвыа въскрсивыи. прокаженыа очистивый. болныа исцѣливый. недоужныа оуврачевавый. грѣшны отпоущеніе, грѣхомъ даровавый. ты влко сію власть даровавый. чтныи нбныи сила. аплам и соущимъ по ни всѣмъ сты блгооугодившим ти ги. тѣмже и азъ грѣшный равъ твой. імк. оуповаю на мать твою молюса всѣмъ чтныи нбнымъ.

всегда прстойте стіи аггли и архаггли. хероувими, и серафими. пртли, гьства. нала власти. и вса силы нбныа. нинѣ молащагоса не презрите моленіа. иже просаще вашего застоупленіа. млите за ма грѣшнаго и недостойнаго рава своего. імк. яко да достойна ма покажете блгти, всестыа трца, и мтре бга моего. и всѣхъ стхъ. да бы ми млтивъ был в ча исхода моего. и грѣхомъ прощеніе да обращоу ваши прстательствомъ и застоупаеніемь.

стый іwанне пртче кртлю гнь. иже покаанію проповѣдникь. блговоли же от дша покаати ми са. и в ча разлоученіа моего. поможи ми грѣшномоу.

стіи прорки. ено. ной. авраамъ. исаакъ. іакwвъ. моиси. аронъ. самаилъ. двдъ. иліа. елисей исаіа. иеремиіа. иоиле. даниле, и стіи правенїи бгоwць иwаки и анна. подвигните съ собою весь ликь прркый. молите ба за ма грѣшнаго, и помилоуите ма окааннаго.

стіи хвии апли, петре, павле, іакове, иаwне (sic). анрее. и филиппе. фомо. варфаломею. лоука. марко. матфею. іакове алфеwв. симонъ ꙁилоть. іоудо. варнаво. прохоре. подвигните съ собою весь ликъ агльскый. и молите ба за ма грѣшнаго. и помилоуите ма окааннаго.

стіи хви мчнци пострадавше за ха. первомчнче архидіаконе стефане. геwргіи, деwре димитріе. и стіи мчнци. м. те. и прочіи мчнци, никито. гоуріе, салімоне. и авиве. мамонте. прокопіе. еустратіе меркоуріе. арефо. мино. акапіе. христофоре. алеѯанре. сергіе, и вакхо. фроле. и лавре. панделеимоне. кѵре. іwанне. коуꙁмо, и даміане. борисе, и глѣбе. и стіи тріе новый мчнци

антоніє. и іѡанне. еуставіє. повигните съ собою весь ликъ мчникыи. молите ба за ма грѣшнаго. и помилоуите ма окааннаго.

стіи хви стли. іакове. и лазарю. диѡнисіє. василіє, григоріє. и іѡа. златоустый. николаі. игнатіє. бго(но)сикый. спиридоне. петре. силвестре. кириле. и афонасіє (л. 455) и еупатіє. перфоуріє. нифонте. анфилохіє. анфиміе. киприане генадіє. и іѡанне милтивый, григоріє. феѡдоре. новыа чюдотворци роускыа. петръ. алексѣе. велицїи мирототци, и чюдотворци сава и симеѡне, и арсеніє сербьстїи оучителіє. и леонтіє ростовьскїи епспъ. подвигните съ собою весь ликь стльскыи молите бга за ма грѣшнаго. и помилоуите ма окааннаго.

стіи бгоносніи отци наши великый, еуд(им)іє. саво. ефрѣме иларионе. деѡсіє. феѡдръ. сысоє. арсеніє. іѡане. венедикте. максиме. аноуфріє. афонасіє, атоніскый. петре атоніскый. павле фивѣ(и)скый, павле аморре(и)скый. симеоне иже на столпѣ простоявый. симеоне новыи бгослове. даниле. агафоне. василіє. григоріє чюдотворець, григоріє дека‹ка›полскый, висарионе. пахоміє, пахноміє. аврааміє. иоасафе. дорофіє. и поустынный іѡане, рыльскый свѣтилниче. великый антоніє, и деѡсіє печерскый. авраміє, прпвныи сергіє. еуфиміє. андроникъ, и саво. варламе новоградскый подвигните съ собою весь ликь прпвнический. молите ба за ма грѣшнаго. и помилоуите ма окааннаго.

стіи оуродивіи ха ради. симеоне, андрею. іѡанне. и вси оуродивіи ха ради. молите ба за ма грѣшнаго и помилоуите ма окааннаго.

стыа прпвныа хвы мчнца жени, анна. елисавет мріа. маріаніи. декла. еуфимиа. анастасіа. екатерина. варваро. елено. маріє. еввьгеніє. деѡро. пелагіє. марино. девроніє. еупраксіє. сусано. домно. анфоусо. анастасіє. афонасіє. сарро. матроуно. аксиніє. иоуліаніи. кирьакы. парасковіи. деѡдоуліи. подвигните съ собою весь ликъ стыхъ прпвныхъ инокинь. и всѣх стхъ двъ. и вся стыа жены. иже всякыи подвигомъ оугодиша бви. троуды же и болѣзньми побѣдиша дїавола и поправши всю силоу и козни его. и ни въ чтоже сътворши его. съ всѣми бѣсы его.

и всѣхъ ва̂ с҃тыⷯ молю иже ѿ вѣка оугодившїа б҃ви. молите за мѧ грѣшнаго. и б҃а вседержителѧ. ѥко да вашими молитвами прїимоу оставленїе бесчисленыⷯ ми сьгрѣшенїи и сьхраните мѧ вь всѧ д҃ни и нощи. и на всѧкый ча̂. ѿ всѧкаго поути лоукаваго и злыⷯ дѣанїи. и вь исхоⷣ д҃ша моѥа помозите мѧ и избавитѧ. иже на въздоусѣ роукы кнѧзь бѣсовьскыⷯ. и всѣⷯ мытарьствъ соупротивныⷯ врагъ. и вь д҃нь правⷣнаго соуда б҃жїа помолитеⷭ о мнѣ безаконнѣⷨ. ѥко да вашими м҃лтвами. избавлюⷭ вѣчныⷯ моукъ. и оулоучю н҃бное цр҃тво. ѡ х҃ѣ ї҃сѣ г҃дѣ на(шеⷨ). ѥмоуже слава и держава. чⷭть и покланѧⷨе сь с҃тымъ д҃хомь всегда и н҃ны (sic) и п҃рно и в вѣкы вѣкоⷨ, аминь.

Конецъ этой молитвы написанъ на нижнемъ полѣ листа Академической рукописи, скорописью XVII в.

Возвращаемся къ Сборнику Гентскаго университета и Мученію Марины.

Послѣдній отрывокъ изъ Мученія Марины, слѣдующій непосредственно за приведеннымъ,—описаніе ея кончины. Господь отвѣчаетъ согласіемъ на все предсмертное моленіе мученицы, обѣщаетъ приставить къ каждой церкви по 100 ангеловъ, которые будутъ помогать всѣмъ, кто молится святой Маринѣ. Когда отсѣкли ея голову, съ креста слетѣлъ Господь съ 12-ю ангелами, и понесли они главу ея въ облакѣ, спустившемся сверху, на небеса съ пѣніемъ; бѣсы начали мучиться у тѣла святой, а люди получать исцѣленіе (стр. 207—212).

Да ѥко прѣмльче м҃лтвующїи (стр. 208) реⷱ ей г҃ь сладкыⷨ г҃ласомь. прошенїе твое скончаⷯ. и кончаю прѣⷣ михаиломь ар'хаг҃гломь. и приставе кь коеижⷣо цр҃кви р҃. аг҃глъ. иже начноуть слоужити имь. иже имени твоего ради молити начноуть. и проⷱоу и елико ми боудоуть сьгрѣшили· идѣже тѣло твое лежить. поущоу м҃лтⷡ свою на мѣсто тоⷨ. идѣже начноуть творити памеⷮ твоѥ сттⷭи. поущоу аг҃гли своѥ дати надежⷣоу имь. ѥко ѡдолѣти дїаволоу, и нинѣ виждь марїино. ѥкоже вь памеⷮ твою знаменїе положи, иⷯже ради грѣховъ, (стр. 209) простїни боудеть, и оусѣченїи главѣ твоѥи. повелю аг҃гломь ськрыти ю. и н҃ны блажена еси. ѥлма помено,

ѡ нечьстивы и грѣшни покаюѱихсе. не скрьби оубо скончав бо прошенна. трьпѣнїа вь ѡбразѣ головинѣ вьзиде на крть. тога рѣ марїна воинꙋ, не бойсе нь вьставь сьтвори повелѣное тебѣ тога вьставь сь страхѡ рѣ стѣи маринѣ. не боуди госпоже да оусѣкноу азь главоу твою. марїна рѣ емоу. аще не сьтворишн сего. не имаши чести сь мною вь цртвии нбснѣмь. и тако вь страсѣ быв вонннь прѣсѣче вью ѡтроковнцѹ маринѣ. и тако пакы кь себѣ мьчь прѣклонивь паде ѿ лѣвыꙗ страны ее. прїиде гь сь крта лете сь агглн своими ѡкрть тѣла. и сьнидоше, ві. аггль кь тѣлоу. и вьземше главоу несоше кь гоу. и повелѣ гь ѡблакомь и сьнидоше ѿ высоти горь. и аггли сь гломь поюхоу. и тако пойде гь вь нбса. и ві. аггль. понесоше главꙋ стые мнце марине прѣ гмь. славеще и вещающе. ги бе кто тебѣ тьчьнь вь возѣ нь. и кто тебѣ тьчнь по дѣлеси, (стр. 211) више всѣх. тебѣ славꙋ вьзсилаамо ги іс хе вь вѣкы амнь:- а ѣко вьзиде гь на нбо. прихожаахоу вѣси и моучаахꙋсе. оу тѣла стыꙗ мнце марине. висѣхоу на вьздоусѣ прѣ всѣми, и болеціи исцѣлѣвахоу ѿ болѣзни своихь. аз же мьни рабь га нашего іс ха деѡтимь. сьхраних тѣло страстоносныꙗ мнце марине. сьзахь домь млтвьни достоини стрти ее, да егда творѣх память стѣи. и ѣси единѣмь ꙋмомь прихожахоу молитвоующе. вь име еи сьзаннꙋю цркві. блгодареще га. аз же слоужих ей вь тьмници дверцами. и написа ей все страсти юже имѣ кь бѣсоу борбꙋ. и кь ѡбразномоу и змію, и все млтвы ее. и поустих кь всѣ хртїанѡ сь всею истиною. скончава же се. стаа моученица марина, мца іоулѣ вь. зі. и твореще ей память, спсеніе оулоучимь. вь име га нашего іс ха. емꙋже сла и држава сь безначелнимь его ѡцемь. и сь прѣстымь и блгымь и животворещимь дхомь твоимь, нны и прно:~

Изъ остальныхъ статей Бдинскаго сборника для нашихъ цѣлей наиболѣе интересно Мученіе Юліаніи, 21-го декабря. Начало: Цртвоующоу маѯимїаноу. и коумиры дрьжещемь. и дїаволоу величающоусе. и скврьннаа по градѡмь и странамь простьршисе... По

болгарскому сборнику XIV—XV вѣка Румянцевскаго Музея № 1467 параллели изъ этого Мученія приводитъ К. Радченко къ Похвальному Слову Филоѳеѣ, Евѳимія («Отчетъ», стр. 34), апокрифическому Житію мученика Никиты (стр. 43—47), а въ приложеніи къ «Отчету» изданъ весь текстъ по той же рукописи, съ варіантами изъ греческаго (Метафраста) и латинскаго Житій (стр. 101—115). Редакція изданнаго текста — та же, но его нельзя назвать исправнымъ даже въ сравненіи съ Бдинскимъ сборникомъ, сохраняющимъ много народныхъ чертъ въ языкѣ. О бѣсѣ Зереферѣ, который фигурируетъ въ Мученіи Юліаніи, есть спеціальный разсказъ въ Скитскомъ Патерикѣ, напр. въ рукописи Публичной Библіотеки конца XIV вѣка Q. I, № 819, л. 123: ина повѣсть чюднѣиша прьвыи[1]. Въ приводимомъ ниже отрывкѣ интересенъ перечень злыхъ дѣлъ бѣса, начиная съ первыхъ дней творенія міра (стр. 291—293):

Азь ѥсмь зефиферь (sic) вѣсь лоукавїи. и коумиромь радоуѥсе. и оубїиствоу веселесе. и льжоу любе. прѣлюводѣанию любе. которѹ сьставлꙗѥ. крамоли творе. мирь ѿрѣваѥ. азь ѥсмь прѣльстивїи адама. и еввоу. изь раꙗ изьгнанома быти. азь ѥсмь иже каиноу створихь оубити авела брата своѥго. азь ѥсмь сьтворилъ капище злато, поставити навходоносороу црю. азь ѥсмь сьтворилъ трие ѡтрокы вьврѣщи вь пещь ѡгньноую. азь ѥсмь їисраилеви люди вь поустыни сьтворилъ комирѡ поклонитисе. азь ѥсмь сьтворилъ Їерлмь запалити. азь есмь ирода сьтворилъ младѣнце избити. азь ѥсмь сьтворилъ иоудю прѣдати сна бжиꙗ. азь ѥсмь сьтворилъ Їѡанна оусѣщи иродоу. азь ѥсмь сьтворилъ стефана камениѥмь побити. азь ѥсмь глалъ нероноу црю да петра повелить распети. а павла оусѣщи. азь ѥсмь сьтворилъ андрею влаченоу быти ѿ чловкоꙗдьць. азь ѥсмь сьтворилъ члкы сваритисе. азь ѥсмь сьтворилъ льщею пробости сна бжиꙗ. азь ѥсмь створилъ богатствоу Їѡвовоу погыбноути. азь ѥсмь сьтворилъ соломона цра прѣмоудрость погоубити жени ради. и сии вса сьтворихь сь братиѥю своѥю:~

Ниже (стр. 294) бѣсъ по имени зоуфелоузеи говоритъ о томъ же болѣе кратко: стаа оулиꙗниꙗ рече да что ѥ дѣло ѥгѡ. вѣсь рече вьса-

кой злобѣ и дѣлωмь злимѣ, и поχотѣ ωбрѣтатель є. и тѣ инѣ посилаѥть. ѩможе χощє.

VIII.

Видѣнія загробной жизни.

«Слово о святомъ Андреѣ, како видѣ богата умерша» по тырновской рукописи XVI вѣка. — «Слово Іоанна Милостиваго, како учаше людей на смерти» по сербской рукописи половины XVII вѣка. — «Видѣніе Козьмы мниха» по сербской рукописи XVI вѣка и болгарской XIV вѣка. — Два разсказа изъ Патериковъ о предчувствіи и предсказаніи смерти.

При давнишнемъ интересѣ къ Житію Андрея Юродиваго, также упоминаемому въ индексахъ, правда, позднихъ, оно изучено меньше, чѣмъ заслуживаетъ. И. Срезневскій напечаталъ нѣсколько характерныхъ отрывковъ изъ этого Житія по русскому Прологу XIII вѣка бывшей Новгородъ-Софійской Библіотеки въ «Свѣдѣніяхъ и Замѣткахъ» (LXXXVII), Ст. Новаковичъ по сербскимъ рукописямъ въ «Гласникѣ» LXIII, 41—120 и «Starine» X, 284—293. А. Веселовскій изслѣдовалъ нѣсколько эпизодовъ въ «Разысканіяхъ въ области р. духовнаго стиха». К. Радченко указалъ отношеніе Житія къ болгарской дѣйствительности и письменности XIV вѣка («Религіозное и литературное движеніе» и т. д., 326—327). Житіе сохранилось въ громадномъ количествѣ славянскихъ списковъ, что объясняется какъ занимательностью памятника, такъ и тѣмъ, что Андрей— родомъ скиѳъ, или «словѣнинъ», а въ нѣкоторыхъ спискахъ называется уже «русиномъ», напр. въ житійномъ Сборникѣ 1618 года Народнаго Дома во Львовѣ № 6 («Опис» И. Свенцицкаго, стр. 113—114).

Извѣстно нѣсколько болгарскихъ списковъ Житія—полныхъ и въ выборкахъ, напримѣръ, избраніє мало ѿ житіа стго ѡца нашего андреа юродиваго хa ради имѣющее въпросы стго епифаніа съ ѿвѣтми стго андреа полезно зѣло — въ Сборникѣ 1345 года Синодальной Московской Библіотеки [1]). Но еще больше сохранилось отдѣль-

---

1) Разсмотрѣно, сравнительно съ изданнымъ греческимъ текстомъ, въ «Отчетѣ» К. Радченка, стр. 8—17.

ныхъ эпизодовъ изъ всего обширнаго памятника, и особенной популярностью пользовалось чудо Андрея Юродиваго о богатомъ умершемъ, попавшее и въ болгарскіе Дамаскины [1]). Этотъ эпизодъ внесенъ и въ Пролога подъ 19 октября, напр. **слово ѡ ст҃ѣм андрею како видѣ богата оумерша** въ рукописи XVI вѣка Народнаго Дома во Львовѣ № 71, лл. 101—103 («Опис» И. Свенцицкаго, стр. 101).

Печатаемъ тырновскій, невыдержаный текстъ названнаго Слова по служебной Минеѣ на Мартъ-Апрѣль XVI вѣка церкви св. Николая въ Брашовѣ.

въ тъ҃ дн҃ь слово ѡ ст҃ѣ҃ андреи како видѣ богата оумрѣша.

Ѳт҃моу андреоу ходѧщоу. на дх҃овное свое дѣло. и мало нѣколико прїиде. и оузрѣ изалече оумрша несома против себѣ. бѣше мж҃ добрь велми и бога, мнѡство бо мнѡго идѧше по нѥ. гла҃ же бѣше веллїи великь. а пожщихь не видѣти. съ мнѡгыми свѣщами и кадилѡ. гѡка же и въпль мнѡго исхожаше ѿ своих ѥмоу. и видѣв же блаженыи и что дѣаше на мртвы. ставь и не чюти нача себе на мнѡгь ча. и се оузрѣ прѣ свѣщами мнѡжьство ѥдинѡпь дѣмонь идѣше. волма пѣвець пожща. горе ѥмоу ѿ горе ѥмоу. и мѣхы дръжаще въ ржка извисти и пепе сыпахж. ѥдинѡмоу идѧщоу мнѡжьствоу томоу. и плещжщимь и смѣжщиисѧ бестжда. ѣко безстжнаж влжница. а дроузїи плѧсахж ѣко и пси. а инїи въпїахж ѣко свинїа, и бѧше имь мртвець онь веселїе и радѡ. а дроузїи ѡколо ѡдра идѧхж. злосмраножь водож на лице мртваго кропѧхж. и коло ѡдра. велик же смрад исхожаше из ѡдра ис тѣла его грѣшнаго. дроузїи же въ слѣд идѫще плескахѧ. и плещжще ржками и нѡгами велик тоупоть творѧще. смѣжщесѧ и ржгажщесѧ. не видило (sic) пожщи и глѧщи. не давый бъ видѣти. ни ѥдиномоу ва. свѣта лишенїи хрїстїане. пожще на пслмь. съ стыми си покои дшж его. иж и раба бжїж нарицажще его. сжщаго повиннa въсемоу дѣлоу

1) Напр. Е. Спространовъ, Описъ на ржкописитѣ въ библиотеката при св. Синодъ на Българската църква, 213.

злоу. сѐ ѥ. страшное видѣнїе стго. възрѣв же и҆ сѐ кназь нечїстыи дѣмонь. и҆мѣѧ ѻчи ѥ҆ко дїковы. и҆ стра творѧща. зрѧщемоу на него. дръжаше ѡ҆гнь въ рѫцѣ своеи. и҆ сѣроу и҆ смолоу. и҆ и҆дѧше же къ гробоу лишенаго того. ѡ҆ хрїстоу сотворїти тѣлоу его. и҆ ѡ҆гнем съжещїи. еже по погребенїоу сътворїса. пакы же миноувши мртвьцоу. дивиже са и҆ видѣвь. и҆ сѐ въ слѣд и҆дѧше нѣкыи юноша красень и҆ плача. и҆ печалїѫ ѡ҆дръжи и҆ плакаше плачем великы, и҆мже и҆дыи и҆же близь стго бы. ѻн же видѣвь ѥ҆ко юноша ѥ нѣкыи. ближнии оумръшаго. да сего дѣла плачеса. и҆ простръ рѫкѫ своѫ стыи. и҆ ѥмь плачѧщагоса юноша млѧса ре емоу. тако ти Ба небси и҆ земли. каа ти вина ѥ еѧ ради слъзи точїши плача. нѣсмь бо видѣль николиже нїкого тако плачащаса ѡ мртвьци. да повѣж ми мла ти са. почто сѐ твориши тако. гла емоу аггль. моего плача вина ѥ. ѥ҆ко ѡ҆ного. его же несоу. его же еси видѣ. въза его ѥ дїаво себѣ. и҆ то ѥ моего плача вина и҆ печа. да погѫбивь его плачаса. ре къ немоу стыи, повѣж ми дроуже милыи. разоумѣ бо кто ты еси. что сѫ грѣси его были. гла емоу аггль. понеж ты еси са андреи. бжїи изъбранныи разоумѣ бо да понеже до ти оувѣти. вънимаи да оуслышиши стче бжїи. съ великь мѫж мѫж вѣше оу цра. ваше грѣшень члкь и҆ лють велми въ свое житїи. по въсемоу вѣше блѫжникь. и҆ прѣлюбодѣи. се съдомланинь льстивь и҆ немлрдь. срѣбролюбиивь лъживь. члконенавистникь. паматливь на зло. и҆ мъзоимець и҆ ротникь. оубогѫѧ своѫ чела морѧще гладо и҆ ранами. и҆ наготоѫ без порть и҆ без обѫвки. оставлѣѫ и҆ въ днь зимы. и҆ мнѡгы оубивь. и҆ по коньскы помость покопа. тако ваше на скарѣтное разгорѣнїе. и҆ бгѡ ненавидимоѫ похо, ѥ҆ко ѡ҆скврънни е до т дшь мръзьскыми и҆ скарѣнными сими грѣми. да оуже дроуже мои ѡ гн. прїиде на него жатва. и҆ пришешши съмрть ѻбрѣте и҆ не покаавшаса. грѣхы и҆мѫща мнѡгыа скврънное его тѣло. самъ еси видѣль. кацѣ безчьстїемь несомо бы къ гробоу. сего ради стаа дше и҆ азь са тоужѫ. и҆ печалїѫ великоѫ ѡ҆дръжи плачаса. понеже възлюбленне дѣмономь ѥ въ смѣ. и҆ храмина смрадоу и҆ скарѣдоу. се же бжїѫ глаща. ре къ немоу

стыи. м҃ла та дроуже да прїимеши доброу ѡтѣхоу. поне непрїѧзниноу кончиноу прїѧ е. да ꙗко потъщаса е на лихое такоже да сѧ и насыти. ты пламенеобразнѣ и велицеи похоти исплънение. и ѡ имени въседръжитела г҃а саваѡда. бѫдеши одръжимь въ добрая веселѣ и до вѣка. вь таковѣ же бесѣдѣ ѿиде ѿ него аггль невидимо. идѫщоу емоу по оулици. на неиже повѣсти дѣаше съ аггли ст҃ыи. видаще же единого стоѫща и повѣсти дѣѫща. аггла бо видахѫ недоини сѫще. да г҃лахѫ сими къ себѣ. зрите на оурода ѡного како сѧ глѫми къ стѣнѣ. повѣсти дѣѫ недомыслѧ риноувше его и ѿгонахѫ г҃лаще. что е похабе надшене. повѣсти дѣеши къ стѣнѣ. ст҃ыи слыша въси словеса слоушаѫ. и ти г҃лахѫ помлъчавь посмѣѫвсѧ невидѣнїоу ихь. и ѿиде ѿ нихь. и ше на скрънно мѣсто оумлъча и поманоувь лишеннаго ѡного егоже бо видѣвь несома къ гровоу. и плакаса гръко дондеже изнеможе ѿ плача. и ѡпѫхли бѣста емоу очи. г҃лаше молитвѫ сїѫ. неизвѣдомыи г҃и. и докончавь видѣ себе. пришеша на гробь лишенаго того. и съниде аггль г҃нь ꙗко скоро млънїа. дръжа въ рѫкѫ мѣданѫ палицѫ. и прогонаше нечистыѧ доухы. ѿ бѣднаго тѣла да не съгрѣди смолоѫ и сѣроѫ м҃ленїемь ст҃го андреѫ. ѡ х҃ѣ ис҃ѣ г҃ди наше.

Къ числу тѣхъ же Видѣній загробной жизни, какъ и отрывки изъ популярныхъ Житій Андрея Юродиваго и Василія Новаго, принадлежать еще Видѣнія св. Макарія, Нифонта, Патрикія, Козьмы мниха, Покаяніе строителя-эконома Ѳеофила, Слово Іоанна Милостиваго и мн. др. [1]). Послѣднее изъ названныхъ произведеній также пользовалось попу-

1) Изъ многочисленныхъ анонимныхъ Видѣній подобнаго рода обращаетъ на себя вниманіе статья Скитскаго Патерика «О мужи спирающимся съ бѣсы три часы прежде смерти его». Нач. Повѣда намъ нѣкыи отъ отецъ, глаголя, яко презвитеръ нѣкіи пріиде въ монастырь и моляше игумена облещи и въ святыи иночьскыи образъ..., напр. въ Скитскомъ Патерикѣ XVI в. Моск. Дух. Акад. № 23 (59), л. 58 об. *Архим. Леонидъ*, Свѣдѣніе о слав. пергам. рукописяхъ и т. д., вып. I, стр. 111. Другія подобныя статьи разсмотрѣны въ изслѣдованіи В. С. Преображенскаго «Славяно-русскій Скитскій Патерикъ» (К. 1909).

лярностью, извѣстно въ большомъ числѣ списковъ и привлекало вниманіе изслѣдователей легендъ у южныхъ славянъ. Отрывокъ изъ пространной редакціи Житія Іоанна Милостиваго изданъ П. Лавровымъ по болгарскому Сборнику 1348 года Публичной Библіотеки F. I. 376 въ «Обзорѣ звуковыхъ и форм. особенностей болг. яз.» (М. 1893, Приложенія, 10—13). К. Радченко привелъ изъ Житія рядъ юридическихъ и археологическихъ терминовъ, параллельно съ латинскими текстами, по той же рукописи въ «Отчетѣ о занятіяхъ рукописями» и т. д. (стр. 71), здѣсь же сдѣлана общая характеристика памятника (ср. въ «Религіозномъ и литературномъ движеніи въ Болгаріи», стр. 326 и 328). По списку ярославскому Пандектовъ Никона Черногорца, сравнительно съ синодальнымъ и чудовскимъ, отрывокъ ѿ житьꙗ ст҃го. і҃ѡ. м҃лстиваго напечатанъ И. Срезневскимъ въ «Свѣдѣніяхъ и замѣткахъ о неизв. и малоизв. памятникахъ» LV, стр. 229—231, обычный и въ древнѣйшихъ спискахъ Измарагда («Опытъ изслѣдованія Измарагда» Яковлева, стр. 11). Краткій текстъ южно-русскаго Измарагда XVI вѣка собранія Петрушевича, слово ст҃го иѡана м҃лстиваго ѡ исходѣ д҃ши, издано И. Франкомъ въ IV выпускѣ «Апокрифовъ и легендъ» (стр. 227—228). Наконецъ, нѣсколько эпизодовъ изъ Житія Іоанна Милостиваго помѣщено въ русскихъ Прологахъ.

Изъ южно-славянскихъ списковъ отмѣтимъ житїе и жителство и чюдесе повѣсть иже въ ст҃ыи ѡ҃ца нашего иѡанна, архїеп҃кпа алеѯандрїе. м҃лтиваго (Нач. Иже бл҃гыхь моужеи написанна полагати дѣанїа...) въ ресавскомъ Сборникѣ Рыльскаго мон-ря № 19, повидимому, XV вѣка, лл. 137—178, подъ 12 ноября. Эпизодъ ѿ житїа ст҃аго иѡанна милостїваго (Нач. Повѣда намь ѡ҃ць софрѡнїе сь ѡ҃цемь иѡанномь. идѡхомь рече нѣкогда въ градь алеѯандрїю кь патрїархоу иѡанноу милостивомоу....) читается въ сербскомъ Сборникѣ XIII—XIV вѣка Берлинской Королевской Библіотеки № 45, л. 315 об. Въ Пандектахъ Никона Черногорца XVII вѣка той же библіотеки № 18, л. 206 находимъ обычный отрывокъ изъ Житія Іоанна Милостиваго. Въ ресавскомъ Сборникѣ около 1646 года Чешскаго Музея IX. H. 19 (по Сперанскому — № 19 серб.) на л. 231 помѣщенъ разсказъ о двухъ братьяхъ, богатомъ и бѣдномъ, которыхъ

примирилъ I. Милостивый: сло҃ ішанна мл҃тиваго (Нач. Бѣше ішаⷩ млⷭтиви, патріарⷯа въ алеѯан'дріи...). Наконецъ, отмѣтимъ еще одинъ текстъ: ѡ жити ст҃аго и прпⷣб'наго ѡ҃ца нашего ішана милостиваго. Нач. Въ алеѯандрии бывь азъ недостоины. поклонениıа дѣл'ма ст҃ыю м҃никоу куръ ішана... въ Панегирикѣ XV вѣка болгарской митрополіи Скопья, л. 336, подъ 12 ноября.

Ниже издается текстъ того же эпизода по сербскому Сборнику Чешскаго Музея IX. H. 23 (Спер. — 26 серб.), средины XVII вѣка. Въ срединѣ разсказа—пропускъ вслѣдствіе утраты листа въ Сборникѣ.

слóво Іоанна м҃тиваⷢѡ кáко оучаше люⷣ на смрътиⷤ [1])
(л. 183 об.).

Бⷭ҇ы Іоáннь архїеп҃кпь земли̇ алеѯаⷩдрьскои. ѝ бѣше печаⷧны оутѣшитеⷧ и оубогиⷯ хранитеⷧ, и въсáкои болѣзни враⷱ. виⷩнꙋ ѡ бѕѣ, опорꙋчéваше въсáкомꙋ ч҃лкꙋ. и сирⷪ҇ наставникь и питатеⷧ. бѣше бо въ тои земли̇. два брáта. имꙋща имѣниⷺ мнѡ. и призваста архїеп҃кпа да разⷣѣлить има имѣнїе, течéнїе ѡ҃чино и тѣнїе и. и бⷭ҇ы комꙋжⷣо, два сїмодира злáта. свѣнıе одѣáнїа ризнаⷢѡ, имѣста и скóта. и едиⷩ ѿ ниⷯ оумнѡжи богаⷭ҇ство своѐ. а дрꙋгїи браⷮ изгꙋбїи богат(ст)во своѐ. и не имаше кáко хранити чеⷣа своıа и жéна. тькмо дѣлма колы ораше. и азь видѣⷯ и по(чю)дюсе веⷧми. и реⷱ ѿ великое чюⷣⷪ брáтїе сь ч҃лкь не имать вины въ сéбѣ. ни кⷪ҇ блꙋⷣниⷦ. ни винопїица, кáко погꙋбїи богаⷭ҇ство своѐ. азь Іоáнннь стаⷯ на м҃лтвѣ и пом҃лисе къ г҃ꙋ б҃ꙋ. да вижⷣꙋ кáмо сїи ч҃лкь дѣнꙋ богаⷭ҇ство своé. и въ снѣ ıако спѐ мнѣсе. и видѣ въ снѣ. и бѣше двоⷬ его ıако цр҃ꙋ оукрáшеⷩ. и перéволи ѡвоюдꙋ. и цвѣтци раⷥличнымии цвьтѣше. и вънꙋтрь вáню имꙋщи цр҃кꙋ. сїи двоⷬ оубогыⷯ вънѣ красеıщеи. и пáкы реⷱ къ аг҃глꙋ водéщꙋ ми. г҃и да бⷪ҇ вижⷣеⷨ кáко е богáтїи браⷮ его. и пáкы привéдѣ ме аг҃гль. и видѣⷯ пропасть великꙋ и стрáшнꙋю .... вꙋ д҃шꙋ. и пакы стаⷯ на м҃лтвѣ и видѣ двоⷬ его оукрáшеⷩ. нь не ıако брáта егóва. и въспрѣнꙋⷯ ѿ (сна) и пожалиⷯ его. и пакы трéтїю тысꙋщꙋ възⷺ

---

1) Послѣднія три слова возобновлены позднѣе.

въ заем. и пакы тоже да сиры. и пакь ста на мⷧ҇твѣ. и видѣ
двор оукрашен ꙗко и цр҇ꙋ. ꙗко и братꙋ егевꙋ. и въспрѣнꙋх ѿ сна.
и възрадовахсе велми понеж оуслыша бг҇ъ мⷧ҇твꙋ мою. и прѣбы
та г лѣта. и въ едино оутрꙋ пріиде къ мнѣ синклитіань. и ре
ѡ влⷣко мнѡ време мое злато дрьжаль еси азь оудвоиль бо
мое злато до селѣ. а ты мнѣ тꙋне дръжиши. нъ въ сіи дн҇ь
врати мене злато. и ре мене сверепо и азь не имѣх что ѿвѣ-
щати. и пакы многащи мнѣ съ гнѣвом говораше и прошаше. и
оскръбѣх велми. и мⷧ҇ихсе бг҇ꙋ да ꙗвит емꙋ гь бь. на чемꙋ продах
есмь егово злато. еда како оумлькнет и исповѣда емꙋ агглъ и
видѣ. и азь рекох видѣх еси на чесо продах есмь твое злато. и
что ꙋготовах есмь тебѣ. ꙗком слыша синклитіан такове рѣчи ѿ
мене. и велми рас(в)<п>ерепевсе ре къ мнѣ. не вѣм что глⷢ҇еши. что
е писанно то ми хощет и быти. аще не даси злато мое велика
чюдна сътворꙋ тебѣ и злаа. и азь дах емꙋ, г тысꙋще злати. и
смѣтесе срⷣ҇це мое въ мнѣ и оубоꙗхсе велми. и ста на мⷧ҇т-
вѣ и помолихсе гв҇и. и рѣх гі҇ да не дасть сна очима моима.
доньдеже не ꙗвиши мнѣ синклитіаном покои. и оуслыша гь
мⷧ҇еніе мое. и обьꙗвишесе емꙋ въса дѣла. и въ един дн҇ь
пріиде къ мнѣ синклитіан и ре ѡ влⷣко велика и чюдна ви-
дех есмь и страшна. и рѣх емꙋ повѣжь мнѣ что видех еси. онь
ре видѣх двори мое разореннїе. и азь въ пропасти великои. кне-
зꙋ тьмномꙋ съдръжещꙋ ме въ нѣдрѣх. и слꙋгы его глахꙋ къ
мнѣ греди възлюбленниче наш. почто бѣ ѿвѣгль ѿ нас. и азь
глах емꙋ. не вѣси ли еже прѣжде глах тебѣ. нъ и еще аще хо-
щеши възвратиши. онь ре ѡ влⷣко хощꙋ. нъ срⷣ҇це ми не дасть, да
дам своима рꙋкама. нъ мⷧ҇ю ти се влⷣко. колико можеши помозы
ми. и азь възложих нань оградꙋ. и исковах егово въсе имѣніе. и
по сих раздах его въсе въ спсеніе. и по силѣ обрѣте, спеніе. нъ
ѡ дрꙋзи и братіе, слышите слово оусть моих. не бꙋдите дрꙋгом
своим и тꙋжемꙋ злꙋ радости. нъ прѣтварайте сих къ бжтвꙋ. въ-
саки бо гдин радꙋетсе, аще видит раба приводеща ѿ иніе страны.
и оного грѣх съ радостію и вѣрна има его. и даваеть емꙋ дары.
аще два бесѣдꙋета и вражꙋ имѣють на съмиреніе има вꙋди. по-

ниже бо̀ пра́вда въ вѣкы прѣбываѥ͠т. а̀ непра́вда ѣко сѣнь и̇ сѣнь въма́лѣ ра̇з̑рѹшаетсе и погыбаѥ͠т. бг͠ѹ же нашем͛ сла͠ въ вѣкы вѣ-кѡ͠м, а̀ми͛:~

Къ этому отдѣлу Видѣній относится и Видѣніе Козьмы мниха, удачно связанное съ мистическимъ характеромъ болгарской письменности XIV вѣка К. Радченкомъ («Религіозное и литературное движеніе» и т. д., стр. 326) и П. Сырку («Время и жизнь терновскаго патр. Евеимія», стр. 480). Изъ южно-славянскихъ списковъ этого Видѣнія намъ извѣстны видѣние козми мныха страшно зѣло и пол'зно въ ресавскомъ Прологѣ на сентябрь — ноябрь XVI вѣка Вѣнской Придворной Библіотеки № 32, лл. 67 об. — 71 об.; видѣніе чюдное ѡца нашего козмы (Нач. Повѣдаше намь и се нѣцы ѿ ѡтьць, ѣко бѣ нѣкіи ѡць великь козма именем...) въ ресавскомъ Сборникѣ XVII вѣка Бѣлградской Академіи № 265, лл. 87 — 91 об.; повѣ͠ ѡ видѣніи коз'ми игоумена. стра͠на и зѣлѡ польз'на (Нач. Въ третіенадеса͠ лѣтѡ цр͠тва романа грьчьска͠ цр͠ѣ бѣше мѫжь нѣкто въ цр͠твѫѭщи гра͠ ѿ цр͠скыи͛ дръжавоположьць...) въ тырновскомъ Сборникѣ начала XVII вѣка свящ. о. Ѳ. Гепецкаго, лл. 61—65 об.; видѣніе козми мниха зело полез'но въ сербскомъ Патерикѣ XVI вѣка Шишатовацкаго монастыря № 580 [1]); среди прибавленій въ сербскомъ Римскомъ Патерикѣ XIV вѣка Вѣнской Придворной Библіотеки № 22, л. 243 об.; среди прибавленій въ болгарскомъ Римскомъ Патерикѣ второй половины XIV вѣка Пражскаго Музея IX. F. 15 (Спер. — 5 серб.), л. 259 об.; въ сербскомъ Стишномъ Прологѣ XV вѣка вѣка собранія Тимоѳея Ципаріу въ Блажѣ (безъ заглавія: ѡктомвріе є͠) и др.

Печатаемъ текстъ всего памятника по сербскому Прологу Ципаріу, а самое видѣніе Козьмы — по той же рукописи (лѣвый столбецъ) и по

1) Приводимъ по Шишатовацкой рукописи слѣдующій отрывокъ: съ вѣлицѣ͠ оубо̀ стра́хѡ͠. тѣсни же прѣидѡ͠х. ѣко въсточ'ней стра́нѣ идоущіима къ кон'цоу страш'ніе ѡнои пропа́сти. двѣры некіи веліки о̀брѣтохѡ͠. прѣ͠д ним'жѣ сѣдѣше нѣкіи моу͠жь стра-ш'нь ѣкожѣ сполинъ. чрънъ оубо̀ видѣніемь, стра́шнѣиши же лице͠. ѥмоужѣ ѡ͠чи раз'жа-рени зѣло̀. и̇ пламе͠ ѡг'нянъ многъ зѣло̀ испоущаахѹ. ѡг'нь же съ сил'ніимь димо͠. ѿ-рыгашѐ. ѥзык' же ѥго до́лжаѥ блъ испоущаше десна же ѥ͠го роука на въздоухъ про-стрѣта. дроуга роука ѣко срьпь изощ'рена. съ неюже повин'ніѥ, въ про́пасть страш'ноу въметааше чю͠дны двѡрецъ. Ср. ниже, отдѣлъ четвертый.

болгарскому Патерику Чешскаго Музея, начиная съ л. 260 (правый столбецъ). На отдѣлы тексты разбиты нами. Оба текста — разныхъ редакцій: особенно различаются шестой и послѣдній отдѣлы.

I. Въ тринадесетое лѣто цр҇тва романа гръчьскаго. бѣше нѣкто моужь въ томь цр҇твоующимь градѣ. единь сы ѿ цр҇кыхь ложеположьць. иже бѣше и къ оустраблѥнію своаншіи. ть и иночьское житіе въспріемь. бы пастырь иже къ сагарсцъи рѣцѣ обытѣли иночьствоующи мнихь. по прѣтечени нѣкоемꙋ лѣтꙋ, прилоучисе емꙋ въ недꙋгь лють въпасти. и за многа врѣмена въ то прѣбывшꙋ. и въньгда оуже по томь петомесечномꙋ врѣмени испльнающꙋсе. въ третіи ча дни мало възбноꙋвь и въ себе бывь. мльче на ѡдрѣ въставь сѣде. соудꙋ и соудꙋ ѿ свои покрѣпляемь. и въньгда сѣде бысть въ истоуплѥніи ѿ третіаго часа, до деветаго. имѣе очи зрещи къ стропꙋ храминѣ. и оуста шьпщоуща не явѣ, и всѣмь не смотрьна.

II. Послѣ же оунареченныи часомь, мало въ себѣ пришь. и начеть просити своимь соущи, два прѣломка хлѣбѣна. дадите ми рє ѡбѣ чести хлѣбꙋ ихже пріехь ѿ чтнаго сторца. и тако рекь положи роуцѣ на лоно, и въ пазꙋсе питае искомаа. нѣціи же ѿ пришьшіи, привидѣніе таковое мнѣхꙋ, а не видѣнію быти. искаахꙋ питающе еже сказати имь великое сіе таиньство. рци глюще отче, и не оутаи ѿ на ползеваніе. где къ толикы часы былъ еси. на кои възорь оумь възвождааше. а оустнѣ гьмзае бесѣдоваше, намь зде велми плачющіимь. онь же рече. оумлькнѣте чеда, и гꙋ дающꙋ. еда въ себе доидꙋ, и горошеніе ваше испльню. сътекшіи же се братіи въсеи около его. и ѡнь начеть повѣсть. еже оубо кса оумомь вьмѣню по концꙋ ѡци и братіа. и по тънкꙋ вамь ѡповѣдати. лоучше бѣше еже по оумꙋ и езыкꙋ чл҇чьскꙋ. или елика има принести ради памети еже къ вамь съповѣданіе.

Сербскій текстъ Пролога:	*Болгарскій текстъ Патерика:*
III. якоже сѣдѣхь на ѡдрѣ ѡбѡими братіи оукрѣпляемь.	III. Яко убо сѣдѣ на ѡдрѣ и ѿ двою братꙋ дръжи. мнѣх-

прилоу́чисе мнѣ ви́дѣти ѿшоуеѐ ми стра́ны бы́ти мнѡжьство ч҃лчьць лица и́мь почрьнѣла паче смо́ли. и́ не то́чїю всѣ́мь. нъ̑ ѡ҆вѣмь ве́лми и҆нѣмь сла́бѣй-шее. и҆ ѡ҆ви и҆ма́хꙋ лица развра́щена. і҆ни̏ ѿчи си́ние, і҆ни̏ ꙗ҆ко ꙋ҆вїнце. а҆ дроу́зи ꙗ҆ко ꙁвѣрїе въ-зыраю́ще. и҆ ѡ҆вомꙋ оу́стнѣ по-синѣли, и҆ ꙗ҆ко о҆те́кше. и҆ ѡ҆во́мꙋ є҆ди́ны оу́стнѣ го́рѣ. а҆ и҆но́мꙋ до́лꙋ. тако́вїи оу҆бо ч҃лци бли́зь о҆дра моего выше, тыщаахꙋсе възе́ти ме ѿ ва́сь. и҆ оу́же гръ-ваа о҆кръсть ва́сь съма́трахъ, и҆ мнѣхъ не ве́лми стра́шити ва́сь. ниже̏ къ оу́стрьмлєнїю боа́ти-се. не вѣ́мь ка́ко разьѡ҆рившесе и҆ поемше свере́го ѿ ва́сь, и҆ ѡ҆ви за шїю све́зана вла́чахꙋ. и҆ни же̏ съза́ды рѣ́ахоу. дроузи ѿ и҆нде заги́нахꙋ. ѿни же́ ме ве́л-ми вла́чаахꙋ. и҆ на ко́нць заве́д-ше къ нѣкое́мꙋ брѣгꙋ ꙁѣло прѣ-вели́кꙋ. є҆мꙋ́же ши́рота бѣ́ше є҆-лико ка́менномꙋ вржже́нию. глъ-бина же є҆го̀ бѣше да́же и҆ до та́ртара. къ тако́вомꙋ брѣгꙋ ноу́ждно ме́не влѣчахꙋ.

IV. на є҆диной же стра́нѣ брѣ-гꙋ бѣше стъза ꙁѣло тѣсна. ꙗ҆ко ни є҆ди́но(и) сто́пѣ но́жнеи мо́щи тамо вмѣститисе. го тако́вѣи тѣснѣи стъзѣ и҆ прискрьбнѣи

са ꙁрѧ ꙗ҆ко ѿ лѣвыѧ стра́ны моеѧ множьство ч҃лкъ бесчи́с-лъно, чръна и҆мѧще лица па́че смо́лы. и ѡ҆вї ꙋ҆бо. и҆скрив҆ле́нна и҆мѧще лица. ѡ҆ви же, ѡ҆чи раз-вращенны. дрꙋѕїи же, ꙗ҆ко ѕвѣ-рїе възиражще бѣхѧ. ѡви же, ꙋ҆ста̀ раскривле́нна и҆мѧще и҆ де-белы ꙋстнꙋ. си́цеви же ч҃лци къ ѡ҆дрꙋ моемꙋ пришеше, тъща-хѫсѧ въсхытити мѧ ѿ в҃ѣ. и и҆спръва ꙋ҆бо о҆кръсть стоѧще мене, в҃а възираа̂ и҆ никакоже ꙋ҆страшаахѫсѧ и҆хъ. не вѣдѧ же како ꙋ҆є҆диниꙋ ми сѧ ѿ в҃а, и҆ а҆бїе ѿ ни̑ въсхыщень бы̑. и҆ про́чее поемше мѧ дръзостнѣ. и҆ ѡ҆вїи, ꙗ҆ко злодѣа влачахѧ мѧ. и҆ни, съзади потыкаахѧ. и҆ ѡ҆вї ꙋ҆бо. и҆нь, и҆намо влѣчѣше мѧ. дрꙋ́-ѕїи же, ѕѣло бїахѫ лютѣ, ко-нечнѣ є҆же привеше мѧ къ нѣ-коемꙋ прѣвеликꙋ брѣгꙋ. є҆мꙋже ꙋ҆бо широта бѣ. ꙗ҆коже връже-нїе каменѣ видѣнїе. глѫбина же̏, до бе́здны бѣ. къ неиже нещѧдно влѣчѣхѧ мѧ.

IV. къ є҆ди́нои же странѣ брѣга ѡ҆ного. бѣше стъѕа ѕѣ-ло тѣсна и҆ гръскръбна, ꙗ҆коже слѣда но́жнаго въмѣстити є҆д-ва̀. по тои же ꙋ҆бо тѣснѣй и҆

ноу҆жно ѡнѣми влѣко́мь бѣ҃. къ де́сномꙋ ребрꙋ па́че нава́лѧю́щꙋ ми се. да не нѣка́ко ѡтрѧсе въ зїаю́щꙋю ѡнꙋ и негрохо́днꙋю въпа́днꙋ пропа́сть. по̑ та-ко́вою же пропастїю рѣка ꙗвль-шесе текоу́щиа, и ве́лми грѧме-щи и шоу́мещи теченїемь. съ мнѡ́тым же трепе́тѡмь тѣсны ѡнь поу́ть прѣшьше. да ꙗко-же къ шоу́ми странѣ оу҆же кон-цꙋ идоу́ще. къ врьхꙋ брѣга ѡно́го велика́аго, и егоже рѣцѣ. вра́та вели́ка ѻбрѣто́ ѡтво́рена. къ ни́мже бѣше сѣде нѣкои бѹи моу́жь, ве́лен възо́ромь. стра́шнь же ли́цеⷨ҇, е҆мꙋ́же ѡчи зѣло разврашенѣ, и пла́мень ѻгньный исхо́ждааше из оу҆сть его. а из ноздрей испоу́щааше дымь смрьдещь, езык же емꙋ висѣше. из оу҆сть его с лакъть е҆ди́нь. и де́снаа е҆мꙋ роу҆ка въсма̀ соу́ха подбна стльпꙋ и бѣше на́га и зѣло простр҆та. е҆ю́же повинные похва́щае, въ ѡнꙋ пропа́сть ме́таше. иже въ ней ѻсоу҆жени, горе и оу҆вы кон възываахꙋ. приближившемсе нам къ мра́чномꙋ и гро́зномꙋ ѡно́мꙋ моу҆жꙋ. абїе ве́лми възъпи къ во́дещимь ме. тъ̑ лю́бленик ми е҆. и въникгда роу҆кꙋ прост҆рь ети ме хо́те. аз

прискрьбнѣишїи стра́нѣ па́че въскла́нѣа́хсѧ. да не ка́ко ҆ꙋтрьг҆сѧ, въ неи҆схо́дный ѡнь ровь въпа́днѫ. въ про́пасти же ѡнои. вели́ка рѣка слышашесѧ и рыкаѫ брьзо́стїѫ. съ вели-цѣмь ꙋбо стра́хѡⷨ, тѣсный тъ пѫⷮ прѣидоⷨ. и ꙗко ꙋ҆бо къ въ-сточнѣи стра́нѣ идѫщеⷨ къ кон-цꙋ стра́шныѫ ѡноѫ пропасти, двери нѣкыѫ вели́кы ѡбрѣто-хѡⷨ. грѣⷨ ними сѣдѣше нѣкыи мѫжь стра́шень ꙗкоже и҆спо́-линь. чрьнь ꙋ҆бо ви҆дѣнїемь. страшнѣишїи же лицеⷨ. е҆мꙋже ѡчи развращены ѕѣло, и пла́мень ѡгнень многь ѕѣло испꙋ-щаахѫ. ѡгнь же съ си҆лныиⷨ дымоⷨ ѳрыгааше. ѫзык҆ же его дльжае пади вънь и҆спꙋщааше. деснаа же его рѫка на възꙋсѣ прострьта. дрꙋгаа же его рѫка, ꙗко срьпь изо́щрена. съ неѫ-же неповинныѫ, въ про́пасть ѡнѫ вълѣтааше. вълѣтаемїи же въ ровь тъⷨ, горе наⷨ и ꙋвы въ-зываахѫ, приближшесѧ стра́ш-номꙋ то́мꙋ и мра́чномꙋ мѫжꙋ, и ви҆дѣв мѧ възъпи къ вода-щїимь мѧ. съⷨ любимь е҆ мнѣ много. въкꙋпѣ же и рѫкѫ про-стрѣть, поꙋтити мѧ хотѧ. аз҆же стра́хоⷨ велїеⷨ съдрьжи, ѕѣло съдрьгнѫсѧ. и҆сабїе въне-

же въ страсѣ протегсе стрепе-
та҃. и къ себѣ съскоутахсе. и
внезаапꙋ ꙗко нѣкоторыимь по-
сланіемь ꙗвистасе моужа два
сѣда соуща и сщенолѣпна.
ихже андреа и іѡанна сщенные
аплы мнѣхь быти. ꙗкоже сі-
ихь видимь на стыѥ иконы на-
писаныи. сіихь видѣвь ѡнь
зломысльны, абіе съкрысе. и
тако поемше ме доблѣстьвно
та ѡба старца.

V. и прошьше прѣдниꙗ вра-
та малаа, и прѣшьше въноу-
трьниꙗ врата, изыдохѡ въ нѣ-
кое полнато мѣсто. идеже до-
брѣйшаа села и краснаа вѣхꙋ.
иже и поискавше къ полскомꙋ
краю. ѡбрѣтоше мѣсто злачно
и прѣкрасно. емꙋ(же) краснꙋю
добротꙋ, і боущꙋю блгть, ска-
зати словомь зѣло не мощно.
посрѣ же того мѣста сѣдѣше
нѣкоторыи старць мнѡгочь-
тьнь. и около его мнѡжьствь
дѣтеи паче песка морскаго.
тогда оубо азь страхь ѿло-
живь. мькомь ведоущеѥ ме
въпросихь, кто е сы старць.
и кто соуть иже ѡкрьсть его
мнѡжьства бесчисльнаа. ѡни
же рекоше. сь есть авраамь. и

заапѫ ꙗвистаса мѫжа два. съ-
старѣвшаса ѕѣло, и краснѣиша
велми. иже ꙗко андреа и іѡ-
анна стыѫ аплы мнѣ быти. си
видѣвь мрачныи ѿ и мръскыи
мѫжь, авіе ꙋсъмнѣвса и съ-
крыса. чъстнаа же сіа ѡба
мѫжа поемше ма любезнѣ. и
ѡблобызаста. и прочее проведо-
ста ма сквозѣ тѣснаа ѡна
врата. и изыдохѡ въ нѣкое
краснѣише и чюдно ѕѣло поле,
въ нѥже краснаа сіла и свѣтла
ѕѣло вѣшѫ.

V. и прѣшѣше намь дивнаа
та селеніа. ѫдоль злачнѫ и ѕѣ-
ло веселѫ ѡбрѣтохо. ѥиже
красотѫ и веселіе, сказати или
ꙋмысл(и)ти ѫзыкь члкꙋ не мо-
же. посрѣ мѣста ѡного чюнаго.
старець нѣкыи сѣдѣше красо-
тоѫ и веселіемь исплънь. и ок-
рьсть себе имѣше стоѫщѫ мно-
жьство ѡтрочиць красны ѕѣло
и чюны. и толико множьство,
паче пѣска морскаго. тогда
ꙋбо азь стра весь ѿложь, ти-
хо нѣкако водѧщаа ма въпро-
си. кто ꙋбо е съ прѣстарѣвын-
са и столѣпныи, и что сѫ окрть
его бесчислъно множьство ѡт-
рочиць. съ е рѣша егоже слы-
шиши ѿць авраамь, и нѣдра
авраамлѣ. и повелѣвша ми по-

йже слышн лоно авраамлк. и абіе тѣхъ повелѣніе поклонихъ-се съ прилежанїемь. и цѣловахъ того авраама. таже къ прѣдниемꙋ шьствїю поидохѡ. и при кончинѣ злачнаго ѡного мѣста стоаше велеи елеѡнь. егоже доубрава дрѣвесь мнѡжае ѿ ѕвѣздь нѣбныхъ. и на коемжо дрѣвѣ сѣнь стоаше. и на коежо сѣни вѣше одрь. и на коемжо одрѣ чл҃кь. и ѿ йхже мнѡгый познахъ въспитавшїихсе въ домѡхъ црк҃выхъ и мнѡгые ѿ граждань. нѣкые и йже на селѣ живоущїихъ. дроугые и ѿ обытѣли нашее. сїих же всѣхъ елицѣ познавахъ ѿ здѣ бѣхꙋ. да вьнкгда помыслихъ въпросити. что е сь дивны елеѡнь. вариш ѡнй старци и рекоше ми. что помышлаеши гл҃е е сь великын и красныи елеѡнь. и что соуть вса яже на немь. се соуть йже слышиши. мнѡгы обытѣлы оу тебе сп҃се соуть. по дотоанїю всѣмь раздѣлаемыи, въ мѣрꙋ добродѣтелїи.

VI. и поминꙋвше того елеѡна, вѣше градъ. егоже доброта и красота, и еже ѡ стѣнахъ оуправленїе и сьлогь не мощно сказати. дванадесете прѣпоа-

клонитиса емꙋ, еже и сътворих съ радостїѫ. и цѣловах егоже гл҃ахѫ авраама быти. и тако пакы своего пѫтѣ жхомса. и прѣшедше намь краснѫѫ ѡнѫ ѫдоль вънидохом въ нѣкое садовїе дивно. ако мнѣти мира быти семꙋ. емꙋже числа дрѣвесе бѣ якоже мнѫ, мнѡжае ѕвѣздъ нбн҃ыхъ. и по кыимжо дрѣвѡ, скинїа красны бѣхѫ. и при коеиже скинїи ѡдръ. и на коемжо ѡдрѣ чл҃кь. ѿ нихже многы позна. ѡвы ꙋбо, инокы. ѡвы же, ѿ мирскы. иныж же, ѿ монастирѣ нашего мнихы. всѣ бо си ихже позна. прѣꙋмершии бѣхѫ. дивлащꙋ же ми са и мыслащꙋ въ себѣ и хотащѫ въпросити, оубо коего и чїи е раи сь. старца же ѡна прѣвариста моего въпрошенїа, и рѣста ми. что сице помышлѣеши чїи есть сицевыи и толикыи садь сь. или что сѫ яже въ не. сїа сѫ рече яже слышиши мнѡгы обитѣли ꙋ тебе сп҃е сѫ. по санꙋ въсѣмь раздѣлѣѫ. по числꙋ добродѣтелемь.

VI. при садови же ѡном, град бѣше великь. емꙋже красотѫ и пъстротѫ, и съвѧзы, и съзиздания каменїю, не мощно изрещи. и вї стѣнь видѣшеса.

санїа по вьсеи стѣнѣ ѡ҆́коло бѣ-
хꙋ. не є҆ди́ною пьстротою прѣ-
поа́сань, нь҃ ра́зличныими. по
ра́зличїю мнѡгоцѣ́нныихь ка́-
мень. и҆ по стѣнахь врата зла́-
та и҆ сребрьна ви́сима по раз-
ли́чїю. и҆ вьноу́трь вра́ть дѡ́-
мы зла́ты. зла́та сѣдалницїа.
зла́та по҃ноже́їа, злати вьсхо́ды.
и҆ тъ҃ гра́дь вьсь и҆спльнѥ́нь свѣ́-
та неи҆зг҃лаанна. и҆спльнѥ́нь бл҃го-
ꙋ҆ха́нїа и бл҃ти. ѡ҆бьшьше же
вьсь҃ гра́дь тьи. ни ч҃лка, ни ско-
та, ни пти́це, ни и҆но что҃ ꙗ҆́же
по зе́мли и҆ по вьздоу́хоу дви-
заѥ́ма, вьсма̀ не ви́дѣхѡмъ. кь
кра́ю же то́го гра̀да ди́вныи до-
мѡ́ве цр҃цїи съ҃зани бѣ́хꙋ. вь
цр҃кыих же вьхо́дѣхь чрьтогь.
є҆мꙋже мѣ́ра є҆ли́ко ка́менно
врьженїе. ѿ кра́ꙗ же чрьтога
да́же и҆ до кра́ꙗ є҆го̀ простръта
бѣ́ше трапеза, ѿ всакоѥ́го мра-
мо́рїа, и҆ то́лико ѿстоа́ше ѿ зе́м-
лѥ, състоѥ́щїа моу́жа. и҆ бѣ́ше
и҆спльнѥ́на вьсѣкый вьзлѣ́жещий.
неи҆зре(че)нным҃ же свѣ́томь
и҆ бл҃гоꙋха́нїемь и҆ бл҃гостїю вьсь
до́мь и҆спльнѥ́нь бѣ́ше. на ко́нць
же чрьтогꙋ ма́ла ча́ша бѣ́ше
па́че с҃лнца сїаю́щи, на то҃и лѣ́-
жещи трапе́зѣ. ѿ неѥгоже ка́-
женика два̂ прини́кша, свѣто-
ви́днѣ ли́ца и҆хь па́че млънїе

и҆мѣти. и҆ не вьса стѣны ѿ є҆ди́-
наго каменїа и҆ли̇ є҆ди́наго ꙁ҃а-
нїа, нж҃ ѿ мно̂га и҆ различна бѣ-
хж. вьса же ꙋ҆бо стѣны, ѿ
чьстны бі ка́мени бѣхж. и҆ каа-
ж҃о стѣна. ѿ є҆ди́ного сьста́вле-
на бѣше ка́менѣ. и҆ что є҃ мно̂-
го г҃лати. дльготж и҆ ѥ҆ широтж,
то́лико, є҆лико не мо́щно сказа-
ти. вь стѣна҃ же ѡ҆нѣ врата,
зла́то҃ и҆ ка́менїемь и҆ би́сро҃ ꙋтво-
рена бѣхж. вьнатрь же <е> ж҃дꙋ
гра́да, прѣстоли злати и҆ под-
но́жїа злата̀. градь же ве́сь
и҆сплънь свѣта и҆ радости. и҆с-
плънь бл҃гожха́нїа. и҆сплънь
бл҃годѣти неизрѣ҃нныж. вьшѐ-
шимь ꙋ҆бо на҃ вь ди́вныи<мъ>
тьи гра҃ и б҃госьꙁ҃анныи. нижѐ
ч҃лка, ни скота, ни птицж, ни-
же и҆но что и҆же по земли и҆ по
вьꙁ҃оухꙋ лѣтаѥ̂мо ꙋзрѣхѡ҃. кь
краю҃ же гра́да то҃, чю҃днїи дво́-
рове и҆ полаты ц҃ркыж сьꙁ҃аны
бѣхж. вь полата҃ же ѡ҆нѣхь,
чрьтогь нѣкыи свѣтель. ѿ є҆ди́-
ного краꙗ и҆мѣше тра́пезж про-
стрьтж, даже до дрꙋгаагo кра́ꙗ.
и҆ видѣнїе трапезы ѡ҆нож ꙗ҆коже
кри́ста́ль. и҆ то́лико ѿ землꙗ
на высотж ѿстожїщи, ꙗ҆ко не-
мо́щи ч҃лкꙋ вьзирати. и҆ бѣ и҆с-
плънена мно̂жьствѡ на́рода
вьзлежжщїи. свѣтлыим же свѣ-

влйстаѥсе. и̂ всакоѥ радости и̂спльнѥныи. и̂ рекоше ѿнѣмь и̂же съ мною старцемь. да сѣдеть и сѣ на трапезѣ. и̂ а̂біе словомь подаше ми мѣсто. и̂ доведѡше ѿни старци и̂ посадише ме. ѡ̂ни жѐ на ѥ̂диномь мѣстѣ чрьтога шѐше сѣдѡше. каженникомь же на мнозѣ врѣме къснеѵшимь. и̂ донели ѿнй кьснѣше, смотрй а̂зь на ѿнон трапезѣ и̂ мнѡгы ѿ възлежещій познахь. и̂же ѿ ѻ̂бытѣли сѐ соуцій. и̂ ѿ мира прочій, по мнѡзѣ же часѣ пакы каженници приникше, гласише старцемь рекше. възвратите сего. занѥже мнѡго жалбють ѻ̂ нѥмь ꙗ̂же къ бгꙋ ѥ̂гова събытіа. и̂ црь ѹ̂тѣшивсе мыслить того въ и̂ночьсцѣмь житіи быти. и̂ того поутемь тѣмже възвратите. и̂ възмѣте въ мѣсто ѥ̂го а̂данасіа трианова.

то и̂ благожханіемь и̂ бл҃гтиж, исплънень бѣ весь до тъи. при чрътозе же ѿнѡ, въсхо нѣкыи бѣ. на въсходѣ же ѿнѡ, притворь нѣкыи ѹ̂тверъждень бѣ. и̂з негоже свѣтовидна двѣ юноши прѣникша. и̂ лице и̂ ꙗ̂ко мльніи видѣніемь зрѣшеса. и̂ въсѣкож свѣтлости свѣтлѣйшіи. и̂ рѣшж къ старцема ѿнѣма водащима ма. да пріидѐ и̂ съ на трапезж сіж. въкꙋпѣ же съ словомь показаста ми и̂ мѣсто сѣстѣ. и̂деже приведша ма посадиста, благолѣпнаа ѿна старца. сама же ѿ чрътога ѿного вънь и̂зшѣша сѣдоста. юноша же ѿни, ꙗ̂ко вънатрънѣйшій чрътога вънидошж, и̂на мног чаⷭ покъснѣста, възрѣв же а̂зь на трапезж. и̂ позна мнѡгы ѿ възлежжщіи. ѡ̂вы ѹбо ѿ мирскыи. съ ними же и̂ нѣціи ѿ ѻ̂битѣли нашеж и̂ноци. нѣкыж же ѿ воинь цревѣ. по многом же часомь минжвше. пакы юноша ѿны пришѣше и̂ старца ѿны пригласивше рѣша. възвратите сего рѐ ꙗ̂ко мнѡго рыдаж ѿ не и̂же по бз҃ѣ чада ѥ̂го, бголюбивіи мнисн. ѹмлрди бо са ѿ не црь, и̂ хоще ѥ̂го быти въ иночъско житіи. и̂ сего инѣ пжте ѿкѣше. въ него же мѣс-

VII. и̓ а̓біе прїемше ме ста́рци ѡ̓ни, и̓ и̓зведѡше ме и̓з чрьтога. и̓ и̓з града и̓зыдохѡмь и̓нѣмь поутемь. и̓ и̓доущїимь. на́мь, и̓ се̑ е̓зе́ра и̓спльне́на моукь. ѡ̓во мра́чно, ѡ̓во̀ о̓гньно, и̓но смрьдещоую мьглоу. дроуго чрьвени. дроуга по дроузѣ и̓моуще ви́да и̓ моученїа прѣпльне́на. ѡ̓бщее въсе мнѡ́жьство ч҇лчьско́е бес числа и̓спльне́на. и̓ оунильь пла́чь, и̓ гро́зное всѣмь ры́данїе. въса́ же е̓зе́ра ѡ̓быше́дше. и̓ въ нѣко́емь мѣстѣ пакы̀ ста́рца ѡ̓но́го ѡ̓брѣтохѡмь. е̓гоже г҇лаахоу бы́ти а̓враама. и̓ пакы̀ пристоупивь цѣловахь е̓го̀. о̓н же ми пода́де ча́шоу зла́тоу пльноу ви́на сла́дчайша па́че ме́да. и̓ трї посма́гы. и̓же и̓ е̓ди́ного поква́сихь въ ви́нѣ и̓ и̓зе́доухь. и̓ ѡ̓но вино въсе̑ и̓спи́хь. дроугаа же два̀ посма́га въло́жи въ нѣдра своа̀. е̓же вчера про́сихь. та́же въ ма́лѣ на мѣсто ѡ̓но и̓до́хѡмь, и̓де́же ѡ̓нь боуи моужь и̓ злосмра́дныи бѣше. и̓же и̓ ви́дѣв ме, скрьжеташе на́ ме зоубы своими лю́то. и̓ съ ю̓ро́стїю и̓ гнѣвомь г҇лааше. оуже ѡ̓се́ли оуте́че ми.

то приведѣте а̓дана́сїа мї́ха, и̓же ѿ е̓витѣли рекомыѫ трана́ноу.

VII. и̓ авїе старца ѡ̓на поеша ма ѿ чрътога ѡ̓ного и̓ гра́да, и̓ и̓нѣмь пѫте и̓зыдохо. идѫщим же на. и̓ се̑ ѡ̓брѣтохо е̓зера, з. и̓сплънь смрада и̓ мѫкы. ѡ̓бо оубо, тъмы испълнено. дроугое же, ѡ̓гне. и̓но же, смра́до и̓ мъглоѫ. и̓ просто рещи коеждо и̓ различны мѫкь и̓сплънено. въ ни же множество народа бѣше мѫчащїи са. оумиле́ннѣ бїѫщих са, и̓ го́рко кричащи въсѣмь. и̓ сїа̀ оубо е̓зера прѣшешӣ на́мь. и̓ се̑ па́кы столѣпнаго ѡ̓но старца ѡ̓брѣтохѡ, егоже быти г҇лахѫ а̓враа́мь. и̓ пристѫпль па́кы цѣлова е̓го. ѡ̓н же ми златѫ стъклѣницѫ въда, и̓сплънену ви́на паче ме́да сла́дчанша. и̓ хлѣба соуха оукроухы трї. ѿ ни оубо е̓динь въ вино ѡ̓но ѡ̓мо́чивь, ꙗ̓коже мнѫ и̓ сънѣдо, и̓ ви́но въсе и̓спи. дроузѣи же двѣ части, въ нѣдра моа̀ въло́жи, ꙗ̓же ва сїа проси. и̓ по ма́лѣ па́кы. по стъзи ѡ̓нои тѣснѣи поидохѡ. и̓де́же и̓сполинь ѡ̓нь и̓ злосмра́дныи мѫжь сѣдѣше. е̓же и̓ видѣв ма, скрежетааше зѫбы своими лю-

ѻ҆ва́чє Ѿсє́ли нє и҆ма́мь почи́ти, на тє всѧ́каа подви́зати ми, и҆ на твои монастирь. да оу҆жє вра́тїє моа̀ є҆жє позна́хь и҆ видѣхь повѣдахь. а҆ є҆̑жє ка́ко вь сє́бѣ бы́хь нє позна́вамь.

тѣ на мѧ. и҆ съ гнѣво҃ и҆ горєстїѧ҄ глаашє, Ѿ нн҃ѣ гонєзнѫ Ѿ мєнє. ѡ҆бачє нє прѣстанѫ прѣчєє на́ тѧ въѡ҆ржжажсѧ съ слѹгами своими. та́ко и҆ на вьсѧ и҆҆жє по̑ тобоѫ въ монастири твоє̑. си҆а ѹ҆̑бо ꙗ҆жє до здє̑, възмо́го̑ повѣдати ва̑ братїє. како жє ли въ сєбє прїидо̑, въсѣко нє вѣ̑. сє́мѹ ѹ҆бо сказанїѹ си́цє бывшѹ.

VIII. по є҆говѣ бє́сѣдє, посла́нь бы҃. нѣкыи въ тра́нновь мо́настирь. и҆ шь҃ обрѣтє мни́ха аѳа́насїа прѣста́вльшасє. и҆ на ѡ҆дрѣ ис кѣлїє є҆го̀ и҆зно́сима. и҆ въпро́си ко́гда прѣста́висє. и҆ слыша. на вєчєрашнїи днь҃ дєвєтомѹ ча́сѹ. въ нжє сь҃ ча́сь ви́дѣнїє ви́дѣль бѣшє. нєдалєчє во̀ мо́настирїи сїи Ѿ сє́вє Ѿстоа́хѹ. заннжє вли́зь и҆мь бы́ти. до нн҃ѣшнꙗго во̀ днє҃ є҆ди́ними наста́вникомь назыраємии бывають. по ви́дѣнїи жє ѡ҆но́мь прѣбы҃ лѣ҃. л. по бз҃ѣ до́брѣ жи́тєлствѹє. оу҆пра́влꙗє и҆ ѡ҆крьмлꙗє и҆ ѡ҆ба̑ монастира. жи́вє съ мни́хы жи́тїємь бгоѹгоднымь. и҆ та́ко Ѿ жи́тїа Ѿи́дє въ сла́вѣ бжїи́:~

VIII. въ тьи ча҃ а҆вїє послашѧ въ монастирь Ѿ рєкомыи траи́ановь. и҆ ѡ҆брѣтошѫ ѻ҆ца҃ а҆ѳанасїа Ѿ тѣла и҆зшє҃ша, и҆ на ѡ҆дрѣ и҆з кєлїѫ є҆го и҆зносима. и҆спытавшє <є>жє когда прѣста́виса. и сказашѫ и҆мь. ꙗ҆ко вчєра при д҃ мь ча́сѣ. ꙗ҆кожє и҆ ѻ҆ца҃ ко́змѫ сказано бы҃. Ѿ толѣ ѹ҆бо ѡ҆ба монастирѣ съвькѫпи́шѧсѧ, и҆ Ѿ ѻ҆ца҃ ко́змы наставлѣ́ѥми бѣхѫ. и҆ ѹ҆чєнїємь є҆го, мнози спсєны бы́шѧ:~

Тотъ же мотивъ предсказанія смерти другого лица, въ откровеніи святыхъ, находимъ во многихъ произведеніяхъ житійнаго характера. Изъ

сербскаго Сборника XIV—XV вѣка Берлинской Королевской Библіотеки № 45, по всей вѣроятности, представляющаго копію съ болгарскаго оригинала, изъ статьи ѿ житїа ст҇аго грїгорїа двоѥслова (Нач. Вь странѣ нѣкоки гл҇к мѣи ноурсїа презвитерь нѣкыи вѣ . . .) приводимъ два разсказа. Въ первомъ говорится о томъ, что старецъ-пустынникъ, жившій на островѣ Липарѣ, разсказалъ прибывшимъ къ нему итальянцамъ о своемъ видѣніи князя Θеодориха, и по этому видѣнію (откровенію) старецъ узналъ, что Θеодориха нѣтъ въ живыхъ.

тогожде грїгѡрїа ѿ сьмрьти деѡ҇риховѣ (л. 298).

Їоулїань оубѡ иже втѡрыи патрїархь бы҇. стыѥ и сьборныѥ сїе б҇жїе цр҇кве, ѥнже азь бл҇гтїю х҇вою слоужоу н҇нѣ. прѣжде сихь седмь лѣть прѣстависе. и ѥще ми (л. 298 об.) вь монастиры соущоу ѡбычаи имѣше чѣсто приходити кь мнѣ. и ѡ пѡлзи д҇шевнѣи весѣдовати сь мною желаашѥ. сь оубо вь ѥдинь ѿ д҇неи повѣда ми гл҇к. ꙗко вь лѣта деѡ҇риха кнѣза. ѡ҇ць тьста ѥго вь сикилїю шьдь нѣкоѥѥ ради потрѣбы. вьзвратившоусе ѥмоу вь италїю, вь островѣ нѣкоѥмь приста нарицающимсе. липарь. въ том же островѣ живѣше старьць нѣкыи, иже поустынное борѥнїе и безмльвїе тамо творе вѣ. И чюдесы и знамении мнѡгыми просвѣщень сыи. ѥгда же кь краю корабници сь корабле присташе, вьсхотѣ прѣждеречѥнныи ѡ҇ць тьста ѥгѡ изыти. и кь поустынномоу ѡномоу моужоу ити. и молитвами ѥгѡ пѡлзоу мнѡгоу полоучити. Сихже сты҇и ѡнь старьць видѣвь сь вѣрою пришьшихь, весѣдова кь нимь словеса д҇шеползнаа. По весѣдѣ же приложивь и се рекь. вѣсте ли ꙗко деѡдорихь кнѣзь оумрѣть; ѡнии же кь нѥмоу рѣше. не боуди то. мы жива ѥго ѡставихомь. и ничесѡже ѡ нѥмь слышахомь даже до н҇нѣ. кь ним же дивныи ѡнь старьць рече пакы. вь истиноу гл҇ю вамь ꙗко оумрѣть. въ д҇нь бо вчерашнїи при деветомь часѣ. видѣхь ѥго водима ѿ патрїарха їѡанна. (л. 299) и ѿ патрикїа симаха, распоꙗсана и боса. и роукама свезана. и вь ѡстровь рѣнныи оурвань вьнесена, и вь ѡгнь тамо вьвржена. Се же ѡнии слышавше, д҇нь ть знаменаше. вьзвратившемь же се имь вь италїю

и ѡбрѣтоше ѣко деѡдори́ кнѣзь въ тъ днь оумрѣть, вь нже и старьць ѡнь стыи въ ѿкрьсенїи видѣ. Понѣже оубо іѡанна патріарха мнѡго ѡскрьби, оуби въ тьмници. симаха же патрикїа нѡжемь закла. тѣмже и праведнѣ ѿ нихъ въ ѡгнь вьвьржень бысть, ихже въ житїи семь неправедно потьщасе оубити·:·

Во второмъ разсказѣ, со словъ іеромонаха Елевѳерія, монахъ Іоаннъ предсказалъ свою смерть за 14 дней и, умирая подъ пѣніе братьей псалмовъ, позвалъ какого-то Урса. Недоумѣніе братіи разрѣшилось скоро, когда они узнали, что въ моментъ смерти Іоанна умеръ въ отдаленномъ монастырѣ братъ по имени Урсъ.

тогожде. о сьмрьти. іѡанна. и оурса: (л. 301).

Мнѡжицею сьлоучаетсе дши исходещи ѿ тѣла, ѡнѣхъ оувѣдѣти, сь нимиже хощеть вь єдином ѡбитѣли прѣбывати. или вь моуцѣ, или вь вѣчнѣи жизни· тѣмже и ѡ семь повѣда ми нелъжнимми своими оусты, иже вь мнисѣхъ дивныи єлеѵѳеріе презвитерь· ѡ немже и вь прѣдники книзѣ мнѡго повѣдахъ· сь блаженыи повѣда ми. ѣко вь монастири своемь любимна брата имѣше, именемь іѡаннь· иже єгда хотѣше прѣставитисе, прѣжде четырнадесете днїи своє (л. 301 об.) исхождєнїє братїи повѣдавь· знаменоу же мимошьшеи дни. и прѣ тримми дьнми исхода єго, ѡгнемь сьдрьжи бысть. въ час же сьмрьтныи пришьдь и бжтвнымимь таинамь причєстивсе, вчнемоу тѣлоу и крьви. и братїю призвавь, повелѣ пѣти прѣ нимь ддвы ѱалмы. къ нимже и тъ вьзглашаааше. ѿврьзѣте мнѣ врата правы. вьшьдь вь ни исповѣмсе гви. сїи врата гнѣ, праведнїи вьнидоуть вь нѣ. поющїим же братїамь прѣ нимь, вьнезаапоу гласѡ вьзва глк, оурсе греди. сє же рекь, авїе ѿ тѣла изыде. Почюдише же се братїа ѡ семь. не вѣдещє, что брать ѡнь оумираѥ вьзва. оумрьшоу же томоу, велика скрьбь вь монастири бы. По четврьтом же дни, ноужна потрѣба братїамь ѡ нѣкоеи вещи бы, послати вь инь монастирь далече ѿстоещь ѿ них. шьдше. оубо братїа тамо. и ѡбрѣтоше иже тамо соущоую братїю вь монастири скрьбныихъ ѕѣлѡ. вьпросише ихъ, чесѡ ради то-

ликою скрьбїю ѡдрьжими соуть. ѡни же къ нимь рѣше. погыбѣль монастира сего рыдаемь· єдиного во брата имѣхомь здѣ, єгоже житїемь вьси просвѣщаахомсе. и четврьтыи д͠нь имать (л. 302) дн҃ь, ѿнели гробоу прѣдахомь єго. шьдшаа же братїа выпросише, како бѣ име оумьршомоу братоу. ѡни же рѣше, оурсь. и сьмотрївше ѻбои. и ѡбрѣтоше, ꙗко вь нже ча҃ позвань бы҃ ѿ ї ѡанна, тогда оумрѣть. тѣм же ѿ сеѥ вещи вѣдомо єсть ꙗко ѡба сїа єдино житїе имѣста вь добродѣтелеχь. сего ради и ѡба вь єдинои ѡбитѣли сподобистасе жити. ꙗкоже вькоупѣ вь єдинь д͠нь и ѡба ѿ тѣла разлоучистасе: ~

Подобные мотивы — не рѣдкость въ агіографическихъ и аскетическихъ памятникахъ.

А. И. Яцимирскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Національная борьба въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ въ XV и XVI вѣкахъ.

I.

Благодаря особеннымъ условіямъ, въ которыхъ пришлось выступить литовскому племени на историческую арену, въ первые же вѣка существованія великаго княжества Литовскаго особое значеніе пріобрѣтаетъ въ немъ національный вопросъ. Уже при Витовтѣ интересы литовскаго племени вступаютъ въ конфликтъ съ интересами Литовскаго княжества. Государственные интересы одержали скоро легкую и полную побѣду. Но въ эпоху Витовта и послѣ него племенные литовскіе интересы являются несомнѣнно одной изъ существенныхъ дѣйственныхъ силъ, которыя въ совокупности обусловливали будущія судьбы и литовскаго племени, и великаго княжества Литовскаго. Первой жертвой, которую литовское племя должно было принести въ государственныхъ интересахъ, является денаціонализація высшаго сословія. Интересы сохранности единства между ядромъ государства и его окраинами разбросали литовскую знать по окраинамъ. Она тамъ появляется въ качествѣ великокняжескихъ намѣстниковъ. Напр., въ Полоцкѣ является въ концѣ XIV в. намѣстникомъ панъ Монтыгирдъ, въ Кіевѣ—князь Иванъ Ольгимунтовичъ Гольшанскій, въ Смоленскѣ — князь Ямунтъ и т. д. [1]). Являясь сначала въ качествѣ представителей центральной власти, эти князья и бояре дѣлаются вскорѣ также и крупными земельными собственниками. Такъ, почти всѣ князья—

1) М. Любавскій. Литовско-Русскій Сеймъ. М. 1900, стр. 23.

Гедиминовичи: Бѣльскіе [1]), Буремскіе [2]), Мстиславскіе [3]), Олельковичи [4]), Сангушко [5]) и др. въ предѣлахъ собственной Литвы земельныхъ владѣній не имѣютъ. Тѣ же Гедиминовичи, которые имѣютъ земли также и въ Литвѣ, не являются въ ней крупными землевладѣльцами, такъ какъ основа ихъ владѣній въ русскихъ областяхъ. Таковыми являются, напр., численный родъ князей Чарторыскихъ [6]). Что же касается потомковъ удѣльныхъ князей, то въ сущности и они дѣлили судьбу Гедиминовичей, хотя въ значительно меньшей степени. Такъ, знаменитый родъ князей Гольшанскихъ въ предѣлахъ собственной Литвы не имѣлъ крупныхъ земельныхъ владѣній, такъ что центръ тяжести его интересовъ былъ внѣ Литвы [7]). Также численный родъ князей Свирскихъ землевладѣльцемъ является и въ предѣлахъ Литвы, и внѣ ея [8]). Изъ всецѣло принадлежащихъ Литвѣ княжескихъ родовъ необходимо поставить на первое мѣсто князей Гедройцевъ [9]). Само собой понятно, что будучи оторванъ отъ Литвы и перенесенъ въ русскія области, въ которыхъ культурный уровень былъ выше, классъ этотъ быстро слился съ мѣстною народностью. Государственная же его заслуга заключалась въ томъ, что онъ являлся первымъ носителемъ того государственнаго литовскаго патріотизма, который такъ ярко проявлялся въ трудные моменты жизни великаго княжества. Но этотъ государственный патріотизмъ выработался не сразу и не безъ борьбы. «Исторія политическихъ движеній», говоритъ проф. М. В. Довнаръ-Запольскій, «въ Литовско-русскомъ государствѣ представляетъ собою достаточно данныхъ, показывающихъ, что центробѣжныя силы проявляли свою дѣятельность, и бывали моменты, когда только что сложенное государство колебалось» [10]). Мы не будемъ подробнѣе касаться этого про-

1) J. Wolff. Kniaziowe Litewsko-ruscy. Warsz. стр. 3 — 7.
2) Ibid. 13 — 16.
3) Ibid. 263 — 278.
4) Ibid. 327 — 336.
5) Ibid. 422 — 456.
6) Ibid. 16 — 34.
7) Ibid. 94 — 115.
8) Ibid. 505 — 518.
9) Ibid. 65 — 76.
10) М. Довнаръ-Запольскій. Госуд. хозяйство вел. кн. Литовскаго при Ягеллонахъ. Т. I, 802.

цесса въ его цѣломъ, такъ какъ, во-первыхъ—въ немъ насъ интересуетъ только одна изъ дѣйственныхъ силъ—борьба національностей, во-вторыхъ—въ общихъ чертахъ онъ уже въ достаточной степени изученъ въ трудахъ русскихъ и польскихъ историковъ.

На русскій фронтъ національная борьба не была интенсивной, да и не могла ею быть въ силу долгаго русскаго вліянія какъ на строй литовскаго государства, такъ, отчасти, и на укладъ внутренней жизни литовскаго народа. Но все же мы можемъ довольно отчетливо усмотрѣть ея существованіе, хотя и слабое. Мы не будемъ касаться этой борьбы въ концѣ XIV и началѣ XV вѣка, такъ какъ намъ пришлось бы пересмотрѣть неоднократно возбуждавшійся даже въ періодической печати—по мотивамъ съ наукой ничего общаго не имѣющимъ—вопросъ о томъ, національна-ли была политика Витовта, а это, въ виду сложности вопроса, заставило бы нась уклониться отъ темы.

Эта борьба съ несомнѣнною ясностью выступаетъ наружу въ событіяхъ послѣ смерти Витовта — возстаніи Свидригайла и сверженіи его Сигизмундомъ. Современники ее поняли какъ національную борьбу. Литовская лѣтопись говоритъ: «Литва посадиша великого кнѕѧ Жигимонта Кесьтоутевичь на великое кнженние на Вилни и на Троцехь мсца сен. а҃ днь и прииде Швитригаило на Полотескь и на Смоленескь и кнзи Роуськыи и боꙗре посадиша кнѕѧ Швитригаила на великое кнженние на Роуское»[1]). Также и нѣмцы поняли эти событія какъ scissura, gentis in gentem surrectio[2]). Съ этими свидѣтельствами совпадаетъ вполнѣ и показаніе Длугоша, что Свидригайло въ бѣгствѣ изъ Ошмянъ нигдѣ въ Литвѣ не рѣшился остановиться, такъ такъ Lithuanorum animos offensos haberet, Ruthenorum vero plurimum conciliatos et obstrictos[3]). Національнаго характера переворота 1 сент. 1432 г., кажется, никто изъ историковъ не отрицаетъ. Разногласіе

1) Полн. Собр. Русск. Лѣтописей. Т. XVII, 61. Разночтенія: стр. 104—5, 133, 179, 284, 335, 396, 461, 529.

2) Bitschin Fortsetzung zu Peter von Dusburg Chronik. Scriptores rerum prussicarum III, стр. 498.

3) Ioannis Dlugosz Opera Omnia cura A. Przezdziecki edita Cracoviae 1877. T. IV. Lib. XI, 480.

происходитъ только относительно степени его національности. М. Любавскій видитъ въ немъ «проявленіе литовской національно-политической реакціи противъ политическаго возвышенія Руси» [1]). Б. Барвиньскый, авторъ весьма обстоятельной монографіи о Сигизмундѣ Кейстутьевичѣ, вслѣдъ за Грушевскимъ, не усматриваетъ въ немъ чисто національнаго литовскаго переворота [2]). Внѣ всякаго сомнѣнія, что въ низверженіи Свидригайла дѣйствовали причины самаго разнообразнаго характера и внѣшнія и внутреннія, несомнѣнно также, что нѣкоторая часть литовскаго общества стояла за Свидригайла, какъ и обратно — нѣкоторая часть русскаго боярства за Сигизмунда, но эти обстоятельства ни чуть не уменьшаютъ національнаго характера этого переворота. Послѣднее обстоятельство, т. е. преданность нѣкоторыхъ литовскихъ бояръ Свидригайлу, является показателемъ, что литовская національная партія начинаетъ уже распадаться. Это, собственно говоря, въ борьбѣ литовской національности съ русской послѣдній актъ, такъ какъ для этой борьбы не оставалось никакой почвы. Вѣдь опасность ассимилированія путемъ культурнаго вліянія со стороны русской народности исчезла въ тотъ моментъ, когда вѣковая борьба восточнаго и западнаго вліяній въ Литвѣ рѣшилась въ 1386 г. безповоротно въ пользу западнаго, именно когда Литва, принявъ католичество, сверхъ того должна была войти въ ближайшее соприкосновеніе съ Польшей. На религіозной же почвѣ развиться національная борьба въ изучаемую эпоху не могла, такъ какъ ни одного необходимаго для этого условія не было на лицо. Она появится значительно позже, когда Литва будетъ объединена съ Польшей.

Но если крещеніе Литвы избавляло литовскій народъ отъ необходимости отстаивать свою національность отъ ассимилирующаго русскаго вліянія, то оно же выдвигало новую опасность такого же поглощенія польскою народностью. При чемъ польское вліяніе могло сказаться сразу въ двухъ направленіяхъ — церковномъ и политическомъ. Политическая

---

1) М. Любавскій. Opus cit. 70.

2) Б. Барвіньский Жиґимонт Кейстутович Історична моноґрафія. Жовква 1905, стр. 27.

борьба съ Польшей, приведшая къ Люблинской уніи 1569 г., въ достаточной степени обслѣдована. Но въ ней въ сущности неясна еще одна сторона: въ какой мѣрѣ сказывается въ ней чисто національная литовская отпорная сила. Вѣдь на этотъ фронтъ Литва боролась не одна, а въ союзѣ съ русскою народностью, притомъ борьба ведется уже съ точки зрѣнія общегосударственной. Чтобы имѣть возможность выяснить, что необходимо поставить въ ней за счетъ литовской національной партіи, мы прежде посмотримъ, какъ она выражалась въ области церковной.

Христіанство принимали литовцы далеко не охотно. Изъ всѣхъ мотивовъ, объясняющихъ нежеланіе креститься, для насъ любопытны два: 1) опасеніе, что священники новой вѣры заставятъ ихъ отказаться отъ родного языка и учиться по-нѣмецки или по-польски; 2) заставятъ также отказаться отъ обычаевъ родной старины и перенимать чужеземные. [1]) Смѣемъ думать, что эти опасенія были не только среди простого люда. Потомъ увидимъ, что для нихъ были нѣкоторыя реальныя основанія. Обязавшись принять католичество, Литва не могла сдѣлать этого собственными усиліями, потому что не имѣла необходимыхъ проповѣдниковъ. Приходилось открыть доступъ польскимъ. Хотя первымъ епископомъ Виленскимъ назначается полякъ, но вторымъ оказывается возможнымъ назначить литовца, Якова Плихту (1398—1407). Въ числѣ мотивовъ, обуславливавшихъ его назначеніе, указывается на знаніе литовскаго языка [2]). Четвертый епископъ, занимающій Виленскую каѳедру, опять литовецъ, извѣстный Матвѣй Трокскій (1421—1453). Длугошъ отрицаетъ его литовское происхожденіе, говоря, что его pater ex Livonia ortus, continuum habebat incolatum in Vilna, ubi et ipse Mathias episcopus natione lithuanus putabatur (Opera XII. 153) Пржиалговскій же въ цитированномъ сочиненіи называетъ прямо литовцемъ, но источниковъ не указываетъ. Мы примыкаемъ къ послѣднему мнѣнію, такъ какъ Пржиалговскій знакомъ съ архивомъ Виленскаго капитула и, слѣдовательно, могъ имѣть болѣе точные источники. Этотъ епископъ предписы-

1) M. Volonczauskas. Žemaicziu Vyskupyste. Shenandoah, Pa 1897, стр. 21.
2) Ks. W. Przyałgowski Żywoty biskupów wileńskich T. I Petersb. 1860, стр. 28.

ваетъ духовенству учиться по литовски и обращаться къ народу исключительно на его родномъ языкѣ. Неумѣющихъ-же по-литовски онъ не хотѣлъ рукополагать въ священники и назначать въ приходы [1]). Эта церковная политика Матвѣя изъ Трокъ тѣмъ болѣе для насъ любопытна, что онъ одна изъ виднѣйшихъ фигуръ Витовтова и Сигизмундова княженья. Онъ, по словамъ Свидригайлы, былъ однимъ изъ главныхъ организаторовъ заговора 1432 г. [2]). Отстаивая интересы литовской народности какъ пастырь церкви отъ польскаго вліянія внутри, онъ также энергично защищаетъ ихъ и на литовско-польскихъ сеймахъ, гдѣ мы его видимъ постояннымъ участникомъ. Такъ, на сеймѣ въ Парчовѣ (сентябрь 1451) онъ выступаетъ отъ имени литовцевъ съ рѣчью, въ которой требуетъ возврата захваченныхъ поляками литовскихъ областей (Волынь), ссылаясь на историческія права литовцевъ на эту землю, и требуетъ исключить изъ акта уніи оскорбительныя для Литвы выраженія: Jugo servitutis obnoxios, затѣмъ, incorporamus invisceramus, apprhọpriamus et unimus terras Lithuaniae et Russiae Regno Poloniae, ссылаясь на то, что литовское боярство согласилось на эти договоры по приказанію великаго князя и притомъ незная содержанія актовъ. Новый актъ, предлагаемый имъ отъ имени литовцевъ, устанавливаетъ только союзъ между княжествомъ и королевствомъ. Чтобы вполнѣ оцѣнить политическую роль епископа Матвѣя, надо принять во вниманіе, что, требуя уничтоженія прежнихъ договоровъ, онъ попадалъ лично въ весьма ложное положеніе: вѣдь онъ требуетъ уничтоженія того, что клятвенно обѣщался — отъ своего и другихъ литовцевъ имени — исполнять. Это сейчасъ же язвительно напомнилъ ему кардиналъ Збигневъ, принимавшій эту клятву [3]). Поэтому несомнѣнно, что епископъ Матвѣй былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ творцовъ великаго земскаго Привилея 1447 г. Въ достаточной степени уже выяснено соціальное и политическое значеніе этого акта [4]). Но онъ еще не разсматривался съ національной точки зрѣнія.

1) Ibid. стр. 42.

2) A. Lewicki. Powstanie Świdrygiełły. Rozpr. Ak. Um. Wydz. Hist. Fil. 1892. T. IV. 274; Przyałgowski. Op. cit. 47.

3) Długosz Opera omnia V. Lib. XII (XIII), p. 95.

4) Любавскій, Op. cit. 100—104; Fr. Papée Polska i Litwa na przełomie wieków średnich T. I Kraków 1904, стр. 18. Совершенно не понялъ значенія этого при-

Буду общеземскимъ, онъ, конечно, явился результатомъ объединенныхъ литовско-русскихъ усилій. Но въ немъ есть параграфъ (2), если не оффиціально, то фактически имѣющій значеніе главнымъ образомъ для этнографической Литвы. Въ виду его важности приводимъ цѣликомъ: ...omnes donaciones privilegia et emunitates ecclesiarum Cathedralium collegiatarum et conventualium, in terris nostris magni ducatus Lithuanie Russie Samogittie etc erectarum et erigendarum, fundatarum atque fundandarum, volumus illesas et inviolatas conservare et tueri ac protegere, iuxta nostram omnimodam potestatem. Quas quidem ecclesias cathedrales collegiatas conventuales tempore medio per mortem vel resignacionem si vaccare (sic!) contigerit et eas pastore carere, quarum ius patronatus ad nos et successores nostros dinoscitur pertinere pleno iure: tunc ipsis de alio vel aliis pastore vel pastoribus providendo, non alium vel alios presentare debemus, *nisi magni ducatus nostri Lithuanie indigenam*, si idoneitate et morum maturitate fuerit compertus; sin aliter, tunc alterius nacionis personam utilem et honestam ac congruam, que posset preesse et prodesse, debebimus presentare, tociens quociens opus fuerit et opportunum [1]). Этотъ параграфъ, собственно говоря, не вполнѣ тожественъ съ 14, который предусматриваетъ замѣщеніе свѣтскихъ должностей: 14 параграфъ ограничиваетъ политическія права государя, а 2—частныя. Для насъ станетъ вполнѣ яснымъ это вторженіе въ сферу частныхъ правъ великаго князя, если примемъ во вниманіе, что почти всѣ существовавшіе тогда въ Литвѣ костелы фундированы были великими князьями, такъ что открывалось широкое поле для антинаціональной политики государя. Особенная опасность такой по-

---

вилея Н. А. Максимейко (Сеймы Литовско-русскаго Госуд. до Люблинской уніи Харьковъ 1902. 66 и сл.), оспаривающій мнѣніе Любавскаго. Изъ-за этого привилея велась несомнѣнно сильная борьба, разъ Казимиръ, спустя 10 лѣтъ, вынужденъ подтвердить его нерушимость. Думается, что причины подтвержденія глубже, чѣмъ тѣ, которыя приводятся издателемъ, а именно: порча акта 1447 г., вслѣдствіе чего-де понадобилось удостовѣрить его силу путемъ второго акта. (Mon. medii aevi hist. T. XIV, № 76). На подтвержденіе его въ 1457 г. еще кажется никто не обратилъ должнаго вниманія.

1) Monumenta medii aevi historica res gestas Poloniae illustrantia T. XIV. Cracoviae 1894. № 7.

литики появляется послѣ избранія Казимира въ 1445 г. на польскій престолъ. Поэтому вполнѣ понятно стремленіе литовцевъ оградить себя отъ нея, и они ограждаются какъ разъ передъ отъѣздомъ Казимира въ Польшу. Но могло ли быть огражденіе надежнымъ въ виду клаузулы объ оцѣнкѣ великимъ княземъ качествъ кандидата, при помощи которой въ сущности можно было всегда обойти этотъ параграфъ? Она была неизбѣжна при тогдашнемъ положеніи вещей. Вѣдь семинарія появляется только во второй половинѣ XVI в. и въ Виленской и Медницкой епархіяхъ. Рукополагали въ священники лицъ, которыя умѣли прислуживать во время мессы, немножечко умѣли латынь, читать и писать [1]). Слѣдовательно, для комплектированія низшаго клера абсолютно необходимо было прибѣгать къ помощи поляковъ, особенно въ первое время. Впрочемъ для Медницкой епархіи полвѣка спустя была уничтожена и эта клаузула. Весьма любопытны обстоятельства ея отмѣны. Въ 1502 г. пріѣхалъ изъ Кракова въ Ворни ксендзъ Янъ, не умѣвшій по литовски. Представивъ грамоту отъ короля Александра, онъ требовалъ, чтобы епископъ назначилъ его настоятелемъ въ Вержболово. Епископъ вынужденъ былъ удовлетворить его требованіе, но въ тоже время, указывая на происходящія отъ такого замѣщенія неудобства, просилъ короля Александра подобныхъ лицъ не представлять. Король въ 1503 г. отказался отъ своего права патроната во всѣхъ построенныхъ великими князьями въ Медницкой епархіи костелахъ, уступая это право Жмудскимъ епископамъ [2]). Также и въ Виленской епархіи право патроната было уступлено, хотя и позже, епископу, но не полностью, какъ видно изъ заглавія дарственнаго акта, хранящагося въ Литовской метрикѣ [3]).

Мы до сихъ поръ разсматривали тѣ мѣры, которыми защищалась литовская народность вся цѣликомъ. Но имѣются слѣды этой борьбы даже въ отдѣльныхъ костелахъ. Такъ Давговскій намѣстникъ Богушъ Боговитыновичъ, по королевскому приказанію, выстроилъ въ Жижмо-

---

1) Przyagłowski. Op. cit. 150., Volonczauskas. Op. cit. 129.
2) Volonczauskas. Op. cit. 36.
3) И. И. Лаппо. Великое княжество Литовское т. I. СПБ. 1901, 572.

рахъ костелъ. Король же Сигизмундъ I въ дарственной грамотѣ въ 1520 требуетъ, «sztoby kapłan umieł po litowski kazati». [1]) Тотъ-же король требуетъ, чтобы въ Эйшишкахъ постоянно были два ксендза и чтобы одинъ изъ нихъ умѣлъ проповѣдывать по-литовски [2]). Трудно допустить, чтобы эти распоряженія сдѣланы были по личному почину короля. Вѣдь какъ разъ въ эпоху Сигизмунда I устраняются изъ Литвы ксендзы польскаго происхожденія изъ ордена Бернардиновъ. И появились-то они въ Литвѣ только потому, что были novella plantatio, лишенная польскаго національнаго оттѣнка [3]).

Само собою понятно, что мѣръ охранительнаго характера въ борьбѣ за народность мало: въ лучшемъ случаѣ онѣ только палліативъ, въ худшемъ—безполезны. Я не могу ни въ коемъ случаѣ согласиться съ Dr. Fr. Papée, что это стремленіе къ замкнутости было вреднымъ для Литвы и въ частности для городского и сельскаго населенія [4]). Во-первыхъ, городское населеніе было и въ самой Польшѣ анемично и поэтому вліянія на Литву оказать не могло, во-вторыхъ, въ Литвѣ, какъ и въ Польшѣ, не было благопріятныхъ для развитія городовъ условій и поэтому никакія искусственныя мѣры не могли бы поднять даже въ томъ случаѣ, если-бы въ Польшѣ оно было и въ цвѣтущемъ состояніи. Что-же касается превращенія сельскаго населенія въ «хамовъ» польскихъ, то вѣдь оно произошло не потому, что литовцы защищались отъ вліянія польскаго права, но, наоборотъ, потому что поддались этому вліянію.

На самомъ дѣлѣ въ Литвѣ было только стремленіе къ національной замкнутости, но оно на дѣлѣ слабо осуществлялось, особенно въ сферѣ чисто культурнаго вліянія. Образованіе, получаемое литовцами въ Краковской академіи, родственныя связи съ поляками путемъ браковъ, довольно частые общіе сеймы, пріѣзды королей изъ Польши въ Литву и т. д.—все это было такіе пути культурнаго вліянія, которыхъ никакими охранительными мѣрами не закрыть. Отстаивая литовско-русское государство и литовскую народность, литовская правящая знать

---

1) Przyałgowski Opus. cit. 127.
2) Ibid. 132.
3) Papée. Op. cit. 19.
4) Ibid. p. 19—20.

незамѣтнымъ для самой себя образомъ стала прежде всего терять связь со своей народностью. Даже тогда, когда она одерживала дипломатическую побѣду надъ поляками въ интересахъ своего государства,—даже съ этихъ литовско-польскихъ сеймовъ она возвращалась на родину менѣе національною. Это тѣмъ легче происходило, что вѣдь перемѣна національности для нея не было новостью. Верхи этой знати еще до крещенія Литвы успѣли въ значительной степени обрусѣть. Слѣдовательно полонизація литовской знати была въ сущности продолженіемъ стараго денаціонализаціоннаго процесса, только въ иномъ направленіи, чѣмъ прежде. Литовское прошлое не завѣщало никакихъ формъ дѣйствительной защиты національности. Въ тотъ моментъ, когда литовская національность создаетъ литовское государство, появляются враги изъ-внѣ, нѣмцы, которые грозятъ уничтожить и то, и другое. Въ борьбѣ за національную независимость литовцы, не имѣя достаточно силъ у себя, вынуждены опереться на сосѣдей—русскихъ. Въ такихъ условіяхъ, само собой, не могло быть уже и рѣчи о чисто національномъ государствѣ. Навязать русскому элементу, уже выработавшему опредѣленныя формы гражданственности, притомъ при численномъ превосходствѣ послѣдняго, формы литовской гражданственности, которыя сверхъ того предстояло еще выработать,—было бы не утопіей, а политическимъ абсурдомъ. Разъ литовцамъ силою обстоятельствъ пришлось создать не національное государство, а литовско-русское (цѣною какихъ жертвъ, мы уже видѣли) и вдобавокъ такое, которое само по себѣ заключало опасность для національности, единственною опорой для народности оставалась языческая религія. Что такая опора была ненадежная, само собой понятно. Къ тому же она рано-ли поздно неизбѣжно должна была пасть. Такимъ образомъ, литовская народность должна была искать новой опоры въ дальнѣйшей борьбѣ за свое существованіе. Легко понять, что такой опорой въ ея положеніи могла явиться только религіозно-національная культура. Но кто явится ея творцомъ? Высшее сословіе было въ ней не такъ заинтересовано. Всѣ свои запросы умственнаго и нравственнаго характера оно могло удовлетворить или на Востокѣ, или на Западѣ. Естественнымъ, конечно, ея творцомъ прежде всего должно было бы явиться духовенство, но мы уже видѣли, насколько оно само было невѣжественно. Самымъ

образованнымъ въ немъ являлось пришлое изъ Польши, но оно не знало литовскаго языка и къ тому же проявляло полонизаторскія тенденціи, тѣмъ болѣе что чисто національная политика епископа Матвѣя, вполнѣ совпадавшая съ его пастырскимъ долгомъ, не находила достойныхъ послѣдователей. Его преемникъ Николай Дзержгановичъ (1453—1462) главнымъ образомъ старается установить лучшія отношенія между поляками и литовцами [1]). А въ началѣ XVI вѣка встрѣчаемъ уже слѣды и совершенно обратной политики. Виленскій еп. Янъ изъ князей литовскихъ, побочный сынъ короля Сигизмунда I, желая распространить знаніе польскаго языка среди литовскаго люда, приказываетъ учителямъ разъяснять своимъ ученикамъ Евангеліе и письма св. Павла не только по литовски, но и по польски [2]). Безсиліе литовскаго духовенства показываетъ наглядно тотъ фактъ, что оно не въ состояніи было справиться съ язычествомъ, которое встрѣчается въ Литвѣ въ XVI вѣкѣ [3]).

Разсмотрѣнные выше факты показываютъ, что ряды борцовъ за литовскую національность рѣдѣютъ. Уже при переворотѣ 1 сентября 1432 г. мы наблюдали признаки распаденія національной партіи. Во время же княженія Сигизмунда Кейстутьевича этотъ распадъ не только не уменьшается, но, пожалуй, даже увеличивается, несмотря на то, что самъ Сигизмундъ являлся несомнѣннымъ представителемъ именно литовской національной политики. Возведенный на великокняжескій престолъ націоналистами только благодаря польскому содѣйствію, онъ, не успѣвъ еще упрочить своего положенія, дѣлаетъ попытки эмансипироваться отъ Польши. Средствомъ избираетъ Сигизмундъ ни больше, ни меньше, какъ вооруженную коалицію, въ которую должны были войти Альбрехтъ II, зять и преемникъ императора Сигизмунда, Тевтонскій и Ливонскій ордены, Рижскій архіепископъ, татары и Молдавскій господарь [4]). Хотя коалиція по разнообразнымъ причинамъ и не состоялась, но поляки

---

1) Przyałgowski. Op. cit. I 53.

2) Ibid. 115.

3) Ibid. 93. Volonczauskas. Op. cit. 38.

4) A. Lewicki Przymierze Zygmunta w. ks. litewskiego z królem rzymskim Albrechtem II (Rozprawy wydz. hist.-fil. Akad. Um. XXXVII) Kraków 1899. Барвіньскиій Op. cit. 87.

знали о замыслахъ Сигизмунда. Поэтому то Польша требуетъ съ него при каждомъ удобномъ случаѣ новаго акта уніи. И вотъ, будучи защитникомъ интересовъ великаго княжества и литовской народности во внѣшней политикѣ, Сигизмундъ не въ состояніи сплотить литовской партіи. Разладъ среди литовцевъ былъ уже настолько опредѣленный, что его подмѣчали даже чужеземцы: Ouch so sint dy hern und das lant zcu Littaw nicht gantcz eyns undir sich, eyns teyls seyn uf der Polen seythe geneyget und eyns teyles uf des grosforsten genaden seythe — такъ писалъ въ 1439 г. комтуръ Бранденбургскій гроссмейстеру [1]). Эту внутреннюю рознь, кромѣ внѣшнихъ вліяній, поддерживала также и внутренняя сословная политика Сигизмунда, которая самому ему стоила жизни. Думается, что Б. Барвиньскій правъ, усматривая именно въ ней причину заговора, такъ какъ приведенныя имъ данныя показываютъ, что этотъ заговоръ составленъ былъ не православными — русскими, старавшимися устранить враждебнаго ихъ вѣрѣ и національности великаго князя, какъ это обыкновенно думали, а литовцами — католиками [2]). Послѣ же убіенія Сигизмунда національная партія еще болѣе должна была распасться. Уже одинъ вопросъ о преемникѣ престола долженъ былъ ее разъединить и дѣйствительно разъединилъ: часть, въ особенности знать, прикрываясь актами уній Сигизмунда, занимаетъ города и замки именемъ польскаго короля Владислава, какъ великаго князя Литовскаго; другая же часть, въ особенности Жмудь, пытается провозгласить великимъ княземъ Михаила Сигизмундовича [3]). Хотя въ концѣ концовъ на великокняжескомъ престолѣ оказался Казимиръ, но сторонники Михаила не теряли надежды осуществить свою мысль. Между тѣмъ событія принимаютъ такой оборотъ, что Михаилъ не получаетъ даже своей вотчины — Трокскій удѣлъ, — которая была признана за нимъ актами, заключенными между Сигизмундомъ и Ягайломъ, а впослѣдствіи—между Сигизмундомъ и преемникомъ Ягайла. Сторонники Михаила поднимаютъ объ этомъ вопросъ въ Парчовѣ на литовско-польскомъ сеймѣ въ 1441 г., но ничего не могутъ добиться [4]).

1) Lewicki. Ibid. Приложеніе № 8.
2) Барвіньскій. Op. cit. 110—115.
3) Długosz Opera. IV Lib. XII, 621.
4) Ibid. 670.

Надежды ихъ ожили, когда Казимиръ былъ избранъ на польскій престолъ. Михаилъ хочетъ прежде всего примириться съ Казимиромъ и проситъ глейта для того, чтобы имѣть возможность лично видѣться съ королемъ. Глейтъ ему дается Казимиромъ 1 іюля 1447 г.[1]). Свиданіе состоялось въ Калишѣ, но безъ никакого результата, такъ какъ Казимиръ остался глухъ на всѣ просьбы[2]). Послѣ этого въ началѣ зимы Kazimiro rege in Lithuania perseverante multi ex Boyaris, nobilibus et communitate Lithuanorum Ducis Michaelis Principatum expetebant et propterea *secretis consiliis et conspirationibus* exquirebant modos, vias et ingenia, quibus ducem Michaelem possent in Ducatum Magnum Lithuaniae reponere et illius frui Principatu[3]). Но послѣдствіемъ этого было только то, что сторонники Михаила были устранены отъ управленія замками Самъ же Михаилъ едва жизнью не поплатился, такъ какъ по просьбѣ Казимира, желавшаго во что бы то ни стало получить его въ свои руки, крестоносцы караулили всѣ тѣ дороги, по которымъ онъ долженъ былъ проходить, возвращаясь изъ Мазовіи, куда онъ удалился послѣ безплодныхъ переговоровъ съ Казимиромъ[4]). Тогда только, когда ему удалось пробраться въ Молдавію, Михаилъ рѣшилъ попробовать счастья съ оружіемъ въ рукахъ при помощи татарскихъ войскъ. Разумѣется, онъ могъ получить отъ татаръ только слабую помощь и поэтому продолжительнаго успѣха не могъ имѣть. Дѣйствительно, Казимиръ въ 1449 г. овладѣваетъ всѣми тѣми городами, которые завоевалъ было Михаилъ[5]). Любопытно, что защитникомъ интересовъ Михаила, послѣ того какъ всѣ мѣры оказались безплодными, выступаетъ кардиналъ Збигневъ Олесницкій. Можно думать, что сторонники Михаила обратились къ нему съ просьбой о содѣйствіи. Конечно, Збигневъ никогда бы не согласился хлопотать о томъ, чтобы Литва имѣла отдѣльнаго великаго князя, такъ какъ это шло бы въ разрѣзъ съ его собственной политикой — возможно тѣснѣе связать Литву съ Польшей, но вѣдь приверженцы Михаила и не подумали бы просить

---

1) Mon. medii aevi hist. XIV № 10, 18—19.
2) Długosz Opera V L. XII, 35.
3) Ibid. 42—43.
4) Długosz. Op. cit. 35.
5) Ibid. 61.

Збигнева ходатайствовать о назначеніи Михаила великимъ княземъ: для нихъ достаточно было бы, если Михаилъ получилъ бы сначала только вотчину, а объ остальномъ можно было бы подумать впослѣдствіи. Для Збигнева въ этомъ дѣлѣ имѣлась и личная сторона: будучи ярымъ противникомъ Казимира, онъ могъ воспользоваться этимъ случаемъ для того, чтобы унизить короля. Какъ бы тамъ ни было, но онъ выступаетъ въ 1451 г. съ рѣзкой обличительной рѣчью противъ короля и притомъ публично, въ которой называетъ Казимира клятвопреступникомъ, обхожденіе его съ Михаиломъ характеризуетъ какъ 'facinus и грозитъ Божьими карами[1]). Само собой эта филиппика не имѣла никакого результата. Въ томъ же году умираетъ въ Москвѣ отъ яда Михаилъ Сигизмундовичъ. Послѣдняя его мысль — мысль о родной странѣ[2]). Превосходно характеризуется Длугошемъ и политическая шаткость момента, неувѣренность, кто завтра будетъ великимъ княземъ, и распадъ въ литовской партіи. Inter Lithuanos — говоритъ онъ — partim meror, partim alacritas de morte Ducis Michaelis erat, cum alii Principem mansuetum et benignum, Ducis quo-

---

1) Ibid. 87.

2) Длугошъ такъ передаетъ его предсмертное письмо, посланное изъ Москвы Казимиру: Etsi, serenissime Princeps, a patrimonio meo per te exclusus fuerim, nec unquam tuam gratiam multiplici humiliatione quaesitam, offerens me de iure patrimonii cedere, invenire potuerim, et exul atque vagus per nationes barbaras discurrendo, veneno et turpissima morte extinctus, sine confessione catholici presbyteri et viatico e vita excesserim: gratiam tamen quam vivo praestare noluisti, saltem praestes mortuo, et cadaver meum cum corporibus avorum et patrum meorum in Vilnensi ecclesia sepeliri et servari permitte (p. 105). Это письмо возбуждаетъ много сомнѣній. Во-первыхъ оно не *предсмертное*, а *посмертное*. Даже если допустить, что Михаилъ пишетъ для большаго впечатлѣнія, представляя себя умершимъ, то все же трудность не уменьшается. Вѣдь въ письмѣ опредѣленно говорится, что причина смерти ядъ. Откуда могъ бы объ этомъ знать Михаилъ? Только на основаніи несомнѣнныхъ признаковъ отравленія, т. е. при сильно дѣйствующихъ ядахъ. Но въ такомъ положеніи врядъ-ли въ состояніи больной думать о письмахъ. Во-вторыхъ, странно звучитъ желаніе Михаила быть похороненнымъ возлѣ дѣдовъ въ церкви. Вѣдь онъ отлично зналъ, что его дѣды были язычники, были сожжены и что сама ecclesia (каѳедральная церковь) появилась только при Витовтѣ. Поэтому думается, что это письмо сочинено Длугошемъ, какъ приверженцемъ кардинала Збигнева, чтобы очернить короля Казимира. Но фактъ посылки письма и сущность просьбы несомнѣнны. Впрочемъ и это, сочиненное Длугошемъ, письмо имѣетъ значеніе, какъ показатель пониманія личности Михаила современниками.

que Withawdi sanguine genitum, sibi suspirarent ademptum, alii solutos se metu gaudebant [1]).

Со смертью Михаила Сигизмундовича родъ Кейстута угасъ, а вмѣстѣ съ нимъ исчезла еще одна опора литовской національности. До сихъ поръ, отстаивая свою политическую независимость, которая выражалась прежде всего въ существованіи отдѣльнаго великаго князя, національная партія имѣла возможность поставить въ противовѣсъ Ольгердовичамъ, частью обрусѣвшимъ, частью ополячившимся, Кейстутьевичей. Самый уже фактъ существованія представителей весьма популярнаго въ Литвѣ имени Кейстута и Витовта, даже если бы они и не получили престола, заставлялъ Ягайловичей относиться съ бóльшимъ вниманіемъ къ литовской народности. Такъ оно и наблюдается въ дѣйствительности. Когда, напр., Казимиръ былъ провозглашенъ великимъ княземъ, онъ принужденъ отослать въ Польшу всю свою польскую свиту, которая прибыла съ нимъ въ Литву. Мало того, онъ принужденъ изучать литовскіе linguam et mores [2]). Послѣ же прекращенія династіи Кейстута противопоставлять Ягайловичамъ можно было только самихъ же Ягайловичей или обрусѣвшихъ Гедиминовичей. И тѣ и другіе, конечно, были плохими защитниками литовской народности. Если же Литва ищетъ себѣ среди нихъ отдѣльнаго отъ Польши великаго князя, то только для защиты интересовъ государственныхъ, а не національныхъ. Еще въ правленіе того же Казимира въ 1461 г. Литва, — въ историческомъ, а не этнографическомъ смыслѣ, — uniformi sententia проситъ короля назначить великимъ княземъ Симеона Олельковича [3]). Такимъ образомъ уже во второй половинѣ XV вѣка государственные литовскіе интересы окончательно берутъ перевѣсъ надъ національными и литовская національная партія претворяется постепенно въ государственную. Физіономію ея въ качествѣ литовской государственной партіи увидимъ впослѣдствіи.

---

1) Długosz Ibid. 105.
2) Ibid. IV, 658—9.
3) Ibid. V, 317.

II.

Въ XVI вѣкѣ произошли два событія, которыя оказали вліяніе на дальнѣйшія судьбы національнаго вопроса: это Люблинская унія и реформація. Въ предыдущей главѣ мы говорили о тѣхъ чисто механическихъ преградахъ, которыя литовцы ставили польскому вліянію. Въ моментъ заключенія уніи и эти слабыя преграды, по большей части, были сняты. Поэтому при условіяхъ, созданныхъ Люблинской уніей, процессъ денаціонализаціи долженъ былъ пойти значительно быстрѣе. Оно такъ и случилось. Едва прошло 30 лѣтъ послѣ заключенія уніи, какъ, по свидѣтельству Давкши, о которомъ еще будетъ рѣчь, литовцамъ польскій языкъ przez ono miłe ziednoczenie W. X. s sławną Koroną Polską niemal przyrodzony [1]). Въ виду такой опасности ополячиться тѣ изъ литовцевъ, въ которыхъ чувство собственной народности еще было живо, для защиты своей народности должны были взяться за болѣе дѣйствительныя средства, чѣмъ всякаго рода запрещенія. Кѣмъ и при какихъ обстоятельствахъ эта идея была усвоена, увидимъ при разборѣ второго явленія. — Реформація имѣла въ Литвѣ большое значеніе. Но какое? Историки не задумываясь отвѣчаютъ, что «культурное значеніе реформаціи громадно и въ великомъ княжествѣ Литовскомъ оно не было инымъ» [2]). По ходячему представленію, реформація породила литовскую письменность, и въ этомъ усматривается ея спеціальная заслуга передъ литовской національностью. Я не раздѣляю того мнѣнія, что существуютъ такія явленія, которыя сами по себѣ цѣнны и благотворны, гдѣ бы и когда бы они ни появились. Историкъ не имѣетъ права оцѣнивать идею самое по себѣ, а только съ точки зрѣнія ея результатовъ. Поэтому посмотримъ, какія послѣдствія принесла реформація для Литвы.

Культурная ея заслуга, по мнѣнію И. И. Лаппо, состоитъ въ томъ, что «она несла съ собой освобожденіе отъ господства папскаго автори-

---

1) Postilla Chatholicka Якуба Вуйка въ литовскомъ переводѣ Н. Давкши, перепечатанномъ Э. А. Вольтеромъ. СПБ. 1904. Вып. I, 3.

2) Лаппо. Op. cit. стр. 234.

тета, отъ неподвижности мысли, несла съ собой стремленіе къ истинѣ и горячее исканіе христіанскаго идеала». Затѣмъ, «распространеніе реформаціи требовало распространенія просвѣщенія, книги и школы» [1]).

Изъ предшествующей характеристики положенія литовской народности ясно, что освобожденіе отъ папскаго авторитета ставило литовца въ то же положеніе, въ которомъ онъ находился въ моментъ крещенія Литвы, къ тому-же для литовца могла быть только замѣна одного авторитета другимъ, но отнюдь не освобожденіе отъ авторитетовъ. О христіанскомъ же идеалѣ говорить не приходится тамъ, гдѣ даже не имѣется твердаго знанія христіанской обрядности. Справедливость этого иллюстрируетъ тотъ фактъ, что реформація способствовала возрожденію язычества. Полуязычникъ жмудинъ, замѣчая религіозную распрю между христіанами, вывелъ заключеніе, что они и сами не знаютъ, какъ надо вѣровать, и предпочелъ вернуться къ своимъ старымъ богамъ [2]). Что и шляхта, въ особенности мелкая, не стояла высоко, свидѣтельствуетъ любопытный фрагментъ театральной интермедіи половины 17 в., въ которомъ выведены два шляхтича, говорящіе на половину по литовски, на половину по польски. Польская рѣчь у нихъ сильно хромаетъ. Самый достопримѣчательный городъ, который имъ пришлось въ жизни видѣть — это Россіены (въ нынѣшней Ковенск. губ.). Хоть ихъ неразвитость, быть можетъ, для вящшаго эффекта и утрирована, но несомнѣнно въ основѣ это жизненные типы [3]). Чтобы оцѣнить общій уровень развитія шляхты, надо вспомнить, что школы появляются въ Литвѣ въ болѣе широкихъ размѣрахъ [4]) только послѣ призванія іезуитовъ, т. е. въ концѣ XVI вѣка, такъ что просвѣтительная дѣятельность ихъ падаетъ уже на XVII в. [5]). При

1) Ibid. 328.

2) Volonczauskas. Op. cit. 48.

3) Brückner Lituanica Arch. f. Slav. Phil. Bd. 13, 1891, стр. 222—3.

4) Такъ какъ школы существовали при церквахъ, то вопросъ о ихъ численности рѣшается приблизительно численностью церквей. О численности же церквей мы имѣемъ свидѣтельсто очевидца папскаго легата Ферреріа, который въ 1520 году подчеркиваетъ ихъ raritatem in tam spatiosa et ampla regione. J. Łukaszewicz Historya szkół w Koronie i w Wielkiem Księstwie Litewskiem Poznań 1849, t. I, 66—67.

5) Łukaszewicz Op. cit., весь 4 томъ (Poznań 1851) и Volonczauskas Op. cit. 133—155.

томъ всѣ они принадлежатъ двумъ монашескимъ орденамъ: іезуитамъ и піарамъ, что тоже должно было отразиться на характерѣ преподаванія. Только въ связи съ дѣятельностью этихъ школъ въ XVII в., какъ намъ свидѣтельствуетъ одинъ изъ болѣе видныхъ тружениковъ на этомъ поприщѣ, іезуитъ Кояловичъ, въ Литвѣ начинаетъ распространяться знаніе латинскаго языка, этого орудія европейской учености. Онъ объясняетъ цѣль своего труда переработки польской Кроники Стрыйковскаго слѣдующими, характерными для образованности его эпохи причинами: Quaemadmodum latinarum literarum cultus, in patria nostra in dies cumulatius excrescens, merito exigere videbatur, ut iuventuti quispiam scriptor ad manum esset, e quo cum domesticae Historiae cognitione, Romanae linguae notitiam gustumque, a tenero hauriret: ita non leviter vereri oportebat, ne si candidus nimis interpres integre universa e patrio sermone reddita latine vulgaret, auctorem optime de Litvania meritum, at plerisque locis extra leges Historiae libere inter suos provectum, censurae eruditi Lectoris obnoxium faceret[1]). Разъ въ XVI вѣкѣ школъ было чрезвычайно мало, то, не имѣя средствъ ѣхать за границу или нанимать домашнихъ учителей изъ-за границы, какъ это дѣлали магнаты, шляхта въ массѣ своей не могла быть образованной. Такимъ образомъ, остается зажиточная шляхта и аристократія. Но въ изучаемую эпоху о ней умѣстно уже поставить вопросъ, насколько она умѣетъ по-литовски и цѣнитъ этотъ языкъ. Это обнаружится при разсмотрѣніи ея просвѣтительной дѣятельности и реформаціонной пропаганды. Передъ нами рядъ симпатичныхъ дѣятелей реформаціи, главнымъ образомъ изъ Прусской Литвы. Особенно ярка среди нихъ одна личность—Авраамъ Кульва (Culvensis).

Единственный сынъ богатыхъ родителей, онъ получилъ прекрасное воспитаніе. Недовольствуясь краковскимъ университетомъ, онъ отправляется въ западную Европу. Его влечетъ слава Эразма Роттердамскаго въ Левенъ. Съ особымъ усердіемъ отдается онъ изученію греческаго и еврейскаго языковъ. Послѣ Эразма увлекаетъ Кульву Гокленіусъ, профессоръ латинскаго языка. Страстный поклонникъ античности, онъ мечтаетъ о родинѣ гуманизма Италіи. Отправляясь туда, онъ по пути

---

1) Historiae Lituanae Pars prior 1650. p. 2—3.

останавливается въ Виттенбергѣ. Подъ вліяніемъ Лютера онъ нѣсколько охладѣваетъ къ античнымъ писателямъ, занимаясь больше Священнымъ Писаніемъ. Однако и въ религіозныхъ вопросахъ его увлекаетъ не столько Лютеръ, сколько гуманистъ среди реформаторовъ Филиппъ Меланхтонъ.—Послѣ запрещенія Сигизмундомъ I обучаться въ «еретическомъ городѣ», Кульва отправляется въ Италію и тамъ получаетъ степень доктора правъ и, повидимому, богословія. Въ 1536 году Прусскій герцогъ Альбрехтъ назначаетъ его вицеректоромъ — должность ректора незамѣщена была, такъ какъ хотѣли на нее пригласить какого нибудь знаменитаго ученаго изъ Германіи — такъ называемаго Партикуляра, который вскорѣ переименованъ былъ въ университетъ. Уѣзжая на нѣкоторое время въ Литву, Кульва долженъ былъ сложить съ себя эту должность, но по возвращеніи въ Кенигсбергъ былъ назначенъ учителемъ сначала въ Партикулярѣ, а когда послѣдній вскорѣ переименованъ былъ въ университетъ, первымъ профессоромъ греческаго языка. Около молодого профессора группируются литовцы, которыхъ слава соотечественника привлекаетъ въ Кенигсбергъ.

Въ Литвѣ мы встрѣчаемся съ нимъ только спорадически. Здѣсь онъ пріобрѣтаетъ послѣ перваго же пріѣзда высокую покровительницу въ лицѣ королевы Боны. Онъ открываетъ въ Вильнѣ школу, въ которой у него собирается до 60 воспитанниковъ изъ знати. Выступаетъ онъ также какъ проповѣдникъ и ведетъ диспуты съ католиками. Однако ни покровительство Боны, ни другихъ магнатовъ литовскихъ, не могло защитить его отъ преслѣдованія со стороны виленскаго епископа. Поэтому-то онъ могъ только изрѣдка появляться въ Литвѣ и то не безъ опасности. Умеръ онъ въ Литвѣ и, какъ подозрѣвала его мать, отъ яда, даннаго ему докторомъ-католикомъ. Отчетливо подмѣчая всѣ остальныя черты его характера, мы не видимъ во всю жизнь, въ какомъ отношеніи онъ находится къ своей національности. Она рисуется передъ нами только въ моментъ его смерти, когда онъ заставляетъ своихъ окружающихъ пѣть псалмы, которые онъ самъ перевелъ на литовскій языкъ и которымъ ихъ научилъ [1]). Безъ этого обстоятельства, мы не могли бы знать, что

1) Dr. Wotschke. Abraham Culvensis. Altpreuss. Monatsschr. 1905. H. 3—4, стр. 167.

эта образованнѣйшая, притомъ европейски, личность своей эпохи въ частной жизни не отдѣляется отъ своего народа. Но для своей народности все же онъ ничего не сдѣлалъ. Немногимъ больше сдѣлали и другіе реформаторы. Когда мы читаемъ предисловіе къ одной изъ первыхъ протестантскихъ книгъ на литовскомъ языкѣ, именно «Catechismusa prasty szadei» 1547 г.[1]), начинающееся обращеніемъ ad magnum ducatum Lituaniae, когда съ первыхъ же словъ замѣчаемъ негодованіе о католической cautio, nequis in Apostolorum prophetarumque sacrarium introducatur lingua vernacula loquens, когда мы видимъ неподдѣльную скорбь автора, что prae ceteris nationibus nostra gens ignara rudisque, не въ состояніи прочесть даже начала «Отче нашъ»[2]),—мы получаемъ впечатлѣніе, что это темное наслѣдіе католичества протестантство разрушитъ и поведетъ литовскій народъ по пути просвѣщенія. Но у насъ закрадывается сомнѣніе, когда раскрываемъ письмо герцога Альбрехта, писанное въ 1546 г. въ княжескую Литву къ Ивану Бѣлевичу. Изъ письма узнаемъ, что многіе приходы въ Пруссіи не имѣютъ пасторовъ и что податель письма поэтому посланъ въ Литву, ut aliquot doctos et linguae Lithuanicae peritia

---

1) A. Bezzenberger. Lit. u. Lett. Drucke des. 16 Jahrh. 1—4. Э. Вольтеръ. Литовская Хрестоматія. Вып. I, 1901, стр. 3—4.

2) Слѣдующими красками рисуетъ авторъ религіозное сознаніе массъ, быть можетъ, судя по обращенію къ великому княжеству, не въ одной только Пруссіи; quam paucos reperias de plebe, qui non dicam catecheseos integram doctrinam probe teneant, sed qui vel primam Dominicae precationis syllabam queant recitare. Imo, quod auditu horribilius est, multi etiamnum manifestam idolatriam et exercent et profitentur palam: alii arbores, alii flumina, alii serpentes, alii aliud colunt honorem exhibentes divinum. Sunt qui Percuno vota faciant, quibusdam ob rem frumentariam Laucosargus et propter pecuariam Semepates colitur. Qui ad malas artes adiciunt animum, Eithuaros et Caucos Deos profitentur suos. Это результатъ христіанизаціи литовцевъ, достигнутый орденомъ въ теченіе 300 слишкомъ лѣтъ! О томъ какъ шло религіозное воспитаніе покоренныхъ орденомъ литовцевъ послѣ крещенія ихъ огнемъ и мечомъ, имѣется любопытнѣйшій оффиціальный документъ—постановленіе Базилейскаго Собора: Самбійскій еп. Михаилъ жаловался собору, что rectores parochialium ecclesiarum in diocesi Sambiensi et circa partes Samogitarum et aliarum diversarum linguarum constituti sunt, ipsorum parochianorum ydeoma intelligibiter loqui ignorantes, *confessiones per interpretes audire presumunt*. Соборъ по поводу этой жалобы постановилъ недопустить, чтобы подобные священники занимали приходы. Monumenta medii aevi hist. T XII. № 236. p. 345—6.

instructos viros adduceret [1]). Намъ сразу становится яснымъ, что національныхъ культурныхъ дѣятелей реформація не имѣетъ, по крайней мѣрѣ въ Пруссіи. Но, можетъ быть, они имѣлись въ Литвѣ? Вѣдь уговорившій А. Кульву въ 1544 г. вернуться изъ Кенигсберга въ Литву пріятель его Заблоцкій надѣялся подъ покровительствомъ вельможъ реформаціоннаго образа мыслей широко распространить по Литвѣ истинное Божье слово путемъ проповѣди [2]). Но по свидѣтельству протестантскаго автора литовскихъ проповѣдей 1591 г. И. Бреткуна (Bretkius) въ Литвѣ nicht das geringste Büchlein, in littauischer Sprache, bis dahero geschrieben worden [3]). Кромѣ того, мы имѣемъ и непосредственное свидѣтельство о національно-культурной несостоятельности реформаціи въ Литвѣ, исходящее изъ подъ пера одного изъ ея дѣятелей. Переводчикъ литовскаго катехизиса (1598), Виленскій земскій писарь Мальхеръ Петкевичъ такъ говоритъ въ предисловіи: Wiedząc y widząc Katechizmu Litewskiego być wielką y pilną (zwłaszcza w tych kráiach naszych W. X. Lit.) potrzebę abowiem kędyby nauka o woli Bożey zrozumianym ięzykiem ludowi pospolitemu słusznie podawana być miała, to zaś dla nieumieiętności *Kaznodziey y wielu Gospodarzow* Litewsszczyzny w zaniedbanie przyszło, gdyż niektorzy Patronowie prze niesposobienie Litewskiego Kaznodzieie Polaki chować zwykli [4])...— по всему этому онъ предпринимаетъ переводъ. Приведенные факты съ достаточной очевидностью показываетъ, что реформація въ Пруссіи и въ Литвѣ была бѣдна просвѣщенными дѣятелями. И тѣ, кто вводятъ употребленіе литовскаго языка, дѣлаютъ это для спасенія душъ, а не въ интересахъ созданья литовской національной культуры. Стоитъ вспомнить хотя бы вышеупомянутое обращеніе ad magnum ducatum Lituaniae:

Fausta ducum magnorum altrix, Lituania clara,
Haec mandata Dei suscipe mente pia,

---

1) Wotschke. Op. cit. Прил. XXV, стр. 193.

2) Ibid. 165.

3) A. Bezzenberger. Zur litau. Litteraturgeschichte. Mitteilungen d. lit. litterar. Gesellschaft. III, 2 стр. 122.

4) A. Brückner. Der litauisch.-polnische Cathechismus vom Jahre 1598. Arch. f. Slav. Phil. Bd. 13, 1891 стр. 558.

Ne te, cum dederis rationes ante tribunal
Augustum, magni iudicis ira premat.

Легко понять, что и результатъ этихъ усилій отдѣльныхъ благотворителей въ сущности долженъ быть ничтожнымъ.

Но какъ-же тогда объяснить фактъ легкаго и быстраго распространенія реформаціи по Литвѣ? Вѣдь, напр., въ Медницкой епархіи осталось только 7 ксендзовъ вѣрныхъ католичеству [1]). Исключительно внѣшними причинами. Принятіе протестантизма литовскою знатью вызывало подражаніе, а часто и выгоду для ея численныхъ кліентовъ, съ другой же стороны, эта знать имѣла и весьма реальное средство вводить протестантизмъ. Будучи патронами костеловъ, она имѣла полное право превратить ихъ изъ католическихъ въ протестантскіе. Насколько широко пользовалась она этимъ правомъ, свидѣтельствуетъ папскій нунцій Маласпина: skoro tylko umrze jaki proboszcz szlachcić zabiera plebanią i grunta należące do kościoła parafialnego. Одинъ только, напр., Виленскій воевода кн. Радивиллъ захватилъ десять миль епископскихъ земель [2]). Ожидать сопротивленія отъ полуязыческаго литовскаго населенія, для котораго католичество еще не успѣло сдѣлаться національной религіей, мы не можемъ. Но съ другой стороны этимъ-же объясняется и быстрое исчезновеніе протестантизма. — Окончательно выяснится значеніе реформаціи для литовской національности только тогда, когда узнаемъ, какими культурными силами въ эпоху распространенія реформаціи обладало католичество. Преимущество оказывается на сторонѣ послѣдняго.

Та мысль, недававшаяся литовскому протестантству, что народное просвѣщеніе только тогда можетъ успѣшно развиваться, когда есть національные просвѣтители, ясно усвоена кружкомъ Жмудскаго епископа князя Мельхіора Гедройця. О культурно-національной политикѣ князя Гедройця мы знаемъ благодаря канонику Николаю Давкшѣ, одному изъ самыхъ

---

1) Koiałowicz. Miscellanea rerum Ad Statum Ecclesiasticum In Magno Ducatu Lituaniae pertinentium. Vilnae 1650, p. 15.

2) Relacye nuncyuszów i innych osób o Polsce od roku 1548 do 1690. T. IV. 1864, стр. 89.

яркихъ его сподвижниковъ. Изъ двухъ предисловій къ переводу Вуйковой Postilla Catholicka, латинскаго и польскаго, мы узнаемъ этого замѣчательнаго дѣятеля не только какъ личность, но и какъ патріота и, что самое главное, можемъ угадать планъ созданія національной культуры. Мысли, изложенныя въ польскомъ предисловіи, казались мечтаніями самого Давкши, но изъ недавно найденнаго Э. А. Вольтеромъ латинскаго предисловія слѣдуетъ, что послѣдній былъ только исполнителемъ воли епископа Гедройця. Планъ кн. Гедройця стоитъ въ тѣсной связи съ понятіемъ національности, которая опредѣляется, по мнѣнію Давкши, тремя признаками: территоріальностью (grunty oyczyste), обычаями, и языкомъ, Особенно громадная роль приписывается послѣднему. Nie źiemie obfitośćią, nie rozność́ią ubiorow, nie wesołść́ią kraiow, nie miast y zamkow mocnośćią narody stoją, ale więcey *zachowaniem i używaniem ięzyka własnego*, kthory społeczność zgodę y miłość braterską mnoży i zachowuie. Ięzyk iest spolnym związkiem miłośći, matka iedności, oycem społecznośći, państhw strożem. Znieś ten, zniesiesz zgodę, unią i wszystko dobro. Znieś ten, zniesiesz słońce z nieba, pomieszasz porządek świata, odeymiesz żywot i sławę. Въ доказательство справедливости своихъ положеній Давкша ссылается на природу и на исторію. Каждый звѣрь, каждая птица имѣетъ свой голосъ, отличающій ее отъ остальныхъ. Нарушеніемъ было-бы естественнаго порядка, если-бы, напр., воронъ захотѣлъ пѣть по соловьиному, а соловей каркать ворономъ; то же и въ исторіи: вражда племенъ, войны между ними происходятъ благодаря тому, что они имѣютъ различные языки, и наоборотъ, существованіе Персіи, Греціи, Арабіи, расцвѣтъ Рима объясняются любовью къ родному языку. Поэтому всѣ народы на родномъ языкѣ пишутъ законы, дѣянія свои и чужія, стараго и новаго времени; совѣщаются о государственныхъ дѣлахъ; исполняютъ всякія дѣла въ церкви, въ совѣтѣ, дома. Такимъ образомъ, божественное и естественное право предписываетъ каждой національности охранять свой языкъ, или, говоря словами автора, Bóg y natura chce aby mowił каждый на родномъ языкѣ.

Такова была программа князя Гедройця. Въ теченіе всей своей жизни онъ ревностно старается осуществить ее. И какъ пастырь церкви, и какъ

національный дѣятель онъ долженъ былъ обратить особое вниманіе на нужды массъ населенія. Мы уже указывали, сколько ксендзовъ осталось вѣрными католичеству въ Жмудской епархіи. Поэтому немедленно же послѣ посвященія въ епископы онъ пишетъ письмо къ Виленскому епископу Валеріану Протасевичу, прося прислать ксендзовъ, умѣющихъ по литовски[1]). Пишетъ онъ въ 1587 г. также іезуитскому генералу, прося прислать нѣсколько подходящихъ лицъ. Изъ этого письма мы узнаемъ, что уровень массъ въ сущности такой же, какъ и въ Пруссіи: In maxima, пишетъ еп. Гедройцъ, episcopatus nostri parte, qui sit confessus in vita, invenias nullum; nullum qui communicaverit unquam; nullum qui *Pater noster*, aut signum crucis formare norit; nullum denique, qui aliquam cognitionem mysteriorum fidei habeat; uno hoc illi contenti: Lutherani non sumus: carnes die Veneris non comedimus[2]). Само собой понятно, что приглашенные сотрудники только въ весьма слабой степени могли удовлетворить нужды церкви. Поэтому одной изъ главныхъ заботъ еп. Гедройця является воспитаніе молодого поколѣнія сотрудниковъ, для чего онъ учреждаетъ семинарію. Часть необходимыхъ на это средствъ оставилъ его предшественникъ еп. Петкевичъ[3]), остальную же еп. Гедройцъ принялъ на себя[4]). Что эти его заботы увѣнчались успѣхомъ, свидѣтельствуетъ кан. Давкша, говоря, что уже достаточно имѣется и священниковъ, и проповѣдниковъ на родномъ языкѣ[5]). Уже одно созданіе кадровъ національнаго духовенства было крупной заслугой передъ народностью. Въ этомъ направленіи заботы еп. Гедройця тѣмъ болѣе были цѣнны, что его дѣятельность не ограничивалась предѣлами одной только Жмудской епархіи. Съ уходомъ Виленскаго епископа кардинала Г. Радивилла въ Краковскую епархію въ теченіе девяти лѣтъ Виленская каѳедра оставалась не замѣщенной. Тогда то для еп. Гедройця открылось довольно широкое поле вліять на церковную жизнь всей Литвы. Въ чемъ конкретно это вліяніе выра-

---

1) Volonczauskas. Op. cit. 50.

2) St. Rostowski: Lituanicarum Societatis Jesu Historiarum libri decem Ed. Martinov. Parisiis 1877 p. 153.

3) Volonczauskas Ibid. 49.

4) Postilla Catholicka, перепечатанная Э. А. Вольтеромъ. Вып. II. XXXV.

5) Ibid. XXXIV.

жалось, отчетливо усмотрѣть нельзя, такъ какъ Давкша говоритъ объ этомъ въ общихъ выраженіяхъ [1]). Любопытно, что кн. Гедройць не пожелалъ занять предложенную ему послѣ ухода Радивилла каѳедру. Біографъ его Кояловичъ объясняетъ этотъ отказъ мотивами нравственнаго характера: нежеланіемъ покупать за деньги болѣе почетную каѳедру, такъ какъ, соглашаясь на переводъ, онъ долженъ былъ бы внести 4000 флориновъ [2]). Что подобная продажа епископскихъ должностей широко практиковалась, доказываетъ цѣлый рядъ данныхъ, собранныхъ въ книжкѣ Н. Любовича [3]). Можно думать, что не эти, или не однѣ эти причины обусловили отказъ отъ занятія Виленской каѳедры. Вѣдь занявъ первую въ княжествѣ епископію, онъ принужденъ былъ бы болѣе заниматься общегосударственными дѣлами и, слѣдовательно, не могъ бы всецѣло отдаться осуществленію своей програмы.

Выше мимоходомъ было замѣчено, что успѣшность просвѣщенія массъ еп. князь-Гедройць видѣлъ въ наличности національныхъ просвѣтителей. Создавая такихъ просвѣтителей въ лицѣ духовенства для массъ, онъ понималъ, или, быть можетъ, инстинктивно чувствовалъ, что этого мало, что надо пробудить засыпающее уже національное самосознаніе среди другихъ, привилегированныхъ слоевъ литовскаго общества. Какое же существуетъ для этого средство? При изложеніи програмы я указалъ, какая выдающаяся роль приписывается языку. Но языкъ здѣсь надо понимать шире. Изъ всѣхъ приводимыхъ Давкшею примѣровъ видно, что подъ языкомъ у него подразумѣвается вся интеллектуальная жизнь народа, поскольку она, переводя на современную терминологію, проявляется въ литературѣ. Стало быть средство найдено: надо создать національную литературу. Нужды церкви съ одной стороны, умственный уровень образованнаго литовскаго общества, съ другой, опредѣлили характеръ нарождающейся литературы: она могла быть только духовной и, само собой разумѣется, переводной. Первое мѣсто среди сохранившихся до насъ переводовъ, сдѣланныхъ по распоряженію еп. кн. Гедройця, занимаетъ Postilla

---

1) Ibid. XXXV.
2) A. Koiałowicz, Miscellanea p. 15.
3) Исторія реформаціи въ Польшѣ Въ Варшавѣ 1883, стр. 14 и слѣд.

Catholicka Я. Вуйка. Легко понять, почему палъ выборъ на это сочиненіе. Вѣдь въ это время оно пользовалось широкой извѣстностью, было переведено на нѣмецкій и чешскій языки. Какой же читатель имѣлся въ виду для этой книги? Говоря словами самого Давкши, который тутъ же оговаривается, что это мысль еп. Гедройця, это summi, infimi, mediocres, т. е. всѣ классы населенія Литвы (II, XXXV). Поэтому переводчикъ обращается часто прямо къ великому княжеству: Przymi W. X. L. tę maluczką pracę moie, lecz z wielkiey chęci przeciw tobie pochodzącą (I, 3), проситъ онъ. Точно также онъ высказывается, что причиной предпринятаго труда была мысль о oyczystej krainie, которой онъ желаетъ служить и оказать помощь (I, 1). Но иногда онъ указываетъ и на отдѣльныхъ читателей. Такъ, тѣ Gospodarzy katolickie (очевидно средняя шляхта, т. к. мелкая въ большинствѣ случаевъ неграмотна), которые въ праздничный день не могутъ пріѣхать въ церковь, чтобы не лишиться духовной пользы, должны читать дома предлагаемыя проповѣди (I, 4). Само собой, онъ обращается и къ духовенству, указывая, какіе печальные результаты получаются, когда пастырь или не знаетъ языка паствы, или гнушается имъ (brzydzi się) (I, 3). Онъ готовъ помочь своимъ трудомъ тому собрату — пастырю, который затрудняется и теряетъ много времени na materyey i na słow zbieraniu (I, 4). Но онъ въ концѣ концовъ готовъ отказаться отъ всякой другой пользы, которую могъ бы ожидать отъ своего труда; dosyć mi będzie na tym,— говоритъ онъ, — że tą iakożkolwiek małą pracą moią iak mniemam y żądam, *dam powod y pochop naszym ku ięzyka oyczystego zamiłowaniu, zachowaniu y roskrzewieniu.* Ponieważ na nim nam y wszystkim mieszkańcom W. X. L. tak wiele iak się rzekło należy (I, 4). Итакъ, цѣль труда — положить начало литературѣ на родномъ языкѣ. И эту цѣль Давкша весьма опредѣленно приписываетъ кн. Гедройцю, обращаясь къ нему со слѣдующими словами: Illud vero *immortale ac prope divinum tuum consilium*, quo summis, infimis, modiocribus studere cupiens, sacras, supra totius anni Ewangelia, gentis tuae idiomate interpretationes, *et fieri curasti*, *et Tipis mandasti*, quantum tibi apud Deum mercedis et premii, quantum apud tuos gentiles laudis, quantum apud posteros memoriae comparaveris, verbis exprimi vix potest (II,

XXXV). Уже изъ приведеннаго отрывка ясно, что Давкша, а стало быть и князь Гедройць, надѣялись, что брошенныя ими сѣмена не пропадутъ, а принесутъ ожидаемый плодъ, т. е. что литовская литература будетъ развиваться дальше. Больше того, они надѣялись, что не только они въ тѣсномъ кружкѣ будутъ стараться надъ созданіемъ литовской литературы, но что въ этомъ, по крайней мѣрѣ, дѣлѣ имъ удастся объединиться съ тѣми соотечественниками, съ которыми ихъ раздѣлила религіозная распря. Прямого указанія на это не имѣется, но на такое толкованіе напрашивается одно загадочное мѣсто, гдѣ перечисляются заслуги еп. кн. Гедройця. Tibi enim patria — говоритъ Давкша — ob propensam in se voluntatem, Ecclesiarum moderatores ob labores sibi iminutos, cives ob caelestem salutaremque doctrinam propositam: *reliqui omnes ob patrium sermonem a squalore et interitu vindicatum perpetuo plurimum debebunt* (II. XXXV). Что patria, т. е. государство должно быть благодарно, это станетъ яснымъ, когда мы разсмотримъ политическую дѣятельность кн. Гедройця; что духовенство и обыватели, которые получатъ моральную пользу отъ его трудовъ, заключающихся въ религіозной сторонѣ созидаемой литературы, благодарны,—это понятно само собой. Но кто же эти reliqui omnes? Вѣдь они благодарны только за спасеніе отъ гибели родного языка, но отнюдь не за caelestis salutarisque doctrina. Очевидно тѣ, которые этой doctrina не признаютъ, могутъ быть только не католиками, т. е. кальвинами, лютеранами. Съ такимъ пониманіемъ превосходно вяжется и цитированное выше мѣсто о томъ, чего желалъ достигнуть своимъ переводомъ Давкша. Если даже объединеніе въ данный моментъ и не было возможнымъ, то во всякомъ случаѣ предполагалось, что эта сторона дѣятельности кн. Гедройця должна найти общее признаніе, стало быть такое объединеніе считалось возможнымъ, хотя бы въ будущемъ. Противъ принятія подобнаго толкованія большинство, вѣроятно, возразитъ, что такой терпимости къ чужимъ убѣжденіямъ нельзя ожидать отъ католическаго епископа, притомъ еще въ XVI в. Но факты доказываютъ существованіе ея и гораздо раньше. Ревностный католикъ, напр., Сигизмундъ Кейстутьевичъ не проявляетъ ни малѣйшей склонности проводить или поддерживать унію съ западной церковью въ православной русской части своихъ владѣній. Если это былъ актъ политической мудрости со стороны

Сигизмунда, отчего же мы не имѣемъ права предполагать того же въ личности, которая современниками признавалась весьма умною[1]).

Итакъ, предполагалось, что читатель и продолжатель начатаго им дѣла будетъ литовецъ, стоящій на различныхъ ступеняхъ соціальной лѣстницы, притомъ самаго разнообразнаго образа мыслей. Но спрашивается, имѣли-ли эти надежды подъ собой реальное основаніе и чѣмъ можно было привлечь этихъ лицъ для общенароднаго дѣла? Самъ же Даукша свидѣтельствуетъ, что rzadki iest u nas *zwłaszcza z przednieyszych*, ktoryby w języku polskim biegłym nie był. Стало быть эти лица для личнаго образованія въ созданіи литовской литературы не заинтересованы Они, посколько будутъ участвовать въ этомъ дѣлѣ, исходить могутъ только изъ интересовъ своей національности. Этимъ мы подошли къ другому вопросу, какъ относились литовскіе верхи къ своей національности. Самъ же Даукша подмѣтилъ проявленія *отрицательнаго* ихъ отношенія къ своей народности и осуждаетъ это zaniedbanie a *sbrzydzenie y niemal odrzucenie* języka naszego własnie Litewskiego (I, 3). Вотъ этихъ то лицъ имѣя въ виду главнымъ образомъ, излагаетъ онъ свои соображенія о значеніи родного языка для сохраненія даже политической самостоятельности народа, соображенія, съ которыми мы ознакомились при изложеніи программы кн. Гедройця. Но князь Гедройць хорошо понималъ, что однихъ увѣщеваній для поддержанія угасающаго въ верхахъ сознанія своей національности мало. Онъ понимаетъ, что единственнымъ средствомъ для пробужденія живости этого сознанія является исторія. Поэтому онъ рѣшаетъ дать литовцамъ исторію Литвы. Судьба посылаетъ ему въ лицѣ Стрыйковскаго человѣка, который могъ исполнить эту задачу болѣе или менѣе удовлетворительно. Еп. Гедройць скоро привлекаетъ его для своего дѣла, назначая его каноникомъ Жмудскимъ, съ каковымъ званіемъ связаны были опредѣленные доходы—praebenda. Насколько кн. Гедройць дорожилъ своею мыслью имѣть исторію Литвы, можно заключать изъ того, что самъ будучи чрезвычайно строгаго образа жизни и чрезвычайной набожности, за что вскорѣ послѣ смерти прослылъ святымъ, каноникомъ назначаетъ лицо

---

1) Tanta illi erat apud omnes prudentiae opinio. Koiałowicz Miscellanea 15.

свѣтское. Проф. И. Даниловичъ предполагалъ, что Стрыйковскій zaczął wydobywać z oceanu odmętu i głuchego milczenia dzieje Litwy z woli, rozkazu i pod wpływem żmudzkiego biskupa Melchiora Giedrojcia[1]). Поскольку И. Даниловичъ имѣлъ въ виду инициативу, онъ ошибся, такъ какъ начало написано у Слуцкого князя Юрія Олельковича въ замкѣ послѣдняго. Когда и подъ чьимъ вліяніемъ созрѣла у Стрыйковскаго мысль писать Кронику, указаній не имѣется. Возможно, что самъ авторъ пришелъ къ такой мысли подъ вліяніемъ своихъ «сарматскихъ студій». Гостя у кн. Олельковича, Стрыйковскій успѣлъ, какъ самъ говоритъ, написать только aliquam partem[2]), Когда же въ 1578 г. кн. Олельковичъ умеръ, Стрыйковскій переѣхалъ къ еп. кн. Гедройцю и уже весь свой трудъ заканчиваетъ у послѣдняго. Въ 1580 г. Стрыйковскій ѣдетъ въ Пруссію для печатанія, получивъ отъ короля Стефана Баторія привилегію на исключительное право продажи этого своего труда въ теченіе десяти лѣтъ. Повидимому и эту привилегію получилъ онъ, благодаря содѣйствію кн. Гедройця. 16 сентября того же года онъ уже пишетъ посвященіе второй книги своему покровителю, называя его Меценатомъ. Изъ этого посвященія видно, что Kronika появляется только благодаря тому, что Богъ подослалъ для этого труднаго дѣла князя Гедройця[3]). Изъ образнаго выраженія Стрыйковскаго нельзя опредѣлить, исчерпывается ли эта помощь канонникатомъ. Зная же щедрость еп. Гедройця, когда вопросъ шелъ о нуждахъ родины, можно предположить, что онъ же далъ средства и на изданіе Кроники, тѣмъ болѣе что Стрыйковскій часто подчеркиваетъ въ своемъ произведеніи свою честную бѣдность, стало быть на личныя средства не могъ ее издать. Во всякомъ случаѣ Стрыйковскій чувствуетъ себя обязаннымъ дать отчетъ передъ еп. Гедройцемъ въ своихъ занятіяхъ и съ радостью и гордостью подчеркиваетъ, что этотъ отчетъ даетъ онъ iusto calculo[4]).

---

1) Wiadomość o właściwych litewskich latopiscach, приложенная къ Варшавскому изданію «Kroniki» Стрыйковскаго 1846 г. I. (47).

2) Kronika XI.

3) votis nostris eodem qui aurem vellit et admonuit Deo aspirante, ac arduo Atlanteoque oneri Alcidem, Tuam Celsitudinem submittente, iam iam editurus sum. Ibid. 25.

4) Ibid. 26.

Но это посвященіе является цѣннымъ документомъ не только для опредѣленія отношеній Стрыйковскаго къ кн. Гедройцю; изъ него мы можемъ извлечь и нѣкоторыя данныя для програмы жмудскаго епископа, въ особенности если сопоставить это посвященіе съ двумя другими. Какъ извѣстно, почти каждая книга Кроники посвящена кому нибудь изъ литовской знати, но только четыре посвященія сопровождаются текстомъ, а именно: королю Стефану Баторію, Виленскому еп. кн. Г. Радивиллу, сыновьямъ кн. Юрія Олельковича и жмудскому еп. кн. М. Гедройцю. И вотъ, если сопоставить посвященія Радивиллу, Олельковичамъ и Гедройцю, то сразу же замѣчается разница не только въ отношеніяхъ Стрыйковскаго къ даннымъ лицамъ, но и въ характерахъ этихъ лицъ. По отношенію къ Радивиллу Стрыйковскій абсолютно ничѣмъ не обязанъ и если пишетъ посвященіе ему, то только какъ примасу великаго княжества [1]). Въ самомъ же посвященіи послѣ перечисленія различныхъ подвиговъ Литвы онъ тутъ же подчеркиваетъ, что многіе изъ нихъ совершены подъ предводительствомъ Радивилловъ. Говоря о своемъ сочиненіи, онъ указываетъ, какъ часто тамъ упоминается родъ Радивилловъ и какъ прославляются ихъ добродѣтели. Если вспомнимъ теперь, что какъ разъ въ эту эпоху Радивиллы, самый вліятельный и самый богатый родъ во всемъ княжествѣ, руководствуются и въ государственныхъ вопросахъ соображеніями личнаго характера [2]), намъ станетъ совершенно ясно, почему именно выдвигаетъ здѣсь Стрыйковскій ихъ родъ. Совершенно также и въ посвященіи Олельковичамъ Стрыйковскій подробно говоритъ объ ихъ родословной и подвигахъ ихъ предковъ. Очевидно, въ обоихъ случаяхъ, желая сказать пріятное, Стрыйковскій считаетъ таковымъ для нихъ славу рода. Ничего подобнаго не находимъ въ посвященіи Гедройцю. Вѣдь если въ данное время родъ Гедройцевъ и не принадлежалъ къ числу блестящихъ, то въ смыслѣ древности, по представленіямъ современниковъ и самого Стрыйковскаго, онъ самый древній. Исходя изъ представленій о происхожденіи Литвы отъ Полемона или Публія Либона, выселившихся изъ Рима, Стрыйковскій въ одномъ изъ спутниковъ ихъ видитъ протопласта рода кн. Гедройцевъ.

1) Kronika I, VIII.

2) Ѳ. Уманецъ. Русско-литовская партія въ Польшѣ 1574—86 г. Ж. М. Н. Пр. 1875 № 12, 239 стр.

Затѣмъ, касаясь подробнѣе ихъ рода съ Гедруса сына великаго князя Ромунта, какъ родоначальника ихъ имени, онъ упоминаетъ о славныхъ дѣяніяхъ этого рода, о которыхъ даже приводитъ народную пѣснь [1]). Стало быть, если бы онъ хотѣлъ прославлять передъ своимъ покровителемъ его родъ, имѣлъ бы для этого достаточно матеріала. Между тѣмъ онъ только вскользь, говоря о потомкахъ Полемона, resp. П. Либона, которые posteris suis amplissimam hanc reddiderunt patriam, замѣчаетъ, что отъ нихъ происходитъ гербъ рода Гедройцевъ. Но за то онъ выдвигаетъ Литву и притомъ собственную Литву [2]). Онъ даже ни разу не упоминаетъ русской народности, а вѣдь въ посвященіи, напр., еп. Радивилу говоритъ и о ней. Думается, что это умалчиваніе намѣренное. Вѣдь Стрыйковскій любитъ неоднократно подчеркивать, что онъ первый разработалъ литовскую и русскую исторію, а между тѣмъ въ посвященіи кн. Гедройцю говоритъ: ego nemine praeeunte et in tot saeculorum obscurissima *vestrae gentis Lituanae* Historia nullo Duce hactenus sese offerente imprimis aggressus etc. Значитъ, если умолчалъ здѣсь о русской народности, онъ зналъ, что Гедройцю важна исключительно литовская народность. Само собой, по состоянію тогдашнихъ знаній послѣдній не могъ получить исторіи литовскаго народа, но это и не было такъ важно: вѣдь древнѣйшій періодъ все равно представляетъ исторію одного литовскаго народа, или, по крайней мѣрѣ, его національная физіономія несомнѣнна, а вѣдь для пробужденія національнаго самосознанія это и было важно. Быть можетъ, этимъ же объясняется то упорное трудолюбіе, съ которымъ Стрыйковскій вылавливаетъ у античныхъ писателей имя Полемона и вообще усердно старается доказать эту фантастическую, но съ точки зрѣнія психологіи XVI вѣка понятную теорію. Проф. И. Даниловичъ даже высказалъ мысль, разумѣется, чисто въ видѣ догадки, что Стрыйковскій получилъ «Литовскія лѣтописи», гдѣ развивается теорія о приходѣ римлянъ съ Полемономъ въ Литву, отъ самого Гедройца [3]).

1) Kronika I. 320.

2) Ibid. I, 26. Jam itaque, Maecenas amplissime, gentis Lituanae ac Samagiticae ex Cymbrorum et Gotorum bellicosissimis geutibus, quae et robore animorumque vi, et amplissimis victoriosissimisque triumphis semper claruerunt semina antiquitus iacta videbis.

3) Ibid. I, (49).

Въ 1582 году Kronika была кончена печатаніемъ. Если вѣрить свѣдѣніямъ Старовольскаго, что Стрыйковскій былъ жмудскимъ архидіакономъ, то придется вмѣстѣ съ М. Малиновскимъ отнести это повышеніе его къ времени послѣ 1582 г.[1]). Очевидно, что это повышеніе нужно было бы понять какъ благодарность еп. Гедройця за Кронику.

Насколько вѣрно понималъ кн. Гедройць необходимость родной исторіи, видно изъ того обстоятельства, что вскорѣ разошлось все изданіе и въ началѣ XVII вѣка поговаривали о переизданіи ея, притомъ уже въ латинскомъ переводѣ, чтобы и иностранцы могли ее читать[2]). Какъ она понималась литовцами, мы можемъ судить отчасти по тѣмъ похвальнымъ въ духѣ времени латинскимъ стихамъ, которыми снабдили Кронику виленскіе и кенигсбергскіе пріятели Стрыйковскаго[3]).

Таковы были заботы Жмудскаго епископа о созданіи національной литературы и объ оживленіи національнаго самосознанія. Поэтому особенный интересъ пріобрѣтаетъ прослѣдить его политическую дѣятельность. Политическимъ дѣятелемъ онъ могъ стать, конечно, только послѣ избранія въ епископы, такъ какъ санъ епископа былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и видною государственною должностью. На партійную принадлежность еп. Гедройця указываютъ уже сами обстоятельства его избранія. Соперникомъ его былъ Геранойнскій настоятель Яковъ Воронецкій, но послѣдняго, какъ поляка, отвергаетъ Виленскій съѣздъ 1575 г.[4]). Слѣдовательно, его проводитъ партія независимости княжества, партія недовольныхъ Люблинской уніей. Вскорѣ же мы замѣчаемъ его въ рядахъ этой партіи. Такъ, послѣ бѣг-

---

1) Ibid. (13).

2) Koiałowicz Hist. I, 2.

3) Для образца приводимъ начало стиховъ нѣкоего Милюса, нѣмца, которые поэтому особенно должны были дѣйствовать на литовскаго читателя, въ большинствѣ случаевъ принимавшаго эти похвалы за чистую монету:

Egregios quondam Litavum si terra tulisset,
Fortia qui gentis scripsissent gesta poetas,
Fortis apud Litavos alter legeretur Achilles
Indignata suis lugeret Graecia fatis,
Caederet et Litavo Romanus Julius armis
Militiae laudem Latium quereretur ademptam...

Kronika I. XXIV.

4) Volonczauskas. Op. cit. 50.

ства Генриха Валуа во Францію онъ ѣдетъ литовскимъ посломъ къ нему объявить, что литовцы, въ случаѣ если Генрихъ не вернется до 12 мая 1575 г., приступятъ къ новымъ выборамъ[1]). Затѣмъ, когда поляками былъ избранъ Стефанъ Баторій помимо литовцевъ, послѣдніе не соглашаются признать этотъ выборъ, предлагая собрать вальный сеймъ, который прежде всего долженъ исправить нанесенныя литовцамъ поляками обиды, а затѣмъ сообща выбирать одного короля. Въ случаѣ если поляки будутъ стараться навязать литовцамъ короля, литовцы будутъ считать себя свободными отъ обязательствъ Люблинской уніи и выберутъ себѣ самостоятельнаго великаго князя. И вотъ участникомъ съѣзда (въ Гроднѣ 19 апрѣля 1576 г.), вынесшаго изложенное постановленіе, видимъ на первомъ мѣстѣ еп. кн. Гедройця[2]). Вообще, въ эпоху безкоролевья мы видимъ его среди самыхъ вліятельныхъ сенаторовъ княжества[3]). Также и въ эпоху третьяго безкоролевья послѣ смерти Стефана Баторія мы видимъ Жмудскаго епископа литовскимъ посломъ на сеймѣ 1587 г.[4]). Такимъ образомъ, въ вопросахъ внѣшней политики онъ выступаетъ совершенно опредѣленнымъ образомъ защитникомъ политической независимости княжества.

Еще болѣе интересно было бы прослѣдить отношенія еп. Гедройця къ современнымъ литовскимъ магнатамъ, чтобы опредѣлить, какъ они отнеслись къ его программѣ національной культурной самостоятельности. Къ сожалѣнію, скудость имѣющихся для этого матеріаловъ не позволяетъ дѣлать опредѣленныхъ выводовъ. На основаніи того, что дѣло, которому всецѣло посвятилъ себя еп. Гедройць и въ успѣхъ котораго онъ вѣрилъ, вскорѣ послѣ его смерти заглохло, можно заключать, что онъ стоялъ довольно одиноко. Послѣ крушенія попытки создать литературу на родномъ языкѣ, вопросъ объ окончательномъ ополяченіи литовской шляхты отъ верховъ до низовъ безповоротно былъ рѣшенъ.

---

1) Orzelski Dzeje Polski od... r. 1572 aż do r. 1676. Petersburg i Mohilew T. II. 61.

2) Ibid. III 192.

3) Лаппо Op. cit. 728.

4) Scriptores rerum Polonicarum T. XI Dyaryjusze Sejmowe r. 1587. Kr. 1887 стр. 121, 204.

III.

Изъ тѣхъ трехъ характеризующихъ національность признаковъ, на которыхъ была построена программа кн. Гедройця, самый ощутительный, но за то и самый неустойчивый, языкъ ходомъ исторіи былъ уничтоженъ у литовской шляхты довольно рано. Не слѣдуетъ, однако, думать, что этимъ она окончательно была денаціонализована или что изъ нея «образовалось нѣчто среднее между польскимъ, литовскимъ и русскимъ, т. е., какой то неопредѣленный типъ, нѣчто расплывающееся, туманное, лишенное характеристическихъ признаковъ своихъ составныхъ видовъ» [1]). Она на самомъ дѣлѣ продолжала оставаться литовскою, но уже въ иномъ смыслѣ. Съ отпаденіемъ признака народности понятіе литовскій чрезвычайно расширилось и сдѣлалось понятіемъ, опредѣляющимъ принадлежность къ литовскому государству. Стало быть на смѣну національному патріотизму появляется государственный. Польская по языку и по укладу жизни литовская шляхта тѣмъ не менѣе продолжаетъ чувствовать себя отличной отъ польской. Равнымъ образомъ и польская шляхта не отождествляетъ себя съ литовской и свысока смотритъ на послѣднюю. Когда, напр., польскій шляхтичъ захотѣлъ уколоть литовскаго, онъ выбралъ мишенью его національность:

Nux, asinus, mulier, Lithuanus simili sunt lege ligati:
Haec quattuor nil recte faciunt, si verbera cessent [2]).

Безграмотность этой эпиграммы съ точки зрѣнія латинскаго языка и метрики, показываетъ, что она передѣлана [3]) какимъ нибудь обыкновеннымъ шляхтичемъ, не писателемъ, но поэтому она тѣмъ харак-

---

1) Ѳ. Уманецъ. Op. cit. Ж. М. Н. Пр. 1875, № 12, 257.

2) T. Wierzbowski Biblioteka zapomnianych poetów i prozaików polskich, Zesz. XXIV, str. 92.

3) Непередѣланный дистихъ такой имѣетъ видъ:

Nux, asinus, mulier simili sunt lege ligati:
Haec tria nil recte sapiunt, si verbera cessent.

тернѣе для опредѣленія массоваго отношенія польской шляхты къ литовской. Этотъ, въ сущности мелочный, примѣръ презрительнаго отношенія поляковъ къ литовцамъ далеко не единичный. Для изучаемой эпохи мы имѣемъ прекрасный матеріалъ въ книжкѣ подъ заглавіемъ Quincunx, которая вышла изъ подъ пера самаго блестящаго польскаго публициста XVI в. Станислава Оржеховскаго. Странное заглавіе книжки объясняется желаніемъ автора наглядно показать, что Польша состоитъ изъ пяти элементовъ и при томъ органически связанныхъ другъ съ другомъ. Этими основами Оржеховскій считаетъ: короля, священника, алтарь, вѣру и вселенскую церковь, такъ какъ чтобы существовалъ король, необходимъ священникъ, который бы помазалъ его на королевство; въ свою очередь, чтобы могъ существовать священникъ, необходимъ алтарь, передъ которымъ бы онъ служилъ и т. д. При опредѣленіи признаковъ Польскаго королевства, какъ антитезой пользуется Оржеховскій Литвой. Ни великое княжество, по словамъ автора, koronie polskiej, ani Litwin żaden, by też był najzacniejszy i najprzedniejszy, naniższemu Polakowi w niczem równym byc nie może [1]). На чемъ же основано такое глубокое различіе между тѣмъ и другимъ? Исключительно на томъ, что княжество и королевство понятія исключающія другъ друга. Для доказательства справедливости своего положенія Оржеховскій приводитъ рядъ примѣровъ изъ Священнаго Писанія и античныхъ писателей. Онъ говоритъ, что Іисусъ Христосъ назвалъ swoje państwo królestwem, a djabelskie, sobie przeciwne państwo nazwał księstwem [2]). Такое различіе въ названіи объясняетъ онъ тѣмъ, что одно есть олицетвореніе свободы, а другое — рабства. Даже «святой разбойникъ», вися на крестѣ, понималъ это различіе и потому просилъ Христа помянуть его въ царствіи (по польски królestwo) небесномъ, а не княжествѣ. Въ виду различія между королевствомъ и княжествомъ также и понятіе короля исключаетъ понятіе князя. Это различіе чувствовали молъ и греки, называя первыхъ киранами (κοίρανοι), а вторыхъ деспотами. Польскій же

---

1) Quincunx, to jest: wzór korony polskiej na cynku wystawiony Wydanie K. J. Turowskiego Kraków 1858. str. 73.

2) Ibid. 68.

языкъ, происходя, какъ и другіе славянскіе языки, отъ греческаго, доказательствомъ чему служитъ полякъ, который понимаетъ только по гречески, сохранилъ это различіе, передѣлавъ кирана въ короля. Литовцы же имѣя князя, который соотвѣтствуетъ греческому δεσπότυς (sic), являются рабами послѣдняго. Пользуясь своимъ правомъ dominium'а Ягайло подарилъ полякамъ Литву совершенно также, какъ, напр., самъ Оржевскій можетъ подарить свою деревню Журовицы. Если Литва тяготится своимъ рабскимъ положеніемъ, если желаетъ быть равною Польшѣ, пусть она co rychlej Księstwo swoje w królestwo, a księdza litewskiego w króla polskiego, a niewolą w swobodę, hańbę w cześć, głupość w mądrość, a hrubość swą w ćwiczoną naturę polską [1]) замѣнитъ (книжка написана въ моментъ оживленнаго обсужденія вопроса объ уніи, въ 1564 г.). Но даже и этотъ путь спасенія для Литвы закрытъ до тѣхъ поръ пока ея не освободитъ в. князь, «manu mittendo Litvanum per verbum iuris: esto liber», такъ какъ будучи рабой она не можетъ быть соединена со свободной Польшей. Поэтому Оржеховскій усиленно рекомендуетъ литовцамъ просить своего великаго князя сдѣлать ихъ вольноотпущенниками, чтобы ничто не мѣшало заключенію уніи. Послѣ же заключенія литовецъ будетъ наслаждаться всѣми тѣми свободами, которыми пользуется и полякъ.

Врядъ-ли можетъ служить смягченіемъ этой рѣзкой пренебрежительности то обстоятельство, что подобное положеніе вещей неминуемо должно существовать въ любомъ княжествѣ, напр., въ Турціи. Наоборотъ, это сближеніе съ Турціей въ литовцахъ должно было только усилить чувство обиды.

Само собой, этотъ выпадъ со стороны популярнѣйшаго польскаго публициста долженъ былъ заставить литовцевъ реагировать на него. И дѣйствительно, вскорѣ появляется Rozmowa Polaka z Litwinem [2]) написанная для опроверженія Оржеховскаго. Авторъ ея не названъ, но на основаніи нѣкоторыхъ внутреннихъ критеріевъ проф. А. Брюкнеръ счи-

1) Ibid. 73.
2) Переиздано др. I. Корженіовскимъ въ Краковѣ въ 1890 г. (Bibljoteka Pizarzów Polskich. 11).

таетъ, возможнымъ приписать ее Виленскому войту А. Ротундусу. Въ ней любопытнѣе всего не само опроверженіе, такъ какъ опровергнуть фантастическую теорію Оржеховскаго было легко, а взглядъ литовцевъ на предлагаемыя имъ польскія вольности и на саму унію. Авторъ сторонникъ сильной монархической власти и уже по одному этому долженъ быть противникомъ политическаго строя Польши. Но его отрицательное отношеніе къ польскимъ свободамъ основано не столько на теоретическихъ соображеніяхъ, сколько на наблюденіи проявленія этихъ свободъ въ Польшѣ. Его ясный умъ отчетливо видитъ, что тамъ царитъ не свобода, а вѣрнѣе анархія или, какъ самъ онъ выражается, swawola, благодаря которой государство распадается. Будь сильная монархическая власть, границы государства были бы надежно защищены. Какъ на примѣръ отсутствія защиты авторъ указываетъ на Подолію, гдѣ, по его образному выраженію, волкъ т. е. татары kołace ubogie owieczki a przedsię choć wołają ratunku, ciężko się z domu wychylać i żal nałożyć ku obronie ubogiej trzody, a wy—добавляетъ онъ съ ироніей—to lenistwo abo szkodliwe skępstwo wolnością zowiecie [1]).

Далѣе авторъ указываетъ что, считая спасаніе государства по принужденію неволей, поляки предпочитаютъ украшать своихъ женъ и дочерей, угощать пріятелей, чтобы тѣ въ случаѣ надобности поѣхали przeciw sąsiadowi na roki abo na granice, by na niedźwiedź, a ubogiego, który prze niedostatek nie może przeciw tobie takiego zachowaniem zwodu mieć, ucisnąć, urząd ustraszyć i staroście i sędziemu grozić, aby tak skazał, jako mu każesz, chceli cało z sądu wstać [2]). Такія отношенія господствуютъ среди равноправной шляхты. Но гораздо хуже положеніе низшихъ сословій. Мѣщане и селяне ни во что не ставятся, едва признаются людьми и въ большемъ презрѣніи находятся, чѣмъ жиды. Такое положеніе ему живо напоминаетъ клятву олигарховъ ненавидѣть простой народъ и по мѣрѣ возможности стараться дѣлать ему зло [3]). Авторъ отнюдь не врагъ свободы, наоборотъ онъ весьма

---

1) Rozmowa 41.
2) Ibid. 42.
3) Ibid. 51—52.

ее цѣнитъ, но только понимаемую въ цицероновскомъ смыслѣ т. е. «qui bonum ac rectum sequitur, qui gaudet officio, is liber est». Авторъ даже видитъ одну изъ причинъ нежеланія литовцевъ заключить унію въ томъ, что они видятъ tę swą wolą w Polsce, tę wzdardę przełożeństwa i niewolą jednego pod drugiem i ine nierządy[1]). Авторъ далекъ отъ мысли идеализировать литовскіе порядки: онъ и въ нихъ видитъ много дурного. Если поляки желаютъ привлечь литовцевъ то должны показать нѣчто лучшее, такъ какъ, говоритъ онъ, тонущій до тѣхъ поръ не выпускаетъ доски, за которую ухватился, пока не увидитъ чего-либо болѣе надежнаго[2]). Итакъ, по словамъ автора, литовцы не только не чувствуютъ ни малѣйшаго влеченія къ расписаннымъ Оржеховскимъ свободамъ, но, наоборотъ, боятся ихъ. Авторъ даже предчувствуетъ, что и Польшѣ онѣ не принесутъ добра. Не чувствуя же влеченія къ свободамъ, литовцы заключаютъ унію въ силу необходимости. Положеніе Литвы въ данный моментъ онъ такъ характеризуетъ: захвативъ почти половину Литвы, Иванъ Грозный сидитъ на горлѣ и душитъ, а поляки тянутъ къ себѣ за ноги. Поэтому, замѣчаетъ авторъ, соединяя, «вы насъ не только раздвоите, но даже на куски разорвете»[3]).

Таковыми рисуются отношенія между литовцами и поляками во второй половинѣ XVI вѣка. Но спрашивается, можно ли довѣрять свидѣтельствамъ, которыя появляются въ разгарѣ страстей. Думается, можно. Вѣдь Оржеховскій касается Литвы только случайно, примѣра ради. Онъ только потому и могъ пользоваться ею какъ примѣромъ, что и у его читателей были схожія о литовцахъ представленія. Что же касается отвѣта со стороны литовцевъ, то въ немъ почти совершенно отсутствуетъ страстность, даже сама рѣчь въ немъ скованная, тяжелая. Если что и можно въ этой полемикѣ поставить за счетъ момента, то только одну-другую мелочь. Наконецъ, у насъ имѣется свидѣтельство почти на 20 лѣтъ позже, Стрыйковскаго, указывающее на такое же пренебрежительное отношеніе поляковъ къ литовцамъ. Стрыйковскій говоритъ, что онъ при-

---

1) Ibid. 49.
2) Ibid. 52.
3) Ibid. 44.

нялся за исторію Литвы, чтобы защитить доблесть литовцевъ, такъ какъ часто слышалъ cavillationes quorundam malesanorum, что литовцы потому не оставили писанной исторіи, что никогда ничего достопамятнаго не совершили [1]. Несомнѣнно, что эти насмѣшки могли исходить только отъ поляковъ.

Такимъ образомъ, польская по языку литовская шляхта продолжаетъ себя чувствовать литовской. Въ ней еще цѣпко жило то, что Давкша называлъ традиціей. Это чувство изчезло довольно поздно. Но мы уже не можемъ различить ея этнической принадлежности. Чтобы рѣшить, кто въ каждомъ данномъ случаѣ скрывается подъ именемъ литовца, ополяченный-ли литовецъ, или ополяченный русскій, мы должны справляться въ его родословной.

А. І. Вольдемаръ.

1) Kronika I. VIII.

О неизданныхъ сочиненіяхъ Іосафата Кунцевича.

§ 1.

Проф. М. О. Кояловичъ во второмъ томѣ своей «Литовской церковной уніи» (Спб., 1861) напечаталъ письмо къ нему скончавшагося нѣсколько лѣтъ тому назадъ на покоѣ въ Москвѣ († 23 апр. 1900 г.) бывшаго Олонецкаго епископа, преосв. Павла Доброхотова, въ то время ректора Могилевской духовной семинаріи, о литературныхъ трудахъ извѣстнаго Полоцкаго уніатскаго архіепископа Іосафата Кунцевича (убитаго православными въ Витебскѣ 12 ноября 1623 года). Преосв. Павелъ писалъ своему корреспонденту, что ему извѣстны слѣд. сочиненія Кунцевича: 1) «О фальшованю писемъ словенскихъ одъ оборонцовъ и учителей вѣре Церкве противныхъ послушенству его милости отца митрополита, и о незгодахъ ихъ въ науце, выданой з друковъ Виленскаго-Братскаго, Острожскаго и Львовскаго. 2) а) О старшеньствѣ Петра святаго; б) о чистости іерейской же лепей быти безженными; в) о законникахъ... о шлюбахъ... клобукахъ... г) о крещеніи Владимера; д) ци добре Церковь Восточная чинитъ, посвящаючи хлѣбъ, воду, вербу и баранка». Это второе сочиненіе представляло собой, по объясненію преосв. Павла, родъ сборника изъ рукописей Іосафата Кунцевича. Кромѣ того, преосв. Павелъ въ своемъ письмѣ писалъ, что въ этомъ сборникѣ упоминается о томъ, что Іосафатъ Кунцевичъ въ Виленскомъ Троицкомъ монастырѣ занимался переписываніемъ житій святыхъ пролога, въ которыхъ, гдѣ могъ, проводилъ латинскія мнѣнія. Къ этому преосв. Павелъ

прибавлялъ, что онъ самъ видѣлъ такія житія въ Супрасльской библіотекѣ, съ замѣчаніями на полѣ позднѣйшею рукою: «это писано рукою Іосафата Кунцевича», или «рукою блаженнаго Іосафата». Наконецъ, преосв. Павлу, какъ видно изъ его письма, извѣстны были еще два сочиненія Іосафата Кунцевича: 1) «Катехизисъ одъ слуги Божого Іосафата составленный» и 2) «Регулы св. Іозафата для свыхъ презбитеровъ».

М. О. Кояловичъ къ сообщеніямъ преосв. Павла о литературныхъ произведеніяхъ Іосафата Кунцевича отнесся весьма скептически. Съ полнымъ довѣріемъ онъ принялъ только сообщеніе его о томъ, что Іосафатъ списывалъ и передѣлывалъ житія святыхъ, такъ какъ о списываніи имъ житій святыхъ упоминается и въ уніатскихъ о немъ сочиненіяхъ.. «Но что касается до сочиненій Кунцевича, то хотя намъ извѣстно было, писалъ онъ, что ему приписываются они, напр. какая-то оборона вѣры (Kulczynski—Menologium, 16—7 bra, значитъ еще одно кромѣ указанныхъ о. Павломъ, или которое-либо изъ двухъ первыхъ съ измѣненнымъ заглавіемъ), но мы поудержались принять эти извѣстія и вотъ по какимъ причинамъ, которыя и теперь не потеряли для насъ своей силы; намъ кажется очень страннымъ, что уніатскіе писатели, такъ близко знакомые со всѣмъ, что дѣлалъ Кунцевичъ, какъ напр. Суша, Кульчинскій, Стебельскій, не знаютъ подробно всѣхъ сочиненій Кунцевича, чаще всего даже вовсе не знаютъ объ ихъ существованіи. Странно также и то, что эти сочиненія никогда не были изданы. Зная вниманіе уніатовъ къ Кунцевичу, можно очень и очень подозрительно смотрѣть на эту странность, и тѣмъ болѣе, что въ исторіи уніи извѣстенъ другой Іосафатъ, признаваемый уніатами, хотя не оффиціально, также святымъ, и очень образованный человѣкъ, именно Іосафатъ Бражичъ, странствовавшій по многимъ мѣстамъ Литвы... затѣмъ въ 1671 году переведенный въ Полоцкъ и бывшій тамъ (1680) игуменомъ Базиліанскаго монастыря и оффиціаломъ Полоцкой архіепископіи... Не этотъ ли Іосафатъ и есть авторъ сочиненій, приписанныхъ Кунцевичу?» Признать Кунцевича авторомъ ихъ препятствовало М. О. Кояловичу, по его словамъ, и то обстоятельство, что онъ не получилъ систематическаго образованія. Но М. О. Кояловичъ не отрицалъ того, что Іосафатъ Кунцевичъ обла-

далъ большими познаніями, и доказательство этому видѣлъ въ извѣстномъ отвѣтномъ письмѣ его канцлеру литовскому Льву Сапѣгѣ, перепечатанномъ авторомъ «Литовской церковной уніи» въ томъ же второмъ ея томѣ (стр. 334—344, прим. 185), гдѣ напечатана и интересующая теперь насъ полемика его съ преосв. Павломъ Доброхотовымъ по поводу литературной дѣятельности Іосафата Кунцевича (стр. 327—330, прим. 174).

М. О. Кояловичъ, высказавши печатно свои возраженія противъ принадлежности Іосафату Кунцевичу перечисленныхъ въ письмѣ преосв. Павла сочиненій, просилъ «почтеннаго изслѣдователя памятниковъ уніи» разрѣшить его недоумѣнія. Насколько намъ извѣстно, литературнаго разрѣшенія этихъ недоумѣній со стороны преосв. Павла не послѣдовало. Но повидимому, онъ намѣревался его сдѣлать. Остались нѣкоторые письменные слѣды этого на исписанномъ его рукою листѣ сѣрой бумаги, служившемъ оберточнымъ листомъ для той рукописной книжки, которой собственно посвящена наша настоящая библіографическая статья объ Іосафатѣ Кунцевичѣ и которая недавно поступила въ рукописное отдѣленіе библіотеки Имп. Академіи Наукъ въ составѣ рукописнаго собранія епископа Павла Доброхотова. На этомъ листѣ отмѣчены двѣ грамоты, имѣвшія значеніе для опредѣленія времени пребыванія Іосафата Кунцевича въ Виленскомъ Троицкомъ монастырѣ (королевская грамота отъ 20 дек. 1613 г. о предоставленіи ему, какъ настоятелю этого монастыря, Торокань для устройства въ нихъ школы, и актъ ввода его во владѣніе ими отъ 30 янв. 1614 г.), и приведены біографическія свѣдѣнія о 17 лицахъ базиліанскаго ордена, носившихъ, кромѣ Кунцевича, имя Іосафатъ,—приведены, очевидно, въ качествѣ отрицательной инстанціи при рѣшеніи вопроса о принадлежности вышеуказанныхъ сочиненій именно Іосафату Кунцевичу. Въ числѣ 17 вышеупомянутыхъ лицъ находится и имя Іосафата Бражича, о которомъ сообщается, что онъ 26 лѣтъ отъ роду посланъ былъ учиться схоластическому богословію въ папскій алюмнатъ въ Брунсбергѣ 6 іюня 1661 года, но въ 1663 г., по указу Пропаганды, исключенъ былъ изъ алюмната, потому что не хотѣлъ дать присяги...

У преосв. Павла Доброхотова былъ въ рукахъ ключъ къ рѣшенію наиболѣе недоумѣнныхъ вопросовъ относительно литературной дѣятель-

ности Іосафата Кунцевича. Но онъ въ свое время имъ не воспользовался, не смотря на печатно сдѣланный ему вызовъ, не смотря на свои глубокія научныя свѣдѣнія по исторіи западно-русской церкви. Вѣроятно, причиной тому послужили обстоятельства личной его жизни: его, съ 1837 года почти безвыѣздно жившаго въ предѣлахъ Западной Россіи или сравнительно недалеко отъ нихъ, высшая церковная власть, вскорѣ же послѣ изложенной нами выше переписки его съ М. О. Кояловичемъ, отправила на службу въ Вятку, оттуда въ Вологду, Псковъ, Петрозаводскъ... Отказъ преосв. Павла отъ литературнаго отвѣта М. О. Кояловичу надолго задержалъ научное рѣшеніе вопроса о принадлежности Іосафату Кунцевичу найденныхъ имъ рукописныхъ сочиненій этого послѣдняго, о характерѣ и значеніи этихъ сочиненій. Если сомнѣнія относительно принадлежности Іосафату Кунцевичу одной части этихъ сочиненій довольно скоро разсѣялись, благодаря новымъ рукописнымъ находкамъ, то другая ихъ часть до настоящаго еще времени находится въ этомъ отношеніи подъ сильнымъ, какъ-бы непреоборимымъ подозрѣніемъ.

§ 2.

Въ 1867 году въ Римѣ о. Контьери въ приложеніи къ своему сочиненію Vita di san Giosafat напечаталъ въ переводѣ на латинскій языкъ упомянутые въ письмѣ преосв. Павла Катехизисъ Іосафата и его Регулы для пресвитеровъ. Они оказались въ Римѣ, въ Канонизаціонномъ процессѣ по дѣлу Іосафата Кунцевича. Вторично ихъ напечаталъ (на латинскомъ же языкѣ) о. Гепэнъ въ приложеніи къ первому тому своей книги Un apôtre de l'Union des Eglises au XVII siècle Saint Iosaphat (Paris, 1897). Катехизису и Регуламъ Іосафата о. Гепэнъ посвятилъ особую главу въ своемъ сочиненіи (I, 231—243).

Русскій текстъ Катехизиса и Регулъ Іосафата Кунцевича до сихъ поръ былъ неизвѣстенъ. Мы имѣли уже случай сообщить[1]), что этотъ русскій текстъ ихъ отыскался въ Петербургѣ. Онъ находится въ подлинномъ «Процессѣ канонизаніи» Іосафата (Processus in causa Beatifica-

1) См. нашу «Сеймовую борьбу зап.-рус. дворянства съ церковной уніей», 4-й выпускъ (Спб., 1908), стр. 69—70, 104.

tionis et Canonisationis servi Dei Iozaphat Koncewicz, Archiepiscopi Polocensis, expeditus An. 1637), поступившемъ въ рукописное отдѣленіе библіотеки Имп. Академіи Наукъ въ составѣ рукописнаго собранія того же епископа Павла Доброхотова. Въ приложеніи къ этому «Процессу» помѣщены два рукописныхъ сочиненія Іосафата: 1) Reguły S. Iozaphata dla swych przezbyterow (л. 192 об.—198 об.) и 2) «Катехизисъ отъ слуги Божого Іосафата сочетанный» (л. 200—210 об.). Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что именно эти Регулы и Катехизисъ Іосафата Кунцевича въ «Процессѣ канонизаціи» имѣлъ въ виду преосв. Павелъ, когда указыкалъ на нихъ въ письмѣ къ М. О. Кояловичу.

Эти же Катехизисъ и Регулы Іосафата находятся и въ одномъ болѣе позднемъ рукописномъ сборникѣ, поступившемъ въ библіотеку Имп. Академіи Наукъ въ составѣ рукописнаго собранія епископа Павла Доброхотова. Этотъ сборникъ носитъ заглавіе: Epitome, albo krotka nauka kapłanom Ruskim, zwłaszcza xiąg łacinskich czytać nie mogącym, wielce potrzebna, z katechizmu S. Iozaphata Męczenika, Archiepiskopa Połockiego, y Katechizmu Rzymskiego, z manuskryptow X. Terleckiego, S. Theologii Doktora, Prowincyała Bazylianskiego, Arkudyusza Greczyna, Buzembawa, Diany y inszych zebrane y napisane przez przewielebnego X. Iozepha Pietkiewicza, Sekretarza zakonu S. Bazylego Wielkiego, Starszego Bytenskiego w roku 1685, a teraz przepisane przez iednego zakonnika w klasztorze Supraslskim w roku 1700. Въ концѣ этого сборника и находятся: 1) «Катехизмъ одъ слуги Божого Іоасафата сочетанный» и 2) «Уставъ Святаго Іоасафата, Архіепископа Полоцкаго, списаны для презвитеровъ».

§ 3.

Рукописная книжка сочиненій Іосафата Кунцевича, поступившая послѣ епископа Павла Доброхотова въ библіотеку Имп. Академіи Наукъ, состоитъ изъ двухъ небольшихъ, сложенныхъ въ четвертку, тетрадей, писанныхъ западно-русскою скорописью XVII вѣка, переходящей въ полууставъ. Первая изъ этихъ тетрадей имѣетъ нумерацію листовъ, вторая—ея не имѣетъ. Каждая тетрадь написана особымъ почеркомъ. Вто-

рая тетрадь написана, вѣроятно, рукою Іосафата Кунцевича. Заглавія отдѣльныхъ сочиненій и даже статей написаны полууставомъ. Заглавныя буквы при этомъ написаны киноварью.

Первая тетрадь состоитъ изъ $4^1/_2$ листовъ. Въ ней 36 пронумерованныхъ страницъ. Всю первую тетрадь занимаетъ полемическое сочиненіе «*О фальшованю писмъ словеньскихъ*» . . .

Оно начинается особымъ довольно большимъ предисловіемъ («предмовою до читателя», какъ написано на полѣ первой страницы). Заглавіе этого предисловія такое: «Всимъ станомъ духовнымъ и свецькимъ народу нашого Россииского благодати и міра Христова оупрение зычытъ єдінъ отъ иеромонаховъ Светое и Жывоначальное Троицы манастыря Виленьского, именемъ Иоасафъ Коунцевичъ». На полѣ противъ словъ «Иоасафъ Коунцевичъ» другимъ почеркомъ написано: «Епископъ Полоцкии». Внизу же, нѣсколькими строками ниже этихъ послѣднихъ словъ, на той же первой страницѣ, находится польская приписка: «Iest y druga xięga ręką B. Iozafata pisana». Еще ниже подъ этой припиской № каталога, вѣроятно, Жировицкой монастырской библіотеки.

Въ предисловіи авторъ, прежде всего, устанавливаетъ то общее положеніе, что истина является для всѣхъ свободной отъ всякаго сомнѣнія и подозрѣнія лишь тогда, когда всѣ спрошенные объ извѣстномъ предметѣ люди одинако о немъ думаютъ и свидѣтельствуютъ. Затѣмъ, онъ указываетъ на то, что повсюду, гдѣ признаютъ верховную власть единаго установленнаго Христомъ пастыря—римскаго епископа, одна вѣра, одно во всѣхъ пунктахъ согласное ученіе. Напротивъ у еретиковъ, живущихъ не только въ разныхъ странахъ, въ разныхъ мѣстахъ, въ разныхъ домахъ, но и въ одномъ и томъ же домѣ, одинъ думаетъ такъ, другой—иначе о предметахъ вѣры. Явный знакъ, что у нихъ нѣтъ истины. Какъ пророкъ Даніилъ нѣкогда изобличилъ во лжи обвинителей Сусанны, допросивши каждаго изъ нихъ о ней въ отдѣльности, такъ и «мы слушне можемъ (продолжаетъ онъ) потлумляти всѣхъ министровъ геретыцкихъ и помочниковъ ихъ, несчасливыхъ оборонцовъ схизмы проклятое, которые невстыдливе смеютъ потварати тую непорочную Сусанну—церковъ светую, соборную, апостолскую, яко бы она, отступивши отъ жениха своего небесного Христа, мѣла ся удати во прелюбодейство геретыцства

неякого нового папезского». Каждый человѣкъ, у котораго есть совѣсть, признаетъ явную и несомнѣнную ложь защитниковъ схизмы, когда прочтетъ всѣ собранныя вмѣстѣ искаженія ими Свящ. Писанія и клеветы ихъ на свв. отцовъ, когда увидитъ разномысліе въ вѣрѣ составителей книжекъ, даже напечатанныхъ въ одной и той же Виленской братской типографіи. Прочесть этого рода книжки и собрать вмѣстѣ содержащіяся въ нихъ ложь, клеветы и разногласія побудили автора, по его словамъ, долгъ послушанія старшимъ, любовь къ правдѣ святой и искреннее желаніе спасти свой русскій народъ, увлеченный въ эту несчастную, проклятую схизму, чтобы онъ выпутался изъ нея, отвергъ завладѣвшихъ имъ исказителей и враговъ истины и сталъ праведно служить Богу въ единствѣ вѣры и церкви. Въ заключеніе предисловія авторъ отдавалъ свой малый настоящій трудъ на судъ своихъ читателей, обѣщая вскорѣ написать предостереженіе имъ болѣе подробно (стр. 1—6).

Съ 7-ой страницы начинается самое полемическое произведеніе, озаглавленное такъ: «О фальшованю писмъ словеньскихъ одъ оборонцовъ и учытелей вѣре церквей противныхъ послоушенству его милости отца митрополита, и о незъгодахъ ихъ въ наоуце, выданой зъ друковъ Виленского братского, Острозского и Лвовского».

Изъ православныхъ полемическихъ сочиненій разсмотрѣны авторомъ 3 изданія Острожской типографіи и 4 изданія Виленской братской типографіи. Цитируя эти изданія (нѣкоторыя многократно), онъ по большей части не приводитъ точныхъ ихъ заглавій, а указываетъ только имя ихъ составителей (настоящее, или литературный псевдонимъ), а также нужную ему страницу. Только два сочиненія процитированы имъ по заглавіямъ («Книжки ляментовые Криволога, або Ортолога» и «Лістъ до епископа Володимерскаго» Клирика Острожскаго). Остальныя цитируются у него обыкновенно такъ: «книжка попольску и порускy друкованая», или «книжка польская», или просто «книжка» такого-то. Но точное опредѣленіе православныхъ сочиненій, съ которыми Іосафатъ полемизируетъ, не представляетъ трудности, и это сдѣлано еще самимъ преосв. Павломъ Доброхотовымъ на поляхъ интересующей насъ рукописи (карандашомъ). Осталось не опредѣленнымъ имъ одно только сочиненіе — «Зъ братства новое церкви Виленское книжка малая, выданая для дѣтей», ка-

ковую книжку нѣсколько ниже на той же (10-ой) страницѣ авторъ назвалъ «катехизмичкомъ». Это, по всей вѣроятности, найденный и перепечатанный проф. С. Т. Голубевымъ «Катехизісъ, албо вызнаніе вѣры святое соборное апостолское церкви» (напечатанный Вилен. православнымъ братствомъ въ 1600 г.)[1]).

Изъ Острожскихъ изданій автору извѣстны были слѣдующія три: 1) Василій Суражскій—«О единой истинной православной вѣрѣ и о святой соборной апостольской церкви, откуду начало приняла, и како повсюду распростреся» (издано въ 1588 году)[2]);

2) Филялетъ — «Апокрисисъ, албо отповѣдь на книжкы о съборѣ Берестейскомъ, именемъ людей старожитной релѣи греческой, черезъ Христофора Филялета врихлѣ дана» (напечатанъ въ 1598 или 1599 году; на пол. языкѣ напечатанъ въ Вильнѣ въ 1597 году)[3]);

3) Клирикъ Острожскій — «Отписъ на листъ въ Бозѣ велебного отца Ипатія, Володимерского и Берестейского епископа, до ясне освецоного княжати Костентина Острозского, воеводы Киевского, о залецанью и прехваленью восточной церкви зъ заходнымъ костеломъ унѣи, або згоды, въ року 1598 писаный, черезъ одного наменшого клирика церкви Острозской въ томъ же року отписанный»[4]).

Изъ Виленскихъ православныхъ изданій автору были извѣстны слѣдующія четыре: 1) Стефанъ Зизаній—«Казанье Св. Кирилла Іерусалимскаго», изданное въ 1596 году[5]);

2) Изданный Виленскимъ православнымъ братствомъ въ 1600 году «Катехизисъ, албо вызнаніе вѣры святое соборное апостолское въсходнее церкви» (о которомъ сказано выше).

1) Чтенія въ Истор. Обществѣ Нестора Лѣтописца, кн. 4, отд. III, 9—81. Процитированное въ соч. «О фальшованю» мѣсто изъ символа Св. Аѳанасія («Духъ Святыи отъ Отца *самою* есть неучыненый, не сотвореныи, нерожденныи, а не походячыи», стр. 10) тутъ читается такъ: «Духъ Святыи от Отца *Самою* ест неучиненный, а ни сотворенный, нероженный, але походячий» (стр. 64—65).

2) Рус. Истор. Библіотека, VII, 600—938.

3) Ibid., 1004—1820.

4) Ibid., XIX, 377—431.

5) См. о немъ въ соч. К. Студинскаго «Пересторога» (Львовъ, 1895) стр. 152—166.

4) Антиграфистъ—Ἀντιγραφή, albo odpowiedź na script uszczypliwy przeciwko Iudziom Starożytney Religiey Graeckiey od apostatow Cerkwie Wschodniey wydany... w Wilnie r. 1608 przez iednego brata bractwa cerkiewnego Wilenskiego w porywczą wydana [1];

4) Ортологъ — Θρῆνος, to iest Lament iedyney powszechney Apostolskiey Wschodniey Cerkwie... przez Theophila Orthologa (Мелетія Смотрицкаго) w Wilnie r. 1610.

Изъ печатныхъ церковно-славянскихъ богослужебныхъ книгъ цитируются авторомъ требникъ Болобана, владыки Львовскаго, и напечатанный въ Острогѣ Демьяномъ Наливайко требникъ (стр. 7—8). Первый изъ этихъ требниковъ былъ напечатанъ въ Стрятинѣ въ 1606 году, второй—въ Острогѣ въ 1606 году. Цитируются еще авторомъ «Молитвы року 1611 выданые з друку въ Кронехъ або на Евю» (стр. 10). Цитируются, наконецъ, «цвѣтные тріоди, друкованые на Москве» (стр. 8) [2]).

Для опредѣленія времени составленія разсматриваемой нами книжки «Объ искаженіи словенскихъ книгъ» имѣютъ значеніе процитированные въ ней Фриносъ Мелетія Смотрицкаго, напечатанный въ 1610 году, и Молитвословъ 1611 года. Изъ этихъ цитатъ ея видно, что она написана не ранѣе 1611 года.

Іосафатъ Кунцевичъ въ заглавіи книжки названъ іеромонахомъ Виленскаго Троицкаго уніатскаго монастыря. Въ концѣ 1613 года, какъ видно изъ отмѣченныхъ уже преосв. Павломъ грамотъ, Іосафатъ Кунцевичъ былъ уже архимандритомъ Виленскаго Троицкаго монастыря. Но до назначенія его архимандритомъ этого монастыря онъ нѣкоторое время управлялъ монастырями Бытенскимъ и Жировицкимъ (Слоним. уѣзда Гродн. губ.). Такимъ образомъ интересующая насъ книжка, которая не могла быть написана Іосафатомъ ранѣе 1611 года, не могла быть имъ написана и значительно позже этого года.

Полемическій пріемъ Іосафата Кунцевича состоитъ въ сопоставленіи противорѣчивыхъ, или кажущихся ему противорѣчивыми, выраженій изъ

---

1) Рус. Истор. Библ., XIX, 1149—1300.

2) Цвѣтная тріодь въ Москвѣ выходила изъ печати въ 1591, 1594 и 1604 гг. (по любезно наведеннымъ для насъ И. А. Карабиновымъ справкамъ).

православныхъ богослужебныхъ книгъ или полемическихъ произведеній (этихъ послѣднихъ по преимуществу), а также въ показаніи несогласія ихъ съ древними рукописными богослужебными и иными книгами (съ «старыми требниками греческими и словенскими», стр. 8, съ «текстами старыми, звлаща правилами словенскими», стр. 11, съ «книгами нашими словенскими», 14, съ «прелогами нашими», именно съ находящимся въ нихъ подъ 27 августа «житіемъ св. Ливерія», 15, съ «соборниками нашими», именно съ «шпроце описаннымъ въ нихъ житіемъ св. Афанасія», 14, а также съ находящимся въ нихъ житіемъ св. Кирилла Философа, 20, съ «крониками нашими Рускими», 21, съ «словенскими гисторіями старыми», 22). Къ указанію всѣхъ этого рода противорѣчій и сводится почти все содержаніе интересующей насъ полемической книжки. Иныхъ элементовъ въ содержаніи ея почти не оказывается.

Едва ли можетъ подлежать сомнѣнію, что не иную какую-либо, а именно разсматриваемую нами книгу Іосафата Кунцевича на славяно-русскомъ языкѣ, представляющую собою сборникъ выписанныхъ изъ разныхъ книгъ выраженій, видѣлъ въ свое время и біографъ его Яковъ Суша, выразившійся о ней такимъ образомъ: Collectanea eius Slavonica de rebus fidei apud schismaticos controversis ipse meis intuitus sum oculis.

Въ книжкѣ «Объ искаженіи славянскихъ сочиненій» болѣе всего удѣлено мѣста взаимнымъ противорѣчіямъ православныхъ книгъ по вопросамъ объ исхожденіи Св. Духа и объ опрѣснокахъ. Меньше мѣста удѣлено въ ней вопросу о папской власти. Филалетъ, Клирикъ Острожскій, Антиграфистъ и Ортологъ (говоритъ Іосафатъ) называютъ папу Ливерія еретикомъ, а въ нашихъ славянскихъ книгахъ (продолжаетъ онъ) находимъ, что онъ былъ мужественнымъ защитникомъ правовѣрія, и что вселенская соборная апостольская церковь признаетъ его святымъ. У него искалъ убѣжища св. Аѳанасій Александрійскій отъ преслѣдованій аріанъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ подробное житіе его въ Соборникахъ (подъ 18 янв.) и житіе въ Прологахъ (подъ 27 авг.) «иже во святыхъ отца нашего Ливерія, архіепископа Римскаго» (14—15)... Ортологъ и Зизаній клевещутъ на восточную старожитную церковь, будто бы она при-

знаетъ папу антихристомъ и злѣйшимъ еретикомъ. Напротивъ, она (явствуетъ изъ всѣхъ старыхъ исторій) всегда признавала римскаго епископа вселенскимъ пастыремъ, не только въ эпоху 7 вселенскихъ соборовъ, но и послѣ нихъ. Когда патріархъ Фотій, нѣсколько десятковъ лѣтъ спустя послѣ 7-го собора, посягнулъ на верховную власть Римскаго папы, обвиняя его въ еретическомъ ученіи о Св. Духѣ и опрѣснокахъ, тотчасъ восточная церковь перестала признавать его патріархомъ и подчинилась Римскому епископу, какъ своему собственному пастырю. Это можно видѣть на примѣрѣ нашихъ славянскихъ учителей — Кирилла Философа и Меѳодія, «которые будучи за часовъ того Фотея около року девять сотъ десятого по Рожестве Христове, Фотееви, яко отщепенцови отъ зверхности, хотяжъ были парафиянами его, слухати не хотели, але епископови Римскому подлегали, на онъ часъ бывшому Андриянови Второму. До него вси писма словенские носили и въ него се благословили, абы краи словенские могли отправовати пословенску. Тамъ же и учневъ своихъ для посвеценя на станъ духовный водили, и словаковъ, которыхъ бискупове римъские латиницы на станъ духовный посветили. Тамъ же самъ папежъ и писма словенские, ново з греческого преложеные, посветилъ, а на перши разъ службу Божыю словенскимъ языкомъ у церкви у Петра Святого росказалъ отправовати, и въ церкви Святого Павла дня другого тымъ же языкомъ словенскимъ набоженство за расказанемъ его отправовано. Онъ же дозволилъ и по всѣхъ краехъ словенскихъ тымъ же языкомъ Бога хвалити. О чомъ ширей есть описано въ соборникахъ нашихъ въ житии Св. Кирила Философа, мѣсяца февраля 14 дня» (18—20). «Надто и нашъ народъ Руский, принявшы в томъ порадку вѣру, ижъ были послушни епископомъ Римъскимъ патриархове, наши тежъ митрополитове патриархомъ послушенство отдавали. А когды патріарха неякись Кируларий въ лѣтъ по крещении Володимеровомъ пятьдесятъ послушенство папежови выказалъ, наши его послушни быти не хотѣли, але послушенство папежови отъдавали, яко то видети може в гистории, в соборникахъ описаной, о перенесеню мощей Св. Николы, мѣсяца мая 9 дня. Которое свято самъ папежъ Урьванъ (або Германъ, якъ наши словаки его называютъ) в лѣто 102 по крещении Рускомъ уставилъ, и Русь его принела. Кгрекове зась не приняли, бо на онъ

часъ тежь зе злости противъ папежови невинне штурмовали, и нашу Русь до того пилне затягали презъ писма свое, которые ся и теперь в книгахъ многихъ словенскихъ найдують, и такъ ихъ были стурбовали, ижъ около року 1130 за Изяслава князя Киевского зъгола патриархи запехали, а сами собе епископове Руские, митрополита обравшы, посвецали, што презъ часъ немалый трвало, яко то светчать кроники наши Руские. А тутъ обачъ, яко тые кривологи мажуть свое гнезъдо, лъжать Бога и правду его и продковъ своихъ, и всю зъгола церковъ соборную апостолскую, описуючы папежа быти антихристомъ и геретыкомъ» (20—21). Стефанъ Зизаній (говоритъ Іосафатъ нѣсколькими страницами ниже) утверждаетъ, что папу Келестина осудили на третьемъ соборѣ, а Василій Суражскій и Ортологъ называютъ его святымъ. Кривологъ про папу Іоанна VIII въ одномъ мѣстѣ говоритъ, что онъ родилъ ребенка, а въ другомъ мѣстѣ называетъ его праведникомъ. Василій Суражскій называетъ того же папу святѣйшимъ и украшеннымъ евангельскимъ житіемъ (26—27).

Тѣмъ, что мы на предыдущихъ страницахъ сообщили, и притомъ собственными по преимуществу словами Іосафата Кунцевича, и исчерпывается все, что написалъ онъ о папской власти въ интересующей насъ его книжкѣ. Для защиты уніи на этомъ, столь важномъ для нея, пунктѣ сдѣлано имъ тутъ немного.

На другихъ страницахъ книжки Іосафатъ изобличаетъ православныхъ полемистовъ въ противорѣчіяхъ во взглядахъ на мученія злыхъ духовъ, на значеніе соборовъ, происходившихъ послѣ 7-го вселенскаго собора, въ частности Базельскаго собора (11—12, 25—26), представляетъ списокъ тѣхъ отцовъ и учителей церкви, которыхъ Ортологъ обличаетъ въ тѣхъ или другихъ заблужденіяхъ (15—18). Возраженіе Іосафата въ отношеніи того или другого изъ нихъ сводится къ тому, что изобличаемое въ неправомъ мнѣніи лицо признается церковью святымъ, и память его празднуется такого-то числа... Заканчивается книжка Іосафата критикой грамоты Константинопольскаго патріарха Іеремін Виленскому Троицкому братству (отъ 5 іюня 1588 г.). Особенно его возмущаетъ предоставленное братству патріархомъ право надзора за духовенствомъ: «не вы слухайте, мѣщане, духовныхъ (иронизируетъ онъ), але ду-

ховные и съ церквями своими маютъ васъ слухати, подъ анафемою» (30—32).

Съ внѣшней стороны вся книжка написана очень однообразно, по одному и тому же шаблону. Строгой системы въ изложеніи взаимныхъ противорѣчій православныхъ полемистовъ не замѣтно. Къ одному и тому же пункту авторъ обращается не разъ, въ различныхъ мѣстахъ книжки. Преобладающую часть содержанія книжки составляютъ выписки и цитаты. Тѣмъ не менѣе, не смотря на нѣсколько неправильную конструкцію нѣкоторыхъ фразъ, вся книжка въ общемъ довольно обработана въ литературномъ отношеніи. Хотя попадаются по мѣстамъ рѣзкости по адресу противниковъ, но ихъ сравнительно немного, и общій тонъ книжки для своего вѣка довольно спокойный и корректный. Что же касается основного духа, проникающаго книжку, то это духъ самой искренней преданности рим.-католическому вѣроученію. Совсѣмъ не знавшій полатыни, русскій уніатскій іеромонахъ изъ волынскихъ мѣщанъ является, по своимъ догматическимъ и каноническимъ взглядамъ, латинникомъ до мозга костей. Хотя онъ и читалъ русскія лѣтописи, все русское церковное прошлое закутано для его глазъ густымъ рим.-католическимъ туманомъ. Впрочемъ знакомство его съ этимъ прошлымъ оказывается не особенно основательнымъ. Приведенная нами обширная буквальная выписка изъ книжки его вполнѣ это подтверждаетъ.

На послѣдней страницѣ книжки Іосафата Кунцевича «Объ искаженіи славянскихъ сочиненій», рядомъ съ рисункомъ чернилами, находится слѣд. хронологическая дата: «Мѣсяца Августа 27 дня преподобного отца Пимена и Ливерія, папы Римского Светого, который принявъ выгнаного Афанасия до себе за сына Константина Великого». А подъ этой датой и рисункомъ написано киноварью: «Его же аще Господь кажетъ, того и милуетъ».

Въ книжкѣ четыре послѣднихъ страницы не записанныхъ. На 36 стр. находятся слѣд. фразы: «З любовию и разсужденiемъ сию книжку прiими и читай, веселечысь с того. А всего щодродавцу Богу и ласце Его причитаи, же можетъ до того конца щасливого всѣхъ потягнути, абовемъ онъ николи не прагнетъ того, хто бы мелъ згинути».

§ 4.

Вторая тетрадь сочиненій Іосафата Кунцевича состоитъ изъ 3 листовъ. Первая страница—незаписанная. На ней только рукою преосв. Павла Доброхотова написано: «Это изъ рукописи Іосафата Кунцевича». На остальныхъ страницахъ находятся одна за другой 6 слѣдующихъ статей: 1) «О старшенстве Петра Светого»; 2) «О мощахъ светыхъ, же потреба меть въ чести, и о чудахъ ихъ»; 3) «О чистости iерейской, же лепии безженымъ быть»; 4) «О законникахъ доводъ, якъ въ старомъ и въ новомъ писмомъ св. о всемъ габити и о власахъ светчатъ, и о шлюбахъ и о клобукахъ и постриженю девицъ»; 5) «О крещении Владимера»; 6) «Ци добре церковъ восточная чинитъ, посвещаючи хлѣбъ, воду, вербу и баранка».

Первая статья («О старшенствѣ Петра») равняется по своему размѣру всѣмъ остальнымъ статьямъ, вмѣстѣ взятымъ (стр. 2—13). Начинается она констатированіемъ того факта, что авторитетъ Римскаго апостольскаго престола признавался на всѣхъ 7 вселенскихъ соборахъ, особенно въ спорахъ между епископами (2). Далѣе приводятся и объясняются кратко извѣстные евангельскіе тексты о Петрѣ, какъ о камнѣ, и о порученіи Петру пасти овцы (2—3). Затѣмъ приводятся историческіе примѣры вмѣшательства римскихъ епископовъ въ дѣла другихъ церквей и низложенія ими епископовъ, и даже патріарховъ, а также постановленія нѣсколькихъ соборовъ объ аппеляціи въ папѣ, причемъ цитируются тѣ или другіе византійскіе историки и соборныя правила (3—5). Тысячу лѣтъ (продолжаетъ авторъ) греки жили въ единеніи съ римлянами. На соборахъ противъ иконоборцевъ папы и константинопольскіе патріархи дѣйствовали вполнѣ согласно. Папа былъ защитникомъ патр. Игнатія и пр. Авторъ переходитъ, затѣмъ, къ раздѣленію церквей при «несчастномъ, шальномъ Михаилѣ, патріархѣ Константинопольскомъ». Онъ «папежовъ и всѣхъ римлянъ выклялъ, кляшторы поотнималъ и Болгария въ набоженстве потурбовалъ». Но папа Левъ IX написалъ письмо имп. Михаилу и возвратилъ его къ повиновенію. «В тымъ (говоритъ авторъ) Руские краи вѣру св. приняли. Русь до Царгороду, иншии до Рыму апелевали, якъ кому ближей было»... (5—7). Въ послѣдующіе вѣка, по

изображенію автора, восточная церковь то была въ единеніи съ Римомъ, то разрывала это единеніе. «А въ здѣшнихъ краяхъ Русѣйскаго набоженства о томъ (т. е. о разрывѣ единенія) ни слыхали»... Постигшія Византійскую имперію бѣдствія, окончившіяся взятіемъ Константинополя турками, разсматриваются, какъ наказаніе Господне за отступничество грековъ отъ единенія съ Римомъ. Статья оканчивается патетическимъ описаніемъ гибели Константинополя (7—13).

Авторъ въ статьѣ «О старшенствѣ Петра» не разъ ссылается на византійскихъ историковъ. Онъ указываетъ и то литературное пособіе, изъ котораго онъ взялъ нужныя ему свидѣтельства византійскихъ историковъ: «Книжку полскую о раде костелномъ чытай, тамъ и з кгрецкихъ докторовъ довѣдаешъ» (5). Въ одномъ мѣстѣ статьи авторъ обращается къ Москвѣ. Сказавши о томъ, что византійскіе императоры всецѣло подчинили своей власти патріарха и все духовенство, онъ продолжаетъ: «што и до сихъ часъ у Москви дѣетъ, же патриархи и все духовенство подъ моцою маютъ и ими розказуютъ» (11).

Вторая очень краткая статья, въ полторы неполныхъ страницы, «О мощахъ святыхъ» представляетъ собой простой перечень ветхозавѣтныхъ и новозавѣтныхъ примѣровъ исцѣленій отъ мощей святыхъ людей, отъ прикосновенія къ ихъ одеждѣ и проч. Это — общеупотребительные примѣры въ богословскихъ разсужденіяхъ о мощахъ святыхъ. Іосафатъ заимствовалъ ихъ изъ какой то книги, про которую въ серединѣ статьи (стр. 14) вставлена имъ такая неопредѣленная фраза (киноварью): «по сродку есть писано о образахъ листъ 10».

Третья статья «О чистости іерейской» (стр. 16—17), такого же размѣра, какъ и предыдущая, посвящена доказательству превосходства безбрачія передъ брачной жизнью вообще, и для духовныхъ лицъ въ особенности. Приводятся соотвѣтствующія мѣста изъ Священ. Писанія, указываются примѣры Христа и апостоловъ, цитируются блаж. Іеронимъ, св. Іоаннъ Златоустъ (изъ Маргарита)... Въ періодъ уніи, къ которому относится интересующая насъ статья, вопросъ о безбрачіи духовенства совсѣмъ не былъ предметомъ спора съ рим.-католиками. Тѣмъ знаменательнѣе преждевременное усердіе Іосафата Кунцевича на этомъ пунктѣ. «Стражди, або працюй (цитируетъ онъ слова Іеронима), яко добръ воинъ

Христовъ; обвязуется, яко жолнѣръ, не бавиться иншими речьми, яко суть брачные и свѣтскиe».

Четвертая статья «О законникахъ» по своимъ размѣрамъ вдвое больше каждой изъ двухъ предыдущихъ статей (стр. 18—21). Она не относится къ области взаимной православно-уніатской полемики. Зато касается предмета, лично особенно близкаго сердцу Іосафата, съ 1604 года (съ 24-лѣтняго возраста жизни) подвизавшагося въ Виленскомъ Троицкомъ монастырѣ, старавшагося вмѣстѣ съ Іосифомъ Вельяминомъ Рутскимъ личнымъ примѣромъ и цѣлымъ рядомъ особыхъ мѣръ поднять совершенно упавшую въ этомъ монастырѣ монашескую дисциплину[1]). Статья «О законникахъ» начинается констатированіемъ зачатковъ монашескаго образа жизни еще въ Ветхомъ Завѣтѣ, на основаніи цитируемыхъ авторомъ указаній и объясненій отцовъ и учителей церкви, а также іудея Филона (сыны пророческіе, назореи). Затѣмъ, авторъ, на основаніи свв. отцовъ, говоритъ о монашествѣ въ Новомъ Завѣтѣ, въ частности о «шлюбахъ», или обѣтахъ, нищеты, цѣломудрія, послушанія, и опровергаетъ возраженія противъ него.

«О постриженiи власовъ» только поставленъ подзаголовокъ, но самаго изложенія этого пункта не сдѣлано (20). Приведя, далѣе, свидѣтельства Евсевія объ ап. Іаковѣ (который «завше хожовавъ у свитцы») и Василія В. въ письмѣ къ Григорію объ иноческихъ одеждахъ, авторъ продолжаетъ: «Слушна есть своего власного габиту чернецкого держатись, бо кожныи станъ водлугъ професии своее, або стану, одежду меть... Певне маетъ быть чорный, тая дѣлитъ насъ отъ свѣтскихъ габитовъ» (20). Вслѣдъ за тѣмъ, авторъ говоритъ уже о томъ, что монахи должны по своимъ обычаямъ отличаться отъ свѣтскихъ людей и презирать все свѣтское, должны преуспѣвать въ добродѣтеляхъ, имѣя для этого «способность мѣстца и приклады добрые» (21). Въ самомъ концѣ статьи идетъ рѣчь о монашескихъ клобукахъ. Авторъ утверждаетъ, что «с тестаменъту старого и нового клобуки есть намъ на знакъ не-

1) Объ этой сторонѣ дѣятельности Рутскаго и Кунцевича см. нашу статью: «Жизнеописаніе митр. Іосифа Вельямина Рутскаго, составленное митр. Рафаиломъ Корсакомъ, и сочиненіе Рутскаго объ улучшеніи внутренняго строя уніатской церкви» (Христ. Чтеніе, 1909, августъ, 1088—1108).

винности и стражи» (21). Особаго сообщенія, или разсужденія «о постриженю девицъ» въ статьѣ не имѣется, хотя оно и обѣщано въ ея заглавіи.

Пятая статья «О крещеніи Владиміра» занимаетъ только двѣ страницы съ небольшимъ (22—24). Но и изъ этихъ двухъ страницъ крещенію Владиміра посвящено менѣе десяти строкъ: «Повшехное крещение принято есть отъ Владимера, Олгина сына, за которого поводомъ усѣ Русѣйские краи крестилися, и данно ему есть отъ Цесаровъ Царгородскихъ Василия и Константого сестру рожоную ихъ, именемъ Анъна (пишутъ о томъ Зонара и Кедринъ), за патриархи Николая Хризоверхого; а року отъ создания мира 6490, а отъ рожества Господа нашого Іисуса Христа 990, водлугъ кройникъ Рускихъ и Барониуша 1008». Въ моментъ принятія Русью христіанской вѣры восточная церковь, по утвержденію автора, находилась въ единеніи съ западною. Въ доказательство этого онъ приводитъ письмо Петра Антіохійскаго къ Михаилу Керуларію. Затѣмъ идетъ у него рядъ историческихъ свидѣтельствъ о зависимости константинопольскихъ патріарховъ отъ римскихъ папъ, который и составляетъ содержаніе почти всей статьи. Въ концѣ статьи авторъ указываетъ источникъ своихъ собственныхъ историческихъ свѣдѣній (тотъ же, который онъ указалъ и въ статьѣ «О старшенствѣ Петра»)—«книжки польскія о радѣ костелномъ» [1]).

Шестая статья «Ци добре церковь Восточная чинитъ, посвещаючи хлѣбъ, воду, вербу и баранка» занимаетъ менѣе страницы (24). Она заключаетъ въ себѣ нѣсколько краткихъ выдержекъ изъ свв. отцовъ и нѣсколько простыхъ цитатъ, относящихся къ вышеуказаннымъ предметамъ ея содержанія.

Всѣ шесть статей, находящихся во второй тетради сочиненій Іосафата Кунцевича, гораздо менѣе обработаны въ литературномъ отношеніи, чѣмъ его книжка «О фальшованю словенскихъ писмъ». Всѣ онѣ производятъ общее впечатлѣніе краткихъ черновыхъ набросковъ. Онѣ въ преобла-

---

1) Разумѣется сочиненіе іезуита Петра Скарги: O rządzie y iednosci Kosciola Bożego pod iedynym pasterzem (Krakow, 1590). Перепечатано въ Русск. Истор. Библіотекѣ, т. VII.

дающей своей части состоять изъ выписокъ изъ свв. отцовъ и другихъ писателей. Главнымъ пособіемъ для автора по наиболѣе интересовавшему его вопросу объ отношеніи константинопольскихъ патріарховъ къ римскимъ папамъ послужило сочиненіе іезуита Скарги «Объ управленіи и единствѣ церкви Божіей подъ властью одного пастыря» (сыгравшее и въ первомъ, и во второмъ изданіяхъ такую выдающую роль въ дѣлѣ литературной пропаганды идеи церковной уніи).

§ 5.

Въ 1637 году, одинъ изъ свидѣтелей по дѣлу о канонизаціи Іосафата Кунцевича, Полоцкій уніатскій архидіаконъ Дороѳей Лецикович показалъ на допросѣ, что Іосафатъ, «будучи Виленскимъ архимандритомъ, скомпановалъ изъ русскихъ лѣтописцевъ Оборону единенія, доказывая, что унія была на Руси отъ начала св. вѣры» [1]). Показаніе Дороѳея Лециковича заслуживаетъ особаго вниманія потому, что онъ зналъ Іосафата съ первыхъ почти лѣтъ пребыванія послѣдняго въ Виленскомъ Троицкомъ монастырѣ, именно съ 1609 года, когда онъ, Лецикович, прибылъ въ Вильну изъ Бреста, въ качествѣ пѣвчаго уніатскаго митрополита и брестско-владимірскаго епископа Ипатія Потѣя. Съ этого момента вся дальнѣйшая жизнь Іосафата въ Вильнѣ прошла на глазахъ Дороѳея. По приглашенію Іосафата, назначеннаго 28 іюня 1617 г. коадъюторомъ Полоцкой архіепископіи, а 31 марта 1618 г. Полоцкимъ архіепископомъ, онъ переѣхалъ (въ 1621 году) въ Полоцкъ и оставался архидіакономъ Іосафата до самой его ужасной смерти. Онъ не только находился возлѣ Іосафата въ Витебскѣ въ моментъ его убійства, но и самъ сильно пострадалъ отъ совершившей убійство толпы [2]).

Въ изданной въ Римѣ въ 1665 году книгѣ: Cursus vitae et certamen B. Iosaphat Kuncevicii, Archiepiskopi Polocensis, авторъ ея, Холмскій уніатскій епископъ Яковъ Суша далъ второе свидѣтельство

---

1) Канонизаціонный процессъ, 115 об.: Xiązki rozdawał między schizmatyki, ktoryml artykuły wiary s. przeciwko schizmatykom broniono, a osobliwie Obronę Iednosci, ktorą on będąc Archymandrytą Wilenskim skomponował z kroynikarzow Ruskich zebraną, wywodząc, ze Unia była w Rusi od początku wiary s.

2) Ibid., 111 об.—127.

о составленіи Іосафатомъ Кунцевичемъ, или такомъ или иномъ его участіи въ составленіи, «Обороны единенія». Сказавши о видѣнныхъ имъ самолично славяно-русскихъ сборникахъ Іосафата Кунцевича, касавшихся противорѣчій православныхъ въ ученіи въ предметахъ вѣры (см. выше подлинныя слова), Суша продолжаетъ: ex quibus (collectaneis) postmodum libellus, defensio Unionis dictus, vere pretiosus Unio, ac mastix Schismaticorum, ab illo, cum adiutorio nonnullorum, celato nomine, contextus, in lucem prodiit (стр. 7). Хотя Яковъ Суша при составленіи своей книги пользовался «Канонизаціоннымъ процессомъ», тѣмъ не менѣе его свидѣтельство является самостоятельнымъ по отношенію къ свидѣтельству Дороѳея Лециковича. Онъ самъ видѣлъ тѣ славяно-русскіе сборники, или выписки Іосафата Кунцевича, изъ которыхъ впослѣдствіи составилась печатная его книга «Оборона единенія» (Defensio unionis), вышедшая, однако, безъ обозначенія его имени. Онъ зналъ также, что эта книга написана Іосафатомъ не вполнѣ самостоятельно, а съ помощью нѣкоторыхъ лицъ [1]).

Составленное Сушею жизнеописаніе Іосафата Кунцевича послужило своей фактической стороной основаніемъ для позднѣйшихъ его жизнеописаній. Къ числу таковыхъ относится, напр., житіе Іосафата въ составленномъ базиліаниномъ Игнатіемъ Кульчинскимъ Menologium Bazylianskie (Wilno, 1771), подъ 16 сентября. Въ этомъ житіи (на которое обратилъ вниманіе и М. О. Кояловичъ) Кульчинскій упоминаетъ о «книжкѣ», которую самъ Іосафатъ составилъ, подъ заглавіемъ «Оборона вѣры» (xiążeczka, ktorą sam złożył, Obrona wiary nazwana, II, 207). Кульчинскій допустилъ уже нѣкоторую неточность въ обозначеніи

1) Яковъ Суша пользовался среди уніатовъ, особенно среди базиліанъ, особеннымъ авторитетомъ. Въ 1686 г. базиліанскій орденъ въ спорѣ съ митрополитомъ о подлинности постановленій первыхъ базиліанскихъ конгрегацій обращался къ Сушѣ, какъ «знающему почеркъ старыхъ отцовъ и прелатовъ», съ просьбой засвидѣтельствовать эту подлинность ихъ. Сушу базиліане называли при этомъ «ветераномъ въ орденѣ», «сподвижникомъ Рутскаго»... Отвѣчая орденскимъ властямъ, Суша (6 іюля 1686 г.) писалъ: znam y znałem S. S. Oycow naszych Rutskiego, Ierotheusza y Symeona ręki y authenticowałem wszędzie meo testimonio (рук. Имп. Академіи Наукъ изъ собранія еп. Павла Доброхотова — Acta ordinis S. Basilii Magni, tomus IV, concinatus opera Iosephi Pietkiewicz 153—154).

заглавія книжки («Оборона вѣры» вмѣсто «Оборона единенія», или уніи).

Едва ли можетъ подлежать сомнѣнію, что и Дороѳей Лецковичъ, и Яковъ Суша, говоря о составленной Іосафатомъ Кунцевичемъ въ той или другой степени печатной Оборонѣ единенія, имѣли въ виду вышедшую въ Вильнѣ въ 1617 году на польскомъ языкѣ Оборону единенія церковнаго Льва Кревзы. Вотъ полное заглавіе этой книги: Obrona jednosci cerkiewney, abo dowody, ktorymi się pokazuie, iz Grecka Cerkiew z Łacinską ma być ziednoczona, podane do druku, za rozkazaniem przewielebnego w Bogu oyca Iego m., oyca Iozefa Wielamina Rutskiego, archiepiskopa y metropolity Kiiowskiego, Halickiego y wszystkiey Rusi, w Wilnie, przez oyca Leona Kreusę, archimandrytę Wilenskiego, roku 1617 [1]).

Изъ научныхъ изслѣдователей позднѣйшаго времени, ставившихъ вопросъ объ отношеніи Іосафата Кунцевича къ напечатанной въ Вильнѣ въ 1617 году «Оборонѣ церковнаго единенія», одинъ о. Гепэнъ рѣшилъ этотъ вопросъ въ положительномъ смыслѣ, сославшись на вышеприведенныя свидѣтельства Дороѳея Лецковича и Якова Суши, а также на упомянутое въ началѣ нашей настоящей статьи письмо преосв. Павла Доброхотова къ М. О. Кояловичу (съ нѣсколькими критическими замѣчаніями по адресу послѣдняго) [2]). Епископъ Пелешъ выразился по этому вопросу нерѣшительно: «Нѣкоторыми это сочиненіе приписывается св. Іосафату» [3]). Епископъ Ликовскій, напротивъ, прямо сталъ на сторону отрицательнаго рѣшенія этого вопроса. Онъ находитъ, что о. Гепэнъ приписываетъ «Оборону единенія» Іосафату безъ достаточныхъ основаній. Ликовскій не можетъ, по его словамъ уразумѣть, зачѣмъ понадобилось бы въ данномъ случаѣ Кревзѣ выступать въ качествѣ ея составителя. Да и самое введеніе къ «Оборонѣ», по его мнѣнію, говоритъ въ пользу авторства Кревзы [4]).

---

1) Рус. Истор. Библ., IV, 157.

2) Guépin, Saint Iosaphat, I, 182—194, 364—365.

3) Pelesz, Geschichte der Union, II, 312.

4) Likowski, Unia Brzeska (Poznań, 1896), str. 349. Ср. нѣмец. изданіе—Die rutenisz-römische Kirchenvereinigung, genannt Union zu Brest (Freiburg, 1904), 317.

Никто изъ перечисленныхъ выше изслѣдователей не видѣлъ той рукописной книги Іосафата Кунцевича, съ содержаніемъ которой мы познакомили нашихъ читателей. Никому изъ нихъ не попался другой какой-либо списокъ ея. О. Гепэнъ, повидимому, готовъ былъ вѣрить въ существованіе тѣхъ сочиненій Іосафата Кунцевича, о которыхъ въ 1861 году писалъ преосв. Павелъ М. О. Кояловичу. Но Пелешъ и Ликовскій уже совершенно игнорировали и эти сочиненія, о которыхъ столько лѣтъ не было, ни слуху, ни духу, и самое сообщеніе о нихъ преосв. Павла. Игнорировалъ ихъ и сообщеніе о нихъ и митр. Макарій въ своей «Исторіи Русской церкви», а вслѣдъ за нимъ и другіе наши изслѣдователи. Только К. В. Харламповичъ, лѣтъ десять тому назадъ, хотя и нерѣшительно, позволилъ себѣ перечислить нѣкоторые изъ интересующихъ теперь насъ сочиненій Іосафата Кунцевича [1]).

Наиболѣе обширное по размѣрамъ и наиболѣе обработанное въ литературномъ отношеніи изъ сохранившихся въ рукописи сочиненій Іосафата Кунцевича, сочиненіе его «О фальшованю писмъ словенскихъ» очень мало имѣетъ отношенія къ печатной «Оборонѣ единенія церковнаго». Основная задача его автора, какъ мы видѣли, состояла въ указаніи взаимныхъ противорѣчій православныхъ богослужебныхъ и попреимуществу богословско-полемическихъ сочиненій по тѣмъ или инымъ пунктамъ вѣроученія. Въ печатной «Оборонѣ» эта задача вовсе не ставится, и критикой православныхъ полемическихъ сочиненій «Оборона» не занимается. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно сравнить постановку защиты рим.-католическаго ученія объ исхожденіи Св. Духа въ рукописномъ сочиненіи Кунцевича и въ печатной «Оборонѣ». Въ «Оборонѣ» доказывается правильность этого ученія по существу, а не путемъ сопоставленія противорѣчивыхъ мѣстъ изъ православныхъ книгъ. Вопросъ о папской власти, занимающій въ печатной «Оборонѣ» главное мѣсто, въ сочиненіи «О фальшованю» затронутъ лишь съ нѣкоторыхъ несущественныхъ сторонъ. Одинъ только пунктъ тутъ сближаетъ рукописное сочиненіе Іосафата съ печатной «Обороной». Это—усиленное стараніе дока-

---

1) К. В. Харламповичъ, Зап.-рус. школы XVI и начала XVII в. (Казань, 1898), стр. 515—516.

зать, что Восточная церковь во время крещенія Руси находилась въ общеніи съ Римскою церковью, что Русская церковь съ момента образованія своего не разрывала этого общенія съ нею. Тутъ и въ деталяхъ можно усмотрѣть сходство (отношенія свв. Кирилла и Меѳодія къ Риму, установленіе на Руси празднованія перенесенія мощей св. Николая Чудотворца). Наконецъ, уже въ рукописномъ сочиненіи примѣненъ Іосафатомъ рядъ доказательствъ изъ произведеній славяно-русской церковной письменности (богослужебныя книги, житія святыхъ, лѣтописи), который въ печатной «Оборонѣ» достигъ такихъ широкихъ размѣровъ.

Изъ шести статей, находящихся во второй рукописной тетради Іосафата Кунцевича, нѣкоторыя, по самому предмету своего изслѣдованія, не могли стоять ни въ какомъ отношеніи къ печатной «Оборонѣ». Таковы статьи—вторая («О мощахъ святыхъ»), четвертая («О законникахъ») и шестая («Ци добре чинитъ Восточная церковь, посвещаючи хлѣбъ, воду, вербу и баранка»). Предметы содержанія этихъ статей не были предметомъ спора уніатовъ съ православными. Третья статья («О чистости іерейской») также къ печатной «Оборонѣ» отношенія не имѣетъ: «Оборона» вопросомъ о бракѣ или безбрачіи духовныхъ лицъ не занимается.

Изъ шести вышеупомянутыхъ статей только первая («О старшенствѣ Петра») и отчасти пятая («О крещеніи Владиміра»), по предмету своего изслѣдованія, стоятъ въ извѣстномъ соотношеніи съ печатной «Обороной». Для нѣкоторыхъ мѣстъ первой статьи можно найти соотвѣтствующія имъ мѣста въ печатной «Оборонѣ» (стр. 2—4, 3—5, 5—7 соотвѣтствуютъ стр. 163—168, 175—190, 196—209 «Обороны»). Но развитіе той или иной мысли въ печатной «Оборонѣ» далеко оставляетъ за собой рукописное сочиненіе Іосафата, и со стороны фактической полноты, и со стороны силы и обстоятельности аргументаціи, и со стороны упорядоченности внѣшняго изложенія. Фактическая сторона у Кунцевича въ рукописныхъ его сочиненіяхъ не отличается полнотою: вмѣсто изложенія фактовъ у него преобладаютъ простыя, краткія на нихъ указанія, иногда только намеки. Аргументація у него совсѣмъ не отличается самостоятельностью. Она взята имъ (напр. цѣлый рядъ ссылокъ его на отцовъ церкви и особенно на византійскихъ писателей) изъ вторыхъ рукъ (изъ соч. Скарги), и взята безъ всякой, хотя бы внѣшней, ея переработки.

Элементъ славяно-русской письменности въ статьѣ «О старшенствѣ Петра» гораздо слабѣе, чѣмъ въ сочиненіи «О фальшованю писмъ словенскихъ». Внѣшнее изложеніе рукописныхъ статей Кунцевича не отличается ни обработанностью, ни законченностью. Это — наскоро сдѣланныя черновыя выписки изъ тѣхъ или другихъ пособій, оказавшихся у него подъ руками. Въ томъ видѣ, въ какомъ дошли до насъ рукописныя сочиненія Кунцевича, они ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть названы первой редакціей «Обороны единенія». Для цѣлаго ряда страницъ этой послѣдней въ нихъ не оказывается и слабыхъ намековъ. То же, что у нихъ общаго между собою, въ рукописныхъ сочиненіяхъ Кунцевича изложено по сравненію съ печатной «Обороной» слишкомъ кратко, отрывочно, примитивно. Нерѣдко одной фразѣ рукописнаго сочиненія Кунцевича соотвѣтствуетъ въ печатной «Оборонѣ» цѣлая большая глава.

Но хотя сохранившіяся рукописныя сочиненія Іосафата Кунцевича не могутъ быть названы первой редакціей печатной «Обороны» 1617 года, тѣмъ не менѣе отрицать всякое ихъ значеніе въ процессѣ созданія печатной «Обороны» нельзя. Не говоримъ уже о томъ, что въ рукописныхъ статьяхъ «О старшенствѣ Петра» и «О крещеніи Владиміра» (въ большей ея части) Іосафатъ Кунцевичъ трактуетъ о тѣхъ же предметахъ, которымъ посвящена и печатная «Оборона», что нѣкоторыя главы этой послѣдней представляютъ собой лишь дальнѣйшее, болѣе подробное, раскрытіе положеній, высказанныхъ уже въ вышеупомянутыхъ статьяхъ. Нельзя не обратить вниманія на то обстоятельство, что рукописныя сочиненія Іосафата Кунцевича, не смотря на общій компилятивный ихъ характеръ, вносили нѣчто новое и самостоятельное въ тянувшуюся не мало уже лѣтъ литературную полемику православныхъ и уніатовъ. До того момента, когда Іосафатъ взялся за перо, защиту церковной уніи во всѣхъ смыслахъ вели писатели, по своему образованію и по своимъ литературнымъ вкусамъ и настроеніямъ всецѣло принадлежавшіе Западу, съ его латинской школой, съ его схоластической богословской наукой (Петръ Скарга, Ипатій Потѣй, самъ непосредственный начальникъ и вдохновитель Іосафата Іосифъ Вельяминъ Рутскій). Іосафатъ Кунцевичъ, въ догматическомъ и каноническомъ отношеніи всецѣло прилѣпившійся къ тому же Западу, въ бытовомъ, въ частности въ церковно-обрядовомъ от-

ношеніи продолжалъ оставаться подъ обаяніемъ преданій и живыхъ вѣяній родной восточной, православно-русской старины. Латинскаго языка онъ совсѣмъ не зналъ [1]). Къ западно-католической богословской книгѣ для него прямой путь былъ совсѣмъ закрытъ. Тѣмъ съ большимъ рвеніемъ онъ искалъ средствъ и способовъ защиты столь дорогой ему церковной уніи въ той области, которая была ему всецѣло доступна, которую онъ зналъ лучше другихъ, гораздо болѣе его просвѣщенныхъ, защитниковъ ея. Въ области церковной славяно-русской письменности онъ, надо думать, давно пріобрѣлъ начетническимъ путемъ широкія свѣдѣнія. Съ другой стороны, онъ не могъ не понимать, что для современнаго ему западно-русскаго общества, для тѣхъ, по крайней мѣрѣ, слоевъ его, которые получили лишь подобное ему начетническое образованіе, доказательства въ пользу уніи изъ древне-славянскихъ, особенно богослужебныхъ книгъ, должны были имѣть высокую цѣну. Уже въ сочиненіи его «О фальшованю писмъ словенскихъ» доказательства этого рода нашли себѣ довольно много мѣста. Не даромъ Яковъ Суша, видѣвшій своими глазами это сочиненіе, поставилъ его, какъ мы выше видѣли, въ прямую генетическую связь съ печатной «Обороной уніи» (хотя по предмету они и не совпадаютъ). Очевидно, онъ уже въ рукописномъ сочиненіи Кунцевича увидѣлъ яркое проявленіе того новаго способа аргументаціи въ пользу уніи, который въ печатной «Оборонѣ уніи» примѣненъ былъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, съ цѣлыми рядами буквальныхъ выписокъ изъ разныхъ отдѣловъ славяно-русской церковной письменности. Вспомнимъ, что и Дороѳей Лецикович, приписывающій составленіе печатной «Обороны уніи» Іосафату Кунцевичу, только одну черту въ процессѣ ея составленія и подчеркнулъ: «скомпановалъ изъ славянскихъ хроникеровъ»... Нельзя не обратить въ данномъ случаѣ вниманія еще на одно обстоятельство. Дороѳей Лецикович говоритъ, что Іосафатъ скомпаковалъ «Оборону уніи» въ бытность свою архимандритомъ Виленскаго Троицкаго монастыря. А изъ самаго заглавія предисловія къ сочиненію

---

1) Susza, 17. По словамъ Суши, іезуитъ Валентинъ Фабрицій преподалъ Іосафату Кунцевичу свѣдѣнія по богословію slavonico idiomate, потому что Іосафатъ latini sermonis expers fuerit.

«О фальшованю писмъ словенскихъ» видно, что это сочиненіе написано Кунцевичемъ раньше этого времени, написано тогда, когда онъ былъ еще лишь іеромонахомъ этого монастыря. Представляется дозволительнымъ предположеніе, что литературная работа Кунцевича по защитѣ уніи на основаніи свидѣтельствъ, заимствованныхъ изъ славяно-русской письменности, не ограничилась лишь сохранившимися теперь въ рукописи литературными его опытами. Можетъ быть, возвратившись послѣ недолгаго Бытенскаго и Жировицкаго настоятельствованія (въ концѣ 1613 года) въ Виленскій монастырь, онъ продолжалъ въ той или иной формѣ трудиться надъ тѣмъ дѣломъ, которое завершилось желаннымъ успѣхомъ (печатной «Обороной единенія церковнаго») лишь въ томъ уже году, въ которомъ онъ долженъ былъ архимандритство въ Вильнѣ промѣнять на коадъюторію архіепископіи въ Полоцкѣ[1]). Самое содержаніе «Обороны», напечатанной въ 1617 году новымъ Виленскимъ архимандритомъ Львомъ Кревзою по распоряженію митр. Рутскаго, самое разнообразіе пущенной въ ней въ ходъ специальной аргументаціи, показываетъ, что она не была дѣломъ, наскоро сдѣланнымъ послѣ несостоявшагося богословскаго диспута съ православными, а была дѣломъ, давно и тщательно подготовлявшимся. Нѣтъ основаній оспаривать у Льва Кревзы авторство печатной «Обороны единенія церковнаго». Но въ виду вышеприведенныхъ свидѣтельствъ Дороѳея Лециковича и Якова Суши, а также въ виду сохранившихся въ рукописи литературныхъ опытовъ защиты Іосафатомъ Кунцевичемъ церковной уніи извѣстнымъ своеобразнымъ способомъ аргументаціи, едва ли можно отрицать существенную литературную помощь, оказанную имъ Кревзѣ. Повидимому, изданіе въ свѣтъ «Обороны» 1617 года было вообще въ извѣстной мѣрѣ дѣломъ коллективнымъ,—дѣломъ всего виленскаго кружка ревнителей уніи, почти десять лѣтъ уже такъ или иначе дѣйствовавшаго въ ея защиту[2]).

---

1) Предисловіе къ книжкѣ «О фальшованю писмъ словенскихъ» Іосафатъ закончилъ такими словами: «А тую малую працу мою в розсудное бачене и читане каждому чытати хотящему залецаю, обецуючы напотомъ незадолго обширней описати престорогу до того жъ народу своего стороны вѣры правдивое» (стр. 6).

2) Рафаилъ Корсакъ въ своей Vita Iosephi Velamin Rutski самому Рутскому приписываетъ составленіе sub titulo alterius libri in defensionem s. unionis про-

§ 6.

Іосафатъ Кунцевичъ вообще проявлялъ большое расположеніе и усердіе къ книжному труду. Яковъ Суша въ жизнеописаніи Іосафата объ этомъ выразился такъ: Codicibus Ecclesiasticis, Slavonico idiomate scriptis impressisque, insudavit (стр. 7).

Преосв. Павелъ Доброхотовъ, какъ видно изъ письма его къ М. О. Кояловичу, видѣлъ въ библіотекѣ Супрасльскаго монастыря житія святыхъ, писанныя (даже отчасти передѣланныя) Іосафатомъ Кунцевичемъ. Въ рукописномъ отдѣленіи Виленской Публичной Библіотеки, въ числѣ рукописей, поступившихъ въ нее изъ библіотеки Супрасльскаго монастыря, находится обширный сборникъ житій святыхъ, которымъ въ 1852 году, какъ видно изъ находящейся въ ней замѣтки, пользовался преосв. Павелъ, въ то время ректоръ Рижской духовной семинаріи. На 472 листѣ сборника старинною скорописью сдѣлана приписка: «Сіе писаніе, житіе и страсти Св. Іоанна Пр. списано блаж. епископомъ Іосафомъ, священномученикомъ, иже пострада въ градѣ Витепску отъ тамо сущихъ гражданъ, року 1623». Подъ 9 мая въ сборникѣ помѣщено три статьи о перенесеніи мощей Святителя Николая, Мирликійскаго чудотворца. Подъ 15 іюля помѣщено не только житіе св. благовѣрнаго князя Владиміра, но и слово митр. Иларіона о законѣ и благодати, съ похвалой Владиміру. Тутъ же помѣщены два слова Григорія, архіепископа Кіевскаго и всея Руси (первое изъ нихъ «Слово похвальное иже оу Флорентіи и оу Костентіи собороу») [1]).

Въ рукописномъ отдѣленіи Виленской Публичной Библіотеки находится и другой обширный сборникъ (изъ библіотеки Жировицкаго монастыря), составлявшій собственность Іосафата Кунцевича и писанный въ большей своей части, вѣроятно, его рукою. На корешкѣ сборника надпись: «B. Iosaphatae manuscripta». На л. 119 другая надпись: «Rękopis błagosławionego Iozafata». Въ этомъ сборникѣ помѣщены одно

тивъ Мелетія Смотрицкаго (рукописный сборникъ изъ собранія еп. Павла Доброхотова, посвященный жизни и дѣятельности митр. Рутскаго, въ библ. Имп. Академіи Наукъ, л. 246 об.).

1) Ф. Н. Добрянскій, Описаніе рукописей Вилен. Публ. Библіотеки, церковно-славянскихъ и русскихъ (Вильна, 1882), стр. 221—228.

слово Златоуста, два слова Симеона Новаго Богослова и цѣлый рядъ словъ Нила Пустынника о молитвѣ и монашеской жизни. Затѣмъ слѣдуетъ рядъ проповѣдей (на бѣлорусскомъ языкѣ) на разныя темы. Нѣкоторыя изъ проповѣдей переписаны набѣло; другія изъ нихъ представляютъ собой черновыя замѣтки. Посвящены онѣ попреимуществу монашеской жизни. Оканчивается сборникъ краткой хронологіей церковно-гражданскихъ событій (послѣднее хронологическое извѣстіе о вступленіи на византійскій престолъ имп. Михаила III)[1]. Судя по содержанію вошедшихъ въ него статей, сборникъ относится не ко времени дѣятельности Іосафата въ санѣ архіепископа Полоцкаго, а ко времени пребыванія его въ Виленскомъ Троицкомъ монастырѣ, когда усовершенствованіе уніатской монашеской жизни составляло особенный предметъ заботъ его, а также единомышленника и покровителя его Іосифа Вельямина Рутскаго.

Оканчивая рѣчь о литературныхъ произведеніяхъ, такъ или иначе связанныхъ съ именемъ Іосафата Кунцевича, умѣстнымъ считаемъ упомянуть еще о двухъ его письмахъ къ литовскому канцлеру Льву Сапѣгѣ, представляющихъ собою и нѣкоторый литературный интересъ.

Общеизвѣстно знаменитое въ своемъ родѣ письмо Льва Сапѣги къ Іосафату Кунцевичу (отъ 12 марта 1622 года изъ Варшавы) въ защиту свободы совѣсти, которую такъ жестоко попиралъ этотъ уніатскій епископъ. Вишневскій перепечаталъ это письмо въ своей «Исторіи Польской литературы, причемъ назвалъ его золотымъ письмомъ, прекраснѣе котораго ничего нѣтъ въ польской литературѣ[2]. Давно извѣстно и отвѣтное на него письмо Іосафата Кунцевича (отъ 22 апр. 1622 г.). Оно напечатано было еще въ 1680 году въ изданномъ уніатами сочиненіи Colloquium Lubelskie (стр. 91—95)[3].

---

1) Ibid., 439—441.

2) Wiszniewski, Historya literatury Polskiej, VIII, 497—503. Длинная исторія печатныхъ изданій этого письма Сапѣги къ Кунцевичу разсказана нами въ IV выпускѣ нашей «Сеймовой борьбы» (стр. 34—35, прим. 51).

3) Перепечатано М. О. Кояловичемъ въ «Литов. церковной уніи», II, 334—344, и еп. Эд. Ликовскимъ въ его Historyi unii (Poznań, 1875), стр. 244—249. Оно же находится въ «Канонизаціонномъ процессѣ, л. 168 об.—171, и въ цитируемомъ въ слѣдующемъ примѣчаніи сборникѣ (л. 49—51). Въ этомъ же сборникѣ находится и письмо Сапѣги (л. 46—48).

Оба эти письма, столь характеристичныя для религіозно-нравственной личности своеобразнаго русскаго мученика за идею церковной уніи съ Римомъ, написанныя притомъ же за полтора лишь года до ужасной, постигшей его въ Витебскѣ, катастрофы, безчисленное количество разъ уже процитированы въ общихъ и спеціальныхъ сочиненіяхъ, посвященныхъ западно-русской исторіи XVII вѣка. Но до сихъ поръ не было отыскано то письмо Іосафата Кунцевича, въ отвѣтъ на которое Левъ Сапѣга написалъ свое знаменитое письмо. Извѣстны были только нѣкоторые отрывки изъ него, процитированные Сапѣгою въ его письмѣ съ цѣлью ихъ критическаго разбора... Случайно намъ попалась копія этого письма Іосафата Кунцевича въ одномъ сборникѣ изъ рукописнаго собранія епископа Павла Доброхотова[1]).

Это письмо, написанное на польскомъ языкѣ, послано было его авторомъ Льву Сапѣгѣ 21 января 1622 года изъ Полоцка. Оно по своимъ размѣрамъ значительно меньше обоихъ упомянутыхъ выше писемъ. По содержанію и основному тону оно близко подходитъ къ напечатанному, болѣе позднему, письму Кунцевича. Оно тоже представляетъ собою опытъ письменной самозащиты Кунцевича противъ нападокъ на него Сапѣги за его ревность не по разуму въ борьбѣ за унію съ православными. Тонъ этого перваго письма Іосафата, хотя и не такой рѣзкій, какъ второго письма, все-таки довольно сильный и язвительный. Въ письмѣ Кунцевича отъ 21 января 1622 года, особенно въ первой его половинѣ, находится нѣсколько новыхъ фактическихъ данныхъ, не лишенныхъ общаго историческаго интереса (относительно предыдущей переписки Кунцевича съ Сапѣгой, отношеній его къ запорожскимъ казакамъ, относительно гетмана Сагайдачнаго, относительно Полоцкихъ и Витебскихъ церковныхъ дѣлъ). Ниже мы печатаемъ это письмо.

Только письма Іосафата Кунцевича къ Сапѣгѣ написаны на польскомъ языкѣ. Съ Іосифомъ Рутскимъ онъ переписывался на русскомъ

---

1) Сборникъ библ. Имп. Академіи Наукъ изъ собранія епископа Павла Доброхотова подъ заглавіемъ: Acta ordinis S.-Basilii Magni, tomus IV, concinatus opera Iosephi Pietkiewicz, л. 44—45 об.

языкѣ [1]. Всѣ литературные его труды, о которыхъ у насъ выше была рѣчь, тоже написаны на русскомъ языкѣ. Тогда какъ Полоцкій православный архіепископъ, извѣстный Мелетій Смотрицкій велъ свою литературную борьбу съ уніей на польскомъ языкѣ, Полоцкій уніатскій архіепископъ, погибшій столь ужасною смертью за свою преданность Риму, писалъ въ защиту уніи на русскомъ языкѣ. Не смотря на полное усвоеніе рим.-католическаго догматическаго вѣроученія, онъ сознавалъ себя еще русскимъ, а не полякомъ. Славяно-русская церковная стихія, окружавшая и проникавшая уніатскаго архіерея въ его богослужебной практикѣ, еще удерживала этого представителя перваго поколѣнія нашихъ уніатовъ въ составѣ Русскаго «Русѣйскаго» народа.

П. Жуковичъ.

1) Витеб. Стар., I, 217.

Письмо Полоцкаго уніатскаго архіепископа Іосафата Кунцевича къ Литовскому канцлеру Льву Сапѣгѣ.

Jasniewielmożny Miłosciwy M. Panie Kanclerzu W. X. L. Moy Msci Panie y Dobrodzieiu.

Przedtym na Moskwę, potym na nawalnosc Turecką kazałeś mi W. M. Pàn respectować, a teraz na nieiakies pogrozki Kozackie, dla czego perswadowac mi W. M. raczysz, abym surowie na schyzmatykow nie następował, gdyż iest wiara dar Boży, y że z tey uniey żadnego pożytku Rptey niemasz, tylko hałas na Seymach et cet. Co się tycze Kozakow, mam między niemi trzech powinnych moich, krewnych, z ktorych ieden na imie Hryhory Ostrowiecki dnia onegdayszego 8 Januarii przyiachał tu ku Połocku do mnie w nawiedziny. Ten mi dał sprawę o wszytkim po dostatku, że Borzecki, y Smotrzycki, y inszi Pseudowładykowie tam się walęsaią w Kiowie, będąc od wszytkich czerncow tamecznych opuszczeni, bo z nimi czerncy żadney spolecznosci miec nie chcą, do Monasterow ich swoich nie przypuszczaią, y w cerkwiach swoich nabozenstwa im odprawowac nie pozwalaią. Pan Sahaydaczny też się im declarował, że przy nich stał, poki mogł, teraz prawi: Widząc, że się nie dobrze stało, nie mogę wam żadney rady y pomocy dac. Tož im mowi y szlachta, Kiowska Rus. Więc poglądaią ciż Kozacy y na Commissią, o ktorey K. J. M. im oznaymił, że ma byc w marcu przyszłym w Kiowie odprawowana dla sporządzenia ich y przebrakowania. A zatym o takiey zbrodni, iako W. Memu M. Panu udano, nie myslą, chybaby copie listow, od W. M. Mego M. Pana do mnie pisanych (ktore zawsze Mohilewcy zwykli miewac), y niechcących ich pobudzili do tego y wid-

ząc, że na nich polityka respectuie. Ja schyzmatykow do wiary nigdym nie przymuszał, y na nich nie następował, oni raczey będąc w posłuszenstwie moim przez trzy lata na mię surowie przed rokiem następować poczęli, porozumiawszy się z Smotrzyckim, nowo wznikłym pseudowładyką. Cerkwie trzy przednieysze gwałtownie mi odięli Witepszczanie, y mnie samego troche nie zabili w cerkwi w samym zamku Witepskim. Ich raczey ganic postępek taki niezbożny, nie moię skromnosc, ktorey zażywam nad powinność Pasterską, wygadzaiąc teraznieyszym czasom y polityce, chociażbym raczey powinien był nasladowac onych wielkich swiętych episcopow Chrysostoma, Ambrozego, Stanisława y inszych, ktorzy nic nie respectowali na Cesarzow, Krolow y Panow Wielkich, czynili to, co wedle Boga y sumnienia urzędom ich należało. Wiara iest dar Boży, ale Katholicka, lecz nie Schyzmatycka ani Heretycka, bo przyznawaiąc wierze odszczepięskiey, że jest darem Bożym, przyznac będzie musiało, że kazdey herezyey bluznierstwo iest darem Bożym. Naukę Pawla S., iaki ma byc episcop, ustawicznie w pamięci noszę, y dlatego w skromnosci Ducha żyię, aż gdy na mię gwałtownie schyzma następuie, prawem się bronic rad nierad muszę. Więc im wolno unitow topic, scinac. Przed kilką lat utopili nam Kiowanie człowieka wielkiego Oyca Antoniego, Ihumena Widubickiego. Lata przeszłego Kozacy w Szarogrodzie Protopopę scięli za to, że był unit. A nam się nie godzic bronic nie lewem, iako oni, ani prawem. Na Seymach halasy czynia nie tylko na unią, ale y na wszytko duchowienstwo nabożenstwa Rzymskiego, toc by y te opuscic y z Panstwa wyprowadzic. Fałsz na prawdę zawsze zwykł hałasy czynic, co się widziec daie na Chrystusie Panie xiążęciu pokoiu, gdy na swiecie był, y na sługach iego, ktorych potomkow że toż potyka, nie dziw, nie iest bowiem większy sługa od Pana swego, ten że Pan powiedział. Mohilewcom cerkwie są odemknione dawno, niech się w nich P. Bogu modlą, maią kapłanow dobrych katholikow, osobney cerkwie na ich bluznierstwo schyzmatyckie postępowac z władzy moiey nie mogę; ażby mi roskazał Naywyzszy Pasterz Papa Rzymski albo Legat

iego, ynaczey był bym winien Bogu y sumnieniu moiemu Katholickiemu. Ze Moskwicin Woiewoda Kałuzski pisze do P. Kapitana Serpieyskiego, uciązaiąc, iż w Panstwie I. K. Msci cerkwi catholickich nie ustępuią na nabozenstwo Schyzmatykom, y to nie dziw Moskwie mowic, oni by radzi, żeby y wszytkie Rzymskie cerkwie schyzmatykom były ustąpione. Lecz słuszna li to dla niepewnego pokoiu politycznego czynic katolikom, łacno uważyc. Ustąpiono przed kilką dziesiąt lat Ryżanom Heretykom (polityce wygadzaiąc) kilka kosciołow głownych katolickich, a iednę cerkiew naszę, iako się to powiodło, na oko widziemy. Przez co greszono, przez toż od Boga za czasow naszych pomsta dopuszczona, tegoz się spodziewac y po drugich odszczepieniach, iesli odniosą skutek z pobłazenia katholickiego (albo raczey) ętc. etc. Połoczanie moi mieszczanie od postawienia Smotrzyckiego przez cały ten rok przyszły, z wielkim zbrodniem porozumiawszy się, kłócili, nic nie dbaiąc o zwierzchnosc Boga y Pomazanca Iego, teraz za doysciem przymierza z Turkiem upadło im serce, niemal wszyscy mieli by się do pokoiu ze mną pierwszego, lecz kilka buntownikow, mianowicie Piotr Wasilewicz, Stephan Affanasowicz y kilka nieznacznych buntuią ich y zmacniaią, aby w uporze stały. Iesli się do W. M. M. uciekną, nie racz że im W. M. wiary dodawac, ale ich tak racz W. M. Moy M. Pan odprawowac, iako iawnych buntownikow. Sprawy moie, ktore się u sądow K. I. M. przytoczą, Miłosciwy Dobrodzieiu, łasce W. M. y patronstwu z samym sobą iako naypilniey zalecąm W. Msci Mego M. M. Pana y Dobrodzieia. Z Połocka 21 Januar. Roku 1622.

O Nowogrodzie Wielkim czytam w Kronikach Moskiewskich, ze około roku 1460 poddał się byl dobrowolnie pod Krola I. Msci S. pamięci Kazimierza, y Władyka Nowhorodzki oddał był posłuszenstwo Metropolitowi Kiowskiemu Hrehorowi, od Papieża Rzymskiego Piusza Wtorego poswięconemu, czym się bardzo obraziwszy Iwan Wasilewicz, dziad Tyranow, z wielką potęgą przyciągnąwszy, wszytkich Nowgorozan wysiec kazał, daiąc tę przyczynę, iako w tychze Latopisach Moskiewskich opisuie, że

się, prawi, byli połatynili, y od tego czasu znowu Moskiewski Hospodar opanował Nowhorod, Pskow y insze włosci, a nie sami się oderwali te miasta, y owszem chcieli byli zostawac w uniey, lecz im posiłku z Litwy y Polski nie dodano. Tom ukazac gotow każdemu na każdym placu.

Wsci Mego M. Pana y zwykłego Dobrodzieja sługa y Bogomodlec Iozaphat Kuncewicz Archiep. Połocki.

Къ исторіи текста произведеній А. Н. Островскаго.

IV.

«Старый другъ лучше новыхъ двухъ» и «Исковое прошеніе» («Семейная картина»).

I.

Въ отчетѣ Румянцевскаго музея за 1886—1888 гг. среди рукописей А. Н. Островскаго подъ № 3097 значится между прочимъ и «Старый другъ лучше новыхъ двухъ». Въ дѣйствительности же въ данной рукописи къ названной комедіи относится только одинъ листъ, на которомъ помѣщенъ планъ комедіи да отрывочныя замѣчанія и наброски, нѣкоторые, повидимому, изъ другой пьесы.

Сначала названы слѣдующія дѣйствующія лица упомянутаго произведенія: Крупицынъ, причемъ его имя зачеркнуто, Густомѣсовъ [сверху подписано куп(ецъ)], Крутолобовъ, Куропаткинъ. Такимъ образомъ одна только фамилія Густомѣсова вошла въ печатный текстъ.

Далѣе справа отъ дѣйствующихъ лицъ помѣщенъ слѣдующій набросокъ плана, правда, зачеркнутый:

АКТЪ V[1]).

Сцена 1-ая. Олинька 1 и мать 2 и Гущина 3. Гущина и мать 4. Олинька и старикъ.

Сцена 2-ая. Нѣт. и Гущ(ина), потомъ сынъ, пот. Нѣт. 2) Гущ(ина) и Нѣт.—Старикъ—чиновн.

Сцена 3-я. (Объ этой сценѣ ничего не сказано).

Дальше идетъ такой планъ:

---

1) Слова «Актъ V» вставлены, повидимому, впослѣдствіи.

ДѢЙСТВІЕ 1-е.

Яв. 1-ое Куропатк(ина). 2. Кур(опаткина) и Гущ(ина). 3. Кур(опаткина), Гущ(ина) и сынъ. 4. Кур(опаткина) и сынъ. 5. Куропат(кина), сынъ и просит(ели). (Сначала было написано отецъ, но потомъ слово «отецъ» зачеркнуто и сверху надписано «просители»). 6. Тѣже и отецъ.

ДѢЙСТВ(іе) 2-е.

1. Олинька. 2. Олинька и Т(атьяна) Ник(оновна). 3. Тѣ же и Гущина. 4. Олинька и Т(атьяна) Ник(оновна). 5. Олин(ька), Т(атьяна) Ник(оновна) и Куропат(кинъ).

ДѢЙСТВ(іе) 3-е.

1. От(ецъ) и сынъ. 2. От(ецъ) од(инъ). 3. От(ецъ) и Куропатк. (эта фамилія зачеркнута, и сверху подписано «Гвоздаревъ»). 4. От(ецъ), мать и сынъ. 5. (Тѣ-же и просит)[1]). 6. От(ецъ), м(ать). 7. От(ецъ), м(ать) и Гущин.

ДѢЙСТВ(іе) 4-е.

Сначала идутъ полторы строчки зачеркнутыя, такъ что не все можно разобрать.

[1. Олинька (одно слово не разобрано). 2. Олинька и Гущина. 3. Тѣже и мать. 4. Олин. (?) и Тат. (?)] [2]). 1. Мать. 2. М(ать) и Олинька. 3. Тѣ же и Куропат. и прос. 4. Ол(инька) и мать. 5. Тѣже и Гущ(ина). 6. Олин(ька) и мать. 7. Ол(инька), мать, Кур. и прос. (?).

Вотъ все, что пока можетъ служить матеріаломъ для знакомства съ тѣмъ, какъ шла работа надъ комедіей: «Старый другъ лучше новыхъ двухъ».

Первоначально, какъ оказывается, авторъ задумалъ комедію въ 3 сценахъ, потомъ рѣшилъ ее сдѣлать въ 4 дѣйствія, даже въ 5, но впослѣдствіи снова возвратился къ мысли о 3-хъ дѣйствіяхъ.

Изъ именъ дѣйствующихъ лицъ вошли въ печатный текстъ Олинька, Гущина и Густомѣсовъ, другія были выброшены или перемѣнены.

Уже во время этой предварительной работы были намѣчены нѣко-

---

1) Слова. поставленныя въ скобки, написаны сверху. Цифра 6 подписана снизу, цифра 7 исправлена изъ 6.

2) Поставленное въ скобки зачеркнуто.

торыя сцены, которыя вошли въ окончательный текстъ комедіи; это главнымъ образомъ сцены, происходившія въ квартирѣ Олиньки и ея матери, такъ напр. первыя три явленія въ сценѣ I (первый планъ) и все 2-е дѣйствіе во второмъ планѣ, которое въ теперешнемъ текстѣ комедіи соотвѣтствуетъ I-му дѣйствію. Затѣмъ въ 4-мъ дѣйствіи (второй планъ), соотвѣтствующемъ печатному III-му дѣйствію, намѣчены слѣдующія сцены: явл. 2 (или 4), т. е. сцена Олиньки съ матерью (въ печат. явл. 1), явл. 3. «Тѣ же, Куропатк. и прос.» (можетъ быть, въ печатномъ текстѣ явл. 3), явл.. 5. «Тѣже и Гущина» (вѣроятно, печатное явленіе 4-е), явл. 7. «Ол(инька), мать, Кур. и прос.» (повидимому, явленіе 5-е дѣйств. III-е).

Всего больше, какъ видно, подверглись передѣлкѣ сцены въ домѣ Куропаткиныхъ (въ печатномъ текстѣ, надо полагать, Васютиныхъ), но и тутъ, оказывается, были намѣчены сцены, вошедшія впослѣдствіи въ окончательный текстъ, какъ напр. явленіе 2-е: «Куропаткина и Гущина» (печатное явленіе 6-е, дѣйств. II). Передѣлка выразилась главнымъ образомъ въ сокращеніи сценъ, хотя были внесены потомъ такія сцены, какъ явленія 1-е и 2-е дѣйств. III. [1) Орестъ, 2) Орестъ и Анфиса Карповна]. О томъ, почему авторъ сократилъ всѣ эти сцены, можно говорить только предположительно. Быть можетъ, онѣ безъ нужды затягивали дѣйствіе, не прибавляя ничего особенно яркаго къ характеристикѣ изображенной въ этой комедіи чиновничьей семьи. Въ силу этого, вѣроятно, авторъ и выбросилъ многія сцены, сводя характеристику дѣйствующихъ сценъ къ самому необходимому, добавивъ за то двѣ сцены, въ которыя ввелъ новое лицо (Ореста) и которыя какъ разъ дополняли обрисовку бытовой стороны.

II.

Далѣе въ настоящей рукописи идетъ комедія: «Исковое прошеніе». Это первоначальная редакція «Семейной картины», второго произведенія А. Н. Островскаго. Что текстъ нашей рукописи можно назвать именно первоначальной редакціей, а не только наброскомъ комедіи, видно будетъ изъ дальнѣйшаго.

Въ рукописи находится только 1-е дѣйствіе. Это обстоятельство въ связи съ заглавіемъ «Исковое прошеніе» показываетъ, что авторъ задумалъ не просто одноактную «Семейную картину», а комедію, очевидно, въ нѣсколько актовъ, но почему-то своего намѣренія онъ въ исполненіе не привелъ и впослѣдствіи первый актъ этой комедіи передѣлалъ въ одноактную пьесу. Причиной этого, быть можетъ, послужило то, что автору еще было не подъ силу написать пьесу въ нѣсколько актовъ, или же просто желаніе поскорѣе увидѣть свое произведеніе въ печати. Во всякомъ случаѣ слѣдуетъ упомянуть о работѣ надъ комедіей «Свои люди—сочтемся». И тамъ первоначально былъ напечатанъ одинъ отрывокъ, хотя, правда, было указано, что это сцены изъ комедіи, да впослѣдствіи авторъ всетаки окончилъ свою комедію. Въ данномъ же случаѣ отрывокъ принялъ законченный видъ, да и авторъ болѣе не возвращался къ нему.

Ввиду того, что текстъ этого одного изъ раннихъ произведеній Островскаго заслуживаетъ особеннаго вниманія и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ представляетъ любопытныя различія сравнительно съ печатнымъ текстомъ «Семейной картины», я считаю необходимымъ напечатать его цѣликомъ. (См. далѣе гл. III приложеніе). Теперь же остановимся на различіи этой редакціи комедіи отъ печатной.

Первое ея отличіе состоитъ въ томъ, что молодые люди, симпатіи двухъ дамъ нашей комедіи, проходятъ мимо дома Пузатовыхъ, тогда какъ въ печатномъ текстѣ Дарья ходила къ нимъ. Потомъ въ печатномъ текстѣ выброшены ихъ письма, очевидно, потому, что безъ нужды затягивали дѣйствіе, а также и отвѣтное письмо Матрены Савишны. Далѣе отношенія двухъ молодыхъ женщинъ, Матрены Савишны и Марьи Антиповны, въ рукописномъ текстѣ иныя, нежели въ печатномъ: въ послѣднемъ нѣтъ совершенно жалобъ первой на вторую, что «навязалась эта дѣвченка на шею». Всѣ эти подробности исключены, вѣроятно, въ связи съ вышеупомянутыми письмами. Затѣмъ конецъ дѣйствія въ рукописи первоначально былъ иной, а именно шло сватовство Марьи Антиповны не за самого Ширялова, а за его сына. На эту деталь слѣдуетъ обратить вниманіе, потому что впослѣдствіи новый мотивъ, введенный въ пьесу, женитьба старика на молодой, будетъ играть видную роль и въ комедіи

«Бѣдность не порокъ». Наконецъ я уже не говорю о томъ, что введены и исключены нѣкоторыя мелкія подробности, какъ напр. вставлена первая длинная реплика Марьи Антиповны, замѣчаніе объ офицерѣ, исключено замѣчаніе Степаниды Трофимовны о томъ, что Лопатиха ей коечто сказывала, и т. д.

Всѣ эти измѣненія сдѣланы не въ нашей рукописи; слѣдовательно, комедія, въ которой мы уже въ нашей рукописи находимъ поправки и передѣлки, еще разъ подвергалась пересмотру и переработкѣ, и, надо полагать, при этомъ пересмотрѣ она и получила свое настоящее заглавіе «Семейная картина».

Отмѣченныя выше отличія рукописнаго текста отъ печатнаго, какъ я думаю, даютъ основаніе утверждать, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ первоначальной редакціей комедіи.

Любопытно было бы прослѣдить хотя бы то, какъ предполагалъ Островскій обработать весь сюжетъ задуманной имъ комедіи въ ея цѣломъ, но отсутствіе плана комедіи, какой мы часто встрѣчаемъ у нашего автора въ другихъ его произведеніяхъ, лишаетъ насъ возможности сдѣлать это. Почему нѣтъ плана? Быть можетъ, потому, что въ то время у нашего драматурга еще не было обыкновенія первоначально набрасывать его, можетъ быть, потому, что онъ просто-на-просто затерялся и не дошелъ до насъ или же еще не открытъ, попавъ въ другую рукопись, хотя послѣднее маловѣроятно.

II.

Исковое прошеніе

Комедія.

ДѢЙСТВІЕ I.

Дѣйствующія лица.

Куп. Пузатовъ.
— жена 30. Матр. Савиш.
сестра ея[6] мужа 20. Мар. (Савишна)[6] Ант.[a]

Мать Пузатова.
Сосѣдъ куп. Ширяловъ.
Антипъ. Пар. Пар.

Въ домѣ Пузатовыхъ.

Явленіе 1.

Матр. Сав. и Мар. Сав.[б] Антип.[а] сидятъ у окна и смотрятъ.

Мар.

Что это Дарья нейдетъ такъ долго.—Ахъ какая *скучная* [1]).

Мат.

Да ты видѣла.

Мар.

Видѣла. Сейчасъ прошли.

Матр.

А куда прошли.

Мар.

Сначала (?) [2]) вотъ такъ прошли, а потомъ назадъ, а потомъ опять назадъ[а], да на углу-то за лавочкой у бутки (?) [2]) и остановились. Я сейчасъ же Дарью и послала, да вотъ и нейдетъ.

Матр.

[Что жъ это она въ самомъ дѣлѣ такъ долго][а]. А въ чемъ они?

Мар.

Да ужъ я сестрица[а] не ошибусь. (Михайло Ник.)[б] Чижиковъ въ сѣромъ пальтѣ, а на Зябликовѣ черный альмавива и соломенная шляпа. Что сестрица.

Матр.

Это они.

Мар.

Ахъ[а]! Чтожъ это Дарья-то *(вбѣгаетъ Дарья).*

а) Буква а обозначаетъ, что это слово, выраженіе или цѣлое предложеніе, поставленные въ скобки, надписано сверху, буква б, что зачеркнуто.

1) Все, напечатанное курсивомъ, писано чернилами или сверху строкъ, или между строкъ, тогда какъ рукопись писана карандашомъ, такъ что текстъ подвергался пересмотру по крайней мѣрѣ дважды.

2) Рукопись писана карандашемъ, кое-что стерлось и трудно или совсѣмъ нельзя разобрать.

Дарья.

Ну мат(ушка) барыня совсѣмъ было самой[в] попалась.

Мар.

Какъ же это ты.

Дар.

Я бѣгу назадъ-то, а она[б] Степ. Трофимов.[в] стоитъ у подъѣзда, что-то дворнику показываетъ. *Ты, говоритъ* куда *это Дарья* ходила: да вѣдь *мат(ушка)—тоже* и я дѣвка-то не промахъ, за шолкомъ молъ въ лавочку бѣгала, (да сама поскорѣй къ вамъ)[б] (*а сама къ вамъ поскорѣй*)[в]. А то вѣдь[б] *(чего добраго)*[в] остановитъ пожалуй. Скажетъ ты за шелкомъ ходила, а ну покажи. Тогда куды дѣваться. Она у насъ такая[б] до всего доходитъ. Вотъ вчерась прикащикъ Петруша...

Мат.

(Чтожъ они-то)[б] (Ахъ Даша, да)[в] они-то чтожъ [1]).

Дар.

Да. Кланяться приказали [(оглядывается кругомъ)[в] *вынимаетъ изъ-за пазухи 2 письма)*][в]. Побольше то вамъ, а вотъ поменьше то вамъ барышня. Да еще приказывали, чтобы непремѣнно говорить въ пятницу въ Останкино пріѣзжали,—этакъ къ вечерни, говоритъ[в]. Да ты говоритъ, *Дарья*[в] скажи, чтобы непремѣнно пріѣзжали[в], хоть и дозжикъ будетъ все бы пріѣзжали.

Мар.

Чтожъ сестрица поѣдемте.

Мат.

Ну такъ ты Дарья бѣги опять, да скажи что молъ пріѣдутъ въ пятницу; а отвѣтъ молъ ужо пришлютъ, слышишь.

Дар.

Слушаю-съ—больше ничего.

1) Первоначально эта реплика читалась такъ: «Чтожъ они-то, чтожъ они-то». Потомъ первая половина была зачеркнута и сверху надписано «Ахъ, Даша» такъ что получилось: «Ахъ, Даша! чтожъ они-то», потомъ, «*да*» надписано чернилами.

Мар.

Да скажи, *Даша*[а], что принесите молъ какихъ-нибудь книжекъ— почитать,—бар(ышня?) проситъ.

Дар.

Слушаю-съ—больше ничего.

Мат.

Ничего.

Дар.

Ну такъ я побѣгу *(уходитъ)*. *(Распечатываютъ пис. и читаютъ)*.

Мат.

(Ну-ка, Маша, что они намъ пишутъ)[а].

Мар.

(Ахъ сестр. что этотъ Зябл.)[1]) пишетъ (Богъ его знаетъ).

Мат.

А тебѣ[б] что Маша[б].

Мар.

Да[а] вотъ что[б]. *(Читаетъ)*. «Невинный Ангелъ Марья Антиповна. Какъ часто ночью, когда луна, царица ночи, плаваетъ по горизонту, я мечтаю объ васъ обожаемое существо. Когда сердце тоскуетъ, и душа покрыта печалью, я вспоминаю ваши черты и какъ бы въ туманѣ вижу вашъ образъ». Ужъ это я и не знаю, что такое. Да и дальше-то (что-то мудрено)[б]. «Вашъ образъ какъ лучезарное свѣтило въ эфирномъ пространствѣ». [Что это сестрица. (Богъ его знаетъ, что это онъ пишетъ)[а]][б]. Никакъ не поймешь. (Вотъ всякій разъ такъ)[а]. Можетъ быть онъ это на смѣхъ подымаетъ.

---

1) Эта реплика надписана сверху. Первоначально читалось такъ:

Мар.

«Что она вамъ пишетъ, сестрица.

Мат.

А тебѣ что Маша».

Мат.

(Ужъ не знаю что такое) [1]). Маша что ты! (Это онъ ужъ такъ отъ сильнаго чувства [2]).

Мар.

А вотъ и стишки на концѣ.

Матр.

Ну ка прочти.

Мар.

Стонетъ сизый голубочикъ....

Мат.

(Ахъ, Маша,)[а] какія чувствительныя!

Мар. *(смотритъ въ окно)*.

Сестрица, *душечка*, ну а *вамъ* что *Чижиковъ* пишетъ.

Мат. [3]) *(чит. вслухъ)*.

Другъ души моей, Мат. Сав., пріѣзжайте въ пят. въ Останк. хотя вы и говорите...

Мар.

Сестрица, сестр. идутъ. *(Обѣ высов. въ окно и кланяются)*.

Мар.

Сестрица, оглянулся.

Мат.

Ты Маша[а] не очень высовывайся, а[б] то Пяткины[б] Лопатиха[а] увидятъ; старуха-то ужъ и то замѣчать начинаетъ. Что тогда Маша.

Мар.

Бѣда сестрица.

Мат.

Ахъ Маша какая бѣда-то.

---

1) Это предложеніе было написано сбоку на свободномъ мѣстѣ.

2) Поставленное въ скобки вставлено потомъ.

3) Слѣва сбоку написаны другимъ почеркомъ: «Чит. про себя. Мар. смотр. въ окно».

Мар.

Въ переулокъ поворотили *(отходятъ отъ окна, вздыхаетъ)*. (Чтожъ сестр. вы давеча читать начали)[б].

Мат.

[Да (чит.)][б] [Ну ка Маша, ты побойчѣе моего читаешь-то. Что это такое вотъ не разберу *(читаетъ)*][а]. Хотя вы и говорите, что мужъ вашъ очень ревнивъ, но неужели онъ такой—такой—вотъ ужъ[б] это (не разберу—посмотри-ка *Маша*)[б] (какое-то нехорошее слово)[а]

Мар. *(читаетъ)*[б].

Что это такое[б] Атилла—нѣтъ Аделла, кажется[а], или Атилла, ужъ право (не разберу)[б] не знаю[а], а вотъ мы сестр. въ пят. спросимъ—что это такое. (Ну а дальше сестрица что)[а].

Мат. *(читаетъ съ разстановкой)*.

«Неужели онъ такой Атилла, что васъ не пуститъ въ Останкино. А мнѣ нужно васъ видѣть непремѣнно, вы знаете мое положеніе и какъ мнѣ нужны».... Ну, *Маша*[а], ужъ это наши дѣла. Поди напиши что-нибудь Зябликову-то, (пока А. А. не пріѣхалъ)[а] надо уже послать. *(Уходитъ)*.

Матр. *(садится къ столу)*.

(Что-то онъ пишетъ)[б]. «Какъ мнѣ нужны», ну ужъ это знаю. (Да привезите мадеры. Зябликовъ очень любитъ)[а]. Да Зябликовъ говоритъ, что онъ больше не пойдетъ со мной. Мнѣ говоритъ надоѣло таскаться каждый день. Твое, говоритъ, другое дѣло, а я изъ-за чего хожу,—поглядѣть на Мар. Ант. говоритъ[а] не велика благодать. Хоть гов(оритъ) она пишетъ: «Мой Ангелъ—мое блаженство»,—а какъ сойдемся—такъ только у ней и разговору, какія ея маменька варенья варила, да сколько огурцовъ посолила. [Да говоритъ она должно быть вовсе дура. Вы М. С. этого письма пожалуйста ей не показывайте)[а]. Мало-ли, говоритъ, что они пишутъ—Вонъ она[б] Мар. Ант.[а] во всякомъ письмѣ пишетъ: твоя по гробъ моей жизни, а того гляди, что за какого-нибудь бородача выдетъ замужъ. Это говоритъ они нашего брата только по губамъ мажутъ.—

Баловство говоритъ одно, а не любовь. А все отъ того, что имъ дѣлать нечего (въ рук. ничего), Сидятъ разодѣвшись съ утра до вечера у окошка. Такъ это говоритъ они отъ скуки записочками и занимаются. (Конечно твое дѣло другое)[а]». Вотъ бѣда-то!—ну какъ въ самомъ дѣлѣ онъ не пойдетъ больше—что мнѣ тогда съ Марьей-то дѣлать—она меня просто съѣстъ. [*Такое наказаніе—право, навязалась эта дѣвчонка на шею)*[а]. Хоть бы ее поскорѣй замужъ выдать за кого-нибудь. (*задум., потомъ пишетъ)* Скажите Зябликову, чтобы онъ походилъ *съ вами*[а] еще немножко, можетъ быть молъ за тебя[а] и замужъ отдадутъ—вѣдь у нея 50 т. денегъ. (А то)[б] (А коли не пойдетъ такъ)[а] сыщите кого-нибудь другого. А то и мнѣ нельзя будетъ изъ дому отпроситься ни на минуту—повидаться съ тобой, мое блаженство: она *тогда*[а] все перескажетъ мужу *(пишетъ тихо (?) и потомъ запечатываетъ)*.

Мар. *(входитъ, запечатываетъ)*.

Послушайте[1]) сестрица, *что*[1]) я написала Зябликову[а]: [что пусть лучше стѣны монастырскія][б].

Дар. *(вбѣгаетъ)*.

Самъ пріѣхалъ. Самъ пріѣхалъ *(беретъ у нихъ письма*[а]*)*.
Гол(осъ?) Жена, а жена, *Мат. Сав.*

Входитъ.

Мат.

Ну[а] что *тамъ*[а].

Пуз.

Здравствуй *(ха-ха, а ты думала и Богъ знаетъ что)?*[а] *(цѣлуются)*. Поцѣлуй еще *(заигрываетъ)*.

Мат.

Полно дурачиться-то (перестань)[а] *(Э, какъ тебѣ не стыдно)*[а].

Куп.

Да поцѣлуй еще.

---

1) Слова: «послушайте» и «что», надписанныя сверху чернилами, потомъ зачеркнуты.

Мат.

Ахъ отстань ради Бога.

Куп.

Уважь *(цѣлуются)*. Ай да жена, (вотъ люблю)[a], ай да Мат. Сав.— Знаешь-ли что Мат. Савиш.

Мат.

Что еще?

Куп.

Хорошо-бы теперь чайку выпить-съ[a] *(садится на диванъ и отдувается)*.

Мат.

Дарья.

Дар.

Что прикажете?

Мат.

Давай самоваръ, да спроси ключи у Степ. Трофимовны.

Дар.

Сейчасъ *(уход.)*.

[Куп. (грозно).

Жена, а жена.

Мат.

Что еще.

Шир.

Поди сюда. Говорятъ тебѣ—поди сюда.

Мат.

Да что ты очумѣлъ што-ли?

Шир.

Что я съ тобой и—сдѣлаю.

Мат.

Да что съ тобой?

Шир.

А испугалась, ха. Нѣтъ Матр. Сав. это я такъ шутки шучу. — Чтожъ чайку-то-съ.

Мат.

Сейчасъ] [1]).

(К(упецъ?) *сидитъ, сопитъ и утир. платк.)*.

Ст. Тр. *(вход. и Дарья несетъ самоваръ)*.

Вотъ[а] пострѣлъ такой[б] прости Госп. *(Ну* что ты)[а] бѣжишь-то[а] сломя голову [(видишь ли ты)[а] чай кушать пожалуйте][б], вѣдь надъ нами не каплетъ, эка угорѣлая дѣвка! Да ужъ и ты то отецъ мой, никакъ съ ума спятилъ. Который ты[а] разъ чай то пить принимаешься—дома два раза пилъ, да чай въ городѣ то нахлебался—*досыта* [2]).

К(упецъ).

(Т. е. не то что досыта, а)[а] пилъ, матушка, пилъ. [Чтожъ, ничего! Что за важность! Не хмѣльное. Вотъ съ Брюховымъ][а] ходили. Ходилъ съ *Савой Савич. Вамъ мат(ушка) Сав. Сав. кланяться приказалъ*[б]. (Отчего съ хор(ошимъ) чел(овѣкомъ) чайку не попить)[а]. (Какъ забрались, такъ съ компаніей ходили человѣкъ 12-ть)[б]. (Да вотъ послѣ обѣда)[а] (ходили на 7 руб. чаю выпили, вдругъ ха ха ха)[б]. А я матушка нынче Брюхова-то рублевъ на 1000-чку опилъ.

Ст.

Ужъ гдѣ тебѣ, мое дитятко, самого-то тебя чай кругомъ надуваютъ[б] обманываютъ[а]. У васъ только и дѣло что брюхо наливать. [Грѣшный человѣкъ, сама люблю чайку выпить, а ужъ не по 8-же разъ][а]. Никакого-то, какъ я посмотрю, у васъ порядку нѣту. [Ужъ *вы и меня-то* съ пути сбили][а]. По утру самоваръ со стола не сходитъ до 11-ти часовъ,—сначала молодцовъ напоишь—въ городъ отпустишь, потомъ ты, родимой[а], подымаешься,—тебя-то[а] скоро-ли ублаготворишь, (потомъ барыня-то твоя)[а]. Не то что къ обѣдни сходить, *(вы и)*[а] лба-*то*[а] перекрестить некогда[б] *(не дадите)*[а]—прости Госп. Какъ бы жилъ ты, *Антипушка*[а]

---

1) Все это мѣсто, поставленое въ квадратныя скобки, написано карандашемъ на отдѣльномъ листкѣ.

2) Начиная съ словъ «чай нахлебался досыта» и кончая словами..... «брюхо наливаете (пауза). Охъ! Никакого-то»...., все это мѣсто написано вновь чернилами на томъ-же отдѣльномъ листкѣ, гдѣ текстъ даннаго мѣста совершенно сходенъ съ печатнымъ.

по старинѣ-то, какъ порядочные люди живутъ—всталъ-бы ты въ 4 часа за хозяйствомъ бы посмотрѣлъ, на дворѣ поглядѣлъ бы и все такое, и все какъ слѣственно: къ обѣдни бы сходилъ, *голубчикъ*ª, да и хозяюшку-то свою поднялъ бы: «вставай молъ, полно нѣжиться-то, пора за хозяйство приниматься. *(Да таки и хорошенько* бы*)*ª. Что смотришь-то на меня, правду говорю Мат. Сав. правду.

Мат.

Ужъ вы теперь начнете!

Ст.

Ахъ, мать моя—да вѣдь мной только домъ-то и держится! [Васъ не учить, такъ добра не видать]ª. Ужъ не тебѣ ли хозяйкой быть, *сударыня*ª. Встанешь-то ты, стыдно сказать, а грѣхъ утаить въ 11-мъ часу, а я-то тебя за самоваромъ *изволи*ª дожидаться, [а я, суд(арыня), постарше тебя—*такъ то-съ*]ª. Больно барственно, Матр. Сав., (больно барственно)ª. Аᵇ ужъ ты какъ не финьти, а барыней не бывать, голубушка ты моя!—все-таки купчиха. *Это*ª разрядится, мантиліи да блиндрясы разныя навѣшаетъ на себя, растопырится—прости Господи; распуститъ хвостъ-то какъ павлинъ; [фу ты, прочь поди, такъ и шумитъ]ª. А ужъ ты, *Мат. Савишна*ª, какъ ни крахмалься,—а все-таки не барыня—тѣхъ-же щей да пожиже влей.

Мат.

Чтожъ не въ платочкѣ-же мнѣ ходить—*и то сказать*.

Ст. Тр.

А ты, сударыня, своимъ званіемъ не гнушайся!

Куп.

Чтожъ отъ чего не рядиться, коли есть во что. Ужъ будто только однѣ бар(ыни) и рядятся. Ничего можно. Да она у меня какъ разр(ядится) такъ лучше всякой барыни, *вальяжнѣе право*. Вѣдь тѣ, *мат(ушка)* все мелочь, *ха-ха* сухія да поджарыя, взглянуть не на что [1]). А она у

1) Начало этой реплики помѣщено здѣсь въ исправленномъ видѣ. Первоначальное его чтеніе было такое: «Что вы матушка, какая она барыня!—Развѣ такія барыни-то бываютъ. Сухія да поджарыя, мелочь такая, что взглянуть не на что, рѣдко которая поосанистѣй выбирается. *Ужъ развѣ Генеральша какая.* А она у меня....» и т. д.

меня нечего грѣха таить, таки тово; есть таки кое что—этакъ изъ мягкаго, ха-ха-ха.

Мат:

(Ну *ужъ ты*)[a] Антипъ Антипычъ, заврался *кажется*[a].

Мар.

Какъ вамъ братецъ не стыдно такъ конфузить.

Ст. Троф.

Знаю я, голубчикъ, знаю. *(Да вотъ)*[a] какъ съ тобой вмѣстѣ-*то* выѣдетъ она куда-нибудь, разодѣнется — *(то знаешь ли)*[a], да перо-то на сажень распуститъ, то-то чай бѣдная думаетъ: «эко дескать *горе мое*[a] мужъ-то у меня пузатый да бородастый какой, а не фертикъ какой-нибудь раздушеной да распомаженой.

Куп.

Чтобъ она меня молодца такова, да промѣняла на кого-нибудь,—красавца-то этакаго, (ха-ха-ха, да она меня сейчасъ поцѣлуетъ, коли на то пошло)[б] *(разглаж. усы)* ну-ка Мат. Сав. поцѣлуй*тесъ*[a]. (А то что вы мат(ушка) говорите тамъ?)[б]. *Мат. Сав. цѣлуетъ съ притворн. нѣж.*

Ст. Троф.

Эхъ дитятко врагъ-то силёнъ.—[Мы съ покойник. жили не вамъ чета, гораздо таки полюбовнѣе, да все-таки онъ меня въ страхѣ держалъ, царст. ему неб. Какъ ни любилъ, какъ ни голубилъ, а въ спальнѣ на гвоздикѣ плетка висѣла на всякій случай] 1).

Матр.

Ужъ вы, маменька, Богъ знаетъ что выдумываете! Вы (меня до слезъ)[б] доведете, *до того что опять истерика сдѣлается.*

Ст. Троф.

Ты матушка *и*[a] не говори лучше. А то я *и*[a] еще кой-что знаю, мнѣ Лопатиха-*то*[a] сказывала. Да ужъ это я къ случаю берегу все въ

1) Поставленное къ квадр. скобки добавлено потомъ. Имя «Матр.». приходится между словами: «любилъ, какъ ни голубилъ». Да и строчки помѣщены гораздо тѣснѣе.

кучку коплю. [Я бы и не сказала, мнѣ пожалуй, Богъ съ вами, живите, какъ знаете, свой разумъ есть] [1]).

Куп.

(Полноте, мат., что вы насъ съ женой-то обижаете)[б].

Ст. Трофт.

Да вотъ[а] вы у меня и[б] Машутку-то избаловали совсѣмъ.

Куп.

А что Маша, хочешь я тебѣ жениха найду.

Ст.

Давно бы тебѣ пора, *сердешный*[а], хватиться, *а*[а] то (она у насъ ужъ на)[б] (*ты кажется и забылъ, что у тебя сестра дѣвка на*)[а] возрастѣ, (что ей въ дѣвкахъ-то сидѣть)[б].

Мар.

Что вы, маменька, (я еще молода)[б] *все на возрастѣ, да на возрастѣ. Мнѣ не Богъ знаетъ сколько.*

Степ.

Полно модничать-то, сударыня! Я по четырнадцатому году замужъ шла, а тебѣ вѣдь, стыдно при людяхъ сказать, 20 годовъ [2]).

Куп.

Хочешь, Маша, Косолапова[а] посватаю.

Мар.

Ахъ, бр(атецъ), да отъ него и въ мясоѣдъ всегда лукомъ пахнетъ, а въ постъ-то такъ просто ужасть.—Такой противный.

Куп.

Ну У[б]. Голопятова.

---

1) Поставленное въ квадр. ск. добавлено «потомъ: отчасти написано между слов. «Куп.» и зачеркнутой репликой: «Полноте, мат....».

2) Повидимому, эта реплика вставлена впослѣдствіи: написана сбоку.

Мар.

Да вы бр(атецъ) это нарочно мнѣ все урод(овъ) назязываете.

Куп.

Что-жъ ничего. Хорошіе женихи, Маша, хорошіе, ха-ха-ха. Важные женихи 1).

Мар.

Да это вы все на смѣхъ 2).

Ст.

[Да ты *полно (А. А.)*[б] *зубы-то скалить, я дѣло говорю, что балясничать-то? А ты, сударыня*][б] не бойся! женихи найдутся, любова выбирай, ты у насъ вѣдь не голь Сарат(овская), невѣста съ прид(анымъ).—Только за благороднаго не отдамъ, ты и не думай и не воображай себѣ.

Куп.

Ужъ будто, мат(ушка), промежду благородныхъ-то и путныхъ нѣтъ совсѣмъ. Нѣтъ, чтожъ.—Бываютъ.

Степ.

Какъ бат(юшка) не быть, во всякомъ сословіи есть. Да ужъ всякому свое.—Отцы-то наши не хуже насъ были, да въ дворяне не лѣзли.

Куп.

[Да тогда, мат(ушка) не то время было. А теперь дворяне то такъ и ищутъ, гдѣ бы купчиху подцѣпить,—не брезгаютъ][б] [Чтожъ отъ чего за благород(наго) не отдать. Ничего. Можно. Что за важность][а].

Ст.

Хорошій-то, который пос(олиднѣе)[б] тепеннѣе[а]—не возметъ, тому надо мало мало 100-тню тысячъ, а то 2 либо 3, ну а другіе-то прочіе изъ мѣлкихъ-то такъ хоть бы ихъ и не было совсѣмъ. Только что чванится собой, да благородствомъ-то своимъ похваляется: «я де-благородный, а

1) Эта реплика вставлена впослѣдствіи.

2) Тоже.

вы мужики»,—а самъ-то вѣдь голь какая-нибудь, такъ[а] выжега, (прости Господи)[а]. Знаю я ихъ. Вотъ У[б]. Лопатиха[а] за благороднаго отдала, не спросясь добрыхъ-то людей, а я еще тогда самой-то говорила: «Ехъ, Максим(овна), не садись, молъ[а], не въ свои сани, вспомнишь ты меня— да поздно будетъ». Такъ чтожъ: «я, говоритъ, дѣтищу своему не врагъ, хочу говоритъ, какъ (лучше сдѣлать)[б] (все къ лучшему)[а] все-таки, говоритъ, благородный, а не купецъ, можетъ и дослужиться и въ чины произойти. Да вотъ теперь близко локоть-то, да (*нѣтъ, сударь*)[а] не укусишь. Деньжонки-то, что дали, которыя пропилъ, которыя въ картишки проигралъ, *сердешный*. Я и на свадьбѣ-то была, банкетъ такой сдѣлали упаси Господи. Покажите говорю жениха-то, чтожъ сударь ты мой вотъ какъ теперь гляжу: маленькой да гнусненькой такой, да фрачишко-то на немъ этотъ натянутъ коротко-хвостый, весь *это*[а] какъ облизаный (сударь ты мой) [1]), да вертится-то[б] прости Господи, какъ бѣсъ какой, на мѣстѣ не посидитъ, совсѣмъ и[а] на жениха-то не похожъ, чужой человѣкъ и не узнаетъ, (право[б] *ей Богу*), не узнаетъ)[а]; только фалдочки трясутся. Тутъ я и подумала, знать, молъ, вы, сердешные, хуже-то не нашли. Да нечего и говорить—всякой знаетъ. Ну положимъ такъ не всѣ же пьяницы попадется и трезвый человѣкъ,—такъ онъ тебя таба(комъ)[б] (чищемъ однимъ)[а] изъ дому выкуритъ, либо грѣшное дѣло, по постамъ скоромное лопаетъ (плюетъ). Фу ты мерзость какая, прости Господи. Тамъ кто ихъ знаетъ, можетъ они по службѣ-то своей у должности-то (то есть)[а] и хорошіе люди дѣльные, да намъ то, (сударь ты мой)[а] дѣло неподходящее. То ли дѣло, *Маша*[а], купецъ-то *хорошій*[а], (умный попадется, такъ тебѣ же Маша за умнымъ жить хорошо, ну а плохонькой—такъ.... [2])][б].

Шир. (вѣроятно описка)

[Знаешь-ли Маша, гладкій да румяный, (вотъ какъ я)[а], ужъ и любить-то есть что, не то что стрекулистъ какой-нибудь чахлой][а].

Куп.

[Ехъ, мат(ушка), да ужъ и купц.-то нынче хорошихъ-то маловато,. всѣ на перечетъ—а ужъ про молод. и говорить нечего][б].

1) Эти слова надписаны сверху, но потомъ зачеркнуты.

2) Два или три слова здѣсь не разобраны.

[Чтожъ! и за купца можно, отъ чего не пойти[б] *отдать*[а] дѣло хорошее][а].

Ст.

Нечего грѣха таить—годъ отъ году народъ портится, (а все таки)[б] а все не безъ добрыхъ людей. Вотъ недалеко ходить, сосѣдъ Пар. Пар. рѣдк(ій) человѣкъ, примѣрный купецъ [1]).

Куп.

Только ужъ больно плутъ.

Ст.

[*Ахъ, батюшки, да*][а] [Не такимъ-же рохлей быть какъ ты мой родной][б]. Да и[б] чѣмъ-же онъ плутъ, [*скажи пожалуйста*][а]. Каждый праздникъ онъ въ церковь ходитъ; да придетъ-то онъ[б] раньше всѣхъ, передъ каждымъ образомъ свѣчку поставитъ, изъ церкви пойдетъ всѣхъ нищихъ одѣлитъ. Посты держитъ (вели*кимъ* пост*омъ*)[а] [первую недѣлю

---

1) Между строками этой реплики карандашная замѣтка: «перед(ѣлать)». И на извѣстномъ намъ отдѣльномъ листочкѣ чернилами написано въ дополненіе къ данному мѣсту слѣдующее:

«Такъ то[б] (что-ли)[а], Маша. А...[а].

М.

Да (полноте чт.)[б] перестаньте.

А. А.

Мат. Сав. (такъ что-ли)[б] (вѣдь правду я говорю)[а].

М. С.

Ужъ ты наладилъ одно и то же.

Ст. Т.

Чтожъ М(аша) извѣстное дѣло ужъ[а] и приласкать есть кого.

М. А.

Ахъ, маминька, да что вы ей Богу. Я уйду. Пойдемте сестрица. (уходятъ).

Ст. Т.

Стыдно стало, дѣло дѣвичье.—(подвигается, вполголоса)[а]. А вотъ Ан—шко инѣ кума Трофимовна[б] Терентьевна[а] сказывала Пар. Пар. жениться задумалъ. Вотъ упускать-то не надо. Чтожъ признаться сказать, онъ хоть и стареникъ и вдовой,—да денегъ-то А. больно много, куры не клюютъ. Ну да и человѣкъ-то степенный, набожный, примѣрный купецъ, въ уваженіи».

Передъ словами: («подвигается, вполголоса») поставлены инипіалы А. А. очевидно, въ этомъ мѣстѣ должно вставить реплику Антипа Антипыча, находящуюся въ основномъ текстѣ, а не на листкѣ: «Чтожъ! и за купца можно, отъ чего не отдать, дѣло хорошее», какъ это мы и находимъ въ печатномъ текстѣ.

съ масломъ не ѣстъ][б] и чаю не пьетъ [*съ сахаромъ—все съ медомъ либо съ изюмомъ. Такъ-то, голубчикъ*][а] не то что ты. А если и обманетъ кого, такъ что за бѣда, не онъ первый, не онъ послѣдній, человѣкъ коммерческій. Тѣмъ *Антипушка*[а] и торговля-*то* держится. (*Не даромъ*[б] помимо)[а] пословица-*то*[б] говорится: не обманешь, не продашь.

Куп.

[Эхъ мат(ушка) я не про то][б]. Что[а] говорить. Отчего этакъ[а] не надуть пріятеля[а], коли рука подойдетъ, да ужъ (вѣдь надо и совѣсть знать)[а] [мат(ушка) вѣдь иногда и совѣсть зазритъ] 1). *Право слово и смертный часъ вспомнишь*. Я и самъ коли гдѣ трафится, такъ не хуже его (дѣло-то обдѣлаю)[б] [мину-то подведу][а], да вѣдь я и скажу потомъ *(право скажу)*[б]. Вотъ молъ я тебя такъ и такъ помазалъ маненько. Вотъ въ прошломъ году Саву Савича (при ращотѣ)[а] (тысячки на $1^1/_2$) *(рубликовъ на 500-тъ)*[а] поддѣлъ. Да вѣдь я послѣ сказалъ ему: «вотъ, молъ, Сав. Сав., промигалъ-ты ($1^1/_2$ тыс. руб.)[б] *полтысячки*[а], да ужъ теперь, братъ, поздно говорю[а] (мертвыхъ съ погосту не носятъ)[б] *(а ты молъ не зѣвай)*[а]. Посердился немножко, да и опять пріятели. (Что за важность. А вотъ недавно)[а] нѣмца тоже[б] Карла Иваныча рубликовъ на 300 нагрѣлъ. Матр. Сав. тряпья разнаго у него изъ маг(азина) забирала, [да легко-ли сказать 1000-чи на 2 набрала][б], [*а онъ мнѣ щетецъ-то и выписалъ* 1000-чи въ 2][а].

[Мат. Сав.

А тебѣ жалко. Стыдно, Антипъ Антипычъ, я не хуже другихъ][б].

Ст. Тр. (*этихъ иниціаловъ въ ркп. нѣтъ*).

Что ты говоришь! какова!

Куп.

[Да не то, дурочка, чтобы мнѣ для тебя жалко было. Такъ ему][б]. [*Чтожъ! Ничего! что за важность. Пусть щеголяетъ. А вотъ я*

---

1) Сначала эта фраза была исправлена такъ: «да вѣдь надо не всякого», а потомъ уже она приняла окончательный видъ.

думаю (неужли моль)[а] *нѣмцу*][а] всѣ деньги п[б] отдать.—какъ же *моль*[а] не такъ, нѣтъ-съ, жирно будетъ. (Да и немного)[б] [*Вотъ и*][а] не додалъ-то[б] ему руб. 300 съ небольшимъ, остальные говорю, мусье, *братъ* потомъ. Харашо, говоритъ, харашо, (какъ и путный)[а], да (потомъ, сударыня ты моя)[а] и началъ приставать *(этотъ нѣмецъ*[а]*)*[б]: какъ встрѣтится такъ прямо[б] (только и словъ у него)[а]: а чтожъ деньги, надоѣлъ *(нѣмецъ*[а]*)*[б] до смерти. Какъ-то подъ сердитую руку подвернулся [*этотъ нѣмецъ*][а]: «чтожъ, говоритъ, деньги, какія говорю деньги, я тебѣ *братъ*[а] отдалъ давно и отстань ты отъ меня Христа ради. Какъ[б] (Вотъ и)[а] взбѣленился [1]) мой Нѣмецъ: это, говоритъ, купцу не хорошо, это говоритъ фальшъ. У меня, говоритъ, въ книгѣ записано. А я говорю; да ты чортъ знаетъ, что тамъ въ книгѣ-то напишешь, тебѣ все и плати. Такъ, говоритъ, Руской [2]) купецъ дѣлаетъ, нѣмецъ никогда, я говоритъ въ судъ пойду. [*Вотъ и толкуй съ нимъ*][а]. Поди, я говорю, не много возмешь. Потащилъ въ судъ, чтожъ мат(ушка), отперся, (право отперся)[а], говорю знать не знаю, я ему заплатилъ [чтожъ такое, что за важность][а]. [А вѣдь послѣ какъ вышли изъ Суда-то, я ему говорю, я вѣдь мусье помню знаю, что я тебѣ не отдалъ; такъ что-же, говоритъ, ты Судей-то[б] обманулъ;] [3]) да деньги, говорю[б] братъ нужны. Выругалъ какъ-то по своему да съ тѣмъ и пошелъ (*всѣ см. и онъ съ ними*)[б] (*смѣются оба*)[а]. А то всѣ ему и отдать, да за что это, [нѣтъ ужъ это опосля честь будетъ][а] Они тамъ (съ васъ)[б] ломятъ цѣну какую хотятъ, (а вы)[б] *а*[а] имъ съ дуру-то и вѣрятъ [4]). И вь другой разъ тоже сдѣлаю, коли векселя не возметъ. Такъ я, мат(ушка)[а], вотъ какъ. А Шпряловъ-то, [*да это хуже жида*][а], отца родного готовъ надуть,—*право*[а], такъ *вотъ*[а] въ глаза и смотритъ; у него *ужъ*[а] и сердце не на мѣстѣ, коли онъ не обма-

---

1) Исправлено изъ «взбѣленится».

2) «Руской» переправлено изъ «Руска».

3) Поставленное въ квадр. скобки зачеркнуто. Между строками чернилами написано: «Ужъ что съ этимъ нѣмцемъ смѣху было, такъ бѣда. Вотъ идетъ изъ суда нѣмецъ-то и говоритъ: ты говоритъ судей обманулъ; это говоритъ безчестно. (Ишь ты какой ловкій)..... говорю знаю, я бы тебѣ и отдалъ К. И., да деньги говорю братъ нужны. Наши-то рядскіе такъ животики и надорвали со смѣху». Кое-что здѣсь зачеркнуто.

4) Исправлено изъ «вѣрите.

нулъ кого-нибудь. Когда въ компаніи соберемся *гдѣ-нибудь*[а], такъ онъ то[а] того отведетъ къ сторонкѣ, то другова, да на ухо шепчетъ да цалуетъ, (то другова) (*да голубчики, да любезные*)[а], такъ размазываетъ, какъ отецъ и благодѣтель; а тутъ то за карманъ и держись. Вотъ у меня за нимъ зашло 1000-чъ 5, [разъ 10 говорилъ ему][а], разочтемся, говорю[б], Пар. Пар., а онъ тутъ тебѣ и начнетъ штуки разныя подводить, да на ухо шептать что-нибудь, либо хи-хи-хи, да смѣхи разные, (*да вотъ цѣлуетъ тебя*)[а]—такъ и замнетъ. Вотъ коли къ празднику не отдастъ, судиться стану.

Ст.

Эхъ, голубчикъ не судись, лучше такъ какъ-нибудь помирись.

Входитъ Шир(яловъ).

Куп.

А! Пар. Пар., здравствуйте почтеннѣйшій.

Шир.

Здрав(ствуйте) (чесная компанія)[б] любезные[а], Ант. Ант., здрав(ствуй) голубчикъ[а], (*цѣлуются*). Мат(ушка) Ст. Тр. здр(авствуйте) (*цѣлуются*) [Матр. Сав. Мар. Ант. здрав.[б] (наше почтеніе)[а]][б]. (*кланяется*).

Куп.

Садись Пар. Пар.

Ст.

Садитесь батюшка

Шир. (*садится*).

Какъ поживаете Ст. Тр.

Ст.

Плохо, батюшка, старость приходитъ, Васъ какъ Богъ милуетъ.

Шир.

Что мат. Ст. Тр. на прошл(ой) недѣлѣ [такъ было][б] [притча сдѣлалась—такъ][а] схватило, что боже упаси. Испугался шибко,—больно перепугался. Этакъ, сударыня ты моя, ломъ въ костяхъ сдѣлался. [Вотъ такъ тебѣ][а] каждую косточку больно, [каждый суставчикъ, *коробитъ*,

сударыня ты моя, да и только][a]. А пуще-то, мать ты моя, поясницу схватило.

Ст. Тр.

Дѣло немолодое—батюшка.

Шир.

[Я туда—сюда, такъ—сякъ, нѣтъ, сударыня ты моя][a] отпуститъ этакъ немножко, (суд. ты моя)[a] да опять схватитъ, даже сердце щемить начало [1]).

Ст.

А, батюшки!

Куп.

Да ты Пар. Пар. не хватилъ-ли гдѣ этакъ черезъ силу съ пріятелями.

Шир.

Нѣтъ, отецъ ты мой, больше мѣсяца ничего не пилъ [2]) въ ротъ не бралъ Ст. Тр., (т. е. не то, чтобы)[a] бросилъ совсѣмъ, [а такъ погожу молъ маленько. А зароку не давалъ, нельзя, мат(ушка), человѣкъ слабъ.

Ст. (инициаловъ въ ркп. нѣтъ).

Что говорить бат(юшка)][3]).

Шир.

А я такъ, любезные[a], думаю, простудился молъ[a] я, какъ-нибудь потный на улицу што-ли[a] раздѣвшись вышелъ, либо въ саду гуляешь въ рубашкѣ вечеромъ.

Ст. Тр.

Долго-ли (до грѣха)[a], бат. долго-ли—чайку не хотите-ли Пар. Пар.

Пар. Пар.

(Покорно благодарствуйте)[a]. Сейчасъ пилъ, мат., сейчасъ пилъ.

---

1) Конецъ реплики исправленъ такъ: «даже подъ сердце подкатило».

2) «Пилъ» исправлено изъ «пью», «бралъ»—изъ «беру».

3) Поставленное въ квадр. скобки написано сбоку, такъ что раньше начало этой реплики Ширялова и его-же слѣдующая реплика составляли одно цѣлое.

Ст.

Выкушайте бат(юшка).

Куп.

Съ нами-то за кампанію.

Шир.

Плошечку пропустить можно. [Только мат. сахар. не клади?] 1)

Ст. наливаетъ, Шир. бер(етъ), пьетъ и продолжаетъ). Чтожъ сударыня ты моя, какое я средствіе избралъ. Что, думаю себѣ, микстуры эти просто дрянь *(даромъ деньги берутъ)*[а]. Дай-ка, думаю, я въ баню схожу. Вотъ и пошелъ, *(пошелъ сударь ты мой)*[а]—Да винца послалъ купить полштофчика, да мать ты моя знаешь-ли краснова перцу стрючковаго 2 стрючка. Вотъ добрымъ порядкомъ составили эту спецію. Половину-то выпилъ—а то велѣлъ себя вытереть въ пару. (знаешь-ли)[б] Да пріѣхамши-то домой пунштику выпилъ. Ночью-то, сударыня ты моя, меня въ потъ и ударило. Такъ пóтомъ и прошло. Какъ рукой сняло (голубч.)[б].

Ст. Тр.

Вотъ у меня Ант. все пунш. лечится.

Ант.

Это братъ отъ всякой болѣзни лекарство[б] прибѣжище. *(Шир. ст(авитъ) чашку).*

Ст.

Выкушайте еще чашечку.

Шир.

Нѣтъ увольте. Много доволенъ, Ст. Тр., много доволенъ.

Ст!

Э, батюшка, безъ церемоніи, *(наливаетъ).* Какъ (ваши домашніе)[б] [дѣла батюшка][а].

Шир. *(беретъ чашку).*

Слава Богу (всѣ здоровы)[б], (Ст. Тр.)[а].—Одно у меня горе. (Ст. Тр.)[б]

1) Написано съ боку. Послѣднія слова «не клади» поставлены по догадкѣ: ихъ очень трудно разобрать, такъ какъ они стерлись.

Сенька совсѣмъ отъ рукъ отбился. Что ты будешь дѣлать? Ума не приложу.

Куп.

Что закутилъ.

Шир.

Нѣтъ, (что закутилъ)[б], хуже. Ант. Ант. хуже. Кабы запивалъ, такъ еще не велика бѣда, (сударь ты мой)[а]. (много-ли кабы за)[б]. Много-ли онъ пропьетъ. А то мотаетъ не въ свою голову. Вотъ мат(ушка) Ст. Тр. дѣтки-то нынче!

Ст. Тр.

Самъ ты Пар. Пар. виноватъ, избаловали вы мальчишку-то такъ ни за копѣйку. (Какъ бы)[б]. Вы бы ему съ малолѣтства воли-то не давали— а ужъ теперь поздно. Пусть бы съ молодцами въ городъ бѣгалъ, приглядывался-бы къ торговлѣ-то, руку-бы набивалъ, такъ-бы лучше было.

Шир.

Ахъ, мат(ушка), Ст. Тр. вѣдь онъ одинъ у меня[б] насъ[а], (одинъ сударыня)[а], какъ перстъ. И то подумаешь: надо малова въ люди вывести. Нынче матушка не то время, [какъ мы бывало играемъ до 18 лѣтъ въ бабки, а тамъ тебя женютъ, да и торгуй. Нынче][а] неученова-то дуракомъ зовутъ. Да и то Ст. Тр. [какъ-бы состоянія не было, ну ужъ такъ и быть][б] (вѣдь у насъ состояньеце порядочное—Богъ благословилъ;)[а] что(жъ)[б] хорошаго[а] станутъ говорить, что отъ этакова молъ[а] капиталу — одново сына воспитать не можетъ. Да [вѣдь мы Ст. Тр.] и не[б] хуже то[а] другихъ быть не хочется, послышишь тотъ сына въ пиньсіонъ отдалъ, другой отдалъ, тотъ въ Ком. Акад. Вотъ и свезли Сеньку въ пинсіонъ, за годъ впередъ деньги отдалъ, а онъ мѣсяца черезъ 3, судар. ты моя, убегъ оттедова. Стали дома учить—учителя нанялъ *дешевинькова*[а]. Учитель-то какой-то непутный[а] оглашенный[а] попался—непутный[б] вовсе непутный, (суд. ты моя)[а]. Сенька-то выпроситъ у матери деньжонокъ, [либо такъ гдѣ рука подойдетъ][б], да съ учителемъ-то либо въ трактиръ, либо къ цыганкамъ, либо[б] въ Марьину рощу *и*[а] закатются.—Прогналъ учителя—прогналъ.—Да вотъ теперь и маюсь съ Сенькой-то.

Куп.

Выучилъ на свою голову—(ха-ха-ха)[б].

Шир.

Да что. Поминутно плачу за него, поминутно[а]—тому 100, тому 200 [1]), портному 1000 руб. недавно заплатилъ. Лёгко-ли дѣло, да я въ 10 лѣтъ на 1000-ту руб. не изношу, (право не изношу)[а]. (*Почти шепотомъ*). [Да на][б] одни(хъ)[а] перчат(ки)[б]окъ[а] прошлую зиму на[а] 300 руб. истра[б] забралъ ей Богу на 300.

Ст. Тр.

А, батюшки.

Куп.

Ха-ха, вотъ голова-то.

Шир.

Да вѣдь вотъ что, вездѣ ему вѣрютъ, знаютъ что я заплачу. Въ тракт(ирѣ) въ какомъ-то 1000 4 долженъ [2]). Компанію водитъ Богъ знаетъ съ кѣмъ, такъ съ людьми нестоющими вниманія,—вниманія нестоющими (*ставитъ чашку на столъ*).

Ст.

Выкушайте еще.

Шир.

Нѣтъ, мат(ушка), не могу, увольте Ст. Тр.

Ст.

Безъ церемоніи.

Шир.

Нѣтъ не могу, право не могу.

Ст.

Ну какъ хотите, а можно-бы еще.

1) 100 исправлено изъ 1000, 200 изъ 2, такъ что раньше читалось: «тому 1000, тому 2»...

2) На отдѣльномъ листочкѣ написана вставка къ данному мѣсту, начинающаяся словами Ширялова: «Что Ант. Ант. сказывалъ я тебѣ или нѣтъ» и кончающаяся его-же словами: «А вотъ Сенька-то не таковъ, нѣтъ, сударь ты мой, не таковъ, не таковъ?!» Текстъ вставки сходенъ съ печатнымъ.

Шир.

Право не могу—не могу *(встаетъ, кланяется).*

Ст.

Дарья—убирай чай. *(Дарья убираетъ).* [*Прощайте бат. П. П.*

Шир.

Пр(ощайте) мат(ушка).

Ст.

Заходите почаще, не забывайте (цѣлуются).

Шир.

Прощайте[б] *(Ваши гости)*[а], *мат(ушка) Ст. Тр. ваши гости (ваши го)*[б] *(кланяется).*] [1]).

Шир.

[*Такъ вотъ суд(арь) ты мой*][а] дома не живетъ, въ городъ не ѣздитъ[б] бываетъ[а]—право не бываетъ. [А какъ заѣдетъ на минут(у)[б] (очку)—такъ)[а] соберетъ кампанію—пойдутъ въ трак(тиръ) чай пить, да и слѣдъ простылъ, только его и видѣли] [2]). Вотъ къ стати про городъ-то вспомнилъ) хи-хи-хи *(подвигается къ Пуз.)*. Какъ-то на прошлой недѣлѣ, говорю я прикащикамъ своимъ: гдѣ молъ вамъ розинямъ торговать, дако я самъ сяду въ лавку][б] (а ужъ)[а] лѣтъ 15 не сидѣлъ (а вы говорю смотрите да сохните хи-хи-хи)[б]. (Чтожъ суд(арь) ты мой *(подвигается и шепчетъ)*[а] *такъ вотъ* завалялась у насъ штука.

Ант. Ант.

(*Да ты полно шептать-то*)[б] *говори вслухъ, никого нѣтъ* [3]).

---

1) Поставленное въ квадр. скобки написано чернилами сбоку на свободномъ мѣстѣ: конечно, позднѣйшая вставка.

2) Послѣ этихъ идетъ такая вставка, написанная чернилами: «Что ему городъ! Онъ сударь и знать не хочетъ, каково отцу деньги-то достаются. Пора бы на старости лѣтъ покой знать; а расположиться не на кого. Вездѣ—самъ. Вотъ недавно самъ въ лавку сѣлъ».

3) Вся эта фраза написана чернилами сбоку на свободномъ мѣстѣ, только первая половина ея, поставленная въ скобки, зачеркнута.

Шир.

Еще въ 3-мъ году цѣна-та ей была 2 руб. *40*—за аршинъ—а въ нынѣшнемъ-то поставили 8 гривенъ. [*Вотъ суд(арь) ты мой, сижу я въ лавкѣ*][а] вотъ[б] идутъ барыни, должно быть маминька съ дочкой (хи-хи-хи)[б]. Нѣтъ-ли у васъ, говорятъ, матеріи намъ на блузы, дома ходить, [да и показываю имъ эту штуку-то][б] [какъ молъ не быть, сударыня, достань][б]ко говорю Митя (штуку-то)[б]... модную-то. Вотъ говорю хорошая матерія. А какъ говоритъ цѣна. Говорю 2—50 себѣ, а барыша что пожалуете. А вы говоритъ возмите 1 р. 8 грив. [*слышишь 1 р. 8 грив.*][б]. Помилуйте говорю, да такихъ цѣнъ нѣтъ. Стали торговаться. [2 руб. даютъ][а] [*слышишь А. А. 2 рубли*][а]. Да вамъ говорю, много-ли нужно. Да говоритъ аршинъ 25. Нѣтъ, говорю, сударыня, не сходно, извольте всю штуку брать, такъ ужъ такъ и быть по 2 съ грив. говорю возьму. А я сударь ты мой, Ант. Ант. боюсь шевелить-то ее (хи-хи-хи)[б] (*смѣется*)[а] (шевелить боюсь)[а] (можетъ быть серебку-то давно моль съѣла)[б]. Чтожъ (сударь ты)[б] мои [1]) барыни-то потолковали (между собой)[б], да и взяли всю штуку-то[б]. Молодцы[б] разини-то мои такъ и ахнули (*смѣется*)[а]. (Гдѣ говорю вамъ торговать, еще молъ молоды очень, ха][б].

Куп.

Молодецъ Пар. Пар., вотъ[а] молодецъ.

Шир.

А вотъ Сенька-то не таковъ, не таковъ, сударь ты мой (*вздыхаетъ*) вовсе не таковъ. Это повадился въ театръ, [*т. е. каждый день суд(арь) ты мой*][а]. Всѣхъ-то онъ тамъ знаетъ, со всѣми знакомъ. Да что—прихожу я какъ-то къ Остолопову. Отдай, говоритъ, деньги. Какія молъ деньги. А за шаль, говоритъ. За какую шаль. Да, говоритъ намедни, твой сынъ взялъ. Я думаю себѣ, на что это ему шаль—ума не приложу. Ужъ извѣстно отъ него не добьешься; сталъ стороной разспрашивать. Чтожъ сударь ты мой—какую-то тамъ актрису завелъ [2]).

---

1) Исправл. изъ «мой».

2) Послѣдняя фраза исправлена такъ: «Чтожъ сударь ты мой—какая-то тамъ актриса у него».

Куп.

Что ты.

Шир.

Вотъ поди съ нимъ. Ужъ и то примѣрно сказать[б] послѣдн(ее)[б]ій[а] дѣло[б] конецъ[а]. Ант. Ант. Ужъ[а] не зови своимъ.

Куп.

Это Пар. Пар. значитъ пора женить, (вотъ что братъ)[а] малова [1]).

Шир. (*съ отчаяніемъ*).

Нѣтъ Пар. Пар. погоди. Ты вотъ что скажи: вѣдь ужъ это братъ конецъ просто. Вѣдь это словно какъ рѣшето: вотъ теперь шаль, а тамъ скажетъ—салопъ соболій, а тамъ [лошадей пару][б], а тамъ квартиру, а тамъ мебель всякую, [*лошадей пару*][а], то—другое. Яма бездонная.

Куп.

Ужъ извѣстное дѣло.

Шир.

А ужъ человѣкъ-то Ант. Ант. кругомъ нихъ, какъ слѣпой сдѣлается [2] Этотъ народъ А. А. соблазнъ просто.

Пуз. [3])

Что (про то)[б] говоритъ! [Самъ не свой сдѣлается][а]. Одно братъ П. П. средство женить поскорѣй.

Шир.

Легко сказать А. А. женить, (я бы радъ радостью)[4]), да какъ ты его женишь-то, [не тотъ парень, сударь ты мой][а].

Пуз.

[Какъ женить! ужъ извѣстно, не связать-же. А вотъ][а] невѣсту поды-

---

1) Конецъ нельзя разобрать: все стерлось, хотя ясно, что «малова» вставлено потомъ.

2) Дальше нѣсколько словъ не разобрано; можно только прочитать: «душинькѣ угодно».

3) На этомъ мѣстѣ сверху написано: «Продолженіе 1 Акта».

4) Написано сверху строчки, а потомъ зачеркнуто.

скать съ капитальцемъ, (знаешь-ли)[а], такъ небось не откажется [—отъ чего не жениться][а] всякому лѣстно.

Шир.

Да какая за него пойдетъ? Какая сумасшедшая пойдетъ за него, за такого безпутнаго.

Пуз.

[Ну вѣдь не вѣкъ-же онъ будетъ такой: женится—перемѣнится. Кто[а] молодъ еще[б] (не бывалъ, а вотъ)[а] въ разумъ взойдетъ, такъ будетъ посолиднѣе][б]. [(А у насъ братъ этимъ не)[б]. (А что ты думалъ)[а] побрезгаютъ—нѣтъ ничего, право слово, ничего][а]. Да у насъ братъ (въ куп.)[б] холостые-то на половину[б] (сплошь да рядомъ)[а] такіе. (Такъ этимъ брезгать)[а] Помнишь каковъ я то былъ холостой. И пьяница-то и гуляка-то, [и на всякія художества][а], батюшка покойникъ такъ и рукой махнулъ. Да вѣдь мы театровъ-то, *другъ*[а], не знали. У насъ либо[б] закатился[а] въ Марьину, либо къ цыганкамъ въ Грузины, [да пьянствуешь недѣли 2 безъ просыпу][а]. [(Какихъ штукъ не дѣлывали)[а]. Да знаешь что][а] меня въ Преображенскомъ за дѣвку [вотъ ленты ткутъ][а] фабричные было до смерти избили. [Вся Москва знала][а]. Да вотъ отдали-же за меня Матр.-то Савишну. [Да, и (какъ видишь)[а] живемъ, какъ слѣдуетъ][б]. [Нѣтъ, это, братъ, ничего, нужды нѣтъ] 1).

Шир.

Да отецъ родной [все несподручно-то есть. Пошлешь сваху кудынибудь—гляди откажутъ, да какъ въ другомъ мѣстѣ тоже, вотъ и пошелъ на всю Москву разговоръ] 2). Что ты говоришь: «женить—да не-

---

1) Эта фраза, повидимому, вставлена впослѣдствіи.

2) Дальнѣйшее, начиная съ словъ: «что ты говоришь» и т. д. написано на другомъ листѣ, а продолженіе первоначально было такое:

Пуз.

Хочешь посватаю.

Шир.

Въ правду?

Пуз.

Въ правду.

Шир.

Нѣтъ обманешь.

вѣсту съ капиталомъ. Да голуб(чикъ) ты мой, онъ теперь и безъ денегъ то вертится, какъ угорѣлый, а попадись ему деньги-то, такъ онъ такой кранболь сдѣлаетъ,—только пшикъ, да и всё тутъ, какъ порохъ.

Куп.

Въ оборотъ пустить.

Шир.

Нѣтъ, а ужъ я думаю, суд(арь) ты мой его въ газетѣ опубликовать. Вотъ, дескать, сыну моему отъ меня никакого[б] довѣрія нѣтъ, долговъ за него не плачу и впредь не намѣренъ. [*Да и подпишу*:][а] Купецъ 1 гил. П. П. сынъ Ширяловъ.

Куп.

Чтожъ, *ничего*[а], можно.

Шир.

Да ужъ, чтобы ему безпутному и послѣ-то меня не доставалось, самъ я А. А. жениться задумалъ.

Пуз.

Что тутъ толковать-то, у меня братъ[а], сестра невѣста, вотъ бы[б] хочешь[а], пара-то бы важная.

Шир.

А что А. А. вѣдь это дѣло—да она небось не пойдетъ.

Пуз.

Какъ непойдетъ—да отчего это. [Да мат(ушка) тебя любитъ. Въ вашу семью отдать можно][б]. (Ишь выдумалъ)[а].

Шир.

Ахъ голубчикъ ты мой А. А. (цѣлуются). Экова свата мнѣ Богъ посылаетъ Ну а придачи-то что.

Пуз.

Что толковать[б] (объ придачѣ-то)[а] съ сынкомъ-то[а] твоимъ надо прежде потолковать[б] поговорить хорошенько.

Шир.

Нѣтъ, голуб(чикъ) А. А. Ужъ я люблю на чистую, голуб(чикъ) мой.

Пуз.

(У нее, братъ)[а] своихъ 50 т., да мы дадимъ 10, да (ужъ и)[а] тѣ-то 5 тыс[б]. что за тобой похеримъ.

Шир.

(Маловато, нѣтъ,)[а] несходно А. А..... А ужъ вы давайте[б] (положите еще)[а].... см. дальше. Въ рук. до послѣдней реплики Ширялова все зачеркнуто.

Куп.

Чтожъ! Ничего! Дѣло хорошее, отъ чего-жъ не жениться.

Шир.

Вѣдь мож(етъ) быть (за наши молитвы)[а] А. А. Богъ благословитъ[б] потомка дастъ, *(утѣшеніе на старости)*[а]. Вотъ тому все и оставлю. А ужъ этотъ мнѣ словно какъ и не родной, [*суд(арь) ты мой*][а], и сердце къ нему не лежитъ. [*А. А. Чтожъ! думаю*][а] оставь ему пожалуй, да что проку-то развезетъ денежки-то *твои*[а] кровные по портнымъ да по ахтрисамъ. Самъ посуди.

Куп.

Чтожъ женись П. П. Что за важность, ничего. А на примѣтѣ есть?

Шир.

То-то и горе, что нѣтъ А. А.

Куп.

Хочешь посватаю.

Шир.

Да ты въ правду.

Куп.

Въ правду.

Шир.

Обманишь *(смотритъ Пуз. въ глаза)*.

Куп.

Вотъ! изъ чего мнѣ обманывать-то. Вотъ[б]. У меня, братъ, недалеко ходить, сестра невѣста.

Шир.

Ой-ли[б]. *(А ты не)*[б] *Что ты говоришь*!

Куп.

А ты не зналъ—скажи(те)[б], пожалуйста, какой ты[а] простой.

Шир. *(смѣется*[б]*, смотритъ внизъ*[б] *потупляетъ глаза)*.

[*А голуб*(чикъ)][а] Какъ не знать—да вѣдь она чай не пойдетъ за меня.

Куп.

Вотъ! отъ чего не пойти—пойдетъ.

Шир.

Скажетъ: старъ.

Куп.

Старъ! Что за важность — ничего. [*Нѣтъ—ничего пойдетъ*][а]. Да и матушка тебя любитъ: чтожъ, извѣстное дѣло, человѣкъ хорошій,—степенный, отъ чего не пойти, во хмѣлю смирный. Вѣдь ты смирный во хмѣлю,—не дерешься.

Шир. *(потупляетъ глаза еще больше).*

Во все смир(ный), А. А., какъ дитя малое. Меня[б] (Какъ пьянъ, такъ)[а] сейчасъ въ сонъ знаешь ты ударитъ, а не то штобы буйство какое.

Куп.

Вѣдь ты съ женой покойницей не дрался.

Шир.

Видитъ Богъ никогда.

Куп.

Такъ отъ чего за хорошаго человѣка не пойти, *ничего пойдетъ*.

Шир.

Да ты просто благодѣтель мой А. А. Эку мнѣ Б(огъ) родню посылаетъ, да мнѣ-бы и во снѣ не видать. Поцѣл(уемся) голубчикъ (*цѣлуются).*

Куп.

(Ну такъ по рукамъ)[б].

Шир.

Ну а какъ тово *А. А.*[а] на счетъ придачи-то А. А.[б]

Куп.

Да на што тебѣ, П. П., у тебя карманъ-то потолще нашего.

Шир.

Запираться не стану [я человѣкъ богатый][б] (таки *(есть А. А. есть)*[а] нажилъ *таки*[б] копѣйку)[а] отъ трудовъ праведныхъ. А все таки

нужно для порядку голуб(чикъ), соб(ственно) для порядку. Ужъ такъ водится.

Куп.

Чтожъ мы *братъ*[а] сдѣлаемъ прид(аное) на славу не хуже генеральскаго. Ну, а на щетъ денегъ-то, такъ у нее есть послѣ[а] бат(юшки) (50 т.)[б] *(тысченокъ 50)*[а], будетъ съ тебя, да развѣ еще на радости ращоты съ тобой похеримъ.

Шир.

[Маловато, нѣтъ)[а]. Несходно А. А... Нѣтъ[б]. А[а] ужъ вы давайте[б] положите еще.......... [1]).

Пуз.

[Полно жидомор(ничать)?

Шир.

Ну по рукамъ—*(беретъ за руку, цѣлуются)*. Вотъ теперь съ Сенькой-то только[а] коммиссія.

Пуз.

Уговоримъ какъ-нибудь] [2]).

Шир.

А[б] Да[а] вотъ ты[б] что[а] А. А. заходи ко мнѣ вечеркомъ нынче[а], [съ Сенькой-то (да съ женой)[а] потолкуемъ, да выпьимъ на радости][б] пунштику выпить. Потолкуемъ мы съ тобой гол(убчикъ?) хорошенько *объ этомъ предметѣ поторгуемся*.

Пуз.

Ладно.

Шир.

Ну прощайте, почтеннѣйшій *(цѣлуются)*, досвиданья прощенья просимъ.

Пуз.

Прощайте П. П. *(уходитъ)*.

---

1) Въ этомъ мѣстѣ четвертушка листа вырвана.
2) Все, поставленное въ квадрат. скобки, зачеркнуто.

V.

«Свои люди—сочтемся».
(Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ).

Вполнѣ понятенъ тотъ интересъ, съ которымъ приступаешь къ изученію рукописи такой комедіи, какъ «Свои люди—сочтемся», которая сразу выдвинула автора на видное мѣсто въ ряду современныхъ ему писателей и обратила на него всеобщее вниманіе. Къ величайшему сожалѣнію, отъ рукописи названной комедіи сохранилось всего только 11 листовъ, правда всетаки довольно любопытныхъ. (Рум. муз. № 3097).

Какъ извѣстно, еще въ 1847 году Островскій напечаталъ въ «Московскомъ Городскомъ Листкѣ» сцены, вошедшія впослѣдствіи въ нашу комедію въ переработанномъ видѣ. Сохранившіеся остатки рукописи, помѣченные на обложкѣ: «Свои люди—сочтемся. 1849», также свидѣтельствуютъ о неоднократной передѣлкѣ текста комедіи.

Такъ наприм. въ нашей рукописи имѣются четыре наброска монолога Подхалюзина въ дѣйств. II, явл. 3, и притомъ ни одинъ изъ нихъ нельзя считать законченнымъ.

Вотъ эти наброски:

№ 1 (на 1-мъ листѣ).

Лазарь *(одинъ)*. «Вотъ бѣда-то! Вотъ она гдѣ бѣда-то пришла на насъ. Что теперь дѣлать-то. Ну плохо дѣло! Ну[1] Не миновать теперь несостоятельнымъ объявиться. [Вотъ оно дѣло-то какого роду][2]. А я-то причемъ останусь. [Я-то][1] Мнѣ[2] куда дѣ(нусь)[1]ться[3]. Въ проходномъ ряду пылью торговать[3]. Вотъ векселя велѣлъ продать *(выним. и счит.)* тутъ тысячъ десятокъ должно быть попользоваться можно. Еще товар(омъ) развѣ какъ-нибудь. Вѣдь вотъ теперь прячемъ его, такъ поприжать гдѣ-нибудь.—(*молч.*)[3]. Да (я бы кажется)[1] (отъ радости)[1] [отъ эд(акого) удовольст.][2] съ Ив(ана вел(икаго) спрыгнуть можно».

№ 2 (на 2 листѣ).

Явленіе 3.

Подхол. *(одинъ)*. «Нашвыряется мальчишка-то, золотой будетъ. (*ходитъ задумавшись*). Вотъ оно что значитъ въ чужихъ-то людяхъ жить,—т. е. не накажи Господи! Дома не ночуешь, кажется не велика важность: а тутъ тебя всякій мальчишка, всякая шельма, такъ мразь какая-нибудь и то утыкáетъ этимъ. А отъ чего? Отъ того, что подначальный человѣкъ,—стало быть, есть кому надъ тобой командовать. Прикащикъ ты, ну и живи, какъ слѣдуетъ—не вертись! Нéшто я не съумѣлъ бы чтоли тону-то задавать, да порядки-то разводить? [Хитрость не велика][4]. Да за малымъ дѣло стало, капиталовъ не хватаетъ.—Ну и молчишь.—Тебя ругаютъ, (а ты)[1] на чемъ свѣтъ стоитъ,—а ты кланяйся, да уважай. (*Молч.*)[4].—Другой хозяинъ-то дуракъ эстественный; такъ стоитъ-ли вниманія все его богатство, чтобы его уважать за это! Какъ это разсудить надобно? Выходитъ что не по уму почетъ, а по деньгамъ. Нажилъ деньги, вотъ и уменъ!—Да какъ ихъ наживешь-то. Послышишь тотъ богатъ, другой богатъ! А какъ онъ разбогатѣлъ-то спросить у него! Нынче честнымъ-то манеромъ не скоро разбогатѣешь! А ухватилъ кого за воротъ, да вытрясъ мошну-то, такъ и богатъ[5]. Вотъ они какъ богатѣютъ-то; а ты послѣ ему кланяйся да потрафляй по его. [Теперь хоть-бы Сам. Силычъ какую политику ведетъ! Кредиторовъ грабитъ, а меня совѣсти учитъ: ты, Лазарь, живи по чести; противъ хозяина своего не грѣши; ты, говоритъ, совѣсть знай!—Извѣстное дѣло надо совѣсть знать, да въ какомъ это смыслѣ понимать нужно!—Противъ хорошаго человѣка у всякаго совѣсть есть; а коли онъ самъ другаго обманываетъ, такъ какая-же тутъ совѣсть!—А извѣстно С(амсонъ) С(илычъ) это одинъ только отводъ дѣлаетъ; ты, дескать, служи мнѣ да усердствуй; а я вотъ награблю полмилліона да опосля всего этаго тебѣ спасибо скажу. Такъ нѣтъ погодите С(амсонъ) С(илычъ)! Эдакъ не приходится. Чертъ Ваньку не обманетъ, Ванька молитву знаетъ.—При всемъ томъ если я въ этомъ дѣлѣ и попользуюсь чѣмъ-нибудь лишнимъ, такъ по моему понятію, и грѣха ту[1] въ этомъ нѣтъ никакого, потому онъ самъ несправедливо поступаетъ; противъ закону идетъ.—А мнѣ что его жалѣть-то! Вышла линія, ну и неплошай! Онъ свою линію ведетъ, а ты свою статью гони.—

С(амсонъ) С(илычъ) купецъ богатѣйшій,—а занимается этимъ дѣломъ можно сказать такъ для провожденія времени,—а я человѣкъ бѣдный.— (*ходитъ*). Толи-бы я еще съ нимъ сдѣлалъ, да не приходится мнѣ теперича ссориться-то съ нимъ. Потому самому, что не плюй въ колодецъ, годится водицы напиться.—Извѣстное дѣло. Олимп(іада) Сансоновна барышня какихъ въ свѣтѣ нѣтъ][6].

№ 3 (на 3-мъ листѣ).

Лазарь (*одинъ*). Вотъ бѣда-то. Вотъ она гдѣ бѣда-то пришла на насъ! Мы было ужъ и эрестрякъ эдакой написали, что вотъ такому-то столько: а такому-то столько. Анъ вонъ оно дѣло-то куда пошло: къ одному сунулся, нѣтъ, говоритъ, подай всѣ, къ другому—тоже, а третій и вовсе зартачился. Ну какъ-то хозяинъ теперь вывернется. Теперь не миновать за Сус. Псоичемъ посылать. Ужъ онъ какой-нибудь тутъ крючекъ ввернетъ. Вотъ вѣдь они дѣла-то какія! а! [Вѣдь пожалуй эдакъ заставять всѣ деньги заплатить[7]. Я то причемъ-же останусь][2]. Какъ[8] теперь это дѣло разсудить надобно[9]. Товаромъ что-ли? Вѣдь не миновать теперь несостоятельнымъ объявиться. Такъ вотъ товару-то и можно будетъ поприжать гдѣ нибудь. Насчетъ векселей я тоже 1000 десят. должно быть попользуюсь. Вотъ они, продать велѣлъ (*считаетъ*). Не хватилсябы онъ ихъ теперь; пожалуй, скажетъ, молъ не надо: Тогда что!—скажу продалъ.—Вотъ и все.—А денегъ достану. Чтожъ такое[10]. Говорятъ надо совѣсть знать! Да извѣстное дѣло надо совѣсть знать, да въ какомъ это смыслѣ понимать нужно? Противъ хорошаго человѣка у всякаго есть совѣсть; а коли онъ самъ другаго обманываетъ, такъ какая-же тутъ совѣсть. [Самс(онъ) Сил(ычъ) купецъ богат.][2]. Онъ[1] и[2] теперича все это дѣло [можно сказать][2] такъ для провожденія времени затѣялъ, а я человѣкъ бѣдный! Если и попользуюсь въ этомъ дѣлѣ чѣмъ-нибудь лишнимъ— такъ [чтожъ за бѣда][1] [и грѣха нѣтъ][2] никакого; потому онъ самъ несправедливо поступаетъ, противъ закона идетъ. А мнѣ что его жалѣть. Вышла линія, ну и не плошай: онъ свою политику ведетъ, а ты свою статью гони. Одно вотъ только дѣло маленько—тово-съ! За сердце забираетъ. Вѣдь придетъ эдакая фантазія въ голову человѣку! Конечно Алимпіада Самсоновна барышня образованная, и можно сказать какихъ въ свѣтѣ нѣтъ. А

этотъ женихъ, что теперича просватали, ее не возметъ. Скажетъ, денегъ дай. А денегъ гдѣ взять. И теперь ей за благород(нымъ) не быть, потому денегъ нѣтъ. Рано-ли, поздно-ли, а придется за купца отдавать. (*молч.*). А что какъ эдакъ понабравши деньжонокъ-то, да поклониться Самс. Силычу дескать я, Самсонъ Силычъ, въ такихъ лѣтахъ, что долженъ подумать о продолженіи потомства, и я, молъ, Самсонъ Силычъ, для вашего спокойствія пота-крови не жалѣлъ. Конечно, молъ, Алимпіада Самсоновна барышня образованная, да вѣдь и я, Самсонъ Силычъ, не лыкомъ шитъ, сами изволите видѣть, имѣю капиталецъ и могу съ женой во всякомъ[9] продовольствіи жить. Отъ чего-жъ и не отдать за меня? Чѣмъ я не человѣкъ? Ни въ чемъ не замѣченъ, къ старшимъ почтителенъ! Да (и зо)[1] при-всемъ томъ[11] такъ[9] и закладной-то можно пугнуть[12]. Вѣдь С(амсонъ) С(илычъ) мнѣ заложили домъ и лавки-то. [А теперича][2] [вотъ съ самой-то той поры, какъ С(амсонъ) С(илычъ) заложили мнѣ домъ, сталъ я совсѣмъ влюбленный][13]. Такъ вотъ все и мерещится, что этотъ домъ мой, что живемъ мы съ А(лимпіадой) Сам(соновной) во всякомъ продовольствіи (*изъ стар*)».

№ 4 (на листѣ 10-мъ).

«А то неужто какимъ-нибудь подъячимъ наживать давать.—Если я попользуюсь чѣмъ-нибудь лишнимъ—все для нихъ же, всетаки съ добрымъ намѣреніемъ.—Сдѣлавши все это добрымъ порядкомъ, какъ слѣдуетъ, могу тогда сказать:[14] дескать Сам(сонъ) Сил(ычъ), я для вашего спокойствія [и благоденствія][1] пота, крови не жалѣлъ, и не столько молъ[3] для васъ, сколько для семейства вашего. Конечно, скажу[1] моя[2], Олимп(іада) Сам(соновна) барышня образованная-съ; да вѣдь и я, Самсонъ) Сил(ычъ), не лыкомъ шитъ, сами изволите видѣть, имѣю капиталецъ и могу съ женой во всякомъ продольствіи жить[15]. [Да и при всемъ томъ, скажу, я въ такихъ лѣтахъ, что долженъ подумать о продолженіи потомства.—(*молч.*)][1]. Отъ чего-жъ и не отдать за меня[16]. Чѣмъ я не человѣкъ! Ни въ чемъ не замѣченъ, къ старшимъ почтителенъ; только что вотъ развѣ не дворянинъ[17]. Разумѣется, не задумай Сам(сонъ) Сил(ычъ) эдакое можно сказать ухищреніе, мнѣ объ этомъ предметѣ и думать-бы нечего, не отдали-бы за меня ни за какія благополучія. А какъ

Самсонъ-то Силычъ рѣшился, такъ ужъ я дерзнулъ на такое посягательство въ мысляхъ насчетъ Олимпіады Самсоновны. Притомъ[18] узнамши-то характеръ Сам. С-ча, каковъ онъ есть, это и очень можетъ[1] могло[2] случиться. У него[1] нихъ[2] такое заведеніе: коли ему[1] имъ[2] что попало въ голову, ужъ ничѣмъ не выбьешь оттедова. Вотъ теперь затѣяли дѣло, ужъ и не отстанутъ, ужъ это значитъ кончено, [рано-ли поздно-ли а будетъ такъ][19]. Все равно какъ въ четвертомъ году захотѣли бороду обрить: сколько ни просили Аграфена Кондратьевна, сколько ни плакали—нѣтъ, говоритъ, послѣ опять отпущу, а теперь поставлю на своемъ: взяли да и обрили. Такъ вотъ и это дѣло: потрафь я по нихъ хорошо, или такъ взойди имъ въ голову—завтра-же скажетъ[1] подъ вѣнецъ, и баста, и разговаривать не смѣй. [Чтобы я тогда сдѣл(алъ), поди прочь да и только][20] Стало-быть теперь все въ томъ и состоитъ, чтобы не выдали какъ-нибудь Олимп(іаду) С-ну за мужъ до окончанія этой процессіи. А то останусь я какъ ракъ на мели. И Олимпіада-то Сам-на, можно сказать, красота неописанная, да и домъ-то, и лавки-то, все [это пойдетъ въ чужія руки: не видать мнѣ ничего, какъ ушей своихъ][1] [бы это было наше][2]. [Да отъ эдок(ого) удов(ольствія) съ И(вана) вел(икаго) спрыгн(уть) можно][20].

Набросокъ № 1-й несомнѣнно самый ранній, какъ наиболѣе краткій: «въ немъ сдѣланъ только самый глухой намекъ, повидимому, на тотъ планъ, который создается въ головѣ Подхалюзина: «да отъ этакого удовольствія съ Ивана Великаго спрыгнуть можно». Самый-же монологъ совершенно не разработанъ. Любопытно, что ни во 2-мъ, ни въ 3-мъ набросках этой послѣдней фразы нѣтъ, а въ 4-мъ она написана на поляхъ и другимъ почеркомъ: очевидно, позднѣйшая вставка.

Въ наброскѣ № 2-й наоборотъ много лишняго: таковы напр. всѣ эти разсужденія о Тишкѣ, о жизни приказчика, о томъ, какъ богатѣютъ купцы. Они совершенно излишни потому, что все это какъ нельзя болѣе ярко выражается въ самыхъ этихъ типахъ Тишки, Подхалюзина и Большова, такъ что разсужденія эти вносятъ чуждый драмѣ эпическій элементъ, къ тому-же разъясняющій то, что и безъ того ясно, а потому они впослѣдствіи и были исключены авторомъ. Любопытно то, что въ этомъ наброскѣ зачеркнуто какъ разъ то, что впослѣдствіи, конечно, въ переработанномъ видѣ вошло въ монологъ Подхалюзина. Хотя этотъ набросокъ

значительно длиннѣе перваго, но, какъ мы видѣли, многое изъ него было потомъ исключено, а кромѣ того многаго въ немъ сравнительно съ печатнымъ текстомъ все еще не хватаетъ: такъ объ Алимпіадѣ Самсоновнѣ и о планѣ женитьбы на ней сдѣлано только краткое замѣчаніе: «Толи-бы еще я съ нимъ сдѣлалъ, да не приходится мнѣ теперича ссориться-то съ нимъ. Потому самому, что не плюй въ колодецъ, годится воды напиться.—Извѣстное дѣло, Олимпіада Самсоновна барышня какихъ въ свѣтѣ нѣтъ».

Въ набросокѣ № 3-й, сравнительно очень близкомъ къ печатному тексту, было кое-что и отличное отъ него. Такъ онъ начинался вложеннымъ въ уста Подхалюзина замѣчаніемъ о реэстрѣ, сколько кому платить, и неудачей съ этимъ предпріятіемъ объясняется обращеніе къ Сысою Псоичу, между тѣмъ какъ въ печатномъ текстѣ Расположенскій совѣтуетъ составить такой «реэстрикъ» и итти съ нимъ по кредиторамъ. Впослѣдствіи замѣчаніе о неудачѣ этого хожденія по кредиторамъ вложено въ уста Подхалюзина. Есть одна подробность о векселяхъ, впослѣдствіи также выпущенная: «Не хватился-бы онъ ихъ теперь; пожалуй, скажетъ, молъ не надо: Тогда что!—Скажу: продалъ.—Вотъ и все.—А денегъ достану. Что-жъ такое». Точно также выпущены впослѣдствіи слова, мало идущія къ Подхалюзину: «Одно вотъ только дѣло маленько—тово-съ! За сердце забираетъ». Подхалюзинъ и сердце—два понятія, конечно, несовмѣстимыя. Наконецъ въ данномъ набросокѣ не говорится ничего о самодурствѣ Большова, но подробно уже развитъ планъ женитьбы Подхалюзина на Липочкѣ, чего не было въ двухъ предшествующихъ.

Въ набросокѣ № 4-й несомнѣнно недостаетъ начала, такъ какъ нѣтъ предшествующей страницы. Въ теперешнихъ начальныхъ строкахъ его особенно бросается въ глаза слѣдующее: «Если я попользуюсь чѣмъ-нибудь лишнимъ—все для нихъ-же, все-таки съ добрымъ намѣреніемъ.—Сдѣлавши все это добрымъ порядкомъ, какъ слѣдуетъ, могу тогда сказать: дескать, Самсонъ Силычъ, я для вашего спокойствія пота, крови не жалѣлъ, и нестолько молъ для васъ, сколько для семейства вашего».... и т. д. Все это замѣчаніе о добромъ намѣреніи, о добромъ порядкѣ идетъ совершенно вразрѣзъ съ личностью Подхалюзина, и вполнѣ естественно возникаетъ вопросъ, когда же былъ написанъ этотъ набросокъ, не раньше-ли

наброска № 3-го: по крайней мѣрѣ въ данномъ мѣстѣ этотъ послѣдній значительно ближе къ печатному тексту, чѣмъ № 4-й [1]). Точно также нѣтъ въ № 3-мъ и въ печатномъ текстѣ слѣдующихъ словъ № 4-го: «только что вотъ развѣ не дворянинъ. Разумѣется, не задумай Самсонъ Силычъ эдакое можно сказать ухищреніе, мнѣ объ этомъ предметѣ и думать-бы нечего, не отдали-бы за меня ни за какія благополучія. А какъ Самсонъ-то Силычъ рѣшился, такъ ужъ и я дерзнулъ на такое посягательство въ мысляхъ насчетъ Олимпіады Самсоновны». Но за то въ настоящемъ наброскѣ внесенъ новый мотивъ, подробно здѣсь разработанный, а именно самодурство Большова, чего нѣтъ въ наброскѣ № 3, и что слѣдовательно сближаетъ № 4 съ печатнымъ текстомъ, отъ котораго опять-таки нѣсколько отличается конецъ нашего наброска. Ввиду наличности новаго мотива въ немъ сравнительно съ № 3-мъ трудно отвѣтить положительно на поставленный выше вопросъ, не былъ-ли набросокъ № 4 написанъ раньше № 3-го, и я оставляю вопросъ открытымъ, тѣмъ болѣе, что всѣ эти наброски несомнѣнно, по крайней мѣрѣ еще разъ, подверглись переработкѣ. Во всякомъ случаѣ можно установить поразительную медленность и постепенность въ созданіи этого монолога Подхалюзина.

Любопытны также варіанты текста и другихъ явленій. Такъ напр. на листѣ 2-мъ помѣщено дѣйствіе II, явленіе 1. Текстъ этого явленія почти тотъ-же, что и печатный, но во 2-мъ явленіи есть такія разночтенія. Реплика Подхалюзина: «Языкомъ-то стиралъ! Что за пыль на зеркалѣ нашелъ! Покажу я тебѣ пыль! Ишь ломаешься! А вотъ я тебѣ заклею подзатыльника, такъ ты и будешь знать» въ рукописи читается такъ: «Языкомъ-то стиралъ! Что за пыль на зеркалѣ нашелъ! Покажу я тебѣ пыль! Ишь ломаешься! Ужъ коли ломаться, такъ ступай на балконъ (?) подъ Новинское. А вотъ я тебѣ заклею подзатыльника; такъ ты и будешь знать». Остановимся еще на слѣдующемъ мѣстѣ:

Подхалюзинъ. Важное кушанье! [Ишь ты баринъ какой! Подитко-сь! Былъ Сысой Псоичъ?

Тишка. Извѣстно, былъ.

---

1) Обратите вниманіе на ремарку: «изъ стар», заканчивающую текстъ наброска № 3; послѣ этой ремарки стоитъ знакъ, тотъ же самый, что и въ наброскѣ № 4-й около словъ: «знамши-то характеръ».

Подхалюзинъ. Да ты, чертенокъ, говори толкомъ! Зайдти что-ль хотѣлъ?

Тишка. Зайдти хотѣлъ!

Подхалюзинъ. Ну, такъ ты сбѣгай на досугѣ].

Тишка. Рябиновки что-ли?... и т. д.

Все поставленное въ скобки добавлено впослѣдствіи, на свободномъ мѣстѣ и другими чернилами, а въ нашей рукописи послѣ словъ: «Важное кушанье» шло такъ:

Тишка. Нешто не знаю, что сказать! А вотъ первое дѣло: дома не ночуешь—скажу.

Подх. А когда бы это я не ночевалъ?

Тиш. То-то-сь, смотри! А второе дѣло: помнишь!

Подх. Вѣдь вотъ ты, Тишка какой! Съ тобой съ дуракомъ пива не сваришь. Тебя крести, а ты все въ воду лѣзешь.

Тиш. Чтожъ! Извѣстно! Когда нивѣсть за что ругаешься.

Подх. Какъ нивѣсть за что: тебѣ-же добра желаютъ.

Тиш. Да, знаю я!

Подх. А вотъ Тиша, кабы ты былъ умной-то, ты бы на досугѣ-то сбѣгалъ пока въ погребокъ.

Тиш. [21] Рябиновки что-ли?

Подх. (*даетъ ему деньги*). Да. [Надо Сусоя Псоича поподчивать][2]. Вотъ тебѣ цѣлковый, купи полштофа, а сдачу себѣ возьми [на пряники да поставь.....][1].

Тиш. [Въ пустой сундукъ вонъ въ энтотъ?][1].

Подх. Только ты, смотри, проворнѣй... и т. д. какъ въ печатномъ текстѣ.

Послѣ 2-го явленія шло 3-е (см. выше набросокъ № 2).

Особенность приведеннаго варіанта та, что Подхалюзину приписана черта, которой теперь нѣтъ у него, а именно заискиванье его у Тишки. Черта эта безусловно невѣрная: Подхалюзинъ уже достаточно нажилъ у Большова и достаточно сознаетъ свою силу, чтобы заискивать передъ мальчишкой, а потому Островскій впослѣдствіи и переработалъ текстъ этого отрывка.

На 4, 5, 6 и 7 листахъ нашей рукописи (причемъ нужно читать листы въ такомъ порядкѣ: 5, 6, 7 и 4, такъ какъ листы перепутаны, неправильно сшиты) помѣщено, дѣйствіе II, начиная съ 3 явленія до 11-го, но только это теперь все вошло въ I дѣйствіе, явл. 3-е и т. д. Что касается первыхъ двухъ явленій, то о нихъ сдѣлана слѣдующая замѣтка: «Явл. 1 и 2 изъ тетр. № 2, стр. 72 до 78 до...» (тутъ нарисованъ условный знакъ).

Явленіе 3 состояло всего только изъ четырехъ репликъ, начиналось репликой Ѳоминишны: «Устинья Наумовна пришла» (въ рук. зачеркнуто), соотвѣтствующей печатной: «То-то вотъ, умна, да не догадлива: не кому другому и быть, какъ не Устиньѣ Наумовнѣ». Слѣдующія три реплики такія же, что и въ печатномъ текстѣ.

Текстъ явленія 4-го сходенъ съ печатнымъ, но сложился не сразу, хотя поправокъ немного, да и онѣ незначительныя.

Текстъ 5-го явленія въ рукописи слѣдующій:

Агр. Конд. Ну что-жъ вы тамъ съ жен(ихомъ?)-то застряли—ишь у меня дѣвка-то стосковалася [22].

Лип. Да голуб(ушка), Уст(инья) Наум(овна), скажи-ко что-нибудь хорош. [23].

Уст. Наум. Да что женихъ-то. Уперся какъ лошадь—ни тпру ни ну, слова отъ него не добьешься путнаго.

Лип. (*томно*). Да давноль ты его видѣла, что онъ здоровъ-ли мой ангелъ.

Уст. Наум. Что ему дѣлается. Вчера была[1] утромъ была. Вышелъ какъ есть въ одномъ шлафоркѣ—а ужъ уподчивалъ можно чести приписать! И кофію-то велѣлъ, и ромку-то, а ужъ сухарей навалилъ видимо невидимо—кушай говоритъ Уст(инья) Наум(овна). Я было объ дѣлѣ, знаешь-ли, надо, молъ, чѣмъ нибудь порѣшить. А онъ мнѣ на это (ничего и не сказалъ)[1], вотъ гов(оритъ) подумамши, да посовѣтамшись. А самъ только, что опояску поддергиваетъ. [Я гов(оритъ) какъ ниб(удь) на той нед(ѣлѣ) либо *(тутъ слово не разобрано)*, либо дамъ знать][1].

Лип. Что онъ тамъ спустя рукава-то сантиментальничаетъ! Право, даже тошно смотрѣть, какъ все это продолжается! Ужъ ежели не же-

лаетъ поступить окончательно, такъ и не для чего было прежде плѣнять.

Агр. Конд. И въ самомъ дѣлѣ, что онъ ломается. Мы развѣ хуже его.—Ну не хоч(етъ) такъ и ненадобно—мы насил(ьно) не навяз(ываемся).

Уст. Наум. А лягушка его заклюй, нешто мы друг(ого) не найдемъ,—жениховъ-то у насъ не одна дюжина—любова лови.

Лип. Любова лови—а все нѣтъ ничего.

Уст. Наум. Да ишь ты съ вами не скоро сообразишь. Тятенька твой ладитъ за богатаго. (Тутъ замѣтка: «см. № 2, стр. 17 до 18»).

Лип. [Да что вы прист(али) мам(енька)][2]. Ужъ сказала, что не пойду за купца, такъ не пойду.—Лучше умру сейчасъ, до конца всю жизнь выплачу; слезъ недост(анетъ) перцу наѣмся, глаза лук(омъ) натру.

Фом. Никакъ ты плак(ать) сбираешься. И думать не моги. И тебѣ какъ въ охотку ребенка драж(нить) Агр(афена) Конд(ратьевна).

[Агр. Конд. Кто ее дразн(итъ). — Ну не хоч(етъ) такъ какъ хочетъ] [24].

Уст. Наум. Пожал(уй), коли ужъ тебѣ такой апекитъ, найдемъ и благороднаго, а ежели [и неблагород(наго), такъ все-таки на двор(янскій) манеръ][1] [есть у меня теперь человѣкъ на примѣтѣ] [25].

Лип. Извѣст.[1] Понят(ное)[2] дѣло, чтобы одѣтъ былъ пожурнальному. (*подх. къ зерк.*)[2] Ахъ Боже, а сама то я вся какъ вѣникъ растрепана. Пойд(емъ) Фом(инишна). [До сихъ поръ въ блузѣ хожу. Кто-жъ это такъ.

Уст. Наум. А ты поди-ка одѣнься, а мы потолк(уемъ) съ мам(енькой)] [26].

Явленіе 6.

[Уст. Наум. То-то вотъ молодо зелено. Благород(наго) подавай. Ужъ и тебѣ-то чай Агр. Конд. не легко это.

Агр. Конд. Такъ ужъ скрѣпя серд(це) перемогаюсь. Ну сама ты посуди. Что я буду съ благород(нымъ)-то зят(емъ) дѣлать: я и слова-то сказ(ать) съ нимъ не умѣю, такъ словно въ лѣсу, а ужъ съ куп(цомъ)—все не то.

Уст. Наум. А есть у меня хорош(ій) жен(ихъ) на примѣтѣ.—Ужъ какой молод(ецъ?), хоть прямо въ гвардію][1].

Агр. Конд. Въ скобку ходитъ?

Уст. Наум. Нѣтъ онъ хоть и не въ скобку, а только изъ русск(ихъ), а ужъ как(ой) умница просто истук(анъ) золотой.

Агр. Конд. Такъ ты давно бы *(слово не разобр.)*

Уст. Наум. Да вы за него не отдад(ите)—теперь. Онъ пока еще въ прикащик(ахъ)[27].

Агр. Конд. Ужъ какъ бы смир(енъ) не былъ, всетаки прикащикъ, дѣло подначальное. Знаю я матушка это житье-то сама видѣла.—Ты послушай-ка что я тебѣ скажу. Въ тѣ поры...[28].

Уст. Наум. Ишь ты какая оказія—скажите пожалуста.

Агр. Конд. Оно конечно дѣло не худое. С(амсонъ) С(илычъ) отъ него и торговать-то пошелъ. [Да ныньче пора то ужъ не та][1]. Ну а все какъ будто подъ страх(омъ) находишься; а намъ что за необход(имость) за прик(ащика) выд(авать)—сама посуди.

Уст. Наум. Извѣст(ное) дѣло, да чел(овѣкъ) ужъ больно хор(ошъ). И изъ наст(оящихъ) куп(цовъ) воз(ьмешь?), да не так(ой) буд(етъ). (См. выше)..... Конечно теперь нельзя, а вотъ погоди буд(етъ) жить на своей волѣ—такъ и лошад(ей) заведетъ.

Агр. Конд. Ну тогда другое дѣло.—Да кто же это такой, скажи на милость.

Уст. Наум. Что разсказ(ывать)-то прежде времени,—съ начала съ этимъ-то порѣшите, а тамъ видно буд(етъ).—Мож(етъ) еще и эт(отъ) годится.

Агр. Конд. Ужъ я лучше бы за прик(азчика) выдала, чѣмъ за этаго.

Явленіе 7.

Текстъ его почти соотвѣтствуетъ явленію 8 дѣйствія I. Нѣтъ только разсужденій объ имени Сысоя Псоича.

Явленіе 8.

Текстъ почти соотвѣтствуетъ 9-му явленію I дѣйствія.

Явленіе 9.

Больш(овъ) и Рисп(оложенскій).

Больш. Ну какъ твое крючк(отворство)—много чернилъ потрат(илъ)?

Рисп. Матер(іалъ) не дорог(ой) С(амсонъ) С(илычъ), хе-хе-хе. Что-жъ С. С. на домъ-то съ лавками эаклад(ную) али купчую сорудить.

Больш. Съ чего меньше пошлинъ, то и варгань. На эт(ой) недѣлѣ безотмѣнно надоть укрѣпить.

Расп. [Извѣст(ное) дѣло, зачѣмъ отклад(ывать)][2]. На чье же имя прикажете написать.

Больш. Извѣст(ное) дѣло на Агр. Конд.—Чего-жъ лучше.

Рисп. Незаконно-съ С. С. Въ Сз(одѣ) зак(оновъ) изображено, что прод(ажа) женѣ или родн(ымъ) недѣйст(вительна). Написать недолго, да чтобы крючковъ не было послѣ.—Вѣдь нынче знаете какой народъ—радъ прицѣпиться. Надо сдѣлать какъ попрочнѣй.

Больш. Какъ-же ты попрочнѣй-то сдѣл(аешь). Какую закорючку вклеишь!

Рисп. Залож(ить) кому ниб(удь) постор(оннему)—такъ и дѣло съ конц(омъ) и прид(раться) буд(етъ) не къ чему. Спорь послѣ поди прот(ивъ) подлинныхъ-то бумагъ.

Больш. Заложи постор(оннему)-то, такъ послѣ домъ-то и застр(янетъ) у тебя, какъ блоха на войнѣ.

Рисп. Ужъ надо найти С. С. такого человѣка, чтобы совѣсть зналъ.

Больш. А гдѣ ты его найдешь нынче. Нынче всякъ норовитъ какъ тебя за воротъ ухватить, а ты совѣсти захотѣлъ.

Рисп. А я вотъ какъ мекаю С. С. хотите вы меня слуш(айте), хотите нѣтъ. У всяк(аго) свой разумъ есть. Каковъ челов(ѣкъ) у васъ прик(ащикъ).

Больш. Котор(ый), Лазарь что-ли.—Подхол(юзинъ)?

Рисп. Да Подхол(юзинъ). Это С. С. какъ вамъ угод(но).—А мнѣ это такъ въ голову приш(ло), по моему глуп(ому) разсужденію.

Больш. Ну а на Лаз(аря) такъ и пуск(ай) на него. Эт(отъ)—мал(ый) съ понят(іемъ).

Рисп. Такъ я С. С. такъ и напишу. А вы съ нимъ переговор(ите) объ эт(омъ). Прощ(енья) просимъ. (*клан.—подход. къ столу*). Я С. С. рюмочку выпью.

Больш. Какъ все сдѣ(лаешь) С(ысой) П(соичъ) аккуратно, такой магарычъ поставлю просто сказ(ать) угоришь.

Рисп. Много дов(оленъ). Прощ(енья) прос(имъ). С. С., до свиданья (*уход.*).

Явленіе 10.

Больш. Хорошо еще, что есть так(ой) чел(овѣкъ), что распол(агать) можно. Ну а не будь, не мало-бы хлопотъ было.

Явленіе 11.

Уст. Наум.

Здѣсь кончается этотъ текстъ. Ясно, что впослѣдствіи онъ былъ значительно переработанъ. Переработка состояла прежде всего въ томъ, что II дѣйствіе стало I-ымъ. Что касается самаго текста, то приходится выразить сожалѣніе объ утратѣ тетради № 2, гдѣ былъ текстъ первыхъ двухъ явленій. 3-е явленіе впослѣдствіи было значительно расширено внесеніемъ разговора о приходѣ Устиньи Наумовны, разговоромъ, ярко характеризующимъ нравы женщинъ. Въ 4-мъ явленіи, какъ сказано выше, было сдѣлано нѣсколько незначительныхъ поправокъ. 5-е явленіе, соотвѣтствующее печатнымъ 5-му и 6-му, значительно всетаки отъ нихъ отличается. Планъ его былъ такой. Обращеніе съ вопросомъ къ пришедшей свахѣ. Разсказъ ея о нерѣшительности жениха. Недовольство имъ. Предложеніе найти другого жениха. Упрекъ свахѣ со стороны Липочки. Оправданіе свахи. Отказъ Липочки выйти за купца. Ея слезы. Предложеніе свахи найти жениха изъ благородныхъ. Замѣчаніе Липочки о женихѣ. Ея уходъ. Теперешній-же планъ 5-го и 6-го явленія такой. Обращеніе съ вопросомъ въ пришедшей свахѣ и упрекъ ей. Оправданіе свахи. Отказъ Липочки выйти за купца (значительно распространено сравнительно съ рукописью). Ея слезы. Предложеніе свахи найти жениха изъ благородныхъ. Замѣчанія Липочки о женихѣ (болѣе обширныя, чѣмъ въ рукописи). Разговоръ ея со свахой и уходъ. Какъ видно изъ сравненія этихъ двухъ плановъ, такъ сказать самый

ходъ мыслей былъ другой. Далѣе разсказъ свахи о нерѣшительности жениха, недовольство имъ со стороны невѣсты и ея матери и предложеніе свахи найти другого жениха—все это перенесено въ 3-е явленіе III-го дѣйствія и приняло совершенно иную окраску, а именно теперь весь этотъ разсказъ свахи о нерѣшительности жениха—простая ложь свахи съ цѣлью разстроить свадьбу въ угоду Подхалюзину, тогда какъ въ рукописи данный разговоръ вовсе не носилъ такого характера. Затѣмъ нѣкоторые пункты въ этомъ явленіи были болѣе обстоятельно развиты.

Явленіе 6-е, соотвѣтствующее печатному 7-му, по содержанію однако совершенно иное. Теперь послѣ рѣчи о «бальсанцѣ» сваха предлагаетъ жениха «благороднаго происхожденія и значительнаго человѣка», и явленіе оканчивается замѣчаніемъ Аграфены Кондратьевны о томъ, что ей будетъ трудно съ благороднымъ зятемъ, и увѣреніемъ свахи, что все обойдется. А въ рукописи какъ разъ съ этого начиналось явленіе, и дальше шло предложеніе со стороны свахи другого жениха, но только служащаго въ приказчикахъ. Произведенная перемѣна объясняется конечно тѣмъ, что свадьба съ благороднымъ женихомъ разстраивается не сама собой изъ-за нерѣшительности жениха, какъ это очевидно предполагалось раньше, а по проискамъ Подхалюзина.

Въ 7-мъ явленіи, соотвѣтствующемъ печатному 8-му, какъ было уже сказано, въ рукописи нѣтъ только разсужденій объ имени Сысоя Псоича, въ остальномъ-же текстъ тотъ же самый. Равнымъ образомъ текстъ 8-го явленія почти соотвѣтствуетъ тексту 9-го явленія.

Рукописное 9-е явленіе, соотвѣтствующее печатному 10-му, впослѣдствіи было переработано. Были прибавлены жалобы Большова на стряпчихъ, замѣчанія о банкротствѣ другихъ, да Рисположенскому присвоена болѣе активная роль: онъ наприм. прежде всего совѣтуетъ заложить или продавать домъ съ лавками, что въ рукописи было уже раньше рѣшено самимъ Большовымъ, далѣе Рисположенскій совѣтуетъ составить «реэстрикъ», сколько кому платить, чего въ рукописи совсѣмъ не было.

Дальнѣйшія два явленія, 10-е, состоявшее изъ одной реплики Большова, и 11-е, совсѣмъ не написанное, гдѣ дѣйствующимъ лицомъ являлась Устинья Наумовна, были очевидно исключены, хотя объ 11-мъ явл. собственно говоря ничего нельзя сказать, не зная его содержанія.

На листѣ 9-мъ находятся любопытные наброски діалога Лазаря и Рисположенскаго, теперь явлен. 5-е дѣйст. II-е. Въ рукописи стоитъ:

ДѢЙСТВІЕ III.

Лаз. Ну [С(ысой) П(соичъ) такъ вы это дѣло порѣшили.

Рисп. Порѣшили бат(юшка) Л(азарь) Е(лизарычъ) порѣшили. Вотъ я и купч(ую)[1]ія[3] принесъ. А что хлопотъ Л. Е. было—ужъ и сказать нельзя][1]. Вотъ[20] другимъ хлопотать хорошо, Л. Е. есть изъ чего. А мнѣ то хлопотать выходитъ не изъ чего. Такъ я батюшка (Л. Е.)[3] вотъ какъ. Ты гов(оритъ) С(ысой) П(сончъ) подожди. Ну я: хорошо, молъ, подожду. А самъ завтра приду—опять подожди, а я послѣзавтра приду, да и начну каждый день ходить, надоѣмъ имъ до смерти (хе-хе)[3]. Отвяжись дескать собака, не приставай только. А не сдѣлаютъ такъ чтожъ[3] я вѣдь[3] и Генерала на лѣстницѣ подожду—пожалуй[1] и въ ножки поклонюсь [пожалуй хе-хе-хе отъ меня станется][3]. Я Лаз. Елиз. рюмочку выпью (*пьетъ*). А вы какъ тутъ Лаз. Елиз. управляетесь, чай... бат(юшка) хлопотъ-то полонъ ротъ.

Здѣсь листокъ оборванъ, но повидимому текстъ продолжался далѣе. На обратной страницѣ читаемъ слѣдующее:

Лаз. А ужъ это С(ысой) Псоичъ не касающееся до васъ дѣло-съ.

Рисп. Это точно Л. Е. некасающееся. Это я такъ по глупости—будто для шутки. А самъ-то что-съ.

Лаз. А самъ-то вотъ загулялъ-съ.

Рисп. Скажите.

Лаз. Вотъ уже третій день колобродитъ. Сожгу говоритъ все, а кредиторамъ ни копѣйки не дамъ.—Такъ и ждемъ чудесъ какихъ нибудь.

Рисп. А вѣдь не дай Богъ эдакую слаб(ость) Л. Е., ну какъ проболтается что-нибудь.

Лаз. Да гдѣ ему проболт(аться) онъ дома сидитъ.

Рисп. Еще это хорошо Л. Е. еще это милость Божья. А то другой пьяный-то ни за что дома не усидитъ. И пойдетъ это колобродить[1] кружиться и деньгамъ-то переводъ да и грѣха-то что.

Здѣсь этотъ отрывокъ заканчивается. Даже отъ слова «переводъ» осталось только «еводъ», да можно догадаться, что передъ этими остатками была буква *р*, и такимъ образомъ возстановить все слово, а остальное все оборвано.

Въ связи съ этимъ отрывкомъ остановлюсь еще на двухъ явленіяхъ, которыя находятся въ нашей рукописи и которыми придется и закончить ея обзоръ, такъ какъ теперь будетъ исчерпано все ея содержаніе. Явленія, о которыхъ идетъ рѣчь, 4 и 5-е явл. II-го дѣйствія; въ рукописи они идутъ за монологомъ Подхалюзина на листѣ 10-мъ (у насъ № 4). Въ текстѣ отмѣчу только отличное отъ печатнаго.

Явленіе 4.

П(одхалюзинъ) и Т(ишка) (*входитъ со штофомъ*).

Тиш. У(стинья) Н(аумовна) обѣщала зайти ужотка, а теперь сюда баринъ идетъ.

Подх. Какой тамъ еще[3] баринъ.

Тиш. [А вотъ что къ Сам. С-чу ходитъ—стракулистъ][1].

Подх. Такъ ты поставь водку-то на столъ, да закусочки[1] достань[3]. (*Тишка ставитъ водку и достаетъ изъ сундука закуски*). [Зачѣмъ его еще чертъ несетъ][1]! [А Ус(тиньѣ) Н(аумовнѣ) мигни ужо, чтобъ сюда зашла][29]. (*Тишка уходитъ*).

Явленіе 5.

Текстъ почти тотъ же, что и печатный; варіанты слѣдующіе.

Ризположенскій. Какъ за какія провинности! Вотъ ужъ грѣхъ, Лазарь Елизарычъ! Нешто я вамъ не служу? По гробъ слуга, что хотите, заставьте. [Хе-хе-хе. Вѣдь не знали бы вы Лаз(арь) Елиз(арычъ), что Самсонъ-то Сил(ычъ) затѣялъ, кабы я вамъ не сказалъ][1]. [А закладную-то вамъ выхлопоталъ][30].

Подх. [А если этаго намъ и знать-то ненадобно-съ. Выходитъ, не наше дѣло-съ. Да-съ. И толковать-то вамъ десять разъ объ одномъ и томъ же не приходится][1]. Вѣдь ужъ вамъ заплочено: чего-жъ еще надо, какого рожна.

Ризп. Это точно, Л. Е. зап(лачено). Это точно! [А я такъ это по глупости, такъ...., какъ будто для шутки][31].

Набросокъ текста оканчивается репликой Ризположенскаго: «Ну, ужъ, коли милость будетъ, дайте десять».

Первый набросокъ діалога Подхалюзина и стряпчаго, предназначавшійся для III-го дѣйствія, почти совершенно не использованъ авторомъ, за исключеніемъ одной подробности о закладной да жалобъ Ризположенскаго на тяжелое его положеніе. Любопытно особенно то, что драматургъ выбросилъ все сказанное тутъ о Самсонѣ Силычѣ. Черта, здѣсь отмѣченная, очень реальная, и однако Островскій выпустилъ все это, очевидно потому, что считалъ излишнимъ особенное подчеркиванье самодурства Большова, которое ужъ и безъ того бросается въ глаза.

Что касается 4-го и 5-го явленія II-го дѣйствія, то здѣсь какъ-то особенно выставляется на видъ, что Подхалюзинъ все дѣло узналъ черезъ Ризположенскаго, который и закладную ему выхлопоталъ, между тѣмъ какъ въ печатномъ текстѣ эта роль стряпчаго не очень ярко подчеркнута, хотя по существу дѣла остается той же самой, такъ какъ Ризположенскій навелъ Большова на мысль заложить лавки и домъ приказчику. Нужно признать, что въ печатномъ текстѣ все это обработано болѣе художественно, нежели въ нашей рукописи.

Итакъ къ какимъ-же выводамъ можно притти на основаніи изученія этой послѣдней? Очевидно, типъ Подхалюзина создался далеко не сразу. Напр. постепенно только разрабатывался мотивъ женитьбы Подхалюзина на Липочкѣ: отъ одного глухого намека авторъ дошелъ до полнаго выясненія плана Подхалюзина, причемъ въ одномъ наброскѣ была приписана послѣднему совершенно невѣрная черта характера: доброе намѣреніе, съ которымъ онъ желаетъ чѣмъ-нибудь попользоваться при банкротствѣ своего хозяина; точно также мало шли къ его личности слова: «за сердце забираетъ». Равнымъ образомъ неправильно былъ онъ представленъ заискивающимъ передъ Тишкой. Далѣе, были вложены въ его уста совершенно излишнія разсужденія о Тишкѣ, о жизни приказчика, о томъ, какъ богатѣютъ купцы, разсужденія, потомъ исключенныя авторомъ.

Личность Большова также создавалась постепенно. Такъ напр.: впослѣдствіи была внесена одна подробность, подчеркивающая его самодурство (разсказъ о бритьѣ), хотя авторъ въ этомъ отношеніи соблюдалъ

мѣру и выпустилъ разсказъ о томъ, что самъ «третій день колобродитъ».

Характеристика женскихъ типовъ также была пополнена внесеніемъ разговора о приходѣ свахи, котораго нѣтъ въ нашей рукописи.

Исключены нѣкоторыя мелкія подробности, напр. въ словахъ Подхалюзина о векселяхъ, въ разговорѣ съ Тишкой.

Наконецъ былъ переработанъ, что очень важно, и самый планъ комедіи. Такъ напр. теперешнее I-е дѣйствіе сначала было II-мъ. Затѣмъ перемѣны были такъ сказать и въ границахъ одного явленія или дѣйствія. Напр. неудачей съ реэстромъ объяснялось раньше обращеніе къ Сысою Псоичу, а теперь въ печатномъ текстѣ этотъ послѣдній совѣтуетъ составить такой реэстръ. Далѣе разсказъ свахи о нерѣшительности жениха не былъ лживымъ, какъ теперь, входилъ во II-е дѣйствіе, ставшее теперь I-мъ, и перенесенъ въ III дѣйствіе. Повидимому, предварительно свадьба Липочки съ благороднымъ женихомъ разстраивалась сама собой, а не по проискамъ Подхалюзина, какъ теперь.

Въ заключеніе приходится выразить глубокое сожалѣніе, что не сохранилась полная рукопись (тетр. № 2) нашей комедіи, возбуждающая сильный интересъ ввиду того, что даютъ жалкіе ея остатки.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Во всѣхъ случаяхъ цифрой 1 отмѣчено то, что въ рукописи зачеркнуто.

2) Во всѣхъ случаяхъ цифрой 2 отмѣчено то, что въ рукописи надписано сверху.

3) Въ обоихъ случаяхъ, отмѣченныхъ цифрой 3, въ рукописи въ данномъ мѣстѣ поставлены условные знаки.

4) Поставленное въ скобки—позднѣйшая вставка: писано блѣдными чернилами.

5) Дальнѣйшее также писано блѣдными чернилами.

6) Поставленное въ скобки все до конца перечеркнуто карандашомъ.

7) Тутъ въ рукописи поставленъ условный знакъ.

8) Передъ словомъ «какъ»—тоже условный знакъ, но только другой.

9) Новый условный знакъ.

10) Новый условный знакъ.

11) Тутъ стоитъ знакъ, показывающій, что послѣ этихъ словъ нужно читать фразу: «вѣдь С. С. мнѣ заложили домъ и лавки-то».

12) Тутъ также условный знакъ въ связи съ фразой, приведенной въ примѣчаніи 11.

13) Поставленное въ скобки писано карандашомъ, за исключеніемъ словъ: «А теперича».

14) Тутъ условный знакъ.

15) Новый условный знакъ, напоминающій печатную букву Е.

16) Новый условный знакъ, какъ бы О перечеркнутое два раза.

17) Новый условный знакъ: двѣ отвѣсныя параллельныя линіи, пересѣченныя третьей горизонтально, т. е. какъ бы буква Н.

18) Новый условный знакъ.

19) Поставленное въ скобки написано на поляхъ.

20) Поставленное въ скобки написано на поляхъ и другимъ почеркомъ; тѣмъ же почеркомъ надписаны сверху слова: «бы это было наше».

21) Предшествующее помѣщено на листѣ 2-мъ, а дальнѣйшее на листѣ 8-мъ, такъ какъ листы нашей рукописи перепутаны: неправильно сшиты.

22) Первая половина реплики исправлена и приняла такой видъ: «Ну чтожъ вы Уст. Наум. нов(аго) нѣть-ли чего».

23) Эта реплика написана тѣмъ-же почеркомъ, что и поправка, отмѣченная въ примѣчаніи 22-мъ.

24) Поставленное въ скобки добавлено на свободномъ мѣстѣ болѣе мелкимъ почеркомъ.

25) Поставленное въ скобки надписано сверху другимъ почеркомъ.

26) Поставленное въ скобки добавлено потомъ на свободномъ мѣстѣ совершенно другимъ почеркомъ.

27) Тутъ условный знакъ и замѣтка: «т(етрадь) № 2, стр. 40».

28) Тутъ въ рукописи оставленъ пропускъ и сдѣлана карандашомъ замѣтка: «Анекдотъ».

29) Поставленное въ скобки написано на поляхъ.

30) Поставленное въ скобки надписано сверху, но только эта фраза вставлена потомъ, а первоначально было надписано: «Вотъ закл(адную) принесъ—что хлопотъ было».

31) Эта фраза и въ рукописи поставлена въ скобки.

Н. Кашинъ.

„Кіевлянинъ“ М. А. Максимовича [1]).

(Литературно-библіографическіе матеріалы).

Отличительною особенностью научной дѣятельности М. А. Максимовича было стремленіе его придать своимъ трудамъ характеръ понятный, доступный широкимъ кругамъ читающей публики. М. А. Максимовичъ какъ будто сознавалъ, что для русской науки еще не наступило время, когда она можетъ развиваться исключительно для цѣлей высшаго познанія, въ забвеніи широкихъ культурныхъ потребностей. И онъ былъ правъ. Страна, въ которой мало было развито не только высшее, но среднее и даже низшее образованіе, нуждалась не столько въ отвлеченной наукѣ, сколько въ пріученіи общества къ научному интересу, къ уваженію къ этой самой наукѣ.

Общедоступный характеръ трудовъ Максимовича придалъ имъ культурное значеніе, особенно для той части Россіи, которой преимущественно были посвящены работы Максимовича — для Руси Южной.

Къ культурнымъ попыткамъ Максимовича, имѣвшимъ большое значеніе, надо отнести его изданіе сборника «Кіевлянинъ», который былъ первымъ популярно-научнымъ и литературнымъ изданіемъ въ Кіевѣ.

Мысль объ изданіи «Кіевлянина» явилась у Максимовича въ 1839 году, когда онъ былъ свободенъ отъ обязанностей профессора Университета св. Владиміра, вслѣдствіе закрытія послѣдняго, а также долженъ

---

1) Для этой статьи мы пользуемся преимущественно письмами къ Максимовичу, изъ которыхъ многія еще не изданы.

былъ оставаться въ физической бездѣятельности по причинѣ болѣзни. «Во время этой болѣзни, говоритъ біографъ М. А. Максимовича С. И. Пономаревъ, въ немъ развилась и окрѣпла мысль объ изданіи въ Кіевѣ повременного сборника. Человѣку, привыкшему къ журнальной дѣятельности, въ Москвѣ, давно уже становилось скучно безъ журнальной работы; а тутъ представлялось большое поле для нея — изысканія на почвѣ девятивѣковой старины, едва тронутой трудами митрополита Евгенія. Чтобъ историческія изслѣдованія объ этомъ предметѣ не разсѣивались во множествѣ разныхъ изданій, Максимовичъ задумалъ предпринять въ самомъ Кіевѣ особое изданіе, спеціально посвященное мѣстнымъ историческимъ вопросамъ. Такъ, осенью 1839 года подготовлялось изданіе сборника, подъ заглавіемъ «Кіявлянинъ» [1]). На этомъ изданіи настаивалъ близкій Максимовичу митрополитъ Иннокентій и помощникъ попечителя Кіевскаго Учебнаго Округа В. И. Карлгофъ [2]).

О своемъ намѣреніи издавать «Кіевлянинъ» Максимовичъ сообщилъ всѣмъ своимъ литературнымъ друзьямъ, между прочимъ, Хомякову и Надеждину.

Хомяковъ прислалъ для «Кіевлянина» свой знаменитый «Кіевъ» со слѣдующимъ письмомъ: «Хвала и честь вамъ за ваше намѣреніе! Пусть успѣхъ увѣнчаетъ ваши труды! Названіе Кіевлянинъ, которое вами избрано, очень счастливо, и въ этомъ словѣ много. Пора Кіеву отозваться русскимъ языкомъ и русскою жизнію. Я увѣренъ, что слово и мысль лучше завоевываютъ, чѣмъ сабля и порохъ; а Кіевъ можетъ дѣйствовать во многихъ отношеніяхъ сильнѣе Петербурга и Москвы. Онъ городъ пограничный между двумя стихіями, двумя просвѣщеніями. Вы начинаете дѣло прекрасное, и я увѣренъ, что трудъ вашъ будетъ плодотворенъ. Съ истиннымъ удовольствіемъ посылаю вамъ стихи, которые внушило мнѣ именно названіе вашего журнала...» [3]).

---

1) М. А. Максимовичъ (Біографическій и историко-литературный очеркъ). Составилъ С. Пономаревъ, 1872 г., 45—46.

2) В. С. Иконниковъ: «Кіевъ въ 1854—1855 гг.». «Кіевская Старина», 1904 г., дек., 628.

3) Письма А. С. Хомякова къ Максимовичу были изданы нами въ «Русскомъ Архивѣ», 1908 г., 1.

Надеждинъ писалъ по поводу мысли Максимовича: «Затѣя твоя насчетъ «Кіевлянина» мнѣ нравится. Я не могу обѣщать тебѣ дѣятельнаго и постояннаго содѣйствія, потому что еще не знаю, какъ устроится моя судьба. Но если я возвращусь въ Одессу, то не прочь отъ удовольствія помогать тебѣ и помогать дѣломъ. Ахъ! если бы удалось намъ соединиться вмѣстѣ! Тогда бы работа пошла дружнѣе и успѣшнѣе. Но для этого надобно столько благопріятныхъ обстоятельствъ... Погоди! Если осенью увидимся въ Кіевѣ, тогда многое можетъ представиться въ другомъ видѣ...» [1]).

Надеждинъ, очевидно, думалъ о расширеніи «затѣи» Максимовича въ изданіе широкаго литературнаго характера.

Вышедшая книжка сборника имѣетъ слѣдующее заглавіе: «Кіевлянинъ. Книга первая, на 1840 годъ. Издалъ Михаилъ Максимовичъ. Кіевъ. Въ Университетской типографіи. 1840». На заглавномъ листѣ эпиграфъ:

Да вѣдаютъ потомки православныхъ
Земли родной минувшую судьбу.

Пушкинъ.

На оборотной страницѣ выходного листа другой эпиграфъ изъ не напечатаннаго еще тогда «Кіева» Хомякова:

Слава, Кіевъ многовѣчный,
Силы русской колыбель!
Слава, Днѣпръ нашъ быстротечный,
Руси чистая купель!

А. Хомяковъ.

Помѣта цензора проф. Кіевскаго Университета Александра Ѳедотова-Чеховскаго отъ 12 февраля 1840 г. Книга была украшена изображеніемъ Золотыхъ Воротъ.

Цѣль изданія «Кіевлянина» была изъяснена Максимовичемъ въ предисловіи «Отъ издателя»:

---

1) Мы пользуемся еще не изданными письмами Надеждина къ Максимовичу.

«Издавая въ свѣтъ первую книгу «Кіевлянина», я поставилъ себѣ долгомъ благодарить тѣхъ, которые своимъ участіемъ содѣйствовали мнѣ къ ея составленію. Изданіе «Кіевлянина» я намѣренъ продолжать и впредь, если что-нибудь особенное не помѣшаетъ. Наружный видъ его будетъ улучшенъ; объемъ увеличится по мѣрѣ матеріаловъ; а содержаніе останется то же, а именно: статьи собственно литературныя въ стихахъ и прозѣ, и статьи ученаго содержанія, коихъ постояннымъ предметомъ будетъ Кіевъ съ его окрестностями и со всею Южною Русью».

«Изслѣдованіе и приведеніе въ надлежащую извѣстность всего, что относится къ бытію Кіева и всей Южной Руси — Кіевской и Галицкой, составляетъ особенную и собственнѣйшую цѣль моего «Кіевлянина». Для успѣха въ достиженіи сей цѣли необходимо содѣйствіе другихъ. Потому я покорнѣйше прошу всѣхъ, и особенно живущихъ въ Южно-русскомъ краѣ, принять участіе въ изданіи «Кіевлянина». Это участіе можетъ быть двоякое: во-первыхъ, сообщеніе обработанныхъ уже статей вышесказаннаго содержанія; во-вторыхъ, доставленіе мнѣ самихъ матеріаловъ, каковы, напримѣръ: старинныя историческія и всякія другія записки, грамоты, универсалы, акты, листы или письма, старинныя легенды, народныя преданія и пѣсни (безъ всякой поправки), — также рисунки со старинныхъ церквей, монастырей, замковъ, надгробій и другихъ замѣчательныхъ мѣстъ и предметовъ. Само собою разумѣется, что эти матеріалы предполагаются писанными не только на русскомъ, но и на польскомъ и на другихъ языкахъ; что всѣ они по разсмотрѣніи будутъ возвращены въ цѣлости ихъ владѣльцамъ, если они того пожелаютъ, и что каждому доставившему будетъ изъявлена признательность «Кіевлянина».

Какъ видимъ, въ мысляхъ Максимовича вполнѣ созрѣлъ и отлился въ опредѣленныя формы планъ широкаго историческаго журнала, какого въ то время не было еще въ Россіи.

Содержаніе «Кіевлянина» открывалось стихотвореніемъ В. Г. Бенедиктова «Кіевъ», написаннымъ торжественными стихами, соотвѣтствовавшими настроенію, вызвавшему на свѣтъ самое изданіе:

Въ ризѣ святости и славы,
Опоясанъ стариной,

Старецъ Кіевъ предо мной
Предстоитъ золотоглавый:
Здравствуй, старецъ величавый!
Здравствуй, труженикъ святой!
Здравствуй!.. И чело мое никнетъ надъ гробницами,
Мысль въ минувшемъ носится,
И отрадной накипью влага подъ рѣсницами
Изъ-подъ сердца просится;
И слезинка чистая, какъ зерно перловое,
Лишнее, ненужное,
Пала въ русло быстрое, вольное Днѣпровое
Свѣтлое, жемчужное.

Оканчивается стихотвореніе словами, въ которыхъ слышатся отголоски польской рѣчи малорусскаго дворянства начала XIX столѣтія, дворянства, склоннаго къ блестящей польской шляхтѣ?

Руси дѣти мощныя! Ополчимся жъ, вѣрныя,
На соблазны битвою,
И сойдемъ въ безмолвіи въ глубины пещерныя
Съ теплою молитвою!

Слѣдующій за стихотвореніемъ Бенедиктова очеркъ самого Максимовича «Обозрѣніе стараго Кіева», представляющій сводъ свѣдѣній о топографіи древняго города, проводитъ въ научной формѣ любовь къ родной землѣ и оканчивается лирическимъ выраженіемъ патріотическаго чувства историка: «Проходя, говоритъ Максимовичъ, по старому Кіеву и вспоминая минувшее, невольно говоришь себѣ: здѣсь была колыбель русской жизни, гдѣ развилась и процвѣла она съ такою богатырскою силою, и гдѣ просіяла свѣтомъ Христіанства... Теперь здѣсь великое кладбище древней русской жизни, въ концахъ коего Софійскій и Михайловскій храмы возвышаются надъ всѣмъ новымъ, какъ два величественные памятника, тою же древнею жизнью воздвигнутые, во свидѣтельство о себѣ позднѣйшему потомству»!..

Изъ другихъ статей, имѣвшихъ особенный интересъ въ то время, слѣдуетъ отмѣтить другой очеркъ Максимовича «О надгробіяхъ въ Печер-

скомъ монастырѣ», въ которомъ историкъ указывалъ на ополячившіеся русскіе дворянскіе роды Юго-Западнаго края. Объ этой статьѣ митрополитъ Иннокентій писалъ Максимовичу: «Сожалѣніе о русскихъ ополячившихся фамиліяхъ очень кстати. Пусть пораздумаютъ на досугѣ» [1]).

Близко касались современной кіевской жизни два произведенія, помѣщенныя въ «Кіевлянинѣ»: «Военная пѣсня», стихотвореніе Я. Панковича, и «Сила привычки», разсказъ А. Ве—скаго. «Военная пѣсня» — стихотвореніе, написанное по поводу посѣщенія Кіева императоромъ Николаемъ Павловичемъ 16 августа 1837 г. Его интересно отмѣтить какъ выраженіе отношенія современника къ строгому военному царю:

Братцы! вотъ онъ — счастье наше!
Ненаглядный свѣтъ очей!
Солнца радостнаго краше,
Вѣтра бурнаго быстрѣй.
Вотъ онъ мчится передъ строемъ —
Весь въ великаго Петра, —
И несется за героемъ
Громозвучное ура...
Вотъ раздался голосъ чистый...
Какъ знакомъ намъ этотъ гласъ!
Какъ онъ звонко-серебристый
Милъ и радостенъ для насъ!
А величье, а осанка,
А орлиныя глаза...
Все для сердца въ немъ приманка,
Все въ немъ диво и краса.
Кто въ подлунной съ нимъ сравнится!
Тѣломъ, духомъ исполинъ;
Взглянешь сердце веселится,
Выростаешь на аршинъ!..

Въ разсказѣ «Сила привычки» находимъ любопытное описаніе жизни современнаго кіевскаго общества.

---

1) Максимовичъ: «Письма о Кіевѣ», стр. 91.

«Вы знаете, мои любезные читатели, говоритъ разсказчикъ, что я живу въ Кіевѣ, въ этомъ первоначальномъ разсадникѣ русскаго Православія, русской жизни, русской народной поэзіи; но вы не знаете, какъ невесело живутъ здѣсь, какъ утомительно длинны вечера, какъ убійственно важны висты, какъ книжно-разумны разговоры. Оттого-то я, нижеподписавшійся, занятый утромъ по службѣ, не знаю, какъ провесть вечеръ. Какъ ни боюсь я вечеровъ, но они ежедневно приходятъ и теперь въ декабрѣ — немедленно послѣ обѣда; хочешь не хочешь, а принимай гостя и займи его... Что же дѣлать? Поѣду въ клубъ! Надобно знать, что у насъ здѣсь два клуба: одинъ на Печерскѣ, другой на Подолѣ, то-есть, верхній и нижній, и я, какъ страстный любитель увеселеній, бываю въ обоихъ. Пріѣзжаю: нѣтъ души ни въ одномъ изъ нихъ... Поѣду въ театръ! Пріѣзжаю: на афишѣ объявлено, что даютъ самую жаркую мелодраму; вхожу въ партеръ — и меня обдаетъ Архангельскій морозъ и самый Кіевскій сквозной вѣтеръ. Нѣтъ возможности выносить такого тепла въ такой холодъ; и поневолѣ я оставляю продувное зданіе доморощенной Таліи... Но куда ѣхать»?..

Остальныя статьи I книги «Кіевлянина» были слѣдующія: 1) Проза. «Древняя Ѳеодосіева пещера въ окрестностяхъ Кіева» И. П. Максимовича, «Снѣгурка. Русская сказка» — запись по памяти М. А. Максимовича, его же «Воспоминаніе о городѣ Пересопницѣ и Дубровникѣ», «Острожская Старина», «Желаніе лучшаго. Восточное сказаніе» Я. К. А—рова, «Малороссійскіе разсказы» П. А. Кулиша (подписано Кулѣшъ); 2) Стихи. «Спасителю» Ѳ. Н. Глинки, «Рыцари св. Іоанна» (изъ Шиллера) А. П. Глинки, «Мститель» А. И. Подолинскаго, «Ночь» В. Г. Бенедиктова, «Къ N. N.» (изъ В. Гюго) его же, «Цвѣтъ завѣта» В. А. Жуковскаго, «Забытье» полтавской поэтессы, которую поощрялъ Максимовичъ, Надежды Тепловой, «Юноша» ея же, «Пѣсня» Я. Ѳ. Папковича, «Смерть воина» В. Домонтовича, «Ожиданіе» (подражаніе В. Гюго) Г. Лукашевича, «Цвѣтущія деревья» П. Корсакова, «Дѣвица за фортепьяно» Е. П. Гребенки, «Въ альбомъ» (Е. А. М.) К(расова?) [1]) и пьесы кіевскаго

1) Вѣроятное посвященіе Еленѣ Александровнѣ Максимовичъ, сестрѣ историка, наводитъ на мысль, что поэтъ К. былъ кіевлянинъ же Красовъ.

поэта и профессора словесности въ Университетѣ В. Красова: «Клара Моврай» (посвящено Е. А. Карлгофъ), «Извѣстіе» и «Метель».

Самымъ почтеннымъ именемъ среди авторовъ I книги «Кіевлянина» было, конечно, имя Жуковскаго. Максимовичъ самъ просилъ у Жуковскаго дать ему что-либо для «Кіевлянина», и Жуковскій, въ своемъ отвѣтномъ письмѣ отъ 20 октября 1839 г. писалъ ему: «Обѣщаю первую піесу, приличную журналу, отдать на зубокъ Кіевлянину, которому желаю поскорѣе родиться, пророча ему добрую и блистательную жизнь» [1]). Собирался Жуковскій также «взять или украсть» что-либо для «Кіевлянина» у кн. П. А. Вяземскаго, если бы нашлось что-нибудь въ его «поэтической мошнѣ», но имя послѣдняго не появилось и въ слѣдующихъ книгахъ «Кіевлянина».

23 дек. Жуковскій снова писалъ Максимовичу: «Посылаю вамъ для вашего Кіевлянина мой старый еще неизвѣстный стихотворный грѣхъ. Эти стихи не могутъ имѣть яснаго смысла для читателей; а объяснить для нихъ этотъ смыслъ я нѣмогу. Они писаны по желанію, на заданный предметъ и получили бы особенный интересъ, если бы можно было прибавить къ нимъ надлежащій коментарій. Теперь же они безъ интереса для читателя; и посылая ихъ вамъ, доказываю только мою готовность исполнить ваше желаніе пріютить меня въ вашемъ альманахѣ».

«Стихотворнымъ грѣхомъ» Жуковскаго была пьеса «Цвѣтъ завѣта», написанная на тему, данную великою княгинею Александрой Ѳеодоровною. Но 15 января по поводу этого стихотворенія Жуковскій пишетъ Максимовичу уже извинительное письмо: «Я долженъ передъ вами извиниться, мой почтенный Александръ Михайловичъ (sic!), и не знаю, какъ это сдѣлать, ибо мнѣ стыдно и передъ вами, и передъ собою, и передъ дивнымъ Кіевомъ. Я очень радовался, что нашелъ въ бумагахъ своихъ тотъ Цвѣтокъ, который хотѣлъ пересадить въ вашъ Кіевскій Цвѣтникъ, а на повѣрку вышло, что онъ сидитъ уже давно въ другомъ огородѣ. Перебирая книжки Современника..., къ удивленію и къ досадѣ своей нахожу свой цвѣтокъ напечатаннымъ. Мерзкую шутку сыграла надо мною моя память».

1) Письма Жуковскаго къ Максимовичу напечатаны нами въ «Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ», 1908 г., № 3.

«И такъ, вмѣсто того, чтобы вамъ угодить, я заставилъ васъ перепечатать въ вашемъ альманахѣ мое старье. Досадно, а дѣлать нечего. Нельзя ли вамъ выдумать какой-нибудь оговорки, или уже піеса моя напечатана? Если же нѣтъ, то не печатайте ее. И на бѣду нечѣмъ мнѣ поправить глупаго моего безпамятства. Ибо въ мошнѣ моей рѣшительно нѣтъ ничего. По крайней мѣрѣ, извините меня хоть тѣмъ, что желалъ сдѣлать вамъ угодное, только сдѣлалъ вамъ не въ попадъ».

Тѣмъ не менѣе, стихотвореніе Жуковскаго появилось въ «Кіевлянинѣ» со слѣдующею оговоркою въ самомъ концѣ книги: «Стихотвореніе сіе было уже напечатано въ «Современникѣ»; но я имѣлъ право и особенныя причины помѣстить оное и въ «Кіевлянинѣ».

За I книгу «Кіевлянина» Максимовичъ удостоился особой благодарности со стороны знаменитаго генералъ-губернатора Юго-Западнаго края Д. Г. Бибикова, которому Максимовичъ представилъ экземпляръ сборника. Вотъ что писалъ рукою своего секретаря «безрукій» Бибиковъ, которому видѣлось въ «Кіевлянинѣ» дѣло, полезное для русской государственности.

«Мнѣ пріятно было видѣть, что нашъ Кіевъ, столь богатый своею древнею славою, наконецъ вступаетъ, мало-по-малу, и на поприще литературной дѣятельности. Кіевъ для ума и сердца русскаго есть предметъ, достойный изученія, — и отъ кого же болѣе, какъ не отъ васъ современная любознательность должна требовать любопытныхъ результатовъ вашей наблюдательности. Прямой, священный долгъ Кіевскихъ ученыхъ есть изученіе Кіевской старины, пока она жива еще въ драгоцѣнныхъ памятникахъ. Отъ всей души желая вамъ совершеннаго успѣха на семъ поприщѣ, съ особеннымъ почтеніемъ и истинною преданностію имѣю честь быть, вашъ, милостивый государь, покорнѣйшій слуга Димитрій Бибиковъ» [1]).

Но въ печатный «Кіевлянинъ» вошло не все, что предназначалось для него Максимовичемъ. Цензура не пропустила «Кіева» Хомякова и статьи самого Максимовича: «Сказаніе о Колiивщинѣ». О послѣдней Максимовичъ разсказываетъ въ «Письмахъ о Кіевѣ»: «Предпринявъ изда-

1) Изъ неизданныхъ писемъ къ Максимовичу.

-ніе Кіевлянина, я написалъ «Сказаніе о Коліивщинѣ 1768 года», расчитывая на него, какъ на самую интересную для читателей статью моего альманаха. Но бывшій тогда цензоромъ С. О. Богородскій не только воспретилъ печатать, но вошелъ въ Кіевскій цензурный комитетъ съ особымъ мнѣніемъ и настоялъ, что это пугающее мнѣніе его послано было отъ Комитета въ Петербургъ, вмѣстѣ съ моимъ Сказаніемъ, вопреки моему на то согласію... Ну и послѣдовало недозволеніе графа Протасова печатать въ мѣстномъ изданіи Сказаніе о Коліивщинѣ, такъ какъ въ немъ изображается прежняя вражда съ уніей, такъ недавно еще прекращенной въ Западной Россіи» [1]).

Митрополитъ Иннокентій высказался весьма опредѣленно по поводу запрещенія труда Максимовича: «Очень жаль Коліивщины. Но другого съ Сѣвера почти и ожидать было нельзя» [2]).

Къ слѣдующему же году Максимовичъ сталъ готовить II книгу «Кіевлянина». Здоровье его было очень плохое, и подготовка сборника двигалась черезъ силу: «Я такъ слабъ, писалъ въ это время Максимовичъ Шевыреву, особенно очами, чтоересталъ быть не только преподавателемъ и писателемъ книгъ, но, можетъ быть, скоро перестану (чего, Боже, упаси) читателемъ и писателемъ даже писемъ... Теперь и для своего бѣднаго Кіевлянина не могу дописать двухъ уже начатыхъ давно статей,— и вѣроятно, не самъ буду держать корректуру второй книжки, которая все-таки выйдетъ... да не всѣ мои начинанія будутъ спотыкаться на первомъ томѣ» [3]).

И II книга «Кіевлянина», украшенная изображеніемъ проекта зданія Университета св. Владиміра, вышла въ слѣдующемъ году.

Начиналась она стихотвореніемъ Хомякова «Кіевъ», предполагавшимся для I книги, но встрѣтившимъ цензурныя препятствія. Содержаніе слѣдующихъ страницъ было таково: 1) Проза. М. А. Максимовича: «Выдубицкій монастырь», «О монастырѣ Гнилецкомъ», «Топографическія замѣтки Кіевлянина», съ приложеніемъ латинскихъ виршей Θеофана Про-

---

1) Максимовичъ: «Письма о Кіевѣ», 90.
2) Ibid., 89.
3) Кіевская Старина, 1896 IX, 270.

коповича: «Discriptio situs urbis Kiioviae», «О стихотвореніяхъ Червонорускихъ», первая статья въ русской литературѣ, знакомившая со словесностью Галиціи, «О правописаніи малороссійскаго языка. Письмо къ Основьяненку», «Волынь до XI вѣка». «Родословныя записки кіевлянина», «Памятники Луцкаго Крестовоздвиженскаго братства», «Луцкъ» В. Домбровскаго; документы: «Стихотворный памятникъ Лаврской Могилянской школы» («Ευξαπιστήπιον албо вдячность»), «Письмо князя Острожскаго къ Львовскому братству», «Два письма князя Острожскаго», «Добрый панъ» разсказъ и «Огненный змѣй» повѣсть сочиненія П. А. Кулиша; 2) Стихи. «Звѣзда» А. Подолинскаго.

Такимъ образомъ во II книгѣ «Кіевлянина» перевѣсъ былъ на сторонѣ научной прозы, тогда какъ въ I-й преобладали стихи.

Съ большими трудностями явилось въ этой книгѣ стихотвореніе Хомякова. Впослѣдствіи Максимовичъ съ горечью вспоминалъ о препятствіяхъ, которыя чинила ему цензура: «Присланный имъ (Хомяковымъ) Кіевъ не былъ пропущенъ въ первой книгѣ Кіевлянина тогдашнимъ убійственнымъ цензоромъ, покойнымъ пріятелемъ моимъ С. О. Богородскимъ; а князь Долгорукій затормозилъ его даже и во второй книгѣ... Мнѣ и теперь грустно вспоминать, подъ какою цензурною тяготою, и съ какими ущербами въ статьяхъ печатались тѣ двѣ книжки моего Кіевлянина» 1). Митрополитъ Иннокентій писалъ по поводу запрещенія «Кіева»: «Весьма жаль мнѣ вашего и нашего Кіева. Тутъ право нельзя не посѣтовать на цензуру вообще. А эти меценаты наукъ!.. Весь этотъ либерализмъ испаряется въ словахъ безъ дѣйствія благаго» 2).

Представляя I книгу «Кіевлянина» Д. Г. Бибикову, Максимовичъ просилъ его за стихотвореніе Хомякова, на что указываетъ слѣдующій postscriptum, имѣющійся въ вышеприведенномъ письмѣ Бибикова: «Что же касается до стихотворенія Хомякова Кіевъ, то пришлите оное ко мнѣ, и я употреблю все стараніе, чтобы оно могло украсить собою будущую книжку вашего Кіевлянина». Однако «стараніе» всесильнаго Бибикова не

---

1) Письма о Кіевѣ, 15.

2) Письма о Кіевѣ, 14. Едва ли не относится все это къ графу С. С. Уварову.

было велико, и «украшеніе» для II книги «Кіевлянина» не было признано вполнѣ умѣстнымъ. Во II книгѣ появилась только часть стихотворенія Хомякова, хотя цензоръ Ѳедотовъ и писалъ Максимовичу: «Кіевъ пусть идетъ себѣ съ Богомъ въ печать».

«Кіевъ» напечатанъ на первой и второй страницахъ «Кіевлянина» и оканчивается строфою:

«Я отъ Ладоги холодной,
Отъ лазурныхъ волнъ Невы».
«Я отъ Камы многоводной».
«Я отъ Матушки-Москвы».

Далѣе въ книгѣ вырваны страницы третья и четвертая. Это не есть случайный недостатокъ того или иного экземпляра: П. И. Бартеневъ опредѣленно говоритъ, что все «дальнѣйшее было зачеркнуто бибиковскою цензурою» [1]). Дѣйствительно, слѣдующая за приведенною строфа могла казаться для Николаевской цензуры весьма соблазнительною за свои стихи:

Мракъ пещеръ твоихъ безмолвный
Краше царственныхъ палатъ.

Все же остальное слишкомъ остро ставило вопросъ о національно-политическихъ отношеніяхъ въ Юго-Западномъ краѣ и не могло быть невиннымъ въ глазахъ администраціи.

Не были также допущены предназначавшіяся для II книги статья Н. И. Надеждина «Палладій Роговскій» и какое-то стихотвореніе И. К(ирѣевскаго?).

Надеждинъ обѣщалъ свое сотрудничество «Кіевлянину» еще при первомъ извѣстіи о намѣреніи Максимовича издавать его. Максимовичъ напоминалъ своему другу о присылкѣ статьи, и Надеждинъ, все оттягивавшій дѣло, извинялся въ томъ передъ Максимовичемъ въ письмѣ изъ Одессы отъ 21 декабря 1839 г.: «Я было думалъ, что сборника твоего не будетъ. Теперь непремѣнно напишу и вмѣстѣ съ литографическими

1) «Русскій Архивъ» 1908 г., № 1; примѣчаніе редактора къ нашему изданію писемъ Хомякова.

штуками вышлю. Тогда ты увидишь, что я не такой чучело, какъ ты, обманувшій на-чисто «Од(есскій) Альманахъ» на нынѣшній годъ». Въ январѣ 1840 г. Надеждинъ наконецъ написалъ для Максимовича статью, о чемъ извѣщалъ въ письмѣ отъ 19 числа: «Вотъ тебѣ статья. Не брани, что опоздалъ. Ей, ей, было некогда. Если напечатаешь, то подержи повѣрнѣе корректуру и тисни для меня десятокъ отдѣльныхъ оттисковъ. Если жъ не пойдетъ въ дѣло, то пришли назадъ; у меня не осталось черновой».

Статья, о которой идетъ рѣчь, и была о Палладіи Роговскомъ. Но не пропущенная цензурою, она была возвращена Максимовичемъ обратно Надеждину, который писалъ первому по этому поводу отъ 16 февраля 1840 г.: «Радуюсь, что твой «Сборникъ» наконецъ собрался совсѣмъ и скоро будетъ собирать съ любопытныхъ по два карбованца. Досадно только опять, что и тутъ судьба подставила мнѣ ногу и лишила меня удовольствія исполнить твое желаніе. Цензоръ вашъ просто дуракъ: чего онъ испугался, развѣ того, что Роговскій монахъ? Я впрочемъ жалѣю, что не отдалъ статью процензуровать здѣсь, въ Одессѣ, гдѣ бы вѣрно не тронули ея ни волоскомъ. Но какъ дѣло ужъ сдѣлано, то и передѣлывать нѣтъ нужды. Пришли мнѣ оригиналъ назадъ, пожалуйста поскорѣе. Я напишу тебѣ другую статью непремѣнно къ назначенному сроку, а эту отошлю куда-нибудь въ Питеръ: тамъ она пройдетъ, не зацѣпясь за Лавру и ея фарисейскія рогатки».

Не знаемъ, насколько на недозволеніи печатать статью Надеждина сказались отраженія Лаврскаго или вообще церковнаго вліянія, фактъ тотъ, что не допустилъ ее гражданскій цензоръ А. Θедотовъ, о чемъ свидѣтельствуетъ оффиціальная бумага послѣдняго на имя Максимовича, которую мы считаемъ не лишнимъ привести, какъ образчикъ удивительной осторожности провинціальной цензуры того времени.

«Къ крайнему, писалъ цензоръ, сожалѣнію моему, по справкамъ съ Цензурнымъ Уставомъ, оказывается, что я присвою себѣ права духовнаго цензора, ежели рѣшусь пропустить для вашего сборника статью г. Надеждина и стихи И. К. Въ III отд. ст. 171 о предметахъ духовныхъ цензурныхъ комитетовъ говорится, что разсмотрѣнію сихъ комитетовъ подлежатъ:

д) мелкія сочиненія и *переводы духовнаго* и христіанскаго содержанія,

е) сочиненія, заключающія *части церковной исторіи* и

ж) сочиненія о предметахъ, относящихся *къ церковному управленію*.

Ясно, что подъ статью д) подходятъ стихи И. К., а подъ статьи е) и ж) Палладій Роговскій г. Надеждина» [1]).

Въ данномъ случаѣ, конечно, произвольно было придано пространное толкованіе цензурному уставу, такъ какъ статья Надеждина: «Палладій Роговскій, первый русскій докторъ» появилась въ томъ же году въ «Сынѣ Отечества» (августъ, стр. 598—628).

Обѣ книжки «Кіевлянина» были встрѣчены критикою очень сочувственно. Рецензіи на нихъ были напечатаны въ «Литературной Газетѣ», «Маякѣ» и «Москвитянинѣ». Отзывъ въ послѣднемъ принадлежалъ С. М. Соловьеву, который, сдѣлавъ разборъ содержанія изданія Максимовича, заключилъ: «Такъ вполнѣ достигаетъ своей прекрасной цѣли издатель Кіевлянина. Передъ нами только двѣ книжки, но уже сколько относящагося къ бытію Кіева и всей южной Руси изслѣдовано и приведено въ надлежащую извѣстность, и все это совершено усиліями только одного ученаго». Историкъ выражалъ далѣе желаніе, чтобы вслѣдъ за «Кіевляниномъ» появились «Смолянинъ», «Тверитянинъ», «Черниговецъ», «Рязанецъ»... Но за матерью городовъ русскихъ, продолжалъ Соловьевъ, останется честь и слава благого начинанія [2]).

По выходѣ II книги изданіе «Кіевлянина» было прервано по нездоровью Максимовича. Но мысль о его продолженіи не покидала историка, и въ 1846 году онъ собирается издать III книгу сборника, какъ видно изъ письма къ нему Надеждина отъ 30 сентября этого года изъ Петербурга: «Не худо, что намѣреваешься блажить и словомъ печатнымъ. «Кіевлянину» твоему я готовъ помогать всячески. Но — на зубокъ — не знаю, успѣю ли что приподнесть. Ты поджидай до декабря первыхъ чиселъ. Буде ничего не получишь, извини — и выпускай новую книжицу».

---

1) Изъ писемъ къ Максимовичу.

2) М. С. Максимовичъ, біогр. Пономарева, 49.

Изданіе III книги «Кіевлянина» состоялось только въ 1850 году.

Въ 1849 году Максимовичъ посѣтилъ столь дорогую для него по воспоминаніямъ начала его литературной и научной дѣятельности Москву, по которой онъ томился въ своемъ сельскомъ уединеніи на Михайловой горѣ Золотоношскаго уѣзда, и гдѣ не былъ 16 лѣтъ. Здѣсь онъ поселился у Сухаревой башни и постоянно навѣщалъ Погодина, у котораго нашелъ рѣдкія южно-русскія старопечатныя книги, побудившія Максимовича предпринять изданіе желанной III книги «Кіевлянина». Погодинъ набросалъ по этому поводу слѣдующую «повѣсть» на осьмушкѣ бумаги:

«Литературная повѣсть».

«Михаилъ Александровичъ Максимовичъ, питомецъ Московскаго Университета и достойный потомъ, любимый профессоръ ботаники, который далъ было жизнь у насъ этой наукѣ, пріѣхалъ въ Москву послѣ долговременнаго отсутствія — послѣ ректорства въ Кіевскомъ Университетѣ, имъ открытомъ, послѣ преподаванія тамъ русской словесности, изданій многихъ важныхъ книгъ и изысканій о томъ краѣ, наконецъ послѣ многихъ тяжкихъ болѣзней, принудившихъ его оставить службу, въ коей онъ приносилъ столько пользы. Цѣль его была увидѣться съ старыми товарищами и знакомыми, оживить свои воспоминанія, — но онъ увидѣлъ въ Древнехранилищѣ М. П. Погодина многіе любопытные неизвѣстные документы, относящіеся къ предмету его прежнихъ сочиненій; на бѣду при немъ почти попалась Московскому собирателю драгоцѣнная книжка съ виршами на смерть Сагайдачнаго, которыхъ онъ долго искалъ съ Имнологіей, поздравленіемъ Петра Могилы на престолъ Кіевской Митрополіи, и прочими южно-русскими рѣдкостями, — авторская и охотническая кровь заговорила въ немъ, и онъ вмѣсто прогулокъ по Москвѣ принялся за работу и рѣшился, между прочимъ, издать «Кіевлянина» въ Москвѣ».

«Ученые московскіе обѣщали свое участіе доставили статьи, нужныя для разнообразія, въ изданіе дорогого гостя».

«Московскіе поэты на зубокъ новорожденному принесли прекрасный букетъ стихотвореній, коими и украшаются историческія изслѣдованія» [1]).

1) Изъ собранія писемъ Максимовича.

Максимовичъ, обращаясь къ Погодину въ «Письмахъ о Кіевѣ», говоритъ о томъ же: «Когда я въ Москвѣ, зимуя возлѣ Сухаревой башни, гостилъ цѣлый день у тебя на Дѣвичьемъ Полѣ, любуясь сокровищами твоего Древнехранилища, — принесена была тебѣ въ пріобрѣтеніе старопечатная книжица in 4°. Въ ней мы съ тобой увидѣли разомъ нѣсколько рѣдкостей южно-русской печати: не только Вирши Саковича (1622 г.), но даже кіевопечерскую Имнологію (1630 г.), о которой знали дотолѣ по экземпляру, принадлежавшему Демидовскому Музею и вмѣстѣ съ нимъ погибшему въ Московскій пожаръ двѣнадцатаго года. Та новопріобрѣтенная тобою сборная книжица и послужила мнѣ побужденіемъ и основаніемъ для изданія третьей книги Кіевлянина, въ Москвѣ, къ Свѣтлому празднику 1850 года» [1]).

«Кіевлянинъ, издаваемый Михаиломъ Максимовичемъ. Книга третья. Москва. Въ Университетской типографіи. 1850 г.» — содержитъ слѣдующія статьи: 1) Проза. М. А. Максимовича: «Переяславскія сказанія: О городѣ Переяславѣ въ первоначальныя времена; О праздникѣ св. Бориса подъ Переяславомъ»; «О городѣ Стёпанѣ», «О построеніи и освященіи Кіевской церкви св. Георгія», «Книжная старина южно-русская», «Сказаніе о гетманѣ Петрѣ Сагайдачномъ», «Лубочныя изображенія малороссійскихъ городовъ», С. М. Соловьева: «Великая княгиня Ольга», М. П. Погодина: «О русской торговлѣ въ удѣльномъ періодѣ»; И. Д. Бѣляева: «Великій князь Михаилъ Черниговскій»; П. Н. Дешка: «О Карпатской Руси»; В. Ѳ. Домбровскаго: «О Кременецкомъ замкѣ», князя М. А. Оболенскаго: «О двухъ древнѣйшихъ святыняхъ Кіева»; документы: «Запись Анны Гойской на Почаевскій монастырь 1597 г.»; «Память о кунтушахъ и шапкѣ, жалованныхъ 1379 г.» 2) Стихи. И. С. Аксакова: «Поэту», «Отдыхъ», «Къ N. N.», Ѳ. Н. Глинки: «Чего просишь», «Ангелу»; А. П. Глинки: «Благодареніе», «Къ звѣздѣ»; гр. Е. П. Растопчиной: «Сказка», «Осеннее ненастье»; К. К. Павловой: «Начало IV главы Чайльдъ-Гарольда», «Къ Помпейской лампадкѣ», «Три души», «Душа», С. Е. Раича: «Александрійскія ночи»; М. Н. Лихонина: «Жизнь»; Н. М. Языкова: «На громовые колодцы въ Мытищахъ».

---

1) Письма о Кіевѣ, 111 стр.

Несмотря на значительное количество стихотвореній, III книга болѣе всего приближалась къ типу ученаго историческаго журнала по обилію матеріала какъ обработаннаго, такъ и необработаннаго въ видѣ различныхъ документовъ: листовъ митрополитовъ, универсаловъ гетмановъ и пр. Къ этой книгѣ приложены также «лакомые», какъ выразился П. А. Кулишъ въ одномъ изъ писемъ къ Максимовичу, снимки съ древнихъ изображеній XIII, XVII и XVIII вв. и заглавныхъ листовъ старопечатныхъ книгъ.

На III книгѣ изданіе «Кіевлянина» окончательно было прервано. Но Максимовичъ не оставлялъ мысли объ его продолженіи и даже думалъ обратить его въ періодическій научный органъ: «Мнѣ уже приходило на мысль, — пишетъ онъ Бодянскому 1857 г. 18 апр., возобновить прежнее предпріятіе: обратить Кіевлянинъ въ журналъ 6-ти книжный въ годъ. Запасу въ головѣ и въ нотабенкахъ накопилось множество, и онъ погибнетъ съ моею смертью. Надобно именно быть особому изданію, пожалуй, названному, если не Кіевляниномъ, то Украинскимъ Зрителемъ, или Малороссійскою скрынею, или инымъ какимъ-либо подобнымъ титломъ. Какъ вы посовѣтуете, и не придумаете ли чего къ этому? Я въ Кіевѣ потолкую еще объ этомъ. Можно будетъ для этого мнѣ переселиться или въ Кіевъ или еще лучше въ Москву. Я готовъ хоть продать Михайлову гору, чтобы имѣть первую тысячу р. с. для перемѣщенія и основанія журнала, если не найдется доброй людины, чтобы помогла деньгою на основаніе» [1]).

Такъ тосковалъ по литературной дѣятельности старый ученый, отторгнутый болѣзнями и бѣдностію отъ живого общенія съ литературными и научными кругами. Но сила обстоятельствъ была выше стремленій, и изданіе уже не возобновилось, хотя нѣкоторою замѣною ему были двѣ небольшія книжки «Украинца», изданныя въ 1859 г. и 1864 г. и состоявшія исключительно изъ статей самого Максимовича. Личныя условія жизни Максимовича имѣли большое значеніе въ дѣлѣ его медленнаго и недолгаго издательства, но причины общія вліяли здѣсь въ большей степени. Положимъ, книжки «Кіевлянина» расходились, и въ 1857 году Максимовичъ,

1) Чтенія въ Имп. Общ. Исторіи и Древностей, 1887, кн. I, стр. 149.

посылая первые два его выпуска Бодянскому, сообщалъ ему, что эти двѣ книжки стали уже библіографической рѣдкостью[1]); но трудность работы Максимовича была въ томъ, что онъ былъ одинъ, безъ сотрудниковъ, безъ людей, живо сочувствующихъ дѣлу и помогающихъ ему. Значительную часть каждой книжки занимаютъ статьи самого Максимовича, такъ какъ тружениковъ пера и знанія кругомъ него было мало. «Генераловъ отъ науки» расшевелить было не такъ легко, а простыхъ ратниковъ въ этой области въ то время было совсѣмъ немного. Поэтому «Кіевлянинъ» Максимовича не собралъ вокругъ себя никакого кружка людей, научно любопытныхъ, и Максимовичъ остался одинъ со своимъ литературно-научнымъ дѣтищемъ да со своими невзгодами. Какъ невозможно было вести въ Кіевѣ правильное изданіе научно-литературнаго сборника, можетъ показать слѣдующій фактъ, сообщенный Максимовичу извѣстнымъ въ свое время ретроградныхъ писателемъ В. И. Аскоченскимъ, въ письмѣ, написанномъ послѣ 1857 года: «Мѣсяца два тому въ Кіевѣ заговорили объ основаніи журнала, и всѣ, начиная отъ князя Васильчикова до послѣдняго читаки, оглянулись на меня, яко бы зѣло способнаго къ таковому художеству. Я сдуру-то и повѣрилъ этому, и давай пороть горячку и хлопотать. Составилъ, какъ видите программу, написалъ, кому слѣдуетъ, просьбу, да и сѣлъ на мели. Кинулся за сотрудниками, — нема. Университетскіе всѣ до единаго отказались принять въ этомъ участіе, одни потому, что пулька въ преферансъ затянулась, другіе потому, что, вышедши изъ-за студенческой парты, они дали себѣ слово не писать ничего и читать только печатное... Дѣло-то мое и кануло, по выраженію капитана Копѣйкина, въ какую-нибудь этакую Лету. Съ Академическими профессорами далеко не уѣдешь, а вольнопрактикующихъ литераторовъ въ Кіевѣ гораздо меньше. чѣмъ подвижниковъ въ Лаврѣ»[2]).

Умеръ «Кіевлянинъ» Максимовича, но не умерла самая идея изданія научнаго органа, посвященнаго разработкѣ вопросовъ исторіи Юго-Западнаго края. «Кіевлянинъ» въ этомъ отношеніи сослужилъ великую службу.

Еще въ 1840 году митрополитъ Иннокентій подъ очевиднымъ влія-

1) Ibidem, стр. 141.

2) Изъ неизданныхъ матеріаловъ.

ніемъ изданія Максимовича собирался издавать Историческую Библіотеку Юго-Западнаго края: «У меня, писалъ онъ Максимовичу, зарождается охота издать Историческую Библіотеку здѣшняго края. Не откажитесь послужить доставленіемъ или указаніемъ, гдѣ доставать старыя книги, въ коихъ содержатся свѣдѣнія о нашемъ краѣ. Такой Corpus книгъ историческихъ послужитъ основаніемъ для будущихъ историковъ» [1]).

Въ 1852 году къ Максимовичу съ мыслью совмѣстно продолжать изданіе «Кіевлянина» обращается писатель И. Г. Кулжинскій: «Время отъ времени вы издаете «Кіевлянина»... Ну-те соединимъ наши силы, средства и матеріалы, да станемъ совокупно издавать «Кіевлянина»! — Пока это изданіе не обезпечитъ насъ до того, чтобъ мы могли даже переѣхать на жительство въ Кіевъ [2]). .. Первое условіе, sine qua non, надобно, чтобъ нашъ «Кіевлянинъ», начавшись безсрочнымъ сборникомъ, нечувствительно перешелъ во всѣ обязанности и качества журнала» [3])... Кулжинскаго, какъ видно, занимала болѣе мысль объ изданіи обычнаго литературнаго ежемѣсячника, чѣмъ историческаго журнала, и такой характеръ онъ хотѣлъ придать «Кіевлянину», включивъ въ его программу особый отдѣлъ: «Русскія древности и исторія». Неизвѣстно, что отвѣчалъ Максимовичъ на письмо Кулжинскаго, которое было наполнено такими странностями, что самое предложеніе не внушало серьезнаго отношенія.

Наконецъ, въ 1869 году Максимовичъ могъ видѣть нѣкоторый отблескъ своей мысли «изслѣдованія и приведенія въ надлежащую извѣстность всего, что относится къ бытію Кіева и ксей Южной Руси» въ оффиціальномъ замыслѣ издавать памятную книжку Юго-Западнаго края, исходившемъ отъ Кіевскаго генералъ-губернатора князя А. Дондукова-Корсакова. Въ этой памятной книжкѣ должны были заключаться свѣдѣнія историческія, археологическія, статистическія, этнографическія, административныя и общественныя.

---

1) Письма о Кіевѣ, стр. 106.

2) И. Г. Кулжинскій жилъ въ это время въ Нѣжинѣ. О немъ см. М. Н. Сперанскаго: «Одинъ изъ учителей Гоголя» въ «Извѣстіяхъ И. Ф. Института кн. Безбородко» 1906 г. и В. Данилова: «Къ характеристикѣ И. Г. Кулжинскаго» въ «Украинѣ» 1907 г. октябрь.

3) Украина, 1907, октябрь.

Предлагая Максимовичу быть редакторомъ памятной книжки, князь Дондуковъ-Корсаковъ писалъ: «Никому Юго-Западный край неизвѣстенъ такъ хорошо, какъ вамъ, и никто не можетъ исполнить мое намѣреніе лучше васъ. Не буду указывать вамъ ни подробной программы, ни объема предполагаемаго мною изданія, ни его формы и способа изложенія, предоставляя все это вашему усмотрѣнію. Предполагаемая книжка, кромѣ данныхъ, необходимыхъ для справки въ обыденной жизни между образованными людьми, должна служить для распространенія въ обществѣ правдивыхъ свѣдѣній о Юго-Западномъ краѣ, потому что ничто столько, какъ правда, просто и безпристрастно изложенная въ формѣ цифръ и положительныхъ фактовъ, не послужитъ къ разъясненію многихъ общественныхъ и административныхъ вопросовъ и не разсѣетъ тѣхъ недоразумѣній, которыя такъ давно тяготѣютъ надъ краемъ».

Князь Дондуковъ-Корсаковъ предлагалъ Максимовичу за этотъ трудъ жалованья въ годъ 1200 руб. съ поступленіемъ въ его же пользу выручки съ изданія, отдѣльнаго чиновника въ распоряженіе Максимовича и свободный доступъ во всѣ архивы[1]).

Не знаемъ, почему Максимовичъ не взялъ на себя предлагаемаго труда, который бы былъ для него весьма плодотворенъ въ научномъ отношеніи; вѣроятно, онъ не рѣшился предпринять большого обусловленнаго посторонними требованіями изданія по причинѣ своихъ немощей.

Идея изданія періодическаго органа, посвященнаго южно-русской исторіи, нашла себѣ полное осуществленіе уже по смерти Максимовича въ видѣ журнала «Кіевская Старина». Начиная свою жизнь, журналъ вспомнилъ въ редакціонной статьѣ прежде всего «Кіевлянинъ» Максимовича. Благословляемый его тѣнью, онъ вышелъ на научный путь съ тѣми же задачами, какія ставилъ своимъ сборникамъ Максимовичъ. «Кіевская Старина» разрабатывала научные вопросы въ такой же удобопонятной формѣ, какъ Максимовичъ, и поэтому изданіе пріобрѣло громадное культурное значеніе, такъ какъ оно не только содѣйствовало развитію самой науки, но также интересу къ ней среди публики. «Кіевская Старина» издавалась уже въ иныхъ условіяхъ, чѣмъ «Кіевлянинъ» Максимовича. Кромѣ

1) Изъ писемъ къ Максимовичу.

виднныхъ ученыхъ, принимавшихъ къ ней участіе: Костомарова, Ореста Миллера, Антоновича, Н. И. Стороженка, Сумцова, Иконникова и др., журналъ имѣлъ много сотрудниковъ неизвѣстныхъ, жившихъ часто по глухимъ уголкамъ Россіи и собиравшихъ повсюду разнообразныя свѣдѣнія, касавшіяся южно-русской исторіи и этнографіи. И эти невѣдомые далекіе отъ очаговъ науки участники «Кіевской Старины» обогащали ее наравнѣ съ крупными представителями историческаго знанія.

25 лѣтъ продолжала «Кіевская Старина» дѣло, начатое Максимовичемъ, пока событія и настроенія послѣдняго времени не ослабили ту научно-культурную идею, которою было воодушевлено изданіе, и которую создалъ «Кіевлянинъ» Максимовича.

Вл. Даниловъ.

Г. Одесса.

Библіографія.

Опытъ русской исторіографіи В. С. Иконникова, засл. профессора Императорскаго Университета св. Владиміра. Томъ второй. Книга первая. Кіевъ. Типографія Императорскаго Университета св. Владиміра Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская улица. 1908. Стр. I—V, I—X, 1—1056, I—XXXII, I—V.

То же. Томъ второй. Книга вторая. Кіевъ. 1908. (Типографія та же). Стр. I—III, 1057—1955, XXXIII—XLIX, 1—113, I—IX, I—XI.

Цѣна второго тома (въ двухъ книгахъ) 10 руб. Настоящій томъ, независимо отъ перваго, составляетъ отдѣльное цѣлое.

Въ 1891 году В. С. Иконниковъ выпустилъ въ свѣтъ двѣ книги перваго тома «Опыта русской исторіографіи», — болѣе 2200 страницъ. Теперь передъ нами второй томъ, вмѣщающій, какъ можно видѣть, — тоже болѣе 2200 страницъ.

Уже самое количество страницъ говоритъ о колоссальности труда. Но мы невольно преклоняемся предъ величіемъ работы, когда знакомимся съ содержаніемъ: отчетливое знакомство съ обширнѣйшей литературой, поражающая масса библіографическихъ указаній (а чего стоитъ иногда даже одна библіографическая строчка!), ясное, въ высокой степени спокойное изложеніе, тономъ напоминающее страницы «Несторовой лѣтописи».

При чтеніи «Опыта» невольно вспоминаются слова древняго составителя хронографа: «Въ многи и длъговременныа троуды внидохомъ. еже избрати ото многихъ лѣтописныхъ и бытїйскихъ книгъ. поужѣишаа и добрѣишаа. и совокоупити во едино. занеже тѣ книги вси о единомъ пишоутъ, а во всѣхъ многаа рознь. тотъ, то иставилъ, а инъ ино. и за величество тѣхъ книгъ, неудобно есть ихъ, всѣхъ стяжати. И сего ради много помышляхъ сїе дѣло начати. и возбраняемъ есмь отъ руко-

дѣлїа. еже стяжати чимъ животъ кормити. божїимже попоущеніемъ нашедшу искоушенію тяжку. и за многое уныніе и скорбь одержащую. Полоучихъ таковыа книги. начахъ таковое дѣло. и многа лѣта въ сихъ упражняася. и въстерзаа отъ многихъ лѣтописныхъ книгъ, добрѣишаа. якоже цвѣты нѣкіа, и совъкоупляа во едино, или якоже сотъ медвеныи, исполнь сладости доуховныя. или яко очи исторгъ отъ всѣхъ тѣхъ книгъ. Многъ же подъяхъ троудъ. за разгласіе речеи въ тѣхъ книгахъ. изыскоуя праваа. и за разгласіе многихъ пословицъ»[1]....

Томъ второй «Опыта русской исторіографіи» заключаетъ въ себѣ слѣдующее.

Книга первая. («Императорскому Харьковскому Университету, въ память его столѣтія, посвящаетъ авторъ этотъ томъ»). Отдѣлъ I. Эпическія пѣсни и народныя преданія. Значеніе письменности. (Глава I). Возникновеніе лѣтописи и ея исторія. Востокъ. Греція и Римъ. Средніе вѣка. Лѣтопись западныхъ славянъ. (Глава II). Византія. Южно-славянскія лѣтописи. Вліяніе византійской хронографіи на лѣтописаніе Востока. (Глава III).

Отдѣлъ II. Культура Приднѣпровья. Судьба Кіевской земли до нашествія татаръ. (Глава I). Гражданскій бытъ. (Глава II). Письменныя отношенія. Древнѣйшіе памятники. Лѣтопись. (Глава III). Отношенія русской лѣтописи къ византійской и западной хронографіи. Источники начальной лѣтописи и ея содержаніе. Значеніе Кіевскаго свода. (Глава IV). Научная разработка древней лѣтописи. XVIII вѣкъ. Позднѣйшая критика. Списки лѣтописи, ея изданія и переводы. (Глава V). Продолженіе начальной лѣтописи. Кіевская лѣтопись. Очеркъ исторіи Переяславскаго княжества. Лѣтописныя извѣстія. Очеркъ исторіи Черниговскаго княжества. Черниговская лѣтопись. Очеркъ исторіи Смоленскаго княжества. Смоленскія лѣтописи. Полоцкое княжество. Вопросъ о Полоцкой лѣтописи (Глава VI). Волынь и Галичъ. Туровская земля. Галицко-Волынская лѣтопись. (Глава VII). Новгородъ Великій. (Глава VIII). Псковъ. (Глава IX). Ростово-Суздальская земля. Княжества Ярославское, Бѣлозерское, Угличское, Костромское и Галичское. Устюгъ Великій. (Глава X). Возвышеніе Владиміра. Суздаль и Н. Новгородъ. Переяславль-Залѣсскій. (Глава XI). Тверь. (Глава XII). Рязань. (Глава XIII).

Книга вторая. Отдѣлъ III. Москва. (Главы I—VI).

---

1) Хронографъ стольника Василія Никифоровича Сабакина, съ записью 7178 года, рукопись Имп. Публичной библіотеки, изъ Эрмитажныхъ № 564, л. 6—6 об. Ср. В. С. Иконниковъ. Опытъ русской исторіографіи. Томъ II, 1167, пр. 1; 1200.

Отдѣлъ IV. Западная Русь и ея памятники письменности средняго періода. (Глава I). Малороссійскія лѣтописи. (Глава II).

Отдѣлъ V. Біографическій элементъ въ исторіи. (Глава I). Житія, прологи, минеи, патерики и сборники. Свѣтская біографія. Раскольничья литература житій. (Глава I). Сказанія и повѣсти. Раскольничьи сказанія и повѣсти. (Глава II). Вопросъ объ изданіи древнихъ памятниковъ. Время Петра В. Вѣкъ Екатерины II. Общество исторіи и древностей россійскихъ. Дѣятельность Археографической коммиссіи. Задачи Общества любителей древней письменности. Мѣстныя изданія.

Въ предисловіи тома II, какъ и тома I, авторъ самъ указываетъ на возможность различныхъ недочетовъ въ такой обширной работѣ, какъ «Опытъ русской исторіографіи». «И на этотъ разъ, однако», говоритъ В. С. Иконниковъ, «при бо́льшей опытности въ работѣ авторъ не могъ преодолѣть тѣхъ препятствій, которыя часто случайно и неожиданно являлись ему на пути. Приходилось считаться болѣе съ обиліемъ текущей литературы по вопросамъ, входящимъ въ кругъ изслѣдованій, столь широко разрабатываемыхъ въ послѣднее время, надолго останавливаться въ ожиданіи продолженія, и, въ концѣ концовъ, иногда воспользоваться незначительнымъ указаніемъ и даже просто библіографической ссылкой. Поэтому авторъ болѣе заботился, въ интересахъ научной полноты, дать, по возможности, полные обзоры литературы того или другого вопроса, нежели настойчиво оспаривать извѣстное положеніе, достовѣрность котораго еще требовала бы дальнѣйшей провѣрки и новыхъ изслѣдованій. Не удавалось обойти автору и тѣхъ неблагопріятныхъ настроеній, столь затрудняющихъ изслѣдователя, о которыхъ ему приходилось упоминать въ предисловіи перваго тома (стр. VI); а въ позднѣйшіе годы они еще надвинулись съ бо́льшей силой и даже въ послѣдній моментъ его работы не позволили автору закончить этотъ томъ съ тѣмъ относительнымъ эпическимъ спокойствіемъ, значительной долей котораго онъ еще обладалъ при выпускѣ въ свѣтъ перваго тома, ссылаясь на радость лѣтописца, окончившаго свой трудъ (стр. VII)....

Авторъ надѣется, что читатель благосклонно отнесется къ его признанію и покроетъ своимъ снисхожденіемъ недостатки его труда». [1]).

Не сомнѣваемся, что капитальный трудъ В. С. Иконникова будетъ подробно разсмотрѣнъ и достойно оцѣненъ присяжными историками: мы здѣсь ограничиваемся лишь немногими замѣчаніями.

Только что были указаны слова автора, что онъ «болѣе заботился, въ интересахъ научной полноты, дать, по возможности, полные обзоры лите-

1) Опытъ русской исторіографіи, т. II, предисловіе, стр. I, II.

ратуры того или другого вопроса, нежели настойчиво оспаривать извѣстное положеніе»... Дѣйствительно, мы встрѣчаемъ у В. С. Иконникова критическія замѣчанія, напримѣръ: т. II, с. VIII (введеніе); 731, пр. 2; 1328, пр. 3, 1331 и слѣд.; «прибавленія» къ кн. II, стр. II (къ стр. 398—400); 827, 1251, 122, 281 и др. Наше личное впечатлѣніе однако такое, что остается пожелать, чтобы по возможности чаще слышался критическій голосъ автора.

В. С. Иконниковъ самъ говоритъ въ предисловіи къ тому I: «Въ теченіе своей преподавательской дѣятельности автору неоднократно приходилось излагать курсъ исторіографіи или спеціальные отдѣлы его» [1]). Безъ сомнѣнія, критика соотвѣтствующихъ трудовъ входила въ курсы исторіографіи профессора, въ свое время [2]): можно только пожалѣть, что авторъ лишилъ болѣе обширную аудиторію возможности знать его мнѣніе.

В. С. Иконниковъ въ предисловіи къ тому II говоритъ о большей опытности въ работѣ. Въ этотъ отношеніи, напримѣръ, мы бы отмѣтили то, что томъ II читается несравненно легче, чѣмъ томъ I. Быть можетъ, это зависитъ отъ матеріала тома I и тома II, но, на нашъ взглядъ, библіографическія указанія и примѣчанія, напримѣръ, тома II распредѣлены гораздо удобнѣе для читателя, чѣмъ въ томѣ I.

Что касается самого исторіографическаго матеріала, то, разумѣется, тутъ многое зависитъ отъ личнаго взгляда автора. Мы отмѣтимъ лишь слѣдующее. Въ книгѣ I тома II, въ отдѣлѣ II, въ главахъ I — VII, авторъ говоритъ о Приднѣпровьѣ, южно- и западно-русскихъ княжествахъ и, черезъ 12 главъ, мы снова читаемъ о западной Руси. Конечно, тотъ порядокъ, который находимъ у В. С. Иконникова, обыченъ, но, въ цѣляхъ исторической послѣдовательности, упомянутыя части, быть можетъ, слѣдовало бы сблизить, отчего, кажется, не пострадала бы ясность развитія исторіографіи, по крайней мѣрѣ въ южной и западной Руси.

Въ предисловіи къ I тому В. С. Иконниковъ говоритъ: «Хотя онъ (авторъ) могъ располагать довольно полными отдѣлами старинной литературы, которыми богата мѣстная университетская библіотека, и не менѣе систематически подобранной собственной библіотекой, но все таки нерѣдко онъ не въ состояніи былъ воспользоваться своевременно справками въ томъ или другомъ изданіи, а иногда вынужденъ былъ и вовсе отказаться отъ нихъ, не находя необходимыхъ пособій на мѣстѣ»... [3]). Конечно, это затрудненіе существовало и при обработкѣ тома II: мы

1) Опытъ русской исторіографіи, т. I, предисловіе. Стр. V.
2) Тамъ же, стр. VI.
Опытъ русской исторіографіи, т. I, предисловіе, стр. V.

иногда находимъ библіографическія указанія, почерпнутыя не только изъ вторыхъ, но и изъ третьихъ рукъ. Можно представить, какое томленіе доставляла автору невозможность добраться до первоисточника, равно какъ и сознаніе того, что въ посредствующихъ ссылкахъ очень возможны неточности.

Само собой разумѣется, что въ такомъ трудѣ, какъ «Опытъ русской исторіографіи», возможны многія дополненія: море великое и пространное... Напримѣръ. Стр. 1817: «авторъ (Куробскій) раздѣляетъ свой трудъ («Исторію») на главы по статьямъ (главамъ)»... Дѣйствительно, дѣленіе на главы «Исторіи» Курбскаго есть въ изданіяхъ Устрялова, но его нѣтъ въ рукописяхъ XVII вѣка, напримѣръ въ рукописи Московской Синодальной библіотеки № 136 (=«П»), положенной въ основаніе текста изданій. Дѣленіе встрѣчается въ позднѣйшихъ рукописяхъ (XVIII вѣка), но и то не такое, какъ у Устрялова.

Стр. 1385: «6) Хронографъ, раздѣлен. на 410 главъ, по списку Толстого (Имп. Пуб. библ. № 165) и исторіогр. Карамзина (въ Арх. ком), на 732 лист., составленъ не ранѣе пол. XVII вѣка». Здѣсь должны быть слѣдующія поправки: 1) не просто № 165, а F. IV. 165 (=Толстого I. 61); 2) хронографъ Карамзина теперь не въ Императорской Археографической коммиссіи, а въ Имп. Публичной библіотекѣ (F. IV. 598). Въ Археографическую коммиссію хронографъ исторіографа былъ присланъ Е. А. Карамзиной съ условіемъ возвратить по миновапіи надобности: *Протоколы* засѣданій *Археографической коммиссіи*, вып. I, 292—293 (засѣданіе 2-го августа 1838 года).

Стр. 1333: «Въ библ. Спб. дух. академіи находилась Степенная книга (294/288) съ дополненіями, въ листъ, обширной редакціи, пис. въ ц. Алексѣя Мих., поступившая въ распоряженіе Арх. ком. Не объ этой ли рукописи Устряловъ замѣтилъ: «Въ Дух. акад. я нашелъ Степ. книгу Селлія, въ коей есть переписка царя съ Курбскимъ; находка чрезвычайно важная, ибо этотъ списокъ очень исправенъ». Нынѣ покойный, библіотекарь Спб. Духовной академіи А. С. Родосскій, въ апрѣлѣ 1908 года, указалъ мнѣ рукопись Спб. Духовной академіи $A^1/_{91}$, которая, по его изслѣдованію, и есть считавшаяся утраченной рукопись Селлія. Замѣтка объ этомъ А. С. Родосскаго есть на первомъ чистомъ листѣ рукописи $A^1/_{91}$ и во 2-мъ изданіи Описанія 432-хъ рукописей Спб. Духовной академіи, которое А. С. Родосскій подготовилъ къ печати[1]).

---

1) Оно находится у сына А. С. Родосскаго, помощника библіотекаря Спб. духовной академіи, С. А. Родосскаго.

Стр. 1275, пр. 1: «О впечатлѣніи означ. событія (т. е. завоеванія Казани, Астрахани и Сибири) на умы (А. Майковъ, Заря 1869, № 8)». По справкѣ оказывается: Заря, журналъ учено-литературный и политическій, издаваемый В. Кашпиревымъ. Августъ. Типографія Майкова, въ домѣ Министерства Финансовъ на Дворцовой площади. 1869. Стр. 1 — 68: «Изъ разсказовъ о русской исторіи (Взятіе турецкимъ султаномъ Магометомъ II Константинополя. Москва — третій Римъ. Покореніе, при царѣ всея Руси Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ, мусульманскихъ царствъ: Казанскаго, Астраханскаго и Сибирскаго). А. Майкова». Это же самое находимъ въ «Полномъ собраніи сочиненій А. Н. Майкова. Изданіе 7-е, исправленное и дополненное, съ 2 портретами автора. Въ четырехъ томахъ. Томъ III. Изданіе А. Ф. Маркса». Спб. 1901. «Разсказы изъ Русской исторіи. (Для дѣтей и народа)». Разсказъ второй. (Начало восточнаго вопроса). I. Взятіе Турками Константинополя. II. Москва—третій Римъ. III. Царь Иванъ Васильевичъ Грозный. Покореніе Казани и Астрахани. III. Завоеваніе Сибири». Стр. 427 — 506.

Вѣроятно, В. С. Иконниковъ только ради имени автора (А. Майкова) указалъ на статью «Зари», потому что другія статьи для дѣтей и народа объ указанныхъ событіяхъ не названы. И неточность: въ статьѣ А. Майкова о *впечатлѣніи* почти ничего не говорится.

Стр. 1194: «ей (т. е. «Лѣтописи Ѳ. К. Нормантскаго») иногда придаютъ значеніе, равное съ основными списками лѣтописей [1]); но эта сторона вопроса съ основаніемъ оспаривалась уже въ исторической литературѣ [2]), при чемъ сдѣлано было замѣчаніе, что назв. лѣтописецъ есть сокращеніе Никон. и Львов. лѣт., въ которыхъ также упоминается о службѣ Нормантскихъ. Поэтому самое изданіе лѣтописи признается безполезнымъ». Дѣйствительно, на указанныхъ и другихъ страницахъ у Кунцевича встрѣчаются ссылки на *Царственную книгу*, *Никоновскую*, *Львовскую лѣтопись* и *Лѣтописецъ Нормантскаго*. Но слѣдуетъ ли отсюда, что *Лѣтописцу Нормантскаго* придается равное значеніе съ *Царственной книгой*, *Никоновской*, *Львовской лѣтописью?* И *не всегда въ Лѣтописцѣ Нормантскаго* то же самое, что въ указанныхъ лѣтописяхъ, см., напримѣръ, у Кунцевича стр. 327, 336 и др.

Что касается мнѣнія о безполезности изданія *Лѣтописца Нор-*

---

1) См. Г. З. Кунцевичъ, Ист. о Казан. царствѣ, стр. 327, 331, 334, 336, 338—339, 340, 342, 356, 366 и др.

2) А. Н. Ясинскій, Сочин. кн. Курбскаго, какъ ист. матеріалъ, 10—12.

мантскаго, то, дѣйствительно, у А. Н. Ясинскаго[1]) мы читаемъ: «Издавши совершенно безполезный лѣтописецъ Нормантскаго и видя въ немъ фамильную лѣтопись, Бѣляевъ предполагаетъ, что въ фамильныхъ лѣтописяхъ «проглядываютъ современныя поговорки и прозвища лицамъ»... И далѣе: «Такимъ образомъ, для историка лѣтописецъ Нормантскаго не имѣетъ никакого значенія». По нашему мнѣнію, всякій лѣтописный памятникъ имѣетъ значеніе и всегда полезно издать еще неизданный памятникъ. Но при обычномъ отсутствіи средствъ мы волей-неволей ограничиваемся лишь важнѣйшимъ, и тѣмъ часто лишаемъ себя возможности освѣтить литературную исторію памятниковъ, которая небезполезна и для историка.

Къ тому II приложены указатели «личныхъ именъ» и «географическихъ названій»[2]). Въ предисловіи къ I тому В. С. Иконниковъ говорилъ: «Къ сожалѣнію авторъ не могъ приложить, сверхъ именнаго и географическаго указателей, указателя предметовъ, который онъ успѣлъ составить лишь для перваго отдѣла настоящаго тома»[3]). Теперь, въ томѣ II, авторъ уже не упоминаетъ о предметномъ указателѣ.

Этимъ мы заканчиваемъ свои замѣчанія о II томѣ В. С. Иконникова и искренно желаемъ автору имѣть полную возможность[4]) продолжить «Опытъ русской исторіографіи», который является необходимой настольной книгой не только для спеціалистовъ, но и для всѣхъ интересующихся родной стариной.

Г. Кунцевичъ.

Іюнь 1909.

Rocznik slawistyczny, wydawany przez Jana Łosia, Leona Mańkowskiego, Kazimierza Nitscha i Jana Rozwadowskiego. Revue slavistique, publiée par Jean Łoś, Leon Mańkowski, Cazimir Nitsch et Jean Rozwadowski. T. I. Kraków—Cracovie. 1908. Стр. V+324.

Въ области библіографіи славяновѣдѣнія было нѣсколько опытовъ научныхъ систематическихъ обзоровъ, и ни одинъ изъ нихъ не доводился

1) Сочиненія князя Курбскаго, какъ историческій матеріалъ. Изслѣдованіе кандидата А. Н. Ясинскаго. К. 1889. Стр. 12.

2) «Прибавленія» къ книгѣ II, стр. I—IX, помѣщены послѣ указателей и, конечно, не вошли въ указатели.

3) Опытъ русской исторіографіи, т. I, предисловіе, стр. VII.

4) Опытъ русской исторіографіи, т. I, предисловіе стр. VIII; предисловіе къ т. II, стр. I.

до конца, ни одинъ изъ нихъ долго не просуществовалъ. Недолгое время такіе обзоры велъ «Архивъ» Ягича, еще меньше—«Věstnik slovanské filologie a starožitnosti» и «Славяновѣдѣніе въ повременныхъ изданіяхъ». О другихъ аналогичныхъ изданіяхъ, ни на научность, ни на полноту не претендовавшихъ, можно не упоминать, хотя и они были бы полезны, а во многихъ случаяхъ незамѣнимы. При иныхъ условіяхъ и на иныхъ началахъ сталъ выходить «Rocznik slawistyczny», предпринятый группой польскихъ филологовъ. Всѣ данныя говорятъ за то, что «Ежегодникъ славистики» будетъ существовать долго, скоро не прекратится, быть можетъ, измѣнитъ свою програму, — и къ нему придется обращаться за справками не однимъ славистамъ и не однимъ лингвистамъ. Цѣль «Ежегодника» — путемъ краткихъ и содержательныхъ рецензій сообщать о новыхъ изслѣдованіяхъ и изданіяхъ по славянскому языкознанію въ связи съ индоевропейскимъ языкознаніемъ, съ одной стороны, и съ дисциплинами сопредѣльными, съ другой. Рецензіи и замѣтки печатаются на языкахъ польскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ и англійскомъ. За содержаніе рецензій отвѣчаютъ авторы ихъ. Въ первомъ томѣ помѣщены рецензіи на труды, вышедшіе за нѣсколько послѣднихъ лѣтъ, касающіеся преимущественно польскаго языка, написанные по-польски. Впрочемъ, это—случайность и не входитъ въ програму «Ежегодника». Въ будущемъ редакція приложитъ всѣ старанія къ тому, чтобы программа выполнена была цѣликомъ, безъ всякихъ ограниченій. Таковы главные пункты предисловія-проспекта.

Въ первомъ томѣ «Ежегодника» — два отдѣла: отдѣлъ обширныхъ рецензій, критическихъ разборовъ или рефератовъ описательнаго характера, и отдѣлъ библіографическій (стр. 260—324). Рецензіи— разныхъ достоинствъ, тоновъ, размѣровъ и т. д., но уже намѣчается общій характеръ, и надо полагать, въ скоромъ времени выработается опредѣленный типъ ихъ. Остановимся на обширныхъ рецензіяхъ.

И. Миккол҃ принадлежитъ обстоятельный, съ массой фактовъ, вполнѣ академическій, скорѣе отрицательный въ конечныхъ результатахъ, отзывъ о новомъ изданіи «Сравнительной славянской Грамматики» В. Вондрака. Польскій отдѣлъ той-же Грамматики разсмотрѣнъ К. Ничемъ; критикъ останавливается преимущественно на мелочахъ; на ряду съ дѣльными замѣчаніями встрѣчаются и спорныя, мало убѣдительныя. Характеръ реферата носитъ рецензія Т. Торбьернсона на работу Г. Улашина «Ueber die Entpalatalisierung der urslav. e-Laute im Polnischen», вышедшую въ Лейпцигѣ въ 1905 году: въ концѣ рецензентъ останавливается на рецензіи С. Кульбакина на ту же работу Улашина (въ «Ж. М. Н. Пр.» 1906, XII) и въ общемъ соглашается съ его замѣчаніями.

Цѣнный критическій обзоръ работъ А. Шахматова, касающихся польскаго языка, начиная съ разбора «Исторической грамматики чешскаго языка» Гебауэра и кончая «Къ исторіи звуковъ русскаго языка», написанъ С. Кульбакинымъ (стр. 42—68). На «Исторію польскаго языка» А. Брикнера находимъ двѣ рецензіи — Г. Улашина и И. Бодуэна-де-Куртенэ— обѣ отрицательныя, обширныя, вторая очень рѣзкая. Можно было бы назвать ихъ справедливыми и признать, на основаніи ихъ, что Брикнеръ поразительно невѣжественъ по части польскаго языка, способенъ сбить съ толку читателя, что книга его безусловно вредна и т. д., если бы не одно обстоятельство, упущенное изъ виду гг. рецензентами. Они не придаютъ, очевидно, значенія тому, что книга Брикнера—популярная, предназначенная для неспеціалистовъ, для молодежи, для публики широкой, типичная Bilderbuch, словно у издателя были готовыя клише, и къ нимъ заказанъ текстъ. Мы имѣли подъ руками книгу Брикнера, никогда не находили ее серьезной, относились къ ней очень осторожно, но, какъ о книгѣ популярной, имѣемъ особое мнѣніе. Конечно, изъ этого еще не слѣдуетъ, что авторы популярныхъ книгъ вообще свободны отъ научныхъ требованій и могутъ пускать въ оборотъ завѣдомо невѣрныя сужденія; но то, чтó ни въ коемъ случаѣ не простительно въ спеціальномъ изслѣдованіи, въ значительной степени допустимо въ учебникѣ, въ книгѣ популярной. Не будемъ останавливаться на частностяхъ. Спорить по отдѣльнымъ пунктамъ съ такимъ образованнымъ и свѣдущимъ лингвистомъ, какъ И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ, трудно, да и факты говорятъ противъ Брикнера. Но для аналогіи возьмемъ хотя бы математику. Нерѣдко приходится слышать отъ серьезныхъ математиковъ самое отрицательное мнѣніе о школьныхъ учебникахъ; нерѣдко студенты слышатъ отъ профессоровъ-математиковъ совѣтъ: забыть все, что они узнали по части математики въ средней школѣ. И объясняется это тѣмъ, что для цѣлей педагогическихъ, демонстративныхъ, не только допускается, но и признается необходимымъ всякаго рода схематичность, условность, выпрямленіе общихъ очертаній и округленіе главныхъ линій, хотя бы и антинаучные пріемы. Но иначе невозможно. Высшая математика не признаетъ перваго же по мѣсту опредѣленія въ школьной геометріи прямой линіи: «прямая линія есть кратчайшее разстояніе между двумя точками», а между тѣмъ другого опредѣленія въ учебникѣ дать нельзя. Получается заколдованный кругъ: возможное опредѣленіе не точно, невѣрно, антинаучно, а правильнаго дать нельзя—оно будетъ непонятно. Мало ли подобныхъ вопросовъ встрѣчаютъ авторы популярныхъ философій, психологій, исторій, исторій литературы и т. д.? И даже рецензія Г. Улашина на ту же книгу Брикнера, помѣщенная во II кн. журнала «Książka»

за 1908 годъ (стр. 51—53), значительно отличается отъ той, которая помѣщена въ «Ежегодникѣ»: очевидно, самъ рецензентъ имѣетъ въ виду разныхъ читателей. Не надо забывать еще, что лингвистика далеко не такая точная наука, какъ математика. Словомъ, нисколько не желая защищать разбираемую двумя авторитетными учеными книгу, мы всетаки должны сказать, что «Исторія польскаго языка» Брикнера совсѣмъ не производитъ впечатлѣнія такой негодной и вредной, какъ ее аттестуютъ Г. Улашинъ и И. Бодуэнъ-де-Куртенэ.

Далѣе слѣдуютъ рецензіи К. Нича на магистерскую диссертацію Кульбакина и его же «Морфологію сважендзкаго говора» (отмѣчены главнымъ образомъ мелочи, въ дополненіе къ прежнимъ разборамъ той же книги гг. Поржезинскаго, Улашина и Ляпунова), на «Slovinzische Grammatik» и «Slovinzische Texte» Лоренца, на «Slovenská reč» Цамбеля. На нѣмецкомъ языкѣ напечатаны три рецензіи В. Вондрака: на изданія «Болонской Псалтыри» Ягича, «Супрасльской рукописи» Северьянова и «Савкиной книги» Щепкина, рецензіи преимущественно описательнаго характера; по поводу послѣдняго труда рецензентъ не признаетъ теоріи о глаголическомъ оригиналѣ рукописи и предлагаетъ обращать больше вниманія на словарный матерьялъ. Г. Улашинъ помѣстилъ четыре рецензіи: на работы К. Нича по польской діалектологіи, на статью Кульбакина «Спирантъ *v* въ славянскихъ языкахъ» и «Вопросы исторической фонетики польскаго языка», на «Szwargot więzienny» Эстрейхера и «Słownik mowy złodziejskiej» Курки. Отзывъ Я. Лося о «Лекціяхъ по исторіи р. языка» Е. Будде—болѣе благопріятный, чѣмъ русскихъ лингвистовъ, которые почему-то не пожелали отмѣтить то полезное, что даетъ авторъ «Лекцій», и останавливались на однѣхъ лишь ошибкахъ.

Я. Розвадовскій и Я. Лось рецензируютъ работу А. Бабячыка о словарѣ старопольской Библіи 1455 года, королевы Софіи, касаются преимущественно неправильностей транскрипціи текста и отмѣчаютъ сильную модернизацію его. Содержателенъ обширный отзывъ А. Белича о «Штокавскомъ говорѣ» М. Решетара (изъ отчета Балканской Комиссіи), отзывъ вполнѣ отрицательный: въ результатѣ критикъ не находитъ возможнымъ признать правильнымъ даже самый фактъ причисленія изучаемаго говора не штокавскому. Наконецъ, великолѣпный разборъ изслѣдованія Фр. Крчка «Grupy dźwiękowe polskie *tart i cir(z)ć*, jako odpowiedniki storobułgarskiej *trъt*» и т. д. замыкаетъ отдѣлъ рецензій. Послѣдній разборъ написанъ Я. Розвадовскимъ, даетъ массу фактовъ изъ самыхъ разнообразныхъ памятниковъ и діалектовъ, въ конецъ уничтожая выводы автора, отчасти подвергая сомнѣнію и самый матеріалъ его.

Второй отдѣлъ «Ежегодника славистики»—указатель книгъ, статей,

изданій и рецензій по славянскому языкознанію и сопредѣльнымъ дисциплинамъ за 1907 годъ — коллектовная работа Лёкара, Лося, Маньковскаго, Нича и Розвадовскаго. Составленный ими указатель долженъ быть образцомъ для всякаго рода библіографическихъ работъ и по своей полнотѣ и точности, и умѣлымъ извлеченіямъ, мѣткимъ оцѣнкамъ, иногда замѣчаніямъ и т. д. Особенно хороши замѣтки Я. Розвадовскаго. Во многихъ случаяхъ этотъ обзоръ можетъ замѣнять самыя статьи и является прекраснымъ каталогомъ типа catalogue raisonnée. Всѣхъ отдѣловъ — восемь (по ошибкѣ пропущенъ въ «Ежегодникѣ» седьмой): отдѣлъ обще-славянскій, языкъ староцерковный, группа болгаро-македонская, группа сербо-хорватская, языкъ словенскій, группа чешско-словацкая, группа лехицкая и группа русская. Просматривая библіографію, мы какъ будто не нашли ссылокъ на нѣкоторыя изданія, которыя были бы полезны и даже незамѣнимы, напр. на «Живую Старину», «Этнографическое Обозрѣніе», «Славянскія Извѣстія», «Византійскій Временникъ», «Историч. Вѣстникъ», «Русскую Старину», «Русскую Школу», на ученыя изданія духовныхъ академій, провинціальныхъ археографическихъ и иныхъ комиссій и др.

Въ заключеніе — о названіи «Ежегодника». Названіе его «slawistyczny» не вполнѣ соотвѣтствуетъ содержанію, такъ какъ изъ всей обширной области славяновѣдѣнія имѣется въ виду преимущественно языкъ. Поэтому остальныя научныя дисциплины не нашли себѣ библіографическаго пристанища, и было бы очень полезно, если бы редакція «Ежегодника» современемъ расширила всю программу, и изданіе превратилось бы въ «Ежегодникъ славистики» во всемъ объемѣ этого термина.

А. Я.

ОБОЗРѢНІЕ ТРУДОВЪ ПО СЛАВЯНОВѢДѢНІЮ,

составляемое В. Н. Бенешевичемъ, Вс. И. Срезневскимъ, М. Р. Фасмеромъ и А. А. Шахматовымъ

подъ редакціей В. Н. Бенешевича.

1908—1909 гг. **Выпускъ III (до 1 декабря 1909 г.)**

Ближайшая цѣль обозрѣнія—указать по возможности: 1) всѣ труды, посвященные научной разработкѣ языка, исторіи и литературы славянскихъ народовъ за древнѣйшій періодъ ихъ существованія, 2) всѣ труды русскихъ ученыхъ въ области славяновѣдѣнія и 3) всѣ труды, посвященные изученію русскаго языка и русской литературы и исторіи. Всякаго рода указанія, выходящія за эти рамки, будутъ носить пока болѣе или менѣе случайный характеръ вслѣдствіе ограниченности силъ и трудности получать своевременно всѣ нужные журналы и вновь появляющіяся книги; по тѣмъ же причинамъ и полнота обозрѣнія лишь со временемъ будетъ доведена до удовлетворительнаго состоянія. Пришлось взять литературу съ 1908 года (а кое-гдѣ и за болѣе ранніе годы) для того, чтобы не разрывать слишкомъ насильственно преемственную связь работы 1909 года съ ближайшимъ прошлымъ. Выпуски обозрѣнія будутъ появляться при каждой книжкѣ Извѣстій.

Объясненіе сокращеній ***(кромѣ указанныхъ выше I 315—317, II 354—355).***

ВЕ = Вѣстникъ Европы.
РМ = Русская Мысль.
ЗХУ = Записки Харьковскаго Университета.
ИГО = Извѣстія Импер. Русскаго Географическаго Общества.
Минало = Минало, Българско-македонско научно списаніе, София, 1909.
СтГ = Старые Годы.
ClPh = Classical Philology, A quarterly Journal, Chicago.
ClR = Classical Review.
HVjs = Historische Vierteljahrschrift.
MittKašVk = Mitteilungen des Vereins für kaschubische Volkskunde, im Auftrage des Vereins hgb. von Dr. F. Lorentz und J. Gulgowski. Leipzig 1908 sq.
OL = Orientalistische Literaturzeitung.
ZDMG = Zeitschrift der deutschen morgenländischen Gesellschaft.

I. Языкознаніе.

А. Отдѣлъ обще-славянскій.

Нидерле, Л. Обозрѣніе современнаго славянства. (Энциклоп. Слав. Филол., вып. 2) (съ картой), СПБ., 1909. 8°. 162.

Соболевскій, А. Вопросъ объ общеславянскомъ языкѣ (СлИ, 1909, стр. 472—480).

Baudouin de Courtenay, J. Zur Sonantenfrage (IF, 1909, XXV, 77—85).

Berneker, E. Slavisches etymologisches Wörterbuch. Lief. I—III. Heidelberg. 1908—1909. Реценз.: **A. Meillet** (RczSł, 1909, II, 57—71).

Brückner, A. N—und U—Doubletten im Slavischen. (KZ, 1908, XLII, 332—369).

Brückner, A. Zur slavischen Metathesenfrage (KZ, 1908, XLII, 39—52).

Diels, P. Studien zur slavischen Betonung (AslPh, 1909, XXXI, 1—101).

Forman, St. Srovnávaci čitanka slovanských jazyků. V Praze, 1909. 8°. 110. Реценз.: **Катонъ** (СлИ, 1909, стр. 965—967).

Hrubý, V. Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen. Ein praktischer Behelf, alle slavischen Sprachen in Wort und Schrift zu verstehen. Wien—Leipzig, Hartleben, 1909 (=Die Kunst der Polyglottie, Bibliothek der Sprachenkunde, 98. Teil). 8°. VIII+184. Реценз.: **В. Н. Кораблевъ** (СлИ, 1909, 609—610).

Не имѣетъ научнаго значенія, но не безполезно для практическаго изученія славянскихъ языковъ.

Kryński, A. Języki słowiańskie, ich rozwój i stosunki wzajemne. Lwów, 1908. Реценз.: **А. С.** (СлИ, 1909, стр. 607).

Schulze, W. Asl. devętь. (KZ, 1908, XLII, 27—28).

Объясняется диссимиляціей *d—n* изъ *n—n*.

Schulze, W. Slav. *ovьnъ*: *ovьca*. (KZ, 1908, XLII, 286—287).

Б. Старо-славянскій языкъ.

Grünenthal, Otto. Die Uebersetzungstechnik der altkirchenslavischen Evangelienübersetzung. Breslau, 1909. 8°. 36. Berliner Dissertation.

Jljinskij, Gr. Altkirchenslavisch *vъpiti* «schreien». (KZ, 1909, XLIII, 177—184).

Jagić, V. Einige Bemerkungen zum 23ˢ kapitel des Pavlovschen Nomokanons betreffs der Ausdrücke Ῥουσάλια — Роусалькы. (AslPh, 1909, XXX, 626—629).

Leskien, A. Zur Kritik des altkirchenslavischen Codex Suprasliensis (Abh. d. sächs. Ges. d. Wiss., 1909, XXVII, № 13, p. 443—465).

В. Русскій языкъ.

Богородицкій, В. А. Очерки по языковѣдѣнію и русскому языку. Казань. 1909. Реценз.: **И. Эндзелинъ** (ЖМНПр, 1909, XXIII, 194—206).

Возняк, М. Студії над Галицько-українськими граматиками XIX в. (ЗШ, 1909, III, 111—143).

Christiani, W. u. Jagić, V. Wer hat das Wort гнилой западъ geprägt? (AslPh, 1909, XXXI, 318).

Erhart, Alois. Practická mluvnice ruského jazyka a čitanka. Praha, 1908. 8°. II+157. Реценз.: **Э. Л<ямбекъ>** (СлИ, 1909, стр. 718—719).

Krebs, H. u. Jagić V. Zur altrussischen Bedeutung des Wortes *Rubl.* (AslPh, 1909, XXXI, 314—315).

Введенскій, С. Н. Откуда произошло имя «Офеней»? (Труды III областн. истор.-арх. съѣзда во Владимирѣ 1908, стр. 1—7).

Долопчевъ, В. Опытъ словаря неправильностей въ русской разговорной рѣчи. Изд. 2. Варшава, 1909. Реценз.: **Я. Бирюковъ** (ИВ, 1909, CXVIII, 312—313).

— Словарь русскаго языка, составленный Вторымъ Отдѣленіемъ Импер. Академіи Наукъ. IV тома вып. 2: Кампія—Качалка. СПБ, 1908.

— Словáрь украї́нської мóви. Зібрала редакція журнала «Кіевская старина». (*выше I 324*). Реценз.: **В. Доманицький** (ЗШ, 1909, III, 218—223).

Даль, В. Толковый словарь живого великорусскаго языка. 3-е исправленное и значительно дополненное изданіе подъ редакціей проф. **И. А. Бодуэна де Куртенэ.** СПБ., М. О. Вольфъ, 1908. IV томъ, С—Y. 8°. 1620+XVI+XII. Реценз.: **W. Christiani** (AslPh, 1909, XXXI, 242—245).

Дубровскій, В. Українсько-російський словник. Редакція **І. Стешенка.** Київ, 1909. 1—8, 1—319. Реценз.: **В. Доманицький** (ЗШ, 1909, III, 223—228).

Крымскій, А. Украинская грамматика для учениковъ высшихъ классовъ гимназій и семинарій Приднѣпровья. Т. I, вып. 1, Москва, 1907. Т. II, вып. 1. Реценз.: **Г. А. Ильинскій** (ЗХУ, 1908, IV, 13—19).

Кудрявскій, Д. Н. Къ статистикѣ глагольныхъ формъ въ Лаврентьевской лѣтописи. (Изв, XIV/2, 48—54).

Макарушка, Е. Граматика Мелетія Смотрицького (історично-критична студія). (Звіт дирекції українського прив. жіночого семінара у Львові, за рр. 1907/8). Реценз.: **І. Кревецький** (ЗШ, 1909, III, 234—235).

Михайловъ, В. Программа лекцій по русскому литературному языку и письму, прочитанныхъ въ 1908/9 академ. году студентамъ I курса (ВУИ, 1909, II—III, № 4, стр. 1—14).

Михальчук, К. і Тимченко, Е. Програма до збірання одмін української мови. (ЗТ, 1909, V, додаток, 1—48).

Петровъ, А. Предѣлы угрорусской рѣчи въ 1773 г. по оффиціальнымъ даннымъ (Матеріалы для исторіи Угорской Руси VI, 2.). Реценз.: **С. Томашівський** (ЗШ, 1909, III, 206—209).

Г. Чешскій.

Černý, Fr. a Váša, P. Moravská jména místní. Реценз.: **Šujan** (ČMMZ, 1908, VIII, 346—347).

Erhart, Alois. Rusko-český slovníček nejužívanejších stejnozvučních slov, jichž ruský význam je jiný než český. V Praze, nakladatelství Hejda a Tuček, 1908.

Figuš, V. Slovenské lidove piesne. Реценз.: **Trnavský** (SlP, 1908, XXVIII, 189).

Д. Словинскій.

Asboth, O. Le changement de *j* en *gy* dans la langue des slovènes de Hongrie et dans les dialectes du district d'au delà du Danube (Mém. de l' Acad. hongr.) Budapest, 1908. 8°. 61.

Beg, A. Slovensko-nemska meja na Koroškem. Ljubljana, 1908. 8°. 109.

Melich, J. Ujabb Adalékok. A hazai vend (szlovén) nyelvü irodalom bibliografiájához. (Különlenyomat a magyar Könyvszemle, 1908 evi III füzetéböl, p. 1—17).

Е. Кашубско-Полабскій[1]).

Behrend, Paul. Märchenschatz. Volksmärchen, in Westpreussen gesammelt und nach dem Volksmunde wiedergegeben. Danzig, Kafemann, 1908. Реценз.: **Fr. Lorentz** (MittKašVk, 1909, I, 110—111).

Behrend, P. Westpreussischer Sagenschatz. Eine Auswahl der schönsten Heimatsagen. Mit 37 Abbildungen, III. Bändchen. Danzig, Kafemann, 1908. Реценз.: **Fr. Lorentz** (MittKašVk, 1908, I, 79—80).

v. d. Damerau-Dambrowski, Jwan, Baron. Waren die «v. Dombrowski» der Kaschubei «Mondri» oder waren die «v. Mondri», der Kaschubei «Dombrowski»? I—III. (MitKašVk, 1908, I, 17—19, 33—55, 113—148).

Францевъ, В. А. Славянскія замѣтки. I. Славянская идея у Кашубовъ, Варшава, 1908 (РФВ). Реценз.: **Fr. Lorentz** (MittKašVk, 1909, I, 159—160).

Gryf, Pismo dla spraw kaszubskich. Wydawca D-r. **Majkowski.** Wychodzi raz na miesiąc. Abonament ćwierćroczny z przesyłką pod opaską mr. 1, 65. Gdańsk. Feller, Rok I, Zeszyt I, Listopad, 1908. Реценз.: **Fr. Lorentz** (MittKašVk, 1909, I, 109—110, 158—159).

Gulgowski, J. Der Name Kaschubei. (MittKašVk, 1909, I, 148—152).

Gulgowski J. Das Bauernhaus in der Kaschubei. (MittKašVk, 1908, I, 64—67, 87—98).

1) Allgemeiner Ueberblick. 2) Die Laubenhäuser.

Gulgowski J. Sonne, Mond und Sterne im Volksglauben am Weit-

1) Редакція помѣстила въ отдѣлѣ Е и относящіяся къ другимъ отдѣламъ названія книгъ, такъ какъ этимъ путемъ короче всего указывается причина внесенія въ библіограф. обзоръ ряда книгъ, изъ заглавія ихъ не явствующая прямо.

see. (Wdzydze — Sëe). (MitKašVk, 1908, I, 23—25).

Gulgowski J. Volkslieder mit Melodie aus Sanddorf, Kreis Berent. (MittKašVk, 1908, I, 25—27, 68—70).

Knoop-Rogasen, O. Ostmärkische Sagen, Märchen und Erzählungen. I. Bändchen. Lissa, O. Eulitz, 1909. Реценз.: **J. Gulgowski** (MittKašVk, 1909, I, 160).

Knoop, O. Zu Bělbog und Černobog (MittKašVk, 1909, I, 98—100).

Koblischke, J. Der Name Slovinzen. (MittKašVk, 1909, I, 12—14).

Kościński, K. Idea słowiańska na Kaszubach. Szkic historyczny. Poznań, Nakładem autora, 1908. Реценз.: **F. Lorentz,** (MittKašVk, 1909, I, 108—109).

Lorentz, Fr. Aberglaube. (MittKašVk, 1908, I, 30, 74, 103—104).

1) Allerlei Heilmittel aus dem Wieller Kirchspiel 2). Verschiedene Aberglauben aus Ciessau Kr. Neustadt.

Lorentz, Fr. u. Kopaczewski. Aufruf zur Sammlung der Flurnamen. (MittKašVk, 1908, I, 81—87).

Lorentz, Fr. Bedeutungen einzelner Wörter und Redensarten. (MittKašVk, 1909, I, 100—101).

1) Krsəżωk. 2) Za bożωka grəczωka.

Lorentz, Fr. Beiträge zum Namenbuch. (MittKašVk, 1908, I, 67—68).

Die Ortsnamen des Kirchspiels Heisternest. 2) Die Ortsnamen des Kirchspiels Schwarzau.

Lorentz, Fr. Bělbog und Černobog (MittKašVk, 1908, I, 19—23).

Lorentz, Fr. Der Name der Stadt Putzig. (MittKašVk, 1908, I, 61—64).

Lorentz, Fr. Die kaschubischen Stammesnamen. (MittKašVk, 1908, I, 55—61).

Lorentz, Fr. Die Schreibung des Kaschubischen. (MittKašVk, 1908, I, 8—12).

Lorentz, Fr. Kleine Mitteilungen. (MittKašVk, 1909, I, 156—157).

1) Die Familiennamen auf—ski. 2) Der grosse Stein bei Odergau Kr. Putzig, 3) Zu krzəżωk.

Lorentz, Fr. Rätsel. (MittKašVk, 1908, I, 28—29, 73—74).

1) Rätsel aus Sanddorf Kr. Berent.

Lorentz, Fr. u. Gulgowski, J. Sagen. (MittKašVk, 1908, I, 27, 70—71, 152—154).

1) Der Sagenstein bei Goschin. 2) Die Bildsäule der Mutter Gottes in Lianow... 3) Wie Chmielno seinen Namen erhielt. 4) Das Haupt der heiligen Barbara. 5) Die Glocken im Zarnowitzer See. 6) Der alte Fritz und der Lübkauer Bauer. 7) Der Lissauer Müller und der Wanderer.

Lorentz, Fr. u. Gulgowski. Scherze I—III. (MittKašVk, 1909, I, 154).

Lorentz, Fr. Sitten und Gebräuche. (MittKašVk, 1909, I, 154—156).

Hochzeitsbittersprüche bei den Slovinzen im Kreise Stolp.

Lorentz, Fr. Slovinzisches Wörterbuch. I Teil *(выше I 327)*. Реценз.: **F. Lorentz** (MittKašVk, 1908, I, 78—79).

Lorentz, Fr. Spottverse. (MittKašVk, 1908, I, 29—30).

1) Spöttereien auf den Lusiner Dialekt. 2) Spottverse der Schwornigatzer auf die Gross—Chelmer und umgekehrt.

Lullies, H. Landeskunde von Ost- und Westpreussen. Mit 2 Karten und einem Bilderanhange. 6-te Auflage. Breslau, Hirt, 1907. 8°. 64. Реценз.: **Fr. Lorentz** (MittKašVk, 1908, I, 31—32).

Mühlradt J. Die Tuchler Heide in Wort und Bild. In 2 Bänden. Danzig, Kafemann, 1908. Реценз.: **J. Gulgowski** (MittKašVk, 1908, I, 80).

Pintus, M. Sitten und Gebräuche. (MittKašVk, 1909, I, 104—108).

1) Hochzeitsbitterspruch aus Chmielno Kr. Karthaus.

Pintus, M. Sprichwörter aus Chmielno Kreis Karthaus. (MittKašVk, 1908, I, 27—28, 71—73).

Pintus, M. Sprichwörter und sprichwörtliche Redensarten. 1) Sprichwörter aus Chmielno Kr. Karthaus, 2) Verschiedene Redensarten aus der Neustädter Gegend. (MittKašVk, 1908, I, 101—103).

Schultz, Fr. Geschichte des Kreises Dirschau. Dirschau, Kreisausschuss des Kreises Dirschau, 1907. Реценз.: **Majkowski** (MittKašVk, 1908, I, 77—78).

Schultz, Franz. Geschichte der Kreise Neustadt und Putzig. Druck der Danziger Allgemeinen Zeitung, A—G. Danzig. Реценз.: **Majkowski** (MittKašVk, 1908, I, 75—78).

Waschinski, E. Erziehung und Unterricht im Deutschen Ordenslande bis 1525 mit besonderer Berücksichtigung des niederen Unterrichts. Historisch—paedagogsche Abhandlung. Danzig, Brüning, 1908. 8°. XII+99. Реценз. **F. Lorentz** (MittKašVk, 1908, I, 78).

Waschinski, E. Wie gross war die Bevölkerung Pommerellens, ehe Friedrich der Grosse das Land übernahm? Historisch-statistische Skizze. Danzig, Brüning, 1907. Preis 1 M. Реценз.: (MittKašVk, 1908, I, 31).

Ж. Польскій.

Agrell, S. Aspektänderung und Aktionsartbildung beim polnischen Zeitworte. Ein Beitrag zum Studium der indogermanischen Praeverbia und ihrer Bedeutungsfunktionen. (Acta Universitatis Lundensis, nova series, 1908, IV, стр. I—XV, 1—128).

Iljinskij, Gr. Jeszcze o «Kobiecie». (MatJęz, 1909, IV, 383—389).

Paszkiewicz, A. Die Konsonantenverbindungen im Polnischen. (AslPh, 1909, XXXI, 102—194).

Schneider, St. Sowij—Sofija. (Lud, 1909, XV, 217—220).

Smoleński, Tad. Dodatek do słownika polskiego. (Lud, 1909, I—II, 138—140).

Štrekelj, K. Čechische und polnische Wörter in Mikaljas Wörterbuch. (AslPh, 1909, XXXI, 194—202).

З. Болгарскій.

Ильинскій, Г. А. Отчетъ о командировкѣ въ Москву лѣтомъ 1908 г. (ЗХУ, 1909, II, 167—168).

О занятіяхъ болгарскими грамотами.

И. Сербскій.

Беличъ, А. И. Замѣтки по чакавскимъ говорамъ. (Изв, XIV/2, 181—266),

Jovanović, P. Deutsch-serbisches Wörterbuch. (=Bibl. der Sprachenkunde). Wien, Hartleben, 1909. 8°. 184. M. 2.

Jovanović, P. Serbisch-deutsches Wörterbuch. (=Bibl. der Sprachen-

kunde). Wien, Hartleben, 1909. 8°. 191. M. 2.

Pintar, L. u. Jagić, V. Was bedeutet Kužan als Partizip? (AslPh, 1909, XXXI, 315—317).

Rešetar, M. Zur Frage über die Gruppierung der serbo-kroatischen Dialekte. (AslPh, 1909, XXX, 597—624).

Skok, P. Serbokroatische Lehnwörter. (AslPh, 1909, XXXI, 318).

I. Славянское вліяніе на сосѣдніе языки.

Hintner, K. Die Gsiesser Namen: Orts —, Flur — und Personennamen gesammelt und besprochen. Wien, Hölder, 1909. 8°. IV+91. Реценз.: **P. Cascorbi** (DLZ, 1909, XXX, 2156).

Kalima, Jalo. Riusa — sanan alkuperä. (Vir, 1909, XIII, 86—87).

Указаніе русскихъ заимствованій въ финскомъ языкѣ.

Kalima, Jalo. Pikku huomioita, Reuhka (Vir, 1909, XIII, 140).

Этимологія славянскаго заимствованія въ финскомъ языкѣ.

M<ikkola>, J. J. Gatshina (Vir, 1909, XIII, 119).

Производство мѣстнаго названія *Гатчина* изъ финскаго языка.

Müller-Fraureuth. Wörterbuch der obersächsischen und erzgebirgischen Mundarten. Dresden, Baensch, 1908, sq. (пока 2 вып.). 8°. 1—112, 113—256.

Nagy, A. Kleine ungarische Sprachlehre. Heidelberg, J. Groos, 1908. 8°. VIII+235.

Neuhaus, J. Kleine finnische Sprachlehre. Heidelberg, J. Groos, 1908. 8°. 165.

Pora, Fr. A magyar rokonértelmü szok és szolasok kezikoenyve. Budapest, Athenaeum, 1907. 16°. VI+523. Реценз.: **J. Kont** (RCr, 1909, LXVII, 437—438).

Словарь мадьярскихъ синонимовъ.

Szily, Colman. A magyar nyelvujitas szotara. T. II. Budapest, Hornyansky, 1908. 8°. XII+405—662. Реценз.: **J. Kont** (RCr, 1909, LXVII, 437—438).

Словарь мадьярскихъ неологизмовъ.

Schullerus, Ad. Siebenbürgisch—sächsisches Wörterbuch. I. Liefer. Strassburg, Trübner, 1908. 8°. LXXII+96. 4 M. Реценз.: **F. Piquet** (RCr, 1909, LXVII, 415—416).

Wessman, V. E. V. Kuopion tienoilla käytetyjä «lainasanoja». (Vir, 1909, XIII, 153—157).

Русскія заимствованія (Venäläisiä lainoja), употребляемыя въ окрестностяхъ Куопіо.

Tiktin, H. Rumänisch—deutsches Wörterbuch. Auf Staatkosten gedruckt, Bukarest, Staatsdruckerei, 1909, стр. 819—946, 8°. (înierbărî — mămăligă).

Лучшій словарь румынскаго языка.

Vasmer, M. Die neuesten Forschungen zur Frage über die rumänisch-slavischen sprachlichen Berührungen. (RczSł, 1909, II, 22—33).

K. Балтійскіе языки.

Bezzenberger, A. Lit. ąžůlas (KZ, 1908, XLII, 263 и 388).

Bezzenberger, A. Lettisch stůstit. (KZ, 1908, XLII, 192).

Bezzenberger, A. Litaiusch t aus cz. (KZ, 1908, XLII, 370—372).

Buga, K. Medžiaga Lietuvių, Latvių ir Prūsų Mytologijai, 2asis

Sąsiuvinys, (iš «Lietuviu Tautos»). Vilnius, M. Kuktos Spaustuvé, 1909, 8⁰. 22.

Endzelin, J. Lettische Miscellen. (KZ, 1908, XLII, 375 — 379).

1) Zur Wirkung der proklitischen Stellung. 2) Zur Vokaldehnung vor r. 3) Zur spontanen Konsonantenerweichung. 4) Lexikalisch—etymologische Beiträge.

Endzelin, J. Zum lettischen Praeteritum (KZ, 1909, XLIII, 1 — 40).

Prelwitz, W. Etymologische Miszellen. (KZ, 1908, XLII, 385—387).

1) Ostpreuss. dalgen und die Telchinen. 2). Nhd. tümpel, lit. dum̃blas, lett. dumbrs. etc.

Schulze, W. Lit. akrūtas (KZ, 1908, XLII, 61 — 62).

Schulze, W. Lit. ū'daš. (KZ, 1909, XLII, 41).

Trautmann, R. Apreuss. kaãubri (KZ, 1908, XLIII, 369).

Trautmann, R. Miszellen. (KZ, 1909, XLII, 175—176).

1). Lit. pažwilti. 2). lit. számas, u. a.

Trautmann, R. Über einige anlautende gw des Litauischen. (KZ, 1908, XLII, 372 — 374).

Trautmann, R. Lit. gugà (KZ, 1909, XLIII, 169).

Л. Общее языковѣдѣніе.

Boudouin de Courtenay, J. Zarys historji językoznawstwa czyli lingwistyki (glottologji). (Poradnik dla samouków, 1909, t. II, z. 2, p. 85—304).

Brugmann, K. Das Wesen der lautlichen Dissimilationen. (Abh. d. sächs. Ges. d. Wiss., 1909, XXVII, № 5 p. 139—178. 4⁰).

Delbrück, B. Einleitung in das Studium der indogermanischen Sprachen. Ein Beitrag zur Geschichte und Methodik der vergleichenden Sprachforschung. 5-te Auflage, Leipzig, Breitkopf u. Härtel, 1908. 8⁰. XVI + 173. Реценз.: **A. Meillet** (RCr, 1909, LXVII, 481 — 482).

Holtermann, K. Werden und Wechsel im Leben der Sprache. Zur Entwicklung der indogermanischen Wurzel -sk- im Deutschen und Englischen (Städtisches Gymn. Münster in Westf., Progr. 1908. 4⁰. 36).

Jespersen, O. A modern english Grammar, on historical principles. Part I: Sounds and Spellings. Heidelberg, Winter, 1909 (Germanische Bibliothek, hgb. von W. Streitberg, I. Sammlung Germanischer Elementar-und Handbücher, I Reihe: Grammatiken, XIX Band). 8⁰. XII + 486.

Knortz, K. Fremdwörterei. Vortrag. Hannover, Hahn, 1909. 8⁰.

Kunst, K. Die Aktionsarten in ihren wechselseitigen Beziehungen (ZöG. 1909, LX, 683 — 704, 865 — 883).

Meyer, Rich. M. Gibt es Lautwandel? (KZ, 1908, XLII, 28 — 38).

Rahn, W. Der reguläre Bedeutungswandel. (Programm d. Oberrealsch. St. Petri u. Pauli, Danzig, 1909. 4⁰. 56).

Rousselot, P. Principes de phonétique expérimentale. T. II. Paris. Welter, 1909. 8⁰. 639—1252.

М. Сравнительная грамматика индо-европ. языковъ.

Brugmann. K. Grundriss... 2. Band (*выше I 319—320*). Реценз.: **V. Jagić** (AslPh, 1909, XXXI, 223—236); **R. S. Conway** (ClR, 1909, XXIII.

18—19); **A. Meillet** (RCr, 1909, LXVII, 361—364).

Feist, S. Etymologisches Wörterbuch der gotischen Sprache (*выше II 364*). Teil II: M — Z. Wortverzeichnisse. Halle, Niemeyer, 1909. 8⁰. XVI + 380.

Garnier, K. Die Praeposition als sinnverstärkendes Praefix im Rigveda, in den homerischen Gedichten und in den Lustspielen des Plautus und Terenz. Leipzig, Selbstverlag, 1906. 8⁰. VI + 65. Diss. Реценз.: **J. Kellerman**, (ClPh, 1908, III, 127).

Geiger, W. Elementarbuch des Sanskrit, unter Berücksichtigung der vedischen Sprache. I Teil: Grammatik, II Teil: Übungen und Lesestücke, III Teil: Wörterverzeichnisse. 2-te Auflage, Strassburg, Trübner, 1909. 8⁰. VIII + 92, II + 56, II + 80.

Hoffmann, O. Die Makedonen, ihre Sprache und ihr Volkstum. Göttingen, Vandenhoeck, 1906. Реценз.: **C. D. Buck** (ClPh, 1908, III, 102—103).

Holder, Alfr. Altceltischer Sprachschatz. Liefer. XVIII. (Vesontio — Zusema, Nachträge zum I Bd. c. 1—47). Leipzig, Teubner, 1908. 8⁰. col. 257—512. Реценз.: **G. Dottin** (RCr, 1909, LXVII, 110).

Horn, Paul. Die deutsche Soldatensprache. 2-te Ausgabe, Giessen, Töpelmann, 1909. 8⁰. 174.

Kluge, F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. 7-te verbesserte u. vermehrte Auflage 3-te (Schluss-)Lieferung: Leute ~ zwölf. Strassburg, Trübner, 1910. 8⁰. XII + 289 — 520.

Kluge, F. Unser Deutsch. Einführung in die Muttersprache. (Wissenschaft u. Bildung Bd. I. 2. Aufl.) Leipzig, Quelle u. Meyer. 8⁰. 152. M. 1—.

Lesný, V: Ein Beitrag zur Sprache der alten Makedonen. (KZ, 1908, XLII, 297 — 302).

Meillet, A. De l'accentuation de certains verbes en germanique commun. (MSL, 1908, XV, 349—352).

Meillet, A. Einführung in die vergl. Grammatik der indogermanischen Sprachen, übers. von **W. Printz.** Leipzig, 1909. Реценз. **V. Jagić** (AslPh, 1909, XXXI, 218—222).

Meillet, A. Traitement de ŗ̄ en indo-iranien. (MSL, 1909, XVI, 67—68).

Meyer, Ed. Die ältesten datierten Zeugnisse der iranischen Sprache und der zoroastrischen Religion. (KZ, 1908, XLII, 1—27).

Meyer, Ed. Geschichte des Altertums. 2-te Auflage, I Band, 2-te Hälfte: Die ältesten geschichtlichen Völker und Kulturen bis zum XVI Jahrhundert. Stuttgart — Berlin, J. G. Cotta, 8⁰. 1909. XXVIII + 894. M. 15.

Möller, H. Die gemein-indogermanisch-semitischen Worttypen der zwei-und dreikonsonantigen Wurzel und die indogermanisch-semitischen vokalischen Entsprechungen. (KZ, 1908, XLII, 174—192).

Moeller, Herm. Indoeuropaeisk-semitisk sammenlignende glossarium, (= Festskrift, udgivet af Kjöbenhavns Universitet i anledning af Universitetets Aarsfest, Oktober 1909). Kjöbenhavn, 1909. 8⁰. 152.

Möller, H. Semitisch und Indogermanisch. I. Band. (*выше* II *365*). Реценз.: **L. Sutterlin** (DLZ, 1909, XXX, 2138—2139). **Davies** (Re-

view of Theol. & Philos., 1909, V, вып. 2).

Moser, V. Historisch-grammatische Einführung in die frühneuhochdeutschen Schriftdialekte. Halle, Waisenhaus, 1909. 8°. XII + 266.

Nagy, Géza. A Skythák (Die Skythen) (= Mém. de l'Akad. hongr.) Budapest, 1909. 8°. 96. Сравн.: RCr, 1909, LXVII, 499 — 500.

Противъ иранскаго происхожденія скиѳовъ.

Neklapil, Franz. Über arisch-semitische Sprachbeziehungen. (Progr. d. Gymnas. Iglau p. 3—9, 1908. 4°).

Oldenberg, H. Ṛgveda. Textritische und exegetische Noten. I.—VI. Buch. (Abh. kgl. Ges. d. Wiss. zu Gött. phil.-hist. Kl. N. F., 1909, XI, № 5, VIII+440. 4°).

Pekmezi. Grammatik der albanesichen Sprache, Laut- und Formen lehre. Wien, Verlag des albanesischen Vereins Dija, 1908. 8°. IV+294. (*выше II 366*). Реценз.: **G. Weigand** (LCBl, 1909, LX, 1212—1213); **N. Jokl** (AslPh, 1909, XXXI, 237—241),

Reichelt, H. Awestisches Elementarbuch. Heidelberg, Winter, 1909. 8°. XXIV + 516. (= Jndogermanische Bibliothek hgb. von H. Hirt und W. Streitberg, I. Abteilung, V Band.). Реценз.: **A. Meillet** (RCr, 1909, LXVII, 401—402); **W. G<ei>g<e>r** (LCBl, 1909, LX, 1271—1272).

Schirmeisen, K. Die arischen Göttergestalten. Allgemeinverständliche Untersuchungen über ihre Abstammung und Entstehungszeit. Brünn, Winiker, 1909, VII+336, 8°.

Suolahti, H. (= **Palander H.**) Die deutschen Vogelnamen. Eine wortgeschichtliche Untersuchung. Strassburg, Trübner, 1909. 8°. XXXIV + 540.

Weigand, Fr. L. K. Deutsches Wörterbuch. 5-te Auflage (*выше II 366*), II Band, Siebente u. achte Lieferung (Lab—Ņüster). Giessen, Töpelmann, 1909. 8°. 320. Реценз.: **W. Pollak** (ZöG, 1909, LX, 517—519); **V. Jagić** (AslPh, 1909, XXX, 459—461).

Wilmanns, W. Deutsche Grammatik. Gotisch, Alt-, Mittel- und Neuhochdeutsch. III Abteilung. Zweite Hälfte: Nomen und Pronomen. 1. u. 2. Anflage, Strassburg, Trübner, 1909. 8°. VIII+317—772. (*выше II 366*).

II. Литература.

А. Древнѣйшая славянская и русская.

Адріанова, В. Евангеліе Ѳомы въ старинной украинской литературѣ. I—VII. Приложеніе I — II. (Изв, XIV/$_2$, 1—47).

Никольскій, Н. К. Легенда Мантуанскаго епископа Гумпольда о св. Вячеславѣ Чешскомъ въ славяно-русскомъ изложеніи. (ПДП, CLXXIV). СПБ, 1909. 8°. LI + 99.

Обновленскій, И. Архимандритъ Діонисій и его дѣятельность по

исправленію церковно-богослужебныхъ книгъ. Тверь, 1909. 8°. 30.

Попруженко, М. Г. Святого Козмы пресвитера слово на еретики и поученіе отъ божественныхъ книгъ. (ПДП, CLXVII). СПБ, 1909, 8°. XVI+86. Реценз.: **И. А.** (ИВ, 1909, CXVIII, 1144—1146).

Серебрянскій, Н. Житіе преп. Евфросина Псковскаго. Первоначальная редакція. (ПДП, CLXXIII). Спб., 1901. 8°. XXIV+88+V.

Сперанскій, М. Н. Сербское житіе лит. мучениковъ (*выше I 335*). Реценз.: **А. И. Соболевскій** (ЖМНПр, 1909, ноябрь, 224—226).

Титовъ, А. А. Житіе благовѣрной княгини Анны Кашинской по синодальной рукописи XVII вѣка. Москва, 1909. Реценз.: **А. К — во** (ИВ, 1909, CXVI, 690).

«Житіе Святѣйшаго Патріарха Никона», напис. его клирикомъ **Иваномъ Шушеринымъ**. (РА, 1909, сент., 12—110+143—144).

Abicht, R. Das Alphabet Chrabrs. (AslPh, 1909, XXXI, 210—217).

Б. Народная словесность.

Васильевъ, Н. Указатель къ Онежск. былинамъ (*выше I 338*), Реценз.: **Я Барсковъ** (ИВ, 1909, ноябрь, 707—718).

Виноградовъ, Н. Заговоры, обереги, спасительныя молитвы и проч. СПБ. 1908—1909. Реценз.: **В. Мансикка** (ЖМНПр, 1909, октябрь, 447—453).

Городцовъ, П. А. Западно-сибирскія легенды о твореніи міра и о борьбѣ духовъ. (ЭО, 1909, № 1, 50—63).

Крохинъ, В. П. Откуда ведетъ начало наша былина о Садкѣ богатомъ гостѣ (РС, 1908, CXXXVI, 743—754).

«Изъ разсказовъ о морскихъ предпріятіяхъ героевъ карельскихъ сказокъ, при столкновеніи славянъ съ западными финнами, славянами и взятъ между прочимъ матеріалъ для былины о Садкѣ».

Кудрявцева, В. С. Старинная апокрифическая повѣсть о трехъ монахахъ, отыскивающихъ поясъ земной (РА, 1909, мартъ, 465—482).

Марковъ, А. В. Былъ ли Петръ Великій авторомъ пѣсни «Какъ на матушкѣ на Невѣ-рѣкѣ»? (Изв, XIV/2, 353).

Миллеръ, В. Ѳ. Къ сказкамъ объ Иванѣ Грозномъ. (Изв, XIV/2, 85—104).

Миллеръ, Всев. Датскій комисаръ, какъ герой русской былины. Въ печорской старинѣ о Петрѣ Великомъ и Бутманѣ Колибаповичѣ. (ВЕ, 1909, окт., 680—699).

Шомпулевъ, В. Изъ записокъ стараго помѣщика. (Народныя повѣрья). (РС, 1909, CXXXVII, 187—190).

Яворскій, Ю. Я. Византійскія сказанія о Львѣ Премудромъ въ русскихъ спискахъ XVII—XVIII вѣковъ. (Изв, XIV/2, 55—84).

Яцимирскій, А. И. Къ исторіи апокрифовъ и легендъ въ южнославянской письменности. I — V. (Изв., XIV/2, 267—322).

I: Апокрифическій элементъ у нѣкоторыхъ южно-славянскихъ писателей (с. 270), II. Южно-славянскіе и восходящіе къ нимъ списки индекса отреченныхъ книгъ (с. 281). III. Сказанія о ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ (с. 288). IV. Сказаніе о земной жизни

Богоматери (с. 294). V. Сказанія объ Успеніи Богоматери (с. 311).

Fischer, Ad. Pieśń o żołnierzu tułaczu. (Lud, 1909, III, 247).

Fischer, Ad. Ludowy piosennik Egwarda Porębowicza. (Lud, 1909, I—II, 36—52).

Gonet, Sz. Śpiewki z okolicy Andrychowa. (Lud, 1909, I—II, 108—135; III, 229—246).

Ianáček Leoš. Rytmika (sčasování) v lidové písni (H, 1909, XI, 965—971; XII, 1037—1042).

Porębowicz, E. Berta z dużemi stopami i rycerz z łabędziem (Lud, 1909, III, 169—187).

Rank, O. Der Mythus von der Geburt des Helden. Versuch einer psychologischen Mythendeutung. Wien, F. Deuticke, 1909. 8°. III+93.

B. Новѣйшая русская литература.

Алексѣевъ, А. А. Письма и ордера Державина разнымъ лицамъ. (РС, 1908, CXXXVI, 641—656).

Анненковъ, П. В. Литературныя воспоминанія. СПБ, 1909. 8°. VII+590.

Аничковъ, Евг. Послѣдніе побѣги русской поэзіи. (Зол. Руно, 1908, II, 45—55; III—IV, 103—112).

Арабажинъ, К. И. Публичныя лекціи о русскихъ писателяхъ (Народный Университетъ, кн. I). СПБ, Изд. Ясная Поляна, 1909. 8°. 194.

Л. Толстой—А. Чеховъ—М. Горькій—Гоголь.

Бертенсонъ, С. П. А. Катенинъ. *(выше II 369).* Реценз.: **П. Б.** (РА, 1909, февр. на обложкѣ внутри).

Бобчевъ, Н. Н. В. Гоголь въ Българско. София, 1909.

Брюсовъ, В. Испепеленный. Къ характеристикѣ Гоголя. Москва 1909. 8°. Ц. 40 к. Реценз.: **Н. Лернеръ** (ИВ, 1909, окт., 311).

Докладъ прочитанный въ торжественномъ засѣданіи М. Общ. люб. рос. слов. въ апрѣлѣ 1909.

Быковскій, Н. Ф. Дѣйствительный прототипъ Пушкинской Татьяны. (РС, 1908, CXXXVI, 491—492).

Венгерова, Зинаида. О. Н. Чюмина. 1862—1909. (ВЕ, 1909, окт., 854—863).

Веселовскій, Алексѣй. Герценъ—писатель. Москва, 1909. 8°. 159.

Вишневскій, П. И. Н. В. Гоголь и В. Г. Бѣлинскій. Нижній-Новгородъ, 1909.

Гоголь въ его новыхъ письмахъ, съ предисловіемъ и примѣчаніями **Г. П. Георгіевскаго.** (РС, 1909, CXXXVII, 451—488).

Двѣ записки **Гоголя** къ К. С. Сербиновичу (РА, 1909, апр., 635).

Гоголь, Н. В. Сочиненія и письма Редакція, біограф. очеркъ, вступ. статьи, примѣч. и указатели **В. В. Каллаша.** Томъ VI. СПБ, 1909. 12°. 385.

Городецкій, С. Огонь за рѣшеткой. (Лидія Зиновьева—Аннибалъ) (Зол. Руно, 1908, III—IV, 95—98).

Грушевскій, О. М. Гоголь і сучасна українська суспільність. (ЗТ, 1909, V, 3—19).

Гутьяръ, Н. Къ біографіи И. С. Тургенева. (РС, 1908, CXXXV, 229—240).

Державинъ, Н. А. А. В. Кольцовъ и его поэзія. Къ столѣтію со дня рожденія. (ИВ, 1909, окт., 113—152).

Евгеніевъ, А. Я. Къ 50-лѣтію литературнаго фонда. (1859—1909). (ИВ, 1909, ноябрь, 642—5).

Ежовъ, Н. М. Моя статья о Чеховѣ. (Бесѣда съ читателями). (ИВ, 1909, ноябрь, 595—608).

Жиркевичъ, А. Портретъ А. М. Жемчужникова, нарисованный имъ самимъ А. В. Жиркевичу. (РС, 1909, апрѣль, 97—108).

Заболотскій, П. Очерки русскаго вліянія въ славянскихъ литературахъ новаго времени, т. I, кн. 1. Русская струя въ литературѣ сербскаго возрожденія. Варшава 1908. Реценз.: **І. Свєнціцкий** (ЗШ, 1909, III, 209—214).

Замотинъ, И. И. А. В. Кольцовъ и русскіе модернисты. (РФВ, 1909, LXI, 312—335).

Ивановъ, Вяч. Двѣ стихіи въ современномъ символизмѣ. (Зол.Руно, 1908, III—IV, 86—94; V, 44—50).

К., В. Гоголь у болгаръ (СлИ, 1909, стр. 612—613).

Каллашъ, Вл. Замѣтки о Крыловѣ. (РА, 1909, іюнь, 193—197).

Кашинъ, Н. П. Неизданныя произведенія Н. Ѳ. Щербины. А — Е. (Изв, XIV/2, 105—151).

А. Рукопись «Утреннія пѣсни»: 1) Пляска. 2) Сцены изъ жизни Грековъ, 3) Осада Ипсары, 4) Пиръ, 5) Прощальное утро, 6) Молва, 7) Ночь и синьйора, 8) ***, 9) Безсонная ночь (с. 106). Б. По рукописи «Стихотворенія во вторую часть «Молодика»: 1) Поддѣльная роза, 2) Разсказъ о жизни, 3) Встрѣча, 4) Раскаяніе, 5) Голосъ изъ гроба, 6) Сердце и 7) Письмо (с. 137). В. По рукописи: «Стихи. 1843. Таганрогъ»: 1) Смотрю на васъ я грустными очами, 2) Окно, 3) Мнѣ нечего отъ жизни ожидать, 4) Дума о жизни, 5) Осеннее чувство, 6) Впечатлѣнія и 7) Сопернику (с. 142). Г. По рукописи: «X стихотвореній во вторую часть «Молодика»: 1) Свиданіе (с. 147). Д. По спискамъ на отдѣльныхъ листочкахъ: 1) Стансы, 2) Недовольному, 3) Καλὴ νύχτα σας, 4) Нашъ вѣкъ (с. 148). Е. По списку изъ «Собранія автографовъ» государственныхъ людей etc. (с. 151).

К-на. Еще о Пушкинскихъ мѣстахъ. (ИВ, 1909, ноябрь, 581—595).

Коганъ, П. Очерки по исторіи новѣйшей русской литературы. Москва, 1910. 8°. 182.

Полное собраніе сочиненій **А. В. Кольцова.** Подъ редакціей и съ примѣчаніями **А. І. Лященка.** СПБ, 1909. 8° XXXIV + 444 съ 4 снимками съ автографовъ и 5 автотипіями. Изд. 2-е. Реценз.: **Н. Пиксановъ** (ЖМНПр, 1909, ноябрь, 227—232); **В. Е. Рудаковъ** (ИВ, 1909, CXVIII, 645—660).

Кораблевъ, В. Н. Литературныя замѣтки. Жуковскій — Гоголь — Хомяковъ — Некрасовъ — Глѣбъ Успенскій, — Л. Толстой — Чеховъ — Владиміръ Соловьевъ — Юрій Самаринъ — Максимъ Горькій — Леонидъ Андреевъ — Вал. Брюсовъ — Аполлонъ Коринфскій — Айзманъ — Клавдія Лукашевичъ. СПБ. 1908. 8°. 258.

Ктитаревъ, Я. К. Вопросы религіи и морали въ русской художественной литературѣ. Горки Могилев. губ., 1909. 8°. 285.

Лебедевъ, А. Къ біографіи Н. Г. Чернышевскаго. (По поводу двадцатилѣтія со дня его смерти. 1889—1909). (ИВ, 1909, CXVIII, 999—1004).

Лемке, М. Николаевскіе жандармы и литература 1826—1855 гг. по подлиннымъ дѣламъ III отд. Собств. Е. И. В. Канцелярія. Изд. 2. СПБ, 1909. 8°. XV+614.

Л., Н. Прототипъ Загорѣцкаго. (РС, 1908, CXXXVI, 607 — 613).

Лернеръ, Н. Изъ неизданныхъ матеріаловъ для біографіи Пушкина. (PC, 1908, CXXXIV, 109—118).

Лернеръ, Н. Изъ писемъ Е. А. Боратынскаго. (PC, 1908, CXXXVI, 765—764).

Лернеръ, Н. Изъ неизданныхъ матеріаловъ для біографіи Пушкина. (PC, 1908, CXXXIII, 428—433).

Лернеръ, Н. Съ кого Пушкинъ списалъ Зарѣцкаго. (PC, 1908, CXXXIII, 419—427).

Лернеръ, Н. Замѣтки о Пушкинѣ. (PC, 1908, CXXXIII, 113 — 119, 654—662; 1909, CXXXVIII, 192—210).

Лернеръ, Н. Замѣтки о Н. Ѳ. Щербинѣ. (PC, 1908, CXXXIV, 577—580).

Лернеръ, Н. Эпизодъ изъ жизни Бѣлинскаго. (PC, 1908, CXXXIV, 197—210).

Лернеръ, Н. О смерти Боратынскаго. (Изъ переписки Н. М. Коншина съ П. А. Плетневымъ). (PC, 1909, CXXXVII, 177—186).

М., Л. С. Къ посмертной судьбѣ Н. Г. Чернышевскаго. (PA, 1909, іюнь, 217—218).

М., Л. С. Экспромтъ Н. В. Кукольника. (PA, 1909, іюнь 217).

М., Л. С. Письмо В. А. Жуковскаго къ Б. А. Ашику. (PA, 1909. № 6, 216).

Изъ письма **Н. И. Мердеръ** къ издателю «Русскаго Архива» (PA, 1909, № 6, 218—220).

По поводу книжки Ѳедорова о Чернышевскомъ 1906 г.

Мережковскій, Д. С. Гоголь. Творчество, жизнь и религія. Изд. «Пантеонъ». СПБ, 1909. Реценз.: **Н. П. Кашинъ** (РФВ, 1909, LXI, 336).

Мусинъ-Пушкинъ, В. Л., графъ. Несостоявшаяся дуэль Пушкина въ 1827 г. (PC, 1909, CXXXVII, 191—193).

Невірова, К. Мотиви української демонольогії в «Вечерах» та «Миргороді» Гоголя (ЗТ, 1909, V, 27—60).

Нелидовъ, Ѳ. Ѳ. Западники сороковыхъ годовъ. Н. В. Станкевичъ, В. Г. Бѣлинскій, А. И. Герценъ, Т. Н. Грановскій и др. Москва, 1910. 8°. 272. (= Ист.-литер. библ., вып. 2).

Исторія русской литературы XIX вѣка. Подъ ред. **Д. Н. Овсянико-Куликовскаго.** Изд. Т-ва Міръ. Вып. I—V. Москва 1908.

Перетцъ, В. Н. Очерки по исторіи поэтическаго стиля въ Россіи. Эпоха Петра Великаго и начало XVIII ст. СПБ, 1909. 8°. 64. Реценз.: **И. А.** (ИВ, 1909, ноябрь, 713—715).

Петровскій, П. Недуга Гоголя. (ЗТ, 1909, V, 20—26).

Платонова, Н. Н. Кохановская (Н. С. Соханская) 1823—1884 гг. Біографическій очеркъ (съ портретомъ). СПБ. 1909. 8°. 234. Ц. 1 р. 50 к. Реценз.: **В. Т—ій** (ИВ, 1909, окт., 313—315).

Плехановъ, Г. В. Н. Г. Чернышевскій. СПБ, 1910. 8°. 537.

Покровскій, В. Мих. Вас. Ломоносовъ, его жизнь и сочиненія. Изд. 2. Москва, 1909. 8°. 120+3.

Сочиненія **А. С. Пушкина.** Изданіе Имп. Академіи Наукъ. Переписка подъ ред. и съ примѣч. **В. И. Саитова.** Томъ II (1827 — 1832). СПБ, 1908. 8°. XII+399+XII.

Пушкинъ въ послѣдніе дни свои. Письма къ нему **Жуковскаго.** (РА, 1909, май, 152—157).

Радищевъ, А. Н. Полное собраніе сочиненій подъ ред. **А. К. Бороздина, И. И. Лапшина** и **П. Е. Щеголева.** Томы I—II. СПБ, 1909.

Садовской, Бор. Ив. Серг. Тургеневъ. Опытъ историко-психологичныя изслѣдованія (съ дополненіемъ **П. Б(артенева).** (РА, 1909, апр., 601—629).

Синягинъ, Н. К. Матеріалы для библіографіи русскихъ иллюстрированныхъ изданій. 1909.

Сиповскій, В. В. Очерки изъ исторіи русскаго романа. Т. I, вып. 1-ый (XVIII вѣкъ). СПБ, 1909. X+715. Реценз.: **В. Т—ій.** (ИВ, 1909, окт., 309—311).

Сиротининъ, А. Пушкинъ и славяне. (ИВ, 1909, февр.). Реценз.: **Л. Лобовъ** (СлИ, 1909, стр. 283—284).

Сиротининъ А. Бесѣды о русской словесности. СПБ, 1909. 8°. 345. Реценз.: **Л. Лобовъ** (СлИ, 1909, стр. 147—149).

Соколовскій, М. Матеріалы для біографіи А. Ѳ. Воейкова (РС, 1908, CXXXIII, 232—236, 452—457, 687—691; CXXXIV, 160—163; CXXXVI, 443—446).

Стасовъ, В. В. Петръ Яковлевичъ Чаадаевъ. (РС, 1908, CXXXIII, 33—54, 271—297).

— Л. Н. Толстой Жизнь и творчество (1828—1908 гг.). Критикобіограф. изслѣдованіе **Н. Г. Молоствова** и **П. А. Сергѣенко** подъ ред. **А. Л. Волынскаго.** Вып. I. СПБ, 1909. Реценз.: **Б. Г.** (ИВ, 1909, CXVI, 696—698).

— О Толстомъ. Международный Толстовскій альманахъ, составленный **П. Сергѣенко.** Москва, 1909. 8°. 6 нен.+431. Ц. 2 р. Реценз.: **Н. Л.** (ИВ, 1909, окт., 309).

Фаресовъ, А. И. Забытая писательница и ея заслуги. (РС, 1908, CXXXV, 637—648; CXXXVI, 215—226, 397—414). Реценз.: **А. Н.** (ИВ, 1909, CXV, 799—800).

Разумѣется Л. Х. Симонова—Хохрякова (+12 марта 1906 г.).

Франко, І. Теорія і розвій історії літератури (ЗШ, 1909, III, 5—45).

Францевъ, В. А. А. В. Кольцовъ въ чешской литературѣ. (РФВ, 1909, 299—312).

Чернышевскій, М. Н. Библіографическій указатель статей о Н. Г. Чернышевскомъ и его сочиненіяхъ за время 1854—1909. СПБ, 1909. 8°. 33.

Чернышевъ, В. И. Пушкинъ и его издатели-редакторы. (ЖМНПр, 1909, XXIII, 60—84).

Чехова, А. П. письма. Собраны **Б. Н. Бочкаревымъ.** М. 1909. 8°. 197. Ц. 1 р. Реценз.: **А. Фоминъ** (ИВ, 1909, ноябрь, 716—717).

Чистяковъ, В. Новые матеріалы о Н. И. Надеждинѣ, (РС, 1908, CXXXIII, 407—417).

Чюмина, О. Н. (†) (РМ, 1909, сент., 163).

Шаломытовъ, Н. В. Неизданное предисловіе Д. А. Смирнова къ «Горе отъ ума». (РС, 1909, CXXXVII, 320—348).

Шенрокъ, В. И. Н. М. Языковъ. (РА, 1909, февр. на обложкѣ внутри).

Языковъ, Д. Д. Обзоръ жизни и трудовъ русскихъ писателей и писательницъ. 11-й выпускъ. СПБ,

1909. 8°. 247. (=Сб, LXXXVI, № 3).

Buek. Nikolaus Gogol, Sämmtliche Werke. Реценз.: **W. Christiani** (AslPh, 1909, XXXI, 246—250).

Kramarewa. Olga. Alexandre Serguéevitch Griboïédov. Sa vie, ses oeuvres. Thèse pour le doctorat presentée à la Faculté des lettres de l'Université de Paris. Paris, 1909. Реценз.: **Sc.** (ИВ, 1909, CXVIII, 303—306).

Leonhardi, W. Turgenjeffs Romane, Ein Beitrag zur Kenntnis der Geschichte des russischen Romans um die Mitte des XIX. Jhdts. Leipzig, 1909. 8°. 72. Diss.

Г. Южныхъ и западныхъ славянъ.

Козловскій, Л. С. Юрій Словацкій. Къ столѣтней годовщинѣ его рожденія (23 августа 1809 г.). (РМ, 1909, сент., 79—93).

Яцимирскій, А. И. Новѣйшая польская литература. Томъ I—II. СПБ., 1908. Реценз.: **Н. Л.** (РС, 1908, октябрь, библ. листокъ).

Dvořák, Mil. Literatura česká (*выше II 372*). Реценз.: **V.** (Н, 1909, XII, 1061—1062).

Krsteff-Miroljuboff, K. Die neue bulgarische Literatur. (отд. отт. изъ Internationale Wochenschrift für Wissenschaft Kunst und Technik, 1909) 32 стр. Реценз.: **Н. Державинъ** (СлИ, 1909, № 7, стр. 962—965).

Murko, M. Geschichte der älteren südsl. Literaturen. (*выше I 346, II 367*). Реценз.: **Н. Державинъ** (СлИ, 1909, № 7, стр. 964); **E. Denis** (RCr, 1909, LXVII, 412—415).

Novák, Jan V. a Novák Arne. Stručné dějiny literatury české. Olomouc, 1910. Реценз.: **V.** (П, 1909, XII, 1060—1061).

Die osteuropäischen Literaturen und die slawischen Sprachen. (*выше I 346*). Реценз.: **I. Máchal** (ČČH. 1909, IV, 465—469).

Д. Драматическая.

Петровъ, Н. И. Кіевская искусств. литература (*выше II 372*). (ТКА, 1909, окт., 240—270, ноябрь, 471—495).

Розов, В. Українська шкільна драма «Успеніе Богородицы» (ЗШ, 1909, V, 88—96).

Е. Описаніе рукописей, архивовъ, библіотекъ и т. п.

Акты, изд. Виленск. Комм. . . . Томъ XXXIII. (*выше I 360*). Реценз.: **Mozgawa** (KwH, 1909, XXIII, 600).

Архаровы. Изъ памятныхъ записей А. А. Васильчикова. (РА, 1909, янв., 10—13).

Архивъ Раевскихъ. Изданіе П. М. Раевскаго. Редакція и примѣчанія **Б. Л. Модзалевскаго.** Томъ I. СПБ., 1908.

Кондаковъ, Н. П. Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія русскаго языка и словесности Имп. Академіи Наукъ за 1908 годъ. (=Сб. LXXXVI, № 1). СПБ, 1908. 8°. 53.

Описаніе документовъ западнорусскихъ уніатскихъ митропол-

товъ. Томы I—II. Реценз.: **Mozgawa** (KwH, 1909, XXIII, 600—601).

Остафьевскій архивъ князей Вяземскихъ т. V, в. 1. СПБ. 1909. Зам. **П. Б<Бартенева>** (РА, 1909, іюнь, 302—304).

Отчетъ Москов. Публ. и Рум. музеевъ за 1908 г. (*выше II 373*), Реценз.: **В. Р—въ** (ИВ, 1909, ноябрь. 703—705).

Ростиславовъ, А. Московское Лазаревское кладбище. (СтГ, 1909, янв., 36—38).

Monumenta Poloniae palaeographica edidit **Stanisław Krzyżanowski.** Tab. I—XXVII. Tabularum argumenta pag. 11. Cracoviae, 1907. Sumptibus Academiae litter. Crac.— Реценз.: **Wł. Semkowicz** (KwH, 1909, III, 385—400).

Rocznik Towarzystwa przyjaciół nauk w Wilnie. 1907. Tom I.— Реценз.: **I. Janowski** (ЗШ, 1909, III, 448—451).

Щукинскій сборникъ. Выпускъ 8-й. Москва, 1909. 8°. 461. Реценз.: **А. Б.** (ИВ, 1909, CXVIII, 1150—1152).

III. Археологія, этнографія, исторія.

А. Археологія и Этнографія.

В., Н. По поводу 200 лѣтняго юбилея Морского музея (СтГ, 1909. іюнь, 320).

Вейнеръ, П. Охрана памятниковъ старины (СтГ, 1909, апр., 203—204).

Объ обществѣ для защиты и сохраненія въ Россіи памятниковъ искусства и старины» и о Всероссійскомъ съѣздѣ художниковъ.

Охрана памятниковъ старины (СтГ, 1909, мартъ, 146—147).

О коммиссіи при мин. внутр. д. для выработки новаго закона по охраненіи памятн. старины.

Воейковъ, А. И. Людность селеній Европейской Россіи и Западной Сибири. (ИГО, 1909, XLV, 21—72).

Вольтеръ, Э. А. Къ исторіи изданія русско-ливонскихъ актовъ и литовскихъ дорожниковъ, Изъ переписки А. А. Куника съ К. К. Ширреномъ. (BullAc, 1909, стр. 987—998.

Высоцкій, Н. Нѣсколько словъ о древностяхъ Волжской Болгаріи (ИКО 1908, XXIV, 340—351).

Грушевскій, А. С. Изъ исторіи украинской этнографіи. Этнографическія темы въ украинской литературѣ. (Изв, XIV/2, 152—180).

Грушевскій, О. З сорокових років. 3. Этнографічні вьдання і пляни (ЗШ, 1909, III, 91—110)

Довнаръ-Запольскій, М. В. Изслѣдованія и статьи. Т. I. Этнографія и соціологія, обычное право, статистика, бѣлорусская письменность. Изданіе А. П. Сапунова. Кіевъ, 8°. 1909. Стр. II+496. Ц. 3 руб. Реценз.: ЖМНПр, 1909, XIII, 222—223.

Завьяловъ, І., свящ. Городъ Кашинъ, его исторія, святыни и достопримѣчательности. (Съ краткимъ житіемъ благов. кн. Анны). СПБ, 1909. 8°. II+111.

Кацаровъ, І. Этнографическое положеніе древнихъ македонянъ. (Минало, 1909, I).

Намъ пока не доступно.

Круковскій, М. А. Южный Уралъ. Путевые очерки (съ 140 фотографіями автора). Москва, Тихомировъ. 8°. 311+II.

Курбатовъ, В. Московскія замѣтки. (СтГ, 1909, ноябрь, 630—632).

Лукомскій, Влад. Историко-археологическій съѣздъ въ Костромѣ. (СтГ, 1909, іюль—сент., 485—488).

Макаренко, Н. Опять о разрушеніяхъ (СтГ, 1909, іюль—сент., 495—496).

Нордманъ, Н. Н. Географическое положеніе погостовъ - округовъ Шелонской пятины по писцовымъ оброчнымъ Новгородскимъ книгамъ 1498 г. (ЗГО 1908, XLIV, 529—592).

Отчетъ Церковнаго Историко-Археологич. Общества Казанской епархіи за 1908/9 г. (III годъ существованія общества). (ПрС, 1909, ноябрь, 1—16).

Парашкевовъ, П. Погребалните обичаи у българитѣ (Извѣстия на семинара по слав. филология, 1907, II, 371—410). Реценз.: **З. Кузеля** (ЗШ, 1909, III, 228—229).

Ростиславовъ, А. Погибшая и погибающая старина въ старинѣ. Съ 1 снимкомъ (СтГ, 1909, ноябрь, 633—635).

Самоквасовъ, Д. Могилы русской земли. Москва, 1908. Реценз.: **П. В. Верховской** (ИВ, 1909, CXVI, 1045—1047).

Снѣгиревъ, И. Заздравныя чаши (РА, 1909, іюнь, 199—203).

Труды Полтавскаго Церковнаго Историко-Археологическаго Комитета. Полтава, 1908. 8°. 108.

Цвијић J. Насеља српских земаља. Кн. V, у Београду 1908 (=Српски Этнографски Зборник кн. II.

Шестаковъ, С. П. По поводу новѣйшихъ трудовъ по исторіи и топографіи Херсонеса Таврическаго. (ИКО, 1908, XXIV, 303—339).

Bratter, A. C. Die kutzowalachische Frage. Hamburg, Hermann, 1907. 8°. 186. Реценз.: **J. Cvijić** (PetM, 1908, LIV, 236—237).

Cvijić, J. L'annexion de la Bosnie et la question serbe. Paris, Hachette, 1909. 8°. 70.

Gawełek, Fr. Z. Jaworza na Śląsku austryackim (Lud, 1909, I—II, 69—90).

Georgewitsch, Wl. Die serbische Frage. Stuttgart, Deutsche Verlagsanstalt, 1909. 8°. 148.

Ippen, Th. Die Gebirge des nordwestlichen Albanien (Abh. d. k. k. Geogr. Ges. Wien VII, № 1) Wien, Lechner, 1908. 4°. 75. Реценз.: **W. Götz** (PetM, 1909, LV, 226).

Ischirkov, A. Les Slaves de Macedoine. Réponse à J. Zvijitch. Paris, Gauthier — Villars, 1908. Реценз.: **W. Götz.** (PetM, 1909, IV, 226).

Kasasis, N. Grecs et Bulgares au XIX et au XX sièeles. Paris, Stock, 1907. 8°. 82. Реценз.: **J. Cvijić**, (PetM, 1908, LIV. 236).

Kasasis, N. La Macédoine et les Roumains, exposé historique. Paris, Stock, 1907. 8°. 87. Реценз.: **J. Cvijić**, (PetM, 1908, LIV, 236).

Kasasis N. Griechen und Bulgaren im 19. und 20. Jahrhundert. Autorisierte Übersetzung. Leipzig, Liebisch, 1908. 8°. 139. Реценз.: **L. Mangold** (HVjs,1909, XII,150—151).

Kinberger, R. Die mazedonische Frage. Berlin, Walther, 1908. 8°. 112. Реценз.: **J. Cvijić,** (PetM, 1908, LIV, 235—236).

Kołodziejczyk, Edm. Zwyczaje, obrządki, zagadki i pieśni ludu Kaliskiego w okolicach Wiclunia (Lud, 1909, I—II, 91—107).

Krassnow, A. und **Woeikow, A.** Russland (=Länderkunde von Europa hgb. von A. Kirchhoff III Teil). Wien, Tempsky, 1907. 8°. 336. 18 Karten. Реценз.: **M. Friederichsen** (PetM, 1908, LIV, 228—229).

Lange, H. Karte von Liv-, Est- und Kurland. Neubeart. Aufl. Riga, Kymmel, 1909. 8°. 76+79 st.

Langhans, P. Nationalitätenkarte der Provinz Ostpreussen. (Deutsche Erde, 1907, Bd. VI № 2). Реценз.: **Fr. Regel** (PetM, 1908, LIV, 33).

Langhans, P. Nationalitätenkarte der Provinz Schlesien. (Deutsche Erde, 1906, Bd. V, № 1) Gotha, Perthes, 1906. Реценз.: **Fr. Regel** (PetM, 1908, LIV, 33).

Langhaus, P. Die Provinzen Posen und Westpreussen unter besondrer Berücksichtigung der Ansiedlungsgüter und Ansiedlungen, Staatsdomänen und Staatsforsten nach dem Stand vom 1. Juli 1905. (Deutsche Erde, 1905, Bd. IV, № 5) Gotha, Perthes 1905. Реценз.: **Fr. Regel** (PetM, 1908, LIV, 33).

Liebert E. Aus dem Nordalbanischen Hochgebirge (Zur Kunde der Balkanhalbinsel, hgb. v. C. Patsch, Heft X). Sarajewo, D. A. Kajon, 1909.

Liebert, E. Aus dem nordalbanischen Hochgebirge. Реценз.: **W. Götz** (PetM, 1909, LV, 226).

Lohmeyer, K. Geschichte von Ost- und Westpreussen. Bd. I, 3-te Ausgabe, Gotha, Perthes, 1908. 8°. VIII+380. Реценз.: **E.** (RCr, 1909, LXVII, 505—507).

Matusiak, Sz. Wieliczka i Bochnia (Lud, 1909, I—II, 53—60).

Müllenhoff, K. Deutsche Altertumskunde. V. Bd. Neuer vermehrter Abdruck v. M. Roediger. Berlin, Weidmann, 1908. 8°. VIII+436. M. 14—. Реценз.: **F. Pignet** (RCr, 1909, LXVII, 428—429).

Nolting, W. Ein Beitrag zur Siedlungsgeographie der östlichen deutschen Ostseeküste. Rostock, Diss. 1909. 8°. 103.

Nopesa Fr. Das katholische Oberalbanieц (B. S. Hongr. de géogr. 1907, p. 45 sq.). **W. Götz** (PetM, 1909, LV, 226.

Намъ недоступно.

Mopesa, Franz, Das katholische Nordalbanien. Eine Skizze. (Abregé des B. der Ungar. G. Ges., Pest 1907 p. 45—88). Реценз.: **W. Götz** (PetM, 1908, LIV, 235),

Olrik Axel. Nordisches Geistesleben. Реценз.: **—bh—** (LCBl, 1909, LX, 778—779); **Léon Pineau** (RCr, 1909, LXVII, 310).

Osiński, K. M. Runy słowiańskie u ludu (Lud, 1909, XV, 220—223).

Philippson, Alf. Landeskunde des europaischen Russlands nebst Finnland. Leipzig, 1908, 8, 148; 9 Abbild. und 8 karten (=Sammlung Göschen № 359) Реценз.: **O. H.** (LCBl, 1909, LX, 1201).

Preindlsberger - Mrasović M. Die Bosnische Ostbahn. Illustrierter

Führer auf den bosnisch—herzegowinischen Staatsbahnlinien Sarajevo — Uvac und Mogjegje — Nardište. Wien, Hartleben, 1908. 8°. 177. Реценз.: **W. Götz** (PetM, 1909, LV, 225).

Rhamm, K. Ethnographische Beiträge zur germanisch - slavischen Altertumskunde. II Abt. 1. Teil: Urzeitliche Bauernhöfe im germ.-slavischen Waldgebiet. Braunschweig, Vieweg, 1909. M. 42 —.

Richter, Ed. Beiträge zur Landeskunde Bosniens und Herzegowinas. (Wiss. Mitt. aus Bosnien und der Herzegowina, 1907, Bd. X, mit 10 Tafeln). Реценз.: **A. Grund** (PetM, 1908, LIV, 234—235).

Erzherzog Ludwig Salvator. Parga. f°. XIII+475 mit 40 Tafeln, 35 Textillustr. u 2 Plänen, Prag, Mercy 1907. Реценз.: **J. Partsch** (PetM, 1908, LIV, 235).

Erzherzog Ludwig Salvator. Verzuch einer Geschichte von Parga. Prag, Mercy, f°. VIII+290. **J.Partsch** (PetM, 1908, LIV, 235).

Schmidt, Val. und Picha, Alois. Urkundenbuch der Stadt Krummau in Böhmen. Bd. I (1243 — 1419). Prag, J. Calve, 1908. 4°. II+235 (=Städte und Urkundenbücher aus Böhmen, hgb. von Ad. Horička, Bd. V). Реценз.: **A. Bachmann** (DLZ, 1909, XXX, 2608—2610).

Sodoffsky, G. Von Estlands Meergestaden. Reval, Kluge, 1904. 8°. 51. Реценз.: **E. Auschrat** (PetM, 1909, LIV, 229).

Srkulj, Stef. Zemljovid za historički razvitak Hrvatske. Zagreb, 1906. Реценз.: **M. Landwehr von Pragenau** (ZöG, 1909, LX, 920—921).

Карта къ исторіи Хорватіи.

Steinmetz, K. Von der Adria zum Schwarzen Drin. Saraje, o, Kajon 1908. 8°. 79. (Zur Kunde der Balkanhalbinsel, Heft VI). Реценз.: **J.Cvijić** (PetM, 1908, LIV, 235).

Struck A. Makedonische Fahrten. II: Die Makedonischen Niederlande (Zur Kunde d. Balkanhalbinsel, Reisen u. Beobachtungen, hgb. v. **C. Patsch**, Heft VII). Sarajevo, Kajon 1908. 8. 98. Реценз.: **W. Götz** (PetM, 1909, LV, 225—226).

Wasilewski, Leon. Współczesna Słowiańszczyzna. Zarys etnograficzno-statystyczny. (=Książki dla wszystkich № 446). Warszawa, 1909. 16°. 156. Реценз.: **Вл. Францевъ** (РФВ, 1909, LXII, 335—336).

Wceikow, A. Resultate des russischen Zensus und das Zentrum der Bevölkerung Russlands (PetM, 1908, LIV, 141—145).

Б. Исторія славянъ.

Балабанъ, І. и Тромпчинскій, В. Исторія Польши. Доп. и обраб. перев. съ польск. **Р. Бодуэнъ де Куртенэ.** Подъ ред. **В. В. Битнера.** СПБ., 1909. 8°. 136.

Бэрръ, А. Боснія и Герцеговина подъ австрійскимъ владычествомъ. Москва, 1909. Реценз.: **А. Сиротининъ** (ИВ, 1909, CXV, 1209—1212),

Грабеньскій, Влад. Исторія польскаго народа. Разрѣшенный авторомъ переводъ со второго, дополненнаго польскаго изданія (1906 г.),

подъ редакціей Н. Ястребова. Съ картой Польши XVII-го вѣка. СПБ, 1910. 8°. VIII+599

Гротъ, К. Я. и Флоринскій, Т. Д. О новомъ изданіи трактата Л. Штура «Славянство и міръ будущаго». — По поводу рецензіи г. Петровскаго на переизданіе ук. соч. (ЖМНПр, 1909, окт., 459—463).

Дриновъ, М. С. Сочиненията.— Т. I. Трудове по Българската и Славянска история. Издава Българското Книжовно Дружество въ София подъ редакцията на професс. В. Н. Златарски. София. Държавна Печатница 8°. 1909. X+688.

Содержаніе: 1. Погледъ врьхъ происхожданьето на бългapcкiй народъ и началото на българската история. 2. Нови паметницы за историята на Българетѣ и на тѣхнитѣ съсѣди. 3. Отецъ Паисий, неговото врѣме, неговата история и ученицитѣ му. 4. Заселеніе Балканскаго полуострова Славянами. 5. Началото на Самуиловата държава. 6. Южные славяне и Византія въ X в. 7. Историческо освѣтление върхъ статистиката на народноститѣ въ источната часть по Българското княжество. 8. Аще нѣколко бѣлѣжки за Паисия и за неговата история. 9. Имали ли сѫ сърбитѣ нѣкои колонии и нѣкоя трайна власть въ Македония рѣди XIII вѣкъ? Какъ сѫ се наричали Славянитѣ, които населявали Македония прѣди тая епоха. 10. О нѣкоторыхъ трудахъ Димитрія Хоматіана, какъ историческомъ матеріалѣ. 11. Реферати и дребни статии. 12. Допълнения. Показалецъ на собственитѣ имена.

Кораблевъ, В. Н. Изъ культурной исторіи Албаніи. СПБ., 1909. 8°. 24. (=Правит. Вѣстн., 1909, № 224).

Налепинскій, Тадеушъ. Душа Польши. Опытъ ирраціональнаго изслѣдованія. (ВЕ, 1909, окт., 506—532).

Погодинъ, А. Л. Исторія Сербіи. СПБ, 1909. 8°. 164.

Ровинскій, П. Черногорія въ ея прошломъ и настоящемъ. Географія.—Исторія.—Этнографія.—Археологія.—Современное положеніе. Томъ II, часть 4. СПБ, 1909. 8°. XI+230. (=Сб, LXXXVI, № 2).

Свѣнцицкій, И. С. Матеріалы по исторіи возрожденія Карпатской Руси. Часть II: а) Карпато-русское славянофильство; б) Угро-русское движеніе періода возрожденія. Львовъ, 1909. Реценз.: **А. И. Соболевскій** (ЖМНПр, 1909, ноябрь, 226—227).

Становичъ, Ст. Исторія Босніи и Герцеговины (СлИ, 1909, стр. 588—556, 677—698.

Томић, Јов. Н. Град Клис у 1599 години. Приступна академичка расправа. У Београду, 1908.

Филевичъ, И. П. Изъ исторіи Карпатской Руси. Очерки галицко-русской жизни съ 1772 г. Варшава, 1907, 8°. 162. Реценз.: **Br. Łoziński** (KwH, 1909, XXII, 627—631).

Цвиичъ, Јованъ. Анексія Босніи—Герцеговины и сербскій вопросъ (=Славянская библіотека подъ редакціей д-ра фил. **И. С. Шайковича** Вып. 2). Петроградъ, 1909. 8°. 48. Реценз.: **В. К⟨орабле⟩въ** (СлИ, 1909, стр. 716—718).

Цѣновъ, Ганчо. Праотечеството и праезикатъ на Българитѣ. Историко-филологически издирвания възъ основа на първоизточницы. София, 1907. 8°. II+212. Реценз.: **Н. С. Державинъ** (Изв, XIV/2, 323—335).

Цѣновъ, Ганчо, Д-ръ. Българитѣ сѫ по стари поселенци на Тракия

и Македония отъ славянитѣ. (Исторически издирования възъ основа на първоизточници). София, 1908. 8°. 85.

Grabowski, Tad. Stan. Serbowie i Chorvaci wobec aneksyi Bósni i Hercegowiny. Kraków, 1909.

Hanuš, I. Počátky kritického dějezpytu v Cechách (ČČH, 1909, III, 277—302; IV, 425—463).

Jabłonowski, Al. Podlasie (*выше II 380*). Реценз.: **I. T. Baranowski** (KwH, 1909, III, 422—424).

Jorga, N. Geschichte des osmanischen Reiches. (*выше II 381*) Реценз.: **J. Hashagen** (HVjS, 1909, XII, 110—115).

Jorga, N. Gesch. d. rum. Volkes (*выше II 381*). Реценз.: **L. Mangold** (HVjs, 1909, XII, 543—549).

Kaindl, R. Fr. Geschichte der Deutschen in den Karpatenländern. (*выше I 354*). Реценз.: **O. Weber** (DLZ, 1909, XXX, 2224—2225).

Novák, I. B. Středověká diktamina v suvislosti z antikou a renaissancí. (ČČH, 1909, III, 302—330; IV, 393—424).

Stanojević. St. Istorija srpskoga naroda. Реценз.: **I. Bidlo** (ČČH, 1909, IV, 473—479).

Vancsa, M. Geschichte Nieder- und Oberösterreichs. I. Bd: bis 1283. Gotha, Perthes, 1905. XIV — 8°. 616. Реценз.: **W. Erben** (HVjS, 1909, XII, 396—403).

В. Исторія Россіи.

Аксеновъ, М. В. Очерки изъ исторіи народнаго просвѣщенія въ Смоленскомъ краѣ съ древнѣйшихъ временъ до начала XIX в. Смоленскъ, 1909. 8°. 204. Реценз.: **А. Кизеветтеръ** (РМ, 1909, сент., 216—217).

Барвинскій, В. А. Крестьяне въ лѣво-бережной Украйнѣ въ XVII—XVIII вв. (ЗХУ 1909, I, 1—116; II, 117—211).

Б[артеневъ], П. Изъ бесѣдъ съ М. Г. Черняевымъ (РА, 1909, февр., 208).

Бартеневъ, С. П. Николай Θедоровичъ Θедоровъ. Два разговора о воскрешеніи мертвыхъ (РА, 1909, янв., 119—122).

Бѣляевъ, И. С. Бытовые очерки прошлаго. (РС, 1908, CXXXVI, 623—640).

По документамъ Моск. Архива Мин. Юст. столб. приказн. стола разряда № 447 разсказано о самовластіи галичскаго воеводы Рахманинова и отпорѣ духовенства въ 1676 г.

Валишевскій, К. Вокругъ трона, первое русское изданіе. Переводъ съ французскаго, Москва, Образованіе, 1909, 8°, 158+II.

Василичъ, Г. Восшествіе на престолъ Императора Николая I, Москва 1909, Образованіе, 158, 8°.

Изъ памятныхъ записей А. А. Васильчикова. (РА, 1909, іюнь, 191—192).

1. Разсказъ А. И. Васильчиковой. Опала Архаровыхъ 2. Екатерина II-я о Сенатѣ.

Верещагинъ, В. Путевыя замѣтки Н. А. Львова по Италіи въ 1781 году. Съ портретомъ и 2 снимками (СтГ, 1909, май, 276—282).

Вигель-Панчулидзевъ, П. Польское возстаніе въ 1863 г. (РА, 1909, апр., 568—585).

На основаніи донесеній имп. посла въ Парижѣ бар. А. Ф. Будберга.

Витчевскій, В. Торговая, таможенная и промышленная политика Россіи со временъ Петра Великаго до нашихъ дней. Перев. съ нѣм. **А. В. Брауде** подъ ред. **Ю. Д. Филиппова.** СПБ, 1901. 8°. VIII+362.

Военскій, Н. Я. Петръ Великій въ Карлсбадѣ въ 1711—1712 гг. СПБ, 1908. Реценз.: **А. Э. Мальмгренъ** (ИВ. 1909, CXVII, 1069—1072).

Выставка Суворовскихъ изображеній въ зданіи казармъ лейбъ-гвардіи Конскаго полка (СтГ, 1909, іюнь, 317, ноябрь. 653—654).

Гальковскій, Н. Наказный гетманъ Полуботокъ. Лебедянь, 1908, 8°. 48.

Глинскій, Б. Б. Крамола, реакція и терроръ. (Историческіе очерки). (ИВ, 1909, CXV, 222—252, 692—724, 1132—1165; CXVI, 220—251, 596—629; CXVII, 209—235, 586—619, 976—1012; CXVIII, 211—243, 608—641, 1029—1062).

Записки о Московіи XVI вѣка сэра **Джерома Горсея.** Переводъ съ англ. **Н. А. Бѣлозерской.** СПБ, 1909. Реценз.: **А. Б.** (ИВ, 1909, CXVI, 319—321).

Голубовскій, П. В. Письма декабриста А. П. Юшковскаго и его жены Маріи Казиміровны изъ Сибири. Кіевъ. 1908. 8° III+172.

Гротъ, К. Я. Изъ бумагъ графа А. П. Ожаровскаго. (РАрх, 1909, № 6, 272—281).

Писцовая книга Великаго Новгорода 1583—1584 гг. Съ предисловіемъ **П. Л. Гусева**, вып. 2, СПБ. 1908, 46, 8°.

Изъ записокъ **князя П. В. Долгорукова.** Время императора Петра II и императрицы Анны Іоанновны. Переводъ съ французскаго. Москва, 1909. 8°. 183. Реценз.: **С. Ш.** (ИВ. 1909, XVIII, 1137—1138).

Изъ воспоминаній **князя Дмитрія Николаевича Долгорукова** (РА, 1909. іюнь, 282—284).

Царица Евдокія Θеодоровна (РА, 1909, май, на обложкѣ внутри).

Великая княгиня Елисавета Алексѣевна (РА, 1909, янв., 14—25).

Загорскій, В. Ф. Исторія землевладѣнія Шелонской пятины въ концѣ XV и XVI вѣковъ. (ЖМЮ, 1909, октябрь, 257— , ноябрь, 292—334).

Загоскинъ, Н. П. Русскіе водные пути и судовое дѣло въ до-Петровской Россіи. 1909. 8°. XV+464+25.

Изъ письма князя Виктора Ларіоновича Васильчикова къ Н. Θ. Козлянинову. (РА, 1909, май, 143—144).

Изъ записной книжки издателя «Русскаго Архива» (РА, 1909, янв., 169—172, іюнь, 296—301).

О А. А. Фетѣ, К. А. Коссовичѣ, митр. Исидорѣ и о. Іоаннѣ Кронштадтскомъ. Разсказы М. Г. Черняева; о задержаніи книжки Р. Архива въ 1870 году; первая книжка «Девятнадцатаго вѣка»; имп. Николай I и кн. С. М. Голицынъ; гр. Адлербергъ; С. М. Голицынъ; С. А. Ермолова о знакомствѣ съ Гоголемъ.

Иконниковъ, В. С. Опытъ... т. II (*выше I 357, II 383*). Реценз.: **А. Б.** (ИВ, 1909, CXVII, 1080—1081).

Иконниковъ, В. С. [1]) Крестьянское движеніе въ Кіевской губ...

1) По непонятной случайности, выше I 358 напечатано ошибочно: Семевскій В. И.

Иловайскій, Д. И. Библіографическая замѣтка. (РА, 1909, май, 157—160).

О трудахъ **Шахматова и Знойко.**

Исторія Россіи въ XIX вѣкѣ. Изданіе т-ва Бр. А. и И. Гранатъ. Томы I—II. Москва 1908—1909.

Изъ Парижа о Россіи во времена былыя. (РА, 1909, ноябрь, 197—201).

Князьковъ. С. Изъ прошлаго Русской земли. Очерки изъ исторіи Петра Великаго и его времени. Москва, Сытинъ 684, 8°. Ц. 2, р. 50.

Бумаги курскаго губернатора Кожухова. (РА, 1909, янв., 52—60).

Корсакова, В. Дипломатическія депеши датскаго посланника при русскомъ дворѣ Вестфалена о воцареніи императрицы Анны Іоанновны. (РС, 1909, CXXXVII, 194—211, 279—298, 537—554).

Корсакова, В. Д. Списокъ начальствующихъ лицъ лицъ въ городахъ теперешней Казанской губ. съ 1553 г. до образованія Казанской губ. въ 1708 г., а также губернаторовъ, намѣстниковъ, генералъ-губернаторовъ и военныхъ губернаторовъ, управляющихъ казанскою губ. съ 1708 г. по 1908 г. включительно. Съ предисловіемъ проф. Д. А. Корсакова, Казань. 1908. 9+13+18+14.

Корсаковъ, Д. А. Сборникъ матеріаловъ по исторіи Казанскаго края въ XVIII вѣкѣ, изданный подъ редакціей Д. А. Корсакова. Казань. 1909. 7+56+367+32+I

Красноженъ, М. И. Университетскій вопросъ. (ЗЮУ, 1909, VII, 1—40).

Кривенко, В. С. Полтавской побѣдѣ. (РА, 1909, іюнь, 294—295).

Круковскій, А. Свѣтлая личность западно-русскаго прошлаго (РС, 1908, CXXXIV, 11—15).

Къ 300-лѣтней годовщинѣ смерти кн. Константина Острожскаго).

Записки **дюка Лирійскаго** Съ приложеніемъ статьи Ѳеофана Прокоповича о воцареніи Анны Іоанновны. (РА, 1909, мартъ, 337—442).

Майковъ, П. М. Два письма Екатерины II къ Я. Е. Сиверсу. (РС, 1908, CXXXVI, 574—576).

Изъ воспоминаній Н. А. Малевскаго-Малевича (РА, 1909. май, 115—133).

Матеріалы до исторіи Украиньской козаччины т. I *(выше I 348)*. Реценз.: **П. Жуковичъ** (ЖМНПр, 1909, ноябрь, 232—238).

Мошковскій, Касперъ Рукопись въ тюрьмѣ. Сообщ. Н. Э. Писаревъ. (РА, 1909, апр., 483—564).

О Волыни, Подоліи и Украйнѣ въ 1833—1839 гг.

Назаревскій, В. В. Императоръ Александръ I, 1812 г. и другія войны его царствованія. Съ 96 рис. Москва, 1909. Реценз.: **А. П.** (ИВ, 1909, CXVIII, 702—703).

Изъ бумагъ Я. М. Невѣрова. (РА, 1909, май, 78—94).

Общественное движеніе въ Россіи въ началѣ XX вѣка. Подъ редакціей Л. Мартова, П. Маслова и А. Петерсона. Томъ II. Часть первая: а) Международное положеніе Россіи передъ революціей. 2) Массовое движеніе. СПБ. 1909.— Реценз.: **А. С. Изгоевъ** (РМ, 1909, сент., 93—98).

Овсяный, Н. Устроители Болгаріи: князь Черкасскій, князь Дондуковъ—Корсаковъ и Столыпинъ.

(РС, 1909, CXXXVII, 44—54; 365—376, 579—586).

Оглоблинъ, Н. Н. Изъ бытовой исторіи XIX вѣка. (ЧтОИД, 1910, I, смѣсь, 1—34).

Изъ бумагъ покойнаго протоіерея Кіево-Софійскаго собора Оглоблина извлечены матеріалы для ряда замѣтокъ: 1) Явленіе въ г. Свіяжскѣ (1828 г.), 2) Петербургская духовная Академія (1833—1835 гг.), 3) Николай I въ Смоленскѣ, 4) Московскій университетъ (1834 г.), 5) На уніатскомъ приходѣ (1836 г.), 6) Крѣпостные люди у духовенства (1837 г.), 7) «Смоленская Тѣлесная Консисторія», 8) Посланіе къ сочинителю «Смоленской Тѣлесной Консисторіи», 9) «Двѣ бездѣлки», 10) «Сцена изъ Смоленской комедіи», 11) Изъ петербургскихъ писемъ М. И. Муретова (1843 и 1845 гг.), 12) «Адскія газеты», 13) Князь И. Ѳ. Паскевичъ-Эриванскій, 14) Смоленскіе дворяне наканунѣ освобожденія крестьянъ (1859 г.), 15) «Профессоръ Фурманской духовной Академіи» (1859 г.). 16) Старообрядческій попъ Іона (1864 г.).

Павловскій, И. Фр. Битва подъ Полтавой 27 іюня 1709 года и ея памятники. Полтава, 1909. Реценз.: **И. Б—на** (РА, 1909. іюнь, 291—293).

Павловъ-Сильванскій, Н. П. Сочиненія. Томъ II. Очерки по русской исторіи XVIII и XIX вв. СПБ, 1910. 8°. 401.

Паренсовъ, П. Письмо князя Яшвиля къ имп. Александру I. (РС, 1909, CXXXVII, 212).

Петровъ, Д. К. Россія и Николай I въ стихотвореніяхъ Эспронседы и Россетти. (=ЗПУ, XCIV). 1909. 8°. VIII+192+VIII.

Пильцъ, Эразмъ. Русская политика въ Польшѣ. Очеркъ. Варшава. 1909. 143. Реценз.: **А. Ивановичъ** (ИВ, 1909, ноябрь, 707—708).

Пирлингъ. Папскій представитель при русскомъ дворѣ (Lorenzo Litta, 1797—1799). (РС, 1909, CXXXVII, 35—43).

Пирлингъ. Восточная идея Поссевина. (РС, 1908, CXXXVI, 563—573).

Пирлингъ, Тимоѳей Акундиновъ въ Римѣ 1648 г. (РС, 1908, CXXXVI, 4—6).

Пирлингъ. Названный Димитрій и польскіе аріане. (РС, 1908, CXXXIV, 1—10).

Писаревскій, Гр. Изъ исторіи иностранной колонизаціи въ Россіи въ XVIII в. Москва, 1909. (=Зап. Моск. Арх. Инст., V). Реценз.: **Д. Цвѣтаевъ** (РА, 1909, апр., 636—640); **П. А. Шафрановъ** (Москва, 1909, 8° 22); **Н. Д.** (СлИ, 1909, стр. 856—857).

Платоновъ, С. Къ исторіи Полтавской битвы (27 іюня 1709 г.). (РС, 1909, CXXXVII, 28—34).

Попруженко, И. С. Изъ архива Н. Н. Новосильцова: 1) союзъ вольныхъ поляковъ. 2) Найденное въ В. О. Л. Н. между бумагами Сташица. 3) Эпилогъ одного романа (о разводѣ А. И. Чернышева). (РА, 1909, іюнь 244—271).

Полтавская побѣда. 1) Указъ Петра Великаго (РА, 1909, іюнь, 291).

Послѣднія отношенія Магницкаго къ Сперанскому. (РА, 1909, іюнь, 208—211).

Пронскій, М. П. Моровое повѣтріе въ Москвѣ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. 1654. (РА, 1909, XI, 193—7).

Ревизоръ былого времени. Изъ донесенія обоянскаго земскаго исправника Протопопова курскому

губ. А. С. Кожухову. 1826. (РА, 1909, апр., 630—634).

Россіевъ, П. А., Передъ крымской войной. (Изъ дипломатической переписки). (РА, 1909, май, 134—142).

Графъ Ѳ. В. Ростопчинъ. Его бумаги. (РА, 1909, 26—51).

Рудневъ, С. П. Записки П. Н. Костылева. (РА, 1909, янв., 123—168).

Русовъ, О. Про заняття Украінцівъ по перепису 1897 року. (ЗТ, 1909, V, 97—110).

Рывкинъ, X. Евреи въ Смоленскѣ. Очеркъ по исторіи еврейскихъ поселеній въ Смоленскѣ съ древнѣйшихъ временъ въ связи съ общимъ положеніемъ евреевъ въ древней Руси. СПБ, 1910. 8°. VII+102.

С., И. Обще-приходскія молебствія во время холеры. (1848). (РА, 1909, іюнь, 221—224).

С., Н. Иностранцы о Россіи въ XVII в. Съ 9 снимками. (СтГ, 1909, іюнь—сент., 467—478).

С., Т. Письмо масонской ложи Немезиды въ масонскую ложу Изиды (1776 г.). (РС, 1909, CXXXVII, 173—176).

Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Томъ CXXVII. СПБ, 1908.

Сообщена переписка русскихъословъ во Франціи и французскихъ пословъ въ Россіи.

«Томъ CXXVIII. Акты, документы и матеріалы для политической и бытовой исторіи 1812 года, собр. и изд. по порученію вел. кн. Михаила Александровича. Томъ I. Литва и Западныя губерніи. СПБ, 1909. Реценз.: **Г. Л. И.** (ИВ, 1909, CXVII, 668—674).

Сильницкій, А. П. 14 мѣсяцевъ службы на Камчаткѣ. (ИВ, 1909, ноябрь, 507—542).

Смирновъ, П. Орловскій уѣздъ въ концѣ XVI в. по писцовымъ книгамъ. (КУИ, 1909, IX, прибавленія, 201—232).

Письмо С. А. Соболевскаго къ А. П. Елагиной. (РА, 1909, іюнь, 198).

Соколовскій, М. Два письма цесар. Константина Павловича къ П. И. Линдестрему (1812 г.). (РС, 1908, CXXXVI, 75—77).

Соколовскій, М. Документы для біографіи Аракчеева. (РС, 1909, CXXXVII, 169—172).

Суворовъ. Его письма (къ П. П. Алексіано, Н. С. Мордвинову, пр. Нассау-Зигену и кн. Г. С. Волконскому). (РА, 1909, янв., 5—9).

Суворовъ, Н. Какъ Тиммерманъ и кумпанства строили корабли въ Воронежѣ. (Письма 1698 года). (РС, 1909, CXXXVIII, 28—30).

Суворовъ, И. Къ исторіи винной монополіи 1676 г. (РС, 1908, CXXXIV, 158—159; CXXXV, 74).

Суворовъ, И. Къ исторіи винной монополіи 1670 г. (РС, 1908, CXXXV, 210).

Суворовъ, И. Къ путешествію Петра Великаго въ Архангельскъ въ 1694 г. (РС, 1908, CXXXV, 366).

Т. Выставка въ память Отечественной войны 1812 г. въ Москвѣ. (СтГ, 1909, май, 264—265).

Тарасовъ, Н. Г. Горный Институтъ. Съ 4 снимками. (СтГ, 1909, мартъ, 139—145).

Тимощукъ, В. В. Александръ I и Восточная политика Россіи. (РС, 1909, CXXXVII, 604—614).

Т[имощукъ], В. Александръ I и Королева Гортензія. (РС, 1908, CXXXIII, 179—191, 307—322).

Т., В. Изъ дипломатической переписки сэра Джемса Гарриса — графа Мальмсбюри 1777—1782 гг. (РС, 1908, CXXXVI, 7—26).

Т., В. Императрица Елизавета Алексѣевна, супруга императора Александра I. (РС, 1909, CXXXVII, 145—168).

Титовъ, А. А. Колясниковскій синодикъ. Сергіевъ посадъ, 1909. Реценз.: **А. К—во** (ИВ, 1909, CXVII, 679—681).

Старинные волости и станы въ Костромской сторонѣ. Съ предисловіемъ **А. Титова.** Москва, 1909. Реценз.: **А. К — во.** (ИВ, 1909, CXVIII, 322 — 323).

Труды имп. русск. военно-истор. общества. Документы и изложеніе Полтавскаго періода Сѣверной войны. 1708—1709 гг. Томы I—IV. (*выше II 384*) Реценз.: **С. Ш.** (ИВ, 1909, CXVIII, 1133—1136).

Трутовскій, В. Бояринъ и оружничій Богданъ Матвѣевичъ Хитрово и Московская оружейная палата. Съ 23 снимками. (СтГ, 1909, іюль—сент., 345—383).

Записки **С. А. Тучкова.** 1766—1808. Подъ редакціей и со вступит. статьей К. А. Военскаго. СПБ., 1908. Реценз.: **Н. Л.** (РС, 1909, апрѣль, библ. лист.); **А. Б.** (ИВ, 1909, CXV, 783—785).

Фарфоровскій, С. Изъ дневника генералъ-лейтенанта И. Д. Попко. (РА, 1909, іюнь, 285—290).

Фирсовъ, Н. Н. Пугачевщина. Опытъ соціально-психологической характеристики. СПБ., 1909. Реценз.: **А. М.** (ИВ, 1909, CXVII, 306—307).

Францевъ, В. А. Къ исторіи нашихъ сношеній съ Черной Горой въ началѣ XIX столѣтія. (РС, 1908, CXXXIII, 239—242).

Хрептовичъ-Бутеневъ, Гр. Флоренція и Римъ въ связи съ двумя событіями изъ русской исторіи XV вѣка. Москва, 1909.

Шамбинаго, С. Письма королю Сигизмунду III о Самозванцѣ. (РС, 1908, CXXXVI, 709—719).

Шереметевъ, С. Д. графъ. Моровое повѣтріе въ Москвѣ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. (РА, 1909, ноябрь, стр. 193—196).

Ш., С. г. Схимонахиня Нектарія. Княгиня Наталья Борисовна Долгорукова, дочь фельдмаршала Шереметева. I. Москва, 1909. Реценз.: **В. Т—ій** (ИВ, 1909, CXVII, 1079—1080), **П. Б.** (РА, 1909, іюнь, на обл.).

Письмо фельдмаршала графа Б. П. Шереметева къ Петру Великому по случаю празднованія въ Шверинѣ радостнаго извѣстія о рожденіи царевича Петра Петровича. (РА, 1909, февр.. 173—174).

Письма къ В. С. Шереметеву. (съ предисловіемъ А. Титова). (РА, 1909, іюнь, 182—190).

Шиманъ и Брикнеръ. Смерть Павла Перваго. Переводъ съ нѣмецкаго. Москва, 1909. 8°. 160.

фонъ-Штейнъ, В. И. Иностранцы о Россіи. (Первое пятилѣтіе царствованія имп. Николая Павловича). (ИВ, 1909, CXVIII, 1099—1132).

фонъ-Штейнъ, В. И. Ходынская катастрофа. (ИВ, 1909, ноябрь. 473—507).

Шумигорскій, Е. С. Начало бюрократіи въ Россіи. (РС, 1908, CXXXIII, 71—76).

Щукинъ, П. И. Бумаги, относящіяся до Отечественной войны 1812 года. Часть X. Москва, 1908.

Юдинъ, П. Е. И. Станевичъ (по его письмамъ). (РА, 1909, февр., 281—284).

Воспоминанія стариннаго офицера лейбъ-гвардіи Волынскаго полка **В. П. Юрлова,** (РА, 1909, май, 5—18).

Baddeley, John Fr. The Russian conquest of the Caucasus. London, Longmans Green, 1908. 8°. XXXVIII+518. Реценз.: **A. Biovés** (RCr, 1909, LXVII, 157—158).

Brückner, A. O Rusi normańskiej jeszcze słów kilka (ЗІП, 1909, III, 363—371).

Gorjainov, S. M. Correspondance de Catherine Alexéievna, grande duchesse de Russie, et de sir Charles H. Williams, ambassadeur d'Angleterre. 1756—1757. Реценз.: **J. Slavík** (ČČH, 1909, III, 371—374).

de Guichen, vicomte. Pierre le Grand et le premier traité francorusse 1682—1717. Paris, 1908.

Отрывки изъ этой книги помѣщены въ русскомъ переводѣ:

Петръ Великій и Людовикъ XIV (РС, 1908, CXXXVI, 329—338); Петръ Великій въ Парижѣ въ 1717 году (РС, 1909, CXXXVII, 377—386).

Korb's. Diarium itineris in Moscoviam und Quellen, die es ergänzen. Beiträge zur moskovitisch-russischen, österreichisch-kaiserl. und brandenpreuss. Geschichte aus der Zeit Peters des Grossen. Von **F. Dukmeyer.** Bd. I. Berlin, 1909, Реценз.: **А. Малеинъ** (ИВ, 1909. CXVIII, 295—297).

Krček, Fr. Teorya Peiskera o niewoli prasłowiańskiej. Реценз.: **S. Matussiak** (Lud, 1909, I—II, 153).

von Osten-Sacken, P. Livländisch-russische Beziehungen während der Regierung des Grossfürsten Witowt von Litauen (1392—1430). Berliner Dissertation 1908. (Mitteilungen aus der livländischen Geschichte, XX. B. Riga, 1908). Реценз.: **A. Prochaska** (KwH, 1909, III, 401—419).

Pantenius, Th. Geschichte Russlands. Leipzig, 1908. Реценз.: **А. Б.** (ИВ, 1909, CXV, 783—785).

Schiemann, Th. Geschichte Russlands unter Kaiser Nikolaus I. Bd. II (1825—1830), Berlin, Reimer, 1908. 8°. XVI+521. Реценз.: **R. Guyot** (RCr, 1909, LXVII 198—199).

Stube, R. Der Anonymus von Nowgorod. Ein altrussischer Bericht über die westasiatischen Länder. (Ztschr. der Gesellsch. f. Erdkunde zu Berlin, 1909, № 8, стр. 547—552).

Waliszewski, K. Les origines de la Russie moderne. Le berceau d'une dynastie. Les premiers Romanow 1613—1682. Paris, 1909. Реценз.: **А. Б.** (ИВ, 1909, CXVII, 299—300).

Г. Исторія церкви.

Алексій, еп. Религ. движенія... *(выше II 385)* (ПрС, 1909, окт., 395—440, ноябрь, 531—546).

Благовидовъ, Ѳ. В. Отзывъ о сочиненіи студ. **К. Дьяконова:** «Духовныя школы въ царствованіе Импе-

ратора Николая I». (ПрС, 1909, ноябрь, 192—5).

Булгаковъ, С. Святитель Іоасафъ Горленко, епископъ Бѣлгородскій и Обоянскій. Курскъ, 1909.

Верюжскій, В. Аѳанасій, архіеп. Холмогорскій... (*выше I 360*). Реценз.: **С. Н. Введенскій** (ИВ, 1909, CXVIII, 694—696).

Глубоковскій, Н. Н. Преосвящ. Евсевій (Орлинскій), архіеп. Могилевскій, бывшій ректоръ (1847—1850 гг.) СПБ. дух. ак. (ХрЧт, 1909, октябрь, 1332—1352, ноябрь, 1459—1483).

Голубевъ, С. Т. Отзывъ о сочиненіи студ. **Н. Павловскаго:** «Большой Московскій соборъ 1666—1667 гг.». (ТКА, 1909, ноябрь, прил., 43—45).

Дружининъ, В. Г. «Священно—іерей» Матвѣй Андреевъ, его бесѣды съ безпоповцами и посланія къ нимъ. СПБ, 1908. Реценз.: **В. Т—ій** (ИВ, 1908, CXV, 787—789).

Жеваховъ, Н. Д., кн. Святитель Іоасафъ Горленко, епископъ Бѣлгородскій и Обоянскій (1705—1754). Матеріалы для біографіи. Томъ I часть I—III. Жизнь и дѣятельность святителя Іоасафа. Кіевъ, 1909. 8°. 691.

Завитневичъ, В. Отзывъ о сочиненіи студ. **Г. Соколова:** «Церковно-общественные идеалы И. С. Аксакова». (ТКА, 1909, ноябрь, приложеніе, 458—461).

Иващенко, В., протоіерей. Изъ пастырскаго быта сельскаго священника. (РС, 1909, CXXXVII, 219—230; CXXXVIII, 71—80).

Каптеревъ, Н. Ѳ. Отрицательное отношеніе къ реформамъ Никона въ средѣ православныхъ. (БВ, 1909, ноябрь, 361—388).

Каптеревъ, Н. Ѳ. Критика церковной реформы Никона въ литературныхъ произведеніяхъ ея первыхъ противниковъ. (БВ, 1909, сентябрь, 1—23, октябрь, 177—212).

Котовичъ, А. Дух. цензура...(*выше I 386*). Реценз.: **П. В. Верховской** (ИВ, 1909, CXV, 1169—1200); **А. Кизеветтеръ** (Русск. Мысль, 1909, окт., 23—42).

Матеріалы для исторіи Камчатской епархія въ половинѣ XIX вѣка. (ПрС, 1909, окт., 57—96).

Нечаевъ, А. Очеркъ изъ исторіи Тамбовской церкви. (РС, 1908, CXXXV, 37—56, 559—578).

Письма архіеп. **Никандра** Мемнону, еп. Елисаветградскому (съ предисловіемъ А. Титова и приложеніемъ письма иг. Миронія къ арх. Никанору). (РА, 1909, іюнь, 232—243).

Письма архіепископа **Никанора** къ И. Ч. Палимпсестову (РА, 1909, іюнь 225—231).

Изъ записокъ архіепископа **Никанора.** На Уфимской каѳедрѣ (1880—1882). Апологія (РА, 1909, февр. 209—276, май, 19—77).

Петровскій, С., протоіерей. Одескій Преображенскій нынѣ каѳедральный соборъ. Одесса, 1908.

Петровъ, Н. Отзывъ о сочиненіи студ. **В. Русанова:** «Бытъ студентовъ старой Кіевской Академіи». (ТКА, 1909, ноябрь, приложеніе, 454—7).

Письма московскаго митр. **Филарета** къ Василію Дмитріевичу Олсуфьеву. (РА, 1909, янв., 61—97).

Покровскій, И. Русскія епархіи въ XVIII вѣкѣ: открытіе ихъ, составъ и предѣлы. (ПрС, 1909, октябрь, 441—466, ноябрь 547—594).

Покровскій И. Отзывъ о сочиненіи студ. **К. Дьяконова**: «Дух. школы въ царствованіе имп. Николая I». (ПрС, 1909, ноябрь, 175—191).

Поликарповъ, М. А. Историческій очеркъ Анастасова монастыря. Москва, 1908. 16°. 32.

Поруганіе монаховъ. (РА, 1909, іюнь 207).

По поводу фарфоровой куклы, изображающей монаха

Родосскій, А. С. Біографическій словарь студентовъ первыхъ 28 курсовъ С.-Петербургской Духовной Академіи. 1814—1869 и СПБ, 1907. 8°. LXXXIV+552. Реценз.: **К. Я. Здравомысловъ** (Отчетъ о 50 присужд. наградъ графа Уварова, 45—82).

Сочиненіе XVIII вѣка противъ епископовъ, Съ предисловіемъ **В. И. Саввы.** (ЧтОИД, 1910, I, 1—35).

Сочиненіе сохранилось въ сборникѣ собранія И. Н. Михаловскаго (теперь въ Имп. Публ. Библ.) и принадлежитъ времени между 1744—1764 гг.; авторомъ его могъ быть извѣстный протоіерей Московскаго Архангельскаго собора Петръ Алексѣевъ (1727—1801).

Изъ бумагъ протоіерея Серафима Антоновича Серафимова. (РА, 1909, іюнь, 212—215).

1) Иннокентій Борисовъ и адм. Лазаревъ, 2) О митр. Агаѳангелѣ.

Сергѣевъ, А. Н. Смерть Моисея (Гумилевскаго), епископа Ѳеодосійскаго и Маріупольскаго. (РС, 1909, CXXXVII, 213—217).

Сергѣевъ, А. Изъ жизни нашего духовенства. (РС, 1909, CXXXVII, 218).

Эпизодъ изъ жизни епископа Харьковскаго Смарагда (1840—1863).

Соболевскій, А. И. Монастыри и ихъ возможная роль на русской восточной окраинѣ. СПБ. 1908, 14. (Отд. отт. изъ «Окраины Россіи»). Реценз.: **Л. Л(обовъ)**, (СлИ, 1909, стр. 281—282).

Суворовъ, И. Къ исторіи монастырей. (РС, 1908, CXXXV, 634).

Суворовъ, И. Къ исторіи Спасо-Каменнаго монастыря. (РС, 1908, CXXXIV, 349—350).

Т[имощукъ], В. Сношенія Россіи съ папскимъ престоломъ въ исходѣ XVII и первой половинѣ XVIII вѣка. (РС, 1908, CXXXIV, 353—366, 439—438; CXXXVI, 155—160, 373—387, 589—605).

По изслѣдованіямъ Пирлинга.

Титовъ, А. А. Лѣтопись Костромского Богоявленскаго монастыря, написанная послѣ разгрому 7117 года маія 6 числа. Москва, 1909. Реценз.: **А. К—во** (ИВ, 1909, CXVII, 1078—1079).

Титовъ, А. А. Упраздненные монастыри Костромской епархіи. Реценз.: **А. К—во** (ИВ, 1909, CXVII, 682—683).

Титовъ, А. А. Тихонъ Малышко, епископъ Ростовскій, XVI вѣка. Москва, 1908. Реценз.: **А. К—во** (ИВ, 1909, CXVI, 1072—1073).

Титовъ, Ѳ., проф. — протоіерей. Отзывъ о сочиненіи студ. священника **С. Петрунѣвича** на тему: «Западно-русская греко-уніатская церковь въ первую четверть вѣка ея существованія (1596—1620 гг.)» (ТКА, 1909, ноябрь, приложеніе, 437—440).

Титовъ, Ѳ., проф. Отзывъ о сочиненіи студ. священника **П. Под-**

высоцкаго на тему: «Западно-русскія полетическія сочиненія по вопросу о возстановленіи православной іерархіи въ З. Руси въ 1620 году». (ТКА, 1909, ноябрь, приложеніе, 440—445).

Титовъ, Ѳ., проф. Отзывъ о сочиненіи студ. **А. Райскаго** на тему: «Церковно-политич. дѣятельность русскихъ патріарховъ». (ТКА, 1909, ноябрь, приложеніе, 452—4).

Титовъ, Ѳ. И., проф. Къ исторіи Кіевской духовной Академіи въ XVII—XVIII вв. Св. Димитрій митрополитъ. Ростовскій, бывшій ученикъ Академіи (1651—709 г.) (ТКА, 1909, окт., 173 — 240).

Тухолка, С. Монастырь въ Црно рѣкѣ въ - Старой Сербіи (СлИ, 1909, стр. 926—930).

Харлампович, К. Архимандритъ Константинъ Барковскій и его литературная дѣятельность. (ПрС, 1909, ноябрь, 595—612).

Ѳоминъ, П, протоіерей. Святитель Іоасафъ Горленко, епископъ бѣлгородскій. и обоянскій. Харьковъ, 1909. Реценз.: **А. Б — овъ** (ИВ, 1909, CXVI, 1079—1080).

Szentklaray, E. Les monastères serbes dans le sud de la Hongrie. (Mémoires de l'Ac. hongroise 1908, № 4, p. 1—65).

Bar M. Die Kirchenbücher der Provinz Westpreussen. (Abhandlungen zur Landeskunde der Provinz Westpreussen, hgb. von der Provinzial-Kommission zur Verwaltung der Westpreussischem Provinzia-lMuseen, Heft XIII). Danzig, 1908. Реценз.: **F. Lorentz** (MittKašVk, 1909, I, 157—158).

Д. Исторія права.

Акты Угличской провинціальной канцеляріи (1719—1726 гг.) изданные наслѣдниками И. А. Вахромѣева подъ редакціей проф. **Ѳ. В. Тарановскаго.** Томъ II. Москва, 1909. 8°. XXXIX+418. (Труды Яросл. губ. Уч. Арх. Комм., VI).

Бобчевъ, Ст. С. История на старобългарското право. Лекціи и изслѣдованія. София, 1910. 8°. X+560. Реценз.: **Villy** (СлИ. 1909 № 7, стр. 967—968).

Введеніе: Понятіе и предметъ исторіи болгарскаго права. Значеніе и задачи исторіи б. права. Методы исторіи права. Догматическое, философское и историческое изученіе права. Исторія права, какъ наука. Исторія б. права вспомогательныя науки. Исторія б. права, какъ университетская дисциплина. Періоды исторіи болг. права. Часть общая. Источники: (Обычай и сборники обычнаго права. II) Законы и сборники законовъ: a) Законы Крума; b) Responsa papae Nicolai; c) Древнеболгарская кормчая; d) Законъ судный людемъ; e) Различныя юридическіе сборники; f) Хрисовулы; g) Договоры; h) Лѣтописи, житія, надписи и пр. Ч. I: Исторія старо-болгарскаго государственнаго права. Образованіе и развитіе болгарскаго государства. Второе болгарское царство. Государственное право. Территорія. Населеніе: его этнографическій и соціальный составъ. Верховная власть. Органы управленія. Ч. II: Исторія старо-б. судебнаго права: судоустройство и судопроизводство. Ч. III: Исторія полицейскаго права. Ч. IV: Исторія гражданскаго права; семейное, наслѣдственное имущественное, договорное право)

Богословскій, М. Земское самоуправленіе на русскомъ Сѣверѣ въ XVII в. I. Областное дѣленіе Поморья. Землевладѣніе и общественный строй. Органы самоупра-

вленія. Москва, 1909. 8°. VIII+321+105 (=ЧтОИД, 1910, VI). Реценз.: **А. Кизеветтеръ** (РМ, 1909, сент., 214—216).

Верховской, П. В. Населенныя недвижимыя имѣнія Св. Синода, архіерейскихъ домовъ и монастырей при ближайшихъ преемникахъ Петра Великаго. Коллегія Экономіи и Канцелярія Синодальнаго Экономическаго Правленія (15 іюля 1726 г.—12 мая 1763 г.). Изслѣдованіе въ области исторіи русскаго церковнаго права. СПБ, 1909. 8°. XII+345+185. Реценз.: **А. Титовъ** (ИВ, 1909, CXVI, 684—687).

Веселовскій, С. Б. Семь сборовъ запросныхъ... *(выше I 364)* Реценз.: **Е. Сташевскій** (ЖМНПр, 1909, XXIII, 165—194).

Вознесенскій, С. В. Городскіе депутатскіе наказы въ Екатерининскую коммиссію 1767 года. (ЖМНПр, 1909, ноябрь, 89—119).

Громогласовъ, И. Опредѣленіе брака въ кормчей *(выше I 364)*. Реценз.: **Никодимъ (Милашъ)**, епископъ далм. Перев. архим. Михаилъ, настоятель Кор. сербскаго въ Москвѣ подворья. (БВ, 1909, X, 355—359).

Дѣла Тайнаго приказа. Кн. 2-я. Изданіе Имп. Археогр. Коммиссіи подъ ред. **И. Я. Гурлянда.** СПБ, 1908. Реценз.: **А. Х—нъ** (ИВ, 1909, CXV, 321—322).

Записка неизвѣстнаго лица о государственномъ устройствѣ. Съ датой 5 янв. 1880. Сообщ. **бар. А. И. Дельвигъ.** (РА, 1909, мартъ, 443—461).

Изъ документовъ Сибирскаго приказа, сообщенныхъ **А. Н. Зерцаловымъ.** (ЧтОИД, 1910, I, смѣсь, 34—38).

Кизеветтеръ, А. А. Городовое положеніе... *(выше II 388).* Реценз.: **П. В. В.** (ИВ, 1909, окт., 301—203).

Ключевскій, В. Боярская Дума древней Руси. Изд. 4-е Москва, 1909. 8°. VI+548.

Красноженъ, М. Новѣйшее законодательство по дѣламъ православной русской церкви. (ЗЮУ, 1909, VIII, 1—72).

Лаппо, И. Гродскій судъ... *(выше I 365)* Реценз.: **St. Kutrzeba** (KwH, 1909, XXIII, 597—600).

Мулюкинъ, А. С. Пріѣздъ иностранцевъ *(выше I 365).* Реценз.: **В. Латкинъ** (ЖМЮ, 1909, ноябрь, 417—421).

Ровинскій, К. Дѣло о тридцати шести незаконныхъ бракахъ. Эпизодъ изъ жизни Смоленской шляхты въ XVIII вѣкѣ. (РА, 1909, іюнь, 161—181).

Романовъ, Б. Смердій конь и смердъ *(выше I 366).* Реценз.: **М. Грушевськiй** (ЗШ, 1909, III, 184—185).

Шумаковъ, С. А. Новыя губныя и земскія грамоты. (ЖМНПр, 1909, окт., 329—417).

Goetz, L. K. Staat und Kirche... *(выше I 366, II 389).* Реценз.: **I. Samsour** (H, 1909, V, 929—930).

Е. Исторія искусства.

Алексѣевъ, В. А. Письма А. Г. Венеціанова. (РС, 1908, CXXXVI, 152—154).

Бартеневъ, С. П. Большой Кремлевскiй дворецъ. Указатель къ его обозрѣнію. 1909. Реценз.: **М. Н.** (РА,

1909, май, 160); (СтГ, 1909, окт., 601).

Бенуа, А. Разсадникъ искусства (Лугано и его окрестности). (СтГ, 1909, апр., 175—202).

Сообщаются свѣдѣнія о художникахъ и архитекторахъ работавшихъ въ Россіи.

Билибинъ, И. Нѣсколько словъ о русской одеждѣ въ XVI и XVII вв. Съ 15 снимками. (СтГ, 1909, іюль—сент., 440—456).

Бондаренко, Е. Остатки Москвы XVII в. Съ 21 снимками (СтГ, 1909, іюль—сент., 425—439).

В., Н. Еще русскія сокровища въ Берлинѣ. (СтГ, 1909, янв., 41—42).

В., П. Въ Императорскомъ Эрмитажѣ. (СтГ, 1909, окт., 594—595).

Васильевъ, Ѳ. Древняя икона Святителя Алексія, исцѣляющаго жену хана Чанибека Тайдулу. (ПрС, 1909, ноябрь, 635—638).

Виноградовъ, С. П. Люди сороковыхъ годовъ въ литографіяхъ К. Горбунова (СтГ, 1909, февр., 102—105).

Врангель, Н., бар. Даръ вел. кн. Елизаветы Ѳеодоровны русскому музею имп. Александра III. (Работы Левицкаго, Боровиковскаго, Тончи, Щукина, Антропова, Вуаля). Съ 6 снимками. (СтГ, 1909, янв., 30—35).

Врангель, Н., бар. Русскія сокровища за границей (о собраніи П. В. Деларова). Съ 4 снимк. (СтГ, 1909, апр., 207—208).

Врангель, Н., бар. Очерки по исторіи миніатюры въ Россіи. Съ 58 снимками (СтГ, 1909, окт., 509—574).

Портреты. Н. В. Гоголя. Москва, 1909. Реценз.: **Н. б. В.** (СтГ, 1909, іюнь, 332).

Голомбіевскій, А. О выставкѣ, устроенной журн. «Старые Годы», для публики не открытой (СтГ, 1909, февр., 111—142).

Голомбіевскій, А. По поводу новыхъ пріобрѣтеній музея имп. Александра III и Имп. Эрмитажа. 1 Съ снимк. (СтГ, 1909, апр., 169—172).

И., М. Путеводитель по Петергофу. СПб. 1909. Реценз.: СтГ, 1909, окт., 600—601.

Иконописный сборникъ, Вып. 2. Изд. Высоч. утв. комитета попечительства о русской иконописи. Съ 22 рисунками въ текстѣ. СПБ. 1908. Реценз.: **М. Н.** (СтГ, 1909, апр., 224).

К., В. Къ исторіи пребыванія русскихъ художниковъ за границей. Съ 3 снимками. (СтГ, 1909, іюнь, 338—439).

Коршъ, Е. Русское серебреное дѣло XVII в. и его орнаментація. Съ 22 снимками (СтГ, 1909, іюль—сент., 404—424).

Кузьминъ, Е. Отъ XVII къ XVIII в. О нѣкоторыхъ памятникахъ южно-русскаго прикладного искуства. Съ 10 снимками (СтГ, 1909, іюль—сент., 457—466).

Курбатовъ, В. Зеленые памятники петербургской старины. (СтГ, 1909, мартъ, 150—151).

Курбатовъ, В. Къ лѣтописи уничтоженія красоты Петербурга (СтГ, 1909, іюнь, 316—317).

Курбатовъ, В. Запоздалыя заботы (СтГ, 1909, іюль—сент., 481—484).

Объ обязанности Академіи художествъ охранять старинныя постройки СПБурга.

Кушелевская галерея изд. Голике. Реценз.: **А. Б.** (СтГ, 1909, февр. 108—110).

Ломоносовская мозаика (СтГ, 1909, іюль — сент., 479).

Замѣтка по поводу ея воспроизведенія

Лукомскій, Ч. Нѣсколько памятниковъ архитектуры въ Калугѣ. Съ 9 снимками (СтГ,1909, ноябрь 612—619).

М., Н. Ремонтъ колокольни Данилова мон. (СтГ, 1909, іюль — сент., 494).

М., Н. Реставрація Полоцкаго Софійскаго собора (СтГ, 1909, іюль — сент., 488).

Маковскій, Серг. Тщетные вопли.. Съ рисунками (СтГ, 1909, іюль, 318—319).

По поводу разрушенія Калинкина моста.

Муратовъ, П. Новыя пріобрѣтенія Третьяковской галлереи. (Зол. Руно, 1908, II, 72—74).

Николай Михайловичъ, вел. князь. Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій Томъ V вып. 1—3 СПБ, 1909. Реценз.: СтГ, 1909, іюнь, 331.

Новицкій, А. Парсунное письмо въ Московской Руси. Съ 11 снимками. (СтГ, 1909, іюль — сент. 384—403).

Покровскій, Н. В. 1809 — 1909, Церк. арх. музей *(выше II 390)*. Реценз.: **Н. М.** (СтГ, 1909, ноябрь, 651); Σ. (ИВ, 1909, ноябрь, 698 — 701).

Покровскій, Н. В. Памятники церковной старины въ Костромѣ. СПБ. 1909. Реценз.: СтГ, 1909, іюнь, 333.

Р., Н. Д. Вниманіе къ Благовѣщенскому собору (СтГ, 1909, іюль—сент., 493).

О передѣлкахъ въ немъ.

Рерихъ, Н. Десятинная церковь въ Кіевѣ (СтГ, 1909, май, 266—267).

Ростиславовъ, А. Провинціальный вандализмъ. Романово-Борисоглѣбскіе соборы. (СтГ,1909, апр., 205—206).

Ротштейнъ, Н. Новыя книги по керамикѣ (СтГ, 1909, мартъ, 160—164, апр., 217—223).

Рошъ, Д. Нѣсколько замѣчаній о Вуалѣ и о Віолліе. Съ 11 снимками (СтГ, 1909, окт., 575—593).

Рошъ, Д. Перечень русскихъ и польскихъ художниковъ, имена которыхъ значатся въ спискахъ Парижской Академіи живописи и скульптуры. (СтГ, 1909, іюль, 306—315).

Рудницкіе, Л. и **М.** Изчезновеніе бронзовыхъ грифоновъ передъ Академіей художествъ. (Съ прибавленіемъ **бар. Н. Врангеля** о постройкѣ пристани у Академіи Художествъ). (СтГ, 1909, іюнь, 336 — 338).

Рудницкіе, Л. и М. Перроне (1708—1794) Съ 3 снимками (СтГ, 1909, мартъ, 167—168).

О его проектахъ петербургскихъ мостовъ

С., А. Pro domo sua. (СтГ, 1909, февр., 92—94).

О разрушеніи памятниковъ старины въ Москвѣ.

Селивановъ, А. Изъ области русской художественной керамики. Съ 23+4 снимками (СтГ, 1909, іюнь, 291—300; ноябрь, 621—624).

Селивановъ, А. По поводу работъ художника Михаила Шибанова. (СтГ, 1909, май, 288).

Соколовская, Т. Масонскіе рисунки и виньетки. (СтГ, 1909, янв. 46—51).

Соколовская, Т. Два портрета Павла I съ масонскими эмблемами. (РС, 1908, CXXXVI, 81—95).

Соловьевъ, Н. Каталогъ № 85. Русскіе портреты, Гравюры и литографіи СПБ. 1909. съ 9 иллюстр. Отзывъ: СтГ, 1909, мартъ, 165.

Солосинъ, И. И. Музыкальные инструменты русскаго народа, СПБ, 1909. 48 p. 8°. (Отд. отт. изъ Правительств. Вѣстника, 1909, № 151, 152, 153).

Стасовъ, В. В. Письма А. Н. Сѣрова къ В. В. Стасову. (РС, 1908, CXXXIV, 451—470, 485—510).

Фелькерзамъ, А., бар. Даръ вел. кн. Елисаветы Ѳеодоровны въ Имп. Ермитажъ (коллекція в. к. Сергія Александровича). Съ 12 снимками (СтГ, 1909, янв. 24—29).

Храмовая икона Владимирской церкви г. Вологды и ея реставрація. Съ приложеніемъ 5 фототипій. Изд. иконописцевъ М. и Г. Чириковымъ. М. 1908. Реценз.: **Н. М.** (СтГ, 1909, февр., 107—108).

Щ., В. Мастерская «Рембрандтовъ» въ Петербургѣ (СтГ, 1909, февр., 99).

Chytil, K. Malérstvo pražské XV a XVI věku. Реценз.: **А. И. Яцимирскій** (СтГ, 1909, ноябрь), 646—650).

Królinski, K. O muzyce ludowej i jej kapłanach (Lud, 1909, I—II, 61—66).

Mokłowscy, Kazimierz i Tadeusz. Sprawozdanie z wycieczki odbytej kosztem Komisyi w r. 1904 w celu badania sztuki ludowej. (Sprawozd. Kom. do badania historyi sztuki w Polsce, VIII, I—III, 199 — 228). Реценз.: **В. Щербаківський** (ЗШ, 1909, III, 215—218).

Nejedlý, Zd. Názor středovčku na hudbu. (ČČH, 1909, III, 330—344).

Ж. Генеалогія, геральдика.

Арсеньевъ, Ю. А. Геральдика. Лекціи, чит. въ Моск. Археол. Институтѣ въ 1907—8 гг. Москва, 1908.

Кашкинъ, Н. Н. Родъ Вандомскихъ. (СтНов, 1909, XIII), Реценз.: **А. М.** (ИВ, 1909, CXVI, 691—692).

Древній дворянскій родъ фонъ-Роткирховъ. (РА, 1909, февр., 279—280).

Модзалевскій, Б. Л. Родъ Раевскихъ герба Лебедь. СПБ., 1908.

Модзалевскій, В. Л. Малоросс. родословникъ. I (*выше I 367*). Реценз.: **В. Е. Рудаковъ** (ЖМНПр, 1909, ноябрь, 216—224).

Савеловъ, Л. М. Лекціи по русской генеалогіи, читанныя въ Моск. Археол. Институтѣ. Москва, 1909. 8°. 157.

Черняева, А. Лѣтопись семьи Черняевыхъ. (РА, 1909, февр., 75—207).

Шереметевъ, П., графъ. О князьяхъ Хованскихъ. Москва.

IV. Исторія славяновѣдѣнія.

Александровъ, И. Памяти ксендза Казимира Іосифовича Явниса (ИКО, 1908. XXIV, 247—253).

В., Н. Б. Некрологъ А. И. Сомова. (СтГ, 1909, іюнь, 321—322).

Вукова преписка. Кньига друга, (Државно издање). Београд. 1908. 8°. XXIV+859 стр. Цена 10 динара. Реценз.: **Н. М. Петровскій** (Изв. XIV/2, 336—347).

Евгеньевъ, А. Е. Къ пятидесятилѣтію Литературнаго фонда (1859—1909). (ИВ, 1909, CXVIII, 642—645).

Памяти **П. А. Ефремова.** Сообщенія, сдѣланныя на общемъ собраніи 13 февр. 1908 г. Русск. Библіограф. Общества при Имп. Моск. Ун—тѣ. Москва, 1908. 8°. 39.

Жебелевъ, С. Памяти Егора Кузьмича Рѣдина. СПБ., 1909. 8°. 8.

Письма И. В. Кирѣевскаго къ В. А. Жуковскому. (РА, 1909, апр., 591—600).

Изъ писемъ И. В. Кирѣевскаго къ его матери А. П. Елагиной. (РА, 1909, май, 113—114).

Письма И. В. Кирѣевскаго къ А. И. Кошелеву. (РА, 1909, май, 95—106.

Письма И. В. Кирѣевскаго къ А. С. Хомякову. (РА, 1909, май, 109—113).

Письма И. В. Кирѣевскаго къ М. П. Погодину. (РА, 1909, май, 107—108).

Письма И. С. Аксакова изъ Варваринской ссылки 1878 г. (къ П. И. Бартеневу, В. А. Елагину). (РА, 1909, май, 145—151).

Некрологъ **И. Е. Забѣлина.** (СтГ, 1909, февр., 100—101).

Въ память **Кочубинскаго, А. А.** сборникъ, изданный Ист.-Филолог. обществомъ при Имп. Новороссійскомъ университетѣ. Одесса, 1909. 8°. 134+портретъ А. А. Кочубинскаго.

Содержаніе: 1) **С. Г. Вилинскій.** А. А. К., какъ дѣятель Ист.-фил. общества, 1—5; 2) **Б. М. Ляпуновъ.** А. А. К. и его труды по славянской филологіи, 6—112; 3) **М. Г. Попруженко.** Ист.-лит. труды проф. А. А. К., 113—127; 4) **В. Н. Мочульскій.** Труды проф. А. А. К., касающіеся русской литературы, 128—134.

Красноженъ, М. Знаменитый канонистъ А. С. Павловъ. Біографія и ученые его труды. (ВВр, 1908, XV, 204—226).

Лебедевъ, В. А. Изъ жизни Ѳ. И. Буслаева. (РС, 1908, CXXXIII, 55—70. 298—306).

Изъ архива М. А. Максимова [письма В. Н. Каразина, гр. Д. Н. Блудова и гр. С. С. Уварова). (РА, 1909, мартъ, 462—464).

Русова, С. Ф. В. Б. Антоновичъ. (РМ, 1909, IV, 48—59).

Соболевскій, А. И. А. С. Будиловичъ 1846—1908. Некрологъ, СПБ, 1909.

Соболевскій, А. И. Славяновѣдѣніе въ русской высшей школѣ (СлИ, 1909, стр. 636—642).

Aus **Jacob Grimms** Briefwechsel mit slavischen Gelehrten. Mitgeteilt von August Sauer. Prag. Druck und Verlag von Carl Bellmann. 1908 (Prager Deutsche Studien. Herausgegeben von Carl von Kraus und August Sauer. Achtes Heft. Sonderabzug.) 8°. 45. Реценз.: **Н. М. Петровскій** (Изв., XIV/$_3$, 348—352).

Matusiak, S. Karol Estreicher (некрол.) (Lud, 1909, I—II, 6—8).

ПОПРАВКИ

къ статьѣ Н. П. Некрасова: «По поводу двухъ статей А. И. Томсона о род.-вин. падежѣ», помѣщенной въ 3 книгѣ XIV тома «Извѣстій» за 1909 годъ.

		Напечатано.	*Должно быть.*
стран.:	строка:		
41	13 св.	μογίλάλον	μογιλάλον
		ἀοτόν	αὐτόν
44	1 св.	мѧ. приемлетъ	мѧ приемлетъ.
—	2 св.	посълавъшааго мѧ	посълавъшааго мѧ.
45	16 св.	traduine	traduire
64	10 сн.	съ	въ
68	3 св.	веществатъ	веществахъ

Памяти Тургенева.

(Рѣчь въ торжественномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 1 марта 1909 г.).

Когда, по случаю исполнившагося двадцатипятилѣтія со смерти и девятидесятилѣтія со дня рожденія Ивана Сергѣевича Тургенева, Академія Наукъ возложила на меня обязанность сказать слово въ память покойнаго писателя, я былъ въ немаломъ затрудненіи. Что можно сказать новаго о художникѣ слова, который былъ не только глубокимъ выразителемъ думъ, чувствъ и надеждъ русскаго человѣка, но и обаятельнымъ изобразителемъ его быта, его душевныхъ свойствъ и той сѣрой, но милой сердцу природы, среди которой ему приходится жить?! Не все ли по этому поводу уже сказано въ отдѣльныхъ очеркахъ, цѣлыхъ лекціяхъ, курсахъ и критическихъ статьяхъ? И можно ли вообще что-либо прибавить къ оцѣнкѣ, сдѣланной на одрѣ болѣзни знаменитымъ Тэномъ, который, въ виду уже близкой смерти, находилъ наслажденіе въ слушаніи повѣстей Тургенева и опредѣлялъ его, какъ художника наиболѣе совершеннаго между тѣми, кто писалъ послѣ грековъ, — съ которымъ никто не можетъ сравниться въ строгомъ выборѣ матеріала, въ правильности и скульптурной красотѣ формъ, при чемъ каждая изъ его маленькихъ повѣстей напоминаетъ безупречную античную камею? Можно бы, пожалуй, разработать вопросы объ отношеніи Тургенева къ нашей текущей жизни и о томъ, въ чемъ состоятъ и чѣмъ являются для насъ его нравственные завѣты. Но, эта задача выпала на долю моего товарища по Академіи Н. А. Котляревскаго, и мы только-что слышали, какъ тонко и вдумчиво онъ ее

осуществилъ. Одно обстоятельство выводитъ меня однако изъ затрудненія. Перелистывая письма Тургенева къ Некрасову, я нахожу между ними, въ относящихся въ первой половинѣ 50-хъ годовъ, письмо съ вопросомъ Тургенева редактору «Современника» о томъ, кто такой авторъ «Дѣтства и Отрочества» и что̀ за человѣкъ тотъ Л. Н. Т., къ которому слѣдуетъ отнестись съ особеннымъ вниманіемъ, потому что это — «талантъ надежный». А въ 1847 году Гоголь пишетъ Анненкову: «Изобразите мнѣ портретъ Тургенева, чтобы я получилъ о немъ понятіе, какъ о *человѣкѣ*; какъ писателя, я уже отчасти его знаю: сколько могу судить по тому, что̀ прочелъ, талантъ въ немъ замѣчательный и обѣщаетъ большую дѣятельность въ будущемъ». Вотъ — и выходъ изъ моего раздумья. Можно попробовать установить представленіе о Тургеневѣ, какъ о личности, заглянуть въ его душевный міръ и въ его отраженіе на окружающей общественной средѣ, т. е. взглянуть на Тургенева, какъ на человѣка въ частной жизни и въ работѣ на пользу родинѣ.

Для этого въ нашемъ распоряженіи довольно много матеріала: прежде всего автобіографическія данныя, содержащіяся въ сочиненіяхъ Тургенева, — затѣмъ различныя воспоминанія о немъ, — его письма, болтливые разсказы *друзей* и отзывы *враговъ*. Послѣднихъ у Тургенева было немало, что̀ и понятно относительно такого человѣка, ибо безъ собственнаго и при томъ выдающагося содержанія нельзя вызвать къ себѣ ни любви, ни ненависти. Для того, чтобы зажечь сердца однимъ изъ этихъ чувствъ, нуженъ огонь, носимый въ собственной душѣ. При томъ — какъ сказалъ князю Вяземскому Киселевъ — «человѣкъ вѣдь не червонецъ, чтобы его *всѣ любили*». Еще Пушкинъ вѣрно замѣтилъ, что «умъ, любя просторъ — тѣснитъ; и пылкихъ душъ неосторожность самолюбивую ничтожность иль оскорбляетъ, иль смѣшитъ». Это дѣйствіе ума и пылкой души простирается иногда не на одну ничтожность, такъ какъ узкое и мелкое самолюбіе, къ несчастію, бываетъ свойственно и очень крупнымъ людямъ. Мягкій и довѣрчивый по характеру и образу дѣйствій, Тургеневъ однако не поступался своими искренними убѣжденіями и серьезно выработанными взглядами и не склонялъ свою выю безъ критики передъ тѣми, кто претендовалъ на общее признаніе. Онъ не былъ никогда «жрецомъ минутнаго, поклонникомъ успѣха». Недаромъ его очень часто изображаютъ

въ воспоминаніяхъ — оживленно спорящимъ, и нерѣдко въ ироническомъ тонѣ. Логическія и нравственныя уродливости въ людяхъ, встрѣчаемыхъ имъ на жизненномъ пути, воспринятыя его впечатлительнымъ умомъ, выливались у него въ форму насмѣшливыхъ прозвищъ, эпиграммъ и крылатыхъ словечекъ, которые затѣмъ съ поспѣшнымъ злорадствомъ разносились разными дружественными вѣстовщиками по адресу. Въ этомъ отношеніи Тургеневъ могъ сказать про себя словами русской поговорки: «языкъ мой — врагъ мой» — и при этомъ не въ томъ смыслѣ, какъ это говорилъ про себя одинъ чиновникъ, блестящая карьера котораго была испорчена вслѣдствіе опалы, постигшей его принципала. «Уста мои — враги мои!» — восклицалъ онъ въ горести, а на недоумѣвающій вопросъ вразумительно отвѣчалъ: «тридцать лѣтъ *не ту* руку лобызали». Отъ мстительной оцѣнки и необоснованныхъ укоровъ со стороны враговъ теперь почти ничего и но осталось, кромѣ воспоминаній о недоброжелательной подозрительности Гончарова, развившейся на почвѣ болѣзненнаго соревнованія, и нѣсколькихъ страницъ въ «Бѣсахъ» Достоевскаго, имѣющихъ видъ злобнаго памфлета, не дѣлающаго чести его великому автору.

Но зато *друзья* вполнѣ осуществляли по отношенію къ Тургеневу испанскую поговорку: «избави меня Богъ отъ друзей, а съ врагами я самъ справлюсь». Ему мало приходилось отъ нихъ слышать словъ одобренія и ободренія въ трудныя минуты жизни, когда такъ нужно бываетъ найти дружескую опору. Изящное опредѣленіе дружбы, сдѣланное Шиллеромъ: «o Du-Du die alle Wunden heilest, der Freundschaft zarte, liebe Hand», далеко не вполнѣ было примѣнимо къ Тургеневу. Его *заграничные* друзья были скорѣе пріятелями, не имѣя съ нимъ ни общаго прошлаго, ни языка, ни пережитаго, а его *русскіе* друзья... ихъ рука подчасъ бывала совсѣмъ не нѣжной и не только не залѣчивала душевныхъ ранъ, но съ холоднымъ любопытствомъ копалась въ нихъ и «къ первѣе наложеннымъ» прилагала новыя раны, съ торопливымъ участіемъ и словами безплоднаго негодованія сообщая о всемъ томъ, что способно было больно уязвить душу писателя. Конечно, были исключенія, но даже лучшіе изъ друзей «разъясняли» ему менторскимъ тономъ недостатки и промахи въ его произведеніяхъ, наводя этимъ его на напрасныя сомнѣнія въ себѣ. Таковъ, напримѣръ, былъ тотъ изъ лучшихъ его друзей, который нахо-

дилъ, что удивительная по отдѣлкѣ, цѣльности и жизненности глава о «Өимушкѣ и Өомушкѣ» въ «Нови», заставляетъ чувствовать напряженіе, излишекъ головной работы, даже робость и должна быть признана неумѣстной, съ чѣмъ смиренно соглашался обезкураженный Тургеневъ. Экспансивный и довѣрчивый по натурѣ, Тургеневъ легко и, повидимому, поспѣшно завязывалъ отношенія близкой дружбы съ людьми, которые не всегда этого стоили, очевидно забывая, что слишкомъ тѣсная дружба съ людьми, съ которыми не съѣдено пуда соли, бываетъ похожа на тонкую и хорошую гравюру, которую слишкомъ часто держишь въ рукахъ, захватывая ея края пальцами и незамѣтно портя ея первоначальную красоту. Въ приливахъ незаслуженной откровенности Тургеневъ не щадилъ себя, и даже любилъ изображать себя въ смѣшномъ видѣ или затруднительномъ положеніи. Онъ забывалъ совѣтъ Талейрана: «никогда не говори о себѣ дурно: друзья и безъ того достаточно о тебѣ наговорятъ». Вслѣдствіе этого «друзья» зачастую судили его не по возвышеннымъ минутамъ проявленія его духовной природы, а по мелочамъ, промахамъ и настроеніямъ ежедневности. Не только Головачева-Панаева, сводившая съ нимъ, въ недостовѣрныхъ по самой своей формѣ воспоминаніяхъ, счеты уязвленнаго и озлобленнаго самолюбія, но и Анненковъ, и даже Фетъ, мемуары котораго представляютъ удивительное смѣшеніе идеаловъ Скалозуба съ истинной поэзіей — и тихой грусти крѣпостника о невозвратномъ съ философскими афоризмами, — не щадятъ его. Когда сопоставляешь такія воспоминанія съ полными трогательной откровенности письмами Тургенева къ ихъ авторамъ, то невольно приходитъ на умъ тотъ умудренный жизнью человѣкъ, который подписывалъ свои письма словами «*преданный Вам..*», объясняя опущеніе твердаго знака тѣмъ, что до поры до времени онъ обыкновенно не знаетъ, преданъ ли онъ тому, *кому* пишетъ, или преданъ *тѣмъ*, кому пишетъ.

Драгоцѣнный матеріалъ для сужденія о Тургеневѣ даютъ его письма. Въ нихъ не только сказывается великій русскій писатель со своими печалями и страданіями, съ отношеніемъ къ родинѣ, къ жизни и смерти, къ искусству и творчеству и наконецъ къ самому себѣ и друзьямъ, но и блеститъ его юморъ и тихо свѣтится задушевная грусть, сопровождавшая его, повидимому, всю жизнь. Тутъ нѣтъ ничего сочиненнаго или приду-

маннаго, нѣтъ присущаго пишущимъ для публики самолюбованія и желанія выразиться поумнѣй и покрасивѣй. Это совершенно интимныя письма, набросанныя наскоро и переполненныя множествомъ подробностей, не имѣющихъ никакого общаго интереса или значенія. Въ нихъ Тургеневъ, говоря о томъ или другомъ, незамѣтно для себя *свидѣтельствуетъ* о самомъ себѣ.

Говоря объ общественной дѣятельности или, вѣрнѣе, объ общественныхъ заслугахъ Тургенева, невольно приходится остановиться на его дѣтствѣ и ранней молодости. Они были очень тяжелы, безъ теплаго привѣта, безъ ласки и внимательнаго отношенія къ воспріимчивой душѣ ребенка и къ впечатлительному сердцу отрока. Онъ имѣлъ полное право сказать словами Некрасова: «ничѣмъ я въ дѣтствѣ не плѣненъ — и никому не благодаренъ!» Въ карамазовской до извѣстной степени обстановкѣ помѣщичьей усадьбы въ Спасскомъ-Лутовиновѣ царила жестоко и властно мать Тургенева, невольное воспоминаніе о которой сквозитъ въ его словахъ о помѣщицѣ въ «Муму» — «День ея нерадостный и ненастный давно прошелъ, но и вечеръ ея былъ чернѣе ночи». Отецъ писателя «красавецъ-мужчина», поправившій свои дѣла женитьбой на богатой некрасивой дѣвушкѣ, былъ человѣкъ равнодушный ко всему и въ томъ числѣ къ дѣтямъ. Ограничась относительно ихъ ролью чистокровнаго производителя, онъ покорно склонялъ свою выю подъ иго жены. Его совершенно обезличила и обезволила эта женщина — образованная, мстительная, виртуозная по части жестокихъ оскорбленій подвластнымъ — будутъ ли это дѣти или дворовые — и сводившая на измученной и подавленной душѣ и на спинѣ своихъ крѣпостныхъ свои счеты съ судьбою, пославшей ей угрюмую и тяжелую молодость. Безхитростныя воспоминанія Житковой содержатъ рядъ картинъ, рисующихъ то утонченное сладострастіе мучительства окружающихъ, которымъ она вознаграждала себя за отсутствіе любви и ласки въ молодости. Крѣпостное право отражалось не на однихъ крестьянахъ: оно наносило удары и вверхъ и въ стороны, принижая однихъ, растлѣвая другихъ, оскорбляя третьихъ. Къ послѣднимъ принадлежалъ Тургеневъ. Ежедневныя мелкія и крупныя злоупотребленія помѣщичьей властью оставляли въ его душѣ незаживавшіе нравственные рубцы и наконецъ переполнили его сердце праведнымъ гнѣ-

вомъ. Этотъ гнѣвъ нашелъ себѣ могучаго союзника въ великомъ талантѣ писателя и помѣшалъ ему, подобно многимъ изъ его современниковъ, искать утѣшенія въ философской формулѣ, что «все существующее разумно», или отдаться безмятежному служенію «чистому искусству». Сквозь «шопотъ, робкое дыханіе» ему слышались заглушенныя рыданія и стоны людей, обращенныхъ въ вещи, которыми можно торговать и уплачивать карточные долги. Поэтому, когда онъ сталъ «смятенія и звуковъ полнъ», это смятеніе вызывалось въ немъ не «трелями соловья и серебромъ и колыханіемъ соннаго ручья», а созерцаніемъ рабскаго ига, которымъ, по выраженію Хомякова, была клеймена Россія, а звуки эти были голосомъ сильнѣйшаго негодованія. Объясняя свое раннее (въ 1847 г.) *бѣгство* за границу, Тургеневъ самъ говоритъ: «я не могъ дышать однимъ воздухомъ, оставаться рядомъ съ тѣмъ, что̀ я возненавидѣлъ; мнѣ необходимо нужно было удалиться отъ моего врага за тѣмъ, чтобы изъ самой моей дали сильнѣе напасть на него. Въ моихъ глазахъ врагъ этотъ имѣлъ опредѣленный образъ, носилъ извѣстное имя: врагъ этотъ былъ крѣпостное право. Подъ этимъ именемъ я собралъ и сосредоточилъ все, противъ чего я рѣшилъ бороться до конца — съ чѣмъ я поклялся никогда не примиряться... Это была моя Аннибаловская клятва».

Но вопросъ о готовности на эту борьбу со стороны писателя тѣми чудными средствами, которыя были даны ему судьбою, влекъ за собою другой: «*какъ* бороться?» Крѣпостное право, несмотря на свое безобразіе, было не только однимъ изъ «устоевъ» современнаго ему общественнаго устройства, имѣвшимъ по своему значенію право войти въ качествѣ четвертаго члена въ пресловутую трехчленную формулу Уварова, но представлялось глубокимъ бытовымъ и органическимъ явленіемъ. Оно было сильно не только само по себѣ, но и помощью неожиданныхъ союзниковъ извнѣ. Если нельзя считать серьезными и искренними предположенія объ его уничтоженіи со стороны Александра I въ тѣ минуты, когда «сфинксъ, неразгаданный до гроба», начиналъ сентиментально «любить человѣчество» и послѣ того, какъ заступившись за *черныхъ* невольниковъ на лондонскомъ конгрессѣ, вспомнилъ, что и у него въ Россіи существуютъ *бѣлые* невольники, — то совсѣмъ нельзя того же сказать про императора Николая I. Послѣдній искренне желалъ освободить Россію отъ позора, ко-

торый, какъ бы въ насмѣшку надъ справедливостью, носилъ названіе *права*. «Я не понимаю, — говорилъ онъ: — какимъ образомъ *человѣкъ* сдѣлался *вещью*, и не могу себѣ объяснить этого иначе, какъ хитростью и обманомъ съ одной стороны и невѣжествомъ — съ другой. Этому должно положить конецъ!» Онъ ясно сознавалъ тотъ вредъ матеріальный и нравственный, который причиняла всему государственному организму такая внутренняя язва. Но общее настроеніе окружающихъ, возросшихъ среди беззаботныхъ выгодъ и удобствъ дарового труда — раболѣпныя увѣренія, что все обстоитъ и будетъ еще долго обстоять благополучно, на ряду съ искусственно преувеличенными опасеніями, высказываемыми съ смѣлостью своекорыстія—и наконецъ, въ особенности, тревожныя впечатлѣнія, вызванныя неожиданнымъ внѣшнимъ союзникомъ крѣпостного права—западно-европейскими событіями 1848 и 1849 гг.—парализовали волю монарха, окутывая ее сомнѣніями и колебаніями. Онъ, всегда увѣренный въ своей силѣ и властный, не только избѣгалъ рѣшительныхъ мѣръ въ борьбѣ съ рабовладѣніемъ, но и не высказывался вполнѣ опредѣленно объ *упраздненіи* крѣпостного права, говоря обыкновенно съ довѣренными лицами лишь о его *преобразованіи*. Несомнѣнно, что онъ *желалъ* видѣть Россію освобожденною отъ крѣпостного ига, но *захотѣть* этого и въ такомъ смыслѣ проявить прямо и безповоротно свою волю—не находилъ въ себѣ рѣшимости. Поэтому все его царствованіе прошло въ отдѣльныхъ мѣрахъ, обсужденіе которыхъ было обставлено строжайшею «келейностью», и которыми предполагалось достигнуть *смягченія* несовмѣстимаго ни съ человѣческимъ, ни съ государственнымъ достоинствомъ порядка. Но ничего цѣльнаго, пролагающаго новые пути для народной жизни, сдѣлано не было. Со своими великодушными желаніями государь былъ почти совершенно одинокъ среди сплотившихся вокругъ него заступниковъ существующаго крѣпостного строя. Поэтому нападать на крѣпостное право, рисуя обратную сторону, т. е. глубокое безправіе массы и широкое поле для возможности злоупотребленій было безполезно; обращаться къ уму читателей и къ тому, что составляетъ fundamentum regnorum, къ необходимости справедливости въ отношеніяхъ между членами государства т. е. дѣйствовать логическими доводами или взывать къ совѣсти—не стоило: зло слишкомъ

глубоко въѣлось и стало большинству казаться естественнымъ и, какъ законы природы, непреложнымъ явленіемъ. Для воспріятія логическихъ доводовъ нуженъ воспріимчивый и непредубѣжденный умъ, а совѣсть... какъ часто и въ отдѣльныхъ лицахъ и въ цѣлыхъ общественныхъ слояхъ она спитъ или, въ лучшемъ случаѣ, дремлетъ!—Оставалось дѣйствовать на чувство. И такъ какъ большинство мыслитъ образами, то въ этой области и надо было почерпнуть оружіе для своего воинствующаго творчества. Недаромъ Гоголь совѣтовалъ: «Заговори съ обществомъ на мѣсто жаркихъ разсужденій живыми образами, которые, какъ полные хозяева, входятъ въ души людей, и двери сердецъ раскроются сами къ принятію ихъ, если только почувствуютъ, хоть каплю почувствуютъ, что они взяты изъ нашей природы, изъ того же тѣла». Поэтому и воевать слѣдовало *художественными образами*, почерпнутыми изъ крѣпостного быта и нравовъ.

Чѣмъ же связать, проникнуть и одухотворить эти образы? *Ненавистью?*.. Но для того, чтобы проповѣдь ненависти нашла себѣ благопріятную въ обществѣ почву, необходимо, чтобы самая ненависть была уже въ зачаткахъ посѣяна въ массѣ лицъ и во всякомъ случаѣ подготовлена предшествующимъ презрѣніемъ къ тому или другому явленію, т. е. тѣмъ чувствомъ, которое вѣрно характеризуетъ Луи Бланъ, говоря, что «le mépris c'est la haine en repos». Только въ этомъ случаѣ задача художника или публициста собрать разсѣянную ненависть воедино и дать ей кристаллизоваться вокругъ одного представленія — можетъ быть успѣшна... Или призвать «музу пламенной сатиры»?.. Но если часто «difficile est satiram non scribere», то у насъ въ то время, когда Тургеневъ выступилъ противъ крѣпостного права, было гораздо чаще «difficile satiram scribere», потому что цензура того времени была подозрительна и труслива, тупа и невѣжественна. Оставалось чувство, противоположное ненависти: *любовь*, которою такъ многое можно взять тамъ, гдѣ безсильны или недопустимы проклятія негодованія. Вооруженный этою любовью, какъ бы слѣдуя будущимъ словамъ Некрасова: «иди къ униженнымъ, иди къ обиженнымъ и будь имъ другъ!», выступилъ Тургеневъ на обличеніе крѣпостного права. Эта любовь къ крѣпостному человѣку,—къ крестьянину и дворовому,—ничѣмъ не задуваемая, яркая и

согрѣвающая свѣтится на всѣхъ страницахъ «Записокъ охотника». Она вливается въ душу читателя и несомнѣнно заставила многихъ добрыхъ и порядочныхъ, но близорукихъ или ослѣпленныхъ людей прозрѣть и, почувствовавъ въ каждомъ изъ незамѣтныхъ героевъ «Записокъ охотника»—брата, почуять въ крѣпостномъ складѣ жизни своего нравственнаго врага. Такой смыслъ имѣли эти и близкіе къ нимъ по содержанію, незабвенные разсказы и для вдумчивыхъ людей со стороны. Достаточно сказать, что Карлейль называлъ «Муму» самою трогательною повѣстью въ свѣтѣ. Вліяніе «Записокъ охотника» и этой повѣсти было равносильно ихъ значенію. Есть слова, вырывающіяся изъ сердца и заставляющія безсильно опустить руки; есть другія, вливающія въ него благотворное чувство обновленія. Къ первымъ относятся роковыя—*поздно* и *тщетно;* ко вторымъ — *жалко* и *стыдно*. «Записки охотника» вонзились, какъ стрѣла, въ сердце читателей: послѣднимъ сдѣлалось жалко, имъ стало стыдно... Но, къ счастью, еще не было поздно. Есть несомнѣнное свидѣтельство, что наслѣдникъ престола читалъ «Записки охотника» и правильно оцѣнилъ вложенную въ нихъ мысль. Онъ самъ объ этомъ впослѣдствіи приказалъ передать Тургеневу. Конечно, не одно это чтеніе подвигло Александра II на великое дѣло освобожденія крестьянъ, но Тургеневъ имѣлъ полное основаніе сказать про великодушное рѣшеніе государя, принятое вопреки всевозможнымъ противодѣйствіямъ, настойчиво и рѣшительно — «и моего тутъ меду капля есть» — и капля большая. «Теперь крѣпостное право, — писалъ въ 1862 году Салтыковъ-Щедринъ—какой-то тяжкій и страшный кошмаръ, въ которомъ давящій и давимый были равно ужасны, — кошмаръ, отъ котораго избавило великое прекрасное слово Царя-Освободителя... Да, оно одно!» Я радуюсь привести эти слова нашего сатирика теперь, сегодня, въ скорбный день, когда многострадальный образъ Александра II съ особой яркостью возникаетъ предъ всѣми, кто знаетъ, кто самъ видѣлъ то, что̀ онъ сдѣлалъ для Россіи и чѣмъ она ему обязана. Но и заслуга Тургенева—какъ идейнаго подготовителя великаго дѣла—не можетъ и не должна быть забыта. Онъ имѣлъ полное право плакать умиленными слезами душевнаго удовлетворенія на молебнѣ, заказанномъ имъ въ Парижѣ по поводу 19 февраля 1861 года, вмѣстѣ со старикомъ-декабристомъ княземъ Волконскимъ.—

Для твоего памятника,—сказалъ, провожая прахъ Тургенева въ Россію Edmond About (Эдмондъ Абу): — достаточно будетъ обрывка цѣпи, брошеннаго на могильную плиту; твое честное самолюбіе было бы удовлетворено такимъ мавзолеемъ, и этотъ символъ громко говорилъ бы о томъ, что̀ ты сдѣлалъ для своей родины».

Эта общественная заслуга нашего писателя имѣла и другую сторону. Подрастающее молодое поколѣніе въ большихъ русскихъ городахъ и въ особенности въ Петербургѣ—дѣти чиновниковъ, купцовъ, людей свободныхъ профессій и т. п. — получали очень смутное, а подчасъ и никакого представленія о народѣ въ тѣсномъ смыслѣ слова. Рѣдкое соприкосновеніе съ извощиками и людьми отхожихъ промысловъ не могло дать имъ яснаго представленія о русскомъ крестьянинѣ и безправныхъ условіяхъ его быта. Имъ разсказывались анекдоты про «мужика» и вмѣстѣ съ тѣмъ внушалось, что огромная крестьянская масса можетъ и должна быть довольна своимъ внутреннимъ благоденствіемъ и попечительной о немъ заботой, а для внѣшнихъ враговъ представляетъ исполинскаго богатыря, страшная мощь котораго заключаетъ въ себѣ неисчерпаемый источникъ «побѣдъ и одолѣнія». На̀ сценѣ и въ текущей литературѣ, за исключеніемъ Григоровича и отчасти Даля, крестьянинъ игралъ лишь эпизодическую и не заставлявшую задумываться роль, а псевдо-народный языкъ, которымъ говорили изрѣдка выводимые въ разсказахъ и повѣстяхъ «простолюдины», напоминалъ дѣланный языкъ прокламацій графа Растопчина, которыми онъ думалъ успокоить московскихъ жителей при надвинувшейся на Москву опасности, наканунѣ вступленія Наполеона. А въ театральныхъ афишахъ была даже, послѣ перечисленія дѣйствующихъ лицъ, особая рубрика, носившая названіе «гости и пейзане». Благодаря этому умышленному, а подчасъ и безсознательному закрыванію глазъ на дѣйствительность, городская молодежь, не принадлежавшая къ помѣщичьему классу, въ сущности не была знакома съ крестьяниномъ и не вѣдала ничего о его страданіяхъ. А между тѣмъ эта молодежь въ огромномъ большинствѣ шла на службу и, наполняя столичные департаменты и канцеляріи, въ своей совокупности представляла того «столоначальника», который, по горестному сознанію императора Николая I, управлялъ Россіей». Правда, изъ этой молодежи вышелъ и Николай Ми-

лютинъ, тотъ, по выраженію Некрасова, «кузнецъ-гражданинъ», который такъ много поработалъ въ дѣлѣ уничтоженія крѣпостного право. Но онъ воспитывался въ исключительныхъ условіяхъ и самъ былъ исключительнымъ человѣкомъ. Тургеневъ, а вслѣдъ за нимъ и Некрасовъ познакомили эту молодежь съ «сѣятелемъ и хранителемъ» русской земли, дали возможность заглянуть въ его душу, оцѣнить тотъ тихій свѣтъ, который въ ней горитъ, несмотря на кору невѣжества, понять его скорби и полюбить его!

Когда надъ русской землей прозвучалъ благовѣстъ освобожденія крестьянъ, Тургеневъ могъ бы сказать себѣ: «нынѣ отпущаеши»... Но онъ зналъ, что говорить это еще рано, что крѣпостное право пустило слишкомъ глубокіе, развращающіе всѣ слои общества, корни, и что мы im Grossen und Ganzen сдѣланы изъ плохой глины: нагрѣваемся очень скоро, но жаръ хранить умѣемъ недолго. Онъ понималъ, что измѣненіе нравовъ и впитанныхъ рядомъ поколѣній взглядовъ почти всегда—и притомъ значительно—отстаетъ отъ законодательныхъ преобразованій,—и въ перестроенномъ наскоро зданіи остаются старые, лишь на время притихшіе жильцы. Горькій опытъ учитъ, что между самыми благодѣтельными мѣрами и не только бюрократической, но и общественной средою, существуетъ глухой разладъ, трудно уловимый въ частностяхъ, но больно ощутимый въ цѣломъ. Иногда такая мѣра, такой необходимый починъ не встрѣчаютъ, повидимому, никакого противодѣйствія: предъ ними все разступаются, и, разсѣкая смѣлымъ ударомъ то или другое явленіе, они доходятъ до самаго его дна, казалось бы безповоротно покончивъ съ его существованіемъ. Но это лишь кажется: посмотришь—а сверху уже снова все слилось въ липкую и вязкую какъ кисель массу, и отъ разрыва не осталось и слѣда. Недаромъ Салтыковъ тревожно спрашивалъ, гдѣ гарантія въ нашемъ быту тому, что крѣпостное право не продолжало бы существовать: «Въ нравахъ, что ли?—спрашивалъ онъ.—Но развѣ неизвѣстно, что славяне имѣютъ нравъ веселый, легкій и мало углубляющійся? Въ слезахъ, что ли? Но развѣ неизвѣстно, что такіе слезы капаютъ внутрь, на сердце и все накипаютъ, пока не перекипятъ совершенно?» И Тургеневъ не успокоился, а съ зоркимъ перомъ въ рукѣ принялся слѣдить за вибріономъ крѣпостничества, указывая на него

русскому читателю. Рисуя въ «Дымѣ» и «Нови» злобное шипѣніе и готовность на тайныя козни противъ великихъ реформъ Александра II, онъ влагалъ въ уста нѣкоторымъ изъ своихъ героевъ такія рѣчи: «Надо передѣлать все сдѣланное... и 19 февраля—насколько это возможно. On est patriote ou on ne l'est pas, и когда омраченіе овладѣваетъ даже высшими умами, должно предостерегать, должно говорить съ почтительной твердостью: воротитесь, воротитесь назадъ»!... Рисуя рядомъ съ этимъ въ той же «Нови» хожденіе въ народъ, онъ скорбѣлъ о безплодной растратѣ силъ частью нашей молодежи для достиженія неясныхъ въ способѣ своего осуществленія цѣлей, среди равнодушія однихъ, злорадства другихъ и непониманія третьихъ, но онъ не отрицалъ въ этой части искренняго желанія помочь народу и, изображая болѣзненное проявленіе общественной потребности, ненаходившей себѣ нормальнаго исхода, умѣлъ отнестись къ жертвамъ такого положенія не съ бездушнымъ осужденіемъ. а съ пониманіемъ и состраданіемъ вдумчиваго художника. Убѣжденный поклонникъ постепеннаго общественнаго развитія, безъ судорожныхъ прыжковъ впередъ и боязливыхъ отступленій назадъ, мягкій по складу своей души, Тургеневъ никогда не впадалъ въ рабскую лесть ни предъ толпой, ни предъ отдѣльными группами или лицами. Въ его сочиненіяхъ, затрогивающихъ иногда очень острые вопросы современности, господствуетъ, если можно такъ выразиться, *художественное правосудіе*. И онъ, съ одинаково-глубокимъ безпристрастіемъ, на ряду съ Кукшиной, Степанчиковой и Губаревымъ изображалъ покрытую внѣшнимъ лакомъ цивилизаціи группу подъ дубомъ Баденъ-Бадена и Каломейцева изъ «Нови». Напротивъ, своими твореніями онъ со всею силою своего таланта предостерегалъ противъ лукаваго льстеца, который, по словамъ Пушкина, «на царя бѣду накличетъ и изъ его державныхъ правъ одну лишь милость ограничитъ». Друзья Тургенева не безъ ехидства указывали на женскія свойства его натуры. Да, это было въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ вѣрно: онъ былъ похожъ на простую русскую женщину, имъ такъ чудесно описанную, которая нерѣдко на вопросъ, любитъ ли она, отвѣчаетъ: «извѣстно, жалѣю». Какъ индійскій мудрецъ, отъ слѣдовалъ браминскому правилу: «tat twam asi» (это тоже ты)! и умѣлъ ставить себя на мѣсто каждаго, сливаясь со всѣмъ сущимъ въ чувствѣ общей солидарности. Доста-

точно припомнить его обезьянку на кораблѣ въ «Стихотвореніяхъ въ прозѣ». Но если разумъ его умѣлъ все *понимать*, его любящее женское сердце умѣло *жалѣть*.

Однако любовь Тургенева къ русскому человѣку и къ русской землѣ такъ нѣжно и красиво выраженная, напримѣръ, въ «Деревнѣ» его «стихотвореній въ прозѣ», не была слѣпою, способною видѣть однѣ лишь достоинства и упорно закрывать глаза на недостатки. Этимъ онъ выгодно отличался отъ современныхъ ему славянофиловъ, нападавшихъ на его «западничество». Онъ самъ шутя называлъ себя нѣмцемъ и вооружался противъ мистическихъ представленій объ исключительномъ призваніи русскаго человѣка, отыскивая въ его жизни и свойствахъ трезвую правду и не утѣшая себя восторженнымъ представленіемъ о немъ «im Werden». Человѣкъ всею душою русскій, онъ былъ чуждъ слѣпого культа «своего», который часто переходитъ въ пагубный шовинизмъ. Любить отечество не значитъ страдать патріотической близорукостью. Устами своего Потугина въ «Дымѣ», Тургеневъ говоритъ: «страстно люблю и страстно ненавижу странную, милую, скверную, дорогую родину». Когда, однажды, за товарищескимъ обѣдомъ въ Парижѣ, французскіе писатели стали разсуждать объ отличительныхъ коренныхъ свойствахъ европейскихъ расъ, Тургеневъ рѣзко противопоставилъ холодному культу *права* у человѣка латинскаго племени—*человѣчность* русскихъ людей. Въ своемъ «Гамлетѣ» и «Донъ-Кихотѣ» онъ безусловно становится на сторону послѣдняго, на сторону Alonzo el bueno, привѣтствуя въ немъ это названіе, какъ символъ всей его неустанной борьбы со зломъ. Но его смущаетъ безволіе русскаго человѣка и затрата имъ большихъ природныхъ силъ на пустяки,—отсутствіе настойчивости и выдержки—и практическое оправданіе имъ въ жизни горестнаго изреченія о томъ, что «суждены намъ благіе порывы, но свершить ничего не дано». Онъ съ горечью отмѣчаетъ, что жизнь русскаго развитого человѣка наполняетъ не творческая дѣятельность, не жажда созиданія, не esprit de combativité, а разлагающій анализъ, «ковырянье» въ собственной душѣ и удовлетвореніе одними «безкрылыми желаніями». Онъ рисуетъ рядъ лицъ, махнувшихъ на все рукой;—Каратаева, лишняго человѣка Чулкатурина, Гамлета Щигровскаго уѣзда, Рудина, Лаврецкаго съ его «догорающею безполезною

жизнью», Берсенева, пишущаго тяжелымъ, съ обиліемъ иностранныхъ словъ, языкомъ «о нѣкоторыхъ особенностяхъ древне-германскаго права въ дѣлѣ судебныхъ наказаній» въ то время, какъ Россія «въ судахъ полна неправды черной». Имъ онъ противополагаетъ людей, умѣющихъ не только желать, но и хотѣть, будетъ ли то бѣдный восторженный служитель искусства Леммъ или энергическій, одушевленный ясной и высокой цѣлью Инсаровъ... Его любимый герой былъ Базаровъ—фигура, по его словамъ, сумрачная, дикая, большая, до половины выросшая изъ почвы, сильная и честная. Онъ горячо желалъ внушить читателю любовь къ нему, несмотря на всю его грубость, сухость и рѣзкость, ибо создавалъ его съ любовью и чуткостью необыкновенной и до того сроднился съ нимъ, что въ теченіе двухъ мѣсяцевъ велъ дневникъ своего героя, гдѣ старался выяснить самому себѣ то, какъ отнесся бы такой человѣкъ къ различнымъ крупнымъ и мелкимъ обстоятельствамъ жизни. А когда онъ писалъ страницы о смерти Базарова, онъ не могъ удержаться отъ слезъ.

Но если Тургеневъ съ сомнѣніемъ покачивалъ головой, взирая на слагавшіеся у него въ душѣ образы русскихъ мужчинъ, то къ русской женщинѣ онъ относился съ гораздо большимъ довѣріемъ и возлагалъ на ея душевныя силы великое упованіе. Можно безъ преувеличенія сказать, что ему принадлежитъ первое мѣсто среди изобразителей русской женщины и толкователей ея душевнаго строя. Впервые русскую женщину намъ показалъ Пушкинъ. Бѣдная Лиза Карамзина, «прекрасная тѣломъ и душою, нѣжная и чувствительная поселянка», утопившаяся послѣ того, «какъ мракъ вечера питалъ желанія Эраста, богатаго дворянина съ изряднымъ разумомъ и добрымъ сердцемъ, и никакой лучь не могъ освѣтить его заблужденія»,—кромѣ имени и внѣшней обстановки, ничего не имѣла въ себѣ національнаго и типическаго. Не создалъ русской женщины и Гоголь, несмотря на обѣщаніе показать ее во всемъ блескѣ душевной красоты. Его Уленька второй части «Мертвыхъ душъ»—не живое лицо. Чудесна Татьяна, вся озаренная лучами ума и сердца великаго поэта, но она, по условіямъ жизни и воспитанію, принадлежитъ къ одному лишь слою общества. Она—олицетвореніе долга, которому приносится безхитростно и вмѣстѣ величаво въ жертву личное счастье.

«Но,—говорить она Онѣгину—я другому отдана и буду вѣкъ ему вѣрна». Общество шло однако впередъ, личность завоевывала себѣ новыя права, и быть «отданной»—изъ общаго правила становилось исключеніемъ: на мѣсто покорнаго принятія своего «жребія» явился свободный выборъ по влеченію сердца. И Лиза Калитина въ «Дворянскомъ гнѣздѣ» тоже приноситъ себя въ жертву долгу, но понимаетъ его уже гораздо шире, чѣмъ Татьяна. Но и на этомъ «чистѣйшей прелести чистѣйшемъ образцѣ» нельзя было остановиться. Измѣнявшійся складъ общества, подмѣчаемый и часто предчувствуемый Тургеневымъ, звалъ женщину за предѣлы ея прежнихъ прекрасныхъ самихъ по себѣ задачъ:—иногда исцѣлять, часто облегчать и всегда утѣшать. Открывалась область не одной пассивной и сострадательной любви, но область любви дѣятельной, когда приходится стать по отношенію къ избраннику сердца товарищемъ, другомъ и опорою въ житейской борьбѣ—стать тѣмъ, что въ старину образно называлось «потрудилицей и сослужебницей». И Тургеневъ рисуетъ цѣлый рядъ очаровательныхъ женскихъ образовъ, исполненныхъ этой дѣятельной любви. Стоитъ вспомнить его Елену, Маріанну, героинь «Живыхъ мощей» и многихъ другихъ его разсказовъ. Андреевскій въ своемъ стихотвореніи «На смерть Тургенева» совершенно справедливо говоритъ, что «онъ далъ впервыя проводницу — сынамъ проснувшейся страны, — на смѣлый трудъ изъ тишины онъ вызвалъ русскую дѣвицу и былъ онъ другъ ея мечты, души глубокій познаватель,—ея стыдливой красоты неподражаемый ваятель». Тургеневъ показалъ въ русской женщинѣ всѣ задатки духовнаго равноправія съ мужчиной, признавъ которые и давъ имъ свободное развитіе, слѣдуетъ открыть ей широкій путь къ гражданскому равноправію въ общественномъ быту и къ праву на всякій трудъ который не противорѣчитъ ея физической природѣ.

Но не однимъ *содержаніемъ* богато наслѣдіе, оставленное Тургеневымъ: въ немъ содержатся и драгоцѣнные уроки литературнаго творчества и оцѣнка его орудій. «Къ живописи,—говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ: — примѣняется то же, что къ литературѣ и ко всякому искусству: кто всѣ детали передаетъ — пропалъ; надо умѣть схватывать однѣ характеристическія черты; въ этомъ одномъ и состоитъ талантъ и даже то, что называется творчествомъ». Въ его совѣтахъ на-

чинающимъ писателямъ и мнѣніяхъ, приводимыхъ Гонкуромъ, всегда звучитъ проповѣдь устраненія всего излишняго, l'élimination du superflu, а его собственныя произведенія являются образцомъ сжатости и силы. «Нельзя поэзію намазывать толстымъ слоемъ, какъ масло,—говоритъ онъ въ письмахъ къ Пичу—нѣмцы дѣлаютъ двѣ огромныя ошибки въ своихъ разсказахъ: первая — несносное мотивированіе, а вторая — проклятая идеализація дѣйствительности. Описывайте правду просто и поэтично: идеальное проявится само собою». Негодуя на мораль, придѣланную французскимъ переводчикомъ къ его «Первой любви», онъ восклицаетъ: «Такія рефлективныя пережевыванія мыслей совсѣмъ не въ моей натурѣ: они напоминаютъ мнѣ кудахтаніе курицы послѣ того, какъ она снесла яйцо. Это въ высшей степени безполезно и только запутываетъ дѣло». Такимъ образомъ, раздѣляя взглядъ Гоголя, что со словомъ надо обращаться *честно*, онъ находилъ, что со словомъ надо обращаться и *скупо*. Каждый читавшій его произведенія, конечно, согласится, что онъ владѣлъ не только тайно художественнаго внушенія, но имѣлъ и даръ внушенія нравственнаго. Это умѣніе волновать сердце не одною красотою, но и совѣстью своего таланта, составляетъ его великую заслугу. Съ нѣкоторыхъ поръ искусство вступило на скользкій путь. Прежде оно изображало страсти, теперь оно стремится изображать пороки. Такимъ образомъ естественное проявленіе человѣческой природы замѣняется ея извращеніями. Невольно приходится вспомнить то, что сказалъ Гёте про величайшаго изобразителя человѣческихъ страстей—Шекспира, который «предлагаетъ намъ золотыя яблоки въ серебряныхъ чашахъ; чаши-то, пожалуй, и остались, но наполняютъ ихъ нынѣ картофелемъ».—Тургеневъ не шелъ по этому пути, и отсюда—цѣломудріе его изображеній, въ которыхъ онъ какъ бы слѣдовалъ итальянскому правилу: «da dir poco e far pensar assai». Стóитъ припомнить ночную сцену между Лаврецкимъ и Лизой въ саду, или приходъ Елены къ Инсарову, и представить себѣ, чтó бы сдѣлалъ изъ этого какой-нибудь развязный современный порнографъ.

Тургеневъ считалъ своимъ учителемъ Пушкина и говорилъ о немъ съ увлеченіемъ, съ гордымъ одушевленіемъ, ревниво ограждая его отъ сопоставленія съ кѣмъ-либо. Мнѣ помнится его восхищеніе тѣмъ, какъ

Пушкинъ въ нѣсколькихъ словахъ умѣлъ изобразить душевное настроеніе поэта, когда имъ овладѣваетъ вдохновеніе и, оставивъ дѣтей ничтожныхъ міра, онъ бѣжитъ въ широкошумныя дубравы — «смятенія и звуковъ полнъ». «Тотъ, кто испыталъ на себѣ приливъ такого вдохновенія,—говорилъ Тургеневъ—тотъ знаетъ, что ярче и сильнѣе нельзя изобразить вызываемое имъ состояніе души, какъ то сдѣлалъ великій русскій поэтъ. *Смятеніе*, именно *смятеніе*»!! Онъ не могъ хладнокровно читать вслухъ вещей Пушкина. Одинъ изъ слышавшихъ его на публичномъ чтеніи въ Парижѣ, разсказываетъ, что при чтеніи «Цыганъ» въ голосѣ Тургенева послышалось волненіе; фигура его сгорбилась, лицо поблѣднѣло; увлеченный и растроганный, онъ, казалось, забылъ и о публикѣ и обо всемъ на свѣтѣ... Послѣднюю сцену онъ прочелъ почти шопотомъ. Когда онъ кончилъ и сошелъ со сцены, руки его дрожали, и онъ, кажется, плакалъ...

И *русскому языку* сослужилъ онъ великую службу. Языкъ каждаго народа—его лучшее достояніе, его святыня. «Когда народы, распри позабывъ, въ одну семью соединятся», когда статуя Марса станетъ оставленнымъ символомъ, а двери храма Януса закроются навсегда, тогда, конечно, земнымъ божествомъ народа станетъ его языкъ. Такое именно боготворящее преклоненіе предъ русскимъ языкомъ обнаруживалъ Тургеневъ, говоря: «Во дни сомнѣній, во дни тягостныхъ раздумій о судьбѣ моей родины—ты одинъ мнѣ поддержка и опора, о, великій, могучій, правдивый и свободный русскій языкъ». И какъ владѣлъ онъ этимъ языкомъ! Нельзя, напримѣръ, не придти въ восхищеніе отъ удивительнаго, точно высѣченнаго во мраморѣ языка «Пѣсни торжествующей любви». Мнѣ думается, что ни въ одномъ изъ чьихъ-либо произведеній на русскомъ языкѣ не доведено до такого совершенства соотвѣтствіе словъ и выраженій смыслу содержанія, и не связаны такъ тѣсно мысль и осуществленіе ея въ живомъ словѣ. Спокойный, сжатый, почти лѣтописный языкъ начала разсказа смѣняется, какъ только появляется загадочная фигура Муція, языкомъ, въ которомъ слышится тревога, и слова слѣдуютъ одно за другимъ, какъ удары горячечнаго пульса... Но сходитъ со сцены на время Муцій, и снова въ языкѣ наступаетъ успокоеніе, окончательно смѣняемое со вторичнымъ появленіемъ Муція уди-

вительной образностью, силой и мрачною красотою слова, чтобы завершиться примирительными аккордами, въ самомъ концѣ которыхъ однако снова звучитъ тревожная нота. «Берегите нашъ русскій языкъ, завѣщанный Пушкинымъ, — восклицаетъ Тургеневъ — не обращайте могучаго рычага въ подпорки». Этотъ завѣтъ его слѣдуетъ особенно помнить теперь, когда къ русскому языку проявляется подчасъ отношеніе, какъ къ несчастной «жертвѣ общественнаго темперамента», при чемъ его вынуждаютъ, подобно ей, переносить неуважительное обращеніе ремесленниковъ пера и служить растлѣнной фантазіи психопатовъ искусства.

Тургеневъ не былъ жрецомъ чистаго искусства, витающаго въ области фантазіи, далекой отъ тревожныхъ и загадочныхъ вопросовъ текущей дѣйствительности. Въ своихъ произведеніяхъ онъ нерѣдко подходитъ *къ научнымъ* вопросамъ изъ области психологіи и даже психіатріи, къ болѣзненнымъ общественнымъ явленіямъ, надъ которыми задумывается соціологъ. Во всеоружіи своего поэтическаго творчества онъ затрагиваетъ въ своемъ художественномъ вымыслѣ научные вопросы, выходящіе за предѣлы поэтическаго вдохновенія. Его интересуетъ то, что̀ въ современной психіатріи называется *навязчивыми идеями*, властно, неотвязно и пагубно овладѣвающими потерявшею свое равновѣсіе душою. Таковъ «Разсказъ отца Алексѣя», представляющій удивительную по своей вѣрности, почти клиническую картину возникновенія и развитія подобныхъ идей. Болѣзненные сны, предчувствія и галлюцинаціи находятъ себѣ тонкое изображеніе въ «Кларѣ Миличъ» и «Собакѣ»; внушеніе и гипнозъ нарисованы удивительными чертами въ «Пѣсни торжествующей любви» и, наконецъ печальная и грозная болѣзнь нашего времени, съ одинаковой силой развернувшая свое черное крыло надъ людскимъ несчастіемъ, безнадежностью, отчаяніемъ и слабой волею, одинаково поражающая и людей усталыхъ отъ жизни и ея еще не познавшихъ—*самоубійство*—не разъ выступаетъ на страницахъ его произведеній.

Переходя отъ общественной и литературной дѣятельности Тургенева къ его *личности и жизни*, я живо представляю его себѣ — высокаго ростомъ, съ крупными чертами «мужицкаго», какъ и у Льва Толстого, лица, съ нависшей на лобъ прядью сѣдыхъ волосъ. Вся его повадка имѣла характеръ силы и достоинства. М. М. Ковалевскій, видѣвшій его впер-

вые въ 1872 г., былъ пораженъ его внѣшностью, напоминавшею престарѣлаго и усталаго льва. Особенно привлекали его глаза: столько въ нихъ было мягкости, доброты, сочувствія и жалости къ людямъ! По словамъ Писемскаго, они напоминали глаза умирающей газели. Описывая его въ своемъ дневникѣ, Гонкуръ говоритъ: «Это очаровательный колоссъ, ласковый сѣдой гигантъ, имѣющій видъ добраго горнаго или лѣсного духа. Онъ прекрасенъ, величаво и чрезвычайно прекрасенъ, съ небесной голубизною въ глазахъ»; («c'est un colosse charmant, un doux géant aux cheveux blancs, qui a l'air d'un bienveillant génie d'une montagne ou d'une forêt. Il est beau, grandement beau, énormement beau, avec du bleu du ciel dans les yeux»). Но голосъ его, высокій и мягкій, съ легкимъ пришепетываніемъ, похожій на женскій или, по замѣчанію Гонкура,—дѣтскій—la parole enfantine, мало вязался съ его могучей фигурой. Конечно, этотъ недостатокъ скоро забывался подъ вліяніемъ очарованія его устныхъ разсказовъ, въ которыхъ слышалось творчество удивительнаго художника, переживавшаго все, что̀ онъ говорилъ. Я помню его разсказъ о впечатлѣніи, произведенномъ на него скульптурами, найденными при Пергамскихъ раскопкахъ. Возстановивъ ихъ въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ должны были существовать, когда рука времени и разрушенія ихъ еще не коснулась, онъ изобразилъ ихъ слушателямъ съ такимъ увлеченіемъ, что вскочилъ со своего мѣста и въ лицахъ представлялъ каждую фигуру. Было печально сознавать, что эта блестящая импровизація пропадетъ безслѣдно. Хотѣлось сказать словами одного изъ его «Стихотвореній въ прозѣ»: «Стой! какимъ я теперь тебя вижу, останься навсегда въ моей памяти.»

Мягкій и довѣрчивый въ отношеніяхъ къ людямъ, уступчивый до слабости и чрезмѣрной снисходительности, онъ страшился возможности *огорчить* и потому никогда не рѣшался *отказать*. Это ставило его не разъ въ неловкія и тягостныя положенія и давало поводъ его друзьямъ повторять отзывъ одного изъ нихъ: «а вѣдь Иванъ Сергѣевичъ — бабьё порядочное». Но преобладающимъ свойствомъ его была доброта. Она была написана на его лицѣ, а вѣдь лица похожи на жилища: по инымъ видно, что внутри холодно и темно. Свѣтомъ и тепломъ вѣяло отъ милаго лица Тургенева, обрамленнаго густою раннею сѣдиною. Это преобладающее

свойство его сказывалось въ разныхъ проявленіяхъ его личности. Такъ, прежде всего, ему было чуждо чувство зависти къ чужому таланту или успѣхамъ, столь часто встрѣчающееся даже у выдающихся писателей, имѣющихъ свой собственный вѣсъ и значеніе. Въ письмахъ его разсыпано искреннее восхищеніе предъ важнѣйшими произведеніями Островскаго, Достоевскаго, Григоровича, Гончарова и Льва Толстого. Онъ восторженно отзывался, несмотря на лично холодныя отношенія съ Толстымъ, о «Войнѣ и мірѣ». «Мое сужденіе, — писалъ онъ Пичу — объ этомъ романѣ непоколебимо: это величайшій современный эпосъ». А между тѣмъ онъ предъявлялъ къ литературнымъ произведеніямъ большія требованія. Достаточно просмотрѣть его критическія замѣчанія на стихи Полонскаго, котораго онъ признавалъ однако истиннымъ поэтомъ,—вспомнить суровый отзывъ о стихотвореніяхъ Некрасова или заявленіе, что стихи гр. А. К. Толстого ему въ ротъ не лѣзутъ: до того въ нихъ все безжизненно-величаво, правильно и невѣрно. Расходясь во вкусахъ и идеалахъ съ Чернышевскимъ, съ какимъ уваженіемъ къ личному характеру и уму этого публициста относился онъ въ своихъ письмахъ! Рядомъ съ этимъ выливалось у него и чувство прощенія причиненныхъ ему горькихъ разочарованій и холодно-обдуманныхъ, безпричинныхъ обидъ. Старый другъ Некрасовъ, поддавшись злобѣ дня, вынудилъ его печатать «Отцовъ и дѣтей» не въ старомъ гостепріимномъ «Современникѣ», а у Каткова, и помѣстилъ у себя ругательную критическую статью противъ автора «Отцовъ и дѣтей», къ которой была по справедливости примѣнима эпиграмма Пушкина объ «усыпительномъ зоилѣ». А между тѣмъ, какимъ примирительнымъ и глубоко трогательнымъ аккордомъ звучитъ «Послѣднее свиданіе» въ «Стихотвореніяхъ въ прозѣ», свиданіе съ умирающимъ Некрасовымъ, и съ какимъ участіемъ и сочувствіемъ отзывается Тургеневъ въ письмѣ къ Полонскому объ авторѣ злобнаго памфлета на Кармазинова, читающаго свою повѣсть «merci» (т.-е. «Довольно») въ «Бѣсахъ».

Слѣдуетъ прощать и можно забывать, но это очень часто приводитъ къ повторенію того, что̀ было забыто. Да и поспѣшное забвеніе не соотвѣтствуетъ серьезному отношенію къ людямъ, поступки которыхъ рѣдко являются чуждою ихъ натурѣ случайностью, а почти всегда бываютъ ре-

зультатомъ основной черты характера. Поэтому надо *прощать* въ жизни многое, но *не забывать* ничего. Такъ поступалъ и Тургеневъ, доброта котораго не была слѣпой и безоглядной. Онъ это доказалъ во время московскихъ торжествъ на обѣдѣ по поводу открытія памятника Пушкину, когда Катковъ, допустившій передъ тѣмъ жестоко изобличать и злобно язвить на страницахъ своей газеты Тургенева за денежную помощь, оказанную бѣдствовавшему Бакунину, протянулъ ему свой бокалъ. Тургеневъ отвѣчалъ легкимъ наклоненіемъ головы, но своего бокала не подалъ, а когда Катковъ во второй разъ сдѣлалъ то же, онъ холодно посмотрѣлъ на него и покрылъ свой бокалъ ладонью руки, а на упрекъ подошедшаго къ нему поэта Майкова съ указаніемъ, что въ такой день можно все забыть, живо отвѣчалъ: «Ну, нѣтъ, я старый воробей: меня на шампанскомъ не обманешь».

Едва ли нужно говорить о томъ, какъ широко, великодушно и деликатно приходилъ онъ на помощь множеству всякаго рода нуждающихся, неудачниковъ и горемыкъ, растрачивая на эту помощь средства, въ которыхъ часто нуждался самъ, испытывая при этомъ очень часто на себѣ справедливость скептическаго афоризма одного изъ своихъ пріятелей о томъ, что «ни одно доброе дѣло не остается безъ наказанія». Сообщая въ 1874 г. Пичу о невозможности пріобрѣсти рекомендуемую ему картину бѣднаго художника, онъ пишетъ: «У меня теперь въ рукахъ было больше денегъ, чѣмъ обыкновенно, но я, разумѣется, не замедлилъ ихъ выбросить въ окошко». Но не только его деньги иногда очень безцеремонно занимались или путемъ прозрачныхъ намековъ выпрашивались у него лично всякимъ, стучавшимъ въ его окошко,—его время, его драгоцѣнное для родного слова время, безжалостно расхищалось разными бездарными или самомнящими истеричками, требовавшими его отзывовъ о своихъ «твореніяхъ» и затѣмъ изливавшими на него свои жалкія обвиненія въ «непониманіи» и «лукавствѣ». Можно бы привесть массу примѣровъ того, какъ онъ щадилъ самолюбіе тѣхъ, кому помогалъ, стараясь остаться въ тѣни или даже вовсе безвѣстнымъ. Достаточно указать на его хлопоты о томъ, чтобы бѣдная и больная учащаяся дѣвушка пользовалась совѣтами знаменитаго парижскаго врача, для чего онъ ѣздилъ къ алчному французу и внесъ ему значительный гонораръ за нѣсколько

пріемовъ впередъ, увѣривъ въ то же время больную, что у этого врача можно ограничиться платой въ нѣсколько франковъ. Такъ же воспріимчивъ былъ онъ и къ общественнымъ бѣдствіямъ. Стонъ боли и негодованія вырывается у него, когда онъ читаетъ о кукуевской катастрофѣ и о погибшихъ при ней. Онъ посылаетъ въ 1874 г. въ сборникъ «Складчина», изданный въ пользу голодающихъ Самарской губерніи, не страницу, не отрывокъ, а цѣлую повѣсть «Живыя мощи», вспоминая при этомъ про огромный тульскій голодъ 1841 года и про изумленный отвѣтъ старика-крестьянина на вопросъ, были ли тогда безпорядки и грабежи: «Какіе, батюшка, безпорядки! ты и такъ Богомъ наказанъ, а тутъ ты еще грѣшить станешь!»

Изъ этихъ же свойствъ его характера вытекало и настойчивое желаніе не быть въ тягость окружающимъ и, поддерживая въ себѣ бодрое настроеніе, вселять его и въ другихъ. Въ этомъ отношеніи къ нему могли быть примѣнены слова князя Одоевскаго: «Жизнь добраго человѣка есть доброе дѣло въ жизни другихъ людей». Письма къ Полонскому, впадавшему въ уныніе отъ житейскихъ невзгодъ, полны ободреній. «Это неумно, — пишетъ онъ по новоду жалобъ своего друга на судьбу: — надо всячески держаться на поверхности, особенно въ наши годы, а то глупая житейская волна сейчасъ затопитъ. Бодрись, братъ!» Однажды, не совладавъ съ собою и приподнявъ предъ Полонскимъ завѣсу надъ своими душевными скорбями, онъ въ слѣдующемъ затѣмъ письмѣ горячо упрекалъ себя, что посягнулъ такимъ образомъ на его спокойствіе. «Не слѣдуетъ даже другу показывать свои тайныя раны; нужно было помнить, что я писалъ человѣку, у котораго собственнаго дѣйствительнаго горя и страданій довольно». Онъ примирился съ жизнью и не дѣлалъ себѣ по отношенію къ ней никакихъ иллюзій. Для него ея смыслъ былъ не въ личномъ счастьѣ, а въ исполненіи своего долга. Онъ самъ говоритъ: «Жизнь только того не обманываетъ, кто не размышляетъ о ней и, ничего отъ нея не требуя, спокойно принимаетъ ея немногіе дары и спокойно пользуется ими. Надо идти впередъ пока можно, а подкосятся ноги—сѣсть близь дороги и глядѣть на проходящихъ безъ зависти и досады: и они далеко не уйдутъ». И въ другомъ мѣстѣ: «Отреченіе, отреченіе постоянное—вотъ тайный смыслъ и разгадка жизни. Не исполне-

ніе любимыхъ мыслей и мечтаній, какъ бы они возвышенны ни были, исполненіе долга,—вотъ задача человѣка: не наложивъ на себя желѣзныхъ цѣпей долга, не можетъ онъ дойти, не падая, до конца своего поприща». Ему представлялось поэтому—и эта мысль сквозитъ во многихъ его произведеніяхъ,—что если человѣкъ и не можетъ быть, какъ это часто говорятъ, названъ кузнецомъ своего счастья, то во всякомъ случаѣ онъ часто самъ куетъ свое несчастіе. По его мнѣнію, правъ былъ тотъ крестьянинъ, который ему однажды сказалъ: «Ахъ, батюшка, не истребляй себя человѣкъ самъ, кто его истребить можетъ!» Поэтому вотъ его совѣты и правила жизни: не истребляй себя, будь терпѣливъ, не падай духомъ и люби людей, не взирая ни на что. Онъ любилъ вспоминать, какъ ему—тогда еще студенту петербургскаго университета—говаривала квартирная хозяйка-нѣмка, слыша его ропотъ на судьбу, не баловавшую его присылкой денегъ изъ отчаго дома: «Эхъ, Иванъ Сергѣевичъ, не надо быть грустный, man soll nicht traurig sein; жисть—это есть какъ мухъ,—пренепріятный накеѣкомъ. Что дѣлайтъ! тэрпэйтъ надо!» Въ проникнутые мрачной поэзіей словесные разсказы его въ кружкѣ близкихъ знакомыхъ о своихъ снахъ и предчувствіяхъ довольно явственно вылеталось чувство ужаса передъ неизбѣжностью смерти, то чувство, которое такъ сильно звучитъ въ «Призракахъ» и нѣкоторыхъ послѣднихъ его произведеніяхъ, напр., въ «Старухѣ». Но и съ этимъ чувствомъ онъ боролся, стараясь его побѣдить и восклицая: «И пусть надо мною вьется *мой* ястребъ: мы еще повоюемъ, чортъ возьми!»

Почти всѣ письма, на которыя мнѣ приходится ссылаться, написаны изъ-за границы, гдѣ Тургеневъ провелъ значительную часть своей жизни,—и здѣсь мы встрѣчаемся съ упрекомъ, который такъ часто дѣлали нашему писателю, видя въ его отсутствіи съ родины—отсутствіе любви къ Россіи и «тоски по родинѣ». Но прежде всего—отсутствіе не значитъ разрывъ и отчужденіе, и дай Богъ, чтобы всѣ упрекающіе его, взятые вмѣстѣ, такъ служили духовнымъ интересамъ своего отечества, какъ это дѣлалъ Тургеневъ. Тоска по родинѣ! Какъ злоупотребляютъ этими словами! Какъ забываютъ про цѣлые періоды, когда съ полнымъ основаніемъ человѣкъ развитой можетъ и даже долженъ чувствовать тоску *по* родинѣ *на* родинѣ! Да и что̀ могла ему дать жизнь въ отече-

ствѣ въ то время, когда, послѣ ареста и ссылки въ деревню за некрологъ Гоголя, онъ получилъ возможность надолго уѣхать въ Германію, съ которою былъ связанъ дорогими воспоминаніями о годахъ своего философскаго образованія? Онъ не могъ не видѣть, подобно Ивану Аксакову, за блестящей «фасадностью» Россіи гражданской «мерзости запустѣнія» и духовной нищеты, которыя ставили передъ ней не въ первый и не въ послѣдній разъ роковую альтернативу возрожденія или гибели. Мы знаемъ что сдѣлалъ онъ для ея возрожденія и насколько удобнѣе ему было для этого, подобно Гоголю, взглянуть на Россію изъ своего «прекраснаго далека». Не поступать же ему было на службу подъ начальство какихъ-нибудь выслужившихся канцеляристовъ, не скрывавшихъ своего презрѣнія къ «учэнымъ!» Не дѣлаться же болтливымъ членомъ кружка, «ein кружокъ in der Stadt Moskau»,—не жить же въ деревнѣ, задыхаясь въ атмосферѣ окружающаго крѣпостничества, или наконецъ, примиривъ литературу съ табелью о рангахъ, найти тихое пристанище въ тогдашнемъ цензурномъ вѣдомствѣ. Со справедливой гордостью онъ могъ сказать словами Некрасова: «Напрасно ропотъ укоризны за мною по пятамъ бѣжалъ: не небесамъ чужой отчизны—я пѣсни родинѣ слагалъ».

Но зачѣмъ не вернулся онъ, когда въ Россіи просвѣтлѣло и дышать стало легче, когда зажурчала мертвая дотолѣ жизнь общества, и передъ нимъ стали открываться широкіе горизонты и возникать благородныя задачи? Здѣсь мы подходимъ къ тому, чтò можетъ быть по справедливости названо драмой его жизни. Не праздное любопытство влечетъ заглянуть въ нее, не желаніе насильственно раскрывать двери частной жизни. Нѣтъ! Любовь къ незабвенному писателю, желаніе понять его отсутствіе съ обновлявшейся родины побуждаютъ къ этому, а напечатанныя письма и недостойная окраска его личности, допущенная близкими къ нему людьми, почти обязываютъ къ этому. Наука о человѣческой душѣ знаетъ навязчивыя идеи, о которыхъ я уже упоминалъ, и навязчивыя состоянія, подробно описанныя нашимъ психіатромъ Бехтеревымъ. Внимательное изученіе выдающихся писателей указываетъ, что у нѣкоторыхъ изъ нихъ бывали представленія, очевидно коренившіяся въ какомъ-нибудь сильномъ и глубокомъ впечатлѣніи ихъ жизни. Такія представленія, властно возникая въ душѣ, часто и настойчиво вплетались въ ихъ произведенія.

Можно бы привести къ тому множество примѣровъ. Достаточно указать на частое и однообразное, хотя и прекрасное повтореніе картины лунной ночи у Пушкина, или на одну и ту же картину у Достоевскаго, картину уединенной пыльной дороги, надвигающихся сумерокъ, налетающаго вихремъ вѣтерка, такъ часто предшествующую у него какому-нибудь потрясающему эпизоду, въ которомъ участвуютъ отецъ и маленькій сынъ, будетъ ли то сонъ Раскольникова или слезы Илюшечки надъ поруганнымъ отцомъ, — или у того же писателя — наростаніе шума безсвязныхъ голосовъ надвигающейся толпы, которая вотъ-вотъ войдетъ. Подобное навязчивое представленіе можно уловить и у Тургенева. Припомнимъ «Переписку«, «Вешнія воды» и «Дымъ». Въ нихъ въ сущности одинъ и тотъ же сюжетъ: предъ человѣкомъ добрымъ и благороднымъ, но слабымъ и впечатлительнымъ, открывается спокойная семейная жизнь съ любимой искренно и нѣжно дѣвушкой;—и вдругъ въ лицѣ чарующей женщины, уже изведавшей жизнь и ея соблазны, въ его существованіе вторгается всепобѣждающая страсть и становится на порогѣ новой жизни, все въ ней разрушая и подчиняя самого человѣка себѣ до униженія, до потери собственнаго достоинства, почти до полнаго безличія... Такъ налетѣвшій ураганъ среди казавшагося безоблачнымъ неба сразу разрушаетъ почти доконченную постройку и, разметавъ сложенный въ ней очагъ, въ своемъ бурномъ вихрѣ увлекаетъ и самого строителя. «Какъ собака, я не могъ жить нигдѣ, гдѣ она не жила,—я оторвался ото всего дорогого, отъ родины», говоритъ у Тургенева одинъ изъ такихъ захваченныхъ ураганомъ людей. Вспомните Санина, героя «Вешнихъ водъ», и его отъѣздъ изъ Висбадена, — на узенькой скамеечкѣ коляски, въ ногахъ у господина Полозова и его хищной супруги,—и все, что онъ испытываетъ, когда пылающій гнѣвомъ Панталеоне грозитъ ему и кричитъ: codardo! infame traditore! а пудель Тарталья лаетъ, и «самый лай честнаго пса звучитъ невыносимымъ оскорбленіемъ». И затѣмъ долгіе годы въ Парижѣ и всѣ униженія и муки раба, которому не позволяютъ ни ревновать, ни жаловаться.

Что Тургеневъ вложилъ въ изображеніе этихъ положеній и душевныхъ мукъ частицу пережитаго, видно не только изъ глубины того чувства и той надрывающей душу скорби, которыя слишкомъ сильно звучатъ

въ нихъ, чтобы быть проявленіемъ исключительно объективнаго творчества, но и изъ его письма Флоберу, въ которомъ онъ говоритъ по поводу «Вешнихъ водъ»: «Je me suis entrainé par des souvenirs». Вотъ почему его общій выводъ о томъ, что̀ въ сущности такое любовь, есть не только результатъ его «ума холодныхъ наблюденій», но и «сердца горестныхъ замѣтъ».—«Любовь,—по его опредѣленію,—вовсе не чувство. Это болѣзнь души и тѣла. Она не развивается постепенно, — въ ней нельзя сомнѣваться, съ ней нельзя хитрить. Въ ней нѣтъ равенства и такъ называемаго свободнаго единенія душъ. Въ ней одно лицо—рабъ, а другое властелинъ—и сама она цѣпь, и цѣпь тяжелая».

Въ началѣ сороковыхъ годовъ на петербургской оперной сценѣ выступила знаменитая пѣвица Полина Віардо-Гарсіа, о чарующемъ голосѣ и удивительномъ искусствѣ пѣнія которой съ единодушнымъ восторгомъ отзываются всѣ современники. На дагеротипномъ портретѣ, снятомъ съ нея нѣсколько лѣтъ спустя, она изображена въ гладкой прическѣ, закрывающей на половину уши, съ проборомъ посрединѣ и съ «височками». Крупныя черты ея некрасиваго лица съ толстыми губами и энергическимъ подбородкомъ тѣмъ не менѣе привлекательны благодаря ея прекраснымъ большимъ темнымъ глазамъ съ глубокимъ выраженіемъ. Подъ обаяніе ея чуднаго голоса и всей ея властной личности подпалъ въ 1843 г. Тургеневъ—и на всю жизнь. «Эта привязанность,—писалъ онъ Авдѣеву—срослась съ моей жизнью, и безъ нея я былъ бы какъ безъ воздуха». Всякое извѣстіе объ успѣхахъ Віардо было для него настоящимъ праздникомъ. «Когда слышишь ее,—говоритъ онъ Пичу—то по спинѣ проходитъ холодная дрожь и плачешь слезами восторга». Вотъ какъ описываетъ очевидецъ музыкальное утро, устроенное ею уже въ самые послѣдніе годы жизни Тургенева: «Голосъ ея, далеко не свѣжій и немного грубоватый, не очень понравился публикѣ, она хлопала только изъ вѣжливости, но Иванъ Сергѣевичъ, бывшій когда-то свидѣтелемъ тріумфовъ великой артистки, былъ и теперь еще, вѣроятно, подъ обаяніемъ этихъ воспоминаній. Онъ пришелъ въ самый искренній восторгъ. Его лицо раскраснѣлось, глаза горѣли, пряди волосъ падали въ безпорядкѣ на его лобъ. Онъ хлопалъ дольше и громче всѣхъ и, обернувшись къ публикѣ, повторялъ: «какова старушка, какова!» Черезъ трид-

цать пять лѣтъ, послѣ первыхъ встрѣчъ съ Віардо, въ сентябрѣ 1879 г. Тургеневъ началъ одно изъ своихъ «стихотвореній въ прозѣ» словами: «Гдѣ-то, когда-то, давно-давно тому назадъ я прочелъ одно стихотвореніе. Оно скоро позабылось мною; но первый стихъ остался у меня въ памяти: «Какъ хороши, какъ свѣжи были розы». Теперь морозъ запушилъ стекла оконъ; въ теплой комнатѣ горитъ свѣча; я сижу, забившись въ уголъ, а въ головѣ все звенитъ да звенитъ: «какъ хороши, какъ свѣжи были розы»...—Оказывается, что забытое Тургеневымъ и слышанное имъ *гдѣ-то и когда-то* стихотвореніе принадлежало поэту Мятлеву, автору «Сенсацій госпожи Курдюковой данъ летранже», раздѣлявшему общее восхищеніе пѣніемъ Віардо. Оно было напечатано въ 1843 году подъ названіемъ «Розы». Начальная строфа этого стихотворенія, звучавшая черезъ три съ половиной десятилѣтія въ памяти Тургенева слѣдующая: «Какъ хороши, какъ свѣжи были розы—въ моемъ саду! Какъ взоръ прельщали мой,—какъ я молилъ весенніе морозы—не трогать ихъ холодною рукой!» Тургеневъ, по его собственному выраженію, былъ *однолюбъ*, и любовь, роковой характеръ которой онъ такъ кратко и сильно опредѣлилъ, захватила и связала его волю, сконцетрировала его чувство и ввела его въ заколдованный кругъ неотразимаго вліянія властной и выдающейся женщины. Онъ отдалъ себя—свое время и сердце—всецѣло семьѣ г-жи Віардо. Его дружескія письма къ нѣмецкому критику Пичу, котораго онъ шутя называлъ ботаническимъ именемъ Pietschius amabilis grandiflorus semper virens, переполнены теплыми отзывами о дочеряхъ г-жи Віардо и даже о ея сынѣ, скрипачѣ Полѣ, несмотря на то, что онъ «ужасно неотесанъ и подчасъ невыносимъ»,—нѣжными заботами объ ихъ удобствахъ и удовольствіяхъ,—постоянными тревогами о малѣйшемъ нездоровьѣ г-жи Віардо и восторженными сообщеніями о вокальныхъ успѣхахъ «этой чудной женщины». Жалуясь на свое скверное настроеніе, «сѣрое съ желтоватыми пятнышками», на жестокіе приступы подагры и на разныя житейскія непріятности, Тургеневъ не забывалъ никогда прибавить, что, къ счастью, вся семья Віардо благополучна или все въ ней идетъ хорошо, а это въ концѣ концовъ самое главное...

— Ну, и что же?—могутъ намъ сказать—вѣдь онъ былъ счастливъ въ этомъ заколдованномъ кругу!—Едва ли можно отвѣтить на это: да,

былъ!—Къ сожалѣнію, онъ самъ, трогательно избѣгая личныхъ упрековъ и до гроба оставаясь вѣрнымъ владычицѣ своего сердца, давалъ однако поводы думать, что этотъ заколдованный кругъ далъ ему очень немногое и, быть-можетъ, лишилъ его многаго, необходимаго его нѣжной душѣ. Его письма къ друзьямъ представляютъ въ этомъ отношеніи весьма важный матеріалъ. Печаль по отсутствію своей собственной семьи начинаетъ сквозить въ нихъ довольно рано. Уже въ концѣ 1856 года онъ жалуется на то, что осужденъ на одинокую *цыганскую* жизнь;—что ему не свить своего гнѣзда, а между тѣмъ онъ слишкомъ старъ, чтобы не имѣть такого;—что онъ словно *вывихнутый* изъ жизни и въ чужомъ воздухѣ разлагается, какъ мерзлая рыба при оттепели. Въ 1857 г. онъ пишетъ Некрасову изъ Парижа: «Ты видишь, что я здѣсь, т.-е., что я сдѣлалъ именно ту глупость, отъ которой ты меня предостерегалъ... Но поступить иначе было невозможно. Впрочемъ, результатомъ этой глупости будетъ, вѣроятно, то, что я раньше пріѣду въ Петербургъ, чѣмъ предполагалъ. Нѣтъ, ужъ точно: этакъ жить нельзя. Полно сидѣть на краешкѣ чужого гнѣзда. Своего нѣтъ—ну и не надо никакого. Боже мой! Какъ мнѣ хочется поскорѣе въ Россію! Довольно, довольно, полно!»—А въ 1858 г. онъ пишетъ «До скораго свиданія. Повторяю тебѣ, не сомнѣвайся во мнѣ. Прочтя слово: Парижъ, ты, пожалуй, подумаешь: «вретъ, онъ тамъ и останется». На это скажу тебѣ одно: одной особы тогда въ Парижѣ *не* будетъ... Во всякомъ случаѣ, если я буду живъ, я въ концѣ мая въ Петербургѣ; *никакія* силы не удержатъ меня здѣсь болѣе. Полно—перестань, ты заплатилъ безумству дань».—Въ 1861 году онъ пишетъ Колбасину, въ письмѣ котораго усмотрѣлъ намеки на намѣреніе его жениться: «Я вижу, что тутъ замѣшана женщина—и *хорошо* замѣшана». И гораздо позже, въ 1879 году, онъ пишетъ Л. Н. Толстому: «Радуюсь вашему семейному благополучію. Точно: тяжелыя и темныя времена переживаетъ теперь Россія; — но именно теперь-то и совѣстно жить на чужбинѣ—это чувство во мнѣ все сильнѣе и сильнѣе—я поѣду на родину, не размышляя вовсе о томъ, когда сюда вернусь, да и не желая скоро вернуться». И рядомъ съ этимъ приходится видѣть, какими прочными цѣпями и какъ подчасъ безжалостно онъ окованъ. Его «не отпускаютъ» въ 1861 г. въ Россію, гдѣ только-что совершилось

освобожденіе крестьянъ и куда его страстно влечетъ, такъ что «лихорадка колотитъ и досада душитъ». Въ 1868 году его настоятельно призываютъ въ Баденъ-Баденъ изъ Парижа отъ одра умирающаго друга — Герцена и запрещаютъ вернуться назадъ. И въ томъ же 1868 году, тамъ же, въ Баденъ-Баденѣ, онъ, находившій, что «человѣкъ, который считаетъ себя писателемъ и пишетъ больше, чѣмъ на одномъ своемъ родномъ языкѣ,—несчастный, жалкій и бездарный субъектъ», сочиняетъ три французскихъ либретто къ опереткамъ госпожи Віардо и двѣнадцать разъ выступаетъ въ качествѣ Людоѣда, въ рыжемъ парикѣ на почтенныхъ сѣдинахъ, на домашнихъ спектакляхъ въ ея домѣ передъ — какъ онъ выражается — *чрезвычайными* особами. Что это давалось ему не легко, видно изъ его письма къ Пичу, въ которомъ онъ говоритъ: «Долженъ сознаться, что во мнѣ что-то дрогнуло, когда я въ роли моей лежалъ на полу и замѣтилъ легкую усмѣшку традиціоннаго презрѣнія на неподвижныхъ губахъ надменной прусской кронпринцессы. Несмотря на то, что я здѣсь *вообще не избалованъ почтительнымъ ко мнѣ отношеніемъ*, тѣмъ не менѣе мнѣ показалось, что это ужъ слишкомъ». Въ письмахъ къ Борисову въ 1871 г. изъ Парижа онъ говоритъ: «Я не успѣлъ еще здѣсь оглядѣться, какъ слегъ, а Віардо на нѣсколько дней уѣхали погостить къ друзьямъ на берегъ моря, и такимъ образомъ я очутился вдругъ одинъ въ этомъ страшеннѣйшемъ городищѣ! Но мнѣ было недурно, я отдохнулъ. Только ночи были скверныя. Ну, да это все ничего!» А въ 1878 г. онъ—шестидесятилѣтній старикъ — пишетъ Флоберу изъ города Кана (Caen) въ Нормандіи: «Вы спросите, что значитъ этотъ Канъ, зачѣмъ я въ Канѣ? А вотъ! Дамы семейства Віардо должны провести двѣ недѣли на берегу моря и меня послали разыскивать что-нибудь подходящее». Если къ этимъ ссылкамъ добавить разсказъ одного изъ друзей писателя, пріѣхавшаго послѣ долгой разлуки повидать monsieur Tourdeneuf (такъ звала его прислуга Віардо) въ St. Germain — о его сконфуженномъ видѣ, когда на его повторную просьбу прислать что-либо, чтобы угостить пріѣзжаго, ему отвѣчали черезъ лакея рѣшительнымъ отказомъ, такъ что пришлось ограничиться предложеніемъ стакана воды съ оказавшимся подъ рукою сахаромъ, — или разсказъ другого посѣтителя, изумленнаго раздавшимся вслѣдъ Тургеневу изъ окна дома

Віардо рѣзкимъ повелительнымъ и не стѣсненнымъ ничѣмъ окрикомъ «Jean!»—то станетъ особенно понятною переданная мнѣ покойнымъ Борисомъ Николаевичемъ Чичеринымъ одна изъ бесѣдъ его съ Тургеневымъ въ первой половинѣ шестидесятыхъ годовъ. Чичеринъ заговорилъ какъ-то о необходимости выходить изъ фальшивыхъ положеній въ жизни, т. е. о томъ, что такъ кратко выразилъ Александръ Дюма-сынъ, сказавшій: «on traverse une position équivoque, on ne reste pas dedans».

«— Вы думаете?!—съ грустной проніей воскликнулъ Тургеневъ:— изъ фальшивыхъ положеній не выходятъ! Нѣтъ-съ, не выходятъ! Изъ нихъ выйти нельзя!»

Прежде, чѣмъ закончить съ этой полосой въ личной жизни Тургенева, я не могу не обратиться къ своимъ личнымъ воспоминаніямъ. Осенью 1879 года въ Парижѣ мы были съ нимъ приглашены на завтракъ въ очень маленькомъ обществѣ. Заѣхавъ за нимъ, я сталъ подниматься въ верхній этажъ дома въ rue de Douet, куда вела лѣстница темнаго дерева, съ широкимъ пролетомъ посрединѣ. Проходя мимо дверей того этажа, который у насъ называется бель-этажемъ, я услышалъ за ними чей-то довольно рѣзкій голосъ, выдѣлывавшій вокальныя упражненія, прерываемыя по временамъ чьими-то замѣчаніями. Наверху меня встрѣтилъ Иванъ Сергѣевичъ и ввелъ въ свое помѣщеніе, состоявшее изъ двухъ комнатъ. На немъ была старая, довольно потертая бархатная куртка. Царившая въ комнатахъ «оброшенность» непріятно поразила меня. На маленькомъ закрытомъ роялѣ и положенныхъ на него нотахъ лежалъ густой слой пыли. Штора, стариннаго прямого образца, однимъ изъ своихъ верхнихъ угловъ оторвалась отъ палки, къ которой была прикрѣплена, и висѣла поперекъ окна, загораживая отчасти свѣтъ, очевидно, уже давно, такъ какъ и на ея складкахъ замѣчался такой же слой пыли. Расхаживая во время разговора съ хозяиномъ по комнатѣ, я не могъ не замѣтить, что и въ сосѣдней небольшой спальной все было въ безпорядкѣ и не убрано, несмотря на то, что былъ уже второй часъ дня. Мнѣ невольно вспомнился стихъ Некрасова: «Но тотъ, кто любящей рукой не охраненъ, не обезпеченъ»... Видя, что оживленная бесѣда съ Тургеневымъ, очень интересовавшимся событіями и ходомъ дѣлъ на родинѣ, можетъ насъ задержать, я напомнилъ ему, что насъ ждутъ. — «Да, да, — заторопился

онъ—сейчасъ я одѣнусь!»—и черезъ минуту вышелъ въ темно-сѣромъ пальто изъ какой-то матеріи, напоминавшей толстую парусину. Продолжая говорить, онъ хотѣлъ застегнуться и машинально искалъ пуговицы, которой уже давно на этомъ мѣстѣ не было.—«Вы напрасно ищете пуговицу,—замѣтилъ я, смѣясь—ея нѣтъ!»—«Ахъ!—воскликнулъ онъ—и въ самомъ дѣлѣ! Ну, такъ мы застегнемся на другую»,—и онъ перевелъ руку на одну петлю ниже, но соотвѣтствующая ей пуговица болталась на ниточкахъ, за которыми тянулась выступившая наружу подкладка. Онъ добродушно улыбнулся и, махнувъ рукою, просто запахнулъ пальто, продолжая разговаривать. Когда, спускаясь съ лѣстницы, мы стали приближаться къ дверямъ бель-этажа, за ними раздались звуки сильнаго контральто, тоже, какъ казалось, передававшіе какое-то вокальное упражненіе. Тургеневъ вдругъ замолкъ, шепнулъ мнѣ: — «Ш-ш-ш!» и смѣнилъ свои тяжелые шаги тихой поступью, а затѣмъ остановился противъ дверей, быстрымъ движеніемъ взялъ меня ниже локтя своей большою, покрытой рѣдкими черными волосами рукою, и сказалъ мнѣ, показывая глазами на дверь: «Какой голосъ! до сихъ поръ». Я не могу забыть ни выраженія его лица, ни звука его словъ въ эту минуту: такой восторгъ и умиленіе, такая нѣжность и глубина чувства выражались въ нихъ. За завтракомъ онъ былъ очень веселъ и много разсказывалъ о Zolà и о Daudet. Подъ конецъ наша собесѣдница какъ-то затронула вопросъ о бракѣ и шутливо просила Тургенева убѣдить меня наложить на себя брачныя узы. Тургеневъ заговорилъ не тотчасъ и какъ бы задумался, а потомъ поднялъ на меня глаза и сказалъ серьезнымъ и горячимъ тономъ: «Да, да, женитесь, непремѣнно женитесь! Вы себѣ представить не можете, какъ тяжела одинокая старость, когда по-неволѣ приходится пріютиться на краешкѣ чужого гнѣзда, получать ласковое отношеніе къ себѣ, какъ милостыню, и быть въ положеніи стараго пса, котораго не прогоняютъ только по привычкѣ и изъ жалости къ нему. Послушайте моего совѣта! Не обрекайте себя на такое безотрадное будущее!» Все это было сказано съ такимъ плохо затаеннымъ страданіемъ, что мы невольно переглянулись; Тургеневъ это замѣтилъ и вдругъ сталъ собираться уходить, повидимому, недовольный вырвавшимся у него заявленіемъ. Мы стали его удерживать, но онъ сказалъ: «Нѣтъ, я и такъ засидѣлся. Мнѣ надо

домой. Дочь m-me Viardot больна и въ постели. Можетъ оказаться нужнымъ, чтобы я съѣздилъ къ доктору или сходилъ въ аптеку». И, запахнувъ свое пальто, онъ торопливо распростился съ нами и ушелъ.

Таковы были условія личной жизни дорогого намъ писателя. Едва-ли кто-нибудь признаетъ ихъ завидными... Но по смерти его ждало нѣчто еще менѣе завидное. У госпожи Віардо есть дочь Луиза, по мужу Герритъ, и на нее, конечно, тоже распространялись заботы Тургенева. Онъ чуть не поссорился съ Пичемъ за промедленіе въ доставленіи перевода съ либретто къ ея оперѣ, которая должна была быть поставлена на придворномъ театрѣ въ Веймарѣ; онъ пережилъ много волненій и заботъ вслѣдствіе ея тяжелыхъ родовъ и помѣстилъ ее въ своей квартирѣ, самъ перебравшись въ двѣ маленькія комнатки. И вотъ эта-то самая госпожа Герритъ-Віардо весною 1907 года напечатала въ одной изъ вліятельныхъ и весьма распространенныхъ газетъ — «Frankfurter Zeitung», — всегда отличавшейся, какъ, впрочемъ, и вся нѣмецкая пресса, большимъ уваженіемъ къ творчеству и памяти Тургенева, поразительное письмо. Въ немъ говорится, что Тургеневъ, проживъ тридцать лѣтъ въ домѣ Віардо съ полнымъ комфортомъ, за все это время не платилъ и даже не пытался платить хозяевамъ, хотя послѣдніе были бы весьма не прочь отъ этого. «Тургеневъ,—пишетъ г-жа Герритъ: — умеръ послѣ полуторагодичной болѣзни; ему и въ голову не пришло поблагодарить *насъ* за въ высшей степени тяжелый, утомительный и дорогой уходъ за нимъ, завѣщавъ намъ хотя бы часть своего крупнаго состоянія. Его милліоны(!!!) унаслѣдовала старая кузина, которой онъ никогда не зналъ, и у которой безъ того были свои милліоны»... Оставляя въ сторонѣ фантастическіе милліоны, измышленные г-жей Герритъ подъ вліяніемъ расходившагося денежнаго аппетита, дозволительно сдѣлать нѣсколько фактическихъ поправокъ къ ея письму. Такъ, по удостовѣренію вдовы Я. П. Полонскаго— близкаго друга Тургенева, — послѣдній, при выходѣ замужъ другой дочери Віардо — Маріанны — продалъ часть своего имѣнія и вырученную сумму далъ ей въ приданое. Семейству Віардо онъ оставилъ всю, очень крупную, сумму, полученную при покупкѣ у него права литературной собственности на его произведенія. Этой же семьѣ, по свидѣтельству М. М. Стасюлевича, было предназначено все, что̀ будетъ выручено отъ

продажи остальной части *родового* имущества, и лишь смерть Тургенева помѣшала русскому консулу засвидѣтельствовать подпись умирающаго на данной съ этой цѣлью довѣренности. Въ 1870 году Тургеневъ пишетъ Маслову: «Въ человѣческой жизни Богъ воленъ; если бы я внезапно окачурился, то ты долженъ знать, что оставленныя у тебя на сохраненіе акціи мною куплены для моей милой Клавдіи Віардо и потому должны быть—въ случаѣ какой-нибудь катастрофы—доставлены г-жѣ Віардо въ гор. Баденъ-Баденъ. Я совершенно здоровъ, но осторожность никогда не мѣшаетъ».—«Милый другъ Иванъ Ильичъ,—пишетъ онъ Маслову черезъ два года—изъ тридцати тысячъ рублей, оставшихся на твоихъ рукахъ послѣ покупки акцій, купи еще на пять тысячъ акцій, попрежнему на имя г-жи Віардо»; и въ 1874 г. проситъ Маслова прислать денегъ, продавъ купоны отъ его, Тургенева, бумагъ, такъ какъ курсъ хорошій, а ему, по случаю свадьбы дочери г-жи Віардо, Клавдіи, приходится порядкомъ расходоваться.

Нужно ли говорить, что и помимо всего этого нравственный обликъ Тургенева является отрицаніемъ самой возможности того, что̀ вышло изъ-подъ злорѣчиваго пера третьей дочери г-жи Віардо. Можно лишь удивляться, что эта дама, повидимому, «знобимая, — по прекрасному выраженію Пушкина—стяжанья лихорадкой», ждала почти четверть вѣка, чтобы заявить о своемъ недугѣ и начать предъ нѣмецкой публикой оплакивать поруганные русскимъ прихлебателемъ интересы своей семьи. Но есть нѣчто, внушающее еще бо̀льшее удивленіе. Молчаніе—знакъ согласія, а сама г-жа Полина Віардо, столь чувствительно письменно благодарившая послѣ смерти Тургенева «дорогихъ ей русскихъ, истинныхъ друзей ея дорогого и незабвеннаго Тургенева»,—молчитъ! Она, тогда же писавшая Людвигу Пичу: «Ахъ, дорогой другъ, это слишкомъ, слишкомъ много горя для одного сердца! Не понимаю, какъ мое еще не разорвалось! . . Боже мой, какое страданіе!»—молчитъ. . . Такимъ образомъ, заключительнымъ аккордомъ грустной повѣсти о личной жизни Тургенева является попытка почтеннаго семейства, отнявшаго у него родину и близость друзей, отнять и доброе имя и изъ человѣка-альтруиста въ словѣ и дѣлѣ сдѣлать жалкаго приживальщика, заплатившаго за оказанныя ему благодѣянія лишь рыжимъ парикомъ на за-

баву чрезвычайныхъ гостей и побѣгушками для исполненія порученій...

Но не одна личная жизнь Тургенева заключала въ себѣ элементы драмы. Они нашлись и въ его жизни общественной. Появленіе его лучшаго по законченности, глубинѣ и неподражаемой красотѣ романа «Отцы и дѣти» было встрѣчено вліятельной критикой начала 60-хъ годовъ со слѣпой враждебностью. Ея близорукимъ представителямъ показалось, что Тургеневъ недостаточно низко клонитъ свою голову предъ тогдашними кумирами. Пошлое обвиненіе въ «клеветѣ на молодое поколѣніе» было пущено въ ходъ, а самъ авторъ приравненъ къ «мракобѣсному» издателю «Домашней бесѣды» Аскоченскому и названъ «Асмодеемъ нашего времени». Лишь въ чуткой душѣ Писарева яркій образъ Базарова нашелъ себѣ правильную оцѣнку, да Достоевскій, по словамъ самого Тургенева, прозрѣлъ правдивость и значительность новаго произведенія. Большой художникъ, Тургеневъ, несмотря на внѣшнюю выдержку и кажущееся равнодушіе, не могъ развить въ себѣ олимпійскаго спокойствія своего великаго учителя Пушкина, и сказать себѣ: «ты самъ доволенъ ли, взыскательный художникъ? Доволенъ? Такъ пускай толпа бранитъ и плюетъ на алтарь, гдѣ твой огонь горитъ, и въ дѣтской рѣзвости колеблетъ твой треножникъ». Онъ несомнѣнно страдалъ и какъ художникъ, и какъ человѣкъ, которому, по благородному почину нѣкоторыхъ критиковъ, толпа злорадныхъ невѣждъ, живущихъ чужимъ умомъ, приписывала самыя низменныя побужденія. «Можетъ ли оставаться спокойнымъ, — говоритъ Брайтъ въ одной изъ своихъ блестящихъ рѣчей — человѣкъ, достойный любви и уваженія, когда онъ сознаетъ возбуждаемую противъ него ненависть и слышитъ острое шипѣніе клеветы, которую нельзя поймать и раздавить, какъ змѣю, ползущую во тьмѣ». Тургеневъ самъ писалъ Пичу уже въ 1869 году: «Русской молодежи внушили, что типъ Базарова — обидная карикатура и памфлетъ. Изъ-за Базарова меня забросали и забрасываютъ грязью, оскорбленіями, ругательствами», и еще въ 1879 году онъ говорилъ Полонскому по поводу «Нови»: «Если меня за «Отцовъ и дѣтей» били палками, за «Новь», конечно, будутъ лупить бревнами, и точно такъ же съ обѣихъ сторонъ». Глубоко опечаленный, онъ даже рѣшился навсегда оставить писательство, простившись съ читателями въ

своемъ глубоко поэтическомъ «Довольно». Но выполнить до конца свою рѣшимость онъ не могъ. Творческая натура слишкомъ властно предъявляла свои требованія, а явленія общественной жизни настойчиво призывали его подать голосъ. Такъ появились «Дымъ» и въ 1876 г.—«Новь». За весь этотъ періодъ, начиная съ 1862 года, жадно читаемый за границей Тургеневъ испытывалъ на родинѣ справедливость евангельскаго изреченія о томъ, что «нѣсть пророка въ отечествѣ своемъ», и стоялъ какъ бы въ тѣни, подвергаясь, по собственному выраженію, снисходительному презрѣнію господъ рецензентовъ.

Желаніе бросить литературную дѣятельность жило въ немъ все это время. Послѣ первой части «Нови», встрѣченной въ печати и публикѣ холодно, онъ просилъ Полонскаго пріостановить свое окончательное сужденіе до появленія второй части и заявлялъ, что «во всякомъ случаѣ и какое бы ни сложилось рѣшительное мнѣніе публики, это уже, конечно, моя послѣдняя работа. Довольно, довольно». Онъ въ 1877 г. извѣщалъ Поля Линдау, что отложилъ перо съ намѣреніемъ никогда больше не брать его въ руки, и это рѣшеніе непоколебимо. Но къ концу семидесятыхъ годовъ устарѣлыя, одностороннія, предвзятыя нападки на автора «Отцовъ и дѣтей» совершенно прекратились, и снова симпатіи всего, что̀ было лучшаго въ русскомъ мыслящемъ обществѣ, обратились къ нему. Особенно восторженно относилась къ нему молодежь. Ему приходилось убѣждаться въ заслуженномъ вниманіи и тепломъ отношеніи общества почти на каждомъ шагу, и онъ самъ съ милой улыбкой внутренняго удовлетворенія говорилъ, что русское общество его *простило*. Эти вниманіе и отношеніе достигли своего апогея въ 1880 г. во время Пушкинскихъ празднествъ въ Москвѣ, когда каждое выступленіе его сопровождалось восторженными оваціями. Не только избраніе его въ почетные члены московскаго университета и заключительныя слова его рѣчи въ Обществѣ любителей россійской словесности о томъ, что настанетъ время, когда на вопросъ, кому поставленъ только-что открытый памятникъ, простой русскій человѣкъ сознательно отвѣтитъ: «учителю»,— вызвали бурный взрывъ рукоплесканій и привѣтственныхъ криковъ, но то же самое повторялось съ особой силой и тогда, когда на литературномъ вечерѣ въ Дворянскомъ собраніи Писемскій снялъ съ бюста Пуш-

кина лавровый вѣнокъ и сдѣлалъ видъ, что возлагаетъ его на голову Тургенева. Въ средѣ своихъ лучшихъ представителей русское общество какъ бы вѣнчало въ Москвѣ въ его лицѣ достойнѣйшаго изъ современныхъ ему преемниковъ Пушкина. Все это оживило Тургенева и вернуло ему прежнюю бодрость, не смотря на то, что онъ уже за нѣсколько лѣтъ раньше сравнивалъ себя и Полонскаго съ двумя черепками давно разбитаго сосуда. Уже въ началѣ 1881 года онъ пишетъ: «Я теперь снова намѣренъ работать. Сначала кончу «Отрывки изъ воспоминаній своихъ и чужихъ», а затѣмъ примусь за другую небольшую, но по содержанію драматическую вещь, которая вертится у меня въ головѣ. Литературная жилка во мнѣ зашевелилась. Неужели изъ стараго засохшаго дерева пойдутъ новые листья и даже вѣтви?»—Эти листья и вѣтви были: «Отчаянный», «Стихотворенія въ прозѣ» (Senilia) и «Клара Миличъ»—названные имъ въ письмѣ къ Пичу «послѣдними вздохами старика».

Писательская судьба Тургенева и Достоевскаго была во многомъ сходная. Оба они имѣли обще признанный успѣхъ послѣ первыхъ своихъ произведеній, а затѣмъ и величайшій изъ романовъ Достоевскаго «Преступленіе и наказаніе» былъ встрѣченъ поверхностными отзывами, злобнымъ шипѣніемъ и даже безсмысленными утвержденіями, что будто бы многострадальный авторъ «Мертваго дома» написалъ «доносъ на молодежь». И ему, подобно Тургеневу, пришлось долго ждать оцѣнки своихъ позднѣйшихъ произведеній и общаго восторженнаго признанія, съ необыкновенной силой проявившагося во время тѣхъ же Пушкинскихъ празднествъ въ 1880 г. Но затѣмъ судьба была болѣе жестока къ Тургеневу. Достоевскій умеръ почти сразу, страдая очень недолго, а къ Тургеневу подступилъ медленный мучительный недугъ, въ теченіе трехъ лѣтъ ежедневно все болѣе и болѣе явственно напоминая о близости могилы и давая осязательное основаніе тому страху смерти, который издавна мучилъ Тургенева. Еще въ 1872 году онъ писалъ Пичу: «Со мной идетъ все подъ гору, подъ гору, и вотъ она уже стоитъ — блѣдная, нѣмая, холодная, всепожирающая, вѣчная ночь». Та яма, пятно, могила, о которой онъ такъ потрясающе говоритъ въ «Старухѣ»—съ 1881 года «сама шла, ползла на него», неотвратимо и безъ остановки...

Страданія его особенно обострились съ начала 1882 года. Уже въ маѣ онъ пишетъ Полонскимъ: «Когда вы будете въ Спасскомъ, поклонитесь отъ меня дому, саду, моему молодому дубу, родинѣ поклонитесь, которую я, вѣроятно, ужё никогда не увижу»; въ іюнѣ, называя себя «человѣкомъ похеренныкъ» и «молюскомъ, ведущимъ жизнь устрицы», онъ проситъ утѣшить его присылкою сиреневаго цвѣтка изъ родного Спасскаго, а въ декабрѣ съ безнадежнымъ отчаяніемъ восклицаетъ: «Меня не только тянетъ, меня рветъ въ Россію». Съ этого времени письма его, среди трогательныхъ воспоминаній о родинѣ и теплыхъ заботъ о гостившихъ въ далекомъ Спасскомъ друзьяхъ, содержатъ въ себѣ описанія жестокихъ мученій, причиняемыхъ ему недугомъ. Тутъ цѣлый арсеналъ пытокъ: и безсонница отъ боли, преодолѣваемая лишь вспрыскиваніемъ морфія, и невозможность не только ходить, но и стоять болѣе нѣсколькихъ минутъ безъ помощи какой-то машинки, и разныя невыносимыя страданія въ груди, сердцѣ и печени. Болѣзнь, какъ коршунъ Прометея, все глубже и глубже вонзаетъ свой клювъ въ изможденное тѣло страдальца. И письма становятся все короче, отрывистѣе. Они пишутся уже не совсѣмъ разборчивымъ почеркомъ, вмѣсто яснаго и твердаго, карандашомъ или даже постороннею рукою. И все заканчивается письмомъ отъ 12 мая 1883 г. Вотъ оно: «Давно я не писалъ къ вамъ, любезные друзья мои, да и о чемъ было писать! Болѣзнь не только не ослабѣваетъ, она усиливается. Страданія постоянныя, невыносимыя, надежды никакой! Жажда смерти все растетъ, и мнѣ остается просить васъ, чтобы и вы съ своей стороны пожелали осуществленія желанія вашего друга. Обнимаю васъ всѣхъ». Но еще около трехъ мѣсяцевъ продолжала играть смерть со своей жертвой, какъ кошка съ мышью.

Если однако личная жизнь для Тургенева перестала существовать и обратилась въ сплошное страданіе, то мысли его оставались вѣрны тому высокому дѣлу творчества, которое было его призваніемъ. Римляне говорили: Caesarem licet stantem mori! Но и литература имѣетъ своихъ цезарей, и однимъ изъ нихъ былъ умиравшій Тургеневъ. Онъ выпрямился предъ кончиной во весь свой духовный ростъ и, уже отрѣшившись отъ всего личнаго, земного, обратилъ свою мысль на судьбы родного, дорогого ему слова. Собравъ послѣднія силы, дрожащею рукою, каран-

дашомъ написалъ онъ *послѣднее* свое письмо—письмо къ Льву Николаевичу Толстому: «Я былъ и есмь на смертномъ одрѣ; пишу собственно, чтобы сказать, какъ я былъ радъ быть вашимъ современникомъ, и выразить вамъ мою послѣднюю, искреннюю просьбу. Другъ мой, вернитесь къ литературной дѣятельности! Вѣдь этотъ вашъ даръ оттуда, откуда, все другое. Какъ былъ бы я счастливъ, если бы могъ подумать, что просьба моя такъ на васъ подѣйствуетъ! Я же человѣкъ конченный. Другъ мой! великій писатель земли русской—внемлите моей просьбѣ! Не могу больше, усталъ!»

22 августа онъ скончался въ Буживалѣ, потерявъ сознаніе за два дня до этого. Его лицо, по свидѣтельству очевидцевъ, приняло величавое спокойствіе смерти. Сдвинутыя брови придавали ему строгій видъ. Но вскорѣ къ нему вернулось его доброе и кроткое выраженіе лица. Мы не знаемъ, были ли связаны его послѣднія сознательныя минуты съ нѣжнымъ и искреннимъ, а не показнымъ вниманіемъ, но грустно думать, что около него не было родной души, не было близкаго русскаго человѣка, который на его: «не могу больше, усталъ!» отвѣтилъ бы утѣшительными словами лучшаго изъ его преемниковъ, тоже умершаго вдали отъ родины: «дядя Ваня, мы отдохнемъ!.. Мы отдохнемъ...»

Кончая и благодарно преклоняясь передъ памятью Тургенева за все, что́ онъ оставилъ намъ,—за всѣ высокія и чистыя чувства, которыя онъ умѣлъ возбуждать,—за то неоцѣнимое художественное наслажденіе, которое онъ далъ намъ вкусить въ своихъ незабвенныхъ твореніяхъ, я невольно обращаюсь съ мыслью и къ двумъ другимъ великимъ русскимъ писателямъ. Творенія Достоевскаго представляются мнѣ глубокой шахтой, прорытой въ самыя нѣдра человѣческой души, со сложными подземными ходами, въ концѣ которыхъ таится золото сердечныхъ движеній и слезы умиленія и сочувствія людскому несчастью. При мысли о Толстомъ мнѣ рисуется Сахара, которую путешественники описываютъ какъ знойную пустыню, гдѣ замираетъ жизнь и гдѣ, при наступающихъ сумеркахъ, къ молчанію смерти присоединяется еще и тьма. И тогда идетъ на водопой левъ и наполняетъ своимъ рыканіемъ пустыню. Ему отвѣчаютъ жалобный вой звѣрей, крики ночныхъ птицъ и далекое эхо... и пустыня оживаетъ. Такъ и съ этимъ Львомъ. Онъ можетъ иногда

заблуждаться въ своемъ гнѣвномъ исканіи истины. Но онъ заставляетъ работать мысль, нарушаетъ самодовольство молчанія, будитъ окружающихъ отъ сна и не даетъ имъ уснуть въ застоѣ болотнаго спокойствія. А Тургеневъ въ своихъ твореніяхъ напоминаетъ мнѣ готическій храмъ, глубоко заложенныя въ землю стѣны котораго стремятся вверхъ, чаруя взоръ своими цвѣтными лучистыми окнами, изящными пролетами и кружевной рѣзьбой, и, переходя въ стройныя башни, смѣло поднимаются въ ясное небо, въ небо возвышенныхъ стремленій, благородства мысли и чувства, въ небо нравственнаго идеала.

А. Ѳ. Кони.

Кольцовъ въ исторіи русской литературы.

Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ—одинъ изъ наиболѣе счастливыхъ русскихъ поэтовъ. И его имя, и его произведенія широко извѣстны какъ грамотному, такъ даже и неграмотному русскому люду, благодаря учебнымъ хрестоматіямъ, лубочнымъ пѣсенникамъ, цыганскимъ и ученическимъ хорамъ. Они давно пользуются любовью и уваженіемъ. Само безпощадное время относится къ нимъ пока милостиво.

Но изъ стихотвореній Кольцова развѣ только третья часть пользуется извѣстностью. Это—тѣ «пѣсни», которыя имѣютъ особенную, спеціально кольцовскую форму и представляютъ собою нѣчто такое, что стоитъ совершеннымъ особнякомъ среди однородныхъ произведеній русской литературы. Всѣ остальныя и въ то время, когда появились впервые въ печати, не остановили на себѣ вниманія читателей, и теперь, когда мы вновь перечитываемъ поэтическіе труды нашего поэта, намъ кажутся недостойными его имени. Какъ-то не вѣрится, что эти плохія подражанія стихотвореніямъ Дмитріева, Жуковскаго, Пушкина, Козлова, очень слабыя по содержанію, еще болѣе слабыя по своему языку,—написаны нашимъ Кольцовымъ.

Какъ я сейчасъ сказалъ, кольцовскія «пѣсни»,—то, на чемъ основаны слава и популярность Кольцова,—стоятъ совершеннымъ особнякомъ въ русской литературѣ. Въ виду этого понятны затрудненія историка русской литературы, когда онъ подходитъ къ Кольцову. Эти «пѣсни» не укладываются въ рамки литературныхъ теченій XIX столѣтія. Ихъ нельзя связать ни съ сентиментальною модою у Карамзина, Жуковскаго, Мер-

злякова, ни съ романтическими отзвуками у Пушкина и Козлова, ни съ реалистической струей въ позднѣйшихъ произведеніяхъ Пушкина. Перлы Кольцовской поэзіи являются въ русской литературѣ совершенно неожиданно и проходятъ въ ней безъ замѣтныхъ слѣдовъ, не давъ начала новому литературному теченію. Историку русской литературы некуда дѣть Кольцова.

Покойный А. Н. Пыпинъ[1]), признавъ Кольцова «неожиданнымъ явленіемъ» и заявивъ, что «поэта съ нимъ однороднаго и равносильнаго русская поэзія до сихъ поръ не видѣла», сдѣлалъ попытку ввести пѣсни Кольцова въ кругъ подражаній русскимъ народнымъ пѣснямъ. Эти подражанія были не рѣдки и въ XVIII в. (между прочимъ у Сумарокова), но особенно много появилось ихъ въ связи съ сентиментальной модой XIX в. Современникъ Кольцова баронъ Дельвигъ какъ-бы специализовался на подражаніяхъ народнымъ пѣснямъ. Но подражанія были именно подражаніями. Они брали у народныхъ пѣсенъ и форму, и содержаніе; они старались приблизиться къ народнымъ пѣснямъ путемъ заимствованія эпитетовъ, выраженій, цѣлыхъ стиховъ. Лишь немногія изъ нихъ были настолько удачны, что могли получить широкое распространеніе въ русскомъ образованномъ обществѣ и привлечь къ себѣ вниманіе современниковъ Пушкина и Лермонтова. «Пѣсни» Кольцова не имѣютъ съ ними ничего общаго. Кольцовъ былъ знакомъ съ живою народною поэзіею, конечно, не меньше Сумарокова, Нелединскаго-Мелецкаго и Мерзлякова. Можно сказать рѣшительно, что онъ зналъ ее гораздо лучше, чѣмъ баронъ Дельвигъ. Содержаніе кольцовскихъ «пѣсенъ» далеко не совпадаетъ съ содержаніемъ народныхъ пѣсенъ. Что изъ народной поэзіи могли бы мы поставить въ связь съ такими перлами кольцовской музы, какъ «Пѣсня пахаря», «Урожай», «Косарь», «Лѣсъ», «Пѣсня старика»? Какія народныя пѣсни говорятъ о поэзіи сельской работы, о пашнѣ и посѣвѣ, о жатвѣ и покосѣ? Гдѣ въ народныхъ пѣсняхъ мы найдемъ поэтическую картину потерявшаго листву лѣса или ночной бури? Народъ не воспѣваетъ событій обыденной жизни и не останавливается на нихъ

---

1) «Исторія русской литературы», т. IV.

въ своемъ поэтическомъ раздумьѣ. А Кольцовъ готовъ воспѣвать сельскую работу безъ конца, не повторяясь, давая все новыя и новыя описанія знакомыхъ всѣмъ картинъ.

Даже въ области языка Кольцовъ не принадлежитъ къ числу подражателей. И здѣсь онъ—творецъ, и здѣсь онъ—вполнѣ оригиналенъ.

Кромѣ немногихъ выраженій въ родѣ *добрый молодецъ, душа дѣвица, темная ночь, зеленый садъ,* Кольцовъ ничѣмъ не позаимствовался у народныхъ пѣсенъ. Столь обычные у него эпитеты принадлежатъ ему вполнѣ, имъ созданы; мы напрасно стали бы искать въ народныхъ пѣсняхъ выраженій: *судьба мачеха, красавица зорька, степь зеленая, даль волшебная,* которыми такъ часто пользуется Кольцовъ.

Итакъ, кольцовскія «пѣсни» не могутъ быть поставлены въ рядъ тѣхъ подражаній русскимъ народнымъ пѣснямъ, которыя мы знаемъ и изъ XVIII в., и изъ временъ самого Кольцова.

Кольцовъ со своими «пѣснями» стоитъ особнякомъ. Кольцовъ—поэтическая неожиданность въ русской литературѣ XIX вѣка.

Если бы онъ жилъ раньше, если бы онъ написалъ свои «пѣсни» въ концѣ XVII-го или въ началѣ XVIII-го вѣка, мы бы не были особенно удивлены его появленіемъ; мы бы поставили его рядомъ съ анонимнымъ авторомъ поэмы о Горѣ-Злосчастіи и дали мѣсто кольцовскимъ «пѣснямъ» при этой малоизвѣстной у насъ, но во всякомъ случаѣ замѣчательной поэмѣ.

До-петровская Москва имѣла свои особенности, свои крупныя отличія отъ новой Россіи, созданной геніемъ великаго преобразователя. Въ ней были свои недостатки, но были и свои достинства.

Одно изъ отличій до-петровской Москвы и вмѣстѣ одно изъ крупнѣйшихъ ея достоинствъ—внутреннее единство ея русскаго населенія. Высшее сословіе до-петровской Москвы, знатное и богатое, было органически связано съ бѣдной народной массой въ вѣрѣ, идеалахъ, культурѣ, языкѣ. Знатный бояринъ шелъ спасать душу въ тотъ же монастырь, куда уходилъ и его холопъ, и они оба жили въ монастырѣ общею жизнію, не чувствуя разницы между собой. Исчезло различіе въ общественномъ положеніи, въ богатствѣ одежды и удобствахъ быта, и вчерашній боя-

ринъ сталъ рядомъ съ своимъ холопомъ среди монастырской братіи. Стремленія боярина и холопа были одни и тѣ же—достигнуть небеснаго царства и вѣчной жизни; средства и способы къ осуществленію желаній были также одни и тѣ же; образованіе высшаго сословія, его литература, его поэтическое творчество ничѣмъ не отличались отъ образованія, литературы, творчества народной массы. Бояринъ учился по тому же часослову, что и крестьянинъ; его училъ тотъ же дьячекъ, который былъ учителемъ у крестьянина; его обычнымъ чтеніемъ были тѣ же житія святыхъ, тѣ же прологъ и патерики, что и у крестьянина; онъ слушалъ и пѣлъ тѣ же пѣсни, что и крестьянинъ. Изучая и анализируя русскія народныя пѣсни, записанныя изъ устъ крестьянской массы по всей Россіи, мы не въ состояніи выдѣлить изъ нихъ тѣ, которыя возникли въ боярской средѣ, и только по сохранившимся въ нихъ подробностямъ богатаго быта съ вѣрными слугами, высокими теремами и зелеными садами, можемъ догадываться, что передъ нами плоды поэтическаго творчества боярской среды, вполнѣ усвоенные крестьянской массой. Такъ близки были въ до-петровской Москвѣ пѣсни боярина и крестьянина.

Другое отличіе до-петровской Москвы отъ преобразованной Россіи заключается въ способѣ заимствованія. До-петровская Москва умѣла цѣнить науку, культуру и искусство не меньше, чѣмъ петровская Россія. Но она заимствовала у Запада то, что считала для себя нужнымъ, безъ преклоненія передъ чужимъ, что бы это ни было, безъ слѣпого отказа отъ своего ради чужого,—а съ разборомъ и осмотрительностью, съ постоянною переработкою чужого и приспособленіемъ его къ своему, привычному и испытанному.

Извѣстному архитектору Италіи Аристотелю Фіоравенти, конечно, легче было построить въ Москвѣ блестящій храмъ по знакомому образцу храмовъ Рима, Милана, Венеціи; но онъ воздвигъ Успенскій соборъ по новому для него образцу храмовъ Владимира: Москва временъ Ивана Васильевича III, цѣня чужое искусство, умѣла заставить его оцѣнить русское искусство.

Выѣзжіе художники XVII в., обучая въ Москвѣ своихъ русскихъ учениковъ, создали въ ней школу не художниковъ рабовъ западной жи-

вописи, а знаменитыхъ царскихъ иконописцевъ, влившихъ въ старое русское искусство новую живую струю, соединившихъ со стариной новизну, къ выгодѣ и обогащенію старины. Между ними былъ и знаменитый Симонъ Ушаковъ, трудами творческой кисти котораго теперь такъ восхищается любитель старины.

Точно также выѣзжіе музыканты XVII в. помогли нашимъ музыкантамъ-пѣвцамъ оживить старые напѣвы церковныхъ гимновъ и создать новые, но не внесли въ церковь музыки итальянскихъ оперныхъ арій или французскихъ романсовъ.

Великій Петръ, сильный государственный геній, создавшій изъ малоизвѣстной въ Европѣ полу-азіатской Москвы одну изъ первыхъ европейскихъ державъ, повелъ Россію на путь слѣпого подражанія, безсмысленнаго заимствованія и презрѣнія къ своему.

Онъ нанесъ жестокій ударъ русскому искусству.

Россія XVIII в. не создаетъ уже храмовъ и дворцовъ съ гармоническимъ соединеніемъ стараго и новаго; художники иностранцы творятъ, какъ хотятъ, не считаясь съ русскими образцами. Между ними есть крупные таланты, въ родѣ графа Растрелли; ихъ сооруженія дѣлаютъ честь ихъ познаніямъ и вкусу, но не носятъ на себѣ слѣдовъ чего бы то ни было русскаго. Петровская Россія не знаетъ иконъ въ духѣ Симона Ушакова; ея храмы наполнены посредственными копіями съ картинъ западныхъ художниковъ и плохими подражаніями этимъ картинамъ съ полными и румяными ликами Христа и святыхъ, съ обиліемъ обнаженнаго тѣла.

Въ этой Россіи старые церковные напѣвы замѣняются вычурными мотивами тогдашнихъ итальянскихъ оперъ. Итальянецъ Сарти и малорусъ Бортнянскій въ своемъ творчествѣ почти не обращаютъ вниманія на старую русскую музыку.

Между до-петровской Московской и петровской Россіей при Петрѣ и его преемникахъ появляется пропасть, на одной сторонѣ которой остается малоподвижная, упорная въ своемъ консерватизмѣ народная масса, а на другой становится придворная знать и слѣдующее за нею образованное общество. Народъ въ теченіе всего XVIII столѣтія, въ теченіе первой половины XIX вѣка остается вѣренъ прежнимъ аскетическимъ

идеаламъ, прежнему быту, прежнему часослову и прологу, прежнимъ пѣснямъ. А интеллигенція копируетъ западную интеллигенцію, увлекаясь то французскими, то нѣмецкими образцами, не дѣлая почти совсѣмъ попытокъ къ собственному творчеству. Общимъ между русскимъ народомъ и русскою интеллигенцію остается только языкъ, и то лишь отчасти. Дѣло доходитъ до того, что въ періодъ Наполеоновскихъ войнъ многіе русскіе образованные люди не могли изливать своихъ патріотическихъ чувствъ на другомъ языкѣ, кромѣ языка врага Россіи.

Конечно, отдѣленіе интеллигенціи отъ народной массы коснулось и литературы. Первый писатель новой русской литературы, лицо изъ среды близкой къ великому преобразователю, Кантемиръ, по собственному признанію,—«что далъ Горацій, занялъ у француза»; его сатиры и по формѣ, и по содержанію не имѣютъ никакой связи съ литературой XVII в.; даже языкъ Кантемира, какъ онъ ни кажется намъ архаическимъ, совсѣмъ не то, что языкъ русскихъ литературныхъ произведеній конца XVIII в. Между ними есть таланты; но они всѣ, выражаясь по-старому,—«обмірщились», отказались отъ старыхъ аскетическихъ идеаловъ; у нихъ у всѣхъ новыя литературныя формы, новый стихъ, новое содержаніе; они стараются быть русскими Буало, Расинами, Вольтерами, повторить этихъ авторовъ на русскомъ языкѣ.

Но возвращаюсь къ Кольцову.

Кольцовъ родился въ началѣ XIX вѣка, въ Воронежѣ, по тогдашнему времени отдаленномъ городѣ Россіи. Его отецъ былъ мѣщаниномъ этого города и занимался скупкою скота по деревнямъ для перепродажи. Онъ былъ малограмотенъ, а мать Кольцова была и вовсе безграмотна. Образованіе Кольцова не пошло дальше умѣнія читать и писать. Семья Кольцовыхъ въ сущности ничѣмъ не отличалась отъ крестьянскихъ семей того времени и не выдѣлялась изъ народной массы. Даже жизнь въ городѣ не имѣла для нея большого значенія, такъ какъ отцу и сыну Кольцовымъ приходилось постоянно разъѣзжать по степи, покупая и отправляя купленный скотъ. «Жилъ въ степяхъ съ коровами, говоритъ Кольцовъ въ одномъ изъ стихотвореній, грусть въ лугахъ разгуливалъ; по полямъ съ лошадкою одинъ горе мыкивалъ; отъ дождя въ шалашикѣ находилъ убѣжище».

Если бы Кольцовъ былъ предоставленъ самъ себѣ, его творчество приняло бы вполнѣ народныя формы и созданныя имъ «пѣсни» слились бы съ народными пѣснями, вошли въ составъ народнаго поэтическаго фонда. Но судьба столкнула его съ произведеніями Дмитріева, Жуковскаго, Пушкина; они произвели на него впечатлѣніе и оказали вліяніе. Онъ сдѣлалъ рядъ попытокъ подражать имъ, но эти попытки, при отсутствіи необходимаго для этого образованія, вышли неудачными и показались неудовлетворительными самому чуткому Кольцову. Сильный талантъ помогъ ему найти выходъ. Поставленный между живой народной пѣснею и изящными стихотвореніями Жуковскаго и Пушкина, онъ пошелъ своею дорогою и *созданныя имъ «пѣсни» представляютъ собою развитіе народныхъ пѣсенъ, произведенное подъ вліяніемъ Жуковскаго и Пушкина.*

Они прежде всего—отзвукъ до-петровской Москвы съ ея памятованіемъ о Богѣ и крѣпкою думою о душѣ.

«Богу знать угодно, говоритъ у Кольцова старикъ, единственный работникъ въ большой семьѣ, наказать подъ старость меня, горемыку, такой тяготою!» «Сбыть съ двора невѣстокъ, пустить сиротъ въ люди?», спрашиваетъ онъ себя. Но сейчасъ отвѣчаетъ:

«Кто у Бога проситъ
Да работать любитъ,
Тому невидимо
Господь посылаетъ...
Лиха бѣда—въ землю
Кормилицу ржицу
Мужичку закинуть.
А тамъ Богъ уродитъ,
Микола подсобитъ...»

Кольцовскіе герои, не знающіе счастья, преслѣдуемые судьбою, поразительно близки къ герою поэмы о Горѣ-Злосчастіи.

«Зла бѣда—не буря, говоритъ одинъ изъ нихъ,—

Горами качаетъ,
Ходитъ невидимкой,

Губитъ безъ разбору.
Отъ ея напасти
Не уйти на лыжахъ;
Въ чистомъ полѣ найдетъ,
Въ темномъ лѣсѣ сыщетъ.
Чуешь только сердцемъ:
Придетъ, сядетъ рядомъ,
Объ руку съ тобою
Пойдетъ и поѣдетъ».

А въ поэмѣ мы читаемъ то же въ болѣе реальныхъ образахъ

«Полетѣлъ молодецъ яснымъ соколомъ,
А горе за нимъ—бѣлымъ кречетомъ.
Молодецъ полетѣлъ сизымъ голубемъ,
А горе за нимъ—сѣрымъ ястребомъ.
Молодецъ пошелъ въ полѣ сѣрымъ волкомъ,
А горе за нимъ—съ борзыми выжлецы.
Молодецъ сталъ въ полѣ ковыль-трава,
А горе пришло—съ косою вострою...
Молодецъ пошелъ пѣшъ дорогою,
А горе—подъ руку подъ правую».

Правда, кольцовскихъ героевъ не избавляетъ отъ злой судьбы «спасеный путь», какъ отъ горя-злосчастія молодца поэмы; они въ концѣ концовъ не идутъ «въ монастырь постригатися», какъ онъ; для нихъ нѣтъ другого исхода, кромѣ упорнаго терпѣнія и выжиданія. «Можетъ, наша радость, говорятъ они, живетъ за горами. Если нѣтъ, у моря сядемъ да дождемся; безъ любви и съ горемъ жизнью наживемся!».

Бодрость духа, энергія, готовность не останавливаться предъ препятствіями и опасностями, отличавшія до-петровскую Москву и, кажется, совсѣмъ уже потерянныя преобразованной Россіей, бьютъ ключемъ въ кольцовской поэзіи. Въ кольцовскихъ «пѣсняхъ», какъ и въ народныхъ пѣсняхъ, постоянно слышится «сердечная тоска», глубокая и искренняя, совсѣмъ не похожая на нытье и вой, часто безпричинные, еще чаще дѣланные,—русскихъ поэтовъ XIX столѣтія. Кольцовскій герой чув-

ствуетъ, что «въ несчастный день, въ безталанный часъ, безъ сорочки» онъ «родился на свѣтъ»; но вспоминаетъ, что онъ такое:

«У меня ль плечо
Шире дѣдова;
Грудь высокая—
Моей матушки;
На лицѣ моемъ
Кровь отцовская—
Въ молокѣ зажгла
Зорю красную;
Кудри черныя
Лежатъ скобкою;
Что работаю,
Все мнѣ спорится!»

И онъ быстро находитъ себѣ блестящій выходъ изъ нагрянувшей «горести».

Но знакомство съ произведеніями Жуковскаго и Пушкина не прошло для Кольцова даромъ. Кольцовскія «пѣсни»—отзвукъ и этихъ поэтовъ. Онѣ обязаны Жуковскому и Пушкину смѣлостію и силой своего поэтическаго языка, гармоніей и оригинальностью стиха, свѣжестью содержанія, всѣмъ тѣмъ, что дѣлаетъ Кольцова поэтомъ-одиночкой, что поставило его особнякомъ въ исторіи русской литературы.

Кольцовъ имѣлъ много желавшихъ ему подражать; послѣ него много было подобныхъ ему писателей изъ народа, писателей-самоучекъ. Но ни одинъ изъ нихъ не далъ ничего похожаго на кольцовскія «пѣсни». Никто изъ нихъ не соединилъ въ себѣ такъ тѣсно народной русской старины съ пушкинской новизною, не переработалъ такъ талантливо своего подъ воздѣйствіемъ чужого и не вышелъ на свой собственный путь. Всѣ они пошли по проторенньмъ дорогамъ, слѣдуя моднымъ въ ихъ время теченіямъ; не обладая такимъ крупнымъ дарованіемъ, какъ Кольцовъ и не превосходя Кольцова образованіемъ, они затерялись въ рядахъ мелкихъ писателей новѣйшей русской литературы и сошли съ исторической арены почти никѣмъ не замѣченные.

А. Соболевскій.

Памяти Кольцова *).

Сегодня — годовщина похоронъ Кольцова. Шестьдесятъ-семь лѣтъ тому назадъ, объ эту пору, небольшая кучка народа медленно двигалась къ Митрофаньевскому кладбищу въ Воронежѣ, слѣдомъ за гробомъ. Не видно было горя и грусти на лицахъ. Постылымъ, непокорнымъ, порвавшимъ съ устоями жизни, самонадѣяннымъ судьею ея, величающимся своимъ пустымъ и ненужнымъ стихотворнымъ даромъ, считали умершаго. Холодомъ и безучастіемъ вѣяло отъ ближайшихъ къ нему. Вѣдь они ждали этой смерти, какъ избавленія; жестокое, безчеловѣчное издѣвательство надъ умирающимъ, — отпѣваніе его молодежью заживо, невдалекѣ отъ одра его болѣзни,—высшее выраженіе этого страшнаго холода. Чудныя пѣсни самороднаго поэта носились уже по всей странѣ, будили, ему навстрѣчу, во всѣхъ слояхъ, мысль и чувство, но не суждено было ему отгадать этого отзвука своего вдохновенія въ неуловимомъ настроеніи «безъименной Руси». Исповѣдью одиноко страдающей личности, которая «безвременно выйдетъ изъ міра, не совершивъ и задушевнаго желанья», останется, думалось ему, его искренняя и незатѣйливая поэзія, и найдетъ она признаніе и оцѣнку лишь у немногихъ друзей, отзывчивыхъ, человѣчныхъ, участливо спустившихся къ нему съ своихъ культурныхъ высотъ. Къ нимъ неслись помыслы угасавшаго страдальца; воспоминанія о сердечной связи, дружбѣ съ ними, озарен-

---

*) Рѣчь на торжественномъ собраніи Разряда Изящной Словесности въ память А. В. Кольцова, 1-го ноября 1909 г.

ныя радостнымъ свѣтомъ, утѣшали его; ихъ образы вмѣстѣ съ дорогими чертами любимой женщины, его послѣдней, горячей и несчастной привязанности, осѣняли его въ предсмертную пору среди окружавшаго холода и вражды.

Глубока была печаль этихъ друзей. Роковая вѣсть пришла къ Бѣлинскому окольнымъ путемъ, въ странной формѣ; плохое стихотвореніе какого-то провинціальнаго поэта *на смерть* Кольцова сказало ему страшную новость, и Бѣлинскій, встрѣчавшій такія утраты, «какъ солдатъ въ разгарѣ боя», когда не время отдаваться печали, — «палъ другъ, братъ, ничего, съ Богомъ, дѣло обыкновенное!» — испытывавшій острыя ощущенія боли лишь отступя отъ несчастія, не можетъ свыкнуться съ смертью друга. «Все еще какъ-то ждется чуда, не воскреснетъ ли, не ошибка ли?» [1])... Когда печальная правда завладѣла имъ, недавняя быль кажется ему чудной, грубо развѣянной грезой. Свободно вознесшаяся надъ народной средой, глубокая, искренняя поэзія, созданіе пламенной, страстной, трагически-несчастной личности, проникнутое вмѣстѣ съ тѣмъ неподдѣльной народностью, смолкла, и въ такой силѣ, въ такой самобытности никогда не повторится. «Нельзя подражать Кольцову, скажетъ вскорѣ Бѣлинскій въ своемъ біографическомъ очеркѣ, — легче сдѣлаться такимъ же, какъ онъ, оригинальнымъ поэтомъ... Съ нимъ родилась его поэзія, съ нимъ умерла и ея тайна».

Много поколѣній смѣнило съ тѣхъ поръ другъ друга, сложныя и великія испытанія и перемѣны перенесла жизнь народная, широко раскинулся опытъ ея спутницы-литературы, и мысль, и форма, и цѣли ея далеко оставили за собой непосредственность и первобытность лирическихъ порывовъ самороднаго, малокультурнаго стихотворства, — но то, что когда-то казалось одинокой, необычайной, быстро пронесшейся, неотдѣлимой ни отъ времени, ни отъ печальной судьбы мечтателя-неудачника, лирической исповѣдью, осужденной уйти въ забвеніе, живетъ долгой, свѣтлой жизнью. Вокругъ этихъ старыхъ, разстарыхъ пѣсенъ сходились искони и до нашихъ дней «всякаго званія», убѣжденія и значенія люди,—Пушкинъ и Бѣлинскій со всѣмъ его поколѣніемъ, нетра-

---

1) Письмо Боткину, 9 декабря 1842 г.

певцы и Валеріанъ Майковъ, Чернышевскій, Добролюбовъ, такъ горячо стремившіеся къ ихъ широкой популяризаціи, Герценъ, восторгавшійся этими «чудными, кровно-родными пѣснями» [1]), выставляя ихъ передъ лицомъ европейской культуры красою русскаго слова, однимъ изъ выдающихся выраженій народнаго духа, народники въ родѣ Глѣба Успенскаго, преклонявшагося передъ изумительной поэзіей земледѣльческаго труда. Эти пѣсни живы въ сознаніи и памяти всего грамотнаго русскаго люда, онѣ носятся по землѣ изъ края въ край, не боятся ничьего соперничества; онѣ свободно перешли въ новое столѣтіе, обставленныя иными, немалыми художественными силами, и нѣтъ конца ихъ власти надъ сердцами!

Въ чемъ ея тайна? Въ томъ ли, что эта поэзія — полевой, степной цвѣтокъ, распустившійся на волѣ, внѣ тепличной культуры слова и мысли,—что она отразила въ себѣ радости и невзгоды народа, крестьянства, деревни, — что она — созданіе удивительнаго самоучки-пѣвца и что въ ней трепещутъ, вызывая острыя впечатлѣнія, пережитыя имъ волненія, испытанія, надежды? Но картины южно-русской природы широко использованы были послѣдующей русской литературой, деревенскимъ отраженіямъ въ поэзіи числа нѣтъ, за высоко цѣннымъ кольцовскимъ почином въ изображеніи крестьянства и его быта пошло обширное литературное потомство, которое не въ однихъ изліяніяхъ лирики, но въ повѣсти, романѣ, драмѣ, охватило эту, заповѣдную прежде, невѣдомую жизнь такою полнотою изученія, которая и не грезилась Кольцову, — а неизмѣнно скудныя, суровыя условія народнаго образованія постоянно приводили такихъ же, какъ онъ, самоучекъ къ борьбѣ за разумное существованіе и развитіе; онъ нетолько не одиночное, рѣдкое явленіе, но вождь цѣлаго легіона «писателей изъ народа». Не въ чарующей ли, западающей въ душу, формѣ этой поэзіи тайна ея безконечнаго успѣха и отзвука? Но какое неравное состязаніе должна она, съ ея скромными средствами, бѣдными риѳмами или отсутствіемъ риѳмъ, несложнымъ словаремъ, выдерживать съ красотой и мелодіей стиха Лермонтова, Некрасова, Майкова, Надсона!

---

1) Былое и Думы, часть четвертая, глава XXV.

Значеніе и сила Кольцова сложнѣе и знаменательнѣе того односторонняго освѣщенія, которое застарѣло и давно стало шаблономъ, благонамѣреннымъ общимъ мѣстомъ.

Смутное сознаніе непонятнаго, необычнаго, манящаго впередъ влеченія сказалось рано въ Кольцовѣ. «Я чувствую, мой милый другъ, съ издѣтскихъ лѣтъ какой-то духъ владѣетъ мною не напрасно», вспоминалъ онъ въ стихотвореніи, посвященномъ его товарищу, Сребрянскому. Онъ не зналъ еще слова «вдохновеніе». Еслибъ онъ располагалъ хоть нѣкоторымъ классическимъ лоскомъ, онъ облекъ бы пробужденіе поэтическаго дара въ красивую символическую картину появленія музы. Образъ ея все же мелькнулъ потомъ въ его пѣсняхъ, и когда мысль уносилась къ первымъ временамъ стихотворства, ему казалось, что тогда «онъ съ подругою воздушной, нашедши лиру, пѣть началъ». Безплотныя черты этого вдохновляющаго видѣнія олицетворились въ горячо любимой дѣвушкѣ, той крѣпостной батрачкѣ, которая внушила ему столько задушевныхъ пѣсенъ, силою была оторвана отъ него, удалена, *продана*, но навсегда осталась самой глубокой его привязанностью,—но тѣ звуки, краски, образы, настроенія, мечты и думы, невольно слагавшіяся ритмическія сочетанія, безхитростныя, отъ сердца идущія импровизаціи, которыя проносились въ его сознаніи среди одинокой, замкнутой въ себѣ, его молодой жизни, передъ лицомъ свободной степной природы и въ первобытныхъ условіяхъ кочевника, когда онъ верхомъ на лошади слагалъ свои стихи, цѣлые клады этой поэтической «внутренней рѣчи», parole intérieure, которой, казалось, суждено было никогда не выйти на волю,—тотъ странный міръ богатаго, но застѣнчиваго творчества, который владѣлъ имъ раньше книжнаго развитія и прикосновенія къ правильному стихотворству, независимы отъ какого бы то ни было «призыва къ священной жертвѣ». Двадцать лѣтъ такой непосредственной жизни, обильной опытомъ и эмоціями, но неповинной ни въ какой культурѣ,—и затѣмъ быстрые, сказочно быстрые переходы къ пробужденію, самосознанію, свободѣ мысли и чувства, къ страстному, никогда не удовлетворившемуся стремленію овладѣть наукой, опредѣлить смыслъ и задачи жизни... Вырывающаяся изъ всякихъ нормъ эволюція, съ фантастическими полетами изъ провинціальной трясины къ вершинамъ русской мысли и

творчества, отъ скуднаго начальнаго образованія,—всего полтора года школы,—до заоблачныхъ высотъ нѣмецкой философіи, но полная духовной силы, которая трепещетъ и рвется, богатая великими задатками и чудными возможностями, немолчно ростетъ среди невзгодъ и зла, и рѣзко обрывается судьбой!

Нѣсколько увлекающихъ, прелестныхъ въ наивности самообразованія, откровеній,—первыя, сильно поразившія впечатлѣнія правильнаго, классическаго стихотворства, своими мелодіями отозвавшагося на то, что проносилось въ душѣ, — еще болѣе взволновавшее открытіе «народной пѣсни» въ барской, книжной литературѣ,—и сокровенное творчество выходитъ на волю. На искреннемъ, простомъ, въ немъ можетъ наслоиться благозвучно формальное, условное, вычурное, вычитанное, но основа, живая и сильная, пробьется насквозь. Парнасъ, Филомела, зефиры, «богиня красоты», разные привѣски то античной, то романтической моды, отступаютъ тогда передъ правдой истиннаго лиризма, правильность стиха передъ народностью тона и формы. Не у Ив. Дмитріева, его перваго образца, могъ усвоить себѣ Кольцовъ пріемы такой пѣсни, какъ импровизація «Если встрѣчусь съ тобой», одно изъ самыхъ раннихъ его твореній (1827), окруженное романсами и мадригалами; перепѣвы пушкинскихъ мотивовъ такъ же мало прививаются къ его поэзіи; рядомъ съ многорѣчивой «Наядой», этимъ сновидѣніемъ среди южнорусской степи, съ введенными въ него холодными, условными картинами моря, станетъ чудная въ великой простотѣ своей «Пѣсня пахаря». Такими трепетными переходами и исканіями полны первые два, три года явнаго, гласнаго поэтическаго труда Кольцова. Они уступили мѣсто увѣренности въ своихъ силахъ, сознанію законности того пути, по которому независимо отъ образцовъ и традицій пройдетъ онъ къ выраженію всей своей умственной энергіи, своихъ думъ и желаній, запросовъ и страданій народа,—когда его коснулось животворное вліяніе, важнѣйшее во всей его жизни.

«Вы въ своемъ кружкѣ переродили меня. Дышу вольно, живу широко, и такая полнота обладаетъ мною, какой съ роду и не чувствовалъ», восторженно писалъ Бѣлинскому Кольцовъ, до послѣднихъ дней своихъ неистощимый въ горячихъ изліяніяхъ признательности великому другу.

Согрѣтая въ его кругу участіемъ и душевнымъ пониманіемъ, сбросившая гнетъ рутины, чтобъ выражать мысль и чувство своими безхитростными средствами, въ высокой степени личная, но съ крѣпкими народными связями, вдвигавшая въ общественное сознаніе невѣдомый міръ крестьянства, прося для него не гуманнаго сострадания, а равнаго права, поэзія эта, чуть не затерявшаяся прежде среди извилинъ и случайностей саморазвитія и руководства самодѣльной товарищеской критики, побраталась съ высокой культурной силой передового молодого слоя, устремилась за нимъ, выростала идейно и хорошѣла. Жутко, но сладостно было порой сознавать, съ какой быстротой «тащили» впередъ поэта-начетчика «мнѣнія» его друзей,—и не въ философской только области, въ которую онъ вступилъ слѣдомъ за ними, заплативъ своимъ стихотворно-философскимъ дилеттантизмомъ дань могучему повѣтрію, но въ общемъ пониманіи жизни, критическомъ отношеніи къ ней, сводѣ опредѣленныхъ убѣжденій и требованій.

И раньше повинный всего лишь въ двухъ одиночныхъ опытахъ во вкусѣ казенной благонамѣренности, онъ судитъ и возмущается, клеймитъ и возстаетъ. «Гниль стараго вѣка» ему ненавистна. Гибель Пушкина потрясаетъ его, и «Лѣсъ» сливается въ своемъ протестѣ съ пламеннымъ стихотвореніемъ Лермонтова. Гоненіе на мысль невыносимо. Цензурная опека, уродующая или убивающая ее, преступна. Тяжело подѣйствовалъ разгромъ «Телескопа», вынужденное безмолвіе Бѣлинскаго и его друзей; сердце ноетъ при видѣ того, какъ честныя мысли «онѣльмованы», «обасурманены цензурой». Попраны права личности и ея свобода; безопасности ни для кого не существуетъ. Пріостановилась почему-то переписка Бѣлинскаго,—у Кольцова самыя тяжелыя, волнующія подозрѣнія. Вѣдь «чортъ знаетъ чего не могутъ съ нами сдѣлать!» думается ему... Апостольство такихъ людей среди желѣзнаго вѣка произвола раскрывается передъ нимъ во всемъ своемъ общенародномъ значеніи. «Ваша рѣчь высокая, святая рѣчь убѣжденій», пишетъ онъ. «На васъ всѣхъ обращены глаза, и ваше мѣсто торжественно и шатко»;—и облекая тѣ же сочувственныя мысли въ форму стиха, за чьими образами скрывается глубокое общественное содержаніе, онъ вызываетъ друга идти безбоязненно на бой («Посланіе Бѣлинскому»):

Ступай во имя Бога
Войой за правду, честь,
Умри на полѣ брани.
Гдѣ война, тамъ дѣло
Великой жизни бытія.
Въ ея борьбѣ паденье смерти
И новой мысли торжество.

Въ своемъ ускоренномъ развитіи онъ могъ невольно поддаться философскому теченію, пытался пережить съ друзьями переходный моментъ гегельянства, не поступаясь для него сущностью своей поэзіи, никогда не вдаваясь въ оптимизмъ примиренія съ дѣйствительностью и бросая ей по прежнему презрѣніе и вызовъ,—и послѣдовалъ за Бѣлинскимъ въ послѣдній, славный періодъ его общественнаго руководительства, и сильнѣе, чѣмъ когда либо, привязался къ нему. Въ его «думахъ» далеко не все охватилъ туманъ отвлеченности, ихъ не втиснешь всѣхъ въ готовыя формулы, не уложишь въ благоговѣйное преклоненіе передъ міровой тайной,—въ нихъ внезапно прорываются взрывы такой непокорности, такой безутѣшной грусти или мольбы, такого отчаянія, что стихотворно-философское размышленіе превращается въ крикъ сердца. Творится «разсчетъ съ жизнью»: «еслибъ силу далъ Богъ, я разбилъ бы тебя!» гнѣвно говоритъ ей за всѣ ея «обольщенія» мнимый пѣвецъ благодушія, его пѣсни становятся задолго до некрасовской музы поэзіею печали, мести, попранной воли. Рядомъ съ Бѣлинскимъ и Лермонтовымъ въ его славный предсмертный періодъ стоялъ уже солидарный и съ ними, и съ лучшими силами передового поколѣнія, представитель небывалаго поэтическаго творчества, выставленнаго непочатой силой самого народа, и въ тоже время *общаго*, всенароднаго.

Поэтъ крестьянства, деревни, земледѣльческаго труда, сельской природы, какъ далекъ онъ отъ мягкихъ, миловидныхъ тоновъ, описательной, пейзажной поэзіи или гуманнаго дидактизма! Тяжелыя условія времени не дали ему высказать того, что не могло не наполнять душу такого друга народа, какъ онъ, не испытавшій на себѣ всего гнета и ужаса его рабства, но глубоко проникнутый его желаніями и думами. Въ нѣ-

сняхъ Кольцова не послышалось открытаго протеста противъ невольничества и призыва къ освобожденію. Но какъ послѣдовательно, выдержанно изображаетъ онъ крестьянство и выдѣляющіяся изъ него личности, наперекоръ всевластному крѣпостничеству, словно вольную, самоопредѣляющуюся силу, съ широкимъ размахомъ влеченій, въ которыхъ горятъ давніе, исконные завѣты свободы! Не дѣлая ни малѣйшей уступки порядку вещей, ни единымъ словомъ не признавъ законности крѣпостныхъ цѣпей, онъ соединилъ удивительно реальныя черты быта съ фантастикой вольнаго крестьянскаго міра, которая дѣйствовала воспитывающимъ, гуманизирующимъ образомъ! Если иноземнымъ цѣнителямъ нашей литературы, когда они любуются самобытностью кольцовской поэзіи, кажется иногда, что ея заслуга въ томъ, что она внесла въ обиходъ словесности *идиллію*, къ которой до Кольцова тщетно стремились поэты, стоявшіе художественно выше его, то въ демократизмѣ его народныхъ картинъ не было и тѣни блаженнаго успокоенія утомленнаго цивилизаціей духа на лонѣ природы и безмятежности, — традиціоннаго завѣта идилліи въ міровой литературѣ. Въ святости вѣкового труда, въ непосредственности и своеобразности жизни, столь близкой къ природѣ и таящей въ себѣ столько силъ, залогъ не нирваны или опрощенія, а возрожденія, развитія, воли.

Воля, личная, общая,—одинъ изъ главныхъ мотивовъ поэзіи Кольцова; къ ней стремится его «огненная, кипучая натура». Какъ народному застою противополагается не одна только дивными красками расписанная и поэтизированная широкая трудовая жизнь, но просторъ всего народнаго существованія, такъ «рвалась душа изъ груди молодой» къ волѣ, видя ее сначала въ удали, молодечествѣ, богатырскомъ размахѣ, неограниченномъ проявленіи личности, въ поэзіи вольницы, такъ трепетала и страстно волновалась она потомъ, удрученная гнетомъ, невзгодами, переходя отъ глубокой грусти и горячей молитвы все къ тѣмъ же мятежнымъ взрывамъ, къ тѣмъ же требованіямъ широкой жизнедѣятельности. Въ неудовлетворенности этихъ безграничныхъ стремленій, этого «даннаго отъ Бога моря желаній», трагизмъ его печальной судьбы. Но, слабѣя, падая силами, онъ не сдавался. Одинокій, среди холодности и вражды, вдали отъ тѣхъ, кто ему дороже всего на свѣтѣ, онъ замол-

каетъ навѣки съ тѣмъ же неизмѣннымъ своимъ символомъ вѣры. Проповѣдь энергіи, призывъ къ подъему силъ, возвеличеніе могучей воли, протестъ противъ горемычной судьбы, проникаютъ и его лирику, и тѣ сродные съ его натурой образы, которые онъ вызываетъ изъ народной среды и воплощаетъ въ своихъ стихахъ,—первые подлинные крестьянскіе характеры, задолго до почина Тургенева и деревенской повѣсти конца сороковыхъ годовъ введенные въ литературу, не оторванныя отъ толпы исключительныя личности, но выразители скрытыхъ въ нихъ силъ. Свободно, нарушая всякое чинопочитаніе тогдашней казенной Руси, прозвучалъ, наряду съ изысканно культурнымъ лиризмомъ этотъ непосредственный, потрясающій лиризмъ пробуждающагося народа,—и столько было въ немъ духовной силы и непритязательной поэтической прелести, что, когда давно изгладились первыя впечатлѣнія необычайности этого явленія,—казалось, главной причины обаянія,—оно будило, подымало, находило глубокій откликъ въ позднемъ потомствѣ.

Но для Кольцова не существовало никогда заколдованнаго круга интимной психологіи, переступать который можно лишь во вредъ искренности вдохновенія. Къ его поэзіи неприложимъ вовсе упрекъ, предъявляемый его великимъ сверстникамъ въ субъективизмѣ, Лермонтову, Байрону, будто бы обреченнымъ изучать и изображать одинъ характеръ, свой собственный, и къ нему и его проявленіямъ сводить факты, вопросы общей жизни. Въ тотъ краткій предѣлъ, который положила его творческому развитію судьба, онъ далъ удивительные образцы психологической отгадки и чуткости, способной переноситься въ иной душевный міръ, переживать его волненія, испытанія, влеченія, создавая живые образы совершенно не по подобію своему. Такъ сталъ онъ поэтомъ женщины. Не горячими рѣчами ея защитника, не проповѣдью ея попранныхъ правъ, но самою жизнью женской, взятой во всѣхъ оттѣнкахъ и переходахъ чувства и мысли, борьбы съ своей долей, рядомъ образовъ, въ которыхъ отразилась дѣвичья судьба съ надеждами, мечтами, жаждой счастья и свободы, муками ревности и тоски, неволя семьи и брака, разбитое, подавленное существованіе, — необыкновенной правдивостью и простотой крестьянской женской рѣчи, достигаетъ онъ великой и гуманной цѣли,

не покидая ради нея художественной красоты. «Кольцовскія женщины»— предтечи крестьянскихъ женскихъ образовъ Тургенева, Некрасова, Григоровича; велико ихъ значеніе въ литературномъ походѣ за женщину, ея призваніе и право.

Психологія ли старческой души въ ея полныхъ отчаянія призывахъ къ отлетѣвшей молодости («Осѣдлаю коня»), мрачная ли удаль, наполняющая огнемъ своимъ многочисленныя разбойничьи пѣсни Кольцова, которыя сливаются въ коллективный образъ «Сокола», яркія ли біографіи Лихача-Кудрявича или Косаря («Не возьму я въ толкъ»), печальный ли ликъ «селянина» въ его «Думѣ» о безъисходномъ одиночествѣ, или украшенный всѣмъ богатствомъ народно-поэтической символики величавый и трагическій образъ Пушкина въ «Лѣсѣ»,—опыты ли сложнаго драматическаго дѣйствія, которое съ горячимъ темпомъ сценизма ростетъ, развивается и гаснетъ на пространствѣ небольшой пѣсни («Хуторокъ», «Ночь»), или обращеніе къ сверхъестественному (стих. «Поминки», посвященное памяти Н. Станкевича, съ роковымъ явленіемъ смерти среди свѣтлой юношеской дружины),—все говоритъ о глубоко залегшемъ дарѣ сердцевѣдѣнія, пластической характеристики, о стремленіи отражать жизнь внѣ предѣловъ своего замкнутаго личнаго міра, широко раздвинуть область своего творчества.

Несравненный поэтъ природы, первый поэтическій заступникъ за крестьянство, лирикъ труда и гуманности, сильный, искренній и въ личной своей исповѣди, Кольцовъ таилъ въ себѣ великіе задатки еще болѣе сложной и всеобъемлющей поэзіи. Въ его власти была народная рѣчь; изъ тѣхъ ея богатствъ, которыми онъ располагалъ, онъ творилъ чудеса, и блѣднѣла передъ ними условная, книжная рѣчь его же немногихъ романсовъ и «свѣтскихъ» стихотвореній. Близкій къ народу, сильный своею связью съ нимъ, онъ дѣлалъ и его языкъ чуднымъ орудіемъ мысли и красоты. Чутко угадывалъ его гармонію тотъ, для кого музыка являлась высшимъ возбужденіемъ вдохновенія! Восторженное стихотвореніе «Міръ музыки», написанное послѣ музыкальнаго вечера у Боткина, ликуетъ, чувствуя, «сколько звуковъ, сколько пѣсенъ раздалось вновь въ душѣ», «сколько образовъ чудесныхъ оживилось въ вышинѣ»... Связь задушевной поэтической рѣчи и съ живой силой народности и съ цар-

ствомъ гармоническихъ звуковъ придаетъ необыкновенную законченность явленію Кольцова въ русской поэзіи.

Оно сохраняетъ самостоятельное, выдающееся значеніе, и введенное въ кругъ новаго европейскаго творчества, сближенное въ немъ съ однородными явленіями. Немало было въ литературѣ иныхъ племенъ зародившихся невзначай въ народной массѣ даровитѣйшихъ стихотворцевъ, съ бóльшей или меньшей борьбой пробившихся впередъ, заставившихъ прислушаться къ ихъ пѣснямъ, признать за ними право гражданства. Немало было и поэтовъ по профессіи, интеллигентовъ, баръ, съ такою силой искавшихъ опрощенія и отдававшихся темамъ народа, крестьянства, природы, такъ горячо и послѣдовательно, что на исторію ихъ личной жизни налегала нерѣдко обманчивая печать коренной народной связи. Такъ подъ собирательнымъ терминомъ «poètes du terroir» вошли въ лѣтопись французской поэзіи, начиная съ XV—XVI вѣковъ, не только импровизаторы-крестьяне и ремесленники, но многія блестящія литературныя репутаціи, съ стройной культурной подготовкой и полнымъ обладаніемъ средствами слога, посвящавшія себя разсудочному, любительскому народничеству[1]). Выдѣляя изъ этой обширной группы лишь народныхъ самородковъ, можемъ встрѣтить и равныя Кольцову и бóльшія поэтическія величины, но столь своеобразно охватившему весь душевный міръ творчеству, которое съ поэзіею труда и природы, съ искренними демократическими сочувствіями соединило бы силу личнаго лиризма, едва ли найдешь равное. Французское поэтическое народничество стояло всегда въ связи съ діалектической и старой племенной самобытностью. Провансалецъ, гасконецъ, валлонъ, бретонецъ, воздѣлывая въ своихъ пѣсняхъ драгоцѣнный для нихъ языкъ своего племени, говорятъ о прошломъ, живутъ и въ современности одною жизнью съ своей областью. Въ переводѣ на общенародный языкъ, лишающемъ ихъ немалыхъ красотъ, эти пѣсни могли выйти на культурную арену всей Франціи, достигали иногда извѣстности, на нихъ сыпались

1) Цѣнный сборникъ избранныхъ произведеній этого рода съ біографическими очерками, расположенный по старо-французскимъ областямъ, изъ которыхъ выходили и выходятъ поэты-народники, появляется теперь выпусками подъ редакціею Adrien Van Bever, «Les poètes de terroir», 1909—10.

даже милости,—но не становились онѣ общимъ достояніемъ, не утрачивали значенія красиваго мѣстнаго курьоза. Такъ блеснулъ въ прошломъ вѣкѣ Жакъ Жасменъ, никогда не разставшійся съ ремесломъ куаффёра въ Аженѣ (въ Гасконьѣ) [1]), завоевавшій своей пейзажной и народнической лирой не только славу въ своемъ краю, но и сочувствіе руководящей критики, съ Сентъ-Бёвомъ во главѣ, пріемы и награды въ придворной сферѣ, королевское покровительство,—пошедшій затѣмъ вмѣстѣ съ вѣкомъ впередъ, промѣнявъ ласки Луи Филиппа на республиканизмъ 1848 года,—красочный, богатый фантазіей, съ пышной, сильно приподнятой рѣчью, типическій южанинъ.

Несравнимы съ Кольцовымъ въ общефранцузской поэзіи ни вышедшій изъ иной среды,—изъ рабочаго класса, охваченнаго сильнымъ соціальнымъ броженіемъ сороковыхъ годовъ,—сосредоточившій помыслы и влеченія на revendication sociale, поэтъ-соціалистъ Пьеръ Дюпонъ, лучшій лирикъ переворота 1848 года и боевой поры второй республики, въ ту пору достигшій великой популярности. Сходясь съ русскимъ поэтомъ въ демократическомъ происхожденіи и искреннемъ культѣ народа, гордо заявляя, что онъ—«vilain, et très vilain», близкій и къ сельскому люду, и къ пролетаріату, съ глубокими корнями въ народной пѣснѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ представитель и участникъ высшей общественной культуры, еще дальше Пьера Дюпона обгоняетъ Кольцова, отдаваясь во всю долгую жизнь полнотѣ соціальныхъ и политическихъ интересовъ отечества, величайшій изъ французскихъ chansonniers, Беранже, — и новый Анакреонъ, и несравненный сатирикъ, и борецъ за свободу противъ абсолютизма и мрака, наряду съ важнѣйшими дѣятелями участникъ въ главныхъ переворотахъ Франціи девятнадцатаго вѣка.

Не поддается сравненію и то, что дала нѣмецкая Volkspoesie новаго времени,—ни порожденія романтизма въ его ревностномъ народолюбіи вродѣ лирики Брентано, къ которой перешелъ онъ отъ собиранія изъ устъ народа подлинныхъ деревенскихъ пѣсенъ, и, дорожа близостью къ источнику «наивной» поэзіи, все же замутилъ его то разсудочностью, то игрой

---

1) Его лучшій сборникъ стихотвореній такъ и озаглавленъ—«Las papillotas de Jasmin, coiffeur», Agen, 1835.

утонченной чувственности,—ни удачная смѣсь культуры съ простотой и жизнерадостностью народнаго пѣсеннаго пошиба, которую дала, въ связи съ позднѣйшей романтикой нѣкогда популярная поэзія Вильгельма Мюллера. Сынъ ремесленника, съ лоскомъ хорошаго филологическаго образованія и широкими гуманитарными влеченіями, въ молодости участникъ въ ополченіи противъ Наполеона, онъ не отдалялся отъ плебейской среды, легко выработалъ общенародный тонъ и слогъ своихъ пѣсенъ Его «Müllerlieder», «Wanderlieder», «Die schöne Müllerin», пѣлись по деревнямъ, на большихъ дорогахъ, крестьянами, странствующими ремесленниками, студентами; Францъ Шубертъ клалъ ихъ на музыку; онѣ были литературнымъ событіемъ, но всегда оставались удачнымъ, красивымъ компромиссомъ книжной культуры и народности, невѣдающимъ притомъ глубокаго личнаго содержанія. Въ позднѣйшихъ поколѣніяхъ нѣмецкихъ поэтовъ не разъ входили въ ихъ ряды представители истиннаго, «простого» народа; немало ихъ и теперь, — рабочіе всякихъ профессій (вродѣ Лудвига Пальмера, труженика на желѣзномъ заводѣ), крестьяне, даже крестьянки, — но связи ихъ съ поэзіей и языкомъ народа давно утрачены, имъ служатъ образцами Шиллеръ, Уландъ, и новѣйшіе писатели съ общественнымъ направленіемъ; о свободномъ сочетаніи общихъ задачъ и влеченій, пониманія природы и народности съ субъективной лирической силой нѣтъ и помина. Изъ всей этой группы могла бы подойти къ Кольцову съ своими задушевными элегіями лишь крестьянка изъ Восточной Пруссіи, Іоганна Амброзіусъ, еслибъ ея пѣсни, возникшія среди труда и природы, не чуждались совершенно этихъ вдохновляющихъ темъ, и еслибъ дарованіе этого самородка было подстать сильному Кольцовскому таланту.

Въ обширномъ кругу западныхъ поэтовъ изъ народа одинъ лишь подходитъ всего ближе къ типу и творческому складу Кольцова,—Робертъ Бэрнсъ. Параллель между ними ставится сама собой, — еще въ замыслы Тургенева входило, послѣ блестящаго сравненія такихъ величественныхъ фикцій въ міровой литературѣ, какъ Гамлетъ и Донъ-Кихотъ, перейти къ сличенію такихъ реальныхъ поэтическихъ величинъ, какъ вдохновенный пѣвецъ шотландскаго народа и Кольцовъ, высоко цѣнимый всею тургеневской современностью...

Деревня, крестьянство, родная природа, еще сильнѣе, чѣмъ у его русскаго сверстника, составили основу поэзіи Бэрнса. Онъ землепашецъ, фермеръ; недолгая пора опьяняющихъ его успѣховъ въ Эдинбургѣ, гдѣ національно настроенныя высшія сословія Шотландіи носили на рукахъ интереснаго, самобытнаго импровизатора, пока неподатливый его демократизмъ не порвалъ съ этимъ любезно-снисходительнымъ покровительствомъ и не увлекъ его въ его настоящую среду, къ народу,—и послѣдняя пора жизни Бэрнса, проведенная имъ поневолѣ, послѣ кризиса его земледѣлія, на службѣ, объѣздчикомъ въ корчемной, береговой стражѣ (опять близко къ народу),—единственныя исключенія въ исторіи его судьбы, почти всецѣло деревенской. Она не дала ему извѣдать суровую, самовластную обстановку отцовскаго дома, угнетавшую Кольцова, и прелестная во всей своей правдивости идиллія «Субботняго вечера поселянина» съ ея картиной дружной семьи, дѣтей и рабочихъ, окружающей патріархальную личность старика-отца съ библіей въ рукахъ, озаряетъ дѣтство и отрочество поэта мягкимъ свѣтомъ. Но трудъ былъ тяжелый, борьба съ почвой напряженная. Какъ въ жизни Кольцова, на упорную рабочую затрату силъ ушли первые двадцать лѣтъ, прежде чѣмъ пробудился поэтическій даръ, такъ Бэрнсъ отдалъ ей шестнадцать лѣтъ непрерывнаго напряженія,—и на пашнѣ послышалась первая сложенная имъ пѣсня,—пѣснь любви къ дочери кузнеца, зажегшей въ немъ неизвѣданную страсть. Онъ шелъ со своимъ плугомъ въ одной бороздѣ,—рядомъ, въ другой, шла она, и пѣсня вырвалась изъ глубины души, подъ открытымъ небомъ, вольная, сильная. И часто потомъ слагалась она, когда, опершись на рукоятку плуга, онъ задумается, и слова пѣсни сами пойдутъ къ нему....

Какъ для Кольцова—Дмитріеву, такъ для Бэрнса—Попу съ его благозвучнымъ классическимъ формализмомъ пришлось явиться первымъ образцомъ правильной поэзіи, ободрившимъ его къ творчеству, но ни того, ни другого пѣвца знакомство съ книжнымъ стихотворствомъ не закрѣпостило и не обезличило. Бэрнсъ, горячо, страстно любившій свою родину, достигавшій художественнаго совершенства на ея языкѣ,—тогда какъ англійскія его стихотворенія гораздо слабѣе,—пѣлъ о народѣ и для народа, и вся его масса знала и любила своего поэта. Ему не пришлось, какъ

Кольцову, при помощи книжной, гуманной культуры постепенно, за то надежно, проникать въ мысль и чувство народа, — онъ былъ «героемъ деревни». Явленіе музы, блѣдно скользнувшей въ воображеніи Кольцова въ видѣ «воздушной подруги», получило въ одномъ изъ «Видѣній» Бэрнса живую красоту деревенской дѣвушки, вдохновляющей его на служеніе народу, на заступничество за обездоленныхъ и бѣдныхъ, на защиту человѣческаго достоинства; она украсила его лобъ простою повязкой изъ древесныхъ вѣтвей съ рдѣющими на нихъ кистями красныхъ ягодъ и скрылась, растаяла въ облакѣ.

Въ первыхъ же напечатанныхъ стихахъ своихъ онъ захотѣлъ раскрыть людямъ, «что думаетъ и чувствуетъ пахарь», и показать полную его равноправность въ этомъ съ иными общественными слоями. Какъ ни самостоятельно прозвучитъ его поэтическая рѣчь, онъ хранитъ связь съ исконной народной поэзіей, собираетъ народныя пѣсни, и въ одинъ изъ выдающихся періодовъ своей работы идетъ въ горы, искать старыхъ рапсодовъ и учиться у нихъ.

Такая же «кипучая натура», какъ Кольцовъ, съ «огненными» глазами, поражавшими съ перваго взгляда, онъ еще горячѣе отдавался игрѣ страстей, и жизнь его была полна всевозможныхъ увлеченій, смѣло боровшихся противъ пуританства и чопорной нравственности и внесшихъ въ его пѣсни много красоты и мятежной силы. Но, самородно развившійся, безъ правильной литературной школы, онъ не только становится глашатаемъ политической независимости Шотландіи и пѣвцомъ ея былой героической поры («Ода Роберта Брюса къ его воинамъ» являлась шотландской марсельезой), но откликается на общечеловѣческое освободительное движеніе 18-го вѣка, привѣтствуетъ паденіе стараго порядка во Франціи. Второе его «Видѣніе» — уже не муза-вдохновительница, а «строгій, могучій призракъ Свободы», вызывающій его на великую борьбу за народъ. Поэтъ деревни, труда и природы, страстный пѣвецъ любви, отдается этой борьбѣ, ликуетъ, вѣщаетъ, зоветъ впередъ, подрываетъ неосторожностью свое скромное общественное положеніе, и гаснетъ, нераскаянный, но подавленный, среди торжества англійской реакціи, оздоровлявшей страну послѣ французской революціонной отравы.

Такъ въ обширномъ циклѣ европейской народнической поэзіи былыхъ временъ сходясь отдѣльными чертами творческаго склада лишь съ Бэрнсомъ, когда его не увлекаютъ горячій донъ-жуанизмъ, борьба съ пуританствомъ, или патріотическая романтика, или искреннее, но не перебродившее революціонное воодушевленіе, Кольцовъ и въ оправѣ міроваго творчества сохранитъ, при всей кажущейся скромности своихъ стихотворныхъ средствъ, независимое, выдающееся положеніе, завоеванное истиннымъ вдохновеніемъ, великой народной связью, примѣчательнымъ въ самородкѣ развитіемъ художественности благороднымъ идейнымъ содержаніемъ его поэзіи. Потомство же въ родной его странѣ не перестанетъ называть его имя, какъ символъ творческой народной силы, наряду съ свѣтлыми именами великихъ мастеровъ русскаго слова.

Алексѣй Веселовскій.

Слѣды вліянія Крылова въ басняхъ Моравскаго.

Францъ Дзержикрай-Моравскій (1783—1861) занимаетъ довольно скромное мѣсто среди польскихъ поэтовъ XIX столѣтія. Это не болѣе, какъ симпатичный, образованный, хорошо воспитанный и наблюдательный собесѣдникъ. Онъ подчасъ сумѣетъ пустить въ ходъ крылатое словечко, сорвать аплодисменты аудиторіи удачной эпиграммой или остроумной басенкой, но приковать къ себѣ вниманіе слушателя на болѣе продолжительное время, встревожить его умъ, плѣнить его сердце—онъ не въ состояніи.

Авторъ популярныхъ писемъ къ польскимъ классикамъ и романтикамъ [1]) и хорошій переводчикъ Байрона [2]), Моравскій навсегда обезпечилъ за собою нѣсколько строкъ въ исторіи польской литературы, но его произведенія не прошли «завистливой дали»... десятилѣтій. Двѣ-три басни до сихъ поръ разучиваются подростающимъ польскимъ поколѣніемъ, все остальное представляетъ интересъ исключительно для спеціалиста.

Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы и спеціалисты слишкомъ усердно занимались творчествомъ Моравскаго. До сихъ поръ, напримѣръ, они не проанализировали его басенъ, не опредѣлили степени ихъ оригинальности, не подтвердили и не опровергли фактическими данными мнѣній о нихъ Сѣменскаго и Тарновскаго. А между тѣмъ эти мнѣнія сравнительно очень высоки.

---

1) «Klasycy i romantycy polscy», 1829.

2) «Pięć poematów lorda Byrona (Manfred, Mazepa, Oblężenie Koryntu, Paryzyna, Więzień Czyllonu)», 1835.

Сѣменскій отмѣчаетъ въ басняхъ Моравскаго драматическій элементъ, хорошій слогъ, художественную отдѣлку и образность[1]), Тарновскій ставитъ его въ ряду лучшихъ европейскихъ баснописцевъ XIX вѣка[2]).

Посмотримъ, насколько эти оцѣнки подходятъ къ нѣкоторымъ баснямъ Моравскаго, интересующимъ насъ въ данный моментъ.

I.

Въ числѣ 136 басенъ польскаго фабулиста мы находимъ четыре, которыя не безполезно сопоставить съ соотвѣтствующими баснями Крылова.

Въ первой изъ нихъ («Małpa»—«Обезьяна») Моравскій разсказываетъ, какъ однажды обезьянѣ вздумалось осушить море. Для этого она зажгла набережный лѣсъ:

«Nic łatwiej małpie, jak konceptem ruszyć,
Ma ich dostatnie zapasy;
Iedna z nich chciała morze osuszyć,
I ztąd nabrzeżne zapaliła lasy».

Многочисленная толпа сбѣжавшихся животныхъ изъявляетъ свой восторгъ громкими восклицаніями:

---

1) (Bajki Morawskiego) «przy bardzo prostym i naturalnym układzie mają w sobie wiele dramatyczności, interesują, a nieraz niespodziewanem uderzają rozwiązaniem. Wielka poprawność stylu, artystyczne wykończenie, obok charakterystycznej energii obrazowania i rysunku, wszystkie te przymioty pisarza wyższego talentu, nadają bajkom jego pierwszorzędne miejsce w tym rodzaju». (Lucyan Siemieński. Portrety literackie. Tom II. Żywot Franciszka Morawskiego. Poznań, 1868. Str. 314—315).

2) «Śmiało można twierdzić, że należy on (Morawski) do najzręczniejszych w tym rodzaju (bajka) mistrzów, że z wyjątkiem Krasickiego takiego zbioru bajek nie zostawił nam nikt, a że w naszym wieku, kiedy poezya romantyczna rzuciła jakiś dyskredyt na ulubioną klassykom bajkę i wyrzuciła ją z mody, nikt podobno w Europie takich bajek już nie pisał, jak Morawski» («Franciszek Dzierżykraj—Morawski. Pisma zbiorowe wierszem i prozą. Tom II. Bajki. Wiersze drobne. Poznań. 1882». Przedmowa St. Tarnowskiego).

«Co za pomysł jenialny!
Pomysł wielki! radykalny!
Liczne wołały zwierzęta».

Тогда честолюбивая обезьяна, пользуясь удобнымъ случаемъ, обращается къ собравшимся съ рѣчью, въ которой радужными красками изображаетъ послѣдствія осуществленія своей идеи. По словамъ ораторши, на высохшемъ морскомъ днѣ будетъ создана образцовая республика на строго коммунистическихъ началахъ—за однимъ только исключеніемъ: обезьяна получитъ маіоратное владѣніе. Свободные, не знающіе, что такое собственность, судъ и правительство, жители этой республики будутъ жить райской жизнью:

«A małpa, pychą nadęta,
W takim prawiła im tonie:
Wielkie, niezmierne lądy wam odsłonię,
Skoro od ognia wyparuje morze;
Republikę wam utworzę
I na wieczny przykład światu
Tak was urządzę praktycznie,
Że prócz pewnego dla mnie majoratu
Wszystko będzie komunicznie.
Nowa ta dla was ojczyzna
Będzie zbawienna golizna.
Wszystko wolne,
Wszystko wspólne!
Nikt się więc o nic nie strapi,
Nikt nie będzie karał, sądził,
Nikt nie słuchał, każdy rządził,
A co może, to zacapi».

Однако подъ конецъ своей рѣчи обезьяна замѣтно безпокоится: она то и дѣло спрашиваетъ, кипитъ ли море. Море, конечно, и не думаетъ кипѣть. Что же произошло въ концѣ концовъ? Лѣсъ сгорѣлъ, а море осталось моремъ:

«Ale gdy się tak z swą mową rozszerza,
Raz wraz jakiegoś zapytuje zwierza:
A cóż, czy morza ubywa?
Jeszcze nie,—lis się odzywa.
Ależ przynajmniej już się warzą wody?
I to nie,—wilczek odpowiada młody.
Czeka więc małpa—ale cóż się stało?
Mnóstwo lasów się spaliło,
Kropli wody nie ubyło,
I morze morzem zostało».

Такимъ же образомъ поступаютъ и подстрекатели, замѣчаетъ авторъ въ нравоученіи: они раздуваютъ огонь и гордятся многочисленной толпой глупцовъ. Но каковы результаты ихъ работы? Море бѣдствій не изсякнетъ, а страна придетъ въ упадокъ и погибнетъ:

«Tak to niejeden wichrzyciel wleci
I już natychmiast ogień swoj nieci,
Natłokiem głupców się puszy.
Ale czemże nię pochlubi?
Morza nieszczęść nie osuszy,
A kraj i zniszczy i zgubi» 1)

Сличая эту басню съ «Синицей» Крылова 2), мы констатируемъ, что основная идея (желаніе сжечь море) въ нихъ общая, и результатъ затѣи одинаковый—отрицательный. Естественно возникаетъ вопросъ: передѣлка ли это «Синицы» или вполнѣ самостоятельная обработка сюжета, заимствованнаго изъ общаго для обоихъ баснописцевъ источника?

Изслѣдователи басенъ Крылова считаютъ «Синицу» развитіемъ народной пословицы 3). По всей вѣроятности оно такъ и есть. Во всякомъ

---

1) «Bajki Franciszka Dzierżykr. Morawskiego». Poznań. 1860. Str. 37—38.

2) Басни Крылова мы будемъ цитировать по изданію подъ редакціей В. В. Каллаша.

3) «Ходила синица море зажигать, море не зажгла, а славы много надѣлала» (Новиковъ). «Синица за море залетѣла и море зажигать хотѣла; синица много нашумѣла, да не было изъ шума дѣла» (Снѣгиревъ).

случаѣ, въ виду того, что три басни Моравскаго (о которыхъ рѣчь впереди), на нашъ взглядъ, наглядно доказываютъ зависимость польскаго фабулиста отъ Крылова,—до тѣхъ поръ, пока не будетъ указанъ общій источникъ «Синицы» и «Обезьяны», первую слѣдуетъ считать басней оригинальной, а вторую—парафразированной.

Какія жъ измѣненія ввелъ Моравскій въ басню Крылова, передавая ее на польскомъ языкѣ? Прежде всего онъ прибавилъ ироническое вступленіе («Nic łatwiej małpie, jak konceptem ruszyć, Ma ich dostatnie zapasy»), затѣмъ (удачно) замѣнилъ синицу обезьяной, наконецъ, указалъ способъ, при помощи котораго она разсчитывала сжечь море, и конечную ея цѣль.

Такимъ образомъ предпріятіе синицы—не болѣе, какъ пустая затѣя тщеславнаго дурака; несбыточное, но все-таки обдуманное предпріятіе обезьяны—попытка политическаго экспериментатора-фанатика создать новый, идеальный («na wieczny przykład światu»!) государственный строй.

Если мы теперь посмотримъ на обѣ басни съ художественной точки зрѣнія, то увидимъ громадную разницу между ними. Крыловъ не *разсказываетъ* послѣдствій хвастовства синицы. Вмѣсто разсказа онъ дѣлаетъ нѣсколько мастерскихъ штриховъ, и передъ нашими глазами являются эскизы двухъ жанровыхъ картинъ. На первой изъ нихъ—испугъ обитателей моря, летящія стада птицъ, сбѣгающіеся изъ лѣсовъ звѣри и торопящіеся къ берегу съ ложками въ рукахъ охотники покушать хорошо и даромъ[1]); на второй—вся эта пестрая, разношерстная, разнообразная толпа съ устремленными въ одну сторону глазами, въ молчаніи, но съ нетерпѣніемъ ожидающая чуда, а передъ нею—безмятежное

---

1) «Страхъ обнялъ жителей Нептуновой столицы;
Летятъ стадами птицы;
А звѣри изъ лѣсовъ сбѣгаются смотрѣть,
Какъ будетъ Океанъ, и жарко ли горѣть.
И даже, говорятъ, на слухъ молвы крылатой,
Охотники таскаться по пирамъ,
Изъ первыхъ съ ложками явились къ берегамъ,
Чтобъ похлебать ухи такой богатой,
Какой де откупщикъ и самый тороватый
Не давывалъ секретарямъ».

море[1]). Четыре первыя[2]) и четыре последнія строчки[3]) басни, въ которыхъ разсказаны намѣреніе Синицы и слѣдствіе ея затѣи, составляютъ какъ бы раму этихъ картинъ. Стоитъ только отбросить банальное нравоученіе[4]), и получится произведеніе, вполнѣ отвѣчающее самымъ строгимъ требованіямъ эстетики. О баснѣ Моравскаго сказать этого нельзя. Вмѣсто живыхъ картинъ Крылова, онъ даетъ разсказъ, написанный довольно-таки вялымъ и безцвѣтнымъ языкомъ. Первой, полной жизни и движенія картинѣ русскаго баснописца отвѣчаетъ здѣсь одна коротенькая, мертвая фраза («*licsne* wołały zwierzęta»), заключающая въ себѣ слѣдствіе происшедшаго не на нашихъ глазахъ дѣйствія. Содержаніе второй передѣлано—далеко не къ лучшему—и опять... разсказано. Но есть болѣе существенные недостатки. Мы имѣемъ въ виду ироническія замѣчанія о маіоратномъ владѣніи, душеспасительной нищетѣ («zbawienna golizna») и стремленіи каждаго гражданина будущей республики нажиться на общій счетъ—замѣчанія, подсказанныя автору, конечно, не художественнымъ чутьемъ: имъ не мѣсто въ рѣчи обезьяны. Эта рѣчь и заключительные стихи басни («Tak to niejeden wichrzyciel wleci» и т. д.) придаютъ ей еще одно, весьма рѣзкое отличіе отъ басни Крылова: соціальную окраску.

---

1) «Толпятся: чуду всякъ заранѣе дивится,
Молчитъ и, на море глаза уставя, ждетъ;
Лишь изрѣдка иной шепнетъ:
«Вотъ закипитъ, вотъ тотчасъ загорится!»
Не тутъ-то: море не горитъ.
Кипитъ ли хоть?—И не кипитъ».

2) «Синица на море пустилась:
Она хвалилась,
Что хочетъ море сжечь.
Разславилась тотчасъ о томъ по свѣту рѣчь».

3) «И чѣмъ же кончились затѣи величавы?
Синица со стыдомъ въ свояси уплыла;
Надѣлала Синица славы,
А моря не зажгла».

4) «Примолвить къ рѣчи здѣсь годится,
Но ничьего не трогая лица:
Что дѣломъ, не сведя конца,
Не надобно хвалиться».

II.

Вторая изъ намѣченныхъ нами басенъ Моравскаго носитъ заглавіе «Листья и корни» («Liście i korzenie»). Познакомимся съ ея содержаніемъ.

Въ лѣсу, разсказываетъ нашъ фабулистъ, съ пришествіемъ весны высокій дубъ украсился молодыми, зелеными листьями. Гордые сознаніемъ занимаемаго ими положенія, они стали хвастаться, что, не будь ихъ, дубъ торчалъ бы обыкновеннымъ столбомъ, былъ бы высохшимъ трупомъ дерева:

«Wzniosły dąb w lesie, z ciepłej wiosny przyjściem,
Młodem, zielonem umaił się liściem,
Które ztąd dumne, że się na szczyt wzbiło,
Tak wciąż sobie szeleściło:
Nasza to chwała, tak nasza jedynie,
Że ten dąb sławny w swej piękności słynie.
Myśmy go w szatę przybrały zieloną
I myśmy jego koroną.
Bez nas by prostym tylko sterczał słupem
I był zeschłym drzewa trupem».

Какая неблагодарность,—пробормотали на это корни,—не забывайте, что, если бы насъ не было, вы не жили бы такой блестящей жизнью. Развѣ не мы питаемъ васъ?- Стоитъ только не дать вамъ пищи, и вы пропадете, а вслѣдъ за вами пропадетъ и дубъ:

«Co za niewdzięczność! co za zaślepienie!
(Mruczały od spodu korzenie)
Chwalicie siebie, a o nas milczycie
A któż wam nadał to tak świetne życie?
Któż to przerabia, kto na szczyt wysoki
Śle wam swe pożywne soki?
Iesteśmy wprawdzie skromne i poziome,
Gdybyśmy przecież żywić was przestały,

Najprzódby liście opadło znikome,
A z czasem i dąb poległby spróchniały» [1]).

Сравнивая эту басню съ «Листами и корнями» Крылова, мы убѣждаемся, что обѣ басни по содержанію тожественны. Даже заглавія у нихъ одинаковы. Оба баснописца безъ предварительныхъ замѣчаній приступаютъ къ разсказу, оба ограничиваются изложеніемъ факта, не прибавляя къ нему нравоученія. Разница между ними выступаетъ въ художественности изложенія. Въ виду идентичности содержанія обѣихъ басенъ съ этой только стороны онѣ и могутъ быть разсматриваемы.

Прежде всего замѣтимъ, что въ баснѣ Крылова, благодаря ея діалогической формѣ (листья *шепчутся* съ зефирами [2]), *разговариваютъ* съ корнями [3]) дѣйствіе развертывается быстрѣе и естественнѣе, чѣмъ въ баснѣ Моравскаго, состоящей, собственно говоря, изъ монолога листьевъ и монолога корней. По той же причинѣ первая цѣльнѣе второй. Но этимъ отнюдь не исчерпывается разница между обоими произведеніями.

---

1) Franciszek Dzierżykraj Morawski. Pisma zbiorowe wierszem i prozą Tom II. Poznań. 1882.

2) «Въ прекрасный лѣтній день,
Бросая по долинѣ тѣнь,
Листы на деревѣ съ зефирами шептали,
Хвалились густотой, зеленостью своей,
И вотъ какъ о себѣ зефирамъ толковали».

3) — «Примолвить можно бы спасибо тутъ и намъ»,
Имъ голосъ отвѣчалъ изъ-подъ земли смиренно.
— «Кто смѣетъ говорить столь нагло и надменно?
Вы кто такіе тамъ,
Что дерзко такъ считаться съ нами стали?»
Листы, по дереву шумя, залепетали.
— «Мы тѣ»,
Имъ снизу отвѣчали:
«Которые, здѣсь роясь въ темнотѣ,
Питаемъ васъ. Ужель не узнаете?
Мы—корни дерева, на коемъ вы цвѣтете.
Красуйтесь въ добрый часъ!
Да только помните ту разницу межъ насъ:
Что съ новою весной листъ новый народится;
А если корень иссушится,—
Не станетъ дерева, ни васъ».

Хвастовство листьевъ носитъ у обоихъ баснописцевъ разнородный характеръ. Крыловъ наложилъ на него какой-то кокетливый оттѣнокъ[1]), Моравскій надѣлилъ его чертами нѣкоторой угловатости, рѣзкости, даже, пожалуй, нахальства[2]).

Листья послѣдняго, мотивируя свою гордость, выставляютъ на видъ только то обстоятельство, что они украшаютъ дубъ; листья перваго смотрятъ на вещи глубже и не забываютъ, что прекрасное должно быть соединяемо съ полезнымъ: украшая долину и дерево, они укрываютъ отъ зноя пастуха и странника.

И здѣсь опять нельзя не отмѣтить той изобразительности, образности слога, которая у Крылова иной разъ достигается самыми простыми средствами.

Когда баснописецъ заставляетъ, напримѣръ, корни отвѣчать словами: «Мы тѣ, которые, *здѣсь роясь въ темнотѣ*, питаемъ васъ», объектомъ вниманія читателя становится процессъ раздобыванія пищи для дерева, и читатель *видитъ*, какъ шевелятся корни, какъ проникаютъ вширь и вглубь, разрыхляютъ почву и всасываютъ находимыя въ ней питательныя вещества.

Польскій баснописецъ замѣтилъ, что корни «перерабатываютъ» «питательные соки», необходимые для жизни дерева, но забылъ или не догадался сказать въ данномъ случаѣ самое важное: *какимъ образомъ, откуда* корни добываютъ эти соки, и впечатлѣніе получилось совсѣмъ

---

1) «*Не правда ли*, что мы краса долины всей?
Что нами дерево такъ пышно и кудряво,
Раскидисто и величаво?
Что бъ было въ немъ безъ насъ? Ну, право,
Хвалить себя мы можемъ безъ грѣха!
Не мы ль отъ зноя пастуха
И странника въ тѣни прохладной укрываемъ?
Не мы ль красивостью своей
Плясать сюда пастушекъ привлекаемъ?
У насъ же раннею и позднею зарей
Насвистываетъ соловей,
Да вы, зефиры, сами
Почти не разстаетесь съ нами».

2) «*Nasza* to chwała, tak, *nasza jedynie*» и т. д.

другое—не художественное. Зато лишній разъ подчеркнуто соціальное начало: листья гордятся тѣмъ. что они—на вершинѣ.

III.

«Стась и его тѣнь» («Staś i cień jego») по содержанію тожественъ съ басней Крылова «Тѣнь и человѣкъ».

Въ ведреный, чистый, ясный день Стась бѣжалъ за тѣнью, пытаясь ее настичь—конечно, безъ успѣха:

«W dzień pogodny, czysty, jasny,
Gonił Stasio cień swój własny,
Ale próžno jak wiatr śmigał,
Nigdy cienia nie prześcigał».

Видя, что его усилья напрасны, мальчикъ измѣнилъ намѣреніе: онъ вздумалъ убѣжать отъ собственной тѣни. Но и на этотъ разъ потерпѣлъ неудачу. Не помогли всевозможныя хитрости: тѣнь оказалась неотвязчивой спутницей:

«Gdy wtem nagle myśl odmienia,
Chce od swego uciec cienia,
Leci, sił swych nie oszczędza,
Głośno z nim się kłóci, bredzi,
Stasio usiadł i cień siedzi,
Stasio biegnie i cień bieży,
Stasio upadł, cień z nim leży,
I tak cały dzień przetrwoni,
Ni ucieczе, ni też zgoni».

Въ нравоученіи авторъ прибавляетъ, что этотъ Стась символизируетъ человѣка, который либо гоняется за призракомъ, либо убѣгаетъ отъ него:

«Istotnie pono obraz to człowieka,
Lub ściga marę, lub przed nią ucieka»[1].

---

1) Pisma zbiorowe wierszem i proza. Tom II. 1882.

Итакъ, Моравскій, точно также, какъ и Крыловъ, доказываетъ неуловимость и капризность счастія, но доказательства этихъ баснописцевъ разноцѣнны въ эстетическомъ отношеніи. Басня Крылова, если ее разсматривать безъ чудовищно длинной морали [1]), занимающей ровно столько же мѣста, сколько аллегорія, представляетъ изъ себя образецъ сжатости и вмѣстѣ съ тѣмъ живости разсказа. На протяженіи семи строкъ Крыловъ сумѣлъ завязать дѣйствіе, развернуть его и привести къ развязкѣ [2]). Моравскому потребовалось для этого почти вдвое болѣе мѣста. Объемъ басни увеличился, но увеличилась ли вмѣстѣ съ тѣмъ и художественность ея?

Въ первой части аллегоріи русскій баснописецъ изобразилъ начало дѣйствія («Онъ къ ней, она впередъ») и постепенное его развитіе («Онъ шагу прибавлять, Она туда жъ; онъ, наконецъ, бѣжать»), у польскаго въ этой цѣпи недостаетъ начальнаго и среднихъ звеньевъ: въ тотъ моментъ, когда авторъ приступаетъ къ разсказу, Стась уже бѣжитъ за тѣнью «съ быстротою вѣтра» («Ale próżno, jak wiatr śmigał»...). У Моравскаго центръ тяжести перенесенъ во вторую часть аллегоріи, и разсказаны всѣ уловки, какія мальчикъ придумывалъ, чтобы избавиться отъ надоѣвшей ему тѣни. Вотъ эта детальная разработка второй части сюжета и увеличила размѣры басни—но не увеличила ея цѣны.

Изображая во всей полнотѣ и наглядности попытку поймать счастіе, явленіе несравненно чаще происходящее на нашихъ глазахъ, чѣмъ желаніе ускользнуть отъ счастія, Крыловъ руководствовался художествен-

---

1) «Красавицы! слыхалъ я много разъ...
Вы думаете что? Нѣтъ, право, не про васъ;
А что бываетъ то жъ съ фортуною у насъ;
Иной лишь трудъ и время губитъ,
Стараяся настичь ее изъ силы всей;
Другой, какъ кажется, бѣжитъ совсѣмъ отъ ней:
Такъ нѣтъ, за тѣмъ она сама гоняться любитъ».

2) «Шалунъ какой-то тѣнь свою хотѣлъ поймать:
Онъ къ ней, она впередъ; онъ шагу прибавлять,
Она туда жъ; онъ, наконецъ, бѣжать:
Но чѣмъ онъ прытче, тѣмъ и тѣнь скорѣй бѣжала,
Все не даваясь, будто кладъ.
Вотъ мой чудакъ пустился вдругъ назадъ;
Оглянется: а тѣнь за нимъ ужъ гнаться стала».

нымъ инстинктомъ, измѣнявшимъ ему рѣдко, Моравскому—часто. Жаль, что этотъ же инстинктъ не посовѣтовалъ Крылову откежевать для нравоученія не болѣе двухъ стиховъ или, что еще лучше, вовсе отказать ему въ мѣстѣ.

IV.

Переходимъ къ послѣдней изъ тѣхъ басенъ Моравскаго, на которыхъ мы хотѣли остановить вниманіе читателя. Эта басня носитъ заглавіе «Сюртукъ» («Surdut») и разсказываетъ о неудачномъ дебютѣ въ портняжномъ ремеслѣ какого-то бѣдняка. У него было что-то въ родѣ зипуна, какой-то короткій, темно-сѣрый, поношенный сюртукъ, дырявый на локтяхъ. Носить его было и стыдно, и холодно, и вотъ нашъ бѣднякъ рѣшился поправить дѣло: онъ на футъ укоротилъ рукава и заплатилъ локти:

«Miał pewien biedak coś nakształt sukmany,
Jakiś surdut kusy, bury,
Lecz już dobrze podszastany,
I na obu łokciach dziury.
Wstydno było patrzeć na nie,
Zwłaszcza zimno niesłychanie,
Bo mu wiatr przez nie zalatał;
A więc wziął się do naprawy:
Na stopę obciął rękawy,
I łokcie niemi załatał».

Но лишь только, обрадованный своею смѣтливостью бѣднякъ вышелъ на улицу, какъ сейчасъ же поднялся страшный шумъ, всѣ стали удивляться, изумляться, смѣяться надъ короткими рукавами и подозрѣвать, что у бѣдняка не достаетъ царя въ головѣ:

«Wyszedł kontent z wynalazku,
Aż tu zewsząd pełno wrzasku,
Wszyscy się dziwią, dumieją,
Z kusych rękawów się śmieją,

I nuż w drwinki i zaczepki,
Że mu piątej braknie klepki.»

Желая исправить свою ошибку, бѣднякъ обрѣзалъ полы и сшилъ изъ нихъ рукава. Чѣмъ же дѣло кончилось? Бѣднякъ принужденъ былъ ходить въ коротенькой курткѣ:

«Nie braknie! biedak zawoła—
I konceptem nowym ruszył:
Obciął swe poły do koła,
I dwa rękawy z nich uszył.
Lecz gdy tak zawsze naprawiał,
Tu obcinał, tam nadstawiał,
A wciąż kładł łaty na łaty,
Skończył, jak wszystkie kończą obdartusy.
Spencer mu tylko z całej został szaty,
I do tego bardzo kusy».

Точно также,—говоритъ авторъ,—иной, теряя деревню за деревней, напрасно напрягаетъ всѣ усилія, чтобы спастись, и онъ считаетъ себя счастливымъ, если у него останется капиталецъ, на который можно бы кое-какъ просуществовать:

«Tak gdy niejeden traci włość po włości
I straszny pizus[1]) koło Jegomości,
Równie się próżno i krząta i znoi.
Szczęśliwy, jeżli za te prace, trudy,
Jakiś mu się tam kapitalik chudy
Na biedną starość okroi».

«Тришкинъ кафтанъ»[2]) на польскомъ языкѣ прежде всего увели-

1) pizus (indecl.) = голь.

2) «У Тришки на локтяхъ кафтанъ продрался.
Что долго думать тутъ? Онъ за иглу принялся:
По четверти обрѣзалъ рукавовъ —
И локти заплатилъ. Кафтанъ опять готовъ;
Лишь на четверть голѣе руки стали.
Да что до этого печали?

чился на одиннадцать стиховъ. Вызвано ли это увеличеніе необходимостью? Обогатилось ли содержаніе басни новыми, цѣнными данными? Однимъ словомъ, улучшилась ли отъ этого басня, стала ли она полнѣе, художественнѣе?

Къ сожалѣнію, на всѣ эти вопросы приходится отвѣтить отрицательно. Оба баснописца развиваютъ одинъ и тотъ же сюжетъ, но результатъ получается далеко не одинаковый. У каждаго изъ нихъ разные пріемы, разная степень художественнаго чутья и того качества, которое академикъ Никитенко назвалъ силой художественнаго самообладанія [1]).

Крыловъ сразу, безъ всякихъ вступленій вводитъ читателя *in medias res*, Моравскій поступаетъ иначе: онъ опредѣляетъ длину, цвѣтъ, общее состояніе сюртука, настроеніе его владѣльца, не замѣчая, что всѣ эти подробности не нужны, что онѣ, не вліяя на сущность дѣла, являются балластомъ.

Дальше—то же: одному, напримѣръ, стиху Крылова·

«Однако же смѣется Тришкѣ всякъ»

отвѣчаетъ пять стиховъ Моравскаго:

«Aż tu zewsząd pełno wrzasku» и сл.

Здѣсь сдѣланы два промаха: одинъ противъ сжатости слога, другой—противъ психологіи. Тришка, по всей вѣроятности деревенскій парень, могъ подвергаться насмѣшкамъ своихъ товарищей, но *бѣднякъ* Морав-

---

Однако же смѣется Тришкѣ всякъ;
А Тришка говоритъ: «Такъ я же не дуракъ.
И ту бѣду поправлю:
Длиннѣе прежняго я рукава наставлю».
О, Тришка малый не простой!
Обрѣзалъ фалды онъ и полы,
Наставилъ рукава, и веселъ Тришка мой,
Хоть носитъ онъ кафтанъ такой,
Котораго длиннѣе и камзолы.
Такимъ же образомъ, видалъ я, иногда
Иные господа,
Запутавши дѣла, ихъ поправляютъ;
Посмотришь: въ Тришкиномъ кафтанѣ щеголяютъ».

1) Сборникъ II Отд. Акад. Наукъ, т. VI.

скаго, носившій потертый и дырявый сюртукъ, едва ли былъ въ состояніи своими короткими рукавами произвести такое впечатлѣніе, чтобы отовсюду послышались крики («zewsząd pełno wrzasku»), чтобы всѣ (!) изумлялись (!) и подозрѣвали, что онъ сошелъ съ ума!!

У Крылова изъ-за строкъ басни смотритъ на насъ энергичное («Что долго думать тутъ!»), беззаботное («Да что до этого печали?»), нехитрое («О, Тришка малый не простой!») лицо деревенскаго парня; у Моравскаго—какое-то неопредѣленное существо съ расплывчатыми, неуловимыми чертами лица.

Этотъ фактъ лучше всего доказываетъ, насколько Крыловъ, какъ художникъ, выше Моравскаго.

V.

Анализируя первую изъ приведенныхъ здѣсь нами басенъ и сравнивая ее съ «Синицею», мы вскользь упомянули о зависимости Моравскаго отъ Крылова. Существованіе этой зависимости подтверждаютъ три послѣднія басни, которыхъ содержаніе идентично съ содержаніемъ соотвѣтствующихъ басенъ Крылова. Такую идентичность содержанія трехъ басенъ невозможно объяснять простою случайностью. Здѣсь мы имѣемъ дѣло или съ литературнымъ заимствованіемъ одного художника у другого, или со встрѣчей обоихъ у общаго источника вдохновенія. До сихъ поръ такой источникъ не найденъ, несмотря на то, что Крыловъ привлекалъ вниманіе серіозной критики, не только русской, но и французской[1]), и его басни подвергались умѣлому и всестороннему анализу. Всѣ изслѣдователи считаютъ «Листы и корни» и «Тришкинъ кафтанъ» баснями оригинальными. Что касается «Тѣни и человѣка», то, какъ извѣстно, она передѣлана изъ басни Хемницера «Дуракъ и тѣнь».

Итакъ, въ данномъ случаѣ правдоподобнѣе наличность литературнаго заимствованія. Остается рѣшить, кто у кого заимствовалъ: Моравскій у Крылова или Крыловъ у Моравскаго?

1) Fleury: «Krylow et ses fables».

«Синица», а также «Листья и корни» появились въ печати въ 1811 году[1]), «Тѣнь и человѣкъ»—въ 1814[2]) (написана эта басня раньше)[3]), наконецъ, «Тришкинъ кафтанъ»—въ 1815[4]). Въ это время Моравскій еще служилъ подъ знаменами Наполеона; на литературное поприще онъ выступилъ гораздо позже. Въ виду этого можетъ быть рѣчь только о вліяніи Крылова на польскаго баснописца, а не наоборотъ.

Какъ мы пытались доказать, это вліяніе ограничилось основательной переработкой одной басни («Обезьяна») и болѣе поверхностной—трехъ остальныхъ.

Но читалъ ли Моравскій по русски? Его письма, напечатанныя Сѣменскимъ, свидѣтельствуютъ, что, сосланный въ 1831 году въ Вологду, онъ интересовался русскими народными пѣснями и искалъ человѣка, который могъ бы познакомить его съ русскимъ языкомъ и русской литературой. Правда, Моравскій въ этомъ же письмѣ заявляетъ, что учителя не нашелъ[5]), но такіе поиски, тщетные въ первомъ году пребыванія въ незнакомомъ городѣ, могли увѣнчаться успѣхомъ во второмъ. Наконецъ, русскій языкъ и для самоучки-поляка не представляетъ непреодолимыхъ препятствій. Пребывая въ Вологдѣ болѣе двухъ лѣтъ, Моравскій могъ и безъ чужой помощи познакомиться съ нимъ настолько, чтобы читать Крылова, а чувствуя всю жизнь влеченіе къ баснѣ[6]), онъ едва ли упустилъ случай познакомиться съ баснописцемъ, слава котораго гремѣла тогда по всей Россіи.

Владимиръ Наконечный.

Варшава.

1) Въ «Чтеніи въ Бесѣдѣ Любителей Русс. Слова», IV, стр. 100—103.

2) Въ «Сынѣ Отечества», ч. XII, 206.

3) «Извѣстія отд. русс. яз. и слов.», тома XII-го, кн. 1-я, стр. 217.

4) Въ «Сынѣ Отечества», ч. XXIII, 24.

5) «Lud tutejszy bardzo jest śpiewający. Przedmiotem wszystkich prawie pieśni jes miłość, melodyą smętność. Żal mi, że rozumieć nie mogę. Chciałem użyć tego czasu na rozpoznanie się w literaturze krajowej, ale mimo wszelkich usilności, nie znalazłem nikogo, coby mógł i chciał uczyć mię po rosyjsku» (Lucyan Siemieński. Portrety literackie. T. II. Żywot Franciszka Morawskiego. Poznań . 1868. Str. 129—130).

6) «Jak w początku swego pisarskiego zawodu, tak i przy końcu, w starości, lubił Morawski tworzyć bajki» (Lucyan Siemieński. Żywot Franciszka Morawskiego, Str. 316).

Екатерина Великая въ Елисейскихъ поляхъ.

(По поводу «Разговора въ Царствѣ Мертвыхъ»).

Въ 3-й книжкѣ XII тома (1907 г.) «Извѣстій Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ» А. А. Титовъ далъ текстъ, довольно обширной по размѣрамъ и любопытной по содержанію, сатиры начала XIX вѣка — «Разговоръ въ царствѣ мертвыхъ». Тексту предпослано предисловіе, въ которомъ издатель затрагиваетъ цѣлый рядъ вопросовъ, связанныхъ и непосредственно съ издаваемымъ имъ текстомъ, и вообще съ произведеніями этого же рода. Признавая всю важность и своевременность изданія аналогичныхъ произведеній русскаго творчества (политическая сатира и памфлетъ), не могу не сдѣлать нѣкоторыхъ замѣчаній относительно какъ предисловія, такъ и текста «Разговора въ царствѣ мертвыхъ».

Послѣ указанія на важность изданія старыхъ текстовъ политическихъ сатиръ и памфлетовъ, издатель приводитъ «соображенія, которыми онъ руководился, при выборѣ изъ цѣлой серіи произведеній, извѣстныхъ подъ общимъ именемъ «Разговоровъ въ царствѣ мертвыхъ», помѣщаемаго ниже образца:

1) среди произведеній sui generis онъ является наиболѣе рѣдкимъ;

2) онъ имѣетъ тѣсную связь по содержанію со «Свиданіемъ двухъ тѣней» [1]), представляя собою фактическую подкладку ламентацій и обли-

---

1) Издано мною въ «*Извѣстіяхъ Отд. русск. яз. и словесн. И. А. Н.*», т. XI, кн. 2.

ченій, приведенныхъ въ «Свиданіи», при чемъ и здѣсь Екатерина II и Павелъ I являются центральными фигурами, на которыхъ сосредоточивается содержаніе сатиры;

3) въ немъ наиболѣе отчетливо и подробно выразились всѣ характерныя черты произведеній подобнаго рода;

4) какъ историческій матеріалъ, онъ является памятникомъ довольно цѣннымъ, хотя и нуждающимся въ строгомъ и безпристрастномъ критическомъ разборѣ».

Съ первымъ изъ этихъ пунктовъ я совершенно не согласенъ. Изданный А. А. Титовымъ текстъ, по моему мнѣнію, нельзя считать «наиболѣе рѣдкимъ». Неутомимому издателю, энергичному собирателю и владѣльцу громаднаго количества рукописей, вѣроятно, извѣстно, что данное произведеніе имѣетъ двоякое названіе. Кромѣ «Разговоръ въ царствѣ мертвыхъ» оно надписывается еще — «Екатерина Великая въ Елисейскихъ поляхъ», и подъ послѣднимъ заглавіемъ встрѣчается гораздо чаще, тѣмъ подъ первымъ. Въ общемъ, эту сатиру нельзя считать наиболѣе рѣдкой.

Можно всецѣло согласиться съ тѣмъ, что «Разговоръ въ царствѣ мертвыхъ» имѣетъ тѣсную связь со «Свиданіемъ двухъ тѣней»; можно, пожалуй, сказать болѣе: что второе произведеніе является лишь подробнымъ развитіемъ темы, намѣченной въ нѣсколькихъ строкахъ перваго (см. Явленіе Павла въ Елисейскихъ поляхъ и приговоръ Екатерины). Но, чтобы «Разговоръ» представлялъ собою фактическую подкладку ламентацій и обличеній, приведенныхъ въ «Свиданіи» — съ этимъ согласиться, по моему мнѣнію, нельзя.

Третій пунктъ — насколько догматиченъ, настолько же и голословенъ. Для того, чтобы сказать что-либо о характерности, типичности той или иной сатиры, нужно имѣть значительное количество изданныхъ текстовъ или же обширное знакомство съ рукописной литературой этого рода произведеній, и продѣлать массу работы подготовительнаго характера. Возможно, что все это и выполнено уважаемымъ издателемъ, но для насъ, непосвященныхъ, такой выводъ ex abrupto не имѣетъ никакой цѣнности.

Наконецъ, и какъ историческій матеріалъ данное произведеніе, какъ и всякій другой памфлетъ, является наименѣе цѣннымъ матеріаломъ.

Тенденціозно сгущающіе краски въ извѣстномъ направленіи, пользующіеся всякими сплетнями и слухами, сатиры и памфлеты сами должны быть провѣряемы при помощи серьезной исторической критики и достовѣрныхъ данныхъ. Какъ бы ни было категорично заявленіе сатиры, оно не придастъ степени достовѣрности, напримѣръ, слухамъ, о которыхъ Е. С. Шумигорскій пишетъ: «Для завершенія коварныхъ дѣйствій графа Палена и его сообщниковъ нужно было убѣдить великаго князя Александра въ истинѣ распущенныхъ по городу слуховъ, что Павелъ Петровичъ собирается заключить супругу свою въ монастырь, а старшихъ сыновей своихъ въ Шлиссельбургскую крѣпость. Слухи эти ничѣмъ однако не подтверждались, хотя подозрительность императора часто обращалась на старшаго его сына» 1). Равно также и любому изъ всѣхъ возможныхъ слуховъ и сплетенъ, такъ какъ авторъ памфлета какъ разъ ими и могъ воспользоваться. Собственно, это же далѣе доказываетъ и самъ издатель при оцѣнкѣ «Разговора», какъ историческаго матеріала.

Относительно самаго текста «Разговора въ царствѣ мертвыхъ» и пріемовъ его изданія издатель дѣлаетъ такого рода указанія: «Текстъ «Разговора» написанъ (вѣроятно однимъ изъ учениковъ) крупной и четкой скорописью начала XIX вѣка, но пользованіе имъ значительно затрудняетъ своеобразная разстановка знаковъ препинанія, множество ошибокъ, недопустимыхъ даже въ то время.... описокъ, въ особенности въ окончаніяхъ словъ.... и поправокъ, обиліе которыхъ, повидимому, объясняется торопливостью тайной работы, малограмотностью переписчика и неразборчивостью подлинника, написаннаго съ аббревіатурой, на что указываетъ уже самое заглавіе рукописи — «Разг. вцар. мерт.».... Для устраненія излишнихъ затрудненій въ приводимомъ ниже текстѣ допущено исправленіе орѳографіи и интерпункціи, безъ измѣненія слога и разстановки словъ».

Но уже и въ томъ незначительномъ количествѣ примѣровъ описокъ и ошибокъ, которыя приводитъ издатель въ подтвержденіе своихъ замѣчаній о текстѣ, имѣются образцы иного отношенія къ тексту, чѣмъ то, о которомъ онъ говоритъ. Онъ не только слегка подправляетъ слогъ, замѣ-

---

1) *«Историческ. Вѣст.»*, 1907.

няя провинціализмы и мѣстный говоръ современной литературной рѣчью (нынице = нынче; завтре = завтра), но и вноситъ конъектуры, въ текстѣ неотмѣченныя (вм. *едущщую* влодкѣ *на* сей рѣкѣ — *ѣдущей* въ лодкѣ *по* ссй рѣкѣ; вм. щеку—цѣну; вм. довольчы ея англичанами—до войны съ англичанами); конъектуры—съ которыми даже и въ указанныхъ примѣрахъ можно не соглашаться (срвн. первый изъ отмѣченныхъ примѣровъ). По общепринятымъ правиламъ изданія текстовъ всякое измѣненіе, всякая поправка должны быть отмѣчены. Иначе какъ можно узнать, гдѣ мы имѣемъ дѣло съ оригинальнымъ текстомъ, гдѣ съ поправками издателя? Этотъ вопросъ встаетъ тѣмъ настоятельнѣй, что текстъ, предлагаемый А. А. Титовымъ вниманію ученой публики, съ указаніемъ на его особенную рѣдкость и важность, даетъ цѣлый рядъ чтеній сомнительныхъ и возбуждающихъ недоумѣнія. Укажу нѣсколько примѣровъ: стр. 79—80 ...судно...стало *гнуснуть,* вм.—*грузнуть;* стр. 80, строки 21—22 ...нимало не *обходился,* вм. — не *обмочился;* стр. 82, строки 4—5 ...*принужденныхъ* торжествъ, вм.—*придворныхъ* торжествъ; стр. 82, строка 27 ...въ *полкъ* французовъ, вм.—въ *полонъ* французамъ...; стр. 83, строки 11—12 ...флотъ подъ командой *генерала* Ушакова..., вм.—*адмир*ала Ушакова... и т. д. — см. въ прилагаемыхъ варіантахъ.

Что это такое? Ошибки оригинала, или поправки издателя? Если ошибки оригинала, то почему издатель, исправляя текстъ въ другихъ мѣстахъ, не исправилъ этихъ? Если поправки — зачѣмъ онѣ сдѣланы?

Вообще, текстъ, изданный такимъ образомъ, всегда возбуждаетъ сомнѣнія и недоумѣнія при пользованіи имъ и какъ литературнымъ произведеніемъ, и какъ «историческимъ матеріаломъ». Поэтому-то я и считаю нужнымъ для болѣе точнаго установленія текста дать варіанты своей рукописи, приводимые буквально, съ необходимыми въ нужныхъ случаяхъ оговорками. Въ однихъ случаяхъ приводятся разночтенія, въ другихъ даются поправки. Незначительные фонетическіе и орѳографическіе варіанты и разница въ разстановкѣ словъ не отмѣчается.

Въ моемъ собраніи рукописей имѣются два текста «Разговора въ царствѣ мертвыхъ», оба озаглавленные—«Екатерина Великая въ Елисейскихъ поляхъ». Одинъ изъ нихъ такого же характера, какъ и изданный

А. А. Титовымъ, т. е. очень неисправный. Онъ вполнѣ покрывается вторымъ спискомъ очень исправнымъ и хорошо сохранившимся. Весь текстъ написанъ въ тетрадкѣ, сшитой изъ двадцати листовъ синеватой бумаги in quarto, ш. 17,5 снт., дл. 21 снт. На бумагѣ ясно видѣнъ годъ — «1802». Тетрадь безъ обложки; текстъ, начинаясь съ перваго, кончается на оборотѣ двадцатаго листа; приписокъ никакихъ нѣтъ. Почеркъ довольно красивый и четкій. Вся рукопись производитъ впечатлѣніе написанной вполнѣ образованнымъ человѣкомъ. Пріобрѣтена она въ Костромѣ.

По нѣкоторымъ даннымъ, мнѣ кажется, можно было бы назвать и автора этой сатиры, но, до разысканія болѣе несомнѣнныхъ указаній, воздержусь.

Екатерина В.

Въ Елисейскихъ поляхъ.[1])

Стр. 78,	строка	18	...и въ большой...
»	строки	22—23	...трактуютъ дѣла...
»	строка	24	... занимаясь собраніе оными, видитъ...
»	»	25	...всю жизнь ея...
Стр, 79,	»	2	...таковы жъ кротки, какъ...
»	строки	3—4	...позналъ цѣну самаго себя. Цари старались...
»	строка	5.	Завистники одни говорили...
»	»	7	...не столько силы...
»	»	8	...побѣждающей всё. — Народы...
»	»	11	...другаго хотѣнія...
»	»	12	...благословлять всегда Матерь..,
»	»	14	...были чувства...

---

1) Приводятся по строкамъ и по страницамъ варіанты изъ моей рукописи къ напечатанному въ 3 кн. XII т. «*Изв. Отд. р. яз. и слов. И. А. Н.*» «Разговору...». Дополненія набраны курсивомъ.

Стр. 79, строки 19 ...поля получають...
» » 22 ...и все готово принять Великую Імператрицу...
» » 24 ...въ ней обитавшихъ...
» » 26 ...туда приходящія...
» строки 27—28 ...награда блаженства и наказаніе за преступленіе...
» строка 29 ...ни чемъ болѣе угодить тенямъ...
» строки 32—33 ...Зевесъ съ богами и сонмы теней ожидаютъ...
» строка 34 } ...и ожидавшихъ къ принятію ея боговъ стало
Стр. 80, » 1 } грузнуть, вода льется...
» » 3 ...кидаются въ Стиксъ спасти...
» » 4. Однако Екатерина...
» » 7—8. Харонъ едва спасся въ волнахъ Стикса, не умѣвши плавать, и спасеніемъ своимъ долженъ одной тѣни...
» строка 11 ...по его повеленію перевозитъ...,
» » 12 ...лутчими Англицкими мореходцами...
» » 18 ...хоша-де я и не молодъ... но тонуть не хочу...
» строки 19—21 ...онъ жену Фридриха 2-го... правда и она довольно судно мое...
» строка 22 ...не обмочился.
» » 24 ...ни мало погрузнуть.
» строки 28—30 ...блаженство, богамъ сопричастное, дѣлая награду добрымъ, злыхъ исправляя кротостію и благосердіемъ. Мать отечества была такова жъ и тамъ...
» строка 33 ...о ея любезной Россіи извѣщавшихъ...
Стр. 81, » 2 ...купно съ ней и блаженства...
» строки 4—6 ...перемѣнилъ премудрыя ея законы, лутчую и любимую ея часть вѣрныхъ подданныхъ, лишивъ достоянія, ею имъ даруемаго, угнетая всякаго состоянія...
» строка 10 ...вступя на берегъ...
» строки 11—12 ...удивясь такой нечаянности...

Стр. 81, строка 15 .*Екатерина.* Какъ возможно! нѣтъ...
» » 16 ...при себѣ сіе дѣло почти къ концу уже привела...
» » 18 ...я никогда Шведскою королевою не была...
» строки 21—22 ...сумазбродничаетъ...
» » 23—25. *Гусаръ.* Растроя все положеніе, основанное вами, бабушка, касательно до замужства моего съ королемъ Шведскимъ, батюшка выдалъ меня за Венгерскаго палатина Іосифа, то, сообразуясь...
» строка 28. За етакова негодяя і сквернавца...
» строки 30—31 ...такъ неожидаемо переселилась ты...
» строка 33 } позвольте мнѣ, начавши объясненіе сіе,
Стр. 82, » 1 } взять со времени моего...
» строка 3 ...мнѣ тамъ учинилъ дворъ, увидѣла, сколь много я въ васъ...
» строки 4—5 ...придворныхъ торжествъ...
» » 7—8 ... съ Французами, Нидерландцы и весь... потеряны.
» » 9—10 ...завоевали и на правой сторонѣ многія...
» строка 11 ...взята; контрибуціею всѣ...
» строки 12—13. Мантуя, Неаполь, Италія вся и Римъ въ рукахъ...
» » 20—21 ...система вся та же: обѣщать, ничего не исполняя; увѣрять, ничего не дѣлая...
» строка 22. А къ тому жъ начальники імперскихъ войскъ...
» » 23 ...стараясь другъ съ другомъ перессориться...
» » 27 ...кучами къ полонъ французамъ...
» строки 31—33 ...деревнѣ, и поручилъ, какъ свои, такъ и імперскія войска въ точную его команду.
» строка 34. Можно ль сего ожидать?..
Стр. 83, » 4. Суворовъ явился на театрѣ войны, а за нимъ въ слѣдъ...
» » 5 ...сто тысячъ Россійскаго войска...
» строки 7—8 ...Суворовъ и храбрые Россійскіе воины въ три мѣсеца отняли у французовъ, что они въ три года пріобрѣли...

Стр. 82, строки 11—12 ...вступили Россійскія войска... Россійской флотъ, подъ командою адмирала Ушакова...
» » 14—15 ...при появленіи Россіянъ вездѣ теряли...
» строка 16 ...полководецъ, со своимъ войскомъ, не переставалъ...
» строки 17—20 ...21 сраженіе, въ три мѣсеца выигранное, изнурило совершенно непріятеля, изъ которыхъ нѣкоторыя по два и по три дни продолжались; на одномъ изъ нихъ прибывшей изъ Египта оберъ-генералъ Жубертъ палъ на мѣстѣ сраженія.
» строка 22 ...взирала съ изумленіемъ на подвиги стараго вашего слуги.
Стр. 83, строка 24 ...оружія здѣлано? Полководецъ Суворовъ былъ отъ батюшки выключенъ...
» » 29 ...чрезъ восемь часовъ другой фельдъегерь...
» » 31 ...вы знаете ли, бабушка, когда войска наши...
» » 33 ...фельдъегеря съ повеленіемъ, кого...
Стр. 84, строки 1—2 ...привесть въ Петербургъ... что по два и по три фельдъегеря пріѣзжали...
» строка 4. Какія горѣсти...
» » 7 ... осыпалъ его почестьми, Неапольскій король...
» строки 9—10 ...по Альпійскимъ горамъ и...
» » 16—18 ...по узкимъ въ горахъ дорожкамъ, на то были хоша и неспособны, но всіô благоразуміемъ Суворова было съ успѣхомъ кончано.
» » 20—21 ...видовъ. А они, мѣсто всякаго пособія, дѣлали остановку во всехъ требованіяхъ; по условіямъ, куда должно, провиантъ ни выставляли... сутокъ по двое армія наша не имѣла...
» » 23—24 ...Меласъ увѣрилъ... для проходу войскъ...
» » 28—29 ...верно бы время было потеряно. Гдѣ только какая крайность...
» строка 30 ...Французскія войска всегда готовы по лесамъ окружать...
» » 33 ...въ Швабіи, протестуя и жалуясь...

Стр. 85, строки 1 ...войску. — Съ другой стороны высадка...
» » 2 ...пьянаго герцога Іорскаго не...
» строки 8—9 ...бѣжали сѣсть на суда...
» строка 17. Вотъ статьи [1]) тайныхъ... съ Бонапартемъ...
» строки 18—19 ...соединя всѣ свои силы усмирить... *Словъ, заключенныхъ въ скобки, въ моемъ спискѣ нѣтъ, да они и лишнія въ этомъ мѣстѣ.*
» » 24—25 ...состояніе, которое она до перваго роздѣленія имѣла, и здѣлать...
» » 27—29 ...о нихъ узнали... Бонaпарте, будучи хитрой и умной человѣкъ, открылъ ихъ Венскому и Прусскому кабинетамъ, видя несообразность означенныхъ статей, кои...
» строка 31 ...ослабить союзь Римскаго Імператора съ батюшкою, которой...
» строки 33—34 ...добровольно на уступку взятыхъ отъ Польши провинцій не согласились...

Стр. 86, строка 1 ...моею себѣ спокойствіе...
» строки 2—5 ...батюшка и стараніе о соединеніи Польши не станетъ имѣть. Я была въ то время беременна. Несчастные припадки, со мною случившіеся, увѣряли... прежде ожидаемаго времени...
» строка 8 ...ничего не значитъ и скоро можетъ пройти; далъ...
» » 11 ...къ себѣ мою камеръ-юнкершу...
» » 14 ...подошедъ къ другимъ, вижу то же...
» строки 18—19 ...конечно, ожиданіе проклятыхъ сихъ людей...
» строка 20 ...любила и зберегала...
» » 21 ...для чего не даютъ мнѣ послѣдовать за вами?..
» строки 22—23 ...которую ко мнѣ вы сами, бабушка, еще къ малолѣтной опредѣлили. Она всегда при мнѣ была...
» строка 29 ...происходило, ничего не помню, очувствовавшись...

---

1) Сравни ниже (въ изд. А. А. Титова), строка 26.

Стр. 86, строки 30—31 ...и васъ, бабушка, узнала прогуливающуюся по берегу...
» строка 32. Екатерина (заплакавъ)...
» » 34 ...происходишь отъ царской крови сильнаго монарха, которой
Стр. 87, строки 1—4 ...готовъ уже подавать законы всей Европѣ, котораго союза и внуки моей, Александры, всякой коронованный глава поставилъ бы себѣ за честь: вотъ то состояніе, въ какомъ я оставила Россію...
» » 5—6 ...гусара, которой, имѣя слабыя прнятія, надутой Германской глупостію, не могъ узнать цѣны своего счастія...
» строка 10 ...рѣдко видѣла, правда, въ Офенъ привезли нѣсколько сотъ...
» » 11 ...къ моему любезному отечеству...
» » 14. Не велено мнѣ было никуда...
» » 17 ...которыя имѣла при себѣ, привезенныя изъ Россіи...
» » 19 ...въ тѣхъ должна была отдавать отчетъ.
» » 21 ...уведомленій не извѣщали.
» строки 24—25 ...плоды, произшедшія со времянъ Петра Великаго, и многолѣтныя мои труды...
» строка 28 ...къ препровождающему ихъ...
» » 34 ...почтенъ былъ отъ меня перьвымъ степенемъ достоинства въ Імперіи...
Стр. 88, » 1 ...отличенъ уваженіями, богатствомъ...
» » 3 ...важный планъ нашего...
» » 7 ...тайны.—Измѣнникъ моей довѣренности, ты не...
» » 8. Я увѣрена, что была любима...
» » 10 ...общее на собственное...
» » 15 ...съ его орудіемъ.
» » 17 ...равняется великой душѣ твоей. Я виноватъ, не обнародовавъ...

Стр. 88, строки 27—28 ...перѣмену, не постигая ея послѣдствій...
» » 30 ...изъ совѣта, болѣзнуя сердцемъ...
» » 31—32 ...написалъ я увѣреніе къ народу...
Стр. 89, » 1—2 ...учинена присяга Новому Монарху, пока Онъ таковою же утвердилъ сохранять права народа нерушимо.
» » 3—4. Мы признаемъ Тебя и здѣсь тою же Матерью Отечества и такъ же Тобою любимы...
» » 7—8. Въ одинъ часъ преклонить миліоны умовъ — есть дѣло, свойственное однимъ токмо богамъ. — Государыня...
» » 15—16 ...Сибирскій и Турчениновъ за то... сукно, ставленное...
» строка 18 ...чиновъ, имѣнія и дворянства; и теперь участь...
» строки 19—20 ...или самая смерть моя была ли сильна удержать стремленіе...
» строка 22 ...здѣлать ничего не могъ. Правда, ежели судить...
» » 26 ...умышленнаго *(встаетъ)*.
» » 29. Екате. (къ предстоящей тѣни). Вели послать ко мнѣ...
» строки 31—32 ...при жизни еще мною здѣлано...
Стр. 90, строка 5 ...но человѣкъ... Павелъ!..
» » 10 ...поляхъ радостной крикъ. Всѣ тени, а особливо военныя...
» строки 18—19 ...народа. Не народное ли это...
» » 19—20 ...не французская ли пропоганда?
» строка 23. Не безпокойтесь, здѣсь всё намъ...
» » 24 ...войны ни съ кемъ не ведемъ, а развѣ...
» » 27. Суворовъ идетъ въ отставку.
Стр. 91, » 1 ...непріятнымъ случаемъ въ пути...
» » 2 ...по новой тактикѣ...
» строки 5—6 ...войны ни съ кемъ не ведемъ...
» » 15—16 ...и уповаю... долженъ будетъ оставить...

Стр. 91, строка 22 ...но какъ у великаго Могола и у Китайскаго...
» » 27 ...*Екат.* Какая мнѣ...
» » 29. Правда, послѣдней хотя граничитъ Россіи...
» строки 33—34 ...салдаты ходятъ въ пукляхъ, напудривши...
Стр. 92, строка 2 ...будутъ лучче и храбрея, но стрѣляютъ худо...
» » 4 ...умножается, хотятъ, сказываютъ ...населить...
» » 11—12 ...здесь найти изволите отличныя дѣла...
» » 17—18 ...труда весь его прочитать; материнская...
» » 22 ...страданіе! Сколько нещастныхъ безвинно страждущихъ! Сколько чиновниковъ...
» » 23 ...въ крѣпостяхъ!.. на всякое состояніе людей...
» строки 25—26 ...людямъ роздано казенныхъ крестьянъ, земель, денегъ, вещей. Классъ землѣдѣльцовъ, толико... полѣзный...
» строка 27. Лѣса всѣ отняты; тѣ, коимъ ввѣрено ихъ охраненіе...
» » 30 ...живущихъ праздно...
» » 32 ...изъключенныхъ изъ службы генераловъ...
» » 34 ...скоро доставались...
Стр. 93, » 1 ...маршъ — изключенъ! За то много генераловъ...
» » 2 ...а напротивъ того, прежде всякой офицеръ имѣлъ состояніе.
» » 3. *Екатерина, читая*... чиновникамъ...
» строки 4—5. Глупецъ тирана, изъ подлости возстановленнаго, по связямъ домашнимъ, дѣлаетъ начальникомъ, а сей...
» » 9—10 ...прекращаютъ жизнь свою.
» строка 14 ...Павелъ, всему конецъ *(бросаетъ бумагу).*
» строки 19—20 ...вооружили сильный флотъ, каковаго доселѣ...
» строка 23 ...Павелъ I-й, намѣренъ, выключая Францію... объявить войну...
» » 25 ...и заклинаетъ: простри...

Стр. 93, строки 28—29 ...вамъ сей же часъ представить Павла *(Смерти съ глубочайшимъ повиновеніемъ, поклонясь, уходятъ).*

» » 31—32 ...И, какъ видно, въ послѣдствіи за Мальту будутъ драться?

» строка 33 ... принявъ сей Мальтійскій орденъ...

Стр. 94, строки 1—2 ...командорства, состоящія въ помѣстьяхъ и въ деньгахъ; раздавалъ оныя. Но какъ денегъ и помѣстьевъ на то...

» » 4—6 ...по улицамъ, чтобъ съ дюжину сихъ кавалеровъ не повстрѣчать; выключая дворянъ, купецъ, актіоръ...

» строка 11 ...вотъ одно желаніе всѣхъ...

» » 14. — Великая Імператрица!..

» » 17. *2-я Смерть.* Великая Імператрица! нѣтъ...

» » 28 ...*Смерть, необычайнаго росту). Белая Смерть.* Пришла...

» » 32 ...гдѣ былъ любимой...

Стр. 95, » 3 ...подъ нимъ здѣланы...

» » 4 ...и въ нихъ заключенныя узники...

» строки 7—8 ...помѣщаются до трехъ тысячъ войскъ, кои тамъ имѣютъ свои казармы... это то же...

» строка 9 ...но преимущественнее тѣмъ...

» строки 18—19 ...ты когда о концѣ дней своихъ... долженъ дать все Создавшему? Стонъ и вопль нещастныхъ жертвъ, тобою безвинно терзаемыхъ, проникнулъ сводъ...

» » 20—21 ...въ сообществѣ съ тѣнями Россіянъ, кои тобою гнушаются. *(Бѣлой...*

» строка 23 ...я ему въ волю. *Бѣлая Смерть, подернувъ за концы шарфа, пошла съ Павломъ къ королю Прусскому и по дорогѣ, увидѣвъ кучу тѣней, окружающихъ одну тѣнь, подошедъ, увидѣли, что это Суворовъ, окруженъ воинскими тѣ-*

нями Россіянъ, держалъ въ рукахъ планъ атаки Англичанами Александріи; а увидѣвъ Бѣлую Смерть, ведущую на шарфѣ Павла, закричалъ ко всѣмъ тѣнямъ: «Саржируй!» И когда Бѣлая Смерть, примѣтивъ, что толпа тѣней, собравшаяся около Суворова, сдѣлала подобающую ему честь, отправилась въ свой путь, Суворовъ вслѣдъ кричалъ: «Маршъ, маршъ, маршъ!»

Стр. 96, строки 5—6... предоставила въ волю Вашего Величества.

» строка 10 ... понимаю, что тебѣ надобно, Павелъ 1-й лишенъ престола.

» » 15 ...но много ли ты на свои достоинства можешь полагаться?

» » 23 ...какъ ты куралесилъ и всіо переворачивалъ на выворотъ. Ну, гдѣ...

Стр. 96, строки 24 — 25 ...тебя какимъ начальникомъ... форму здѣлаешъ. *(Дневальному гусару)*

» » 27—28 ...*книгу. Король надѣваетъ очки* ...все много *(Къ Павлу)*. Послушай...

» строка 30 ...слишкомъ много для тебя будетъ здѣлано... Но быть такъ! ежели не станешь...

» строки 32 — 33 ...въ кавалерійскомъ генералъ-лейтенанта фон-дер-Шица полку...

Стр. 97, строка 1 ...адъютанту и отдай сію записочку, вели...

» » 4 ...*кнутъ). Пруской Король*. Браво! во всей формѣ! оборотись немного!... Немного надобно косу повыше! *(къ тѣнямъ)*...

» » 5 ... шалунъ и негодяй. Ступайтѣ!

» » 7 ...*мѣсто, а Суворовъ съ окружающими тѣнями преслѣдовалъ Павла до самаго жилища Фридерика Великаго, взирая со удивленіемъ на новую моду, что шарфъ вмѣсто краснаго гал-*

стука здѣлался въ употребленіи. И когда вели назадъ совсѣмъ уже обмундированнаго, то Суворовъ, увидя въ новомъ одѣяніи, со всѣми тѣньми, осмотря одѣжду, сказалъ:

«Помилуй, Богъ, какъ хорошо!»

повторяя нѣсколько разъ оное.

Конецъ.

Николай Виноградовъ.

Стихотворенія Н. Ѳ. Щербины.

(Поправки и дополненія).

Полнаго собранія произведеній этого поэта у насъ еще нѣтъ, но появленіе его—несомнѣнно, вопросъ ближайшихъ нѣсколькихъ лѣтъ. Въ нашихъ богатѣйшихъ хранилищахъ рукописей—Императорской Публичной Библіотекѣ и московскомъ Румянцовскомъ музеѣ находятся нѣкоторые манускрипты Щербины; тѣми, которые хранятся въ Москвѣ, пользовался Н. П. Кашинъ, помѣстившій описаніе ихъ въ «Литерат. Вѣстникѣ» 1904 г. и напечатавшій въ предыдущей книжкѣ настоящихъ «Извѣстій» нѣсколько извлеченій изъ нихъ. Сообщеніе г. Кашина нуждается въ нѣкоторыхъ поправкахъ. Изслѣдователь использовалъ рукописи безъ сличенія ихъ съ тѣмъ, что было напечатано и самимъ Щербиною, и послѣ смерти поэта, и счелъ новинками одиннадцать пьесъ, уже ставшихъ, въ разное время, достояніемъ печати. Многія изъ опубликованныхъ въ этомъ сообщеніи стихотвореній находятся въ рукописномъ отдѣленіи Имп. Публичной Библіотеки (см. ея Отчетъ за 1898 г., стр. 63—77) въ подлинникахъ, съ которыхъ были напечатаны пишущимъ настоящія строки.

Не нова, за исключеніемъ лишь перваго четверостишія, сообщенная г. Кашинымъ *Пляска*. Она напечатана въ «Русс. Старинѣ» 1906 г., декабрь, стр. 686, съ подлинника, находящагося во второй тетради «Первоначальныхъ опытовъ» Щербины, стр. 118 (Отчетъ И. П. Библ., стр. 64—65). Разница въ текстахъ ничтожная.

Пиръ, подъ заглавіемъ «Пиръ въ Хіосѣ», былъ напечатанъ Г. П. Данилевскимъ («Изъ литературныхъ воспоминаній. Н. Ѳ. Щербина») въ

«Историч. Вѣстникѣ» 1891 г., январь, стр. 59. Новы лишь послѣдніе десять стиховъ, впрочемъ не отдѣланные.

Подводная роза напечатана въ «Русс. Старинѣ» 1907 г., апрѣль, стр. 199, съ подлинника, находящагося во второй тетради «Первоначальныхъ опытовъ» Щербины; она записана также въ другой рукописи, № 5 (по Отчету, стр. 66), съ датою: «12 апрѣля 1843 г.».

«Разсказъ о жизни» находится въ первой тетради «Первоначальныхъ опытовъ» (Отчетъ, стр. 63—64), стр. 11—12, подъ заглавіемъ: «Въ альбомъ В. Ѳ. К***»; редакція, сообщенная г. Кашинымъ, лучше и полнѣе, но петербургская рукопись даетъ лучшій текстъ 4-го стиха: «*выжму* слезы изъ очей» вмѣсто южнаго провинціализма «вызву».

Встрѣча была напечатана самимъ Щербиной въ альманахѣ «Молодикъ» на 1844 г., изящная словесность, стр. 25—26.

Письмо напечатано въ «Русс. Стар.» 1906 г., декабрь, стр. 691, съ подлинника («Первоначальные опыты», тетр. II, стр. 15—16).

Смотрю на васъ я грустными очами... Эта пьеса была напечатана въ «Историч. Вѣстн.» 1906 г., октябрь, стр. 233, съ подлинника («Тетрадь стихотвореній 1844—1846 гг.», стр. 2, — Отчетъ, стр. 65); первые четыре стиха появились еще раньше, въ Отчетѣ, l. c.

Мнѣ нечего отъ жизни ожидать...—напечатано въ «Русс. Стар.» 1906 г., декабрь, 690, съ подлинника («Первоначальные опыты», тетр. II, стр. 25—26).

Осеннее чувство напечатано въ «Историч. Вѣстникѣ» 1906 г., октябрь, 233, съ подлинника (ibid., стр. 22—23).

Впечатлѣнія—черновая (это видно хотя бы изъ словъ: «небо *знойное прохладной* пеленой»...) часть пьесы «Въ уединеніи» (см. «Полное собраніе сочиненій Щ.», Спб., 1873, стр. 240—241).

Сопернику. Это стихотвореніе было напечатано въ «Русс. Старинѣ» 1906 г., декабрь, стр. 691, съ подлинника («Первоначальные опыты», тетр. II, стр. 6—7).

Καλὴ νύχτα σας—напечатано, и въ болѣе полной редакціи, въ «Историч. Вѣстн.» 1906 г., октябрь, стр. 236, съ помѣтами: «Таганрогъ, 1841 г.», съ подлинника («Первоначальные опыты», тетр. I, стр. 5—7; другой автографъ находится также въ Публичной Библіо-

текѣ—см. Отчетъ, стр. 70, № 17[6]—съ той же датой и еще одною: «Іюнь 1838»).

Новый Годъ напечатанъ въ «Русс. Стар.» 1907 г., апрѣль, стр. 195, съ подлинника, находящагося въ Публичной Библіотекѣ, тетр. № 4 (по Отчету, стр. 66), стр. 33, съ помѣтами: «Москва, 1 января 1853 года»; пьеса упоминается въ Отчетѣ (ibid.).

Пользуемся случаемъ сообщить кстати нѣсколько эпиграммъ Щербины, частью не появлявшихся въ печати, частью сильно сокращенныхъ цензурою. Первыя четыре находятся въ 6-ой тетради Публич. Библіотеки (по Отчету, стр. 67) «Альбомъ ипохондрика»; три слѣдующія—въ 8-ой тетради (по Отчету, стр. 68) «Для себя. Путевые и доморощенные наброски русскаго лѣнивца и ипохондрика»; послѣдняя—въ 9-ой тетради (по Отчету, стр. 68) «Современная лѣтопись».

I.

Всеобщій благопріятель.

Онъ межъ холопами считался мудрецомъ
За то, что мысль давить была его отрада;
Онъ былъ фельдфебелемъ подъ ....
И балетмейстеромъ военнаго парада.

1854.

Въ изданіи 1873 г., стр. 303, напечатаны первые два стиха.

II.

Въ альбомъ ребенка.

Будь въ жизни прямъ и непритворенъ,
Враждуя съ ложью и со зломъ,
И да не будетъ опозоренъ
Твой фракъ звѣздою иль крестомъ.

1857.

Въ изданіи 1873 г., стр. 310, напечатаны первые два стиха.

III.

Русская исторія.

(Посвящается отечественнымъ государственнымъ людямъ).

Одно мы предъ судомъ народовъ
Собой способны доказать,—
Что можетъ . . . .
Народомъ умнымъ управлять.
Насколько тупъ синклитъ. . . . .,
Настолько даровитъ народъ,
И это въ Руси православной
Чрезъ всю исторію идетъ. . . .
Умѣрь же свой восторгъ и клики,
Устряловъ, старый балагуръ:
Мы видимъ,—даже Петръ Великій
Былъ геніальный самодуръ.

С.-Пб.
1859.

Въ изданіи 1873 г., стр. 316, помѣщено только послѣднее четверостишіе.

IV.

Вопросы и отвѣты.

Кто ходъ людей сдержалъ отъ вѣка,
Кѣмъ скованъ генія полетъ,
Кто, дикимъ дѣтствомъ человѣка
Коварно пользуясь, живетъ?
— Сосуды Божіихъ законовъ,
Предвѣчной истины столпы,
Опора всѣхъ возможныхъ троновъ,
Царелюбивые попы.

1859.

Первый стихъ упоминается въ изданіи 1873 г., стр. 439, а первое четверостишіе, подъ заглавіемъ «Вопросъ» и съ подписью: «Викентій

Курильскій», напечатано въ «Русской Старинѣ» 1891 г., мартъ, стр. 676.

V.

Теперь.

Повсюду печать кретинизма
Отечество кажетъ мое:
Внизу—дурачье нигилизма,
Вверху—изъ д. . . . дурачье.

7 іюня 1867.

Первый стихъ упоминается въ изданіи 1873 г., стр. 439.

VI.

Энциклика.

Рескриптъ тринадцатаго мая—
Примѣръ консерватизма намъ:
Всѣхъ либераловъ осуждая,
Онъ ихъ оставилъ по мѣстамъ.

Старая Русса.
Іюнь 1866.

Заглавіе упоминается въ изданіи 1873 г., стр. 439.

VII.

Министерству.

Ты тупоумно, непристойно,
Проказа родины моей,
И оказалось ты достойно
Лишь оппозиціи дѣтей.
Своихъ реформъ ты жалкій плѣнникъ,
Прямой прогрессъ тебѣ тиски. . .

Довольно:—съ «Искрой» «Современникъ»
Тебя достойные враги!

11 апрѣля (1862 г.?)

Первый стихъ упоминается въ изданіи 1873 г., стр. 439. Эпиграмма направлена противъ министерства народнаго просвѣщенія.

VIII.

По государственной логикѣ.

Когда бы, краснаго исполненъ изувѣрства,
Я революціи для родины желалъ,
То вѣрно бъ сдѣлался иль членомъ министерства,
Иль съ ребятишками на каторгу попалъ.

10 декабря 1867.

Заглавіе (впрочемъ, измѣненное) упоминается въ изданіи 1873 г., стр. 440.

Н. Лернеръ.

Научная дѣятельность Н. И. Надеждина въ освѣщеніи проф. Е. А. Боброва.

Любопытную оцѣнку научной дѣятельности Надеждина находимъ въ статьѣ г. Боброва, помѣщенной въ первой книжкѣ *Извѣстій Отдѣленія Русскаго языка и словесности* за 1909-й годъ (114—124). По мнѣнію автора статьи, Надеждинъ, при всѣхъ своихъ дарованіяхъ, былъ человѣкъ «сомнительной учености». «Оборотистый рязанецъ» умѣлъ «ослѣплять» своихъ слушателей «фейерверкомъ кудрявыхъ фразъ», которыя «подкупали», несмотря на «бѣдность внутренняго содержанія». Бѣдность содержанія сказалась и въ диссертаціи, этой «журнальной статейкѣ», «переведенной по-латыни», и особенно въ лекціяхъ по исторіи искусствъ и археологіи. Въ самомъ дѣлѣ,—разсуждаетъ г. Бобровъ: «какія произведенія живописи, скульптуры, а тѣмъ болѣе архитектуры Вавилона, Египта и Греціи могъ онъ видѣть, сидя въ Москвѣ и Рязани?» «Получивъ каѳедру по совершенно чуждому ему предмету», онъ «поневолѣ принужденъ былъ пускаться вмѣсто детальнаго изложенія и описанія памятниковъ—въ общія разглагольствованія о философіи и исторіи, говорить не о самихъ памятникахъ, а якобы по поводу ихъ... Благодаря отсутствію спеціальныхъ знаній, неимѣнію плана лекціи, и даже не подчитавшись для нея наканунѣ, «чего-чего не принужденъ былъ касаться», чтобы наполнить часъ»....

Читая замѣтку г. Боброва, нельзя не признать, что «отсутствіе спеціальныхъ знаній», если оно было дѣйствительно, повредило успѣху профессорской дѣятельности Надеждина. Нѣтъ сомнѣнія, что неосвѣдомлен-

ность всякаго ученаго въ той области, о которой онъ трактуетъ, всегда приводитъ къ неимѣющимъ никакой цѣнности «общимъ разглагольствованіямъ». Но вотъ вопросъ: страдалъ ли подобнымъ невѣжествомъ Надеждинъ? Мы не будемъ перечислять достоинствъ его диссертаціи, такъ какъ не разъ говорили по этому поводу[1]); не будемъ также доказывать, что «журнальныхъ статеекъ», подобныхъ книгѣ «De Pöesi Romantica», нѣтъ ни въ одномъ періодическомъ изданіи 1820-хъ и 1830-хъ годовъ. Обратимся къ лекціямъ.

Мы въ правѣ высказать предположеніе, что г. Бобровъ тщательно изучилъ какой-либо неизвѣстный намъ курсъ лекцій Надеждина, потому что иначе онъ, при своей точности и осторожности, не сталъ бы произносить безпощадный приговоръ надъ популярнымъ московскимъ профессоромъ. Этотъ неизвѣстный курсъ лекцій тѣмъ любопытнѣе, что, по своимъ качествамъ, онъ рѣзко расходится съ лекціями *по археологіи*, найденными нами въ бумагахъ Надеждина. Лекцій, какъ мы указывали въ свое время[2]), очень немного (пять-шесть), но и онѣ даютъ возможность судить объ обширной эрудиціи ихъ автора. Какъ же ухитрился Надеждинъ, «сидя въ Москвѣ и Рязани», ознакомиться съ «произведеніями живописи, архитектуры и скульптуры»? Отвѣтъ простой: онъ перечелъ массу книгъ по своей спеціальности и на основаніи ихъ подробно описывалъ студентамъ разные памятники, начиная съ индійскихъ святилищъ, расположенныхъ на Элефантѣ и Сальсеттѣ, кончая этрусскими вазами и урнами. Прежде чѣмъ занять каѳедру, Надеждинъ изучалъ и общіе курсы по археологіи, и отдѣльныя монографіи, и историческія сочиненія, въ которыхъ можно было найти что-либо касающееся его спеціальности, и описанія путешествій, особенно по Востоку. Въ его лекціяхъ встрѣчаются ссылки на труды К. О. Мюллера[3]), Рауль-Рошетта[4]), Вис-

---

1) *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1908, № 11, стр. 42—80; 1909, № 9, стр. 79—149.

2) Тамъ же, 1907. № 5, стр. 136—137.

3) Handbuch der Archäologie der Kunst. Breslau, 1830.

4) Cours d'Archéologie. Paris, 1828.—Monuments inédits d'antiquité figurée. Paris, 1828.

конти[1]), Zoega[2]), Беттигера[3]), Винкельмана[4]), Геерена[5]), Анк.-Дюперрона[6]), Кер-Портера[7]), Рича[8]), Валенція[9]), Гаафнера[10]), Сентъ-Круа[11]), Нибура[12]); Геродота, Санхуніаеона, Діодора и мн. др. Здѣсь же приведены выдержки изъ Asiatick Researches, Description de l'Egypte, Encyclopédie, ou dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers, изъ Le grand dictionnaire historique (L. Moréri) и т. д.

Недурные рисунки, приложенные къ нѣкоторымъ изслѣдованіямъ, иногда даже цѣлые атласы являлись цѣннымъ матеріаломъ для университетскаго курса. И свѣдѣнія, почерпаемыя изъ этихъ изслѣдованій, по словамъ современниковъ, Надеждинъ излагалъ «очень толково, понятливо и ясно», «поражая слушателей строгой послѣдовательностью мысли», что свидѣтельствовало о серьезной домашней подготовкѣ къ лекціямъ.

Таковы факты, противорѣчащіе выводамъ, которые сдѣлалъ г. Бобровъ на основаніи невѣдомыхъ намъ матеріаловъ.

Г. Бобровъ прибавляетъ, что Гончаровъ осмѣялъ Надеждина въ лицѣ Ивана Семеновича, выведеннаго въ «Обыкновенной Исторіи». Но, по нашему мнѣнію, въ романѣ осмѣянъ не профессоръ, а восторженные идеа-

---

1) Точно опредѣлить сочиненіе, изъ котораго приведены въ лекціяхъ выдержки, намъ не удалось.

2) De origine et usu obeliscorum. Romae, 1797.—Nummi Aegyptii imperatorii. Romae, 1787.

3) Andeutungen zu vier und zwanzig Vorträgen über die Archaeologie im Winter 1806. Dresden, 1806.

4) Werke, herausgegeben von H. Meyer und J. Schulze. (Geschichte der Kunst des Alterthums). Dresden, 1809—1815. B. III—VI.

5) Ideen über die Politik, den Verkehr und den Handel der vornehmsten Völker der alten Welt. Göttingen, 1815.

6) Zend-Avesta, ouvrage de Zoroastre. Paris, 1771. Discours préliminaire ou introduction au Zend-Avesta.

7) Travels in Georgia, Persia, Armenia, ancient Babylonia etc. London, 1822.

8) Memoir on the ruins of Babylon. London, 1818.

9) Voyages and travels to India, Ceylon, the Red sea, Abyssinia, and Egypt. London, 1809.

10) Voyages dans la péninsule occidentale de l'Inde et dans l'île de Ceilan. Paris, 1811.

11) Dissertation sur la ruine de Babylone. Paris, 1808.

12) Reisebeschreibung nach Arabien und andern umliegenden Ländern. Kopenhagen, 1778.

листы 30-хъ гг., съ которыми, по справедливому указанію Н. С. Тихонравова, Гончаровъ не сближался даже въ ту пору, когда самъ былъ «сентиментальнымъ романтикомъ» [1]). Если племянникъ Адуева, говоря *дикимъ* языкомъ, думалъ, что говоритъ стилемъ профессора эстетики,— значитъ ли это, что такъ говорилъ и послѣдній? И если тотъ же юноша, кстати и некстати выхватывая цитаты изъ произведеній Пушкина, вызывалъ ироническія замѣчанія дядюшки [2]),—значитъ ли это, что и прекрасное стихотвореніе: «Я помню чудное мгновенье», вызоветъ ироническую улыбку читателя?—Симпатіи г. Боброва, видимо, не на сторонѣ студенческой молодежи, любовно изображенной Тургеневымъ въ его романѣ «Рудинъ». Пылкіе энтузіасты кажутся ему «бѣсноватыми». Но изъ этого кружка «бѣсноватыхъ» вышли Станкевичъ, К. Аксаковъ, Бѣлинскій. И на ряду съ ихъ славными именами, которыми гордится Россія, какъ блѣдны и тусклы имена «дѣльныхъ чиновниковъ» Адуевыхъ, основательно забытыхъ потомствомъ.

Н. Козминъ.

---

1) Доказательствомъ сочувственнаго отношенія *студента* Гончарова къ Надеждину можетъ отчасти служить то обстоятельство, что именно въ *Телескопѣ* (1832, № 15) помѣщенъ первый литературный опытъ нашего романиста (Отрывокъ изъ романа Е. Сю «Атаръ Гюль»).

2) И. А. Гончаровъ. Полное собраніе сочиненій. СПБ. 1896, т. I, стр. 56, 58.

Описаніе говора с. Бодачевки (Колодіевки), Ушицкаго у., Подольской губерніи*).

С. Бодачевка находится въ сѣверо-западной части Подольской губерніи въ пяти верстахъ отъ р. Днѣстра и въ тридцати пяти отъ г. Каменецъ-Подольска. Населеніе села, за исключеніемъ двухъ польскихъ семействъ, украинское; занимается оно исключительно хлѣбопашествомъ. Факторовъ, вліяющихъ на мѣстный говоръ, въ родѣ: близости фабрикъ, мѣста постоя войскъ, города или отхожихъ промысловъ — нѣтъ. Правда, малоземельный элементъ мѣстнаго населенія отправляется иногда на лѣтнія полевыя работы въ сосѣднія Бессарабскую и Херсонскую губерніи, но отправляется очень незначительный процентъ населенія (1 — $1^1/_2$%) и притомъ не каждый годъ, такъ что едва-ли приходится объ этомъ говорить, какъ о факторѣ вліянія на мѣстный говоръ.

Въ качествѣ иллюстрацій къ нашему описанію говора, мы сдѣлали

---

*) Примѣчаніе. Двоякое названіе села объясняется тѣмъ, что Колодіевка лишь въ 1798 г. была приписана къ Бодачевкѣ; до этого года Колодіевка была самостоятельнымъ приходомъ. Въ настоящее время Колодіевка и Бодачевка представляютъ собой двѣ половины одного села, сохраняющія свои названія у мѣстнаго населенія. Оффиціальное названіе села—Бодачевка, почему и мы его такъ будемъ называть. По чисто случайнымъ обстоятельствамъ, записи на фонографѣ сдѣланы нами въ одной половинѣ села—Колодіевкѣ; но наблюденія нами производились въ обѣихъ частяхъ села, въ говорѣ которыхъ никакой разницы нѣтъ.

рядъ записей на фонографѣ въ с. Бодачевкѣ (въ одной его части — Колодіевкѣ) и въ сосѣднемъ селѣ (въ пяти верстахъ отъ Б.) — Субочѣ. Въ Колодіевкѣ наговаривали: Степанъ Ирынычъ (52 лѣтъ, неграмотный, въ солдатахъ не былъ, коренной житель села), Стратій Костынюкъ—20 лѣтъ, неграм., Өедора Радецкая — 16 л., неграм. и Иванъ Скрыпнюкъ — 15 лѣтъ, грамотн. Въ с. Субочѣ наговаривала Елена Марунчакъ—30 лѣтъ, неграм. Въ говорѣ с. Бодачевки и с. Субочи мы не наблюдали никакой разницы.

Приношу здѣсь мою искреннюю благодарность вышепоименованнымъ лицамъ равно какъ и всѣмъ, помогавшимъ мнѣ въ работѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ выражаю глубокую благодарность Отдѣленію русскаго языка и словесности за предложенную мнѣ командировку.

I. ФОНЕТИКА.

Прежде всего познакомимся со звуками бодачевскаго говора. Начнемъ съ гласныхъ.

Гласныя.

Въ говорѣ с. Бодачевки мы можемъ указать слѣдующія гласныя: а, u(у), û [1]), ů, о, ô, у^{з}(ы), ŷ^{з}, у$^{\bullet}$, у^{8}, ŷ^{8}, ė, e̍, ȧ, i, i̍, е, ê.

Изъ этого ряда гласныхъ ů—это звукъ средній между u и о, а у$^{\bullet}$— звукъ средній между у^{8} и ė.

Лабіализованныя гласныя: u, û, ů, о, ô.
Нелабіализованныя гласныя: а, у^{з}, ŷ^{з}, у$^{\bullet}$, у^{8}, ŷ^{8}, e̍, ė, ȧ, i, i̍, е, ê,

По рядамъ гласныя распредѣляются такъ:

Задній рядъ: а, u, û, ů, о, ô.
Средній рядъ: у^{з}, ŷ^{з}, у$^{\bullet}$, ė, e̍, ȧ

---

1) Такимъ знакомъ ^ (крышкой) мы обозначаемъ напряженный (закрытый оттѣнокъ звука.

средне-передній: ŷ^3, y^3
передній рядъ: i, î, e, ė.

Для наглядности мы помѣщаемъ таблицу гласныхъ звуковъ бодачевскаго говора.

	задн. р.		задн.-ср.		средн.		ср.-п.		передн.		
нелабіал.					ŷ^3	y^3	ŷ^3	y^3	î	i	верхнія
						y$^{\bullet}$					верхн.-ср.
					ê	ė			ė	e	среднія
		a				ȧ					нижнія
лабіализован.	û	u									верхнія
		ů									верх.-ср.
	ô	o									среднія
											нижнія
	нап.	нен.	нап.	нен.	нап.	нен.	нап.	нен.	нап.	нен.	

Гласныя задняго ряда лабіализованныя.

Гласная û- это напряженный оттѣнокъ гласной u. Говоря о напряженности гласныхъ, мы должны заявить, что указать точно и съ полной увѣренностью условія напряженности гласныхъ мы не беремся, такъ какъ этотъ вопросъ является довольно тонкимъ и труднымъ.

Гласная û, кажется, всегда звучитъ въ положеніи подъ удареніемъ. Напр., bûų′ [1]), jimû′, pû′xnuty^2, sû′d, но sudy^{2}ty^2.

Кромѣ обще-украинскаго (малорус.) u (y) изъ стараго оу и ѫ, бодачевскій говоръ имѣетъ діалектическое u изъ неударяемаго o, напр., ubíd, ukr'íp, pur'íh, ruzúmny^{2}j̣, mujú, puský^{2}dáty^2 и т. д. Объ условіяхъ такого перехода o въ u рѣчь будетъ немного ниже (см. гласную o). Вотъ это діалектическое u изъ неударяемаго o намъ кажется всегда напряженнымъ. Напр., ûbíd, ûkíp, tûbí, pûûbídaty^2, pûrûsyk^{2}dáty^2, (ḥ)ûbýdva, и т. д.

Примѣч.: Въ нѣкоторыхъ словахъ u(y) перешло въ i, именно: въ fíra, sk'íra, d'írá или d'urá, d'ibróva, uḥ'irók, ḥl'ibóky^{2}j̣ [2]).

---

1) Такъ (ų) изображаемъ неслоговое u.

2) Понятно, этотъ переходъ u въ i, какъ a въ ė или i въ нѣкоторыхъ словахъ—не фонетическій, но мы упоминаемъ объ этомъ въ фонетикѣ, считая болѣе удобнымъ отмѣтить такіе переходы подъ соотвѣтствующей гласной.

Гласная ů, какъ мы замѣтили раньше, это средній звукъ между u и o; онъ слышится, напр., въ такихъ случаяхъ, какъ z ḥarnůju d'iu̯-čy³nůju, růzúmny³i̯ и т. д. Условія, при которыхъ онъ можетъ быть, сейчасъ будутъ выяснены.

Гласная ô—напряженный оттѣнокъ гласной o. Указать точно условія, при которыхъ o въ описываемомъ говорѣ бываетъ напряженнымъ нельзя, такъ какъ въ данномъ отношеніи здѣсь не наблюдается устойчивости и постоянства. Ударное o звучитъ всегда напряженнымъ передъ неслоговымъ u, напр., pišốu̯, drốu̯, wốu̯k, zdorốu̯l'a и т. д., а также часто передъ слогомъ съ u, напр., mốmu, twốmu, u̯ sołốmu, nốḥu и т. д. Неударное o бываетъ напряженнымъ передъ неслоговымъ u, напр., pôu̯by°ráu̯s'a, wôu̯ký³, а также при тѣхъ условіяхъ, при которыхъ оно можетъ переходить въ u, т. е. передъ слогомъ съ i и u, часто передъ слогомъ съ y(ы) и иногда передъ слогомъ съ a и o. Притомъ на напряженность o вліяетъ, кажется, присутствіе губной или ł передъ o или послѣ o. Примѣры: pôr'îž, xôd'îm, rôzúmny³i̯, hôłúpka, pôrôšky³-dáty³, wôný³ при woný³, pôpá, kôn'a при kon'á, pô łáu̯c'i, wôrốška, kôrôbôčka и т. д.

Гласная неударяемая o часто, какъ мы сказали, переходитъ въ бодачевскомъ говорѣ въ u(y) или ů. Разсмотримъ условія этого перехода.

Условія перехода неударяемаго o въ u (уканіе).

Въ данномъ случаѣ мы, естественно, различаемъ двѣ позиціи неударяемаго o: неударяемое o въ слогахъ до ударенія и въ слогахъ послѣ ударенія. Сначала разсмотримъ условія перехода неударяемаго o въ u въ слогахъ передъ удареніемъ.

Условія перехода неударяемаго o въ u въ слогахъ передъ удареніемъ.

Неударяемое o въ слогахъ передъ удареніемъ (независимо отъ ихъ мѣста отъ ударенія) въ положеніи передъ слогомъ (ударнымъ и неудар.) съ i въ большинствѣ случаевъ звучитъ какъ u; передъ слогомъ съ u переходъ o въ u рѣже. Говоря, что въ указанной позиціи o въ большинствѣ случаевъ звучитъ какъ u, мы этимъ хотимъ сказать то, что неуд. o въ положеніи передъ слогомъ съ i, тѣмъ болѣе съ u, у одного и того же лица, даже въ однѣхъ и тѣхъ-же формахъ, можетъ звучать и какъ чистое o и какъ u или ů, но гораздо чаще (почти всегда) оно переходитъ въ u,

по крайней мѣрѣ, передъ слогомъ съ i. Замѣтимъ, что о непосредственно предшествующаго слога передъ о, перешедшимъ въ u, звучитъ обыкновенно также какъ u. Примѣры: a) о въ u передъ i: uk'ïp, puk'ïs, ubïd, xud'ïm, pus'pïu̯, pur'ïzaty², twuji, muji, duc̱'ï [1]) (dat. sing. отъ dočka), ukr'ïp, ubr'ïk (оброкъ), zabul'ïło, ruz'ih̦r'ïty², ubizvałas', pustr'il'áty², pu pid nèbo, du r'ïčky², du l'ïsa, pu l'ïs'i, šu vïn (что онъ) и т. д. Но въ указанной позиціи о можетъ сохраняться. Напр., pos'pišý³, proh̦r'išý³u̯, ozmi'm при uzmím, roz'ih̦r'ïje при ruz'ïh̦rije (у одного и того же лица), do ž'ïŋky² при du vi'tru, pôr'ïž при pur'ïzaty² (у Степана Ирыныча фоногр. № 1), rozd'ïły²ms'a, h̦oršk'ïu̯ при h̦uršk'ïu̯ и т. д.

Неударное о въ указанномъ положеніи, конечно, можетъ звучать и какъ ů.

b) о въ u передъ u. h̦ułupka при h̦ołúpka, pubúdu при pobúdu, ruzúmny²j̯ при rozúmnyj̯², kutrú, du kúč'i, du xudóby², zwujuváty², twujú, uzmu при ozmú, rusún'ty²s'a, pułú и т. д. Неударяемое о передъ u часто звучитъ какъ ů. Напр., růzúmny²j, půdúšy°čka и т. д.

c) о въ u въ непосредственно предш. слогѣ передъ u изъ о: u̯ sturun'ï, puubïdau̯, ruzdubúdu, mułud'ï (dat. sing. ж. р. и nom. pl.), du wuh̦n'ú, du sus'idy², pu pud'ï (по чердаку) и т. д.

Есть какъ будто рядъ формъ, въ которыхъ неудар. о въ указанной нами позиціи, т. е. передъ i и u, всегда звучитъ какъ u; по крайней мѣрѣ, намъ не приходилось ихъ слышать съ о. Къ такимъ формамъ, напр., относятся: ubïd, ukr'ïp, pukl'ïn, ubr'ïk, h̦ur'ïx (орѣхъ), puk'ïs, uk'ïp, wuh̦n'ú, subï, tubï (при рѣдкомъ tobï въ пѣніи), kul'ïno, twujú, mujú, čułuvïk и т. д. Подвести эти формы подъ какія-нибудь категоріи мы не можемъ.

Изъ сказаннаго ясно, что наше уканіе, т. е., переходъ неударнаго о въ u и въ положеніи передъ i и u, не имѣетъ характера необходимости и постоянства великорусскаго аканья.

О неударяемомъ о въ слогахъ до ударенія въ положеніи передъ слогами съ другими гласными (a, y², y³, ė, о ударнаго) надо сказать, что намъ

---

1) Чертой подъ буквой обозначаемъ долготу соотвѣтствующаго звука.

приходилось наблюдать нѣсколько безспорныхъ случаевъ перехода неуд. о въ u въ положенія передъ y², y³(ы). Напр., у многихъ мы слышали: puskу²dáu̯, pudy²víms'a, sxupý²u̯ (схватилъ), ubý²dva, muḥy²ła, puruskу²dáu̯, puvy³biḥáły², pučy²py²u̯. Обыкновенно о передъ y²(ы), y³ сохраняется.

Неударяемое о передъ слогомъ съ а, а особенно передъ слогами съ ė и ударнымъ о, можно сказать, не переходитъ въ u. Выражаемся осторожно потому, что намъ приходилось слышать kupajty° (копайте), murḥáje, ḥůrá, kul'aduváty², puvečė́rau̯ и du(dů)dómu.

Слѣдовательно, неударяемое о въ слогахъ до ударенія почти всегда переходитъ въ u въ положеніи передъ слогомъ съ i, часто передъ u(у) и только иногда передъ y², y³(ы).

Условія перехода неударяемаго о въ u и ů въ слогахъ послѣ ударенія.

Неударяемое о въ слогахъ неконечныхъ послѣ ударенія можетъ переходить въ u или ů въ положеніи послѣ слога (удар. и неудар.) съ u или передъ слогомъ съ i или u (ju). Примѣры: a) (послѣ u) drúḥuḥo, xútkuḥo, s̱ úbuč'i (изъ Субочи), s pókupkuju, φústkuju (платкомъ), wołoc'úḥuju и т. д. b) (передъ i) dóbruji, ḥárnuji, n'ijákuji, vý²zduruviu̯, vy²ḥur'iły², vy²ḥuju̯ и т. д. c) (передъ u) koróbučku, ḥółuwu, dołon'uju, božý³c'uju (богиней) и т. д.

Неударное о въ положеніи передъ u(ju) чаще звучитъ какъ ů. Напр., z ḥarnůju d'iu̯čy³nůju, stárostůju, růzúmnůḥo и т. д.

Въ указанныхъ положеніяхъ неуд. о въ слогахъ послѣ ударенія часто сохраняется.

Любопытно отмѣтить, что уканіе какъ будто сильнѣе у молодого поколѣнія, чѣмъ у стариковъ [1]).

1) Примѣч. У Θеодосія Лучки (72 л. негр.) не только въ пѣніи можно слышать poji'xau̯, tobi', но и въ разговорѣ онъ иногда произноситъ tobi', sobí, т. е. сохраняетъ о въ такихъ словахъ, которыя всѣми и всегда произносятся съ u. У Степана Ирыныча—52 л. (негр.) переходъ о въ u передъ y(ы) почти не замѣчается. Говоримъ почти потому, что мы у него слышали такой переходъ въ muḥý²ła при обычномъ его произношеніи moḥý²ła. У молодежи—Θедоры Радецкой 16 л. негр., Стратія Костынюка 20 л. негр. и другихъ, переходъ о въ u передъ y(ы) наблюдается во многихъ словахъ напр., puskу²dáty², ubý²dva, pučy²py²u̯, puruskу²dáty², pudy²vi'ms'a и др.

Гласныя задняго ряда нелабіализованныя. Гласная a извѣстна, кажется, только ненапряженной. Напр. sád, sadý^{2}ty^{2}, bál' и т. д.

Примѣч. Гласная a перешла въ ė въ словѣ u̯déry^{e}u̯ (ударилъ) при u̯dáry^{e}u̯. Неударяемое ja (изъ ѧ) въ конечномъ слогѣ числительныхъ перешло въ i. Напр. dévit' при dévjat', dés'i̯t', ody^{2}nác'it', dvanác'it' и т. д. dvác'it', trý^{3}c'it', но pjady^{2}s'at', š'isdy^{3}s'át' и т. д.; ja перешло въ i въ doráji u̯ (посовѣтывалъ). Переходъ гласной a въ звукъ средняго ряда—ȧ мы слышали въ слѣдующихъ словахъ: jármarok, xaz'ȧi̯stwo, trȧba при trába и tréba и dévjȧt'.

Гласныя средняго ряда нелабіализованныя.

Въ бодачевскомъ говорѣ, по нашему мнѣнію, гласная y(ы) извѣстна только средняго ряда—y^{2} и средне-передняго y^{3}, задне-средн. y (великорусск. býł) нѣтъ.

Гласная y^{2} средняго ряда звучитъ вмѣсто стараго ы и и вездѣ, за исключеніемъ тѣхъ позицій, при которыхъ стоитъ y^{3} средне-пер. ряда; а y^{3} ср.-пер. р. извѣстно въ положеніи послѣ шипящихъ и послѣ s и r, а также въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ, о чемъ рѣчь будетъ ниже (см. гласную y^{3}). Примѣры словъ съ y^{2}: mý^{2}ty^{2}, vý^{2}i̯ty^{2}, vý^{2}rvaty^{2} bý^{2}ty^{2}, py^{2}saty^{2}, ký^{2}nuty^{2}, soročký^{2} и т. д.

Гласная ŷ^{2} — напряженный оттѣнокъ y^{2}, слышится, кажется, въ положеніи подъ удареніемъ. Напр., pŀŷ^{2}sty^{2}, zrobŷ^{2}u̯, bŷ^{2}ty^{2}, d'iu̯kŷ'^{2} и т. д.

Гласная ė средняго ряда (польскœ e въ словѣ łeb) имѣетъ самое широкое употребленіе; она почти совсѣмъ вытѣснила e передняго ряда. Примѣры: pomėr, do nėḥo, mėnė, konėvy^{2}, ḥėt', brėšy^{e}š, prėstėrėhčy^{3}, jiłėna, pidėš и т. д.

О гласной ė̂—напряженномъ ė, ничего достовѣрнаго сказать не можемъ; можетъ быть, ė бываетъ иногда напряженнымъ подъ удареніемъ въ положеніи передъ смягченной согласной, какъ напр., jiłė̂'n'í, ḥė̂'t', mė̂'l'ut', mê̂i̯ (эй) и т. д., но утверждать этого не будемъ.

Переходъ неударяемаго ė въ y^{e}.

Неударяемое ė, какъ въ слогахъ передъ удареніемъ, такъ и послѣ ударенія, почти всегда звучитъ какъ y^{e}, т. е. звукъ средній между y и e,

и рѣже какъ чистое у (ы). Примѣры: ł̓y^{e}t’ī́u̯, но łét’ȋu̯; čy^{e}káty^{2}, žy^{e}-ný^{2}ty^{2}s’, cy^{e}rkvý^{2}, но cérkva; sy^{e}łó, но séla; šty^{e}fán, búdy^{e}š, xł ópy^{e}c, čułuvíčy^{e}, kúmy^{e},xódy^{e} (3 л. н. вр.), róbý^{2}ty^{e} (2 л. н. вр.), xódy^{2}ty^{e} и т. д.

Неударяемое ė удерживается (но не всегда) въ слогахъ доударныхъ, когда въ ударномъ слогѣ находится ė; напр., mėnė́, tėbė́, sėbė́, tėpė́r, u̯pė́rė́d при u̯pry^{e}rė́d.

Во второмъ доударномъ слогѣ ė сохраняется, когда подъ удареніемъ и въ первомъ доуд. слогѣ стоитъ ė. Напр. vy^{2} bėrė́žė́ty^{e} (вы стережете), prė́stė́rė́hčy^{3} (предостеречь) и т. д.

Примѣч. Ударное ė въ окончаніи ė́i̯ род. п. множ. ч. всѣхъ родовъ всегда звучитъ какъ у^{e}, а иногда даже какъ чистое у. Напр., l’udý^{2}i̯ (—ý^{e}i̯), hostý^{e}i̯, hrudý^{2}i̯, očý^{3}i̯ и očy^{e}i̯, nočý^{3}i̯ и т. д. Переходъ ударнаго ė въ у или у^{e}, конечно, неорганическій и объясняется дѣйствіемъ аналогіи (nom. sing. l’údy^{2}, hrúdy^{2} вызвали l’udý^{2}i̯, hrudý^{2}i̯, а отсюда ýi̯ перешло и въ očý^{3}i̯, svy^{2}ný^{2}i̯),

Гласная у^{e}—это средній звукъ между у и ė. Въ бодачевскомъ говорѣ она извѣстна, какъ мы видѣли, вмѣсто неударн. ė (kážy^{e}, sy^{e}ło), а также и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ (напр. ky^{e}nuty^{2}, špaky^{e}’, žy^{e}’to), о чемъ будетъ сказано ниже (см. переходъ у^{2} и у^{3} въ у^{e} и ė).

Гласная ȧ средняго ряда. Этотъ звукъ мы наблюдали въ единичныхъ случаяхъ, именно: въ jȧ́rmarok, trȧ́ba при trába и treba, xaz’ai̯stwo и dė́vjȧt’ при dė́vit’.

Гласныя средне-передняго ряда нелабіализованныя.

Гласная у^{3} средне-пер. р. извѣстна въ бодачевскомъ говорѣ послѣ шипящихъ, а также, кажется, и послѣ s и r. Напр., xłopčý^{3}na, d’ȋu̯-čy^{3}na, čý^{3}sto, žý^{3}to, žý^{3}t’á, šý^{3}ty^{2}, ščy^{3}táty^{2}; sý^{3}n, sy^{3}nók, sý^{3}ny^{2}i̯, trý^{3}, rý^{3}ba, pry^{3}i̯sṓu̯ и т. д. Средне-переднее у^{3} звучитъ (подъ удар. и безъ удар.) послѣ средне-небнаго k̓ передъ i̯(j) вмѣсто у^{2} (если только это у^{2} не звучитъ какъ у^{e} или ė, о чемъ сейчасъ будетъ сказано). Напр., tak̓ý^{3}i̯, bidnén’ky^{3}i̯, błý^{2}sky^{3}i̯, ný^{2}sky^{3}i̯ и т. д. Равнымъ образомъ у^{2} среднее въ положеніи и послѣ другихъ согласныхъ передъ i̯ (j) или смягченной согласной приближается или совсѣмъ переходитъ въ у^{3} средне-переднее. Напр., bídny^{3}i̯, tý^{2}xy^{3}i̯, baḥaty^{3}i̯, ty^{3}s’ač и т. д.

Гласная ŷ^{3}—напряженный оттѣнокъ гласной y^{3}, извѣстна, кажется, въ положеніи подъ удареніемъ, какъ напр., xłopčŷ^{3}na, zaručŷ^{3}ņs'a, na pečŷ^{3} и т. д.

Переходъ ударныхъ y^{2} и y^{3} въ y (и ė).

Гласныя y^{2} и y^{3} въ положеніи подъ удареніемъ иногда переходятъ въ y^{e}. Напр., napy^{e}′łas'a, zacvy^{e}′ła, dy^{e}′vy^{2}c̰'a, xy^{e}′try^{2}j̦, koby^{e}ła, ḥowory^{e}′ty^{2}, stary^{e}′j̦, žy^{e}′ta (род. отъ žy^{3}to), vic̰y^{e}ny^{2}c̰'a и т. д.

Особенно часто ударяемое y^{2} переходитъ въ y^{e} и даже въ ė въ положеніи послѣ средне-небнаго k̑. Напр., špak̑y^{e}′ при špak̑ė, sok̑y^{e}′rka при sok̑ėrka, mik̑ėta, pitk̑ėny^{e}no, k̑ėnuty^{2}, k̑y^{e}′vały^{2}s'a (двигались), k̑y^{e}′nuty^{2}, py^{e}ry^{e}k̑y^{e}′nuņ, soročk̑y^{e}′, tak̑y^{e}′j̦ и т. д. Замѣтимъ, что мы наблюдали нѣсколько случаевъ перехода неударнаго y^{2} въ y^{e}, именно: въ py^{e}sáty^{2}, nóḥy^{e} (ac. pl.) и k̑y^{e}łók при k'iłók.

Гласныя передняго ряда нелабіализованныя.

Гласная і передняго ряда какъ изъ стараго ѣ и е, такъ и изъ стараго о, соединяясь съ согласными, смягчаетъ ихъ, кромѣ, конечно, губныхъ, которыя въ бодачевскомъ говорѣ, какъ и въ обще-украинскомъ (малорус.), не смягчаются. Напр., d'î′m, n'îs (носъ и несъ), st'îł, d'iło, t'îło, st'i′j̦ (стой), d'iņčy^{e}na и т. д. Значитъ, разницы между і изъ ѣ и е и і изъ о въ нашемъ говорѣ нѣтъ.

Гласная î—напряженный оттѣнокъ і, извѣстна въ положеніи подъ удареніемъ. Напр., n'îč, d'îd, jî′xaty^{2}, jî′sty^{2}. Послѣ губныхъ і, кажется, не бываетъ напряженнымъ.

Гласная e передняго ряда извѣстна въ описываемомъ нами говорѣ, какъ и въ украинскомъ, только іотированная. Напр., máje, jé, słúxaje, vjéc̰'a, punimáje и т. д.

Гласная ê, напряженное e, можетъ быть, звучитъ въ положеніи подъ удареніемъ передъ смягченной согласной. Напр., s'mijêc̰'a, vjê′c̰'a.

Переходъ неударяемой гласной e передн. ряда послѣ j въ i.

Неударяемое e передняго ряда послѣ j иногда переходитъ въ i, но не въ конечномъ слогѣ. Примѣры: ubîdajity^{e} (обѣдаете), vêčêr'ajity^{e}, py^{2}tájic̰'a, žálujic̰'a (при obzy^{2}vájec̰'a у одного и того же лица); въ слогахъ до ударенія іотирован. e (je) перешло въ ji въ jimu вм. jemu

и при jemú, jiľéna; въ конечномъ слогѣ je сохраняется всегда, поэтому звучитъ pun'imáješ, máješ, bịhaješ, dúmaje съ іотир. е.

Вліяніе ударяемой гласной на предшествующую неударную.

Ударяемая гласная иногда вліяетъ на предшествующую неударную, которая уподобляется ударяемому звуку. Такимъ вліяніемъ ударяемой гласной объясняемъ переходъ 1) неуд. о въ а въ слѣдующихъ словахъ: baháty^{e}ị (bahác̆, baháto, а отсюда а и въ bahatý^{e}r), manáx, а отсюда и manastý^{e}r, xaz'ájin при xoz'ájin, (ḥ)ančár, kačán при kočán, ḥar'áčy^{e}ị при ḥor'áčy^{e}ị, но xol'áva, koľáč только съ о. 2) неуд. о въ u въ словѣ c'ul'úju, а отсюда u и въ c'ul'uváty^{e}. 3) е (y^{e}) въ і: vis'íl'a vis'il'ny^{e}ị, br'ixn'í (dat. sing.), а отсюда і и въ br'ixn'a (ложь), pir'ipi'ľka и 4) неуд. y^{e} въ і, напр., въ pr'ibih, pr'iji'xaụ.

Согласныя.

Чтобы избавить себя отъ длиннаго перечня различныхъ категорій, на которыя можно раздѣлить согласныя, мы помѣщаемъ ниже таблицу согласныхъ бодачевскаго говора, изъ которой видны категоріи согласныхъ, а также ясны принятыя нами для ихъ обозначенія буквы.

Таблица согласныхъ бодачевскаго говора.

		губно-губн.	губно-зубн.	зазубныя		пер.-небн.	сред.-небн.	задн.-небн.	гортан.
Взрывныя	глухія	p		t		t'	k	k	
	звонкія	b		d		d'	ġ	g	
Фрикативн.	глухія	φ	f	s	š	s'	ẋ	x	h
	звонкія	w	v	z	ž	z'	j		ḥ
Носовыя		m		n		n'		ŋ	
Плавныя	l			l		l'			
	r				r	r'			
Аффрикаты				c	č	č'c'			
				ʒ[1])	ǯ	ǯʒ'			

1) Прим.: ʒ—такимъ знакомъ обозначаемъ сложную согласную дз, а черезъ ǯ—дж.

Разсмотримъ нѣкоторыя изъ согласныхъ, представляющія интересъ для характеристики нашего говора.

Губныя согласныя.

Губно-губныя согласныя φ, w. Эти согласныя, кажется, извѣстны въ положеніи передъ лабіализованными гласными: u и o. Напр., wu̯na, woná, φútor, но fi'st, vi'n.

Губныя согласныя (p, b, f, v, m), какъ мы уже имѣли случай отмѣтить, извѣстны только твердыми. Напр., bi'b, bjé, pi'p, pjé, vi'n, fi'st, mi'n'i', mi'j̥.

Согласная f звучитъ въ нашемъ говорѣ вездѣ вмѣсто украинскаго xv. Напр. fi'st, fý^{2}l'a (волна), fáły^{2}t, fê'd'ir, fatáty^{2} (хватать) и т. д.

Согласная l. Въ нашемъ говорѣ извѣстны только два l: твердое—зазубное и смягченное—передне-небное. Первое изображаемъ буквой ł, а второе l'. Примѣры: łý^{2}sy^{3}j̥, łápa, łéd, l'î'to, t'il'ky^{2}. Западно-европейскаго l, извѣстнаго въ украинскихъ говорахъ, въ описываемомъ нами говорѣ нѣтъ.

Примѣч. Можемъ указать на отвердѣніе l' въ произношеніи большинства въ слѣдующихъ словахъ: dáłšy$^{\circ}$, bi'łšy$^{\circ}$ при bi'l'š'y^{3}j̥ и bi'łšy^{3}j̥, k'îłka, sy^{3}łno, sy^{3}łný^{2}j̥. Интересно отмѣтить, что у Степана Ирыныча bi'łšy$^{\circ}$, но bi'l'šy^{3}j̥.

Согласная r. Звукъ r въ бодачевскомъ говорѣ бываетъ трояким: твердымъ, мягкимъ и среднимъ. Твердое r, напр., rák, ry^{3}ba и т. д. звучитъ тамъ, гдѣ оно и должно быть исторически; мягкое слышится въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ оно изстари было мягкимъ, напр., zor'á, γar'ú, r'ička, ory^{3}ndar'ka и т. д., а также передъ і изъ о, какъ въ r'î'k, r''îh (рогъ) и т. д. Среднее слышится въ нѣкоторыхъ словахъ на мѣстѣ стараго мягкаго r; это среднее r мы обозначаемъ буквой ṙ. Мы его наблюдали въ caṙ, caṙovy^{2} (но pý^{2}sarovy съ тверд. r), vèčèṙaty^{2} при vèčèr'aty^{2}, tṙox при tr'ox, pṙamo, а также въ словѣ ḥṙoš'i.

Аффрикатъ c (ц). Въ бодачевскомъ говорѣ c въ окончаніи éc (и y$^{\circ}$c) существ. муж. р. отвердѣло. Всѣми и всегда произносится: otéc, konéc и k'inéc, ḥorobéc, vitréc, ḥr'ibinéc, vinéc, stołéc, ḥoródy$^{\circ}$c (огородникъ), xłópy$^{\circ}$c и т. д.

Аффрикатъ č (ч). Согласная č бываетъ въ нашемъ говорѣ смягченной и средней между твердымъ č нѣкоторыхъ малорусскихъ говоровъ и смягченнымъ. Это среднее č мы обозначаемъ č̇. Смягченное č' слышится передъ гласной i (č'ija), а среднее č̇, кажется, во всѣхъ остальныхъ случаяхъ. Напр., č̇uhaj, č̇ort, č̇orny²j, ły²stóč̇ok, sadóč̇ok, pir'ač̇ko и т. д.

Согласная s (с). Въ нѣкоторыхъ мѣстоименныхъ формахъ конечное отвердѣло. Напр., въ šós, jaký²s, kotrý²s (который-то, какой-то) при параллельныхъ формахъ съ мягкимъ s.

Согласныя средне-небныя k̇, ġ, ẋ. Эти согласныя извѣстны въ положеніи передъ гласными передняго и средняго ряда; напр., k̇ý²nuty², ẋý²try²j, sok̇érka, špak̇y², tak̇ý²j и т. д.

Передъ i средне-небныя k̇, ġ, ẋ смягчаются и мы ихъ обозначаемъ черезъ k̇', ġ' ẋ'. Примѣры: k̇'ílko, ẋ'ibá, k̇'iłók и т. д.

Согласныя задне-небныя k, g, x извѣстны передъ гласными задняго ряда. Напр., kážu, xóču, gánok.

Согласныя гортанныя h и ḥ.

Въ нашемъ говорѣ согласная h въ положеніи передъ звонкой согласной, а равно какъ и передъ гласной — звонкая. Ее мы обозначаемъ буквой ḥ. Примѣры: ḥr'íty², ḥn'ívaty²s', koḥó, ḥad'úka, ḥoráty², ḥál'a и т. д. Въ доказательство того, что h звонко передъ гласной, а не только передъ звонкой согласной, мы можемъ указать на слѣдующій фактъ: въ бодачевскомъ говорѣ звонкія въ положеніи передъ глухими часто переходятъ въ глухія, о чемъ рѣчь будетъ ниже. Такъ всѣми произносятся глухія не только въ такой позиціи, какъ s xáty², s k̇y²rný²c'i, stan'i (съ конюшни) при z dúba, z wodý², но и въ roskazáty², rospý²ty²s', d'iška (бочка), sołótk̇y²j и др. Передъ ḥ съ слѣдующей гласной всегда произносится звонкая согласная. Напр., z ḥorán'a, z ḥorý², vidḥoráty², rozḥoráty² (распахать) и т. д.

Гласная глухая h произносится въ положеніи передъ глухой и должно быть въ концѣ слова. Напр. by²ry²hty², wóroh, béréh и т. д.

Согласная задн.-небн. ŋ. Задн.-небн. n, которое мы обозначаемъ буквой ŋ, извѣстно въ бодачевскомъ говорѣ передъ k и передъ c (ц). Напр., dubý²ŋka, doły²ŋka, st'iŋka, gatúŋku (качества, сорту) и dubý²ŋc'i,

st'ĭŋc'i и т. д. Задн.-небн. ŋ извѣстно только твердымъ, поэтому jáblun'ka, bán'ka (ковшинъ), n'án'ka будутъ съ передне-небнымъ n.

О переходахъ согласной j.

Согласная j въ положеніи послѣ m переходитъ въ n'. Напр., s'ĭmn'a, (сѣмя), mn'aký³j, mn'áso, mn'áta, mn'a (ас. отъ ja и nom. sing. имя), vrêmn'a, kámn'any°c (- èc) и т. д.

Согласная j послѣ b и v передъ a (ja) переходитъ въ l'. Напр., ḥoróbl'ačy³j, zdoróul'a, koróul'ačy³j и т. д.

Примѣч. Въ нѣкоторыхъ словахъ губная v въ положеніи передъ n переходитъ въ m: r'ímny³j, ŋs'o ramnó.

Переходъ звонкихъ согласныхъ въ глухія передъ глухими.

Разсматривая условія перехода звонкихъ согласныхъ въ глухія, мы не можемъ сказать, что звонкая передъ глухой всегда переходитъ въ глухую. Наблюденія показываютъ, что конечныя звонкія въ бодачевскомъ говорѣ сохраняются не только при отдѣльномъ произношеніи словъ (dúb, ḥrab, ḥorod, n'ĭz), но, кажется, и въ томъ случаѣ, когда эти конечныя звонкія стоятъ въ рѣчи передъ глухими слѣдующаго слова. Напр., rostê dúb pid l'ĭsom. Но замѣтимъ, что въ указанномъ положеніи мы наблюдали безспорный случай перехода звонкой въ глухую, именно: kn'ás' t'i ḥróš'i ščy³taŋ (фонограм. № 5).

Звонкія могутъ переходить въ глухія въ бодачевскомъ говорѣ, какъ мы раньше уже замѣтили, не только въ такой позиціи, какъ s xáty³, s pól'a, но и въ такихъ случаяхъ, какъ roskazáty³, rospy³taty³, vit'áŋ, pit płótom, bły³sko, ný³sko, sołótky³j, t'áško, váško, ḥułúpka, rý³pka. При внимательномъ наблюденіи оказывается, что этотъ переходъ звонкихъ въ глухія не у всѣхъ имѣетъ одинаковую распространенность, одинаковую широту. Напр., у Степана Ирынычa (52 л. негр.) при roskazáty³, sołótky³j, ry³pka, ḥołú³pka и т. д., ясно слышно въ медленномъ произношеніи: bły³zko, ný³zko, t'ážko, vážko, dĭžka[1]).

---

1) Прим.: Интересно отмѣтить, что въ семьѣ Степана Ирыныча у всѣхъ дѣтей (сыновей и дочерей) звонкія переходятъ въ глухія въ срединѣ словъ (t'áško, bły³sko), хотя самъ Степанъ съ женой удерживаютъ ž и z передъ глухой въ t'ážko, woróžka, bły²zko, ný²zko и т. д.

Сохраненіе ž (ж) передъ глухой наблюдается и у другихъ пожилыхъ лицъ. У молодого поколѣнія, какъ напр., у Стратія Костынюка—20 л. негр., Θедоры Радецкой—16 л. негр. и у другихъ, звонкія передъ глухими и въ срединѣ словъ всегда переходятъ въ глухія; у нихъ ясно слышится: bľýˢsko, nýˢsko, váško, t'áškô, knýˢška, woróška, soľótkyˢj, ḥuľúpka, rýˢpka и т. д.

На основаніи этихъ данныхъ мы и рѣшаемся утверждать, что переходъ звонкихъ въ глухія передъ глухими у молодого поколѣнія шире, чѣмъ у стариковъ. Вспомнимъ, что и уканіе у молодыхъ сильнѣе.

О смягченіи согласныхъ въ положеніи передъ согласными.

Твердыя согласныя въ положеніи передъ смягченными согласными часто смягчаются. Напр., pís'n'a, s'n'ǐh, pós't'il', k'in'c'á, s't'iná, s'l'ákot' (непогода) и т. д. при Dn'istér, koľo poľúdn'a, rost'átyˢ, sl'ǐd, rozd'iľyˢtyˢ и т. д. Опредѣлить условія этого явленія мы не можемъ. Согласныя смягчаются и передъ губными, которыя всегда бываютъ только твердыми. Напр., s'mǐx, s'vǐt, s'vǐčka, s'vatýˢj и т. д.

О долгихъ смягченныхъ согласныхъ въ существ. средн. р. на a (ja) (какъ žyˢt'á).

Въ бодачевскомъ говорѣ въ существ. средн. р. на a, какъ žyˢt'á, šmát'a (бѣлье), z'ǐl'a, vis'ǐl'a, koxán'a и т. д., не слышится долгой смягченной согласной передъ a; правда, иногда какъ будто замѣтна полудолгота смягченной согласной въ указанномъ положеніи.

Переходя къ обозрѣнію морфологическихъ особенностей бодачевскаго говора, мы должны заявить, что не ставимъ себѣ задачей детальное изученіе морфологическихъ явленій даннаго говора, а касаемся ихъ, насколько это важно для освѣщенія указанныхъ нами фонетическихъ явленій и для выясненія главныхъ діалектическихъ особенностей въ области морфологіи описываемаго нами говора.

II. МОРФОЛОГІЯ.

Исходной точкой сужденій въ данномъ вопросѣ для насъ, понятно, служитъ собственно украинское нарѣчіе.

Склоненіе именъ существительныхъ.

I. Склоненіе именъ существительныхъ мужескаго рода.

Склоненіе именъ существительныхъ муж. р. можно раздѣлить на твердое и мягкое. Твердое будетъ характеризоваться dat. sing. на ovy^{3} (jovy^{3}) и inst. singr. на om (jom) (напр. brátovy^{3}, brátom; krájovy^{3}, krajom), а мягкое dat. sing. на ėvy^{3} и inst. singr. на ėm (horobcĕvy^{3}, horobcém). Есть типъ смѣшаннаго склоненія съ dat. sing. на ovy^{3} и instr. sing. на ėm. (Напр., nožóvy^{3}, nožĕm).

Многія имена склоняются и по твердому и по мягкому склоненію. Напр., k'i'n': dat. sing. kon'óvy^{3} и konėvy, instr. sing. kon'óm и konêm.

Опредѣлить точно, какія категоріи именъ сущ. м. р. относятся къ тому или иному виду склоненій представляется невозможнымъ, такъ какъ, напр., n'Ïž имѣетъ nožóvy^{3}, но nožém, а kórž- koržóvy^{3} и koržóm; k'ín' имѣетъ параллельныя формы по обоимъ склоненіямъ—твердому и мягкому, а jačmín' склоняется только по мягкому склоненію (jačmênėvy^{3}, jačmênêm).

Къ мягкому склоненію принадлежатъ всѣ имена муж. р., оканчивающіяся на éc и на y^{e}c; напр., ḥorobéc, vinéc, stoľéc, páľy^{e}c, xľopy^{e}c, Kámn'any^{e}c и др., а также нѣкоторыя съ окончаніемъ на n' и šč (bóršč, dóšč и др.).

Къ твердому склоненію относятся почти всѣ прочія имена муж. р., т. е. имена, оканчивающіяся на твердую согласную (напр., brát, d'ak, viľ, piр), на мягкую (tést', ḥ'i's't, kráj и др.) и на гласныя (táto, vújko и др.). Сущ. м. р., оканчивающіяся на а, склоняются по смѣшанному склоненію муж. и женск. рода. Напр., stárosta имѣетъ dat. sing. stá-ros't'i и stárostovy^{3}.

Образцы твердаго склоненія именъ сущ. муж. р.

Ед. число.

И.	sý^{3}n	sľuxáč	ḥ'ī́s't'	kráj
Р.	sý^{3}na	sľuxačá	ḥós't'a	krája
Д.	sý^{3}novy^{3}	sľuxačóvy^{3}	ḥós't'ovy^{3}	krájovy^{3}
В.	sý^{3}na	sľuxačá	ḥós't'a	kráj

З.	sý^{e}nu	słuxáču (słuxáč)	ḥós'ť'u	kráju
Т.	sý^{e}nom	słuxačóm	ḥós'ť'om	krájom
М.	sy^{e}novy^e	słuxačóvy^e	ḥós'ť'ovy^e	krájovy^e

Мн. число.

И. и З.	sy^{e}ny^e	słuxač'í́	ḥós'ť'i	krají́
Р.	sy^{e}n'í́u̯	słuxač'í́u̯	ḥostýi̯ и ḥostý$^{\bullet}$i̯	krají́u̯
Д.	sy^{e}nám	słuxačám	ḥós'ť'am,—om	krajám
В.	sy^{e}n'í́u̯	słuxač'í́u̯	ḥostýi̯- y$^{\bullet}$i̯	krají́
Т.	sy^{e}námy^e	słuxačámy^e	ḥos'ť'amy^e	krajámy^e
М.	sy^{e}náx	słuxačáx	ḥós'ť'ax,- ox	krajáx

Образцы мягкаго склоненія именъ сущ. м. р.

Ед. число.

И.	ḥorobéc	k'ín'
Р.	ḥorop(b)c'á	kon'á
Д.	ḥoropcévy^e	kon'óvy^e и konévy^e 1)
В.	ḥoropc'á	kon'á
З.	ḥorópčy$^{\bullet}$ (čė)	kón'u и kóny$^{\bullet}$
Т.	ḥoropcém	kon'óm и konėm
М.	ḥoropcévy^e	na kony^e

Мн. число.

И. и З.	ḥoropc'í	kón'i
Р.	ḥoropc'íu̯	kóny$^{\bullet}$i̯ (kóny^{e}i̯)
Д.	ḥoropc'ám	kon'om
В.	ḥoropc'í́	kon'i
Т.	ḥoropc'ámy^e	k'ín'my^e
М.	ḥoropc'áx	kón'ox

Замѣчанія объ отдѣльныхъ падежахъ. Единственное число. Родит. п. ед. ч. имѣетъ двоякое окончаніе: a и u (у). Окончаніе u имѣютъ, какъ и вообще въ украинск. языкѣ, имена абстрактныя (s'míxu, rózumu),

1) У Степана Иринича kon'óvy, kon'óm.

имена собирательныя (naródu, l'isu при l'isa) и имена, какъ šó'u̯k, ładan, woho̦n' (šó'u̯ku, ładańu, wuhn'ú).

Дат. п. ед. ч. (и мѣстн.) всегда оканчивается на ovy[3] (jovy[3]) и ėvy[3] вмѣсто украинск. ovi и ėvi.

Мѣстн. п. ед. ч. Всѣ имена сущ. м. р., оканчивающіяся въ им. на n' и нѣкоторыя на n, имѣютъ мѣстный на у (ы) вмѣсто украинскаго ì. Напр., k'ìn' на konу́[3]; pén' на pnу́[3]; kór'in' на kór'iny[3]; kómin на kómy[e]ny[3] и др.

Множ. число. Вин. п. м. ч. именъ одушевленныхъ, означающихъ не названія людей, сходенъ съ имен. м. ч. Напр., ja báču ho̦rorc'ì, kón'i spakу́[3], kotу́[3], psу́[3] и т. д., но ja báču car'ì'u̯, słuxač'ì'u̯, pysar'ì'u̯ l'udy[e]'i̯.

Родит. п. м. ч. Окончаніе ei̯ р. п. м. ч. именъ муж. р., равно какъ и женскаго и средн., подъ удареніемъ всегда звучитъ, какъ у́i̯ или y[e]i̯ (ы, ы[e]). Напр. ludу́i̯ (- y[e]i̯), ho̦stу́i̯ (- ty[e]i̯), hrudу́[3]i̯ (- y[e]i̯), očу́[3]i̯ (- y[e]i̯). Неударное ei̯ по фонетич. законамъ переходитъ почти всегда въ y[e]i̯, поэтому и звучитъ kóny[e]i̯, hrósy[e]i̯.

II. Склоненіе именъ существительныхъ женскаго р.

Въ склоненіи именъ существительныхъ женск. р. мы можемъ указать только одну діалектическую особенность бодачевскаго говора, именно: у(ы) въ мѣстн. п. ед. числа у нѣкоторыхъ именъ ж. р., оканчивающихся на a(ja) и у всѣхъ на č, вмѣсто украинскаго i. Напр., на zy[e]młу́ при на zy[e]ml'í, u̯ nočу́[3], na py[e]čy[3] (на печи).

Образцы склоненій женскаго рода.

Ед. число.

И.	worо́na	dołо́n'a	ž'ì'ŋka
Р.	worо́ny[3]	dołо́n'i	ž'ìŋky[3]
Д.	worо́n'i	dołо́n'i	ž'ì'ŋc'i
В.	worо́nu	dołо́n'u	ž'ì'ŋku
З.	worо́no	dołon'o	ž'ì'ŋko
Т.	worо́noju,-ůju	dołо́n'oju,- ůju	z'ìŋkoju,- ůju
М.	worо́n'i	dołon'i	z'ì'ŋ''ci

Мн. число.

И. З.	woróny^{e}	dołón'i	ž'iŋký^{e} (-ky^{e}')
Р.	wur'ín (wů)	dołón'	ž'inók
Д.	worónam	dołón'am	ž'iŋkam
В.	woróny^{e}	dołón'i	ž'inók
Т.	worónamy^{e}	dołón'amy^{e}	ž'iŋkámy^{e}
М.	worónax	dołón'ax	ž'iŋkáx

Ед. число.

И.	słabis't'	n'íč
Р.	słabosty^{e}	nóč'i (y^{e})
Д.	słabosty^{e}	nóč'i (y^{e})
В.	słabis't'	n'íč
З.	słábosty^{e}	nóčy^{e}
Т.	słabis't'u	n'íč'ju (и nočóju)
М.	słábosty^{e}	u̥ nočý^{e}

Мн. число.

З.	słábosty^{e}	nóč'i
Р.	słábosty^{e}i̥	nočy^{e}'i̥, -ý^{e}i̥
Д.	słábos't'am	nóčam
Т.	słábos't'amy^{e}	nóčamy^{e}
М.	słabos't'ax	po nóčax

Замѣчанія объ отдѣльныхъ падежахъ.

Твор. п. ед. ч. иногда имѣетъ iju, напр., ós'in'iju (укр. ós'iu'u). Имена сущ. женск. р. на já образуютъ этотъ падежъ по аналогіи съ твор. п. именъ, оканчивающихся на а съ предшествующей твердой согласной. Напр., dołón'a, instr. sing. dołón'oju (- ůju); božý^{e}c'a-božý^{e}c'oju (- ůju) (богиня) и т. д.

Двойственное число именъ существительныхъ женскаго рода.

При числительныхъ два, три, четыре нѣкоторыя сущ. женск. р. сохраняютъ старое двойственное число. Напр., dví ruc'í, dví noz'í (nu(ů)z'í), но dví ď'íŋky^{e}, ž'íŋky^{e}, kný^{e}šky^{e}.

Образцы склоненій существительныхъ мужеск. р. на а.

Ед. число.

И.	sus'ĭ́da	staršy³ná
Р.	sus'ĭ́dy³	staršy³ný³
Д.	sus'ĭ́d'i, - ovy³	staršy³nĭ́
В.	sus'ĭ́du	staršy³nú
З.	sus'ĭ́do	staršy³nó
Т.	sus'ĭ́dǔju, - oju³	staršy³nóju
М.	na sus'ĭ́d'i, - ovy³	staršy³n'ĭ́

Мн. число.

И. З.	sus'ĭdy³	staršy³ny³
Р.	sus'ĭd	staršý³n
Д.	sus'ĭdam	staršý³nam
В.	sus'ĭd	staršý³n
Т.	sus'ĭdamy³	staršý³namy³
М.	sus'ĭdax	staršý³nax

III. Склоненіе именъ существительныхъ средн. р.

Діалектическою особенностью бодачевскаго говора въ склоненіи именъ существительныхъ ср. р. является dat. sing. на ovy³(jovy) и ėvy³ вмѣсто украинскаго u (y) и рѣдкаго ovi.

Образцы склоненій существительныхъ средн. р.

Ед. число.

И. В. З.	viknó	pólė (- y°)
Р.	vikná	pol'a, pôl'a
Д.	viknovy³	polė(y°)vy³, l'ovy³
Т.	viknóm	polėm, (- y°m), - pol'om
М.	vikn'ĭ́	pól'u, pôl'i.

Мн. число.

И. В. З.	vĭkna	pol'á
Р.	vĭkon, vikón	pol'ĭ́u̯, pĭl'

Д.	vîknam	pol'ám
Т.	vîknamy^{3}	pol'ámy^{3}
М.	vîknax	pol'áx

Имена ср. р., оканчив. въ древне-русск. и церк.-слав. на ик (ѧк), имѣютъ въ имен. и вин. ед. ч. а съ предшествующей, какъ уже было замѣчено раньше, краткой согласной (мягкой). Напр.: žy^{3}t'á, koxán'a vis'íl'a, ščást'a и т. д.

Ед. число.

И. В. З.	ty^{e}l'á (tėl'á)	žy^{3}t'á	И. В. З.	ty^{e}l'áta
Р.	ty^{e}l'áty^{3}	žy^{3}t'á	Р.	ty^{e}l'at
Д.	ty^{e}l'át'i	žy^{3}t'óvy^{3}	Д.	ty^{e}l'átam
Т.	ty^{e}l'átom	žy^{3}t'óm	Т.	ty^{e}l'atamy^{3}
М.	ty^{e}l'át'î	žy^{3}t'î	М.	tý^{e}l'átax

Двойственное число именъ существ. ср. р.

При два, три, четыре употребляется двойственное число. Напр., dvi óc'i (око—глазъ и мѣра 3 ф.), trý^{3} vidr'í, štý^{3}ry^{3} dérėvi и т. д.

Склоненіе именъ прилагательныхъ.

Въ склоненіи именъ прилагательныхъ обращаетъ вниманіе потеря мягкой формы склоненія прилагательныхъ; мягкія прилагательныя въ имен. и косвен. падежахъ звучатъ какъ твердыя. Напр., sy^{3}ny^{3}j — sý^{3}-noho, tréty^{3}j—trétoho, pérédny^{3}j—pérédnoho и т. д.

Образцы склоненій именъ прилагательныхъ.

Ед. число. Мн. число.

	м. р.	ср. р.	ж. р.	для вс. род.
И. З.	hárny^{3}j	hárny^{e} (-ė)	hárna (- aja)[1]	hárn'i
Р.	hárnoho		hárnuji,-oji	hárný^{3}x
Д.	hárnomu и hárnumu		hárn'i	hárny^{3}m
В.	hárnoho	hárny^{e}	hárnu	hárn'i, hárny^{3}x

1) Полныя формы встрѣчаются только въ пѣсняхъ.

Т.	ḥárny^{2}m	ḥarnůju,-oju	ḥárný^{2}my^{2}
М.	ḥárn'im	ḥarn'i	ḥarny^{2}x

Ед. число.

И. З.	sý^{2}ny^{3}į sý^{2}ny^{e}(ė)	sý^{2}na	sý^{2}n'i
Р.	sý^{2}noḥo	sý^{2}nu(o)ji	sý^{2}ny^{2}x
Д.	sý^{2}nomu, sý^{2}numu	sý^{2}n'i	sý^{2}ny^{2}m
В.	sý^{2}noḥo sý^{2}ny^{e}	sý^{2}nu	sý^{2}n'i, sy^{2}ny^{2}x
Т.	sý^{2}ny^{2}m	sý^{2}nů(o)ju	sý^{2}ny^{2}my^{2}
М.	sý^{2}n'im	sý^{2}n'i	sý^{2}ny^{2}x

Замѣчанія объ отдѣльныхъ падежахъ. Дат. и мѣстн. ед. ч. женск. р. оканчивается на i; окончаніе iį чуждо данному говору.

Примѣч. Обращаемъ вниманіе на уменьшительныя или ласкательныя формы прилагательныхъ на ésy(ė)čky^{3}į, напр., ḥarnésy^{e}(ė)čky^{3}į и harnésy^{e}n'ky^{3}į, čy^{2}stésy^{e}čky^{3}į, mal'ésy^{e}čky^{3}į, man'ósy^{e}čky^{3}į, bl'y^{2}zésy^{e}čky^{3}į и т. д.

Склоненіе мѣстоименій.

Ед. число.				Мн. число.
И.	ja	ty		mý^{2}
Р.	méné	tébé	sébé	nás
Д.	min'í	tubí (t'i)	subí (s'í)	nám
В.	méné (mn'a)	tébé (t'a)	sébé (s'á, sá, s')	nás
Т.	mnóju	tobóju	sobóju	námy^{2}
М.	mén'i	tóbi	sóbi	nás

Ед. ч.			Мн. ч.
	м. и ср. р.	жен. р.	
Р.	jeḥó, néḥo	jíjí jí	jíx, ný^{2}x
Д.	jemú и jimú	jíjí, jí, néji	jím
В.	jeḥó	jíjí, jí	jíx
Т.	nym	néju	jímy^{2}, ný^{2}my^{2}
М.	n'ím	n'í	jíx, ný^{2}x

Ед. ч.			Мн. ч.
	муж. и ср. р.	жен. р.	
И.	séj̦ sėsé sė	sėsá, sá	s'î́
Р.	séh̥o	séji	sy^{e}x
Д.	sému	sy^{e}s'î́, s'í	sy^{e}m
В.	séh̥o sėsé, sé	sėsú, susú [1]), sú	sy^{e}x, s'î́
Т.	sy^{e}m	séju	sy^{e}my^e
М.	sî'm	sy^{e}s'î, s'i	sy^{e}x

Ед. ч.			Множ. ч.
И.	mî́j̦ mojé	mojá	mojî
Р.	móh̥o	móji	mojî́x
Д.	mómu	mujî́ (mojî́)	mojî́m
В.	móh̥o mojé	mujú (mojú)	mojî́x, mojî́
Т.	mojî́m и mójim	móju	mójimy^e и mojí́my^e
М.	mójim и mojî́m	móji	mójix и mojî́x

Числительныя.

		м. р.	ср. и ж. р.		
И.	В.	dvá	dví	trý^e	štý^{e}ry^e
Р.	М.		dwóx	tr'óx	šty^{e}r'óx
	Д.		dwóm	tr'óm	šty^{e}r'óm
	Т.		dwomá	třomá	šty^{e}rmá, šty^{e}řomá

И.	В.	pjat'
Р.	М.	pjaty^e, - t'óx
	Д.	pjaty^e, - t'óm
	Т.	pjat'má и pjat'omá.

По образцу pjat' склоняются š'î́s't', dévit' (и dévjat'), dés'it', ody^{e}náç'it', dvanaç'it'... dváç'it', trý^{e}c'it', pjady^{e}s'át' и т. д.

Числительныя dví́sta, try^{e}sta, šty^{e}ry^{e}sta или совсѣмъ не склоняются или имѣютъ только творит. п. Напр., z dví́sta rubl'ámy^e и z dvis't'má, s trý^{e}sta и try^{e}s't'má, šty^{e}ry^{e}sta и šty^{e}ry^{e}s't'má.

---

1) Прим.: susú, должно быть, по аналогіи съ tutú вин. ж. р. отъ totá.

ПРЕДЛОГИ.

Предлогъ-префиксъ отъ всегда звучитъ какъ vid передъ гласной и звонкой согласной и какъ vit передъ глухой. Напр. vid mênė, vid bráta, vidjixau̯, vitpy^{2}sáu̯, vit̲'áu̯ (отрѣзалъ) и т. д.

ГЛАГОЛЫ.

Въ области спряженія глаголовъ мы можемъ указать слѣдующія особенности въ бодачевскомъ говорѣ сравнительно съ украинскимъ нарѣчіемъ: 1) отсутствіе формы неопред. наклоненія на t'(ть); здѣсь неопр. robý^{2}ty^{2}, xodý^{2}ty^{2}, howorý^{3}ty^{2}, l'axtý^{2} при l'ahčý^{3} и l'ačý^{3}, s'iktý^{2} и s'ič'ý^{3}, nučuvaty^{2}, tan'c'uvaty^{2} (оконч. uvaty—извѣстно) и т. д.

2) первое лицо наст. вр. при xóǯu, vy^{2}ǯu (вижу), wóžu,—xód'u, vý^{2}d'u, wóz'u и др.

3) 3 лицо наст. вр. ед. и мн. ч. и 2 л. мн. ч. пов. накл. оканчивается на t, а не на t'. Напр., xódy^{2}t, howóry^{2}t, róby^{2}t (при xódy^{e}, róby^{e}, ḥowory^{e}); róbl'at, dajut, wóz'at; robi't, xud'ît (xôd'î't), biž'î't и т. д. Сокращенныя формы 3 л. ед. ч. вр. (співа, гра, гуля) неизвѣстны.

4) Отсутствіе формы будущаго на mu (му) (robý^{2}ty^{2}mu); въ нашемъ говорѣ буд. время образуется съ помощью вспомогательнаго глагола búdu и неопр. накл. даннаго глагола. Напр. búdu roby^{2}ty^{2}, xody^{2}ty^{2}. Совершенный видъ будущ. времени: żróbl'u, skážu и т. д.

5) Прошедшее время имѣетъ двѣ формы. Напр., bû'u̯ и búvy^{e}m (búvėm); roby^{2}u̯ и robý^{2}vy^{e}m, sty^{e}(e)r'î'h и sty^{e}r'î'hy^{e}m(ėm).

Образцы спряженій глаголовъ.

неопр. накл.

búty^{2} robý^{2}ty^{2} sty^{e}ry^{e}h(x)tý^{2} при sty^{e}ry^{e}h(x)čý^{3} и sty^{e}ry^{e}čý^{3}

наст. вр. изъяв. накл.

ед. ч. 1 л.	róbl'u	sty^{e}ry^{e}žú
2	róby^{2}š	stėrėžėš

3 л.	jè jèst	róby^{2}t и róby^{e}	stèrèžè
мн. ч. 1		róby^{2}m и -mo	stèrèžèm и -mo
2		róby^{2}ty^{e}	stèrèžèty^{e}
3		róbl'at	sty^{e}ry^{e}žút

Прошедшее время.

Первая форма прош. времени.

ед. ч. 1	bû'u̯, búła, búło.	roby^{2}u̯ -ła,-ło	sty^{e}r'ĭh, sty^{e}ry^{e}ḥła, -ło
2	—	—	—
3	—	—	—
мн. ч. 1	búły^{2}	robý^{2}ły^{2}	stèréḥły^{2}
2	—	—	—
3	—	—	—

Вторая форма прош. времени.

1	búvy^{e}m(-èm), búłam	sty^{e}r'îḥy^{e}m(èm) stèréḥłam
2	búvy^{e}s'(-ès) búłas'	sty^{e}r'ĭḥy^{e}s'(ès) stèréḥłas'
3	—	—
1	búły^{2}s'mo и búły^{2}m	stèréḥły^{2}s'mo и stèréḥły^{2}m
2	búłys'ty^{e}	štèréḥłys'ty^{e}
3	—	—

Примѣч.: Окончанія второй формы прошед. вр.: m(èm), š'(ès), s'mo (y^{2}s'mo), s'ty^{e} (y^{2}s'ty^{e}) могутъ свободно передвигаться, т. е., могутъ стоять при всякомъ членѣ предложенія. Напр., t'ĭl'kom z'ĭl'a nasady^{2}ła; rubl'ám propýła; u̯žèm tubi' vinók zvý^{2}ły^{2}; tý^{2}s' kazáu̯; jáky^{2}s'ty^{2} kazáły^{2} (какъ вы говорили) и т. д.

Давнопрошедшее время.

Давнопрошедшее время образуется изъ перваго или второго прошедшаго вспомогат. глагола búty^{2} и причастія прош. вр. спрягаемаго глагола.

Первая форма давнопрош. времени.

ja bû'u̯, roby^{2}u̯, búła robý^{2}ła
mý^{2} búły robý^{2}ły^{2}

Вторая форма давнопрош. времени.

ja búvy^e^m (ėm) robý^2^u̧, búłam robý^2^ła
tý^2 búvy^e^s' — — búłas' —
mý^2 búły^2^s'mo robý^2^ły^2
vy^2 búły^2^s'ty^e —

Примѣч.: Такъ какъ окончанія второго прошедшаго (m, s', s'mo, s'ty^e^) могутъ передвигаться, т. е. стоять отдѣльно отъ глагола, то поэтому говорятъ: já bû'u robývy^e^m, jám bû'u robý^2^u̧, mý^2^s'mo búły^2 xody'^e^ły^2, vy^2^s'ty^e búły^2 kazáły^2 и т. д.

Будущее время.

ja búdu	búdu roby'^2^ty^2
ty^2 búdy^e^š	búdy^e^š roby'^2^ty^2
vi'n búdy^e (-ė)	и т. д.
my^2 búdy^e^m и -mo	
vy^2 búdy^e^ty^e	
wony'^2 búdut	

Примѣч.: Будущее время образуется изъ будущ. вр. вспомог. гл.— búdu и неопр. накл. спрягаемаго глагола. Будущее изъ búdu и причастія прошедшаго вр. спрягаемаго глагола (напр., ja búdu roby^2^u̧) не употребляется [1]).

Повелительное наклоненіе.

búd'	roby'^2
búdy^e^m, -mo, budém-émo	rubi'm, -mo
búd'ty^e	rubi't

О возвратномъ мѣстоименіи s'a при глаголахъ замѣтимъ, что оно можетъ стоять отдѣльно отъ глагола, Напр., ny^e sxóčy^e s'a rospy^e^sáty^2,

---

1) Примѣч.: —ták łýš l'axý káżut— замѣтилъ Степанъ Ирыничъ о такой формѣ будущаго.

já s'a bóju (боюсь); ja ųžé búdu s'a žyᵉny'²ty². У нѣкоторыхъ s'a звучитъ какъ sa. Напр., zl'akáųsa, skupáųsa (скупался), dy'²vy²tsa и т. д.

Иногда можно слышать такіе обороты какъ, напр., ja s'i bóju (боюсь), vin sxováųs'i (онъ спрятался), т. е. съ возвр. мѣстоименіемъ въ дат. п. вмѣсто вин.

Г. Голоскевичъ.

Петръ Исаевичъ Вейнбергъ *).

3-яго іюля 1908 г. смерть призвала на вѣчный покой неусыпнаго дѣятеля на поприщѣ родного слова. Дѣятельность Вейнберга была очень многостороння, такъ какъ онъ выступалъ въ качествѣ литератора—поэта, переводчика, рецензента-критика, журналиста и педагога, но всѣ эти линіи его дѣятельности встрѣчаются въ одномъ фокусѣ—въ культѣ поэзіи. Главное значеніе Вейнберга кроется въ многочисленныхъ образцовыхъ переводахъ, которые проходятъ красной нитью черезъ всю его долговѣчную дѣятельность. Многіе изъ его переводовъ знакомили русскаго читателя впервые съ иностраннымъ произведеніемъ, другіе раскрывали красоты оригинала, оставшіяся недоступными по прежнимъ переводамъ. Уже одинъ перечень переводческихъ трудовъ, за полноту котораго нѣтъ возможности ручаться, такъ какъ Вейнбергъ разбросалъ свои переводы по всевозможнымъ періодическимъ изданіямъ, внушаетъ удивленіе и уваженіе, но онъ былъ бы безцѣненъ, если бы переводы Вейнберга не обладали столь рѣдкими въ русской литературѣ достоинствами.

Но раньше чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію его переводовъ, справедливость требуетъ, чтобы мы познакомились съ теоретическими взглядами Вейнберга на задачи переводчика, чтобы мы имѣли ввиду цѣль, которую онъ себѣ ставилъ. Для составленія хорошаго перевода, по мнѣнію Вейн-

*) Сл. Минувшіе годы, августъ 1908 г.; Міръ Божій, декабрь, 1901 г., Вейнбергъ: Изъ моихъ школьныхъ воспоминаній (Русская школа); Изъ моихъ театральныхъ воспоминаній (Ежегодникъ Имп. театровъ 1894—5).

берга, вовсе не нуженъ поэтическій талантъ, напротивъ, «у истиннаго поэта столько *своего*, такой избытокъ собственнаго творчества, что чужіе стихи, которые онъ станетъ переводить, скоро становятся для него какъ бы крючками, на которые онъ вѣшаетъ собственные образы». Достаточно имѣть поэтическое чутье, помогающее переводчику «оттѣнять надлежащимъ образомъ все то, что въ подлинникѣ требуетъ именно оттѣненія, и находить для всего надлежащій тонъ». Вторымъ требованіемъ Вейнбергъ ставитъ «способность распоряжаться своимъ языкомъ», «способность быть хозяиномъ своего языка» и, если переводъ стихотворный, «умѣнье владѣть стихомъ». Въ третьихъ, наконецъ, переводчикъ долженъ обладать «литературной добросовѣстностью». Сюда относятся, прежде всего, «знаніе въ совершенствѣ языка подлинника» и извѣстное благоговѣйное отношеніе къ переводимому автору. Послѣдняго, говоритъ Вейнбергъ, «надо давать въ переводѣ читателю не только со всѣми его достоинствами, но и со всѣми недостатками». Въ этомъ смыслѣ Вейнбергъ попрекаетъ Жуковскаго какъ переводчика. «Переводы Жуковскаго— вполнѣ самостоятельныя произведенія, въ которыхъ часто личность и особенности автора скрываются, уничтожаются предъ личностью и особенностями переводчика». [1])

Изъ переведенныхъ Вейнбергомъ поэтовъ на первомъ мѣстѣ стоитъ Гейне. Вообще, Гейне былъ его любимымъ поэтомъ. На это указываетъ псевдонимъ «Гейне изъ Тамбова», которымъ часто подписывался Вейнбергъ, указываетъ то обстоятельство, что на многихъ оригинальныхъ стихотвореніяхъ Вейнберга сказалось вліяніе Гейне, и таковыя являются наилучшими, указываютъ и многократныя изданія Гейне, имъ проредактированныя. Въ 1860 г. появляется первый томикъ собственныхъ переводовъ Гейне, за нимъ слѣдуютъ другіе, обнимающіе какъ свои такъ и чужіе переводы; въ 1866 г. Вейнбергъ предпринимаетъ полное изданіе Гейне, которое доводитъ до 12 томовъ, и которое, по матеріальнымъ причинамъ, заканчивается безъ его участія; съ 1898 г. Вейнбергъ начинаетъ редактированіе новаго изданія, гдѣ многія произведенія,

---

1) См. рецензію Вейнберга на переводъ «Донъ Жуана» Байрона П. А. Козловымъ въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, августъ 1889 г.

какъ прозаическія, такъ и стихотворныя, переведены заново, и заканчиваетъ это изданіе восьмымъ томомъ, вышедшимъ въ 1902 г. Такимъ образомъ, Вейнбергъ подарилъ русской литературѣ полное изданіе Гейне, которое во всѣхъ отношеніяхъ можетъ считаться образцовымъ. Тутъ сдѣлано все, что требуется, чтобы облегчить русскому читателю изученіе Гейне: приложены біографическій очеркъ и многочисленныя примѣчанія; переводъ свѣренъ съ критическимъ изданіемъ Эльстера; при тѣхъ статьяхъ, которыя Гейне печаталъ на нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ, принятъ во вниманіе и французскій текстъ; наконецъ, цѣликомъ переведены также всѣ варіанты и отрывки. Изъ переводовъ прозы Вейнбергу принадлежитъ добрая половина (весь I и II и половина III тома) и притомъ самыя отвѣтственныя вещи—Путевыя замѣтки, Книга Ле-Гранъ, Изъ записокъ Шнабельвопскаго, Флорентійскія Ночи, Бахарахскій Раввинъ и др. Количество стихотвореній Гейне, переведенныхъ Вейнбергомъ, доходитъ до трехъ сотъ.

Такъ какъ Вейнбергъ далеко не единственный у насъ переводчикъ Гейне, то мы располагаемъ богатымъ матеріаломъ для сравненія. Начнемъ съ Майкова, подарившаго намъ и безупречные переводы, какъ, напримѣръ, «Лорелея», «Краса моя, рыбачка» и др. Но иногда Майковъ считаетъ себя въ правѣ отступить отъ формы оригинала, замѣняя бѣлые стихи рифмованными стихами («На морѣ—Meeresstille») или прибѣгая къ ритму, расходящемуся и съ подлинникомъ и съ настроеніемъ. Сл.

Гейне: Was willst du, einsame Träne?
Вейнбергъ: Что нужно слезѣ одинокой—?
Майковъ: Одинокая слезка
По ланитамъ прокралась...

Но еще болѣе приходится удивляться той смѣлости, съ которой Майковъ измѣняетъ содержаніе. Возьмемъ стихотвореніе «Auf Flügeln des Gesanges». Сохраняя такое нѣмецкое заглавіе, Майковъ даетъ знать, что считаетъ свои стихи переводомъ, но не то можно было бы подумать, сличая ихъ съ Гейне. Только въ первой и третей строфахъ находимъ нѣкоторые слѣды оригинала, остальныя же строфы ничего общаго съ нимъ не имѣютъ.

Первая строфа.

Майковъ: Поэзiи *генiй* крылатый,
Незримой воздушной стезей,
Въ край солнца, къ источникамъ Ганга,
Умчитъ насъ, мой ангелъ. съ тобой! [1])

Вейнбергъ: Умчу на крылахъ пѣснопѣнiй
Тебя, дорогая моя,
Къ равнинамъ у Гангеса; знаю
Тамъ мѣсто чудесное я.

Третья строфа [2]).

Майковъ: *Тамъ пѣнные съ горъ водопады,*
И шелестъ волны *въ тростникѣ,*
Толпы богомольцевъ, идущихъ
Омыться, въ священной рѣкѣ.

Вейнбергъ: И прыгаютъ, слушая чутко,
Газели, умны и легки,
И *глухо* шумятъ въ отдаленьѣ
Священныя волны рѣки.

Хотя въ переводѣ Вейнберга и «легки» не соотвѣтствуютъ «fromm» подлиннику, но это отступленiе ничтожно въ сравненiи съ передачей той же строфы Майковымъ. При такомъ вольномъ переводѣ рискуешь не только измѣнить, но прямо исказить оригиналъ. Врядъ ли иначе можно оцѣнить такiя передѣлки вродѣ слѣдующей:

Гейне: Die Damen schwammen in Tränen
Bei solchem Kunstgenuss [3]).

Вейнбергъ: И дамскiй полъ, имъ внемля,
Тонулъ въ своихъ слезахъ.

---

1) Слова, придуманныя самовольно переводчикомъ, печатаются здѣсь и впредь курсивомъ.

2) Третья строфа Майкова передаетъ четвертую строфу Гейне!

3) Послѣднiе два стиха стихотворенiя: Doch die Kastraten klagten.

Майковъ: *Въ истерическихъ мукахъ*
Выносили старухъ.

Теперь выяснимъ на нѣсколькихъ примѣрахъ, какъ иногда Михайловъ переводилъ Гейне.

Гейне: Hab' immer das Meer so lieb gehabt,
Es hat mit sanfter Flut
So oft mein Herz gekühlet;
Wir waren einander gut.

Михайловъ: Мы были долго съ моремъ дружны;
Волною ласковой бывало,
Такъ часто скорби утоляло
Оно *въ груди моей недужной*.

Въ то время, какъ первые три стиха подлинника переданы очень близко, четвертаго въ переводѣ узнать нельзя; но независимо отъ этого переводчикъ не соблюлъ ритма и распорядка рифмъ, чѣмъ нарушилъ наивно сердечный тонъ оригинала. Въ другомъ случаѣ Михайловъ замѣняетъ трехстрочную строфу четырехстрочной:

Гейне: Es fiel ein Reif in der Frühlingsnacht,
Es fiel auf die zarten Blaublümelein,
Sie sind verwelket, verdorret.

Михайловъ: На поляну иней палъ
Середь вешней *ночки:*
Позноби́лъ онъ, погубилъ
Алые цвѣточки.

Кромѣ того, переводчикъ не обратилъ вниманіе на то, что въ оригиналѣ совершенно отсутствуетъ рифма, вслѣдствіе чего особо выдѣляется послѣдняя строка:

Sie sind verdorben, gestorben.

Такимъ образомъ, переводъ Михайлова не передаетъ вовсе впечатлѣнія оригинала. Переходя къ переводамъ Фета, слѣдуетъ прежде

всего отмѣтить въ нихъ расплывчатыя выраженія, заслоняющія собой точный смыслъ оригинала.

Гейне: Lauten klangen, Buben sangen,
Wunderbare Fröhlichkeit! [1])

Фетъ: Струнъ томленье, хоровъ пѣнье,
Жизнь, какъ праздникъ, хороша!

Гейне: Dumpfen Sinnes und verdrossen.,. [2])

Фетъ: Полонъ *холода* и *скуки*...

Гейне: Und nach der vermählten Geliebten
Fragte ich nebenbei. [3])

Фетъ: Спросилъ между прочимъ о милой—
Какъ съ мужемъ она прожила?

Подводя итогъ нашимъ наблюденіямъ, указываемъ, что при переводахъ Гейне на русскій языкъ наши лучшіе переводчики чаще всего впадали въ троякаго рода ошибки: либо ими допускались самовольныя отступленія отъ оригинала, какъ у Майкова, либо они не считали нужнымъ сохранить поэтическую форму оригинала, какъ иногда Михайловъ, либо позволяли себѣ передавать подлинникъ только приблизительно вѣрно, какъ мы это видѣли у Фета. Чтобы оттѣнить достоинство переводовъ Вейнберга, мы просмотрѣли всѣ переведенныя имъ стихотворенія Гейне, сличая ихъ съ подлинникомъ, и пришли къ слѣдующимъ выводамъ: самовольныхъ отступленій Вейнбергъ совсѣмъ не допускаетъ, неточности попадаются, но очень рѣдко, въ 145 стихотвореніяхъ VII т. я нашелъ всего 7 [4]). Для того, чтобы можно было судить объ ихъ маловажномъ значеніи, я выписываю всѣ найденныя въ VII т. неточности параллельно съ нѣмецкимъ подлинникомъ:

1) Sie werde mich ewig lieben,
Ewig, unendlich, unsäglich.

1) Въ стихотвореніи: Wie der Mond sich leuchtend dränget...
2) Въ стихотвореніи: Ach, die Augen sind es wieder...
3) Въ стихотвореніи: Als ich auf der Reise zufällig...
4) Стр. 196 № 4, 215, 217, 224, 233, 265, 290 № 24.

Любить она будетъ безмѣрно,
Ужасно, до самой могилы.

2) Ist das der Lebendige, der die Welt
Mit all' ihren Knödeln, Dampfnudeln и Würsten
Verschlingen wollte...
Ахъ, это ужели тотъ самый «Живой»
Который сожрать собирался
Всю землю....

3) Das Vivatschreien,
Ich hör' es schon; ich seh' auch die Mädchen,
Die weissgekleidet dir Blumen streuen.
Повсюду ура,
Цвѣты и восторгъ чрезвычайный! [1])

4) Es bildet eine heil'ge Allianz.
Гады всюду семью составляютъ одну.

5) O mag er noch lange im Lebenslicht
Hintrippeln auf seinen kurzen Beinchen,
Das Wurzelmännchen, das Alräunchen
Mit dem Hängewanst!
Пусть долгіе еще года
На ножкахъ маленькихъ онъ сѣменитъ по свѣту
Къ всеобщей радости!...

6) Alte Todeswunden heilt er
Und erneut das alte Recht;
Воскресилъ былое право—
Да идетъ изъ вѣка въ вѣкъ.

7) Sie machten ein grosses Wesen...
И много смысла придавали
Они разсказу своему... [2])

---

1) Примѣры 2 и 3 взяты изъ стихотворенія «Симплициссимусъ 1-ый»
2) Здѣсь Вейнбергъ также передаетъ одинъ стихъ двумя.

Относясь съ такимъ благоговѣніемъ къ содержанію оригинала, Вейнбергъ тѣмъ не менѣе считаетъ себя въ правѣ или чувствуетъ себя принужденнымъ пренебрегать формальными особенностями подлинника, хотя его отступленія никогда не достигаютъ такихъ размѣровъ, какъ въ приведенныхъ переводахъ Михайлова. Такъ, напр. рифмованные стихи переводятся бѣлыми стихами или, наоборотъ, бѣлые стихи рифмованными всего три раза—VII т. стр. 271. «На Брокенѣ», 292 № 30, 304 № 53 или 1% всѣхъ переводовъ Гейне.

Измѣненіе числа строкъ въ однообразно повторяющихся строфахъ у Вейнберга наблюдается только въ одномъ случаѣ—VII т. 290 № 24. Болѣе радикальное переустройство строфы, что касается рифмы и ритма, производится 8 разъ—VII т. 180, 181, 200, 221 «Пэанъ», 243 № 5, 249 № 16, VIII т. 289, 296 № 33, что составляетъ 2, 7%. Тамъ, гдѣ одна и та же рифма повторяется по нѣскольку разъ, Вейнбергъ сохраняетъ ее и въ переводѣ въ 12 стихотвореніяхъ—VII т. 174 № 2, 178 № 8, 189, 286 № 19, 301 № 47, 303 № 52, VIII т. 320 № 11, 346 № 1, 355 № 3, 372 № 12, 373 № 13, 455, а въ четырехъ опускаетъ это повтореніе, а именно—VII т. 176 № 4, 291 № 28, 293 № 31, VIII т. 324. Затѣмъ, еще нужно имѣть въ виду, что свободный ритмъ, очевидно, совершенно не прививается русской поэзіи, и Вейнбергъ въ этомъ смыслѣ не представляетъ исключенія, между тѣмъ какъ нѣмецкая поэзія даже облюбовала его, и Гейне то и дѣло прибѣгаетъ къ нему, сообщая своему стиху неподражаемую для русскаго переводчика простоту и естественность. Послѣ этихъ замѣчаній, касающихся сравнительно рѣдкихъ случаевъ, остановимся на симптоматическихъ, если можно такъ выразиться, формальныхъ отступленіяхъ отъ оригинала. Послѣднія относятся либо къ ритму, либо къ архитектоникѣ строфы, обусловливаемой порядкомъ рифмъ.

Цѣлый рядъ ритмическихъ измѣненій объясняется той простой причиной, что слова русскаго языка несравненно многосложнѣе чѣмъ нѣмецкаго. Припомнимъ только окончанія нашихъ прилагательныхъ, причастій, множественнаго числа существительныхъ, не говоря уже о самихъ основахъ. Чтобы выйти изъ возникающаго отсюда затрудненія,

Вейнбергъ удлиняетъ стихъ оригинала 68 разъ (22,7%) на одну стопу[1]) и 22 раза (7,3%) на двѣ стопы и болѣе[2]). Обратный случай—сокращеніе оригинала наблюдается всего 8 разъ (2,7%) [3]). Это измѣненіе усиливается или смягчается другимъ отступленіемъ: 43 раза (14,3%) Вейнбергъ замѣняетъ двухсложный размѣръ оригинала трехсложнымъ[4]), 19 разъ (6,3) % происходитъ обратное явленіе: замѣна трехсложнаго двухсложнымъ[5]). Скрещиваніе обоихъ явленій наглядно иллюстрируется слѣдующей таблицей, цифры которой легко провѣряются сличеніемъ приведенныхъ въ примѣчаніяхъ перечней:

	Безъ колич. измѣненія размѣра.	При замѣнѣ двухсл. разм.	При замѣнѣ трехсл. разм.	ВСЕГО.
Удлиненіе на 1 стопу.	56	2	10	68
» » 2 и бол.	18	—	4	22
Сокращеніе оригин. . .	1	7	—	8
Сохраненіе количества стоповъ оригинала . .	158	34	5	197
ВСЕГО.	233	43	19	295

1) VII т. 174 № 1, 177 № 6, 178 № 7, № 8, 179 № 9, 180, 184 № 1, 189, 192 № 7, 197 № 5, 208 «Предостереженіе», 213, 235, 241 № 3, 245 № 11, 248 № 15, 250 № 17, 279 № 2, № 3, 281 № 7, № 8, 286 № 18, 287 № 19, № 20, 289 № 24, 291 № 27, № 28, 296 № 38, 297 № 39, 299 № 43, 300 № 44, 301 № 47, 302 № 48. 303 № 52, 304 № 54, 305 № 55, № 56, 306 № 57, № 58, 307 № 59, 309 № 61, 310 № 62, 311 № 64, 312 № 65; VIII т. 114, 319, 320 № 10; № 12, 327, 328 № 2, 341 № 3, 346 № 1, 355 № 3, 372 № 11, 430 № 22, 455, 459, 468 № 14, 469 № 15, 472 № 21, 488 № 46, 493 № 57, 576 № 9. 591 № 16, 596 № 27, 638 № 7, 694 № 8, 705.

2) VII т. 179 № 10, № 11, 186 № 4, 192 № 5, 193 № 8, 196 № 3, 197 № 6, 205 «Завѣщаніе», 222 «Добрый совѣтъ», 232, 246 № 12, 290 № 25. 292, № 29; VII т. 42, 285, 326, 343 № 7, 370 № 10, 471 № 19, 496 № 64, 499 № 67, 676 № 43.

3) VIII т. 314 № 1, 340 № 1, 341 № 4, 372 № 12, 407 № 1, 422 № 15, 481 № 36, 539 № 8.

4) VII т. 174 № 2, 176 № 4, 185 № 3, 190 № 1, 191 № 2, № 3, 198 «Гдѣ?», 199, 218, 242 № 4, 244 № 8, 261, 271, 279 № 1, 282 № 10, 284 № 12, 286 № 18, 288 № 21, 293 № 32, 295 № 36. 298 № 40, 300 № 46, 303 № 51; VIII т. 113, 284, 286, 287, 290, 291, 302, 314 № 1, 315, 316, 340 № 1, 363 № 6, 372 № 12, 407 № 1, 415 № 8, 422 № 15. 468 № 14, 481 № 36, 539 № 8, 762.

5) VII т 281 № 7, 289 № 24, 303 № 52, 304 № 54, 305 № 55, 309 № 61; VIII т. 42, 285, 320 № 11, 343 № 6, 455, 459, 471 № 19, 496 № 64, 499 № 67, 596 № 27, 694 № 8 676 № 43, 705.

Всматриваясь въ эту таблицу, все болѣе убѣждаешься въ томъ, что отступленія Вейнберга были продиктованы ему законами русскаго языка: большое количество удлиненій стиха оригинала безъ ожидаемаго количественнаго измѣненія размѣра; сокращеніе стиха только при соотвѣтствующемъ удлиненіи размѣра, парализующемъ это сокращеніе; сохраненіе количества стоповъ оригинала, несмотря на удлиненіе размѣра; это все факты, подтверждающіе намъ многосложность русскаго языка въ сравненіи съ нѣмецкимъ. Менѣе ярко выступаетъ другая особенность. Дѣло въ томъ, что изъ 233 случаевъ, гдѣ Вейнбергъ оставляетъ размѣръ безъ количественныхъ измѣненій, онъ все же 39 разъ отступаетъ отъ оригинала, замѣняя ямбъ хореемъ или хорей ямбомъ, первое въ 26 стихотвореніяхъ [1]), второе въ 13 [2]). Я согласенъ, что этихъ наблюденій слишкомъ мало для общаго вывода, что ямбъ болѣе свойственъ нѣмецкому языку, а хорей болѣе русскому, хотя этотъ выводъ нашелъ бы свое теоретическое оправданіе въ употребительности члена (опредѣленнаго и неопредѣленнаго) въ одномъ случаѣ и отсутствіи его въ другомъ. Во всякомъ случаѣ, Вейнбергъ и въ этомъ колебаніи между ямбомъ и хореемъ врядъ ли руководился только личнымъ капризомъ.

Переходя теперь къ архитектоникѣ строфы, сталкиваемся чаще всего съ однимъ фактомъ. Наиболѣе излюбленной строфой Гейне было четверостишіе, построенное по формулѣ abab; но весьма часто, очевидно, въ цѣляхъ болѣе легкаго сочинительства, Гейне предпочитаетъ формулу abcb. Въ этомъ направленіи Вейнбергъ пошелъ еще дальше: 43 стихотворенія (14,3%), въ которыхъ Гейне соблюдаетъ формулу abab, переданы у Венберга строфой abcb [3]). Думается, что это отступленіе отъ

---

1) VII т. 179 № 10, 189, 197 № 5, 205 «Завѣщаніе», 208 «Дуэль», 221 «Добрый совѣтъ», 231, 272, «Ильза» 281 № 8, 285 № 15, 287 № 20, 291 № 27, 292 № 30, 297 № 39, 302 № 48, 305 № 56, 307 № 59, 312 № 65; VIII т. 123,320 № 12, 324, 328, № 2, 329 № 2, 370 № 10, 465 № 9, 472 № 21.

2) VII т. 178 № 8, 184 № 2, 191 № 4, 193 «Отступнику», 195 № 1, 245 № 10, 271; VIII т. 329 № 1, 341 № 3, 342 № 5, 493 № 57, 504 № 78, 537 № 5.

3) VII т. 175 № 3, 185 № 3, 189, 191 № 4, 198 «Гдѣ?», 243 № 7, 245 № 9, 285 № 15, 16, 287 № 20, 288 № 22, 289 № 23, № 24, 293 № 32, 294 № 34, 295 № 37, 298 № 40, № 41, № 42, 299 № 43, 300 № 46, 304 № 54; VIII т. 42, 123, 279, 281, 284, 292, 302, 319, 324, 328 № 3, 329 № 1, 335 № 1, 343 № 6, 430 № 22, 459, 465, № 9, 468 № 14, 504 № 79, 539 № 8, 559 № 13.

оригинала объясняется желаніемъ облегчить себѣ и безъ того сложный переводческій трудъ. Въ другой замѣнѣ—все той же формулы abab (а иногда и abcb) строфой aabb—, которая попадается 15 разъ [1]), врядъ ли можно усмотрѣть облегченіе, нельзя указать и на большую ее распространенность въ русской поэзіи, такъ что остается только индивидуальный вкусъ переводчика, который по непонятнымъ намъ причинамъ предпочиталъ одну строфу другой. Эти два факта измѣненія строфы встрѣчаются несомнѣнно чаще другихъ, изъ которыхъ abba вмѣсто abab (или abcb) повторяется 5 разъ [2]), наоборотъ, abab (или abcb) вмѣсто abba—8 разъ [3]), далѣе, abab (или abcb) вмѣсто aabb—6 разъ [4]) и aabb вмѣсто abba—4 раза [5]). Какъ объяснить эти замѣны? Очевидно тутъ скрещивалось и стремленіе къ облегченію, которое стояло на первомъ планѣ, и личный вкусъ переводчика, и, можетъ быть, случайныя особенности русскаго языка. Количество выбранныхъ самимъ Вейнбергомъ строфъ распредѣляется такимъ образомъ:

abcb	50	стихотвореній
aabb	19	»
abab	7	»
abba	5	»

Для восполненія этой общей характеристики Вейнберга, какъ переводчика Гейне, я позволю себѣ еще остановиться на двухъ отдѣльныхъ примѣрахъ, на переводѣ двухъ наиболѣе задушевныхъ стихотвореній Гейне Вейнбергомъ и другими.

Гейне: Du bist wie eine Blume
So hold und schön und rein;
Ich schau' dich an, und Wehmut
Schleicht mir ins Herz hinein.

1) VII т. 174 № 1, № 2, 178 № 7, 186 № 4, 193 № 8, «Отступнику». 199, 287 № 19, 300 № 44; VIII т. 341 № 3, № 4, 342 № 5, 355, № 3, 372 № 12, 472 № 20.

2) VII т. 176 № 4, 184 № 1, 192 № 5, 197 № 6; VIII т. 471 № 19.

3) VII т. 196 № 4, 197 № 5, **208**, «Предостереженіе» (первая строфа), 247 № 13; VIII т. 327, 422 № 15, **638** № 7, 705. (Жирный шрифтъ—abab)

4) VII т. **178** № 8, **191** № 4, 280 № 5, **308** № 57; *VIII* т. **372** № 11, **496** № 64.

5) *VII* т. 242 № 4, 291 № 27; *VIII* 343 № 7, 370 № 10.

Mir ist, als ob ich die Hände
Aufs Haupt dir legen sollt',
Betend, dass Gott dich erhalte
So rein und schön und hold.

До Вейнберга существовалъ у насъ переводъ Михайлова 1858 г.

Ты какъ цвѣтокъ *весенній*
Чиста, нѣжна, хороша,
Гляжу на тебя—и печалью
Во мнѣ смутилась душа.

Съ молитвой тебѣ на головку
Я бъ руки возложилъ,
Чтобъ Богъ тебя *вѣчно* прекрасной,
Нѣжной и чистой хранилъ.

Главное затрудненіе при переводѣ въ трехъ эпитетахъ, которые Гейне намѣренно располагаетъ такъ, что нравственныя качества какъ бы покрываютъ физическое:

So hold und *schön* und rein;
So rein und *schön* und hold.

Можно ли сказать то же про переводъ Михайлова? Мѣняя эпитеты («хороша» и «прекрасной») онъ нарушилъ симметрію. Потомъ эпитеты переданы неточно: если «нѣжна»=schön, то «хороша» и «прекрасна»= hold, но ни то, ни другое не соотвѣтствуетъ смыслу стихотворенія. Любопытно, какъ Вейнбергъ одолѣваетъ это затрудненіе:

Ты какъ цвѣтокъ *благоуханный* [1])
Чиста, прекрасна и кротка,
Смотрю я на тебя и въ сердце
Опять прокралася тоска.

---

1) Въ 1860 Вейнбергъ переводилъ еще:

Ты какъ цвѣтокъ, *моя подруга*...

И на твою головку руки
Я *въ этотъ мигъ* бы возложилъ,
Молясь, чтобъ чистой и прекрасной
И кроткой Богъ тебя хранилъ.

Кромѣ указаннаго преимущества сравните еще «молясь» = betend съ «Съ молитвой» Михайлова, перенесенной вдобавокъ въ первую строку, и не будетъ сомнѣнія, кто лучше (т. е. ближе и полнѣе) передалъ Гейне. Самовольно придуманныя слова объясняются различіемъ языковъ, тѣмъ, что слова одного языка остаются внѣ перевода въ другомъ, напр.:

Du (bist) wie (eine) Blume...
(Mir ist, als ob) ich (die) Hände...

Стòитъ только сопоставить разобранные переводы съ передачей А. Бергамаско (1897 г.) и сразу станетъ яснымъ, что Михайловъ и Вейнбергъ—корифеи. Бергамаско довольствуется двумя эпитетами, оставляя въ сторонѣ трудно переводимое «hold», за то изъ понятія «betend» создаетъ два искажающихъ смыслъ стиха, вслѣдствіе чего отпадаетъ картина возложенія рукъ, и, въ концѣ концовъ, поражаетъ насъ смѣлой рифмой: томъ—Онъ. Получается слѣдующій «переводъ» Гейне:

Ты какъ цвѣточекъ *нѣжный*
Прекрасна и чиста,
А все жъ тоски *невольной*
Душа моя полна.

И я въ молитвахъ часто
Прошу Творца о томъ,
Чтобъ чистой и прекрасной
Тебя хранилъ бы Онъ.

Въ видѣ второго примѣра беру послѣднюю строфу стихотворенія «Und wüssten's die Blumen, die kleinen...» Кстати, одинъ Вейнбергъ уловилъ оттѣнокъ ласки, заключающійся въ прилагательномъ «die kleinen», и переводитъ:

Если бъ знали малютки цвѣточки...

Ср. Бергамаско:

Когда бы цвѣты *полевые*...

Долгинцевъ:

Если бъ цвѣточки узнали...

Слѣдуетъ помнить еще то, что Долгинцевъ (1890 г.) и Бергамаско (1897 г.) переводили послѣ Вейнберга и могли бы, если бы пожелали, воспользоваться его опытомъ. Послѣдняя строфа въ оригиналѣ звучитъ такъ:

Die alle können's nicht wissen,
Nur Eine kennt meinen Schmerz:
Sie hat ja selbst zerrissen,
Zerrissen mir das Herz.

Тутъ рельефное противоставленіе «одной»—«всѣмъ» и сильное подчеркиваніе «zerrissen» являлись главными затрудненіями перевода, разрѣшенными блестяще Вейнбергомъ; болѣе поздніе переводчики обходятъ ихъ, какъ будто никакого оригинала и не было.

Бергамаско:

Но *міръ* моей скорби не знаетъ,
А та, кому вѣдомо все,
Съ холодной усмѣшкой терзаетъ
Разбитое сердце мое.

Долгинцевъ:

Но имъ не извѣстно про это,
Только она знаетъ муки,
Которыя сердце *поэта*
На части рвутъ *болью разлуки*.

Вейнбергъ:

Но никто моей грусти не знаетъ,
Знаетъ грусть мою только одна:
Безпощадно сама разорвала,
Разорвала мнѣ сердце она.

Изъ такихъ то сличеній выясняется высокое качество переводовъ Вейнберга, принимая во вниманіе которое слѣдуетъ признать, что изданіе Гейне на русскомъ языкѣ является главнымъ нерукотворнымъ памятникомъ его дѣятельности. Но за Гейне слѣдуетъ длинный перечень другихъ переводовъ, въ которомъ замѣтно преобладаютъ драматическіе поэты, Шекспиръ, Шиллеръ, Лессингъ, Гуцковъ, Мольеръ. Не удивительно потому, что любовь къ театру проходитъ красною нитью черезъ всю жизнь Вейнберга. Съ какимъ сосредоточеннымъ вниманіемъ мальчикъ слѣдилъ за театральными представленіями, доказывается тѣмъ, что шестьдесять лѣтъ спустя Вейнбергъ до мельчайшихъ подробностей могъ описать игру и обликъ Щепкина и Мочалова. Въ томъ, что Вейнбергъ тогда хотѣлъ посвятить себя сценическому искусству, нѣтъ ничего страннаго, кто въ мальчишескомъ возрастѣ не возымѣлъ желаніе сдѣлаться актеромъ? Но замѣчательно то, что Вейнбергъ остался вѣренъ своей дѣтской симпатіи, что постоянно застаемъ его въ качествѣ устроителя литературныхъ спектаклей, гдѣ главная роль, какъ бы сама собой, выпадала на его долю. Самымъ достопамятнымъ событіемъ въ этомъ родѣ была постановка «Ревизора» въ 1860 г., съ участіемъ Писемскаго въ роли городничаго, Достоевскаго въ роли почмейстера (самъ Вейнбергъ игралъ Хлестакова) и Тургенева и Григоровича въ видѣ статистовъ-купцовъ [1]). Но Вейнбергъ испыталъ свои силы или въ болѣе и менѣе самостоятельныхъ драматургическихъ опытахъ, передѣлывая, напр., для сцены «Дворянское гнѣздо» и составляя ко днямъ столѣтней годовщины памяти Фонвизина и Грибоѣдова прологи-пьесы. Послѣдніе смотрятся съ несомнѣннымъ интересомъ и обладаютъ незамѣнимымъ педагогическимъ значеніемъ. Въ особенности можно пожалѣть о томъ, что на ученическихъ спектакляхъ не ставятъ этихъ прологовъ въ связи съ тѣми твореніями, къ пониманію которыхъ они служатъ естественнымъ введеніемъ. Какъ нужно цѣнить такія произведенія, въ которыхъ выводятся дѣятели родной литературы, можно научиться у нѣмцевъ, которые облюбовали комедіи «Лейтенантъ короля», «Ученики Карлсшуле» и «Молодыя страданія

1) Вейнбергъ, Литературные спектакли (Ежегодникъ Императорскихъ театровъ 1893—4 г.).

Гейне» главнымъ образомъ потому, что въ качествѣ дѣйствующихъ лицъ въ нихъ выступаютъ Гете, Шиллеръ и Гейне. Правда, прологъ «У Фонвизина»[1]) страдаетъ длиннотами, но вѣдь ихъ легко устранить, и режиссеры вѣдь въ этомъ отношеніи не стѣсняются; «Милліонъ терзаній»[2]) же написанъ безукоризненно живо, а мысль вложить заключительныя слова въ уста Пушкину обезпечиваетъ за этой пьесой постоянный успѣхъ.

Эта драматургическая жилка явилась важнымъ подспорьемъ при переводѣ Шекспира. Укажемъ опять на нѣсколько параллелей изъ «Отелло», имѣющагося въ переводахъ до и послѣ Вейнберга. Возьмемъ нѣсколько трудноватыхъ мѣстъ изъ діалога Яго и Отелло (III сцены третьяго дѣйствія):

1) Слова Отелло: Look here, Jago;
All my fond love thus do I blow to heawen: 'tis gone.

Ив. П—въ (1836 г.): *Посмотри на меня,* Яго: *одно дуновеніе освободило меня* отъ *глупой* любви. Эта любовь *испарилась въ воздухъ,* она исчезла . . .

Лазаревскій (1845 г.):
О Яго!.. *вздохи*—всю любовь,
Безумную любовь свою *послалъ*
Я къ небесамъ *святымъ!*. . Ушла . . . ушла!

Вейнбергъ (1864 г.): Яго,
Смотри сюда: съ себя я къ небесамъ
Безумную любовь мою сдуваю—
Она прошла . . .

Кусковъ (1870 г.): Яго,
Смотри сюда: всю *нѣжную* любовь
Свою я *выдуваю* къ небу: *вотъ какъ.*
Она прошла.

---

1) Ежегодникъ Императорскихъ Театровъ 1891—2 г.
2) Тамъ-же 1893—4 г.

2) Отелло: Swell, bosom, with thy fraught
For't is of aspics' tongues!

Ив. П—въ: Что жь ты не расширяешься, грудь моя? О, ты *полна* змѣинымъ *ядомъ!*

Лазаревскій: *Прочь изъ груди все!*
Все прочь!.. Тамъ тѣсно, душно мнѣ уже
Отъ *свиста* языковъ змѣиныхъ...

Вейнбергъ:
Вздымайся, грудь, подъ бременемъ *отравы*
Отъ языковъ змѣиныхъ.

Кусковъ: Грудь,
Отъ груза своего распухни, потому что
Онъ весь въ змѣиныхъ жалахъ!

3) Отелло: Like to the Pontick sea,
Whose icy current and compulsive course
Ne'er feels retiring ebb, but keeps due on
To the Propontick and the Hellespont:
Even so my bloody thoughts, with violent pace,
Shall ne'er look back, ne'er ebb to humble love,
Till that a capable and wide revenge
Shallow them up.

Ив. П—въ: Какъ Эвксинскій понтъ, котораго хладныя и стремительныя волны не знаютъ отлива, бурно напирая на Пропонтиду и Геллеспонтъ, такъ и мои кровавые замыслы въ своемъ *стремленьи,* не обратятся назадъ, до тѣхъ поръ—покуда месть моя не поглотитъ *этихъ любящихся.*

Лазаревскій:

Какъ волны *вѣчно* дикаго Эвксина
Безъ отдыха, безъ срочнаго отлива,

Въ напорѣ бѣшеномъ все идутъ вдаль
На Геллеспонтъ и Пропонтиду,—такъ
Мои кровавые обѣты, въ ихъ
Стремленьи дикомъ, позабывъ любовь,
Все выростая, страшно выростая,
Тамъ остановятся, гдѣ ихъ задушатъ.

Вейнбергъ: Какъ волны ледяныя
Понтійскихъ водъ, въ теченьи неудержныхъ,
Не вѣдая обратнаго отлива,
Впередъ, впередъ несутся въ Пропонтиду
И въ Геллеспонтъ,—такъ замыслы мои
Кровавые неистово помчатся,
И ужъ назадъ не взглянутъ никогда,
И къ нѣжности смиренной не отхлынутъ,
И будутъ все нестись неудержимо,
Пока не поглотятся дикимъ мщеньемъ.

Кусковъ: Какъ ледяныя волны Понта
Эвксинскаго, въ стремительномъ теченьи
Своемъ, не знаютъ замедляющихъ отливовъ,
А *неизмѣнно* рвутся къ Пропонтидѣ
И Геллеспонту, такъ
Кровавыя мои *идеи,* въ ихъ
Неудержимомъ шествіи, во вѣки
Назадъ смотрѣть не будутъ, не отхлынутъ
На лоно трепетной любви, покуда
Ихъ не поглотитъ мщенье, *какъ онѣ,*
Широкое.

Кромѣ элементарныхъ погрѣшностей противъ русскаго языка (выдуваю любовь, тѣсно отъ свиста, шествіе идей, широкое мщенье), противъ смысла оригинала, какъ въ послѣднемъ примѣрѣ у П—ва и Лазаревскаго, и, наконецъ, стиха (см. Кускова), ни одному переводчику не удалось въ той мѣрѣ, какъ Вейнбергу, передать образность шекспиров-

скаго языка: I blow to heawen—я сдуваю къ небесамъ, ebb to love—отхлынуть къ нѣжности, revenge shallow them up—поглотятся мщеньемъ. Обобщая наши наблюденія, можно сказать, что въ смыслѣ близости къ подлиннику и естественной красоты перевода, Вейнбергъ представляетъ собой не только громадный шагъ впередъ, но и является тѣмъ совершенствомъ, послѣ котораго начинается уже распадъ художественной формы и отклоненіе отъ оригинала.

Съ переводческою дѣятельностью Вейнберга тѣсно связана его издательская и научно-популяризаторская. Кромѣ Гейне, Вейнбергъ редактировалъ собраніе сочиненій Берне (2 т.), Гете (18 т.), Коппэ и избранныя стихотворенія Виктора Гюго. Затѣмъ, 13 мѣсяцевъ, начиная съ января 1861 г., Вейнбергъ былъ редакторомъ еженедѣльнаго журнала «Вѣкъ» и около трехъ лѣтъ (1883—5) редакторомъ ежемѣсячнаго журнала «Изящная литература».—Находясь въ Варшавѣ, Вейнбергъ въ 1872 г. напечаталъ диссертацію «Русскія народныя пѣсни объ Иванѣ Грозномъ» [1]), но онъ какъ будто самъ чувствовалъ, что не въ этомъ направленіи лежитъ его сила. По крайней мѣрѣ, онъ больше уже никогда не возвращается къ народной словесности и древней литературѣ, но корифеи современной поэзіи не разъ находятъ въ немъ теплаго, талантливаго описателя. Нѣтъ за послѣдній полвѣкъ ни одного болѣе виднаго періодическаго изданія съ историко-литературнымъ отдѣломъ, въ которомъ не участвовалъ бы Вейнбергъ увлекательно написанными очерками, обнаруживающими большую начитанность въ соотвѣтствующей научной литературѣ и хорошее знакомство съ изучаемымъ авторомъ. Нѣкоторые изъ подобныхъ очерковъ были напечатаны въ качествѣ введеній къ переводамъ.

Но не только публицистическимъ путемъ Вейнбергъ распространялъ знаніе и пониманіе поэзіи. Самъ испытавъ на себѣ благотворное вліяніе поэзіи на дѣтскій возрастъ, Вейнбергъ въ своихъ просвѣтительныхъ стремленіяхъ не забылъ и о малыхъ сихъ, и подарилъ нашему юноше-

---

1) См. рецензію А. Н. Веселовскаго, Вѣстникъ Европы, августъ 1872 г., стр. 902—18.

ству много цѣнныхъ школьныхъ изданій[1]). Самъ Вейнбергъ выступилъ преподавателемъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, сперва въ Варшавѣ, потомъ въ Петербургѣ. Его лекціи всегда собирали рѣдкое въ то время множество слушателей, слѣдящихъ съ неослабѣвающимъ интересомъ за красивымъ его изложеніемъ. Читалъ онъ о самыхъ разнообразныхъ предметахъ—о психологическихъ драмахъ Шекспира, о Байронѣ, Шелли, о литературѣ міровой скорби, объ англійскомъ романѣ XVIII в., о французскомъ романѣ XIX в., объ эпохѣ бури и натиска, о Молодой Германіи и пр. Для любителей поэзіи его лекціи были настоящимъ праздникомъ.—Сказанное только что можно отнести и къ многочисленнымъ публичнымъ лекціямъ, читаннымъ въ Петербургѣ, Москвѣ и провинціи.

Вейнбергъ не обладалъ самостоятельнымъ поэтическимъ талантомъ и нисколько не обманывалъ себя на этотъ счетъ, но его служеніе родной словесности было проникнуто такой искренностью и самоотверженной чистотой, что не всѣ несомнѣнные таланты отличаются одинаковой любовью къ поэзіи и литературѣ. Извѣстіе о смерти Пушкина и письмо Жуковскаго о послѣднихъ его минутахъ является самымъ трогательнымъ событіемъ въ его школьныхъ воспоминаніяхъ. А впослѣдствіи ни одинъ болѣе или менѣе достопримѣчательный день въ нашей литературѣ не проходилъ безъ того, чтобы не откликнулся на него Вейнбергъ. Мало того, Вейнбергъ сталъ центральнымъ лицомъ, вокругъ котораго группировались старшія и младшія поколѣнія писателей.

Вейнбергъ не принадлежалъ къ тѣмъ борцамъ человѣчества, смѣлый размахъ которыхъ сокрушаетъ обветшалыя формы и очищаетъ поле для будущихъ построекъ; онъ и не былъ всеобъемлющимъ умомъ, яркій свѣтъ котораго, подобно маяку, помогаетъ взять вѣрный курсъ на житейскомъ морѣ; но онъ былъ неутомимымъ сѣятелемъ разумнаго-добраго и остается только пожелать, чтобы посѣвъ его вездѣ нашелъ чуткую, воспріимчивую почву.

К. Тіандеръ.

---

1) Русскіе писатели въ классѣ (9 вып.); Европейскіе классики (8 вып.); Русская исторія въ русской поэзіи (1888 г.); Критическая хрестоматія по исторіи русской литературы (1887 г.).

Два слова о предсказаніяхъ въ пасхаліи.

Между рукописями Московскаго Успенскаго собора (теперь въ Московской Синодальной Библіотекѣ) одна обращаетъ наше вниманіе по своимъ предсказаніямъ.

Это Уставъ Церковный Іерусалимскій, написанный на пергаменѣ, полууставомъ, и значащійся подъ № 5. Судя по замѣткѣ на оборотѣ 295 листа, гласящей:

В лѣт ҂ѕцм. къ петрово говѣніе, манастырю стго савы, миноуло. ле. лѣт. а смерти князя великого, Михаила. лд. лѣт на пиминовъ днь,

Уставъ написанъ всего скорѣе въ Твери, и принадлежалъ монастырю св. Саввы Вишерскаго. Изъ другой замѣтки, на л. 88: **до зде, марка, ієрѡмонаха. съписаніє трꙋдолюбное**, видно, что въ немъ находятся, между прочимъ, «Марковы главы»[1]).

Послѣ собственно Устава помѣщается «Изложеніе пасхаліи седмыя тысѧща послѣдняго ста», начинающееся съ 6932 = 1424 г.

Судя по этой датѣ, рукопись написана въ 1423 г.

Пасхалія содержитъ въ себѣ указанія на числа круга солнца, круга луны, индикта, θемеліо, на день Рождества Христова, на количество недѣль и дней мясоястія, на день недѣли мытаря и фарисей, на день мясопуста, на вруцѣлѣтіе, на день памяти 40 мучениковъ, на день Бла-

1) О нихъ см. у Мансветова, Церковный Уставъ (Типикъ), его образованіе и судьба въ греческой и русской церкви, М. 1885, стр. 216 сл.

говѣщенія, на дни пасхи еврейской и христіанской, на день св. Георгія, на начальный день Петрова поста, на количество времени этого поста, на день свв. Петра и Павла.

Пасхалія имѣетъ всѣ признаки составленной не въ Россіи, а въ Греціи или у южныхъ славянъ. Ея текстъ восходитъ къ средне-болгарскому оригиналу и нерѣдко сохраняетъ правильное употребленіе ѫ въ этомъ послѣднемъ.

При 6936 = 1428 г. текстъ пасхаліи имѣетъ замѣтку, киноварью:

Блюдѣте оубо ѡ братїе, извѣстно и разоумнѣ здѣ ноуж^д^а.

При 6966 = 1458 г., кругъ солнца 23-й, находится другая замѣтка, также киноварью:

здѣ стра^х^. здѣ скорбь. здѣ бѣда велика. в распѧтїи х҃вѣ сїи крѫгъ б҃ы. и се лѣто на конци ꙗвисѧ. в нѧже чаѧемь всемирное твое пришествїе ѡ вл^д^ко. оумнꙋжишѧ безаконїа на земли. пощади насъ. ѡ вл^д^ко. исполнь н҃бо и зе^м^лѧ слава твоеѧ пощa^д^ нa. бл҃нъ грѧдыи въ имѧ г҃не пощади насъ. Блюдѣте оубо извѣстно и разоумнѣ ѡ братїе. кто хощеть быти 1) в то времѧ. бѣгаа и бѣжи невѣрїа. быша и при насъ измаилы. здѣ. и до здѣ. и пакы.

Указаніе на турокъ не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что эта замѣтка составлена грекомъ или южнымъ славяниномъ, и что «бѣда великая», по мнѣнію ея автора, можетъ заключаться не только въ кончинѣ міра, но и въ притѣсненіяхъ турокъ.

При послѣднемъ, 7000 годѣ, кругъ солнца 28-й, нѣтъ никакой замѣтки. Въ концѣ пасхаліи, киноварью, написано только:

Конець сед'ми тысѧщамь. тр҃це ст҃а слава тебѣ. доѯа си о деос. слава ти д҃ше ст҃ыи. сл҃а ти б҃же, амн҃.

По всей вѣроятности, русскіе XV в. получили отъ южныхъ славянъ не одинъ списокъ пасхаліи. По крайней мѣрѣ, въ спискѣ Моск. Синодальной Библіотеки № 915 (316), среди статей и статеекъ полученныхъ въ XIV—XV вв. отъ южныхъ славянъ, находится пасхалія 1460—

1) Съ значеніемъ: кто будетъ.

1492 годовъ, также съ предсказаніями при послѣднихъ 22 годахъ седьмой тысячи. Эти предсказанія взяты изъ Слова Меѳодія Патарскаго и житія Андрея Юродиваго и относятся къ греческому царю Михаилу и къ Константинополю. Ничего русскаго въ нихъ нѣтъ. Только при 6997 = 1489 г. говорится о пришествіи антихриста въ Іерусалимъ и явленіи воскресшихъ Иліи и Еноха, что́ могло быть написано и русскимъ. Предсказанія при 7000 = 1492 г. нѣтъ. Писецъ отмѣчаетъ: «нѣціи же глаголють—тогда же будетъ второе пришествие Господне; глаголеть же святый Марко еуангелистъ: о дни томъ и о часу никтоже не вѣсть, ни ангели небесныя, ни Сынъ, токмо Отецъ, Отецъ единъ. Слава Тебе, Господи, створшему вся! Не отверзи насъ отъ Своего лица, но изволи помиловати насъ въскресенья ради». Его слова и ихъ спокойный тонъ показываютъ, что онъ придавалъ мало значенія предсказаніямъ объ антихристѣ.

Изъ изложеннаго видно, что приписывать вставку предсказаній въ пасхалію еретикамъ жидовствующимъ «на соблазнъ православнымъ» или видѣть въ этихъ предсказаніяхъ «господствующія опасенія времени», какъ дѣлаетъ покойный Н. С. Тихонравовъ (Соч., I, стр. 240—241), нѣтъ основаній.

Изъ изложеннаго также видно, что слова: «зде страхъ, зде скорбь» и пр. первоначально находились не подъ страшнымъ для русскихъ послѣднимъ годомъ седьмой тысячи, а подъ безразличнымъ для нихъ 1458-мъ годомъ, однимъ изъ тѣхъ многихъ годовъ, когда кругъ солнца долженъ былъ быть тотъ самый, какой былъ въ годъ Христова распятія.

А. Соболевскій.

Сказаніе о послѣднихъ дняхъ жизни митрополита Макарія.

(15 сент.—31 дек. 1563 г.)[1]

«Именемъ митрополита Макарія можно обозначить цѣлую эпоху въ исторіи древнерусской агіобіографіи. На это даетъ право уже одно количество литературныхъ памятниковъ, появившихся въ его время подъ близкимъ или отдаленнымъ вліяніемъ, отъ него исходившимъ. Древнерусская литература житій не оставила жизнеописанія этого знаменитаго собирателя житій, хотя онъ не прошелъ и въ ней безъ всякаго слѣда. Сохранилась повѣсть о послѣднихъ дняхъ его, которую можно принять за матеріалъ для житія[2]), не получившій однакожъ дальнѣйшей обработки.

---

1) Читано въ Императорскомъ Обществѣ любителей древней письменности 18-го февраля 1905 года.

2) Въ нѣкоторыхъ рукописяхъ (XVIII в.) имя митрополита Макарія встрѣчается въ числѣ святыхъ. См. Архіепископъ Сергій. Полный мѣсяцесловъ Востока. Томъ II. Изданіе 2-е. Владиміръ 1901. Стр. 566. («Приложеніе третіе. Русскіе святые въ полныхъ рукописныхъ святцахъ, неканонизованные и нечтимые мѣстно»). Е. Голубинскій. Исторія канонизаціи святыхъ въ русской церкви. Изданіе 2-е. М. 1903. Стр. 361 (въ «Спискѣ усопшихъ, на самомъ дѣлѣ не почитаемыхъ, но имена которыхъ внесены въ каталоги святыхъ»): въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ была икона митрополита Макарія. А. Титов, Описаніе рукописей А. А. Титова. Томъ V. М. 1906. Стр. 114: № 1526 (3729), сборникъ XVIII в., л. 101. «Оувѣтъ, л. 266. Нач. Святый Макарій, митрополитъ московскій, иже началникъ священнаго онаго собора бѣ, преставися въ лѣта 7093» *(Такъ)*. См. *тамъ же* еще стр. 177: № 1550 (3639), сборникъ XVIII в., л. 206 об.

Поздній списокъ этой повѣсти въ рукописи Большакова въ Московскомъ публичномъ музеѣ № 266» [1]).

Объ этой рукописи могу сказать слѣдующее. Въ 8 д. л., 36 листовъ.—Нумерація внизу, церковнославянскими буквами.—Полууставъ конца XVIII вѣка. Оглавленія и первыя буквы текста киноварью. Оглавленія слѣдующія: л. 1. О хожденіи со кресты Макарія, митрополита Московскаго и всея Русіи. Нач. л. 1 об. В лѣто 7072-го, сентября въ 15 день, на память святаго великомученика Никиты, Макаріи, митрополитъ всея Русіи, пѣлъ молебны со всеми соборными въ соборнѣи церкви Рузскія митрополіи....

Л. 3. О немощи митропол(ита) Макарі(я). Нач. И начя сказовати Макаріи митрополитъ старцемъ своимъ, что изнемогаетъ....

Л. 17. Преставленіе Макарія митропол(ита) всея Русіи. Нач. Предиреченыя же старцы, яже живяху у него въ келіи, многажды видяху митрополита Макарія тайно предъ образомъ пре(л. 17 об)чистыя Богородицы престояша и молящася со слезами и воздыханіемъ...

л. 25. Грамота прощальная. Нач. Во имя святыя и единосущныя и неразделимыя Троицы. Азъ, рабъ Божіи, смиренныи Макареи, митрополитъ всея Русіи.....

Н. Лебедевъ въ статьѣ «Макарій митрополитъ всероссійскій» указалъ на другой списокъ «Сказанія», рукопись Московской духовной академіи № $^{20}/_{102}$ [2]).

Е. Е. Голубинскій въ «Исторіи русской церкви» [3]) тоже указываетъ на два названныя списка «Сказанія», при чемъ, между прочимъ, сообщаетъ нѣкоторыя свѣдѣнія о рукописи Московской духовной академіи № $^{20}/_{102}$ [4]).

«О немощи и преставленіи и погребеніе (sic) Макарія, митрополита всея Руси»,—рукопись библіотеки Московской Духовной Академіи, но-

---

1) В. Ключевскій. Древнерусскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ М. 1871. Стр. 221.

2) *Чтенія въ обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія.* 1877. Октябрь. (Часть II.) Стр. 444.

3) Томъ II. Первая половина тома. М. 1900. Стр. 745, пр. 1.

4) Теперь по временному каталогу она значится подъ № 119.

ваго уставнаго письма, изъ числа рукописей, поступившихъ въ библіотеку изъ Московской Духовной Консисторіи, № $^{20}/_{102}$ (30 четверточныхъ листовъ съ десятью строками на каждой страницѣ)»

Наконецъ, на послѣднихъ страницахъ т. II «Исторіи русской церкви» Е. Е. Голубинскій излагаетъ содержаніе «Сказанія», по рукописи Московской духовной академіи, съ нѣкоторыми своими дополнительными примѣчаніями[1]).

Къ тому, что говоритъ Е. Е. Голубинскій о рукописи Московской духовной академіи, могу добавить слѣдующее. На первой (внѣшней) сторонѣ бумажной обложки рукописи, вверху: № $^{20}/_{102}$, немного ниже: 129; посрединѣ карандашомъ: «По вр. кат. № 119». Внизу штемпель: библіотека Московской духовной академіи. У самаго нижняго края карандашомъ, почеркомъ XIX вѣка: «принадлежитъ.....[3]) Федоровичу Большакову». На задней половинѣ обложки, съ внѣшней стороны, небольшая печать, скрѣпляющая шнуры, которые проходятъ черезъ всѣ листы; немного ниже, карандашомъ: № 102.

На л. 1, вверху: № $^{20}/_{102}$, потомъ цифры: 130 и 1, послѣдняя болѣе свѣжими чернилами. Вся рукопись имѣетъ двойную нумерацію листовъ, вверху, справа: 130—160, 1—31.

На л. 1 киноварью заглавіе. (Приведено у Е. Е. Голубинскаго). Первая буква текста также киноварью.

Нач.: Въ лѣто 7072, сентября въ 15 день, на память великомученика Никиты, Макаріи, митрополитъ всея Русіи, пѣлъ молебны со всеми соборы въ соборнеи церкви Русскія митрополіи....

Въ настоящее время мнѣ извѣстенъ еще одинъ списокъ «Сказанія» — изъ собранія князя П. П. Вяземскаго, въ Императорскомъ Обществѣ любителей древней письменности: «Folio. CVIII. Житіе прав. Артемія Веркольскаго, на 43 лл.; скороп. нач. XIX вѣка. л. 17. О немощи и о погребеніи Макарія, митрополита всея Русіи. Нач. Въ лѣто

---

1) Стр. 872, пр. 3 (на стр. 872—874).

2) Е. Голубинскій. Исторія русской церкви. Томъ II. Первая половина тома. М. 1900. Стр. 745, пр. 1.

3) Трудно разобрать: почти стерлось.

7072-го сентября въ 15 день на память великомученика Никиты»[1]) Макарій, митрополитъ всея Русіи, пѣлъ молебны со всеми соборы, въ соборнѣй церкви Русскія митрополіи....

«Рукою кн. П. П. Вяземскаго помѣчено: «.... II. О немощи и о погребеніи Макарія, митрополита всея Руси въ 156 году, 15 сентября 17. Всего въ рукописи 44 мѣста, первый и послѣдній бѣлые»[2]).

Принимая во вниманіе высокое уваженіе, какимъ пользуется митрополитъ Макарій у ревнителей старой вѣры[3]), можно думать, что списковъ «Сказанія» гораздо больше, чѣмъ намъ теперь извѣстно.

Изъ извѣстныхъ текстовъ самый полный находится въ рукописи кн. П. П. Вяземскаго № CVIII (=В.).

Очень близко къ рукописи В. стоитъ списокъ Московской духовной академіи № $^{20}/_{102}$=№ 119 (=М.), но онъ не совсѣмъ сходенъ съ В. Напримѣръ: въ рукописи В, л. 23: «Пріиде же из обеда царь и великія князь Иванъ Ва(л. 23 об.)сильевичъ всея Руси въ соборную церковь. Макарія же митрополитъ не возможе итти въ церковь государя видѣти и благословити». Въ М. (л. 7 об.) этихъ строкъ нѣтъ. В., л. 26: «И ты бѣ, отецъ и учитель, легъ въ дому пречистыя Богородицы» (говорилъ царь Иванъ Васильевичъ). Въ М. (л. 10 об.) этого нѣтъ. Нѣтъ нѣкоторыхъ словъ и предложеній въ М. на л. 12—12 об. (В., л. 28); л. 13 об. (В., л. 29); л. 28 (В., л. 40). Въ концѣ М. (л. 31 об.) сказано, что митрополитъ Макарій «погребенъ бысть въ церкви Успенія пресвятыя Богородицы, въ соборнеи, на Москвѣ, генваря въ 1 день....въ 1 часъ дни.» В., л. 43: «И погребенъ бысть въ церкви Успенія пресвятыя Богородицы, въ соборней, на Москвѣ, января въ 1 день..... въ 6 часъ дни».[4])

---

1) Доселѣ выписка въ печатномъ описаніи рукописи № CVIII.

2) *Описаніе рукописей князя П. П. Вяземскаго*. Спб. 1902. Стр. 113—114.

3) Повидимому, списокъ Московской духовной академіи № 119 изъ отобранныхъ у старообрядцевъ.

4) Д. Прозоровскій. О старинномъ русскомъ счисленіи часовъ: *Труды II археологическаго съѣзда*, вып. II. Спб. 1881. Стр. 194: 1-ый часъ дня 1-го января 7072 года=8 ч. 5 м. по полуночи; 6-й часъ дня 1-го января 7072 года=1 ч. 5 м. по полудни.

Списокъ Румянцовскаго музея № 266 (=Р.) отличается, сравнительно съ В. и М., краткостью изложенія. Напримѣръ: В., л. 25: «и до коего времени о тебе Богъ благоволитъ, и ты бы, государь Макари, митрополитъ всея Руси, что въ дому пречистыя Богородицы и великихъ чудотворцевъ въ соборнеи апостолстѣй церкви, идеже прежнія митрополиты всея Руси». И глаголя: «воля Господня да будетъ; судьбы Божія кто исповѣсть? Что Богъ восхощетъ, то и учинитъ». И потомъ митрополитъ начатъ зелнѣ изнемогати, и санъ (л. 25 об.) святительскіи хотя оставати. И письмо то къ государю посла со старцемъ Афонасіемъ з духовникомъ. Царь же и великіи князь, слышавъ таковую мысль отъ отца своего неотступну и писаніе видевъ, пріиде самъ, а съ нимъ дети его, царевичъ Иванъ да царевичъ Феодоръ, для благословенія и прощенія. И нача государь его молити, чтобъ престола не оставилъ, доколе о немъ Богъ изволитъ. И митрополитъ, положивъ на Божіи воли, что Богъ восхощетъ, то и бу(л. 26)детъ. И поиде государь царь во своя царскія полаты. И того дни, въ 5 часъ нощ(и) [1]), пріиде ко отцу своему освященому Макарію, митрополиту всея Русіи, дщерь его, благовѣрная и христолюбивая царица и великая княгиня Марія [2]), прося отъ него благословенія и прощенія. И нача молити со слезами и глагола, чтобъ престола Божіа не оставилъ, доколѣ о немъ Богъ изволитъ и пошлетъ по его душу: «и ты бъ, отецъ и учитель, легъ въ дому пречистыя Богородицы». Митрополитъ же, слышавъ таковыя (л. 26 об.) глаголы отъ благовѣрныя царицы Маріи, и глагола со слезами: «воля Господня да будетъ; яко же Богъ восхощетъ, тако и будетъ». И царицу наказавъ доволнѣ словесы духовными, и благословивъ, и простивъ, и самъ отъ нея прощенія получивъ. Отиде во своя царскія палаты. И митрополитъ начатъ зелнѣ изнемогати, яко же никогда же. И декабря въ 21 день....

Р., л. 15: «... (Царь говорилъ) и доколѣ Богъ изволитъ, престола Божія не оставити». И декабря въ 21 день....

---

1) Д. Прозоровскій. Указан. сочиненіе, 194: 5-ый часъ ночи=7 ч. 5 м. по полудни.

2) Іоаннъ IV вступилъ въ бракъ съ ней 21-го августа 1561 года; умерла 1-го сентября 1569 года.

В., л. 28: «И декабр(я) въ 24 день, въ навечеріи Рожества Христова, царь и великіи князь Иванъ Васильевичъ всея Русіи приславъ къ отцу своему Макарію, митрополиту всея Русіи, боярина своего Ивана Петровича Федорова навестити, а велелъ ему сказати, что имъ, государю и его царице и его царевичамъ, и тебе, отцу нашему, пѣли многолѣтіе; «и ты бъ, отецъ нашъ, (л. 28 об.) молилъ Бога и пречистую Богородицу и великихъ чудотворцевъ о нашемъ здравіи, и нашеи царице, и о нашихъ царевичехъ, и о всѣхъ болярехъ, и о всехъ нашихъ, и о всемъ православномъ христіянствѣ; а мы тебе, отцу своему, на томъ челомъ бьемъ». Митрополитъ же, слышавъ таковыя глаголы отъ государя, аще и зело немощенъ, но отъ великія радости прослезися и нача глаголати: «дондеже есмь, Господа Бога молити и пречистую Богоматерь и великихъ чудотворцевъ о вашемъ царскомъ здравіи, и о твоеи благовѣрнои (л. 29) царице и великои княгине Маріи, и о твоихъ царевичехъ Иване и Ѳеодоре Ивановиче, и о всемъ православномъ христіянстве, елико сила можетъ». Благослови боярина и отпусти къ благовѣнчаному царю со благословеніемъ, съ великимъ челобитьемъ. Предиреченныя же тыя старцы.....

Р., л. 16 об.: «И декабря 24-го, въ навечеріи Рождества Христова, митрополитъ нач(а) вельми (л. 17) изнемогати, яко николиж(е) бѣ тако.

Представленіе Макарія митропол(ита) всея Русіи.

Предиреченыя же старцы....

Большія сокращенія находимъ въ Р. въ «Прощальной грамотѣ», л. 33 об. (В., л. 39—40); л. 34 (В., л. 40 об.—42)[1]).

Какъ было уже указано, въ Р. есть оглавленія[2]).

Во всѣхъ трехъ спискахъ, В., М., Р., помѣщена «Прощальная грамота»[3]). Текстъ этой грамоты напечатанъ 1) въ *Актахъ историческихъ*, т. I (Спб. 1841), стр. 328—331: «Духовная грамота митрополита Макарія». «Изъ Лѣтописнаго Александро-Невскаго Сборника (рукоп. in fol., XVI вѣка, л. 967—973), хранящагося въ библіотекѣ С. Петер-

---

1) Текстъ «Сказанія» по списку В., съ варіантами изъ М. и Р., см. въ приложеніи къ *Отчетамъ о засѣданіяхъ О. Л. Д. П.* въ 1908—1909 г.

2) См. выше, стр. 126.

3) Ср. грамоту митрополита Кипріана: *П. С. Л. Р.*, т. V, 254—256.

бургской Духовной Академіи, подъ № 292 [1]). Въ заглавіи акта киноварью отмѣчено: Сей же списокъ повелѣ на погребеніи своемъ прочести, во услышаніе всѣмъ ту стоящимъ».

2) «Прощальная грамота» напечатана въ *Русской Исторической библіотекѣ*, т. III (Спб. 1876), стр. 198—205. Изъ «Отрывка лѣтописи о временахъ царя Ивана Васильевича Грознаго»—«Изъ рукописи XVII вѣка, принадлежащей библіотекѣ Александроневской Лавры, отмѣченной въ Исторіи Государства Россійскаго подъ именемъ Александроневской лѣтописи» [2]).

Сличеніе текста «Прощальной грамоты» изъ рукописи Спб. духовной академіи № 298 и текста списковъ В., М., Р., показываетъ, что текстъ «Прощальной грамоты» В., М., Р. имѣетъ довольно недостатковъ.

Какъ можно видѣть, списки «Сказанія»—позднѣйшіе, XVIII и XIX вѣка (начала): провѣрка данныхъ «житія» представляется необходимой.

Въ «Сказаніи» есть подробности, которыя указываютъ, что оно было составлено тогда, когда были живы, если не лица близкія къ Макарію, то, по крайней мѣрѣ, были свѣжи еще преданія о Макаріи, т. е. приблизительно «Сказаніе» появилось не позднѣе конца XVI вѣка. Вотъ эти подробности, напримѣръ, на первыхъ листахъ «Сказанія» [3]).

(л. 17). О немощи, и о погребеніи Макарія, митрополита всея Русіи.

Въ лѣто 7072-го, сентября въ 15 день, на память великомученика Никиты, Макаріи, митрополитъ всея Русіи, пѣлъ молебны со всеми соборы, въ соборнѣй церкви Рускія митрополіи. Пойде же со крѣсты ко пречистѣи Богородицы, иже зовомое мѣсто подъ Ехоловымъ [4]), яко

1) Теперь рукопись значится подъ № 298. А. Родосскій. Описаніе 432-хъ рукописей, принадлежащихъ С.-Петербургской духовной академіи и составляющихъ ея первое по времени собраніе. Спб. 1894. Стр. 295.

2) *Русская историческая библіотека*, т. III, 161. Это—по рукописи № 298. См. предыдущее примѣчаніе.

3) Текстъ по рукописи В.

4) Е. Голубинскій. Исторія русской церкви, т. II, 872, пр. 3: «т. е. подъ Елоховымъ, къ церкви великомученика Никиты на Старой Басманной, главный престолъ который въ честь Владимирской Божіей Матери?»—О крестномъ ходѣ см. А. П. Голубцовъ. Соборные чиновники и особенности службы по немъ: *Чтенія* Моск. Общества исторіи и древностей. 1907, кн. 4 (223), 143—144.

же и прежде обычаи имать. И тамо пѣвъ молебны и воду святивъ (л. 17 об.) и совершивъ Божію литоргію, пріиде со кресты въ соборную церковь пречистыя Богородицы. И молебная совершивъ пойде въ своя келіи. Преосвященныи же Макаріи, митрополитъ всея Русіи, приде отъ правила вечерняго въ келію свою, и нача сказывати старцемъ своимъ, что изнемогаетъ веліе, тѣло студено съ болѣзнію одержимо суть. И наутріе не возможетъ итти въ соборную церковь слушати (л. 18) утреняго пѣнія, но повелѣ у себѣ пѣти въ келіяхъ. Къ обѣдни же повелѣ себѣ вести къ Ризѣ положенію, иже бе на его дворе. И оттоле впаде въ тяжекъ недугъ, и нача слушати всегда утреняго и вечерняго пѣнія въ келіяхъ своихъ. И повелѣ послати въ Пафнутіевъ монастырь, во свое постриженіе, ко игумену з братіею, возвестити свою немощь, чтобъ прислали старца духовна для бреженія (л. 18 об.) въ немощи. Они же къ нему прислаша старца Іелесея. И повелѣ жити у себя безпрестанно казначею своему, старцу Корнилію, да старцу Елисею Пафнутіева монастыря, иже любляше[1]). И тогда государь царь и великіи князь Иванъ Васильевичъ всеа Русіи хотя ехати помолитися къ живоначальнѣй Троице, приспе бо память великаго чюдотворца Сергія[2]). И пріиде царь въ соборную церковь и повелѣ молебны пети. Макаріи же митропо(л. 19)литъ повелѣ себя вести предреченнымъ старцемъ своимъ, иже бяху въ келіахъ у него, живяху, царя государя, и ево детѣй, и царицу, и царевичъ благословити ихъ и прощеніе отъ нихъ получити. И благослови ихъ и отпусти съ миромъ, а самъ отъ (нихъ)[3]) прощеніе получивъ отиде во своя келія. И нача зело изнемогати. И приказа боговенчанныи царь государь отца своего Макарія, митрополита всеа Русіи, навещати Чюдовскому архимариту Левкею[4]), да ду(л. 19 об.)ховнику своему старцу Афанасію[5]), да митрополичію духовнику, Богоявленскому игумену Феодосію[6]); да каз-

1) М. его—Р. свое постриженіе.

2) 25-го сентября преставленіе преп. Сергія Радонежскаго.

3) Изъ М.

4) П. Строевъ. Списки іерарховъ, 163: Левкій Чудовскій архимандритъ 1554—1568.

5) Карамзинъ. И. Г. Р., IX, 30.

6) П. Строевъ. Списки іерарховъ, 175: Богоявленскій монастырь, за торголъ, въ Москвѣ, въ Китай-городѣ. Нынѣ второклассный. Феодосій игуменъ 1557—1566.

начею его, старцу Корнилію, да старцу Елисею повеле у него жити безпрестанно. И сентября мѣсяца въ 15 день, съ недели на понедельникъ [1]), видя себя изнемогша, на 7-мъ часу нощи [2]) нача Божіе дѣло свершати: повелѣ Чюдовскому архимандриту Левкію, да старцу Афанасію, да казначею Корнилію, да Богородицкому протопопу Димитрію (л. 20), и прочимъ священникомъ масломъ себя освящати повеле. А на маслосвященіи митрополитъ стоялъ никимъ не держимъ. И скончавъ маслосвященіе отпусти ихъ съ миромъ. Преосвященныи же Макаріи митрополитъ, аще и зело немощенъ отъ телеснаго недуга одержимъ бе, но сна своими очима, ни веждома дреманія никогда же покоя вда, но всегда чтяше святое евангеліе и прочія книги. И за едину седмицу до отшествія (л. 20 об.) своего къ Богу не возможе отъ великія немощи чести святаго евангелія, но повелѣ чести ближнимъ своимъ старцемъ предреченымъ, иже суть въ кельяхъ его, живяху. И мѣсяца ноября въ 4 день, съ четвертка на пятницу [3]), въ 3 часъ нощи [4]), повеле себя вести въ соборную церковь Успенія Пресвятыя Богородицы и великихъ чюдотворцовъ Петру и Іонѣ. И повелѣ протопопу зъ братіею молебны пѣти, а самъ поиде у образовъ прикладыватися, никимъ же держимъ преосвященныи митрополитъ, и у ве(л. 21)ликихъ чюдотворцевъ Петра и Іоны, и у прочихъ, иже суть обрѣтаются въ той соборней церкви. И слезы отъ очію сердца зело дивны испущаше, и плака на много часъ предъ образомъ пречистыя Богородицы, нарицаемыя Владимирскія, иже бѣ Лука написа, и яко ту предстоящимъ дивитися чюдному его моленію. И совершивъ молебная пенія на пятомъ часу нощи [5]) и ста посреди церкви, призва протопопа зъ братіею, и иже суть въ церкви предстоя(л. 21 об.)щимъ и нача глаголати изъ глубины сердца съ воздыханіемъ и плача....

---

1) Невѣрно: 15-е сентября 7072 года было въ среду. Н. Горбачевскій. Археографическій календарь. Вильна. 1869. Стр. 52.

2) Д. Прозоровскій. Ук. соч., стр. 193: 7-ой часъ ночи=11 ч. 35 по полудни.

3) Н. Горбаческій. Археографическій календарь, 52: 4-е ноября 7072 г. было въ четвергъ.

4) Д. Прозоровскій. Ук. соч., 194: 3-ій часъ ночи=6,5 по полудни.

5) Д. Прозоровскій. Ук. соч., 194: 5-ый часъ ночи=8,5 по полудни.

Всѣ лица, упоминаемыя, въ «Сказаніи», дѣйствительно, были еще живы во времена Макарія. Въ «Сказаніи» встрѣчаются и небольшія неточности. Такъ въ числѣ іерарховъ, погребавшихъ митрополита Макарія, указанъ Крутицкій епископъ Филоѳей. Въ отрывкѣ Александро-Невской лѣтописи сказано, что на погребеніи были Филоѳей, епископъ Рязанскій и Муромскій и Сарскій и Подонскій епископъ Матѳей [1]).

Въ «Прощальной грамотѣ» говорится, что Макарій былъ поставленъ въ архіепископы Новгорода и Пскова рукоположеніемъ митрополита Іоасафа. Это невѣрно. Макарій былъ хиротонисованъ въ архіепископа Новгородскаго 4-го марта 1526 года, слѣдовательно, при митрополитѣ Даніилѣ (1522—1539), а не при Іоасафѣ (1539—1542) [2]).

Наконецъ, въ двухъ мѣстахъ дни недѣли указаны невѣрно [3]).

В. О. Ключевскій и Е. Е. Голубинскій не сомнѣваются въ древнемъ происхожденіи «Сказанія» и пользуются имъ въ своихъ трудахъ [4]).

Г. Кунцевичъ.

---

1) *Русская историческая библіотека*, т. III, 198. П. Строевъ. Списки іерарховъ, 414: «Епископы Рязанскіе и Муромскіе. Филофей въ 1562 хирот. изъ архим. Симонова монастыря; въ исх. 1568 (или въ началѣ 1569?) лишенъ сана». *Тамъ же*, 1034: Епископы Сарайскіе и Сарскіе и Подонскіе. 20. Матѳей хирот. въ янв. 1559, изъ игум. Бѣлоезерскаго Кириллова монастыря; въ 1564 удаленъ въ тотъ же монастырь;—и погребенъ тамъ же».

2) П. Строевъ. Списки іерарховъ, 36.—Въ *Русской исторической библіотекѣ*, III, 199: «и рукоположеніемъ господина преосвященнаго Даніила, митрополита всеа Русіи». То же въ *А. И.*, т. I, № 172, стр. 329.

3) Одно мѣсто см. выше, стр. 133, пр. 1; другое—на л. 31 об.: «генваря въ 1 день, въ суботу». 1-о января 7072 года было въ пятницу. Н. Горбачевскій. Указ. соч., 32.

4) См. выше, стр. 125—126.

Замѣтка о старославянской формѣ любꙑ въ выраженіи любꙑ дѣꙗти.

Относительно старославянской формы любꙑ въ выраженіи любꙑ дѣꙗти и въ однородныхъ съ нимъ: любꙑ творити; прѣлюбꙑ дѣꙗти, прѣлюбꙑ творити, сътворити и т. п. Ягичъ въ своемъ классическомъ трудѣ «Маріинское четвероевангеліе» Спб. 1883 г. на страницѣ 438 говоритъ слѣдующее:

«Строго соблюдаемая разница между именительнымъ (любꙑ) и винительнымъ (любъвь) заставляетъ сомнѣваться въ вѣрности обыкновеннаго объясненія формъ любꙑ и прѣлюбꙑ въ выраженіяхъ любꙑ дѣꙗти, прѣлюбꙑ дѣꙗти какъ винительнаго падежа (вм. любъвь, прѣлюбъвь). Не видно причины, почему не выражалось любъвь дѣꙗти, прѣлюбъвь творити, если дѣйствительно дѣло шло о винительномъ падежѣ существительнаго любꙑ. Можно конечно указать на камꙑ, пламꙑ въ значеніи винительнаго падежа (сл. Scholvin. Beiträge zur Deklination in den pannonisch-slovenischen Denkmälern. Archiv für slavische philologie II, 525); но не надо забывать, что эти слова мужескаго рода, гдѣ именительный и винительный обыкновенно совпадали, чего о словахъ женскаго рода сказать нельзя. Поэтому мнѣ кажется, что выраженіе любꙑ дѣꙗти представляетъ оборотъ параллельный съ извѣстнымъ милъ сѧ дѣѭ, только въ послѣднемъ случаѣ передается въ формѣ страдательной, въ первомъ же въ дѣйствительной; милъ сѧ дѣѭ значитъ мольбꙑ дѣѭ (сл. Древніе глаголич. памятн. И. И. Срезневскаго 269), а любꙑ дѣѭ можетъ быть вин. мн. ч. или же нарѣчіе (сл. малꙑ) отъ прилаг. любъ;

вм. множественнаго числа (любꙑ сътвори Мат. V, 28; прѣлюбꙑ творитъ V, 32, XIX, 9, 18 и т. д.) иногда (хотя рѣдко) встрѣчается винительный единственнаго числа: не прѣлюбъ дѣи Марка X, 19; не прѣлюбъ сътвори Луки XVIII, 20. Прилагательное любъ легко переходитъ въ нарѣчіе любо, оттуда любодѣати, прѣлюбодѣати при любодѣи, любодѣание, какъ благодѣати при благодѣтель, благодѣть».

Меллье (см. Bibliothèque de l'Ecole des Hautes Etudes etc. CXV-me fascicule, Paris. 1897. Recherches sur l'emploi du génitif-accusatif en vieux slave. Par A. Meillet, p. 73) считаетъ вышеприведенное объясненіе Ягича неправдоподобнымъ (invraisemblable). Онъ говоритъ:

«La propre explication du savant professeur de Vienne est invraisemblable parce que любꙑ est *visiblement* (курсивъ нашъ) un substantif dans ces locutions. Il semble donc ne rester d'autre ressource que de rapprocher ce *-y* (-ꙑ) de l'accusatif grec isolé -ῡν et d'y voir par suite une forme correcte et ancienne de l'accusatif d'un abstrait tel que любꙑ. Mais il y aurait témérité à l'affirmer; car, sans parler d'autres difficultés, on trouve en proposition négative Math. V, 27: не прѣлюбꙑ сътвориши zogr. ainsi que le constate M. Schakhmatov (traduction russe du Handbuch de M. Leskien p. 179) et *le mieux est de laisser cette question indecise*». (!) (курсивъ нашъ).

Послѣднія слова едва ли могутъ встрѣтить сочувствіе въ комъ либо изъ занимающихся наукою. Казалось бы, что ученому не слѣдовало, какъ говорится, махать рукой самому и соблазнять другихъ дѣлать тоже на научный вопросъ неподдающійся скорому рѣшенію; тѣмъ болѣе, что вопросъ, о которомъ идетъ рѣчь, вовсе не относится къ числу непостижимыхъ для человѣческаго разума. Довольно страннымъ представляется еще и то, что, признавъ за самое лучшее оставить вопросъ нерѣшеннымъ, Меллье не удержался отъ соблазна предложить гипотезу для его рѣшенія и притомъ такую, утверждать которую, по его же собственному признанію, было бы безразсудствомъ! Она, дѣйствительно, вышла такою. Причина, по моему мнѣнію, заключается въ томъ, что самый приступъ къ рѣшенію вопроса былъ неудаченъ: вмѣсто того, чтобы прежде всего постараться выяснить, что́ за слово любꙑ въ выраженіи любꙑ дѣꙗти, т. е. опредѣлить, какое его грамматическое и лексическое значеніе,

Мелье сразу; такъ сказать, призналъ его за имя существительное люб҄ы любъве. Основаніе — видимость: «люб҄ы», говоритъ онъ «est *visiblement* un substantif dans ces locutions», т. е. въ люб҄ы дѣꙗти люб҄ы творити и пр. А если слово люб҄ы въ выраженіи люб҄ы дѣꙗти есть существительное имя абстрактнаго значенія люб҄ы-любъве; то въ качествѣ прямого дополненія при дѣйствительныхъ глаголахъ: дѣꙗти, творити оно непремѣнно должно имѣть значеніе винительнаго падежа; но такъ какъ форма люб҄ы отъ существительнаго имени люб҄ы-любъве нигдѣ не встрѣчается съ значеніемъ винительнаго падежа въ качествѣ прямого дополненія при дѣйствительныхъ глаголахъ: то и пришлось или сочинять гипотезы, утверждать которыя было бы безразсудствомъ; или махнуть рукой на вопросъ, признавъ за лучшее не безпокоиться о его рѣшеніи. Мелье, къ сожалѣнію, сдѣлалъ и то, и другое. Такъ опасно ученому слишкомъ полагаться на видимость, которая, какъ извѣстно, часто бываетъ обманчива.

Таже видимость не прельстила, какъ мы уже знаемъ, другого авторитетнѣйшаго ученаго, Ягича. Онъ не признаетъ форму люб҄ы въ выраженіи люб҄ы дѣꙗти за имя существительное люб҄ы-любъве. Припомнимъ здѣсь начало его объясненія. «Строго соблюдаемая разница», говоритъ онъ, «между именительнымъ (люб҄ы) и винительнымъ (любъвь) заставляетъ сомнѣваться въ вѣрности обыкновеннаго объясненія формъ люб҄ы или прѣлюб҄ы въ выраженіяхъ люб҄ы дѣати, прѣлюб҄ы дѣати какъ винительнаго падежа (вм. любъвь, прѣлюбъвь). Не видно причины, почему не выражалось любъвь дѣати, прѣлюбъвь творити, если дѣйствительно дѣло шло о винительномъ падежѣ существительнаго люб҄ы». Научная основательность этихъ соображеній не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Если слово люб҄ы въ выраженіи люб҄ы дѣати не имя существительное; то оно можетъ быть только прилагательнымъ именемъ и притомъ ни въ какой другой формѣ, кромѣ какъ въ формѣ винительнаго падежа множественнаго числа отъ прилагательнаго муж. рода любъ. Въ концѣ своего объясненія Ягичъ и приходитъ къ этому опредѣленію формы люб҄ы въ выраженіи люб҄ы дѣати, но выражается весьма нерѣшительно: «люб҄ы дѣѭ», говоритъ онъ, «можетъ быть вин. мн. ч. или нарѣчіе (сл. мал҄ы) отъ прилагательнаго любъ». Но противъ пред-

положенія, что любы въ данномъ случаѣ можетъ быть нарѣчіемъ, свидѣтельствуетъ форма прилагательнаго имени прѣлюбъ (Марка X, 19: не прѣлюбъ дѣи; у Луки XVIII, 20: не прѣлюбъ сътвори), которую самъ же Ягичъ считаетъ формою винит. п. ед. числа, что, по моему мнѣнію,—совершенно вѣрно. Шаткость въ опредѣленіи формы любы въ выраженіи любы дѣати произошла у Ягича, какъ мнѣ кажется, вслѣдствіе того, что онъ вздумалъ искать данныхъ для ея объясненія не въ самомъ выраженіи любы дѣати, а на сторонѣ, въ другихъ аналогичныхъ, или, по его выраженію, параллельныхъ выраженіяхъ, которыхъ въ языкѣ, какъ видно, не оказалось. Приведенное имъ выраженіе милъ сѧ дѣѭ представляетъ довольно сомнительную параллель къ выраженію любы дѣѭ и, можно сказать, почти ничего не объясняетъ въ этомъ послѣднемъ. Между тѣмъ, отвлекши все свое вниманіе въ сторону отъ анализируемаго выраженія и направивъ его на поиски параллельныхъ выраженій, Ягичъ незамѣтно для себя потерялъ ту почву, на которую всталъ было такою твердою ногою. Тѣмъ не менѣе онъ первый указалъ научное начало для рѣшенія вопроса и далъ, хотя неясный и шаткій, однако вѣрный намекъ на правильное, какъ я думаю, опредѣленіе формы любы въ выраженіи любы дѣꙗти.

Теперь, дерзая нарушить заповѣдь Меллье, которая гласитъ: «Лучше всего оставить этотъ вопросъ нерѣшеннымъ», я перехожу къ изложенію попытки своего рѣшенія.

Между старославянскими выраженіями: любы дѣꙗти, прѣлюбы дѣꙗти; любы творити, прѣлюбы творити и сътворити и др. выраженіе любы дѣꙗти, безъ сомнѣнія, служитъ первообразомъ для всѣхъ остальныхъ однородныхъ съ нимъ выраженій. Въ этомъ выраженіи самъ старославянскій языкъ древнѣйшихъ памятниковъ не допускаетъ возможности видѣть тожество слова любы съ фонетически сходнымъ съ нимъ словомъ любы, напр., въ выраженіи: богъ любы естъ I посл. Іоанна, IV, 16, т. е. не допускаетъ видѣть, что въ томъ и другомъ выраженіи слово любы имѣетъ одно и тоже грамматическое и лексическое значеніе; именно: что оно есть имя существительное женскаго рода любы-любъве и обозначаетъ то возвышенное благородное чувство, которымъ характеризуется само христіанство. Противъ этого тожества говоритъ:

вопервыхъ, то, что отъ существительнаго имени любꙑ нигдѣ въ старославянскихъ памятникахъ не встрѣчается форма винительнаго падежа единственнаго числа фонетически тожественная съ формою именительнаго падежа того же числа; форма винительнаго падежа ед. ч. отъ существительнаго имени любꙑ вездѣ встрѣчается любъвь. Вовторыхъ, то, что слово любꙑ въ выраженіи любꙑ дѣꙗти сообщаетъ глаголу дѣꙗти такое реальное, плотское значеніе, какого не имѣетъ слово любꙑ, если оно есть существительное имя (ἀγάπη, amor, caritas). Стóитъ сравнить выраженія: любꙑ дѣꙗти—μοιχεύειν, scortari и богъ любꙑ єсть ὁ θεὸς ἀγάπη ἐστίν, Deus caritas est, чтобы понять всю рѣзкость различія по значенію въ нихъ, повидимому, одного и того же слова любꙑ, которая въ данномъ случаѣ объясняется принадлежностью въ томъ и другомъ выраженіи слова любꙑ различнымъ категоріямъ рѣчи. Наконецъ, въ третьихъ, если бы слово любꙑ въ выраженіи любꙑ дѣꙗти было дѣйствительно именемъ существительнымъ, т. е. означало бы, «любовь» (ἀγάπη, amor, caritas); то при существованіи въ старославянскомъ языкѣ глагола любити выраженіе любꙑ дѣꙗти не имѣло бы смысла. Въ самомъ дѣлѣ, какой смыслъ въ выраженіи: «*любовь дѣлать*»? Ясно, что ни грамматическая форма, ни лексическое значеніе не дозволяютъ думать, что слово любꙑ въ выраженіи любꙑ дѣꙗти есть существительное имя любꙑ-любъвь съ абстрактнымъ значеніемъ.

Если слово любꙑ въ выраженіи любꙑ дѣꙗти не имя существительное и, слѣдовательно, не имѣетъ того идеальнаго значенія, которое присуще послѣднему; то оно, конечно, не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ именемъ прилагательнымъ. На это положительно указываетъ, между прочимъ, форма прѣлюбъ. Хотя эта форма встрѣчается весьма рѣдко, именно: всего два раза и только въ одномъ Маріинскомъ четвероевангеліи, и не находится въ словаряхъ Востокова, Миклошича и Срезневскаго; однако она не можетъ возбуждать сомнѣнія въ своемъ существованіи въ старославянскомъ языкѣ и въ своей правильности. Рѣдкость ея употребленія будетъ понятна изъ дальнѣйшаго объясненія.

Если слово любꙑ въ выраженіи любꙑ дѣꙗти есть прилагательное имя и должно, слѣдовательно, имѣть въ немъ значеніе опредѣлительнаго слова; то спрашивается: къ какому же существительному имени оно от-

носится? или, какое же существительное имя подъ нимъ подразумѣвается, или когда-либо подразумѣвалось? Для рѣшенія этихъ вопросовъ, или, что-тоже, для опредѣленія этого подразумѣваемаго существительнаго имени старославянскій языкъ представляетъ намъ въ самомъ выраженіи лю҆бꙑ дѣꙗти слѣдующія данныя: во-первыхъ, постоянную постановку формы лю҆бꙑ передъ глаголомъ дѣꙗти; во-вторыхъ, сложныя слова, стоящія въ этимологической связи съ выраженіемъ лю҆бꙑ дѣꙗти.

Слово лю҆бꙑ въ выраженіи лю҆бꙑ дѣꙗти, будучи несомнѣнно формою винит. п. мн. ч. отъ прилагательнаго лю҆бъ и опредѣлительнымъ словомъ къ подразумѣваемому подъ нею существительному имени, составляетъ съ этимъ послѣднимъ прямое дополненіе къ глаголу дѣꙗти. Всякое прямое дополненіе, какъ извѣстно, служитъ опредѣляющимъ элементомъ къ своему глаголу; такъ какъ оно низводитъ общее, родовое значеніе выражаемаго имъ дѣйствія въ значеніе частное, видовое, единичное. Но исключительно опредѣляющее значеніе прямого дополненія для своего глагола бываетъ тогда, когда оно употребляется въ языкѣ постоянно передъ глаголомъ и никогда послѣ него, какъ, напр. прямое дополненіе лю҆бꙑ съ подразумѣваемымъ подъ нимъ существительнымъ передъ глаголомъ дѣꙗти въ выраженіи лю҆бꙑ дѣꙗти и никогда дѣꙗти лю҆бꙑ. Въ этомъ случаѣ прямое дополненіе принимаетъ на себя значеніе какъ бы знаменательной приставки глагола, какъ это видно изъ замѣны выраженія лю҆бꙑ дѣꙗти въ старославянскомъ языкѣ однимъ сложнымъ глаголомъ лю҆бодѣꙗти. Отсюда слѣдуетъ, что форма лю҆бꙑ имѣетъ одинаково опредѣляющее значеніе какъ для подразумѣваемаго подъ нею существительнаго имени, такъ и для глагола: для перваго въ качествѣ опредѣлительнаго слова; для второго въ качествѣ знаменательной приставки. Это показываетъ, что подразумѣваемое подъ формою лю҆бꙑ и опредѣляемое ею существительное имя совпадаетъ по значенію съ глаголомъ дѣꙗти, для котораго оно служитъ прямымъ дополненіемъ. Но совпаденіе глагола съ именемъ по значенію возможно только тогда, когда оно выражается въ томъ и другомъ однимъ и тѣмъ же корнемъ слова. Поэтому имя существительное, совпадающее по значенію съ глаголомъ дѣꙗти, должно происходить отъ одного и того же съ нимъ корня дѣ. Такимъ

существительнымъ именемъ въ старославянскомъ языкѣ служить слово дѣи мужескаго рода, имѣющее двоякое значеніе: actus, us. m. g. дѣйствіе, движеніе, тѣлодвиженіе, во мн. ч. дѣи historia, и actor (въ словарѣ Микл. auctor)—дѣлатель, производитель, приводящій въ движеніе и пр.

Обратимся къ сложнымъ словамъ. Между сложными словами, стоящими въ этимологической связи съ выраженіемъ любꙑ дѣꙗти, какъ то: любодѣи, любодѣица, любодѣицѧ, любодѣиникъ, любодѣиство, любодѣꙗти, любодѣꙗние и др., а также: прѣлюбодѣи, прѣлюбодѣꙗти, прѣлюбодѣꙗние, прѣлюбодѣиство и др. заслуживаетъ особеннаго вниманія для опредѣленія существительнаго имени, подразумѣваемаго подъ формою любꙑ въ выраженіи любꙑ дѣꙗти слово любодѣи въ значеніи «блудъ» (πορνεία, scortatio), образовавшееся изъ прилагательнаго любъ и существительнаго дѣи. Если сложное существительное любодѣи въ смыслѣ «блудъ» замѣнимъ тѣми словами, изъ которыхъ оно образовалось, и поставимъ ихъ передъ глаголомъ дѣꙗти въ качествѣ прямого дополненія къ нему; то получимъ: любъ дѣи дѣꙗти. По выпущеніи существительнаго дѣи получится: любъ дѣꙗти. Это выраженіе и встрѣчается съ замѣною прилагательнаго любъ прилагательнымъ прѣлюбъ: Марка X, 19: не прѣлюбъ дѣи (вмѣсто не прѣлюбъ (дѣи) дѣи)—Луки XVIII, 20: не прѣлюбъ сътвори.

На основаніи всего сказаннаго я полагаю, что мы имѣемъ полное право думать, что то существительное имя, которое когда либо подразумѣвалось подъ формою любꙑ въ качествѣ прямого дополненія къ глаголу дѣꙗти въ выраженіи любꙑ дѣꙗти есть слово дѣи мужескаго рода: actus—дѣйствіе, движеніе, тѣлодвиженіе. Слѣдовательно, старославянское выраженіе любꙑ дѣꙗти вмѣсто: любꙑ (дѣѩ) дѣꙗти. Во избѣжаніе фонетическаго и лексическаго плеоназма существительное имя дѣи, вин. мн. ч. дѣѩ въ старославянскомъ языкѣ выпускалось изъ выраженія любꙑ (дѣѩ) дѣꙗти. Этотъ плеоназмъ особенно выступалъ бы въ выраженіи: не прѣлюбъ (дѣи) дѣи. Выпущеніе слова дѣи было необходимо; потому что слово дѣи, безъ сомнѣнія, легко подразумѣвалось подъ прилагательною формою любꙑ при глаголѣ дѣꙗти, которому она сообщала особое частное значеніе.

Выраженіе любы дѣꙗти вмѣсто полнаго: любы (дѣꙗ) дѣꙗти собственно значитъ: любовныя (т. е. удовлетворяющія любовной страсти, похоти) дѣйствія (движенія, тѣлодвиженія) дѣлать (производить, совершать, творить); блудныя дѣйствія совершать, словомъ, блудодѣйствовать, блудить. Приписывать слову любы въ выраженіи любы дѣꙗти абстрактность значенія, какъ дѣлаетъ Меллье, которая принадлежитъ существительному имени любы-любъве, не дозволяютъ уже значенія тѣхъ сложныхъ существительныхъ именъ, которыя находятся въ этимологической связи съ выше указаннымъ выраженіемъ. Напротивъ, реальность значенія формы любы въ любы дѣꙗти—такова, что для ея выраженія оказалась недостаточно изобразительною форма винит. падежа единственнаго числа, какъ, напр. форма прѣлюбъ, которая поэтому и встрѣчается весьма рѣдко.

Прилагательныя формы любы, прѣлюбы, постоянно употребляясь въ выраженіяхъ однородныхъ съ выраженіемъ любы дѣꙗти безъ опредѣляемаго ими существительнаго имени на мѣстѣ прямого дополненія, приняли на себя обязанность замѣнять собою имя существительное и потому стали пониматься какъ имена существительныя, подобно, напр. прилагательному нищъ, при которомъ постоянно опускается существительное имя чловѣкъ и которое поэтому понимается какъ имя существительное, напр. въ выраженіи: Луки XVI, 20: нищъ же бѣ единъ именемь лазаръ. Маріин.—Востоковъ и считаетъ форму прѣлюбы въ выраженіяхъ, напр. Матѳ. XIX, 9 прѣлюбы творитъ; Матѳ. XIX, 18: не прѣлюбы сътвориши. Остр. несклоняемымъ существительнымъ именемъ (см. Словарь къ Остр. ев.). Но нужно помнить, что эти существительныя имена образовались не непосредственно отъ корня люб какъ имя существительное любы-любъве (ἀγάπη, amor, caritas), а чрезъ форму винит. падежа множ. числа отъ прилагательнаго любъ.

Относительно рѣдко встрѣчающейся формы прѣлюбъ нужно замѣтить слѣдующее: въ выраженіяхъ: Марка X, 19: не прѣлюбъ дѣи вм. не прѣлюбъ (дѣи) дѣи, Луки XVIII, 20: не прѣлюбъ сътвори вм. не прѣлюбъ (дѣи) сътвори форма прѣлюбъ (дѣи) можетъ быть понимаема или какъ винительный падежъ единственнаго числа, или какъ родительный падежъ множественнаго числа при отрицаніи не. Спраши-

вается: которую же изъ этихъ двухъ формъ представляетъ слово прѣлюбъ въ выше приведенныхъ выраженіяхъ? Принимая во вниманіе, во-первыхъ, рѣдкость употребленія формы прѣлюбъ въ одномъ только Маріинскомъ четвероевангеліи, на мѣстѣ которой въ другихъ древнѣйшихъ памятникахъ употребляется форма винит. п. множ. числа: прѣлюбы; во-вторыхъ, что гораздо болѣе употребительныя формы: любы и прѣлюбы, т. е. формы винит. п. множ. числа постоянно удерживаются и въ отрицательныхъ выраженіяхъ; нужно признать, что и слово прѣлюбъ въ выше приведенныхъ выраженіяхъ есть форма винит. п. ед. числа. Но, признавъ формы любы, прѣлюбы и прѣлюбъ винительными падежами въ извѣстныхъ выраженіяхъ, какъ объяснить, что при отрицаніи не въ тѣхъ же выраженіяхъ формы винительнаго падежа не замѣняются формами падежа родительнаго? Извѣстно, что въ старославянскомъ языкѣ при дѣйствительныхъ глаголахъ съ отрицаніемъ не въ древнѣйшихъ памятникахъ строже, чѣмъ въ позднѣйшихъ, сохранялось употребленіе формы родительнаго падежа для обозначенія прямого дополненія. Это объясняется тѣмъ, что постоянное употребленіе формы любы, или прѣлюбы всегда передъ глаголами дѣяти, творити и т. п. и никогда послѣ нихъ придало словамъ любы и прѣлюбы смыслъ неизмѣняемыхъ приставокъ; такъ что отрицаніе не въ выраженіяхъ: не любы дѣяти, не прѣлюбы творити и пр. относится не къ тому, или другому слову отдѣльно, т. е. не къ имени любы или прѣлюбы и не къ глаголу дѣяти или творити, а къ обоимъ словамъ вмѣстѣ, или къ цѣлому выраженію, состоящему изъ двухъ словъ, какъ къ одному сложному слову; другими словами, для сознанія говорящаго первоначально выраженіе напр. любы дѣяти представлялось не двумя отдѣльными словами, выражающими два разныя одно отъ другого понятія, а однимъ словомъ обозначающимъ одно понятіе о дѣйствіи въ его реальномъ проявленіи. Выраженіе не прѣлюбъдѣ твориши, встрѣчающееся въ Никол. ев. XIII в. (см. словарь Микл.), или XV в. (см. Будиловича: Начертаніе церковно-славянской грамматики) указываетъ на смѣшеніе древнѣйшей формы винит. п. мн. ч. прѣлюбы отъ прилагат. прѣлюбъ съ существительнымъ именемъ прѣлюбы-прѣлюбъдѣ, происшедшее съ теченіемъ времени вслѣдствіе совпаденія ихъ между собою по лексическому значенію.

И такъ, старославянская форма люкы въ выраженіи люкы дѣıати можетъ быть разсматриваема, согласно съ мнѣніемъ Востокова о старославянской формѣ прѣлюкы, какъ форма несклоняемаго существительнаго имени, образовавшаяся чрезъ форму винительнаго падежа множественнаго числа мужескаго рода отъ прилагательнаго имени любъ съ подразумѣваемымъ подъ нимъ старославянскимъ существительнымъ именемъ дѣи с. м. р. actus.

Н. П. Некрасовъ.

14 октября
1909 года.

Образъ птицы, творящей міръ, въ русской народной поэзіи и письменности.

I.

Сказаніе о Тиверіадскомъ морѣ и колядки о двухъ голубяхъ, творящихъ міръ.

а) Образъ птицы, творящей міръ, въ «Сказаніи о Тиверіадскомъ морѣ».

Дуалистическія космогоническія легенды, когда таковыя встрѣчаются у славянъ, или у какого нибудь другого народа, живущаго въ предѣлахъ Россіи, у насъ издавна принято объяснять богумильскимъ вліяніемъ. На этой точкѣ зрѣнія остается, хотя не безъ замѣтныхъ колебаній А. Н. Веселовскій въ «Разысканіяхъ». Иной взглядъ высказанъ былъ Драгомановымъ въ его работѣ «Забѣлѣжки върху славянскитѣ религіозно-этически легенди» [1]). Но и послѣ работы Драгоманова, прошедшей въ русской литературѣ почти незамѣченной, богумильская гипотеза продолжаетъ господствовать. Не соглашается съ Драгомановымъ писавшій однимъ изъ послѣднихъ по этому вопросу недавно умершій молодой Нѣжинскій профессоръ Радченко, который въ своихъ «Замѣчаніяхъ относительно отдѣльныхъ мѣстъ книги Іоанна Богослова» [2]) пытается отстаивать богумильскую гипотезу противъ критики Драгоманова.

Богумильская гипотеза представляетъ эволюцію дуалистической ко-

1) «Сборникъ за народни умотворенія», т. VIII—X.
2) Сборн. ст. по сл. 1904 г.

смогоніи такъ: зародившись въ Болгаріи въ богумильской средѣ, подъ вліяніемъ гностико-манихейскихъ идей, эта космогоническая легенда породила апокрифы типа «Свитка» и «Сказанія о Тиверіадскомъ озерѣ», апокрифы эти распространились изъ Болгаріи въ Россію и при помощи раскольнической колонизаціи (мнѣніе А. Н. Веселовскаго) разнесены были по всему сѣверу Азіи, гдѣ переданы инородцамъ. А. Н. Веселовскій сознаетъ трудность объясненія всѣхъ дуалистическихъ космогоническихъ легендъ сѣвера Азіи и Европы богумильскимъ вліяніемъ, и готовъ сдѣлать уступки, удѣливъ извѣстную долю вліянія мѣстнымъ финскимъ или обще-урало-алтайскимъ вѣрованіямъ, но главнымъ факторомъ распространенія ему все же представляется богумильскій по происхожденію апокрифъ.

Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе тотъ фактъ, что апокрифъ этотъ распространенъ въ Россіи гораздо болѣе, чѣмъ у южныхъ славянъ, гдѣ казалось бы естественно ждать болѣе сильныхъ слѣдовъ богумильства. Наиболѣе распространенной редакціей является редакція рукописи, найденной Григоровичемъ въ Чебоксарахъ и изданной пр. Мочульскимъ. Это рукопись очень поздняя—18-го вѣка. Чебоксарская редакція заключаетъ въ себѣ семь эпизодовъ: 1) твореніе Богомъ (единолично) неба хрустальнаго на столбахъ и двухъ земель — первой на воздухѣ, второй, на адѣ, вокругъ второй земли безбрежное море Тиверіадское; 2) снова твореніе земли, Богомъ и сатаной, который по приказанію Бога ныряетъ на дно въ видѣ гоголя и достаетъ песку для творенія земли; 3) снова твореніе Богомъ земли (единолично) на тридцати трехъ китахъ; 4) возмущеніе Сатаны, ставшаго послѣ совмѣстнаго творенія архангеломъ; 5) исторія Адама и Евы; 6) исторія Каина и Авеля и 7) пришествіе Христа. Послѣднія три части изложены почти по каноническимъ книгамъ.

Такой составъ чебоксарской редакціи указываетъ на ея компилятивное происхожденіе. Такъ спаяны три различныя версіи творенія земли, изъ которыхъ только одна, вторая можетъ быть признана дуалистической. Эта спайка вѣроятно очень поздняя, такъ какъ въ другихъ варьянтахъ этого апокрифа такого повторенія *трехъ* версій творенія не находимъ.

Въ болѣе древнемъ текстѣ «Сказанія о Тиверіадскомъ морѣ» первая часть чебоксарскаго варьянта опущена и разсказъ начинается непосредственно съ творенія міра Богомъ и сатаной. Этотъ текстъ начинается такъ: «Егда не бысть неба ни земли, и тогда бысть одно море тиверіадское, а береговъ у него не было; и сниде Господь по воздуху на море тиверіадское и видѣ Господь на мори гоголя пловуща, а тотъ гоголь Сатанаилъ, заросъ во пеніи морской. И рече Господь Сатанаилу, ако не вѣдая его кто еси? и т. д.» [1]). Дальше текстъ повторяетъ почти дословно вторую часть чебоксарской рукописи.

Въ другихъ позднѣйшихъ спискахъ, какъ напримѣръ въ приводимой Пыпинымъ въ сокращеніи рукописи озаглавленной «Свитокъ божественныхъ книгъ», повидимому, нѣтъ *третьей* части чебоксарской рукописи (по крайней мѣрѣ насколько можно судить по подробному изложенію Пыпина) [2]). Тексты Пыпина и Григоровича (чебоксарскій) восходятъ однако несомнѣнно къ одной компилятивной редакціи, составитель которой пользовался текстомъ, подобнымъ «Сказанію о Тиверіадскомъ морѣ». Отмѣтимъ, что послѣднее (древнѣйшее) сказаніе является наиболѣе близкимъ къ народнымъ устнымъ версіямъ легенды, въ особенности же къ приведенному у А. Н. Веселовскаго черемисскому сказанію о Кереметѣ и Юмѣ.

Кромѣ найденныхъ въ Россіи, апокрифъ имѣется въ *одномъ* спискѣ, найденномъ у южныхъ славянъ: именно — извлеченномъ тѣмъ же Григоровичемъ изъ одной Слѣпченской рукописи.

Отношеніе этой рукописи къ русскимъ чрезвычайно характерно. По содержанію это сжатый пересказъ компилятивныхъ, т. е. очевидно позднѣйшихъ текстовъ вродѣ чебоксарскаго, а можетъ быть именно чебоксарскаго, такъ какъ въ слѣпченской редакціи мы находимъ то троекратное повтореніе творенія, которое мы находимъ только въ чебоксарской. По языку этотъ текстъ характеризуется, несмотря на свое позднее про-

---

1) Текстъ изданъ Барсовымъ «Чтенія въ Имп. Обществѣ исторіи и древностей Росс.» 1886, II, приведенъ у Веселовскаго «Разысканія», гл. XI, стр. 47.

2) «Русское Слово» 1862, № 2, стр. 53—4.

исхожденіе, отсутствіемъ болгаризмовъ и наоборотъ довольно замѣтными руссизмами.

Текстъ этотъ напечатанъ Щаповымъ[1]).

Такіе руссизмы, какъ «*озеро*», «се*м*десяти», «свят*ой*», «кит*ахъ*» не позволяютъ кажется сомнѣваться въ русскомъ происхожденіи слѣпченской редакціи сказанія. Такимъ образомъ высказанное Драгомановымъ предположеніе о русскомъ происхожденіи апокрифа[2]), какъ кажется оправдывается взаимоотношеніемъ варьянтовъ, найденныхъ въ Болгаріи и Россіи, и особенностями языка единственнаго болгарскаго рукописнаго варьянта.

Но признавъ русское происхожденіе «Свитка» и «Сказанія о Тиверіадскомъ морѣ», мы еще не устраняемъ богумильскую гипотезу, такъ какъ, если признать вліяніе богумильства такимъ сильнымъ, какъ это обыкновенно признается, то возможно допустить возникновеніе апокрифовъ отражающихъ богумильскія идеи и на русской почвѣ.

Нельзя не видѣть, однако, что самая гипотеза о сильномъ богумильскомъ вліяніи не только на русскую народную поэзію и письменность, но и на поэзію и письменность южныхъ славянъ въ настоящее время должна быть признана сильно расшатанной.

Въ сущности основаніемъ всего построенія о важности богумильскаго вліянія является мнѣніе о принадлежности богумиламъ апокрифовъ попа Іереміи. Интересно прослѣдить, какъ сложилось это мнѣніе. Оно на много лѣтъ предшествовало самому открытію апокрифовъ Іереміи. Упоминанія о болгарскихъ басняхъ, которыя слагалъ попъ Богомилъ или попъ Іеремія, извѣстны въ наукѣ уже съ 1824 года, когда было приведено Калайдовичемъ въ его трудѣ Іоаннъ экзархъ Болгарскій»[3]), а текстъ ихъ напечатанъ Ягичемъ въ 1868 году. Такимъ образомъ открытію памятника предшествовало болѣе 40 лѣтъ убѣжденія въ его богумильскомъ происхожденіи. При такихъ обстоятельствахъ и при крайней скудности свѣдѣній о богумильской литературѣ и теперь, а тѣмъ

---

1) Щаповъ, «Истор. Очерки нар. міросоз.», ЖМНПр., 1863, 2, стр. 91.
2) «Забѣлѣжки», Сборникъ за народно умотвореніе, т. X, стр. 13.
3) Стр. 208.

болѣе во время открытiя памятника, становится болѣе или менѣе понятнымъ, какъ могла такъ долго скрываться отъ изслѣдователей антибогумильская сущность этого памятника. Изслѣдованiя пр. М. И. Соколова [1]) убѣдительно доказываютъ не богумильское происхожденiе апокрифовъ попа Iеремiи. Такъ Iеремiя восхваляетъ крестъ, а богумилы питаютъ къ нему вражду и презрѣнiе, Iеремiя разсказываетъ о томъ, какъ Христа въ попы ставили,—богумилы отрицали всякое священство, по Iеремiи Христосъ оралъ плугомъ—богумилы презирали физическiй трудъ, Iеремiя говоритъ о чудѣ, совершенномъ образомъ Христа—богумилы отвергаютъ чудеса и иконы и т. д.

А. Н. Веселовскiй возражалъ противъ мнѣнiя пр. Соколова, но трудно признать эти возраженiя достаточно убѣдительными.

«Дошедшую до насъ компиляцiю Iеремiи, говоритъ онъ, я признаю христiанской переработкой богумильскихъ легендъ, оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, что принадлежитъ Iеремiи: переработка или отреченный оригиналъ» [2]).

Совершенно непонятнымъ остается, какъ могъ Iеремiя, если онъ богумильскiй ересiархъ, взяться за христiанскую переработку богумильскаго апокрифа. Что нибудь одно, либо Iеремiя не богумилъ, а авторъ христiанской антибогумильской компиляцiи, тогда разрывается связь этого памятника съ богумильствомъ, либо, если Iеремiя богумилъ, онъ не авторъ компиляцiи, дошедшей до насъ, которую А. Н. Веселовскiй признаетъ христiанской переработкой. Во всякомъ случаѣ признанiе компиляцiи христiанской переработкой выводитъ ее изъ рядовъ богумильской литературы. Оно создаетъ кромѣ того очень сложный путь, который долженъ былъ пройти этотъ памятникъ. А. Н. Веселовскiй не отрицаетъ, что памятникъ этотъ пользовался христiанской легендой, такъ какъ сказанiе о крестѣ не могло развиться на богумильской почвѣ. Iеремiя, или другой богумилъ, по А. Н. Веселовскому, переработалъ его въ богумильскомъ духѣ, а затѣмъ какой то другой писатель снова переработалъ въ

---

1) М. Соколовъ, «Матерiалы и замѣтки по старинной славянской литературѣ», I—V. Москва 1888.

2) ЖМНПр. 1888, № 8, стр. 463.

христіанскомъ духѣ, при томъ такъ, что отъ богумильства ничего не осталось. Причемъ же въ этомъ памятникѣ богумильство?

Еще болѣе неудачно пытается А. Н. Веселовскій доказать тождества попа Богумила и попа Іеремiи.

«Установившееся въ послѣднее время мнѣніе, что этотъ попъ Іеремія, есть одно лицо съ Богумиломъ, распространителемъ богумиловской ереси въ Болгаріи въ X вѣкѣ, говоритъ А. Н. Веселовскій основывается между прочимъ, на томъ, что въ спискѣ отреченныхъ книгъ, изданномъ русскимъ митрополитомъ Зосимой (1490—1494 гг.) и въ кодексѣ одной соловецкой рукописи Іеремія названъ ученикомъ Богумила, а въ «Правилахъ русскаго перевода» по поводу Богумила говорится: «иже о крестѣ Господнѣ сице глаголетъ». *Послѣднее свидѣтельство понимали обыкновенно такъ, что Богумилъ былъ составителемъ крестной легенды, а за такого извѣстенъ и Іеремія*. Профессоръ Соколовъ доказываетъ (стр. 115 и сл.), что разумѣется не авторство, а ученіе Богумила, и что относящаяся сюда статья «Правилъ» представляетъ простое извлеченіе изъ Бесѣды Косьмы пресвитера, внушившей и приведенное выше отождествленіе: Іеремія=Богумиловъ ученикъ, стало быть, нѣтъ достаточныхъ основаній для утвержденія, что Іеремія = Богумилъ. Съ этимъ можно согласиться до открытія новыхъ данныхъ и до повѣрки существующихъ. Въ сборникѣ XV вѣка Новгородской Софійской библіотеки есть статья подъ заглавіемъ: «а еже о еретическихъ книгахъ Богъмила попа, то блядство его злохитростно въ словѣ есть извѣщено по трошну». И въ этой статьѣ авторъ предполагаетъ вліяніе Козмы пресвитера; до повѣрки его мнѣнія мы не можемъ упустить изъ вида, «еретическія книги Богомила», а это возвращаетъ насъ къ выраженію «Правилъ русскаго перевода»: «Богумилъ иже о крестѣ Господни *сице глаголетъ*[1]). Мы не знаемъ въ какой взаимной связи стоятъ оба эти указанія, но не думаемъ, чтобы тамъ и здѣсь мы имѣли дѣло съ самостоятельной ошибкой, измѣнившей понятіе ученія въ понятіе авторства. А авторъ Богумилъ снова обратилъ бы насъ къ Еремiи»[2]).

---

1) Курсивъ А. Н. Веселовскаго.

2) ЖМНПр. 1888, № 8, стр. 462—3.

Посмотримъ теперь, какую цѣнность имѣетъ съ точки зрѣнія отождествленія Іереміи съ Богумиломъ и богумильскаго объясненія сборника Іеремія то мѣсто изъ правилъ, на которое ссылается А. Н. Веселовскій. А. Н. Веселовскій указываетъ, что выраженіе «иже о крестѣ сице глаголетъ» понималось, какъ указаніе на составленіе Богумиломъ крестной легенды и А. Н. Веселовскій возвращается къ этому выраженію. Между тѣмъ видѣть въ этомъ мѣстѣ указаніе на принадлежность Богомилу крестной легенды, заключающейся въ словѣ Іереміи, можно только по недоразумѣнію, которое сложилось, когда не знали текста крестной легенды Іереміи, а затѣмъ сохранилось по недосмотру изслѣдователей. Вотъ это мѣсто, какъ его приводитъ, не использовавшій его, впрочемъ, пр. Соколовъ:

«Въ лѣта благочестиваго царя Петра въ земли Болгарстѣй бысть попъ именемъ *Богумилъ*, а по истинѣ рещи Богу не милъ, *иже о крестѣ Господни сице глаголетъ: како ся ему кланяти, Жидове бо на немъ Сына Божія распяша? И сице глаголетъ: аще бы кто царева сына убилъ древомъ, можетъ ли древо то любимо быти царю? Мнѣше бо окаянный не по своей волѣ распяша Бога, ни за спасеніе человѣчско, но понуждѣ; и не разумѣ глаголанныхъ Апостоломъ Павломъ: мнѣ, рече, да не будетъ хвалитися, токмо о крестѣ Господа нашего Іисуса Христа*[1]).

Это мѣсто «Правилъ» представляетъ почти дословную выдержку изъ Козьмы пресвитера и опредѣляетъ истинное отношеніе попа Богумила ко кресту.

Такимъ образомъ попъ Богумилъ «сице глаголетъ» о крестѣ нѣчто совершенно иное, чѣмъ попъ Іеремія, и одного факта такого отношенія ко кресту попа Богумила довольно, чтобы признать невозможнымъ считать его авторомъ крестной легенды въ словѣ пресвитера Іереміи.

Такимъ образомъ принадлежитъ или нѣтъ сказаніе, приписываемое пресвитеру Іереміи, этому лицу, кто бы такой ни былъ этотъ пресвитеръ Іеремія, мы можемъ съ увѣренностью сказать, что богумильскій ересіархъ, о которомъ пишетъ Козьма и «Правила русскаго перевода» не могъ быть

---

1) Соколовъ. Op. cit. 118.

авторомъ «Слова пресвитера Іереміи», а вмѣстѣ съ тѣмъ разрывается и всякая связь этого памятника съ богумильствомъ. Если же апокрифы, приписываемые попу Іереміи не богумильскаго происхожденія, что повидимому становится общепризнаннымъ, такъ какъ это мнѣніе принимаютъ даже писатели склонные придавать большое значеніе вліянію богумильства, какъ напр. пр. Радченко [1]), который категорически говоритъ, что «компиляція попа Іереміи не только не богумильское произведеніе, но писано скорѣй противъ богумиловъ», то гдѣ же широкое богумильское вліяніе на славянскую письменность? Сказаніе о «Тиверіадскомъ озерѣ» становится при такихъ условіяхъ чуть ли не единственнымъ памятникомъ, въ которомъ можно подозрѣвать богумильское происхожденіе, но и этотъ памятникъ, повидимому, русскаго происхожденія.

Въ полномъ соотвѣтствіи съ такими итогами пересмотра вопроса о богумильскомъ вліяніи на славянскую письменность находятся наблюденія новѣйшаго нѣмецкаго изслѣдователя болгарскаго фольклора г. Strausz'a. «Если мы сравнимъ, говоритъ Strausz, съ дѣйствительно болгарской космогонической легендой богумильскія космогоническія легенды, мы можемъ съ полной вѣроятностью, даже съ извѣстной увѣренностью, какая только можетъ существовать при современномъ низкомъ уровнѣ соотвѣтствующихъ изученій, сказать, что богумильство почерпнуло новыя силы въ болгарскихъ народнымъ вѣрованіяхъ, которыя болгары принесли съ своей прародины и доставили богумильству» [2]).

Это мнѣніе тѣмъ болѣе для насъ интересно, что высказано по поводу тѣхъ самыхъ космогоническихъ легендъ, которыя занимаютъ насъ въ данное время. По мнѣнію Драгоманова болгарскія народныя сказанія совпадаютъ съ богумильскими лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, а не въ подробностяхъ [3]).

При такихъ условіяхъ дуалистическій эпизодъ въ сказаніи о Тиверіадскомъ озерѣ мы могли бы признать возникшимъ подъ богумильскимъ вліяніемъ, только въ томъ случаѣ, если бы было указано близкое сход-

---

1) Сборникъ статей по славянов., стр. 71.
2) Strausz, Die Bulgaren, 23.
3) «Забѣлѣжки», Сборникъ, X, стр. 4.

ство этого эпизода съ несомнѣнно богумильскимъ памятникомъ вродѣ книги Іоанна или съ передачей богумильской космогоніи въ какомъ нибудь надежномъ источникѣ вродѣ Зигабена.

Сопоставляя однако эпизодъ о совмѣстномъ твореніи въ «Сказаніи о Тиверіадскомъ морѣ» съ богумильскими космогоническими представленіями, мы легко убѣдимся, что сходство это не очень велико, и наоборотъ въ эпизодѣ «Сказанія» есть существенныя черты, совершенно отсутствующі въ богумильской космогоніи и даже необъяснимыя при предположеніи о богумильскомъ происхожденіи эпизода. Въ эпизодѣ «Сказанія» Богъ спускается съ неба и видитъ на морѣ Тиверіадскомъ сатану, плавающаго въ видѣ птицы гоголя. Богъ велитъ ему *нырнутъ* на дно моря и достать матеріалъ для творенія: песку и кремень. Изъ песку творится земля, а изъ кремня ударами жезла Богъ высѣкаетъ ангеловъ, а сатана безчисленную бѣсовскую силу.

Образъ птицы, творящей міръ, встрѣчающійся въ «Сказаніи о Тиверіадскомъ морѣ», незнакомъ, какъ это отмѣчаетъ и А. Н. Веселовскій, дѣйствительно богумильскимъ памятникамъ.

«Образъ Сатанаила-гоголя, говоритъ А. Н. Веселовскій, не знакомъ ни Зигабену, ни Liber Iohannis... Какъ объяснить появленіе самого образа? Не въ связи ли съ представленіемъ безбрежнаго моря, къ которому пріуроченъ космогоническій миѳъ?» 1).

Но, какъ увидимъ ниже, этотъ образъ, птицы творящей, міръ имѣетъ міровое распространеніе и предполагать «самопроизвольное» его зарожденіе въ «Сказаніи» значитъ становиться на крайнюю точку этой отрицае мой А. Н. Веселовскимъ теоріи. Во всякомъ случаѣ фактъ существованія этого образа въ цѣломъ рядѣ космогоній стараго и новаго свѣта не позволяетъ успокоиться, на вопросѣ о возможности возникновенія его подъ вліяніемъ представленія безбрежнаго моря.

Отсутствуетъ въ богумильскихъ памятникахъ и другой, опять таки очень распространенный въ космогоніяхъ Азіи и Америки образъ — ныряніе животнаго деміурга на дно моря за матеріаломъ для творенія. Г. Радченко пытается отвергнуть это разногласіе между богумильской

---

1) Разысканія XI, стр. 51.

космогоніей и славянскими легендами, отмѣченное уже Драгомановымъ. Но найти эпизодъ ныряніи въ богумильскихъ памятникахъ ему всетаки не удается. Онъ находитъ только очень темный эпизодъ о томъ, какъ въ твореніи міра дьяволомъ и ангеломъ водъ этотъ ангелъ, стоя на двухъ рыбахъ, поддѣрживаетъ землю; по другимъ спискамъ онъ извлекаетъ землю изъ воды, или подымаетъ двѣ части водъ[1]). Подыманіе земли изъ воды имѣетъ, конечно, сходство съ ныряніемъ, но во всякомъ случаѣ это не ныряніе, а другой типъ космогоническихъ представленій, который Charancey называетъ «океанійскимъ». Этотъ типъ космогоніи, по которой земля выуживается, какъ нѣчто цѣлое (иногда, какъ рыба, на что есть намекъ и въ данныхъ богумильской космогоніи, приводимыхъ г. Радченкомъ), очень ярко выраженъ въ полинезійскомъ миѳѣ о Мауи. Г. Радченко признаетъ однако, что по его же признанію роль ангела водъ въ богумильской космогоніи остается неясной[2]), что по космогоніи «Сказанія о Тиверіадскомъ морѣ» и сходныхъ устныхъ версій землю творятъ Богъ и сатана вмѣстѣ, тогда какъ по богумильскимъ вѣрованіямъ Богъ въ твореніи видимаго міра участія не принимаетъ и *весь* видимый міръ дѣло сатаны. Г. Радченко въ доказательство близости «Сказанія» къ богумильской книгѣ Іоанна приводитъ какъ разъ то мѣсто изъ послѣдней, гдѣ говорится о твореніи земли дьяволомъ при помощи ангела водъ. Онъ говоритъ: «въ твореніи земли (по книгѣ Іоанна) принимаютъ участіе два лица дьяволъ и ангелъ водъ—достаточно было легкой(?) перелицовки въ духѣ христіанства этого несомнѣнно первоначальнаго богумильскаго представленія о сотвореніи земли, чтобы вмѣсто дьявола выступилъ Богъ, а ангелъ водъ обратился въ сатану-гоголя, плавающаго по водамъ»[3]).

Почему при «легкой перелицовкѣ» дьяволъ долженъ былъ обратиться въ Бога, а ангелъ въ сатану да еще въ видѣ птицы гоголя это остается совершенно неяснымъ.

Во всякомъ случаѣ и послѣ работы г. Радченка, остается несомнѣннымъ:

---

1) «Статьи по славянов.», стр. 66.
2) Ibid. 67.
3) Стр. 66—7.

1) что въ извѣстныхъ богумильскихъ памятникахъ нѣтъ образа сатаны-птицы;

2) въ нихъ нѣтъ мотива ныранія на дно моря за матеріяломъ для творенія;

3) по космогоніи богумиловъ земля создается сатаной при помощи ангела водъ, но безъ участія Бога, и участіе послѣдняго въ твореніи вивидимаго матеріяльнаго міра противорѣчитъ основамъ богумильскаго ученія.

Чтобы оцѣнить значеніе разницы въ подробностяхъ, отмѣченной нами, обратимся къ образамъ птицы творца моря и творенія при помощи ныранія.

Оставивъ пока въ сторонѣ сѣверно-азіатскія легенды, которыя по теоріи А. Н. Веселовскаго восходятъ къ нашему апокрифу и черезъ него къ богумильству, обратимся къ такимъ вѣрованіямъ и легендамъ, гдѣ рѣчи о богумильскомъ вліяніи быть не можетъ. Кромѣ Азіи образъ птицы творца міра знакомъ космогоніямъ Америки и Австраліи.

«Коніагасы (Америка), говоритъ Лангъ, считаютъ своими предками собаку и птицу, которые являются своего рода деміургами, создавшими море и берега».

Птица является творцомъ міра и у многихъ другихъ народностей.

«Тлинкиты (Америка), говоритъ Лангъ, склонны приписывать главную роль въ созданіи міра ворону и воронѣ, Австралійцы приписываютъ ту же роль орлу-соколу, Якуты соколу, воронѣ и уткѣ, и Одинъ въ скандинавской миѳологіи находится въ очевидномъ свойствѣ съ орломъ» [1]).

Воронъ играетъ замѣтную роль въ космогоніи сѣверно-американцевъ и чукчей. Въ одномъ изъ миѳовъ Альгонкиновъ воронъ является развѣдчикомъ, помогающимъ въ твореніи земли высшему существу. Другимъ помогающимъ въ твореніи животнымъ является въ этомъ миѳѣ выдра [2]).

По австралійскимъ миѳамъ творцомъ міра было существо, носящее имя Бунджель или Пунджель. Оно представляется птицей-соколомъ,

---

1) Lang, Mythes, Cultes et Rel 174.
2) Lang, Mythes, Cultes et Rel 374.

орломъ и въ то же время старикомъ. Есть въ этомъ миѳѣ и элементъ дуализма: Пунджель имѣетъ соперника въ лицѣ сойки, которая открыла мѣхъ съ вѣтрами, и вѣтры отбросили Пунджеля на небо[1]). По вѣрованію туземцевъ Викторіи въ твореніи міра Пунджелю помогаетъ воронъ[2]). Изъ европейскихъ миѳовъ о птицахъ творцахъ міра, не могущихъ быть заподозрѣнными въ богумильскомъ происхожденіи, укажемъ греческій миѳъ, отразившійся въ «Птицахъ» Аристофана.

Обратимся къ представленію ныранія животнаго творца міра. Опять таки оставимъ пока въ сторонѣ тѣ легенды, въ которыхъ было заподозрѣно присутствіе отзвуковъ богумильства. Распространеніе этого представленія нѣсколько менѣе широко. Charancey[3]) считаетъ эту космогоническую версію континентальной и распространенной въ Азіи и Америкѣ. Эренрейхъ[4]) опредѣляетъ точныя границы ея въ Америкѣ, считая ее очень распространенной въ Сѣверной Америкѣ и незнакомой Южной.

Изъ азіатскихъ легендъ отмѣтимъ, какъ немогущую быть заподозрѣнной въ богумильствѣ, древне-индусскую. Въ сѣверо-американскихъ вѣрованіяхъ творцомъ міра нерѣдко является животное, напримѣръ, мускусная крыса, которая ныряетъ на дно моря и добываетъ песчинку или горсть земли, изъ которой потомъ растетъ земля[5]).

Въ другомъ американскомъ миѳѣ (племени альгонкиновъ) мотивъ ныранія, какъ въ нашей легендѣ соединяется съ дуализмомъ творчества. Творцомъ міра является высшее божество Мессу, но подобно тому какъ въ «Сказаніи о Тиверіадскомъ морѣ» Богу помогаетъ сатана-гоголь, въ альгонкинскомъ миѳѣ эту роль играетъ выдра,—она подобно гоголю-сатанѣ ныряетъ на дно первозданнаго моря и достаетъ комокъ глины, изъ котораго божество дѣлаетъ землю[6]).

Трудно не видѣть, что этотъ эпизодъ альгонкинскаго миѳа имѣетъ больше общаго съ эпизодомъ «Сказанія», чѣмъ богумильская версія, приводимая г. Радченкомъ.

---

1) Ibidem 155.
2) Ibidem 156.
3) Une legende cosmogonique.
4) Ehrenreich «Die Mythen und leg. der Südamer. Urvölker».
5) Lang «Mythes, Cultes et Religion», стр. 176.
6) Lang. Op. cit. 374.

Миѳъ о твореніи земли животнымъ, ныряющимъ на дно моря за матеріаломъ для творенія, извѣстенъ и индусской космогоніи, согласно которой Вишну, воплотившись въ кабана, ныряетъ на дно моря и выноситъ оттуда затопленную землю. Лангъ приводитъ изъ Çatapata Bramana другую версію, болѣе примитивную и болѣе сходную съ американскимъ миѳомъ и эпизодомъ сказанія о Тиверіадскомъ морѣ. Согласно этой версіи земля была не болѣе четверти аршина, кабанъ Emûscha нырнулъ на дно моря и вытащилъ ее изъ воды [3]).

Такимъ образомъ помимо сѣверно-азіатскихъ космогоническихъ легендъ, очень близкихъ къ нашему эпизоду сказанія о Тиверіадскомъ морѣ, мотивъ творенія при помощи ырянія на дно моря является знакомымъ американскимъ и индусскимъ легендамъ. Это на ряду съ отсутствіемъ въ несомнѣнно богумильской космогоніи такихъ характерныхъ подробностей, какъ ныряніе за матеріаломъ для творенія и участіе въ твореніи животнаго, заставляетъ искать иныхъ источниковъ сказанія.

Мысль о другихъ, не богумильскихъ источникахъ легенды высказывается неувѣренно и у А. Н. Веселовскаго, который все же стремится вернуться къ богумильской гипотезѣ. Опредѣленно противъ богумильской гипотезы высказывается Драгомановъ.

Мнѣнія А. Н. Веселовскаго относительно возможности небогумильскихъ источниковъ разсматриваемаго нами эпизода и народныхъ сказаній сходныхъ съ нимъ колебались довольно значительно. Трудность анализа мнѣній Веселовскаго по этому вопросу очень увеличивается большой неопредѣленностью ихъ. Онъ все время колеблется между напрашивающейся урало-алтайско-американской гипотезой и излюбленнымъ богумильскимъ толкованіемъ, отъ котораго не хочетъ отказаться. Такъ, приведя мнѣніе Аѳанасьева и Кастрена о дуалистическихъ легендахъ разсматриваемаго типа, Веселовскій говоритъ:

«Другіе, въ томъ числѣ и я, усматривали въ славянскихъ легендахъ отраженіе богумильскаго ученія, приписывающаго сотвореніе міра совокупному творчеству Бога и дьявола. Пр. Юрій Кронъ, недавно пересмотрѣвшій этотъ вопросъ по поводу космогоническаго миѳа Калевалы, скло-

---

3) Lang, 231.

няется къ тому что мы имѣемъ дѣло съ финско-угорскимъ, даже урало-алтайскимъ древнимъ повѣрьемъ: именно на востокѣ, среди финскихъ и, спеціальнѣе, волжскихъ племенъ оно сохранилось въ большей цѣльности, хотя и не безъ вліянія христіанскихъ элементовъ; славяне приняли его и удержали въ менѣе ясныхъ очертаніяхъ, напримѣръ сербы.—Еще не познакомившись съ работой покойнаго Крона, любезно доставленной мнѣ въ корректурныхъ листахъ его сыномъ ...я пришелъ къ аналогичнымъ заключеніямъ: о возможныхъ финскихъ основахъ распространеннаго среди славянъ космогоническаго миѳа [1]).

Однако, признавъ для этихъ легендъ возможнымъ урало-алтайскій источникъ А. Н. Веселовскій отнюдь не отказывается отъ богумильской гипотезы. Чтобы примирить эти противорѣчащія другъ другу гипотезы А. Н. Веселовскому приходится прибѣгнуть къ такому сложному построенію: богумильство восприняло у болгаръ родственныя урало-алтайскимъ народныя сказанія слило ихъ со своей космогоніей и *оттуда* принесло назадъ въ сѣверную Европу и Азію съ апокрифами [2]).

Такимъ образомъ А. Н. Веселовскій въ концѣ концовъ какъ будто бы признаетъ равноправность богумильской и урало-алтайской гипотезы, оставляя вопросъ открытымъ. Далѣе онъ однако постоянно отдаетъ предпочтеніе богумильской гипотезѣ, хотя не устраняетъ урало-алтайской, осложняя ее указаніемъ на американскія параллели и возможность праисторическаго общенія.

Болѣе рѣшительно отвергаетъ А. Н. Веселовскій только гипотезу самостоятельнаго зарожденія, предложенную рецензентомъ «Русской Мысли», хотя и эта гипотеза напрашивалась и самому Веселовскому.

Большая близость американскихъ и азіатскихъ дуалистическихъ легендъ заставляетъ А. Н. Веселовскаго сдѣлать слѣдующее въ основѣ непримиримое съ богумильскимъ объясненіемъ миѳа заключеніе.

«Все это дополняетъ ирокезское сказаніе, *основныя черты котораго тѣ же, что и въ дуалистической легендѣ финско-тюркскаго и славянскаго типа:* тѣже братья деміурги, враждебные другъ

1) Разысканія XI, стр. 3—4.
2) Ibidem Стр. 4—5.

другу, та же противоположность творчества и космогоническій актъ начинающійся въ безбрежномъ морѣ» [1]).

Однако черезъ пять страницъ А. Н. Веселовскій снова возвращается къ богумильскому объясненію и пишетъ слѣдующее.

«Пока не выяснены отношенія этническаго и христіанскаго элементовъ въ славянской и соотвѣтствующей ей тюркско-финской космогонической сагѣ, изученія ея возможныхъ богумильскихъ *основъ* будетъ по прежнему привлекать вниманіе изслѣдователя [2]).

Такимъ образомъ основы легенды являются на протяженіи 5 страницъ то богумильскими, то тождественными съ американскими, причемъ на тѣхъ же пяти страницахъ между двумя приведенными утвержденіями А. Н. Веселовскій говоритъ о *праисторическомъ* общеніи историческихъ массъ, которое занеся въ Америку издѣлія изъ ненаходимаго въ ней нефрита, могло занести и обломки миѳа? [3]) Какъ могло это праисторическое общеніе занести изъ Азіи въ Америку обломки миѳа *богумильскаго* по происхожденію («въ основѣ»)? Думаемъ, что безвыходность противорѣчія, въ которое заводитъ А. Н. Веселовскаго богумильское толкованіе, очевидна.

Драгомановъ отрицаетъ богумильскую гипотезу, приводя много вѣскихъ противъ нея возраженій; въ противовѣсъ ей онъ выставляетъ иранскую гипотезу.

Драгомановъ указываетъ, что неопредѣленность мнѣній А. Н. Веселовскаго равносильна отказу отъ теоретическаго объясненія эпизода [4]), вмѣстѣ съ тѣмъ онъ указываетъ на отдаленность сходства между богумильской космогоніей и народными легендами не только русскими и азіатскими, но и болгарскими, наконецъ на тотъ фактъ, что занести легенды богумильскаго характера къ инородцамъ Сибири было некому, такъ какъ русская народная масса не занимается пропагандой религіозныхъ идей, а миссіонеры могли заносить не богумильскія а каноническія

1) Разысканія XVIII, стр. 120.
2) Ibidem. 125.
3) Ibidem.
4) Сборникъ, VIII, 271.

идеи и представленія. Наоборотъ инородцы, усваивая русскій языкъ и вливаясь въ составъ великорусской народности, должны были вносить въ ея вѣрованія свои представленія [1].

Все это приводитъ Драгоманова къ выводу, что дуалистическая космогонія проникла на Русь съ востока, изъ Ирана, черезъ Тюркское посредство. Изъ того же иранскаго источника проникаетъ дуалистическая космогонія въ Болгарію гдѣ отражается въ народныхъ вѣрованіяхъ и въ богумильствѣ. Отсюда родство сѣверныхъ дуалистическихъ легендъ съ богумильствомъ.

Но если нельзя не согласиться съ критической стороной труда Драгоманова, то выдвигаемая имъ иранская гипотеза далеко не всегда убѣдительна и въ цѣломъ рядѣ случаевъ наталкиваетъ на тѣ же возраженія, какъ и богумильская, и А. Н. Веселовскій въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ склонялся къ урало-алтайской гипотезѣ, стоялъ ближе къ истинѣ, чѣмъ Драгомановъ. Кромѣ этой урало-алтайской основы сказанія, нерѣшительно намѣченной Веселовскимъ въ дуалистической легендѣ «Сказанія о Тиверіадскомъ морѣ» и устныхъ легендахъ того же типа, надо отмѣтить индусскія вліянія, но врядъ ли можно видѣть иранскія.

Самъ Драгомановъ отмѣчаетъ, что въ древнихъ иранскихъ вѣрованіяхъ нѣтъ легендъ о сотвореніи земли, подобныхъ нашей. Онъ находитъ таковыя только въ священной книгѣ Сасанидскихъ временъ Бундегехъ [2]. Однако и эта позднѣйшая иранская космогоническая легенда довольно далека отъ нашихъ, — не менѣе далека, во всякомъ случаѣ, чѣмъ богумильская космогонія. Здѣсь мы даже не находимъ совмѣстнаго творенія земли и двумя деміургами, а только предвѣчную борьбу Ормузда и Аримана, и твореніе міра первымъ. Ормуздомъ создана земля и человѣкъ. Только черезъ 3000 лѣтъ Ариманъ возмутился противъ Ормузда и въ борьбѣ съ нимъ создалъ въ мірѣ зло. Приведя эту иранскую космогоническую легенду, Драгомановъ самъ отмѣчаетъ, что сходство ея со славянскими и финнско-уральскими ограничивается общей дуалистической идеей и нѣкоторыми подробностями о созданіи добрыхъ и злыхъ духовъ и по-

1) Сборникъ, X, стр. 59.
2) Сборникъ, VIII, 276—7.

лезныхъ и вредныхъ животныхъ, которое приписывается двумъ божествамъ доброму и злому [1]). Далѣе Драгомановъ приводитъ отмѣченный нами индусскій космогоническій миѳъ о кабанѣ (Вишну), опускающемся на дно моря и выносящемъ землю.

Эту то индусскую легенду Драгомановъ склоненъ считать зерномъ славянскихъ и тюркскихъ космогоническихъ сказаній, но считаетъ нужнымъ предположить по пути ея перенесенія иранскій этапъ, гдѣ она осложняется дуализмомъ; но это иранское посредство сомнительно, такъ какъ сходство между индусской и славяно-алтайской легендой ближе, чѣмъ между славяно-алтайской и версіей предполагаемыхъ посредниковъ.

Кромѣ того въ поискахъ посредниковъ между индусами и тюрками нѣтъ надобности обращаться къ Ирану,—есть гораздо болѣе прямые пути, напримѣръ, черезъ Тибетъ; буддійскія вліянія на нѣкоторыя версіи нашей легенды, записанныя у алтайскихъ тюрковъ, можно установить очень опредѣленно [2]).

Доказательствомъ генетической связи между индусской легендой и версіей апокрифа намъ кажется совпаденіе нѣкоторыхъ подробностей, необъяснимое безъ этой связи. Въ спискахъ «Сказанія о Тиверіадскомъ морѣ» мы находимъ слѣдующую бесѣду между Богомъ и сатаной-гоголемъ: «...Господь рече ему: гоголе, ты кто еси? и рече ему сатана: азъ есмъ богъ; и рече ему господь а азъ кто есмь? — и рече ему сатана: а ты богъ богомъ и царь царемъ». Если бы сатана иначе отвѣтилъ, добавляетъ апокрифъ, то Господь сокрушилъ бы его.

Драгомановъ приводитъ эпизодъ изъ современныхъ индусскихъ легендъ поразительно сходный съ этимъ. Брама носился на лотосѣ посреди первозданнаго океана и увидѣвъ Наройану (Вишну), спросилъ: кто ты? Вишна отвѣтилъ: «я первородный». Послѣ этого между ними начинается борьба [3]).

Трудно объяснить это сходство иначе, какъ при помощи предположенія, что индусская легенда докочевала какимъ-нибудь образомъ до

---

1) Сборникъ, VIII, стр. 281.

2) Веселовскій. «Разыск.». XI, XII. Драгомановъ, «Забѣлѣжки», Сборникъ, VIII, 290—295.

3) Драгомановъ. Сборникъ, VIII, 283.

Руси и отразилась въ этой подробности апокрифа. Существованіе у алтайскихъ тюрковъ космогоническихъ легендъ разсматриваемаго нами типа съ явными слѣдами буддистскихъ вліяній, укажетъ намъ одинъ изъ вѣроятныхъ путей распространенія этой индусской легенды: черезъ Тибетъ къ алтайскимъ тюркамъ, а оттуда на Западъ въ сѣверо-восточную Россію, гдѣ и распространены легенды типа «Сказанія о Тиверіадскомъ озерѣ» и гдѣ найдены почти всѣ рукописи этого апокрифа.

Но если мы должны признать существованіе въ апокрифѣ о Тиверіадскомъ морѣ и въ нѣкоторыхъ изъ устныхъ версій легенды отзвуковъ индусскихъ сказаній, то мы не можемъ все таки возвести эпизодъ, занимающій насъ, всецѣло къ индусскому источнику. Мѣшаетъ это сдѣлать устойчивость во всѣхъ сѣверно-азіатскихъ (урало алтайскихъ) и сѣверно-русскихъ образа птицы творца міра, отсутствующаго въ индусскомъ сказаніи, гдѣ вмѣсто него мы видимъ болѣе ирраціональный, слѣдовательно, вѣроятно вторичный образъ ныряющаго на дно моря кабана. Во всѣхъ почти легендахъ о твореніи міра ныряющимъ животнымъ, такимъ животнымъ является либо водяное животное (бобръ, выдра), либо водяная птица. Возникновеніе образа ныранія такого животнаго естественно, и потому такія версіи мы съ большей вѣроятностью можемъ считать за первичныя, чѣмъ тѣ версіи, гдѣ ныряніе приписывается сухопутному животному, напримѣръ, кабану, или не ныряющей птицѣ, напримѣръ голубю. Появленіе въ легендахъ о ныряніи кабана или голубя вѣроятно является результатомъ вліянія другихъ вѣрованій, въ которыхъ эти животныя играютъ роль и потому эти версіи, намъ кажется, слѣдуетъ признать вторичными. Но и помимо этого внутренняго признака, значеніе котораго можетъ оспариваться, самый фактъ существованія отъ сѣверныхъ губерній Европейской Россіи до береговъ Камчатки легендъ о твореніи міра ныряющей *птицей*, свидѣтельствуетъ о томъ, что эти легенды не могутъ быть возведены къ легендѣ о ныряющемъ *кабанѣ*.

Наибольшей близостью къ эпизоду апокрифа о Тиверіадскомъ морѣ отличаются черемисскія легенды о твореніи міра Юмой и Кереметемъ. Въ этой легендѣ Юма играетъ роль Бога апокрифа, Кереметъ—сатаны-гоголя. Кереметъ подобно сатанѣ *въ видѣ селезня* ныряетъ на дно моря, чтобы достать земли для творенія. Въ мордовскихъ версіяхъ легендъ на-

шего типа творцами являются Чамъ-Пасъ, — соотвѣтствующій Богу и Юмѣ, и Мастеръ-Пасъ, называемый иногда Шайтаномъ, соотвѣтствующій Кереметю-Сатанѣ. Этотъ Шайтанъ участвуетъ въ твореніи при помощи нырянія за матерьяломъ. Въ нѣкоторыхъ легендахъ онъ является человѣкообразнымъ, въ другихъ въ видѣ *птицы* (утки), которую Чамъ-Пасъ видитъ плавающей по морю подобно гоголю-сатанѣ. Въ космогонической легендѣ сибирскихъ маньзовъ божество Корсъ-Торумъ велѣлъ птицѣ лули достать песку со дна моря, ей помогаетъ также ныряя на дно моря гагара. Эта версія уже представляетъ переходъ къ другому варьянту, въ которомъ и самъ Богъ является въ видѣ птицы. Такую версію находимъ въ изданной Радловымъ легендѣ алтайскихъ тюрковъ, въ подробностяхъ которой нельзя не видѣть буддійскихъ вліяній. Космогоническая версія этой легенды такова: Богъ и «одинъ человѣкъ» носился надъ моремъ въ *видѣ двухъ черныхъ гусей*. Человѣкъ этотъ хотѣлъ подняться выше Бога, но упалъ въ воду. Богъ повелѣлъ, чтобы со дна моря вышелъ твердый камень и на немъ усѣлся этотъ человѣкъ. Тогда Богъ велѣлъ ему нырнуть на дно моря и достать земли для творенія. По бурятской версіи въ началѣ было одно море, Богъ велѣлъ гагарѣ опуститься на дно его и достать глины, изъ которой образовалась земля. По якутскому, сильно христіанизированному разсказу на небѣ жила Матерь Божія съ сыномъ Іисусомъ и его товарищемъ Николаемъ. Подъ небомъ была вода. Матерь Божія сотворила двухъ птицъ—гагару и утку и велѣла имъ нырнуть на дно моря и достать земли для творенія[1]).

Такимъ образомъ за исключеніемъ нѣсколькихъ варьянтовъ, гдѣ творецъ міра является человѣкообразнымъ, во всѣхъ легендахъ отъ черемисской до якутской ныряющимъ существомъ является птица. Такимъ образомъ намъ остается или вслѣдъ за А. Н. Веселовскимъ возводить всѣ эти легенды къ апокрифамъ типа «Сказанія о Тиверіадскомъ морѣ», либо предположить существованіе туземнаго сѣверо-азіатскаго вѣрованія о твореніи міра ныряющей птицей, которое было заимствовано у инородцевъ русскими и дало сюжетъ эпизоду апокрифа, что допускалъ и Веселовскій.

1) Всѣ матеріалы взяты изъ легендъ, приведенныхъ у А. Н. Веселовскаго (Разысканія XI—XVII).

Если первое изъ этихъ предположеній наталкиваетъ на фактъ отсутствія установленнаго книжнаго источника для эпизода «Свитка» о ныряющей птицѣ, на трудность вліянія очень мало распространеннаго русскаго памятника, на цѣлый рядъ народовъ отъ Волги до Алтая и Тихаго океана, то второе предположеніе находитъ все большую опору въ изученіи восточно-азіатскаго и сѣверно-американскаго фольклора. Работы Эренрейха, Боаса устанавливаютъ существованія огромныхъ областей распространенія отдѣльныхъ вѣрованій и мотивовъ, причемъ выясняется родство сѣверо-американскаго фольклора съ сѣверо-азіатскими. Новая работа г. Іохельсона по этнографіи Коряковъ [1]) указываетъ намъ, что у народовъ крайняго сѣвера-востока Азіи и прилегающихъ частей Америки, легенда о птицѣ творцѣ міра—Великомъ Воронѣ (Big-Raven), связаны съ живымъ еще культомъ предка родоначальника племени, какимъ является воронъ. У чукчей подобно нашему гоголю Свитка, воронъ является товарищемъ человѣкообразнаго божества въ дѣлѣ творенія міра. Эпизода ныранія намъ не удалось найти въ матеріялахъ Іохельсона, но онъ широко распространенъ въ Сѣверной Америкѣ.

Авторъ очень интересной работы о Южно-Американскихъ миѳахъ Dr Paul Ehrenreich, устанавливая связь между миѳами Южно-Американскими и Океанійскими, съ одной стороны, Сѣверно-Американскими и Азіатскими, съ другой, и различіе между Южно и Сѣверо-Американскими, говоритъ:

«Die in Nordamerika so gewöhnliche Vorstellung von einem Urwasser, aus dem die Erde durch Thiere herausgefischt wird, scheint in Südamerika zu fehlen» [2]).

Принимая во вниманіе съ другой стороны, что этотъ миѳъ въ Европѣ извѣстенъ только мадьярамъ и славянамъ, причемъ изъ славянъ преимущественно тѣмъ, которые имѣютъ въ своихъ жилахъ немало урало-алтайской крови — русскимъ и болгарамъ, мы должны признать этотъ миѳъ урало-алтайско-американскимъ, усвоеннымъ славянами съ востока.

---

1) Iochelsonn, «The Koryak», стр. 17—18.

2) Dr Paul Ehrenreich, «Die Mythen und gegenden der Südamerikanischen Urvölker», Berlin. 1905.

Древность этихъ легендъ о твореніи земли ныряющимъ животнымъ опредѣляется болѣе или менѣе фактомъ присутствія этого мотива въ древней Индіи и Америкѣ. Отсутствіе его въ Южной Америкѣ говоритъ за азіатское его происхожденіе. Миѳъ имѣетъ нѣсколько версій: твореніе ныряющей птицей, кабаномъ, бобромъ, крысой. Изъ нихъ спеціально сѣверно азіатской является первая, она же, вѣроятно, должна быть признана древнѣйшей, такъ какъ представленіе о безбрежной водной поверхности и носящейся надъ ней птицей является однимъ изъ самыхъ широко распространенныхъ въ космогоніяхъ всего міра, и возникновеніе изъ него версіи ныранія наиболѣе вѣроятно.

Повидимому, эта сѣверно-азіатская версія у приалтайскихъ тюрковъ столкнулась со своимъ безконечно давно проникшимъ въ Индію варьянтомъ, осложнилась его подробностями и въ такомъ видѣ легла въ основу сложившагося въ сѣверо-восточной Руси апокрифа.

Н. Коробка.

Субъективный и объективный методъ въ фонетикѣ.

I. Значеніе и роль каждаго изъ двухъ методовъ изслѣдованія, употребляемыхъ въ фонетикѣ, можно себѣ хорошо уяснить изъ разсмотрѣнія сомаго понятія фонетики, какъ науки, и ея отношенія къ смежнымъ наукамъ. Ходячее опредѣленіе фонетики говоритъ, что это есть *физіологія* звуковъ человѣческой рѣчи. Такъ или приблизительно такъ еще и до сихъ поръ называются нѣкоторыя книги, трактующія этотъ предметъ. И что любопытно, одинъ изъ классическихъ учебниковъ фонетики носилъ въ своемъ 1-мъ изданіи названіе «*Grundzüge der Lautphysiologie*». Однако въ послѣдующихъ изданіяхъ авторъ учебника, Сиверсъ, счелъ нужнымъ перемѣнить заглавіе и назвалъ его «*Grundzüge der Phonetik*». Очевидно, сознательно или безсознательно здѣсь дѣйствовало желаніе отмежеваться отъ физіологіи, куда, казалось бы, съ несомнѣнностью относится изслѣдованіе всякихъ функцій человѣческаго организма, а слѣдовательно и рѣчи. Съ другой стороны не менѣе очевидной является связь фонетики съ акустикой, которая вѣдь занимается изслѣдованіемъ звуковъ, а мы привыкли слышать, что «рѣчь человѣческая состоитъ изъ звуковъ».

И тѣмъ не менѣе фонетика имѣетъ претензію на самостоятельное существованіе. Не преувеличены ли эти претензіи? Жизнь уже доказала, что нѣтъ: обширная литература, существованіе спеціальныхъ преподавателей въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, наконецъ—и это самое главное—практическое примѣненіе въ разныхъ сферахъ вполнѣ оправды-

ваютъ ихъ, и здѣсь мнѣ остается лишь попытаться обосновать эти претензіи теоретически.

Остановимся для этого нѣсколько на вопросѣ о фонетическихъ единицахъ: Для непосредственнаго чутья онъ не представляетъ особенныхъ трудностей: дѣти, прежде чѣмъ учиться читать, упражняются въ дѣленіи словъ на простѣйшія единицы, которыя въ просторѣчіи, благодаря смѣшенію понятій, называются буквами, а въ наукѣ могли-бы называться *фонемами*. Такъ, напримѣръ, сочетаніе *ata* разлагается нашимъ чутьемъ на *a*, *t*, *a* т. к. мы отличаемъ *ata* отъ *uta*, *ata* отъ *ada*, *ata* отъ *atu* и т. д. Однако если взглянуть на звукосочетаніе *ata* съ акустической точки зрѣнія, то дѣло представится совершенно въ иномъ видѣ: такъ какъ акустика разсматриваетъ звуки, какъ движеніе частицъ воздуха, то звуки сочетанія *ata* могутъ быть выражены графически линіей, которая будетъ состоять изъ *двухъ* отрѣзковъ волнообразной кривой, сходныхъ, хотя и не вполнѣ тожественныхъ другъ съ другомъ, соединенныхъ нѣкоторой прямой, обозначающей отсутствіе звука, такъ что непредубѣжденный человѣкъ сможетъ найти здѣсь всего лишь 2 элемента, отдѣленныхъ другъ отъ друга нѣкоторымъ промежуткомъ времени, а не 3, какъ это мы дѣлаемъ въ фонетикѣ и вообще въ языкѣ.

Другимъ не менѣе яркимъ случаемъ, показывающимъ, что фонетическія единицы не всегда совпадаютъ съ единицами акустическими и физіологическими, является старинный споръ о такъ называемыхъ «аффрикатахъ», есть ли это простые согласные или онѣ состоятъ изъ двухъ звуковъ, напримѣръ: *c*(*ц*) изъ *t*+*s* (т+с), *č*(*ч*) изъ *t*+*š* (т+ш) и т. д. Самая возможность такого спора указываетъ на существованіе двухъ точекъ зрѣнія. И дѣйствительно, физіологически присутствіе 2 элементовъ въ аффрикатахъ несомнѣнно, однако съ языковой, *фонетической* точки зрѣнія говорящихъ на данномъ языкѣ людей *c*(*ц*), *č*(*ч*) и т. д. также несомнѣнно являются простыми согласными, такъ какъ спирантный элементъ въ нихъ не можетъ быть протянутъ (подробнѣе объ этомъ см. мою статью въ M. S. L. XV, стр. 237).

Такимъ образомъ понятіе фонетической единицы не всегда покрываетъ понятія единицъ акустической или физіологической, изъ чего слѣдуетъ, что фонетическія единицы не могутъ быть отнесены ни къ физіо-

логическимъ, ни къ физическимъ величинамъ, а являются результатомъ нашей психической дѣятельности, иначе говоря: разъ мы говоримъ объ *a*, *e*, *i*, *p*, *t*, и т. д. мы выходимъ изъ міра физическаго и физіологическаго и входимъ въ область психики, гдѣ и происходитъ, такъ сказать, синтезъ данныхъ акустическихъ и физіологическихъ и приспособленіе ихъ для цѣлей языкового общенія. Этимъ опредѣляется и самостоятельное положеніе фонетики, какъ науки: она занимается изслѣдованіемъ *звуковыхъ представленій* рѣчи въ первую голову, а затѣмъ уже и тѣхъ акустическихъ и физіологическихъ процессовъ, подъ вліяніемъ которыхъ эти представленія возникаютъ.

Изъ этого опредѣленія вытекаетъ сама собой и роль какъ субъективнаго, такъ и объективнаго метода въ фонетикѣ. Строго говоря единственнымъ *фонетическимъ* методомъ является методъ субъективный, т. к. мы всегда должны обращаться къ сознанію говорящаго на данномъ языкѣ индивида, разъ мы желаемъ узнать, какія фонетическія различія онъ употребляетъ для цѣлей языковаго общенія, и другого источника, кромѣ его сознанія, у насъ вовсе не имѣется—поэтому-то для лингвиста такъ драгоцѣнны всѣ хотя-бы самыя наивныя заявленія и наблюденія туземцевъ—они въ большинствѣ случаевъ, при надлежащей ихъ интерпретаціи, имѣютъ гораздо больше цѣны, чѣмъ наблюденія ученыхъ изслѣдователей, принадлежащихъ къ другой языкоьой группѣ.

Но съ другой стороны то, что не находится непосредственно въ сферѣ сознанія, то что происходитъ въ мірѣ физіологическомъ и физическомъ имѣетъ тоже громадный интересъ для лингвиста, такъ какъ можетъ стать современемъ достояніемъ языковаго мышленія, являясь такимъ образомъ въ настоящее время зародышемъ будущаго. И это *объективно* существующее должно быть изслѣдуемо *объективнымъ* методомъ, т. е. наблюдаемо посредствомъ разныхъ регистрирующихъ приборовъ, а гдѣ можно, слѣдуетъ примѣнять и экспериментированіе. Таково принципіальное разграниченіе областей двухъ фонетическихъ методовъ.

II. Переходя къ болѣе частному ихъ разсмотрѣнію, нельзя достаточно сильно подчеркнуть важность субъективнаго метода въ лингвистическомъ отношеніи, такъ какъ отличеніе мыслимаго отъ существующаго лишь въ

исполненія является необходимой основой для пониманія языковыхъ явленій.

Для иллюстраціи этого положенія можно привести хотя-бы наиболѣе близко намъ, русскимъ, стоящее различеніе двухъ оттѣнковъ *е* въ *бѣлъ* и *былъ*. Различіе это акустически такъ сильно дѣйствуетъ на слухъ, напримѣръ, французовъ, что они различаютъ здѣсь 2 звука (è и é), но для сознанія нормальнаго русскаго человѣка это различіе, являясь функціей послѣдующаго согласнаго и не будучи ассоціировано непосредственно съ какимъ либо оттѣнкомъ значенія, не существуетъ вовсе. Что это—такъ, въ этомъ я неоднократно убѣждался на моихъ слушателяхъ и слушательницахъ, многіе изъ которыхъ долго не могли услышать это различіе и должны были вѣрить мнѣ на слово. А что здѣсь графика не причемъ, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія, если сопоставить русское произношеніе съ итальянскимъ, гдѣ различается, напримѣръ, *pesca* «рыбная ловля» и *pesca* «персикъ», несмотря на то, что различіе между обоими *е* гораздо меньше русскаго, такъ что *обыкновенное* русское ухо его не слышитъ даже при внимательномъ вслушиваніи. Другой примѣръ: мы всѣ слышимъ въ англійскомъ *place* «мѣсто», *say* «говорить» *no* «нѣтъ», *know* «знать» дифтонги; однако для того чтобы убѣдить въ этомъ англичанъ, нужно было перевертывать валикъ фонографа, причемъ слышалось нѣчто вродѣ *sielp*, *uon*. Нѣчто аналогичное встрѣчается также и въ лужицкихъ говорахъ. Еще одинъ примѣръ изъ лингвистической литературы послѣдняго времени: проф. А. И. Томсонъ, обладающій удивительнымъ слухомъ, который, превращая его ухо въ тончайшій регистрирующій аппаратъ, позволяетъ ему дѣлать тонкія и весьма цѣнныя наблюденія, говоритъ намъ, отрицаясь, такъ сказать, отъ собственнаго «я», что наше *у*(*ы*)—дифтонгъ. И онъ правъ: у—дифтонгъ, но настолько-же, насколько и *а* въ словѣ *адъ*[1]), которое, какъ показываютъ фонаутографическія записи, значительно измѣняется по качеству, особенно къ концу. И тѣмъ не менѣе и *а* и *у* для нашего сознанія не дифтонги.

Примѣровъ вообще можно привести безчисленное множество, но и

---

1) Готовъ допустить, что въ извѣстныхъ положеніяхъ и у извѣстныхъ индивидовъ даже больше.

приведеннаго достаточно, чтобы предостеречь людей, занимающихся записываніемъ фонетическихъ текстовъ отъ тѣхъ ошибокъ, въ которыя они впадаютъ, пренебрегая основными требованіями субъективнаго метода, являющагося лингвистическимъ по преимуществу: *регистрировать факты сознанія говорящаго на данномъ языкѣ человѣка.* При несоблюденіи этого требованія ихъ записи лишены самаго главнаго — души. Это memento въ равной мѣрѣ относится какъ къ записывающимъ посредствомъ разныхъ регистрирующихъ приборовъ, такъ и къ пользующимся въ качествѣ таковаго собственнымъ ухомъ. Разница между первыми и вторыми сводится къ тому, что первые болѣе или менѣе вѣрно воспроизводятъ объективную сторону человѣческой рѣчи, а вторые и эту сторону искажаютъ, преломляя слышанное въ призмѣ собственнаго сознанія, такъ какъ вѣдь даже изощренное ухо слышитъ не то, что есть, а то, что оно привыкло слышать, примѣнительно къ ассоціаціямъ собственнаго мышленія. Все это ведетъ къ такому «импрессіонизму», по мѣткому выраженію одного лингвиста, въ записяхъ, что трудно зачастую на нихъ основывать какія-либо заключенія. Это уже давно начинаетъ замѣчаться изслѣдователями, хотя мало кто высказывается вполнѣ опредѣленно по этому поводу, и, насколько мнѣ извѣстно, одинъ Passy со всей опредѣленностью выставляетъ требованіе, чтобы въ фонетическія транскрипціи вносилось лишь то, что различаетъ «instinct linguistique» данной языковой группы.

III. Перейдемъ теперь къ видоизмѣненіямъ субъективнаго метода. Дѣло въ томъ, что мы можемъ, напрягая вниманіе увеличивать поле нашего сознанія, или вѣрнѣе, вводить въ него тѣ объекты, которые нормально въ немъ не существуютъ, и такимъ образомъ, мы можемъ, изощряя нашъ слухъ и мускульное чувство, наблюдать то, что нормально существуетъ лишь подъ порогомъ нашего сознанія—мы можемъ переводить объективно существующее въ область сознаваемаго, субъективно существующаго. Такъ, напримѣръ, путемъ небольшого упражненія мы можемъ довести себя до того, что будемъ слышать разницу между двумя *е* въ *бѣлъ* и *бѣль* и, что гораздо труднѣе, чувствовать разницу въ ихъ артикуляціи. И такимъ путемъ, путемъ осознательненія нормально несо-

знаваемаго въ *собственной* рѣчи и были сдѣланы главнѣйшія завоеванія въ области фонетики. Такимъ образомъ субъективный методъ съ успѣхомъ вторгается въ ту область, которая принципіально отведена объективному методу. Но во первыхъ, не всѣ способны съ успѣхомъ примѣнять этотъ методъ, и во всякомъ случаѣ для этого нужна *многолѣтняя специальная тренировка*, такъ что глубоко заблуждаются тѣ, которые полагаютъ что достаточно прочитать пару учебниковъ чтобы стать фонетикомъ и съ успѣхомъ наблюдать разные говоры, а во вторыхъ, все-таки далеко не все объективно существующее доступно изслѣдованію этимъ методомъ. Не нужно быть, конечно, большимъ мудрецомъ, чтобы открыть разницу между двумя *е* въ словахъ *бѣлъ* и *бѣль*, между ударенными и неударенными гласнымъ въ словѣ *папа*, но уже труднѣе опредѣлить разницу между двумя *п* въ этомъ послѣднемъ словѣ, еще труднѣе раскрыть тонкія различія въ длительности звуковъ въ разныхъ положеніяхъ, напримѣръ, *а* въ *баса, бака* или измѣненія въ координаціи разныхъ элементовъ въ зависимости отъ ударенія, напримѣръ, въ *nápa* и *popá*. Говоря вообще, мало доступно, хотя-бы и спеціалисту-фонетику, наблюденіе внутренняго механизма и фонетическихъ послѣдствій нѣкоторыхъ явленій, которыя намъ непосредственно даны въ своихъ результатахъ, напримѣръ, механизмъ ударенія, слогодѣленія и т. д.—вещи до сихъ поръ остающіяся спорными въ наукѣ. Все это область, гдѣ находитъ и долженъ находить себѣ примѣненіе объективный методъ изслѣдованія.

Однимъ изъ разительныхъ примѣровъ, могущихъ иллюстрировать значеніе объективнаго метода могутъ послужить 2 экспериментально-фонетическихъ изслѣдованія: *Roudet*—Dépense d'air dans la parole (La parole 1900, стр. 202) *E. A. Meyer*—Englische Lautdauer, 1903, Первый изъ нихъ констатировалъ, что при прочихъ равныхъ условіяхъ при производствѣ болѣе узкихъ гласныхъ, напримѣръ, *i*, *u*, трата воздуха больше чѣмъ при производствѣ болѣе широкихъ, напримѣръ, *a*. E. Meyer констатировалъ, что въ англійскомъ при прочихъ равныхъ условіяхъ болѣе узкіе гласные, напримѣръ, *i*, *u* короче болѣе широкихъ, напримѣръ, *a*. Сопоставленіе этихъ двухъ фактовъ, вскрытыхъ лишь помощью объективнаго метода, бросаетъ сразу яркій свѣтъ на цѣлую массу

явленій: оказывается, что въ языкѣ важна не длительность фонетическихъ элементовъ, а количество расходуемой на нихъ энергіи, что объясняетъ намъ съ одной стороны сокращеніе узкихъ гласныхъ, могущее вести въ нѣкоторыхъ случаяхъ къ ихъ полному исчезновенію внѣ всякой связи съ удареніемъ, а съ другой стороны замѣну различія по количеству различіемъ по качеству (ср. такъ называемый переходъ *ē* въ *i*). Подробный пересмотръ всѣхъ относящихся сюда фактовъ даетъ Meillet въ своей статьѣ въ M. S. L. XV, стр. 265.

IV. Разсмотримъ еще и другое видоизмѣненіе субъективнаго метода. Вѣдь можно и не ограничиваться собственной персоной для фонетическихъ наблюденій, а распространить его и на другихъ. При этомъ поступаютъ такъ [1]): стараются слухомъ уловить данное произношеніе и воспроизвести его удовлетворительно для туземца (обыкновенно прибавляютъ теперь «для компетентнаго туземца», такъ какъ не говоря уже о собственномъ контролѣ, контроль *фонетически необразованнаго* туземца самими сторонниками подобнаго метода признается недостаточнымъ). Усвоивъ себѣ такимъ образомъ чужое произношеніе, съ нимъ поступаютъ, какъ со своимъ собственнымъ, такъ что все сказанное въ предыдущемъ § относится и сюда. Нужно только прибавить, что усвоеніе чужого произношенія представляетъ такіе подводные камни въ виду субъективности нашего уха, слышащаго то, къ чему привыкло и чего желаетъ, что къ такому методу нужно относиться съ крайней осторожностью и во всякомъ случаѣ всегда стараться провѣрять его данныя данными объективнаго метода.

Чтобы иллюстрировать, къ какимъ крупнымъ ошибкамъ можетъ привести этотъ методъ даже такихъ первоклассныхъ фонетиковъ, какъ Sweet, приведу слѣдующіе 2 примѣра. Какъ извѣстно, съ легкой руки Sweet'а всѣ западные фонетики говорятъ о «гуттуральномъ», заднеязычномъ *ł*, приводя въ качествѣ примѣра русское *лъ*. Въ превосходной статьѣ, оставшейся, къ сожалѣнію, незамѣченной на западѣ, С. К. Буличъ (Р. Ф. В. XXIII стр. 181) доказалъ всю несостоятельность по-

---

1) См. Jespersen, *Phonetische Grundfragen*, 1906, § 141, стр. 140.

добнаго утвержденія. Я располагаю экспериментальными данными изъ русскаго, польскаго, лужицкаго и моравскаго діалектовъ, которыя объективно подтверждаютъ слова С. К. Булича и краснорѣчиво говорятъ, чтó должны были дѣлать западные фонетики, для того чтобы избѣжать грубой ошибки. Другой примѣръ: *Sweet* въ прежнія времена отожествлялъ русское *у(ы)* съ кимрскимъ *и*, въ послѣднемъ же изданіи своей таблицы онъ ихъ до нѣкоторой степени различаетъ, говоря, что кимрская артикуляція нѣсколько болѣе впереди, чѣмъ русская. Я имѣлъ случай изучать кимрское произношеніе и могъ прежде всего констатировать, что кимрское *и* мало похоже на русское *у* на слухъ. Когда же я сравнилъ отпечатки обѣихъ артикуляцій на искусственномъ небѣ, то оказалось, что русское *у(ы)* есть дѣйствительно high-mixed-vowel, какъ говоритъ Sweet, кимрское же *и* есть одновременное соединеніе front-, mixed- и back- артикуляцій.

Эти 2 примѣра должны, мнѣ кажется, навести насъ на нѣкоторые выводы о значеніи фонетическихъ наблюденій надъ *чужимъ* языкомъ, не подкрѣпленныхъ объективными данными и сдѣланныхъ не такими выдающимися фонетиками, какъ Sweet, не говоря уже о записяхъ, сдѣланныхъ безъ указанныхъ выше предосторожностей на основаніи лишь однихъ слуховыхъ впечатлѣній, когда высшимъ критеріемъ служитъ «такъ слышится».

То-же въ еще большей мѣрѣ относится и къ записямъ съ фонографа, хотя, конечно, я отнюдь не отрицаю того значенія, которое имѣютъ и могутъ имѣть фонографъ и граммофонъ въ фонетикѣ. Но дѣло въ томъ, что какъ разъ фонографъ является лучшимъ доказательствомъ субъективности нашего слуха: оказывается, что мы дополняемъ сами, и конечно соотвѣтственно *собственнымъ* языковымъ привычкамъ, слышимое въ фонографѣ, такъ что намъ кажется великолѣпно записаннымъ то, что мы узнаемъ и понимаемъ; но если записать безсмысленныя слова, то окажется, что фонографъ вовсе не такой безукоризненный инструментъ и что мы зачастую не можемъ различать имъ записанное (особенно въ области согласныхъ). Кромѣ того фонографъ запечатлѣваетъ одно случайное произношеніе, а было-бы грубымъ заблужденіемъ думать, что наша рѣчь всегда одинакова: произношеніе словъ,

а тѣмъ болѣе фразъ, допускаетъ громадныя колебанія, и фонетику необходимо прежде всего устанавливать типическое произношеніе, что возможно только въ непосредственномъ общеніи съ людьми. Наконецъ невозможность взглянуть на губы, а при произношеніи отдѣльныхъ звуковъ и на языкъ говорящаго, еще больше уменьшаетъ цѣнность подобнаго метода. Фонографическія записи могутъ лишь являться хорошимъ подспорьемъ для лицъ, изучавшихъ данный говоръ на мѣстѣ, да кромѣ того съ успѣхомъ служить педагогическимъ цѣлямъ при наличности учителя для постановки отдѣльныхъ звуковъ и контроля.

Л. Щерба.

Библіографическія мелочи.

I. О пѣсенкѣ Гринева въ „Капитанской дочкѣ".

Во второмъ выпускѣ изданія «Пушкинъ и его современники. Матеріалы и изслѣдованія» г. В. Чернышевъ напечаталъ (стр. 25 — 26) статью: «Замѣтка къ Пушкину. *Происхожденіе пѣсенки Гринева: «Мысль любовну истребляя»*». По мнѣнію автора, «Сантиментальная [sic] любовная пѣсенка Гринева, послужившая причиной раздора между имъ [sic] и Швабринымъ, оказывается заимствованной, съ небольшими измѣненіями, изъ пѣсенника Новикова» (1780 г.), въ которомъ есть такое стихотвореніе:

Мысль любовну истребляя,
Тщусь прекрасную забыть,
И отъ взоровъ убѣгая,
Тщуся вольность получить.
Но глаза, что мя плѣнили,
Всеминутно предо мной,
Тѣ глаза, что духъ смутили
И нарушили покой.
Ты жъ узнавъ, что я плѣненъ тобой,
Зря меня въ жестокой части,
Сжалься, сжалься надо мной.

«Въ послѣднихъ трехъ строчкахъ оригинала пѣсни Гринева», замѣчаетъ г. Чернышевъ, «очевидно скрывается какая то ошибка........ здѣсь

недостаетъ одного стиха. Замѣчательно, что и въ этомъ мѣстѣ Пушкинъ, избѣгая сочинительства, болѣе передѣлывалъ и исправлялъ какого то чувствительнаго, но неискуснаго стихотворца. При нѣкоторыхъ дополненіяхъ и перестановкахъ, онъ изъ трехъ стиховъ сдѣлалъ четыре, подходящіе къ предыдущимъ по размѣру и риѳмѣ».

Признавая значеніе за статьей г. Чернышева, мы думаемъ однако, что вопросъ не рѣшенъ ею окончательно; въ сборникѣ пѣсенъ Чулкова [1]), т. е. въ болѣе раннемъ изданіи «Новиковскаго пѣсенника», намъ встрѣтился (томъ I, стр. 45—46, № 34) болѣе полный варіантъ цитируемаго въ ней стихотворенія, который и приводимъ здѣсь:

Мысль любовну истребляя,
Тщусь прекрасную забыть,
И отъ взоровъ убѣгая,
Тщуся вольность получить.
Но глаза, что мя плѣнили,
Всеминутно предо мной,
Тѣ глаза, что духъ смутили,
И разрушили покой.

*

Зря тебя, всегда страдаю,
Безъ тебя вездѣ грущу,
И тебя я убѣгаю,
И тебя вездѣ ищу.
Ахъ! на толь тебя увидѣлъ,
И на толь тебя спозналъ,

---

1) Мы пользовались экземпляромъ (безъ заглавнаго листа) I-й части его, хранящимся въ библіотекѣ Музея Королевства Чешскаго въ Прагѣ (сигнатура: 76. G. 128) и давшимъ матеріалъ для извѣстной статьи г. J. Máchala «Hankovy Ohlasy písní ruských. Přispěvek k dějinám provenience RK» (Listy Filologické, XXVI, 30—47). Замѣтимъ однако, что число страницъ этого экземпляра (11 ненумерованныхъ съ «Реэстромъ пѣснямъ» +240) не совпадаетъ съ извѣстными намъ библіографическими описаніями изданій (1770—1774 и 1780—1781 гг.) чулковскаго сборника.

Чтобы жизнь возненавидѣлъ,
И собой владѣть престалъ.

*

Весь мой нравъ перемѣнился
Съ горестной минуты той,
Съ той, въ котору я влюбился
И плѣненъ твоей красой.
Въ ту минуту миновался
Уже мой спокойной вѣкъ,
Какъ мой взоръ съ твоимъ встрѣчался,
Въ ту минуту онъ утекъ.

*

Тыжъ узнавъ мои напасти,
Узнавъ, что я плѣненъ тобой,
Зря меня въ жестокой части,
Сжалься, сжалься надо мной.
Не жалѣя воспламенила,
Ты во мнѣ, драгая[,] кровь,
Противъ воли заразила
И меня моя любовь.

Какъ можно видѣть изъ сличенія этого стихотворенія[1]) съ пѣсенкой Гринева, Пушкинъ не «изъ трехъ стиховъ сдѣлалъ четыре», а изъ восьми четверостишій—три. Сохраненіе Пушкинымъ стиха «Тыжъ узнавъ мои напасти» (въ формѣ: «Ты, узнавъ мои напасти»), отсутствующаго въ Новиковскомъ сборникѣ, показываетъ, что приведенный нами варіантъ ближе къ Пушкинской пѣсенкѣ. Вмѣсто «Узнавъ, что я плѣненъ тобой» вѣроятно слѣдуетъ читать «Знавъ, что я плѣненъ тобой».

---

1) Кому оно принадлежитъ, рѣшить не беремся; фактура стиха нѣсколько напоминаетъ Михаила Попова, среди произведеній котораго («Досуги или собраніе сочиненій и переводовъ», СПБ. 1772) имѣются «Любовныя пѣсни» (I, 58—78), входившія и въ пѣсенники.

II. Новый варіантъ одного изъ стихотвореній М. В. Ломоносова (?).

Какъ извѣстно, въ «Краткомъ руководствѣ къ краснорѣчію», принадлежащемъ перу М. В. Ломоносова, имѣется отрывокъ стихотворенія (нач. «Ужъ солнышко спустилось»), написаннаго, быть можетъ, самимъ составителемъ учебника; на этомъ основаніи акад. Сухомлиновъ напечаталъ (Сочиненія М. В. Ломоносова, I, 104 — 105 второго счета) это стихотвореніе, по его словамъ, «вполнѣ» по рукописному пѣсеннику, хранящемуся въ Императорской Публичной Библіотекѣ (сигнатура: Q. XIV. № 124). Однако изданный покойнымъ ученымъ текстъ оказывается неполнымъ при сравненіи съ варіантомъ, вошедшимъ въ печатный сборникъ, изъ котораго мы почерпнули оригиналъ пѣсенки Гринева. Сверхъ того, еще одна перепечатка—съ измѣненіями—встрѣтилась намъ въ книгѣ «Всеобщій пѣсенникъ, или новое собраніе лучшихъ всякаго рода пѣсенъ» etc. (двѣ части, Москва, 1800—не вполнѣ точно описанъ въ «Опытѣ россійской библіографіи» Сопикова подъ № 9300; здѣсь не упомянуто, что подъ предисловіемъ къ I части есть подпись «И. Н.»). Имѣется это стихотвореніе и въ рукописи Императорской Публичной Библіотеки съ сигнатурою O. XIV. № 11 (ср. въ статьѣ А. Ѳ. Бычкова «Свѣдѣнія о рукописяхъ Императорской Публичной Библіотеки, содержащихъ въ себѣ между прочимъ народныя пѣсни»—Труды IV Археологическаго съѣзда, II, 166, № 18; ср. въ книгѣ г. В. Н. Перетца «Историко-литературныя изслѣдованія и матеріалы», томъ I, часть 2, стр. 115). Наконецъ въ «Магазинѣ музыкальныхъ увеселеній» (1795 г.) арія «Молчите, струйки чисты» съ нотами помѣщена подъ первымъ № (Неустроевъ, А. Н., Историческое розысканіе о русскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ за 1703—1802 гг., СПБ, 1874, стр. 795). Въ виду такой распространенности этого стихотворенія въ старину и нѣкоторой связи его съ именемъ Ломоносова приводимъ текстъ его по чулковскому(?) сборнику съ варіантами изъ версій Сухомлинова (*С.*) и «Всеобщаго пѣсенника» *(ВП)*. Въ сборникѣ Чулкова(?) оно помѣщено на стр. 79—81 перваго тома, подъ № 61; во «Всеобщемъ пѣсенникѣ» на

стр. 29—30 второй части, подъ № 17, въ отдѣлѣ «Пѣсни пастушескія».

Молчите, струйки чисты,
И дайте мнѣ вѣщать [1]):
Вы птички голосисты
Престаньте [2]) воспѣвать.
Пусть въ рощахъ раздаются
Плачевныя слова,
Ручьями слезы льются
И стонутъ дерева.

*

Ты здѣсь [3]) моя отрада,
Любезной пастушокъ,
Со мной ходилъ отъ [4]) стада
На крутой [5]) бережокъ.
Я здѣсь съ тобой свыкалась
Отъ самыхъ лѣтъ младыхъ,
И часто наслаждалась
Любовныхъ [6]) словъ твоихъ.

*

Ужь солнышко спустилось
И сѣло за горой,
И поле окропилось
Вечернею росой.
Я въ горькой скукѣ трачу
Прохладные часы,
И на единѣ плачу,
Лишась твоей [7]) красы.

*

1) *С.* вздыхать. 2) *С.* покиньте. 3) *С.* Здѣсь ты.
4) *С.* до. 5) *С.* желтый. 6) *С.* Любезныхъ. 7) *С.* своей.

Цѣлую тѣ пруточки [1]),
Съ которыхъ ты срывалъ
Прекрасные цвѣточки,
И мнѣ пучки вязалъ.
Слезами обливаю
Зеленые листы,
Въ печали презираю
Приятные плоды [2]).

*

Я часто вижу власно
Тебя во древесахъ [3])!
Бѣгу туда [4]) напрасно,
Хочу обнять [5]) въ слезахъ.
Но только тѣнь пустая
Меня нещастну [6]) льститъ,
Смущаюся [7]), теряя
Пріятной мнѣ твой [8]) видъ.

*

Лишь только вѣтръ листами
Тихонько потрясетъ,
Я [9]) Тотчасъ межъ кустами
Тебя ищу, мой свѣтъ.
Отъ всякой перемѣны
Всечасно я крушусь,
И муча слабы члены
На каждой слухъ стремлюсь [10]).

Повидимому, этотъ романсъ проникъ и въ народъ, такъ какъ въ наше время въ Казанской губерніи записаны двѣ пѣсни съ отдаленными

1) *ВП.* кусточки. 2) *С.* кусты. 3) *С.* при деревахъ.
4) *С.* тебя. 5) *С.* Обливпись вся. 6) *С.* безчастну.
7) *ВП.* Смущаюсь я. 8) *ВП.* Изъ глазъ пріятной. 9) *ВП.* И.
10) Послѣднихъ восьми стиховъ въ *С.* нѣтъ.

отголосками этихъ стиховъ Ломоносова (?)—ср. въ брошюрѣ Е. Н. Петровской «Изъ жизни крестьянъ села Кургуль» (Казань, 1910—отдѣльный оттискъ изъ XXVI-го тома «Извѣстій Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ»—стр. 46—47).

III. Объ изданіяхъ „Побѣдной повѣсти“.

Въ спискахъ русскихъ рѣдкихъ книгъ обычно встрѣчается русскій переводъ мистическаго сочиненія Іоганна-Гейнриха Юнга (псевдонимъ: Штиллингъ, 1740—1817) «Побѣдная повѣсть, или торжество вѣры христіанской, твореніе І. Г. Юнга — Штиллинга. Стъ Петербургъ. въ морской типографіи, 1815 года». Дата «1815», списанная нами съ гравированнаго фронтисписа «Повѣсти», воспроизводится безъ перемѣнъ во всѣхъ пособіяхъ по библіографіи рѣдкихъ книгъ; указаній на экземпляры съ иною датою намъ неизвѣстно. Между тѣмъ, вотъ что читаемъ мы въ «Запискѣ о крамолахъ враговъ Россіи»: «*О Побѣдной Повѣсти*». Она заключаетъ въ себѣ толкованіе на Апокалипсисъ св. Іоанна Богослова, переведена съ нѣмецкаго, напечатана съ одобренія цензора Тимковскаго; имѣла нѣсколько изданій въ теченіи немногихъ лѣтъ, но подъ фирмою одного года, одной типографіи и одного мѣста изданія»[1]). Имѣя въ виду это указаніе, можно понять, почему запрещенная и потому рѣдкая «Побѣдная повѣсть» сравнительно часто встрѣчается въ антикварныхъ каталогахъ[2]): очевидно, что составители послѣднихъ воспроизводили только выставленную на фронтисписѣ дату, не заботясь о *дѣйствительномъ* времени изданія книги. Но если указаніе «Записки о крамолахъ» справедливо, то по какимъ признакамъ можно отличить изданіе 1815 г. отъ позднѣйшихъ? Отвѣтить на этотъ вопросъ въ полномъ объ-

1) Русскій Архивъ 1868 г., ст. 1352.

2) См. напр. у И. М. Остроглазова «Книжныя рѣдкости» (Русскій Архивъ 1892 г., III, 346, № 272).

емѣ мы не можемъ по недостатку матеріала[1]), но имѣющіеся у насъ подъ руками два экземпляра «Побѣдной повѣсти» (назовемъ ихъ *А* и *Б*) позволяютъ сдѣлать заключеніе о существованіи по крайней мѣрѣ двухъ различныхъ изданій названной книги. Вотъ результаты сравненія этихъ экземпляровъ:

Фронтисписъ въ обоихъ изданіяхъ совершенно одинаковъ, являясь, вѣроятно, оттискомъ съ одной и той же доски. Далѣе въ обоихъ экземплярахъ находимъ XVI («Оглавленіе» и «Введеніе») + 450 стр. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ начальныя и конечныя слова ихъ совпадаютъ въ обоихъ изданіяхъ, но есть и отличія въ текстѣ, среди которыхъ отмѣтимъ главныя:

Страница.	Строка.	Экземпляръ *А*:	Экземпляръ *Б*:
112	1	какъ благовонное кадило	какъ благословенное кадило
221	1 снизу	огонь	огнь
269	2—1 снизу	Онъ грядетъ!	Се женихъ грядетъ!
309	1	такого града	такой градъ
446	1	искушенное, очищенное	перечищенное, очищенное

Въ типографскомъ отношеніи между *А* и *Б* также замѣчается нѣкоторая разница; такъ, текстъ 5-го стиха IV главы Апокалипсиса въ *А* занимаетъ (стр. 62) три строки, а въ *Б* четыре; различно расположены и слова 6-го стиха V главы на стр. 73; на стр. 210 слово ЛАТЕІНОС и составляющія его буквы въ слѣдующей строчкѣ—набраны въ *А* русской гражданкой, а въ *Б*—греческимъ шрифтомъ; въ *А* находимъ

---

1) Замѣтимъ, что «Императорской Московской Медико-Хирургической Академіи переводчику, Губернскому Секретарю Степану Смирнову», автору «Письма къ Государю о богохульныхъ книгахъ» (датировано 17 августа 1816 г.; напечатано въ «Чтеніяхъ въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ», 1858 г., кн. IV, стр. 139—142 пятаго счета), было извѣстно, повидимому, еще только одно изданіе «Побѣдной Повѣсти».

помѣту по полулистамъ (напр. на стр. 9—1*, на 25—2* и т. д.), отсутствующую въ *Б*, высота страницъ (кромѣ Columnen-Titel) въ *А* равняется 16,2 cm., тогдакакъ въ *Б*—15, 5 cm., и т. д.. Въ связи съ отличіями текста находится и разница перечня (на ненумерованныхъ страницахъ) опечатокъ: въ *А* «ПОГРѢШНОСТИ» занимаютъ приблизительно полъ страницы (первая указанная ошибка: замѣтишь вм. замѣтить на 7-ой строкѣ 18-й страницы), тогда какъ къ *Б* приложено четыре[1]) ненумерованныхъ страницы («Въ нѣкоторыхъ экземплярахъ оказались слѣдующія опечатки:»; въ качествѣ первой ошибки указано: *у Грядущаго* вм. *и Грядущаго* на 29-й строкѣ 4-й страницы). Бо́льшая избитость шрифта въ экземплярѣ *Б* заставляетъ признать его позднѣйшимъ, сравнительно съ *А*, изданіемъ; для датировки *Б* имѣется terminus a quo въ видѣ просвѣчивающей въ бумагѣ филиграни «1819»; въ *А* никакихъ подобныхъ признаковъ нѣтъ.

Описанными двумя разновидностями не исчерпываются всѣ существовавшія изданія «Побѣдной повѣсти»; г. А. Бурцевъ упоминаетъ[2]) экземпляръ съ особымъ заглавнымъ листомъ: «Побѣдная повѣсть или торжество Христіанской вѣры сочиненіе Юнга Штиллинга, перевелъ съ Нѣмецкаго К. Л.[3]) СПБ. 1815 г.» и повидимому безъ списка опечатокъ (указано только 450 стр.); у И. М. Остроглазова былъ экземпляръ съ 5-ю ненумерованными страницами въ концѣ[4]).

Для исторіи распространенія въ Россіи мистическихъ книгъ замѣтимъ, что экземпляръ *А*, согласно имѣющейся на немъ записи, былъ купленъ (гдѣ, не сказано), однимъ провинціальнымъ протоіереемъ въ августѣ 1818 г. «за 30 рублей безъ переплета».

На повторныя изданія, съ воспроизведеніемъ прежней подписи цензора, мистическихъ книгъ, было обращено и вниманіе властей: въ

---

1) Повидимому, такой же экземпляръ описанъ Я. Ѳ. Березинымъ-Ширяевымъ въ «Россійской Библіографіи» 1881 г., № 91, стр. 322.

2) Русскія книжныя рѣдкости. Библіографическій списокъ рѣдкихъ книгъ. СПБ. 1895, стр. 162, № 514.

3) Въ позднѣйшемъ «Описаніи рѣдкихъ россійскихъ книгъ» того же автора вм. К. Л. читается К. А. (IV, 51, № 686).

4) Op. et l. c.

1825 г., «по указу св. правительствующаго Сѵнода, учрежденъ былъ при Конференціи [Петербургской Духовной Академіи. *Н. П.*] временный Комитетъ для разсмотрѣнія нѣкоторыхъ книгъ, заключающихъ, подъ видомъ таинственнаго истолкованія Свящ. Писанія, развратныя и возмутительныя лжеученія, противныя гражданскому благоустройству, догматамъ и преданіямъ нашей Церкви»; въ числѣ такихъ книгъ поименованы и сочиненія Штиллинга, точнѣе не названныя. Комитету было между прочимъ предписано «наблюдать—не вышла ли какая изъ вышеозначенныхъ книгъ за одною подписью цензора двумя или нѣсколькими изданіями, подъ однимъ годомъ и безъ упоминанія о новомъ изданіи» (Чистовичъ, И., Исторія С.-Петербургской Духовной Академіи, Спб., 1867, стр. 420, 421).

Н. Петровскій.

Народная драма на Сѣверѣ.

I.

Во время своихъ прежнихъ поѣздокъ по Сѣверу я ничего не слыхалъ о народной драмѣ. Очень, можетъ быть, просто потому, что я тогда не интересовался и не разспрашивалъ о ней.

Лѣтомъ 1907 года я поѣхалъ на Сѣверъ записывать сказки, и въ первомъ же селеніи, посадѣ Нёноксѣ, разспрашивая о сказочникахъ, услышалъ объ одномъ «Нёнокшáнинѣ», И. А. Макаровѣ, который хорошо «пристановляетъ Царя Максемьяна». Я познакомился съ нимъ: это былъ человѣкъ лѣтъ подъ 50, тихій, конфузливый, бѣдный, живущій на краю села, въ маленькой избушкѣ. Онъ когда-то игрывалъ въ «Царѣ Максемьянѣ» и въ «Шайкѣ разбойниковъ»; зналъ пьесу «на зубокъ» и согласился мнѣ разсказать ее.

Макаровъ, а также и другіе мои сказочники «Нёнокшáне» выяснили мнѣ, что «Царя Максемьяна» и «Шайку разбойниковъ» въ Нёноксу занесъ мѣстный житель Прокопій Сергѣевичъ Скребцовъ, когда онъ въ 1877 году вернулся съ военной службы домой. Служилъ Пр. Сер. въ Кронштадтѣ, на эскадрѣ. До тѣхъ поръ ни одной изъ этихъ пьесъ въ Нёноксѣ, по словамъ моихъ свидѣтелей, не знали. Скребцовъ научилъ представлять комедію своихъ «Нёнокшáнъ».

Представленія происходили, обыкновенно, на святкахъ. Доморощенные артисты ходили по домамъ мѣстныхъ чиновниковъ, къ попу, къ богатымъ крестьянамъ и играли комедіи. Порядокъ былъ такой. Сначала ставили «Царя Максемьяна», гдѣ П. С. Скребцовъ всегда исполнялъ роль

самого «Максемьяна». Когда кончался «Царь Максемьянъ», тотчасъ же за нимъ, почти безъ передышки и не перемѣняя костюмы, разыгрывали «Шайку разбойниковъ», при чемъ и въ этой пьесѣ П. С. Скребцовъ исполнялъ главную роль — атамана. Какъ свидѣтельствовалъ мнѣ И. А. Макаровъ, «Шайка разбойниковъ» нравилась публикѣ больше, чѣмъ «Царь Максемьянъ», потому что «Шайка» выходила смѣшнѣе». Такимъ образомъ артисты забавлялись сами и забавляли другихъ (преслѣдуя, конечно, и корыстныя цѣли) два года; потомъ дѣло какъ-то разстроилось: кто изъ участниковъ ушелъ въ солдаты, кто куда, а главнѣе всего, что самъ П. С. Скребцовъ пошелъ по торговой части и уѣхалъ изъ Нёноксы совсѣмъ. Теперь онъ «ходитъ по Пи́негѣ на́ суднѣ хозяиномъ». Дѣло съ игрой «Царя Максемьяна» въ Нёноксѣ разстроилось и послѣ этого уже не возобновлялось.

Вотъ и все, что можно сказать о существованіи въ Нёноксѣ народной комедіи. Упомянуть еще развѣ только о томъ, что когда Нёнокскій посадъ былъ богатъ, когда соляныя варницы здѣсь работали хорошо, въ посадъ наѣзжало много разнаго народу, иногда и богатаго, поэтому и смысла играть «Царя Максемьяна» было больше.

Получилъ я еще указаніе, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ сапожникъ-солдатъ, родомъ изъ Орловской губерніи, разсказывалъ въ лицахъ «Барскую жизнь». Мой сказочникъ, Скребцовъ, передававшій объ этомъ обстоятельствѣ, говорилъ, что «Барская жизнь» была очень «смѣшная штука» и передавалъ вкратцѣ ея содержаніе. Оно оказалось тождественнымъ съ «Мнимымъ бариномъ», котораго я записалъ потомъ въ с. Чекуевѣ на рѣкѣ Онегѣ.

II.

Послѣ Нёноксы, подвигаясь дальше къ г. Онегѣ, я былъ въ селеніяхъ Сюзьмѣ, въ Красномъ Бору, и въ посадѣ Уна, въ 4-хъ верстахъ отъ котораго посадъ Луда. Въ первыхъ двухъ селеніяхъ указаній на существованіе здѣсь народной драмы я не получилъ; въ посадахъ Унѣ и Лудѣ «Царя Максемьяна» играли, но ни одного знающаго комедію здѣсь не встрѣтилъ. Зато въ слѣдующемъ за пос. Уной селеніи — Нижмозерѣ,

я опять напалъ на цѣлое гнѣздо народной драмы, различныхъ пьесъ которой здѣсь оказалось цѣлыхъ четыре. При первыхъ же разспросахъ мнѣ сейчасъ же указали на сравнительно молодыхъ крестьянъ Степана Павловича (фамилію не записалъ) и Евграфа Ефимовича Рѣзина, которые хорошо знаютъ «Шайку разбойниковъ». Ихъ пригласили ко мнѣ, оба они пришли вечеромъ часовъ въ 9, послѣ работы, и С. П. охотно согласился разсказать «Шайку», которую онъ зналъ очень твердо.

Степанъ Павловичъ еще очень молодой крестьянинъ и только нынче пришелъ домой съ военной службы. Со службы же онъ принесъ и «Шайку», которую до него въ Нижмозерѣ, по его словамъ, не знали. «Шайку» Степанъ Павловичъ схватилъ и запомнилъ на Дальнемъ Востокѣ, гдѣ былъ во время войны со своимъ полкомъ. До этого онъ слышалъ еще «Шайку» въ Новгородѣ, гдѣ служилъ въ Выборгскомъ полку. Тамъ «Шайку» хорошо зналъ одинъ солдатъ, Новгородецъ родомъ. Степанъ Павловичъ пробовалъ, дома уже, записать «Шайку» въ записную книжку и я видѣлъ эти его записи каракулями; но самъ разсказывалъ мнѣ «Шайку» не по записи, которая, кстати, у него не окончена, а на память, такъ какъ знаетъ онъ «Шайку» очень твердо. Степанъ Павловичъ сумѣлъ заинтересовать «Шайкой» Нижмозерянъ, преимущественно молодежь. Въ первую-же зиму его жизни дома, послѣ солдатчины, Степанъ Павловичъ съ компаніей стали играть «Шайку» въ селѣ. Живо набралось 18 охотниковъ-артистовъ, число которыхъ непремѣнно нужно въ «Шайкѣ». Успѣхъ комедіи былъ очень большой (когда играли, набиралась полная изба народу) и сразу вытѣснилъ успѣхъ прежнихъ комедій, которыя знали въ Нижмозерѣ до этого. А знали въ Нижмозерѣ до «Шайки» — «Царя Максемьяна», «Барина» и «Мавруха».

Очень любопытно, что одновременнаго интереса нѣсколькими комедіями въ Нижмозерѣ не было. Сначала въ Нижмозерѣ играли «Царя Максемьяна», которымъ очень увлекались и который очень нравился. Но «Царя Максемьяна» давно уже забросили; его, по словамъ крестьянъ, не играли уже лѣтъ 20; и молодые крестьяне, напримѣръ, Степанъ Павловичъ и его пріятель Рѣзинъ «Царя Максемьяна» совсѣмъ не знаютъ. Хотя въ памяти людей, 45—50 лѣтъ, эта комедія сохранилась. Я. С. Бородинъ, разсказавшій мнѣ игру «Маврухъ», цитировалъ цѣлые монологи

изъ «Царя Максемьяна», а при извѣстной настойчивости съ моей стороны, вѣроятно-бы, понатужился вспомнить и всего «Царя Максемьяна», но я его особенно объ этомъ не просилъ. Мѣстный псаломщикъ предлагалъ мнѣ за дорогую плату списать комедію отъ другого зажиточнаго крестьянина, когда-то лично участвовавшаго въ «Царѣ Максемьянѣ», но при дальнѣйшей поѣздкѣ я сдѣлалъ довольно списковъ этой комедіи и отклонилъ предложеніе г. псаломщика.

Играли затѣмъ «Барина» въ Нижмозерѣ и теперь его играютъ.

«Мавруха» не играли больше десяти лѣтъ, ровно съ тѣхъ поръ, какъ мѣстный священникъ возмутился его нѣсколько кощунственнымъ содержаніемъ и запретилъ его играть. Можетъ быть запрещеніе и не подѣйствовало-бы, если-бы священникъ не употребилъ угрозы. Онъ сказалъ, что если умрутъ лица, участвовавшія въ «Маврухѣ», онъ ихъ отпѣвать въ церкви не будетъ, такъ какъ они уже отпѣты по своему въ «Маврухѣ». Эта угроза испугала главнаго исполнителя «Мавруха» Терентія Петровича Рѣзина, 45-лѣтняго крестьянина. А то «Маврухъ» привился было, бойко разыгрывался и очень всѣмъ нравился, гораздо больше «Царя Максемьяна» и «Барина», потому что выходилъ смѣшнѣе, а смѣшливость, кажется, главное условіе успѣха деревенской комедіи. Мнѣ «Мавруха» разсказалъ Яковъ Степановичъ Бородинъ, крестьянинъ 52 лѣтъ, очень бѣдный и очень болѣзненный на видъ. Онъ-же мнѣ сказалъ, что «Маврухъ» — игра старинная; её знали старики еще, но теперь, по словамъ Я. С. Бородина, «Мавруха» не знаютъ уже больше нигдѣ. Да и въ Нижмозерѣ, будто-бы, «Мавруха» знаетъ только онъ одинъ, Яковъ Степановичъ. Въ «Маврухѣ» онъ исполнялъ роль дьяка.

«Барина» знаютъ и «водятъ» сейчасъ и парни и молодые мужики, какъ напримѣръ, знаетъ его и участвуетъ въ немъ Евграфъ Ефимовичъ Рѣзинъ, 26 лѣтъ, разсказавшій мнѣ вмѣстѣ съ Степан. Павловичемъ «Шайку»; но онъ-же и сообщилъ мнѣ, что ровно съ прошлаго года, какъ только Степанъ Павловичъ принесъ изъ солдатчины «Шайку» и научилъ ей Нижмозерянъ, «Барина» совсѣмъ оставили и не играли въ зиму ни разу. «Шайка» всѣхъ увлекла своей новизною, интересомъ и романтическимъ складомъ изъ другого быта, до чего такъ жадна наша деревня.

III.

Слѣдующее село, гдѣ я записалъ драмы, было Тамица. Здѣсь я встрѣтилъ 37-ми-лѣтняго крестьянина Ивана Кондратьевича Герасимова, который разсказалъ мнѣ «Царя Максемьяна». Герасимовъ очень покладистый мужикъ, первый весельчакъ и балагуръ въ селѣ. Живетъ онъ очень бѣдно, имѣетъ большую семью, но ничѣмъ не смущается, любитъ выпить и постоянно смѣется и балагуритъ; онъ первый пѣсенникъ на селѣ, знаетъ много сказокъ, онъ-же теперь и главный воротило при постановкѣ «Царя Максемьяна». Участвовалъ Герасимовъ въ «Царѣ Максемьянѣ» семь разъ и перенялъ комедію отъ Николая Никаноровича Воронихина, тамицкаго-же крестьянина, двадцать лѣтъ назадъ. Воронихину тогда было 60 лѣтъ, а И. К. Герасимову 10. Но тогда Герасимовъ пожалуй только видѣлъ и кой что запомнилъ изъ того, какъ ходятъ съ «Царемъ Максемьяномъ». Окончательно-же выучилъ онъ комедіи отъ мѣстнаго псаломщика Степана Ивановича (теперь священникъ въ с. Дениславьѣ Онежскаго уѣзда). До Воронихина «Царя Максемьяна» въ Тамицѣ не было, по словамъ И. К., а Воронихинъ привезъ пьесу изъ бурлакóвъ, когда ходилъ на выгонку лѣса, при чемъ тогда ему, вѣроятно, приходилось бывать и въ Петербургѣ на лѣсопильныхъ заводахъ.

Лѣсопильные заводы въ Петербургѣ, около Архангельска и по всему Поморью являются хранителями народной драмы. Объ этомъ я получилъ не одно указаніе. Такъ на заводѣ-же видѣлъ всего разъ и запомнилъ Герасимовъ комедію «Параша», которую я у него также записалъ. Это было въ 1899 году, въ городѣ Кеми, на лѣсопильномъ заводѣ Суркова. Тамъ въ заводской читальнѣ, «верховля́на», то есть жители Сѣверной Двины (только не помнитъ Герасимовъ Вологодской или Архангельской губерніи) играли «Царя Максемьяна». Изъ «Царя Максемьяна» Герасимовъ припомнилъ монологъ «патріарха» (вся драма была другой редакціи), который онъ теперь и вставляетъ въ своего «Царя Максемьяна». Послѣ «Царя Максемьяна» верховляна съиграли «Парашу», которая такъ понравилась Герасимову, что онъ ее сразу-же запомнилъ и одинъ разъ уже успѣлъ исполнить въ своей родной Тамицѣ.

IV.

Изъ Тамицы я отправился черезъ городъ Онегу вверхъ по р. Онегѣ. Въ городѣ Онегѣ мнѣ пришлось пробыть всего нѣсколько часовъ и я не успѣлъ выяснить знаютъ-ли и играютъ-ли тамъ и на лѣсопильныхъ заводахъ близъ города, «Царя Максемьяна» и другія комедіи и драмы. Въ селѣ Порогѣ (въ 25 верстахъ отъ г. Онеги) «Царя Максемьяна знаютъ, но уже не играютъ; знаютъ его и кой въ какихъ другихъ селеніяхъ вверхъ по рѣкѣ. Въ Чекуевѣ и окружающихъ его деревняхъ опять, если можно такъ выразиться, театральный пунктъ. Чекуево богатое село съ великолѣпной старинной церковью, съ разбросаннымъ вокругъ села рядомъ большихъ деревень. Въ одной изъ нихъ, всего въ верстѣ отъ Чекуева, я встрѣтилъ опять знатока народной комедіи и драмы. Тамъ указали мнѣ на волостного старшину, живущаго въ одной верстѣ отъ Чекуева, въ деревнѣ Пянтиной, С. Я. Короткихъ, какъ на знатока «Царя «Максемьяна» и др. пьесъ.

Савва Яковлевичъ, человѣкъ хорошо грамотный, очень дѣльный, любознательный: онъ читаетъ газеты, интересуется политикой и общественнымъ движеніемъ въ Россіи. Самъ Савва Яковлевичъ очень занятъ своей работой по волости: старается объ открытіи общественныхъ лавокъ и товариществъ по своей волости. Но въ то-же время онъ совсѣмъ, до корня волосъ мѣстный, сѣверный житель: вѣритъ въ чертовщину, самъ не разъ имѣлъ дѣло съ лѣшими, интересуется сказками и твердо знаетъ и играетъ, даже верховодитъ въ театральныхъ представленіяхъ въ селѣ. Онъ разсказалъ мнѣ «Мнимаго Барина», «Шлюпку» и уступилъ тетрадку со списками, «Царя Максемьяна» и «Шлюпки».

«Мнимаго Барина» Савва Яковлевичъ выучилъ отъ своего родного брата Василія Яковлевича Короткихъ. Василій Яковлевичъ служилъ въ солдатахъ въ Архангельскѣ и въ Кеми, вышелъ изъ службы въ 1881 году, и съ тѣхъ поръ «Мнимаго Барина» играли въ Чекуевѣ каждый годъ, за исключеніемъ 4-хъ послѣднихъ лѣтъ (революція въ Россіи и броженіе и вообще напряженное состояніе вездѣ,—не до игры). Теперь Василій Яковлевичъ служитъ урядникомъ въ селѣ Порогѣ, въ 25 верстахъ отъ города Онеги, вверхъ по рѣкѣ. Проѣзжая мимо, я слышалъ,

что въ Порогѣ знаютъ и игрывали «Царя Максемьяна»; вѣроятно, это выучка Василія Яковлевича.

Савва Яковлевичъ разсказалъ мнѣ еще «Шлюпку», которую также играютъ въ селѣ Чекуевѣ. Играютъ въ Чекуевѣ и «Царя Максемьяна», и Савва Яковлевичъ знаетъ эту драму, но разсказалъ мнѣ изъ нея только начало, сцену Царя Ирода со смертью и смерть Ирода. Всю драму Савва Яковлевичъ мнѣ не сталъ разсказывать за неимѣніемъ времени: нужно было итти въ волостное правленіе участвовать въ избраніи выборщиковъ въ Государственную Думу. Вмѣсто этого Савва Яковлевичъ продалъ мнѣ тетрадку со списками «Царя Максемьяна» и «Шлюпки». Савва Яковлевичъ знаетъ драму «Царь Максемьянъ», кажется, другой редакціи, чѣмъ списокъ ея въ тетрадкѣ. Онъ выучилъ своего «Царя Максемьяна» отъ Василія Дмитріевича Короткихъ, а послѣдній вывезъ драму изъ Петербурга, куда онъ ходилъ бурлачить 20 лѣтъ. Въ селѣ Чекуевѣ есть еще знатоки пьесъ, но, кажется, уступающіе Саввѣ Яковлевичу въ знаніи. Они играютъ всегда подъ его руководствомъ.

V.

Содержаніе «Царя Максимильяна» всѣмъ извѣстно, и я здѣсь отмѣчу только разницу въ редакціяхъ записанной мною пьесы въ разныхъ селеніяхъ. Изъ поѣздки на Сѣверъ, лѣтомъ 1907 года, я вывезъ 2 полныхъ записи и одну рукопись пьесы, причемъ пришлось такъ, что первый, сдѣланный мной, списокъ (Нёнокскій) былъ въ то же время и простѣйшимъ и худшимъ, а послѣдній рукописный списокъ (Пянтинскій) самый сложный и лучшій.

Я подробно опишу здѣсь рукопись, купленную въ д. Пянтинѣ, и отмѣчу разницу въ отношеніи ея сдѣланныхъ мною списковъ. Рукопись на 72 листахъ обыкновенной писчей бумаги въ четверку. На первомъ листѣ написано: «Прѣдставленіе Царя Максемьяна» и идетъ списокъ драмы. Драма не разбита на дѣйствія, но явленія отмѣчены словомъ «выходка»: «Выходка скорохода». На 53 листѣ «Царь Максемьянъ» кончается:

«Конѣцъ прѣдставленія Царя Максемьяна». На оборотѣ листа «проба пера»: «Къ тѣбѣ Владыко человѣколюбче» и т. д. и тутъ-же въ строку «Конеӵъ писалъ Андрей Савичъ Короткихъ» (сынъ С. Я.), но рукопись писалъ, кажется В. Я. Короткихъ, такъ какъ послѣдняя приписка сдѣлана другой рукой. Съ 54 страницы начинается другая пьеса: «лодка», у которой заглавія въ рукописи однако нѣтъ.

Въ рукописи «Царь Максемьянъ» 22 дѣйствующихъ лица: Царь Максемьянъ, сынъ его Адольфъ, Аника-воинъ, король Мамай, племянникъ короля Мамая, Крымскій посолъ, Змѣюланъ, Дахмара, Главный министръ, Главный докторъ Ѳома, Скороходъ-Фельдмаршалъ, Арабъ, Смерть, Палачъ Брамбеусъ, Гусаръ, Рестантъ, первый старикъ Мокей, второй старикъ Патрикей, Затюремный сторожъ, Казакъ, пажи и воины.

Дѣйствіе начинается пѣсней, которую поютъ, повидимому, всѣ хоромъ: «Ѣздилъ, ѣздилъ Русскій Царь». Является Скороходъ-Фельдмаршалъ и объявляетъ, что черезъ $1/_4$ часа явится Адольфъ съ Крымскимъ посломъ. Они являются, и Адольфъ послу говоритъ, что на него наклеветали, что будто-бы онъ на островѣ Буянѣ построилъ «каменный дворецъ съ хрустальной башней и огненный корабль съ обыкновенной орудіей и хотѣлъ итти войной на своего папашу. Но это не правда,—я ходилъ и по столичнымъ городамъ, острогамъ и тюрьмамъ, и нашелъ отважнаго арестанта». Арестанта спрашиваетъ: за что онъ посаженъ; тотъ отвѣчаетъ: «за вѣру христіанскую». Является по зову Адольфа Главный министръ, которому Адольфъ велиӵъ выпустить арестанта; тотъ послѣ перекоровъ выпускаетъ, а Адольфъ съ крымскимъ посломъ уходитъ «на Волгу-рѣку, разогнать грусть-тоску». Является Царь Максемьянъ съ длинной репликой, гдѣ, между, прочимъ, говорится, что онъ «изъ южныхъ странъ, ростомъ хотя и не великъ, но храбръ и явится сюда судить по закону виновныхъ, а всего больше непокорнаго сына Адольфа». Пажи принесятъ Царю Максемьяну корону, скипетръ и державу. Призывается Адольфъ, Царь Максемьянъ коритъ его за то, что тотъ скитается, катается въ лодочкѣ и знается съ разбойниками, между тѣмъ «твоя мать, моя жена померла, я женился на Надерской богинѣ, и она требуетъ повѣрить ея богамъ». Адольфъ отвѣчаетъ, что онъ кумирческіе боги подвергаетъ

подъ ноги, а вѣруетъ въ Іисуса Христа. По зову Максемьяна приходитъ затюремный сторожъ, заковываетъ Адольфа и уводитъ въ темницу на голодную смерть. Является Змѣюланъ и вызываетъ Царя Максемьяна «побиться, порубиться, на острыхъ мечахъ потѣшиться». Царь Максемьянъ грозитъ привязать Змѣюлана къ конскому хвосту и отправить въ Турецкую землю, а самъ велитъ запереть городскія ворота и зоветъ Анику-воина, которому велитъ защитить Градъ-Антонъ. Аника-воинъ сражается со Змѣюланомъ и убиваетъ его. Хоръ поетъ хвалу герою. По зову Максемьяна является Адольфъ, просидѣвшій въ пустынѣ три года, но опять заявляетъ невѣріе кумирческимъ богамъ; его опять уводятъ въ темницу. Царь Максемьянъ приказываетъ узнать, кто это жалобно поетъ за городскими воротами. Оказывается поетъ Адольфъ; его приводятъ къ Царю Максемьяну. На вопросъ Царя Максемьяна вѣритъ-ли онъ кумирческимъ богамъ, Адольфъ говоритъ «вѣрую», только велитъ приготовить «игруновъ, плясуновъ и хоръ пѣсенниковъ». Хоръ поетъ: «пора молодцу женится, пора ѣхать со двора. Ай-да люли, Ай-да люли! Ты Настасья, отворяй-ко ворота». «Вотъ такъ надсмѣялся!» говоритъ послѣ пѣсни Адольфъ: «Не вѣрю я вашимъ кумирческимъ богамъ». Царь Максемьянъ велитъ привести палача Брамбеуса, который «35 лѣтъ сидѣлъ въ темницѣ», и велитъ ему казнить сына Адольфа. «Сруби ему голову на правую сторону». Брамбеусъ говоритъ, что у него «не поднимается рука». Царь Максимьянъ велитъ «открыть трактиры и погреба и всѣ питейные дома въ честь Брамбеуса». Является Крымскій посолъ и проситъ Брамбеуса подождать рубить Адольфу голову, а Царю Максемьяну говоритъ, что когда Адольфъ былъ въ Крыму, то «всѣхъ царей устрашилъ, богатырей и рыцарей въ пепелъ превратилъ, и что его (Царя Максемьяна) не боится и готовъ съ тобою на смерть сразиться» и проситъ Адольфа простить. Царь Максемьянъ гонитъ Крымскаго посла вонъ. Адольфъ прощается съ народомъ и «отцемъ-душегубителемъ», и палачъ-Брамбеусъ срубаетъ Адольфу голову и убиваетъ себя. По зову Царя Максемьяна являются два старика-гробокопателя съ ихъ длинными разговорами. Царь Максемьянъ велитъ имъ убрать тѣло, а старики говорятъ, что они не здоровы. Царь Максемьянъ велитъ позвать Главнаго доктора, тотъ является и начинаетъ со стариками шуточный разговоръ. Старики съ

разрѣшенія Царя Максемьяна отпѣваютъ усопшее тѣло: «Разъ въ крещенскій вечерокъ дѣвицы гадали»... «Въ Марьиной рощѣ, появились мощи; шильце въ рукахъ и щетинка въ зубахъ» и пр.... Затѣмъ старики обыскиваютъ Адольфа и обираютъ его; потомъ правятъ и мѣряютъ четвертями. При счетѣ «восемь» старики падаютъ на землю, и одинъ попадаетъ пальцемъ въ ротъ Адольфу. Тотъ кусаетъ ему палецъ, соскакиваетъ и уходитъ; за нимъ уходятъ и старики.

Приходитъ Дахмара и говоритъ: «отецъ, оставь угрозы, своей Дахмары не брани. Супругъ мой взятъ сырой землею, а другому сердце не отдамъ». Ей отвѣчаетъ Царь Максемьянъ: «плачь не плачь, слезами дѣлу не поможешь». Является Гусаръ «присяжный» и заявляетъ, что онъ «съ французомъ имѣлъ бой отважный» и проситъ у Дахмары взять правую руку и къ сердцу прижать. Дахмара позволяетъ, а Крымскій посолъ замѣчаетъ, что «опять два друга сошлись: одному измѣнила, другому сердце отдала». Гусаръ за это называетъ посла лжецомъ, а Крымскій посолъ гусара глупцомъ. Начинаютъ драться, и гусаръ раненый падаетъ. Царь Максемьянъ велитъ доктору излѣчить Гусара; тотъ обѣщаетъ и гусаръ встаетъ и уходитъ.

Входитъ Арабъ и говоритъ, что онъ видѣлъ, какъ въ «чистомъ полѣ старушки цѣлуются, а его королевскаго сына въ шею толкаютъ; «затѣмъ вызываетъ на бой Царя Максемьяна. Послѣдній зоветъ Аннку-воина и тотъ убиваетъ Араба. Является король Мамай, грозитъ сжечь Антонъградъ и вспоминаетъ своего племянника. Приходитъ племянникъ, и король Мамай поручаетъ ему снести письмо Царю Максемьяну. Царь Максемьянъ обѣщаетъ Мамаю переломать ребра и срубить голову на правую сторону. Тогда Мамай третьимъ письмомъ требуетъ Царя Максемьяна въ чистое поле. Царь Максемьянъ отвѣчаетъ, что онъ самъ въ поле не пойдетъ, на это у него есть воины. Мамай отвѣчаетъ, что пусть посылаетъ полкъ или два, онъ всѣхъ уберетъ. Входятъ воины, Мамай убиваетъ ихъ и посылаетъ Царю Максемьяну четвертое письмо.

Начинаютъ сражаться Царь Максемьянъ и Король Мамай, и послѣ двухъ схожденій Царь Максемьянъ, истекая отъ ранъ поетъ пѣсню, но сходятся въ третій разъ, и Мамай падаетъ. Царь Максемьянъ велитъ привести плѣнника, племянника Короля Мамая, тотъ приходитъ, и Царь

Максемьянъ проситъ его служить ему такъ же, какъ онъ служилъ Королю Мамаю. Тотъ сначала соглашается, затѣмъ, увидѣвъ трупъ дяди, раздумываетъ, грустить и убиваетъ себя.

Являются по зову Царя Максемьяна старики гробокопатели и докторъ. Доктора Царь Максемьянъ проситъ вылѣчить ему рану, руки, ноги и пр., на что докторъ отвѣчаетъ шутками подъ рифму, а затѣмъ оба уходятъ.

Выходитъ Аника-воинъ и ищетъ, съ кѣмъ-бы ему побиться и порубиться; является смерть и убиваетъ его. Всѣ поютъ: «Померла наша надежда и скончалася любовь». Является Царь Максемьянъ и горюетъ, что онъ лишился сына Адольфа, палача Брамбеуса и Аники-воина, и проситъ друзей спѣть пѣсню. Всѣ поютъ пѣсню: «Ай, Настасья, ты Петровна, отворяйка ворота».

На этомъ рукопись кончается.

VI.

Лучшій изъ моихъ списковъ Царя Максемьяна сдѣланъ въ Тамицѣ. Въ немъ участвуютъ: Царь Максемьянъ, сынъ его Адольфъ, Скороходъ-фельдмаршалъ, Аника-воинъ, Палачъ, кузнецъ-Розенецъ, Максимко-гробокопатель, Старуха съ лопатой, Докторъ Ульфъ, Смерть, Черный Арапъ, Змѣюланъ, Король Мамай. Комедія не такъ сложна, какъ въ пантинскомъ спискѣ, въ ней меньше (14) участвующихъ лицъ. Царь Максемьянъ въ этомъ варіантѣ опредѣленно называетъ себя «Царемъ Римскимъ, намѣстникомъ Египетскимъ и Мидійскимъ, владѣтелемъ Перендскимъ». Послѣ отказа Адольфа поклониться комерческимъ богамъ, Царь Максемьянъ приказываетъ сковать Адольфу руки и ноги и отвести въ Бѣлокаменныя палаты на три дня одуматься. Является Черный Арапъ отъ Короля Мамая защитить невиннаго Адольфа, но Царь Максимьянъ натравляетъ на него Анику-воина, который убиваетъ Арапа. Является Максимко-гробокопатель и старуха съ лопатой и съ шутками уносятъ тѣло. Опять является Адольфъ и снова отказывается поклониться языче-

скимъ богамъ, и Царь Максемьянъ отсылаетъ его на три мѣсяца въ Бѣлокаменныя палаты одуматься. Змѣюланъ грозитъ взять въ плѣнъ Царя Максемьяна, но его убиваетъ Аника-воинъ. Опять Максимко-гробокопатель и старуха съ лопатой и снова Адольфъ, упорствующій въ своей вѣрѣ. Является придворный палачъ Брамбеусъ, сначала пьетъ вино, затѣмъ казнитъ Адольфа и закалывается самъ. Потомъ является Аника со Смертью и умираетъ; затѣмъ явленіе Короля Мамая, его бой съ Царемъ Максемьяномъ; смерть Мамая, затѣмъ докторъ и Царь Максемьянъ и ихъ шутливый разговоръ. Являются Максимко-гробокопатель и старуха съ лопатой и уносятъ тѣло Мамая. Максимко снова выходитъ на сцену и начинаетъ шутливые разговоры съ Царемъ Максемьяномъ.

Самый худшій варіантъ и самый краткій записанъ мною отъ Макарова въ Нёноксѣ. Въ немъ всего десять дѣйствующихъ лицъ: Царь Максемьянъ, его сынъ Адольфъ, Аника-воинъ, докторъ (безъ имени), Турецкій паша Измилатъ, Король Брандеусъ, Арапъ, Скороходъ-Маршалъ и два старика-гробокопателя. Содержаніе таково: является Царь Максимьянъ изъ Англіи и велитъ принести златъ вѣнецъ. Приносятъ корону; Царь Максемьянъ приказываетъ привести непокорнаго сына Адольфа; тотъ приходитъ, и Царь Максемьянъ говоритъ, что онъ (Адольфъ) живетъ «въ хрустальномъ дворцѣ съ принцессой своей, похваляишься мной и не вѣруешь комерческимъ богамъ» и велитъ посадить Адольфа на три года въ темницу, «не давать не пить, не ись и поморить голодной смертью». Послѣ трехъ лѣтъ Царь Максемьянъ снова призываетъ Адольфа, и тотъ снова выказываетъ презрѣніе къ богамъ отца. Царь Максимьянъ велитъ привести Короля Брандеуса, «который 33 года въ темницѣ сидѣлъ», и ему приказываетъ казнить Адольфа на лобномъ мѣстѣ. Тотъ жалѣетъ Адольфа, но срубаетъ ему голову. Являются старики и докторъ съ ихъ обычными шутками. Выходитъ Турецкій Паша Измилатъ и ищетъ кого-нибудь побиться-порубиться. Царь Максимьянъ вызываетъ Анику воина, тотъ убиваетъ Измилата. Является Арабъ и Аника убиваетъ его. Выходитъ племянникъ Арапа Палачъ Брамбеусъ и закалывается самъ. Является смерть съ ея обычными разговорами съ Аникой и убиваетъ Анику.

Этотъ послѣдній списокъ есть, можетъ быть, попорченный варіантъ Чекуевскаго списка, хотя и пришелъ въ Нёноксу своей особой дорогой.

VII.

Кромѣ двухъ полныхъ записей «Царя Максимьяна» и одного списка этойже драмы въ рукописи, мои же сказочники сдѣлали мнѣ указанія относительно разныхъ варіантовъ этой комедіи. Такъ Савва Яковлевичъ Короткихъ, продавшій мнѣ списокъ «Царя Максимьяна», не сталъ разсказывать мнѣ «Царя Максимьяна, котораго играетъ онъ самъ, сказавъ, что они играютъ какъ «въ рукописи, только въ ней нѣтъ первой сцены о царѣ Иро́дѣ». Я попросилъ его разсказать хотя про Ирода. Въ Чекуевѣ, по словамъ С. Я. Короткихъ, играютъ «Царя Максимьяна такъ. Вносятъ на сцену тронъ, выходитъ царь Иродъ, въ солдатскомъ мундирѣ, въ порфирѣ изъ шубы на мѣху и коронѣ и заявляетъ, что онъ грозный царь Иродъ, и воцарился не для того, чтобы сдѣлать уронъ, а чтобы сдѣлать миръ, тишину и оборону, а самъ зоветъ фельдмаршала и приказываетъ ему обойти всѣ стороны и побить всѣхъ младенцевъ. Скороходъ-фельдмаршалъ уходитъ и приводитъ мать съ отрокомъ, но выходитъ Смерть и говоритъ: «Полно Царю Ироду на семъ свѣтѣ царствовать, младенцевъ убивать, невинную кровь проливать». Иродъ проситъ пожить, погулять, повеселиться, съ бѣлымъ свѣтомъ проститься. Смерть разрѣшаетъ, Иродъ поетъ «Близко Дону, близко Дону, близко Тихаго Дуная»; снова является Смерть и подрѣзываетъ Ирода косой. Входитъ «Команда» и уноситъ Ирода съ пѣсней: «Понесли душу въ адъ, въ вѣчное жилище, такъ и черти говорятъ про его свѣтлище». Затѣмъ идетъ обычное представленіе «Царя Максимьяна» вполнѣ, по словамъ С. Я. Короткихъ, сходное со спискомъ переданной мнѣ драмы.

Иванъ Кондратьевичъ изъ Тамицы видѣлъ еще «Царя Максемьяна» въ Поморьѣ, въ Сорокѣ, на лѣсопильномъ заводѣ; его представляли «Верховля́на», т. е. жители съ верхняго теченія Сѣверной Двины. Въ игрѣ ихъ Иванъ Кондратьевичъ усмотрѣлъ мѣсто, котораго не было въ

томъ варіантѣ, который зналъ онъ, Иванъ Кондратьевичъ запомнилъ это и въ послѣдующій разъ исполненія Ц. Мак. въ Тамицѣ вставилъ его въ свою игру; это мѣсто слѣдующее: послѣ казни Адольфа палачемъ Царь Максемьянъ велитъ Скороходу привести Патріарха, отпѣть тѣло Адольфа. Является Патріархъ, одѣтый въ ризу изъ половика или одѣяла, въ рукахъ камень на веревкѣ, изображающій кадило, ходитъ кругомъ тѣла Адольфа и поетъ:

На израильской улицѣ
Пѣтухъ съ воробьемъ дерутся;
Дралися, спорили,
Каменный домъ построили:
Фундаментъ-то былъ соломенный,
А подъ окномъ лежалъ большой осиновый камень.
Откуль наши пріѣхали?
Наши за дровами поѣхали.
По рѣкѣ по Кіостровѣ,
Выплывала легкая лодка,
Гребцами она да изнасажена;
Молодцы гребцы гребутъ, гребутъ,
Монастырскіе стихи поютъ, поютъ
Про волка про Мерхинарха, про заяца верхогляда,
Про бѣлку верховнаго апостола, рцыте.

Я. С. Бородинъ игралъ когда-то въ «Царѣ Максимьянѣ» и въ краткихъ и отрывочныхъ сценахъ разсказалъ мнѣ то, что зналъ; изъ его варіантовъ я отмѣчу слѣдующіе:

Царь Максемьянъ: Вотъ Сынъ Адольфъ!
Есть въ Задонскомъ царствѣ у короля
Прекрасная невѣста Венера.
Я желаю тебя женить на ей.

Адольфъ: О, папа! Я не желаю этой невѣсты взять,
У ней носъ какъ пуговица,
Глаза какъ луковица,

Которо обсерётъ, то само отсѣдётъ,
Которо отмóкнётъ, то само отпадётъ...
(и дальше):

Царь Максимьянъ: Позвать столичнаго палача Рóзаньця!

Когда палачъ срубилъ Адольфу голову, Царь Максемьянъ говоритъ: Позвать Максимка гробокопателя и старуху съ лопатой.

Максимко (является) Пошто, царь, прошалъ?

Царь Мак. Есть тѣло погрести.

Максимко. Я не здоровъ: пупъ палъ,
... сталъ, душа грѣшна
..... хочетъ.

Призываютъ доктора Ульфу. Царь Максимьянъ велитъ ему вылѣчить Максимку. Лѣкарь лѣчитъ: щупаетъ, Максимко ...., выздоравливаетъ и погребаетъ тѣло. Послѣ смерти Аники Царь Максимьянъ призываетъ «Чудовскаго старосту».

Чудовскій староста. Пошто, ваше царское величество меня прошали?

Царь Макс. Ты откудова?

Староста. Я изъ Чудова.

Царь Макс. Каково ваши Крестьяна поживаютъ? Каково у ихъ хлѣба родилося?

Староста. Хлѣба хороши.

Царь Макс. А какъ хороши?

Староста. Копна отъ копны на вашей чарской лошади будетъ на день ѣзды. Колосъ отъ колосу не слышно человѣческаго голосу.

Царь Макс. А куда вы этотъ хлѣбъ дѣвали?

Староста. А мы этотъ хлѣбъ выжали, да на печно мѣсто въ кучку склали, а ваши дворянскія собаки разыгрались, эту кучку и опружили.

Царь Макс. Дакъ этотъ хлѣбъ пропалъ?

Староста. Нѣтъ не пропалъ, а вамъ господамъ на квасъ попалъ. Мы изъ этого хлѣба наварили пива.

Царь Макс. Это пиво-то крѣпко?
Староста. Крѣпко.
Царь Макс. Какъ крѣпко?
Староста. Такъ крѣпко, что вашей милости сзади четвертной плахой оплести, дакъ будётъ со двора не унести.
Царь Макс. Ахъ, какъ крѣпко!
А каково у вашихъ крестьянъ рогатаго скота?
Староста. Много, на дворѣ не умѣщается.
Царь Макс. Какъ много?
Староста. Пѣтухъ да курица.
Царь Макс. А мѣдной посуды каково?
Староста. Много.
Царь Макс. А какъ много?
Староста. Крестъ да пуговица.

VIII.

Во всѣхъ варіантахъ Царя Максимильяна можно усмотрѣть слѣды, указывающіе изъ какихъ слоевъ народа вышли къ намъ эти комедіи. Самый краткій и плохой варіантъ, записанный отъ Макарова, принесенъ въ Нёноксу Скребцовымъ, вернувшимся въ 1877 году съ военной службы во флотѣ, въ Кронштадтѣ. Но какъ разъ этотъ списокъ имѣетъ меньше всего чертъ, отражающихъ слой, гдѣ пьеса жила. Въ этомъ варіантѣ есть начала нѣсколькихъ общихъ солдатскихъ пѣсенъ, упоминается Главный докторъ (старшій врачъ на военной службѣ) и Царь Максимильянъ говоритъ старикамъ: «дамъ 25 линьковъ въ спину, мало сто». Только это указываетъ на морскія сферы.

Въ Царѣ Максимильянѣ Таминкомъ есть пѣсня: «Ѣздилъ бѣлый русскій царь, православный государь, отъ Москвы и до Парижа лавры пожиналъ»; который «за зло платилъ добромъ и воскресилъ Бурбоновъ домъ». Кромѣ этого явнаго указанія на время Александра I-го, имѣется еще одно указаніе на туже эпоху въ другой пѣснѣ «Торжествуетъ вся наша Россія, Александровъ тронъ гремитъ».

Въ спискѣ Царя Максимильяна, сдѣланномъ Короткихъ, есть цѣликомъ гимнъ «Боже, царя храни» и «Славься Русь святая», и очень подробныя указанія на морскія сферы. Пѣсня Александровскаго времени есть и въ этомъ спискѣ, ею начинается комедія; но особенно много указаній на Крымскій полуостровъ, Черное море и на Черноморскую эскадру. Въ комедіи одно изъ дѣйствующихъ лицъ Крымскій посолъ, другъ и защитникъ Адольфа. Особенно краснорѣчивы разговоры стариковъ. Старикъ спрашиваетъ: «Помнишь какъ мы съ тобой въ Севастопольскую войну отличились?» «Три новыя погоны въ ранцѣ лежатъ» говоритъ одинъ старикъ другому. «Двадцать пять линьковъ въ спину либо сто», обѣщаетъ Царь Максимильянъ старикамъ въ награду за работу. Одинъ старикъ говоритъ, что онъ прежде служилъ на кораблѣ «Турманѣ» и былъ тамъ за комендора и что у нихъ были орудія 25-ти дюймовыя, заряжавшіяся съ дула, а поджигались фитилемъ. Другой старикъ говоритъ, что онъ служилъ на кораблѣ «Сильвестръ», который былъ на 17 верстъ, что у нихъ можно было на Марсахъ жить, на Фоксѣ былъ питейный домъ, а на Гротѣ харчевня.

IX.

Баринъ.

Дѣйствующія лица:

Баринъ, въ красной рубахѣ и пиджакѣ; на плечахъ соломенныя эполеты; на головѣ соломенная шляпа съ вырѣзанными фигурками изъ бумаги. У барина большое брюхо, и пиджакъ не застегнутъ на пуговицы.

Откупщикъ[1]), на плечахъ армякъ, въ рукахъ погонялка, на головѣ шапка держи́ма — обыкновенная.

---

1) Въ варіантѣ, записанномъ въ Нижмозерѣ, *Баринъ* одѣтъ въ длинномъ черномъ пальто. Вмѣсто «Откупщика» — *Купчи́на* также въ пальто и черной шляпѣ. *Конь* одѣвается такъ: въ нетолстой, но широкой доскѣ, въ серединѣ ея прорѣзывается отверстіе, черезъ которое играющій «Коня» надѣваетъ доску на туловище; спереди къ доскѣ придѣлывается лошадиная голова изъ доски-же, сзади хвостъ; играющій коня долженъ изображать человѣка верхомъ на ло-

Панья́. Кумачникъ, — красный сарафанъ, бѣлая рубаха и бѣлый передникъ, поясъ двоерядный, шелковый; на головѣ «перевя́зка» съ лентами, въ рукахъ «корегу́шка» — вѣеръ и платокъ.

Конь. Человѣкъ, къ нему поддѣланъ хвостъ изъ соломы.

Удивительные люди. Полдесятка или семеря́га парнишекъ лѣтъ по двѣнадцати; лица въ сажѣ.

Просители. Обыкновенно «фофанцы» изъ публики.

Быкъ. Особенно не одѣвается, *а подсунется* изъ «фофанцевъ».

Въ Тамицѣ играющихъ «Барина» берутъ обыкновенно изъ разныхъ «четвертей» селенія (селеніе раздѣлено на четыре «конца», имѣющіе особыя названія): Барина, напримѣръ, изъ «Зарѣчья», Откупщика изъ «Верховья», Панью, положимъ, изъ Серечья, Коня, положимъ, съ *Низу*. Дѣлается это для того, чтобы никакому концу села не обидно было.

Начинается игра такъ: играющіе подходятъ къ дому, гдѣ происходитъ, напримѣръ, вечеринка. Отворяютъ дверь, и первый вбѣгаетъ въ избу Конь и хлыщетъ публику погоня́лкой; всѣ находящіеся въ избѣ становятся на лавки, часть залѣзаетъ на палати и такимъ образомъ изба становится свободной для дѣйствій. За Конемъ въ избу входитъ и вся компанія и идетъ съ пѣснями въ передній уголъ; передъ ними несутъ фонарь. Въ переднемъ углу Баринъ становится лицомъ къ народу, рядомъ съ нимъ по одну сторону Панья́, по другую Откупщикъ. Народъ и «фофанцы» (ряженые) съ улицы входятъ за играющими и становятся по всей избѣ.

Баринъ. Хозяинъ, хозяюшка,
Намѣстникъ, намѣстница,
Добрые молодцы,
Красныя дѣвицы,
Здраствуйте!

шади. Сбоку привѣшиваются сапоги; въ рукахъ ѣздока погонялка, на головѣ шапка, а подъ ней платокъ; ноги лошади — ноги играющаго «Коня». *Удивительные люди*—мальчишки въ сажѣ, въ тряпьѣ, одѣваются вообще «морховáто». *Быкъ* одѣвается въ шубу, вверхъ шерстью, на голову надѣвается крынка или горшокъ. Когда играетъ, ходитъ на четырехъ ногахъ. *Просители* — человѣка три, одѣваются «морховáто».

Всѣ въ избѣ отвѣчаютъ:

Здраствуй, здраствуй, господинъ-баринъ!
Здраствуй!

Баринъ. Хозяинъ, хозяюшка
Намѣстникъ, намѣстница,
Добрые молодцы,
Красныя дѣвушки,
Нѣтъ-ле у васъ промежду собой прозебъ какихъ? [1]).

Всѣ. Есть, есть!

Баринъ. Подходите, подходите [кто нибудь изъ «фофанцевъ» подходитъ, изображая просителя].

Проситель. Господинъ, баринъ, прими мою просьбу.

Баринъ. Ты хто?

Проситель. [Называется вымышленнымъ именемъ, именемъ какого-нибудь парня въ селѣ].
Владимиръ Воронинъ.

Баринъ. Объ чемъ просишь?

Проситель. На Прасковью прошу: по лѣтамъ Парашка любитъ меня, а по зимамъ другого парня — Василья.

Баринъ. А подойди-ко Прасковья, сюды. Поштоже это ты двухъ сразу любишь?

Прасковья [также настоящее имя какой-нибудь дѣвицы на селѣ]. Вмѣсто нея на зовъ Барина подходитъ кто нибудь изъ «фофанцевъ» и начинаетъ спорить и ругаться съ Просителемъ. Говорятъ—кто что вздумаетъ; кто сильнѣе и остроумнѣе выругается, тотъ и большій успѣхъ имѣетъ у публики. Баринъ и Откупщикъ совѣтуются вслухъ, кто изъ судящихся виновенъ и кого наказать: парня или дѣвку; признаютъ виновной, напримѣръ, дѣвицу. Баринъ гово-

---

1) Въ Нижмозерѣ такъ:

Здравствуйте, добрые молодцы,
Красныя дѣвицы.
Я есть вотъ баринъ.
Вы приходите ко мнѣ,
Я васъ могу разсудить и помирить.

ритъ: «Давай-ко, Парасковья, приваливайся-ко спиной-то»! Прасковья подчиняется рѣшенію суда и подставляетъ спину, Откупщикъ наказываетъ её плетью. За первымъ просителемъ является другой и выкладываетъ еще какую нибудь просьбу про сосѣда, про жену и пр. Въ основаніе просьбъ кладется обыкновенно какой нибудь дѣйствительно существующій въ селѣ фактъ, который, конечно, преувеличивается, доводится до смѣшного до абсурда, и такимъ образомъ судъ является сатирой на мѣстную жизнь и нравы, иногда очень злой, порой жестокой. Когда просителей больше нѣтъ и всѣ просьбы разсмотрѣны, приведены рѣшенія суда и исполнены приговоры, начинается продажа Коня.

Баринъ. Купчинушка, нѣтъ-ле Коня продать?

Откупщикъ. Есть, есть.

[Приводятъ Коня. Баринъ водитъ Коня по избѣ, смотритъ, какъ онъ бѣгаетъ, смотритъ въ зубы, тычетъ подъ бока, заставляетъ прыгать черезъ палку и надумываетъ купить].

Баринъ. Сколько за коня хочешь?

Откупщикъ. Сто рублей деньгами?
Сорокъ сорокушекъ
Солёныхъ . . . .
Сорокъ анбаровъ
Мороженыхъ таракановъ,
Аршинъ масла,
Кислаго молока три пасма.
Михалка Тамицына [1]) носъ,
Нашей Кожарихи хвостъ.

Баринъ. Сто рублей найду у себя въ карманѣ.
А сорокъ сорокушекъ
Солёныхъ . . . . ,

---

1) «Прибираютъ» жителей села, выдѣляющихся какими нибудь физическими недостатками или пороками. Въ Нижмозерѣ, напримѣръ, говорятъ: «Куричій зобъ, Ýлькинъ носъ, Ахонькина изба, Матрёшкина . . . . . , большой носъ черезъ Нижму-рѣку можно будетъ поставить мостъ» . . . . .

Сорокъ анбаровъ
Сухихъ таракановъ (и пр.).
Взыщите-ле миря́не?

Всѣ. Взыщемъ, взыщемъ!

[Баринъ отдаетъ деньги и беретъ Коня].

Баринъ. А что, купчинушка, нѣтъ-ли у тебя Быка на мясо продать?

Откупщикъ. Какъ нѣтъ, есть, есть.

Баринъ. А сколько за быка хочешь?

Откупщикъ. Сто рублей деньгами,
Сорокъ сорокушекъ
Солёныхъ . . . .
Сорокъ анбаровъ . . . . [и пр. По старому идетъ торгъ до конца. Когда торгъ кончается, Быка, человѣка въ вывороченной шубѣ и съ крынкой на головѣ, подводятъ, и Баринъ бьетъ его полѣномъ по головѣ, крынка ломается, Быкъ падаетъ; на Быка накидываются фофанцы и мнутъ бока, выпускаютъ кровь].

Баринъ. А што, купчинушка, нѣтъ-ли у тебя Удивительныхъ людей продать?

Откупщикъ. Есть, есть. Ей, Удивительные люди![1]).

---

1) Въ Нижмозерѣ играютъ такъ: *Баринъ.* Нѣтъ-ли у Васъ, господинъ купчина, Удивительныхъ людей? *Купчина.* Есть. *Баринъ.* А дорого-ле стоятъ? *Купчина.* А такъ какъ баринъ хорошъ, то отдамъ за двѣ рюмки водки. *Баринъ.* На такихъ дешевыхъ надо посмотрѣть. *Купчина* (кричитъ). Удивительные люди, покажитесь! *Удивительные люди* соскакиваютъ съ лавокъ, начинаютъ плясать передъ Бариномъ и плюются на стороны. *Баринъ.* Прогнать такихъ дураковъ. *Конь* прогоняетъ Удивительныхъ людей прочь ремённой погонялкой. *Баринъ.* Ей, парень малой, налей водки алой. *Парень* (изъ публики). А гдѣ ее взять? *Баринъ.* На постоѣ. *Парень.* Чортъ построилъ. *Баринъ.* Гдѣ не брать. наливать. *Парень.* (Вынимаетъ изъ кармана бутылку съ водкой, наливаетъ рюмку и подноситъ Барину, тотъ пьетъ). Парень вынимаетъ изъ кармана другую бутылку съ водой. *Баринъ* (беретъ бутылку и брызжетъ воду на публику). Выкушайте, миряне, за наше здоровье. *Публика.* Покорнѣйше благодаримъ, господинъ баринъ. *Баринъ* (обращается къ дѣвушкамъ изъ публики). Вотъ што, барышни, спойте-ко намъ отвальной молебенъ. *Дѣвушки* (поютъ) «во лузяхъ». Баринъ въ это время за платочекъ водитъ «Панью́» по избѣ, затѣмъ уходятъ на другую вечеринку.

Удивительные люди выскакиваютъ кривляться, плясать и плеваться во всѣ стороны, затѣмъ уходятъ.

Баринъ. Ей, малой, подай водки алой!

Кто-нибудь изъ фофанцевъ идетъ и несетъ бутылку воды. Запѣваютъ пѣсню «Во лузяхъ», и Баринъ подъ ручку съ Паньей нѣсколько разъ проходятъ по избѣ. Уходя изъ избы на другую вечеринку, прощаются.

Баринъ. Хозяинъ, хозяюшка,
Намѣстникъ, намѣстница,
Добрые молодцы,
Красныя дѣвицы
Прощайте!

Всѣ. Прощайте, прощайте!

Вся компанія уходитъ на другую вечеринку, которыхъ въ вечеръ обходятъ 3 или 4.

X.

Маврухъ.

Дѣйствующія лица:

Мавру́хъ—въ бѣлой рубахѣ и подштанникахъ, на головѣ бѣлый-же куколь, какъ у савана, лицо закрыто, на ногахъ бахилы. Маврухъ лежитъ на скамьѣ, которую носятъ четыре офицера.

Офицеры, четверо, въ черныхъ пиджачкахъ, на плечахъ соломенныя эполеты, сбоку на поясахъ сабли, на головахъ шапки или шляпы съ ленточками и фигурками.

Панья́—парень одѣтый въ женское платье, на головѣ косынка.

Панъ, въ долгомъ армякѣ чернаго цвѣта, въ черной шляпѣ.

Попъ, въ ризѣ изъ портянаго полога, на головѣ шляпа, въ рукахъ деревянный крестъ изъ палокъ, книга «для привилегія» и кадило — горшочекъ на веревкѣ, а въ немъ куриный пометъ.

Дьякъ, въ кафтанѣ и шляпѣ, въ рукахъ книга.

Офицеры вносятъ на скамьѣ Мавруха въ избу и ставятъ по серединѣ, головой вдоль избы.

Попъ (ходитъ кругомъ покойника, кадитъ и говоритъ протяжнымъ голосомъ, на распѣвъ, подражая священнику):

Чудакъ покойникъ:
Умеръ во вторникъ.
Пришли хоронить,
Онъ изъ окошка глядитъ.

Всѣ (участвующіе въ комедіи поютъ):

Маврýхъ въ походъ уѣхалъ,
Миротóнъ-тонъ-тонъ, миротенъ.
Маврýхъ въ походѣ умеръ,
Миротонъ-тонъ-тонъ, миротенъ.
Оттуда ѣдетъ въ чёрномъ платьѣ панъ
Миротонъ и пр. [1]).
Панъ, ты, панъ любезный
Какую вѣсть везёшь
Сударыня, заплачешь услыша вѣсть мою:
Маврухъ въ походѣ умеръ,
Онъ умеръ изъ земли (такъ!).
Четыре офицера покойника несутъ
И поютъ, поютъ, поютъ:
Вѣчная ему память!

Попъ. Государь мой батюшко, Сидоръ Карповичъ много-ли тебѣ вѣку?
Маврухъ. Семдесятъ.
Попъ (поетъ на церковный ладъ),

Семдесятъ, бабушка, семдесятъ,
Семдесятъ, Пахомовна, семдесятъ.

(спрашиваетъ у Мавруха)

Государь мой батюшко, много-ли
У тебя осталось дѣтокъ?

---

1) Послѣ каждаго стиха припѣвъ «Миротонъ» и пр.

Маврухъ. Семеро, бабушка, семеро
Семеро, Пахомовна, семеро.

Попъ. Чѣмъ ты ихъ будешь кормить?

Маврухъ. По̀меру, бабушка, по̀меру,
Померу Пахомовна, по̀меру.

Попъ и всѣ (повторяютъ эту послѣднюю фразу пѣніемъ и дальше поютъ).

По тебѣ, по рабѣ
Не савану не гробу
. . . .

Попъ (читаетъ протяжно, по церковному).

На морѣ, на Кіянѣ,
На Островѣ на Буянѣ,
Около столба течёнаго,
Веретена золоченаго,
Стоялъ быкъ точёной,
Въ ж . . ы чеснокъ толчёной.
Наши робятка узнали,
Къ этому бычку похаживали,
Этотъ чеснокъ помакивали,
Кушаньё похваливали:
«Ахъ, како, кушаньё:
Хва̀цько, бураа̀цько,
Само лободьцько (?)
Ись хорошо,
Да ходить страсть далеко:
За двадцать пять вёрстъ,
Ближе мѣсто не приберёшь.
Вотъ тебѣ и . . . .

Дьякъ (поетъ на церковный ладъ).

. . . .

Попъ (читаетъ по церковному).

Мужъ по утру вставáётъ,
Глаза помочилъ,
У жоны ись попросилъ.
А жона мужу отвѣчаётъ:
«Эка, ненаѣдная скотина!
На работу не спѣшишь,
Только бьéшся объ ѣды».
Мужъ жоны отвѣчаетъ:
«Хороша жона по утру стоваётъ,
Благословясь печку затопляётъ,
А худа жона стоваётъ,
Съ бранью печку затопляетъ,
Съ бранью горшки намываетъ.
Хороша метла подпашотъ,
А худа метла по сторонамъ розмашотъ.
Вотъ тебѣ и . . . .

Дьякъ (пьетъ) . . . . Терёха, брюшина попъ.

Попъ (читаетъ).

Три молвіи надъ нами,
Съ дбжжами,
Матку подломило,
Руль оборвало,
Коршика нѣтъ,
Капитанъ сидитъ въ каютѣ,
Лоцмана сидятъ на барѣ,
Плачутъ, рыдаютъ,
Смерти ожидаютъ:
«Ходили вмѣстѣ,
Погибнемъ вдругъ».

(Конецъ).

Н. Е. Ончуковъ.

Библіографическій указатель литературы о Гоголѣ за 1900—1909 г.г.

Въ русской библіографической литературѣ имѣется нѣсколько указателей матеріаловъ о Гоголѣ, составленныхъ въ различные періоды времени. Послѣдній систематическій обзоръ данъ П. А. Заболотскимъ въ его весьма цѣнной статьѣ: «Н. В. Гоголь въ русской литературѣ» [1]). Заканчивается этотъ обзоръ 1900 годомъ.

Цѣлью настоящей работы было составить переченъ литературныхъ матеріаловъ о творцѣ «Ревизора», появившихся въ печати съ 1900 г. до столѣтія со дня рожденія Гоголя.

Свѣдѣнія о газетныхъ статьяхъ, заключающіяся въ нашемъ указателѣ, собраны случайно и далеко не отличаются полнотой.

I. Біографическія свѣдѣнія о Гоголѣ.

1. *Я. Абрамовъ*. Памяти Н. В. Гоголя («Приазовскій Край». 1902. №№ 31 и 38).

2. *В. П. Авенаріусъ*. Н. В. Гоголь. Біографическій очеркъ. 1909. Спб.

3. *Aventino*. По слѣдамъ Гоголя въ Римѣ. 1902. М.

---

1) Гоголевскій Сборникъ, изданный, состоящей при Нѣжинскомъ Филологическомъ Институтѣ кн. Безбородко, Гоголевской Комиссіей. 1902. Кіевъ.

4. *К. Агеевъ.* Ревнитель православной вѣры. (Къ 50 лѣтію со дня смерти Н. В. Гоголя). 1902. Кіевъ.

5. *Айвазовскій* о Гоголѣ. Письмо къ Н. П. Кузьмину («Почталіонъ». 1902. № 2).

6. *Н. П. Аксаковъ.* Юность Гоголя («Народное Благо». 1902. №№ 8, 9, 10, 13—14, 17—18).

7. Автобіографическая записка Маріи Ивановны Гоголь, матери Н. В. Гоголя. Сообщено *И. С. Аксаковымъ* («Русск. Арх.» 1902. № 4).

8. *В. С. Аксакова.* (Изъ записной книжки). Послѣдніе дни жизни Гоголя («Минувшіе Годы». 1908. Іюль).

9. *П. В. Анненковъ.* Н. В. Гоголь въ Римѣ лѣтомъ 1841 года («Литературныя воспоминанія». 2 изданіе. 1909. Спб.).

10. *А. Анненская.* Гоголь, его жизнь и произведенія («Библіотека Всходовъ». 1902. № 4).

11. *То-же.* 2 изд. 1909. Спб.

12. *С. Ашевскій.* Гоголь и Бѣлинскій («Образованіе». 1902. №№ 2, 3 и 4).

13. Письма къ Г. П. Данилевскому. Сообщилъ *Д. И. Багалѣй* («Кіевск. Стар.» 1903. Янв. Стр. 53, 54 и 55. Мартъ. Стр. 389)[1]).

14. *Е. Н. Бастаманова.* Личныя воспоминанія о Н. В. Гоголѣ (Сборникъ Тверского о-ва любителей истор., археолог. и естествознанія Вып. I. 1903).

15. *Н. И. Баженовъ.* Болѣзнь и смерть Гоголя («Русск. Мысль» 1902. №№ 1 и 2).

16. *То-же.* Отд. изданіе 1902. М.

17. *Н. П. Барсуковъ.* Жизнь и труды Погодина (Гоголь и Щепкинъ). Кн. 21. Стр. 291—292. 1907. Спб.

18. *П. Борзаковскій.* Великій писатель — поэтъ Н. В. Гоголь. 1902. Одесса.

19. *То-же.* 2 изданіе. 1909. Одесса.

---

1) При ссылкахъ на труды, затрагивающіе вопросъ о Гоголѣ, но не посвященные ему спеціально, указаны отдѣльныя страницы.

20. *Бочаровъ.* Воспоминанія о Гоголѣ («Оренбургск. Газета». 1901. № 1236).

21. *Н. Бунаковъ.* Н. В. Гоголь («Русск. Начальн. Учитель». 1902. № 1).

22. *Н. В. Быковъ.* Отрывокъ изъ записокъ Елизаветы Васильевны Быковой, родной сестры Гоголя («Новое Время». Иллюстр. прилож. 1909. № 11895).

23. *П. В. Быковъ.* Н. В. Гоголь. Жизнеописаніе писателя (Собраніе соч. Н. В. Гоголя, изд. т-ва М. О. Вольфъ. 1908. Спб.).

24. *П. В. Быковъ.* Комизмъ Гоголя и его чудачества («Нива». 1909. № 11).

25. О духовномъ происхожденіи Гоголя. Сообщилъ *П. Б.* («Русск. Архивъ». 1902. № 4).

26. *Б. В. Варнеке.* Гоголь и театръ («Русск. Филологическ. Вѣстникъ». 1909. № 2).

27. *Пав. Висковатовъ.* Изъ разсказовъ А. О. Смирновой о Н. Гоголѣ («Русск. Стар.» 1902. № 9).

28. *Ѳ. Воронинъ.* Путешествіе Гоголя въ Святую землю. («Вѣра и Разумъ». 1905. іюль. кн. 2).

29. *Е. Воскресенскій.* Н. В. Гоголь (Избран. сочин. Н. В. Гоголя, изд. Тихомировой. 1902. М.).

30. *То-же.* Отд. изд. 1902. М.

31. *И. Вуичъ.* Гоголь, какъ русскій человѣкъ («Харьковск. Губ. Вѣдомости». 1909. № 60).

32. *Ч. Вѣтринскій.* Н. В. Гоголь (Собр. соч. Н. В. Гоголя, изд. тов-а «Обществ. Польза». 1902. Спб.).

33. *Гр. Георгіевскій.* Гоголь въ Оптиной пустыни («Вѣстн. Европы». 1905. № 12).

34. *В. А. Гиляровскій.* Въ Гоголевщинѣ («Русская Мысль» 1902. № 2).

35. *То-же* съ дополненіями, подъ заглавіемъ: На родинѣ Гоголя. 1902. М.

36. *В. Головня.* Сестра Гоголя — Ольга Васильевна Головня («Нива». 1908. № 6).

37. Изъ семейной хроники Гоголей (Мемуары *О. В. Гоголь-Головни*). Подъ редакціей и съ объяснительной статьей *В. А. Чаговца* и при участіи *В. Я. Головни*. 1909. Кіевъ.

38. *В. С. Голубевъ*. Н. В. Гоголь (Юбил. сборникъ соч. Гоголя, изд. Саратовск. Губернск. Земства. 1902. Саратовъ).

39. *М. Григоревскій*. Къ вопросу о днѣ рожденія Н. В. Гоголя («Истор. Вѣстникъ» 1909. № 1).

40. *М. Григоревскій*. Къ вопросу о предкахъ Гоголя («Историческ. Вѣстникъ». 1909. № 3).

41. *А. Грузинскій* и *Вл. Каллашъ*. Отъ Общества любителей россійской словесности. О днѣ рожденія Гоголя («Русск. Вѣдом.» 1909. № 20).

42. *Л. Гуревичъ*. Гоголь и Пушкинъ («Слово». 1909. № 742).

43. *Л. Гуревичъ*. Взгляды Гоголя на искусство актера и режиссера. («Ежегодникъ Императ. театровъ». 1909. Вып. II).

44. *В. М. Гуссовъ*. Вѣнокъ на могилу Гоголя въ 50-ю годовщину его смерти («Фил. Зап.» 1902. II—III).

45. *В. В. Даниловъ*. О. М. Сомовъ, сотрудникъ Дельвига и Пушкина. (Объ отношеніи Сомова къ Гоголю) («Русск. Филолог. Вѣстн.» 1908. № 3, стр. 317, 318, 319, 320, 321, 322, 323).

46. Письмо гр. Е. В. Саліасъ къ М. А. Максимовичу о кончинѣ Гоголя. Съ предисловіемъ *В. В. Данилова* («Русск. Арх.» 1907. № 11).

47. *Бар. Н. В. Дризенъ*. Замѣтки о Гоголѣ. Матеріалы для біографіи и исторіи «Ревизора» («Истор. Вѣстникъ». 1907. № 10).

48. *Бар. Н. В. Дризенъ*. Гоголь и драматическая цензура («Ежегодникъ Императ. театровъ». 1909. Вып. II).

49. *К. В. Ельницкій*. Послѣдніе дни жизни и смерть Н. В. Гоголя («Филолог. Записк.» 1902. II—III).

50. Воспоминанія *С. А. Ермоловой* о Гоголѣ (Изъ записной книжки «Русскаго Архива») («Русск. Архивъ». 1909. № 6).

51. *Ник. Жерве*. Гоголь, его жизнь и произведенія. 1909. Спб.

52. *П. А. Заболотскій.* Гоголь въ эпоху творчества I тома «Мертвыхъ Душъ» («Записки Общества исторіи, филологіи и права при Императорскомъ Варшавскомъ Университетѣ». 1902. Варшава).

53. *То-же.* Отд. изд. 1902. Варшава.

54. *Н. Зоречъ.* Трагедія раздвоенной души («Вѣстникъ Литературы» 1909. № 3).

55. *Ив. Ивановъ.* Н. В. Гоголь («Юный Читатель». 1902. № 4).

56. *О. И. Ивановъ.* Н. В. Гоголь («Полтавск. Губернск. Вѣд.» 1902. № 36).

57. *А. А. Измайловъ—Смоленскій.* Загадки и тайны Гоголя («Нива». 1909. №. 11).

58. *В. М. Истринъ.* День рожденія Гоголя («Извѣстія Отдѣленія русск. яз. и словесн. Импер. Акад. Наукъ». 1908. Т. XIII, кн. 4).

59. *Вл. Каллашъ.* Этюды о Гоголѣ. I. Литературныя отраженія смерти Гоголя. («Помощь» Литер.-худож. сборн. въ пользу евреевъ, пострадавшихъ отъ неурожая. 1903. СПБ).

60. *В. В. Каллашъ.* Н. В. Гоголь. Біографическій очеркъ (Собр. соч. Гоголя, изд. т-ва «Просвѣщеніе». 1909. Спб.).

61. *Д-ръ Каченовскій.* Болѣзнь Гоголя. Критическое изслѣдованіе (по поводу работы проф. Чижа «Болѣзнь Н. В. Гоголя») («Русскій Вѣстникъ». 1906. №№ 7, 8 и 9).

62. *То-же.* Отд. изд. Спб. 1906.

63. *Н. З. Керовъ.* Гоголь, какъ историкъ — профессоръ (Педагогич. Листокъ». 1909. № 3).

64. *А. И. Кирпичниковъ.* Противорѣчія и сомнѣнія въ біографіи Гоголя («Изв. Отдѣл. русск. яз. и словесности Императорской Академіи Наукъ». 1900. Т. V., кн. 2 и 4. 1902. Т. VII, кн. I).

65. *А. И. Кирпичниковъ.* М. П. Погодинъ и Н. В. Гоголь («Русская Старина». 1901. № 1).

66. *А. И. Кирпичниковъ.* В. И. Шенрокъ. Матеріалы для біографіи Гоголя. Рецензія. 1901. М.

67. *А. И. Кирпичниковъ.* Н. В. Гоголь (Собр. соч. Н. В. Гоголя, изд. Сытина. 1902. М.).

68. *А. И. Кирпичниковъ.* Н. В. Гоголь и В. Г. Бѣлинскій лѣтомъ 1847 г. («Подъ знаменемъ науки». Юбилейный сборникъ въ честь Н. И. Стороженко. 1902. М.).

69. *Н. И. Ковальскій.* Біографія Н. В. Гоголя и общій очеркъ его литературной дѣятельности. 1909. Кіевъ.

70. *Вл. Коньковъ.* Гоголь и цензура («Русск. Вѣдом.» 1909. № 95).

71. *Н. Коробка.* Дѣтство и юность Гоголя («Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія». 1902. № 2).

72. *А. Кочубинскій.* Будущимъ біографамъ Гоголя («Вѣстникъ Европы». 1902. №№ 2 и 3).

73. Гоголь и Айвазовскій. Сообщено *г. Крымомъ* («Русск. Вѣдом.» 1905. № 96).

74. *Ст. Кузнецовъ.* Оцѣнка факторовъ дѣтства и юности Н. В. Гоголя («Прибалт. Край». 1902. №№ 43 и 47).

75. *В. Н. Ладыженскій.* Н. В. Гоголь. О жизни и сочиненіяхъ. Чтеніе для школъ и народа. 1902. М.

76. *В. Н. Ладыженскій.* Н. В. Гоголь (Избран. соч. Гоголя подъ редакц. Д. Н. Овсянико-Куликовскаго. 1909. Спб.)

77. *Мих. Лемке.* Николаевскіе жандармы и литература 1826—1855 г.г. 1908. Спб. (Стр. 134—136, 160, 169—171).

78. *Н. Лернеръ.* Гоголь въ Одессѣ («Одесск. Листокъ» 1900. № 25).

79. *Н. Лернеръ.* Нѣсколько словъ о пребываніи Гоголя въ Одессѣ въ 1850—1851 г.г. («Русск. Стар.» 1901. № 4).

80. *Н. Лернеръ.* Писалъ ли Гоголь Пушкину о «Ревизорѣ». («Русск. Стар.» 1907. № 11).

81. *Н. Лернеръ.* О днѣ рожденія Гоголя («Русск. Стар.» 1909. № 5).

82. *Е. и В. Ливотовы.* Жуковскій и Гоголь. 1902. Холмъ.

83. *П. Лозановъ.* Къ вопросу о «душевномъ дѣлѣ» Н. В. Гоголя («Южный край». 1909. № 9641).

84. *В. Д. Любичъ-Романовичъ.* Гоголь въ нѣжинскомъ лицеѣ.— Изъ воспоминаній («Историч. Вѣстн.» 1902. № 2).

85. *Евг. Ляцкій*. Н. В. Гоголь (Дѣтскій Отдыхъ». 1902. № 2).

86. Гоголь въ Одессѣ. Письмо протоіерея Корочанскаго къ одному собирателю свѣдѣній о жизни Гоголя въ Одессѣ. Сообщилъ *Л. С. М.* («Литературн. Вѣстникъ». 1903. № 7—8).

87. *Б. Майковъ*. Николай Васильевичъ Гоголь. Біографическій очеркъ (См. ниже III, № 108).

88. *И. Д. Малиновскій*. Знакомство Гоголя съ моимъ отцомъ. («Записки Общества исторіи, филологіи и права при Императорскомъ Варшавск. Университетѣ». 1902. Вып. I).

89. *А. И. Маркевичъ*. Гоголь въ Одессѣ («Записки Императорскаго Новороссійск. Университета». 1902. Томъ 88).

90. *То-же*. Отд. изд. 1902. Одесса.

91. *П. Матвѣевъ*. Гоголь въ Оптиной пустыни («Русск. Стар.» 1903. № 2).

92. *Д. С. Мережковскій*. Судьба Гоголя. — II и III главы: «Жизнь и религія». («Новый Путь». 1903. №№ 2 и 3).

93. *То-же*. См. ниже III, №№ 114 и 115.

94. *Свящ. И. Миловскій*. Къ біографіи Н. В. Гоголя (О знакомствѣ его съ братьями Мухановыми). 1902. М.

95. *А. А. Милорадовичъ*. О Гоголѣ (Со словъ покойнаго А. А. Васильчикова). («Русск. Архивъ». 1909. № 7).

96. *О. А. Мончаловскій*. Украинофильство Гоголя. (Научно-Литер. Сборн. «Галицко-Русской Матицы». 1904. Т. III, кн. 3).

97. *В. Л. Модзалевскій*. Малороссійскій родословникъ (См. Гоголи-Яновскіе). 1908. Кіевъ.

98. *П. О. Морозовъ*. Н. В. Гоголь (Собр. сочин. Гоголя, изд. журнала «Образованіе». 1902. Спб.).

99. *Алексѣй Мошинъ*. Ясная Поляна и Васильевка. Воспоминанія О. В. Головни. Впечатлѣнія и наброски съ натуры въ Васильевкѣ. 1904. Спб.

100. *То-же* въ книгѣ: О писателяхъ. Мелкіе штрихи для большихъ портретовъ. 1905. Спб.

101. *А. Нестеровъ*. Н. В. Гоголь (Избр. соч. Гоголя для дѣтей, изд. журнала «Игрушечка». 1902. Спб.).

102. Изъ архива *А. В. Никитенко* («Русск. Стар.» 1904. № 9. Стр. 677—683).

103. *Великій князь Николай Михайловичъ.* Московскій Некрополь. т. I. стр. 281. 1907. М.

104. *Вл. Новоселовъ.* Смерть Гоголя («Нов. Міръ». 1902. № 76).

105. *С. А. Новицкій.* Н. В. Гоголь. 1809—1852 («Харьковск. Губернск. Вѣд.» 1902. №№ 49, 50, 54).

106. *Н. Надеждинъ.* Гимназическіе годы Гоголя. 1909. Спб. и М.

107. *Н. К. Н.* Н. В. Гоголь. Важнѣйшіе моменты въ его жизни и литературномъ развитіи. 1902. Спб.

108. *Л. Е. Оболенскій.* Отчего ушелъ отъ насъ Гоголь? («Живописн. Обозр.» 1902. № 8).

109. *Протоіерей Образцовъ.* Отецъ Матвѣй Константиновскій («Тверск. Епархіальн. Вѣдом.» 1902. № 5).

110. *Н. Овсянниковъ.* Послѣдніе дни жизни Гоголя («Московск. Вѣдом». 1902. №№ 53 и 54).

111. *Д. Н. Овсянико-Куликовскій.* Къ душевной драмѣ Гоголя. («Современ. Міръ». 1909. № 5).

112. *С. Орловскій.* Николай Васильевичъ Гоголь («Родникъ». 902. №№ 2 и 3).

113. *То-же.* Отд. изд. 1904 и 1909 г. Спб.

114. *В. П. Острогорскій.* Н. В. Гоголь (Собр. соч. Гоголя, изд. Вятскаго Губернск. Земства. 1902. Вятка).

115. *То-же.* Отд. изд. 1902. Вятка.

116. *Ѳ. Г. П.* Николай Васильевичъ Гоголь. Его жизнь, дѣятельность и творчество. Чтеніе въ средней школѣ. 1909. Харьковъ.

117. *М. Павловскій.* Гоголь въ послѣдніе годы («Южный Край». 1902. № 7295).

118. *П. Первовъ.* Н. В. Гоголь, его жизнь и произведенія. 1902. М.

119. *Свящ. Ал. Петровскій.* Къ вопросу о предкахъ Гоголя («Полтавск. Губернск. Вѣдом.» 1902. № 36).

120. *Г. Н. Прозрителевъ.* Память о Н. В. Гоголѣ въ захолустьяхъ Полтавской губ. 1909. Ставрополь губерн.

121. *Е. В. Пѣтуховъ.* Гоголь и Жуковскій. 1903. Юрьевъ.

122. *С. Русова.* Н. В. Гоголь. Біографич. очеркъ. 1909. Спб.

123. *В. Саводникъ.* Біографія Гоголя (См. ниже III, № 158—160).

124. *В. Саводникъ.* Замѣтки о Пушкинѣ. — Отношенія къ Гоголю. («Русск. Архивъ». 1904. № 5).

125. *А. Н. Сальниковъ.* Н. В. Гоголь. Біографія. (См. ниже III, № 161).

126. *Г. Синюхаевъ.* Гоголь. 1809. — 20 марта — 1909. Спб. 1909.

127. *В. В. Сиповскій.* Николай Васильевичъ Гоголь. Біографія (См. ниже III, № 164).

128. *А. И. Смирновъ.* Изъ послѣднихъ лѣтъ жизни и литературной дѣятельности Н. В. Гоголя («Русск. Филолог. Вѣстн.» 1902. № 3—4).

129. *То-же.* Отд. изд. 1902. Варшава.

130. *П. В. Смирновскій.* Н. В. Гоголь (Собр. соч. Гоголя, изд. Панафидина. 1902. М.).

131. Дневникъ *И. М. Снегирева* («Русск. Архивъ». 1904. № 1, стр. 101, 107).

132. *Ал. Соловьевъ.* Н. В. Гоголь. Біографія (См. ниже III, № 173).

133. Николай Васильевичъ Гоголь. Народныя чтенія. Подъ редакціей *Вс. С. Соловьева.* 1901. Спб.

134. *С. Соломинъ.* Домъ на Мѣщанской ул. въ Спб., гдѣ жилъ Гоголь. Прежде и теперь («Міръ». 1909. № 11—12).

135. *М. Н. Сперанскій.* Гимназія высшихъ наукъ. Нѣжинскій періодъ жизни Н. В. Гоголя. 1902. Кіевъ.

136. *М. Н. Сперанскій.* Н. В. Гоголь—переводчикъ. (Приложеніе къ «Кіевскимъ Университеск. Извѣст.» 1905).

137. *М. Н. Сперанскій.* Н. В. Гоголь и Московскій университетъ («Русск. Мысль». 1909. № 5).

138. *Н. Ѳ. Сумцовъ.* Отношеніе Н. В. Гоголя къ В. А. Жуковскому («Южный Край». 1902. №№ 7296 и 7297).

139. *Н. Ѳ. Сумцовъ.* В. А. Жуковскій и Н. В. Гоголь. 1902. Харьковъ.

140. *А. С.* Біографія Н. В. Гоголя («Южный Край». 1909. № 9641).

141. *В. С.* Изъ воспоминаній о Н. В. Гоголѣ («Нов. Время». 1909. № 11861).

142. *Д-ръ А. Тарасенковъ.* Послѣдніе дни жизни Гоголя. Записки его современника. Изд. 2-ое, дополненное. 1902. Спб.

143. *Д. И. Тихомировъ.* О жизни Гоголя и его безсмертныхъ сочиненіяхъ. 1902. Москва.

144. *Г. Трошинъ.* Геній и здоровье Н. В. Гоголя («Вопр. философ. и психолог.» 1905. I. (76), II (77), III (78).

145. *А. Г. Филоновъ.* Н. В. Гоголь (Собр. соч. Гоголя, изд. Аскарханова. 1902. Спб.).

146. *То-же* въ сборникѣ *Истомина* и *Говорова:* Біографіи писателей. 1906. Спб.

147. *То-же.* Отд. изд. 1902. Спб.

148. *Е. Хлѣбникова.* Какъ жилъ Гоголь и что онъ писалъ. 1902. М.

149. *С. Хрулевъ.* Николай Васильевичъ Гоголь. 1909. Спб.

150. *В. Чаговецъ.* На родинѣ Гоголя («Кіевск. Газета». 1901. №№ 256, 263, 270, 277 и 291).

151. *В. Чаговецъ.* О Гоголѣ и его предкахъ. Изслѣдованія и матеріалы. 1902. Кіевъ.

152. *Аркадій Чероковъ.* Федоръ Васильевичъ Чижовъ и его связи съ Н. В. Гоголемъ. 1902. Москва.

153. *В. Ф. Чижъ.* Болѣзнь Н. В. Гоголя («Вопр. философ. и психолог.» 1903. Мартъ — апрѣль; май — іюнь; сентябрь — октябрь; ноябрь—декабрь; 1904. Январь—февраль).

154. *В. М. Шамраевъ.* О жизни и твореніяхъ Гоголя («Филолог. Записки». 1902. II—III).

155. Письма *С. П. Шевырева* К. С. Сербиновичу и кн. П. А. Ширинскому-Шихматову («Русск. Стар.» 1904. № 2. Стр. 429 — 430).

156. *В. Шенрокъ.* Н. В. Гоголь («Журналъ для всѣхъ». 1902. №№ 1 и 2).

157. *В. Шенрокъ.* Н. В. Гоголь и его отношеніе къ С. Петербургу («Русск. Стар.» 1902. № 2).

158. Письма С. П. Шевырева къ П. Я. Чаадаеву и Ѳ. И. Іордана къ А. А. Иванову. Сообщилъ *В. Шенрокъ* («Русск. Стар.» 1902. № 2).

159. Письмо С. П. Шевырева къ М. И. Синельниковой. Сообщилъ *В. Шенрокъ.* («Русск. Стар.» 1902. № 5).

160. Къ біографіи Н. В. Гоголя: 1. О недозволеніи печатать «Размышленія о божественной литургіи» Гоголя. 2. Аттестатъ, выданный Гоголю изъ С. Петербургскаго Университета. Сообщилъ *В. Шенрокъ* («Русск. Стар.» 1902. № 9).

161. Гоголь въ Одессѣ. 1850—1851. Дневникъ Н. В. Неводчикова (Преосвященнаго Неофита). Сообщилъ *В. Шенрокъ* («Русск. Арх.» 1902. № 3).

162. *В. Шенрокъ.* Гоголь и Бѣлинскій («Міръ Божій». 1902. № 5).

163. *В. Шенрокъ.* Спорные вопросы въ біографіи Гоголя («Вѣстн. Евр.» 1904. №№ 9, 10, 11 и 12).

164. *Ив. Щеглов.* Гоголь въ Оптиной пустыни («Торгово-Промышл. Газ.» 1900. № 24).

165. *Ив. Щеглов.* Гоголь и о. Матвѣй Константиновскій («Новое Время». 1901. № 9260).

166. *Ив. Щеглов.* Къ характеристикѣ о. Матвѣя Константиновскаго («Новое Время». 1902. № 9350).

167. *И. Л. Щеглов.* Изъ записной книжки. Бесѣда съ современникомъ о. Матвѣя Константиновскаго. («Истор. Вѣстн.» 1904 № 12).

168. *Ив. Щеглов.* Пушкинъ у Гоголя на Мѣщанской («Слово». 1909. № 741).

169. *П. Е. Щеголевъ.* Отецъ Гоголя («Историч. Вѣстн.» 1902. № 2).

170. *П. Е. Щеголевъ.* Изъ школьныхъ лѣтъ Гоголя («Истор. Вѣстн.» 1902. № 2).

171. *Н. А. Энгельгардтъ.* Гоголь и Булгаринъ («Истор. Вѣстн.» 1904. № 7).

172. *Д. И. Языковъ.* Н. В. Гоголь. 1902. М.

173. Изъ писемъ *П. М. Языкова* къ брату его Александру Михайловичу («Русск. Стар.» 1903. № 3, стр. 530—539).

174. *В. И. Яковенко.* Н. В. Гоголь (Собр. соч. Гоголя, изд. Павленкова. 1902. Спб.).

175. *То-же.* 2 изданіе. 1908. Спб.

176. Біографія Гоголя, изд. Харьковскаго комитета грамотности. 1902. Харьковъ.

177. Краткая біографія. То же изданіе.

178. Н. В. Гоголь. Его жизнь, дѣятельность и творчество. Чтеніе въ средней школѣ. 1909. Харьковъ.

179. 1902. Памяти Николая Васильевича Гоголя. Изд. бланкоиздательства *М. Шпенцера* въ Одессѣ, 1901. Одесса.

180. *То-же* подъ заглавіемъ: Памяти Николая Васильевича Гоголя. По случаю исполненія ста лѣтъ со дня рожденія 20 марта 1909 г. Въ деревнѣ. Въ лицеѣ. Въ Петербургѣ. Послѣдніе годы. Заключеніе. 1909. Одесса.

181. Николай Васильевичъ Гоголь. Краткій біографическій очеркъ. 1901. М.

182. Гоголь въ Одессѣ. 1902. М.

183. Н. В. Гоголь, какъ учитель жизни. Изданіе Сытина. 1902. М.

184. Н. В. Гоголь. Изданіе Сытина. 1909. М.

185. Николай Васильевичъ Гоголь. Біографическій очеркъ. Изданіе Плахова. 1908. Кіевъ.

II. Переписка Гоголя. Его неизданныя рукописи.

1. Двѣ записки *Н. В. Гоголя* къ К. С. Сербиновичу («Русскій Архивъ». 1909. № 4).

2. Письмо *Н. В. Гоголя* къ кн. В. Ѳ. Одоевскому изъ Неаполя, 16 марта 1847 г. («Русск. Старина». 1904. № 8).

3. Письмо *С. Т. Аксакова* къ Н. В. Гоголю. («Памятн. книжка Уфимской губ. 1909. Ко дню пятидесятилѣтія смерти С. Т. Аксакова).

4. *В. Г. Бѣлинскій*. Письмо къ Гоголю. Съ предисловіемъ С. А. Венгерова. 1906. Спб.

5. Письма Гоголя къ: Д. Е. Бернардаки, княжнѣ В. Н. Рѣпниной, графу В. А. Соллогубъ, графинѣ Л. К. Соллогубъ, графинѣ С. М. Соллогубъ. Сообщено *М. А. Веневитиновымъ* («Русск. Архивъ». 1902. № 4).

6. Неизданное письмо къ М. И. Гоголь. Сообщилъ *В. Г.* («Новое Время». 1902. № 9333).

7. Письмо къ Гоголю А. О. Смирновой. Сообщилъ *В. Г.* («Новое Время». 1902. № 9237).

8. *Г. П. Георгіевскій*. Пѣсни, собранныя Н. В. Гоголемъ («Памяти В. А. Жуковскаго и Н. В. Гоголя». Изд. Императорской Акад. Наукъ. Вып. II. 1908. Спб.).

9. Гоголь въ его новыхъ письмахъ. (Съ предисловіемъ и примѣчаніями *Г. П. Георгіевскаго*). («Русск. Старина». 1909. № 3).

10. Письмо Н. В. Гоголя 26 сентября 1836 г. изъ Женевы къ матери, М. И. Гоголь. Сообщено *В. А. Гиляровскимъ* («Дѣтск. Чтеніе». 1902. № 1).

11. Письма къ Гоголю по поводу его «Переписки съ друзьями». *А. А. Григорьева и М. Т. С.* («Русск. Архивъ». 1907. № 11).

12. *Н. П. Дашкевичъ*. Письма Н. В. Гоголя въ изданіи В. И. Шенрока. 1904. Спб.

13. Неизданное письмо Н. В. Гоголя къ А. С. Данилевскому. Сообщилъ *Петръ Дорошенко* («Кіевск. Старина». 1902. № 3).

14. *В. В. Каллашъ.* Гоголь и его письма («Русск. Мысль». 1902. №№ 2, 3 и 7).

15. *То-же.* Отд. изд. 1902. М.

16. *К. Н. Михайловъ.* Вновь найденныя рукописи Гоголя («Истор. Вѣстн.» 1902. № 2).

17. *То-же.* Отд. изд. 1902. Спб.

18. *П. О. Морозовъ.* Гоголь въ его письмахъ («Образованіе». 1902. №№ 2 и 4).

19. Письмо Н. В. Гоголя къ графинѣ П. Е. Капнистъ (Въ статьѣ С. А. Рачинскаго. См. ниже VII, № 48).

20. Письма Н. В. Гоголя. Редакція *В. И. Шенрока.* 1901. Спб.

21. Извлеченія изъ писемъ Гоголя, имѣющихъ отношеніе къ исторіи его творчества. Провѣрены по письмамъ Гоголя, подъ редакціей *В. И. Шенрока* (Собр. соч. Гоголя, изд. тов-а «Общественная Польза». 1902. Спб.).

22. Неизданное письмо Н. В. Гоголя. Сообщилъ *П. Е. Щеголевъ* («Литерат. Вѣстн.» 1902. II, 5).

III. Общая характеристика Гоголя. Оцѣнка его литературной дѣятельности. Разборъ его отдѣльныхъ произведеній.

1. *Д. Абрамовичъ.* Гоголь въ русской критикѣ («Христіанск. Чтеніе» 1902. Вып. 5).

2. *Я. Абрамовъ.* Памяти Гоголя («Приазовск. Край». 1902. №№ 43, 47 и 49).

3. *Ю. Айхенвальдъ.* Гоголь (Силуэты русскихъ писателей. Вып. I. 1906. М.)

4. *Ю. Айхенвальдъ.* Мученикъ смѣха («Слово». 1909. № 741).

5. *Г. Александровскій.* Нѣсколько данныхъ изъ психологіи Гоголевскаго творчества («Чтенія въ Историческомъ Об-вѣ Нестора лѣтописца». 1902. Кн. 17).

6. *То-же.* Отд. изд. 1902. Кіевъ.

7. *А. Александровъ.* Писатель — подвижникъ. Памяти Гоголя. 1909. Спб.

8. *А. Александровъ.* Памяти великаго учителя (Къ открытію въ Москвѣ памятника Гоголю). 1909. Спб.

9. *А. Алферовъ.* Особенности творчества Гоголя и значеніе его поэзіи для исторіи русскаго самосознанія. 1901. М.

10. *То-же.* 2 изд. 1909. М.

11. *Е. Андреевичъ.* О Гоголѣ («Научн. Обозр.» 1902. № 3).

12. *И. Анненскій.* Художественный идеализмъ Гоголя («Русск. Школа». 1902. № 2).

13. *И. Ф. Анненскій.* Проблески Гоголевскаго юмора (Книга отраженій. 1906. Спб.)

14. *К. Арабажинъ.* Гоголь, какъ драматургъ («Ежегодникъ Импер. театровъ». 1909. Вып. II).

15. *А. Б.* Критическія замѣтки («Міръ Божій». 1902. № 3).

16. *Д. И. Багалѣй.* Н. В. Гоголь и пріемы его художественнаго творчества («Журналъ для всѣхъ». 1902. №№ 9 и 10).

17. *Д. И. Багалѣй.* Эволюція художественнаго творчества Гоголя («Вѣстн. Европы». 1909. № 7).

18. *К. Бархинъ.* О Гоголевскомъ направленіи. 1908. Воронежъ.

19. *Александръ Блокъ.* Дитя Гоголя («Рѣчь». 1909. № 77).

20. *Протоіерей Н. Боголюбскій.* Рѣчь о Гоголѣ («Самарск. Епарх. Вѣдом.» 1902. № 5).

21. *Богословскій.* О творчествѣ Гоголя. 1902. Батумъ.

22. *В. Я. Богучарскій.* Гоголь, какъ учитель жизни («Міръ Божій». 1902. № 2).

23. *Вл. Боцяновскій.* Трагедія Гоголя («Новая Русь». 1909. № 77).

24. *Е. Будде.* Общественныя условія литературной дѣятельности Н. В. Гоголя. («Русск. Мысль». 1901. № 11).

25. *Е. Ѳ. Будде.* Значеніе Гоголя въ исторіи русскаго литературнаго языка («Журн. Мин-ства Народн. Просв.» 1902. № 6).

26. *То-же.* Отд. изд. 1902. Спб.

27. *Б. Бузескулъ.* Къ какому времени года относятся похожденія Чичикова въ первомъ томѣ «Мертвыхъ Душъ» (Къ характеристикѣ литературныхъ пріемовъ Гоголя). 1909. Харьковъ.

28. *П. Бѣлодѣдъ.* Памяти Н. В. Гоголя (Безплатн. приложеніе къ журналу «Народное Образованіе». 1909. Февр.). 1909. Спб.

29. *В. Вартаньянцъ.* Глѣбъ Успенскій и Н. В. Гоголь и ихъ отношенія къ крѣпостному праву. 1902. Тифлисъ.

30. *А. П. Васильевъ.* Памяти Гоголя. 1909. Томскъ.

31. *Арс. И. Введенскій.* Н. В. Гоголь. Критическій очеркъ («Общественное самосознаніе въ русской литературѣ». Изд. 2-е. 1908. Спб.).

32. *С. А. Венгеровъ.* Писатель — гражданинъ («Русск. Богатство». 1902. №№ 2, 3 и 4).

33. *То-же* въ его книгѣ «Очерки по исторіи русской литературы». 1907. Спб.

34. *Ф. А. Витбергъ.* Н. В. Гоголь. Рѣчь. 1902. Спб.

35. *Д-ръ А. В. Владимірскій.* Мысли психіатра по поводу «Записокъ Сумасшедшаго» Н. В. Гоголя. 1903. Кіевъ.

36. *Ю. Волинъ.* «Мертвыя Души» («Южный Край». 1909. № 9641).

37. *В. В. Воротницкій.* Н. В. Гоголь. Особенности его творчества и ихъ историко-литературное значеніе. 1909. Петроковъ.

38. *Б. Войтоловскій.* Литературное значеніе и творчество Н. В. Гоголя. 1909. Кіевъ.

39. *Г. Воскресенскій.* По поводу пятидесятилѣтія со дня кончины Н. В. Гоголя и В. А. Жуковскаго («Богословск. Вѣстн.» 1902. №. 3).

40. *М. Н. Гершензонъ.* Завѣщаніе Гоголя («Русск. Мысль». 1909. № 5).

41. *То-же* подъ заглавіемъ: Ученіе о жизненномъ дѣлѣ (Н. В. Гоголь) въ его книгѣ Историческія Записки. 1910. М.

42. *А. Г. Горнфельдъ.* Книга о языкѣ Гоголя (пр. І. Мандельштама «О характерѣ Гоголевскаго стиля»). («Русск. Богатство». 1902. № 1).

43. *М. Григорьевъ.* «Мертвыя Души». Романъ Н. В. Гоголя. Подробный разборъ въ связи съ характеристикой главныхъ героевъ. 1909. Спб.

44. *М. Григорьевъ.* «Ревизоръ». Комедія Н. В. Гоголя. Подробный разборъ. 1909. Спб.

45. *Н. П. Дашкевичъ.* Романтическій міръ Гоголя («Чтенія въ Истор. О-вѣ Нестора лѣтописца». 1906. Кн. 19, вып. I).

46. *Добронравовъ.* Гоголь, какъ христіанинъ. 1902. Саранскъ.

47. *Георгій Дорофѣевъ.* Характеристика творчества Гоголя. 1902. Тифлисъ.

48. *То-же.* 2 изданіе. 1908. Кіевъ.

49. *И. Джонсонъ.* Гоголь. Краткая литературная характеристика («Земск. Сборн. Черниговск. губ.» 1902. № 3).

50. *Н. Дюнькинъ* и *А. Новиковъ.* Н. В. Гоголь. Біографія и разборъ его главнѣйшихъ произведеній. 1909. Спб.

51. *А. Я. Ефименко.* Національная двойственность въ творчествѣ Гоголя («Вѣстн. Евр.» 1902. № 7).

52. *Г. З. Елисѣевъ.* Изъ неизданныхъ бумагъ. Гоголь («Русск. Богатство». 1902 № 1).

53. *Игн. Житецкій.* Гоголь — проповѣдникъ и писатель. 1909. Спб.

54. *П. А. Заболотскій.* О вліяніяхъ, подъ которыми слагались личность и творчество Гоголя («Филолог. Записки». 1902. II—III).

55. *И. И. Замотинъ.* Три романтическихъ мотива въ произведеніяхъ Гоголя («Записки об-ва исторіи, филологіи и права при Императорскомъ Варшавскомъ Университетѣ». 1902. Варшава).

56. *То-же.* Отд. изд. 1902. Варшава.

57. *И. И. Замотинъ.* Общественные завѣты Гоголя въ русской художественной литературѣ 70—90 годовъ. 1909. Варшава.

58. *С. Золотаревъ.* Гоголевская Русь (Историко-литературные очерки. 1909. Спб.).

59. *Ив. Ивановъ.* Личность Гоголя и его психологія, какъ художника. («Ежегодникъ Императорскихъ театровъ». Кн. 2 приложеній. Сезонъ 1901—1902 г.г.).

60. *И. И. Ивановъ.* Двѣ публичныя лекціи о Гоголѣ: I. Гоголевская драма. II. Гоголевская эстетика («Научн. Слово». 1903. № 3).

61. *И. Ивановъ.* Гоголь человѣкъ и писатель. 1909. Кіевъ.

62. *А. Измайловъ.* Эпилоги къ «Ревизору» и къ «Мертвымъ Душамъ» Н. В. Гоголя («Ежемѣсячныя сочинен.» 1902. № 3).

63. *А. Измайловъ.* Геніальный первомученикъ («Биржев. Вѣдомости». 1909. № 11017).

64. *А. Измайловъ.* Загадочная душа («Огонекъ». 1909. № 11).

65. *Б. К.* — О Гоголѣ («Золотое Руно». 1909, № 2—3).

66. *Вл. Каллашъ.* Этюды о Гоголѣ. II. Поэтическія характеристики Гоголя («Помощь». Сборникъ. См. выше I, № 59).

67. *В. В. Каллашъ.* Н. В. Гоголь. — Вступительныя статьи, примѣчанія и указатели (Собр. соч. Гоголя, изд. т-ва «Просвѣщеніе» 1909. Спб.).

68. *И. Каманинъ.* Научныя и литературныя произведенія Н. В. Гоголя по исторіи Малороссіи («Чтенія въ Истор. О-вѣ Нестора лѣтописца». 1902. Кн. 16).

69. *Я. Ф. Капланъ.* Плюшкинъ. Психологическій разборъ его («Вопросы философіи и психологіи». 1902. Май — іюнь).

70. *Я. Ф. Капланъ.* Плюшкинъ и «Старосвѣтскіе помѣщики» (По поводу статьи пр. В. Ф. Чижа «Значеніе болѣзни Гоголя»). («Вопросы философіи и психологіи». 1903. Май — іюнь).

71. *Е. Ѳ. Карскій.* Значеніе Н. В. Гоголя въ исторіи русскаго литературнаго языка («Русск. Филологич. Вѣстн.» 1909. № 2).

72. *Б. Катрановъ.* Гоголь и его украинскія повѣсти («Филологическія Записки». 1909. Вып. V (продолженіе слѣдуетъ).

73. *М. Н. Ковалевскій.* Кто герой «Ревизора»? («Педагогич. Листокъ 1902. № 2).

74. *Максимъ Ковалевскій.* Устарѣлъ ли Гоголь? («Вѣстникъ Европы» 1909. № 4).

75. *М. Ковалевскій.* Гоголь, какъ историкъ. 1909. Казань.

76. *Левъ Коганъ.* Гоголь проповѣдникъ и порокъ 1909. Одесса.

77. Памяти Н. В. Гоголя. Рѣчь, читанная на юбилейномъ актѣ въ память Н. В. Гоголя въ торжественномъ залѣ Кіевской 2 гимназіи преподавателемъ словесности *Ник. Сем. Коджебашемъ.* 1902. Кіевъ.

78. *В. Н. Кораблевъ.* Гоголь («Литературныя замѣтки». 1908. Спб.).

79. *Н. Коробка.* Гоголь, какъ романтикъ («Образованіе». 1902. № 2).

80. *П. Королевъ.* Личность и творчество Н. В. Гоголя. 1909. Кіевъ.

81. *Н. Котляревскій.* Н. В. Гоголь. 1829 — 1842. Очеркъ изъ исторіи русской повѣсти и драмы («Міръ Божій». 1902. №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 8, 9, 10, 11 и 12).

82. *То-же.* Отд. изд. 1903. Спб.

83. *То-же.* 2 изд. дополнен. 1908. Спб.

84. *Н. Котляревскій.* Поэма Гоголя «Мертвыя Души» и современная ей русская повѣсть («Міръ Божій». 1903. №№ 2 и 3).

85. *В. Крыловъ.* Послѣднія произведенія Гоголя, ихъ смыслъ, значеніе и отношеніе къ нимъ публики и критики («Христ. Чтеніе». 1902. Вып. II).

86. *Пл. Красновъ.* Гоголевскій реализмъ (Книжки «Новаго Дѣла». 1902. № 1).

87. *Пл. Красновъ.* Гоголь. Литературная характеристика («Новый Міръ». 1902. № 76).

88. *Ант. Кремлевъ.* Драматическія произведенія Н. В. Гоголя и взглядъ его на задачи театра («Образованіе». 1909. № 4).

89. *Андр. Круковскій.* Столѣтіе Гоголя («Филологическія Записки» 1909. Вып. IV).

90. *Н. К. Кульманъ.* «Ганцъ Кюхельгартенъ» Гоголя и «Луиза» Фосса. («Извѣстія отд. русск. яз. и словесности Импер. Акад. Наукъ». 1908. Т. XIII, кн. 4).

91. Николай Васильевичъ Гоголь. Для учащихся низшихъ школъ. Составилъ *А. М. Кутузовъ.* 1907. Н.-Николаевскъ.

92. *И. Лебедевъ.* Личность Гоголя и его творчество. 1909. Проскуровъ.

93. *К. Левинъ.* Николай Васильевичъ Гоголь и новѣйшая русская литература («Педагогич. Листокъ». 1903. Кн. 1, 2 и 3).

94. *Н. Лернеръ.* Гоголь и Россія («Образованіе». 1909. № 4).

95. *Н. И. Линицкій.* Нѣсколько словъ о Гоголѣ, какъ о нравоучительномъ писателѣ («Труды Кіевск. Духовн. Акад.» 1902. № 2).

96. *П. А. Линниченко.* Душевная драма Гоголя («Записки Императорскаго Новороссійск. Университета». 1902. Т. 88).

97. *То-же.* Отд. изд. 1902. Одесса.

98. *Священникъ А. Л. Лиховицкій.* Н. В. Гоголь, какъ христіанинъ. 1902. Ростовъ. н-/Д.

99. *Священникъ. А. Лобачевскій.* Н. В. Гоголь, какъ христіанинъ. 1909. Кіевъ.

100. *Л. Лобовъ.* Гоголь и славянофилы. 1909. Спб.

101. *С. Любошъ.* Душевная драма Гоголя («Иллюстрирован. Двухнедѣльникъ». Приложеніе къ газетѣ «Правда Жизни». 1909. № 5).

102. *В. П. Ляскоронскій.* О юморѣ Гоголя. («Филологич. Записки». 1902. II—III).

103. *Е. А. Ляцкій.* Гоголь. Опытъ характеристики (Собр. соч. Гоголя, изд. тов-а «Народная Польза». 1902. Спб.)

104. *Евг. Ляцкій.* Н. В. Гоголь. Творчество его, личность и эпоха въ новомъ освѣщеніи («Вѣстн. Европы». 1903. № 12).

105. *А. I. Лященко.* «Ревизоръ» Гоголя и комедія Квитки «Пріѣзжій изъ столицы» (Сборн. «Памяти Л. Н. Майкова». 1902. Спб.).

106. *То-же.* Отд. изд. 1902. Спб.

107. *I. Мандельштамъ.* О характерѣ Гоголевскаго стиля. 1902. Гельсингфорсъ.

108. *Б. Майковъ.* Николай Васильевичъ Гоголь. Біографическій очеркъ и разборъ главнѣйшихъ его произведеній для учащихся. 1908. Спб.

109. *М. Марковскій.* Гоголь, какъ геніальный поэтъ «(Педагогич. Сборн.» 1902. Іюнь).

110. *Н. Марковъ.* Герои произведеній Гоголя. 1902. Елизаветградъ.

111. *Н. М. Мендельсонъ.* Н. В. Гоголь (Очерки по исторіи русской литературы. Народный Университетъ. 1908. М.).

112. *М. Меньшиковъ.* Драма Гоголя («Новое Время». 1909. № 11862).

113. *Д. С. Мережковскій.* Судьба Гоголя. I гл.: Творчество («Новый Путь». 1903. № 1).

114. *Д. С. Мережковскій.* Гоголь и чортъ. 1905. Спб.

115. *Д. С. Мережковскій.* Гоголь. 1909. Спб. (Изд. «Пантеонъ»).

116. *П. Мининъ.* Къ характеристикѣ личности Гоголя («Богословск. Вѣстн.» 1902. Мартъ).

117. *То-же.* Отд. изд. Троице-Сергіевъ Посадъ. 1902.

118. *А. П. Михневичъ.* Великій страдалецъ земли русской («Педагогич. Сборн.» 1902. № 4).

119. *П. Морозовъ.* Гоголевскій стиль («Міръ Божій». 1902. № 2).

120. *В. Н. Мочульскій.* Малороссійскія и Петербургскія повѣсти Гоголя («Записки Императорскаго Новороссійск. Университета». 1902. Т. 88).

121. *То-же.* Отд. изд. 1902. Одесса.

122. *В. Мочульскій.* Что завѣщалъ Гоголь созданной имъ натуральной школѣ? 1909. Одесса.

123. *Б. Назаревскій.* Н. В. Гоголь. По случаю столѣтія со дня рожденія. 1909. М.

124. *М. Н-ій.* Общественное значеніе Гоголя («Міръ». 1909. №№ 11—12).

125. *А. Налимовъ.* Педагогическія идеи Гоголя («Русск. Школа». 1902. № 2).

126. *А. Налимовъ.* Черты и мазки изъ учительскаго быта у Гоголя («Воспит. и Обученіе». 1909. № 3).

127. *Н. Негоревъ.* Отзывы и сужденія о комедіяхъ Гоголя («Театръ и Искусство». 1902. №№ 8 и 9).

128. *Вл. И. Немировичъ-Данченко.* Тайны сценическаго обаянія Гоголя («Ежегодникъ Императорск. театровъ» 1909. Вып. II).

129. *Н. М. Новъ.* Великій юмористъ и подвижникъ («Вѣстн. Всем. Истор.» 1902. № 2).

130. *Л. Е. Оболенскій.* Н. В. Гоголь. Его духовный кризисъ. Справки по исторіи взяточничества («Самообразованіе». 1902. № 16).

131. *Д. Н. Овсянико-Куликовскій.* Гоголь («Рѣчь». 1909. № 77.).

132. *Д. Н. Овсянико-Куликовскій.* Исторія русской интеллигенціи. Итоги русской ходожественной литературы XIX вѣка. Ч. I. (См. о Тѣнтѣтниковѣ). 1906. М.

133. *Д. Н. Овсянико-Куликовскій.* Гоголь въ его произведеніяхъ. Къ столѣтію рожденія великаго писателя. 1909. М.

134. *Д. Н. Овсянико-Куликовскій.* Н. В. Гоголь («Вѣстн. Воспитан.» 1902. №№ 2, 4, 5, 6, 7, 8 и 9).

135. *То-же.* 2 изд. 1908. Спб.

136. *То-же.* 3 изд. 1909. Спб.

137. *Н. Орловъ.* Гоголь, какъ учитель жизни. 1909. М.

138. *И. Остроумовъ.* Гоголь и его завѣты Россіи. 1902. Гродно.

139. *П. Перцовъ.* «Загадка» Гоголя («Новое Время». 1909. № 11861).

140. *Н. И. Петровъ.* Слѣды литературныхъ вліяній въ произведеніяхъ Гоголя («Труды Кіевск. Духовн. Академ.» 1902. № 4).

141. *Н. И. Петровъ.* Новые матеріалы для изученія религіозно-нравственныхъ воззрѣній Гоголя («Труды Кіевск. Духовн. Акад.» 1902. № 6).

142. *Священникъ Н. Гр. Побѣдинскій.* О религіозно-нравственныхъ идеалахъ Н. В. Гоголя по его «Перепискѣ съ друзьями» и «Авторской Исповѣди» («Вѣра и Церковь». 1900. № 3).

143. *А. Погодинъ.* Трагедія Гоголя («Русск. Школа». 1902. № 2).

144. *П. Н. Полевой.* Гоголь. Опытъ характеристики («Историческ. Вѣстн.» 1902. № 2).

145. *Юл. Португаловъ.* По поводу полемики пр. В. Ф. Чижъ и д-ра Я. Ф. Каплана (Замѣтки читателя-психіатра). («Вопросы философіи и психологіи». 1903. Январь — февраль).

146. *Н. Протопоповъ.* Писатель—христіанинъ. Памяти Н. В. Гоголя («Вѣра и Разумъ». 1902. № 5).

147. *С. Н. Пряжинъ.* Къ вопросу о значеніи литературной дѣятельности Гоголя, Жуковскаго и Никитина для русской литературы и

развитія самосознанія русскаго общества («Филолог. Записки» 1902. II—III).

148. *А. М. Путинцевъ.* Гоголь, какъ поэтъ національный. 1909. Казань.

149. *В. Г. Радченко.* Гоголь—мученикъ идеи. 1909. Луцкъ.

150. *А. М. Рогозинскій.* Значеніе и мѣсто Гоголя въ исторіи литературнаго развитія русскаго общества. 1909. Кіевъ.

151. *А. Рождествинъ.* Личность и творчество Гоголя. 1909. Казань.

152. *В. Розановъ.* 2 этюда о Гоголѣ (Приложеніе къ «Легендѣ о Великомъ Инквизиторѣ» Ѳ. М. Достоевскаго. Изд. 2-ое. 1902. Спб.).

153. *В. Розановъ.* Геній формы («Новое Время». 1909. № 1186).

154. *В. Розановъ.* Магическая страница у Гоголя. («Вѣсы» 1909. №№ 8 и 9).

155. *В. Розановъ.* Гоголь, какъ вѣрный сынъ церкви. 1902. М.

156. *К. Румынскій.* Искусство и жизненное творчество (Книжки «Новаго Дѣла». 1902. № 2).

157. *М. П. Савиновъ.* О творчествѣ Гоголя («Мирный Трудъ». 1902. I).

158. *В. Саводникъ.* Гоголь. Литературная дѣятельность (Очерки по исторіи русской литературы XIX вѣка. Ч. I. 1906. М.).

159. *То-же.* 2 изд. 1906. М.

160. *То-же.* 3 изд. 1907. М.

161. *А. Н. Сальниковъ.* Н. В. Гоголь въ характеристикѣ его типовъ и разборъ главнѣйшихъ его произведеній. 1909. Спб.

162. *И. Г. Сенаторскій.* Любовь къ человѣку и къ отечеству, какъ основная черта личности и творчества Н. В. Гоголя. 1909. Прилуки.

163. *Игуменъ Сергій.* Писатель—христіанинъ. («Странникъ», 1904. № 12).

164. *В. В. Сиповскій.* Литературная дѣятельность Гоголя (Исторія русской словесности. Часть III. Новая русская литература. 1909. Спб.).

165. *Н. Скворцовъ.* Семья и школа въ произведеніяхъ Гоголя («Педагогическій Листокъ». 1909. № 3).

166. *М. І. Слуцкій.* Памяти Н. В. Гоголя — великаго писателя и христіанина (1809—1909). 1909. Харьковъ.

167. *Н. Л. Смирновъ.* Къ литературной исторіи текста «Ревизора» («Извѣстія отд. русск. яз. и словесности Императ. Акад. наукъ». 1901. I).

168. *Протоіерей М. Смирновъ.* Рѣчь передъ панихидой о Гоголѣ («Самарск. Епарх. Вѣдом.» 1902. № 6).

169. *И. Н. Смѣльницкій.* Основныя черты духовнаго облика Гоголя и роль его произведеній въ исторіи русскаго самосознанія («Филолог. Записки» 1902. II—III).

170. *Леонидъ Соколовъ.* Судьба писателя. Вѣнокъ на могилу Н. В. Гоголя. 1909. Кіевъ.

171. *Н. Н. Соколовъ.* Гоголь и современное ему русское обще-

172. *Н. Н. Соколовъ.* Откуда произошли типы, выведенные въ «Ревизорѣ» Гоголя («Самообразованіе». 1902. № 16).

тво («Научное Обозр.» 1902. №№ 3 и 4).

173. *Ал. Соловьевъ.* Н. В. Гоголь. Разборъ его главнѣйшихъ произведеній. 1909. Спб.

174. *Е. Соловьевъ.* Живы ли «Мертвыя Души»? («Нива». 1902. № 7).

175. *Евг. Соловьевъ.* (Андреевичъ). Гоголь (Очерки изъ исторіи русской литературы XIX вѣка. 1903. Спб.).

176. *То-же.* 2 изд. 1907. Спб.

177. *Н. Стеллецкій.* Религіозно-нравственное міросозерцаніе Гоголя («Труды Кіевск. Духовн. Акад.» 1902. №№ 2 и 3).

178. *То-же.* Отд. изд. 1902. Кіевъ.

179. *М. В. Трофимовъ.* 20 марта 1809—1909. Н. В. Гоголь. Литературная характеристика. 1909. Спб.

180. *Кн. Е. Н. Трубецкой.* Гоголь и Россія («Московск. Еженедѣльникъ». 1909. № 16).

181. *Н. Трубицынъ.* Гоголь въ исторіи русскаго слова. 1909. Кронштадтъ.

182. *Николай Трубицынъ.* Идеализмъ Гоголя («Русск. Филологич. Вѣстникъ». 1909. № 2).

183. *М. Халанскій.* Н. В. Гоголь, какъ романтикъ и поэтъ русской дѣйствительности. 1903. Харьковъ.

184. *Ив. Холчевъ.* Мечтательная ложь. (О характерѣ Хлестакова). («Вопросы философіи и психологіи». 1903. Мартъ — апрѣль).

185. *А. Царевскій.* Гоголь, какъ поэтъ и мыслитель — христіанинъ. («Православн. Собесѣдникъ». 1902. № 6—7).

186. *То-же.* Отд. изд. 1902. Казань.

187. *В. Ф. Чижъ.* Плюшкинъ, какъ типъ старческаго слабоумія («Врачебная Газета». 1902. № 10).

188. *В. Ф. Чижъ.* Значеніе болѣзни Плюшкина (По поводу статьи д-ра Я. Каплана: Плюшкинъ, психологическій разборъ его). («Вопросы философіи и психологіи». 1902. Сентябрь — октябрь).

189. *В. Чижъ.* Отвѣтъ г. Каплану (По поводу статьи г. Каплана: «Плюшкинъ и Старосвѣтскіе помѣщики»). («Вопросы философіи и психологіи». 1903. Сентябрь — октябрь).

190. *Г. И. Чудаковъ.* Отношенія творчества Н. В. Гоголя къ западно-европейскимъ литературамъ. 1909. Кіевъ.

191. *Г. И. Чудаковъ.* Отраженіе мотивовъ народной словесности въ произведеніяхъ Н. В. Гоголя. 1909. Кіевъ.

192. *С. В. Чупровъ.* Памяти Н. В. Гоголя. 1909. Виндава.

193. *М. Н. Шахъ-Пароніанцъ.* Эстетическія воззрѣнія Гоголя. 1902. Кронштадтъ.

194. *С. Шелухинъ.* Н. В. Гоголь и малорусское общество. 1909. Одесса.

195. *В. Шенрокъ.* Н. В. Гоголь. Кто былъ родоначальникомъ реальнаго направленія въ нашей литературѣ? («Русск. Стар.» 1902. № 2).

196. *В. Шенрокъ.* Гоголь, какъ художникъ («Кіевск. Стар.» 1902. № 6).

197. *В. Шенрокъ.* Къ исторіи текста «Мертвыхъ Душъ» («Кіевск. Старина». 1902. № 8—9).

198. *В. Шенрокъ.* Къ вопросу о вліяніи Гоголя на послѣдующихъ писателей («Русск. Филологич. Вѣстн.» 1903. №№ 1 и 2).

199. *То-же.* Отд. изд. 1903. Варшава.

200. *Д. Шестаковъ.* Личность и творчество Гоголя. 1902. Казань.

201. *И. Щегловъ.* Въ ужасѣ противорѣчій (Памяти Гоголя). («Міръ» 1909. № 11—12).

202. *А. Д. Щербина.* Н. В. Гоголь и герои его литературныхъ твореній. 1909. Одесса.

203. *Н. А. Энгельгардтъ.* Гоголь и романы 20-хъ годовъ («Историч. Вѣстникъ». 1902. № 2).

204. *Ник. Энгельгардтъ.* Н. В. Гоголь (Исторія русской литературы XIX стол. Томъ I, главы IV и V. 1902. Спб.).

205. *Фениксъ.* Гоголь (Отъ романтизма къ реализму; отъ реализма къ безднѣ покаянной). («Южный Край». 1909. № 9641).

206. *Священникъ Іоаннъ Филевскій.* Н. В. Гоголь, какъ религіозный публицистъ (Ibid.).

207. *Д. Философовъ.* Дурной глазъ («Наша Газета». 1909. № 68).

208. *А. Фоминъ.* Н. В. Гоголь и народное творчество («Познаніе Россіи». 1909. № 3).

209. *Ю. Ф.* и *А. К.* «Страшная Месть» Гоголя и повѣсть Тика «Пьетро Апоне» («Русск. Старина». 1902. № 3).

210. *Ю. Ф.* «Иванъ Выжигинъ» и «Мертвыя Души» («Русск. Архивъ». 1902. № 8).

211. *С. Юрьевскій.* Праздникъ смѣха («Вѣстникъ Литературы». 1909. № 3).

212. *К. Ѳ. Якубовичъ.* О нравственно-образовательномъ значеніи Гоголевскаго юмора. 1909. Кіевъ.

213. *В. Якушкинъ.* Гоголь и его комедіи («Русск. Вѣдомости». 1909. №№ 65, 66 и 68).

214. *І. Ясинскій.* Гоголь и мертвыя души («Биржевыя Вѣдомости». 1909. № 11017).

215. *Х. Ящуринскій.* Нравственно-общественные идеалы Гоголя. 1909. Одесса.

216. *Д. Ѳоминъ.* «Вечера на хуторѣ близъ Диканьки». («Филологическ. Записки». 1909. Вып. V).

217. Памяти Н. В. Гоголя. Слово, произнесенное въ храмѣ Лицея Цесаревича Николая («Вѣра и Церковь». 1902. № 3).

218. Тайна Гоголя («Ежемѣсячныя Сочиненія». 1902. № 3).

219. Н. В. Гоголь (Къ столѣтію со дня рожденія). («Харьковск. Губ. Вѣдомости». 1909. № 63).

IV. Сборники, альбомы, отдѣльные №№ повременныхъ изданій, посвященные Гоголю.

1. Памяти Гоголя. Научно-литературный сборникъ, издан. Историч. Общ-ства Нестора-лѣтописца, подъ редакціей *Н. П. Дашкевича* (то же что «Чтенія въ историч. Общ. Нестора—лѣтописца». Книга 16, вып. I—III). 1902. Кіевъ.

Содержаніе:

М. Н. Ясинскій. Чествованіе Историч. Общ. Нестора — лѣтописца памяти Н. В. Гоголя по случаю 50-лѣтія со дня его смерти.

В. А. Чаговецъ. Поэзія Гоголя. Стихотвореніе.

А. М. Лазаревскій. Свѣдѣнія о предкахъ Гоголя.

И. В. Шаровольскій. Юношеская идиллія Гоголя («Гансъ Кюхельгартенъ»).

Н. И. Петровъ. Южно-русскій народный элементъ въ раннихъ произведеніяхъ Гоголя.

Г. В. Александровскій. Гоголь и Бѣлинскій.

В. А. Чаговецъ. На родинѣ Гоголя.

А. М. Лазаревскій. Одинъ изъ пріятелей Гоголя (Марковичъ).

В. А. Чаговецъ. Гоголевская выставка (Каталогъ).

Поправки и дополненія къ статьямъ И. В. Шаровольскаго, В. А. Чаговца и Г. А. Александровскаго.

2. *В. Зелинскій.* Русская критическая литература о произведеніяхъ Гоголя. 1902. Спб. 2 изданіе.

3. *В. В. Каллашъ.* Гоголь въ русской поэзіи (Сборникъ стихотвореній). 1902. М.

4. Н. В. Гоголь въ воспоминаніяхъ современниковъ и въ перепискѣ. Составилъ *В. В. Каллашъ* (Истор.-литературн. библіотека подъ редакціей А. Е. Грузинскаго. Вып. I). 1909. М.

5. *И. И. Кланкъ.* Невымирающіе типы Гоголя. Рисунки и текстъ. 1902. М.

6. Шутки, остроты и излюбленныя мысли Н. В. Гоголя. Составилъ *М. С. Козманъ.* 1902. Одесса.

7. *Клавдія Лукашевичъ.* Школьный праздникъ въ память Н. В. Гоголя. 1909. Спб.

8. Н. В. Гоголь въ разсказахъ современниковъ. Подъ редакціей и со вступительной статьей *Вл. Львова.* 1909. М.

9. *В. И. Покровскій.* Николай Васильевичъ Гоголь. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. 1908. Спб.

10 *Г. А. Русановъ.* Душа Гоголя. Избранныя мѣста изъ писемъ Гоголя и его статей автобіографическаго характера. 1902. М.

11. Альбомъ выставки (1852—1902) въ память Гоголя и Жуковскаго. Исп. и изд. фототипіей *К. Фишера.* 1902. М.

12. «Ревизоръ». Комедія въ 5 дѣйствіяхъ Н. В. Гоголя на сценѣ Московскаго Художественнаго театра. Въ 34 картинахъ, снятыхъ фотограф. *К. Фишеръ.* Съ приложеніемъ статей, посвященныхъ «Ревизору». 1909. М.

13. Портреты Н. В. Гоголя. Собраны и изданы подъ наблюденіемъ О-ва любителей россійск. словесности при Императорск. Московск. Университетѣ. Исп. и изд. фототипіей *К. А. Фишера.* 1909. М.

14. Гоголь на родинѣ. Альбомъ фототипій и геліогравюръ. Работа фотографа *І. Ц. Хмѣлевскаго.* Текстъ *В. П. Горленко.* 1902. Полтава.

15. *Сергѣй Шараповъ.* Гоголь и Гюго. Ихъ судьба. Сличеніе Гоголевской Россіи и современной. Гоголевскій мужикъ. Гоголевскій баринъ. Чиновники. Въ чемъ выразилось безсиліе Гоголя («Ухабы». 16-ый вып. соч. 1902. М.).

16. *Ив. Щегловъ.* Русскій мыслитель. Избранныя мѣста и отрывки изъ соч. Гоголя, его писемъ и воспоминаній о немъ. 1902. Спб.

17. *Ив. Щегловъ.* Подвижникъ слова. Новые матеріалы о Н. В. Гоголѣ (Сборникъ статей). 1909. Спб.

18. *Н. В. Гоголь.* Рѣчи, посвященныя его памяти въ публичномъ соединенномъ собраніи Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ и Историко-филологическаго факультета Императ. Спб. Университета 21-го февраля 1902 г. Спб.

Содержаніе:

А. Н. Пыпинъ. Значеніе Н. В. Гоголя въ созданіи современнаго международнаго положенія русской литературы (*То-же.* Отд. изд. 1902. Спб.).

К. К. Арсеньевъ. Значеніе Гоголя для его преемниковъ (*То-же.* Отд. изд. 1902. Спб.).

А. К. Бороздинъ. Развитіе взглядовъ Гоголя на творчество (*То-же.* Отд. изд. 1902. Спб.).

В. Н. Перетцъ. Гоголь и Малороссійская литературная традиція: (*То же.* Отд. изд. 1902. Спб.).

19. *Гоголевскій сборникъ,* изданный состоящей при Нѣжинскомъ Филологическомъ Институтѣ кн. Безбородка, Гоголевской Коммиссіей. 1902. Кіевъ.

Содержаніе:

М. Н. Сперанскій. Одно изъ послѣднихъ писемъ Н. В. Гоголя.

П. А. Заболотскій. Н. В. Гоголь въ русской литературѣ. Библіографическій обзоръ (*То-же.* Отд. изд. 1902. Кіевъ).

Гоголевская выставка: *М. Н. Сперанскій.* Портреты Гоголя и Гоголь въ народной книжкѣ и картинкѣ (X отдѣловъ).

И. А. Сребницкій. Матеріалы для біографіи Н. В. Гоголя изъ архива Гимназіи Высшихъ Наукъ.

20. *Гоголевскій сборникъ.* Изданіе Русскаго Библіологическаго Общества (То-же «Литературный Вѣстникъ». 1902. III—3).

Содержаніе:

В. В. Каллашъ. Мелкія замѣтки о Гоголѣ.

Б. Л. Модзалевскій. Гоголь и Великопольскій.

В. А. Лугаковскій. Гоголь въ польской литературѣ.

П. Е. Щеголевъ. Замѣтки и новые матеріалы къ біографіи Гоголя.

А. Л. Липовскій. Къ вопросу объ изученіи Гоголевскаго стиля.

И. А. Шляпкинъ. «Портретъ» Гоголя и «Мельмотъ-Скиталецъ» Матюрена.

Письмо Гоголя по рукописи П. Я. Дашкова.

Письмо П. А. Кулиша къ М. И. Гоголь.

Н. И. Коробка. Кулишъ объ украинскихъ повѣстяхъ Гоголя.

А. И. Лященко. Объ отношеніяхъ Гоголя къ католичеству.

Ростовскій Городничій и «Ревизоръ» Гоголя. Сообщилъ *Ф. Витбергъ.*

Ф. Витбергъ. Иллюстраціи къ произведеніямъ Гоголя.

Изъ старыхъ матеріаловъ о Гоголѣ.

Изъ русской печати о Гоголѣ.

А. І. Лященко. Къ библіографіи матеріаловъ о Гоголѣ.

21. *Гоголевскій сборникъ.* Библіотека «Дѣтскаго Чтенія». 1902. М. («Дѣтское Чтеніе». 1902. № 3).

Содержаніе:

И. Ивановъ. Н. В. Гоголь. Біографическій очеркъ.

Италія. Стихотвореніе Н. В. Гоголя.

Плюшкинъ. Отрывокъ изъ поэмы «Мертвыя Души».

Н. А. Некрасовъ. Памяти Гоголя. Стихотвореніе.

О малороссійскихъ пѣсняхъ изъ соч. Н. В. Гоголя «*Арабески*».

П. И. Вейнбергъ. Къ 50-лѣтнему юбилею «Ревизора». Стихотвореніе.

Повѣсть о Капитанѣ Копейкинѣ. Отрывокъ изъ поэмы «Мертвыя Души».

Н. Бергъ. Надъ гробомъ Гоголя. Стихотвореніе.

Письмо Н. В. Гоголя къ М. П. Балабиной.

Письмо Гоголя къ Жуковскому о Святой Землѣ. Разсказы о Гоголѣ его друзей и близкихъ знакомыхъ.

Бѣлинскій о Гоголѣ.

22. Сборникъ учено-литературнаго общества при Императорскомъ Юрьевскомъ Университетѣ. Т. 6. 1903. Юрьевъ.

Содержаніе:

П. И. Сосновскій. Гоголь и Пушкинъ.

С. Н. Кузнецовъ. Гоголь и Тургеневъ: нѣсколько параллелей изъ жизни.

Проф. прот. А. С. Царевскій. Рѣчь о Гоголѣ.

Я. И. Лаутенбахъ. В. А. Жуковскій и Н. В. Гоголь въ латышской литературѣ.

23. Сборникъ въ память Н. В. Гоголя и В. А. Жуковскаго, изданный Императ. Юрьевскимъ Университетомъ. (То же «Учен. Записки Императ. Юрьевскаго Университ.» 1904. № 5).

Содержаніе:

Е. В. Пѣтуховъ. Гоголь и Жуковскій.

Е. В. Пѣтуховъ. В. А. Жуковскій въ Дерптѣ.

Приложеніе къ предыдущей статьѣ.

В. Ф. Чижъ. Плюшкинъ, какъ типъ старческаго слабоумія.

А. М. Германъ. Гоголь въ эстонской литературѣ.

Я. И. Лаутенбахъ. Гоголь въ латышской литературѣ.

Л. К. Мазингъ. Переводы сочиненій Гоголя.

24. *Рѣчи*, прочитанныя на вечерѣ въ память Н. В. Гоголя въ г. Баку, 10 марта 1902 г. 1902. Баку.

25. Петербургъ — Н. В. Гоголю. 20 марта 1909. Изд. «*Лиги Образованія*». 1909. Спб.

26. *Словарь* литературныхъ типовъ. — Гоголь. Подъ редакціей *Николая Носкова.* 1909. Спб.

27. «Московскій Проводникъ». 1909. Вып. 3.

Содержаніе:

Петербургъ и Москва (изъ записокъ Гоголя).

Гоголь о Москвѣ.

Послѣднее пребываніе Гоголя въ Москвѣ.

Гоголевское творчество.

На могилу Гоголя.

Гоголевскія празднества и выставки въ Москвѣ.

28. Безплатое приложеніе къ № 742 газеты «*Слово*». 1909.

Содержаніе:

Н. Котляревскій. Послѣдняя вспышка бодрящаго смѣха.

И. Гинцбургъ. Гоголь и скульптура.

С. Любошъ. Гоголевскія женщины.

Н. В. Гоголь. Біографическая канва.

29. «*Новый Журналъ для всѣхъ*». *Памяти Гоголя.* 1909. № 5.

30. Николай Васильевичъ Гоголь. 1809—1909.—1909. Кіевъ.

Содержаніе:

Очеркъ жизни Н. В. Гоголя.

Н. В. Гоголь—вѣрный сынъ церкви Православной и родной страны.

Значеніе Н. В. Гоголя въ литературѣ.

Приложеніе: отрывки изъ сочиненій Гоголя.

31. 1809. Къ юбилею Н. В. Гоголя. 1909 (Прибавленіе къ № 356 «Полтавскихъ Губернскихъ Вѣдомостей». 1909).

Содержаніе:

А. Шиловъ. Памяти Гоголя (Стих.).

П. С. Николай Васильевичъ Гоголь — Яновскій.

Н. Фіалковскій. Памяти Николая Васильевича Гоголя.

— Гоголь, какъ русскій человѣкъ.

32. Юбилейный Сборникъ, Н. В. Гоголь въ Одессѣ. 1852 — 1902. Изд. С. М. Гольдвейбера и М. Л. Байша. 1902. Одесса.

Содержаніе:

Чествованіе памяти Н. В. Гоголя и В. А. Жуковскаго.

Біографія Гоголя.

Стихотвореніе *О. С. Штейна.* «Памяти Н. В. Гоголя».

О пребываніи Н. В. Гоголя въ Одессѣ (Изъ хроники прошлаго гор. Одессы).

Стихотвореніе *г. Тройницкаго* «Памяти Н. В. Гоголя».

Гоголь въ Одессѣ. 1850 — 1851. Воспоминаніе артиста *Толченова.*

33. Памяти Н. В. Гоголя. Изд. «Библіотеки свободнаго воспитанія и образованія и защиты дѣтей». 1909. М.

Содержаніе:

И. Горбуновъ-Посадовъ. Памяти Н. В. Гоголя (Стих.).

Гоголь о дѣтствѣ, юности, школѣ и воспитаніи. Собралъ *С. Н. Дурылинъ.*

С. Н. Дурылинъ. Что дала Гоголю школа.

34. Гоголевскіе дни въ Москвѣ («Русскія Вѣдомости». 1909. № 96).

Содержаніе:

Первый день:

А. Мануйловъ. Гоголевскіе дни.

С. Муромцевъ. 26 апрѣля.

Кн. Евгеній Трубецкой. Гоголь и Россія.

Открытіе памятника.

Рѣчи.

Вѣнки.

Въ Университетѣ.

Гоголевскіе спектакли.

Второй день:

Въ Обществѣ любителей Россійской словесности.

Раутъ въ городской думѣ.

Музыкально-литературный вечеръ.

Третій день (Ibid. № 97):

Въ Маломъ театрѣ.

Рѣчь А. Н. Веселовскаго.

Банкетъ.

Въ Обществѣ любителей Россійской словесности.

Рѣчь Брандеса.

35. Памяти Гоголя. Народно-литературный сборникъ «Новое Начало». 1909. М.

36. Памяти Гоголя. «Вѣсы». 1909. № 4.

Содержаніе:

Неизданное письмо о. Матвѣя къ Гоголю. Съ примѣчаніемъ *С. Дурылина.*

Андрей Бѣлый. Гоголь.

Эллисъ. Человѣкъ, который смѣется.

Борисъ Садовской. О романтизмѣ Гоголя.

Валерій Брюсовъ. Испепеленный. Къ характеристикѣ Гоголя. (Тоже. Отд. изд. 1909. М.).

37. Рѣчи у памятника Н. В. Гоголя въ Нѣжинѣ, произнесенныя при возложеніи вѣнковъ. 1909. Нѣжинъ.

38. Памяти Гоголя, Сборникъ статей учениковъ 5 кл. отд. А. Петровскаго училища Спб. Купеческ. о-ва 1909. Спб

V. Библіографическіе матеріалы и обзоры литературы о Гоголѣ.

1. *С. Л. Бертенсонъ.* Къ библіографіи матеріаловъ о Гоголѣ. Опытъ библіографическаго указателя Гоголевской юбилейной литературы («Литерат. Вѣстн.» 1903. № 3).

2. *То-же.* Отд. изд. 1903 Спб.

3. *П. Заболотскій.* Опытъ обзора матеріаловъ для библіографіи Н. В. Гоголя въ юношескую пору («Извѣст. Отдѣл. русск. яз. и словесности Императорск. Академіи Наукъ». 1902. Т. VII. Кн. 2).

4. *В. В. Каллашъ.* Жуковско-Гоголевская юбилейная литература («Русская Мысль». 1902. № 7).

5. *То-же.* Отд. изд. 1902. М.

6. *Н. И. Коробка.* Итоги Гоголевской юбилейной литературы. («Журналъ Министерства Народн. Просв.» 1904. №№ 4 и 5).

7. *П. Н. Красновъ.* Изд. соч. Гоголя («Извѣстія по литературѣ, наукамъ и библіографіи книжн. магаз. товарищ. Вольфъ». 1902. № 4—5).

8. *А. Лебедевъ.* Поэтъ—христіанинъ. Н. В. Гоголь въ русской литературѣ и искусствѣ. 1829—1908. Вып. I. 1909. Кіевъ.

9. *А. Л. Липовскій.* Гоголевская юбилейная литература («Литерат. Вѣстн.» 1902. III, 4).

10. *То-же.* Отд. изд. 1902. Спб.

11. *Н. К. П—въ.* Дополненія къ «Опыту библіографическаго указателя Гоголевской юбилейной литературы» С. Л. Бертенсона («Литератури. Вѣстн.» 1904. № 1).

12. *В. И. Шенрокъ.* Замѣчанія къ статьѣ г. Заболотскаго: «Опытъ обзора матеріаловъ для библіографіи Н. В. Гоголя въ юношескую пору.» («Извѣст. Отдѣл. русск. яз. и словесности Императорск. Академіи Наукъ». 1902. Т. VII. Кн. 2).

13. *В. Шенрокъ.* Итоги Гоголевской юбилейной литературы («Вѣстн. Восп.» 1902. № 6).

14. *В. Якушкинъ.* Новыя изданія Гоголя («Литерат. Вѣстникъ». III, 3). 1902.

15. *В. Якушкинъ.* Къ юбилею Н. В. Гоголя (Обзоръ изданій его сочиненій). («Русскія Вѣдомости». 1909. № 64).

16. *В. Якушкинъ.* Новыя изданія сочиненій Гоголя («Русскія Вѣдомости». 1909. № 95).

VI. Гоголь въ переводахъ на иностранные языки.

1. *А. А.* «Ревизоръ» на чужбинѣ («Рѣчь». 1909. № 83).

2. *А. Б.* О нѣмецкихъ переводахъ «Ревизора» Гоголя («Нов. журн. литер., искусства и науки» 1904. № 1).

3. *Ю. В.* Отголоски Гоголевскаго юбилея въ нѣмецкой печати («Русскія Вѣдомости». 1909. № 85).

4. *В. Г.* Гоголь и иностранцы («Новое Время». 1902. № 8496).

5. *То-же,* въ книгѣ *В. Горленко.* Отблески. Замѣтки по словесности и искусству. Спб. 1905. 2 изд. Спб: 1908.

6. *Діонео.* Къ юбилею Н. В. Гоголя (Tarras Bulba. Narracion Rusa par Nicolas Gogol. Madrid. 1906). («Русскія Вѣдомости». 1909 № 42).

7. *Владиміръ Даниловъ.* Чешскіе пѣвцы пѣвцам. русским. Гоголь изъ Ярослава Верхлицкаго. 1908.

8. *П. Драгановъ.* Разноязычный Гоголь («Новое Время». 1902. № 9238).

9. *П. Драгановъ.* Гоголь въ переводѣ на «руській» языкъ («Новое Время». 1902. № 9496).

10. *П. Драгановъ.* Гр. Л. Толстой и Гоголь въ греческой литературѣ («Литерат. Вѣстн.» 1902. № 6).

11. *В. К.* Гоголь у болгаръ. («Славянск. Извѣстія». 1909. Стр. 612—613).

12. *В. Кораблевъ.* Гоголь у болгаръ («Литерат. Вѣстн.» 1902. III, 3).

13. *В. Кораблевъ.* Гоголь у сербовъ («Литерат. Вѣстн.» 1902. III, 4).

14. *В. А. Лупаковскій.* Русскіе писатели въ польской литературѣ. Вып. I. Гоголь. 1902. Спб.

15. *И. А. Линниченко.* Gogoliana. Поправки къ двумъ переводамъ («Извѣст. Отд. русск. яз. и слов. Императорск. Академіи Наукъ». 1908. Т. XIII, кн. I).

16. *Э. Э. Лямбекъ.* Гоголь у нѣмцевъ («Литер. Вѣстн.» 1902. III, 4).

17. *Теофрастъ Ренодо.* Французскіе писатели о Гоголѣ («Одесск. Новости». 1902. № 5558).

18. *М. А. С.* «Ревизоръ» и «Женитьба» на Берлинскихъ сценахъ («Спб. Вѣдомости». 1902. № 51).

19. *В. А. Францевъ.* Н. В. Гоголь въ чешской литературѣ (Памяти В. А. Жуковскаго и Н. В. Гоголя. Изд. Императорск. Академіи Наукъ. Вып. I. Спб. 1904).

20. *В. Францевъ.* Гоголь въ чешской литературѣ. 1902. Спб.

21. *А. Хахановъ.* Гоголь въ грузинской литературѣ («Русскія Вѣдомости». 1902. № 53).

22. *И. Яковлевъ.* «Ревизоръ» Гоголя въ Парижѣ («Новое Время». 1908. № 11476).

23. *Е. Ясскій.* Гоголь на Западѣ. («Иллюстрированный Двухнедѣльникъ». Приложеніе къ газетѣ «Правда Жизни». 1909. № 5).

24. «Българска Сбирка» (о Гоголѣ въ Болгаріи). Критика и библіографія («Русск. Филологич. Вѣстникъ». 1909. № 2).

VII. Смѣсь.

1. *Aventino.* Гоголевскія торжества въ русской читальнѣ въ Римѣ («Московск. Вѣдом.» 1909. № 52).

2. *К. М. Агеевъ.* Чествованіе памяти Н. В. Гоголя въ Кіевской 3 гимназіи. 1902. Кіевъ.

3. Дневникъ *Вѣры Сергѣевны Аксаковой.* («Минувшіе годы». 1908. № 8. Стр. 114—119, 123: № 12. Стр. 227—228, 241).

4. *В. С. Баскинъ.* Гоголь въ музыкѣ («Русск. Мысль». 1909. № 5).

5. *В. С. Баскинъ.* Музыкальные комментаторы Гоголя (Ежемѣсячныя приложенія къ «Нивѣ». 1909. № 7).

6. *Е. Баумгартенъ.* Гоголь въ живописи (Книжки «Новаго Дѣла». 1902. № 3).

7. *Н. Бернштейнъ.* Музыкальная точка зрѣнія Гоголя («Новый журналъ для всѣхъ». 1909. № 7).

8. *Г. Бертенсонъ.* Къ вопросу о причинѣ смерти Гоголя («Миссіонерск. Обозр.» 1902. Іюнь).

9. *В. Булгаковъ.* Себѣ или Гоголю. 1909. М.

10. *Г. В. Бѣловъ.* Судебный міръ по сочиненіямъ Гоголя. («Записки О-ва истор., филолог. и права при Императ. Варшавскомъ Университетѣ». Вып. II. 1903).

11. *И. Бѣлоконскій.* На родинѣ Гоголя («Русская Школа». 1902. № 2).

12. *Юр. Бѣляевъ.* Актеры и пьесы. (1) Марья Антоновна. 2) Какъ чествовали Гоголя). 1902. Спб.

13. *Л. В.* — Что значитъ фамилія Тѣнтѣтниковъ («Русск. Филологич. Вѣстникъ». 1909. № 2).

14. *С. Н. Великанова - Рамазанова.* Къ 100 лѣтнему юбилею Н. В. Гоголя (Изъ матеріаловъ для исторіи художествъ въ Россіи). («Русскія Вѣдомости». 1909. № 56).

15. *Т. Ганжулевичъ.* Два преемника Гоголя въ современной литературѣ («Вѣстникъ Литературы». 1909. № 3).

16. *В. Горленко.* Поэтъ, открытый Гоголемъ (Белли). Отблески. Замѣтки по словесности и искусству. 1905 и 1908. Спб.

17. *Л. Гуревичъ.* Гоголь на Александринской сценѣ («Слово». 1909. № 754).

18. *Владиміръ Даниловъ.* Землякъ и предтеча Гоголя (Нарѣжный). («Кіевск. Стар.» 1906. Мартъ — апрѣль).

19. *В. В. Даниловъ.* Нѣжинъ (Къ столѣтію рожденія Н. В. Гоголя). («Историч. Вѣстн.» 1909. № 3).

20. *Свящ. И. М. Добронравовъ.* Въ защиту духовенства (Голосъ въ защиту о. Матвѣя, какъ духовника Гоголя, отъ клеветъ и нареканій свѣтской печати). («Странникъ». 1902. № 11).

21. *А. С. Дунинъ.* Ссылка И. С. Тургенева въ Орловскую губ. («Минувш. Годы». 1908. стр. 29—32).

22. *І. Змигродскій.* Гоголь на сценахъ г. Юрьева, Лифляндской губ. 1902. Юрьевъ.

23. *И.* «Ревизоръ» въ Художественномъ театрѣ («Русск. Вѣдом.» 1908. № 295).

24. *И. Е. Евсѣевъ.* Отношенія Гоголя и Жуковскаго къ искусству. 1902. Спб.

25. *А. Я. Ефименко.* Малорусское казачество по Гоголю («Журналъ для всѣхъ». 1902. № 2).

26. *А. Калашниковъ.* Гоголевскій музей («Русск. Архивъ». 1909. № 7).

27. *Вл. Каллашъ.* Этюды о Гоголѣ: III. Воспоминанія И. А. Хлестакова о Гоголѣ. («Помощь». Сборникъ. См. выше, I № 59).

28. *А. К—лъ.* Театральныя замѣтки (О Гоголѣ на сценѣ). («Театръ и Искусство». 1902. № 10).

29. *В. Каминскій.* Завѣты Н. В. Гоголя педагогамъ («Русск. Филологич. Вѣстникъ». 1909. № 2).

30. *А. М. Клитинъ.* Памяти Н. В. Гоголя («Записки Императорск. Новороссійск. Университета». 1902. Т. 88).

31. *Ѳ. Кондратенко.* Отрицательная сторона поурочныхъ балловъ. Памяти Гоголя («Педагогическій Сборникъ». 1902. № 4).

32. *Н. Коробка.* Оригиналъ ростовщика въ Гоголевскомъ «Портретѣ». («Литерат. Вѣстникъ». 1904. № 1).

33. Письма П. А. Кулиша къ М. И. Гоголь. Сообщилъ *В. А. Чаговецъ* («Чтенія въ Историческ. Обществѣ Нестора—лѣтописца». 1902. Кн. 16, вып. IV).

34. *М. Л. Лебедева.* Программа школьнаго литературнаго утра, посвященнаго Гоголю («Для народнаго учителя». 1907. Кн. 19).

35. *Е. Левитскій.* Сочиненія Гоголя въ деревнѣ («Вѣстн. Воспит.» 1902. № 2).

36. *Мих. Лемке.* Николаевскіе жандармы и литература 1826—1855. г.г. Стр. 221—227. 1908. Кіевъ.

37. *Н. Лернеръ.* Изъ исторіи освобожденія крестьянъ («Русская Старина». 1905. № 1. Стр. 148). (Къ характеристикѣ Н. Герсеванова, автора извѣстной брошюры: «Гоголь передъ судомъ обличительной литературы». 1861. Одесса).

38. *Вл. Линскій.* Гоголь и театръ («Театръ и Искусство. 1902. №№ 8, 9 и 11).

39. *Ѳ. П. М.* На родинѣ творца «Мертвыхъ Душъ» (Прилож. къ «Новому Времени». 1909. № 11862).

40. *В. М. Михайловскій.* Комедіи Гоголя и ихъ исполнители на сценѣ Малаго театра въ Москвѣ («Русская Мысль». 1902. № 5).

41. *Іеромонахъ Михаилъ.* Н. В. Гоголь и В. А. Жуковскій по вопросу о страданьяхъ («Вѣра и Церковь». 1902. Кн. 4).

42. *А. Мошинъ.* «Васильевка» («Дорогія Мѣста». Сборникъ, подъ редакціей Ив. Бѣлоусова). 1909. М.

43. *Н. В. Некрасовъ.* Памятникъ Гоголю (Къ исторіи его постановки). («Русскія Вѣдом.» 1909. № 95).

44. *Кн. Д. А. Оболенскій.* Мои воспоминанія о Великой Княгинѣ Еленѣ Павловнѣ («Русск. Старина». 1909. № 3, стр. 514—515).

45. *Г. Оленовъ.* Музыка въ жизни и твореніяхъ Гоголя («Міръ». 1909. № 11—12).

46. *А. Поповъ.* Вкладъ Н. В. Гоголя въ географическую литературу. 1909. Одесса.

47. *В. А. Радичъ.* «Гоголь дома». Сцены изъ жизни великаго писателя. 1902. Спб.

48. *С. А. Рачинскій.* Сообщеніе о двухъ рѣдкихъ портретахъ Н. В. Гоголя («Старина и Новизна». 1903. Кн. 6).

49. *Лукіанъ Сильный.* Въ гостяхъ у Гоголя на томъ свѣтѣ («Вѣстникъ Литературы». 1909. № 3).

50. *Смоленскій.* Поддѣльный Гоголь (Забытый анекдотъ). («Биржевыя Вѣдомости». 1909. № 11017).

51. *А. И. Соболевскій.* Гоголь въ исторіи русской этнографіи «Мирный Трудъ». 1909. № 4).

52. *М. Н. Сперанскій.* Одинъ изъ учителей Н. В. Гоголя (И. Г. Кульжинскій). («Изв. Историко-филологич. института кн. Безбородко въ Нѣжинѣ». 1907. Т. XXIII).

53. *С. Спиро.* Толстой о Гоголѣ («Русское Слово». 1909. № 68).

54. *И. А. Сребницкій.* Отчетъ о дѣятельности состоявшей при Институтѣ кн. Безбородко временной Гоголевской Комиссіи («Изв. историко-филологич. инст. кн. Безбородко въ Нѣжинѣ». 1904. Т. XX).

55. *И. Стешенко.* М. А. Максимовичъ (О вліяніи его собранія пѣсенъ на творчество Гоголя). («Кіевск. Стар.» 1904. № 9. Стр. 351—352).

56. *Н. Н. Страховъ.* Описаніе Днѣпра у Гоголя («Историч. Вѣстн.» 1902. № 2).

57. *Григорій Тимофѣевъ.* Мусоргскій и Гоголь («Рѣчь». 1909. № 82).

58. *Д. И. Тихомировъ.* Гоголь и Жуковскій въ народной школѣ («Педагогическій Листокъ». 1902. № 6).

59. *То-же.* («Русск. Мысль». 1902. № 7).

60. *Л. Турыгина.* Н. В. Гоголь въ области музыки. 1909. Спб.

61. *Участникъ.* Гоголевскія торжества въ австрійской Руси («Новое Время». 1909. № 11868).

62. *И. Ф.* Гоголь и «руссоке національное лицо» («Новое Время». 1909. № 11861).

63. *Филиппов.* Гоголевскіе уголки («Наша Родина». Географическая хрестоматія Н. В. Тулупова и П. М. Шестакова. 1908. М.).

64. *Вс. Чешихинъ.* Русь. Прологъ въ стихахъ въ память 50-лѣтія со дня смерти Гоголя. 1902. Рига.

65. *С. Шамбинаго.* Гоголь и Гойя. («Русск. Мысль». 1909. № 12).

66. *В. Шенрокъ.* П. А. Кулишъ. Біографическій очеркъ. 1901. Кіевъ.

67. *В. Щурат.* Шевченково посланіе Гоголю. («Учитель». 1909. X—XI и XII).

68. *Э.* Еще о Гоголѣ въ музыкѣ («Русск. Вѣдом.» 1909. № 95).

69. *Д. И. Эварницкій.* Преображенская церковь въ с. Б. Сорочинцахъ, гдѣ крестили Гоголя («Историческій Вѣстникъ». 1902. № 2).

70. *Ю. Энгель.* Гоголь въ музыкѣ («Русск. Вѣдом.» 1902. № 76).

71. *П. Эттингеръ.* Гоголь и пластическое искусство («Русск. Вѣдом.» 1909. № 95).

72. *Н. Эфросъ.* «Ревизоръ» въ Художественномъ театрѣ («Рѣчь». 1908. № 314).

73. *Василій Янчакъ.* Почему Гоголь дорогъ малороссамъ? («Московск. Вѣдом.» 1609. № 67).

74. Записки религіозно — философ. собранія въ Спб. Засѣданія 10 и 11. Обсужденіе доклада *Д. С. Мережковскаго.:* «Гоголь и о. Матвѣй» («Новый Путь». 1903. № 5).

75. Цензура въ царствованіе Императора Николая I («Русская Стар.» 1903. № 6, стр. 653—655. 1904. № 2, стр. 436—440).

76. Въ память Гоголя (1852 — 1902). Литературное утро въ Касимовской женской гимназіи 21 февраля 1902. Касимовъ.

77. Домъ Гоголя («Театръ и Искусство». 1902. № 10).

78. О праздникѣ Гоголя («Русск. Музык. Газета». 1902. № 9).

79. Гоголевская выставка (въ Москвѣ). («Рускія Вѣдомости». 1909. № 62).

80. **Каталогъ выставки въ память столѣтія со дня рожденія Н. В. Гоголя въ Московской 5 гимназіи. 1909. М.**

81. **Къ Гоголевскимъ торжествамъ («Русскія Вѣдомости». 1909. № 95).**

82. Гоголевскіе дни («Историческій Вѣстникъ». 1909. № 3).

Сергѣй Бертенсонъ.

Библіографія.

П. А. Заболотскій. Очерки русскаго вліянія въ славянскихъ литературахъ новаго времени. I, 1. Русская струя въ литературѣ сербскаго возрожденія. Варшава. 1908. 430 стр. 8⁰.[1]).

Тема, избранная г. Заболотскимъ представляетъ немалый интерссъ какъ для славистовъ, такъ и для историковъ русской литературы, въ виду важнаго положенія новой русской литературы среди другихъ европейскихъ литературъ. Въ частности, по отношенію къ сербской литературѣ, изслѣдованіе о вліяніи чуждыхъ литературъ на созданіе ея важно потому, что хотя и были попытки освѣтить литературныя связи сербовъ съ ихъ ближайшими соплеменниками, однако окончательнаго подсчета итоговъ такого вліянія до сихъ поръ сдѣлано не было. Ученый рѣшившій нелегкую задачу такого изслѣдованія заслуживалъ бы безспорно признательности со стороны историковъ славянскихъ литературъ, не говоря уже объ историкахъ русской литературы, древней и новой. Авторъ лежащей предъ нами книги безусловно правъ говоря на стр. 4, что «вопросъ о роли русскаго элемента въ романскихъ германскихъ и славянскихъ литературахъ является до настоящаго времени неразработаннымъ», и если бы ему удалось сдѣлать что-либо положительное для рѣшенія этого вопроса, мы первые привѣтствовали бы его. Но внимательно, — поскольку позволяли намъ силы и знанія — сдѣлавъ анализъ книги г. Заболотскаго, мы пришли къ выводу, что поставленнаго имъ вопроса ему не удалось разрѣшить; главный же выводъ— о «значитель-

---

1) Авторъ рецензіи старался избѣгать совпаденій съ рец. проф. Н. М. Петровскаго на ту же книгу (см. Ж. М. Н. Пр. 1909 г. февр.), но въ окончательномъ выводѣ не могъ не принять во вниманіе также и ошибокъ г. Заболотскаго, указанныхъ казанскимъ профессоромъ.

ности» вліянія русской литературы на сербскую — остался висящимъ въ воздухѣ, ибо автору не удалось доказать его; даже напротивъ, мы лично думаемъ, по прочтеніи книги г. Заболотскаго, что таковое вліяніе нисколько не было слабѣе напр. нѣмецкаго. Почему это такъ вышло, постараемся объяснить въ дальнѣйшемъ изложеніи.

Прежде всего читателю совершенно неясно, что̀ подразумѣваетъ г. Заболотскій подъ словомъ «струя». Этого термина онъ нигдѣ не объясняетъ. Можетъ быть его нужно понимать въ смыслѣ употребляемаго Брандесомъ «Strömung»? Но ни классификаціи литературныхъ направленій, ни характеристики роли каждаго изъ нихъ въ сербской литературѣ мы не находимъ въ книгѣ г. Заболотскаго. Если же мы примемъ во вниманіе общее заглавіе книги (или — ряда книгъ), то подъ «струею» повидимому придется разумѣть литературное вліяніе, именно русской литературы на сербскую безъ различія отдѣльныхъ литературныхъ школъ и направленій. Опредѣленіе такой «русской струи» могло выразиться: 1) въ указаніи *идейнаго* вліянія русской литературы на сербскую, т. е. перехода идей русскихъ писателей, усвоенія и претворенія ихъ писателями — сербами; 2) въ указаніи *формальнаго* вліянія, т. е. въ констатированіи тѣхъ чисто внѣшнихъ литературныхъ заимствованій и подражаній, которыя явились въ сербской литературѣ въ зависимости отъ русской; 3) въ опредѣленіи *путей*, коими эти оба вліянія проникали въ Сербію и 4) въ подведеніи итоговъ этихъ вліяній, въ смыслѣ опредѣленія роли ихъ для развитія сербской литературы, въ связи и параллельно съ литературами Запада, также обнаружившими громадное вліяніе на сербскую, вслѣдствіе неизбѣжныхъ воздѣйствій ряда историческихъ событій на умственную жизнь сербовъ. Такъ рисуется намъ общій контуръ рѣшенія вопроса о роли русскаго литературнаго вліянія на сербскую литературу.

Что же дѣлаетъ авторъ книги?

Безспорно, очень многія данныя, собранныя имъ въ первой главѣ — очень интересны; но дѣло въ томъ, что они не имѣютъ никакого отношенія къ «русской струѣ» *въ литературѣ;* таковы всѣ страницы, гдѣ говорится о Петрѣ В., разсказы объ успѣхахъ русскаго оружія при императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ подъ Очаковомъ, Хотиномъ и т. д., о переселеніи сербовъ въ Россію при императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ; самыя упоминанія о послѣдней и другихъ членахъ россійскаго царствующаго дома — собственно говоря, также не имѣютъ отношенія къ *русскому литературному вліянію*. Авторъ думаетъ иначе: онъ усматриваетъ послѣднее всюду, гдѣ только рѣчь идетъ о чемъ-либо русскомъ. Обратимся къ фактамъ.

На стр. 49-й, для опредѣленія «русской струи» въ сербской литературѣ XVIII в., было бы гораздо важнѣе дать анализъ драмы Раича и опредѣлить ея связь съ драмой Козачинскаго и зависимость отъ послѣдней, чѣмъ разсказывать о Петрѣ В., который важенъ былъ для сербской литературы отнюдь не какъ писатель, а какъ щедрый жертвователь книгъ. И почему Раичъ попалъ сюда, а не на соотвѣтствующее мѣсто — въ слѣдующую главу? Вѣдь дѣятельность его относится къ начальнымъ годамъ сербскаго возрожденія, а не къ Петровской эпохѣ.

На стр. 177 и слѣд. довольно обстоятельно характеризуя содержаніе «Сербскихъ Новина» 1791 г., какъ *сводъ* сообщеній изъ нѣмецкихъ (sic!) газетъ, авторъ перечисляетъ упоминанія о Россіи, о политическихъ актахъ императрицы Екатерины II и о ея сотрудникахъ, главнымъ образомъ о «фириттѣ» Потемкинѣ. Но при чемъ здѣсь вліяніе русской литературы на сербскую?

Мы взяли наудачу два примѣра; напрасно и далѣе будемъ ожидать найти въ книгѣ г. Заболотскаго исторію *литературнаго* вліянія русскихъ на сербовъ. Даже въ концѣ книги, приближаясь къ завершенію своихъ наблюденій, тамъ, гдѣ онъ какъ будто подходитъ къ вопросу о Булгаринѣ, Пушкинѣ и др. русскихъ писателяхъ въ сербской литературѣ, — онъ сводитъ весь разговоръ къ цитаціи «упоминаній», какъ будто одни «упоминанія» могутъ замѣнить нѣчто болѣе существенное. Автора особенно занимаютъ эти «упоминанія» въ сербскихъ альманахахъ — о русскихъ царяхъ, сербскія оды русскимъ генераламъ, — но онъ ни слова не говоритъ въ какой зависимости стоятъ эти оды по отношенію къ русскимъ аналогичнымъ произведеніямъ, нѣмецкимъ, французскимъ (ср. напр. стр. 305—307 и др.) Вообще, авторъ въ ущербъ своей прямой задачѣ слишкомъ много отводитъ мѣста повѣствованію о русскихъ генералахъ и чиновникахъ, — лицахъ, возможно, весьма почтенныхъ, но къ русскому литературному вліянію на сербскую литературу непричастныхъ. И если сами сербскіе журналисты въ свое время (1810—1820-хъ гг.) утверждали: «ми срби чиновнѣике руске љубимо», то изъ этого (стр. 309 и сл.) отнюдь нельзя дѣлать вывода о какомъ либо *литературномъ* вліяніи.

Имѣя въ виду послѣднее, думается намъ, авторъ, при наличности извѣстныхъ не только ему, но и всякому интересующемуся славистикой — трудовъ проф. П. А. Кулаковскаго (о Вукѣ К., Иллиризмѣ, о сербской школѣ), Вукићевића (Односи Русије према Србији), Ђурковића (Односи између Српства и Русије) и др., могъ бы смѣло оставить въ сторонѣ внѣшнюю сторону отношеній Сербіи и Россіи, или коснуться ихъ лишь въ самыхъ малыхъ размѣрахъ, ограничившись литературою и

оставивъ въ сторонѣ политику. Онъ поступилъ бы гораздо полезнѣе и съ большей экономіей силъ и своихъ и читателя, сосредоточившись болѣе детально на литературныхъ отношеніяхъ, чего требовала тема и научный методъ. И это было бы тѣмъ болѣе естественно, что образецъ для своей работы авторъ могъ найти хотя бы въ трудѣ проф. Лаврова о Петрѣ Нѣгошѣ и др. монографіяхъ.

Что заимствовали сербы изъ русской литературы и чему подражали? Непредубѣжденный славистъ, изучивъ надлежащій матеріалъ, отвѣтилъ бы: количественно эти заимствованія и подражанія были ничтожны, а вовсе не «весьма значительны», какъ утверждаетъ нашъ авторъ. Качество заимствованій — выясняется при ближайшемъ знакомствѣ съ матеріаломъ; сербы заимствовали и отжившія идеи, и отжившія въ русской литературѣ формы, что было вполнѣ естественно въ условіяхъ ихъ литературнаго развитія, общественной жизни и характера отношеній къ Россіи. Въ XIX в. они еще подражали Ломоносову, Державину, перепечатывали украинскихъ ученыхъ нач. XVII-го вѣка, Ѳеофана Прокоповича, восхищались Ѳ. Булгаринымъ, а изъ Пушкина усвоили его оду «Клеветникамъ Россіи». Мало того, они охотно упоминали и пользовались трудами даже Памвы Беринды, М. Смотрицкаго (см. по указателю) — всѣмъ тѣмъ багажемъ, который для конца XVIII в. и нач. XIX в. уже не является въ Россіи характернымъ показателемъ литературныхъ вкусовъ даже средняго читателя. Въ частности, если мы переглянемъ сербскія періодическія изданія и альманахи, на которыхъ сосредоточилъ свое главное вниманіе авторъ — русскій *литературный* элементъ и въ «Новинахъ Сербскихъ» Давидовића (стр. 196) 1815 г. и др., и въ иныхъ изданіяхъ окажется крайне слабымъ, и говорить о «значительности» его можно только съ большою оговоркою, при чемъ необходимо принять во вниманіе нѣмецкое вліяніе, которое — уже безо всякихъ оговорокъ — было гораздо замѣтнѣе и значительнѣе русскаго. Особенно характерна эта «значительность» и русской литературной струи усматриваемой г. Заболотскимъ, — еще при наличности того обстоятельства, что даже «Сербска Пчела» 30-хъ годовъ *ничего* не говоритъ о Пушкинѣ, Гоголѣ, а лишь о Державинѣ, Гречѣ и Булгаринѣ (стр. 144). Позже — *упоминанія* о русскихъ писателяхъ въ сербской журналистикѣ встрѣчаются чаще; но самъ г. Заболотскій констатируетъ, что эти упоминанія скудны и невѣрны до комизма (см. стр. 237, 240, 246!): сообщаются свѣдѣнія вымышленныя, и при томъ не изъ русскаго — а изъ *нѣмецкаго* источника. Наше мнѣніе, вытекающее изъ обзора матеріала, собраннаго г. Заболотскимъ таково: русскую литературную струю, впредь до изслѣдованія, слѣдуетъ признать въ литературѣ сербскаго возрожденія —

если не ничтожной, то крайне ограниченной, несмотря на постоянныя многовѣковыя сношенія Сербіи съ Россіей, пожертвованія послѣднею книгъ и политическую поддержку.

Но авторъ поставилъ себѣ тезисъ, который хочетъ доказать, во что бы то ни стало, — не путемъ, однако, изслѣдованія и доказательствъ, а путемъ болѣе примитивнымъ — категорическими утвержденіями, черпая матеріалъ для послѣднихъ, далеко не говорящій въ пользу справедливости его тезиса изъ источниковъ, явно подрывающихъ его утвержденія.

Такъ на стр. 79—81 авторъ въ сербской компиляціи *по нѣмецкимъ* источникамъ—біографіи Суворова (стр. 79) видитъ «русскую струю», но самъ же какъ будто чувствуя неловкость базировать на такомъ сомнительномъ основаніи — отмѣчаетъ на стр. 80 подчиненность сербской журналистики «то русскому, то *нѣмецкому* вліянію». Зная исторически сложившіяся отношенія Сербіи и ея географическое положеніе — этотъ конечный выводъ г. Заболотскаго можно получить и а priori, даже не читая его книги. Но вѣдь намъ важенъ не этотъ, ясный и безъ этой книги выводъ, а важно *разграничить* и *опредѣлить роль* и значеніе обоихъ названныхъ историческихъ факторовъ, вліявшихъ на развитіе и характеръ сербской литературы. Однако для такой работы г. Заболотскій, повидимому, не обладаетъ необходимымъ научнымъ воспитаніемъ и тактомъ. Онъ даже не подозрѣваетъ о необходимости постановки такого вопроса.

Идемъ далѣе и посмотримъ, можно ли было говорить о «значительности» вліянія русской литературы, игнорируя нѣмецкую и не привлекая ее къ сравненію одновременно.

Какъ оказывается, значеніе «Забавника» Давидовића для темы г. Заболотскаго совершенно ничтожно (стр. 107, 109, 110) и очень мало говоритъ о русской струѣ, скорѣе — болѣе о *нѣмецкой*.

Статьи въ альманахѣ «Уранія» (1837—1838 гг.) — также подражанія нѣмецкимъ, а повѣсть изъ русской жизни «Иван или ватра сѣвера», восхваляющая императора Александра I и русскаго казака.... «является переводомъ съ *нѣмецкаго* языка» (стр. 130).

На стр. 143 самъ же авторъ указываетъ, что Стаматовић «сплошь и рядомъ» былъ знакомъ съ явленіями духовной жизни Россіи «довольно таки окольнымъ путемъ», именно черезъ «Literarische und kritische Blätter der Börs» и «Journal des Débats». Авторъ статьи о православіи въ Польшѣ беретъ матеріалъ изъ «Ausland'a 1839 г...

Альманахъ «Српски родољубац» 1832 г. приводитъ разсказъ о возвращеніи Наполеона изъ Россіи,..... но по *нѣмецкому* переводу (стр. 158): можно ли здѣсь говорить о русской литературной струѣ?

Можно ли говорить также о русскомъ литературномъ вліяніи (какъ это дѣлаетъ г. Заболотскій на стр. 190—192 и др.) въ газетѣ «Новине Српске» Давидовића, 1813 г., — выкроенной изъ *нѣмецкихъ* газетъ, — говорить только потому, что здѣсь въ «Новинахъ» помѣщены изъ указаннаго источника сообщенія, касающіяся русскихъ коронованныхъ особъ и военныхъ дѣятелей?

На стр. 158 самъ г. Заболотскій отмѣчаетъ, что альманахъ «Авала» Іов. Филиповића (1846 — 1847) составлялся *подъ сильнымъ вліяніемъ нѣмецкихъ* изданій.

О томъ же сильномъ и безспорномъ *нѣмецкомъ* и *французскомъ* вліяніи говорятъ цитаты г. Заболотскаго на стр. 162, 177, 190, 192, 205—6, 212 и слѣд., 218, 225, 227, 238, 239, 249, 369, 386 399.... Не приводимъ выписокъ, чтобы не удлинять рецензіи. Сербы черпаютъ матеріалъ изъ «Adler'a» «Abrégé de géographie» Halbi 1833 г., Wiener Diarium, Wiener Zeitung, Allgemeine Litteraturzeitung, Jahrbücher der Litteratur, Wiener Jahrbücher der Litteratur, Blätter für Litteratur 1827 г., «Skizzen» v. Meissner'a 1800, Goetze «Stimmen des Russischen Volkes in Liedern» (sic), Borg, «Poetische Erzeugnisse der Russen», v. Strahl «Das gelehrte Russland».. Достаточно сказать, что даже «Герой нашего времени» въ альманахѣ «Авала» — переведенъ съ нѣмецкаго.

Самъ г. Заболотскій, въ итогахъ книги признающій за русскимъ вліяніемъ болѣе значительную роль, чѣмъ думали ранѣе — не разъ пишетъ:

«Давидовић и Фрушић берутъ себѣ за образецъ нѣмецкія газеты» (стр. 190).

«Источники подобныхъ, преимущественно панегирическихъ произведеній... (разсказы о русскихъ коронованныхъ особахъ) обыкновенно *иностраннаго* происхожденія»... (212).

Разсказы въ «Срб. Нар. Листахъ» на русскія темы—«заимствованы частью изъ русскихъ, частью изъ иностранныхъ, главнымъ образомъ *нѣмецкихъ* источниковъ. Что касается отраженія въ журналѣ явленій современной русской поэзіи и художественной литературы, то *оно является болѣе слабымъ* и не идетъ дальше эпиграфовъ изъ русскихъ поэтовъ» (стр. 225). Сравнимъ также эти и подобныя рѣчи съ оговорками на стр. 161 и др.

Не будемъ болѣе останавливаться на вопросѣ о нѣмецкомъ вліяніи, развивавшемся параллельно съ русскимъ: г. Заболотскій касается *нѣмецкихъ* заимствованій лишь тогда, когда они даютъ сербамъ свѣдѣнія о русской жизни и литературѣ. Естественно заключить, что въ другихъ областяхъ нѣмецкіе источники давали сербскимъ журналистамъ еще болѣе матеріала для заимствованій.

Итакъ, мы неизбѣжно подходимъ къ заключенію, что работа автора, чтобы быть дѣйствительно *изслѣдованіемъ*, а не сборомъ случайныхъ выписокъ, должна была использовать для выясненія роли двухъ параллельныхъ вліяній, русскаго и нѣмецкаго — весь указанный выше матеріалъ и еще многое такое, что осталось за горизонтомъ автора. Затѣмъ слѣдовало рѣшить два вопроса: 1) въ чемъ заключалось въ каждомъ случаѣ *нѣмецкое* вліяніе, въ какихъ изданіяхъ оно было слабѣе, гдѣ преобладало и 2) хотя бы статистическимъ путемъ слѣдовало бы опредѣлить, что же, наконецъ, было относительно сильнѣе и въ какой мѣрѣ — нѣмецкое ли, или русское вліяніе, шедшее, какъ свидѣтельствуетъ г. Заболотскій,—во многихъ случаяхъ чрезъ нѣмецкое посредство.

Итоги «изслѣдованія» г. Заболотскаго не убѣждаютъ насъ въ правотѣ его. Напротивъ, порождаютъ рядъ сомнѣній, которыя получатъ полное основаніе и оправданіе, если мы обратимъ вниманіе на пріемы работы автора, его библіографическую и фактическую неточность, — порою не освѣдомленность, наконецъ если примемъ въ соображеніе его постоянную тенденцію уклоняться отъ изслѣдованія вопросовъ и доказательствъ того, что онъ утверждаетъ.

Начнемъ съ мелочей, но — и мелочи бываютъ въ общей картинѣ достаточно характерны: съ манеры цитировать пособія. Недурна напр. цитата на стр. 27 прим. 4, далеко не безгрѣшная и въ фактическомъ отношеніи; на стр. 273 цитируется книга Рajковића «Грађа за историjу штампариjа»—безъ года, мѣста, даже страницы; на стр. 372 находимъ глухую ссылку на «Чт. Общ. Лѣт. Нест.» — и все тутъ, а вѣдь Общество издало не одну книгу Чтеній! Но все это мелочи сравнительно съ дальнѣйшимъ. Остановимся на первыхъ страницахъ книги г. Заболотскаго, на «предварительномъ обзорѣ», имѣя въ виду и извиненіе отъ лица автора на стр. 12 въ примѣч., и не обращая вниманія на lapsus'ы и опечатки.

Авторъ не выходитъ изъ рамокъ библіографа обозрѣвателя и самъ не разъ признаетъ за своимъ трудомъ именно такое значеніе, напр. говоритъ о книгѣ, какъ о «началѣ *подведенія итоговъ* накопившимся по указанному вопросу матеріаламъ хоть въ нѣкоторыхъ областяхъ», стр. 4; или, какъ объ «опытѣ такого посильнаго *подведенія итоговъ матеріаловъ*», стр. 5; онъ намѣренъ «своимъ опытомъ въ этомъ направленіи *подготовить путь* для будущаго всесторонняго изслѣдованія», стр. 6; онъ «принужденъ былъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ *ставить себѣ* болѣе или менѣе *узкія* рамки въ силу *недостаточности подготовительныхъ* работъ», стр. 6. Итакъ, авторъ подводитъ итоги библіографиче-

скихъ розысканій и пытается расширить ихъ для облегченія другимъ дальнѣйшихъ работъ.

Все это отчасти справедливо, но — лишь отчасти; и именно потому, что авторъ при наличности чужихъ подготовительныхъ работъ—не всегда ими пользуется, а свои наблюденія сообщаетъ въ слишкомъ общей, неточной формѣ, въ библіографическомъ трудѣ — недопустимой. Иначе говоря, библіографическій по преимуществу трудъ—игнорируетъ библіографію вопроса, а этого нельзя не признать немаловажнымъ недостаткомъ книги. Примѣры таковы.

На стр. 20 авторъ относитъ русскій Хронографъ къ концу XV и нач. XVI в., хотя по послѣднимъ изслѣдованіямъ акад. Шахматова (имѣющимъ, впрочемъ, десятилѣтнюю давность), Хронографъ составленъ въ 1442 г. (Сборн. отд. р. яз. и слов. Имп. Акад. Н., т. LXVI, 1899 г.), и свѣдѣнія г. Заболотскаго въ этомъ вопросѣ основаны на устарѣвшей работѣ А. Попова 1860-хъ годовъ. Кромѣ того г. Заболотскій не цитируетъ болѣе относящейся сюда работы проф. М. Н. Сперанскаго «Сербскіе Хронографы и русскіе первой редакціи» (Р. Ф. В. 1896), ни также «Дѣленіе исторіи русской литературы на періоды»—того же автора. Неизвѣстной оказалась г. Заболотскому и статья С. П. Розанова «Житіе сербскаго деспота Стефана Лазаревича и русскій Хронографъ» (Извѣстія отд. р. яз. и слов. Имп. Акад. Н. 1906, II, 62—97), написанная обстоятельно и сообщающая новые факты; ссылка на неё во 2-мъ примѣч. была бы весьма умѣстна. Въ отдѣлѣ «дополненій и поправокъ» г. Заболотскій ссылается на другую работу ак. Шахматова (стр. 411), дополняя примѣчаніе: «Пахомій Логофетъ и Хронографъ», Ж. М. Н. Пр. 1899, 200, 7,—но знаетъ объ этой статьѣ, очевидно, изъ вторыхъ рукъ, такъ какъ при непосредственномъ знакомствѣ онъ могъ бы изъ нея убѣдиться въ невѣрности указанной имъ выше эпохи составленія Хронографа. Это — вещь обязательная и для русскаго филолога и для слависта.

Нѣсколько разъ, упорно г. Заболотскій (стр. 21, 23, 27, 28) называетъ митр. Кипріана *сербомъ*. Если до 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія и можно было это говорить,—то это было простительно; но послѣ очерка арх. Леонида «Кипріанъ до восшествія на московскую митрополію» (Чт. въ Общ. Ист. и Древн. Росс., 1867 г., кн. II), прекрасно и убѣдительно доказавшаго, на какомъ основаніи подобная ошибка явилась у старыхъ русскихъ книжниковъ XV — XVI вв.; или послѣ статьи архим. Амфилохія «Что внёсъ св. Кипріанъ митрополитъ изъ своего родного нарѣчія и изъ переводовъ его времени въ наши богослужебныя книги» (Тр. III Археол. Съѣзда, т. II) — называть Кипріана

сербомъ не приходится. О томъ же г. Заболотскій могъ бы найти вполнѣ опредѣленныя указанія и въ дисс. П. А. Сырку «Время и жизнь патр. Терновскаго Евѳимія (СПб. 1898, стр. XVI), а въ дисс. А. И. Яцимирскаго «Григорій Цамблакъ» (СПб. 1904 г.) объясненъ смыслъ «сербскій» въ старой русской и румынской письменности (стр. 20—23). Словомъ, не подлежитъ сомнѣнію въ настоящее время, что Кипріанъ былъ не сербомъ, а болгариномъ. И чтобы это опровергнуть, г. Заболотскій долженъ былъ доказать несправедливость арх. Амфилохія, арх. Леонида, Сырку и Яцимирскаго. Но онъ предпочелъ итти по пути старому и заброшенному.

Скудны и случайны ссылки во 2-мъ примѣч. на 11 стр.: о Пахоміи Логофетѣ существуетъ довольно обширная литература. Необходимы были бы ссылки на работу А. Кадлубовскаго «Очерки по исторіи древнерусск. житій святыхъ» 1902 г., или ак. Шахматова «Къ вопросу о происхожд. Хронографа», 1899, чего авторъ не дѣлаетъ и въ дополненіяхъ.

На стр. 22 г. Заболотскій упоминаетъ о житіяхъ русскихъ святыхъ въ сербскихъ *прологахъ* XIII — XIV в. (на самомъ дѣлѣ восходящихъ къ болгарскимъ спискамъ, на что опредѣленно указалъ еще Востоковъ: кромѣ того, въ Рум. прологѣ нѣтъ *ни одного сербскаго* святого, а есть *болгарскіе*); — г. Заболотскій называетъ *Прологи* Румянц. Музея, но ссылается только *на одну* рукопись, очевидно, по описанію Востокова № 319 (добавимъ, опис. ея у Востокова на стр. 447—452), но не знаетъ неменѣе важныхъ открытій, напр. акад. Ламанскаго въ бѣлградской рукоп. 1340 г. (Записки Ак. Н. по 2 отд. т. VI, 108—123), А. Попова—въ Хлудовскомъ сербскомъ прологѣ XIV в. № 189 (Описаніе, стр. 378 — 380), П. Шеффера — въ Погодинской рукописи 1338 г. и др.

Списокъ старыхъ *русскихъ* произведеній, извѣстныхъ въ *сербскихъ* копіяхъ, слѣдовало бы увеличить упоминаніемъ о находкѣ «Слова Иларіона митр. Кіевскаго къ брату столпнику» въ сербскомъ спискѣ XIV—XV в.» (открытіе проф. М. Петровскаго, Извѣстія Казанск. Унив. 1865, I); Сказанія о приходѣ на Русь ап. Андрея, Житій св. кн. Ольги, св. кн. Владимира, Бориса и Глѣба въ сербской рукописи XVI в. (открытіе П. Сырку, Изв. отд. р. яз. и слов. Имп. Акад. Н. 1896, I). И на стр. 27 упоминаются далеко не всѣ извѣстные факты русскаго вліянія, точнѣе—теченія въ сербской письменности. Такъ не названъ списокъ Толковой Палеи 1633 г. Хиландарской библіотеки (Ж. М. Н. Пр. 1896, IV, отд. 2, 63), Евангельскія бесѣды 1616 г. (Изв. 2 отд. Ак. Н. 1897, III, 537), Номоканонъ XVII в. Вѣнской придв. библіотеки (Споменик Српске Академ. кн. III, стр. 205); Стословецъ Геннадія въ

серб. сборникѣ XVI в. (Яцимирскій, Изъ исторіи слав. письм. 1906, стр. LXXX—XCIII); рядъ болѣе позднихъ прологовъ съ ресавскимъ правописаніемъ, содержащихъ русскія статьи, житія и повѣсти изъ Патерика печерскаго, молитвы Кирилла Туровскаго (много рукоп. разныхъ собраній). Кромѣ того, слишкомъ неопредѣленное упоминаніе о книгѣ «Іосифа Премудраго» (стр. 27) не даетъ понятія, о чемъ именно идетъ рѣчь; и лишь ссылка въ дополненіяхъ (на стр. 412) на книгу К. Дмитріева-Петковича («Обзоръ аѳонскихъ древностей» СПБ. 1865, стр. 57) даетъ указаніе на то, что здѣсь имѣется въ виду книга Іосифа *Флавія* на Аѳонѣ; но авторъ ограничился ссылкой и не назвалъ ни Флавія, ни даты этой рукописи (1585 г.), ни Хиландарскаго мон., гдѣ она хранится, не упомянулъ, хотя бы въ ссылкѣ, «Отчета о командировкѣ заграницу» В. М. Истрина (Ж. М. Н. Пр. 1896, IV, отд. 2, стр. 65), или «Записи и натписи» Стояновича (Ч. I, № 775)—книгу, въ другихъ случаяхъ имъ цитируемую и, повидимому, достаточно знакомую.

Если авторъ въ вводной главѣ не далъ детальнаго изслѣдованія о русскомъ литературномъ вліяніи въ старину у сербовъ—и обратно, то онъ по крайней мѣрѣ долженъ былъ бы внимательнѣе остановиться на томъ, что его болѣе привлекало, но онъ и этого не сдѣлалъ. Кромѣ ссылокъ г. Заболотскаго въ примѣч. 2 на стр. 23-й и другихъ мѣстахъ, гдѣ идетъ рѣчь о сербско-русскихъ отношеніяхъ—богатый матеріалъ имѣется еще въ извѣстной книгѣ Муравьева «Сношенія Россіи съ Востокомъ по дѣламъ церковнымъ», 2 части, и въ двухъ статьяхъ г. Яцимирскаго «Русская благотворительность Сербіи въ XVI в.» и «Русская благотвор. Сербіи въ XVII в.» въ «Извѣстіяхъ слав. благотвор. общ.» 1904 г. Въ послѣднихъ статьяхъ приводится гораздо больше фактовъ, при томъ—имѣющихъ бо́льшее отношеніе къ письменности, чѣмъ сообщаемое г. Заболотскимъ,—съ бо́льшей исправностью въ передачѣ подлинныхъ выраженій текстовъ и безъ путаницы въ собственныхъ именахъ, какъ это бываетъ у г. Заболотскаго (Срв. у г. З. въ добавл. стр. 411, внизу).

Г. Заболотскій интересуясь главнымъ образомъ новымъ періодомъ сербской литературы, предпочитаетъ брать матеріалъ, касающійся старшаго періода серборусскихъ отношеній—изъ вторыхъ рукъ. Если бы онъ обратился къ источникамъ, или хотя бы къ описаніямъ рукописей, то въ любомъ, взятомъ наудачу трудѣ этого рода онъ нашелъ бы для себя не мало поучительнаго, причемъ и характеръ отношеній выяснился бы болѣе точно. Возьмемъ, напримѣръ, описаніе рукописей одной Сербской Академіи, составл. Любомиромъ Стояновичемъ: здѣсь г. Заболотскій нашелъ бы рядъ цѣнныхъ фактовъ. Вотъ что находимъ въ этой книгѣ (Каталог

рукописа и старих штампаних књига» и т. д. Беогр. 1901): стр. 34— выписка 1739 г. изъ печатной книги Уневской типографіи; стр. 38 — копія того же года одного «слова» Лазаря Барановича; стр. 45, 46, 47, 50—копія 1770 г: изъ книги «Трубы словесъ проповѣдныхъ» того же автора; стр. 84—90—копія 1736 г., копія «Меча Духовнаго» его же, 1666 г.; стр. 91—101 разныя слова І. Галятовскаго изъ «Ключа Разумѣнія» и др.; стр. 121—123, 128, 130, 133, 138, 146—155 копіи 1741, 1743 и 1745 гг. изъ сочиненій того же автора; стр. 194—выписка XVII — XVIII в. изъ твореній пр. Максима Грека; стр. 205—«Сказаніе св. ап. Өомы о панагіи», выписанное изъ «извода рушкіе земли» въ XVII в.; стр. 214—Сатиры кн. Кантемира въ копіи І. Ранча и др. (Замѣтимъ кстати, что г. Заболотскій на стр. 78 опредѣленно утверждаетъ, что «знакомства съ такими русскими дѣятелями, какъ съ Кантемиромъ.... мы у сербовъ въ XVIII в. обыкновенно не замѣчаемъ» — sic!). Подобныя приведеннымъ указанія находимъ и въ описаніи рукописей Народной Библіотеки въ Бѣлградѣ и во многихъ описаніяхъ библіотекъ русскихъ и заграничныхъ. Г. Заболотскій совершенно игнорируетъ этотъ незамѣнимый матеріалъ, лишая свои утвержденія и отрицанія надлежащаго объективнаго основанія.

Но этого мало: иногда г. Заболотскій ссылается какъ на свои источники — на рукописи, а на самомъ дѣлѣ и здѣсь беретъ изъ вторыхъ рукъ. Напр. на стр. 42 онъ приводитъ запись изъ рукописи Хиландарскаго монастыря со ссылкою на «Натписи и записи» Љ. Стојановића № 2211, причемъ повторяетъ всѣ знаки сомнѣнія (?) и дополненія ( ), внесенные издателемъ (ср. ч. II «Записей», стр. 28). Но въ слѣдующемъ же обзорѣ г. Заболотскій на той же страницѣ приводитъ запись, имѣющуюся отъ 1711 г. въ одной изъ рукописей Карловачкой церкви, безъ указанія № и уже безо всякихъ ссылокъ. Оказывается — и она напечатана у Стојановића на стр. 26 подъ № 2225 съ такой же неопредѣленной справкой: «запис у рук. горње цркве Карловачке», при чемъ у г. Заболотскаго находимъ повтореніе тѣхъ же редакторскихъ дополненій, что и у Стојановића, напр. «вазъ(д)виже», ту же интерпункцію и т. д., но безъ ссылки на Стојановића. Укажемъ попутно еще запись, о Полтавской битвѣ въ Синтагмѣ Матвѣя Властаря серб. ред., рук. Имп. Публ. библ. Погод. І, № 254, л. 258, которой не знаетъ г. Заболотскій.

Не обнаруживаетъ г. Заболотскій достаточной внимательности и при обзорѣ старопечатныхъ книгъ, что, конечно, слѣдуетъ поставить ему въ вину, какъ автору труда, по преимуществу библіографическаго. Такъ самый фактъ перевода книги Мавро Орбини (стр. 34) на русскій языкѣ и изданія ея въ 1722 г. онъ цитируетъ не по Сопикову, Ундольскому

и главное — не по Пекарскому, гдѣ даны наиболѣе точныя и обстоятельныя свѣдѣнія о книгѣ (Наука и литер. при Петрѣ В., II, № 525)— а по книгѣ Первольфа «Славяне и ихъ взаимныя отношенія» (не указ. часть или томъ!) и по Степовичу. На подлинномъ печатномъ изданіи этой книги значатся «переведена съ италіянскаго языка графомъ Владиславлевичемъ» (т. е. Саввою Владиславлевичемъ, гр. Рагузинскимъ). На стр. 62 — 63 г. Заболотскій говоритъ о перепечаткахъ русскихъ грамматикъ въ Рымницкой типографіи и знаетъ только изданія 1727 и 1755 гг., не упоминая о славянской грамматикѣ того же Анѳима Иверонула (а не Иверонулу, sic!), изданной имъ въ 1697 г. и предназначенной также для сербовъ. Заглавіе «Смотриски»—не точно, и подлинный экземпляръ г. Заболотскій могъ видѣть во время своихъ странствованій по славянскимъ землямъ,—хотя бы въ библіотекѣ Сербской Академіи (по опис. Стојановиħа № 309).

Еще одно замѣчаніе, имѣющее характеръ довольно общій, относящееся къ манерѣ «библіографическаго» обзора г. Заболотскаго. Мы видѣли, что г. Заболотскій замѣтно избѣгаетъ ссылокъ на первоисточники и охотно ссылается на работы, гдѣ приводятся или упоминаются тѣ или иные тексты; характерный примѣръ этого находимъ на стр. 24. Здѣсь вмѣсто ссылки на ст. Станојевиħа (прим. 2) лучше было бы не только сослаться здѣсь же (а не въ дополненіяхъ, стр. 412) на текстъ лѣтописи, изданной Л. Стояновичемъ въ III кн. «Споменика» Сербской Академіи, стр. 106—7 и привести и самый текстъ фразы ближе къ его изданію. Сравнимъ, а отсюда заключимъ и о пріемахъ цитаціи и о внимательности г. Заболотскаго:

Въ изд. Стојановиħа;	*Въ передачѣ г. Заболотскаго:*
По истине великаго Константина еже ваздвиже новаго и въскреси вѣнаць царски васего новаго Исраилꙗ, и поискавь древньнꙗго васего отачаскаго наслѣдиꙗ и благолепіꙗ, понеже прежде Елена царица србскаго роди цара Константина благочастиваго васем грекомь, на послѣдакь же вьтора Елена царица, велика кнегинꙗ срьбска	По истини великаго Константина, еже воздвиже новаго и въскреси вѣнаць царски васего новаго Исраилꙗ и поискавь древьнꙗго васего отачаскаго наслѣдиꙗ и благолепіꙗ, понеже прежде Елена царица, велика кнегинꙗ срьбска роди цара и великаго кнѣза Ивана Василѣевича, самодрьжьца васеи Роусіи, надежду новаго Исраилꙗ.

роди цара и вѣликаго кнеза
Ивана Василѥвича, самодрьжь-
ца васеи Роусїи, надеждоу ва-
сего новаго Исраилꙗ».

Въ цитатѣ г. Заболотскаго—или того автора, изъ котораго онъ позаимствовалъ свою цитату, въ послѣдней очевиденъ значительный пропускъ. Г. Заболотскій или сдѣлалъ его по небрежности, или намѣренно; но въ послѣднемъ случаѣ слѣдовало бы его оговорить. Тѣмъ болѣе, что цитата въ томъ видѣ, какъ даетъ ее г. Заболотскій, способна повести къ крупнымъ недоразумѣніямъ: получается смѣшеніе двухъ разныхъ царицъ съ именемъ Елены. Кромѣ того, ссылка на Стојановића сдѣланная г. Заболотскимъ въ концѣ книги (въ дополн.), взята имъ опять таки откуда то изъ вторыхъ рукъ, ибо гласитъ буквально слѣдующее: «о родственныхъ связяхъ сербскаго и русскаго царскихъ домовъ см. Љ. Стојановић» и т. д.; т. е. можно подумать, что авторъ здѣсь *добавляетъ новыя* данныя, а на дѣлѣ—это ссылка на *тотъ же текстъ*, который г. Заболотскій зналъ, какъ мы видѣли и ранѣе, но по чужимъ цитатамъ (т. е. Ст. Станојевића). Очевидно, и здѣсь онъ не потрудился провѣрить свои выписки, почему двухъ фразъ, взятыхъ будто бы изъ «сербской же упомянутой выше лѣтописи» и т. д. (стр. 24, строки 15—17 сверху)—мы такъ и не нашли въ текстѣ Љ. Стојановића, не говоря уже о томъ, что обѣ онѣ приводятся на народномъ сербскомъ языкѣ, а не на книжномъ (какъ это сдѣлано выше нами) и принадлежатъ скорѣе новому историку, чѣмъ старому лѣтописцу. На стр. 31 прим. 1 авторъ ссылается на грамоту 1688 г. Можно подумать, что онъ видѣлъ её въ подлинникѣ; но въ такомъ случаѣ — спросимъ мы — въ какомъ архивѣ находится она?

Вообще, какъ мы уже отмѣтили выше, относительно ссылокъ г. Заболотскій недостаточно точенъ: онъ цитируетъ безъ указанія страницъ книги: Ягича, Степовича, Стояновича (стр. 20), Каптерева (24), Соловьева (30), Кулаковскаго (35) и др.; такова же его цитація изданій, гдѣ гораздо труднѣе положиться на автора, зарекомендовавшаго себя небрежнымъ библіографомъ, напр.: Гласникъ (49); рѣчь Соболевскаго (21)—вышла отдѣльной брошюрой и въ книгѣ «Переводная литература Моск. Руси»: какое же изданіе цитируетъ г. Заболотскій? Такъ же цитируетъ онъ и другихъ авторовъ.

Наряду съ хорошими источниками и пособіями, какъ напр. трудъ Стояновича, г. Заболотскій ссылается на слабую, устарѣвшую и нерѣдко куріозную книгу Доброва (стр. 31, 58); на стр. 64, прим. 1—пропу-

щено имя автора: «архим. Арсеній»; тоже и на стр. 69, прим. 4— должно быть «П. О. Морозовъ».

Совершенно неизвѣстно, что разумѣетъ г. Заболотскій подъ терминомъ: «Синоксарь великій» (стр. 27), давая лишь общую ссылку на «вышеупомянутые» труды проф. Сперанскаго и А. Попова. Этотъ терминъ не принятъ въ наукѣ. Если понимать подъ нимъ «Прологъ» (въ записяхъ иногда «Синаксаръ рекше Прологъ»), то является недоумѣніе насчетъ прибавки «великій», ибо таковые — неизвѣстны и пожалуй ни одинъ изъ историковъ славянорусской литературы не смогъ бы указать такой рукописи.

То, что говоритъ г. Заболотскій о Захаріи Копыстенскомъ, Іосифѣ Волоцкомъ и Нилѣ Сорскомъ въ 4-мъ примѣчаніи на стр. 27, было бы интересно и важно, если бы приводимыя имъ свѣдѣнія не поражали своею неопредѣленностью, отсутствіемъ прямыхъ указаній или выписокъ изъ подлинныхъ произведеній, наконецъ — были бы обставлены ссылками на источники г. Заболотскаго, такъ какъ здѣсь выходитъ, будто онъ говоритъ «отъ себя». Но въ томъ видѣ, какъ предлагаются эти свѣдѣнія г. Заболотскимъ — они или сомнительны, или шатки. Напр. по изложенію г. Заболотскаго совершенно не видно, о какомъ св. Саввѣ идетъ здѣсь рѣчь. А познакомившись съ печальнымъ случаемъ другого упоминанія о св. Саввѣ на стр. 21 и стр, 411 (г. Заболотскій отожествилъ пр. Савву Освященнаго и Савву Сербскаго!) можно недовѣрять и другимъ аналогичнымъ утвержденіямъ автора. Неизвѣстно также, о какихъ мѣстахъ сочиненій Іосифа Волоцкаго и Нила Сорскаго идетъ здѣсь рѣчь—и о какихъ произведеніяхъ литературы сербской.

Конечно, продолжателемъ Кипріана «серба» Нилъ Сербскій не былъ; это утвержденіе, къ сожалѣнію не аргументированное, остается личною собственностью г. Заболотскаго. Что же до спора о церковныхъ имуществахъ, то онъ — болѣе старъ, чѣмъ думаетъ авторъ. Кромѣ того — порядокъ этихъ трехъ лицъ оба раза у г. Заболотскаго — случайный и противорѣчитъ хронологіи: XVI в. слѣдуетъ за XV-мъ.

Мною разобраны съ точки зрѣнія библіографической точности и полноты лишь первыя страницы книги г. Заболотскаго, болѣе доступныя моему сужденію и оцѣнкѣ, какъ русскаго филолога. Но уже по этому началу можемъ съ достаточнымъ основаніемъ предполагать о качествѣ дальнѣйшей части труда г. Заболотскаго.

На стр. 90, пытаясь подчеркнуть достоинство своего труда, г. Заболотскій совершенно неосновательно утверждаетъ, что «къ сожалѣнію вопросъ о роли русскихъ календарей-альманаховъ въ русской жизни (литературѣ?) до сихъ поръ не нашелъ еще своего изслѣдователя»...

(прим. 1). Но г. Заболотскій забываетъ о богатомъ собраніи матеріала и изслѣдованія Д. А. Ровинскаго, отчасти о старыхъ статьяхъ Керенскаго и отчасти—пишущаго эти строки.

На стр. 105 и 123 г. Заболотскій говоритъ о «Забавникѣ» Давидовича, противорѣча самому себѣ: сначала, что его вышло 6 книгъ (1815 — 1821), позже — снова, неясно, объ изданіи его въ 1834, 1835 и 1836 годахъ. Проще было бы дать точную справку: «Забавник» Дим. Давидовића, соучредникомъ Новина сербскихъ сачинѣн (1816 — сачинѣнъ, 1821 — саставлѣнъ, 1833 — «Сачинѣніе Д. Давидовића») за годину 1815 (у Віенни), 1816 (у Віенни), 1818 (у Будимѣ) и 1819, 1820 и 1821 — (у Віенни), 1833 (у Београду) — изданіе неизвѣстное г. Заболотскому, 1834 — 1835 у Крагуевцу и 1836 (безъ имени) у Београду. Итого не шесть книжекъ, а гораздо болѣе, съ обозначеніемъ мѣста выхода въ свѣтъ. Видѣлъ ли въ натурѣ г. Заболотскій весь «Забавник»?

На стр. 147 г. Заболотскій называетъ «выходившій съ 1839 — 1844 г. въ Бѣлградѣ альманахъ Возаровича «Голубица» — точнѣе: «Голубица съ цветомъ књижества србског» изд. Григ. Возаровићем, 1839—1844 г. I—V у Беогр.; V-й вып. 1843—44 г.

Говоря на стр. 157 объ альманахѣ «Србски родолюбац» 1832 г., слѣдуетъ указать и его второе заглавіе «Der serbische Patriot» и цифру «I», указывающую на намѣреніе издателей не ограничиться однимъ выпускомъ. Тамъ же г. Заболотскій упоминаетъ объ альманахѣ «Српска Зора» *ур.* С. Јовић Бећ, 1836: видѣлъ ли авторъ эту книгу? точное ея заглавіе таково: «Зора српска» Забавникъ за годину 1836 (и *1837*), година 1 (и 2), *издао* (а не *уредио*) Спиридонъ Јовић (въ 1837 г.— «*издао* Глигоріе Груић) у Бечу, 120. Надо добавить еще: *съ картинками*.

На невольныя размышленія о сомнительной тщательности библіографическихъ изысканій г. Заболотскаго наводитъ и такой случай: г. Заболотскій неоднократно говоритъ о Терланчѣ, но при характеристикѣ «Летоп. Матице Српске» — ни разу не упоминаетъ о немъ, игнорируя его стихотворное описаніе зимы 1799 г. (Летоп. XI, 144) и особенно типичное для характеристики вліянія русскаго (или нѣмецкаго?) сентиментализма письмо Терланча о путешествіи изъ Кіева въ Москву (Летоп. LXV, 137—141).

Не будемъ продолжать повѣрки библіографіи г. Заболотскаго. Объ этой сторонѣ его книги уже достаточно опредѣленно высказался проф. Н. М. Петровскій (Ж. М. Н. Пр. 1909, II), выскажутся и другіе славısты. Обратимся теперь къ пріемамъ изслѣдованія г. Заболотскаго,

методамъ его работы, а въ частности остановимъ наше вниманіе на его отношеніи къ матеріалу, отличающемся некритичностью; отмѣтимъ во многихъ случаяхъ отсутствіе необходимыхъ доказательствъ и уклоненіе—почти постоянное—отъ обязательнаго въ работѣ историко-литературнаго анализа фактовъ.

Для иллюстраціи перваго положенія коснемся слѣдующаго обстоятельства. Говоря о приходѣ на Русь переводныхъ памятниковъ на церковно-славянскомъ языкѣ отъ южныхъ славянъ, г. Заболотскій высказываетъ такую смѣлую, нелишенную самоувѣренности и вмѣстѣ съ тѣмъ наивности мысль: «строго разграничить, что̀ именно относится на долю болгарскаго, и что на долю сербскаго посредства въ эти начальные вѣка письменности и христіанской культуры у славянъ (,) *нѣтъ возможности* (,) и *нѣтъ надобности* (sic), такъ какъ орудіемъ этой православной славянской письменности является *одинъ и тотъ же языкъ*, а идейное содержаніе ея, какъ было отмѣчено (?) не носитъ мѣстнаго болгарскаго или сербскаго колорита» (стр. 19). Славистъ, да еще въ трудѣ, претендующемъ на нѣкоторое научное значеніе—не долженъ былъ бы такъ говорить: нельзя сказать «*нѣтъ возможности*», ибо и «при одномъ и томъ же языкѣ» мѣстныя черты южнославянскихъ оригиналовъ—не только въ правописаніи, но даже въ графическихъ пріемахъ всегда чѣмъ нибудь да проявятся даже въ русскихъ копіяхъ (и наоборотъ) при всей опытности переписчика; но, конечно, для того, чтобы «строго разграничить» тѣ или иные слѣды сербскаго или болгарскаго оригинала, надо знать *языкъ*, ороографическія школы и славянорусскую палеографію. Не только въ памятникахъ литературныхъ, но и въ книгахъ Св. Писанія, которыя «въ идейномъ содержаніи».... «не носятъ мѣстнаго колорита», списанныхъ русскими писцами съ югославянскихъ оригиналовъ (и наоборотъ) очень нетрудно узнать оригиналъ; это касается какъ древнихъ списковъ, въ родѣ Остром. Ев., такъ и болѣе позднихъ, какъ напр. многочисленныхъ украинскихъ рукописей XV—XVII в., восходящихъ частью къ болгаро-молдавскимъ, частью къ московскимъ. О богослужебныхъ книгахъ въ томъ же отношеніи можно судить, кромѣ языка и ороографіи, еще и по составу ихъ; также и по мѣсяцесловамъ при Евангеліяхъ, Апостолахъ, Уставахъ церковныхъ и пр.

Что же касается второго утвержденія, что де и «*нѣтъ надобности*» различать сербское и болгарское посредство—то это равносильно отрицанію необходимости отдѣлять древніе русскіе переводы отъ югославянскихъ; иными словами—авторъ вычеркиваетъ изъ исторіи древней русской литературы цѣлый отдѣлъ—первые опыты переводовъ съ греческаго, совершенные на русской почвѣ. А какъ извѣстно, даже лучшіе

учебники исторіи русской литературы не обходятъ молчаніемъ этотъ вопросъ, научное значеніе котораго слишкомъ ясно и должно быть равно близко и понятно и русскому филологу и славису. Мало того: г. Заболотскій, упраздняя надобность разграниченія литературной дѣятельности разныхъ вѣтвей славянства въ древности, рискуетъ упразднить и смыслъ своей собственной работы, ибо вопросъ о взаимодѣйствіи славянскихъ литературъ безъ изученія древняго періода этихъ взаимодѣйствій лишится исторической перспективы — и научнаго освѣщенія. Поэтому въ утвержденіяхъ, подобныхъ разобранному мы видимъ значительную долю необдуманности и непозволительной для ученаго неосторожности.

Остановимся на случаяхъ проявленной г. Заболотскимъ некритичности и голословности утвержденій.

На стр. 27—39 г. Заболотскій цитируетъ «Чубра Чайковича»,— не подозрѣвая, что это псевдонимъ С. Милутиновича Сарайліи, о которомъ рѣчь особо. Любопытно то главнымъ образомъ, что г. Заболотскій цитируетъ пѣсни Чубра-Сарайліи *какъ народныя*, не подозрѣвая, повидимому, ихъ достовѣрности, давно, чуть ли еше не Вукомъ Караджичемъ оспоренной и позже подвергнутой въ 80-хъ годахъ критикѣ арх. И. Руварцемъ.

Цитируемыя на стр. 99—101 Записи изъ экземляра Орфелинова Календаря Бѣлградской библіотеки несомнѣнно указываютъ на наличность интереса къ Россіи у владѣльца даннаго экземпляра, но дѣлать отсюда *общій* выводъ о роли «русской струи» — считаемъ рискованнымъ; тѣмъ болѣе, что на стр. 101 самъ авторъ, г. Заболотскій, замѣчаетъ, что эти записи — извлеченія изъ нѣмецкихъ газетъ; мало того, «типично, что и самый то языкъ записей, за немногими исключеніями, нѣмецкій».... При чемъ же тутъ «русская струя»?

Иногда вмѣсто доказательствъ авторъ просто утверждаетъ, полагая, что ему повѣрятъ на слово.

Напримѣръ, на стр. 43—44, говоря о пѣснѣ изъ сборника Милослављевића, г. Заболотскій, оговариваясь, что она «не можетъ быть причислена къ разряду чисто народныхъ(?)»—все же, прежде чѣмъ попала въ сборникъ Милослављевића — повторялась народомъ. Но гдѣ же доказательства этого?

Говоря на стр. 79, что «Житіе и дѣла Петра В.» (чьего сочиненія? такихъ житій—не одно!), явившееся въ половинѣ XVIII в., носитъ слѣды вліянія не только Бюшинга, Силбера, Сталенберга и т. д., но и слѣды вліянія историческихъ трудовъ Ломоносова, Шафирова, Манкіева, Щербатова (sic) — г. Заболотскій этого всего не доказываетъ, но и не ссылается на источникъ, изъ котораго онъ почерпнулъ такое утвержденіе.

На стр. 119 г. Заболотскій утверждаетъ также категорично, что русскій литературный споръ шишковистовъ съ карамзинистами «не былъ неизвѣстенъ Вуку». Это — возможно; но требуетъ фактическихъ доказательствъ или ссылки на доказательства, приведенныя другими.

Также и на стр. 183 авторъ предпочитаетъ утверждать, а не доказывать: въ разговорѣ Потемкина съ Харономъ, по его замѣчанію: «смѣсь ложноклассической высокопарности и напыщенности съ сентиментальной слезливостью является одною изъ чертъ «Разговора»; возможно, что это и справедливо, но все же слѣдовало бы доказать приведеніемъ соотвѣтствующихъ аргументовъ (если, конечно, этотъ разговоръ былъ въ рукахъ г. Заболотскаго); иначе — приходится вѣрить на слово автору.

На стр. 193, силясь уловить «русскую струю», г. Заболотскій увѣряетъ, что почерпаемые сербами изъ нѣмецкаго источника матеріалы — первоначально русскаго происхожденія; но доказательствъ этого не приводитъ, ограничиваясь голымъ утвержденіемъ.

На стр. 258 г. Заболотскій утверждаетъ, что «внимательное разсмотрѣніе» статей альманаха «Подунавка» обнаруживаетъ большой шагъ впередъ въ смыслѣ сближенія книжнаго языка съ народной сербской стихіей; мы охотно вѣримъ этому, но лучше было бы, если бы авторъ, перебравшій массу журналовъ и альманаховъ, привелъ соотвѣтствующіе факты и сопоставленія.

Характерно и такое мѣсто въ книгѣ г. Заболотскаго: на стр. 254, указавъ въ «Подунавки» лишь «*малозначущее*» замѣчаніе о *двухъ* русскихъ писателяхъ, на стр. 257 г. Заболотскій уже заключаетъ, что сотрудники «Подунавки» обнаруживаютъ непосредственное знакомство съ русскими литературными произведеніями; но куріозъ вывода не въ этомъ заключеніи отъ двухъ случаевъ къ общему, а въ томъ, что эти «произведенія» не литературнаго характера, а лишь полемическаго и касаются спора о переводѣ Вукомъ и Стойковичемъ св. Писанія на сербскій языкъ.

На стр. 97 г. Заболотскій говоритъ, что языкъ отрывка изъ календаря Орфелина указываетъ, что источникъ его — русскій, но какой? Этого г. Заболотскій не сообщаетъ, ниже старается доказать. Догадываемся, не изъ русскихъ ли сатирическихъ журналовъ сдѣлано это заимствованіе?

Отъ своей прямой задачи — опредѣленія русскаго литературнаго вліянія въ сербской литературѣ г. Заболотскій постоянно уклоняется, избѣгая пускаться въ сравнительный анализъ.

Такъ, не разъ онъ говоритъ о трагедокомедiяхъ Козачинскаго и Раича (стр. 67 — 68, 49 и др.): естественно возникаетъ вопросъ, — чѣмъ же собственно обязанъ Раичъ Козачинскому и украинской драматической литературѣ вообще? Но авторъ не даетъ сравнительнаго изслѣдованiя, отдѣлываясь повторенiемъ одного и того же утвержденiя.

На стр. 94 и слѣд. (особ. стр. 102) г. Заболотскiй говоритъ о сербскихъ календаряхъ съ прогностиками, отмѣчая въ одномъ, 1804 г., псальму св. Димитрiя Ростовскаго, но игнорируетъ изслѣдованiе связи этихъ прогностиковъ съ календарной литературой польской и русской (я уже, конечно, — прежде всего съ нѣмецкой) XVIII в. Вообще г. Заболотскiй, говоря о календаряхъ, предпочитаетъ чисто внѣшнее описанiе и пересказъ содержанiя. А между тѣмъ изслѣдованiе здѣсь было бы тѣмъ болѣе необходимо, что, по утвержденiю г. Заболотскаго, по образцу Орфелинова и Каулицiева календаря составлялись календари позднѣйшаго времени (см. стр. 103).

На стр. 111—113 авторъ опять лишь сообщаетъ содержанiе «Талiи» 1829 г. изд. Iулiанiи Радивоевички, намекаетъ на влiянiе кн. Дашковой и Ел. Кульманъ на издательницу, но этихъ вопросовъ не изслѣдуетъ, ограничиваясь предположенiемъ, что издательница была кромѣ собственно нѣмецкаго влiянiя также и подъ влiянiемъ названныхъ русскихъ писательницъ, изъ которыхъ вторая принадлежала къ старой, классической школѣ.

На стр. 104 авторъ лишь высказываетъ догадки о происхожденiи «Повѣсти о Савки и Кати», но не изслѣдуетъ вопроса. Если эта повѣсть не имѣетъ отношенiя къ русской литературѣ, то къ чему и упоминать о ней въ книгѣ, посвященной опредѣленiю русскаго литературнаго влiянiя на сербскую литературу? Если же повѣсть обязана возникновенiемъ русскому влiянiю — необходимо выяснить, въ чемъ оно сказалось и т. д. Tertium non datur.

На стр. 144 г. Заболотскiй, указавъ на то, что составители «Сербской Пчелы» 1830 — 1840-хъ гг. упоминаютъ только о старыхъ русскихъ писателяхъ XVIII в. — этимъ и ограничивается. Для историковъ литературы этого мало, чтобы констатировать «русское *влiянiе*»: имъ важно не только то, что названные писатели *упоминаются*, а важно то, *не повлiяли ли* Ломоносовъ, Державинъ и др. на сербскую литературу, и если да, то *въ чемъ* собственно и въ какой мѣрѣ сказалось это влiянiе. Изъ одного факта «упоминанiя» — нельзя дѣлать выводовъ о «влiянiи» да еще и «значительнымъ».... Все это требуетъ анализа болѣе глубокаго, чѣмъ поверхностные пересказы г. Заболотскаго. На слѣдую-

щей 145 стр. говорится о плагіатахъ изъ Державина, но въ чемъ они выразились — такъ и остается неизвѣстнымъ.

Къ той же категоріи своеобразныхъ научныхъ пріемовъ автора относится игнорированіе имъ анализа стихотвореній Л. Мушицкаго; одни утвержденія о подражаніи его Ломоносову — мало проливаютъ свѣта на процессъ заимствованія и претворенія сербами русскаго литературнаго матеріала.

На стр. 173 г. Заболотскій сообщаетъ о нѣкоторыхъ сочиненіяхъ Ѳеоф. Прокоповича, помѣщенныхъ съ нѣкоторыми измѣненіями въ языкѣ—въ «Славяно-Сербскомъ Магазинѣ» (1768 г.?). Фактъ интересный для исторіи сочиненій Прокоповича; но можно ли на основаніи этого факта говорить о *вліяніи* русской литературы на сербскую? Къ тому же авторъ, какъ и обычно, не задаетъ даже себѣ вопроса о томъ, *въ чемъ же* конкретно сказалось это вліяніе Прокоповича на сербскую литературу.

На стр. 357 авторъ называетъ въ числѣ своихъ матеріаловъ дневникъ путешествія Ненадовича (1849 г.) въ Россію (Рукоп. Бѣлгр. библіот.), «гдѣ оно и было нами изслѣдовано» (sic), а далѣе (стр. 361—362) это изслѣдованіе сводится къ $18^1|_2$ строчкамъ самаго общаго характера, при чемъ о литературной сторонѣ этого «Путешествія» не говорится ни слова.

При такомъ способѣ «изслѣдованія», — при небрежности автора, какъ библіографа — не удивительны грубыя ошибки, которыя онъ порою допускаетъ въ своей книгѣ. Думаю, что спеціалистъ-славистъ укажетъ ихъ немало; ниже отмѣчу только то, что бросилось мнѣ въ глаза.

На стр. 20 авторъ труда по славистикѣ, видимо много путешествовавшій по славянскому югу, считаетъ и Хиландаръ и *Манассію*—аѳонскими монастырями. Это крупная ошибка: монастырь Манассія или Ресавскій, «задужбина» деспота Стефана Высокаго, находится на р. Ресавѣ, около горы Матіе, въ нынѣшнемъ королевствѣ Сербіи и основанъ въ 1407 г.; въ нач. XV в. въ немъ совершилась реформа правописанія, о чемъ хорошо извѣстно славистамъ изъ трактата о письменахъ Константина Костенчскаго. Поэтому переносить его на Аѳонъ — дѣло рискованное. Кромѣ того, значеніе Манассіи, упомянутаго наряду съ Хиландаремъ изъ всѣхъ сербскихъ монастырей — преувеличено: въ исторіи *литературы* сербской (а не правописанія) онъ не играетъ замѣтной роли, и въ «Записах и натписах» Стояновича г. Заболотскій нашелъ бы вполнѣ вѣрныя свѣдѣнія о болѣе значительныхъ для литературы сербскихъ монастыряхъ (хотя бы — по указателю!). Но почему то нашъ авторъ, до-

вольно часто цитирующій книгу Стояновича, этого въ данномъ случаѣ сдѣлать не догадался.

На стр. 66 г. Заболотскій пишетъ: «Силлабическое стихотвореніе, основанное на навѣянныхъ греческой версификаціей рецептахъ *Л.* Зизанія и М. Смотрицкаго»... и обнаруживаетъ солидную неосвѣдомленность: Зизаній и Смотрицкій дѣйствительно шли за метрикой греческихъ грамматиковъ, хотя и понятой узко и неправильно,—но чтобы на *ихъ* теоріи было основано силлабическое стихосложеніе—это уже открытіе всецѣло принадлежащее г. Заболотскому...

Столь же справедливо замѣчаніе г. Заболотскаго о «неглубокихъ корняхъ», которые пустила силлабическая метрика въ русской литературѣ XVII—XVIII вв. (стр. 67): силлабическимъ стихомъ пишутъ около двухсотъ лѣтъ, а украинская народная пѣсня, кромѣ думъ,—вся перестроилась по принципу силлабическаго стиха.

На стр. 209 авторъ упорно зачисляетъ «Козацкую пѣсню» Тимка Падурры, польскаго украинофила первой половины XIX ст., въ числѣ «образцовъ русскаго народнаго творчества» наряду съ пословицами, сказками. Неужели молодой славистъ ничего не слышалъ о Падуррѣ?

На стр. 313 г. Заболотскій считаетъ форму діалога въ «Плачѣ Сербіи» оригинальной: онъ ошибается: діалогическая форма, какъ и форма «плача» — очень стара въ украинской литературѣ, она употребительна еще съ нач. XVII в. И употребленіе діалогической формы въ Сербіи—не новинка, а можетъ быть откликъ еще той эпохи, когда дѣйствовали въ сербской школѣ Козачинскій и другіе выходцы изъ Украины.

Касаясь попутно на стр. 25 легенды о 3-мъ Римѣ, авторъ долженъ былъ бы знать о югославянскомъ происхожденіи этой легенды, и стало быть въ Сербію она могла попасть и помимо русскихъ источниковъ.

Еще нѣсколько мелкихъ замѣчаній.

Для рѣшенія вопроса о русскомъ вліяніи въ сербской литературѣ важны не только книги, пожертвованныя московскими царями; нужно было бы обозрѣть вообще, *какія* русскія книги были въ оборотѣ у сербовъ.

Говоря пространно о пожертвованіяхъ книгами, шедшихъ изъ Россіи (стр. 25 — 29 и др.), авторъ ничего не говоритъ о самомъ естественномъ пути проникновенія русской книги въ Сербію — о торговлѣ (кромѣ малозначущаго прим. на стр. 96). Впрочемъ, объ этомъ подробно сказано въ рецензіи проф. Петровскаго.

Два слова о планѣ работы. Свой матеріалъ г. Заболотскій располагаетъ не строго хронологически, но и не по господствующимъ литературнымъ направленіямъ, и не строго территоріально, а *по видамъ* ли-

тературныхъ изданій: сначала обозрѣваетъ календари, затѣмъ альманахи, далѣе журналы и газеты и наконецъ отдѣльныя изданія. Вслѣдствіе этого о нѣкоторыхъ писателяхъ приходится читать въ двухъ, а то и въ трехъ и болѣе мѣстахъ. Встрѣчаются повторенія и другого рода: такъ о впечатлѣніи, вызванномъ среди сербовъ бракосочетаніемъ русской великой княжны съ венгерскимъ палатиномъ читаемъ дважды, въ началѣ и въ концѣ книги (стр. 316), и совершенно безъ пользы для уясненія вопроса о русскомъ литературномъ вліяніи.

Не останавливаемся болѣе на отдѣльныхъ мѣстахъ книги г. Заболотскаго. Резюмируемъ общее впечатлѣніе.

Основнымъ дефектомъ книги является то обстоятельство, что авторъ самъ себѣ не выяснилъ съ достаточною ясностью своей задачи и того, что онъ, окрестивъ «русскою струею», началъ изучать. Замѣтимъ, въ книгѣ, обширной, обильной всякаго рода фактическимъ матеріаломъ — нѣтъ элементовъ того, что называется *изслѣдованіемъ;* работа автора состояла лишь въ томъ, что онъ имѣя хорошихъ предшественниковъ—въ лицѣ Andrić'а, Остојића, Ђурковича, Вукићевића, Радченка, Пл. Кулаковскаго и др., а также и слабыхъ въ родѣ пресловутаго J. Первольфа и т. п.—пересказалъ главнымъ образомъ тотъ печатный матеріалъ, который нашелъ въ сербскихъ повременныхъ изданіяхъ, а также въ произведеніяхъ сербскихъ писателей, появившихся отдѣльно—который такъ или иначе касается Россіи и русскихъ: администраторовъ, царствующихъ особъ, военныхъ чиновниковъ и писателей. Авторъ предлагаетъ, какъ выше отмѣчено, массу фактовъ, дорожитъ каждою подробностью, какъ бы боясь упустить даже мелочь, и въ результатѣ получается какъ будто внушительная картина русскаго вліянія въ сербской литературѣ и журналистикѣ опредѣленнаго періода; но эта внушительность, такъ сказать, количественная, а не качественная. Она рисуется не на сравнительномъ фонѣ, рядомъ съ нѣмецкимъ и инославянскимъ вліяніемъ. Затѣмъ, авторъ уклоняется отъ анализа явленій, но вмѣстѣ съ тѣмъ оказывается неспособнымъ и къ синтезу тѣхъ данныхъ, которыми располагаетъ, не обладая одною руководящею, объединяющею идеей изслѣдованія, мѣшая явленія литературныя — съ явленіями жизни. На всемъ трудѣ г. Заболотскаго лежитъ печать компилятивности; вся книга — просто цѣпь такихъ же обзоровъ новыхъ славянскихъ книгъ съ русскими сюжетами или переводовъ съ русскаго, о которыхъ г. Заболотскій не разъ уже писалъ въ русскихъ журналахъ рецензіи, имѣя въ виду главнымъ образомъ современныя намъ югославянскія литературы и широкій кругъ читателей— не спеціалистовъ. Но что порою интересно и даже цѣнно въ журнальныхъ замѣткахъ, то не всегда похвально въ диссертаціи, претендующей

на извѣстное научное значеніе. Если даже для исторіи сербской журналистики извлеченія г. Заболотскаго изъ старыхъ журналовъ и могутъ представлять нѣкоторый интересъ, то въ исторіи русской литературы они могутъ занять лишь очень скромное мѣсто. Оригинальнаго, органически новаго—книга не даетъ, такъ какъ и безъ нея можно было предполагать, что въ извѣстный періодъ «русская струя» существовала въ сербской литературѣ—и мысль эта высказывалась не разъ. Кромѣ того при самомъ внимательномъ чтеніи книги не видно, чтобы *русское вліяніе* было въ Сербіи такимъ же по глубинѣ и значенію, какъ напр. южно-славянское въ древнерусской, нѣмецкое — въ чешской, французское—въ русской XVIII в. и т. п. Судя, по крайней мѣрѣ, по матеріаламъ, собраннымъ г. Заболотскимъ, русская струя была всетаки случайна и въ литературномъ отношеніи неглубока. Авторъ пришелъ къ противуположнымъ результатамъ; но мы уже знаемъ достоинства пріемовъ его работы. Если мы добавимъ сюда еще крайнюю библіографическую неряшливость, неудобную даже въ книгѣ научно-популярной и въ публицистикѣ, гдѣ не гонятся за точностью цитаціи; если учтемъ неосвѣдомленность автора въ библіографіи своего предмета и смежныхъ областей, —его некритичность въ пользованіи матеріаломъ, методологическія ошибки, отсутствіе изслѣдованія и уклоненія отъ анализа фактовъ, нуждающихся въ анализѣ, зыбкость утвержденій, а порою и грубыя для слависта ошибки, то придемъ къ печальному выводу, что книга г. Заболотскаго, не смотря на его оговорки и ссылки на трудность разработки темы (мы видѣли уже, что авторъ имѣлъ предшественниковъ)— все же не является научнымъ трудомъ, обнаруживающимъ серіозную научную подготовку автора, то, что называется «школу». Въ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ, по нашему мнѣнію, и лежитъ причина неудовлетворительности книги г. Заболотскаго, для публики — мало интересной, для спеціалистовъ по славистикѣ — мало дающей новаго и въ отношеніи матеріала, — и въ выводахъ, вытекающихъ изъ неумѣлой обработки его.

В. Перетцъ.

ОБОЗРѢНІЕ ТРУДОВЪ ПО СЛАВЯНОВѢДѢНІЮ,

составляемое В. Н. Бенешевичемъ, Вс. И. Срезневскимъ, М. Р. Фасмеромъ и А. А. Шахматовымъ

под редакціей В. Н. Бенешевича.

1908—1909 г. **Выпускъ IV** (до 31 декабря 1909 г.)

Ближайшая цѣль обозрѣнія—указать по возможности: 1) всѣ труды, посвященные научной разработкѣ языка, исторіи и литературы славянскихъ народовъ за древнѣйшій періодъ ихъ существованія, 2) всѣ труды русскихъ ученыхъ въ области славяновѣдѣнія и 3) всѣ труды, посвященные изученію русскаго языка и русской литературы и исторіи. Всякаго рода указанія, выходящія за эти рамки, будутъ носить пока болѣе или менѣе случайный характеръ вслѣдствіе ограниченности силъ и трудности получать своевременно всѣ нужные журналы и вновь появляющіяся книги; по тѣмъ же причинамъ и полнота обозрѣнія лишь со временемъ будетъ доведена до удовлетворительнаго состоянія. Пришлось взять литературу съ 1908 года (а кое-гдѣ и за болѣе ранніе годы) для того, чтобы не разрывать слишкомъ насильственно преемственную связь работы 1909 года съ ближайшимъ прошлымъ. Выпуски обозрѣнія будутъ появляться при каждой книжкѣ Извѣстій.

Д = Дело, лист за наука, књижевност и друштвени живот. Београд

ЗОИФП = Записки Общества Исторіи Филологіи и Права при Имп. Варшавск. университетѣ.

СлГ=Славянски Глас. София.

СЕЗб = Српски Етнографски Зборник, Београд Акад.

СКГ=Српски књижевни гласник.

УчПр = Училищенъ Прѣгледъ.

ANF = Arkiv för Nordisk Filologi, utgivet... genom A. Kock. Lund.

Anthr = Anthropos.

AP = Ateneum Polskie.

BSL = Bulletin de la Société de linguistique de Paris.

ČL = Český Lid.

ČMS = Časopis Maćicy Serbskeje. Red. E. Muka. Budyšin.

ČZN = Časopis za zgodovino in narodopisje. Maribor.

DE = Deutsche Erde. Zeitschrift für Deutschkunde, hgb. von P. Langhans. Gotha, Perthes.

DS = Dom in Svet. Ljubljana.
Gryf = Gryf. Pismo dla spraw kaszubskich.
IMK = Izvestja muzejskega društva za Kranjsko.
Książka = Książka. Miesięcznik poświęcony krytyce i bibliografji polskiej.
Ljet = Ljetopis jugoslavenske akademije.
LZ = Ljubljanski Zvon. Mesečnik za književnost in prosveto.
MatJęz = Materjały i Prace Kom. Jęz. Akad. Umiejętn. w Krakowie.
MVGD = Mitteilungen des Vereins für Geschichte der Deutschen in Böhmen.
NastV = Nastavni Vjesnik. List za srednje škole. Zagreb.
ND = Naše Doba.
NJkA = Neue Jahrbücher für das klassische Altertum, Geschichte und deutsche Philologie und Pädagogik.
NS = Nord und Süd, vereint mit Morgen.
NTF = Nordisk Tidskrift for Filologi.
PF = Prace Filologiczne.
PgP = Przegląd Powszechny.
PorJęz = Poradnik językowy. Miesęcznik poświęcony poprawności języka polskiego, wydawany pod red. R. Zawilińskiego. Tarnów i Kraków.
S = Slowan.
SSł = Swiat Słowiański.
Třída = Sitzungsberichte der kgl. böhmischen Gesellschaft der Wissenschaften. Klasse für Philosophie, Geschichte und Philologie.
UR = Ukrainische Rundschau.
VČSN = Věstnik král. společnosti náuk.
Wych = Wychowanie w domu i szkola.
ZbMSl = Zbornik. Na svetlo izd. Matica slovenska v Ljubljani.
ZbNŽ = Zbornik za narodni život i običaje južnih Slavena. Urednik D. Boranić. Zagreb, Akad.
ZGw = Zeitschrift für das Gymnasialwesen.
ZrPh = Zeitschrift für romanische Philologie.

I. Языкознаніе.

А. Отдѣлъ обще-славянскій.

Бобчевъ, Н. Общеславянски езикъ. (СлГ, 1908, II).

Намъ недоступно: смотр. РодНапр, 1908, V, 261.

Asbóth, O. Negaciou vyjadrené porovnanie v slovenskom jazyku. (SlP, 1908, XXVIII, 55—57).

Berneker, E. Slavisches Etymol. Wb. Lief. 1—3 (*выше I, 319, II, 356, III, 319*). Реценз.: **R. Gauthiot** (BSL, 1909, LVII, 158—164); **A. Meillet** (RczSł, 1909, II, 57—70); **J. Rozwadowski** (RczSł, 1909, II, 71—111); **М. Арнаудовъ** (СлГ, 1909, VII, 132—135); **V. Jagić**, (AslPh, 1909, XXX, 453—459).

Blankenstein, M. Etymologien. (IF, 1908, XXIII, 131—135).

čech. jikati «Stotterei», klr. zaika serb. ikavka «Rülps» (p. 133). —aksl. тлъкъ «interpretatio» etc. (p. 134).

Hošek, Ign. Grammatik der neuslavischen Sprache. Kremsier, 1907. 8°. 131.

Грамматика общеславянскаго искусственнаго языка: см. **K. Nitsch** (RczSł, 1909, II, 215).

Hujer, O. Príspěvky grammatické a etymologické. (LF, 1908, XXXV, 214—222).

Janko, J. O stycích starých Slovanů s Turkotatary a Germány s hlediska jazykozpytného. (VČAk, 1908, XVII, 2, 100—131; 3, 139—192). (*выше II, 356*). Реценз.: **O. Hujer** (NarV, 1908, III, 207—212; SlPř, 1908, X, 455—459); **J. Zubatý** (ČČH, 1908, XIV, 326—329).

Krumbacher, K. Der Kulturwert des Slawischen und die slawische Philologie in Deutschland (=отд. отт. изъ Internationale Wochenschrift für Wissenchaft, Kunst und Technik, Berlin 1908).

Kryński, A. Języki słowiańskie, ich rozwój i stosunki wzajemne. Wykład wstępny w Uniwersytecie lwowskim dnia 7-go maja 1908. Lwow. 1908. 8°. 16. (=AP, 1908, III, 1—14). Реценз.: **S. Matusiak** (Lud, 1909, XV, 152—153).

Melich, János. Szláv jövevényszavaink eredetéről. (Nyelvtudam. Közlem, 1909, XXXIX, 1—74).

Mikkola, J. Zwei slavische Etymologien. (IF, 1909, XXVI, 295—296).

1) altruss. obьža. 2) въшь «Laus».

Nitsch, K. Langues slaves occidentales dans le XX siècle, Paris. 1908. 8°. 19, (=L'année linguistique, 1907—1908, III, 23—39).

v. d. Osten-Sacken, W. Zur Entwicklungsgeschichte der Nomina auf slavisch -ьba, litauisch -ýbas, -ýba, ýbe, lettisch -iba. (IF, 1909, XXVI, 307—325).

Pedersen, H. Zum slavischen z. (IF, 1909, XXVI, 292—294).

—Rocznik Sławistyczny, t. I, 1908. Kraków, Gebethner, IV + 324. Реценз.: **A. Brückner**, (Książka, 1909, IX, 475); **А. Яцимирскій** (Изв, XIV/$_3$, 313—317); **T. Benni** (Wych, 1909, VII, 720—722).

Rozwadowski J. Z fonetyki proklityk, zwłaszcza prepozycji w językach słowiańskich. (SprAkKr, 1908, XIII, 3, 3).

Vondrák, W. Vergleichende slavische Grammatik II (*выше I, 322*). Реценз.: **J. Zubatý** (RczSł, 1909, II. 1—22); **V. Flajšhans** (ČMKČ, 1908, LXXXII, 382—384).

Zubatý, J. O jistém způsobu užívání zájmen *an* a *on* a o jeho původě. (LF, 1909, XXXVI, 25—34, 106—117, 230—240, 334—352).

Б. Старо-славянскій языкъ.

Ильинскій, Г. А. Македонскій глаголическій листокъ. Отрывокъ глаголическаго текста Ефрема Сирина XI вѣка. СПБ, 1909. Изданіе отдѣленія русскаго языка и словесности Имп. Академіи Наукъ, 8°. 32; съ приложеніемъ 2 фотографическихъ снимковъ (= Памятники Старославянскаго Языка, томъ I, вып. 6).

Младеновъ, Ст. Старитѣ германски елементи въ славянскитѣ езици. София, Анастасовъ, 1908. 8°. 52. Реценз.: **М. Арнаудовъ** (СлГ, 1909, VII, 132—135).

Фасмеръ, М. Греко-славянскіе этюды. II. (*выше I, 323*). Реценз.: **Г. А. Ильинскій** (ЗХУ, 1909, IV, 1—3).

Щепкинъ, В. Болонская псалтырь. Реценз.: **A. Meillet** (BSL, 1907, LVI, 261—262).

Boháč, A. Vliv románštiny na slovanskou terminologii církevní (LF, 1908, XXXV, 369—374, 432—444).

Grünenthal, O. Die Übersetzungstechnik der altkirchenslavischen Evangelienübersetzung (AslPh, 1910, XXXI, 321—367).

Jagić, V. Psalterium Bononiense. Реценз.: **W. Vondrák** (GGA, 1909, CLXXI, 90—108).

Słoński, St. Übertragung (*выше I 326, II 357*). Реценз.: **J. Łoś** (RczSł, 1909, II, 204—206); **A. Meillet** (BSL, 1909, LVII, 166—167).

В. Русскій языкъ.

Возняк, М. Студї над галицько-українськими граматиками XIX в. VIII—IX. (ЗШ, 1909, VI, 83—128).

Вознякъ, М. Буквар Ос. Лозинскаго з 1818 р. (ЗШ, 1909, V, 160—164).

Карскій, Н. Языкъ Пскова. (*выше I 324, II 358*). Реценз.: **V. Jagić** (AslPh, 1910, XXXI, 453—458).

Крымскій, А. Украинская грамматика (*выше I 324*). Реценз.: **А. А. Шахматовъ** (RczSł, 1909, II, 135—174).

Огієнко, Н. Двійне число в українській мові (ЗШ, 1909, VI, 83—128).

Орловъ, А. О нѣкоторыхъ особенностяхъ стиля великорусской исторической беллетристики XVI—XVII вв. (Изв, XIII $\frac{}{2}$, 344—379).

Скрынченко, Д. В. Бѣлоруссы, ихъ разговорный языкъ при свѣтѣ исторіи. (Минск. Стар., 1909, I, 58—79).

—Словарь русскаго языка, составленный вторымъ отдѣленіемъ Имп. Академіи Наукъ. Т. IV, вып. 2,

камція — качалка, 4°. VI + 321—640. вып. 3: *качалка — клясться*. 4°. V+641—960. СПБ, 1909.

Трахтенбергъ В. Блатная музыка. Реценз.: **В. Крутовскій** (ФЗ, 1908, XLVIII, 2, 1—2); **Вл. Б.** (ЭО, 1908, LXXVI, 182—185).

Фасмеръ, М. Греко-славянскіе этюды. III (*выше I 326*). Реценз.: **Г. А. Ильинскій** (ЗХУ, 1909, IV, 1—3); **A. Meillet,** (BSL, 1909, LVII, 175—177).

Якобій, П. Вятичи Орловской губерніи. (*выше I 352*) Реценз.: **Э. Пекарскій** (ЖС, 1908, XVII, 243—248).

Christiani, W. A. Blatnája Múzyka (Montagsblatt der St. Petersburger Zeitung № 323, 25 Januar 1910, p. 12—14).

Содержаніе: Die russische Gaunersprache. Russische Geheimsprachen. Das Wörterbuch W. Trachtenbergs. Die Eigentümlichkeiten der russischen Gaunersprache. Ihre schöpferische Kraft. Das fremdsprachliche Wortmaterial. Begriffsübertragungen, verhüllende Umschreibungen und Vergleiche. Die gaunerische Zoologie. Galgenhumor. Euphemismen. Polizei und Richter. Eigennamen.

Gauthiot, R. La phrase nominale en finno-ougrien. (MSL, 1908, XV, 201—227).

Синтактическое явленіе, имѣющееся и въ русскомъ языкѣ.

von Marnitz, L. Russische Grammatik. Leipzig, Raimund Gerhardt, 1909.

Mazon, André. Morphologie des aspects du verbe russe, Paris, 1908, 8°. VIII+104. (Bibl. de l'école des Hautes Etudes t. 168) (*выше I 326*) Реценз.: **A. Meillet** (BSL, 1909, LVII, 168).

Schuchardt, H. Bret. *eskop* < frz. *eskope* < niederd. * *skop(p)a* < lat. *scyphus* + *cup(p)a* «Wasserschaufel». (ZrPh, 1909, XXXIII, 641—658).

О русскомъ *ковшъ* и проч.

Szuchiewicz, W. Huculszczyzna. t. IV. Lwów. 8°. 363.

Г. Чешскій.

Auerhan, J. České kolonie v jižních Uhrách (Zvl. otisk z «Pokrokové revue» 1907—1908, IV, V). Praha, 20 p. Реценз.: **Žd.** (NarV, 1908, III, 133—134).

Boháč, A. Vývoj jazykových hranic, jazykových ostrovů a menšin na Moravě (Programm d. Landes-Realschule in Ungarisch- Brod, 1908. 4°. 28).

Čelakovský, J. Soupis rukopisů chovaných v archivu Prahy. Реценз.: **Traub** (ČMM, 1908, XXXII, 208—210).

Erhart, Alois. Praktiká mluvnice ruského jazyka a čitanka. (*выше III 320*) Реценз.: **Josef Páta** (SlPř, 1909, XII, 137—138).

Flajšhans, V. Bohemica Drkolenska (VČAk, 1908, XVII, 482—490).

Flaišhans, V. Česka přisloví. Sbirka prisloví, prupovědí a porekadel lídu českého v Čechach, na Morave a v Slezku. вып. I. V Praze, Šimaček, 1909. 8°. 128.

Folprecht, J. Příspěvky k mluvě lidu slovánského na moravském Podluží. Dokončení (Progr. d. Staats-

Realschule in Pilsen, 1907. 25. 4°).

Folprecht, J. Slovník k pojednani o mluvě lidu slováckého na moravském Podluží (Progr. d. Staatsrealschule in Pilsen, 1908. 4°. 21).

Frinta, Ant. Novočeská výslovnost. Pokus o soustavnou fonetiku jazyka českého (Rozpr. Česk. Akad. III, 29). Praha, 1909. Реценз.: **O. Broch** (AslPh, 1910, XXXI, 462—466).

Heinz, W. Die Gmünder tschechische Sprachgrenze in Niederösterreich (mit 1 Karte u. 2 Abb.) (DE, 1909, VIII).

Herzer, J. Böhmisch—deutsches Wörterbuch. Prag, Otto.

До сихъ поръ вышло 39 выпусковъ.

Hnízdo, Fr. Ukázky jazykové ze starší české belletrie (Výroční zpráva c. k. státního reálního a vyššího gymnasia v Klatovech, 1907/08. 22. 4°). Реценз.: **Fr. Šimek** (LF, 1909, XXXVI, 72—73).

Homolka, I. Příspěvek k nářečí středočeskému (ČL, 1910, 4, 171—173).

Kašík, A. Popis a rozbor nářečí středobečevského (Rozprawy České Akademie tř. III, 1908, č. 26, стр. 154).

Klimesch, M. Die Ortsnamen im südlichen und südwestlichen Böhmen, I. Prag. Calve, 1909. 8°. 177. (MVGD, 1909, XLVII, 294—374).

Kolkop, Edm. Doplňky k Bartošovu slovníku moravskému. (Progr. d. Landes-Realschule in Genitsch, 1908. 4°. 14).

Kott, Fr. Dodatek k Bartošovu Dialektickému slovniku moravskému (LF, 1909, XXXVI, 261—266. 364—368). (*выше II 359*).

Kramář, K. Jména národnostní a jejich výklad. Studie jazykozpytná (Progr. d. Staatsgymnas. in Jićin, 1908. 4°. 21).

F. Krummau, Kreml (Deutsche Böhmerwaldzeitung 1908, 16 oktober, № 42). Реценз.: MVGD, 1909, XLVII, 27—28.

Kubín, J. Povídky kladské. Komentařem kriticko-bibliografickým provází **J. Polívka.** Část I. V Praze.

Kumpert, K. Ein mehr als hundertjähriges Zeugnis für das geschlossene Sprachgebiet «Deutschböhmen», (MVGD, 1908, XLVI, 415—417).

Łukasiewicz, A. Stosunek Słowaczyzny do Polsky w X i XI wieku (Progr. d. Franz-Josef-Staatsgymn. in Lemberg, 1908. 4°. 53).

Máchal, J. Staročeské skladby dramatické původu liturgiského (Rozprawy České Akadem. tř. III, č. 23, стр. 234).

Muck, P. Ueber Duppau und Umgebung (Progr. d. Privatgymn. in Duppau, 1908. 4°. 63).

Němec, J. Staré české tisky, v knihovnách německo-brodských, (Progr. d. Staatsgymn. in Deutschbrod, 1908. 4°. 14).

Novák, J. a Flajšhans, V. Sinapiuse Daniele: Neoforum latinoslovenicum. Tisk z r. 1678. V Praze, 1908, VI+80 (Sbírka pramenuv ku poznání literárního života v Čechach, na Moravě a v Slezsku, Skupina II, č. 11).

Pastrnek, Fr. O původě moravských Valachův. Реценз.: **Páta** (NarV, 1908, III, 11—12).

Pastrnek, F. Rusíni jazyka slovenského. Odpověď' panu Vl. Hnat'jukovi. Реценз.: **Páta** (NarV, 1908, III, 12).

Pich, Frz. Z výkladů staročeských (Progr. d. Staatsgymn. in Tabor, 1908. 4°. 4).

Riznev, L. V. Příspevky k slovníku slovenského jazyka (SlP, 1908, XXVIII, 49—55; 184—188; 315—317; 370—371; 505—510).

Semjan, M. Praktiká učebnice srbsko-chrvatskego jazyka. Mluvnice, konversace, obchodni dopisy, článsky, básně a slovničky. V Praze, 1909. (I. Otto) 184. Реценз.: **A.** (SlPř, 1909, XII, 132—133).

Týž. Rusko-český slovniček nejužívanějších stejnozvučných slov, jichž ruský význan je jiný než český. Praha, 1909, 31. Реценз.: **Josef Páta** (SlPž, 1909, XII, 137—138).

Škultety, J. i Zoch, J. O prízvuku v slovenčine (SlP, 1908, XXVIII, 251—256; 374—384).

Vajs, J. Česká bible hlaholská (Věstnik král. české společnosti náuk, nr. XIII, 1909, 30 str.).

Válek, J. Poznámky z mapě mor. Valašska (ČMMZ, VIII. № 5. Starši kolonizace Valašska. 81—118, № 6: Puvod kolonistů z XIII stol. 257—293).

Zoglmann, A. O metaforách a přiměrech (Progr. d. Staatsgymn, in Taus, 1908. 4°. 22).

Д. Словинскій.

Aškerc, A. Zbirka arhivske slovenščine (IMK, 1908, XVIII, 71—74).

Breznik, A. Besedni red v govoru (DS, 1908, XXI, 222—230; 358—367). Реценз.: **Škrabec** (CvFr, 1908, XXV, zv. 10); **L‹okar›** (LZ, 1908, XXVIII, 506—507).

Koblar, Fr. Ukaz cesarja Ferdinanda iz l. 1638, v slovenskem jeziku (IMK, 1908, XVIII, 116—117).

Kos Fr. Krajevna imena v starich listinah. (IMK, 1908, XVIII, 86—89).

Kotnik Tr. Koroške narodopisne črtice. (ČZN, 1908, V, 103—107).

Kovačič, T. Dvoje kajkavsko—slovenskich spomenikov iz sredişkega arhiva (ČZN, 1908, V, 107—108).

Lokar, I. Slovenščina v pravni rabi pred sto leti (IMK, 1908, XVIII 117—118).

Mantuani, I. «Kraynska kroneka». Slovstveno — zgodovinska beležka. (DS, 1908, XXI, 274—279, 324—328, 336).

Pintar L. Ķazalo za porabo Marnovega Iezičnika (Lętnik IX—XXX). (IMK, 1908, XVIII, 103—108).

Pintar, L. Od kod ime *Raščica.* (ZSM, 1908, X, 265—270).

Pintar, L. Pohlinov molitvenik, (Čas (Ljubljana), 1908, II 290—294).

Pintar, L. Razlaga krajevnih imen (IMK, 1908, XVIII, 89—103).

Pintar, L. Satura (LZ, 1908, XXVIII, 243—248, 310—313). Объясненіе названія *Ljubljana—Laibach.*

Pintar, L. Želimlje (Črtica o krajnih imenih) (IMK, 1908, XVII, 67—71).

Pintar, L. Imenoslovne črtice (IMK, 1909, III—IV, 123—128; V—VI, 185—187).

Polovič, I. Evangelij sv. Matevža v protestantskem glagolskem «Prvem

delu Novega Testamenta» iz l. 1562, (ZSM, 1908, X, 56—73).

Stegenšek, A. O *Veliki Nedelji* in podobnih krajepisnih imenih. (ČZN, 1908, V, 23—37).

Štrekelj, K. Lückenbüsser. Zu slow. kalčmar und istr. čak. končar (AslPh, XXX 472 sq). (AslPh, 1910, XXXI, 315).

Šuman, I. Ljubljana—Laibach, (DS, 1908, XXI, 136).

Е. Полабско-Кашубскій.

Lorentz, Fr. Slovinzisches Wörterbuch, I Bd. *(выше I 327 III 322)* Реценз.: **K. Nitsch** (RczSł, 1909, II, 43—56).

Majkowski, Bajki kaszubskie (Gryf, 1909, I, 210—261).

Rost, Paul. Die Sprachreste der Dravăno-Polaben im Hannoverschen *(выше I 327, II 359)* Реценз.: **W. Porzeziński** (RczSł, 1909, II, 189—204); **E. Mucke** (AslPh, 1909, XXX, 265—275).

Ж. Лужицкій.

Muka, E. Dokońałosć a ńedokońałosc dolnoserbskego slowesa (СбЯг, 730—735).

Pilk, I. Ležovnostne mjena w Serbach (ČMS, 1908, LXI, 84—88).

Radyserb-Wjela, I. Serbske metaforiske Hrona (ČMS, 1908, LXI, 88—122).

Świela, G. Přinosk z dolnoserbskeje phraseologije (ČMS, 1908, LXI, 76—84).

З. Польскій.

Кульбакинъ, С. Къ вопросу о польскомъ *го* (РФВ, 1908, LVII, 282—284). Реценз.: **I. Rozwadowski** (RczSł, 1909, II, 186—189).

Милетичъ, Л. Носовкитѣ въ полскыя езикъ и ческиятъ прѣгласъ на вокала *а* (СбЯг, 691—698). Реценз.: **K. Nitsch** (RczSł, 1909, II, 33—43).

Bogusławski, E. Ślady po Wendach czyli Windach (Słowianach) w dzisiejszych Niemczech. Warszawa, 1908, Światowit VIII, 35—36. Реценз.: **I. F. Gajsler** (Książka, 1909, IX, 384—385).

Brückner A. Dzieje języka polskiego *(выше I 328)*. Реценз., **H. Ułaszyn** (Książka, 1908, VIII, 51—53).

Brückner, A. Filologja i lingwistyka. Szkic polemiczny. Lwów, Altenberg, 1908. 8°. 62.

Brückner, A. Rozmyślanie o żywocie Pana Jezusa. Реценз.: **A. Kryński** (Pamiętnik literacký (Lwów), 1908, VII, 375—377).

Buzek, Jos. Rozsiedlenie ludności polskiej i ruskiej w Galicji (AP, 1908, IV, 1—22, 198—223).

Czarkowski, L. Słowniczek najpospolitszych rusycyzmów. Wilno, Zawadzki, 1909. 16°. 44.

Janik, M. Menonici w Galicyi, (Lud, 1909, XV, 224—228).

K. Przyczynek do słownictwa gwarowego głównie z Kociewia (p. dyalekty zachodnio-prus. Nitscha). (PorJęz, 1908, VIII, 107—108).

Karłowicz, J. Rys ludoznawstwa polskiego («Polska, obrazy i opisy» I, 128—215. (Lwow 1906); сравни: **K. Nitsch,** Z badań nad językiem polskim.

Kolář, J. O mluvnici polskè zvlaště o mluvnici A. A. Kryńskèho (VČSN, 1908, X, 42 p).

Безъ научной цѣнности: см. RczSł, 1909, II, 289.

Kosiński, W. Nazwiska i przydomki mieszkańców Skawicy (Lud, 1908, XIV, 160—164).

Krček, F. Grupy dźwiękowe polskie *tart* i *cir(z)č* (*выше I 320, II 359*). Реценз.: **A. Brückner** (Książka, 1908, I, 184—185).

Krček, Fr. Nieznana kolenda (okruchy hymnologiczne III). (Pamiętnik literacki (Lwów), 1908, VII, 136—139).

Kryński, A. i **Kryński, M.** Zabytki języka staropolskiego, zeszyt I. Z zapomogi Kasy im. Mianowskiego, Warszawa 1909, M. Arct, 8°, 80. Реценз.: **A. Brückner.** (Książka, 1909, IX, 138—139).

Kujot, St. «Kołem płót». Przežyt językowy z Kiełpina pod Tuchołą, (Zapiski Tow. Nauk. w. Toruniu, 1908, I, 16—17).

Kujot St. *Zuławy*—wyraz pruski? (Zapisky Tow. Nauk. w Toruniu, 1908, I, 100—102).

Loś J. Stosunek zdania do innych typów morfologicznych. Kraków, Akad. Umiejętn. 1909. 8°. (Rozpr. Ak. Um. Kraków XLVI, 1909, 51).

Magiera, J. Przesuwanie się końcówek przypadkowych (Mianownik i wołacz imion chrzestnych zdrobniałych) (PorJęz, 1908, VIII, 69—71).

Matusiak, S. Olsza czy Olza? (Lud, 1908, XIV, 330—337).

Matusiak, S. Piorun a Perkun. (Lud, 1908, XIV, 199—201).

Matusiak, S. Rozmaitości (Lud, 1908, XIV, 398—399).

Matusiak, S. Swięty i przeklęty (bocian) (Lud, 1908, XIV, 170—178).

Mieses, M. Gieneza wyrazu *Cham*. (AP, 1908, III, 309—310).

Nitsch, K. Charakterystyka porównawcza djalektów zachodnio—pruskich. 1906.— Charakterystyka djalektow polskich w Prusiech wschodnich. Реценз.: **H. Ułaszyn** (RczSł, 1908, I, 147—151).

Nitsch, K. Z badań nad językiem polskim (PorJęz, 1908, VIII, № 6: Z literatury chorwackiej, 49—55; № 7: Przykład dyletantyzmu językowego, 97—101; № 8: Prace polskie w księdze pamiatkowej Jagicia, 133—139).

Nitsch, K. Olza (Zaranie Śląskie (Cieszyn); 1908, I, 97—100).

Pilat. Gramatyka języka polskiego. Wykłady uniwersyteckie opracował **Dr. Franciszek Krček.** Zeszyt I (Głosownia, ark 1—10), Lwów, Altenberg, 1908. Реценз.: **A. Śmieszek** (RczSł, 1909, II, 112—135); **St. Słoński** (Wych, 1909, VI, 614—625).

Pracki, W. Gwara ślesińska (Lud, 1908, XIV, 90—127).

Pracki, W. O mowie wsi Turowa. Реценз.: **S. Matusiak** (Lud, 1908, XIV, 306—309).

Prószyński, M. Plan nauki języka polskego w gimnazyah (Muz, 1909 II, 419—428).

Rozwadowski, J. O nazwie *Tatr* (SprAkKr, 1908, XIII, 9, 3).

Rozwadowski, J. Olza (i Śląsk) (Zaranie śląskie (Cieszyn), 1908, I, 174—178).

Saloni, A. Lud rzeszowski. Materjały etnograficzne (Mater. antropol-archeolog. i etnograficzne. Krakow Akad. Um. 1908, X, 2, 50—344).

Sasse, Nazarius Kurze polnische Grammatik für Geistliche. 3-te Auflage. Paderborn, Bonifacius. Druckerei, 1909. 8°. VIII+120.

Schmidt, Jos. Das Deutschtum in Galizien (DE, 1909, VIII).

Sędzimir, Jan. Język Słowackiego. Rzeszòw, Rzeszowskie I-e gymnazjum, 1909. 8°. 22.

Smol<eński>, Tad. Dodatek do Słownika języka polskiego Karłowicza, Kryńskiego i Niedzwieckiego (Lud, 1908, XIV, 294—295; 1909, XV, 138—140).

Stein, J. Próba pomiarów odległości języka od podniebienia przy wymawianiu pełnogłosek (MatJęz, 1909, IV, 1—19). Реценз.: **O. Broch** (AslPh, 1909, XXX, 279—281).

Ułaszyn, H. Uwagi krytyczne z powodu nowych etymologji *kobiety* (MatJęz, 1909, IV, 357—381).

Tryszczyła, Fr. Muszyna w powiecie Nowo-Sądeckim (Lud, 1908, XIV, 246—253).

Wierzbowski, Teodor. Bogarodzica. Wykład wstępny w ces. uniwersytecie warszawskim, miany dnia 13 lutego r. 1909. Warszawa, 1909. 8°. 16. Реценз.: **A. Brückner** (Książka, 1909, IX, 141—142).

van Wijk, N. Eine polnisch-niederländische Parallele (IF, 1909, XXVI, 275—282).

Zu poln *ě* $\geqslant$ *'a* vor «harten» Dentalen; *ě* $\geqslant$ *'e* vor erweichten Dentalen.

Weisblum, I. Sprawa dzisiejszy pisowni polskiej w szkole (Muz, 1909, II, 140—142).

И. Болгарскій.

Българовъ, Ст. Българи въ Таврида (СлГ, 1909, VII, 49—61. 121—127).

Ивановъ, Юр. Сѣверозападнитѣ Македонски говори — Тетовско, Скопско и Кратовско (Минало, 1909, I, 61—78).

Каровъ, Д. Ст. Народни баяния отъ с. Широкалъka (РодНапр, 1908, VI, 30—32, 222—225).

Младеновъ, С. Сръбски или български се говори между Искъръ и Морава (СлГ, 1908, II).

Намъ недоступно: см. РодНапр, 1908, V, 261.

Панчевъ, Т. Допълнеnie на българския рѣчникъ отъ Н. Геровъ. Т. П. Пловдивъ, 1908, 8°. VIII+336. Реценз.: **С. Шишковъ** (РодНапр, 1908, VI, 101—102). **Н. Бобчевъ** (СлГ, 1909, VII, 75—76).

Пиронковъ, А. Новости въ езика ни (УчПр, 1908, XIII, 197—209).

Поповъ, Я. Странджанска гусла. Народни пѣсни на мѣстно нарѣчие изъ Лозенградско, Малко-Търновско, Баба-Ескийско и Бунаръ-Хисарско. София, Глушковъ, 1905. 16°. 48. Реценз.: **С. Шишковъ** (РодНапр, 1908, VI, 58—64).

Трифоновъ, Ю. Значение на сложнитѣ (описателнитѣ) бѫдещи врѣмена въ новобългарския езикъ, (ПС. 1908, LXIX, 1—40).

Фасмеръ, М. Р. Османскія этимологіи (ЖС, 1909, XVIII, 2, 88—94).

болг. *беневрек*, серб. *беневреке*.

Шишковъ, Ст. Бѣлѣжки по говорътъ въ Дарж-дере (РодНапр, 1908, VI, 92—96).

Шишковъ, С. Н. Бѣлѣжки по говорътъ въ с. Дованъ-Хисаръ, Дедеагачка каза (Род Напр, V, 1908, 235—243).

Шишковъ, С. Н. Географскитѣ названия въ центральния Родопски говоръ (РодНапр, 1909, VII, 33—38).

Шишковъ, Ст. Н. Думата въдя — вóдя—вéдя въ Родопскитѣ говори, (РодНапр, 1908, VI, 46—48).

Шишковъ, Ст. Н. Приносъ за тайнитѣ езици въ Родопитѣ. I. Дюлгерски езикъ. II. Птически езикъ (РодНапр, 1908, VI, 120—126).

Шишковъ, С. Н. Рѣчникъ съ обяснительни бѣлѣжки на нѣкои думи, звукови промѣни и форми въ народнитѣ умотворения (РодНапр, 1908, V, 233—234, 274—276, 1908, VI, 79—80; 111—112; 1909, VII, 64).

Шишковъ, С. Н. Съ какво се хранятъ помацитѣ? (РодНапр, 1908, VI, 1—13).

Ivić, Aleksa. Ansiedlungen der Bulgaren in Ungarn (AslPh, 1910, XXXI, 414—429).

Michov, D. Die Anwendung etc. (*выше I 329, II 360*). Реценз.: **Ст. Младеновъ** (СлГ, 1909, VII, 18—24).

Niederle, L. Národnostní poměry v knížestvi bulharském (NarV, 1908, III, 25—31) Реценз.: **A. Č<erný>** (SlPř, 1908, X, 459—462).

Romansky, St. Lehnwörter lateinischer Ursprungs im Bulgarischen (*выше I 329*). Реценз.: **C. Jireček** (AslPh, 1910, XXXI, 448—452); **М. Арнаудовъ** (СлГ, 1909, VII, 132—135).

К. Сербо-хорватскій.

Белић, А. О српским или хрватским дијалектима. Поводом књиге М. Решетара «Der štokavische Dialekt» (Глас, 1908, XXVIII, 60—164).

Грђић Бјелокосић, Л. Српска народна јела у Херцеговини и у Босни, (СЕЗб, 1908, X, 71—118).

Ердељановић. Српска народна јела и пића, кн. I. У Београду 1908 (=СЕЗб, X).

Мијатовић, С. М. Српска народна јела (са прилогом о пићима) у Левчу и у Темнићу (СЕЗб, 1908, X, 5—69).

Новаковић, Ст. Византијски чинови и титуле у српским земљама XI—XV века (Глас, 1908, LXXVIII, 178—279).

Fancev, Franjo. Beiträge zur historischen serbokroatischen Dialektologie (AslPh, 1910, XXXI, 367—381. (*выше I 330*).

Gopić, J. Novi prilog poznavanju akcenatske teorije· Mažuranićeve, (NastV, 1908, XVI, 683 — 691; 748—756).

Grubor, Đuro. Recenzija hrvatske ili srpske gramatike za srednije škole od kr. univerz. prof. dra **T. Maretića** (treće izdanje, 1906). U Zagrebu, 1909. 8°. VIII+171. Ре-

ценз.: **V. Jagić** (ASlPh, 1910, XXXI, 459—462).

Japunčić, M. Klànjati (NastV, 1908, XVI, 526).

Jovičević, A. Hrana i posuđe. Riječka nahija u Crnoj Gori (ZbNŽ, 1908, XIII, 113—142).

Jurić, B. Jgre (Jz Privlake i Komletinaca u Slavoniji) (ZbNŽ, 1908, XIII, 267—292).

Maretić, T. Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb, Akadem. Svezak 27: *mariti—mičati*.

Matić, T. Reduplizierung der Praeposition *sъ* in *osijek* (Slavonien), (AslPh, 1910, XXXI, 477).

Mažuranić, V. Prinosi za hrvatski pravno — povjestni rječnik. Gr. 8°. Zagreb, Akademie. Svezak I (A-Čtenija), 176.

Medić, M. Dvije tobožnje riblje vrste u Hektorovićevu «Ribanju» (NastV, 1908, XVI, 190—194).

Medić, M. Još o riječi *procijep* (NastV, 1908, XVI, 696—697).

Novaković, St. Σύρμα — *сирма* — *срма* (AslPh, 1910, XXXI, 476—477).

Pintar, L. Nochmals Klagenfurt-Celovec (AslPh, 1910, XXXI, 382—393).

Rosedel, J. Još o *procipu* (NastV, 1908, XVI, 422).

Rožić, V. Prigorje (ZbNŽ, 1908, XIII, 16—112).

Skok, P. Serbokroatische Lehnwörter (AslPh, 1910, XXXI, 318—320). (*выше III 324*).

1) *ambrêla* Regenschirm 2) *baùl*, Koffer, 3) *bòkâr*, 4) *avao* 5) *čàhar* 6) *jűpa* 7) *komorana*, 8) *komôt*, 9) *kònoba*, 10) *Lušija*, 11) *Lăndravac*, 12) *parcùle* 13) *pòrna*, *pómna*, 14) *pokumport*, 15) *pôpa*, 16) *pűklja*, 17) *Rằšpa*, 18) *rȉgalj*, 19) *rigjina*, 20) *rȍtkva*, 21) *samsăr*, 22) *sèćija*, 23) *skèmlija*, 24) *solijer*, 25) *šindra*, 26) *šlabčkovati*, 27) *tapûn*, 28) *taùlin*, 29) *tȍla*, 30) *vidulice*, 31) *žežinjati*, 32) *žnôra*.

Strohal, R. Tuđi elementi u karlovačkom dijalektu (NastV, 1908, XVI, 183—190).

Šuman, J. Duma. Sorodnice in izvir besede *duma* (DS, 1908, XXI, 520—524).

Tentor, M. Der čakavische Dialekt der Stadt Cres (Cherso), (*выше* I *330*). Реценз.: **A. Belić** (RczSl, 1909, II, 174—185).

Urlić, Š. *Procijep* (NastV, 1908, XVI, 421).

Žuljić, M. Današnji vareški dijalekat (Školski Vjesnik, 1908, XV, 36—41; 148—151; 255—258; 347—351; 425—428; 495—498; 572—575; 669—672; 773—777; 894—908).

K. Славянское вліяніе на сосѣдніе языки.

Endt, J. Sagen und Schwänke aus dem Erzgebirge. Der Zauberer P. Hahn, der Wunderdoktor Rölz u. a. Mit 7 Abb. Prag, Calve, 1909. XI+247, 8⁰. (Beiträge zur deutsch-böhmischen Volkskunde X).

Hauschild, O. Deutsche Tierstimmen in Schriftsprache und Mundart I (ZdWf, 1909, XI, 149—180).

Heintze, A. Die deutschen Familiennamen, geschichtlich, geographisch, sprachlich. 3-te Auflage von **P. Cascorbi**, Halle, 1908, Waisenhaus, 280. Реценз.: **O. Weise** (ZGw, 1909, LXIII, 324—326).

Hyckel, G. Schlesischer Sagenborn. Breslau, Goerlich, 1909.

John. Das deutsche Volkslied im Erzgebirge. Annaberg, Graser, 1909.

Knoop, Otto. Posener Märchen. Ein Beitrag zur Heimats—und Volkskunde der Provinz Posen. (Rogasen, Programm des Gymnasiums, 1909, 29. 4°).

Kübler, L. Die deutschen Berg- Flur-und Ortsnamen des alpinen Jller-, Lech- und Sannengebietes, gesammelt und erklärt. Amberg, Pustet, 1909. 8°. VI+213. M. 10.

Müller-Fraureuth, K. Wörterbuch der obersächsischen und erzgebirgischen Mundarten. Dresden, Baensch, 1909, Lief. I (a-placken), 8°, XIV+112; Lief. II (placker — Truthahn), 113—256.

Pehr, Frz. Beiträge zur Namenkunde im Hochstuhl- und Kotschutagebiet der Karawanken (aus Mitt. d. deutschen und öster. Alpenvereins). Klagenfurt, Heyn, 1909. 8°. 15.

Schullerus, A. Siebenbürgisch-sächsisches Wörterbuch. Strassburg, Trübner, 1909. 2 Lieferungen. 8°. 1—96. 97—256.

Schulz, Alfr. Die Siedelungen des Warnowgebietes in Mecklenburg. Stuttgart, Strecker u. Schröder, 1909 (Geogr. Arbeiten, M. 2).

Štrekelj, K. Slovanski elementi v besednem zakladu štajerskih Nemcev (*выше* II *361*). Реценз.: **J. Tominšek** (S, 1909, VII, 320—321).

Spectator. Sprachmischung in Oberschlesien. Ein Beitrag zur oberschlesischen Volkskunde. Kattowitz 1908 (Sep.—Abz. aus d. Zeitschrift Oberschlesien).

—Verzeichnis sämtlicher Ortschaften der Grossherzogtümer Mecklenburg- Schwerin und Strelitz (m. Ausnahme der Städte) in alphabetischer Reihenfolge mit Angabe der Amtsangehörigkeit der Grundherrschaft, Pächter und Schulzen etc. Nach amtlichen Quellen (Staatskalender 1909) bearbeitete 5-te Auflage, vom I/X 1909. Güstrow, Opitz 1909. 8°. 142.

Winkler, H. Der uralaltaische Sprachstamm, das Finnische und das Japanische. Berlin, Dümmler 1909, 8°, 316, M. 6.

Χρυσοχόος, Μ. Βλάχοι καὶ Κουτσόβλαχοι (Βιβλιοθήκη τοῦ πρὸς διάδοσιν τῶν ἑλληνικῶν γραμμάτων συλλόγου, LVIII) Athen, Sp. Kusulinos, 1909.

Л. Сосѣднее вліяніе на слав. языки.

Fischer, H. Schwäbisches Wörterbuch. Tübingen, Laupp, 1909. 27 Lieferungen à M. 3—

Follmann, Mich. F. Wörterbuch der deutsch-lothringischen Mundarten. Leipzig, Quelle u. Meyer, 1909, XVI+571. 8°. M. 32.—(=Quellen zur lothringischen Geschichte hgb. von der Gesellschaft für lothringische Geschichte und Altertumskunde, Bd. 12).

Paasonen, H. Csuvas Szójegyzék (Vocabularium linguae čuvašicae). (Suppl. zu Nyelvtudományi Közlemények. XXXVII и XXXVIII). Budapest, Académie des Sciences, 1908, VIII+244. Реценз.: **Gauthiot** (BSL, 1909. LVII, 192—194).

Pápáy, Jos. Sammlung ostjakischer Volksdichtung: Heldensänge mythologischen Jnhalts, Götterbeschwörungsformeln und Bärenlieder

Auf Grund des Regülyschen Nachlasses und eigener Sammlungen. Leipzig, Hiersemann, 1909. LXXXII + 284; mit Bildnis und 3 Facsimiles, 20 M. (Dritte Asiatische Forschungsreise des Grafen Eugen Zichy, Bd. V).

Radloff, W. Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Türksprachen (Записки Имп. Ак. Наукъ VIII Série, 1908 томъ VIII, № 7 86 стр. 4°).

М. Литовскій языкъ.

Баронъ, Хр. и Виссендорфъ, Г. Латышскія народныя пѣсни, томъ III, 3. СПБ, 1909. 8°. 1007.

Эндзелинъ, И. Латышскіе предлоги. I, II. *(выше II 362).* Реценз.: **R. Gauthiot** (BSL, 1909, LVII, 169—172).

Būga, Kaz. Aistiški studijai, I. (*выше II 362*) Реценз.: **A. Meillet** (BSL, 1909, LVII, 173—174).

Būga, Kazim. Критика собственной работы Aistiški studijai. СПБ, 1909. (литограф.) 4°. 16.

Gauthiot, R. A propos des nominatifs pluriels lituaniens (IF, 1909, XXVI, 353—359).

Lenas. Aus Litauen: Das litauische Element im ethnographischen Litauen. (UR, 1909, VII, 276—280).

Leskien, A. Litauische Personennamen (IF, 1909, XXVI, 325—352).

Schulze, W. Lit. *czeczka* (KZ, XLIII, 1909, 252).

Schwyzer, E. Etymologisches (IF, 1908, XXIII, 307—309)

1) lit. *rúugas* «Hefe Sauerteig» 2). lit. *kìrna* «Strauchband, *kė́ras*,» hoher alter verwitterter Baumstumpf».

Siecke, E. Götterattribute und sogenannte Symbole. Nebst Abhandlungen: 1) Über die mythologischen Anschauungen der Litauer (Letten); 2) Über die Naturgrundlage der römischen (italischen) Religion. Mit 20 Zeichnungen von Frz. Stassen. Jena, Costenoble, 1908. 8°. VIII + 313.

Н. Общее языковѣдѣніе.

Богородицкій, В. Замѣтки по экспериментальной фонетикѣ. Наблюденія надъ произношеніемъ съ помощью губного прибора Розапелли (ЗКУ, 1908, LXXV, 1, 1—32).

Богородицкій, В. А. Опытъ физіологіи общерусскаго произношенія въ связи съэкспериментально-фонетическими данными. Казань, 1909, 74, 8°. Реценз.: **А. И. Томсонъ** (ЖМНПр, 1910, январь, 186—204).

Богородицкій, В. Очерки по языковѣдѣнію и русскому языку, 2-е изданіе, Казань, 1909. 8°. VI + 460. *(выше III 320).* Реценз.: **A. Meillet** (BSL, 1909, LVII, 174—175).

Бодуэнъ де Куртенэ, И. А. Замѣтки на поляхъ сочиненія **В. Радлова:** Einleitende Gedanken zur Darstellung der Morphologie der Türksprachen (ЖС, 1909, XVIII, 191—205).

Левицкій, М. Языкъ, нарѣчіе или говоръ (Рѣчь, 1910, 29 янв., № 28, p. 2).

Эндзелинъ, И. Фонетическія измѣненія и ихъ причины (ЗХУ 1909, IV, 1—9).

Baudouin de Courtenay J. Ewolucjonizm a językoznawstwo (Myśl Niepodległa, 1909, Luty, № 89, p. 222—232).

de la Grasserie, Raoul. Essai d'une sèmantique intégrale. Paris, Leroux. 1908, 681. 12°. Реценз.: **A. Meillet** (BSL, 1909, VII, 64—65):

de la Grasserie Raoul. Particularités linguistiques des Noms Subjectifs (parties du corps, armes et outils, animaux domestiques, noms propres, pronoms). Paris, Leroux, 1906. 8°. 221. Реценз.: **P. G. Schmidt** (Anthr, 1908, III, 390—391).

Grégoire, A. Les vices de la parole. Paris et Bruxelles, 1908. 8°. 119. Реценз.: **A. Meillet** (BSL, 1909, LVII, 74—75).

Grégoire, A. Une question de méthode en linguistique. (Mélanges Godefroid Kurth, Paris, 1908, p. 267—287).

Jaberg, K. Sprachgeographie. Beitrag zum Verständnis des Atlas linguistique de la France. Mit 14 farbigen Tafeln. Aarau, H. R. Sauerländer, 1907. 8°. 27. Реценз.: **W. Meyer-Lübke** (GGA, 1909, CLXXI, 138—142).

Jones, D. Intonation curves. A collection of phonetic texts, in which intonation is marked throughout by means of curved lines on a musical stave. Leipzig, Teubner, 1909. 8°. XVI+80.

Kluge Fr. Unser Deutsch. Einführung in die Muttersprache. 2-te Auflage. Vorträge und Aufsätze. Leipzig, Quelle и Meyer, 1910. IV+152. 8° (Wissenschaft und Bildung, Bd. 1).

Krček, Ladisl. Die Satzkürzung. Eine Sammlung von Satzbeispielen zur Einübung der Debattenschrift für Mittelschulen und verwandte Lehranstalten. Wien, Hölder, 1906, 4°, VII+38. Реценз.: **A. Hausenblas** (ZöG, 1909, LX, 821).

Lattmann, H. Konjunktiv und Optativ (NJkA, 1909, XXIII, 529—539).

Logeman, H. Tenuis en Media. Over de stemverhouding bij konsonanten in moderne talen met een aanhangsel over de fonetiese verklaring der wetten van Verner en Grimm. Gand, Van Goethem, (Université de Gand, Recueil de travaux, publ. par la faculté de philosophie et lettres XXXVI). Реценз.: **Anonymus** (LCBl, 1909, LX, 1398—1400).

Łoś, Jan. Stosunek zdania do innych typów morfologicznych. (1909, XLVI, Rozpraw wydz. filolog. Ak. Um. w Krakowie).

Marty A. Untersuchungen zur Grundlegung der allgemeinen Grammatik und Sprachphilosophie. I. Band. Halle, Niemeyer, 1908. XXXII+764. 8°. Реценз.: **A. Meillet** (BSL, 1909, LVII, 60—61).

Meringer, R. Aus dem Leben der Sprache: Versprechen, Kindersprache, Nachahmungstrieb. Berlin, 1908. 8°. XVIII+244. (= Festschrift d. k. k. Karl-Franzens-Universität in Graz aus Anlass der Jahresfeier am 15 November 1906). Реценз.: **A. Meillet** (BSL, 1909, 67—69); **M. Scheinert** (LCBl, 1909, LX, 1335).

Meyer-Lübke, W. Einführung in das Studium der romanischen Sprachwissenschaft. 2-te Auflage. Heidelberg, Winter, 1909. 8°. XV+277.

Rzętkowska, J. Przyczynek do badań nad rozwojem mowy dziecka. (Wych, 1909, VII, 663—682).

Rousselot, J. Principes de phonétique expérimentale, t. II. Paris, 1908. 8°. 639—1252, figures 425—751. Реценз.: **A. Meillet** (BSL, 1909. LVII, 69—74).

Sechehaye, Ch. A. Programme et méthodes de la linguistique théorique. Psychologie du langage, Paris, 1908. *(выше II 363)*. Реценз.: **J. van Ginnecken** (Anthr, 1909, IV, 263—265).

Seydel, P. Experimentelle Versuche über die labialen Verschlusslaute im Deutschen und Französischen. Diss. Breslau, 1908. 8°. 69. Реценз.: **A. Meillet** (BSL, 1909, LVII, 153—154).

Seydel, P. Die labialen Verschlusslaute des Deutschen und Französischen, experimentell untersucht (Jahresber. d. Schlesischen Ges. f. vaterl. Cultur, 1908, стр. 1—32). Реценз.: **A. Meillet** (BSL, 1909, LVII, 153—154).

Siebs, Th. Die sogenannten subjektlosen Sätze (KZ, 1909, XLIII, 253—276).

Stern, Clara und William. Die Kindersprache. Eine psychologische und sprachtheoretische Untersuchung. Leipzig, 1907. 8°. XII+394. Реценз.: **A. Meillet** (BSL, 1909, LVII, 65—67).

Streitberg, W. Kant und die Sprachwissenschaft (Eine historische Skizze) (IF, 1909, XXVI, 382—422).

Strigl, H. Sprachwissenschaft für Alle. Kleine gemeinverständliche sprachgeschichtliche und sprachvergleichende Aufsätze. Wien, L. Weiss, 1908, I, № 1—3. Реценз.: **P. W. Schmidt** (Anthr, 1909, IV, 274).

Stürmer, Franz. Die Aufgaben der Sprachwissenschaft. Leipzig, Verlag Deutsche Zukunft, 1909. 8°. 23. (Sprachwissenschaftliche Vorträge, hgb. v. **A. Bass**, Heft XIV).

Stürmer, Fr. Die Etymologie im Sprachunterricht der höheren Schulen. Vortrag auf der 33 Hauptversammlung des Vereins von Lehrern an höheren Unterrichtsanstalten der Provinz Hessen-Nassau und des Fürstentums Waldeck in Ems am 27 Mai 1908. (NJkA, 1909, XXIII 31—57).

Sütterlin, L. Die Lehre von der Lautbildung. Leipzig, Quelle u. Meyer, 1908. 8°. VIII+183. (mit Abb.). (=Wissenschaft u. Bildung, hgl. von P. Herre, Bd. 60). Реценз.: **Panconcelli-Calzia** (LCBl, 1909, LX, 1434—1435); **O. Weise** (ZGw, 1909, LXIII, 323—324).

Trombetti, A. Saggi di glottologia generale comparata I. I pronomi personali (=Memorie della R. Accademia delle scienze dell' Istituto di Bologna, Classe di scienze morali, Ses. I, t. I e II, Sez. di scienze storico-filologiche 1907—1909).

Ненаучная работа: см. **A. Meillet** (BSL, 1909, LVII, 62—63).

Tucker, T. G. Introduction to the Natural History of Language. Londres, Blackie & son, 1908. XII+465. 8°. Реценз.: **A. Meillet** (BSL, 1909, LVII, 62).

Vietor, W. Die Aussprache des Schriftdeutschen. Mit dem Wörterverzeichnis der amtlichen «Regeln für die deutsche Rechtschreibung» in phonetischer Umschrift, sowie phonetischen Texten, 7-te Auflage, Leipzig, Reisland, 1909. 8°. XI+137.

Vietor, W. Kleine Phonetik des Deutschen, Englischen und Französischen. 6-te Auflage Leipzig, Reisland, 1909. XVI+132, 8°. (mit 21 Figuren).

Weise, O. Unsere Muttersprache ihr Werden und ihr Wesen. 7-te Auflage. Leipzig, Teubner, 1909. VIII+278. 8°.

Winterstein, Fr. Die Verkehrssprachen der Erde. 2-te Auflage. Berlin, Diesterweg, 1908. 8°. 52. Реценз.: **F. Hestermann** (Anthr, 1909, IV, 540).

— Wörter und Sachen, I *(выше II 363)* Реценз.: **A. Meillet** (BSL, 1909, LVII, 75—79).

M. Сравнительная грамматика индо-европ. языковъ.

Грушка, А. Спорные вопросы изъ области латинскаго языкознанія, СПБ, 8°. 1909. XI+244. (=ЖМНПр, 1909, **май**, 187—216; мартъ, 99—119; февраль, 78—89).

Некрасовъ, Н. П. По поводу двухъ статей А. И. Томсона о род.-вин. падежѣ. (Изв, XIV/3, 35—74).

Adjarian, H. Classification des dialectes arméniens. Paris, 1909, 8°. 88. (Bibliothèque de l'École des Hautes Études, sc. hist. et phil. vol. 173). Реценз.: **A. Meillet** (BSL, 1909, LVII, 88—89).

Bally, Ch. Accent grec, accent védique, accent indoeuropéen (Mélanges F. de Saussure, 1908, p. 3—29).

Boisacq, E. Dictionnaire étymologique de la langue grecque, étudiée dans ses rapports avec les autres langues indoeuropéennes. Heidelberg — Paris, Winter-Klincksieck, 1909. Lief. IV, p. 241—320. ἐλειός-ἧλιξ.

Brepohl, F. W. Die Zigeuner nach Geschichte, Religion und Sitte. Göttingen, Vandenhoeck und Ruprecht, 1909. M. 0,50.

Brockelmann, C. Grundriss der vergl. Grammatik der semit. Sprachen. Bd I. Реценз.: **M. Cohen** (BSL, 1909, LVII, 179—187).

Brugmann, K. Grundriss der vergleichenden Grammatik *(выше I 319, III 325)*. Реценз.: **K. Zieimer** (ZGw, 1909, LXIII, 725—727); **J. Vendryes**, (BSL, 1909, LVII 79—81).

Burger, A. Die französischen Wörter germanischen Ursprungs. 4-te Auflage. St. Pölten, Sydy, 1910. 16°. 20.

Delbrück, B. Einleitung in das Studium d. idg. Sprachen. 5. Aufl., 1909 (Indogerm. Grammatiken, IV Bd. Leipzig, Breitkopf u. Härtel).

Delbrück, B. Synkretismus (*выше II 364*). Реценз.: **A. Meillet** (BSL, 1907, LV, 258).

Dörrenberg, O. Römerspuren und Römerkriege im westlichen Deutschland, nach einem im Dezember 1894 gehaltenen Vortrage, nebst einem Anhange: Die Stämme der Germanen, Leipzig, Dieterich, 1909. 8°. X+258+12 Tafeln.

Насъ интересуетъ стр. 152—169. «Vorgeschichte der Germanen. Slaven».

Ernout, A. Les élements dialectaux du vocabulaire Latin. Paris, Champion, 1909. 8°. 254, (Collection linguistique, publiée par la Société de linguistique de Paris III). Реценз.: **A. Meillet** (BSL, 1909, LVII, 107—109); **O. Hujer** (LF, 1909, XXXVI, 280—282).

Falk og Torp. Etymologisk Ordbog over det norske og det danske Sprag. Kristiania, 1903—1906. вып. 5—12. Реценз.: **H. Pedersen** (ANF, 1908, XXIV, 299—303).

Fick, A. Vergleichendes Wörterbuch. Band III, 4-te Auflage, (*см. выше II 364*). Реценз.: **R. Gauthiot** (BSL, 1909, LVII, 130—134); **C. Uhlenbeck** (Museum, 1909, XVI, 369 sq.).

Fischer, H. Deutsche Altertumskunde. Leipzig, Quelle u. Meyer, 1908. 140. 8°. M. 1.—(Wissenschaft u. Bildung hgb. von Paul Herre).

Franck, J. Altfränkische Grammatik. (*выше II 364*). Реценз.: **R. Gauthiot** (BSL, 1909, LVII, 135—138).

von Garnier, K. Die Praeposition, als sinnverstärkendes Präfix im Rigveda, in den homerischen Gedichten und in den Lustspielen des Plautus und Terenz, Diss. Leipzig, 1906. 8°. VII+64. Реценз.: **A. Meillet** (BSL, 1907, p. CCL); **E. Schwyzer** (BphW, 1908, XXVIII, 1447—48).

Geldner, Karl F. Der Rigveda in Auswahl, I Teil: Glossar, II Teil: Kommentar, Stuttgart, Kohlhammer, 1907/1909. 8°. VIII+220, IV+242. Реценз.: **J. H<er>t<e>l** (LCBl, 1909, LX, 1367—1368).

Gutjahr, E. Die Anfänge der neuhochdeutschen Schriftsprache vor Luther. Halle, Waisenhaus, 1909. M. 6.

Herbig, G. Indogermanische Sprachwissenschaft und Etruskologie. (IF, 1909, XXVI, 360—381).

Hirt, H. Die Indogermanen, 2 Bände. (*выше II 364*) Реценз.: **A. Meillet** (BSL, 1907, p. CCXLII—CCXLIV).

Hoffmann-Kutschke, A. Die altpersischen Keilinschriften des Grosskönigs Dárajawausch des Ersten am Berge Bagistan. Stuttgart. W. Kohlhammer, 1909. 8°. 68. Jen. Diss. Реценз.: **F. H. Weissbach** (ZDMG, 1909, LXIII, 830—846); **J. Prášek** (OLZ, 1909, XIII, 309—310).

Hoffmann, O. Makedonen (*выше III 364*) Реценз.: **J. Beloch** (Hist-Zeitschr, 1908, III, 615—618).

Horn, Wilh. Historische neuenglische Grammatik, I Teil: Lautlehre. Strassburg, Trübner, 1908. 8°. XVI+239.

Kauffmann, Fr. Deutsche Grammatik. 5-te Auflage. Marburg, Elwert, 1909. M. 3, 20.

Kayser, K. Die Kelten des Bardengaues, nachgewiesen an Ortsnamen. Hannover, C. Meyer, 1909. 8°. VIII+87.

Körting, G. Etymologisches Wörterbuch der französischen Sprache. Paderborn, Schöningh, 1908. 8°. 420. M. 11. Реценз.: **Anonymus** (LCBl, 1908, LIX, 1465); **A. Rohr** (ZGw, 1909, LXIII, 504—509).

Важно для изученія романскихъ элементовъ въ славянскихъ языкахъ.

Later, K. Die latijnsche woorden in het oud- en middelnederduitsch. Utrecht, Kemink u. zoon, 1904. 8°. 170. Реценз.: **Fr. Burckhardt** (ZdAAnz, 1908, L, 167—171).

Важно для изученія латино-германскихъ заимствованій въ славянскихъ языкахъ.

Lindsay, W. M. Syntax of Plautus, Oxford, 1907; Parker u. Co. IV+138. 8°. St. Andrews University Publications № IV. Реценз.: **C. W<eyma>n** (LCBl, 1908, LIX, 335).

Meillet, A. Einführung in die vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen. Vom Verfasser genehmigte und durchgesehene Übersetzung von **Wilh. Printz.** Leipzig — Berlin, Teubner, 1909. 8°. XVIII+330.

Meillet, A. Les dialectes indo-européens. Реценз.: **O. Hujer** (LF, 1908 XXXV, 290—292).

Meringer, R. Prähistorische Rinnensteine (WS, 1909, I, 210—211).

Meringer, R. Sprachlich-sachliche Probleme (WS, 1909, I, 164—210). —1) Zu den Werkzeugen der pinsere—Reihe. 2) Zu den Werkzeugen der molere—Reihe. 3) Die Urbedeutung von got. *ganisan*, gr. *νέομαι* usw. 4) Zur Duenos-Inschrift. 5) Die Urbedeutung von σπένδω, spondeo. 6) Zum vertieften Tische. 7) Deutsch Brücke. 8) Lat. pons und seine Sippe. 8) Zum verehrten Pflock. 10) Schlusswort.

Meyer-Lübke, W. Zur Geschichte der Dreschgeräte (WS, 1909, I, 211—245).

Meyer-Lübke, W. Historische Grammatik der französischen Sprache. Band I: Laut-und Flexionslehre Heidelberg, Winter, 1908. 8°. XVI+278. Реценз.: **O. Bloch** (BSL, 1909, LVII, 115—116).

Möller, H. Semitisch und Indogermanisch I. (*выше II 365, III 326*). Реценз.: **A. Cuny** (BSL, 1907, p. CCXLIV—CCXLIX).

Moser, V. Historisch-grammatische Einführung in die frühneuhochdeutschen Schriftdialekte (*выше III 327*). Реценз.: **Jellinek** (ZdA, 1909, LI, 147—167).

Muchau. Pfahlhausbau und Griechentempel. Kulturgeschichtlich-sprachwissenschaftliche Untersuchungen über die Entstehung der ältesten griechischen Tempel aus den Pfahlhausbauten und Höhlenwohnungen der nordisch-germanischen Volksstämme. Jena, Costenoble, 1909. 8°. XII+362. mit 60 Abbildungen.

Nussbaumer, O. Die Satzkopula im Indogermanischen. Paderborn, Schöningh, 1909.

Nyrop, K. Grammaire Historique de la langue française. t. III. Paris, Picard, 1907. 8°. 459. Реценз.: **O. Bloch** (BSL, 1909, LVII, 117—118).

Olrik, Axel. Nordisches Geistesleben (*выше II 376*). Реценз.: **R. Meissner** (DLZ, 1909 XXX, 2914—2915); **Niedner** (ZdA, 1909, LI, 136—143).

Pedersen, H. Vergleichende Grammatik der keltischen Sprachen, I Band Einleitung und Lautlehre, 2 Teil. Göttingen, Vandenhoeck und Ruprecht 1909. 8°. M. 7, 60 XIV+257—544). Реценз.: **E. Wi<ndisch>** (LCBl, 1909, LX, 1401—1404). **A. Meillet** (BSL, 1909, LVII 123—130).

Reichelt, H. Awestisches Elementarbuch (*выше III 327*). Реценз.: **R. Gauthiot** (BSL, 1909, LVII, 89—91).

Pekmezi. Grammatik der albanesischen Sprache (*выше II 366, III 327*). Реценз.: **E. Weigand,** (LCBl, 1909, LX, 1212—1213).

Philipon, E. Les Ibères, étude d' histoire, d'archéologie et de linguistique. Paris Champion, 1909. 8°.

Schmidt, Ludwig, Allgemeine Geschichte des germanischen Volkes bis zur Mitte des VI Jahrhunderts. München, Oldenbourg, 1909. 8°. XVI+246. (=Handbuch der mittelalterlichen und neueren Geschichte, hgb. von G. von Below und F. Meinecke, Abt. II: Politische Geschichte) Реценз.: **Anonymus** (LCBl, 1909, XL, 1490—1492).

Schönhoff, H. Emsländische Grammatik (*выше II 366*). Реценз.: **R. Gauthiot** (BSL, 1909, LVII, 150—151) **A. Meillet.** (BSL, 1909, LVII, 200—202).

Ribezzo, Fr. La lingua degli antichi Messapi. I. Introduzione storica. II. Ermeneutica. Napoli, 1907. 8°. V+104. 5 frcs. Реценз.: **A. Meillet,** (BSL, 1909, LVII, 198—199); **M. Lambertz** (NphR, 1908, p. 561 sq).

Scharf. K. Etymologische Streifzüge. Schwäbisch-Gmünd, B. Kraus, 1909. 8°. 44.

Scheel, Willy. Neuhochdeutsche Sprachlehre. 1. Laut- und Wortbildungslehre. Heidelberg, Winter, 1908. 8°. 89. mit 1 Abb. (=Indogermanische Bibliothek, 2 Abt. Sprachwissenschaftliche Gymnasialbibliothek hgb. von Max Niedermann. Bd. II). Реценз.: **—bh—** (LCBl, 1909, LX, 1338—1339).

Solmsen, F. Beiträge (*выше I 321*) Реценз.: **A. Meillet** (BSL, 1909, LVII, 98—103).

Stahl, J. M. Kritisch-historische Syntax des griechischen Verbums der klassischen Zeit. Heidelberg Winter, 1907, 8°. XII+838. Реценз.: **R. Helbing** (WkPh, 1908 XXV, 1276—1289); **M<ondr>y <Beaudouin>** (RCr, 1908, LXVI, 147—151); **Dutoit** (BayBl, 1909, XLV 120, sq).

Stowik, Jul. Die Slaven, das älteste autochthone Volk Europas, übersetzt aus dem Russischen vom Autor. I Teil. Turócz-Szt-Márton, 1908. 8°. 98.

Streitberg, W. Die gotische Bibel. I Teil: Der gotische Text und seine griechische Vorlage, mit Einleitung, Lesarten und Quellennachweisen, sowie den kleinern Denkmälern, als Anhang. Heidelberg, Winter, 1908. 8°. XLVI+484. Реценз.: **J. Vendryes** (BSL, 1909, LVII, 134—135).

Šťastný, J. Hranice Makedonie ve starověku. I Úvod. Hranice východní až do 359 př. Kr. sešit I. Úvod. § 1. Hranice východní do konce vlády Amynty I. V Praze, Nákl. vlastn. 1909, 39. Реценз.: **E. Peroutka,** (LF, 1909, XXXVI, 384—389).

Suolahti, H. Die deutschen Vogelnamen (*см. выше III 327*) Реценз.: **Anonymus** (LCBl, 1909, LX, 1503).

Thumb, A. Altgriechische Elemente des Albanesischen (IF, 1909, XXVI, 1—20).

Tolman, H. Ancient Persian Lexicon, and the text of the Achaemenidan Inscriptions, transliterated and translated with special reference to their recent reexamination. New-York, Cincinnati, Chicago, American Company, (Vanderbilt University Studies, fonded by A. H. Robinson) Реценз.: **F. H. Weissbach** (ZDMG, 1909, LXIII, 828—830); **O. Mann** (OLZ, 1909, XII, 349—350); **A. Meillet** (BSL, 1909, LVII, 86—88).

Torp, A. Etymologiske Blandinger. (NTF, 1908, XVI, 143—150).

Ulrix, E. De Germaansche Elementen in de Romaansche Talen. Gent,

Siffer, 1907. 8°. XXI+208. (Koninklijke Vlaamsche Academie voor Taal & Letterkunde 1907). Смотр. LCBl, 1909, LX, 1381.

Wackernagel, J. Akzentstudien, I. (Nachr. Gött. Ges. d. Wiss., 1909, 50—63).

Weigand, F. Deutschen Wörterbuch *(выше II 366, III 327)* Реценз.: **O. Ladendorf** (NJkA, 1909, XXIII, 605—607).

Weigand, G. Linguistischer Atlas des dacorumänischen Sprachgebietes, hgb. auf Kosten der rumänischen Akademie in Bukarest, 1: 1,200,000, 9 Lieferung, 3 Blatt je 50×62 cm. Lith. u. kolor. (Mit IV S. und 34 Sp. Text). Leipzig, Barth. 1909.

Weise, O. Charakteristik der lateinischen Sprache. 4 Auflage. Leipzig, Teubner, 1909. 8°. V+202.

Winckler, H. Uhlenbeck und meine Arbeit:, Das Baskische und der vorder asiatisch-mittelländische Völker- und Kulturkreis. Breslau, Grass, Barth u. Co, 1909. Реценз.: **A. Meillet** (BSL, 1909, LVII, 205—207).

Wood, Fr. A. Indo-European aˣ: aˣi: aˣu. A study in Ablaut and in Wordformation. Strassburg, Trübner, 1905. 8°. VII+159. Реценз.: **M. Niedermann** (BphW, 1909, XXIX, 534).

Gen-Ichiro Yoshioka. A semantic study of the verbs of doing and making in the Indoeuropean languages. Chicago-Diss. Tokyo, Print of the Tokyo Tsukiji Type Fondry, 1908. 8°. 46. Реценз.: **A. Meillet** (BSL. 1909, LVII, 81—82). **M. Bréal** (RCr, 1908, II, 161—162).

Zauner, Ad. Romanische Sprachwissenschaft. I Teil: Lautlehre u. Wortlehre. II Teil: Syntax. 2. Aufl. Leipzig, Göschen, 1908. Реценз.: **W. Meyer-Lübke** (BphW, 1907, XXVII, 341—42).

II. Литература.

А. Древняя славянская и русская.

— Апостолъ «напечатанъ съ книги Апостола же, печатаннаго въ седмое лѣто патріаршества Іосифова, во всемъ съ онымъ согласно, первымъ тисненіемъ, въ градѣ Уральскѣ, въ старообрядческой типографіи, въ лѣто 7417».

Ильински, Г. Значението на Св. Гора за историята на славянска книжнина (СлГ, 1909, VII, 100—112).

Келтуяла, А. В. Краткій курсъ исторіи русской литературы. Часть I. Исторія древней русской литературы (отъ XI в. до конца XVII в.). Выпускъ второй. Спб, 1908. 8°. XVI+329. Рец.: **А. Я.** (ИВ. 1909. дек., 1146—1148).

Перетц, В. Панегірик «Вѣзерункъ цнотъ превел. о. С. Плетенецкого» року 1618 (ЗШ. 1909. VI, 54—68).

Попруженко, М. Г. Святого Козмы пресвитера слово на еретики и поученіе отъ божественныхъ книгъ.

(*выше I 328*) Рец.: **И. А.** (ИВ, 1909, дек., 1144—1146).

— **Малый Потребникъ съ Номоканономъ. Уральскъ, Старообрядч. типогр., 1908. 4°. 139.**

Въ послѣсловіи Арсеній, старообрядч. епископъ Уральскій, говоритъ: «Чины сего Малаго Потребника и молитвы избраны изъ Большаго Потребника моск. патріарха Іосифа; указъ же святительскаго погребенія взятъ изъ Большого же Потребника московск. патріарха Филарета; начало же иноческому погребенію заимствовано изъ Иноческаго Потребника московск. патріарха Іоасафа I, какъ болѣе обычное и согласное другимъ погребеніямъ; погребеніе младенческое пополнено по древнеписменному новгородскому начала XVI стол.; отъ сего же потребника внесена молитва, егда змія усѣкнетъ или песъ бѣшенъ укуситъ человѣка. Тяжелыя къ выговору и малопонятныя старослав. слова въ вопросахъ исповѣди, безъ измѣны смысла, замѣнены другими слав. же словами, ближе подходящими къ настоящему русскому говору. Правила Номоканона провѣрены по книгамъ и правиламъ, откуда извлекались оныя по ихъ указанію, и встрѣченныя въ нихъ неточности исправлены болѣе точно. При двухъ правилахъ, 120 и 121, сдѣланы ссылки на VII и IV Соборы безъ указанія правилъ, но точнаго содержанія ихъ во всѣхъ правилахъ сихъ соборовъ не содержится, и откуда они извлечены, остается неизвѣстнымъ. Статья о духовномъ сродствѣ, поставленная подъ 209-мъ правиломъ, дополнена Матѳеомъ Властаремъ для показанія, что о духовномъ сродствѣ неодинаково было мнѣніе въ древней православной церкви. Послѣди 222-го послѣдняго правила Іосифовскаго номоканона приводятся различныя главизны, собранныя отъ иного номоканона безъ чиселъ; мы провели и на нихъ число того же порядка для болѣе удобнаго отысканія ихъ и указанія на нихъ въ алфавитѣ. Къ концу отвѣта, стоящему у насъ подъ числомъ 270, какъ сбивчиво изложенному, очевидно, отъ непонятія переводчиками сего отвѣта, мы сдѣлали примѣчаніе на основаніи древнихъ отцовъ святой церкви, чтобы возстановить правильный смыслъ сего отвѣтчика. Алфавитъ присовокупили къ сему номоканону только какъ удобнѣйшее пособіе къ отысканію въ немъ правилъ, какъ таковый былъ и въ Кіевскомъ, съ котораго печатались наши патріаршіе номоканоны».

— **Сборникъ.** Въ Московской старообрядческой книгопечатнѣ въ лѣто отъ зданія міра 7417-е мѣсяца іюня 22 дня съ нижепомянованныхъ рукописей: О разношеніи молитвы Іисусовой книги Старчества, находящейся въ селѣ Городцѣ Нижегородской губ. у Григорія Матвѣевича Прянишникова; О крестномъ знаменіи и о аллилуіи Кормчіи древнеписменной, рукопись 1519 года, хранящейся въ городѣ Казани въ библіотекѣ при Духовной Академіи. Изъ книги преп. Максима Грека, рукопись 1-й половины 16-го столѣтія, весьма рѣдкой и замѣчательной, изъ книги житія препод. отца нашего Евфросина Псковскаго чудотворца, письма 16-го вѣка, хранящихся въ царствующемъ градѣ Москвѣ въ библіотекѣ Румянцевскаго Музея.

— **Служба, житіе и чудеса преподобныя благовѣрныя великія княгини инокини Анны Кашинскія.** Заимствована неизмѣнно съ древней рукописи, написанной при царѣ Алексіи Михайловичѣ и при святѣйшемъ патріархѣ Іосифѣ, хранящейся нынѣ въ Синодальной Библіотеки въ Москвѣ, и свѣрена съ рукописями, хранящимися въ Историч. Музеѣ въ Москвѣ и въ Имп. Академіи Наукъ. Уральскъ, Старообрядч. типографія, 1909. 4°.

— Уставъ «съ дополненіемъ именъ святыхъ, взятыхъ изъ Пролога патріарха Іосифа, и съ приложеніемъ слова о житии христіанстѣмъ, напечатася въ градѣ Уральскѣ, въ Старообрядч. типографіи, втор. тисненіемъ, въ лѣто 7417».

— Старообрядческій учебный часовникъ, перепечатанный съ изданнаго въ Москвѣ при патріархѣ Іоасафѣ въ 7015 (?) лѣто. Изданіе Св. Никольской церкви, что при фабрикѣ Захара Морозова, иждивеніемъ Захара Ивановича Морозова. Москва, Лисснеръ и Собко, 1908. 8°. 120 листовъ.

— Часовникъ съ Часовника «десятаго лѣта патріаршества Іосифа напечатася во всемъ согласно, строка въ строку и буква въ букву, первымъ тисненіемъ, въ градѣ Уральскѣ, въ Старообрядч. типогр., въ лѣто 7417».

— Чинъ и уставъ обрученію и вѣнчанію православнымъ христіаномъ, и избраніе отъ божественныхъ писаній, яко не подобаетъ бракъ составляти съ безчиніемъ и глупотворствомъ, и о еже православнымъ христіаномъ брадъ не брити. Взятъ изъ служебника Іосифа патріарха Московскаго, пятаго лѣта его патріаршества. Житіе и страданіе св. новоявленныхъ мучениxъ Антонія, Іоанна и Евстафія, пострадавшихъ за брадобритіе и прочія христіанскія законы, взято изъ великія Московскія минеи четіи, мѣсяцъ апрѣль 14 день стр. 281. Уральскъ, Старообрядч. типогр., 1909. 8°. 78 + 8 лл.

Щуратъ, В. Грунвальдска пісня (Bogurodzica Dziewica). Памятка западно-руськоï лïтературы XIV в. Жовква 1906. 8°. 52.

Щуратъ, В. Дві статï про Грунвальдску пісню, Відповідь проф. Брікнерови. Жовква, 1906. 8°. 32. Реценз.: **Свєнцïцкий** (ЗШ, 1908, LXXXII, 219—221).

Brückner, A. Co sądzić o żywotach Cyryla i Metodego (KwH, 1908, XXII, 1—15).

Frey, J. Der slavische Josephusbericht über die urchristliche Geschichte nebst seinen Parallelen kritisch untersucht. Leipzig, A. Deichert Nachf., 1909. 8°. IV+281.

Milčetić, Ivan. Predhodni izvještja o izučavanju hrvatske glagoljske književnošti. (Ponatisnjeno iz «Ljetopisa» Jugoslav. Akad. znan. i umjetn.). Zagreb, 1909. Реценз.: **Fr. Ilešič** (LZ, 1909, X, 637—638).

Murko, M. Geschichte der älteren südslavischen Litteraturen. (*выше* II *367*). Реценз.: **T. Grabowski** (PgP, 1909, XII, 416—426); **Jos. Tominšek** (LZ, 1909, III, 186—187); **J. P.** (ЛМС, 1909, I, 81—85).

Ułaszyn, H. Runy słowiańskie (z powodu książki d-ra J. Leciejewskiego «Runy i runiczne pomniki słowiańskie»). (MatJęz, 1908, IV, 41—71). Реценз.: **St. Słoński** (Książka, 1909, IX, 95—96).

Б. Народная словесность.

Анастасовъ, Г. П. Народни пѣсни изъ Гюмюрджинско (РодНапр, 1908, VI, 69—79, 106—111, 142—157, 183—190, 229—233).

Бобровъ, В. Народныя пѣсни русскаго населенія Лифляндской губерніи (Сборн. Уч.-Литер. Общ. Юрьев. Ун., 1908, XIII, 76—93).

Реценз.: **В. Гнатюк** (ЗШ, V, 1909, 224—225).

Вейнбергъ, Петръ. Русскія народныя пѣсни объ Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ. Изд. 2. СПБ, 1908.

Геровъ, Н. Народни умотворения изъ Одринско и Родопитѣ, (Род Напр, 1909, VII, 60—63).

Гнатюк, В. Хоценський співъник Левицьких. (ЗШ, 1909 V, 95—125).

Ерофѣевъ, Гв. Українськи думи і їх редакції (ЗШ, 1909, VI, 89—83).

Пашевъ, Г. Л. Народни умотворения изъ Родопитѣ и Одринско (РодНапр, 1908, V, 265—273). (*выше I 329*).

Петровскій, Н. М. Къ исторіи «Откровенія Меѳодія Патарскаго» въ западно-славянскихъ литературахъ. (Изв, XIV/$_3$, 75—94).

Поповъ, М. С. 1709—1909. Святитель Димитрій Ростовскій и его труды. Съ 17 рисунками. СПБ, 1910. 8°. 350.

Книга посвящена «дорогому отцу ректору и профессору Спб. Дух. Академіи, преосвященнѣйшему епископу Ѳеофану».

Поповъ, Я. Странджанска гусла. Народни пѣсни на мѣстно нарѣчие изъ Лозенградско, Малко-Търновско, Баба-Ескийско и Бунаръ-Хисарски. София, 1905. 16°. 48. Реценз.: **Х. П. Стоиловъ** (РодНапр, 1908, VI, 68—61).

Скерлиħ, Јован. Француски романтичари и српска народна поезија. У Мостару, 1908. 16°. 79. Реценз.: **Јов. Р‹адониħ›** (ЛМС, 1909, IV, 74—76); **Jos. Páta** (SlPř, 1909, XII, 136—137).

Соколовъ, М. Е. Великорусскія весеннія и хороводныя пѣсни, записанныя въ Саратовской губерніи. Владиміръ, 1908.

Франко, Іван Dr. Галицько-руськи народнї приповідки. Том другий (Кравець-Пять). Lvov. 1907, X + 301—612. Реценз.: **Josef Páta** (SlPř, 1909, XI, 456—458).

Ћоровиħ, Влад. Краљевиħ Марко у српским народним приповијеткама. (СКГ, 1909, № 192, стр. 119—124).

Шишковъ, С. Народни умотворения изъ Одринско и Родопитѣ (РодНапр, 1908, VI, 30—32, 69—79, 106—111).

Янковъ, Г. Български народни пѣсни отъ Елена В. Янкова (*выше I 341*). Реценз.: **В. Гнатюк** (ЗШ, 1909, V, 225—226); **Г. Р. Ђ.** (СКГ, 1909, № 195, стр. 386—387).

Яцимирскій, А. И. Къ исторіи апокрифовъ и легендъ въ южнославянской письменности. VI—VIII. (Изв, XIV/$_3$, 103—159).

VI. Сказанія объ Іоаннѣ Крестителѣ и апостолахъ (с. 103). VII. Сказаніе о святыхъ женахъ (с. 118). VIII. Видѣнія загробной жизни (с. 140).

Afanassjew, A. N. Russische Märchen. Neue Folge. Deutsch von **Anna Meyer.** Wien, R. Ludwig, 1909.

Bajuk, Marko. Zbornik slovenskih narodnih pesmi za tamburaški zbor. Ljubljana, Katoliška Bukvarna, 1909.

Flajšhans, Václav. Česka přisloví, Sbírka přisloví, průpovědí a pořekadel lidu českého v Čechach, na Moravě a v Slezsku. Vydávají společně Čes. Akademie a F. Šimáček. v Praze, 1909. Sešit 1. Реценз.: **Jos. Páta** (SlPř, 1909, XII, 138—139).

Jireček, H. Příspěvky k rozpoznání Rukopisu Kralodvorského. Ре-

ценз.: **J. G‹oll›** (ČČH, 1908, XIV, 92—94).

Karczmarczyk, K. Legenda ludowa o wieczności (Lud, 1908, XIV, 291—294).

Porębowicz, Edw. Berta z dużemi stopami i Rycerz z łabędziem (Lud, 1909, XV, 169—187).

Stokłosa, J. Pieśni dziewcząt jurgowskich na Spiżu (Lud, 1908, XIV, 262—277).

В. Новѣйшая русская.

Арсеньевъ, К. Алексѣй Мих. Жемчужниковъ. Поэзія «цвѣтущей старости». (ВЕ, 1908, май, 352—368).

Арсеньевъ, К. Л. Н. Толстой 1828—1908. (ВЕ, 1908, сент., 330—340).

Арсеньевъ, К. Двадцать второе августа 1883—1908. (ВЕ, 1908, авг., 732—735).

По поводу 25-лѣтія смерти Н. С. Тургенева.

Астровъ, П. И. Ал. Мих. Жемчужниковъ. Сергіевъ посадъ, 1908. 8°. 15.

Бирюковъ, П. Л. Н. Толстой. Біографія т. 2. Москва, 1908. 8°. 483. Реценз.: (ВЕ, 1908, ноябрь, 327—332).

Брайловскій, С. Н. Къ вопросу о Пушкинской плеядѣ. Историко-литературные матеріалы и изслѣдованія. I Орестъ Михайловичъ Сомовъ. Варшава, 1909. 8°. 2+151. Рец. **Л.** (ИВ, 1909, дек., 1148).

Веселовскій, Алексѣй. Герценъ—писатель. (ВЕ, 1908, мартъ, 295—336, апр., 533—571).

Вѣтринскій, В. Г. Ранніе годы Н. Г. Чернышевскаго. Изъ исторіи русскаго общества и литературы. (ВЕ, 1908, іюль, 5—29, авг., 494—528).

Вѣтринскій, В. Г. Герценъ, СПБ, 1908. 8°. 532. Реценз.: (ВЕ, 1908, авг., 755—761).

Ганжулевичъ, Т. Записки охотника И. С. Тургенева. СПБ, 1908. 8°. 176. Реценз.: (ВЕ, 1908 ноябрь 332—335).

Георгіевскій, Г. П. Гоголевскіе тексты (=Памяти **В. А. Жуковскаго** и **Н. В. Гоголя.** Вып. III. СПБ, 1909. 8°. VIII+466).

Георгіевскій, Г. А. И. Герценъ въ его письмахъ къ Н. П. Огареву. Вторая половина шестидесятыхъ годовъ: 1866—1870. (ВЕ, 1908, янв., 83—146; февр., 482—524; мартъ, 138—185).

Гершензонъ, М. Сѣверная любовь А. С. Пушкина (ВЕ, 1908, янв., 275—302).

Грушевськиий, Ос. Українське письменство в 1909 р. (ЛНВ, 1910, I, 86—99).

Гутьяръ, Н. Ив. Серг. Тургеневъ и семейство Віардо-Гарсіа. (ВЕ, 1908, авг., 417—460).

Доманицький, Василь. Авторство Марка Вовчка. Львов, 1908. 8°. 63. Реценз.: **J. P.** (SlPř, 1909, XII, 139—140).

Достоевская. Музей памяти Ѳ. М. Достоевскаго при Имп. россійскомъ музеѣ въ Москвѣ. Съ портретами и видами. Спб. 1907. 8°. 392. Реценз.: **А. И. Яцимирскій** (СКГ, 1909, № 197, стр. 554—555).

Замотинъ, И. И. Романтическій идеализмъ въ русскомъ обществѣ и

литературѣ 20—30 годовъ XIX в. (ЗХУ, 1909, III, 5—22).

Замотинъ, И. И. Русская Нора и ея духовныя стремленія. (ЗОИФП, II, 1909, IV, 57—80).

Къ характеристикѣ женскаго вопроса въ новѣйшей русской драматической литературѣ.

Засодимскій, П. Изъ воспоминаній. Москва, 1908. 8°. 450. Реценз.: (ВЕ, 1908, сент., 367—369).

Кашинъ, Н. П. Къ исторіи текста произведеній А. Н. Островскаго. IV—V. (Изв, XIV/3, 232—285).

IV. «Старый другъ лучше новыхъ двухъ» и «Исковое прошеніе» («Семейная картина») (с. 232). V. «Свои люди—сочтемся» (Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ) (с. 266).

Коганъ, П. Очерки по исторіи новѣйшей русской литературы, т. I, в. I. Москва, 1908. 8°. 256. Реценз.: (ВЕ, 1908, сент., 360—262).

Котляревскій, Н. А. Н. В. Гоголь 1824—1842. Очерки изъ исторіи русской повѣсти и драмы. Изд. 2, Спб. 1908.

Котляревскій, Н. А. Памяти Ал. Мих. Жемчужникова. (ВЕ, 1908, іюнь, 514—538).

Красносельскій, А. И. Творчество А. П. Чехова, его мотивы и идеи. (ВЕ, 1908, авг., 529—557, сент., 140—169).

Лебедевъ, Ал. Въ біографіи Н. Г. Чернышевскаго. По поводу двадцатилѣтія со дня его смерти 1889—1909. (ИВ, 1909, дек. 999—1004).

Лернеръ, Н. Неизданная эпиграмма Пушкина (Рѣчь, 1910, № 24, 25 января, стр. 3).

Максимовъ, Владисл. Литературные дебюты Н. А. Некрасова. Вып. I. СПБ, 1908. 8°. 216. Реценз.: (ВЕ, 1908 февр. 818—821).

Мережковскій, Д. Вѣчные спутники. Достоевскій, Гончарова, Майковъ. Изд. 3. СПБ, 1908.

N. Новыя данныя о А. О. Писемскомъ (Ежег. Имп. театр., 1909, I, 9—14).

Овсянико-Куликовскій, Д. Н. А. И. Герценъ (характеристика) СПБ, 1908. 8°. 37. Реценз.: (ВЕ 1908, сент. 362—365).

Омельченко, А. П. Герой нездороваго творчества («Санинъ», романъ Арцыбашева). СПБ, 1908.

Плехановъ, Г. Н. Чернышевскій, СПБ, Шиповникъ, 1910. 8°. 538.

— Пушкинъ и его современники. Матеріалы и изслѣдованія. Вып. V. СПБ, 1907. 164 стр. Реценз.: (ВЕ, 1908, февр. 821 —823). Вып. VI. СПБ, 1908. 211. Реценз.: (ВЕ, 1908, іюль 328—330).

Библіотека великихъ писателей, подъ ред. С. А. Венгерова. **Пушкинъ.** Т. 2. Изд. Брокгаузъ-Ефронъ. Спб. 1908. Реценз.: (ВЕ. 1908. окт. 780—783).

Сочиненія **Пушкина.** Изд. Имп. Академіи наукъ. Переписка. Подъ ред. и съ примѣчаніями В. И. Саитова, т. 2. Спб. 1908. 399. Реценз.: (ВЕ, 1908, іюнь, 828—830).

С—ая, А. Антонъ Павловичъ Чеховъ—лавочникъ. (ВЕ, 1908, ноябрь, 192—224).

Сакулинъ, П. Фактическая поправка къ статьѣ г. Ежова (о А. П. Чеховѣ). (ИВ, 1909 дек., 1207—1208).

Семеновъ, Серг. Воспоминанія о Л. Н. Толстомъ. (ВЕ, 1908, сент. 7—63).

Сиповскій, В. Пушкинъ. Жизнь и творчество, СПБ, 1908. 8°.

XXV+620. Реценз.: **А. И. Яцимирскій** (СКГ, 1909, № 194, стр. 314—316).

Сиротининъ, Андрей. Бесѣды о русской словесности. СПБ, 1909. 8°. IX+345. Реценз.: **Josef Páta** (SlPř, 1909, XI—459).

Суперанскій, М. Иванъ Александровичъ Гончаровъ и новые матеріалы для его біографіи I. Воспоминанія А. Н. Гончарова и Е. А. Гончаровой. II. Письмо И. А. Гончарова къ Кирмаловымъ и Музалевской, III. Письмо его къ А. Г. Тройницкому. IV. Письмо И. С. Тургенева къ И. А. Гончарову. (ВЕ, 1908. ноябрь, 5—48, декабрь, 417—460).

Тихомировъ, Д. Матеріалы для библіографическаго указателя произведеній Н. П. Огарева и литературы о немъ. СПБ. 1908.

Трубицынъ, Н. Одинъ изъ восьмидесятниковъ. Надсонъ. Варшава, 1908.

Трунова, М. А. Партизанъ-поэтъ Д. В. Давыдовъ и его архивъ (ВАИ, 1909, XVIII/1. 1—14).

— Словарь литературныхъ типовъ. Тургеневъ. Вып. 1. СПБ, 1908. 144. Реценз.: (ВЕ, 1908. стр 402—403).

Чуковскій, К. Леонидъ Андреевъ большой и маленькій. СПБ, 1908. 8°. 134. Реценз.: (ВЕ, 1908, сент., 365—367).

Чуковскій, К. Отъ Чехова до нашихъ дней. Литературные портреты характеристики. СПБ, 1908. 8°. 183. Реценз.: (ВЕ, 1908, стр. 409—412).

Щеглова, Л. В. Мережковскій, Публичная лекція, прочит. въ февралѣ 1909 г. въ Петербургѣ. СПБ, «Ad astra», 1910. ц. 25 коп.

— **Письма къ графинѣ С. А. Толстой.** (ВЕ, 1908, янв., 206—240; февр. 695—732).

С. А. Т—ая — жена Ал. Конст. Толстого. Въ янв. кн.: **Ив. С. Тургенева, Вл. Соловьева, Ѳ. Достоевскаго, Шекспира Фета, гр. В. Соллогуба, Я. П. Полонскаго** и др. Въ февр. кн. приб.: **Лѣскова, Грегоровіуса, кн. Церетелева Б. М. Маркевича, Уйда вел. герцога веймарскаго Карла Александра, гр. А. П. Бобринскаго, Р. Морріэ, А. В. Орлова-Давыдова, кн. К. Сайнъ-Виттенштейнъ, брамина Нишканты Чатападая, М. А. Зичи, Фр. Листа, М. П. Соловьева, Д. Юма, П. А. Висковатова.**

Bełcikowski, Jan. Leon Tolstoj. Z portretem autora. Warszawa, Sadowski, 1908. 8°. 171. (Nowości Literackie t. V). Реценз.: **W. Jabłonowski** (Książka, 1909, IX, 111—113).

Brückner, A. Geschichte der russischen Literatur. 2. Ausgabe. Leipzig, Amelang. 1909. 8°. VII+508. (Die Literaturen des Ostens Bd. II).

Dostojewski, F. W. Sämtliche Werke. Unter Mitarbeiterschaft von **Dmitri Mereschkowski, Dmitri Philossophoff** u. a. hgb. von **Moeller van den Bruck.** I Abt. München. R. Piper, 1909. 8°. Bd. 3,4. Der Idiot, Roman in 2 Bänden. Mit e. Einleitung von **Moller van den Bruck,** übertragen von **E. K. Rahsin,** 1909, XVII+647+552.

Eliasberg, Al. Die russische Lyrik. München, 1908. 8°. 123. Реценз.: ВЕ, 1909, апр., 851—855.

Vladislavlev, J. N: V. Gogol (K stoletým narozeninám). (SlPř, 1909, XI, 392—399).

Г. Южныхъ и западныхъ славянъ.

Дере, Ђ. Змај Јован Јовановић и Хорације. (ЛМС, 1910, I, 1—9).

Заболотскій, П. А. Очерки русскаго вліянія въ славянскихъ литературахъ новаго времени. I. 1. Русская струя въ литературѣ сербскаго возрожденія. Варшава, 1908. 430. Реценз.: **Josef Páta** (SlPř, 1909, XI, 456—457); **I. C.** (СКГ, 1909, № 193, стр. 226—228); **Јов. Радонић** (ЛМС, 1909, I, 70—73).

Квић, Ал. Прилози за бијографију Јована Рајића. (ЛМС, 1909, IV, 51—60).

Митровић, Исаије. Преглед српске омладинске књижевности. Реценз.: **М. Шевић** (ЛМС, 1910, II, 58—59).

Налепинскій, Тад. Станиславъ Выспянскій 1869—1907. Изъ исторіи новѣйшей польской литературы. (ВЕ, 1908, іюль, 121—144).

Поповичъ, П. Прѣгледъ на новата сръбска литература (СлГ, 1909, VII, 8—18, 39—46).

Романски, Ст. Цинцарски писатели въ 18 вѣкъ (ПС, 1909, LXX, 462—467).

Скерлић, Јов. Јован Мушкатировић (=Глас, LXXX). У Београду 1909. 8°. Реценз.: **Јов. Радонић** (ЛМС, 1909, IV, 63—66).

Штейнъ, Серг. Славянскіе поэты. Переводы и характеристики. СПБ. 1908.

Alexici, G. Geschichte der rumänischen Literatur, in deutscher Bearbeitung von Dr **K. Dieterich.** 2. Ausgabe. Leipzig, Amelang, 1909, VII+196, 8°. (Die Literaturen des Ostens III Abt. 2).

Baczyńska, A. W stuletnią rocznicę urodzin (1809—1909). Juliusz Słowacki. Jego życie i twórczość. W 2 tomach. Poznań, 1909. Nakł. i własność Księg. B. Chrzanowskiego. 8°, t. I str. 116; t. II, str. 151.

Brückner, A. Geschichte der polnischen Literatur. Neue Titelausgabe. Leipzig, Amelang. 1909. VII+628. 8°. (Die Literaturen des Ostens. Bd. I).

Cehak-Słodor, ad. Makryna Mieczysławska w utworach Słowackiego i Wyspiańskiego. Stanisławow, 1909. Księg. K. Jasielskiego. (Odbitka Ze «Sprawozdania» c. k. szkoly realnej w Stanisławowi Za rok 1909). 8°. str. 16.

Ciołkocz, Kasper. Słowacki—Shelley. W Szwajcaryi — Epipsychidion. Beatrix Cenci—The Cenci. Tarnów. 1909. Nakł. fund. nauk. 8°. 40.

Czarnowski, S. I. Literatura przeddziejów Polski i ziem sąsiednich słowiańskich. Warczawa — Kraków, 1909. 8°. 148.

Czermak, Wiktor. O Stefanie Czarnieckim. Wyd. III. Lwów, 1909. Nakł. Macierzy Polskiej. Kraków, G. Gebethner i Sp. 8°. 45.

Dieterich, K. Geschichte der byzantinischen und neugriechischen Literatur. 2. Ausgabe. Leipzig, Amelang, 1909. (=Die Literaturen des Ostens IV, Abt. 1) X+242+74. 8°.

Feldman, Wilh. Polská literatura v roce 1908 (SlPř, 1909, XI, 378—383).

Fischer, Ad. Wątek odkwitającei gałęzi (Lud, 1909, XV, 200—210).

Grabowski, T. Słowackiego lata ostatnie 1843—1849. Kraków, 1909. (Odbitka ze «Sprawozdania» c. K. I

çzkoly realnej w Krakowie za rok 1909). 8°. 33.

Grabowski, Tadeusz. Krytyka literacka w czasach romantyzmu (1818—1830). (BiblWarsz, 1909, X, 38—80).

Grzymała-Siedlecki, Adam. Wyspiański, cechy i elementy jego twórczości. Kraków.

Hahn, Wiktor. Cypryan Norwid o Słowackim (PwN, 1909, I, 37—45).

Hahn, Wiktor. Szkice literackie o Juliuszu Słowackim. Brody.

Hahn, Wiktor. Juliusz Słowacki. W sześćdziesiątą rocznicę zgonu poety. Brody, 1909. Nakł. F. Westa. 8°. 13.

Horn, P. Geschichte der türkischen Moderne. Leipzig. Amelang. 2. Ausgabe. 1909. 8°. (Die Literaturen des Ostens IV, Abt. 2).

Janik, Michał. Juliusz Słowacki. Próba syntezy. Lwów, 1909. (Odbitka ze «Sprawozdania» II szk. real. we Lwowie za rok 1909). 8°. 95.

Janowski, L. Lata uniwersyteckie Słowackiego (Muz, 1910, dod. 4).

Kallenbach, I. Nieznane pisma Adama Mickiewicza (1817—1823). Z archivum Filomatów. Kraków, 1910. Рецenз.: **St. Tarnowski** (PgP, 1910, I, 75—82).

Kallenbach, Józef. O nieznanych utworach Adama Mickiewicza (1817—1820). Lwów.

Kielski, B. Ślady wpływu Wiktoru Hugo w dramatach Słowackiego. Szkic literacki. Krosno, 1908. (Odbitka ze «Sprawozdania» c. k. wyższej szkoły realnej w Krośnie za r. szk. 1908/9). 8°. 14.

Kont, J. Geschichte der ungarichen Literatur, 2 Ausgabe, mit Nachträgen und Verbesserungen. Leipzig. Amelang. 1909. 8°. VIII + 272. (= Die Literaturen des Ostens III, Abt. 1).

Kridl, Manfred. Mickiewicza «Księgi pielgrzymstva polskiego» i Lamennais'go «Paroles d'un croyant». (BiblWarsz, 1909, VIII, 238—269).

Krstev-Miroljubov, K. Penčo Slavejkov. Bulharský básník. (SlPř, 1909, XII, 54—59).

Lam, Stanisław. Stanisław Wyspiański. Jarosław, Nakł. Aug. Meinharta, 1909. 8°. 56.

Lucerna, Camilla. Zur Asanaginica. Zagreb 1909 (Studienblätter zur Kroatischen und Serbischen Lireratur I) 8°. Рецenз.: **Вл. Ћоровић** (ЈИМС, 1909, VII, 77—81).

Lustosławski, W. Metafizyka w poezyi Słowackiego. (BiblWarsz, 1909, XII, 431—452).

Luther, Arthur. Jesus und Judas in der Dichtung. Ein Beitrag zur vergleichenden Literaturgeschichte. Hanau. Clauss u. Feddersen, 1909.

Makłowicz, X. I. Religijność Juliuszu Słowackiego. Lwów. Рецenз.: **A. E. Balicki** (PgP, 1910, 82—84).

Mazanowski, Ant. Iedna z dramatycznych kronik Słowackiego («Balladyna») (BiblWarsz, 1909, XII, 453—473).

Méyet, Leopoll. Nieznana odezwa Adama Mickiewicza w sprawie Szkoły Polskiej na Batignolles. (BiblWarsz, 1909, X, 156—163).

Méyet, Leopold. Kiedy się urodził Juliusz Słowacki? Kilka uwag historyczno-prawnych o dacie urodzin poety; z pięcioma rysunkami. Warszawa, Księg. Ludwika Biernackiegoi S—ki 1909. 8°, 32. Рец.: **H. M.** (BiblWarsz, 1909, IX, 607—609).

Méyet, Leopold. Słowacki i Komierowski. Na portavie listów poety. Przyczynek • do jego życio rysn. Warszawa, Księg. L. Biernae kiegoi Sp. 1909. (odbitka uzupełniona ze «Sfinksa» za listopad 1908 r.) 8⁰. 21.

Murko, Mathias. Die Volksepik der bosnischen Mohammedaner. Berlin. 1909. 8⁰. 13—30. Реценз.: **A. A.** (СКГ, 1909, № 195, стр. 387—390).

Nagl, J. und Zeidler, J. Deutsch-österreichische Literaturgeschichte. Wien, C. Fromme, 1909.

Pietrzycki, Jan. Kobieta i miłość w życiu Juliusza Słowąckiego. Lwów, Nakład. księg. L. Chmielewskiego Warszawa, Księgarnia Powszechna, 1909. 8⁰ 24.

Pilat, R. Histǫrja literatury polskiej, wykłady uniwersytetskie, pod redakcją **W. Bruchnalskiego.** IV, część II. Historja poezji polskiej. Czasy porozbiorowe i kęstwa Warszawskiego, opracowal **K. Wojciechowski.** Lwow, Altenberg, 1908. 8⁰. Реценз.: **J. Chrzanowski** (Książka 1909, IX, 57—58).

Popović, P. Die Manekine in der südslavischen Literatur (ZrPh, 1908. XXXII, 312—323; 754).

Ogród fraszek. **Wacław z Potoka Potocki.** Wydanie zupełne **Aleksandra Brücknera** we Lwowie 1907. Рец.: **St. Dobrzycki** (PgP, 1909, VII, 114—118).

Przewóska, Marya Czesława Eliza Orzeszkowa w literaturze i w ruchu kobiecym. Zarys syntetyczny. List jubilatki. Wydanie II. Kraków, Nakład Księg. ludowej K. Wojnaru, 1909. 8⁰. 100, z trzema portretami i rycimami.

Sędzimir, Ian O. Język Słowackiego. Rzeszów, 1909. I-e rzeszowskie gimnazyum. 8⁰. 22.

Siedleski-Grzymała, Adam. Wyspiański. Cechy i elementy jego twórczości. Kraków, Nanład. Księg. D. E. Friedłeina. Warsżawa, E. Wende i Sp. 1909. 8⁰. VII+255.

Pisma **Juliusza Słowackiego.** Zbiór utworów wydanych za życia i po śmierci autora z przedmovą i wukładzie **Artura Górskiego.** Tom I—VI. Kraków—Warszawa, 1908. Реценз.:—**n**—(SłP, XI, 1909, 561—462).

Słowackiego Juliusza dzieła. Pierwsze krytyczne wydanie zbiorowe. Tom I—III, V—X. We Lwowie 1909. Реценз.: — **n** — (SlPř, 1909, XII, 131—132).

Sokolicz, Antonina. Juliusz Słowacki. Zycie i dzieła poety. Pownań. Nakład. Wydziału Oświatowego «Straży» 1909. 8⁰. 80.

Spina, Franz. Beitrage zu den deutschslavischen Literaturbeziehungen I. Реценз.: **A. Novák** (LF, 1909, XXXVI, 301—306).

Turowski, St. Samuel ze Skrzypny Twardowski i jego poezya na tle współczesnem. (PwN, 1909, I, 1—18; II, 98—116; III, 193—210; IV, 289—303; V, 385—396; VI, 481—494; II, 577—591; VIII, 673—691).

Ujejski, Józef. Juliusza Słowackiego «Kordyan». Kraków, 1909. 8⁰. 63. Nakład autora. Osobna odbitka ze Sprawozdania gimnazyum św. Jacka w Krakowie.

—Die osteuropäischen Literaturen und die slawischen Sprachen. *(выше I 346)* Реценз.: **Jos. Tominšek** (LZ, 1909, III, 182—186).

Д. Драматическая.

Арабажинъ, К. И. Гоголь какъ драматургъ (Ежег. Имп. театр., 1909, Э—13).

Атанасовъ, Т. Очеркъ върху историята на нашия театъръ. (ПС, 1909, LXX, 373—412).

Батюшковъ, Ѳ. Левъ Толстой, какъ драматургъ (Ежег. Имп. театр., 1909, I, 14—28).

Гуревичъ, Л. Взгляды Гоголя на искусство актера и режиссера (Ежег. Имп. театр., 1909, II, 14—27).

Дризенъ, бар. Н. В. Гоголь и драматическая цензура (историческая справка). (Ежег. Имп. театр., 1909, II, 35—42).

Измайловъ, А. Ѳедоръ Кони и старый водевиль (къ тридцатилѣтію смерти Ѳ. А. Кони). (Ежег. Имп. театр., 1909, III, 1—37).

Немировичъ-Данченко, В. И. Тайны сценическаго обаянія Гоголя. (Ежег. Имп. театр., 1909, II, 28—35).

Приселковъ, А. В. Первая постановка «Власти тьмы» на любительской сценѣ въ 1890 г. (Ежег. Имп. театр., 1909, I, 29—39).

Е. Описанія рукописей и библіотекъ.

Баласчевъ, Г. Българското скорописно письмо и образци отъ него отъ X—XIX вѣкъ (Минало, 1909, I, 282—302).

Свѣнцицкій, И. С. Опись музея Ставропигійскаго Института во Львовѣ. Львовъ. 1908. 8°. XI+248.

Снитко, А. К. Описаніе рукописнаго отдѣла и старопечатныхъ книгъ библіотеки Минскаго церковнаго истор.-арх. комитета. В. I, Минскъ, 1909. 8° 74 (Приложеніе къ I вып. ежегодника «Минская старина»).

Яворскій, Ю. А. Два замѣчательныхъ карнато-русскихъ сборника XVIII вѣка, принадлежащихъ университету св. Владиміра. Описаніе рукописей и тексты. Кіевъ, 1909. 8°. 95.

Ilešič, Fr. Slovenski rokopis iz l. 1551 in 1558 (ZbMS, 1908, 122—125).

Kutrzeba, St. Catalogus Codicum Manuscriptorum Musei Principum Czartoryski Crakowiensis. Vol. II, fasc. primus 913—1092. Cracoviae, 1909.

III. Археологія, этнографія, исторія.

А. Археологія и Этнографія.

Семидесятипятилѣтіе Императорской Археологической Коммиссіи 1834 $\frac{24}{XII}$ 1909. СПБ, 1909. 8°. 16.

Анастасовъ, Г. Приказки за черковни лица и явления. (РодНапр, 1908, VI, 141—142).

Баласчевъ, Г. Българския държавенъ гербъ. (Минало, 1909, I, 175—187).

Баласчевъ, Г. Старобългарскитѣ каменни надписи отъ врѣмето на великия канъ Омъртагъ. (Минало, 1909, I, 219—238).

Бугославскій, Гр. О Борисоглѣбской церкви г. Смоленска. (Смоленск. Стар., 1909, I, 1—18).

Бугославскій, Гр. О результатахъ изысканій Гнѣздовскаго могильника, Смоленскаго уѣзда, произведенныхъ 13 іюна — 23 сентября 1899 г., и нѣсколько словъ о самомъ могильникѣ. (Смоленск. Стар., 1909, I, 3—16).

Голубовскій, П. В. Историческая карта Черниговской губ. до 1300 г. (Труды XIII археол. съѣзда, т. II, 1908). Реценз.: **М. Грушевскій** (ЗШ, 1909, V, 211).

Грушевський, Марко. Гетьманське гнїздо. Урочища і перекази села Суботова, зібрані в рр. 1897 — 9 (з ілюстраціями). (ЗШ, 1909, V, 5—32).

Дяковичъ, Б. Старъ гробъ надъ село Изворъ (ПС, 1909, LXX, 156—158).

Жиркевичъ, А. В. Смоленскіе архивы въ 1812 году (Смоленск. Стар., 1909, I, 345—371).

Ивановъ, Й. Български старини изъ Македония. Издава Българското Книжовно Дружество. София 1908. V+310. Реценз.: **Младеновъ, Ст.** (УчПр, 1908, XIII, 914—924).

Кацаровъ, Г. И. По въпроса за похода на Александра Велики къмъ Дунава (ПС, 1909, LXX, 469—472).

Кацаровъ, Г. И. Етнографическото положение на старитѣ македонци. (Минало, 1909, I, 156—175 265—281).

Красноженова, М. Изъ свадебныхъ обычаевъ Енисейской губ.. описаніе свадьбы въ дер. Злобиной (Изв. Вост.-Сиб. Отд. Имп. Русск. Геогр. Общ., 1907, XXXVIII, изд. въ 1909 г., стр. 17—31).

Кревецький, Іван. Галичина в другій половинї XVIII ст. Огляд нових видань. (ЗШ, 1909, V, 33—94).

Левицький, Ів. Ем. Українська библіографія Австро-Угорщини за роки 1887 — 1900. Том I (Роки 1887—1889). У Львові, 1909. 8°. X+290. (=Матеріяли до української бібліографії. Т. І. Видае Бібліографічна Комісія Наукового Товариства імени Шевченка).

Лэже, Л. Славянская миѳологія. Переводъ съ французскаго Б. А. Пасенко (ФЗ, XLVII, 1907, XIV+191+IV). Реценз.: **Крутовскій**, (ФЗ, XLVIII, 1908, II, 2—4); **Марковъ** (ЭО, 1908, LXXVIII, 140—146).

Мосальская-Сурина, Е. А. Памятники старины (въ Минскомъ краѣ). (Минск. Стар., 1909, I, 90—96).

Лекція, прочитанная въ залѣ дворянскаго собр. 27 февр. 1909 г. въ г. Минскѣ.

Мигуновъ, И. В. Рѣдкія русскія монеты съ 1810 до 1910 года, мѣдныя, серебряныя, золотыя и платиновыя, и русско-польскія монеты съ 1815 по 1841 годъ. СПБ. 1909. 8°. 32.

Новицкій, Я. П. Запорожскіе и гайдамацкіе клады. Малорусскія преданія, повѣрья и разсказы. Александровскъ. 1908.

Орловскій, И. И. Борисоглѣбскій монастырь въ Смоленскѣ на Смядыни и раскопки его развалинъ

(Смоленск. Стар., 1909, I, 195—312).

Орловъ, А. Происхожденіе названій русскихъ и нѣкоторыхъ западно-европ. рѣкъ, городовъ, племенъ и мѣстностей. Вельскъ, 1908.

Погодинъ, А. Л. Труды финляндскихъ ученыхъ по изученію финскихъ племенъ Россіи. (Финляндія, 1910, № 1, стр. 1—8).

Подобѣдовъ, В. Бронницкій могильникъ (Сб. Новгор. Общ. Любит. Древн., 1909, II, 28—30).

Покровскій, Н. В. Тридцатилѣтняя годовщина Императ. Археологическаго Института. (ВАИ, 1909, $XVIII/_1$, 15—26).

Покровскій, Н. В. Губернскія ученыя архивныя Коммиссіи. (ВАИ, 1909, $XVIII/_1$, 27—48).

Рѣчь въ торжеств. собраніи Имп. Археол. Института 9 мая 1908 года.

Покрышкинъ, П. П. и Романовъ, К. К. Древнія зданія въ Ѳерапонтовомъ монастырѣ Новгородской губерніи. СПБ, 1908. 8°. 51.

Романовъ, К. Остатки каменныхъ стѣнъ XVII столѣтія въ Тихвинскомъ Богородицко-Успенскомъ монастырѣ Новгородской губерніи. Съ 4 табл. и 9 рис. СПБ, 1909. 8°. 24.

Семеновъ-Тянъ-Шанскій, В. П. Отчетъ о присланномъ по 1 мая 1909 года земскими управами картографическомъ и географическо-статистическомъ матеріалѣ для нуждъ Картографической Коммиссіи И. Р. Г. О. по составленію 40-верстной карты Европейской Россіи (ИГО, 1909, XLV, 717—770).

Скрынченко, Д. В. Памяти перваго предсѣдателя Минскаго церковнаго ист.-арх. Комитета (М. Н. Былова). (Минск. Стар. 1909, I, 147—149).

Сиородскій, А. П. Рѣчь при открытіи Минскаго церковнаго ист.-арх. комитета. (Минск. Стар., 1909, I, 10—27).

Историческій очеркъ земель, вошедшихъ въ составъ нын. Минской губ., и племенной ихъ составъ.

Снитко, А. К. Никольская церковь въ м. Смолевичахъ Борисов. уѣзда. (Минск. Стар., 1909, I, 141—146).

Снитко, А. К. Минскъ въ XVII ст. (Минск. Стар., 1909, I; 80—90).

Соболевскій, А. И. Славяно-русская палеографія. Изд. II. Замѣтка: ЛМС, 1909, I, 85.

—Труды третьяго областного историко-археологическаго съѣзда, бывшаго въ гор. Владимирѣ 20—26 іюня 1906 года. Съ прилож. 49 таблицъ рисунковъ. Изд. владим. учен. архивн. комиссіи. Владимиръ. 1909. 107+580). Реценз: **В. Р—въ.** (ИВ, 1909, дек., 1141—1142).

—Труды Вятской ученой архивной комиссіи 1908 года. Выпускъ II. Вятка. 1909. 19+78+72. Реценз.: **В. Р—въ** (ИВ, 1909, дек., 1140—1141).

Фарфоровскій, С. В. Ногайцы Ставропольской губерніи, Историко-этнографическій очеркъ. Тифлисъ, 1909. 8°. 34.

Флоринскій, Т. и Комаровъ, В. Етнографическа карта на славянството въ Европа. София, Издава Славянска Бесѣда. 1908. Реценз.; **С. Поповъ**, (СлГ, 1909, VII, 24—26).

Ђорђевић, Т. Р. Неколико старих српских записа и натписа. (Стар. 1908. III, 151—159).
отъ 1633—1841 гг.

Шишковъ, С. Н. Българи край Мраморно море. Етнографски бѣлѣжки (РодНапр, 1908, V, 243—255).

Шишковъ, С. Изъ източнитѣ склонове на Родопитѣ, Етнографски бѣлѣжки за селото Голѣмъ—Дервентъ, Софулійска кааза (Род Напр, 1908, VI, 113—120).

Шляпкинъ, И. А. Возрасты человѣческой жизни (ВАИ, 1909, XVIII/$_1$, 49—85).

Яворскій, Ю. А. Omne vivum ex ovo. Къ исторіи сказаній и повѣрій о яйцѣ. Кіевъ, 1909. 8°. 22.

Borwiński, Bohdan. Pieczęcie książąt halicko-włodzimierskich z pierwszej połowy XIV wieku. (Uwagi krytyczne z powodu pracy A. Lappo-Danilewskiego: Pieczati posljednich Galiczsko-wladimirskich kniaziej i ich sowietnikow. S.-Pietersburg 1906). (Wiad. n.-arch., 1909, VI, 99—104; VII, 127—130).

Behrend, Walter, Rostock und Wismar. Leipzig, Klinkhardt u. Biermann, 1909. (Stätten der Kultur, M. 3).

Behrsin, L. Land und Volk der Russen. Deutsche Aufsätze über russische Verhältnisse. (Deutsche Autoren Bd. V) Kiew, Selbstverlag, 1910. 8°. 130+50.

Brensztejn, Michał. Przyczynek do bibliografii pieniędzy papierowych w Polsce (Wiad. n.—arch., 1909, VI, 94—97).

Bretholz, B. Das mährische Landesarchiv. Seine Geschichte, seine Bestände. Brünn, Verlag des mährischen Landesausschusses, 1909. 4°. VII+161. Реценз.: **Th. Ilden** (GGA, 1909, CLXXI, 416—421).

Bruckner, W. Hermannstadt in Siebenbürgen. Leipzig, Klinkhardt und Biermann, 1909. (Stätten der Kultur M. 3—).

Bünker, J. R. Das Bauernhaus der Gegend von Köflach in Steiermark. (WS, 1909, I, 121—164).

Cozzi, E. Malattie, Morte, Funerali nelle Montagne d'Albania, (Anthr., 1909, IV, 903—918).

Czynski Edward. przy współpracownictwie **T. Tillingera** Etnograficzno statystyczny zarys liczebności i rozciedlenia ludności polskiej. Wydanie II. Warszawa, 1909. Рец.: **I. B.** (BiblWarsz, 1909, IX, 611—612).

Dehn, Paul. Die Völker Südosteuropas und ihre politischen Probleme. Halle, Gebauer-Schwetschke, 1909. 8°. 98. (mit einer Kartenskizze) (=Angewandte Geographie, Hefte zur Verbreitung geograph. Kenntnisse in ihrer Beziehung zum Kultur-und Wirtschaftsleben, hgb. von H. Grothe, III Serie, 8 Heft). Реценз.: **G. W<ei>g<an>d** (LCBl, 1909, LX, 1457).

Durham, M. E. High Albania. London., 1909. 8°. 364.

Gelzer, H. Byzantinische Kulturgeschichte. Tübigen 1909. Реценз.: **Ст. Ст.** (ЛМС, 1910, II, 57—58).

Graeter, K. Führer durch die polnische Schweiz. Lissa, Eulitz, 1909. 8°. 14 mit Abb. u. 1 farb. Karte.

Graeter, K. Führer durch das Westposener Wald-und Seengebiet. Lissa, Eulitz, 1909. 8°. VIII+78 p. mit Abbildungen, Titelbild u. farb. Karte.

Gubo, Angr. Geschichte der Stadt Cilli vom Ursprung bis auf die Gegenwart. Mit Stadtplan und vielen Abbildungen. Graz, Moser, 1909. 8°. VIII+481.

Gumowski, M. Przyczynek do medali hetmana Jana Zamojskiego. (Wiad. n.-arch., 1909, III, 46—48).

Hanslik, E. Biala, eine deutsche Stadt in Galizien. Geographische Untersuchung des Stadtproblems. Unter Mitwirkung von Dr. **F. Farny.** Teschen, Prochaska, 1909. 8°. XI+264.

Hensel, A. Masuren. Ein Wegweiser durch das Seengebiet und seine Nachbarschaft. 5. Auflage. Königsberg, Hartung, 1909. 8°. 102+XIV.

Hensel, A. Samland. Ein Wegweiser für den Strand u. das Innere. 5. verbess. Aufl. Königsberg, Hartung, 1909. 8°. 105.

Hirt, Herman. Die Indogermanen, ihre Verbreitung, ihre Urheimat und ihre Kultur. I—II. Strassburg 1905—7. Реценз.: **М. Грушевський** (ЗШ 1909, V, 204—205).

Jabłonowski, A. Podlasie. Реценз.: **Ignacy Baranowski** (BiblWarsz, 1909, IX. 609—611).

Jaffé, M. Die Stadt Posen unter preussischer Herrschaft. Ein Beitrag zur Geschichte des deutschen Ostens. Verfassung und Verwaltungsorganisation der Städte, Bd. III, 2-ter Teil. Im Auftrage des Vereins für Socialpolitik hgb. von Ludwig Bernhard. Leipzig, Duncker u. Humblot, 1909. 8°. XIV+453. Реценз.: **Markull** (LCBl, 1909, LX, 1300).

Ippen, Theodor A. Skutari u. die nordalbanische Küstenebene. Mit 24 Abbild. Zur Kunde d. Balkanhalbinsel. Reisen u. (=Beobachtungen v. Carl Patsch. Heft V). Sarajevo Kajon. 1907. 8°. 83. Реценз.: **E. Gerland** (BphW, 1908, XXVIII 971—972); **O. Nemeček** (Anthr, 1909, IV, 540—541).

Kamiński, Zb. Pierwotni Słowianie, ich dzieje i obyczaje. Plemiona słowiańskie. Tworzenie się państw słowiańskich. Z mapą pierwotnej Słowiańszczyzny. Ser. IV № 14. Warszawa, Arct., 1909. 8°. 40.

Kašpar, Jan. Pohádky škádlivky (ČL, 1910, IV, 188—192).

Klinger Witold, Do wpływów starożytności na folklor. (Lud, 1909, XV, 188—199).

Krček, Fr. Teorya Peiskera o niewoli prasłowiańskiej w świetle krytyki. (KwH, 1908, XXII, 640—657). Реценз.: **Matusiak S.** (Lud, 1909, XV, 153).

Krobath, K. Das Kärntnervolk in seinen Gebräuchen. Klagenfurt, J. Heyn. 1909. 8°. IV+129.

Loziński, Władysław. Życie polskie w dawnych wiekach Реценз.: **I. Крипякевичъ** (ЗШ, 1909, V, 213—215).

Lux, Jos. Dalmatien, das Land der Vergangenheit und der Zukunft. (NS, 1909, Dezember II, 588—595).

Majkowski. Chaty podcieniowe Przyczynek do historyi budownictwa ludowego na Kaszubach w Skorzewie (Gryf, 1909, I, 198—202).

Matusiak, S. Olimp polski podług Długosza (Lud, 1908, XIV, 19—89).

Matusiak, S. Dodatek do «Olimpu polskiego» (Lud, 1908, XIV, 205—325).

May, K. Przez kraj Szkipetarów. Powieść podróżnicza. Warszawa-Lwów, 1909, 8°, 467+2. (Nakł. u Przez lądy i morza).

Meyer, Eduard. Geschichte des Altertums. Zweite Auflage. Реценз.: **M. Грушевський** (ЗШ, 1909, V, 207—208).

Nawalany, J. Opis wesela w Juszczynie (Lud, 1908 XIV, 378—396).

Niederle, L. Slovanské starožitnosci I, II *(выше II)* Реценз.: **Goyski** (SS, 1908, III, 2, 318—320), **Brückner** (Książka, 1908, VIII, 12—13).

Osiński, K. M. Runy slowiańskie u ludu. (Lud, 1909, XV, 220—223).

Otto, A. Die Hohe Tatra nebst den wichtigsten Touren in den Westkarpaten. 7-te Auflage. Mit 5 Karten, Berlin. Goldschmidt 1910. 8°. VIII—248. (=Griebens Reiseführer Bd. 47).

Patsch, C. Archaeologisch-epigraphische Untersuchungen zur Geschichte der römischen Provinz Dalmatien. 7-ter Teil. Wien, Holzhausen 1909.

Peisker, J. Beziehungen *(выше II 381)* Реценз.: **A. Brückner** (KwH, 1908, XXII, 693—697).

Posta, Bèla, Archaeologische Studien auf russischem Boden. 2 Bände. 600. Gr. 4°. (mit 340 Abb. im Text). (=Dritte Asiatische Forschungsreise des Grafen Eugen Zichy Bd. III u. IV). Leipzig. Hiersemann, 1909. 50 Mk.

Rhamm, K. Ethnograhische Beiträge zur germanisch-slawischen Altertumskunde. II Abt.: Urzeitliche Bauernhöfe im germanisch-slawischen Waldgebiet, I Teil. Braunschweig, Vieweg, 1908. Gr. 8°. XXXII+1117. 42 M. — Реценз.: **Anonymus** (LCBl, 1909, LX, 1453—1454).

Rieger, Zad. Rakoušti slované a Madaři. Z frančtiny přeložil Bedřich Stěpánek. Súvodem Dr. Zd. V. Tobolky. 1906 (ND, 1910, IV, 314—315).

Rostafinski, J. O pierwotnych siedzibach i gospodarstwie Słowian w przedhistorycznych czasach. (SprAk Kr, XII, 1907, 3, 6—25. То же. Les demeures primitives des Slaves et leur économie rurale dans les temps préhistoriques, (AnzKrAk, 1908, 6—7, 89—115). Реценз.: (ŚS 1908, IV, 2, 824—825). **J. Janko,** (NarV, 1908, III, 132—133); **L. N⟨iederle⟩.** (ČCH. 1908, IV, 471).

Rozum, K. Babi večer. Baby jdou! (se svyobrażenimi) (ČL, 1910, IV, 192—193).

Schirkoff, A. Étude ethnographique sur les Slaves de Macédoine. Paris, Gauthier — Villars, 1909. 8° 93. Реценз.: **Rajko Nachtigall** (Anthr. 1909, IV, 830—832).

Schlesinger, M. L. Land und Leute in Russland. Berlin-Schöneberg. Langenscheidt, 1909. 8°. 556. Langenscheidts Sachwörterbücher.

Schmitz, Hans. Schlesisch-polnische Grenzfehden. Ein Beitrag zur Geschichte der Ostmark. Rawitsch, Gymnasialprogramm, 1909. 4°. 38.

Schrader, O. Sprachvergleichung und Urgeschichte. I. Jena, 1906. Реценз.: **M. Грушевський** (ЗШ, 1909. V, 205—207).

Schrader, O. Der Hammelsonntag. Eine Reisestudie aus dem Gouvernement Olonetz. (IF, 1909, XXVI, 297—306. Mit einer Tafel).

Steinmetz, Karl. Von der Adria zum Drin. (Zur Kunde der Balkanhalbinsel hgb. v. K Patsch, Heft VI. 1908). Реценз.: **O. Nemeček** (Anthr, 1909, IV, 540—541).

Strobl, K. Mährische Wanderungen. Brünn. Irrgang. 1909. 132. 8°.

Stowik, J. Die Slawen, dan älteste autochthone Volk Europas. Übersetzt aus dem Russischen. I Teil. Turócz — Sz. Màrton, 1908. Реценз.: **Ł‹oś›** (RczSł, 1909, II, 254). **‹J.› Z‹ubaty›.** (LF, 1909, XXXVI, 79—80).

Ubiory ludu polskiego. Zeczyt II (z 6 tablicami i 22 rycimami w tekście). Kraków, 1909. Nakł. Ak. Um. Księg. Spólki Wyd. Polskiej. Tekst w zeszycie I u II u Ubiorów ludu polskiego, Krakowskie» napisał **Włodzimierz Tetmajer.** On też dostarczył obrazów do tych zeszytów i kierował stroną artystyczną wydawnictwa. 4°. 20+tabl. IX—XIV.

Żunkovič, M. Wann wurde Mitteleuropa von den Slaven besiedelt? Zweite, wesentlich vermehrte Ausgabe. Kremsier 1906. Реценз.: **L. Niederle** (ČČH, 1907, XIII, 185—188).

Żunkovič, M. Wann wurde Mitteleuropa von den Slaven besiedelt? Beitrag zur Klärung eines Geschichts- und Gelehrtenirrtums. 4 umgearb. Ausgabe. Mit einem Verzeichnis sprachlich bereits geklärter Eigennamen nebst mehreren Skizzen und Illustrationen. Olmütz, Tromberger, 1908. 8°. 323.

Wehrhan, K. Die Sage. Leipzig. Heims, 1908. 8°. VIII+162. (=Handbücher zur Volkskunde I Bd). Реценз.: **A. Fischer** (Lud, 1909, XV, 257—260).

Webersfeld, Edw. Iaworów, monografia pistoryczna, etnograficzna i statystyczna (PwN, 1909, IV, 369—384; V, 457—466; VI, 551—564; VII, 649—658; VIII, 741—752; IX, 833—848; X, 903—915).

v. Winterfeldt, G. Schloss Löcknitz. Ein Beitrag zur brandenburgisch-preussischen Geschichte. Prenzlau. Mieck, 1909. 8°. 149.

Б. Исторія славянъ.

Войновичъ, Л. Дубровник и България въ миналото. (ПС, 1909, LXX, 146—155).

Вольдемаръ, А. І. Національная борьба въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ въ XV и XVI вѣкахъ. I—III. (Изв, $XIV/_3$, 160—198).

Гавриловић, Мих. Милош Обреновић. Књига друга (1821—1826) У Београду 1909. 8°. 758. Цена 8 дин. Реценз.: **І. Р‹адонић›** (ЛМС, 1909, V, 72—74) кн. I. У Београду, 1908. 8°.

Геновъ, М. Българската просвѣта въ началото на X вѣкъ (СлГ, 1909, VII, 220—227).

Грујић, Рад. М. Бигамија и полигамија код Срба (ЛМС, 1909, IV, V, 30—43; 49—66).

Грујић, Рад. М. Српске школе (од 1718—1739). Прилог културној историји српскога народа (130 изд. задужбине И. М. Коларца) Београд, 1908. 8°. X+184. Реценз.: **Јов. Радонић** (ЛМС, 1909, V, 70—72); **І. С.** (СКГ, 1909, № 197, стр. 551—553).

Живојновић, Јов. Кроз јужни Банат (путничке белешке и размишљања) (ЛМС, 1909, III, 37—64).

Ивић, Ал. Из историје Срба у Угарској (ЛМС, 1909, II, 20—43; VI, 1909, 20—39; VII, 39—58; VIII, 1—18).

Кашинцевъ, И. Кризисъ въ македонскомъ освободительномъ движеніи (ВЕ, 1908, сент., 72—100).

Остојић, Тихомир. Змај Іован Іовановић и Ђорђе Рајковић. На основу писама и других извора (Оштампано из «Летописа Матице Српске») Нови Сад, 1908 Реценз.: **І. С.** (СКГ, 1909, № 192, стр. 142—145).

Поповичъ-Липовацъ, ген. Македонскія реформы и русско-англійскіе проекты.

Протић, Стој. М. Тајна конвенција између Србије и Аустро-Угарске (један лист из новије историје Србије). (Д, 1909, јан., 11—23).

Радојчић, Ник. О неким господарима града Просека на Вардару. Прилог. српској повесници у XII и XIII веку. (ЛМС, 1909, VII, 1—19; VIII, 1909, 32—40).

Стојановић, К. Економско стање Србије од акупације Босне и Херцеговине до онексије од 1878 до 1908 (Д, 1909, мартъ, 313—348; апр., 8—41).

Станојевић, Ст. Историја Босне и Херцеговине. У Београду, 1909. VIII+96. 8°, Реценз.: **Јован Н. Томић** (СКГ, 1909, № 200, стр. 783—789, № 201, стр. 846—855).

Станојевић, Ст. О јужним Словенима у VI, VII и VIII веку (Глас, LXXX) У Београду 1909. 8°. Реценз.: **Јов. Радонић** (ЛМС, 1909, IV, 61—63).

Шивић, Мил. Из књига старо-ставник. Конст. Бодин-Немања. Фрагменти † Стевана Сремца. (ЛМС, 1909, VI, 1—19).

Шмидтъ, Θеодоръ. Паметниците на българската старина (ПС, 1909, LXX, 413—450).

—Acta historica, res gestas Poloniae illustrantia ab anno 1508 usque annum 1795. Tomus XIII: Acta capitulorum saeculi XVI selecta 1519—1578. Vol. I pars I. Kraków, Ak. Um. 1908. 8°. 360.

— Akta grodzkie i ziemskie z zasów Rzeczypospolitej Polskicj z Archiwum tak zwanego Bernardyńskiego we Lwowie. Tom XX. Lwów, 1909. 4°. XXIV+638. Реценз.: **I. B.** (BiblWarsz., 1909, IX, 613).

Bär, Max, Westpreussen unter Friedrich dem Grossen. Leipzig, Hirzel, 1909, 2 Bände (Publikationen a. d. preuss. Staatsarchiven).

Bartoszewicz, K. Dzieje insurekcyi Kościuszkowskiej. Nakł. Fr. Bondego. Oprawa wedle rysunku H. Uziembły. Wiedeń, 1909. 8°. 365+3 nlb.

Boczyński, Julian. Dzieje Polski ilustrowane. Wydanie drugie poprawione i powiększone. Nakł. Karola Kozłowskiego i Zdzisława Rzepeckiego i Sp. Poznań, 1909. 4° 882.

Borkowski-Dunin, hr. J. Almanach błękitny. Genealogia żyjących rodów polskich. Kraków 1909. 8°. VII+1127.

Bruchmann, K. Die Huldigungsfahrt König Friedrichs I von Böhmen (des Winterkönigs) nach Mähren und Schlesien, (=Darstellungen und Quellen zur schlesischen Geschichte hrgb. vom Verein für Geschichte

Schlesiens Bd. IX). Breslau, Hirt, 1909. 8°. VI+106.

Buzek, Józef. Historya polityki narodowościowej rządu pruskiego wobec Polaków od traktatów wiedeńskich do ustaw wyjątkowych z r. 1908. Реценз.: **I. K.** (SlPř, 1909, XI, 462—463).

Charmatz, R. Oesterreichs innere Geschichte von 1848 bis 1907. I: Die Vorherrschaft der Deutschen; II: Der Kampf der Nationen. Leipzig. 1909. Реценз.: **С. Томашівський** (ЗШ, 1909, V, 215—216); **I. P.** (ЛМС, 1910, II, 60—64).

Bauch G. Geschichte des Breslauer Schulwesens vor der Reformation. 1909. XII. 8°. 313. (=Codex diplomaticus Silesiae, hgb. vom Verein für Geschichte Schlesiens, 29×23,5 cm., Breslau, F. Hirt. Bd. XXV).

Dopsch, Alf. Die ältere Sozial— und Wirt schaftsverfassung der Alpenslaven. Реценз.: **I. Gruden** (IMK, 1909, I—II, 52—55); **Anonymus** (LCBl, 1909, LX, 1358—1359).

Dvosaky, Fr. O starožitném panském rodě Benešoviců. Část I. Benešovicich—vyjinaje rod pánů z Kravař. Brno Реценз.: **V. N.** (ND, 1910, IV, 312—314).

Förster, Fr. Friedrich August II, der Starke, Kurfürst von Sachsen und König von Polen, geschildert als Regent und Mensch. Leipzig, Hartmann, 1909. 8°. V+438. (mit 15 Bildnissen).

Gajsler, J. F. Przeszłość Chorwatów. Część II zeszyt II. Warszawa, Wende, 1909. 8°. 67—149.

Ghica, Albert. L'Albanie et la question d' Orient. Solution de la question d' Orient. Paris, G. Dujarric éditeur, 1908. 298. 8°. Реценз.: **J. M. Јовановић** (СКТ, 1909, № 201, стр. 864—866).

Grabowski, Jad. Stan. Serbowie i Chorwaci wobec aneksyi Bośni i Hercegowiny. Kraków, 1909. Реценз.: **I. R.** (SlPř, 1909, XI, 460).

Gumowski, Maryan. Pieczęcie królów polskich (Wiad. n.-arch., 1909, I, 12—13; II, 32—34; III, 49—50; IV, 64—65; V, 82—84; VI, 104—107; VII, 130—131; VIII, 149—150; IX, 170—171; X, 190—192; XI, 207—208).

Gust, Fr. Codex diplomaticus et epistularis regni Bohemiae. Реценз.: **Volf** (ČMKČ, 1908, LXXXII, 274—276).

Helmoldi presbyteri Bozoviensis cronica Slavorum, ed. II. Post Johannem M. Lappenberg recognovit **Bernh. Schmeidler,** Accedunt versus de vita Vicelini et Sidonis epistola. (Scriptores rerum germanicarum in usum scholarum ex monumentis Germaniae historicis separatim editi). Hannover, Hahn, 1909. 8°. XXX+273.

Jaenicke, H. Die Geschichte Polens, Ein Beitrag zum Verständnis der polnischen Frage. Berlin, Weidmann, 1909.

Jakesch, W. Die Schicksale der blonden Rasse. Die Kämpfe um Böhmen im Spiegel der Weltgeschichte. Zwei Vorträge. Leipzig, Müller-Mann, 1909. 86. 8°.

Kanitz, F. Das Königreich Serbien und das Serbenvolk von der Römerzeit bis zur Gegenwart 2. Bd: Land und Bevölkerung. Durchgesehen und ergänzt von Dr. **B. Jovanović** Leipzig, Meyer, 1909. 8°. IX+595.

Kętrzyński, St. O Królewstwie Wielkopolskiem. Warszawa, 1909.

8°. 25. Реценз.: **Ignacy Baranowski** (BiblWarsz, 1909. X. 173—175).

Kodeks dyplomatyczny Wielkopolski, wydany staraniem Towarzystwa Przyjaciół Nauk Poznańskiego. Tom V, dokumenta z lat 1400—1444. Wydał dr. **F. Piekosiński**. Poznań, 1908. 8°. LXXXIV+844.

— Konstytucya trzeciego maja. Kraków, Nakł. W. Kořneckiego i K. Wojnara, 1909. 8°. 28.

Kopera, Feliks. Notatki do historyi sztuki i kultury w Polsce. Uzupełniona i poprawiona odbitka «Wiadomości numizmatyczno-archeologicznych» z lat 1904—1908. Kraków, 1909. 4°. 78; z 17tablicami i 21 figurami w tekście. Реценз.: **Н. М.** (BiblWarsz, 1909, X, 169—171).

Lobet, Maciej. Kasata zakonu O. O. jezuitów w pierwszym zaborze pruskim. (BiblWarsz, 1909, X, 145—155).

Lommer, X. Die böhmischen Lehen in der Oberpfalz, II. Amberg, Pustet, 1909. 8°. 174.

Łuniński, Ernest. Berek Joselewicz i jego syn. Zarys historyczny z illustracyami w tekście. Warszawa, Nakład i druk Torv. Akc. S. Orgelbranda Synów, 1909. 8°. 136. Реценз.: **Н. М.** (BiblWarsz, 1909, VIII, 380—384).

Mnémon, Stanislas. La conspiration du Cardinal Alberoni. La Franc-Maçonnerie et Stanislas Poniatowski (Fragment). Cracovie.

Morawski, Kazimierz Maryan. Ignacy Potocki i Komisya Edukacyjna (1773—1788). (BiblWarsz, 1909, X, 27—37).

Netzhammer, Raymund. Aus Rumänien. Streifzüge durch das Land und seine Geschichte. Mit dem Bilde des Verfassers, 108 Ill. im Text u. 3 Karten. Einsiedeln, Benziger, 1909, 8°. 432.

Ostaszewski-Barański, K. Panslowista polski—Adam hr. Gurowski. Lwów, Nakl. wydawnictwa «Dziennika polskiego». 1909. Реценз.: **Н. М.** (BiblWarsz, 1909, XII, 559—562).

René, C. Ferdinand I, König der Bulgaren und sein Land 1887—1909. Studie zum Jahrestage der Unabhängigkeitserklärung Bulgariens. Berlin, Glaue, 1909. 51 8°. (mit Bildnis).

Rostworowski, Michał. Dyaryusz Sejmu. Zr. 1380—1831. Tom III: od 19 Kwietnia do 25 maja 1831. Kraków.

Šišić, Ferdo. Dalmacija i ugarsko-hrvatski kralj Koloman. Zagreb, 1909. 4°. 57. Реценз.: **Јов. Радонић** (ЛМС, 1909, VII, 75—77).

Smólski, G. Polszczyzna na Górnych Węgrzech i stosunki polsko-słowackie. (BiblWarsz, 1909, IX, 520—541; X, 81—101).

von Stefanović-Vilovsky, Th. R. Belgrad während des Krieges Oesterreichs und Russlands gegen die Pforte (1787—1792). Беч, 1908. 68. 8°. Реценз.: **М. Т.** (СКГ, 1909, № 192, стр. 146—148); **Ал. Ив.** (ЛМС, 1909, IV, 72—73).

Studnicki, Wł. Geneza upadku Polski (BiblWarsz, 1909, IX, 495—519).

Szelągowski, Ad. Z dziejów współzawodnictwa Anglii i Niemiec, Rosyi i Polski. Lwów, Nakł. Tow. Wydawniczego, 1910. 8°. XIV+316. Реценз.: **Wł. Studnicki**, (BiblWarsz, 1909, XII, 562—566).

Szpołański, Stanisław. Bitwa Grochowska (BiblWarsz, 1909, IX, 449—494).

Winiarz, Al. Archiwum Namiestnictwa we Lwowie (PwN, 1909, VI, 565—576; VII, 659—672).

Witte, H. Mecklenburgische Geschichte, I Bd: Von der Urzeit bis zum ausgehenden Mittelalter. Wismar, Hinstorff, 1909.

Zaleski, I. Panowanie Stanisława Augusta do czasu sejmu czteroletniego. (Dzielo pośmiertne). T. II. Poznań, 1909. 8°. 334.

Zernecke, W. Jacob Heinrich Zernecke, Bürgermeister und Chronist von Thorn (1672—1741). Riesenburg i. Westpr., Engel. 1909. XV+186. 8°. (mit Vollbildern).

Zitzlaff, Vossberg, Karpiński, Preussische Städte im Gebiete des polnischen Nationalitätenkampfes. Verfassung und Verwaltungsorganisation der Städt, Bd. III, 1 Teil. Im Auftrage des Vereins für Socialpolitik hgb. von **Ludwig Bernhard.** Leipzig, Duncker u. Humblot, 1909. XLVI+202. 8°. Реценз.: **Markull,** (LCBl, LX, 1909, 1299—1300).

В. Исторія Россіи.

—Акты, изд. Виленскою Коммиссіею для разбора древнихъ актовъ. Томъ XXXIV: Акты, относящіеся ко времени войны за Малороссію (1654—1667). Вильна, 1909. 4°. LII+588.

—Акты Шведскаго Госуд. Архива, относящіеся къ исторіи Малороссіи 1649—1670 (Архивъ Юго-Западной Россіи. Часть III, т. IV). Кіевъ, 1909. Реценз.: **I. B.** (Bibl Warsz, 1909, VIII, 386—387).

Апостоловъ, Л. Я. Владимиръ Сергѣевичъ Соловьевъ, великій философъ земли русской. Тифлисъ. 1909 8°. 53. Реценз.: **А. Фаресовъ** (ИВ, 1909, дек., 1149—1150).

Апухтинъ, В. О формированіи царемъ Петромъ I-мъ новоприборныхъ рейтарскихъ полковъ (Сб. Новгор. Общ. Любит. Древн., 1909, II, 15—16).

Арнаутовъ, В. А. Кіевская лѣтопись Супрасльскаго сборника. (Къ вопросу о смоленскомъ лѣтописаніи). (Изв, XIV/$_3$, 1—34).

Бахрушинъ, С. В. Памятники исторіи Великаго Новгорода. Москва, 1909. 8°. 87—4.

—Русскій Біографическій Словарь. Бетанкуръ-Бякстеръ. Изд. подъ наблюденіемъ предсѣдателя Имп. Русск. Ист. Общ. А. А. Половцева. СПБ, 1908.

Богдановичъ, А. И. Годы перелома 1895—1906. Сборн. критич. статей. СПБ, 1908.

—Болеславъ-Юрій II, кн. всей Малой Руси. Сборникъ матеріаловъ и изслѣдованій съ 10 табл. СПБ. 1907. *(выше 1355)* Реценз.: **И. Жит.** (ВЕ, 1908, дек. 773—775).

Боткинъ, Е. С. Свѣтъ и тѣни русско-японской войны 1904—5 гг. Изъ писемъ къ женѣ. (ВЕ, 1908, янв., 54—82; февр., 530—560; мартъ, 5—38).

Васильевъ, А. Первая дума и идея международнаго парламента. (ВЕ, 1908, авг., 540—650).

Веретенниковъ, В. И. Исторія тайной канцеляріи Пестровскаго

времени. Харьковъ, 1910. 8°. IV+306.

Веселовскій, Н. Погрѣшности и ошибки при изданіи документовъ по сношенію Русскихъ государей съ азіатскими владѣльцами. (ЖС, 1909, XVIII, 237—268).

Вольтеръ, Э. А. Городъ Мендовга или гдѣ искать Летовію XIII вѣка? (Изв, XIV/$_2$, 95—102).

Ворисъ, А. Э., Готье, Ю. В., Кизеветтеръ, А. А., Якоблевъ, А. И. Памятники исторіи крестьянъ XIV—XIX вѣковъ. Москва, 1909. 8°. 260.

Вучечичъ, Н. Г. Воспоминанія о гр. М. Т. Лорисъ-Меликовѣ. (ИВ, 1909, дек., 940—979).

—Выборгскій процессъ. Иллюстр. изд. СПБ, 1908.

Гершензонъ, М. Историческія записки (о русскомъ обществѣ). Москва. 1909. 8°. 187.

Гершензонъ, М. Исторія молодой Россіи. М. 1908.

Глинскій, Б. Б. Крамола, реакція и терроръ (историческій очеркъ). (ИВ, 1909, дек., 1029—1062).

Глинскій, Б. Б. Борьба за конституцію 1612—1861. Историческіе очерки съ портретами и иллюстраціями. СПБ. 1908. IX+619 стр.

Гнѣвушевъ, А. Отрывокъ изъ писцовой книги Вотской пятины второй половины 1504—5 г., содержащій въ себѣ опись дворцовыхъ земель этой пятины (КУИ, 1909, № 3 и 4).

Голицынъ, кн. Н. Р. По поводу новой книги П. Пирлинга «La Russie et le Saint-Siege» (études diplomatiques), par P. Pierling. Paris. 1907.

Горяиновъ, С. М. Станиславъ-Августъ Понятовскій и вел. кн. Екатерина Алексѣевна. По неизданнымъ источникамъ. (ВЕ, 1908, янв., 5—53; февр., 620—659; мартъ, 39—77).

Градовскій, Г. К. Итоги 1862—1907. Кіевъ, 1908. 8°. 489.

Гусевъ, П. А. Откуда произошло названіе: Ропата? (Сб. Новгор. Общ. Любит. Древн., 1909, II, 12—14).

Гусевъ, П. А. Писцовая книга Великаго Новгорода 1583—84 гг. (ВАИ, 1908, XVII, 1909, XVIII/$_2$, 129—172).

Довнаръ-Запольскій, М. В. Изслѣдованія и статьи. Томъ I: этнографія и соціологія, обычное право статистика, бѣлорусская письменность. Кіевъ. Сапуновъ 1909. 8°. II+486.

Изъ записокъ **кн. П. В. Долгорукова.** Время имп. Петра II и имп. Анны Іоанновны. Переводъ съ франц. М. 1909. 183. Реценз.: **С. Ш.** (ИВ, 1909, дек. 1137—1138).

Дѣдицкій, Б. А. Своежитьевы записки. Ч. II: Взглядъ на школьное образованіе Галицкой Руси въ XIX ст. Львів. 1908. Реценз.: **Ів. Кревецький** (ЗШ, 1909, V, 216—220).

Ефименко, А. Я. Учебникъ русской исторіи. СПБ, Брокгаузъ и Ефронъ. 1909. II+446. 8°.

Учебникъ для старшихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній.

Житецкій, Игн. Литературныя воспоминанія о семидесятыхъ годахъ. П. Кропоткинъ, С. Кравчинскій, С. Синегубъ, В. Дебогорій-Мокріевичъ. (ВЕ, 1908, окт., 598—619).

Загоскинъ, Н. П. Исторія Имп. Казанскаго университета за первыя сто лѣтъ его существованія 1804—1904. Т. IV. Окончаніе части третьей (1819—1827). Казань, 1906. 8°. 692. Реценз.: (ВЕ, 1908, февр. 812—817).

Зезюлинскій, Н. Неравная борьба. Волынскій и Биронъ. По первоисточникамъ. СПБ, 1908.

Иконниковъ, В. С. Опытъ русской исторіографіи Томъ второй. Кн. I—II (*выше I 357*) Реценз.: **Г. З. Кунцевичъ** (Изв, XIV/$_3$, 307—313).

Калюшъ, А. И. Письмо въ редакцію. По поводу воспоминаній А. Ѳ. Кони. (ВЕ, 1908, іюль, 393—394).

Каптеревъ, П. Ѳ. Исторія русской педагогіи. СПБ, О. Богданова, 1910. 8°. VIII+540.

Ключевскій, В. Краткое пособіе по русской исторіи. Изданіе седьмое. Москва, 1909.

Ключевскій, В. Курсъ русской исторіи. Москва. 1908. Часть I. Изданіе 2-е. Часть II. Изданіе 2-е. Часть IV. 1910. 8°, 482.

Ключевскій, В. Курсъ русской исторіи. Часть III. Москва, 1908. 8°. 476. Реценз.: ВЕ, 1909, апр., 800—805.

Ковалевскій, М. М. Портсмутъ. (ВЕ, 1908, іюнь, 473—512).

Ковалевскій, М. М. Александръ Ивановичъ Чупровъ. По личнымъ воспоминаніямъ о покойномъ. (ВЕ, 1908, апр., 773—777).

Кони, А. Ѳ. Отрывки изъ воспоминаній (ВЕ, 1908, май, 5—57).

Котляревскій, Нест. Новыя странички изъ воспоминаній Л. Ѳ. Кони. (ВЕ. 1908, май, 431—436).

Лебедевъ, А. А. Жалованная грамота на помѣстья, данныя Кондратію Осиповичу Скобельцыну въ Новгородскомъ уѣздѣ 1688 года 5 февраля (ВАИ, 1909, XVIII/$_2$, 175—182).

Любавскій, М. К. Историческая географія Россіи въ связи съ колонизаціей. Москва, 1909. 8°. 405.

Малиновскій, I. Начальная страница изъ исторіи русской интеллигенціи. СПБ, М. О. Вольфъ. 1910.

Мельгуновъ, С. Студенческія организаціи 80—90 гг. въ Московск. университетѣ. Москва, 1908.

Мердеръ, Н. И. Изъ далекаго прошлаго (тетушка В. Н. Воейкова), (ИВ, 1909, дек., 219—845).

Миллеръ, Г. П. Отрывки изъ воспоминаній (1909, дек., 887—906).

Бумаги **Николая Назаровича Муравьева.** Изъ архива графа В. В. Муравьева-Амурскаго. (Сб. Новгор. Общ. Любит. Древн, 1909, II, 1—53, съ портретомъ).

Муравьевъ, М. В. Родословецъ: Базанины. (Сб. Новгор. Общ. Люб. Древн., 1909, II, 1—9).

Дипломатическія сношенія Россіи и Франціи по донесеніямъ пословъ императора Александра и Наполеона 1803—1812. Изд. **в. кн. Николая Михайловича,** т. VI. СПБ. 1908. 221+303.

Николай Михаиловичъ, в. кн. Московскій некрополь. Т. 1 и 2. СПБ. 1907—1908. 517+486. Реценз.: (ВЕ, 1908, апр., 805—807).

Николай Михаиловичъ, в. кн. Императрица Елисавета Алексѣевна, супруга имп. Александра I. Т. I. 1908. f°. 486.

Обручевъ, В. Послѣ ссылки. Личныя воспоминанія и замѣтки 1872—1906 гг. (ВЕ, 1908, окт. 304—542).

10 писемъ **граф. Анны Алексѣевны Орловой-Чесменской.** Изъ Засельскаго архива С. Н. Дирина. (Сб. Новгор. Общ. Любит. Древн.. 1909, II, 1—7).

Острогорскій, Викторъ и **Семеновъ, Д. Д.** Русскіе педагогическіе дѣятели. Н. И. Пироговъ. К. Д. Ушинскій. Н. А. Корфъ. Съ портретами. Москва. 1909. 8°. 97. Реценз.: **В. Троцкій** (ИВ, 1909, дек., 1142—1144).

Пановъ, А. М. Рѣчь—13 февр. 1908 г. (300-лѣтіе со дня кончины знаменитаго поборника Православной вѣры и русской народности въ западно-русскомъ краѣ кн. Конст. Конст. Острожскаго). (Минск. Стар, 1909, I, 27—57).

Переселенковъ, С. Педагогъ-идеалистъ 40-хъ гг. Памяти Ф. Неслуховскаго. СПБ, 1908.

Подольскій, И. Губернаторъ-революціонеръ (о Кутаисскомъ губ. Старосельскомъ). (ИВ, 1909, дек., 907—939).

Пыпинъ, А. Н. Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I. Изд. 4. СПБ, 1908.

Рудаковъ, В. Архивъ департамента герольдіи Прав. Сената. Влад. 1908.

Русановъ, Н. С. (Н. Е. Кудринъ). Соціалисты запада и Россіи (Фурье, Марней, Енгельсъ, Лассаль, Жюль Валлэсъ, Моррисъ, Чернышевскій, Лавровъ, Михайловскій). СПБ, 1908.

С—ъ, А. Страница изъ исторіи нашей политики въ Средней Азіи. (ВЕ, 1908, іюнь, 685—698).

Сергѣевичъ, В. И. Реформа университетскаго преподаванія. (ВЕ, 1908, апр., 683—715).

Ѳ. Я. Юзефовичъ (повѣшенъ поляками 1 іюня 1863 г.). Записалъ со словъ сына замученнаго псаломщика **Д. Скрынченко** (Минск. Стар. 1909, I, 135—136).

Смородскій, А. П. Пребываніе Петра Великаго въ Минскѣ. (Минск. Стар., 1909, в. 1, 137—140).

Соболевскій, П. Къ воспоминаніямъ о свящ. Богушевичской церкви Д. Конокасевичѣ [убитомъ поляками въ 1863 г.] (Минск. Стар., 1909, 1, 124—135).

Соколовская, Т. Русское массонство и его значеніе въ исторіи общественнаго движенія. СПБ. 1908. 182. Реценз.: (ВЕ, 1908, іюнь, 830—832).

Письма Вл. Серг. Соловьевъ. Т. I. подъ ред. Э. Л. Радлова. СПБ. 1908. Реценз.: (ВЕ, 1908, дек., 753—756).

Стасюлевичъ, М. М. Изъ учебныхъ тетрадей покойнаго цесаревича Николая Александровича (1862). (ВЕ, 1908, окт., 490—503).

Изъ дневника юности «тридцатыхъ годовъ». **Т. Сѣверцевъ-Полиловъ.** (ВЕ, 1908, іюль, 97—120).

Татищевъ, Ю. В. Мѣстническій справочникъ XVI вѣка. Москва. 1909. 8°.

Тверской, П. А. Американцы о русско-японской войнѣ. (ВЕ, 1908, іюль, 360—364).

Троицкій, Д. И. Русь въ монгольскій періодъ I. Изд. училищнаго совѣта при святѣйшемъ синодѣ. СПБ. 1909. 192. Реценз.: **И. Александровъ** (ИВ, 1909, дек., 1139—1140).

Труды имп. русскаго военно-историческаго общ. Документы и изложеніе полтавскаго періода Сѣвер-

ной войны. 1758—1709 гг. **А. К. Баіовъ** и **Л. Н. Юнаковъ.** 4 тома. 4°. 243 + 258 + 339 + 308. СПБ. 1909. Реценз.: **Л. Н.** (ИВ, 1909, дек. 1133—1136).

Записки **Серг. Ал. Тучкова** 1766—1808. Подъ ред. и со вступ. статьею К. А. Военскаго. СПБ. 1908, Реценз.: (ВЕ, 1908, дек., 759—762).

Уваровъ, А. С., графъ. Сборникъ: Матеріалы для біографіи и статьи по теоретическимъ вопросамъ. Изданъ ко дню 25-лѣтія со дня кончины подъ редакторствомъ гр. П. С. Уваровой Москва, 1910. 4°. 374.

Ушинскій, К. Д. Матеріалы для педагогической антропологіи и матеріалы для біографіи (собраніе неизданныхъ сочиненій) СПБ, 1908. Реценз.: (ВЕ, 1908, дек., 768—773).

Шереметевъ, гр. Пав. О князьяхъ Хованскихъ. М. 1908. 8°. 168.

ф.-Штейнъ, В. И. Иностранцы о Россіи (первое пятилѣтіе царствованія имп. Николая Павловича). (ИВ, 1909, дек., 1099—1132).

—Щукинскій сборникъ, Вып. 7. М. 1907. Реценз.: (ВЕ, 1908, февр. 823—826).

—Щукинскій сборникъ. Вып. 8. М. 1909. 461. Реценз.: **А. Б.** (ИВ, 1909, дек., 1150—1152).

Эсхадзе, С. Штурмъ Гуниба и плѣненіе Шамиля. Историческій очеркъ кавказко-горской войны въ Чечнѣ и Дагестанѣ. Тифлисъ. 1909. Реценз.; **А. Хахановъ** (ИВ, 1909, дек., 1144).

Яковлевъ, А. И. Памятники исторіи смутнаго времени. Москва, 1909. 8°. 101+3.

Barthold, V. W. Die Geschichte der deutschen Hanse. Magdeburg-Leipzig. Denbach u. Lindemann, 1909.

v. Bulmerincq, A. Kämmerei-Register der Stadt Riga 1348—1361 und 1405—1474, herausgegeben von der Gesellschaft f. Geschichte und Altertumskunde der Ostseeprovinzen Russlands. I Bd. Leipzig, Duncker u. Hnmblot, 1909. 8° VIII+336..

Dukmeyer, Fr. Korbs Diarium itineris in Moscoviam und Quellen, die es ergänzen, Beiträge zur moskowitisch-russischen, österreichisch-kaiserlischen und brandenburgisch-preussischen Geschichte aus der Zeit Peters des Grossen-Historische Studien hgb. E. Ebering, Heft 70). Berlin, Ebering, 1909, VIII+462. 8°.

Meleschka, J. Aus Weissrussland. Zur weissrussischen Frage. (UR, 1909, VII, 271—276).

v. Usnadse, D. Die metaphysische Weltanschauung Wladimir Ssolowjows mit orientierendem Überblick seiner Erkenntnistheorie. Ein Beitrag zur Geschichte der russischen Philosophie. Halle. Diss. 1909. 8°. 168.

Wischnitzer, M. Die Universität Göttingen und die Entwickelung der liberalen Ideen in Russland im ersten Viertel des 19. Jahrhunderts. Berlin, 1907. 8°. 221. Реценз.: ВЕ, 1909, апр., 807—809.

von Zepelin, C. Der ferne Osten, Seine Geschichte seine Entwickelung in der neuesten Zeit und seine Lage nach dem russisch-japanischen Kriege. II Teil: Der Amur innerhalb der russischen Grenzen. Die Amurbahn. Das Amurgebiet. Berlin, Zuckschwerdt, 1909. 8°. VIII+183. Реценз.: **V. H.** (LCBl, 1909, LX, 1458).

Г. Исторія церкви.

Апокалипсисъ съ толкованіемъ св. отца нашего Андрея, архіепископа Неокесарійскаго, съ рукописи XIII столѣтія, писанной на пергаментѣ, хранящейся въ библіотекѣ Московскаго Румянцевскаго Музея. Москва, Старообрядч. книгопеч., 1909. 4°. 111 лл.

Рукопись Рум. Муз. № 8 напечатана листъ въ листъ строка въ строку съ соблюденіемъ ореографіи. Книга содержитъ также, кромѣ творенія Андрея, еще и находящіяся въ р-си: 1) слово св. Кирилла Іерусалимск. объ антихристѣ, 2) слово о рождествѣ Господни, 3) Символъ вѣры, Херувимскую и Отче нашъ съ толкованіями.

Баласчевъ, Г. Кореспонденция между Цариградски патриархъ и Охридския архиепископъ отъ XV вѣкъ (Минало, 1909, I, 3—14).

Баласчевъ, Г. Кореспонденция между Охридския архиепископъ и византийския императоръ Мануилъ Палеологъ (1391—1423 гг.) (Минало 1909, I, 123—135).

Бирюковъ, П. Духоборцы. Сборникъ статей, воспоминаній, писемъ и другихъ документовъ. Изд. Посредника. СПБ, 1908. 8°. 236. Реценз.: (ВЕ, 1908, янв. 380—384).

Богословскій, М. Сѣверный монастырь въ XVII вѣкѣ. (ВЕ, 1908, ноябрь, 278—306).

Матеріалы къ исторіи и изученію русскаго сектантства и раскола. Подъ ред. **Вл. Бончъ-Бруевича.** Вып. I. Спб, 1908 Реценз.: (ВЕ, 1908, окт., 786—788).

Бучинськиӣ, Б. Змаганя до уніï руської церкви з Римом въ роках 1498—1506 (ЗТ, 1909, VI, 5—53).

Генеральное слѣдствіе о мѣстностяхъ Черниговскаго полка 1729—1730 гг. Вып. III. Матеріалы для исторіи эконом.. юридич. и обществ. быта старой Малороссіи. изд. подъ ред. **Н. П. Василенко.** Черниговъ, 1909. 8°. XXX+709.

Грујић, Рад. М. Где је основ нашим народно-црквеним соборима? Срем. Карловци 1908. 8. 30, Реценз.: **Јов. Раденић** (ЛМС, 1909, II, 58—60).

Довгялло, Дм. Ив. Пинскій Лещинскій монастырь въ 1588 г. I. Замѣчанія о поименованіи, древнѣйшихъ истор. источникахъ и судьбѣ Лещ. мон., II. Лещинскій мон. по инвентарю 1588 г., III. Инвентарь Лещинскаго мон. 26 дек. 1588 г. (Минск. Стар., 1909, I. 97—124).

—Дѣянія Перваго Всероссійскаго Собора христіанъ — поморцевъ, пріемлющихъ бракъ, происходившаго въ царствующемъ градѣ Москвѣ, въ лѣто отъ сотворенія міра 7417, маія въ дни съ 1 по 12.

Жуковичъ, П. Н. О неизданныхъ сочиненіяхъ Іосафата Кунцевича. (Изв. XIV/3, 199—231).

Жуковичъ, П. Сеймовая борьба православнаго западно-русскаго дворянства съ церковной уніей (съ 1609 г.) четвертый выпускъ (1623—1625 гг.) Спб. 1908. V+173+31. Реценз.: **И. А.** (ИВ. 1909. дек. 1138—1139).

Каптеревъ, Н. Ѳ. Патріархъ Никонъ и царь Алексѣй Михайловичъ. Томъ I. Сергіевъ Посадъ. 1909. 8°. V+524 Реценз.: **В. Мы-**

гицынъ Юр. (Библ., 1909, № 1, стр. 17—18).

Кміт, Юрій. Причинки до історії руського духовного семінаря у Львові від 1837—1851 рр. (ЗШ, 1909, V, 151—158).

Колчинъ, М. Ссыльные и заточенные въ острогъ Соловецкаго мон. въ XVI—XIX вв. Истор. очеркъ. Съ предислов. **А. С. Пругавина.** Москва, 1908. XII+174. Реценз.: ВЕ, 1908, іюнь 832—834.

Краткій практическій уставъ. Уральскъ, Старообр. типогр., 1908. 4°. 134 лл.

Въ послѣсловіи составитель—старообрядческій епископъ Уральскій Арсеній—говоритъ: «Краткій уставъ церковной службы и соблюденія святыхъ постовъ, хотя и не великъ по объему, но для меня, собирателя его, онъ былъ многолѣтнимъ трудомъ: ибо изложить его сразу было невозможно, какъ дѣло весьма затруднительное потому, что часто встрѣчались разнорѣчивыя указанія объ одномъ и томъ же предметѣ по разнымъ книгамъ, такъ что согласить или оговорить ихъ было нельзя, не узнавши отъ искусныхъ уставщиковъ, какъ отправляется церковная служба въ настоящее время. Но и при такомъ предпріятіи я не могъ вскорѣ рѣшить сего вопроса потому, что настоящая практика церковной службы не вездѣ вполнѣ согласуется, и я старался узнать порядокъ церковной службы во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ я бывалъ по какому либо случаю. И Богъ соблаговолилъ чрезъ опытныхъ уставщиковъ провѣрить сей уставъ въ Москвѣ на Рогожскомъ кладбищѣ въ посадѣ Клинцахъ Черниговск. губ., въ Нижнемъ-Новгородѣ черезъ многолѣтняго уставщика, съ юныхъ лѣтъ исполнявшаго сію обязанность еще во Иргизскихъ монастыряхъ до ихъ превращенія въ единовѣріе; въ Казани, Самарѣ, Хвалынскѣ, Вольскѣ, Саратовѣ и Уральскѣ, и какія гдѣ встрѣчалъ разницы между ними, то подмѣчалъ сіе, что иніи или нѣціи дѣлаютъ и иначе. А также при семъ и уставъ и о святыхъ постахъ я написалъ вкратцѣ и небольшое объясненіе самого содержанія церковной службы, гдѣ я не вдавался въ глубокія умозрѣнія, частію и по неспособности на таковой трудъ, но болѣе потому, что для такого великаго дѣла я счелъ себя недостаточнымъ.»

Муравьевъ, М. Сγнодикъ Череменецкаго монастыря (Сб. Новгор. Общ. Любит. Древн., 1909, II, 24—27).

Муравьѐвъ, М. Челобитная прихожанъ Череменецкаго монастыря патріарху Іоакиму (Сб. Новгор. Общ. Любит. Древн., 1909, II. 17—23).

Поповъ, Н. П. Соборы патріарха Іоакима на митрополита Смоленскаго Симеона. (Смоленск. Стар., 1909, I, 313—343).

Рѣдковъ, Н. Преп. Авраамій Смоленскій и его Житіе, составленное ученикомъ его Ефремомъ. Опытъ историко-литературнаго изслѣдованія. (Смоленск. Стар., 1909, I, 1—176).

Хроника моей жизни. Автобіографическія записи пресв. **Саввы** арх. тверского и кашинскаго т. VI. 1878—1883. Сергіевъ посадъ 1906. Реценз.: (ВЕ, 1908, февр. 828—830).

Стельмашенко, М. А. Слѣды восточнаго христіанства въ Польшѣ. Кіевъ, 1909. 8°. V+272.

Титовъ, А. Проповѣди святителя Димитрія, митрополита Ростовскаго, на украинскомъ нарѣчіи. Москва 1909, 8°. X+134.

Напечатаны: 1) слово въ недѣлю 7-ю по Пасцѣ, 2) слово 1-е на сошествіе св. Духа, 3) слово на св. Троицу, 4) слово въ нед. 27-ю о женѣ сляченной, 5) слово на Успеніе Пресв. Богор., 6) слово на Рожд. Христ., 7) брань св. архистратига Ми-

хаила съ седмиглавнымъ зміемъ, 8) пирамись Иннокентія Гнѣзля.

Хаџија, Н. Одговоръ на тужбу романске митрополије у манастирскј парници. Вршац 1908. 8°. 51. Реценз.: **Р. Р<адонић>** (ЛМС, 1909, II, 63—64).

Abraham, Władysław. Jakob Strepa, arcybiskup halickv (1391—1409). Krakow, 1908. Реценз.: **I. Крипякевич** (ЗШ, 1909, V, 211—213).

Grass, K. K. Die russischen Sekten. II. Band. Die weissen Tauben oder Skopzen, nebst geistlichen Skopzen, Neuskopzen u. a. I. Halfte: Geschichte der Sekte bis zum Tode des Stifters. Leipzig, gr. 8°. 1909. 448. Band 1: Die Gottesleute oder Chlusten *(выше I 363)*, Реценз.: **C. Mirbt** (Hist. Ztschr,. 1908); **Fr. Wegand** (Theol. Lit.-Bl., 1909, № 42); **N. Bonwetsch** (DLZ, 1908, Nr. 17); **F. Kattenbusch** (Theolog. Lit.-Zeitung, 1908, Nr. 7); **F. Kropatscheck** (Theolog. Lit.-Bericht, 1906, Nr. 11 u. 1908, Nr. 14); **P. Rohrbach** (Preuss. Jahrbücher, März 1908); **E. von Schreck** (Christl. Welt, 1908, Nr. 21).

Prignitzer Volksbücher. Hefte zur Heimatkunde der Prignitz hgb. von **J. Kopp.** № 16: **Aue Rich.** Aus der ältesten Zeit des Bistums Havelberg. Pritzwalk, Tienken, 1909, 16 p. 8°. № 17: **Beilin, Ioh.** Berlinchen. Seine Vergangenheit und seine Umgebung, 1909, 15 p. № 18: **Rudloff, R.** Im Kampfe um die Prignitz, Bilder aus längstvergangener Zeit, 1909, 20 p. 8°. № 19: **Seehaus, F.** Aus alten Meyenburger Kirchenbüchern. 1909, 16 p. 8°.

Kurczewski, Jan. Kosciół zamkowy, czyli Katedra wileńska, w jej dziejowym, liturgicznym architektonicznym i ekonomicznym roswoju. Na podstawie aktów kapitulnych i dokumentów historycznych. Wilno 1908. Nakład i druk Józefa Zawadzkiego. Реценз.: **I. Baranowski** (BiblWarsz, 1909, VIII, 384—385).

Swoboda, Milan. Mistra Jakoubka ze Střibra Překla dviklefora Dialogu. Praha 1909. Реценз.: **S.** (H, 1910, I).

Д. Исторія права.

Баласчевъ, Г. Титлитѣ на старобългарскитѣ господари. (Минало, 1909, I, 79—95).

Баласчевъ, Г. и Ихчиевъ, Д. Привилегиитѣ на раята въ земитѣ, завѣщани на честитѣ градове Мекка и Медина и документи върху тѣхъ. (Минало, 1909, I, 156—156).

Баласчевъ, Г. Върху държавното и военно устройство на старо-българската държава (Минало, 1909, I, 96—117, 203—216, 314—324).

Барвинскій, В. А. Крестьяне въ лѣвобережной Малороссіи въ XVII—XVIII вв. (ЗХУ, 1909, III, 211—296).

Бахрушинъ, С. В. Духовныя и договорныя грамоты князей великихъ и удѣльныхъ. Москва, 1909. 8°. 148+4.

Бобчевъ, С. История на старобългарско право. (Лекции и изслѣдования) София. 560. 8°.

Веселовскій, Б. Исторія земства за сорокъ лѣтъ, т. I. Спб. 1909.

Веселовскій, С. Б. Семь сборовъ запросныхъ и пятинныхъ денегъ въ первые годы царств. Михаила Θеодоровича. М. 1909. 233. Реценз.: **Т.** (ИВ, 1909, дек., 1137).

Готье, Ю. Акты относ. къ исторіи земск. собб. *(выше II 388)* Рененз.: **Б. М. Сыромятниковъ** (ЮрБибл, 1909, № 1 стр. 5—6).

Демченко, Г. В. Изъ исторіи судоустройства въ древней Россіи (ЗОИФП, 1909, IV, 151—213).

Заусцинскій, П. Кодификація военнаго права въ связи съ исторіей развитія русскаго войска до реформъ XIX вѣка. СПБ, 1909. 8°. 547.

Ихчиевъ, Д. Турскитѣ вакъфи въ българското царство и документи върху тѣхъ (Минало, 1909, I, 239—264).

Ихчиевъ, Д. Привилегиитѣ на християнитѣ—рая въ частнитѣ султански земи (хассъ-муката карпелери). (Минало, 1909, I, 135—141).

Ключевскій, В. Боярская дума древней Руси. Изд. четвертое. Москва, 1909.

Корфъ, С. А. баронъ. Исторія русской государственности. Томъ I. СПБ, 1908. 8°.

Лазаревскій, А. М. Малороссійскіе посполитые крестьяне (1648—1783). Ист.-юрид. очеркъ. Кіевъ. 1908. Реценз.: **Игн. Ж—кій** (ВЕ, 1908, сент., 380—381).

Новаковић, Ст. Византијски чинови и титуле у српским земљама XI—XV века (Глас, LXXVIII). У Београду 1908. 8°. 178—279. Реценз.: **І. Р<адонић>** (ЛМС, 1909, II, 60—63).

— Опись документовъ и дѣлъ, хранящихся въ Сенатскомъ архивѣ. Отд. II. Томъ I: 1797 г.—мартъ 1801 г. Спб, 1909. 8°. 98.

— Сенатскій Архивъ. XIII. 1: Протоколы Правит. Сената по Секретной экспедиціи 1764 и 1765 гг. 2: Указы и повелѣнія имп. Екатерины II за іюль—декабрь 1763 и январь 1764 г. Спб, 1909. XXXVIII+614.

Слабченко, М. Е. Малорусскій полкъ въ административномъ отношеніи. (Историко-юридическій очеркъ). Одесса, 1909. 8°. 436+III.

Тарановскій, Θ. В. Норманская теорія въ исторіи русскаго права (ЗОИФП, 1909, IV, 1—43).

Aghte, Ad. Ursprung und Lage der Landarbeiter in Livland (Zeitschr. f. die gesammte Staatswiss. Ergänz-Bd. XXIX. auch separat): Tübingen, Lapp, 1909, XII+158 8°. Реценз.: **F. Mendelson,** (DLZ, 1909. XXX, 2866—2867).

Goetz, L. K. Russkaja Pravda (Das russische Recht). Aus dem altrussischen übersetzt, mit Anmerkungen. Bonn. Festprogramm 1909. 4°. 36.

Kapras, J. Pozůstatky knih zemského práva knižectví Opavského (Hist. Archiv České Akad, XXXI, 258).

Markowitsch, Laz. Die Grundbesitzverhältnisse in Serbien nach Duschans Gesetz. Stuttgart, 1909. Реценз.: **В. Ћоровић** (СКГ, 1909, № 199, стр. 713—714).

Radzimiński, Z. L. O tożsamości tytułow kniaź i książe w dawnej Rzeczypospolitej. Lwów..

Akten und Recesse der livländischen Ständetage mit Unterstützung

der baltischen Ritterschaften und Städte hgb. von **Oskar Stavenhagen**, Bd. III. (1494—1535). Bearbeitet von **L. Arbusow**, 3 u. 4 Lief. (p. 321—640) Riga, Deubner, 1909. 8⁰.

— Monumenta medii aevi historica, res gestas Poloniae illustrantia, tom. XVIII: Acta capitulorum, nec non indiciorum acclesíasticorum selecta, edidit **B. Ulanowski**. Vol. III, pars I. Kraków, Ak. Umiej., 1908. 8⁰. 388.

Е. Исторія искусства.

Баласчевъ, Г. Цвѣтни образы на старобългарски боляри (Художественъ памятникъ отъ 1259 год). (Минало, 1909, I, 219).

Варнеке, Б. В. Исторія русскаго театра ч. 1: XVII-й и XVIII-й вѣка. Каз. 908.

Васильева, Н. С. Отрывки воспоминаній. Московскій періодъ. 1869—1878. (Ежег. Имп. театр., 1909, 1, 1—8).

Верещагинъ, В. «Англійское серебро въ царскихъ хранилищахъ по книгѣ E. Alfred Jones: The old Englisch Plate of the Emperor of Russia, Лондонъ, 1909. Съ 5 снимками. (СтГ, 1909, дек., 689—693).

Гусевъ, П. А. О лунѣ подъ крестомъ на куполахъ русскихъ церквей. (Сб. Новгор. Общ. Любит. Древн., 1909, II, 7—11). 7.

Жиркевичъ, А. В. Вас. Вас. Верещагинъ. По личнымъ воспоминаніямъ. (ВЕ, 1908, апр., 496—532; май, 157—190).

Каратыгинъ, В. Римскій-Корсаковъ. Въ портретахъ. (Ежег. Имп. театр., 1909, т. I, 39—76).

Клейнъ, Владиміръ. Матеріалы для исторіи храмовъ Россіи (Царскія жалованія церквамъ въ XVII вѣкѣ). (ВАИ, 1909, XVIII/$_2$, 1—47). По документамъ Московскаго Отдѣленія Общаго Архива Министерства Императорскаго Двора.

Коптяевъ, А. Исторія новой русской музыки въ характеристикахъ. Выпускъ I—II. Чайковскій. СПБ, 1909.

Лебедевъ, А. Свѣдѣнія о первоначальномъ построеніи Аничкова Дворца, на Адмиралтейскомъ острову у Аничкова моста по Невской перспективной дорогѣ на мѣстѣ усадьбы и огородовъ купца Дмитрія Лукьянова. (ВАИ, 1909, XVIII/$_2$, 173—174).

Николай Михайловичъ, в. кн. Русскіе портреты XVIII и XIX стол. т. V. в. III. СПБ. 1909. Рец.: **С. Ш.** (ИВ, 1909, дек. 1136).

Тарасовъ, Н. Г. «Цвѣтковская галлерея въ Москвѣ». Съ 41 воспроизведеніемъ. (СтГ, 1909, дек., 657—688).

Тимофеевъ, Гр. Вл. Вас. Стасовъ. Очеркъ жизни его и дѣятельности. (ВЕ, 1908, февр. 445—475, мартъ, 191—226, апр. 618—646; май, 64—100).

Успенскій, А. Оперный домъ (Императорскій китайскій театръ въ Царскомъ селѣ). Съ 4 снимками. (Ежег. Имп. театр., 1909, III. 37—41).

Успенскій, А. И. Очерки по исторіи русскаго искусства. Русская живопись до XV в. включительно, т. I. Реценз.: **Влад. Клейнъ** (СтГ, 1909, дек. 706—707).

Успенскій, А. И. Царскіе иконописцы въ XVII вѣкѣ (ВАИ, 1908, XVII, ; 1909, XVIII,48—128).

Belović-Bernadzikowska, J. Erotski moment v jugoslovanskih narodnih vezilnih ornamentih. (S, 1909, VII, 11—14. 92—94).

Chybinski, Adolf. O metodach zbierania i porządkowania melodji ludowych. Z 2 tablicami, Lwów, Nakł. Tow. ludoznawczego, 1907. 8°. 31.

Daničić, Ljuba T. Erotische Einschläge in den Stickornamenten der Serben. Eine folkloristische Studie (Mit siebzehn Abbildungen). Leipzig, 1909. Рецenз.: **Тих. О.** (ЛМС, 1910, II, 66—67).

Kuhač, F. Š. Osobine narodne glazbe naročito hrvatske (Rad, 1908, CLXXIV, 117—236).

von Riesemann, O. Die Notationen des altrussischen Kirchengesanges. Leipzig. Breitkopf u. Härtel, 1909. 8°. XI+122, mit 12 eingedruckten Tafeln. (=Publikationen der intertionalen Musikgesellschaft, Beihefte, II Folge, Heft VIII).

IV. Исторія славяновѣдѣнія.

—Русскій біографическій словарь. Бетанкуръ-Бястеръ. Спб. 1908.

Стефанъ С. Бобчевъ, Животъ, общественно-книжовна дѣятельность и показалецъ па по-главнитѣ му научно-книжоени трудове. София, 1909. 8°. 20.

В. В. Б. Антоновичъ. Некрологъ. (ВЕ, 1909, апр., 864—866).

А. И. Введенскій. Некрологъ (ИВ, 1909, дек., 1202—1203).

Вукова преписка, књига трећа (Државно издане). Београд штампано у државној истампариј Красв. Србијс 1909. 8°. XXVI—802. Ц. 10 дин. Рецenз.: **Јов. Радонић** (ЛМС, 1909, VI, 65—76).

Гершензонъ, М. О. И. В. Кирѣевскій (ВЕ, 1908, авг., 613—639).

Грујић, Рад. М. Књижевна писма митрополита Стефана Стратомирьвића. У Срем. Карловцима. 1908. 8°. 30. Рецenз.: **Јов. Радонић** (ЛМС, 1909, II, 56—58).

Корреспонденція **Якова Головацького** в лїтах 1835—49. Видав Др. **Кирило Студинський.** У Львові 1909. 8°. CXXVIII+463 (=Збірник Фильолог, секціе наук. товариства имени Шевченка, XI—XII).

Даниловъ, В. З. «Кіевлянинъ» М. А. Максимовича, (Литературно-библіографическіе матеріалы. (Изв, XIV/$_3$, 286—306).

—Сборникъ въ честь **В. О. Ключевскаго,** изданный ко дню его пятидесятилѣтняго юбилея. Москва, 1909. 8°.

Мироновъ, А. А. Изъ жизни археологическихъ учрежденій. (ИВ, 1909, дек., 1063—1071).

Между проч. о † Ю. Г. Гендуне и Н. В. Покровскомъ.

С—ћ, М. Автобиографија Симе Матавуља (ЛМС, 1909, V, 67—69).

С. † К. Ѳ. Радченко. (РодНапр, 1908, VI, 26—28.

Тарановскій, Θ. В. Списокъ ученыхъ трудовъ Θ. И. Леонтовича (ЗОИФП, 1909, IV, стр. I—V).

Францевъ, В. А. Польское славяновѣдѣніе конца XVIII и первой четверти XIX столѣтія 1906. Реценз.: **Č‹erny›** (SlPř, 1908, X, 142—143).

Францевъ, В. А. Къ біографіи В. А. Мацѣевскаго (ЗОИФП, 1909, IV, 204—254).

Bobrow, E. † Vladimir Bobrow. (AslPh, 1908, XXX, 479—480).

Francev, V. A. Korrespondence Josefa Dobrovského. Díl II: Vzájemné dopisy Dobrovského a J. S. Bandtkeho z let 1810—1827. V Praze 1906. Lex. XXXVI+213. Реценз.: **Wagner** (ČMKČ, 1908, LXXXII, 142—145).

Zbornik u slavu Vatroslava Jagića. Jagic—Festschrift. Реценз.: **Janko, Jos.** (SlPř, 1909, XI, 454—456).

Jagić, V. Wladislaw Nehring, (AslPh, XXX, 1909, 476—479).

Krebs, H. W. R. Morfill † (AlPh, 1910, XXXI, 479—480).

Stromata in honorem **Casimiri Morawski.** Cracoviae 1908. (Księga jubileuszowa ku uczczeniu 30 letniej pracy prof. Kazimierza Morawskiego). Реценз.: **Ks. I. Nowakowsk** (PдP, 1909, VIII, 109—114).

Radics, P. von. Iohann Weikhard Freiherr von Valvasor. Реценз.: **I. G.** (JMK, 1909, V—VI, 188).

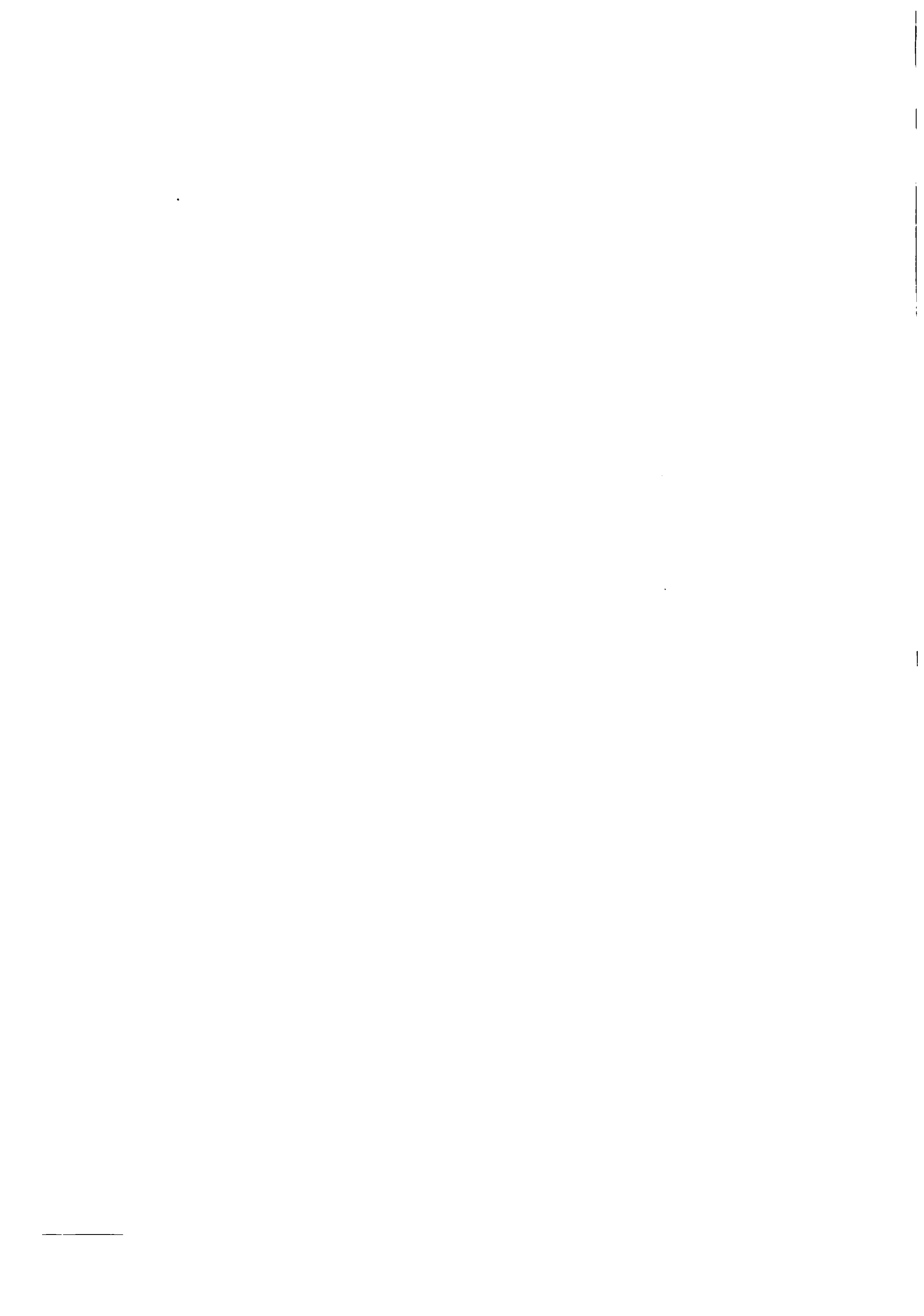
Streitberg, W. Karl Brugmanns Schriften, 1871—1909. (IF, 1909, XXVI, 423—440).

Zagorsky, V., François Rački et la renaissance scientifique et politique de la Croatie (1828—1894). Thése. Paris, Hachette et Cie, 1909. 8°. VI+259. Рец.: **Ник. Радојчић,** (ЛМС, 1909 VIII, 59—65).

ПОПРАВКА

къ статьѣ П. Д. Драганова «О германизмѣ *выглядитъ* въ Русскомъ языкѣ», помѣщенной въ 1 книгѣ XIV тома «Извѣстій» за 1909 годъ.

Напечатано.	*Должно быть.*
1) На стран. 200 въ «Примѣчаніи» стр. 128	198
2) Тамъ же Б. П. Драгановъ	В. П. Драгановъ



Указатель именъ авторовъ

къ «Обзору трудовъ по славяновѣдѣнію» за 190$^{8}/_{9}$ годы.

Отъ Императорской Академіи Наукъ.

Въ виду исполняющагося 8 ноября 1911 года двухсотлѣтія со дня рожденія великаго Русскаго ученаго Михаила Васильевича Ломоносова, Императорская Академія Наукъ доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія, что при Академіи существуютъ преміи за ученое жизнеописаніе Ломоносова, присуждаемыя на нижеслѣдующихъ основаніяхъ:

На преміи за ученое жизнеописаніе Ломоносова назначается 4.000 руб. Изъ нихъ 2.000 руб. образуютъ большую премію, а остальные 2.000 руб. образуютъ четыре малыхъ преміи, по 500 руб. каждая [1]).

Большая премія присуждается за ученое жизнеописаніе Ломоносова, съ оцѣнкою его дѣятельности, какъ писателя, ученаго и гражданина.

Въ ученомъ жизнеописаніи Ломоносова должны быть даны полное изображеніе всѣхъ сторонъ его дѣятельности и оцѣнка его трудовъ въ области физики, химіи, минералогіи, геологіи, металлургіи, географіи, статистики, политической экономіи, Русской исторіи, филологіи и словесности, съ изъясненіемъ, въ какомъ состояніи находились эти отрасли вѣдѣнія въ его время, и что именно сдѣлано имъ по каждой изъ нихъ. Въ отношеніи къ заслугамъ Ломоносова по филологіи и словесности должно быть обращено особенное вниманіе на значеніе его въ развитіи Русскаго письменнаго языка.

Малыя преміи присуждаются за сочиненія, обнимающія дѣятельность Ломоносова въ области: 1) физики и химіи [2]), 2) минералогіи, геологіи, металлургіи; 3) философіи и словесности; 4) географіи, статистики, политической экономіи и Русской исторіи.

---

1) Изъ нихъ одна малая премія уже присуждена въ 1907 г. сочиненію Б. Н. Меншуткина „М. В. Ломоносовъ, какъ физико-химикъ“, С.-Пб. 1904.

2) Премія за сочиненіе о дѣятельности Ломоносова въ области физики и химіи уже присуждена указанному выше сочиненію Б. Н. Меншуткина.

На соисканіе премій принимаются оригинальныя сочиненія на Русскомъ языкѣ, какъ печатныя, такъ и рукописныя; сочиненія могутъ быть представлены или самими авторами, или дѣйствительными членами Императорской Академіи Наукъ. Рукописи должны быть четко писаны и съ подписью имени автора или же безъ нея но съ девизомъ и приложеніемъ запечатаннаго пакета, содержащаго имя автора.

Дѣйствительные члены Императорской Академіи Наукъ не имѣютъ права участвовать въ соисканіи премій.

Разборъ ученаго жизнеописанія Ломоносова и присужденіе за него преміи предоставлены Императорской Академіи Наукъ, которою, въ конкурсномъ году, въ январьскомъ засѣданіи Общаго Собранія, назначается коммиссія изъ академиковъ для предварительнаго разсмотрѣнія сочиненій, представленныхъ на соисканіе. На основаніи донесенія этой коммиссіи, присужденіе преміи будетъ произведено въ декабрьскомъ засѣданіи Общаго Собранія Конференціи.

Преміи могутъ быть выданы лишь самому автору или его законнымъ наслѣдникамъ, но не издателю.

Срокомъ представленія сочиненій на соисканіе премій назначается 1 января 1912. Отчетъ о присужденіи премій будетъ прочитанъ въ годовомъ торжественномъ засѣданіи Академіи 29 декабря 1912 г. и затѣмъ напечатанъ во всеобщее свѣдѣніе.

Всѣ преміи присуждаются только одинъ разъ, и, по присужденіи четырехъ малыхъ премій и одной большой, конкурсъ закрывается.

Апрѣль 1910 г.